САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
SAMARA UNIVERSITY

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»

ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Сборник материалов

второй международной научно-практической конференции,
посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации
(26-28 апреля 2023 года, г. Самара)

Одобрено редакционно-издательским советом федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева»

© Самарский университет, 2023
ISBN 978-5-7883-1993-3

САМАРА
Издательство Самарского университета
2023

УДК 616.61
ББК С53
Ч-391

Рецензент д-р социол. наук, проф. Т.И. Иванова

Председатель редакционной коллегии А.Ю. Нестеров

Редакционная коллегия: Н.В. Авдошина, А.Ю. Агафонов, Е.А Барашкина, В.Ю. Бочаров, Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, А.С. Готлиб, С.В. Егорова, Н.А. Захарченко, А.А. Косицин, Г.В. Кучумова, О.Б. Леонтьева, Ю.А. Разинов, Е.Н. Сергеева, Е.Ю. Сысоева, О.А. Усачева, В.Д. Шевченко

Ч-391 Человек в информационном обществе: сборник материалов второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации (26-28 апреля 2023 года, г. Самара); под общей редакцией А.Ю. Нестерова / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Самарский университет. – Самара: Издательство Самарского университета, 2023. – 1 CD-ROM (7,60. Мб). – Загл. с титул. экрана. – Текст. Изображения: электронные.

ISBN 978-5-7883-1993-3

В настоящем сборнике представлены материалы второй международной научно-практической конференции, посвящённой десятилетию науки и технологий в Российской Федерации. В него включены работы философов, филологов, социологов, психологов и историков Самарского университета, а также исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Владивостока, Грозного, Байкальска, Иваново, Иркутска, Казани, Кирова, Красноярска, Кургана, Нижнего Новгорода, Перми, Самары, Саратова, Тюмени, Тольятти, Томска. Материалы сборника отражают современное состояние теоретико-методологических разработок, эмпирических и прикладных исследований в области социально-гуманитарных проблем развития информационного общества.

Широкая палитра научной тематики статей позволяет адресовать сборник различным категориям читателей: научным работникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется проблемами развития информационного общества

УДК 616.61
ББК С53

Минимальные системные требования:
PC, процессор Pentium, 160 МГц; оперативная память 32 Мб;
на винчестере 16 Мб; Microsoft Windows XP/Vista/7;
разрешение экрана 1024x768 с глубиной цвета 16 бит;
DVD-ROM2-x и выше; мышь; Adobe Acrobat Reader.

© Самарский университет, 2023

Под общей редакцией А.Ю. Нестерова

Редакционно-издательская обработка
издательства Самарского университета

Подписано для тиражирования 04.12.2023 г.
Объем издания 7,60 Мб.
Количество носителей 1 диск.
Тираж 11 дисков.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

443086, САМАРА, МОСКОВСКОЕ ШОССЕ, 34.

Издательство Самарского университета.
443086, Самара, Московское шоссе, 34.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ……..23

РАЗДЕЛ 1.
МЕНЯЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО В ОПТИКЕ СОЦИОЛОГИИ

Е.С. Баева, Самарская городская общественная организация
Исследовательская группа «Свободное мнение»;
О.А. Малаканова, Самарский университет
ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ НКО: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ. .. 24

В.Ю. Бочаров, Самарский университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
ВКЛЮЧЕННОСТЬ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ
В ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ..... 28

М.Н. Грек, Северо-Западный институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ;
В.Н. Градусова, Северо-Западный институт управления –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ЦИФРОВЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ 32

Е.Д. Елагина, Санкт-Петербургский государственный университет
РИСКИ РАЗВИТИЯ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ
НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ..... 38

Г.В. Еремичева, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Центр, исследований социально-трудовой сферы им. Б.Г. Тукумцева,
г. Санкт-Петербург
КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ РЫНКА ЗАНЯТОСТИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ..... 42

Л.Н. Захарова, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
З.Х. Саралиева, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Е.В. Сайгина, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ
(на примере организации оборонно-промышленного комплекса) 47

В.В. Зырянов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Е.И. Нестерова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ
НА СОВРЕМЕННОГО ОНЛАЙН-ПОТРЕБИТЕЛЯ..... 52

Е.Л. Краснова, ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси», г. Минск
МУЗЕЙ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУР 56

С.Ю. Митрофанова, Самарский университет
ОНЛАЙН- И ОФФЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДЕТСКИХ СОЧИНЕНИЙ: РЕФЛЕКСИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА 60

А.М. Михелашвили, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ;
Л.Н. Липатова, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ 65

М.Н. Муханова, Институт социологии ФНИСЦ РАН
ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОГО СЕЛА 70

М.С. Николаев, Казанский (Приволжский) федеральный университет
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ 73

А.О. Оськин, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ;
Л.Н. Липатова, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ НА ФОНЕ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ 78

А.А. Пустарнакова, Самарский университет
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРАКТИК 85

М.И. Равчик, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ 89

Е.Н. Рассолова, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА В ПРОСТРАНСТВЕ КРУПНОГО МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: ВЫСТРАИВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ 94

К.В. Рафикова, Самарский университет
ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕДИАПАМЯТИ 98

А.П. Романова, Белорусская медицинская академия последипломного образования, г. Минск;
О.В. Агиевец, Белорусская медицинская академия последипломного образования, г. Минск
О МЕТОДОЛОГИИ «СЛЕДОВАНИЯ ЗА ДАННЫМИ» В ИЗУЧЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ 102

И.Л. Сизова, Санкт-Петербургский государственный университет
ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ..... 108

С.Н. Фазульянова, Самарский университет
КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ВОПРОСАХ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ:
ПРАКТИКИ ИЗМЕРЕНИЯ И ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ 113

А.Д. Федченко, Самарский университет
ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ
НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ ОАО «РЖД» 119

Чжао Юньхуэй, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ
УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ..... 124

Н.А. Юшкина, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва;
О.В. Крыштановская, Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва
ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ С ОБЩЕСТВОМ 128

Н.У. Ярычев, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТРЕНДОВ 133

РАЗДЕЛ 2.
ТРАНСФОРМАЦИИ АГЕНТНОСТИ: ПРАКТИКИ, АКТОРЫ,
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ

А.В. Богомолова, Самарский университет
ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛЕ УНИВЕРСИТЕТА
КАК СТРАТЕГИЯ АГЕНТНОСТИ 137

С.В. Егорова, Самарский университет
УРОВЕНЬ АГЕНТНОСТИ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ,
ЗАКЛЮЧИВШИХ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 141

И.А. Землянская, Самарский университет;
Е.О. Сойкина, Самарский университет
АГЕНТНОСТЬ В СФЕРЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ПРАКТИКИ ЦИФРОВОГО VERSUS «ЖИВОГО» ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ 148

М.А. Корсун, Самарский университет
«СЛЕПЫЕ ЗОНЫ» И «ПЛОХИЕ РАЙОНЫ»:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ 152

И.Э. Петрова, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Е.И. Дулесин, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ДЕТИ О СЕМЕЙНОМ ОБУЧЕНИИ: НОВЫЕ АКТОРЫ НА ПРИВЫЧНЫХ АРЕНАХ..... 156

О.А. Полюшкевич, Иркутский государственный университет
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЭМОЦИИ ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК:
ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ..... 161

С.А. Сотников, Самарский университет
АВТОЭТНОГРАФИЯ ПАЦИЕНТСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ
СТАНОВЛЕНИЯ АГЕНТНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ..... 165

А.В. Ткачева, Самарский университет;
В.Л. Лехциер, Самарский университет
ПАНДЕМИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ..... 169

О.А. Толпыгина, Самарский университет
Е.А. Рыжкова, Самарский университет
ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯ АГЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОГРАММ БЛАГОУСТРОЙСТВА 174

Е.В. Тыканова, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН;
А.М. Хохлова, Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН
«ВОСПРИНИМАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ»: СОЦИАЛЬНОЕ
КОНСТРУИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ
В НАРРАТИВАХ НИЖЕГОРОДСКИХ АКТИВИСТОВ..... 180

Ю.О. Шекунова, Самарский университет
ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К ПРЕВЕНТИВНЫМ БИОТЕХНОЛОГИЯМ:
ГЕНЕТИЧЕСКОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ПУПОВИННОЙ КРОВИ.....185

РАЗДЕЛ 3.
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ
АКТИВНОСТЬЮ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Р.Г. Ардашев, Сибирский юридический институт МВД России
СУИЦИДАЛЬНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 188

А.С. Богодухова, Самарский университет;
С.В. Егорова, Самарский университет
АКТИВИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ МОЛОДЕЖИ КАК ЦЕЛЬ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МБУ Г.О. САМАРА «САМАРСКИЙ ДОМ МОЛОДЕЖИ» 192

С.А. Бурцев, Министерство образования и науки Самарской области
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ..... 198

Л.В. Вандышева, Самарский университет
ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ «КИБЕРЛЕНИНКИ» 203

И.Н. Вильдина, ГБПОУ «Поволжский государственный колледж»
ЛИДЕРСТВО В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ 207

А.Ш. Галимова, Самарский университет
ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ АГРЕССИВНЫХ ПОДРОСТКОВ 211

Е.А. Колесник, Тюменский индустриальный университет
СТРАТЕГИИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА 214

Ю.А. Кострова, Самарский университет
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ..... 219

Л.В. Куриленко, Самарский университет;
В.А. Славкина, Самарский университет
ФАКТОРЫ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ 223

Л. Мэнюй, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ЦЕННОСТИ, МОТИВЫ И УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 227

Н.А. Птицына, Ивановский государственный университет;
Е.К. Маркова, Ивановский государственный университет
ПРАКТИКИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ 231

И.Р. Рамазанов, ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа»
РЕШЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ 236

А.В. Рыбьякова, Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
М.Т. Гаджиева, Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
И.Н. Тронина, Пермский национальный исследовательский политехнический университет
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ТРУДА 240

М.Е. Соколова, Институт США и Канады РАН
БИЗНЕС-ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ НА МОЛОДЕЖЬ..... 245

М.М. Солтан, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения, г. Минск
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ОНЛАЙН-
И ОФФЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ……...249

В.Н. Стрельникова, Самарский университет;
Л.Н. Пономарева, Самарский университет
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ……..254

А.А. Сулимова, Санкт-Петербургский государственный университет
АКТИВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ…….259

В.Н. Туркова, Иркутский Национальный исследовательский технический университет
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА АНТИКОРРУПЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ……262

РАЗДЕЛ 4.
ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Ю. Агафонов, Самарский университет;
А.П. Крюкова, Самарский университет
КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПРИ РЕШЕНИИ ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧ……..265

А.Л. Александрова, Самарский университет;
А.А. Артемьева, Самарский университет
ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 270

И.В. Антоненко, РГУ им. А.Н. Косыгина;
И.Н. Карицкий, РГУ им. А.Н. Косыгина
СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 274

Л.В. Артищева, Казанский федеральный университет
СОСТОЯНИЯ ОБЩЕНИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ..... 279

С.В. Березин, Самарский университет;
Л.В. Ушаков, IT/digital-компания kt.team;
О.В. Шапатина, Самарский университет
ТРЕНЕР ТВОРЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В IT-КОМПАНИИ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ..... 284

И.М. Богдановская, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
А.Б. Углова, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
Б.А. Низомутдинов, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
В ЦИФРОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ) 291

О.В. Варламова, Самарский университет;
Н.В. Зоткин, Самарский университет
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООТНОШЕНИЕ IT-СПЕЦИАЛИСТОВ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ 296

Г.А. Виноградова, Самарский университет
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ 300

Д.С. Гнедых, Санкт-Петербургский государственный университет;
Е.И. Перикова, Санкт-Петербургский государственный университет;
М.Г. Филиппова, Санкт-Петербургский государственный университет
СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО НАУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ 304

А.А. Гудзовская, Самарский университет
ХАРАКТЕР РАННИХ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ И МАРГИНАЛЬНОСТЬ..... 308

Е.С. Гусева, Самарский университет
СОЦИАЛЬНЫЙ РОБОТ VS ЧЕЛОВЕК:
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ БУДУЩЕГО 313

А.Р. Дотдаева, Санкт-Петербургский государственный университет;
В.Ю. Карпинская, Санкт-Петербургский государственный университет
ВЛИЯНИЕ ИЛЛЮЗОРНОГО КОНТЕКСТА НА ПОИСК РАЗЛИЧИЙ
У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА..... 317

Ю.А. Еделева, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород;
В.А. Демарева, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА И СПОСОБЫ ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ 323

Д.А. Елисеев, Дом творчества детей и молодежи «Гармония»;
Е.Б. Бабошина, Курганский государственный университет
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТАРШЕГО ПОДРОСТКА
В ЦЕЛЯХ ЕГО ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ..... 328

А.А. Золотухина, Самарский университет
РОЛЬ КОНТЕКСТА В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ..... 333

С.В. Зорина, Самарский университет
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ И ЭКСПЛИЦИТНЫХ МЕТОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ 338

Н.В. Зоткин, Самарский университет
И.А. Васягина, Самарский университет
ПРОБЛЕМЫ ВАЛИДИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЦВЕТОВОГО ТЕСТА»
МАКСА ЛЮШЕРА 342

А.Н. Зоткин, Самарский университет;
Н.В. Зоткин, Самарский университет
ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБУЧЕНИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
«ПСИХОЛОГИЯ» 347

А.Н. Зоткин, Самарский университет
МОНТАЖНАЯ КИНОЛЕКЦИЯ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ..... 352

Е.А. Зоткина, Самарский университет;
Г.Г. Николаевская, Самарский университет
ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕРАПЕВТОВ 356

О.А. Камзина, Самарский университет
СОСТОЯНИЯ ТРЕВОГИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА 360

В.Ю. Карпинская, Санкт-Петербургский государственный университет,
ООО «Сова-нянька»;
Т.М. Мамина, Санкт-Петербургский государственный университет;
М.А. Ковбаснюк, ООО «Сова-нянька»
КОРРЕКЦИЯ ТРУДНОСТЕЙ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ РАБОТЕ
НА ПОДВЕСНОМ ОБОРУДОВАНИИ «ДОМ СОВЫ» 364

Е.А. Колесник, Тюменский индустриальный университет
ТРУД СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ
ЦИФРОВИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 371

П.В. Коптев, Самарский университет;
А.В. Бабенко, Самарский университет
ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ГОТОВНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ
В СООТНОШЕНИИ С УРОВНЕМ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 376

О.В. Крамаренко, Самарский университет;
А.Ю. Агафонов, Самарский университет;
А.А. Золотухина, Самарский университет
С.Н. Бурмистров, Самарский университет
ВЛИЯНИЕ МОЩНОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕКСТА
НА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ КАТЕГОРИЗАЦИИ..... 380

К.С. Лисецкий, Самарский университет;
Н.С. Морева, Самарский университет
ФЕНОМЕН «НА КОНЧИКЕ ЯЗЫКА»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРЕДПОСЫЛКИ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ..... 385

Е.В. Литягина, Самарский университет
РЕСУРСЫ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДЛЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА..... 396

Е.В. Митягина, Вятский государственный университет;
И.А. Исакова, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
КРЕАТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВЫХ СЛЕДАХ..... 400

А.А. Наурханова, Самарский университет
ТРЕВОЖНОЕ (ИЗБЕГАЮЩЕЕ) РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ 405

Н.В. Олиндер, Самарский университет
СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРЕССУ ЛЮДЕЙ МОЛОДОГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА..... 410

Е.А. Павлова, Самарский университет
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ТЕМПО-РИТМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ..... 414

Н.И. Романова-Африкантова, Санкт-Петербургский государственный университет
СЕНСОМОТОРНАЯ ОЦЕНКА ЗРИТЕЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СРАВНЕНИИ СО ВЗРОСЛЫМИ..... 419

Н.Ю. Самыкина, Самарский университет;
Е.В. Сидорина, Самарский университет
СВЯЗЬ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА С САМООРГАНИЗАЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ 423

Н.Ю. Самыкина, Самарский университет;
Е.А. Чеверноженко, Самарский университет
ЛИЧНОСТНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ..... 428

М.А. Федорова, Самарский университет
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА БОС ПРИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВАХ..... 433

М.Г. Филиппова, Санкт-Петербургский государственный университет
ПОИСК РАЗЛИЧИЙ В ДВОЙСТВЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ 439

В.В. Шпунтова, Самарский университет
О КАРТИНЕ МИРА И ЦЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ..... 445

Н.Н. Ярушкин, Самарский государственный социально-педагогический университет;
Н.Н. Сатонина, Самарский государственный технический университет
ИНФОРМАЦИОННЫЙ СТРЕСС КАК ФАКТОР ДЕСТРУКТИВНОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СТУДЕНТОВ..... 449

РАЗДЕЛ 5.
ЛИТЕРАТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Ефимов, Государственный университет Флориды
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В РОМАНАХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА «ОЖОГ» И «МОСКОВСКАЯ САГА» 453

Г.В. Заломкина, Самарский университет
КИБЕР-РЕАЛЬНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ 457

В.Н. Иванова, Самарский университет
СЛОВО ЧЕЛОВЕКА И СЛОВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС М. БОТЕВОЙ «МОЙ ПАПА – КОМПЬЮТЕР» И Н. ОВЧИННИКОВОЙ «МОЙ ДРУГ АЛИСА») 462

Е.С. Кабилова, Самарский университет
СОБЫТИЕ И КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННЫХ ПЬЕСАХ О КОММУНИКАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТЕ 467

Г.Ю. Карпенко, Самарский университет
ЦИФРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ РЕСУРСОВ..... 472

В.Н. Лисовицкая, Самарский университет
ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ 478

М.И. Ломакина, Томский государственный педагогический университет
ПОДРОСТОК ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ В СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: ПОЭТИКА ПЕРСОНАЖА В ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАКА О «ПОПАДАНЦАХ» «ВРЕМЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ» 482

Г. Мунджал, Делийский университет (Индия)
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КУРС «ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ» В ДЕЛИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ..... 487

Л.Г. Тютелова, Самарский университет;
Е.Н. Сергеева, Самарский университет;
К.А. Сундукова, Самарский университет
ДИДЖИТАЛ-ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ДРАМАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ)..... 491

РАЗДЕЛ 6.
ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИЯ И ЛИНГВИСТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Е.В. Беспалова, Самарский университет
ДИСКУРС О ЛАНДШАФТЕ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ 495

А.А. Гайнутдинова, Самарский университет
МЕТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ЭВФЕМИЗАЦИИ В РЕКЛАМЕ..... 500

Н.А. Гриднева, Самарский государственный технический университет
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ
ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА 504

Н.К. Данилова, Самарский университет;
Ю.В. Нестерюк, Самарский университет
ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДУЛИ
СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ФРГ. 508

С.И. Дубинин, Самарский университет
«ИНФОРМАТИВНОСТЬ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА НЕМЕЦКО-РУССКОГО
СЛОВАРЯ-РАЗГОВОРНИКА В МИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ 515

М.Ю. Евтеева, Московский городской педагогический университет
ДИАТЕТИЧЕСКИЙ СДВИГ И ПРОЦЕСС КАТЕГОРИЗАЦИИ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ……520

В.М. Зарипова, Самарский университет
КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА 525

Л.Б. Карпенко, Самарский университет
СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ
ПРИ ЦИФРОВОМ ПЕРЕВОДЕ 528

И.Н. Кабанова, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова;
П.А. Трусова, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова
СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ 533

Л.А. Киселева, Самарский университет
ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РАМКАХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА 538

Г.В. Кучумова, Самарский университет;
Н.В. Барабанова, Самарский университет
АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЗЕМЛЕМЕРА
В РОМАНЕ Д. КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР» 542

О.А. Сулейманова, Московский городской педагогический университет
УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ
В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ЛОГИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ. 547

В.Э. Штырова, Самарский университет
ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГЛАВИЙ
СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНОВ 552

РАЗДЕЛ 7.
ЖУРНАЛИСТИКА И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А.П. Аржанов, Самарский университет
ВЛИЯНИЕ RSS И API ИНТЕРФЕЙСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА 556

А.А. Гнутова, Самарский университет;
Н.В. Прядильникова, Самарский университет
СТРУКТУРА САЙТА ИЗДАТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА 560

Л.А. Горшкова, Самарский университет
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА 565

Т.Ю. Депцова, Самарский университет
МОДЕЛЬ ЧИТАТЕЛЯ НОВОГО ТИПА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 570

Е.В. Ермакова, Самарский университет
СОЗДАНИЕ ПОРТРЕТА ПОТРЕБИТЕЛЯ ДЛЯ НАСТРОЙКИ ТАРГЕТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЫ В СОЦСЕТЯХ 574

Т.В. Карелова, Самарский университет
ИНФОТЕЙНМЕНТ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА 578

Д.А. Козлова, Самарский университет
КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ФУД-БЛОГИНГА 582

А.А. Косицин, Самарский университет
ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ ЭПОХИ: ИНТЕРВЬЮ КАК СПОСОБ МИРОПОНИМАНИЯ В XXI ВЕКЕ 585

А.А. Нечитайло, Самарский университет;
С.А. Нечитайло, Самарский университет;
А.С. Никитина, Самарский университет;
О.А. Гнутов, Самарский университет
СОВРЕМЕННЫЙ ИЗДАТЕЛЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ДИАЛЕКТИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ 589

В.В. Трифонова, Самарский университет
ФЕНОМЕН TELEGRAM-КАНАЛА ОБ ИСКУССТВЕ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ 595

Е.В. Шокова, Самарский университет;
И.В. Ахматова, Самарский университет
ИННОВАЦИОННЫЙ МЕДИАДИЗАЙН: ТЕХНОЛОГИИ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ 599

РАЗДЕЛ 8.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ

М.В. Астахов, Самарский университет;
Е.Н. Филимонова, Самарский университет
СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ..... 605

Н.Ф. Банникова, Самарский университет
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ..... 612

Е.П. Баринова, Самарский университет;
Н.Н. Кабытова, Самарский университет
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ..... 617

Л.А. Бурганова, Казанский национальный исследовательский технологический университет;
Г.П. Мягков, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова;
О.В. Юрьева, Казанский (Приволжский) федеральный университет
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ……..622

В.С. Груздинская, Институт всеобщей истории РАН, Москва;
А.С. Шешнёв, Институт всеобщей истории РАН, Москва,
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
МЕЖДУНАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ СВЯЗИ И ОБМЕН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СЛУЧАЙ В.А. АРТИСЕВИЧ 626

Ю.А. Жердева, Самарский университет
ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С МЕДИА В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН..... 632

П.С. Кабытов, Самарский университет
ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГОДА..... 638

О.Ю. Козырь, Российский государственный архив в г. Самаре
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. САМАРЕ В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ АРХИВ – ШКОЛА – ВУЗ 643

М.И. Леонов, Самарский университет
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 649

О.Б. Леонтьева, Самарский университет
«…А ЧТО НЕ ПОДДАЕТСЯ ИЗМЕРЕНИЮ – СДЕЛАТЬ ИЗМЕРЯЕМЫМ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И КВАНТИТАТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ..... 654

В.В. Лукьяненко, школа-интернат № 4 г. Тольятти
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ..... 658

Ю.Н. Смирнов, Самарский университет
ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ..... 662

И.О. Трубицын, Тольяттинский государственный университет
ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЗ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
НА ПРИМЕРЕ ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 667

Я.М. Цыганова, Самарская областная универсальная научная библиотека
ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ
В ЭЛЕКТРОННОМ СБОРНИКЕ «XX ВЕК И РОССИЯ: ОБЩЕСТВО, РЕФОРМЫ,
РЕВОЛЮЦИИ» 671

И.Д. Янцен, Самарский областной историко-краеведческий музей
имени П.В. Алабина
ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ФРОНТОВИКОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ..... 676

РАЗДЕЛ 9.
ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Ю. Астафуров, Самарский университет;
О.А. Малаканова, Самарский университет
ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 680

А.Ю. Березина, Самарский университет;
И.В. Никулина, Самарский университет
ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННУЮ ФОРМУ ОБУЧЕНИЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ 684

И.А. Варламова, Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева, Самарский университет
ФАКТОРЫ АТТРАКЦИИ ПЕДАГОГА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ 690

И.Е. Василевский, Самарский университет;
А.М. Санько, Самарский университет
ОБУЧЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ВОКАЛУ ВЗРОСЛЫХ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 695

Д.О. Ежков, Самарский университет
ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА
ПО УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ..... 700

О.П. Жигалова, ДВФУ, г. Владивосток
ТЕХНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ:
РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ..... 705

Л.С. Зинковская, Самарский университет;
Е.Ю Сысоева, Самарский университет
ПУТИ ОСЛАБЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 710

Д.П. Каризская, Самарский университет;
И.В. Никулина, Самарский университет
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ТРЕВОЖНОСТИ 715

А.И. Киргинцева, Самарский университет;
Т.И. Руднева, Самарский университет
ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ..... 720

Ю.М. Кочеткова, Самарский университет;
А.М. Санько, Самарский университет
РАЗВИТИЕ ГРАМОТНОЙ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОНЛАЙН-ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ 725

Е.А. Кузнецова, Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса
ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫБОР МОЛОДЕЖИ..... 730

В.М. Ладонина, Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева, Самарский университет
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА..... 734

К.Д. Малкова, Самарский университет;
А.М. Санько, Самарский университет
СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА 738

Т.В. Мокрецова, Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева, Самарский университет
ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ «SOFT SKILLS» У СТУДЕНТОВ СПО 743

А.С. Пушкарева, Самарский университет;
А.М. Санько, Самарский университет
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ЭТАПЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ. 748

Е.С. Родионов, Самарский университет;
Н.Б. Стрекалова, Самарский университет
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ АДДИКЦИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС 752

Т.И. Руднева, Самарский университет
РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ..... 757

Н.О. Рыжков, Самарский университет;
И.В. Никулина, Самарский университет
НЕГАТИВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ..... 762

Е.А. Сербаева, Самарский университет,
А.М. Санько, Самарский университет
МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ 766

Н.Б. Стрекалова, Самарский университет
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА 769

Е.Ю. Улендеева, Самарский университет;
Н.Б. Стрекалова, Самарский университет
КАЧЕСТВО ОБУЧЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 774

А.Н. Фалеев, РГУ нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва;
М.Н. Филатова, РГУ нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, г. Москва
ИНФОРМАЦИОННЫЙ МИР: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА 778

РАЗДЕЛ 10.
ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Алексеева, Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва
«РАСШИРЕННЫЙ КИБОРГ» И ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ 783

К.С. Арутюнян, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина
ЦИФРОВОЙ ИНДИВИД КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ 786

Е.Б. Бабошина, Курганский государственный университет
К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ
КАК НОРМЕ СУБЪЕКТНОСТИ В КУЛЬТУРЕ 789

Н.А. Балаклеец, Самарский государственный технический университет
БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО МИРА: РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 794

Е.Д. Богатырева, Самарский университет
ОНТОЛОГИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА У Ж. СИМОНДОНА 798

Д.С. Быльева, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
МЛАДЕНЦЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 802

П.С. Вавилов, Университет Иннополис, г. Казань
ДИСКРЕДИТАЦИЯ СУБЪЕКТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 806

О.В. Власов, Колледж управления и экономики, г. Тольятти
ЗАКОННОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 809

И.А. Гапаров, Самарский университет
ФОРМЫ ПОЛЬЗЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ..... 813

Ю.В. Гатен, Самарский университет;
А.П. Аржанов, Самарский университет
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 818

С.Н. Гринченко, Институт проблем информатики
Федерального исследовательского центра
«Информатика и управление» РАН, г. Москва
ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД..... 821

В.Ю. Даренский, Луганский государственный педагогический университет
ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА: «БИОСОЦИАЛЬНЫЙ АВТОМАТ»
ПРОТИВ ОБРАЗА БОЖЬЕГО 826

И.В. Демин, Самарский университет
ПОНЯТИЕ «АНТИСИСТЕМА» В ПАССИОНАРНОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА
Л.Н. ГУМИЛЕВА 830

А.М. Зотов, Самарский университет
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАРЦИССИЗМ
В РАБОТАХ ЭРИХА ФРОММА 835

А.В. Исаев, Самарский университет
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ТАМОЖЕННИКОВ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ..... 840

И.В. Катерный, МГИМО МИД России,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
ЦИФРОВОЙ ИММОРТАЛИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ
ТРАНСМОБИЛЬНОСТИ И ЛАМИНАЛЬНОСТИ 845

Д.А. Кечаев, Самарский университет
КАНТ, ВИДЕОИГРЫ И КОНЕЦ ВООБРАЖЕНИЯ..... 851

В.Е. Кострюков, Самарский государственный технический университет
«СМЕРТЬ АВТОРА» В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА:
ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕКА И НЕЙРОСЕТИ..... 855

А.А. Кузнеченков, Самарский университет
НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ:
ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПРАВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ
ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 859

Ю.А. Кузовенкова, Самарский государственный медицинский университет Минздрава России
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНДРОМЫ: КЕЙС ЯПОНИИ 865

М.В. Лагутин, Казанский федеральный университет;
Е.М. Николаева, Казанский федеральный университет
ВЕРСИИ ЯВЛЕНИЯ «БИОХАКИНГ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ..... 869

С.А. Лишаев, Самарский университет
СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА: ВОПРОС ОБ ИСТИНЕ И ЗАКАТ ФАУСТОВСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ..... 873

Н.В. Мальчукова, Иркутский государственный университет
МЫСЛЯЩИЙ СУБЪЕКТ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ VS НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ..... 877

Е.М. Николаева, Казанский федеральный университет;
П.С. Котляр, Казанский федеральный университет
МЕДИА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА..... 882

А.А. Погребняк, Университет ИТМО; НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСПОЗИТИВ БЫТИЯ И ФОРМА-ЖИЗНИ 886

А.В. Почикаева, Самарский университет
ПРИВАТНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПУБЛИЧНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИВАТНОГО ПРОСТРАНСТВА. 890

Ю.А. Разинов, Самарский университет
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ТРУДА И ДОСУГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ 893

В.Н. Ростовцев, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения, г. Минск;
В.М. Писарик, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения, г. Минск
«ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА» И ТИПЫ ГУМАНИЗМА..... 898

В.С. Рябов, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка»
ЧЕЛОВЕК В ПАБЕ: ПРАВИЛА ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ
В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ 903

Г.К. Сайкина, Казанский федеральный университет;
Р.Р. Фаизова, Казанский федеральный университет
РЕСЕНТИМЕНТ В «ЦИФРОВОМ ГУЛАГЕ» 908

А.Е. Сериков, Самарский университет
ЗНАЧЕНИЯ СИНСЕТОВ И СИНОНИМЫ КАК ЭКЗЕМПЛЯРЫ. 912

Н.Н. Синяев
БИОЛОГИЗАТОРСКАЯ РИТОРИКА «ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ»
В ИДЕОЛОГИЯХ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА 916

Г.А. Трафимова, Самарский университет
СФЕРА ИТ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ..... 921

Е.О. Труфанова, Институт философии РАН, г. Москва
ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВОГО 925

В.Т. Фаритов, Самарский государственный технический университет
ОБРАЗЫ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ТРИЛОГИИ А. ДЮМА О МУШКЕТЕРАХ..... 930

Е.Н. Фозилзода, Самарский университет
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 935

В.В. Фурсова, Казанский федеральный университет;
Д.Р. Гимадеева, Казанский федеральный университет
ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИНДИВИДА..... 938

К. А. Ходов, Самарский университет
ПРОБЛЕМА МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 943

Л.Л. Чекалов, ООО «Транс-Мобил Спедишн», г. Самара
ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ
И ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ 946

А.В. Юрьева, Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА: КРИЗИС ПРОФЕССИИ ИЛИ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ?.....951

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ…….955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше время – эпоха перемен. Изменяются среды и способы существования человека, процедуры его самопонимания и самосохранения.

Среда обитания человека – вторая и третья искусственная природа – насыщается автономными интеллектуальными системами, «информационное общество» первой трети XXI века – переходная ступень между «индустриальным обществом» и «суперинтеллектуальным обществом творцов». Обсуждение роли и будущего человека немыслимо вне синтеза гуманитарного, технического и естественнонаучного знания. Социально-гуманитарный институт Самарского университета открывает регулярную международную научную конференцию «Человек в информационном обществе», чтобы с позиций конвергенции гуманитарных дисциплин обсудить происходящие с человеком и обществом перемены, найти точки взаимодействия традиции и прогресса, выявить онтологии социальных процессов.

В настоящем сборнике представлены материалы второй конференции, которая состоялась 26-28 апреля 2023 года в Самарском национальном исследовательском университете имени академика С.П. Королева.

Исполнительный директор
социально-гуманитарного института
Самарского университета
А.Ю. Нестеров

РАЗДЕЛ 1.
МЕНЯЮЩЕЕСЯ ОБЩЕСТВО В ОПТИКЕ СОЦИОЛОГИИ

Е.С. Баева, Самарская городская общественная организация
Исследовательская группа «Свободное мнение»;
О.А. Малаканова, Самарский университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ НКО: КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

Статья посвящена качественному анализу понятия «информационная открытость НКО», выделению и характеристике его основных уточняющих элементов на основе результатов проведенного социологического исследования, инициированного Общественной палатой Самарской области с участием региональных экспертов.

Ключевые слова: информационная открытость, характеристики информационной открытости, гражданское общество, институты гражданского общества, некоммерческая организация (НКО).

E.S. Baeva, Samara City Public Organisation
Research group «Free Opinion»;
O.A. Malakanova, Samara University

INFORMATION OPENNESS OF NGOs: QUALITATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT

Abstract. The article is devoted to the qualitative analysis of the concept of «information openness of NGOs», the identification and characterization of its main clarifying elements based on the results of a sociological study initiated by the Public Chamber of the Samara region with the participation of regional experts.

Keywords: information openness, characteristics of information openness, civil society, civil society institutions, non-profit organization (NGO).

В рамках теории сетевого взаимодействия современных экономических, социальных и политических акторов М. Кастельс вводит понятие информаци-

онного общества, в котором важное значение отводится генерированию, обработке и передаче информации [1, с. 42-43]. Необходимость формирования высокого уровня информационного обмена в современных условиях связана с созданием цифровой среды с целью повышения коммуникативной активности граждан и их вовлечения в механизмы реализации инициативных проектов, ориентированных на улучшение городской среды и условий жизни человека в целом. Одним из показателей, указывающих на эффективное развитие современного информационного общества, является информационная открытость. Международный опыт свидетельствует, что информационная открытость выступает движущей силой взаимодействия органов государственной власти и общества [2]. Она не только формирует новые правила поведения политических институтов, повышая их ответственность и эффективность работы, но и способствует качественной трансформации самого общества.

Доверие общества к некоммерческому сектору, по мнению исследователей, во многом определяется степенью информационной открытости некоммерческих организаций. Высокий уровень доверия позволяет привлекать разнообразные ресурсы для осуществления деятельности НКО, формировать благоприятные условия для реализации гражданских инициатив в сфере третьего сектора.

Обеспечение информационной открытости любой организации осуществляется посредством использования открытых и общедоступных информационных ресурсов, включающих в себя данные о характере деятельности и обеспечивающих доступ к подобным ресурсам через их размещение в цифровой среде, в том числе на официальном сайте организации.

Оценка информационной открытости некоммерческого сектора Самарской области. Исследовательской базой для проведения анализа уровня информационной открытости НКО являются данные проектов, ранее проведенных по данной тематике, результаты социологического исследования, инициированного Общественной палатой Самарской области с участием региональных экспертов (представителей органов власти разного уровня, НКО, общественных советов). Эмпирическое исследование состояло из двух этапов. Первый включал в себя онлайн-опрос через рассылку электронных писем с подробным инструктированием респондентов (общее количество опрошенных 50 человек). На втором этапе с целью уточнения полученной эмпирической информации и разработки аналитической схемы было проведено 2 глубинных интервью с экспертами из сферы НКО Самарской области.

Анализ результатов ответов на вопрос о содержании понятия «информационная открытость» позволил выделить интересную тенденцию в ответах экспертов: в зависимости от статуса информанта выделяется три группы близких по смыслу, но отличающихся по уточняющим признакам определения.

Первая группа экспертов, состоящая из представителей органов власти разного уровня, чаще всего объясняла информационную открытость через два содержательных параметра – это «доступность информации» и «возможность коммуникации». В качестве уточняющих характеристик выделялись такие, как скорость получения необходимой информации (*«возможность за приемлемое время получить требуемую информационную услугу»);* ее актуальность (*«регулярное обновление»);* максимальная доступность для разных социальных групп (*«любых категорий заинтересованных лиц»)*.

Вторая группа информантов – эксперты-представители НКО – чаще всего информационную открытость также связывали с доступностью информации, выделяя следующие значимые элементы: «достоверность», «прозрачность» *(«…доступность информации о деятельности НКО в сети Интернет, которая является открытой, общедоступной и достоверной»);* «достаточность» *(«…доступность и прозрачность информации об организации, обеспечивающий любым участникам этого взаимодействия возможность получать необходимый и достаточный объем информации (сведений)»);* «удобный формат для ее поиска» (**«…***в формате, удобном для ее поиска, обработки и дальнейшего использования, в том числе в форме открытых данных»).*

Третья группа экспертов, состоящая из представителей общественных советов, созданных при органах региональной исполнительной власти, а также палат и советов муниципальных образований Самарской области, как и представители второй группы, «информационную открытость» описывали через категорию доступности информации, но обращали внимание на другие важные уточняющие характеристики: обязательное наличие обратной связи с целью «осуществления общественного контроля» *(«…открытость и доступность через информационные носители, прежде всего – с обратной связью (сеть Интернет, электронная почта). Сама по себе размещенная информация без отклика не является в полной мере «открытостью» в современных условиях»);* в ситуации развития цифровой и информационной открытости необходимость соблюдения прав НКО (*«открытость и доступность информации об НКО в сети Интернет, не являющейся коммерческой тайной и не нарушающей права НКО на возможность не разглашать информацию, которая может причинить вред их деятельности»);* «готовность идти на контакт

с гражданским обществом» для повышения уровня доверия в обществе, а также с целью реализации различных гражданских инициативных проектов («*готовность с этой общественностью входить в контакт для повышения доверия к ней заинтересованных сторон»; «…готовность НКО создавать и поддерживать коммуникационную среду, в которой целевая аудитория не только получает необходимую информацию, но и имеет возможность найти поддержку своим инициативам»).*

Таким образом, качественный анализ содержательных характеристик термина «информационная открытость НКО», сформулированных экспертами, показал, что это многокомпонентное понятие, которое в первую очередь ориентировано на доступность информации и развитие разных коммуникативных практик, но в обязательном порядке требующее развернутую интерпретацию уточняющих характеристик, позволяющих при использовании их на практике усовершенствовать и более эффективно организовать деятельность НКО. Полученные в ходе проведенного исследования данные продемонстрировали, что проблема повышения уровня информационной открытости организаций некоммерческого сектора Самарской области с учетом выделенных параметров является актуальной. Более того, полученные результаты могут быть использованы для переработки и дальнейшего развития «Стандарта открытости НКО» [3], который строится на основе общих принципов информационной открытости организации.

Список литературы:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

2. Mergel I. Government 2.0 Revisited: Social Media Strategies in the Public Sector. In: PA Times, American Society for Public Administration. 2010. Vol. 33, No.3. P. 7-10; Schlagwein D., Conboy K., Feller J. et al. «Openness» with and without Information Technology: A framework and a brief history. *Journal of Information Technology*. 2017. Vol.32, Issue 4. P. 297-305.

3. Стандарт открытости НКО // https://www.infoculture.ru/portfolio/standart-otkrytosti-nko/

В.Ю. Бочаров, Самарский университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

ВКЛЮЧЕННОСТЬ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ В ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

В представленной статье рассматривается разработанная под руководством Б.Г. Тукумцева методика измерения включенности работников в деятельность организации, а также его подход к анализу включенности работника в инновативную деятельность. Используя эти практические и теоретические наработки, предлагаются действия по созданию новой практической методики измерения включенности работников в инновативную деятельность организации.

Ключевые слова: включенность, вовлеченность, приверженность, инновационная деятельность, методика измерения, типологический анализ.

V.Y. Bocharov, Samara University,
Sociological Institute of FCTAS RAS

WAGE WORKERS INCLUSIVENESS IN INNOVATIVE ACTIVITY: MEASUREMENT PROBLEMS

The article discusses the procedure developed under the leadership of B.G. Tukumtsev for measuring the inclusiveness of workers in activities of an organization, as well as his approach to analyzing the inclusiveness of workers in innovative activities. Using the practical and theoretical knowledge, some actions are proposed to create a new practical methodology for measuring the inclusiveness of workers in innovative activities of an organization.

Keywords: inclusiveness, involvement, commitment, innovative activities, measurement methodology, typological analysis.

В свое время, работая вместе с Б.Г. Тукумцевым в НИИ социальных технологий Самарского университета, мы конструировали методику измерения включенности работника в деятельность предприятия. В рамках этой методики под включенностью мы понимали принятие работником правил и норм, функционирующих на предприятии, согласие с целями его деятельности. И чем в большей степени человек воспринимает как значимые для него задачи и про-

блемы предприятия, на котором он трудится, тем выше его готовность и способность поддерживать и цели, стоящие перед предприятием, на котором он работает [1, с. 31-32].

Такая трактовка апеллировала еще к советской интерпретации включенности, которую в 1975 г. предложили Н.И. Лапин, Э.М. Коржева и Н.Ф. Наумова в книге «Теория и практика социального планирования» [2]. Причем сами авторы этого термина не оставили эмпирической методики измерения и она была разработана позднее под руководством Б.Г. Тукумцева в НИИ «Социальные технологии» при Самарском государственном университете. В своем последнем апробированном варианте эта методика по оценке *включенности* работников в деятельность предприятия, состояла из двух блоков [3, с. 124-129]:

1) *приверженность* работе на предприятии:

а) наличие или отсутствие желания у работников покинуть в ближайшем будущем свои рабочее места на предприятии;

б) готовность работников рекомендовать предприятие как место работы своим близким и друзьям;

2) *вовлеченность* в решение важнейших задач предприятия:

в) степень информированности работников о целях деятельности своего предприятия;

г) степень поддержки работниками этих целей;

д) готовность работников проявить инициативу, направленную на решение проблем и задач, которые стоят перед предприятием.

Полученные результаты свидетельствовали о чрезвычайно низком уровне включенности российских работников в деятельность промышленных предприятий (2008 г. – 5,7 %, 2013 г. – 0,3 %) [4, с. 43]. Между тем уже тогда к такой методике возникали во многом справедливые вопросы и замечания. В частности, можно ли применять такую методику в неизменном виде к разным группам рабочих? Кроме того, очевидно, что, измеряя включенность в деятельность предприятия, мы вовсе не обязательно измеряем инновационную деятельность, а, скорее, ведем речь о деятельности вообще, в т. ч. рутинной. Иначе говоря, для измерения включенности в инновационную деятельность организации необходима существенная корректировка существующей методики.

Б.Г. Тукумцев занимался изучением инновационной деятельностью в рамках проекта изучения инноваций в научных организациях [5]. Само понятие «инновационная деятельность» рассматривалось им как совокупность

практик участников инновационного процесса, отвечающих целям этого процесса и обусловленные местом каждого участника в его жизненном цикле. При этом важнейшее значение для включенности в инновационную деятельность, по мнению Б.Г. Тукумцева, имеет принятие работником «культуры инновационной деятельности» как системы культурных норм, целей-ценностей, а также традиций в сфере инновационной деятельности, которая сложилась в организациях и в значительной степени определяет поведение акторов этой деятельности».

Наконец, Б.Г. Тукумцевым был предложен термин «включенность в инновационную деятельность», который он рассматривал как комплексный показатель, характеризующий отношение человека к этой деятельности, а важными индикаторами такой «включенности» являются:

1) проявление творчества в проектах (разработках),

2) отсутствие желания оставить работу над данным проектом (разработкой),

3) степень удовлетворенности процессом и итогами работы,

4) уровень заинтересованности в успешной реализации проекта.

Саму методику измерения включенности в инновационную деятельность Б.Г. Тукумцев разработать, к сожалению, не успел. Тем не менее, из уже сказанного можно сделать вывод, что для измерения включенности в инновационную деятельность можно взять за основу методику измерения включенности работников в организацию с учетом добавления как минимум двух индикаторов удовлетворенности: процессом работы и результатами работы (в блок «приверженность), а также индикатора с условным названием «принятие культурных норм» (в блок «вовлеченность»). Кроме того, представляется целесообразным в блоке «вовлеченность» усилить акцент именно на инновационный – творческий – компонент деятельности: внесение работником рационализаторских предложений и его участие в обсуждении, выработке и принятии управленческих решений.

Реализуя такие индикаторы, очевидно, необходимо учитывать специфику трудовой деятельности и адаптировать вопросы для различных групп работников. Для этого необходимо, прежде всего, модифицировать шкалы нашей методики включенности (сделать их пригодными для факторного анализа, уйдя от номинальных шкал и перейдя к порядковым), не говоря уже о том, что индикаторы нуждаются в корректировке и дополнении.

В целом построение единой универсальной методики для всех групп работников вряд ли возможно. Более того, очевидно, что без обращения к по-

тенциалу типологического анализа с применением факторного анализа и построению кластеров для выделения социальных типов работников по отношению к инновативной деятельности, трудно будет обойтись [6]. Это, безусловно, работа на перспективу и требует серьезной эмпирической апробации, но такая работа представляется целесообразной, учитывая, что инновативные ресурсы российских работников могут и должны быть в полной мере использованы для развития отечественной экономики в современных не самых благоприятных условиях.

Список литературы:

1. Тукумцев Б.Г. Включенность в организацию // Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь. СПб.: Наука, 2006. С. 31-32.

2. Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975. 196 с.

3. Тукумцев Б.Г., Бочаров В.Ю. Оценка включенности персонала в деятельность предприятия // Социологические методы в современной исследовательской практике / отв. ред. О.А. Оберемко. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 124-129.

4. Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях // Петербургская социология сегодня. 2015. Сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып. 6. СПб.: Нестор История, 2015. С. 10-63.

5. Тукумцев Б.Г. Избранные статьи: сборник статей / под ред. В.Ю. Бочарова. Самара: Изд-во Самарского университета, 2023. 648 с.

6. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура: [монография] / Г.Г. Татарова, Н.С. Бабич [и др.]. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 358 с.

М.Н. Грек, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ;
В.Н. Градусова, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОССИЙСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В статье проводится анализ основных показателей, характеризующих цифровизацию предпринимательского сектора в России. Выявлено, что в этой сфере происходят негативные изменения: в последние годы уменьшился удельный вес организаций, использующих персональные компьютеры, серверы, локальные вычислительные сети, широкополосный доступ в интернет, а также доля организаций, имеющих веб-сайт в сети Интернет. Ухудшились и все без исключения показатели, отражающие направления использования цифровых технологий в управлении производством.

Ключевые слова: цифровизация, информационные коммуникационные технологии, интернет, обоснование управленческих решений, специальные программные продукты, автоматизация производства и управления.

M.N. Grek, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
V.N. Gradusova, North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES BY RUSSIAN ENTERPRISES IN THE PROCESS OF MAKING MANAGERIAL DECISIONS

The article analyzes the main indicators characterizing the digitalization of the business sector in Russia. It is revealed that negative changes are taking place in this area: in recent years, the proportion of organizations using personal computers, servers, local area networks, broadband Internet access has decreased, as well as the share of organizations with a website on the Internet. Without exception, all indicators reflecting the use of digital technologies in production management have deteriorated.

Keywords: digitalization, information and communication technologies, Internet, justification of management decisions, special software products, automation of production and management.

Эффективность экономической деятельности определяется степенью обоснованности принимаемых решений. В современных условиях хозяйствования, характеризующихся усложнением бизнес-процессов, большим разнообразием экономических связей, процесс принятия управленческих решений требует анализа большого объема информации [1]. Кроме того, должен быть соблюден важнейший принцип информационного обеспечения процесса управления – своевременность информации. Собрать и проанализировать большой массив информации невозможно без использования специальных программ. Для обработки, хранения и передачи больших данных также нужны специальные программные продукты и сервисы.

Однако в нашей стране далеко не все хозяйствующие субъекты оснащены даже компьютерной техникой, без которой использовать возможности современных цифровых технологий нельзя. Более того, с годами ситуация в этой сфере только ухудшается. Так, в 2010 г. почти 94 % организаций использовали в своей работе компьютерную технику, в 2021 г. показатель снизился до 82 % (таблица 1).

Таблица 1

Использование цифровых технологий в организациях
(в процентах от общего числа обследованных организаций) [2, с. 483]

Показатель	2010	2019	2020	2021
Организации, использовавшие:				
персональные компьютеры	93,8	93,5	80,7	81,8
серверы	18,2	53,8	46,4	42,2
локальные вычислительные сети	68,4	63,5	54,7	54,9
широкополосный доступ к сети Интернет	56,7	86,6	58,1	75,6
Интранет	13,1	31,8	30,7	31,7
Экстранет	5,3	19,5	19,4	20,3
«облачные» сервисы	…	28,1	25,7	27,1
социальные сети	…	…	33,5	34,7
технологии сбора, обработки и анализа больших данных	…	…	22,4	25,8
Организации, имевшие веб-сайт в сети Интернет	28,5	51,9	44,3	46,2

В сравнении в 2010 г. число организаций, использующих серверы, значительно возросло. Однако в последние 3 года наблюдается сильное снижение удельного веса организаций, располагающих серверами (в 2021 г. в сравнении с 2019 г. их доля сократилась на 22 %).

Широкополосный доступ в Интернет имеют менее 76 % российских организаций (2021 г.). Заметим, что значительный прогресс в этом произошел из-за пандемии, которая убедительно доказала необходимость информационных коммуникационных технологий для обеспечения возможности работы в экстраординарных условиях. Но все-таки этот показатель остается ниже ранее достигнутых значений (максимум пришелся на 2019 г.), что ограничивает возможности развития предприятий за счет обеспечения быстрого и эффективного взаимодействия с контрагентами и потребителями, поиска нужной информации для обоснования принимаемых управленческих решений.

Менее половины российских предприятий имеют собственные сайты, что не позволяет их партнерам и потребителям получить необходимую им информацию и связаться с производителем по различным вопросам экономического взаимодействия (обсуждение коммерческих предложений, получение информации о ценах, тарифах, условиях поставки товаров, сроков исполнения заказов и т. п.). Вместе с тем, специалисты выделяют использование информационных коммуникационных технологий как фактор повышения конкурентоспособности предприятия [3].

Кроме того, при прочих равных условиях в поисках партнера/поставщика предприниматель отдаст предпочтение организации, о которой есть информация в сети Интернет, поскольку обратное свидетельствует о желании организации сократить возможности заинтересованных лиц получить информацию о деятельности компании, что не может не настораживать потенциального партнера.

Интранет, Экстранет и «облачные» сервисы используются российскими предприятиями редко – менее трети организаций оценили преимущества этих технологий, о существовании которых свидетельствует стабильный удельный вес таких организаций.

Удельный вес предприятий, располагающих локальными вычислительными сетями, также снизился – с 68 % в 2010 г. до 55 % в 2021 г. Чуть более 1/4 организаций используют в своей работе технологии сбора, обработки и анализа больших данных. Следовательно, степень обоснованности принимаемых решений может снизиться, что неизбежно повлияет на эффективность

управленческих решений, а значит, и результативность деятельности организации в целом.

В современных условиях хозяйствования невозможно спланировать свою деятельность без всестороннего анализа разнообразной информации, отражающей не только деятельность самой организации, но и характеризующей ситуацию на отраслевом рынке. При использовании метода моделирования для разработки различных вариантов развития организации без технологий анализа больших данных не обойтись. Без этого не будет точным и инвестиционное решение, обоснование которого также требует применения многовариантного подхода, учитывающего возможные изменения факторов, оказывающих значимое влияние на деятельность организации.

Таким образом, почти 1/4 хозяйствующих субъектов в России рискуют уйти с рынка, поскольку потребителям их просто сложно найти. Самое первое управленческое решение, которое стоит в повестке таких организаций, – вывести свое предприятие в цифровое пространство.

Рассмотрим, как используют возможности современных информационных коммуникационных технологий те организации, которые в той или иной степени ими пользуются.

Сразу заметим, что в этом наблюдается негативная тенденция. Ухудшение ситуации зафиксировано по всем без исключения направлениям использования хозяйствующими субъектами специальных программных средств [2, с. 485].

Удельный вес организаций, использующих специальные программные средства, в 2010-2021 гг. резко снизился – более чем на 25 %. Не смогла убедить в необходимости этого даже пандемия – прогресс совсем небольшой. Наиболее часто организации используют специальные компьютерные программы для осуществления финансовых расчетов и обращения в справочные консультационные системы, но даже в этом наблюдается отрицательная динамика.

Закупками и продажами российские предприятия по-прежнему управляют преимущественно вручную. Хочется надеяться, что опыт выживания, полученный в пандемию, убедил предпринимателей в необходимости автоматизации этих процессов, хотя, если судить по показателям 2021 г., далеко не все это осознают. Времени было достаточно, чтобы ситуация изменилась, однако этого пока не произошло.

Не пользуется популярностью среди предпринимателей и программное обеспечение, позволяющее осуществлять проектирование и проводить науч-

ные исследования. А значит, не следует ожидать и прорыва в развитии организаций, особенно в сложившихся геополитических условиях, когда из-за огромного числа экономических санкций рынок высоких технологий для нашей страны практически закрыт. В некоторых случаях даже нет возможности приобрести запасные части к купленной у зарубежных производителей из недружественных стран технике. Значит, организации должны самостоятельно разрабатывать технические решения и обеспечивать бесперебойную работу предприятия.

Самый большой «провал» отмечается в сфере автоматизации производства – доля организаций, использующих для этого специальные программные продукты в рассматриваемый период резко сократилась (почти в 2,5 раза), только 7,4 % российских предприятий в 2021 г. использовали в своей работе специальные программы для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами. Рассматривая этот показатель, следует отметить, что потребность в таких программах формируется не в кабинетах менеджеров. Это означает, что совсем небольшое число российских предприятий располагают оборудованием с программным управлением, поэтому и программы такие не нужны.

Таким образом, цифровизация предпринимательского сектора в России характеризуется негативными изменениями по большинству параметров. Не все хозяйствующие субъекты используют в своей работе компьютеры (в 2021 г. 18 % предприятий такой техникой не располагали). Даже пандемия COVID-19 не убедила российских предпринимателей в необходимости цифровизации своей деятельности – все основные показатели, отражающие ход этого процесса, в 2021 г. были значительно ниже допандемийного уровня – это касается и доли организаций, использующих персональные компьютеры, серверы, локальные вычислительные сети, широкополосный доступ в интернет, а также удельного веса организаций, имеющих веб-сайт в сети Интернет.

Но даже те предприятия, которые используют информационные коммуникационные технологии в своей работе, в основном используют их для проведения электронных расчетов и получения консультаций. Специальные программные продукты, позволяющие автоматизировать процессы закупок и продаж, использует только каждый четвертый хозяйствующий субъект в нашей стране.

В современных условиях, характеризующихся сложностью и нестабильностью экономических связей, для обеспечения непрерывности деятельности и обоснования управленческих решений необходимо проводить расчеты с

большим числом переменных, что без использования специальных программных продуктов сделать невозможно. Без предвидения возможных вариантов развития организации в динамично меняющихся условиях сильно возрастают риски снижения эффективности ее деятельности вплоть до ухода с рынка.

Список литературы:

1. Абдрахманова Г.И. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М., 2019.

2. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 691 с.

3. Балдин К.В. Теоретические основы управления инновационной деятельностью предприятий: монография. Ухта, 2018. 277 с.

Е.Д. Елагина,
Санкт-Петербургский государственный университет

РИСКИ РАЗВИТИЯ ДЕФИЦИТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ[1]

Социально-экономическая и политическая неопределенность способствуют развитию новых тенденций на рынке труда. В статье изучаются факторы риска, влияющие на возможное возникновение дефицита персонала на рынке труда на фоне текущих внешних и внутренних социально-экономических событий в России. Сделаны выводы о степени значимости рисков и их влияния на рынок труда и занятости.

Ключевые слова: рабочая сила, дефицит, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, риски.

E.D. Elagina,
Saint Petersburg State University

RISKS OF DEVELOPING A SHORTAGE OF LABOR RESOURCES IN THE LABOR MARKET IN RUSSIA[2]

Socio-economic and political uncertainty contribute to the development of new trends in the labor market. The article examines the risk factors affecting the possible occurrence of a shortage of personnel in the labor market against the background of current external and internal socio-economic events in Russia. Conclusions are drawn about the degree of significance of risks and their impact on the labor market and employment.

Keywords: labor force, deficit, labor resources, labor potential, risks.

Традиционный экономический подход к пониманию дефицита трудовых ресурсов описывает ситуацию на рынке труда, при которой число предложений рабочих мест превышает спрос на них со стороны соискателей (не хватает рабочей силы). В реальности часто дефицит кадров наблюдается только в отдельных отраслях хозяйства или видах профессиональной деятельности. Нехватка кадров возможна также в конкретных регионах страны из-за неблагоприятных условий труда или в силу отсутствия подготовки требуемых специ-

[1] Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 23-28-00011 «Дефицит компетенций работников на открытых дистанционных рынках труда в условиях социально-экономической неопределенности».
[2] The research was supported by RSF (project No 23-28-00011) «Lack of competence of employees in open remote labor markets in conditions of socio-economic uncertainty».

алистов на местах. В целом, в научной литературе выделяется немалое количество факторов риска, которые способствуют развитию дефицита трудовых ресурсов. Их можно объединить в несколько групп: демографические, социально-экономические, организационные, профессионально-квалификационные и образовательные риски.

Демографические риски. Согласно данным Росстата, численность населения страны сокращается с каждым годом. Уменьшилась численность населения в трудоспособном возрасте, а именно молодежи в возрасте 20-24 лет из-за демографической ямы 90-х [1, с. 9]. В настоящее время численность молодежи 7 млн человек при норме 12 млн человек для нашей страны. При этом, вполне можно ожидать новую демографическую яму из-за политической ситуации между Россией и Украиной. Среди основных негативных процессов очевидны отток граждан за границу и гибель молодых мужчин при исполнении обязанностей в специальной военной операции. Одновременно в 2019-2022 гг. произошло снижение рождаемости в стране [1, с. 8].

Большое влияние как на качественные, так и на количественные аспекты трудового потенциала оказывает здоровье населения. Состояние здравоохранения, как правило, оценивается по следующим показателям: продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, уровень смертности в трудоспособном возрасте. В качестве крайней степени неблагополучия можно рассматривать добровольный уход человека из жизни.

Во-вторых, произошло сокращение трудоспособного населения после пандемии, что опосредованно способствовало сокращению числа семей.

В-третьих, по данным Росстата, с 2014 года рождаемость снизилась, несмотря на программу государственной поддержки молодых семей с детьми. Снижение рождаемости связано с сокращением числа женщин в возрасте 20-29 лет, растущей неопределенностью на рынке труда, а также из-за пандемии.

Социально-экономические риски. К этой группе относится финансовая политика государства и внешнеторговая сфера. К возможным факторам дефицита трудовых кадров можно отнести расширение отдельных секторов экономики (например, в сфере услуг) с предоставлением более привлекательных условий труда.

Нельзя обойти вниманием ситуацию, связанную с санкциями против России со стороны западных стран, введенных в 2022-2023 году в связи с проведением СВО (около 8,2 % иностранных компаний покинули Россию). Специалисты рынка труда указывают на высвобождение 2 млн человек, прежде занятых в иностранных компаниях. Больше всего пострадали после ухода иностранных компаний автомобильная и банковская сферы, торговля, связь и телекоммуникации, авиаперевозки. Сокращения, невыплаты зарплат, инфля-

ция снизили покупательную способность населения. Однако государство оперативно приняло пакет мер по финансовой поддержке населения, предотвращая или отдаляя возможные негативные последствия. Только на поддержку отечественного рынка труда в 2022 г. было выделено более 39 миллиардов рублей из резервного фонда [2].

По всей видимости пока, несмотря на очевидные трудности, рынок труда адаптируется к новым условиям [3, с. 206]. Официальный уровень безработицы в 2021 году составил 5 %. Несмотря на относительно невысокий уровень безработицы, государство постоянно принимает меры по борьбе с безработицей и по поддержке ее на допустимом уровне. Так, в рамках созданного в 2015 году Роструд общероссийского портала вакансий «Работа в России», развиваются дополнительные инструменты содействия по поиску персонала организациями. Граждане имеют возможность не только выбирать вакансии, но и подать документы в ГСЗН на выплату по безработице. В предыдущие годы государство активно задействовало ищущих работу в программах по переобучению и повышению квалификации, в том числе и из категорий социально-уязвимых лиц (матерей с детьми дошкольного возраста, лиц предпенсионного возраста и многих других).

Организационные риски. Риски связаны с увеличением организацией объемов своей деятельности; выходом на пенсию сотрудников, которых на какое-то время некем заменить; переездом компании в другой регион; отсутствием должной мотивации персонала, например, из-за неинтересной работы или невысокой заработной платы, а также отсутствия продвижения по карьерной лестнице, вследствие чего сотрудники покидают организацию, и работодатель вынужден искать им замену. В число организационных рисков входит расположение организации в регионе с неблагоприятным климатом и вредными условиями труда.

Вначале пандемия обострила организационные проблемы на Севере страны и на Дальнем Востоке. Большая потребность в работниках наблюдается в сфере добычи сырья. Несмотря на значительное число вакансий, все открытые позиции в этой области предполагают работу вахтовым методом. Во время пандемии трудовые мигранты вернулись на родину, многие сотрудники-россияне уехали с вахты в родные города и нашли работу там. При подборе персонала работодатели делают сильной стороной материальный аспект мотивации работников. По данным hh.ru, медиана предлагаемой зарплаты в сфере добычи сырья в Якутии в марте 2021 года составила 86 912 руб., что на 38 % выше среднероссийского показателя по отрасли (63 094 руб.). Для развития трудовых ресурсов в отдаленных уголках России действует государственная программа трудовой мобильности населения, в рамках которой осуществляет-

ся помощь работнику и его семье при переезде в другой регион страны в случае предложения работы.

Профессионально-квалификационные и образовательные риски. Эффективность экономической деятельности в стране сейчас напрямую зависит от качества трудовых ресурсов, которое определяет профессиональные и квалификационные способности трудящихся [4, с. 256]. Данные риски обусловлены недостаточным уровнем подготовки специалистов в высших образовательных учреждениях и в учреждениях среднего профессионального образования. Во-первых, уровень полученного профессионального образования в России снижается за счет его коммерциализации и недостаточных финансовых вложений со стороны государства. Во-вторых, существует дисбаланс в получении гуманитарного и технического образования. В-третьих, образовательные программы отстают от реальных потребностей в подготовке кадров, либо такая подготовка не соответствует запросам предприятий. Возникший дефицит в подготовке квалифицированных кадров усугубила ситуация пандемии, поскольку получение знаний учащимися было осложнено целым рядом факторов, в том числе неготовностью университетов к быстрому переходу в дистанционный формат. В настоящее время большое значение придается цифровым компетенциям работников и способности адаптироваться к быстро меняющимся условиям, чему соответствуют далеко не все специалисты.

Таким образом, в России в настоящее время не столько присутствует дефицит трудовых ресурсов в целом, сколько существуют значимые риски, которые способствуют его нарастанию. Самыми значимыми из них являются демографические и квалификационные. Кроме того, необходимо выстраивать более сбалансированную систему использования трудовых ресурсов страны с учетом отраслевой и региональной специфики отечественной экономики.

Список литературы:

1. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2022 года // Росстат // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-pv_01-01-2022.pdf

2. Правительство выделило почти 40 млрд рублей на поддержку рынка труда в регионах // Правительство России // https://open-resource.ru/spisok-literatury/

3. Гурьева М.Н., Сбруянова К.А., Влияние западных санкций на рынок труда в России // Экономика и бизнес. 2022. №5. С. 206.

4. Демироглу Н.Б., Асанова Л.Р. Современное состояние и перспективы развития трудовых ресурсов Российской Федерации и основные тенденции развития // Таврический научный обозреватель. 2016. №11. С. 257-263.

Г.В. Еремичева,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Центр исследований социально-трудовой сферы им. Б.Г. Тукумцева,
Санкт-Петербург

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ РЫНКА ЗАНЯТОСТИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Дефицит кадров рынка занятости обсуждается на всех уровнях: управленцев, исследователей, журналистов. Делается попытка выделить основные причины и тренды происходящего процесса. На материале официальных документов, аналитики и статистики рекрутинговых компаний рассмотреть его в разных аспектах. Предположительный вывод, что государство, сохраняя конкурентную рыночную экономику, стремится усилить свое влияние на рынке занятости.

Ключевые слова: дефицит кадров, документы, статистика, аналитика.

G.V. Eremicheva,
Sociological Institute of FCTAS RAS,
Center for Social and Labor Research
named after B.G. Tukumtsev, Saint Petersburg

STAFF SHORTAGE IN THE EMPLOYMENT MARKET: A NEW REALITY

The shortage of personnel in the employment market is discussed at all levels: managers, researchers, journalists. An attempt is made to identify the main causes and trends of the ongoing process. On the material of official documents, analytics and statistics of recruiting companies, consider it in different aspects. It is assumed that the state, while maintaining a competitive market economy, seeks to strengthen its influence in the employment market.

Keywords: personnel shortage, documents, statistics, analytics.

На прошедшем в марте 2023 года VII Международном Петербургском Форуме труда «От рынка труда к рынку занятости: новая реальность» проблема дефицита кадров почти во всех его сегментах была одной из наиболее обсуждаемых. Ее обострение связывается с новыми реалиями, влияющими на

формирование общего рынка труда стран СНГ, возникшими как следствие изменения геополитики после начала СВО, санкциями, реформой Службы занятости РФ, постпандемийными трансформациями [1].

Данные известных рекрутинговых компаний демонстрируют важнейшие тренды современного рынка занятости[3]. Наибольшим дефицитом кадров отличаются отрасли «Строительство, проектирование, недвижимость», «Продажи», «Промышленность, производство», «IT, интернет, связь, телекоммуникации», «Транспорт логистика, склад, ВЭД». Наименьший спрос наблюдается в сферах управления персоналом, юридической, образования, некоммерческого сектора. Большинство соискателей по-прежнему ориентируются на офисную работу.

Ухудшение ситуации произошло в первую очередь в индустриализированных районах, где локализуются предприятия реального сектора экономики, которые традиционно ощущают нехватку кадров рабочих профессий, где снижение производства привело к сокращению занятости почти на треть. На этих предприятиях спрос на рабочую силу упал на 17,6 % и было зафиксировано 1,7 млн вакантных рабочих мест. В связи с этим сокращение вакансий произошло в 68 регионах. Но количество свободных ставок превышало число соискателей в 76 регионах. Только в девяти субъектах наблюдался дефицит вакансий [2].

С другой стороны, перепрофилирование и наращивание производства, обусловленное импортозамещением, спровоцировало повышение спроса на квалифицированных рабочих и технических специалистов.

Это демонстрирует заметное межрегиональное расслоение, при котором основная база высокооплачиваемых рабочих мест концентрируется в крупных городах. Но крупные города и индустриальные центры в большей степени и страдают от дефицита кадров. Крупный город располагает огромными возможностями для самореализации работника, и прежде всего в негосударственном секторе занятости. Он становится местом притяжения основной массы мигрирующих соискателей. Напротив, в небогатых, как правило, дотационных регионах главным работодателем является государство и системообразующие предприятия, кадровая ситуация которых является определяющей на рынке занятости.

[3] Использованы данные с сайтов компаний «Зарплата.ру» [5], FinExpertiza [6], hh.ru [7], Superjob [8], портала «Роструд: работа в России» [9]

Прошедший год показал рекордный дефицит соискателей на российском рынке труда, сравнимый с 2005 г. В результате образовался сильнейший разрыв между спросом и предложением [3].

Санкт-Петербург также испытывает аналогичный всей стране кадровый дефицит и преимущественно в тех же отраслях экономики. Структура предложений на рынке труда в начале 2023 года осталась неизменной: больше всего востребованными оказались продавцы, курьеры, упаковщики, водители, разнорабочие. Явно выразился возросший спрос на мужские профессии – слесари, сантехники, фрезеровщики, сварщики, электромонтажники и др. Со стороны соискателей отмечался взрывной спрос на вакансии в ОПК [5; 8]. Это свидетельствует о том, что вакансии, обеспечивающие бронь, становятся наиболее востребованными, даже в случае потери зарплаты и ухудшения условий труда.

Серьезным вызовом на рынке занятости стали международные санкции, способствующие уходу зарубежных компаний с отечественного рынка. Он сопровождался перепрофилированием и переструктурированием отдельных компаний, передачей или продажей бизнеса отечественным акционерам и менеджменту. Даже в условиях длительного простоя, сокращения найма работников компании старались сохранить персонал и минимизировать массовые сокращения.

Вопреки тревожным ожиданиям, россияне позитивно встретили смену работодателей. По данным исследования, приводимого «Известиями», 41,6 % россиян выбирают работу в отечественных компаниях, связывая это с большей стабильностью трудоустройства в текущей ситуации. Испытывают страх работы в зарубежных компаниях почти 29 % респондентов в возрасте до 35 лет и 33,5 % – старше 35 лет, участвовавших в исследовании. Среди недостатков работы в иностранных компаниях респонденты, кроме нестабильности, выделяли такие, как «слабые карьерные перспективы» – 27,5 %; «высокую степень бюрократии» – 20 %; «отсутствие четкого разделения функций между подразделениями и сотрудниками» – 15 %; «обязательное наличие индивидуального плана развития» – 15 %; «многоступенчатый процесс подбора персонала» – 15 %; «сложную и специфическую корпоративную культуру» – 12,5 %; «обезличивание» сотрудника, утрату самостоятельности – 10 %; «строгие корпоративные нормы и этика» – 10 %. Отсутствие недостатков отметили 27,5 % респондентов [2].

Среди недостатков работы в отечественных компаниях были отмечены следующие: «зарплата ниже рынка» – 36,6 %; «высокий уровень бюрократии»

– 32,9 %; «отсутствие структурированности функций отделов» – 29,9 %; «отсутствие карьерного роста и заплаты» – 28,1 %; «отсутствие четкого разделения функций между подразделениями и сотрудниками» – 26,8 %; «низкие стандарты работы» – 25 %; «отсутствие минусов» – 20,1 %; «высокая конкуренция» – 7,3 %. Как мы видим, респонденты и в том и в другом случае находили схожие недостатки. Как существенные преимущества сотрудничества с иностранцами были выделены: «возможность работать с узнаваемым международным брендом» – 73,3 %; «привлекательный соцпакет – 65,1 %; «более масштабные проекты и задачи» – 52,7 %; «более высокая заработная плата» – 52,1 % [2].

Еще один тренд оказался достаточно популярным и апробированным в период пандемии – это работа на «удаленке». Интерес к этому формату сохраняется как у мужчин, так и у женщин. Доля вакансий, предлагающих удаленную занятость в последний год, выросла почти в два раза – с 3 до 5,4 %. Но работа в таком режиме не всегда является преимуществом для ее выбора [5; 6; 8].

Самым злободневным остается вопрос повышения зарплат. И хотя некоторым компаниям, ставшим отечественными, пришлось поднять зарплату своим работникам, в целом по рынку работодатели пытались оптимизировать издержки на труд за счет перевода работников на неполный рабочий день, отсутствия реального повышения зарплат с учетом инфляции, создания рабочих мест с новыми формами занятости. Для выживания бизнесу необходима более гибкая политика его организации и оплаты труда, расширение возможностей привлечения более квалифицированных кадров, большая легализация.

Значимая роль в процессе регулирования и поддержки предпринимательства отводится такой категории, как самозанятые. В настоящее время и платформенная занятость, и разные форматы самозанятости привлекают особое внимание управленцев и законодателей. Проект закона «О занятости населения в РФ» предлагает новые инструменты взаимодействия всех участников для осуществления заявленного перехода «рынка труда к рынку занятости» [4].

Преодоление кадрового дефицита требует нового подхода в регулировании занятости, а точнее, «нового этапа – настройки тонких механизмов на рынке труда». Это означает, что и работодатели, и соискатели меняют свое поведение и форматируют кадровую логистику так, чтобы наиболее эффективно использовать компетенции и навыки нанимаемого работника [1]. Работодатель может сокращать фонд оплаты труда за счет увольнения малопроиз-

водительных сотрудников и перевода персонала на другие формы отношений, включая аренду, фриланс и самозанятость. При этом государство и аффилированные с ним структуры становятся самыми востребованными работодателями. Все это позволит переструктурировать занятость в отдельных сегментах и снизить кадровый дисбаланс спроса и предложения.

Список литературы:

1. VII Международный Форум труда «От рынка труда к рынку занятости: новая реальность» // https://journal.ecostandardgroup.ru/news/vii-sankt-peterburgskiy-mezhdunarodnyy-forum-truda-proanaliziroval-osnovnye-trendy-rynka-truda-2023-/

2. Рынок труда в России 2022: аналитика, прогнозы, тренды // https://www.auditit.ru/articles/personnel/a111/1071206.htm

3. Белкина О. Вот это кадр: на рынке труда возник дефицит соискателей. Число вакансий превысило количество безработных в стране / Газета «Известия» от 4 марта 2023 // https://iz.ru/1478224/oksana-belkina/vot-eto-kadr-na-rynke-truda-voznik-defitcit-soiskatele

4. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 (последняя редакция) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/

5. https://career.habr.com/companies/devzpru

6. FinExpertiza / URL: https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/ / URL: https://finexpertiza.ru/solutions/actual-topics/

7. https://spb.hh.ru/article/research

8. https://spb.superjob.ru/

9. https://official-rostrud.ru/rabota-v-rossii/

Л.Н. Захарова, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
З.Х. Саралиева, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Е.В. Сайгина, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ
(на примере орагнизации оборонно-промышленного комплекса)

Представлены результаты проведенного авторами теоретического анализа и пилотного исследования социального капитала на примере организации ОПК. Выдвинуто предположение, что ключевые особенности этого сектора формируют уникальный облик и приоритетность компонентов социального капитала. Показаны тенденции в основных направлениях развития социального капитала, которые позволяют повысить эффективность управления персоналом в условиях современной меняющейся реальности.

Ключевые слова: социальный капитал организации, управление персоналом, социально-трудовая сфера, оборонно-промышленный комплекс, ценности, нормы поведения, доверие, сплоченность.

L.N. Zakharova, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
Z.H. Saralieva, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
E.V. Saygina, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

SOCIAL CAPITAL AS A KEY TOOL FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF PERSONNEL MANAGEMENT IN MODERN REALITIES
(on the example of the organization of the military-industrial complex)

The results of the theoretical analysis and pilot study of social capital conducted by the authors on the example of the organization of the defense industry are

presented. It is suggested that the key features of this sector form the unique appearance and priority of the components of social capital. The trends in the main directions of the development of social capital are shown, which make it possible to increase the efficiency of personnel management in the conditions of modern changing reality.

Keywords: social capital of the organization, personnel management, social and labor sphere, military-industrial complex, values, norms of behavior, trust, cohesion.

Современные реалии российской действительности, которые характеризуются, с одной стороны, стремительным научно-техническим прогрессом и информатизацией, а, с другой стороны, геополитической и социально-экономической нестабильностью, требуют ускоренного развития компаний на всех уровнях, внедрения технологических и управленческих новшеств. Как следствие, государство вынуждено брать на себя «ручное управление» в критически важных вопросах. Одним из них, безусловно, является социально-трудовая сфера. Так, в своем Послании Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года Президент России В.В. Путин обратил особое внимание на проблему кадрового обеспечения в системообразующих наукоёмких компаниях, которые сосредоточены, прежде всего, в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) [1].

Практика показывает, что достижение технологического лидерства и существенного роста производительности труда невозможно без изменений в парадигме управления. Их реализация (особенно на начальном этапе) закономерно сталкивается на уровне персонала с рядом негативных тенденций – усиление чувства тревоги, стресса, недоверия к руководству, разрушение устоявшихся социальных связей, ухудшение показателей социального здоровья и, как следствие, субъективного благополучия [2, с. 52-63; 3]. Необходимость минимизации этих негативных процессов смещает фокус внимания руководства компаний со сферы человеческого капитала на социальный, возможности развития которого в России представляются практически неисчерпаемыми.

Социальный капитал определяется П. Бурдье как реальные или потенциальные ресурсы, связанные с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [4]. С точки зрения Р. Патнэма, социальный капитал – это ключ к эффектив-

ному управлению, показатель сотрудничества. Социальный капитал организаций ОПК имеет свои ключевые особенности, которые остаются мало изученными в научном и практическом плане. Представляется обоснованным считать их следствием специфичности данного сектора экономики, предназначенного для удовлетворения оборонных и военных потребностей государства [5]. Определяющими здесь являются, с одной стороны, потребность в выстраивании сложных информационных и социальных корпоративных цепочек между компаниями ОПК и их контрагентами, деловое общение в которых базируется на соблюдении принципов доверия, честности и этичности, с другой – необходимость формирования внутрикорпоративных связей, общих норм организационного поведения, ценностных приоритетов при холдинговой организации производства в условиях соблюдения секретности как во внутреннем, так и во внешнем контуре компаний.

Предполагается, что указанные особенности ОПК оказывают влияние на значимость (приоритетность) компонентов, входящих в структуру социального капитала организаций. Для проверки выдвинутой гипотезы в 2023 г. авторами было проведено пилотное исследование на нижегородском предприятии радиоэлектронного профиля, который относится к ОПК. Выборку составили 85 руководителей и ведущих специалистов, имеющих стаж работы в этой компании более 10 лет.

Установлено, что, по мнению экспертов, принявших участие в анкетировании, наибольшее влияние на эффективность управления персоналом оказывают:

– на уровне организационной составляющей социального капитала: принятые в компании корпоративные ценности и приоритеты, которые формируют организационную культуру и отражаются в стратегии развития и миссии (отметили 89 % экспертов), а также установленные в организации нормы поведения сотрудников, которые содержатся в правилах внутреннего трудового распорядка, кодексе корпоративной этики (указали 73 % экспертов);

– на уровне социально-психологической составляющей: доверие, которое проявляется в степени открытости и честности во взаимоотношениях между сотрудниками, в уровне вовлеченности персонала в принятие управленческих решений, стремлении менеджмента понимать и поддерживать подчиненных (отметили 91 % экспертов), а также сплоченность: выражается в уровне уважения в отношениях между сотрудниками, их готовности помочь в решении рабочих вопросов для достижения поставленных целей (указали 67% экспертов).

При этом в неблагоприятных экономических и геополитических условиях треть экспертов отметили, что в большей степени начинает влиять сформированность каналов внутренней коммуникации (принятые в компании способы взаимодействия между персоналом при решении вопросов и каналы обмена корпоративной информацией), а также такой компонент социального капитала, как идентичность (наличие или отсутствие у персонала чувства единства с организацией, уровень принятия существующих корпоративных ценностей и руководство ими в повседневной работе, степень восприятия со стороны персонала успехов и неудач организации как своих).

Выводы:

1. В современных реалиях меняющегося общества развитие социального капитала представляет собой один из ключевых инструментов повышения эффективности управления персоналом компании.

2. Проведенный теоретический анализ позволил выдвинуть предположение, что ключевые особенности ОПК формируют уникальный облик и приоритетность компонентов социального капитала, входящих в этот сектор экономики организаций. Данные особенности остаются мало изученными в научном и практическом плане.

3. Результаты пилотного исследования показали, что наибольшее влияние на эффективность управления персоналом компании ОПК оказывают такие компоненты социального капитала, как принятые в компании корпоративные ценности и установленные в организации нормы поведения сотрудников, а также уровень доверия и сплоченности коллектива. При этом в неблагоприятных экономических и геополитических условиях усиливается влияние двух других компонентов: сформированности каналов внутренней коммуникации и уровня организационной идентичности персонала.

4. Полученные результаты показывают тенденции в основных направлениях развития социального капитала организаций ОПК. Предполагается, что целенаправленное воздействие на компоненты социального капитала, имеющие приоритетное значение, будет способствовать снижению негативных тенденций в социально-трудовой сфере, что обеспечит наиболее быстрое внедрение производственно-технологических новшеств и повышение инновативности персонала. В дальнейшем авторы предполагают провести исследование выявленных тенденций на расширенной выборке.

Список литературы:

1. Послание Президента Федеральному Собранию. 21.02.2023 // http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565/

2. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий. Монография. Н. Новгород: ННГУ, 2017. 411 с.

3. Захарова Л.Н., Леонова И.С. Субъективное благополучие персонала предприятий с разной вовлеченностью в инновационные процессы: возрастной аспект // Вестник университета. 2020. № 2. С. 186-193.

4. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практика: перевод с французского языка. М.: ИЭС, 2005. 576 с.

5. Кузык Б.Н. Оборонно-промышленный комплекс ОПК // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). // https://old.bigenc.ru/text/5045275?ysclid=lf71dszmf1438821902/

В.В. Зырянов, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Е.И. Нестерова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА СОВРЕМЕННОГО ОНЛАЙН-ПОТРЕБИТЕЛЯ

В центре внимания авторов трансформация потребительского поведения, резко ускорившаяся в период пандемии COVID-19. Анализируются позитивные и негативные стороны пользования цифровыми платформами и виртуальной средой для совершения покупок, описаны черты современных потребителей и их стратегии.

Ключевые слова: цифровые платформы, онлайн-потребитель, потребительское поведение.

V.V. Zyryanov,
Lomonosov Moscow State University;
E.I. Nesterova,
Lomonosov Moscow State University

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL PLATFORMS ON THE MODERN ONLINE CONSUMER

The authors focus on the transformation of consumer behavior, dramatically accelerated during the COVID-19 pandemic. The positive and negative aspects of the use of digital platforms and virtual environment for shopping are analyzed, the traits of modern consumers and their strategies are described.

Keywords: digital platforms, online consumer, consumer behavior.

В современном поведении онлайн-потребителей произошла довольно быстрая эволюция. Она стала побочным продуктом радикальных изменений в электронной коммерции, появившихся в результате пандемии COVID-19. Запустив электронную коммерцию, период COVID-19 положил начало новому этапу развития розничной торговли. Её ключевым отличием считается переход покупательского опыта от обычных к онлайн-покупкам [1]. Кроме того,

важно, что этот переход произошёл гораздо быстрее и в гораздо большем масштабе, чем подобное наблюдалось когда-либо прежде.

Чтобы добиться успеха, компаниям электронной коммерции необходимо отталкиваться от новых тенденций, вызванных пандемией, в покупательском поведении потребителей [1]. То, что привлекает клиентов, отличается от того, что было раньше. Анализируя опыт онлайн-покупок, следует сначала выявить ожидания, возникающие у потребителей цифровых платформ. Далее следует обратиться к роли ритейлеров в том, чтобы оправдать появившиеся ожидания, вызванные этим быстрым и резким сдвигом в формате потребления. Однако прежде чем обращаться к новым тенденциям в электронной коммерции и способам удовлетворения потребительского спроса, важно понять поведение потребителей в Интернете.

Для современных покупателей *удобство* выступает безусловной доминантой. Теперь потребители ожидают необременительного, простого и интуитивно понятного процесса покупки, и потребительский выбор будет идти по пути наименьшего сопротивления [2]. Недавний карантин по всему миру ускорил этот переход к удобству, предельно актуализировал его, поскольку многие потребители стали делать онлайн-покупки предметов первой необходимости не в специально отведённое для этого время, а совмещая работу из дома и другие дела и обязанности [3]. Шопинг теперь является всегда доступной практикой, и потребители ожидают, что смогут совершать покупки всегда, когда им это нужно.

Другими словами, потребители рассчитывают на удобство на протяжении всего пути к покупке. В рамках комплексного удобства процесса покупки они ищут цифровые платформы с простыми и быстрыми в настройке платежными шлюзами, которые принимают популярные способы оплаты. Отметим также *удобство скорости*: благодаря использованию цифровых платформ потребитель экономит время. Так, согласно опросу «РБК Исследования рынков», главной причиной их обращения к виртуальной практике покупки товара или услуги стала экономия времени на посещении магазина [4]. Так считают более 65 % участников опроса. Такого же мнения придерживаются и эксперты. Так, В. Салахутдинов, член Правления и директор по стратегии и развитию бизнеса X5 Group, отметил, что человечество пользуется цифровыми платформами не из-за необходимости, а из-за удобства их использования и экономии времени [4].

Еще одной важной характеристикой современного потребителя является то, что теперь любые покупки для него – это *отбор, а не выбор*. Потребителю

важно читать отзывы на сайтах, цифровых платформах, в виртуальной среде. Такие отзывы жизненно важны, когда речь идет как о виртуальных, так и об оффлайн-покупках [5]. Даже при совершении покупки в оффлайн-магазине потребитель может зайти в свой смартфон, чтобы уточнить соотношение цены-качества, сравнить цену в другом магазине (как онлайн, так и оффлайн), проверить соответствие товара критериям поиска.

В современном мире меняются и стратегии самих компаний, предлагающих свои товары и услуги на рынке. Так, любая компания должна использовать онлайн-каналы для привлечения клиентов даже в оффлайн-магазины. Например, существует функция, которую называют «click and collect», что означает «*щелкни и забери*» [6]. Благодаря этой технологии, покупатель может приобрести товар в виртуальной среде, а забрать купленный товар оффлайн. Другая новая стратегия – формирование у клиента опыта покупок, объединяющего как онлайн-, так и офлайн-каналы (накопительные карточки, бонусы, копившиеся в онлайн-приложении). Кроме того, анализ больших данных помогает компаниям различать профили потребителей и адаптировать рекламу к их индивидуальным запросам [3].

Но, помимо позитивных факторов использования цифровых платформ для совершения покупок, существует и ряд рисков. Так, одной из главных проблем выступает *проблема конфиденциальности персональных данных*. Совершая покупку на том или ином сайте, покупатель вводит свои данные, а цифровые платформы при этом собирают «покупательский след» посетителя сайта. Например, после отбора этих данных цифровая платформа может использовать эту конфиденциальную информацию для настройки рекламы, отслеживания местоположения, манипуляции участниками, рынками и даже государствами [7]. Также, можно отметить и ряд других немаловажных проблем:

– *отсутствие четкой и гибкой функции возврата товара* и непоследовательность государства в решении данного вопроса;

– использование платформ в целях *повышения своей прибыли от поддельных услуг или товаров* под видом оригинальных брендированных вещей;

– *риски взлома, кибератак, фишинга, утечки данных,* а также отслеживание поведения потребителей и несанкционированный доступ к финансовой информации. Несмотря на преимущества цифровых платежей, они всё же сопряжены с проблемами безопасности и конфиденциальности [7].

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время цифровые платформы – это механизм, который облегчает нашу жизнь. Однако сегодня для

социально ответственной деятельности им все еще требуются разработка и внедрение новых технологий сохранения конфиденциальности покупателей в виртуальной среде. Современный мир всё больше становится цифровым. Цифровые технологии упрощают нашу деятельность в самых разных сферах жизни. Ключевой технологией этого процесса выступают цифровые платформы, предлагающие ту или иную услугу или товар. Цифровая платформа сегодня – центральный механизм, вокруг которого строятся все процессы во всех отраслях и сферах [8]. Она кардинально меняет систему отношений между участниками взаимодействия, что требует изучения всех цепочек социально-экономических последствий и результатов, достающихся как отдельному потребителю, так и обществу в целом.

Список литературы:

1. Коровникова Н.А. Изменение потребления в контексте пандемии COVID-19 // Социальные новации и социальные науки. 2021. №3 (5). С. 42-53.

2. Что хочет потребитель? // https://www.retail.ru/articles/chto-khochet-potrebitel/

3. Ивановский Б.Г. Преимущества и риски потребления в цифровую эпоху (Обзор) // Социальные новации и социальные науки. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 3. С. 7-25.

4. Экономия времени стала самой популярной причиной онлайн-покупки продуктов питания // https://marketing.rbc.ru/articles/13404/

5. Saura, J.R.; Reyes-Menendez, A.; et al. Consumer Behavior in the Digital Age // Journal of Spatial and Organizational Dynamics. 2020. Том 8. № 3. С. 190-196.

6. Почему российские магазины внедряют технологию Click & collect // https://www.pilot.ru/about/feed/detail/pochemu-rossiyskie-magaziny-vnedryayut-tekhnologiyu-click-collect/

7. Дворянкин О.А. Борьба за информационные (цифровые) платформы в интернете // Национальная ассоциация учёных (НАУ). 2021. № 66-2. С. 23-31.

8. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Том 11, № 6. С. 22-36.

Е.Л. Краснова,
ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси» (Минск)

МУЗЕЙ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ КУЛЬТУР

Современный мир формируется под воздействием и проникновением элементов различных культурных индустрий. Появление понятия культурной конвергенции определяет вектор вовлечения и смешения медиа ресурсов, которые становятся посредником в трансляции информации и коммуникации. Музеи также включаются в этот процесс и приобретают качества своеобразного транслятора новых медийных продуктов.

Ключевые слова: конвергенция культуры, музей, медиапродукт, наследие.

E.L. Krasnova,
State Scientific Institution «Center for System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus»

MUSEUM IN CONDITIONS OF CONVERGENCE CULTURE

The modern world is formed under the influence and penetration of elements of various cultural industries. The emergence of the concept of cultural convergence determines the vector of involvement and mixing of media resources that become an intermediary in the transmission of information and communication. Museums are also involved in this process and acquire the qualities of translator of new media products.

Keywords: convergence culture, museum, media product, heritage.

Развитие технологий, всеобщий и свободный доступ к информации способствует формированию новых социально-культурных процессов, которые направлены на создание некоего универсального механизма взаимодействия. Данный процесс привел к появлению такого понятия как «конвергенция», которое предполагает собой конгломерацию всевозможных медиа с целью создания, трансляции и распространения контента. При этом под медиа понимается весь спектр информационных ресурсов, как традиционных СМИ, так и новых форматов.

Конвергенция – это интересный феномен современного мира, который сочетает в себе множество процессов: культурных, технологических, социальных. Изучением данного феномена занимаются многие ученые: Г. Дженкинс, В.А. Евдокимов, В.А. Карпиевич, М.П. Меняева, В.В. Миронов М.М. Фрере и др. На страницах исследований обсуждаются особенности формирования, концептуализации самого понятия конвергенции и степень воздействия на социум, перспективы и возможные модели будущего развития. Как отмечает один из известных американских аналитиков в сфере медиа Генри Дженкинс, «конвергенция представляет собой своего рода культурный сдвиг, предполагающий активное вовлечение потребителей в поисках новой информации и установление новых взаимосвязей между разрозненным медиаконтентом» [1, с. 29].

В данной статье мы будем рассматривать понятие конвергенции в рамках культурных индустрий. Конвергенция культур далеко не новое понятие, однако в процессе распространения и совершенствования систем информации, оно приобрело новое прочтение. Ученые по-разному относятся к данному явлению: некоторые отмечают доминирование одной культурной формы над другими посредством распространения и насаждения узнаваемых медиапродуктов. Однако существуют и другие подходы, которые отмечают, что «смысл процесса конвергенции культур таится в обретении единства в многообразии. Конвергенция культур способствует сохранению и обогащению общечеловеческой и национальных культур, а также достижению устойчивости, стабильности, равновесия в их развитии» [2, с. 60].

Еще одним проявлением современной культуры является явная тенденция, которая предполагает слияние индустрии развлечений и маркетинга, позволяющая формировать у зрителя мощную эмоциональную привязанность и использовать ее для увеличения дохода [1, с. 164]. Проще всего данное явление можно рассмотреть на примере популярных франшиз книг и фильмов о Гарри Поттере, экранизаций произведений о Шерлоке Холмсе, трилогии «Властелин колец» и т. д., которые включают в себя не только фильмы и книги, но и комиксы, видеоигры, игрушки, сувениры, косплеи и т. д. Широкое разнообразие рекламной продукции, ориентированной на языковые и культурные особенности, позволяет людям из любой точки мира получить доступ к любимым героям, став частью фансреды.

В продолжение мысли можно заметить, что и музеи некоторым образом также включились в процесс трансляции и популяризации литературного наследия. Конечно, традиционно гораздо чаще встречаются литературные му-

зеи, посвященные жизни и деятельности писателей. Практически любой дом или квартира, где мастерам пера приходилось жить и творить, превращается в мемориал. А вот музеев, посвященных одному конкретному литературному персонажу, в мире совсем немного. Среди героев, которые удостоились своего музея, можно назвать квартиру Шерлока Холмса и музей Гарри Поттера (Лондон, Великобритания), Музей Мюнхгаузена (Москва, Россия), хижину дяди Тома (Онтарио, Канада), Музей Дон Кихота (Сьюдад-Реаль, Испания), Музей Д`Артаньяна (Люпиак, Франция), Музей Вильгельма Телля (Бюрглен, Швейцария), Музей принца Гэндзи (Киото, Япония), Музей Остапа Бендера (Козмодемьянск, Россия), Музей Маленького Принца (Хаконе, Япония), Музей Ромео и Джульетты (Верона, Италия) и некоторые другие.

Особенность данных музеев в том, что они транслируют нематериальное наследие путем создания эмоциональной связи с героем, воплощая его образ в реальном мире. Каждый из музеев старается передать особую атмосферу, которая бы погружала посетителя в мир полюбившегося героя.

Приведем несколько примеров. По завершении съемок последнего фильма о Гарри Поттере студия Warner Bros оборудовала съемочные павильоны франшизы под огромный музей Гарри Поттера в Лондоне [3]. Музей предлагает уникальную возможность исследовать громадные павильоны, наполненные оригинальными декорациями, реквизитами, аниматорными моделями, а также наглядными примерами захватывающих спецэффектов, которые использовались в съемках фильмов о Гарри Поттере. Музей состоит из павильонов, где проходили съемки – Большой зал Хогвартса, Запретный лес, Платформа 9 3/4 с Хогвартс-экспрессом, часть Косого переулка и другие. Еще большее погружение дает реквизит – костюмы героев, посуда, картины, мебель, сцены из фильма в исполнении манекенов. Особенно впечатляет огромный макет Хогвартса, детализация интерьеров, масштабы съёмочной площадки. Посетители могут взять на прокат портативный цифровой гид, который содержит интересные факты о декорациях, съемках, костюмах и реквизите, представленных на студии. На устройстве также можно посмотреть недавно проведенные интервью с режиссерами и эксклюзивные кадры, не вошедшие в фильмы.

Еще один музей – Музей-квартира Шерлока Холмса размещен на месте, где жил и работал известнейший частный сыщик, детектив-консультант мистер Шерлок Холмс – герой рассказов Артура Конан Дойля [4]. Организаторам музея, не смотря на его скромные размеры, удалось воссоздать дух Викторианской эпохи и атмосферу старой доброй Англии. На первом этаже – не-

большая входная зона и сувенирный магазин, на втором – гостиная и комната Холмса, на третьем – апартаменты Ватсона и миссис Хадсон, а четвертый занимают восковые фигуры героев произведений о гениальном сыщике. Интерьер дома детально проработан: камин, скрипка, инструменты и приборы для расследований, турецкая трубка с табаком и другие атрибуты – все лежит на тех самых местах, где их расположил автор. Более того, сотрудники музея предлагают разнообразие экскурсий и программ, которые позволяют посетителям на время превратиться в настоящих детективов по расследованию загадочных преступлений.

Кроме полноценных музеев, в различных городах мира организуются временные выставочные проекты, которые представляют собой сочетание интерактива и мемориальности. Так, музеи создают новый формат трансляции, предоставляя возможность сопричастия и материализации любимого героя. В результате мы наблюдаем интереснейшее явление конвергенции, когда музей становится еще одним транслятором новых медийных продуктов и включается в общий процесс медиатизации современной культуры.

Список литературы:

1. Дженкинс, Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс; [пер. с англ. А. Гасилина]. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. 384 с.

2. Меняева, М.П. Идея культурной конвергенции П.А. Сорокина в коммуникативных аспектах XX-XXI веков / М.П. Меняева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2005. № 1 (7). С. 59-64.

3. Harry Potter Studios // Сайт Музей Гарри Поттера // https://harry-potter.london-studio-tours.com/

4. The Sherlock Holmes Museum // Сайт Музея Шерлока Холмса // www.sherlock-holmes.co.uk

С.Ю. Митрофанова,
Самарский университет

ОНЛАЙН- И ОФФЛАЙН-КОММУНИКАЦИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДЕТСКИХ СОЧИНЕНИЙ: РЕФЛЕКСИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОПЫТА

В статье представлена рефлексия исследовательского опыта проведения на протяжении ряда лет сочинений с учащимися на тему «Я – взрослый/Я – взрослая», связанная с выстраиванием исследователем в поле как оффлайн-, так и онлайн-коммуникации. Указаны группы трудностей, с которыми столкнулся автор и как они преодолевались.

Ключевые слова: представления о взрослости, детские сочинения, группы трудностей, способы преодоления трудностей, рефлексия исследовательского опыта.

S.Y. Mitrofanova,
Samara University

CHILDREN'S ESSAYS IN ONLINE AND OFFLINE FORMATS: REFLECTION OF RESEARCH EXPERIENCE

The article presents a reflection of the research experience of conducting essays with students over a number of years on the topic «I am an adult», associated with entering the researcher's field in offline and online formats. The groups of difficulties encountered by the author and how they were overcome are indicated.

Keywords: ideas about adulthood, children's essays, groups of difficulties, ways to overcome difficulties, reflection of research experience.

На протяжении ряда лет научный интерес автора направлен на выявление представлений детей о взрослости [1]. Исследование, в котором участвовали преимущественно учащиеся 3-х классов, начиная с 1998 г. с определенными промежутками проводилось на базе МБОУ СОШ «Дневной пансион-84» г.о. Самара, а в 2021 году также и в МБОУ СОШ №9 г.о. Кинель. В 2021 году в «Дневном пансионе-84» г.о. Самара сочинения писали ребята как начальной школы (1-е и 3-е классы), так и средней (6-е и 9-е классы) и старшей (10-е классы), в МБОУ СОШ №9 г.о. Кинель в исследовании участвовали

только учащиеся 3-х классов. Исследование проводится благодаря заинтересованности и поддержке директоров и администрации школ в рамках профориентационной работы с учащимися.

В педагогике и психологии детские сочинения могут рассматриваться как способ диагностики детей, определяющий их готовность к чему-либо, том числе взрослению [2]. В социологии детства С.Н. Майорова-Щеглова указывает на то, что сочинения детей можно определить как «развернутый, неформализованный ответ» на вопрос, заданный исследователем. Исследователь отмечает, что написание сочинений для школьников является «известным, знакомым им видом работы», который «не вызывает у них затруднений», «не требует специфических навыков» [3].

В статье сконцентрируемся на исследовательской рефлексии опыта проведения сочинений с учетом того, что в 2021 году в условиях пандемии, в отличие от предыдущих лет, сочинения проводились с применением дистанционных технологий. Причем рамки их применения были различны. Преимущественно использовалась асинхронная форма коммуникации, когда исследователем были подготовлены четыре видеозаписи, «мотивирующие» на участие детей в исследовании с учетом задач исследования, специфики возраста и социально-психологических особенностей детей: 1) для учащихся начальной школы, 2) шестиклассников, 3) девятиклассников и 4) десятиклассников. Для учащихся 9-х и 10-х классов подготовлены разные видеозаписи, так как ребята из 10-х классов ранее уже писали сочинения, когда учились в 3-м классе, и автор акцентировал внимание, в том числе на том, что было бы интересно узнать, как изменились их представления о своей взрослости. В начале урока шла запись видео с мотивацией, предложением к участию в исследовании. Первоклассники, третьеклассники, девятиклассники писали сочинения, находясь в своих классах вместе с одноклассниками, и выходили на связь с исследователем во время урока с помощью учителя через мессенджеры, если это им требовалось. В одном из третьих классов, видеозапись не использовалась, общение исследователя шло синхронно онлайн со всем классом. Учащиеся 6-ых и 10-ых классов писали самостоятельно с использованием видеозаписи, находясь дома в режиме самоизоляции. В дальнейшем, сочинения автор статьи получал или в электронном виде через различные мессенджеры от детей и педагогов, или забирал в школе.

Трудности, возникшие в ходе работы, можно разделить на три группы: общие, специфические и ситуационные. Это деление условно, так как все эти трудности в реальности переплетаются. К общим отнесли проблему мотива-

ции у педагогов и детей участвовать в исследовании. Эта проблема решалась разными способами через налаживание обратной связи. Педагогам были отправлены по электронной почте количественные данные обобщающего плана по обработке сочинений, и от некоторых даже получена обратная связь. Со старшеклассниками была организована встреча в дистанционном формате. У учащихся начальной школы проблема мотивации практически отсутствовала.

Специфические трудности, связанные с коммуникацией с педагогами: 1) выстраивание коммуникации исследователя с педагогами напрямую – прежде всего, это касается 2021 года, когда исследователь осуществлял поиск и занимался отлаживанием взаимодействия через разные каналы коммуникации с педагогами (звонки по телефону, связь через разные мессенджеры и по электронной почте и др.), 2) организационные, касающиеся встраивания написания сочинений в учебный процесс (в учебный план в виде урока, классного часа или в 2021 году домашнего задания в некоторых классах), 3) попытки педагога перестроить исследовательскую версию сочинения под педагогические цели и настойчивая рекомендация исследователю выставить детям оценки за сочинения, что было пресечено автором статьи.

Однако подчеркнем, что несмотря на возникавшие трудности, именно педагоги, классные руководители оказали исследователю огромную помощь в организации работы непосредственно с детьми, особенно в 2021 году. Специфические трудности, связанные с написанием сочинений детьми: 1) обрывочность, схематичность представлений о взрослости, 2) разные интерпретации темы взрослости самими детьми, в 2021 году эта трудность усиливалась ситуацией пандемии, 3) неполные скудные высказывания. В онлайн-формате была возможность повторного обращения к детям с просьбой пояснить какие-то детали.

Отметим, что несмотря на эти трудности, именно сами дети являлись участниками исследования, они имели право не только принять участие в исследовании, но и отказаться от него. Данное исследование – это исследование именно «с детьми», а не «на детях», поэтому без участия самих детей это исследование бы и вовсе не состоялось.

Трудности ситуационного характера двояки, в зависимости от оффлайн или онлайн коммуникации исследователя и детей, причем онлайн синхронного или асинхронного. Так, в те годы, когда проводились сочинения оффлайн, у автора было больше возможностей установить доверительные отношения с участниками исследования, по ходу разъяснять какие-то вопросы, если они возникали. Когда в 2021 году проводили сочинения с использовани-

ем дистанционных технологий в коммуникации с исследователем, но при этом все дети находились в классе, некоторые тексты сочинений первоклассников и третьеклассников свидетельствуют о том, что дети, как и их ровесники в предыдущие годы в оффлайне, также по ходу написания обсуждали свою взрослость, договаривались друг с другом, указывали, что будут «работать вместе» или «жить рядом». Они оказывали влияние друг на друга в понимании своей взрослости, и это работало на определенную трансформацию их собственного мнения. При этом никаких трудностей с педагогами не возникало, учителя помогали исследователю, как в выстраивании коммуникации с детьми, так и организационно, заранее готовили бумагу для сочинений детей.

В 2021 году, когда коммуникация выстроена онлайн асинхронно, когда каждый ребенок писал сочинение в удобное для него время, находясь у себя дома с использованием подготовленной исследователем видеозаписи и, при необходимости, мессенджеров для связи с исследователем и классным руководителем, такого взаимовлияния друг на друга обучающихся обнаружено не было. Но вместе с тем у школьников отсутствовала возможность получить уточняющие ответы, обсудить то, как они видят свою взрослость с одноклассниками при наличии у них этого желания. В том случае, когда в одном из третьих классов коммуникация детей и исследователя была синхронной, при этом не использовалась видеозапись, а исследователь сам все проговаривал, то все равно не удавалось установить глубокой эмоциональной вовлеченности детей, как при оффлайн-коммуникации, так как учащиеся отвлекались и у исследователя было меньше возможностей разобраться в ситуации, меньше эмоциональная вовлеченность в ситуацию работы детьми над сочинениями. Если при оффлайн-коммуникации зачастую активности детей удавалось использовать в целях написания сочинения, то в онлайне это было сделать сложнее. Вместе с тем онлайн-коммуникация показала свою продуктивность в том, что подготовка хорошей видеозаписи облегчила организационно работу исследователя, не требовалось личное присутствие, достаточно было находиться на связи с учителем, сочинения проводились в каждом классе в удобное для них время, отсутствовала проблема стыковки этого занятия в расписании разных классов и исследователя. Более того, некоторые ребята, которых не было в классе во время проведения сочинения, используя видеозапись, также участвовали в исследовании и высылали на электронную почту исследователя свои сочинения. У исследователя была возможность уточнить у ребят индивидуально при необходимости какие-то детали, используя мессенджеры, повторно к ним об-

ращаясь. Таким образом, свои достоинства и недостатки есть как у оффлайн-, так и онлайн-коммуникации, причем как синхронного, так и асинхронного применения дистанционных технологий. Считаем, что продуктивно использовать все возможности коммуникации в зависимости от ситуации.

Список литературы:

1. Митрофанова С.Ю. Некоторые особенности восприятия детьми своей «взрослости» // Вестник СамГУ. 2002. №3 (25). С. 25-37.

2. Вапинская Н.Н. Детское сочинение как способ диагностики готовности ребёнка к очередному этапу взросления // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. Сборник статей по материалам XLI международной научно-практической конференции. Новосибирск: «Сибирская академическая книга». 2014. №6 (41). С. 114-120.

3. Щеглова С.Н. Как изучать детство? Социологические методы исследования современных детей и современного детства. М.: ТО ЮНПРЕСС, 2000. 72 с.

А.М. Михелашвили,
Северо-Западный институт управления– филиал РАНХиГС
при Президенте РФ;
Л.Н. Липатова,
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

В статье анализируется динамика основных показателей внедрения и использования цифровых технологий российскими предприятиями. Установлено, что цифровизация экономической системы нашей страны проходит очень неравномерно. Доля вузов, обеспечивающих подготовку кадров для модернизации российской экономики, крайне мала – 1,25 %. Это создает риски замедления процессов перевода российской экономики на инновационный путь развития, а также неэффективного использования средств, выделяемых на инновации, поскольку вузы, не располагая необходимым оборудованием и современным программным обеспечением, не смогут подготовить специалистов, владеющих цифровыми компетенциями.

Ключевые слова: цифровизация, интернет, информационные коммуникационные технологии, цифровые компетенции, удаленная работа, новые требования к персоналу.

A.M. Mikhelashvili,
Northwest Institute of Management – Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
L.N. Lipatova,
Northwest Institute of Management – Branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DIGITALIZATION AND CHANGES IN THE SOCIAL AND LABOR SPHERE

The article analyzes the dynamics of the main indicators of the introduction and use of digital technologies by Russian enterprises. It is established that the digitalization of the economic system of our country is very uneven. The share of uni-

versities providing training for the modernization of the Russian economy is extremely small – 1,25%. This creates risks of slowing down the processes of transferring the Russian economy to an innovative path of development, as well as inefficient use of funds allocated for innovation, since universities, without the necessary equipment and modern software, will not be able to train specialists with digital competencies.

Keywords: digitalization, Internet, information and communication technologies, digital competencies, remote work, new requirements for personnel.

Пандемия COVID-19 способствовала резкому расширению сектора нестандартной занятости. В 2020 г. многие организации там, где это было возможно, были вынуждены перевести своих сотрудников на удаленный режим работы, что раньше использовалось преимущественно в IT-сфере. Чаще стали использовать неполную занятость, передачу непрофильных функций специализирующимся организациям и т. п.

Ускоренная цифровизация произошла в наиболее опасную фазу пандемии. Вследствие этого доступность многих государственных услуг значительно повысилась: расширились возможности граждан в части постановки на учет в качестве безработного, подачи заявлений в Пенсионный фонд России (ПФР), Фонд социального страхования (ФСС) и другие ведомства, деятельность которых связана с социально-трудовой сферой.

Во многом благодаря быстрому переводу наиболее востребованных населением государственных услуг, оказываемых государственными внебюджетными фондами, стало возможным объединение ПФР и ФСС в Социальный фонд России, что, безусловно, будет способствовать не только значительной экономии государственных финансовых ресурсов, но и позволит гражданам в режиме одного окна получать необходимые услуги, что сбережет их время и нервы.

Многие государственные услуги можно получить в электронном виде. Автоматизировано предоставление определенных налоговых вычетов, подача разного рода заявлений и т.п. Думаю, каждый из нас может твердо утверждать, что цифровизация государственного сектора идет довольно быстро и по большей части успешно. Хотя были и сбои в работе, например, когда россияне в период пандемии массово обратились за предоставлением выплат на детей. Но проблема была быстро решена, и особых неудобств пользователям это не доставило.

Рассмотрим, насколько активно идет цифровизация предпринимательского сектора. Согласно данным Росстата, затраты организаций на внедрение и использование цифровых технологий возросли почти в 3 раза. Однако сдвиги, которые произошли в структуре этих затрат, нельзя оценить положительно. Так, удельный вес затрат, связанных с покупкой вычислительной техники, оргтехники, телекоммуникационного оборудования, программного обеспечения и оплатой услуг связи, на которые в 2015 г. приходилось почти 74 % от общей величины финансовых ресурсов, направленных на внедрение и использование информационных и коммуникационных технологий, в 2021 г. сократился до 44 % (таблица 1).

Таблица 1

Затраты организаций на информационные и коммуникационные технологии по направлениям затрат [1, с. 468; 2, с. 487]

Направление затрат	2015		2021	
	млрд рублей	в процентах итогу	млрд рублей	в процентах итогу
Затраты на информационные и коммуникационные технологии, всего	1184	100,0	3516	100,0
в том числе затраты				
на приобретение вычислительной техники и оргтехники	239	20,19	466	13,25
на приобретение телекоммуникационного оборудования	157	13,26	287	8,16
на приобретение программного обеспечения	207	17,48	476	13,54
на оплату услуг связи	270	22,80	318	9,04
из них оплата доступа к сети Интернет	74	6,25	н / д	н / д
на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием информационных и коммуникационных технологий	7	0,60	н / д	н / д
на оплату услуг сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям (кроме услуг связи и обучения)	239	20,19	н / д	н / д
прочие затраты	65	5,49	1969	56,00

К сожалению, более 50 % от величины финансовых ресурсов, направляемых хозяйствующими субъектами на внедрение и использование цифровых технологий, не раскрываются в официальной статистике. Поэтому невозможно оценить динамику расходов по таким направлениям, как обучение сотруд-

ников, связанное с внедрением информационных коммуникационных технологий в деятельность организации, а также оплата услуг сторонних организаций и специалистов по информационным и коммуникационным технологиям. Можно только предположить, что российские предприятия стали чаще обращаться к услугам сторонних организаций в тех случаях, когда требуются цифровые компетенции.

Вряд ли такой подход следует оценить как правильный выбор. Поскольку, во-первых, всякое раскрытие информации внешним пользователям содержит риски утечки информации, составляющей коммерческую тайну. Во-вторых, такие услуги оплачиваются весьма дорого, и зачастую дешевле и надежнее во избежание всевозможных сбоев и в целях оперативного решения возникающих проблем иметь штатного сотрудника в самой организации.

Больше всего затрат, связанных с внедрением цифровых технологий в свою деятельность, несут организации, осуществляющие деятельность в области информатизации и связи – в 2021 г. на этот вид деятельности приходилось 27,5 % от общего объема средств, направляемых на эти цели субъектами российской экономики, за ними следуют финансово-кредитные учреждения, доля которых составила 16 %. Чуть более 10 % в совокупной величине затрат, связанных с цифровизацией экономической деятельности, приходится на научные организации, 8,7 % – на предприятия обрабатывающей промышленности.

Таким образом, почти 2/3 от общей величины средств, направляемых на внедрение цифровых технологий в практику хозяйствования, – затраты организаций 4 отраслей экономики. На российские вузы и организации, осуществляющие подготовку кадров высшей квалификации, приходится только 1,25 % от совокупной величины ресурсов, направленных на цифровизацию деятельности организаций в 2021 г.

О том, что это очень мало, говорит сравнение с некоторыми видами деятельности, не так сильно нуждающимися в постоянном обновлении компьютерной техники и программного обеспечения. Так, организации, оказывающие услуги в сфере культуры, спорта, досуга и развлечений тратят на информационные коммуникационные технологии в 1,4 раза больше, а организации, осуществляющие операции с недвижимым имуществом, – в 2,3 раза больше [2, с. 487].

Конечно, такое положение дел не может не беспокоить. Ведь подготовить специалистов, владеющих цифровыми компетенциями, не располагая необходимым оборудованием и современным программным обеспечением, вузы не смогут. А значит, все остальные затраты предприятий, связанные с внедре-

нием цифровых технологий, могут оказаться не эффективными, поскольку они не смогут найти специалистов, способных работать на современном оборудовании и использовать все его возможности.

О том, что спрос на специалистов в сфере информационных коммуникационных технологий в российской экономике довольно высок, говорят данные официальной статистики. Один из самых высоких уровней трудоустройства по полученной специальностей характерен для выпускников вузов, получивших образование по таким направлениям, как: информатика и вычислительная техника – 80 %, физико-технические науки и технологии – 82 %. В то время, как в среднем по российским вузам по полученной специальности работают менее 74 % выпускников [3].

Таким образом, цифровизация государственного сектора проходит довольно быстро. Многие граждане получают услуги в электронном виде. Однако внедрение цифровых технологий в предпринимательский сектор идет не так успешно. Хотя затраты организаций на внедрение цифровых технологий в 2015-2021 гг. увеличились почти в 3 раза, 2/3 от общей величины этих затрат приходится на организации 4 отраслей экономики – деятельность в области информатизации и связи (27,5 %), деятельность финансовая и страховая (16 %), деятельность профессиональная, научная и техническая (10 %) и обрабатывающие производства (8,7 % от общего объема средств, направленных организациями на внедрение и использование цифровых технологий в 2021 г.). Доля российских вузов и научных организаций, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации, крайне мала – 1,25 %.

Это создает риски замедления процесса модернизации российской экономики и неэффективного использования средств, выделяемых на инновации, поскольку вузы, не располагая необходимым оборудованием и современным программным обеспечением, не смогут подготовить специалистов, владеющих цифровыми компетенциями.

Список литературы:

1. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. // Росстат. М., 2016. 725 с.

2. Российский статистический ежегодник: Стат. сб. // Росстат. М., 2022. 691 с.

3. Рабочая сила, занятость и безработица в России: Стат. сб. // Росстат. М., 2022. 151 с.

М.Н. Муханова,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ РОССИЙСКОГО СЕЛА

Исследование состояния и уровня компьютеризации, использования информационных технологий, их влияния на социокультурные процессы российского села рассматривается на основе данных обследования Росстата (2011-2020 гг.) по всем регионам страны, где используются интервью селян от 16 лет. Была выявлена частота доступа различных социальных групп к Интернету, востребованность информации, использование в трудовой практике, их актуальность в ситуации COVID-19.

Ключевые слова: российское село, социальные группы, цифровые и информационные технологии, социальная коммуникация, Интернет, технологизация производства, социокультурные процессы.

M.N. Mukhanova,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIO-CULTURAL PROCESSES OF THE RUSSIAN COUNTRYSIDE

The study of the state and level of computerization, the use of information technologies, and their impact on the socio-cultural processes of the Russian village is considered based on data from the Rosstat survey (2011-2020) in all regions of the country, where interviews of villagers from 16 years old are used. The frequency of the population's access to the Internet, the demand for information, the use in labor practice, and their relevance in the covid-19 situation were revealed.

Keywords: russian village. social groups, digital and information technologies, social communication, Internet, technologization of production, socio-cultural processes.

Ценности рыночной экономики, технологизация производства, потребление и гедонистические ценности изменили не только социокультурную среду, но также трудовые и социальные практики селян. Для большинства жителей сельских территорий, особенно среди молодого и среднего поколений, фактически выросших в Интернете, цифровые технологии, связанные с рын-

ком потребительских услуг, являются неотъемлемой частью в повседневной жизни и стали для них социокультурной средой [1]. Современные информационные технологии активно изменяют формы социальных взаимодействий различных групп, их характер работы и социальные связи. Селяне активно включились в этот процесс. Культура консюмеризма стала порождением не только рыночной экономики, во многом благодаря технологиям социальной коммуникации, но и сформировала социокультурную среду, которая вытеснила традиционную систему ценностей, конструируя новые поведенческие практики селян. Социологический анализ этих изменений рассмотрим для того, чтобы понять, что эти процессы означают для сельского сообщества и его будущего.

По мнению экспертов, началом становления мира современных коммуникаций можно условно принять 1994 год, поскольку главная технологическая характеристика нашего мира – это Интернет, с его безграничными возможностями коммуникации [2, с. 164].

Предметом исследования является изучение и анализ уровня компьютеризации и использования современных информационно-коммуникационных технологий, Интернета сельским населением, их влияния на поведение различных социальных групп и на социокультурные процессы российского села. В ходе исследования решались следующие задачи: определение частоты обращения сельским населением к Интернету, использование его в трудовых практиках, выяснение наиболее востребованной у населения информации, актуальность информационных технологий в ситуации COVID-19.

Процессы социальной коммуникации в социокультурных изменениях российского села основаны на панельных данных «Комплексного наблюдение условий жизни населения», проведенного Росстатом 2011-2020 гг. во всех субъектах РФ по заказу Правительства РФ в качестве базы для подготовки проектов и программ социальной политики, что говорит о надежности контроля и репрезентативности результатов. В 2011 г. методом интервью было опрошено 5763 человек с 16 лет, проживающих в 2835 сельских домохозяйствах. В 2020 г. сельская выборка была увеличена и составила 40 039 респондентов, из них занятых в экономике 15 501 работников, проживающих в 18 468 домохозяйствах с 16 лет в 85 субъектах в 8 Федеральных округах[4].

Для анализа процессов социальной коммуникации российского села использовались индикаторы, характеризующие состояние и качество сферы

[4]https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html Массивы с результатами данного обследования Росстат выставил полностью на сайт в августе 2021 г. Данные обработаны автором с помощью статистической программы SPSS.

услуг пользователей Интернета в сельских домохозяйствах. Процессы цифровизации и роботизации в российском селе рассматриваются как социальное действие акторов и субъектов сельскохозяйственного производства под воздействием институциональных и технологических преобразований в сельских территориях, в социальных сферах, сельском хозяйстве, АПК.

Опыт мировой практики показывает, что в сельском хозяйстве новые информационные технологии позволили изменить характер управления технологическими процессами посредством использования средств автоматизации управления производством. На текущий момент, как показывают наблюдения, инновации в АПК внедряются быстрее, а технологии влияют на все стороны жизни селянина. Как подчеркивается в Докладе Всемирного банка, «уходят в прошлое времена, когда десятилетиями можно было работать по одной специальности или в одной и той же компании» [3]. Именно востребованность на основе квалификации и компетентности в области компьютерных и цифровых технологий, а также менеджерских навыков становится основным критерием рабочей силы на аграрном рынке труда.

Внедрение цифровых технологий зависит от институциональных и социокультурных особенностей развития территорий. Сельское население как традиционное сообщество живет в мире устойчивых ценностей. Они принимают в готовом виде эти ценности непосредственного общения с семьей, соседями, родственниками. Современные информационные технологии изменяют формы социальных взаимодействий и отношений, модели трудового поведения селян, их социальные связи.

Список литературы:

1. Муханова М. Трансформация российского села в условиях цифровизации агропромышленного комплекса // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7. № 4. С. 167-179.

2. Козлова О. Конструирование поведения в мире современных коммуникаций // Интеллигенция в мире современных коммуникаций. М.: РГГУ, 2009. С. 173-178.

3. Доклад о мировом развитии: Изменение характера труда. Вашингтон: Международный банк реконструкции и развития // Всемирный банк, 2019 // https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2019

М.С. Николаев,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Появление искусственного интеллекта значительно изменило лицо современной политики. Его использование кардинально меняет способы принятия политических решений, приводит к переформатированию политического ландшафта. Преимущества использования ИИ в политической среде очевидны и выглядят довольно внушительно, однако риски также реальны и вызывают вопросы. В статье проводится анализ роли ИИ в современной политике, преимуществ и рисков его использования.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), современная политика, сложная система, этические принципы.

M.S. Nikolaev,
Kazan (Volga region) Federal University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN POLITICS: PROSPECTS AND RISKS

The emerge of artificial intelligence has significantly changed the face of modern politics. The use of AI radically changed the way political decisions are made, it also leads to a reformatting of the political landscape. The benefits of using AI in the political environment are clear and impressive, but the risks are also real and tend to be uncertain. The article analyzes the role of AI in the modern politics, the benefits and risks of AI implementation.

Keywords: artificial intelligence (AI), modern politics, complex system, ethical principles.

Потенциал воздействия ИИ на процесс принятия решений в политической среде является предметом активного исследования в последние несколько лет. Исследование мексиканских ученых Д. Валье-Крус, В. Фернандес-Кортес и их коллег [1] делает акцент на перспективах внедрения ИИ как средства повышения эффективности и точности в процессы принятия политических решений. ИИ можно использовать для выявления тенденций, ана-

лиза данных и составления прогнозов, которые помогут принимать обоснованные решения. Так, бельгийская компания CitizenLab, занимающаяся разработками в области ИИ, представила цифровую платформу, осуществляющую сбор и анализ данных от пользователей [2]. Платформа классифицирует обращения жителей, определяет наиболее острые проблемы, выделяет тенденции и распределяет их по темам с учетом демографических и локационных признаков. Например, жители одного района требуют больших усилий по ремонту дорог, в то время как их соседи хотят увеличить количество остановок на автобусном маршруте.

Благодаря использованию ИИ, политические игроки способны принимать более информационно-подтвержденные решения на базе полученных данных из больших и сложных массивов. Системы, в основе которых заложен ИИ, могут обеспечить более точное прогнозирование, а также способны дать политикам информацию для лучшего понимания своего электората и более широко показать ту среду, в которой им приходится работать. Согласно недавнему исследованию нидерландского исследователя С. Старке и его немецкого коллеги М. Люниха [3], решения, принятые на базе ИИ, сокращают затраты и время, улучшают точность и эффективность управления областями государственного хозяйства. Кроме того, системы ИИ отслеживают возникающие паттерны в больших массивах данных и предлагают связанные с этим стратегии и решения. ИИ также способен повысить уровень прозрачности процесса принятия решений, что позволит увидеть общественности, каким образом те или иные решения были приняты, и, как следствие, повысит подотчетность и доверие системе.

Потенциальная польза внедрения ИИ в политических кампаниях кажется безграничной. Исследователи из ОАЭ [4] утверждают, что ИИ может повысить их эффективность и действенность, снизить затраты и усилить взаимодействие с избирателями. Инструменты на основе ИИ можно использовать для идентификации избирателей, адаптации сообщений и даже отправки автоматических сообщений избирателям.

Кардинальные изменения, которые ИИ способен привнести в проведение политических кампаний, преимущественно связаны с более эффективными способами таргетирования аудитории, сбора пожертвований и коммуникации. Согласно исследованию мексиканских ученых Д. Валье-Крус и А.Р. Гомес [5], кампании по продвижению на основе ИИ могут быть использованы для повышения уровня поддержки со стороны избирателя при помощи отправки более персонализированного коммуникационного материала, благода-

ря ИИ могут быть идентифицированы сторонники, меценаты и волонтеры. ИИ позволяет анализировать большие объемы данных с целью большего понимания электората и их политических предпочтений. По результатам анализа, проведенного итальянским исследователем Г. Мисурака и его эстонским коллегой К. Ван Нордтом [6], целый ряд европейских государств использует системы ИИ, что благоприятно сказывается на следующих показателях:

– улучшение государственного администрирования и использования ресурсов, улучшение качества соблюдения субсидий (SATIKAS, Эстония);

– снижение административной нагрузки, улучшение государственных услуг, повышение качества обслуживания граждан (чат-бот UNA, Латвия);

– улучшение показателя беспристрастности подбора персонала, более качественный подбор персонала, более низкая стоимость и длительность набора (Tengai, Швеция);

– улучшение качества проверки документации, снижение нецелевого использования государственных средств (Systeem Risico Indicatie, Нидерланды).

Влияние искусственного интеллекта на участие граждан России в политической жизни было рассмотрено бразильскими исследователями П. Саваджетом, Т. Кьярини и их британским коллегой С. Эвансом [7]. Согласно их исследованию, доступ к ИИ и его использование потенциально могут влиять на политическое участие граждан, а также на их политическое мнение по определенным вопросам. К примеру, граждане, получившие доступ к контенту, созданному на основе ИИ, с большей вероятностью будут искать дополнительную информацию о политике по сравнению с теми, кто не знаком с ним. Кроме того, исследование показало, что граждане, просматривающие контент на основе ИИ, демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности своим политическим участием. Это говорит о том, что ИИ может быть мощным инструментом для формирования политических мнений и участия российских граждан.

Искусственный интеллект становится все более важным инструментом в политической сфере, его растущее использование может вызывать этические проблемы [8]. ИИ может использоваться для принятия решений и действий, которые могут существенно повлиять на жизнь многих людей, и эти решения должны быть этически обоснованными. Например, ИИ можно использовать для принятия решений, которые могут по-разному влиять на определенные группы людей. В таких случаях необходимо решать вопросы справедливости и равноправия, а также контролировать прозрачность и подотчетность процес-

са принятия решений. Кроме того, ИИ можно использовать для нацеливания отдельных групп на определенного рода сообщения (к примеру, деструктивного, агрессивного содержания), что может привести к дальнейшим этическим проблемам. Чтобы обеспечить ответственное использование ИИ в политической сфере, важно установить правила его использования и обеспечить соответствие принимаемых решений этическим принципам.

ИИ значительно преуспел в использовании своего потенциала в политике, особенно в таких областях, как сбор и анализ данных. Сложная и динамичная структура ИИ породила несколько уникальных по своей природе вызовов для политических акторов. Как указывает израильский исследователь Р. Хьюсто-Ханани [9], один из основных вызовов использования ИИ связан с возможными последствиями предвзятости и несправедливости принимаемых решений. У самообучающихся нейронных сетей отсутствует иммунитет к предубеждениям тех, кто создает эти системы, что может привести к принятию решений, которые не отвечают запросам общества. Необходимо также отметить, что системы ИИ обладают крайней степенью сложности и порой довольно непросто разобраться и понять, как то или иное политическое решение было принято и кто за него ответственен. Такой недостаток прозрачности также является проблемой, так как граждане оказываются в ситуации, в которой они не будут обладать возможностью привлекать к ответственности лиц, участвовавших в принятии решений. Отдельно необходимо отметить и тот факт, что системы ИИ постоянно эволюционируют, что предполагает появление новых вызовов в дополнение к уже имеющимся.

В заключение следует отметить, что открывающиеся возможности применения ИИ в современной политике позволяют использовать его для исследования поведенческих особенностей граждан, выявления их предпочтений и потенциальных реакций на то или иное решение. Системы ИИ используются для отправки персонализированной политической информации, поиска сторонников и привлечения потенциальных избирателей той или иной политической силы. Среди наиболее острых проблем использования ИИ стоит этическая составляющая, в частности, открытым остается вопрос об общем уровне доверия населения к системам ИИ. С одной стороны, ИИ повышает транспарентность работы политических институтов, с другой – рядовому обывателю не ясно, какие принципы работы ИИ будут заложены разработчиками данного продукта. В этой связи особое место должна занимать общая национальная доктрина в области разработки и использования ИИ, гарантирующая особое место человека по отношению к системам ИИ. Немаловажную роль играет и

контроль за исполнением положений такого документа, а также политическая активность всех акторов.

Список литературы:

1. Valle-Cruz D., Fernandez-Cortez V., & Gil-Garcia J. R. From E-budgeting to smart budgeting: Exploring the potential of artificial intelligence in government decision-making for resource allocation / Government Information Quarterly. 2022. 39 (2) // https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101644

2. Berryhill J., Heang K. K., Clogher R., & McBride, K. Hello, world. Resolve a DOI Name. 2019 // https://dx.doi.org/10.1787/726fd39d-en

3. Starke C., & Lünich M. Artificial Intelligence for political decision-making in the European Union: Effects on citizens' perceptions of input, throughput, and output legitimacy / Data & Policy. 2020. 2 // https://doi.org/10.1017/dap.2020.19

4. Ahmed A. A., Agarwal S., Kurniawan I. M. G., Anantadjaya S. P., & Krishnan C. Business boosting through sentiment analysis using artificial intelligence approach / International Journal of System Assurance Engineering and Management. 2022. 13(S1). P. 699-709 // https://doi.org/10.1007/s13198-021-01594-x

5. Valle-Cruz, D., Alejandro Ruvalcaba-Gomez, E., Sandoval-Almazan, R., & Ignacio Criado, J. A review of Artificial Intelligence in government and its potential from a public policy perspective / Proceedings of the 20th Annual International Conference on Digital Government Research. 2019 // https://doi.org/10.1145/3325112.3325242

6. Misuraca G. and Van Noordt C., AI Watch – Artificial Intelligence in public services, EUR 30255 EN, Publications Office of the European Union, Luxembourg. 2020.

7. Savaget P., Chiarini T., Evans S. Empowering political participation through artificial intelligence, Science and Public Policy. 2019. Volume 46, Issue 3. P. 369-380 // https://doi.org/10.1093/scipol/scy064

8. Díaz-Domínguez, A. How futures studies and foresight could address ethical dilemmas of Machine Learning and Artificial Intelligence / World Futures Review. 2019. 12 (2). P. 169-180 // https://doi.org/10.1177/1946756719894602

9. Justo-Hanani, R. The Politics of Artificial Intelligence Regulation and Governance Reform in the European Union / Policy Sciences. 2022. 55 (1). P. 137-159 // https://doi.org/10.1007/s11077-022-09452-8

А.О. Оськин,
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ;
Л.Н. Липатова,
Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ НА ФОНЕ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

В статье анализируется динамика основных показателей развития информационных коммуникационных технологий в России в сравнении с общемировыми трендами. Установлено, что процесс цифровизации населения идет активно. По численности абонентов мобильной связи Россия – один из мировых лидеров. Удельный вес населения, пользующегося интернетом, тоже находится на высоком уровне – 88 % от его общей численности. Однако существуют риски замедления процесса цифровизации и возникновения сбоев из-за очень высокого износа оборудования, используемого организациями, оказывающими услуги в сфере информатизации и связи.

Ключевые слова: цифровизация, сотовая связь, информационные коммуникационные технологии, интернет, онлайн-торговля.

A.O. Oskin,
Northwest Institute of Management – Branch Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration;
L.N. Lipatova,
Northwest Institute of Management – Branch Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

DIGITALIZATION IN RUSSIA AGAINST THE BACKGROUND OF GLOBAL TRENDS

The article analyzes the dynamics of the main indicators of the development of information and communication technologies in Russia in comparison with glob-

al trends. It is established that the process of digitalization of the population is active. In terms of the number of mobile subscribers, Russia is one of the world leaders. The proportion of the population using the Internet is also at a high level – 88 % of its total population. However, there are risks of slowing down the digitalization process and the occurrence of failures due to very high wear and tear of equipment used by organizations providing services in the field of informatization and communications.

Keywords: digitalization, cellular communications, information and communication technologies, Internet, online commerce.

Информационные коммуникационные технологии открывают большие перспективы в развитии всех сфер жизни общества. И в этой сфере в нашей стране в последнее десятилетие достигнуты огромные успехи. Можно сказать, что всем россиянам доступна мобильная связь, и при этом есть выбор. Об этом свидетельствует численность абонентов сотовых мобильных телефонных систем – в 2021 г. она составила 246,6 млн чел., что значительно больше общей численности населения страны. Многие россияне пользуются услугами нескольких операторов сотовой связи.

По численности абонентов мобильной связи Россия – один из мировых лидеров. В расчете на 100 чел. населения этот показатель в 2021 г. составлял 169,4 чел. Более высокое значение этого показателя зафиксировано только в Республике Молдова (181). Для сравнения: в США этот показатель составляет 107 чел. на 100 чел. населения, Германии – 128 чел., Японии – 161, Китае – 122 чел. на 100 чел. населения [1, с. 296-297].

Население России активно покоряет и просторы Интернета. Удельный вес населения, пользующегося этой сетью, в 2010-2021 гг. в нашей стране увеличился в 2,3 раза и находится на довольно высоком уровне – 88 % от общей численности населения страны. В мире не так много стран, в которых этот показатель выше. Мировые лидеры по данному показателю – Дания, Люксембург и Норвегия с почти 100-процентным охватом населения (таблица 1).

Таблица 1

Удельный вес населения, пользующегося сетью Интернет в отдельных странах мира (в процентах) [1, с. 300-301]

Страна	2010	2015	2019	2020	2021
Россия	38	70	83	85	88
Австрия	75	84	88	88	93
Бельгия	75	85	90	92	93
Германия	82	88	88	90	91
Дания	89	96	98	97	99
Испания	66	79	91	93	94
Латвия	68	79	86	89	91
Люксембург	91	96	97	99	99
Нидерланды	91	92	93	91	92
Норвегия	93	97	98	97	99
Финляндия	87	86	90	92	93
Швейцария	84	87	93	94	96
Эстония	74	88	90	89	91
Республика Корея	84	90	96	97	98
Канада	80	90	97	92	…
США	72	75	89	91	…
Новая Зеландия	80	85	90	92	…

Число абонентов фиксированного широкополосного доступа к Интернету в России в 2010-2021 гг. возросло более чем в 2 раза. Особенно быстро увеличилось число пользователей мобильного интернета. Мировыми лидерами в использовании стационарного интернета являются Франция и Швейцария, мобильного – Япония и Польша.

Хотя в нашей стране рассматриваемые показатели в 2 раза меньше, но представляется, что уровень можно считать достаточным – 107,5 чел. на 100 чел. населения пользуются мобильным интернетом. Особенно если учесть сложности российского рынка услуг связи, связанные с техническим оснащением, в чем зависимость от иностранных поставщиков очень высока [2]. А износ основных производственных фондов в сфере информатизации и связи – почти 60 % (больше только в добывающих отраслях промышленности – 61 %).

Особые риски для стабильного функционирования этой важнейшей отрасли современной экономики, являющейся основным каналом распространения инноваций, связаны с тем, что почти 1/3 оборудования, используемого организациями, оказывающими услуги в сфере информатизации и связи, изно-

шено полностью (32,4 % в 2021 г.) [3, с. 313, 318]. В связи с возможными сбоями в работе оборудования заговорили даже о необходимости введения ограничений по трафику и отмены безлимитных тарифов – такие варианты активно обсуждались в феврале-марте 2022 г. [4].

Что касается абонентов фиксированного доступа, то этот показатель во всех странах значительно меньше, чем пользователей мобильного интернета (таблица 2).

Таблица 2

Число абонентов широкополосного доступа к сети Интернет в отдельных странах мира (на 100 человек населения) [1, с. 298-299]

Страна	Абоненты фиксированного широкополосного доступа к Интернету		Абоненты мобильного широкополосного доступа к Интернету	
	2010	2021	2010	2021
Россия	12,2	23,7	47,8	107,5
Германия	32,4	44,2	25,5	94,4
Дания	38,0	44,5	63,9	138,3
Латвия	20,5	26,1	29,7	142,2
Нидерланды	37,9	43,5	38,0	133,7
Норвегия	35,3	44,9	74,3	105,3
Польша	15,3	23,0	50,2	198,4
Великобритания	30,2	41,2	43,2	113,3
Финляндия	29,1	33,7	84,3	157,1
Франция	33,9	46,1	36,2	99,3
Швейцария	37,3	46,1	30,1	102,5
Швеция	31,9	39,9	83,8	125,8
Эстония	26,1	37,4	24,8	151,6
Сингапур	26,1	25,5	98,4	145,8
Япония	26,5	36,1	87,6	223,6
Канада	31,7	43,1	29,4	82,3
США	27,4	37,7	60,1	165,8

Следует также учитывать, что работающее население, как правило, имеет возможность использовать интернет на работе. Кроме того, необходимость в оплате разных каналов доступа значительно снизилась после того, как стало возможным «раздавать» интернет.

Особенно показательным в том, что касается развития информационных коммуникационных технологий, стал 2020 год, когда в целях противодействия распространению опасной инфекции практически все страны предприняли меры по разобщению людей вплоть до введения строгих наказаний за выход за пределы жилого помещения. Сравнение данных за этот год по разным странам позволяет говорить о существовании некоторого отставания в использовании сети Интернет населением РФ, особенно в использовании интернета для поиска вакансий (таблица 3).

Таблица 3

Население, использовавшее сеть Интернет по определенным целям в 2020 г. в отдельных странах Европы, (в процентах от общей численности населения в возрасте 16-74 лет) [5, с. 202]

	Население, использовавшее сеть Интернет по целям			
	участие в социальных сетях	осуществление финансовых операций	телефонные звонки или видеоразговоры через сеть Интернет	поиск вакансий
Россия	64	49	65	6
Германия	54	65	65	17
Дания	85	94	70	37
Италия	48	39	65	14
Финляндия	75	92	78	32
Франция	42	66	48	17
Чехия	59	70	52	6
Швеция	73	85	73	30

В решении вопросов трудоустройства многие россияне по-прежнему надеются на личные связи и визиты в организацию. Хотя нельзя отрицать, что активно развивается и онлайн-рекрутмент. Число сайтов по поиску и подбору персонала увеличилось [6].

Почти половина россиян используют Интернет для покупки товаров и услуг. Пандемия COVID-19 значительно ускорила темпы развития электронной коммерции – удельный вес россиян, покупающих товары онлайн, в 2021 г. увеличился на 30,5 % к допандемийному уровню. Хотя отставание по этому показателю заметно сократилось, показатель во многих странах по-прежнему остается значительно более высоким, чем в нашей стране (таблица 4).

Таблица 4

Население, использовавшее сель Интернет для заказа товаров, в отдельных странах мира, в процентах от общей численности населения) [1, с. 303]

Страна	2019	2021
Россия	36	47
Германия	79	76
Дания	84	91
Ирландия	67	87
Люксембург	72	81
Нидерланды	81	89
Норвегия	82	92
Великобритания	87	90
Финляндия	73	79
Франция	70	76
Швеция	82	87
Канада	76	86
США	61	64

Проанализировав основные показатели, отражающие ход цифровизации населения, можно говорить о том, что этот процесс идет активно, и по большинству показателей в части цифровой активности населения РФ мало уступает странам с более высоким уровнем экономического развития.

По показателю численности абонентов мобильной связи Россия находится на втором месте в мире (после Республики Молдова), в 1,6 раза опережая США. Удельный вес населения, пользующегося интернетом, в 2010-2021 гг. увеличился более чем в 2 раза и составил 88 % от его общей численности. Мобильный доступ к всемирной информационной сети используется в 4,5 раза чаще, чем фиксированный. Наиболее часто россияне пользуются интернетом для проведения телефонных разговоров и видеозвонков через интернет и общения в социальных сетях, примерно с такой же частотой это делают и европейцы.

Почти половина российских граждан в возрасте 16-74 года осуществляют финансовые операции через интернет. Хотя в период пандемии использование интернета для покупки товаров и услуг значительно активизировалось, цифровая активность россиян в этой сфере остается заметно ниже, чем в европейских странах, где удельный вес населения, осуществляющего финансовые операции с использованием сети интернет, составляет 65-94 %.

При поиске работы россияне предпочитают использовать традиционные способы, и в целях трудоустройства интернет используется редко, в то время как в европейских странах это довольно распространенный способ поиска работы.

Однако существуют риски замедления процесса цифровизации и возникновения сбоев в связи с очень высоким износом оборудования, используемого организациями, оказывающими услуги в сфере информатизации и связи.

Список литературы:

1. Россия и страны мира: сб. ст. // Росстат. М., 2022. 400 с.

2. Мы находимся в переломной точке: представитель отрасли – о замещении импорта телеком-оборудования в России. 13 апреля 2022 г. / RT на русском // https://russian.rt.com/science/article/989235-telekom-internet-pokrovskii-intervyu

3. Российский статистический ежегодник: сб. ст. // Росстат. М., 2022. 691 с.

4. Россия и страны – члены Европейского союза: сб. ст. // Росстат. М., 2021. 267 с.

5. Как пандемия ускорила автоматизацию при найме сотрудников / HR-portal // https://hr-portal.ru/article/kak-pandemiya-uskorila-avtomatizaciyu-pri-nayme-sotrudnikov

6. Россия и страны мира: сб. ст. / Росстат. М., 2020. 385 с.

А.А. Пустарнакова,
Самарский университет

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРАКТИК

В статье рассматриваются социологические подходы к изучению виртуальной этничности и этнической идентичности. Сделан акцент на том, что в эпоху распространения цифровых технологий существуют различные практики репрезентации этнических различий в Интернет-пространстве: транслировать и демонстрировать этнические символы, общаться с этническими своими, отделять себя от этнических чужих или других можно именно в Интернете. Этнические практики в виртуальном пространстве показывают, что благодаря возможности обращения к виртуальной этничности люди сохраняют связи с собственным этносом, свои идентичности, язык, культуру, объединяются в виртуальные этнические группы. Виртуальные этнические практики нередко становятся способом показать свою уникальность, самобытность, способом выделиться в информационном потоке.

Ключевые слова: виртуальная этничность, виртуальная этническая идентичность, виртуальные этнические практики.

A.A. Pustarnakova,
Samara University

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF VIRTUAL ETHNIC PRACTICES

The article deals with sociological approaches to the study of virtual ethnicity and ethnic identity. Emphasis is placed on the fact that in the era of the spread of digital technologies, there are various practices of representing ethnic differences in the Internet space: broadcasting and demonstrating ethnic symbols, communicating with ethnic friends, separating oneself from ethnic strangers or Others is possible on the Internet. Ethnic practices in the virtual space show that, thanks to the possibility of accessing virtual ethnicity, people can maintain ties with their own ethnic group, preserve their identities, language, culture, unite in virtual ethnic groups. Virtual ethnic practices often become a way to show their uniqueness, originality, a way to stand out in the information flow.

Keywords: virtual ethnicity, virtual ethnic identity, virtual ethnic practices.

Современный период характеризуется интенсивным развитием цифровых технологий, которые пронизывают абсолютно все сферы общественной жизни. Благодаря цифровизации начинают актуализироваться различные религиозные, национальные и традиционные культуры. На просторах Интернета сосуществуют разнообразные форумы, социальные сети, сайты, где могут продемонстрировать свои позиции представители разных этнокультурных групп. В эпоху Интернета и цифровых технологий виртуализация коммуникаций позволяет отдельным личностям и социальным группам открыто выражать свое мнение по поводу разных дискуссионных вопросов, в том числе этнических различий.

Социологический анализ виртуальной этничности (которую также называют киберэтничность, онлайн-этничность) и этнической идентичности – это сравнительно молодое научное направление. Его целью является изучение взаимодействий этнических и культурных групп в киберпространстве.

Введение в научный оборот термина «виртуальная этничность» связано с именем М. Постера, который в 1998 году указывал на то, что виртуальная этническая идентификация может быть рассмотрена в качестве взаимодействия реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп.

С момента своего появления данное понятие вызвало множество дискуссий в научной мысли. Так, Л. Макфайден выдвинул тезис, что любая этничность носит виртуальный характер, так как все пространство в XXI веке полностью цифровизировано.

В современной научной литературе авторы по-разному определяют виртуальную этническую идентичность. Например, А.А. Федорова рассматривает ее как особое константное переживание индивидуально-личностной или групповой идентичности на основе объективации общеразделяемой культурной и этнической символики, проявляющееся в форме сравнения образа «мы» с образом «не – мы» в ходе группового взаимодействия в рамках виртуального мира [1, с. 89].

И.З. Борисова отмечает, что виртуальная этническая идентичность – это процесс отнесения человека к той или иной группе для самовыражения и объединения людей по этническим признакам [2, с. 26].

Для анализа виртуальной этничности интересной представляется теория кибертипов и этнических стереотипов, которая была разработана Л. Накамура. По его мнению, виртуализация негативно влияет на этническую иден-

тичность и этнические стереотипы, в киберпространстве часто происходит умаление и высмеивание тех или иных этнических признаков [3].

З.Р. Хабибуллина в работе «Селфи в Мекке: харам или досточтимый хадж?» также подняла актуальный и сложный вопрос, связанный с возможностью совместить инновационные технологии и этнические и религиозные ценности общества и народа [4]. Так, в настоящее время можно увидеть множество положительной информации об исламе как о религии на просторах виртуального мира. Автор приводит размышления о допустимости селфи в Мекке, создании различных игр и приложений, в которых совершаются религиозные ритуалы, указывая, что это может привести к утрате религиозных и культурных ценностей не одного, а многих мусульманских народов. Безусловно, с мнением автора сложно не согласится, так как в данном случае речь идет уже о разрушении привычных традиций и обычаев мусульманского мира.

С другой стороны, актуализация идентичности в киберпространстве отличается от актуализации в реальном мире: отсутствием прямой угрозы физической безопасности; относительной анонимностью; возможностью в любой момент прервать взаимодействие в онлайн-среде. В этом смысле человеку посредством социальных сетей, мессенджеров, блогов проще выражать свои национальные чувства, именно здесь он может открыто демонстрировать идентичности, говорить и писать на родном языке, не бояться негативных последствий. Мигрантам Интернет позволяет реализовывать потребности в причастности к этнической общности, к своему народу, к Родине.

По мнению Д.А. Холопова, наиболее популярными информационными практиками в Интернет-пространстве являются медиаресурсы, направленные на популяризацию и поддержание самобытности этнической группы [5]. Предоставление контента, который делает использование технологии значимым и полезным в реальной жизни, позволяет сохранить/возродить язык, объекты материальной культуры в 3D-формате.

Подводя итоги нашему рассмотрению подходов к изучению виртуальных этнических практик и виртуализации этничности, можно сказать, что одни авторы рассматривают конструирование этнических различий на просторах Интернета как положительное явление, способное объединить людей, которые по определенным причинам не могут проявить свою этническую идентичность в реальном мире. Другие же рассматривают ее в качестве явления, ведущего к стиранию привычных для отдельных народов традиций, ценностей и обычаев. Тем не менее для большинства исследователей виртуальное пространство – это возможность распространять и сохранять информацию о сво-

ем этносе, площадка для достижения национальных целей, мощный ресурс для конструирования и презентации этничности.

Список литературы:

1. Федорова А.А. Проблема изучения виртуального пространства русской этнической идентичности в условиях Web 2. 0 // Коммуникология. №4. С. 89-98.

2. Борисова И.З. Роль киберпространства в формировании этнической идентичности // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. №3А. С. 26-30.

3. Nakamura, L. Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet (1st. ed.). Routledge, USA. 2002.

4. Хабибуллина З.Р. Селфи в Мекке: Харам или досточтимый Хадж? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 1-23.

5. Холопов Д.А. Этническая идентичность в пространстве интернета // Материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве». 2021. Т. 1. №10. С. 229-236.

М.И. Равчик,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург

ПРЕИМУЩЕСТВА ЦИФРОВИЗАЦИИ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В тексте описаны основные направления развития цифровой медицины, ее методов и преимуществ для пожилых людей. Рассмотрены технологии персональных цифровых ассистентов и экспертных медицинских систем, а также методы предиктивной аналитики.

Ключевые слова: цифровое здравоохранение, персональные ассистенты, пожилые люди, предиктивная аналитика.

M.I. Ravchik,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DIGITAL HEALTHCARE FOR ELDERLY PEOPLE

The text describes the main directions of development of digital medicine, its methods, and advantages for elderly people. Technologies of personal digital assistants and expert medical systems, as well as methods of predictive analytics, are considered.

Keywords: digital healthcare, personal assistants, elderly people, predictive analytics.

Наряду с прогнозируемым увеличением продолжительности жизни населения и суммарному увеличению его количества до 9,7 млрд человек к 2050 г. [1] остро становится вопрос доступности медицинской помощи, ведь уже в 2013 г. был зафиксирован дефицит медицинских работников [2], который будет только увеличиваться. Согласно прогнозам, к 2035 г. можно будет наблюдать нехватку примерно 13 млн медицинских работников в различных сферах, что приведет к ряду негативных последствий: рост нагрузки на имеющихся специалистов, уменьшение доступности медицинской помощи и сни-

жение качества оказываемых услуг [3]. При таком развитии событий одной из наиболее уязвимых групп населения будут пожилые люди, постоянно нуждающиеся в медицинском наблюдении ввиду объективных медико-социальных возрастных рисков. Однако ситуация не является безвыходной ввиду активного развития сферы цифрового здравоохранения, позволяющей распределять ограниченные ресурсы наиболее продуктивным образом и снизить нагрузку на медицинских работников, посредством делегирования их обязанностей экспертным интеллектуальным системам и персональным гаджетам. Можно прогнозировать, что, несмотря на дефицит ресурсов, именно развитие цифровой области здравоохранения позволяет в конечном итоге повысить доступность медицинской помощи.

Согласно мнению Global Market Insights, объем рынка цифрового здравоохранения активно растет и к 2026 г. будет составлять приблизительно 640 млрд долларов [4]. Рост инвестиций в этот сектор соответствует возрастающему спросу. Если в 2019 г. только 54 % европейских пациентов были готовы использовать технологии дистанционной медицины, то к 2020 г. их количество выросло до 70 %. И хотя на данную статистику могла повлиять пандемия COVID-19, вынудившая перевести привычные процедуры в онлайн-формат, устойчивый тренд на развитие системы цифрового здравоохранения был заложен задолго до этих событий.

Значимость цифрового здравоохранения для пожилых людей лежит не только в контексте улучшения качества оказываемых услуг и повышения их доступности, что подразумевается само собой, но и в менее очевидной плоскости – инклюзии пожилых людей в цифровое пространство. Множество пожилых людей являются так называемыми «цифровыми мигрантами» и были вынуждены проходить или проходят прямо сейчас адаптацию к интернет-пространству [5, с. 261]. Однако уже на этом этапе можно увидеть, что именно тема здоровья и медицины является одной из важнейших для старшего поколения, в контексте освоения ИКТ. Согласно данным Росстата, 49 % опрошенных пожилых используют интернет для поиска информации, связанной со здоровьем [6].

Именно поэтому область цифрового здравоохранения может стать «трамплином» для цифровой инклюзии пожилого населения и его активного включения в интернет-пространство. Удобство и практическая польза от использования практик цифрового здравоохранения может стать серьезным мотиватором для углубленного изучения современных технологий у старшего поколения. Вместе с этим, широкое распространение смартфонов и доступно-

го мобильного интернета приведет к уменьшению сложившегося цифрового барьера и итоговому улучшению качества жизни пожилого населения, активизации их личностного потенциала и изменению отношения общества к старости в целом посредством большей репрезентации пожилых людей в интернет-пространстве.

Исходя из этого, представляется актуальным рассмотреть существующие тренды в развитии цифрового здравоохранения и оценить возможности их применения для пожилых людей.

В контексте развития языковых моделей в последнее время можно наблюдать скачок в развитии персональных цифровых ассистентов и экспертных медицинских систем. Несмотря на то, что современные языковые модели все еще развиваются, уже сейчас они позволяют снизить необходимость очного обращения в учреждения здравоохранения, например, при наиболее распространенных случаях. Тем самым, в контексте пожилых людей, можно избежать ряда таких ограничений, как малая мобильность, вызванных возрастом, препятствующих посещению медицинских организаций. Развитие современных технологий дает возможность создавать гаджеты, базирующиеся на повседневных смартфонах и умных часах, которые позволяют осуществлять постоянный мониторинг состояния здоровья их пользователя. На основе собранных медицинских данных персональный ассистент и экспертные системы соответствующих приложений расширяют возможности профилактики заболеваний. Именно эта область представляется наиболее актуальной для пожилых людей, ввиду повышенных рисков, связанных с хроническими заболеваниями, которые на 2021 г. наблюдаются у 51 % граждан РФ старше пенсионного возраста [7]. Снижение нагрузки на специалистов сферы здравоохранения посредством сокращения необязательных очных посещений в случае, если это не влияет на качество оказываемых услуг, позволит также существенно уменьшить затраты на сферу здравоохранения [8].

Персональные ассистенты и экспертные системы, базирующиеся на мобильных платформах, являются наиболее удобными для пожилых людей, так как, согласно существующим данным, большая часть пожилых людей предпочитают выходить в сеть посредством смартфонов [9].

В случае же, если пациент предпочитает специализированную помощь, но не желает ждать в очередях или посещать места массового скопления людей во избежание рисков, существует практика телемедицины. Дистанционное взаимодействие пациента и специалиста посредством цифровых технологий позволяет получить квалифицированную медицинскую помощь вне зависимо-

сти от физической возможности пожилого человека посетить конкретное медицинское учреждение и снизить материальные затраты.

Другой областью цифрового здравоохранения, актуальной для пожилых людей, является так называемая предиктивная аналитика, в том числе персонализированная медицина, позволяющая выбирать индивидуальный клинический маршрут для конкретного пациента с большей эффективностью, чем классическая медицина, не использующая прогностическую аналитику. В случае пожилых это важно, так как их клиническая картина, обогащенная различными заболеваниями, накопленными в течение жизни, достаточна для прогнозирования.

Кроме того, пандемия COVID-19 наиболее болезненно повлияла на людей старшего поколения, как и многие другие эпидемии. Применение нейронных сетей и моделей прогнозирования распространения инфекционных заболеваний сейчас чаще всего делает акцент на группах населения, наиболее подверженных риску. Развитие таких систем позволит снизить риски пожилых людей пострадать от появляющихся или возобновляемых инфекций.

Несмотря на существование уже реализованных технологий цифровой медицины, важно информировать пожилых людей об имеющихся возможностях и перспективах. Это способствует не только развитию сферы в целом, но и помогает пожилым людям повысить их качество жизни и доступность реализованных для них возможностей и функционала цифрового здравоохранения. С подобной задачей может справиться как масштабная информационная компания, так интеграция медицинских сервисов в государственные и локальные платформы. Например, развивающаяся «Экосистема городских сервисов» в г. Санкт-Петербург включает в себя роль «Я пенсионер», отражающую основные потребности пожилых людей, в том числе потребности в здравоохранении и здоровьесберегающих практиках.

Таким образом, применение цифровых технологий в сфере здравоохранения в отношении пожилых людей повышает не только качество медицинских услуг, но и их доступность, что особенно важно для пожилых людей, ввиду присущих им медико-социальных рисков. Кроме того, доступность цифровой медицины для пожилых положительно влияет на их включенность в общество, что также повышает их качество жизни.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 «Отложенное старение или поздняя взрослость в России: как цифровое развитие меняет статус пожилых в эпоху COVID-19 и неопределенности» (https://rscf.ru/project/22-18-00461/).

Список литературы:

1. 2022 Revision of World Population Prospects. United Nation // https://population.un.org/wpp/

2. Wiegand T, Krishnamurthy R, Kuglitsch M, Lee N, Pujari S, Salathé M, Wenzel M, Xu S. WHO and ITU establish benchmarking process for artificial intelligence in health. Lancet. 2019 // https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/30935732/

3. Dash P., Henricson C., Kumar P., Stern N. The hospital is dead, long live the hospital! // https://www.mckinsey.com/industries/healthcare/our-insights/the-hospital-is-dead-long-live-the-hospital#/

4. Ugalmugle S., Swain R. Digital Health Market Size, 2020-2026. 2020 // https://www.gminsights.com/industry-analysis/digital-health-market

5. Видясова Л.А. Международный симпозиум «Цифровое здравоохранение и перспективы развития концепции активного долголетия» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 3. С. 259-266.

6. Итоги выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей. Федеральная служба государственной статистики. 2019 // https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640

7. Старость в регионах России. Оценка благополучия старшего поколения на основе открытых статистических данных // Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко и Райффайзенбанк. 2021 // https://tochno.st/problems/ageing

8. Noncommunicable diseases. World Health Organization. 2022 // https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases

9. Исследование медиапотребления в интернете. К. Ачкасова. 2022 // https://mediascope.net/upload/iblock/fd8/RIF_mediapotreblenie.pdf

Е.Н. Рассолова,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА В ПРОСТРАНСТВЕ КРУПНОГО МОНОПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА: ВЫСТРАИВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ

Современная эпоха характеризуется изменчивостью, хрупкостью, турбулентностью, тревожностью. Одной из форм антихрупкости выступают коллективные форматы деятельности, которые получили распространение и в науке. Проведение исследований учеными-профессионалами совместно с научными волонтерами открывает возможности для инноваций и развития городов. В данной работе акцент делается на форматах гражданской науки в пространстве крупного монопромышленного города Набережные Челны.

Ключевые слова: гражданская наука, научное волонтерство, инициативы гражданской науки, гражданская наука и город, инновации, инновационный потенциал.

E.N. Rassolova, SI RAS – FCTAS RAS

ARTICLE TITLECITIZEN SCIENCE IN TNE SPACE OF A LARGE SINGKE-INDUSTRIAL CITY: BUILDING INTERACTION TO INCREASE THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE TERRITORY

The modern era is characterized by variability, fragility, turbulence, anxiety.One of the forms of antifragility is the collective formats of activity, which have become widespread in science. Research carried out by professional scientists together with scientific volunteers opens up opportunities for innovation and urban development. In this work, the emphasis is on the formats of citizen science in the space of the large mono-industrial city of Naberezhnye Chelny.

Keywords: citizen science, science volunteering, citizen science initiatives, citizen science and the city, innovation, innovation potential.

Наука как область трудовой деятельности и социальная сфера прошла огромный путь от привелегированного и сегрегированного сообщества до важнейшего и доступного элемента современного общества. Значительную роль в становлении науки, более понятной обывателю, сыграли научная коммуникация, популяризация и журналистика. Научно-техническое наследие прошлых исторических этапов вызывает восхищение и чувство ностальгии у большинства граждан.

На современном этапе наметился рост престижа науки как области профессиональной деятельности. Период с 2022 по 2031 гг. обозначен как «Десятилетие науки и технологий», а наличие отраслевого национального проекта «Наука» призвано способствовать развитию наукоемкого сектора экономики. По-прежнему остро стоит проблема кадрового состава научно-исследовательской среды. Вместе с тем появляются новые форматы вовлечения части населения в сферу науки через научную популяризацию, коммуникацию, просвещение, а также волонтерство, которое еще известно как гражданская наука. Развитие данного направления получило новое дыхание в рамках обозначенного национального проекта и актуализировало роль добровольческих научных объединений с существованием специализированных цифровых платформ.

Рассуждая на тему гражданской науки, можно отметить немногочисленность публикаций по данной теме на текущий момент. В исследованиях citizen science прослеживается несколько направлений. Во-первых, историки науки, рассматривающие гражданскую науку через оптику классического инструментария, включают это поле в контекст других существующих наук. Во-вторых, более узкий фокус исследования представлен социологами, которые рассматривают гражданскую науку как автономный, независимый элемент, объект для исследования, существующий в данный момент времени и пространства [1].

Гражданская наука выступает связующим звеном между официальными научными и образовательными институциями, обществом, промышленным производством и бизнесом, осуществляет функционирование налаженных каналов коммуникации и способствует взаимной поддержке каждого из элементов. В контексте данного исследования нами рассмотрены роль и формы гражданской науки в пространстве крупного монопромышленного города Набережные Челны как условия повышения инновационного потенциала территории. Для того, чтобы непосредственно перейти к описанию, необходимо обозначить значение ключевых категорий: гражданская наука, инновационный потенциал.

Гражданская наука – формат проведения научных исследований с привлечением добровольцев и непрофессионалов [2]. Форматы взаимодействия охватывают практически все доступные научные дисциплины, привлекаемые добровольцы могут не обладать специализированной подготовкой, т.к. спектр помощи достаточно широк. Инновационным потенциалом территории является совокупность финансовых, кадровых, информационных материально-технических возможностей и иных ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности. Существенной составляющей инновационного потенциала является наличие новшеств, которые могут быть использованы в общественном производстве региона [33].

Набережные Челны как крупный монопромышленный город сосредоточен на машиностроительном производстве, ИТ-сфере, что подразумевает под собой инновационное и наукоемкое производство. Существующие научно-технические центры и лаборатории на производстве и в образовательных учреждениях играют важную роль в поддержании текущего уровня инновационного потенциала [4]. Вместе с тем в крупном монопромышленном городе представлены прикладные исследования, которые отражаются на специфике и характере инициатив гражданской науки. В ряде территориальных образований система гражданской науки может выполнять функции экологического мониторинга, каталогизации и систематизации наблюдений (с последующей передачей данных ученым-профессионалам). Гражданская наука принадлежит к более глобальным идеям концепции открытой науки: это движение, направленное на то, чтобы сделать научные исследования (включая публикации, данные, физические образцы и программное обеспечение) и их распространение доступными для всех слоев общества, любителей или профессионалов. Все это в совокупности способствует повышению интереса к научным исследованиям, технологическим разработкам, формированию новой этики в отношении научно-технологического развития, общему повышению инновационного потенциала территории.

В городе Набережные Челны существует сообщество «Молодые ученые», которое выступает примером гражданской науки, так как в основном, состоит из непрофессиональных исследователей. В 2019 г. был инициирован проект «Stellatum: звезды вблизи», получивший грантовую поддержку на молодежном форуме ПФО «iВолга» в 2022 г. Данный проект создан в целях популяризации любительской астрономии, повышения качества профессиональной подготовки будущих учителей физики и астрономии, а также разработки передвижной обсерватории для проведения полноценных наблюдений и ис-

следований в перспективе. Сообщество «Молодые ученые» активно сотрудничает с учебными заведениями города, основным промышленным предприятием и с пространством коллективной работы «Точка кипения» для проведения авторских некоммерческих исследований, наблюдений, организации научно-популярных мероприятий и выстраивания коммуникаций между наукой, бизнесом и производством.

Таким образом, развертывание сетей взаимодействия между различными акторами способствует формированию единого коммуникативного пространства [5]. Повышение доступности научных знаний, вовлечение научных волонтеров (непрофессиональных ученых) в проекты профессиональной науки в условиях монопромышленного города позволяет создавать особые надстройки и сообщества, которые затем институционализируются, профессионализируются и приводят к укреплению сетей взаимодействия и развитию инновационного потенциала.

Список литературы:

1. Волкова А.В. Потенциал «гражданской науки» в общественно-политическом развитии // Социально-политические исследования. 2019. №. 1. С. 41-50.

2. Масланов Е.В., Долматов А.В. Гражданская наука-наука как призвание // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Т. 56. №. 3. С. 40-44.

3. Егорова С.Е., Кулакова Н.Г. Инновационный потенциал региона: сущность, содержание, методы оценки // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2014. №. 4. С. 54-67.

4. Евстафьева А.Х., Сычев М.И. Инновационный потенциал региона и механизмы его роста (на примере Республики Татарстан) // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2012. №. 1 (19). С. 145-151.

5. Обухов К.Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2008. №. 1. С. 107-110.

К.В. Рафикова,
Самарский университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МЕДИАПАМЯТИ

Цифровизация наследия анализируется в контексте теории медиапамяти. Процессы цифровизации наследия рассматриваются как форма цифровой ремедиации памяти. Особое внимание уделяется этическим проблемам цифровой ремедиации.

Ключевые слова: теории медиапамяти, цифровизация, культурное наследие, ремедиация.

K.V. Rafikova,
Samara University

DIGITALIZATION OF CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF THEORY MEDIA MEMORY

The problems of digitalization of heritage are being analyzed in the context of theory media memory. The process of digitalisation is regarded as a digital remediation of cultural memory. Special attention is given to ethical issues of digital remediation.

Keywords: media memory *studies,* digitalisation, cultural heritage, remediation.

Теория медиапамяти (media memory studies*) является* новым междисциплинарным направлением, которое появилось в результате интеграции медиаисследований и теорий памяти [1]. Данное направление еще не до конца определилось со своим предметом и характеризуется фрагментарностью исследовательского поля. Однако у него большие перспективы для осмысления культурной памяти в цифровом обществе, в том числе проблемы цифровизации культурного наследия.

Теория медиапамяти исходит из расширительного толкования медиа, предложенного М. Маклюэном: в качестве медиапамяти рассматривается любое средство, опосредующее память. Это не только средства массовой информации, но и сами объекты, их коллекции и институты наследия. Объекты наследия призваны быть посредниками между обществом и его памятью.

В современном обществе возрастающий объем сохраняемого материального наследия приводит к тому, что оно фактически теряет способность актуализировать память. Данную проблему поднимает Д. Лоуэнталь [2]. К альтернативам материальному сохранению он относит традиционные практики Китая и Японии: сохранение фрагментов и процессов создания (технологий), а также их репрезентация в новых объектах.

Следует отметить, что в условиях модернизации и быстрых культурных изменений материальное сохранение все же необходимо. Хорошей иллюстрацией является практика «поновления» русской иконописи, благодаря которой аутентичная традиция была практически утрачена и вновь «открыта» коллекционерами начала XX века.

Перевод наследия в цифровой формат обычно рассматривается как способ сохранения быстро разрушающихся объектов наследия. Цифровизация может использоваться в качестве самостоятельной формы в тех случаях, когда объекты нельзя транспортировать и музеефицировать в традиционном формате в силу их удаленности или ландшафтной специфики. К таким, например, относятся археологические объекты (петроглифы, оленные камни) [3, с. 246].

Создание цифрового объекта наследия позволяет и исследователям, и массовым зрителям изучить предмет так хорошо, как они не смогли бы это сделать в музеях, особенно в условиях наплыва посетителей на выставках-бестселлерах. Технологии трехмерного моделирования создают эффект присутствия пользователя: объект можно рассмотреть на большом увеличении, буквально «подержать в руках».

Обратим внимание на различие понятий оцифровки и цифровизации. Понятие «оцифровка» (digitisation) обычно включает перевод аналоговых данных в цифровую форму. Понятие же «цифровизация» (digitalisation) указывает на создание нового цифрового продукта, который сам может выступать как объект цифрового наследия.

Использование цифровых технологий влияет на процесс создания, отбора, сохранения и интерпретации наследия, а также порой меняет форму и смысл предметов наследия. В рамках медиаисследований и теории медиапамяти этот процесс также может быть охарактеризован как «ремедиация» – процесс «перезаписи» информации о прошлом с одного носителя на другой. При этом информация анализируется с точки зрения того влияния, которое оказывают на нее особенности носителей.

Примерами ремедиации являются публикации объектов наследия на выставках, в книгах и фильмах, на сайтах и в социальных сетях. Коллекционеры, ученые и музейные кураторы создают новый контекст восприятия объектов

наследия, например, дают названия художественным произведениям, выделяют наиболее яркие сюжеты.

В качестве примера можно привести многочисленные ремедиации картины Яна Вермеера «Девушка с жемчужной сережкой». Свое современное название картина получила только во время подготовки к выставке Вермеера 1995 года в Вашингтоне. Это название стало основой для дальнейшей интерпретации полотна в массовой коммуникации. Роман Т. Шевалье «Девушка с жемчужной сережкой», вышедший в свет в 1999 году, представляет собой художественный вымысел, рассказывающий предположительную историю полотна. В одноименном фильме 2003 года эта выдуманная история обрела визуальное воплощение. Сцены из фильма воспринимаются как ожившие картины Вермеера: герои говорят, действуют, испытывают эмоции, что заставляет зрителей поверить в достоверность изображаемой истории. В современной массовой культуре картина стала основой популярных мемов.

Любопытно, что цифровая репрезентация произведения на сайте музея Маурицхёйс в Гааге [4], где хранится картина Вермеера, опирается на разные формы ремедиации: от научных исследований до художественной интерпретации в массовой культуре и цифрового сторителлинга. Иммерсивные технологии позволяют посетителю сайта испытать собственный опыт исследования произведения при многократном увеличении. Также музей предложил поклонникам создать свою версию произведения и устроил показ цифровых произведений в социальных сетях.

Процесс цифровизации сделал зримым функции музеев как средств массовой коммуникации. Виртуальные представительства ведущих классических музеев превращаются в полноценные мультимедийные средства массовой коммуникации, использующие различные цифровые форматы. При этом они опираются на иммерсивный и интерактивный характер взаимодействия с наследием. Тем самым, говоря на языке цифровых медиа, музеи интерпретируют наследие, как и другие агенты медиапамяти «с помощью данных, взятых из настоящего» [1, с. 71].

Одной из значимых проблем теорий медиапамяти являются этические вопросы, связанные с ремедиацией. Так, Д. Вертхайм поднимает проблему искажения смысла и культурно-исторического контекста произведения в коммерческих или идеологических целях [5]. Использование объектов наследия в социальных сетях ставит вопросы этичности такого использования. Например, картина Эдварда Мунка «Крик» используется в многочисленных мемах, часто с юмористическими подписями или отсылками к популярной культуре. Эмо-

циональный накал оригинальной картины превращается в юмористический сюжет.

Примерами такой ремедиации вне исторического контекста является публикация произведений живописи в телеграм-канале «Рживопись». Создатели канала сохраняют имена авторов картин, но меняют их названия на юмористические, помещая изображение в новый контекст массовой культуры и повседневности. Так, картина В.В. Верещагина «Наполеон в зимнем одеянии» публикуется с названием «Бабушка одевала». Картина советского художника И.М. Ильина «Хоккеист» – портрет заслуженного мастера спорта Е.Д. Мишакова, изображенного с клюшкой марки «КИМ» – получила название «Поклонник Кардашьян».

Цифровые медиа произвели революцию в том, как мы получаем доступ к объектам наследия и взаимодействуем с ними, но также поднимают этические вопросы о подлинности и репрезентации. Если аналоговые медиа могли неточно передавать текстуру, цвет и масштаб оригинального объекта, то проблема цифровизации заключается в быстроте и простоте процесса тиражирования, при котором объект наследия легко отделяется от своего контекста и помещается в новый контекст актуальной культуры. Особенно это касается объектов наследия, связанных со значимыми историческим событиям и личностями, произведений с трагическим, религиозным или историческим сюжетом.

Список литературы:

1. Артамонов Д.С. Медиапамять: теоретический аспект // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2022. № 2 // https://cyberleninka.ru/article/n/mediapamyat-teoreticheskiy-aspekt

2. Лоуэнталь Д. Материальное сохранение и его альтернативы // Неприкосновенный запас. 2017. № 4. С. 133-153.

3. Рафикова К.В., Букина О.В., Зубов С.Э. Виртуальный музей археологии: архитектоника музейного пространства // Археология евразийских степей. 2022. № 5. С. 244-253.

4. www.mauritshuis.nl

5. Wertheim D. Remediation as a Moral Obligation: Authenticity, Memory, and Morality in Representations of Anne Frank // https://www.academia.edu/1265289/Remediation_as_a_Moral_Obligation_Authenticity_Memory_and_Morality_in_Representations_of_Anne_Frank

А.П. Романова,
Белорусская медицинская академия последипломного образования (Минск);
О.В. Агиевец,
Белорусская медицинская академия последипломного образования (Минск)

О МЕТОДОЛОГИИ «СЛЕДОВАНИЯ ЗА ДАННЫМИ» В ИЗУЧЕНИИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

Приведены результаты исследования динамики смертности населения Республики Беларусь в долгосрочной ретроспективе с использованием методологии «следования за данными». Представлен порядок проведения исследования, описаны использованные методы. Научно обосновано выделение на протяжении 1959-2018 гг. шести периодов динамики смертности на основании статистически значимых различий темпов прироста показателей. Обозначена возможность соотнесения изменения темпов прироста показателей смертности с совокупностью социально-экономических, медицинских и экологических событий, в рамках выделенных по результатам моделирования, а не установленных авторами, периодов.

Ключевые слова: методология следования за данными, общественное здоровье, смертность, динамика смертности, моделирование динамики смертности.

A.P.Romanova,
Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education;
O.V. Aguievets,
Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education

ABOUT THE METHODOLOGY OF “FOLLOWING THE DATA“ WHEN STUDYING THE HEALTH INDICATORS

The results of a study on the long-term retrospective mortality dynamics in the Republic of Belarus using the methodology of “following the data” are presented. The procedure of conducting the study is demonstrated, with the methods used being described. Six periods of mortality dynamics during 1959-2018 have been identified and scientifically grounded based on statistically significant differences in

the growth rates of indicators. The change in the growth rate of mortality rates is likely to correlate with a set of socio-economic, medical and ecological events within the periods identified by modeling and not established by the authors.

Keywords: methodology of “following the data”, public health, mortality, mortality dynamics, modeling the mortality dynamics.

Общественное здоровье формируется под влиянием социальных условий и факторов внешней среды, а в структуре факторов риска развития заболеваний, доля образа жизни составляет 50-55 %. [1]. Понятие образ жизни как исторически обусловленный тип деятельности человека в материальной и нематериальной (духовной) сферах жизни включает четыре категории: уровень жизни (экономическая категория), качество жизни (социологическая категория), стиль жизни (социально-психологическая категория) и уклад жизни (социально-экономическая категория) [2]. Информационное развитие общества существенно расширило горизонты и возможности исследований в различных сферах жизнедеятельности человека, что способствует разработке новых подходов к анализу уровня и качества жизни, равно как и к исследованию показателей здоровья населения. Показатели общественного здоровья – медико-демографические (смертность, рождаемость, естественный прирост), заболеваемость, инвалидность и физическое развитие – относят к индикаторам социально-экономического развития государств и эффективности систем здравоохранения. Применение новых подходов и использование возможностей математической обработки совокупности показателей здоровья населения, представляющих собой большие массивы данных, которые традиционно рассматриваются в разрезе пола, возраста и типа территории проживания, существенно расширяют возможности их исследования и позволяют по-новому взглянуть на развитие здоровья населения.

При проведении исследования динамики показателей смертности населения Республики Беларусь в долгосрочной ретроспективе за 1959-2018 гг. электронная «База данных, содержащая абсолютную численность умерших и среднегодовую численность населения БССР и Республики Беларусь по 5-летним возрастным группам с разделением по полу и типу территории проживания за 1959-2018 гг.», созданная в программе Excel, включила 23 760 значений в абсолютных значениях [3].

Исследование опиралось на методологию, основанную на данных (data-driven, «следование за данными»), которая является междисциплинарной областью и использует научные методы, процессы, алгоритмы и системы для извлече-

ния знаний из множества структурированных и неструктурированных данных [4; 5]. Для изучения динамики смертности в долгосрочной ретроспективе использовался метод моделирования [6; 7]. Временной ряд показателя общей смертности был исследован на предмет возможных статистически значимых временных тенденций/трендов на протяжении исследуемого периода, для чего был проведен регрессионный анализ. Он включал в себя выбор варианта регрессионной модели; оценку функции связи между зависимой и независимой переменными; проверку предположений, лежащих в основе модели; анализ производительности полученной модели на основе анализа остатков. Предположение о гомоскедастичности проверялось с помощью критерия Бройша-Пагана (англ. Breusch-Pagan test), также использовался критерий Дарбина-Уотсона (англ. Durbin-Watson test) на автокорреляцию первого порядка остатков модели [8]. Анализ остатков сопровождался расчётом абсолютной и относительной ошибок: максимальной, 90-го и 50-го квантилей. Для проведения анализа временных трендов была выбрана пуассоновская линейная модель с точками перелома (кусочно-линейная модель) [9; 10]. Выбор модели кусочно-линейной регрессии, наиболее точно описывающей динамику смертности населения Беларуси на протяжении 1959-2018 гг., проводился по критерию, предложенному H. J. Kim et al. Оптимальное количество точек перелома определялось на основании перестановочного алгоритма [11]. Бейесовский информационный критерий (Bayesian information criterion – BIC) использовался для сравнения моделей между собой на основе баланса сложности и точности [12]. Валидация выбора модели проведена по алгоритму BIC [13] и BIC3 [14; 15]. На основании коэффициентов регрессии полученных моделей рассчитывался темп ежегодного прироста изучаемого показателя в процентах для каждого хронологического периода как $100\left(e^{\hat{\beta}}-1\right)$, который интерпретировался как процентное возрастание средней величины соответствующего показателя за год (темп ежегодного прироста в процентах, ТЕП) [16; 17].

Расчеты по оценке показателей выполнялись в статистическом пакете R, Версия 3.6 [18], с подключением библиотеки epitools []; для моделирования кусочно-линейной регрессии и расчётов трендов использовалось специализированное программное обеспечение Joinpoint Regression Program [20], а также офисный пакет MS EXCEL 2010.

Созданная математико-статистическая динамическая модель продемонстрировала статистически значимое различие ($p<0,05$) темпа ежегодного прироста показателя общей смертности (ОПС) в длительном временном интервале, что яви-

лось основанием для выделения на протяжении 1959-2018 гг. шести хронологически последовательных периодов динамики показателя общей смертности (Рис. 1)

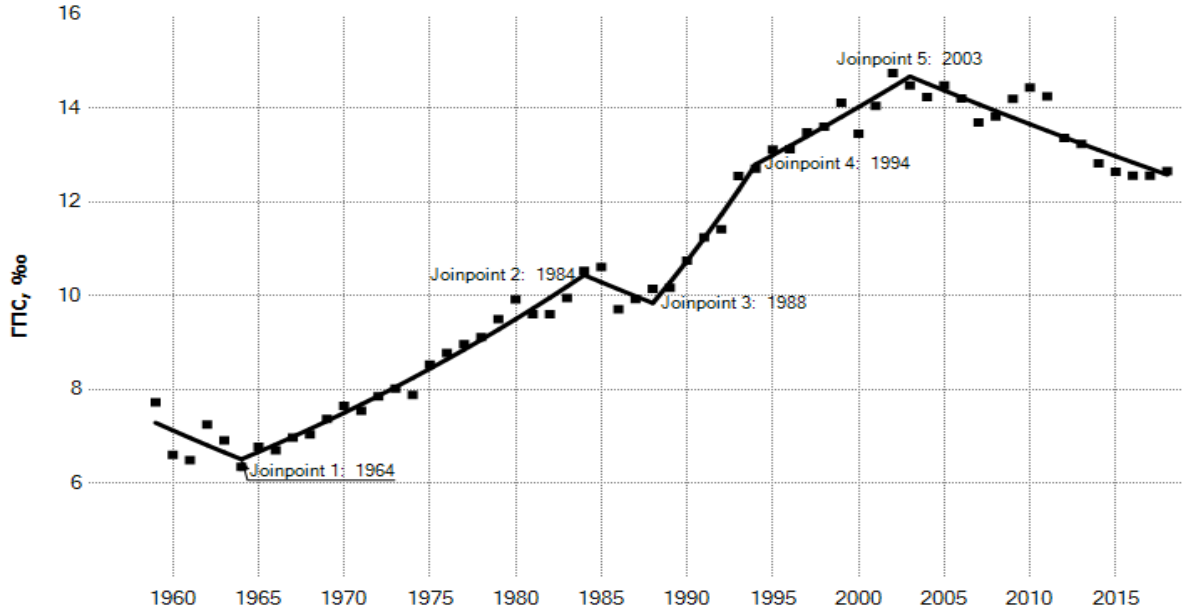


Рис. 1. Динамика общего показателя смертности в 1959-2018 гг.
Маркер – наблюдаемые ОПС, линии – модельные расчеты.

На протяжении 1959-1964 гг. ОПС населения не претерпевал статистически значимых изменений, p = 0,071, снижаясь в тенденции. В 1964-1984 гг. ОПС населения возрастал с ТЕП 2,4 (2,01; 2,7)%, p < 0,001. В течение последующих 4 лет (1984-1988 гг.) ОПС оставался статистически неизменным, p = 0,484. С 1988 г. до 1994 г. ОПС возрастал с ТЕП 4,5 (2,6; 6,4)%, p < 0,001, а затем продолжил рост в 1994-2003 гг. с ТЕП 1,5 (0,7; 2,3)%, p < 0,001. В 2003 году ОПС начал снижаться с ТЕП −1,0 (−1,3; −0,7%)%, p < 0,001, и в 2018 году составил 12,66 (95%ДИ 12,59; 12,73)‰.

В отличие от подхода исследования динамики смертности, в хронологических периодах, выбираемых и устанавливаемых автором (например: между переписями населения, 5-летними или другой продолжительности периодами), границы установлены «от обратного», то есть границы периодов динамики смертности в долгосрочной ретроспективе формировали данные. Таким образом, использование методологии, основанной на данных (data-driven, «следование за данными»), и динамической информационной знаковой компьютерной модели позволило научно обосновать хронологические границы периодов динамики смертности населения БССР и Республики Беларусь в 1959-2018 гг. и соотнести изменения темпов прироста показателей смертности с совокупностью

социально-экономических, медицинских и экологических событий, происходивших в течение хронологических периодов.

Список литературы:

1. Лисицын Ю.П., Улумбекова Г.Э. Общественное здоровье и здравоохранение: учеб. Для студентов учреждений высш. проф. образования. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. 544 с.

2. Пилипцевича Н.Н., ред. Общественное здоровье и здравоохранение: учеб. пособие. Минск: Новое знание, 2015. 784 с.

3. Романова А.П. База данных содержащая абсолютную численность умерших и среднегодовую численность населения БССР и Республики Беларусь по 5-летним возрастным группам с разделением по полу и типу территории проживания за 1959-2018 гг. // База данных : зарег. в Гос. рег. информ. ресурсов, 22.06.2020, № 1052022830; Белорус. мед. акад. последиплом. образования. Электрон. дан. Минск, 2020. 1 электрон. опт. диск.

4. Dhar V. Data science and prediction // Communications of the ACM. 2013. Vol. 56, № 12. P. 64-73.

5. Leek J. The key word in «Data Science» is not data, it is science // https://simplystatistics.org/posts/2013-12-12-the-key-word-in-data-science-is-not-data-it-is-science/

6. Белоенко Е.Д., Беспальчук П.И., Мухля А.М. Приоритетная медицинская проблема – травматизм // Первый съезд врачей Республики Беларусь: тез. докл., Минск, 25-26 июня 1998 г. Минск, 1998. С. 86-87.

7. Кальченко Е.И. Менеджмент в здравоохранении: избранные понятия и термины. СПб.: [б.и.], 1995. 45 с.

8. Дрепер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ: в 2 кн. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1986-1987. Кн. 1. 1986. 365 с.

9. Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика. Изд. 2-е, испр. Минск: Высш. шк., 1967. 328 с.

10. Feder, P. I. On asymptotic distribution theory in segmented regression problems – identified case // The Annals of Statistics. 1975. Vol. 3, № 1. P. 49-83.

11. Kim H.J., Fay M.P., Feuer E.J., Midthune D.N. Permutation tests for joinpoint regression with applications to cancer rates // Statistics in medicine. 2000. Vol. 19, № 3. P. 335-351.

12. Schwarz G. Estimating the dimension of a model // The Annals of Statistics. 1978. Vol. 6, № 2. P. 461-464.

13. Kim H.J., Yu B., Feuer E.J. Selecting the number of change-points in segmented line regression // Statistica Sinica. 2009. Vol. 19, № 2. P. 597-609.

14. Kim J., Kim H.J. Consistent model selection in segmented line regression // Journal of Statistical Planning and Inference. 2016. Vol. 170. P. 106-116.

15. Zhang N.R., Siegmund D.O. A modified Bayes information criterion with applications to the analysis of comparative genomic hybridization data // Biometrics. 2007. Vol. 63, № 1. P. 22-32.

16. Вальчук Э.А., Гулицкая Н.И., Царук Ф.П. Основы организационно-методической службы и статистического анализа в здравоохранении. Минск: Харвест, 2007. 398 с.

17. Статистические методы анализа медико-демографических показателей // Медицинская статистика и оргметодработа в учреждениях здравоохранения. 2019. № 5. С. 6-26.

18. R Core Team (2019). R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria // https://www.R-project.org/

19. Tomas J. Aragon (2017). epitools: Epidemiology Tools. R package version 0.5-10 // https://CRAN.R-project.org/package=epitools

20. Joinpoint regression program, version 4.8.0.1. April 2020 / Stat. research and applications branch, Nat. cancer institute.

И.Л. Сизова,
Санкт-Петербургский
государственный университет

ВЛИЯНИЕ СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ НА ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ

В отличие от предыдущего времени, неопределенность характеризуется как следствие недостаточной рациональности и кризиса доверия к либеральному нарративу прогресса. Непредсказуемое развитие заставляет трудящихся отвлекать силы на овладение искусством социального выживания. Внутри мира труда усиливается неравенство между трудящимися. Ослабление национальных систем профессиональной подготовки осложняет рекрутмент. Западные страны сформировали политический курс на развитие общей «способности к занятости» населения (Employability), ответственность за которую возлагается на самих работников. Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №23-28-00011.

Ключевые слова: неопределенность, компетенции работников, профили, рекрутмент, профессия

I.L. Sizova,
Saint-Petersburg State University

THE IMPACT OF UNCERTAINTY ON LABOR AND EMPLOYMENT

Unlike the previous time, uncertainty is characterized as a consequence of insufficient rationality and a crisis of confidence in the liberal narrative of progress. Unpredictable development forces workers to divert their forces to mastering the art of social survival. Within the world of work, inequality between workers is increasing. The weakening of national vocational training systems complicates recruitment. Western countries have formed a political course for the development of employability, the responsibility for which lies with the employees themselves. The research was supported by RSF (project No 23-28- 00011).

Keywords: uncertainty, employee competencies, profiles, recruitment, profession.

В социологии традиционно неопределенность характеризуется в связи с негативными последствиями социальных изменений (например, аномия у Э. Дюркгейма) или как отклонение от социального порядка (Т. Парсонс, Р. Мертон). В целом понимание неопределенности было поставлено в зависимость от эволюционного развития и в рационализированном мире XX века связывалось с теорией управляемых рисков, то есть возможностью обработки информации и нацеленного воздействия на ситуацию [1]. Проблемы появлялись в том случае, если неправильно рассчитывались риски или во время не были предприняты предупредительные действия [2]. На этом фоне человек легко (через систему образования) встраивался в строгую систему (профессиональных) функций, а общество распределялось по социально-профессиональным группам [3, с. 282]. Такая универсальная логика жизни и представляла собой стабильность, подразумевающую наличие общих представлений и понятных образцов поведения [4, с. 306].

Такие современные процессы, как либеральный нарратив, глобализация, индивидуализация, технологический прогресс в форме цифровизации, сокращают возможности предвидения и управления ситуацией. С каждым разом все сложнее становится определить комплексную реальность и выстроить свободную от недостатков стратегию управления. В ней предпосылки действий не ясны, последствия не предсказуемы, а социальные структуры выглядят противоречивыми, конфликтными и ассиметричными.

Вместо недостаточной рациональности, больше не отвечающей на вызовы современности, общество задействует иные социальные механизмы регуляции поведения. Одним из них могло бы стать доверие, но этого не происходит, поскольку в общественном сознании последних лет глубоко укоренилось разочарование в нарративе общественного прогресса, представленного западными странами в интеллектуальных дискуссиях и в СМИ [5]. Скорее, весь строй современной цивилизации, создающий атмосферу анонимности, отчуждения, страха и неуверенности, заставляет отвлекать силы индивидуума на овладение искусством социального выживания [6], при котором доминируют инстинкты, и основная ставка делается на риск, случай или авантюру. На первый план выдвигается тип поведения, называемый поисковым, при котором индивиды ситуативно реагируют, задействуя креативность и эксперимент. Некоторые авторы, правда, подчеркивают, что такая среда искусственно воссоздается, поскольку это помогает высвобождать творческие силы и производить инновации [7, p. 882].

Современный тип неопределенности приводит к стремительному росту трех столпов экономики, внутри которых формируются новые трудовые системы: высокотехнологичные отрасли, сильный бизнес, связанный с правовыми и финансовыми услугами, и творческая активность. Внутри такой конфигурации одни трудящиеся образуют слой высококвалифицированных специалистов с хорошим вознаграждением, поскольку ценятся их навыки и креативность. Другие, наоборот, вовлечены в предоставление услуг, предполагающих незначительную квалификацию и низкое вознаграждение.

На этом фоне происходит ослабление институтов профессионализации, вследствие чего осложняется рекрутмент, растет количество фильтров, используемых работодателями для проверки образования и квалификации [8, s. 49]. Система профессионального образования становится все более абстрактной, сосредоточенной на передаче выпускникам так называемых «ключевых квалификаций», которые рассматриваются как компенсация неопределенных требований к работникам в процессе экономических преобразований и растущей технической и организационной сложности трудовых процессов. Одновременно, происходит разворот в сторону развития индивидуальных форматов профессий [9, s. 5] в инновационной, наукоемкой деятельности, которая не может быть однозначно охвачена ясным образованием и квалификацями. Наиболее ярко индивидуализированная форма профессиональности проявляется в идеальной модели самозанятости, где требуется постоянное развитие знаний, навыков и умений. Компетентностный подход, внедренный в национальные образовательные системы, способствует их дальнейшей эрозии и утрате сигнальных функций (о профессионализме и квалификации соискателя) на рынке труда.

В целом, современный профессиональный профиль работника больше не связан с присвоением социального статуса и с социальной интеграцией, он увязывается только с выбором работы и жизни [9, s. 10]. В более широкой перспективе западные страны сформировали политический курс на формирование общей «способности к занятости» населения. Ответственность за приобретение данного качества возлагается на работников, в общем виде оно должно позволять им постоянно адаптироваться в меняющихся условиях труда.

В крайне непредсказуемые рынки труда особенно включены молодые поколения работников и высококвалифицированные кадры, но современная ситуация неопределенности крайне негативно воздействует на труд в целом. Изучение восьми ведущих рынков мира (США, Великобритания, Франция,

Германия, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Индия) показало, что в первую очередь страдают показатели производительности труда, трудовая культура и инновативность организаций [10]. Для самих трудящихся неопределенность выливается во все новые риски. Например, психологи описывают явление «карьерного шока», при котором профессиональная и трудовая карьера сталкивается с событиями, которые находятся за пределами возможностей воздействия индивидуума (например, пандемия). Преодоление их связывается только с особыми состояниями работника, к которым относится здоровье, степень тревожности и толерантности к ситуации, а также, необходимыми считаются наличие планов адаптации, эмоциональная поддержка, позитивный рефрейминг, поиск информации и юмор [11, s. 114]. Со временем возникает новая и непростая задача для тех, кто желает трудиться с эквивалентной отдачей: необходимо создавать целый комплекс умений (часто называемый «самоэффективностью»), выходящий далеко за пределы только лишь презентации навыков, позволяющих выполнять текущие трудовые задачи.

Список литературы:

1. Nassehi A. Vertrauen und Vertrauenskrisen in der modernen Welt. Rede auf dem Kirchentag 2017 in Berlin / Evangelische Theologie. Vol. 77, №5. S. 396-404 // https://doi.org/10.14315/evth-2017-0501

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

3. Маффесоли М. У каждого свои трибы: от контакта к пакту (пер.с фр.М.Пророковой) / Посредник. Массмедиа, общество и культура // Под науч. ред. В.А. Подорога. М.: Р. Валент, 2016. С. 281-291.

4. Сувалко А. Прощание с иллюзиями: анализ общества позднего модерна Андреаса Реквитца // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20. № 1. С. 305-322.

5. Reckwitz A. Das Ende der Illusionen: Politik, Ökonomie und Kultur in der Spätmoderne. Berlin: Suhrkamp, 2019. 305 s.

6. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. Пер. с англ. М.: «Логос», «Прогресс», 2022. 224 с.

7. Hanappi D. Pierre-Michel Menger: The Economics of Creativity: Art and Achievement Under Uncertainty // Journal of Economic Issues. 2015. Vol 49. No.3. P. 881-883 // http://dx.doi.org/10.1080/00213624.2015.1072421

8. Hinz T., Abraham M. (Hrsg.) Theorien des Arbeitsmarktes: Ein Überblick / Arbeitsmarktsoziologie. Probleme, Theorien, empirische Befunde. 2.Auflage.

Springer Verlag für Sozialwissenschaften, 2008. S.17-68 // https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-531-91192-2

9. Rosendahl A., Wahle M. Debatten zur Krise von Beruf und Beruflichkeit: A Never Ending Story? // Berufs- und Wirtschaftspädagogik. 2016. No. 29 // http://www.bwpat.de/ausgabe29/rosendahl_wahle_bwpat29.pdf

10. Leichsenring H.J. Neudefinition von Produktivität in Zeiten der Unsicherheit / Der Bank Blog. 7.12.2022 // https://www.der-bank-blog.de/neudefinition-produktivitaet-unsicherheit/studien/37692567/

11. Ontrup G., Roling W.M., Kluge A. „The new normal”: Arbeiten wahrend und nach der Coronapandemie aus arbeits-, organisations-, und wirtschaftspsychologischer Perspektive / Wannoeffel M., Gensterblum Y. (Hrsg.). Wirtschaft, Arbeit und Leben mit und nach Corona-Krise. Verlag Nomos, 2022. S.97-123.

С.Н. Фазульянова,
Самарский университет

КОМПЕТЕНТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ВОПРОСАХ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ: ПРАКТИКИ ИЗМЕРЕНИЯ И ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Тезисы посвящены результатам исследования, цель которого – выявление уровня компетентности жителей Самарской области в сфере кибербезопасности через анализ цифровой грамотности и культуры поведения в киберпространстве. Приводится классификация респондентов по уровням компетентности и сравнение полученных результатов с похожими замерами по РФ. Отмечается, что уровень компетентности в вопросах кибербезопасности жителей региона принимает относительно высокие и средние значения. Однако в сознании граждан недостаточно сформирован ряд важных правил безопасности и главное, навыков реагирования на киберугрозы.

Ключевые слова: кибербезопасность, киберугроза, информационная грамотность, уровень компетентности, социальный профиль группы.

S.N. Fazulianova,
Samara University

CYBERSECURITY COMPETENCE: MEASUREMENT PRACTICES AND EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL SURVEY IN THE SAMARA REGION

The thesis is devoted to the results of the study, which aims to identify the level of cybersecurity competence of Samara region residents through the analysis of digital literacy and culture of behavior in cyberspace. It classifies respondents by competence levels and compares the results with similar measures in the Russian Federation. It is noted that the level of cybersecurity competence of the region's residents takes on relatively high and average values. However, a number of important security rules and, most importantly, skills for responding to cyberthreats have not been sufficiently formed in the minds of citizens.

Keywords: cybersecurity, cyberthreat, information literacy, level of competence, group social profile

Роль кибербезопасности в устойчивости бизнеса и государства за последние два-три года стремительно вышла на первый план. В прошедшем 2022 году в РФ зафиксировано трехкратное увеличение общего числа кибератак по сравнению с предыдущим годом, при этом в открытый доступ попали более 460 млн учетных записей пользователей [1]. По данным МВД РФ в абсолютном выражении количество киберпреступлений превысило отметку в 522,1 тыс. [2]

Главными мишенями кибератак остаются бизнес-корпорации, коммерческие и государственные организации. Тем не менее, количество атак на частных лиц в последние годы имеет тенденцию к росту. В 2022 году на обычных пользователей пришлось 17 % от числа всех атак, что на 3 % выше, чем в предыдущий год [3]. И в текущем 2023 году эксперты прогнозируют увеличение числа атак на пользователей в социальных сетях и мессенджерах, кражи учетных данных с атаками на второй фактор аутентификации с использованием фишинговых инструментов, социальной инженерии и вредоносных программ с функциями кражи SMS и пуш-уведомлений.

Нельзя забывать при этом, что всё больше личных устройств обычных пользователей становятся точками доступа в корпоративные информационные системы. Среднее количество приложений на наших смартфонах варьируется и по разным оценкам может доходить до 67 [4]. Это заставляет задуматься о безопасности такого соседства.

В связи с этим особую актуальность и важность приобретают вопросы понимания населением принципов поведения и управления своими данными и личными финансами в онлайн-среде. Готовы ли рядовые пользователи к высоким темпам цифровизации? Способны ли они противостоять угрозам киберпреступников? Каков реальный уровень компетентности населения в сфере кибербезопасности?

Эти вопросы побуждают исследователей во всем мире перевести фокус своих исследований с корпоративной информационной безопасности на обычных пользователей и потребителей информации и услуг в онлайне. Появляются различные по масштабам проекты, объединенные общим стремлением выразить в одном емком интегральном показателе специфику знаний и компетенций населения в цифровом пространстве.

Так, аналитический центр НАФИ (г. Москва) произвел первый в России замер «индекса цифровой финансовой грамотности жителей», эмпирическим объектом которого выступили жители РФ. Предметом выступил уровень цифровой грамотности, который измерялся по 100-бальной шкале. В основе измерения лежит методика ОЭСР [5].

В отличие от московских коллег, в нашем исследовании, эмпирический объект уже – жители Самарской области. Но предмет сформулирован более широко – уровень компетентности в сфере кибербезопасности. Это ключевое для нашего исследования понятие складывается из совокупности признаков, измеряющих цифровую грамотность и соблюдение мер безопасности в киберпространстве[5].

Высокий уровень компетентности в вопросах кибербезопасности означает, что человек имеет достаточно знаний и опыта, чтобы принимать правильные решения и предотвращать инциденты в области кибербезопасности, знает о видах киберугроз и способах их предотвращения, а также осведомлен о последних технологических разработках в области кибербезопасности. Низкий уровень компетентности в сфере кибербезопасности приводит к тому, что люди недооценивают риски и не используют достаточно мер предосторожности, чтобы защитить себя от киберугроз.

Исследование показало, что правила «цифровой гигиены» на базовом уровне известны большинству опрошенных. В целом население Самарской области представляет, что:

– неправильно заводить один и тот же пароль для всех учетных записей;

– нельзя использовать простые пароли типа своего имени, дня рождения или места проживания;

– неправильно записывать пароли от разных сайтов и приложений в заметки на телефоне.

Однако если «копнуть» немного глубже, то тут знания значительной части населения сильно ограничены. О двухфакторной аутентификации знает только каждый второй опрошенный, о безопасном хранилище паролей еще меньше (41 %), менее трети опрошенных регулярно меняют пароли. Нет уверенных знаний и о том, какие данные с банковской карты безопасно передавать посторонним лицам.

Достаточно легкомысленно опрошенные относятся и к соблюдению мер безопасности в отношении личного компьютера: далеко не все регулярно обновляют ПО, устанавливают лицензионные, а не пиратские версии программ, устанавливают пароль при запуске. Такое поведение упрощает жизнь мошенникам, повышает уязвимость домашних компьютеров, легко превращая их в потенциальный источник атак.

---

[5] Исследование проведено в апреле-ноябре 2022 года, базировалось на классической количественной методологии. Метод сбора информации - онлайн опрос. Генеральная совокупность – взрослое (старше 18 лет) население Самарской области, объем выборки – 1347 чел. Контролируемые выборочные параметры: пол, возраст и тип поселения.

Умение распознать киберугрозы сформировано у значительной части респондентов. Но они не составляют большинство. И особенно тревожен тот факт, что при реальном столкновении с киберугрозой, например, с телефонным мошенником, распространен паттерн избегания «брошу трубку», как крайняя форма этого паттерна – «не беру трубку с незнакомых номеров». Такую модель поведения выбирает примерно каждый третий опрошенный, опасаясь и не зная, как себя вести при столкновении с мошенниками.

На основе замеров по отдельным индикаторам цифровой грамотности и поведения в прожективных ситуациях нами был сформирован интегральный показатель «уровень компетентности в сфере кибербезопасности», измеряемый в баллах. Всего для его измерения использовалось 20 индикаторов в виде групп вопросов в тестовой форме и форме прожективных ситуаций. За каждый ответ присваивались баллы по определенной логике.

В итоге была осуществлена типология (классификация) пользователей по уровням компетентности в сфере информационной безопасности. Всего выделены 5 уровней/типов компетентности: от низкого до «продвинутого».

Показательно, что, несмотря на различия в методике и масштабах исследований, полученные нами результаты схожи с замерами НАФИ. В своем исследовании специалисты НАФИ выделили 3 уровня цифровой финансовой грамотности и получили, что большинство жителей России (87 %) имеют средний или высокий уровень цифровой финансовой грамотности [5]. По данным нашего исследования, 89 % опрошенных жителей Самарской области демонстрируют средний, относительно высокий и «продвинутый» уровень компетентности в сфере кибербезопасности (Рис. 1). Не могу изменить данные в рисунке

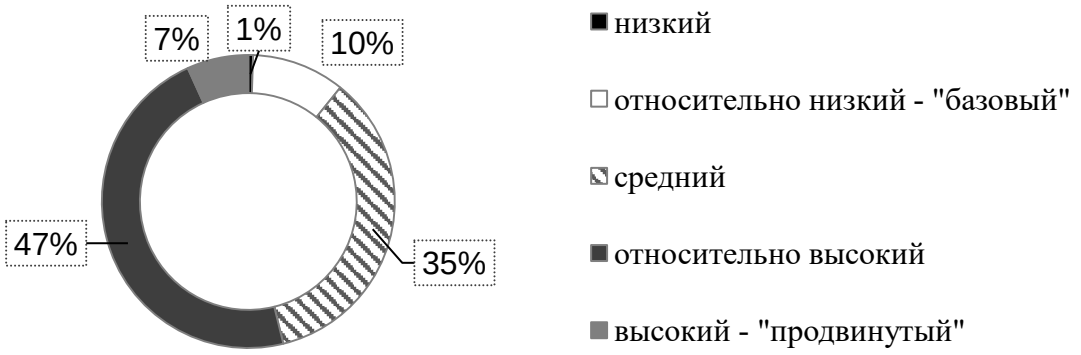


Рис. 1. Распределение опрошенных по уровням компетентности в сфере кибербезопасности (N=1347)

Результаты нашего опроса позволили не просто зафиксировать долю респондентов определенного типа (уровня), но и ответить на вопрос: какие социальные группы преимущественно входят в каждый тип? Для этого выявлялся так называемый «социальный портрет» или профиль групп.

Обращает на себя внимание заметная поляризация социальных профилей разных групп по уровню компетентности в сфере кибербезопасности, а именно:

– «базовый» уровень компетентности имеет «женское лицо», а «продвинутый» – мужское;

– у продвинутой группы и группы с относительно высокой компетентностью более молодежный профиль, и в них преобладают проживающие в крупных городах;

– отличаются эти группы и родом занятий, интересами и предпочитаемыми источниками информации.

Резюмируя результаты исследования, отметим, что уровень компетентности в вопросах кибербезопасности жителей Самарской области принимает относительно высокие и средние значения. Это означает, что опрошенное население в целом демонстрирует адекватное и правильное поведение при взаимодействии с цифровыми продуктами в интернете, однако в сознании граждан недостаточно сформирован ряд важных правил безопасности и, главное, навыков реагирования на потенциальные киберугрозы.

Наше исследование указывает на необходимость информационной работы с населением, направленной не только на упреждение возможных рисков, повышение осведомленности о киберугрозах в целом, но и на вооружение населения техниками и приемами распознавания и отражения киберугроз.

В целях повышения уровня компетентности населения в сфере кибербезопасности необходима разработка программ обучения и образовательных мероприятий, направленных на различные возрастные группы и слои населения. Например, по аналогии с существующими картами компетенций заместителя генерального директора по информационной безопасности и специалиста по информационной безопасности в бизнесе, можно разработать карту компетенций для рядовых пользователей и обучать этому в вузах и школах. Актуальна организация семинаров, тренингов и других интерактивных форм обучения, связанных с кибербезопасностью, которые способствуют освоению безопасных практик в сети, формированию умений распознавать киберугрозы и применять меры противодействия им.

Список литературы:

1. Киберугрозы 2022. Аналитический отчет экспертов Jet CSIRT («Инфосистемы Джет») // https://jetcsirt.su/upload/Otchet%20JetCsirt%20o%20kiberugrozah%202022.pdf

2. Число экстремистских преступлений в России в 2022 году выросло // Информационная группа Интерфакс, 31.01.2023 // https://www.interfax.ru/russia/884032

3. Актуальные киберугрозы: IV квартал 2022 года // https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022-q1/

4. Лобач Д.В., Смирнова Е.А. Состояние кибербезопасности в России на современном этапе цифровой трансформации общества и становление национальной системы противодействия киберугрозам // Территория новых возможностей. 2019. № 4 // https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-kiberbezopasnosti-v-rossii-na-sovremennom-etape-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-i-stanovlenie-natsionalnoy-sistemy

5. НАФИ провел первый замер Индекса цифровой финансовой грамотности жителей России // https://nafi.ru/analytics/nafi-provel-pervyy-zamer-indeksa-tsifrovoy-finansovoy-gramotnosti-zhiteley-rossii/

А.Д. Федченко,
Самарский университет

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ ОАО «РЖД»

Переход к информационному обществу порождает абсолютно новый вектор развития трудовых отношений между работником и работодателем. В статье анализируются работы и концепции ключевых теоретиков, рассматривающих особенности изменений различных сфер жизни в период становления информационного общества. Также в данной работе представляется опыт современного выстраивания взаимодействия работников и руководства компании ОАО «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД»).

Ключевые слова: трудовые отношения, работник, работодатель, информационное общество, железнодорожный транспорт.

A.D. Fedchenko,
Samara University

LABOR RELATIONS IN A CHANGING WORLD ON THE EXAMPLE OF THE COMPANY RUSSIAN RAILWAYS

The formation of the information society generates an absolutely new vector of development of labor relations between an employee and an employer. The article analyzes the works and concepts of key theorists considering the peculiarities of changes in various spheres of life during the formation of the information society. This paper also demonstrates the experience of modern building of labor relations between employees and employers of the Russian Railways company.

Keywords: labor relations, employee, employer, information society, railway transport.

Любая сфера нашей жизни регулярно претерпевает различные изменения, сфера трудовых отношений не является исключением. В настоящее время сложно встретить человека, который ни разу не становился участником трудовых отношений в разных вариациях: официальное трудоустройство в различ-

ных сферах деятельности, временные подработки и другие многочисленные способы заработка, где участниками выступают работник и работодатель.

Последнюю четверть XX века можно назвать временем создания «информационного общества» и различных теорий его трансформации, именно в этот период изменяются условия выстраивания трудовых взаимоотношений между работником и работодателем. Так, один из ярчайших исследователей данного направления Э. Тоффлер, написавший ряд посвященных данной тематике работ («Третья волна» [1], «Шок будущего» [2]) поясняет, что человечество в своем развитии прошло три ключевых этапа «три волны». Первый – этап развития сельского хозяйства, второй – промышленности, и третий этап примыкает к понятию информационного общества. Тоффлер использует метафору различных волн, которые сталкиваются друг с другом, и в результате этих столкновений случаются весомые общественные изменения. Тоффлер в своих работах предугадывает, что сам тип трудовых отношений в обществе будет сильно изменяться на структурном уровне. Труд будет основываться на интеллектуальных, а не на физических ресурсах. Уже тогда он предсказывает, что работа, которая классически требовала очного присутствия в определённом пространстве, сегодня может этого не требовать. Рабочий процесс за счет информационных технологий может стать гораздо более мобильным, чем это было в традиционных типах обществ. В наши дни мы видим многочисленные доказательства размышлениям Тоффлера. Например, в период пандемии коронавирусной инфекции многие работники успешно освоили навык удаленной работы. Внедрение информационных программ позволяет реализовывать трудовые взаимоотношения работников и работодателей онлайн за тысячи километров друг от друга.

Далее необходимо упомянуть Д. Белла – исследователя, ставшего одним из ключевых теоретиков концепции постиндустриального общества [3]. Он говорит, что сельскохозяйственные процессы в информационном обществе с необходимостью будут угасать. Более того, это угасание коснется и промышленного производства, роль которого также будет отходить на второй план. Все это определяется тем, что на рынке появляются информационные услуги, которые предполагают совсем иной тип их производства. Определяющую роль в трудовой деятельности, по мнению Бэлла, начинают играть компьютерные технологии.

Проблематика информационного общества продолжается и у исследователя У. Мартина [4]. Он отмечает существенные отличия информационного

общества от предшествующих типов. Главным отличием выступает технологический критерий, где основным фактором является использование информационных технологий в разных сферах общества, в том числе и в сфере трудовых отношений. Второй критерий обозначается как социальный: в нем информация получает широкое распространение и становится все более доступной различным слоям населения. Экономический критерий подразумевает, что именно информация в экономических отношениях может выступать как услуга, ресурс, товар и прочее.

Далее необходимо уделить внимание работе М. Кастельса «Галактика Интернет» [5], где исследователь рассматривает трансформацию общественных отношений в различных сферах под влиянием развития сети Интернет. Кастельс особое внимание уделяет исследованию модели «сетевого предприятия» как организационной основы электронного бизнеса. Под сетевым предприятием понимается некая организационная форма, являющаяся результатом сотрудничества между компонентами различных фирм, которые объединяются в одну сетевую структуру на определенный период работы в рамках конкретного проекта, используя свои сети для его реализации. Использование интернет-технологий позволяет улучшать качество информационного обмена и достижения взаимопонимания между партнерами в процессе их делового сотрудничества. Эффективное использование интернет-технологий позволяет обеспечить обратную связь между всеми компонентами сети и процессами производства, а также способствует обнаружению и оперативному исправлению ряда недоработок.

Проанализировав социологические теории ряда исследователей информационного общества, можно обозначить, что трудовая деятельность работника, предполагающая у него наличие и владение профессиональными знаниями, а также использование этого знания для достижения производственных результатов, уже не является рациональной деятельностью. Необходимость использования специализированной информации при решении важных для компании стратегических задач ведет к накоплению большого объема качественно нового знания, предполагающего реализацию творческой направленности в умственной деятельности.

Современные компании заинтересованы в поиске креативных и творческих кадров, владеющих профессиональными знаниями. Чтобы выдержать

конкурентную напряженную борьбу на рынке, компаниям необходимо быстро и качественно отвечать запросам различных сегментов потребления, используя всю накопленную информацию и весь объем профессиональных знаний.

После работы на протяжении нескольких лет в компании ОАО «РЖД» хочется отметить современный опыт развития креативных работников, готовых быстро адаптироваться к изменениям и достигать наиболее эффективных результатов. Одной из приоритетных задач компании является улучшение качества обслуживания, внедрение новейших услуг, цифровых сервисов, создание комфортных условий для пассажиров. Работнику необходимо осваивать нововведения и реализовывать их в своей трудовой деятельности, потому что от этого зависит качество выполняемых работ/услуг и безопасность осуществления пассажирских и грузовых перевозок в целом. Компания ОАО «РЖД» уделяет особое внимание развитию профессиональных компетенций своих сотрудников. Работник любого уровня регулярно проходит различные курсы переподготовки, повышения квалификации, курсы целевого назначения для освоения новейших трудовых навыков. Руководители среднего и высшего звена ежегодно разрабатывают в специализированной цифровой системе индивидуальный план развития недостаточно развитых профессиональных компетенций, выбирают соответствующие онлайн-курсы и электронные пособия для их освоения. Компания сотрудничает с Корпоративным университетом в Москве, работники которого регулярно актуализируют и создают современные тренинги, программы обучения, учебные электронные пособия для развития профессиональных компетенций сотрудников железнодорожного транспорта. Руководство компании особое внимание уделяет развитию своих сотрудников абсолютно любого уровня, будь это рядовой работник или руководитель определенного звена. Компания ОАО «РЖД» идет в ногу со временем и активно внедряет различные цифровые технологии, выходя на еще более высокий уровень предоставления качественных услуг пассажирам и обеспечения безопасности движения железнодорожного транспорта.

В заключение следует отметить, что массовое типовое производство уходит на вторые позиции и уступает лидирующее место компаниям, где сотрудники регулярно осваивают и используют новейшие информационные технологии и знания. Именно поэтому в настоящее время одним из основных

направлений деятельности предприятий является регулярное развитие профессиональных компетенций работников. Практически в любой отрасли работники проходят курсы повышения квалификации и тренинги по развитию своего профессионального мастерства. Творческий подход в создании и применении новейших знаний работниками является движущей силой инновационного экономического развития и способом овладения лидирующих мест среди конкурирующих компаний.

Список литературы:

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2004. 345 с.

2. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ МОСКВА. 2004. 557 с.

3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 1999. 944 с.

4. Мартин У.Д. Информационное общество // Информационное общество. Проблемы и иллюзии. М.: ИНИОН. 1989. 325 с.

5. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та. 2004. 169 с.

Чжао Юньхуэй,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В статье рассмотрены тенденции развития социальных механизмов управления в информационном обществе на конкретных примерах преобразований хозяйственной деятельности, корпоративной культуры и социального взаимодействия на китайских предприятиях. Данные фундаментальные преобразования затрагивающие социально-трудовую сферу имеют далеко идущие последствия.

Ключевые слова: информационное общество, социальные механизмы управления, цифровизация, инновационные технологии, производственные процессы, корпоративная культура, контроль и регулирование, социальные взаимоотношения, китайские предприятия.

Zhao Yunhui,
Lomonosov Moscow State University

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL MANAGEMENT MECHANISMS IN THE INFORMATION SOCIETY ON THE EXAMPLE OF CHINESE ENTERPRISES

The article examines the trends in the development of social management mechanisms in the information society on specific examples of transformations of economic activity, corporate culture and social interaction at Chinese enterprises. These fundamental transformations affecting the social and labor sphere have far-reaching consequences.

Keywords: information society, social management mechanisms, digitalization, innovative technologies, production processes, corporate culture, control and regulation, social relations, Chinese enterprises.

Информационное общество характеризуется наличием доступных технологий, позволяющих людям взаимодействовать друг с другом и обмени-

ваться информацией независимо от временных или пространственных ограничений. Повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий в последние годы привело к коренным изменениям во всех сферах человеческой жизнедеятельности: как мы живем, работаем и общаемся друг с другом.

Внедрение новейших технологий способствует всеобщей цифровизации, то есть переводу существующих объектов в электронные форматы и автоматизации процессов – из события, управляемого человеком, в событие, управляемое программным обеспечением. С точки зрения производственной деятельности и различных бизнес процессов на предприятиях, цифровизация повышает производительность и эффективность при одновременном снижении затрат. Кроме того, фундаментальные изменения происходят и в методах управления социальным взаимодействием как внутри рабочего коллектива, так и во внешней среде.

Современные тенденции внедрения инновационных цифровых решений на предприятиях связаны с активной разработкой компьютерных приложений способных работать с большими базами данных; активным внедрением облачных технологий, открывающих неограниченные перспективы к хранению, обмену, обработке и совместному использованию информации; автоматизацией хозяйственной деятельности предприятия за счёт имплементации искусственного интеллекта в производственные процессы; создание принципиально новых цифровых способов передачи информации, в частности, технология блокчейн; использованием социальных интернет платформ в качестве инструмента коммуникации с внешними субъектами социально-экономической деятельности предприятий.

Перечисленные выше инновационные технологии, кроме всего прочего, обуславливают появление новых социальных механизмов управления на предприятиях. Согласно определению О.Ю. Максимовой, социальный механизм – это «методы решения социальных проблем, ориентированные на создание высокоразвитых общественных отношений, посредством организации эффективного взаимодействия социальных институтов, структур, норм и прочее» [1, с. 247]. А.Ю. Карпутина связывает феномен механизмов социального управления с «взаимодействием социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [2, с. 8]. В рамках данной статьи под термином «социальный механизм управления» автор подразумевает комплекс мер, призванный обеспе-

чить максимально эффективное функционирование социально-экономических процессов и трудовых ресурсов на предприятии.

В качестве практического примера инновационной технологии, напрямую влияющей на тенденции развития социальных механизмов управления, можно привести повсеместный процесс оцифровки хозяйственной деятельности на предприятиях в Китае. На первом этапе все материальные объекты и процессы, которые можно перевести в электронный формат, были оцифрованы и интегрированы в единую систему. На текущем этапе все больше предприятий переводит свои цифровые активы в облачную среду хранения. Во-первых, это позволяет неограниченному числу сотрудников иметь одновременный доступ к необходимым цифровым ресурсам. Во-вторых, сразу несколько специалистов могут работать над одной задачей в режиме реального времени. В-третьих, отпадает необходимость в обмене информацией на твёрдых носителях, а также физического присутствия сотрудников, что стало особенно актуально в последние несколько лет после введения в Китае ряда ограничительных мер, связанных с эпидемией.

Тенденция на оцифровку производственных процессов не только напрямую затрагивает рабочие аспекты, но и преобразует социальное взаимодействие сотрудников в трудовых коллективах. Перевод информационных потоков в цифровую среду положительно сказался на эффективности работы предприятий, сократив расходы и различные виды затрат (материальные, финансовые, временные, человеческие). Столь серьёзные изменения в хозяйственной деятельности отразились и на межличностном общении работников предприятий. Социальное взаимодействие также было подвержено влиянию технологий цифровизации, что в конечном итоге значительно упростило коммуникацию внутри рабочих коллективов [3].

Активная цифровизация китайских предприятий оказала воздействие и на корпоративную культуру: системы контроля за персоналом, сбора и обработки больших объёмов данных, цифровые приложения для анализа существующих недостатков и предложения решений по их устранению, вывели возможности регулирования бизнес-процессов и социальных взаимоотношений на качественно новый уровень. Например, сегодня на высокотехнологичных китайских предприятиях сбор и анализ информации о действиях сотрудников на рабочем месте, их социальном взаимодействии между собой и клиентами, деловыми партнёрами и органами государственной власти находятся под постоянным наблюдением автоматизированных систем контроля. Искусственный интеллект следит за эмоциональным и физическим состояниями ра-

бочих, за их общением, социальной активностью и прочими показателями. Это позволяет оптимизировать хозяйственную деятельность и получить значительные конкурентные преимущества [4, с. 112].

Особое внимание китайские компании уделяют обратной связи с клиентами и связям с общественностью. С этой целью активно используется функциональные возможности социальных интернет платформ, где имеется возможность одновременно вещать и взаимодействовать с огромными аудиториями. При этом специализированные программы, в основе которых лежат технологии искусственного обучения (так называемые боты), позволяют отказаться от использования живых операторов для общения, а автоматизированные системы сбора и обработки больших данных дают возможность не только полностью контролировать общение, но и регулировать его согласно заранее просчитанному, наиболее благоприятному сценарию коммуникации между производителем и клиентом.

Список литературы:

1. Максимова О.Ю., Масликов В.А. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления // Вестник государственного университета. 2016. № 3. С. 246-251.

2. Карпутина А.Ю. Организация взаимодействия нескольких манипуляторов с использованием механизмов удаленного управления // Ученые записки Брянского государственного университета. 2017. № 4 (8). С. 7-13.

3. Оуян Шицзя. Китайские компании быстро освоили новые технологии в период пандемии // Российская газета // https://rg.ru/2021/04/23/kitajskie-kompanii-bystro-osvoili-novye-tehnologii-v-period-pandemii.html

4. Джош Чин, Лиза Лин. Государство наблюдения: стремление Китая начать новую эру социального контроля (Surveillance state: inside China's quest to launch a new era of social control) // Нью-Йорк: издательство Св. Мартина. 2022. С. 310.

Н.А. Юшкина,
Российский государственный
гуманитарный университет (Москва);
О.В. Крыштановская,
Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)

ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ С ОБЩЕСТВОМ

Рассмотрены социальные сети как инструмент коммуникаций российских публичных политиков с обществом. Объектом исследования стали представители российской политической элиты. Анализ проводился с помощью мониторинга аккаунтов представителей политической элиты в социальных сетях и фиксирования основных индикаторов. Наиболее интегрированными в цифровое пространство основных социальных сетей оказались главы российских регионов.

Ключевые слова: социальные сети, публичные политики, цифровизация, элита, Россия.

N.A. Yushkina,
Russian State University for the Humanities;
O.V. Kryshtanovskaya,
Russian State University for the Humanities

DIGITAL COMMUNICATIONS OF RUSSIAN POLITICIANS WITH SOCIETY

Social networks are considered as a tool of communication between Russian public politicians and society. The object of the study was representatives of the Russian political elite. The analysis was carried out by monitoring the accounts of representatives of the political elite in social networks and fixing the main indicators. The heads of Russian regions turned out to be the most integrated into the digital space of the main social networks.

Keywords: social networks, public policy, digitalization, elite, Russia.

Информация становится одним из важнейших ресурсов власти и управления. На этом фоне информационная сфера захватывает все социальное и политическое пространство нашего общества. Развитие информационно-

коммуникативных технологий способствует выходу публичной политики за пределы традиционного для политического процесса пространства и расширяет возможности для построения, в том числе и в онлайн-пространстве, новых коммуникаций с электоратом в системе государственного управления [1].

Постоянные трансформации качества и структуры коммуникаций влекут за собой необходимость интегрировать в обновляемое поле представителей политической элиты, в особенности тех, для кого оценка эффективности их работы в социальных медиа по наращиванию электорального потенциала и донесению до своих избирателей и сторонников сути проводимой государственной политики и основных реформ, является одним из основных направлений деятельности. Возникают и получают развитие новые онлайн-формы политического дискурса и механизмы взаимосвязи власти и общества [2].

Социальные сети обеспечивают онлайн-присутствие органа власти, расширяют инструменты взаимодействия, выступают как дополнительная площадка для управления коммуникациями органов государственной власти и граждан, что позволяет повышать эффективность и результативность управления [3]. Публичные политики по долгу службы должны налаживать обратную связь со своими избирателями. В этих условиях возрастает актуальность исследования сетевых связей, характера и интенсивности коммуникаций представителей государственной власти с гражданским обществом.

Объектом исследования стали представители российской политической элиты: руководители субъектов Федерации – 85 человек, депутаты Государственной Думы ФС РФ – 442 человека, и члены Совета Федерации ФС РФ – 167 человек. Из указанной совокупности были отобраны 694 политиков, которые имеют аккаунты в социальных сетях и ведут свои блоги. Был проведён анализ фактического присутствия членов элитных групп в двух социальных сетях – Facebook и Instagram[6], которые нами оценивались как эффективный канал политической коммуникации с целью привлечения сторонников и электората. Исследование проводилось в 2021 – начале 2022 гг., когда эти сетевые ресурсы еще не получили статус нежелательных [4].

Анализ проводился с помощью мониторинга аккаунтов представителей политической элиты в социальных сетях и фиксирования основных индикаторов.

Наиболее широко представлены в исследуемых социальных сетях оказались главы регионов России. Лишь 5,9 % из них не имеют активных аккаунтов. Несколько хуже представленность депутатов нижней палаты Федерально-

[6] Деятельсть социальных сетей запрещена на территории Российской Федерации.

го собрания РФ: 19,7 % не имеют аккаунтов в Facebook* и Instagram*. Доля не представленных в исследуемых социальных сетях членов Совета Федерации ФС РФ составила 49,1 %, то есть почти половину.

Был рассчитан *индекс популярности* для каждой группы политиков, который показывает, какова аудитория аккаунта политика в социальной сети, и зависит от совокупного количества людей, подписанных на аккаунты группы. Наиболее высокий индекс популярности оказался у глав российских регионов, наиболее низкий у членов верхней палаты Федерального Собрания РФ. В десятку лидеров по количеству подписчиков вошли 7 представителей глав регионов и 3 депутата Государственной Думы РФ с аккаунтами в социальной сети Instagram[7].

Для того, чтобы понять, кто из политиков наиболее активно общается с потенциальным электоратом в социальных сетях, мы рассчитали *индекс активности*. Он показывает, как часто группа политиков публикует посты в социальных сетях. Каждый пост не только дает возможность информировать подписчиков об актуальных событиях и доносить свою позицию до аудитории, но и является основанием для получения обратной связи от аудитории, поэтому значение этого показателя крайне важно. Для расчета было выявлено среднее число постов в день для каждой из элитных групп. Активность коммуникаций с подписчиками российских глав регионов оказалась существенно выше, чем у представителей верхней и нижней палат Федерального Собрания РФ, и превысила их показатели больше, чем вдвое.

Далее подверглась анализу *коммуникативная реакция* аудитории элитных групп, которая показывает, насколько активно подписчики взаимодействуют с аккаунтами политиков и реагируют на действия в них. Для характеристики вовлечённости аудитории были рассчитаны два показателя, основанные на таких коммуникативных реакциях аудитории, как количество лайков и количество оставленных под постами политиков комментариев.

Индекс лояльности аудитории, основанный на расчете количества лайков, поставленных подписчиками на публикации в аккаунтах политиков, также оказался выше у руководителей российских регионов. На втором месте по этому показателю оказались члены Совета Федерации РФ.

Индекс заинтересованности подписчиков, рассчитываемый исходя из количества комментариев аудитории группы, составил для руководителей российских регионов 0,116 и существенно превысил показатель депутатов Государственной Думы РФ (0,051) и членов Совета Федерации РФ (0,039).

[7] Деятельсть социальной сети запрещена на территории Российской Федерации.

Если рассматривать обратную связь политиков с подписчиками, то наиболее активно коммуницируют с электоратом депутаты Государственной Думы РФ: 32,1 % депутатов регулярно отвечают своим подписчикам, еще 19,2 % отвечают, но редко. Близки по показателям обратной связи с подписчиками главы регионов. Их отличия в коммуникациях от депутатов нижней палаты Парламента заключаются в том, что процент отвечающих регулярно несколько ниже, чем у парламентариев. Не дают обратной связи со своими подписчиками около половины рассматриваемых нами публичных политиков. У членов Верхней палаты парламента этот показатель составляет 56,8 %.

Стоит отметить, что из расчета показателей были исключены аккаунты, в которых необходимые показатели были принудительно закрыты их авторами. Как правило, закрывать комментарии к своим постам, лишая аудиторию возможности обратной связи, вынуждены политики, которые сталкиваются с волной критики в своих социальных сетях. Анализ критических комментариев, оставленных в аккаунтах политиков, показал прямую зависимость наличия критики от открытости элитной группы. Наиболее открытые социальным сетям и активные главы регионов России получают в разы больше критических комментариев от аудитории, чем их более закрытые и менее активные коллеги из Парламента. Регулярно сталкиваются с критикой 75,9 % глав регионов, 22,8 % депутатов Нижней Палаты и 10,5 % депутатов Верхней Палаты российского Парламента. Удается наладить коммуникацию с электоратом, не вызывая обратной связи с критическим содержанием, лишь 8,9 % глав российских регионов.

Если рассматривать основные направления, на которые аудитория оставляет критические комментарии, можно условно выделить четыре группы: непосредственно на автора публикации, на проблему, которой посвящена публикация, в целом на действия той или иной группы представителей власти, либо на самих подписчиков, которые имеют несовпадающее друг с другом или автором поста мнение.

Наибольший процент критических комментариев оказался направлен на проблему, которую освещает политик в своем аккаунте. И если у представителей обеих палат парламента РФ этот показатель составляет около 60 %, то у глав регионов он доходит до 97 %. Количество критики, обращенной на автора аккаунта снижается пропорционально закрытости элитной группы. Критическая обратная связь, направленная на действия каких-либо органов российской власти, находится на одном уровне у представителей всех рассматриваемых элитных групп. Критикуют друг друга чуть более 2 % подписчиков глав регионов и депутатов Государственной Думы РФ.

Наиболее интегрированными в цифровое пространство основных социальных сетей оказались главы российских регионов. Они существенно превосходят представителей Федерального Собрания РФ по открытости в социальных медиа, совокупному числу подписчиков, а также активности в построении коммуникаций с электоратом. Существенно отстают в освоении онлайн-пространства социальных сетей представители Совета Федерации Федерального Собрания РФ, почти половина из них не ведет коммуникации с электоратом в крупнейших социальных сетях Facebook и Instagram[8]. Индекс показал, что они имеют более лояльную, чем их коллеги из Нижней палаты Парламента, аудиторию. Но учитывая то, что показатель обратной связи, полученной в то же время от этой аудитории, оказался самым низким среди элитных групп, можно сделать вывод, что аудитория ставит реакции на публикации сенаторов скорее машинально, возможно, по указанию или из уважения, но вряд ли из настоящего интереса или желания обсудить актуальную новость. Стараются наладить обратную связь с электоратом в нижней палате Парламента, однако более половины российских публичных политиков все еще не готовы к коммуникациям со своими подписчиками. Ведь чем выше открытость и уровень взаимодействия, тем выше вероятность получить в ответ критику. Однако этот показатель, направленный не на автора поста, а на дискурс и проблематику предложенной автором темы, является скорее показателем эффективного взаимодействия и актуальности дискурса, учитывая специфику социальных сетей. Именно такой пример эффективного взаимодействия можно наблюдать в аккаунтах представителей глав регионов России.

Список литературы:

1. Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике. М., 2013. 341 с.

2. Михайленок О.М., Малышева Г.А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 78-87.

3. Рослякова М.В. Социальные сети в профессиональной деятельности государственных служащих: российская практика и зарубежный опыт // Социодинамика. 2019. №9. С. 82-99.

4. Запрет Facebook и Instagram в России окончательно вступил в силу // РБК (rbc.ru)

[8] Деятельсть социальных сетей запрещена на территории Российской Федерации.

Н.У. Ярычев,
Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТРЕНДОВ

Статья посвящена осмыслению специфики современной мемориальной культуры Чеченской Республики, степени ее интегрированности в актуальные цифровые и информационные практики, значимости традиционного национального-культурного компонента, глубине консервативности и открытости.

Ключевые слова: мемориальная культура, прошлое, культурная память, мемориальная культура Чеченской Республики.

N.U. Yarychev,
A.A. Kadyrov Chechen State University

CHECHEN REPUBLIC MEMORIAL CULTURE IN THE CONTEXT OF INFORMATION AND DIGITAL TRENDS

The article is devoted to understanding the specifics of the modern remembrance culture in the Chechen Republic, the degree of its integration into current digital and information practices, the significance of the traditional national-cultural component, the degree of conservatism and openness.

Keywords: memorial culture, past, cultural memory, memorial culture of the Chechen Republic.

Феномен мемориальной культуры является достаточно востребованным в современной гуманитарной практике. Однако различные авторы трактуют его по-разному. Поэтому мы предлагаем собственное определение мемориальной культуры, позволяющее конкретизировать ее сущностное наполнение. Так, под мемориальной культурой понимается совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах мемориальной деятельности, имеющих место в конкретном обществе в конкретный период его существования [1, с. 55].

В течение 2021-2022 гг. мы изучали современную мемориальную культуру Чеченской республики. В качестве исследовательского инструментария

выступали методы глубинного интервью (90 человек) и нарративного анализа (тексты публичных выступлений Президента Чечни Р. Кадырова, официальные государственные документы в сфере политики памяти, современные чеченские фильмы). Апробация данных методов позволила нам сформулировать особенности современной чеченской мемориальной культуры в целом и в контексте актуальных информационно-цифровых трендов, в частности.

Во-первых, это традиционность и консервативность – ориентация на те формы взаимодействия с прошлым, которые можно назвать органичными в отношении национальной культуры, укорененными в образе жизни, актуализируемыми в повседневном укладе. Несмотря на галопирующие темпы развития информационно-цифровых технологий, общего социокультурного обновления, чеченская мемориальная культура выступает в роли механизма, сохраняющего, поддерживающего традиционные представления о прошлом, способы его интерпретации и воспроизводства. При такой роли традиции в современной чеченской культуре, в том числе и мемориальной, наблюдается сниженное внимание к современным, цифровым, виртуальным формам мемориализации, а иногда и полное отрицание их. Так, апеллируя к данным глубинного интервью, можно отметить, что 78 % респондентов негативно или с сомнением относятся к таким актуальным виртуально-цифровым формам мемориализации, как виртуальные кладбища и специализированные мемориальные сетевые сообщества.

Во-вторых, доминирование двух четко проявленных смысловых векторов – милитаристского и религиозного – отражается и в официальном мемориальном нарративе, и в представлениях «обычных» чеченцев, и в персонифицированном срезе мемориальной культуры, и в ее топографическом измерении. Такие доминантны более чем объяснимы, прежде всего, с точки зрения исторического бэкграунда развития чеченского народа, который формировался и развивался как сообщество воинов (воинские ценности до сих пор являются чрезвычайно значимыми) и всегда был теснейшим образом связан с исламом, пронизывающим все сферы жизни чеченцев (ценностные установки, мировоззрение, бытовой уклад и пр.).

Третья особенность – консолидированность. Современная чеченская мемориальная культура отличается общей согласованностью позиций различных акторов относительно базовых установок в отношении прошлого: о его значимом аксиологическом статусе, высоком идентификационном потенциале, ресурсности в созидании будущего (прошлое позиционируется не столько как самоценность, но как основа для построения будущего), о приемлемости

различных форм взаимодействия с ним, содержании его персонификационного, топографического, деятельностного измерений и пр.

Четвертое – локальное центрирование. Все элементы мемориальной культуры (нарратив, нейминг, искусство, музейная деятельность, персонификация, семейная мемориальная активность и пр.) ориентированы на национальную историю, современность, традиции, бытовой уклад, выдающихся личностей, на сохранение памяти о них и их актуализацию. Такая позиция не отменяет интереса и уважения к культурам других народов (это отдельно прописывается в важнейших программных документах), но подчеркивает значимость собственной мемориализации культуры. Интерес к истории страны на низовом (чтение исторической литературы в кругу семьи, мемориальный туризм) и официальном (программы поддержки музеев, языка, исторических исследований и пр.) уровнях, присвоение улицам имен выдающихся чеченцев, сохранение их в народной памяти, обращение к знаковым событиям прошлого чеченского народа в художественном пространстве, сохранение национальных традиций и обычаев, почтительное уважение к старшим, к семейной генеалогии – все это в совокупности позволяет говорить о том, что В. Шнирельман называл мемориальным этноцентризмом [2, с. 12].

Приватность и коллективность также проявляются на различных уровнях бытования мемориальной культуры и конкретизируется в следующих позициях: низкая популярность официальных коммемораций на фоне высокой востребованности семейных практик поминовения, скептическое отношение к внешним, демонстративным проявлениям мемориальной деятельности, ориентированность на приватность и даже интимность взаимодействия с прошлым в границах узких групп (родные, жители села, прихожане одной мечети), доминирование социальных форм мемориализации над личными и пр.

Под эффективностью мемориальной культуры мы понимаем высокую степень разделяемости официального мемориального нарратива (то есть совпадение базовых установок политики памяти и ее реципиентов, обычных людей), высокий уровень социальной мемориальной солидарности (отсутствие конфликтности в оценке респондентами значимых мемориальных явлений, объектов, процессов; отсутствия выраженных контркультурных позиций).

Достижение такого рода мемориального консенсуса – чрезвычайно трудно выполнимая задача в условиях общего высокого уровня социальной неоднородности и конфликтности. В случае с чеченской мемориальной культурой он фиксируется и в интерпретации прошлого как ресурса настоящего и будущего (нет ностальгического западания настроений «обычных» чеченцев,

есть четкая установка на созидание и преодоление существующих проблем), и в синтетическом понимании прошлого одновременно и как арены исторических событий, и как источника культуры, ценностей, смыслов, символов, самобытности, и в стремлении преодолеть «темпоральные разрывы» (неизбежную дистанцию между прошлым и настоящим), обеспечить межпоколенные скрепы посредством традиций и обычаев национальной культуры, и в равномерной аксиологизации истории (признание прошлого ценного на всех этапах его фактологической репрезентации).

В целом прошлое остается значимой ценностной доминантой, определяющей не только содержание мемориальной культуры, но и актуального социокультурного пространства в целом, несмотря на интегрированность чеченской культуры в современные технологии и виртуальные практики. О.С. Павлова такую роль истории и прошлого для современных чеченцев обозначила емко и лаконично: «Каждый чеченец – историк» [3, с. 41].

Список литературы:

1. Ярычев Н.У. Государственная мемориальная политика Чеченской Республики: анализ стратегических направлений // Вестник культуры и искусств. 2022. № 2 (70). С. 55-61.

2. Шнирельман В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Издательство Новое литературное обозрение. 2006. 696 с.

3. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: ООО «Сам Полиграфист». 2013. 558 с.

РАЗДЕЛ 2.
ТРАНСФОРМАЦИИ АГЕНТНОСТИ: ПРАКТИКИ, АКТОРЫ, ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ

А.В. Богомолова,
Самарский университет

ОНЛАЙН-ОБРАЗОВАНИЕ ПОСЛЕ УНИВЕРСИТЕТА КАК СТРАТЕГИЯ АГЕНТНОСТИ

Статья посвящена вопросам и развитию агентности в онлайн-образовании. Тема формирования субъектной позиции в образовательном процессе является трендом в образовательной среде. Нарастает интерес к меняющимся агентным стратегиям выпускников высших учебных заведений, которые продиктованы трансформационными процессами в обществе на всех его уровнях.

Ключевые слова: агентность, онлайн-образование, образовательная траектория, цифровые технологии, агентная стратегия.

A.V. Bogomolova,
Samara University

ONLINE-EDUCATION AFTER UNIVERSITY AS AN AGENT STRATEGY FOR UNIVERSITY GRADUATES

The article is devoted to the issues and development of agency in online education. The topic of forming a subjective position in the educational process is a trend in the educational environment. There is a growing interest in the changing agent strategies of graduates of higher educational institutions, which are dictated by the transformational processes in society at all its levels.

Keywords: agency, online education, educational trajectory, digital technologies, agent strategy.

Агентность в образовании – это понятие, которое описывает активную роль субъекта в процессе своего обучения и формировании культуры. Оно подразумевает, что ученик является не только объектом образовательного процесса, но и субъектом, который активно взаимодействует со своими пре-

подавателями и учебным материалом. Более того, понятие агентности в образовании предполагает активную позицию не только относительно учебного процесса как такового, но и в контексте своей способности целеполагания и устремленности к их реализации. Однако в контексте образовательного процесса понятие агентности следует также понимать как пространство между возможностями и достижениями учащихся [1].

Одними из теоретиков агентности являются Дж. Сильва и С.К. Корс. Под агентностью они понимают усвоение субъектом социокультурного нарратива о себе, который включает в себя следующие компоненты: ориентацию на будущее, ощущение контроля над собственной жизнью, упорство при возникновении трудностей. Кроме того, агентность предполагает способность учащегося к интернализации, то есть внутреннему усвоению добытых знаний, за которым следует их действительное применение. Таким образом, мы можем говорить как о высоком, так и о низком уровне агентности, а также о тех социально детерминированных условиях, которые его определяют [2].

Другое, более емкое определение агентности мы можем найти у социологов М. Эмирбаера и А. Мише. Они определяют ее как «ограниченный во времени процесс социальной включенности, связанный с прошлым, но также ориентированный в будущее и на настоящее» [3]. Мы видим, как важен проективный характер для понимания агентности и для образования он играет также крайне важное значение, причем на всех его уровнях, поскольку, говорим ли мы о школьном или дополнительном образовании, каждый обучающийся так или иначе движим теми инерционными процессами, которые предшествовали данному образовательному этапу, и из текущей образовательной ситуации находится в процессе конструирования альтернативных возможностей своего дальнейшего развития.

Понимание агентности в образовании трансформируется вместе с изменениями образовательного процесса как такового, где ключевую роль играют цифровые технологии. Их интеграция в образовательную деятельность особо интенсифицировалась в связи с пандемией, которая вынудила субъектов образования по всему миру перейти в режим дистанционного обучения.

Причем данная проблематика может выходить за пределы государственных институций, понятие агентности может быть применимо и к онлайн-образованию, которым могут заниматься для повышения квалификации или для освоения новой профессии весьма взрослые люди, имеющие за плечами определённую образовательную и карьерную траектории.

Осознанный выбор в пользу смены профиля диктуют современные реалии, за последние несколько лет рынок труда сформировал спрос на новые

профессии, которые возможно получить в рамках онлайн-обучения. Среди них ведущие позиции занимают: веб-дизайнер, разработчик, системный аналитик, project-менеджер, системный администратор, графический дизайнер, SEO-специалист и др.

Выбирая образовательную программу профессиональной переподготовки, которая реализуется в онлайн формате, человек выражает проактивную позицию по отношению к своей жизни, в частности к профессиональной и карьерной стратегии.

Онлайн-образование дает свободу выбора, но требует максимального уровня самоорганизации, вовлеченности и замотивированности.

Стоит учитывать, что выпускники высших учебных заведений в случае онлайн-образования сталкиваются с проблемой отсутствия конкретной поддержки со стороны преподавателей и наставников, к которым привыкают в академической среде. Кроме того, без надлежащей мотивации студента может произойти дополнительное «оттягивание» времени на обучение, превращение образования в «забаву» или вовсе оставление процесса обучения незаконченным. Поэтому широкое использование принципа агентности в онлайн-образовании требует эффективных методов мотивации и поддержки со стороны соответствующих образовательных институтов и организаций.

В настоящее время формат онлайн-образования набирает существенные обороты, данный вывод подкрепляется статистическими показателями аналитического агентства SmartRanking. В 2022 году выручка Ed-Tech – компаний составила 87,8 млрд руб., что на 17,4 % больше чем в предыдущем периоде.

По данным исследования Института общественного мнения, 85 % россиян считают онлайн-образование удобным и эффективным форматом обучения, 23 % опрашиваемых респондентов освоили новую профессию [4]. Портал по поиску работы hh.ru совместно с онлайн-университетом Skypro опубликовали результаты опроса официально занятого населения: более 80 % опрашиваемых задумываются о смене профессии. Среди приоритетных направлений выделяют IT и телекоммуникации, искусство, массовые медиа, маркетинг, рекламу и PR.

Анализируя конъюнктуру рынка образовательных онлайн-услуг можно выделить следующие особенности.

Самыми востребованными онлайн-платформами сегодня являются: Skillbox, «Яндекс.Практикум», Университет «Синергия», «Нетология». SkillFactory, «Специалист.ru», GeekBrains, «Открытое образование», Stepik. Данный список сформирован на основании показателей выручки и количества выпускников.

Чаще пользователи образовательных онлайн-услуг выбирают краткосрочные и среднесрочные программы, длительностью от трех недель до шести месяцев.

Лидирующие позиции среди успешных направлений подготовки занимают IT-профессии и маркетинг.

Ключевыми факторами в выборе образовательной платформы являются: наличие лицензии, отзывы, возможность дальнейшего трудоустройства.

Усиливается роль государства в онлайн-образовании, что заметно влияет на коммерческие организации, создание платформ «Сферум», «Кадры для цифровой экономики», перед которыми стоит задача профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов, имеющих базовое профессиональное образование.

В результате анализа онлайн-форумов, которые функционируют на базе образовательных площадок, указанных выше, можно отметить не менее важные особенности. Использование агентности в онлайн-образовании показывает, что акторы образовательного процесса становятся ответственнее за свое обучение, и это может привести к более глубокому освоению содержания курса и к лучшему усвоению информации. Кроме того, агентность может быть особенно полезной для обучающихся, которые не имеют доступа к традиционным образовательным ресурсам, но желают сменить профессию или повысить свою квалификацию.

Однако в случае онлайн-образования часто возникает проблема отсутствия конкретной поддержки со стороны преподавателей и наставников, которые могут помочь в выборе наиболее эффективных методов обучения, к данной методике индивид приучен с детства, осваивая уровни классического образования.

Список литературы:

1. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований ВШЭ // Выпуск №37. 2020.

2. Silva J., Corse S. Envisioning and enacting class mobility: The routine constructions of the agentic self // American Journal of Cultural Sociology. 2018. Vol. 6 (2). P. 231-265.

3. Emirbayer M., Mische A. What is agency? American Journal of Sociology. 1998. 103 (4).

4. Исследование Института общественного мнения // Онлайн-образование // https://iom.anketolog.ru/2023/01/19/onlajn-obuchenie

С.В. Егорова,
Самарский университет

УРОВЕНЬ АГЕНТНОСТИ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ, ЗАКЛЮЧИВШИХ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье представлены теоретическое обоснование концепции агентности для рассмотрения получателей социальных услуг не только в качестве субъектов и акторов, но и агентов, свободных и способных на изменения своей жизнедеятельности, а также результаты эмпирического социологического исследования уровня агентности малоимущих получателей социальных услуг, заключивших социальный контракт.

Ключевые слова: бедность, социальная поддержка малоимущих граждан, социальная работа, эмпауэрмент-подход, агентность получателей социальных услуг в форме социального контракта.

S.V. Egorova,
Samara University

THE LEVEL OF AGENCY OF RECIPIENTS OF SOCIAL SERVICES WHO HAVE SIGNED A SOCIAL CONTRACT: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The article presents a theoretical justification of the concept of agency for considering recipients of social services not only as subjects and actors, but also agents who are free and capable of changing their life activities, as well as the results of an empirical sociological study of the level of agency of poor recipients of social services who have concluded a social contract.

Keywords: poverty, social support for low-income citizens, social work, empowerment approach, agency of recipients of social services in the form of a social contract.

Одной из основополагающих целей социального государства является повышение уровня и качества жизни граждан. Важнейшим направлением для достижения данной цели выступает борьба с бедностью. Бедность деформирует и оказывает негативное влияние на жизнедеятельность человека и его се-

мьи. В этой связи актуальным становится поиск способов снижения ее уровня, осмысления подходов и мер, реализуемых в рамках социальной поддержки малоимущих граждан. Разделяя позицию профессора Н.С. Данакина о связи социальной поддержки и социальной работы, отметим, что «социальная работа – это профессионально осуществляемая форма социальной поддержки» [1, с. 36]. При всем многообразии определений социальной работы сконцентрируем внимание на тех, где речь идет о необходимости поддержки и развития у получателей социальных услуг жизненных сил, индивидуальной субъектности, высвобождения и развития ресурсов человека и его социального окружения. Согласно теории социальной работы, именно получатель социальных услуг является ключевым субъектом социальной поддержки. Рассуждая о причинах, мешающих становлению социономической науки и практики, профессор З.Х. Саралиева справедливо отмечает государственную регламентацию в определении субъектов и мер их социальной поддержки, а также отсутствие у государства заинтересованности в акторах, способных на реализацию своей социальной субъектности [2, с. 95].

Теоретико-методологическим основанием анализа заявленной темы способен стать эмпауэрмент-подход, который активно обсуждается в мировой науке и достаточно редко используется в российском научном дискурсе. Независимо от научных направлений, в рамках которых он применяется, эмпауэрмент-подход всегда связан с практикой расширения прав и возможностей личности, групп и сообществ, их свободе и активизации ресурсов. Как отмечает Т. Киенко, «эмпауэрмент создает условия для трансформации социальной среды, людей, групп, сообществ в совместной деятельности на основе самоорганизации и/или поддерживающей фасилитации», это «способ исследования и преодоления социальных проблем в совместной деятельности людей, групп и сообществ как акторов, трансформирующих агентов» [3, с. 274].

Важно отметить, что в научный оборот термин «агент» ввел французский социолог П. Бурдье, отказавшись от понятий «актор» и «субъект». Субъекты, по мнению социолога, подчиняются определённым правилам, а агенты способны действовать свободно, они воспроизводят стратегии – некие системы практик, которые имеют цель, но не направляются ею. Для объяснения своей концепции П. Бурдье ввел понятие «габитус», под которым предлагает понимать систему прочных, приобретённых в процессе социализации предрасположенностей, помогающих человеку функционировать в конкретной структуре. Это своего рода система диспозиций, определяющая деятельность

и представления индивидов, которые опираются на прошлый опыт и являются гарантом правильного поведения [4, с. 11-13].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет рассматривать малоимущих получателей социальных услуг не только как субъектов и акторов, но и как агентов, способных на самостоятельный свободный выбор, на изменения по улучшению условий своей жизнедеятельности и выхода из бедности.

Эмпирический этап исследования был посвящен изучению уровня агентности малоимущих получателей социальных услуг, заключивших социальный контракт с уполномоченным в сфере социальной защиты населения органом исполнительно власти. Социальный контракт предполагает встречные обязательства малоимущего гражданина, которому выделяются финансовые средства на поиск работы, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности, ведение личного подсобного хозяйства, прохождение профессионального обучения или получение дополнительного профессионального образования, осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации (приобретение товаров, лекарственных средств и пр.) [5]. Максимальная сумма социального контракта – 350 000 рублей. Предполагается, что гражданин, реализовав данные мероприятия, входящие в его программу социальной адаптации, улучшит свое материальное положение, повысит уровень и качество жизни.

Методом глубинного интервью, используя целевую выборку, нами было опрошено 15 малоимущих граждан из числа получателей социальных услуг, заключивших социальный контракт. Среди опрошенных 8 женщин и 7 мужчин в возрасте от 18 до 52 лет, заключивших социальный контракт на поиск работы (4 человека), предпринимательскую деятельность (5 человек), личное подсобное хозяйство (1 человек) и иные мероприятия (5 человек).

Теоретической рамкой и основанием для анализа транскриптов глубинных интервью с малоимущими получателями социальных услуг, стала концепция агентности, разработанная Дж. Силвой и С. Корс [6]. Авторы данного подхода используют теорию нарратива и утверждают, что нарратив формирует соответствующие линии поведения. Данная концепция в России была впервые апробирована магистром, выпускницей НИУ ВШЭ Е.А. Ермолиной в российском исследовании агентности обучающихся [7]. В своей работе Дж. Силва и С.Корс выделяют два компонента агентности. Во-первых, это присвоение и реализация культурно-социально обусловленного нарратива, который влияет на успешность жизненной траектории и возможность верти-

кальной социальной мобильности. Во-вторых, это знания об институциональной среде, о культурных и социальных ресурсах, необходимых для реализации нарратива. Авторы концепции изучают как такие черты личности, как ориентация на будущее, чувство контроля над своей жизнью и настойчивость, приводят к разным результатам социальной мобильности в одной и той же группе (Рис. 1).

Авторы концепции заявляют о возможности ее использования при изучении уровня агентности информантов.

По результатам нашего исследования были выделены три уровня агентности получателей социальных услуг, заключивших социальный контракт: высокий, средний и низкий. Наличие всех трех элементов нарратива агентности (Рис. 1) свидетельствовало о нарративе высокой агентности, двух элементов – нарративе средней агентности и одного элемента или его отсутствия – нарративе низкой агентности.

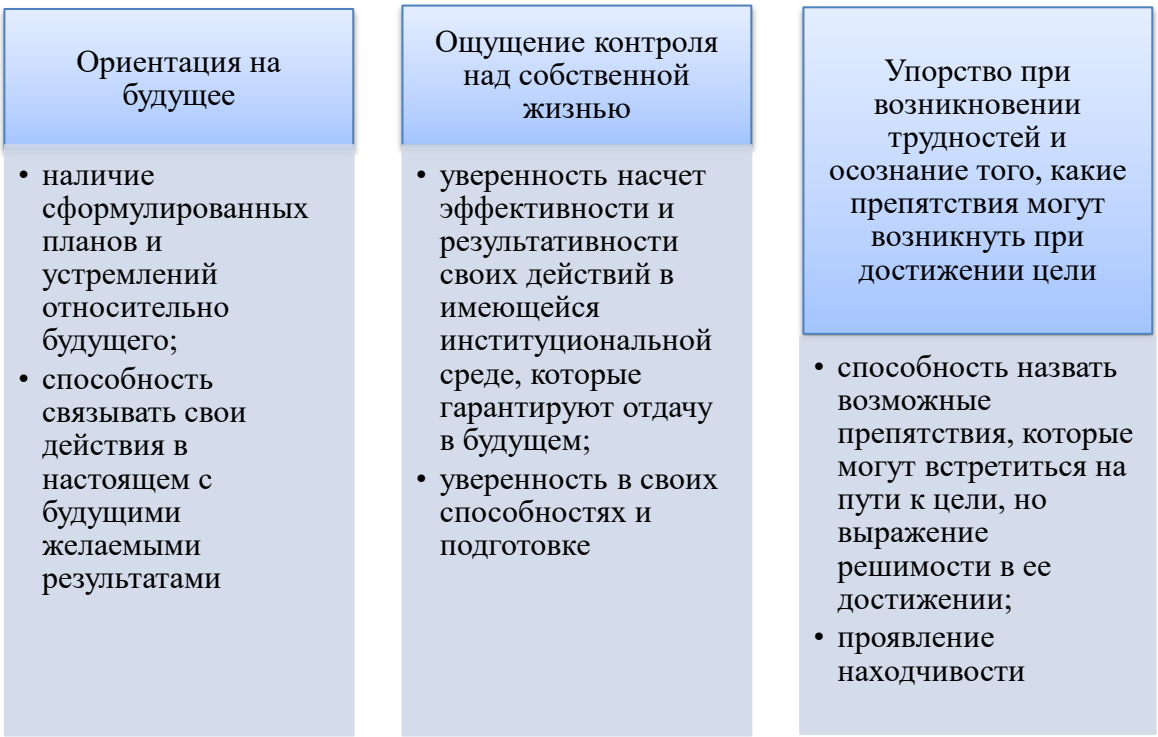


Рис. 1. Элементы нарратива агентности в концепции Дж. Силвы и С. Корс

Как показал анализ, нарратив высокой агентности мы обнаруживаем у большинства информантов, заключивших социальный контракт на осуществление предпринимательской деятельности (ИП) и ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Такие информанты демонстрируют высокую ориентацию на будущее: «я *всегда хотел работать на себя и иметь свой бизнес, но у меня не*

хватало денежных средств для реализации моей мечты» (муж. 43, ИП), «*все идет к старости, а пчелы – это мое все, контракт помог, теперь я знаю, как буду жить, только с ними вместе и навсегда (смеется)*» (муж. 39, ЛПХ); «*сейчас раскручусь, спасибо этой сумме и уже об открытии салона красоты думаю, девочек на работу возьму*» (жен. 32, ИП); ощущение контроля над собственной жизнью, уверенность в своей подготовке и результативности своих действий: «*конечно у меня получится, я же это все знаю, мне программу написать ничего не стоит, а тут комп обновил, дело пойдет*» (муж. 43, ИП); «*я по образованию швея и шью с детства, так что новая машинка, которую я купила по социальному контракту, принесет мне больше заказов и денег*» (жен. 25, ИП); проявление упорства при возникновении трудностей и осознание того, какие препятствия могут возникнуть при достижении цели: «*активность, общительность, не стеснительность, упорство и энергичность – это все про меня, прорвемся*» (жен. 40, ИП), «*родные отговаривали, считают, что с государством все это накладно в итоге, потом спросят по полной, но я готов рискнуть, уверен, что раскручусь, я упрямый*» (муж. 18, ИП). Абсолютное большинство информантов из числа тех, кто заключил социальный контракт на развитие предпринимательской деятельности и личного подсобного хозяйства, подтверждает в нарративе присутствие всех трех элементов агентности, что позволяет говорить о наличии у них высокого уровня агентности. Налицо определенность и планы на будущее, готовность их конкретизировать, осознанность жизненной траектории с учетом собственных интересов, умений и навыков, а также возможных трудностей и препятствий, выражение уверенности и независимости от мнений других людей при заключении социального контракта.

Как показал анализ транскриптов интервью, средний уровень агентности в большей степени принадлежит тем информантам, которые заключили социальный контракт на поиск работы (ПР). Причем у части информантов мы обнаружили разное сочетание элементов нарратива агентности, выдвинутых в концепции Дж. Силвы и С. Корс. Ориентация на будущее в сочетании с ощущением контроля над собственной жизнью: «*мне срочно нужно устроиться на работу, дело к пенсии; так-то у меня стаж большой, я профессионал*» (жен. 51, ПР), но отсутствие упорства при возникновении трудностей: «*я хочу найти работу, тогда по 14 тысяч еще три раза дадут, но там, как пойдет, я же ничего не могу сделать с тем, что мнем уже 45*» (муж. 45, ПР). У другой части информантов мы не обнаруживаем ориентацию на будущее и упорство при возникновении трудностей: «*это меня в службе уговорили на поиск рабо-*

ты взять контракт, я хотел на бизнес, там сумма больше… но не знаю чем мне заниматься, где работать…, будет что будет» (муж. 39, ПР), «*да хоть что-то надо было оформить, все равно никто меня не возьмет на работу*» (жен. 29, ПР). Таким образом, данные информанты демонстрируют нахождение в пограничной зоне, имея одновременно не все обозначенные авторами концепции элементы нарратива агентности.

По результатам исследования, абсолютное большинство информантов, заключивших социальный контракт на осуществление иных мероприятий (ИМ), направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации демонстрируют низкий уровень агентности. Стоит отметить, что социальный контракт на данное направление предусматривает оказание денежной поддержки для удовлетворения основных потребностей в покупке одежды, лекарственных препаратов, прохождение медицинского осмотра и пр., что само по себе выбивается из ряда направлений реализации социального контракта и не предполагает активизации ресурсов получателя социальных услуг и их свободного выбора. Перечень обстоятельств, свидетельствующих о том, что гражданин находится в трудной жизненной ситуации, определен региональным нормативным актом [8]. Анализ транскриптов интервью с данной категорией информантов подтверждает низкий уровень их агентности: «*услышала, что соседке денег дали на велосипед ребенку, тоже пошла в соц. службу, говорят, что такого нет, но когда узнали, что у меня ребенок инвалид, предложили оформить социальный контракт и денег дали*» (жен. 31, ИМ), «*я безработная, мне дали денег долг по коммуналке закрыть, я довольна, а то они хотели меня на учет как безработную, но тогда надо было бы ходить, отмечаться, да я и не хочу устраиваться на работу»* (жен. 49, ИМ), «*у нас пожар был, сказали, что денег дадут, вот и заключил контракт, денег мне дали, а я же ничего им не должен*» (муж. 52, ИМ). Информанты, заключившие социальный контракт на осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации, демонстрируют наличие и проявление замешательства и находчивости, но отсутствие конкретных планов по выходу из собственной трудной жизненной ситуации. Они не позиционируют себя в качестве агентов, что подтверждает постоянное апеллирование в нарративе к третьим лицам.

Таким образом, в ходе исследования была обоснована концепция агентности для изучения получателей социальных услуг, рассмотрения их не только в качестве субъектов и акторов, но и агентов собственной траектории по повышению уровня и качества жизни. Согласно результатам эмпирического ис-

следования высокий уровень агентности демонстрируют малоимущие получатели социальных услуг, заключившие социальный контракт на осуществление предпринимательской деятельности и ведение личного подсобного хозяйства; средний уровень агентности – на поиск работы; низкий уровень агентности демонстрируют получатели социальной поддержки, оформившие социальный контракт на осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации. Последнее упомянутое направление, на наш взгляд, противоречит идее и сути не только социального контракта, но и всей социальной поддержки, цель которых развитие и укрепление агентности получателей социальных услуг.

Список литературы:

1. Данакин Н.С. Смысл и профессиональные особенности социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2021. №3. С. 33-41.

2. Саралиева З.Х. Система социальной работы: структура, принципы функционирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2001. № 1. С. 95-100.

3. Киенко Т. Эмпауэрмент (empowerment) – подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2. С. 274-303.

4. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. /Сост., общ. Ред и пре. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993. 336 с.

5. Закон Самарской области «О социальной помощи в Самарской области» от 6 мая 2000 года №16-ГД // https://base.garant.ru/8302940/

6. Silva J., Corse S. Envisioning and enacting class mobility: The routine constructions of the agentic self // American Journal of Cultural Sociology. 2018. Vol. 6 (2). P. 231-265.

7. Ермолина Е.А. Агентность и образовательный выбор учащихся: кейс частной гимназии г. Ярославля // Исследователь/Researcher. 2020. №3. С.30-57.

8. Приказ министерства социально-демографической и семейной политики Самарской области от 23.07.2021 № 376 «О внесении изменений в приказ министерства гуманитарного и социального развития Самарской области от 31.01.2006 №7 «Об оказании социальной помощи малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам Самарской области» // https://minsocdem.samregion.ru /dokumenty/ prikazy/

И.А. Землянская,
Самарский университет;
Е.О. Сойкина,
Самарский университет

АГЕНТНОСТЬ В СФЕРЕ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРАКТИКИ ЦИФРОВОГО VERSUS «ЖИВОГО» ОБЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

В данной статье изучается механический и деятельностный подход к межличностной коммуникации, раскрывается понятие цифровой (digital) коммуникации, рассматривается поворот к субъектности в сфере межличностного общения. Также авторы приводят результаты эмпирического социологического исследования, посвященного изучению практик межличностных коммуникаций в молодежной среде.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, агентность в сфере межличностной коммуникации, цифровое общение, digital коммуникация, субъектность межличностного общения.

I.A. Zemlyanskaya,
Samara University;
E.O. Soykina,
Samara University

AGENCY IN THE SPHERE OF INTERPERSONAL COMMUNICATION: PRACTICES OF DIGITAL VERSUS «LIVE» COMMUNICATION OF YOUTH

This article discusses a mechanical and activity approach to interpersonal communication, reveals the concept of digital communication, considers the turn to subjectivity in the field of interpersonal communication. Also, the authors present the results of an empirical sociological research of interpersonal communication practices among young people.

Keywords: interpersonal communication, agency in the field of interpersonal communication, digital communication, subjectivity of interpersonal communication.

Цифровизация становится неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека. Развивается процесс оцифровки коммуникаций. Под цифровой (digital) коммуникацией мы понимаем «любой вид связи, основанный на использовании цифровых технологий» [1].

Канал коммуникации – специальный маршрут или технология, используемая для передачи сообщения получателю [2]. Выделяют следующие основные цифровые каналы связи: электронная почта, телефонные звонки по цифровому устройству, видеоконференции и многие виды мгновенного обмена сообщениями, такие как SMS и веб-чаты [1].

Параллельно с процессом цифровизации наблюдается поворот к субъектности коммуникаций. Коммуникация перестает быть однонаправленным процессом, она представляет собой взаимодействие акторов, каждый из которых вносит в поле межличностной коммуникации свое наполнение: речь, эмоции, реакции.

Данный поворот отражен в деятельностном подходе к коммуникации, в рамках которого она понимается как совместная деятельность коммуникантов, то есть участников коммуникации, в процессе которой вырабатывается относительно общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними. Это противопоставляется механистическому подходу, где коммуникация – это однонаправленный процесс, во-первых, кодирования и передачи информации от источника, во-вторых, приема информации получателем этого сообщения [3].

Субъектность межличностной коммуникации проявляется также в выборе каждым участником канала, формы и средства коммуникации. Агенты коммуникации могут выбрать непосредственное личное общение или общение, опосредованное техническими, цифровыми средствами связи.

Существует предположение, что молодежь предпочитает цифровую коммуникацию непосредственному «живому» общению. По мнению А.Д. Кривоносова, и Т.Ю. Лебедевой, «медиатизация сознания современного актора цифровых коммуникаций приводит к медиавовлеченности» [4, с. 16].

В рамках нашего эмпирического исследования, направленного на изучение практик межличностных коммуникаций в молодежной среде, мы проверили нашу основную гипотезу о том, что молодежь предпочитает цифровую коммуникацию живому общению. Мы провели 12 свободных интервью с представителями молодежи крупных городов Самарской области (Самара, Тольятти) трёх возрастных категорий: 18-24 года, 25-29 лет, 30-35 лет.

Основные исследовательские задачи нашего исследования включали в себя:

– изучение практик межличностного общения в основных сферах жизнедеятельности (бытовой, досуговой, трудовой);

– определение предпочтений молодежи в выборе цифровых или «живых» межличностных коммуникаций;

– изучение ведущих каналов, средств коммуникации молодежи;

– определение преимуществ и недостатков цифровой коммуникации по мнению молодежи.

В результате мы получили следующие выводы. Большинство молодых людей, когда это возможно, предпочитает личное непосредственное общение опосредованному цифровому, поскольку первый вид общения обладает ценными для молодежи атрибутами: визуальным контактом и тактильными ощущениями: *«Ты его можешь осязать, ты видишь его глаза, можешь понять по малейшей эмоции, что он думает в этот момент, приятно ему с тобой общаться, не приятно, да и вообще ценность самого момента»* (Анна, 33 года, Самара). Данный вид общения предпочитается остальным как в сфере дружеского общения, в рамках досуговой деятельности, так и с близкими людьми в сфере повседневных бытовых коммуникационных практик, также и в деловой коммуникации, так как делает ее более наполненной, «богатой»: *«Мне комфортно, когда люди с тобою рядом, когда они с тобой поболтать могут, посидеть могут, подумать вместе, походить, так удобнее, чем в «ВКонтакте» переписываться»* (Дмитрий, 29 лет, Тольятти). Таким образом, основная гипотеза исследования не подтвердилась.

Вместе с тем есть представители молодежи, которые сознательно ищут максимально опосредованного дистанционного способа общения, предпочитая текстовые сообщения, так как это позволяет скрыть стеснительность и неуверенность в себе: *«В сообщении я чувствую себя как будто бы обезличенным и собеседника тоже как будто увижу обезличено, поэтому мне проще… Я довольно закрытый человек, и мне тяжело бывает проявлять эмоции»* (Владислав, 23 года, Самара).

В цифровой коммуникации второй участник коммуникации, которому адресована информация, может «переформатировать» коммуникацию: как развернуть ее в другое содержательное русло, так и отвергнуть предложенный формат коммуникаций. Так, некоторые информанты в нашем исследовании упоминали о том, что они предпочитают не принимать или «сбрасывать» телефонные звонки на смартфоне, если им неудобен данный формат общения,

предлагая в ответ другие каналы коммуникации (социальные сети, мессенджеры, специальные программы для Интернет общения, установленные на смартфон): «*Сначала я узнаю причину, почему он хочет именно видео звонок… какой-то смысл во всем этом видео звонке… То есть для незнакомого человека, в принципе, мне кажется, достаточно просто микрофона, дистанционного какого-то общения*» (Владислав, 23 года, Самара).

Наиболее распространенными средствами общения для информантов являются социальная сеть «ВКонтакте», мессенджер Telegram и телефонная связь по смартфону. Выбор конкретного средства связи определяется через цель общения с собеседником. Это говорит об осознанности информантов при построении цифровой коммуникации: *«Если какая-то ситуация проблемная или ещё что-то, я всегда звоню. Я не буду никогда писать…, но позвонить жене, когда ребёнок спит, и потом получить, так сказать, либо написать ей сообщение, она просто прочтет и ответит, и я выбираю лучше написать»* (Дмитрий, 29 лет, Тольятти).

Основными преимуществами цифровой коммуникации являются возможности асинхронного общения исходя из удобства пользователей и общение без физического присутствия и необходимости визуализации образа.

Среди основных недостатков цифрового общения информанты обозначают отсутствие тактильных ощущений и визуального контакта.

Список литературы:

1. Кушниренко Д.О., Кушниренко А.В. Цифровизация и digital-коммуникации в системе среднего образования (на примере платформы «Учи.ру») // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (29-30 ноября 2021) / Под редакцией проф. А.Д. Кривоносова. СПб : АНО «София». 2021. С. 266-270.

2. Основы менеджмента: учебное пособие / под ред. проф. И.Ю. Солдатовой, проф. М.А. Чернышева. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К'», Ростов н/Д: Наука-Пресс. 2006. 256 с.

3. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Изд-во ВГТУ. 2000. 175 с.

4. Кривоносов А.Д., Лебедева Т.Ю. Антропоцентризм цифровых коммуникаций: коллективное одиночество // Коммуникации в условиях цифровой трансформации: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (29-30 ноября 2021) / Под редакцией проф. А.Д. Кривоносова. СПб : АНО «София». 2021. С. 13-20.

М.А. Корсун,
Самарский университет

«СЛЕПЫЕ ЗОНЫ» И «ПЛОХИЕ РАЙОНЫ»: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА МЕНТАЛЬНОЙ КАРТОГРАФИИ

В статье рассматривается опыт применения метода ментальной картографии в качестве инструмента для сбора эмпирических данных и способа повышения исследовательской рефлексии для студентов, изучающих городское пространство.

Ключевые слова: социология города, инвайронментальная социология, образ города, ментальные карты.

M.A. Korsun,
Samara University

«BLIND SPOTS» AND «BAD AREAS»: THE EXPERIENCE OF USING THE METHOD OF MENTAL CARTOGRAPHY

The article discusses the experience of using the method of mental cartography as a tool for collecting empirical data and a way to increase research reflection for students in urban studies.

Keywords: urbanstudies, environmentalstudies, imageofthecity, mentalmaps.

С начала 2000-х годов в российской социологии города набирает популярность метод ментального картографирования пространства, позволяющий выявить образы и смыслы, которые формируются у горожан относительно города и отдельных его элементов [1-3]. В академический дискурс понятие «ментальные карты» было введено в 1948 г. Э. Толменом, однако наибольшую популярность (и методологический потенциал) данный термин приобрел после выхода работы К. Линча «Образ города», где город состоит из тысяч ментальных образов, авторами которых являются все пользователи городского пространства [4]. Подход Линча существенно отличался от концепции ментальных карт, предложенной Толменом, так как последний исследовал практики ориентирования, которые реализуют грызуны при попадании в незнакомые пространства [5].

На сегодняшний день у метода ментального картографирования не сложилось четких границ применения, а исследовательские процедуры далеки от декларирования общего регламента. Тем не менее, на наш взгляд, это не явля-

ется недостатком данного метода, а позволяет создавать максимально гибкий исследовательский инструмент, который можно дополнить иными техниками.

В статье мы рассмотрим опыт применения метода ментального картографирования городского пространства на примере г. Самара, дополненный выделением вернакулярных районов и рефлексией мультисенсорного воздействия городского пространства. В качестве информантов выступили студенты Самарского университета, изучающие дисциплину «Инвайронментальная социология» (участие в исследовании имело целью не только сбор информации, но и повышение рефлексивности студентов при изучении средовых элементов).

В ходе первого этапа информанты производили точечные замеры воздействия окружающей среды на их органы чувств, нанося координаты замеров на электронную карту города. Наиболее значимыми каналами получения информации об окружающем пространстве для информантов стали визуальный и аудиальный, в гораздо меньшей степени был отрефлексирован ольфакторный опыт. Замеры проводились в период быстрого потепления, поэтому информанты часто отмечали температурную составляющую. Наиболее заметна тенденция связи погодных условий и эмоциональной оценки места: если в наблюдении представлена ясная и солнечная погода, то место оценивается информантом как приятное, вызывающее радость; в случае фиксации в наблюдении информации о пасмурной погоде, ветре и осадках, место и собственное состояние оценивается негативно, тревожно.

Вторым этапом исследования выступило ментальное картографирование, которое осуществлялось с использованием подложки из административной-территориальной карты города. Следует отметить, что для данных целей могут быть использованы и цифровые карты города (сервисы GoogleMaps и Яндекс.Карты), что делает возможным проведение сессий по ментальному картографированию в режиме дистанционной работы. В нашей исследовательской деятельности применялись и цифровые, и аналоговые инструменты без потери эффективности.

В ходе структурирования городского пространства информанты совмещали личную субъективную оценку района (например, выделяли район «Тут что-то на богатом», территориально расположенный на 1-5 просеках, где представлена частная застройка дорогостоящими коттеджами) и существующие в их сознании вернакулярные районы (например, «Металлург» и «Безымянка»). В процессе выделения районов прослеживается несколько тенденций:

1. Чем ближе рассматриваемое пространство к месту, часто используемому информантом, тем более дробно выделяются его элементы. Так, напри-

мер, информанты, проживающие в студенческом общежитии, отмечают, что пространства, расположенные по разные стороны от оживленной автомагистрали, имеют для них очень разную символическую наполненность и даже меняют телесные практики. Также верно и обратное: чем менее исследовано пространство – тем более расплывчатые границы оно имеет и тем большую площадь занимает. Например, район Безымянки для информантов, проживающих в центре города, может быть локализован в границах улиц Победы, 22 Партсъезда, Стара-Загора и пр. Кирова, что существенно превышает конвенционально принятую площадь данного района.

2. Чем больше негативных коннотаций о районе присутствует в дискурсивном поле информантов, тем быстрее данная локация будет нанесена на карту. Уже упомянутые ранее «Металлург» и «Безымянка», а также «Кирыч» и «Стошка», имеющие у жителей города дурную славу, присутствовали на большинстве ментальных карт, однако их локализация могла существенно различаться, что говорит о некоторой мифологизации и устойчивости негативной идентичности. Тем не менее, существование подобных характеристик в дискурсе жителей города делает данные элементы пространства более устойчивыми. В случае выделения «хороших» районов информанты испытывали больше трудностей с идентификацией и нанесением границ, так как подобные пространства не имели четко выраженной идентичности.

3. Наличие «слепых пятен» на картах. В ходе разделения пространства на отдельные элементы информанты часто отмечали, что «вот здесь вообще не знаю что». Это свидетельствует о недостаточно высоком уровне освоения городского пространства. При этом информанты, проживающие в отдаленных районах, часто лучше знают город даже за пределами их обыденных маршрутов. Также стоит заметить, что «неидентифицированные» пространства, расположенные вблизи «плохих районов», имеют тенденцию к включению в границы этих районов.

На третьем этапе исследования информанты совместили созданные ментальные карты с точками замеров влияния окружающей среды. Ожидаемым результатом стало совпадение высокой положительной оценки района исторического центра при нанесении его границ на карту с преобладающе позитивными переживаниями информантов, проводивших замеры на его территории. При этом информанты отмечали высокую неоднородность застройки в историческом центре, где ветхие малоэтажные здания соседствуют с высотными жилыми комплексами, но в данном районе ветхая застройка не оценивалась ими как опасное или тревожное место, в отличие от ветхих строений Безымянки.

В ходе эвристической беседы информанты показали базовый невысокий уровень рефлексии относительно визуального ряда, аудиальных и ольфакторных факторов окружающего городского пространства. Также прослеживается практика начала рефлексии с раздражителей: сначала вспоминаются или фиксируются резкие и неприятные звуки, запахи. Тем не менее, при последующем стимулировании рефлексии информанты обнаруживают, что они в действительно фиксируют различные ситуации влияния среды на их органы чувств, но в повседневной практике игнорируют такую информацию. Например, одним из интересных результатов такой стимуляции рефлексии стало разделение ольфакторного профиля двух кампусов Самарского университета: «Южная площадка» обладает «городским» ольфакторным профилем, состоящим из запаха бензина, пыли, нагретого асфальта, а «Северная площадка» – «деревенским» (со слов информанта), так как близость частного сектора определяет наличие запахов жженой листвы, скошенной травы, а удаленность от оживленной магистрали дает отсутствие сопряженных запахов.

В целом можно сказать, что использование метода ментальной картографии вполне оправданно и в качестве метода сбора эмпирической информации о восприятии городского пространства, и в качестве повышения исследовательской рефлексивности студентов, изучающих дисциплины, связанные с анализом средовых городских процессов.

Список литературы:

1. Веселкова Н.В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5-29.

2. Глазков К.П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39-56.

3. Митин И.И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Философско-культурологический журнал. 2011. № 1. С. 62-73.

4. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников / под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат. 1982.

5. Толмен Э. Когнитивные карты у крыс и у человека // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1980. С. 63-69.

И.Э. Петрова,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского;
Е.И. Дулесин,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

ДЕТИ О СЕМЕЙНОМ ОБУЧЕНИИ: НОВЫЕ АКТОРЫ НА ПРИВЫЧНЫХ АРЕНАХ

Статья посвящена исследованию контента в YouTube, созданного детьми – участниками семейного образования. С привлечением конструкционистского подхода проводится анализ формирования публичной арены детьми – авторами видеоматериалов о семейном обучении. Проводится содержательный анализ с целью определить эффективность механизмов конструирования социальной проблемы новой категорией авторов на известных медиааренах.

Ключевые слова: семейное обучение, конструирование социальных проблем, публичные арены, манипуляция, эмоции.

I.E. Petrova,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod;
E.I. Dulesin,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod

CHILDREN ABOUT FAMILY SCHOOLING: NEW ACTORS IN FAMILIAR ARENAS

The article is devoted to the study of content on YouTube created by children participating in family education. Using the constructionist approach, it analyzes the formation of the public arena by children-authors of videos about family education. A substantive analysis is carried out to determine the effectiveness of the mechanisms of social problem construction by a new category of authors in the known media arenas.

Keywords: family learning, construction of social problems, public arenas, manipulation, emotions.

Семейное образование в России в настоящее время остается закрытой темой, достаточно сложной для исследования. Родители не выносят в свет информацию, опасаясь излишнего внимания и контроля со стороны представителей образовательных систем, а официальные органы не публикуют исчерпывающую информацию, чтобы избежать популяризации этой формы обучения [1, с. 64-66]. Являясь «кризисной практикой» [2, с. 112-114] семейное образование помогает родителям в период неопределенности оградить своих детей от проблем школьной системы [3, с. 41-44].

С появлением интернета начали активно образовываться горизонтальные сообщества родителей, которые выбрали семейное образование для своих детей, и стремились оказать помощь и поддержку всем нуждающимся в ней [4, с. 184-186].

Вместе с тем, в теме семейного обучения в медиасреде появляются и другие акторы. По запросу «семейное обучение» в поисковой системе видеохостинга YouTube были отобраны 100 наиболее рейтинговых (по количеству просмотров) видеоматериалов. Содержательный анализ позволил выделить четыре категории акторов. Первые две включали непосредственных участников процесса семейного образования:

1) мамы, семьи (в целом) и дети, практикующие семейное образование;

2) представители интернет-школ и центров семейного образования – профессионалы, занимающиеся семейным образованием и оказывающие образовательные услуги;

К двум следующим относились сторонние наблюдатели семейного образования, интересующиеся этим социальным явлением:

3) авторы (блогеры), как правило не имеющие прямого отношения к семейному образованию, но занимающиеся образованием или воспитанием детей.

4) авторы (журналисты) новостных каналов.

Наиболее интересной категорией авторов видеороликов представляется аудитория детей, находящихся на семейном обучении. По количеству созданных материалов дети находились на пятом месте, а по среднему количеству просмотров – на первом (результаты приводятся в таблице 1).

Таблица 1

Среднее число просмотров видеоматериалов по тематике семейного обучения

	Категория акторов	Количество материалов	Среднее число просмотров ролика
	Блогер	35	6 656
	Мама	25	2 015
	Канал новостей	18	10 782
	Семья	10	14 670
	Ребенок	7	14 971
	Центр семейного образования	3	936
	Интернет-школа	2	10 782

Видеоматериалы, записанные детьми по теме «семейное образование» оказалась наиболее востребованной у зрителей. Ролики, как правило, озаглавлены сходным образом: «Я ушел из школы», «Я бросила школу», «Учусь дома!», «Я не хожу в школу», «Как я ушла из школы», «Почему я бросил школу», «Я была на домашнем обучении», «Мой опыт домашнего обучения», «Плюсы и минусы домашнего обучения». Подавляющее большинство (93 из 100) записаны девушками (от 11 до 18 лет). Зачастую материалы направлены на представление семейного обучения как пространства и времени практически полной свободы. Представленные ролики достаточно популярны, и в целом набрали более 17 млн просмотров (таблица 2).

Таблица 2

Распределение видеоматериалов детей-авторов по числу просмотров

Диапазон просмотров	Количество материалов	Число просмотров (категории в сумме)	Среднее число просмотров 1 ролика
До 1000	35	12 430	355
От 1000 до 10 000	28	129 020	4 607
От 10 000 до 100 000	22	658 888	29 949
От 100 000 до 500 000	7	1 630 804	232 972
От 500 000 до 1 млн	2	1 391 733	695 866
Свыше 1 млн	6	13 589 999	2 264 999
Итог	100	17 711 372	177 113

Следует так же отметить, что содержание большинства из 100 анализируемых каналов достаточно разнообразно. Авторы публикуют материалы об отдыхе, поездках, вечеринках, встречах с друзьями, покупках и т. д. На этом фоне тема семейного образования не выглядит самой интересной для просмотра.

Конструкционистский подход и концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, обобщенные в работах И.Г. Ясавеева [5, с. 145-150], позволяют обосновать степень успеха (число просмотров детского контента по теме «семейное образование»), определяемую количеством внимания, уделяемого ей на этих аренах. Уровень популярности контента, созданного детьми, показывает его соответствие приведенным стратегиям:

– новизна и необычность домашнего обучения по сравнению с традиционным школьным. Основным моментом новизны и необычности, привлекающим внимание к контенту, являются плюсы семейного образования: полная свобода в выборе распорядка дня, методов и средств обучения, возможность мобильности, достаточное количество свободного времени, отсутствие домашних заданий и т. д.;

– конструирование индивидуальных причин проблемы: юные авторы материалов, рассказывая о семейном образовании, предлагают аудитории свою личную историю, свое персональное отношение к школе и семейному образованию, что и оказывается особенно привлекательным;

– конструирование широко распространенного условия: школьные проблемы известны каждому ребенку;

– персонализация проблемы: подробности того, как семейное образование воздействует на тех, кто смог им воспользоваться, передаются авторами материалов в личных рассказах о тех преимуществах, которыми они теперь обладают, что затрагивает чувства аудитории: отсутствие раннего подъема, не надо идти в школу, не надо сидеть в классе, комфортные условия занятий, отсутствие оценок, отсутствие ежедневных домашних заданий, меньшие затраты времени на учебу, большое количество свободного времени, и т. д.;

– конструирование простоты. Некоторые авторы материалов выбирают для донесения преимуществ семейного образования и достижения внимания аудитории простую для понимания форму – видеозапись своего учебного дня без использования объяснений: ученик нежится в кровати, неспеша встает, умывается, завтракает, с кружкой чая садится в кресло перед компьютером. И все это под заголовком «Мое обычное школьное утро» со словами: «Поздравьте меня, я – на семейном обучении» [6].

Авторы-дети непреднамеренно используют наиболее действенные механизмы привлечения внимания аудитории к конструированию социальных проблем школьного и семейного обучения. Вместе с тем, интуитивно детская аудитория очень хорошо воспринимает милое манипулирование сверстников, когда они в своих видеоматериалах преувеличивают степень свободы в семей-

ных стратегиях обучения и играют на чувствах слушателей, ведя репортаж из постели. Комментарии детей и подростков под этими роликами больше всего складывается из фраз «Пошла уговаривать родителей забрать меня из школы», «Хочу жить так же спокойно, без школы!» и подобных им. Популярность таких роликов в среде сверстников с течением времени только растет, и дальнейшее исследование позволит точнее определить механизмы воздействия авторов-детей на детскую аудиторию.

Список литературы:

1. Любицкая К.А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей // Педагогика. 2019. № 8. С. 64-72.

2. Придатченко М.В. Семейное образование как кризисная социальная практика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 2 (62). С. 111-119.

3. Петренко К.В., Оберемко О.А. Образование детей и взрослых: семейные проекты траекторий. Информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, ФОМ. 2005. 56 с.

4. Придатченко М.В. Семейное образование: в поисках достоинства // Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях, Нижний Новгород, 24-25 апреля 2021 года / Под общей редакцией А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Часть 2. Н. Новгород: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021. С. 183-190.

5. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / Сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та. 2007. 276 с.

6. «Мое утро на дистанционном обучении» / My little Nastya // https://www.youtube.com/watch?v=2xgDfgvHGM

О.А. Полюшкевич,
Иркутский государственный университет

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЭМОЦИИ ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК: ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается процесс проживания коллективных эмоций во время реализации просоциальных практик. Исследуются процессы воздействия на личность и сообщества людей как в реальном, так и в виртуальном мирах. Показываются универсальные механизмы взаимосвязи коллективных эмоций и просоциальных практик и локальные последствия для реального и виртуального пространств.

Ключевые слова: коллективные эмоции, просоциальные практики, виртуальность, реальность, социальная активность.

O.A. Polyushkevich,
rkutsk State University

COLLECTIVE EMOTIONS OF PROSOCIAL PRACTICES: VIRTUAL AND REAL CONSEQUENCES

The article deals with the process of experiencing collective emotions during the implementation of prosocial practices. The processes of influence on the personality and communities of people both in the real and virtual worlds are studied. The universal mechanisms of interconnection between collective emotions and prosocial practices and local consequences for real and virtual spaces are shown.

Keywords: collective emotions, prosocial practices, virtuality, reality, social activity.

Просоциальные практики – практики людей, направленные на реализацию социально значимых идей и проектов. Они предполагают наличие активной жизненной позиции и добровольное участие в данных проектах.

Просоциальные практики могут осуществляться индивидуально или коллективно, но они предполагают формальное (официальное) и неформальное (причисление себя к какому-то сообществу) членство. Иными словами, конструируется социальная идентичность через принадлежность к какому-либо кругу людей. Это могут быть максимально большие сообщества (добро-

вольцы России, волонтеры) или локальные (социальные активисты – помогающие конкретным людям, отдельной территории или группе) и т. д.

Социальная идентичность подтверждается в том числе и через коллективные эмоции. Они могут конструироваться целенаправленно: через официальное включение в члены сообщества, вручение символики сообщества (значок, флаг, знание гимна и пр.). Или же возникать как отдельные виды активности, но вместе формировать единое поле социальных установок. Например, фиксация своего участия в какой-то акции или реализация определенных действий на своей странице в социальных сетях. Это приводит к оценке окружения данного человека или сообщества – его самого, подтверждения его идентичности и социальной активности, поощрение в виде смайлов и комментариев, репостов и т. д.

В современном обществе именно социальным сетям удается создать новый образ человека, его имидж, которым легко управлять – через фиксацию *нужного* контента, который, в свою очередь, будет конструировать коллективные эмоции вокруг самого человека, группы его принадлежности (сообщества), самого повода для реализации той или иной практики [1-3]. Все вместе это выступает формой повышения социальной активности, развития небезразличного, эмпатичного отношения к окружающему миру [4; 5]. Для одних – как реальная мотивация поведения (изменить мир к лучшему), для других – как способ накопления и укрепления социального капитала. И в первом, и во втором случаях, происходит социальная активизация представителей разных сообществ, их совместная или индивидуальная деятельность, воздействующая на нормы (не)приемлемого поведения, формирующего солидарность сообществ и определяющая новые мировоззренческие смыслы.

В результате нашего исследования, посвященного распространенности просоциальных практик (n=1200), 55 % женщин и 45 % мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, проведенного во всех регионах РФ через онлайн-опрос на платформе Google в 2023 году, мы выяснили о различных личных и социальных последствиях участия в данной деятельности, нашедших отражение как в реальной жизни, так и виртуальном пространстве, а также в испытываемых и проявляемых коллективных эмоциях.

Коллективные эмоции, которые испытывают участники просоциальных практик достаточно разнообразны. От позитивных: сострадание (28 %), внимание (27 %), забота (25%), радость (20 %), до негативных: злость (28 %), агрессия (27 %), раздражение (24 %), тревога (21 %).

При этом респонденты говорят об увлечении интенсивности проявления эмоций (не имеет значения позитивных или негативных) (37 %), о более высокой самооценке (42 %) и гордости (21 %) при обсуждении собственного участия в той или иной просоциальной практике. Социальные сети преумножают те эмоции, что изначально испытывает участник данных просоциальных практик. Благодаря виртуальному пространству, люди становятся более заметными в той среде, в которую входят, а также расширяют свою значимость и публичность в других сообществах, становятся знаковыми персонами или имеющими возможность приобщиться к знаковым процессам происходящим в городе, регионе, стране.

Благодаря оценкам, комментариям и знакам внимания в социальных сетях повышается самооценка и конструируется четкая идентичность (*кто Я* и кто *те, с кем я взаимодействую*; кто *свои*, а кто *чужие*), формируется позиционирование в новых условиях, о чем ранее нами уже говорилось [6]. Это приводит к конструированию нового круга взаимодействия, где можно себя презентовать, позиционировать в новом свете, качестве и ролях. Виртуальный мир дает легальные возможности придумывания своего образа, подкрепления его через участие в выбранных проектах (просоциальных практиках), которые сами по себе будут влиять на имидж и индивидуальный образ, а подчеркнутые через личный пост, где будут отражены свои эмоции (то есть показана личная вовлеченность), коллективные эмоции (подчеркнута значимость процесса или явления и возможность разделить данные эмоциональные состояния с другими) приводит к новым формам социальной солидарности (как в реальном, так и виртуальном мирах).

Данные процессы приводят к изменению повседневного мира участников просоциальных практик, их эмоциональной вовлеченности в события реального мира. Их гипер-проживание – в вирутальном мире, так как там можно несколько раз возвращаться к одному событию, которое определит место и роль участника практики, его внешнюю и внутреннюю оценки, а также наградит тем спектром эмоций, который необходим, чтобы подтвердить свою включенность в определенное сообщество и показать свое место в нем.

Универсальным последствием данных процессов выступает искусственное конструирование коллективных эмоций и фиксация их в качестве инструмента входа в новую социальную среду или подтверждения права нахождения в ней. А локальными последствиями выступают механизмы контроля и регулирования коллективных эмоций для решения конкретных задач на местах

или отдельных социальных группах как стратегии социального управления и социального моделирования общественного развития.

Таким образом, коллективные эмоции просоциальных практик приводят к следующим реальным и виртуальным изменениям: 1) общему уровню эмоциональной открытости и желания находиться в данных сообществах как можно больше и дольше, преумножению собственных эмоций через включенность в эмоции окружения; 2) социальным связям (круг социальных реальных и виртуальных коммуникаций); 3) социальной идентичности и вовлеченности (формально и умозрительно (причисляя себя к определенной группе).

Таким образом, можно утверждать, что эмоциональный шлейф после реализации просоциальных практик в виде коллективных эмоций, солидарности и групповой идентичности продолжается как в реальном мире, так и виртуальном. Создание тематических сообществ, поддержание взаимодействия и потенциальная готовность включиться в реализацию новых проектов позволяет говорить о новом механизме социального управления через просоциальные практики.

Список литературы:

1. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // AlmaMater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31-34.

2. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск: ИГУ. 2021. С. 130-134.

3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ. 2021. С. 152-156.

4. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163-176.

5. Полюшкевич О.А. Мораль и социальная идентичность в просоциальных практиках // Социология. 2023. № 1. С. 79-85.

6. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала. 2020. С. 303-307.

С.А. Сотников,
Самарский университет

АВТОЭТНОГРАФИЯ ПАЦИЕНТСКОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ АГЕНТНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровизация в наши дни проникает во многие сферы профессиональной деятельности – в том числе и в сферу медицины. Заметно возрастание внимания учёных к проблематике так называемой «агентности». На сегодняшний день можно выделить и «пациентскую агентность». Для того, чтобы проанализировать влияние цифровых технологий на пациентский опыт, была предпринята попытка использования автоэтнографической стратегии.

Ключевые слова: интернет, агентность, автоэтнография, пациент, цифровизация, медицина.

S.A. Sotnikov,
Samara University

AUTOETHNOGRAPHY OF PATIENT EXPERIENCE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF AGENCY UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Digitalization is now being introduced into many areas of professional activity, including the field of medicine. There is a noticeable increase in the attention of scientists to the problems of the so-called «agency». Today, one can also single out «patient agency». In order to analyze the impact of digital technologies on patient experience, an attempt was made to use an autoethnographic strategy.

Keywords: Internet, agency, autoethnography, patient, digitalization, medicine.

Бурное развитие цифровых технологий, произошедшее в последние десятилетия вследствие «цифровой революции», вызывает интерес у многих учёных, в том числе, конечно же, и у социологов, так как цифровые технологии трансформируют существующие социальные практики и способствуют возникновению новых, влияют на поведение индивидов, меняют культурную сферу и социальные институты. Цифровизация в наши дни проникает во многие сферы профессиональной деятельности – в том числе и в сферу медицины.

По мнению ряда исследователей, пандемия новой коронавирусной инфекции, с которой недавно столкнулось мировое сообщество, ускорила процесс цифровизации, послужила своеобразным её катализатором [1].

Вместе с тем, как считают современные российские социологи П.С. Сорокин и А.В. Зыкова, на фоне пандемии стало особенно заметно возрастание внимания различных экспертов, учёных к проблематике так называемой «агентности». Само понятие агентности в настоящее время является предметом научных дискуссий. П.С. Сорокин отмечает, что некоторые трактуют агентность как «внедрение инноваций на основе уже существующих правил и механизмов контроля их исполнения», другие под агентностью понимают «способность самостоятельного принятия решений, руководствуясь личными побуждениями, а не вследствие внешнего давления». Кроме того, под агентностью понимают и способность активного противостояния различным изменениям (в том числе «противостояние» инновациям), что, по мнению П.С. Сорокина и А.В. Зыковой, можно рассматривать и как вызов иерархиям через отстаивание собственной автономии [2, с. 222, с. 226]. На наш взгляд, наиболее релевантное определение агентности – «способность самостоятельного принятия решений, руководствуясь личными побуждениями, а не вследствие внешнего давления».

Отметим, что сегодня можно выделить и «пациентскую агентность». Изучением агентности пациентов занимаются и отечественные исследователи: К.А. Галкин, А.А. Кирзюк, А. Широков и др. Среди зарубежных исследователей можно выделить Т. Харриса.

Для того, чтобы проанализировать влияние цифровых технологий на пациентский опыт, была предпринята попытка использования автоэтнографической стратегии, которая в большинстве случаев направленна на то, чтобы изучить культуры различных общностей. Единичным тут выступает непосредствено исследователь, его опыт, чувства, мысли, повседневная жизнь в целом. Как считает А.С. Готлиб, автоэтнография в этом плане – всегда сопряжение личности исследователя и культуры, к которой он принадлежит, всегда соотнесение индивидуального опыта с социальным контекстом, попытка заглянуть внутрь себя, чтобы сделать обобщения [3].

В нашем случае нарративное интервью я брал у самого себя, используя диктофон, то есть записывал так называемый «автонарратив». Ниже представлены некоторые фрагменты транскрипта полученной записи.

«…Интернет, на мой взгляд, во многом упрощает поиск самой разной информации. Сегодня в интернете масса информации и отзывов о различных товарах, услугах. Медицинской информации там также представлено великое

множество, что на мой взгляд является как достоинством, так и недостатком – проблема в качестве информации, публикуемой там, оно довольно различное. Например, на некоторых сайтах, посвященных медицинской тематике, можно встретить сомнительного качества статьи, в которых говорится, что тот или иной симптом характерен как для самой обычной простуды, так и для очень серьёзного и опасного заболевания. Думаю, что многие статьи на медицинских порталах стоит воспринимать, как вспомогательный материал, на основе которого можно проконсультироваться, посоветоваться с врачом. Если следовать исключительно советам медицинских порталов, можно навредить себе подобным самолечением. Безусловно, нужно уметь критически оценивать размещаемую там информацию… Перед тем, как принять решение о вакцинации от ковида, я посмотрел очень много различной информации в специализированных сообществах в социальных сетях, в сообществах переболевших ковидом, на медицинских порталах. Конечно же, при принятии решения опирался не только на опыт, описанный в интернете, но и, в большей степени, на опыт реально знакомых людей, прошедших вакцинацию… В случае необходимости пройти какую-то медицинскую процедуру просматриваю отзывы о медицинских учреждениях, также в силу моего здоровья важным для меня является наличие парковочных мест рядом с медицинским учреждением, наличие лифтов в медицинском учреждении». Этот фрагмент может свидетельствовать о тенденции перехода к «пациентоориентированной» медицине, к «партисипаторной медицине» – от «патерналистского» типа взаимодействия врача и пациента к «коллегиальному» (в терминах американского биоэтика Роберта Витча)». Следующий фрагмент:

«…Умные часы я приобретал несколько лет назад в первую очередь ради различных мультимедийных возможностей и удобства использования. Например, ради возможности принимать входящие телефонные вызовы с помощью них, совершать исходящие телефонные звонки, читать входящие сообщения, так как это показалось мне удобным. Когда нахожусь не дома (например, на улице или на учёбе), не нужно доставать телефон из сумки или кармана, чтобы посмотреть кто звонит, а различные рекламные вызовы есть возможность сразу же отклонить с помощью часов. Меня в первую очередь интересовал их функционал (например, возможность поменять так называемые watchfaces, то есть цифровые циферблаты) и технические характеристики, на прочие функции я даже и внимание не обратил. Однако спустя какое-то время использования, когда я сидел за компьютером, часы подали звуковой сигнал – на их дисплее высветилось оповещение с текстом «Вы слишком долго сидите. Встаньте и подвигайтесь….». После этого случая меня заинтересо-

вал и остальной функционал этих часов, направленный на отслеживание различных показателей. Как оказалось, можно выставить различный временной интервал оповещений о необходимости физической активности, часы также могут измерять пульс в течение всего дня, а затем рисовать график, на котором фиксируются все значения ЧСС в течение дня. Конечно, у измерений есть некая погрешность, однако данная функция кажется мне полезной, ведь если обнаружатся очень уж резкие колебания этого графика – это всё-таки повод обратить внимание на состояние здоровья, посетить врача. Кроме того, в часах есть, конечно же, шагомер. Спустя продолжительное время использования часов мне стало интересно посмотреть историю показателей. Можно оценить, например, в какой день недели я прошёл наибольшее расстояние пешком, а в какой наименьшее. Кроме того, функция «умного анализа» позволяет получить рекомендации, исходя из анализа качества сна, отслеживаемого с помощью различных показателей, или рекомендации о телосложении. Также часы дают рекомендации исходя из установленных пользователем целей (например, можно установить желаемый вес). Впрочем, все эти функции, связанные с отслеживанием показателей, при желании можно полностью и отключить. Однако я этого делать не стал. Наоборот, стало интересно смотреть на графики физической активности и показателей» – этот фрагмент может свидетельствовать о практике, которая складывается под влиянием цифровизации медицины – «селф-трекинг», когда людьми используется приложения и носимые гаджеты для отслеживания показателей собственного здоровья.

Список литературы:

1. Мамедьяров З.А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 4 // https://cyberleninka.ru/article/n/uskorenie-tsifrovizatsii-na-fone-pandemii-mirovoy-opyt-i-rossiya

2. Сорокин П.С., Зыкова А.В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в xxi веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг. 2021. №5 // https://cyberleninka.ru/article/n/transformiruyuschaya-agentnost-kak-predmet-issledovaniy-i-razrabotok-v-xxi-veke-obzor-i-interpretatsiya-mezhdunarodnogo-opyta

3. Готлиб А.С. Автоэтнография: разговор с самой собой в двух регистрах // Социология 4М. 2004. № 18. С. 5-16

А.В. Ткачева,
Самарский университет;
В.Л. Лехциер,
Самарский университет

ПАНДЕМИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Представлен обзор исследований об изменении повседневных практик вследствие пандемии COVID-19. Были выделены следующие тенденции: стигматизация, инфодемия, медикализация, цифровизация, изменения языка и эмоционального поведения общества.

Ключевые слова: пандемия, повседневные практики, COVID-19, стигматизация, изменение языка, инфодемия.

A.V. Tkacheva,
Samara University;
V.L. Lekhtsier,
Samara University

PANDEMIC AS AN OBJECT OF SOCIAL SCIENCES: OPICS, PROBLEMS, RESEARCH TRENDS

A review of studies on changes in daily practices due to the COVID-19 pandemic is presented. The following trends were identified: stigmatization, infodemic, medicalization, digitalization, changes in the language and emotional behavior of society.

Keywords: pandemic, everyday practices, COVID-19, stigmatization, language change, infodemic.

Как только пандемия захватила мир, научное сообщество стало пытаться дать объяснение последствиям коронакризиса во всех сферах жизни. Пандемия не только наносит ущерб здоровью общества, но и влияет на обыденные социальные практики.

Весной 2020 год фонд «Общественное мнение» инициировал проект коронаФОМ, целью которого является фиксирование и изучение социологических изменений. Основные тематические поля проекта посвящены новому об-

разу жизни, корреляциям «экономика – пандемия», «корпорации – пандемия», «медики – пандемия», «малый бизнес – пандемия, вакцинации». С первых дней после официального объявления ВОЗ о пандемии был запущен мониторинг К-Зонд с целью отражения новой действительности, ее ежедневных изменений. Мониторинг происходил с помощью аналитики соцмедиа, ежедневного телефонного опроса. Анкета опроса обновлялась каждый раз, когда происходили значимые изменения в мерах против распространения коронавирусной инфекции. Был сформирован набор индикаторов, с помощью которых фиксировались изменения в обществе.

Авторы проекта также выделили две группы людей по принципу отношения к коронавирусу: ковид-диссидентов, тех, кто отрицают существования вируса, и тех, кто не спорит с тем, что коронавирус не выдумка, однако считают угрозу преувеличенной. Похожие группы выделяет В.М. Воронов в статье «Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения» [1]. Классификация в данной работе выглядит следующим образом: «корона-паникеры» (те, кто верит в существование вируса, но считает, что предпринимаемых мер против него недостаточно), «корона-лоялисты» (люди, которые принимают факт существования вируса и позитивно оценивают меры против него, считают их достаточными), «корона-скептики» (люди, верящие в то, что вирус есть, но считают угрозу преувеличенной), «корона-диссиденты» (считают, что вируса нет, отрицательно относятся к мерам против него).

Новые формы социального расслоения в рамках отношения к пандемии отражены в статье В.В. Касьянова, Н.Х. Гафиатулиной, И.М. Викулова «Пандемия и система ограничительных мер как фактор травматизации социального здоровья населения» [2]. Авторы также выделилили COVID-диссидентов и COVID-настороженных. При этом первая группа расслоилась на две подгруппы. Во-первых, на обывательском уровне – вера в пропаганду, отсутствие причин верить. Во-вторых, на интеллектуальном уровне – вера в нарушение прав и свобод, нежелание подчиняться.

Ученые сходятся во мнении, что пандемия повлияла на такие социальные практики, как труд и образование. В статье «Цифровизация труда и повседневности в условиях пандемии коронавируса» Н.А. Николенко, Н.С. Байша затрагивается тема активизации процессов цифровизации и анализируются факторы, которые к этому привели [3]. Они также рассмотрели возможные последствия удаленного режима труда в организациях, где ранее

его не было. В ходе исследования авторы статьи пришли к следующим выводам:

1. Мир, который нас ждет после пандемии, изменит наши представления о рынке труда, трансформирует практики социальных отношений в контексте организации форм трудовой деятельности, интернет-технологии будут пронизывать все профили общественной жизни;

2. Пандемия коронавируса ускорила процессы цифровизации общества в целом, расширила круг интернет-пользователей. Встал вопрос о профессиональной готовности работников осваивать новые для них технологии. Режим труда, изменившийся из-за режима самоизоляции, вынуждает людей получать новые знания и навыки, что увеличит их набор адаптивных возможностей в непростых условиях пандемийной и постпандемийной реальности;

3. Разный уровень владения интернет-технологиями усилит конкуренцию на рынке труда, особенно в сетевом пространстве, поскольку ценность кадра будет определяться не только профессиональными навыками, но и тем, насколько хорошо он владеет инструментами интернет-коммуникаций.

Говоря о переходе повседневных процессов в онлайн-среду, нельзя не затронуть тему инфодемии. Термин «инфодемия» ввела ВОЗ в 2020 году, обозначив им процесс распространения дезинформации во время пандемии коронавирусной инфекции.

Инфодемии посвящена статья «Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета» [4]. Полученные в ходе исследования материалы были подвергнуты качественному и количественному анализу. Таким образом авторы описали, как устроена инфодемия, какие сюжеты являются наиболее популярными и почему, как формируются «волны» инфодемии. По мнению авторов, главным критерием «инфодемических нарративов» является не истинность и ложность высказывания, а то, что они не могут быть полезными для человека.

Авторы задались вопросом о том, вредна ли инфодемия, и пришли к выводу, что инфодемические нарративы нельзя считать опасными, ситуация не настолько проста. Они являются способом социальной адаптации. С их помощью люди пытаются снизить уровень тревоги и вернуть чувство контроля над ситуацией, «предсказать» будущее и адаптироваться к настоящему.

Исследование о всплеске нарративности описано в монографии «Между заботой и выбором: очерки социально-гуманитарных исследований пациентского и врачебного опыта». Авторы изучают такое явление, как «цифровой

стиль болезни», пациентский постинг с больничных коек, а именно мотивы пациентов и типы таких нарративов [5].

Говоря об изменении повседневности в условиях пандемии, нельзя обойти стороной тему трансформации языка, в котором, как правило, находят отражение значимые события из жизни общества. Возникшая потребность осмыслить новую реальность нашла выражение в пополнении словарного состава языка, возросшей частотности употребления редких слов. Перед исследователями языка встала задача проанализировать принципы произошедших других языковых изменений. В предисловии к «Словарю русского языка коронавирусной эпохи», вышедшему в 2021 году в Санкт-Петербурге, дано системное перечисление параметров, определяющих уникальность языковой ситуации во время распространения коронавирусной инфекции. Тенденциям в изменении языковой ситуации посвящены работы М.Н. Приемышевой «Ковидный лексикон русского языка» [6, с. 16], «Коронавзрыв, коронахаос и коронамир» [6, с. 265], «Динамические процессы в русском языке в эпоху коронавируса» Е.И. Голованова [7], «Коронаспик. Язык пандемии COVID-19 становится вирусным» Тони Торна [8], «Символы новых расстояний: удаленка, дистанционка, социальная дистанция» С.И. Громенко. В них авторы пишут о медикализации языка и повседневности, неологизации, активном использовании аббревиатур и т. д.

Одной из проблемных тем, возникших во время пандемии COVID-19, стала стигматизация. В российском научном сообществе существует малое количество работ, посвященных данному явлению. Самой ранней среди них является статья С.Е. Туркулец, А.В. Туркулец, Е.В. Листопадовой, М.В. Сокольской «Социальная стигматизация в период пандемии». В ней рассмотрена специфика стигматизации в условиях распространения вируса.

Еще одной крупной работой на русском языке, посвященной теме стигматизации, является статья И.И. Арсентьевой «Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19» [9]. Основное внимание автора направлено на стигматизацию Китая как страны, с которой началось распространение вируса, а также на тот факт, что стигма в случае с ковидом отличается от стигмы, связанной с другими болезнями.

Исследователями также были затронуты темы социального доверия (М.О. Макушева, Т.А. Нестик «Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии»), изменении ценностей в период пандемии (А. А. Раренко «Трансформация ценностей в период пандемии COVID-19»).

Список литературы:

1. Воронов В.М. Пандемия COVID-19 как экзистенциальное и культурное событие: группы, культурные границы и феномен настроения (на примере российского общества) // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 1. С. 42-68.

2. Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Викулов И.М. Пандемия и система ограничительных мер как фактор травматизации социального здоровья населения // Проблемы социологии. 2021. 1-1. С. 237-242.

3. Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов / Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса. Отв. редактор В.А. Мансуров. С. 2111.

4. Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М. В., Петров Н.В. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231-265.

5. Лехциер В.Л., Готлиб А.С., Финкельштейн И.Е., Шекунова Ю.О. Между заботой и выбором: очерки социально-гуманитарных исследований пациентского и врачебного опыта / под ред. В.Л. Лехциера. Самара: ООО «Слово». 2022. 380 с.

6. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография. / Институт лингвистический исследований РАН. Санкт-Петербург. 2021. С. 16.

7. Голованова Е.И., Динамические процессы в русском языке эпохи коронавируса // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». №21 (5). С. 33-39.

8. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral, Tony Thorne // https://language-and-innovation.com/2020/03/31/coronaspeak-the-language-of-covid-19-goes-viral/?fbclid=IwAR2O-UV0U7_JBfuiMkkylDbWf-YCikTmymRg8Vb71dIS3aLahd6XAlldWEU

9. Арсентьева И.И. Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19 / Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (2). С. 22-46.

О.А. Толпыгина,
Самарский университет;
Е.А. Рыжкова,
Самарский университет

ТРАНСФОРМИРУЮЩАЯ АГЕНТНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ БЛАГОУСТРОЙСТВА

В статье предпринята попытка проследить историю и развитие теории агентности в социологии, разные подходы к содержанию данного термина и методологии изучения этого явления. Также через призму теории трансформирующей агентности рассматривается участие жителей в государственных, региональных и муниципальных программах благоустройства общественных пространств как модель «действие – структура».

Ключевые слова: агентность, субъектность, проактивное поведение личности, трансформирующая агентность, городская среда, программы благоустройства, соучаствующее проектирование, патрисипаторное проектирование.

O.A. Tolpygina,
Samara University;
E.A. Ryzhkova,
Samara University

TRANSFORMING AGENCY IN TERMS OF IMPROVEMENT PROGRAM IMPLEMENTATION

This article aims to trace the history and development of agency theory in sociology, various approaches in relation to the content of the term and the methodology of studying the phenomenon. Through the prism of transforming agency theory, the participation of inhabitants in governmental, regional and municipal programs of public spaces improvement can be seen as a model «action-structure».

Keywords: agency, subjectivity, proactive personal behavior, transforming agency, urban environment, improvement program, participatory projects.

Тема «трансформирующей агентности» является сегодня одной из обсуждаемых в научных дискуссиях, интерес к ней в дискурсе социальных наук

возрастает. Все большее внимание уделяется значению самостоятельного проактивного поведения личности. Это видение основывается на модели «структура – действие», однако четкий категориальный аппарат данного подхода пока не сформирован [1, с. 233].

Тема «трансформирующей агентности» недостаточно проработана в современных социальных науках. Международный экспертный дискурс по теме агентности идет прежде всего в контексте экономики и образования [2; 3].

Если попробовать проследить зарождение и развитие самой идеи агентности, то можно увидеть, что ее история уводит нас как минимум к Максу Веберу и его противостоянию с Эмилем Дюркгеймом в контексте полярности представлений о базисе социальной реальности. Французский социолог Эмиль Дюркгейм отдавал приоритет обществу и социальным явлениям [4, с. 30], тогда как его современник из Германии Макс Вебер полагал, что только индивид обладает мотивами, интересами и сознательным целеполаганием [5, т.1, с. 71-75].

Оттолкнувшись от идей Вебера, американский социолог Толкотт Парсонс разрабатывает теорию социального действия, в рамках которой рисует одноименную модель, впервые указывая на преобразующий характер действия актора на среду для достижения своих целей [6]. Он вводит понятия деятельности и поведения индивида как совокупности целенаправленных действий. Правда, главенствующую роль все еще отдает социальной структуре или системе, которая обеспечивает нормативный порядок. При этом Парсонс оговаривает проявление в поведении действующего человека характера, личностных черт, темперамента и его потребностей.

П. Штомпка, вводя четыре измерения социальной структуры, призывает закмкнуть круг «действие – структура», утверждая, что «конечным источником структур оказывается не что иное, как только действия людей», и предлагает говорить о модели «действие – структура» через морфогенез [2, с. 11].

Т. Шульц, рассуждая о действиях людей в условиях несбалансированности, рисков и неопределенности, фактически говорит о рассмотрении агентности как составляющей человеческого капитала, выносящего в условиях жесткой конкуренции тех, кто им обладает, на вершину успеха [7]. Эта мысль впоследствии будет культивироваться при рассмотрении теории агентности в темах профессионального развития личности и социологии труда.

В 1965 году французский социолог Ален Турен в своей книге «Социология действия» [8] предпринял попытку перенести модель труда как преобразующего фактора на феномен целенаправленного действия индивида по отношению к социальной среде, сформулировав подход акционализма.

Позже Ален Турен в своей книге «Возвращение человека действующего» дает уже целостную модель активисткой социологии ставя исходной точкой и центром анализа идею социального действия [9, с. 10-14].

В настоящее время «перезапуск» теории агентности происходит в контексте экономического сектора, развития предпринимательства, сферы образования [1]. Есть примеры рассмотрения через теорию агентности роли личности в истории. Представляется уместным говорить о трансформационном потенциале индивидуального действия и в других сферах.

Мы попробуем применить подход «трансформирующей агентности» к рассмотрению участия жителей городского округа Самара в государственных, региональных и муниципальных программах благоустройства, основанных на принципах соучаствующего проектирования как выражения субъектности в контексте развития городской среды. Соответствующее исследование проводится в настоящее время на территории Самары.

Проявление инициативы и активной позиции в выражении своих потребностей по отношению к пространству двора или сквера, которым человек непосредственно будет пользоваться на протяжении последующих лет, на первый взгляд представляется совершенно логичным. Вместе с тем институты такого участия в России пока находятся на начальной стадии развития, и субъектность жителей в подобном ключе, хотя и демонстрирует тенденцию к росту, пока не является повсеместной практикой.

Как показывает анализ литературы, на сегодняшний день нет единого подхода к рассмотрению явления агентности. Есть примеры того, что в разных сферах это понятие рассматривается в том числе как борьба, неподчинение индивида системе, способность противостоять проводимым реформам или принимать решения исходя из личных взглядов, а не в силу движения.

Мы же будем рассматривать агентность в традиционном разрезе «структура – действие» через призму проактивного поведения жителей города по отношению к действующим механизмам программ благоустройства, предлагаемых системой власти, подразумевая при этом, что агентность горожанина проявляется в следующих аспектах (Рис. 1).

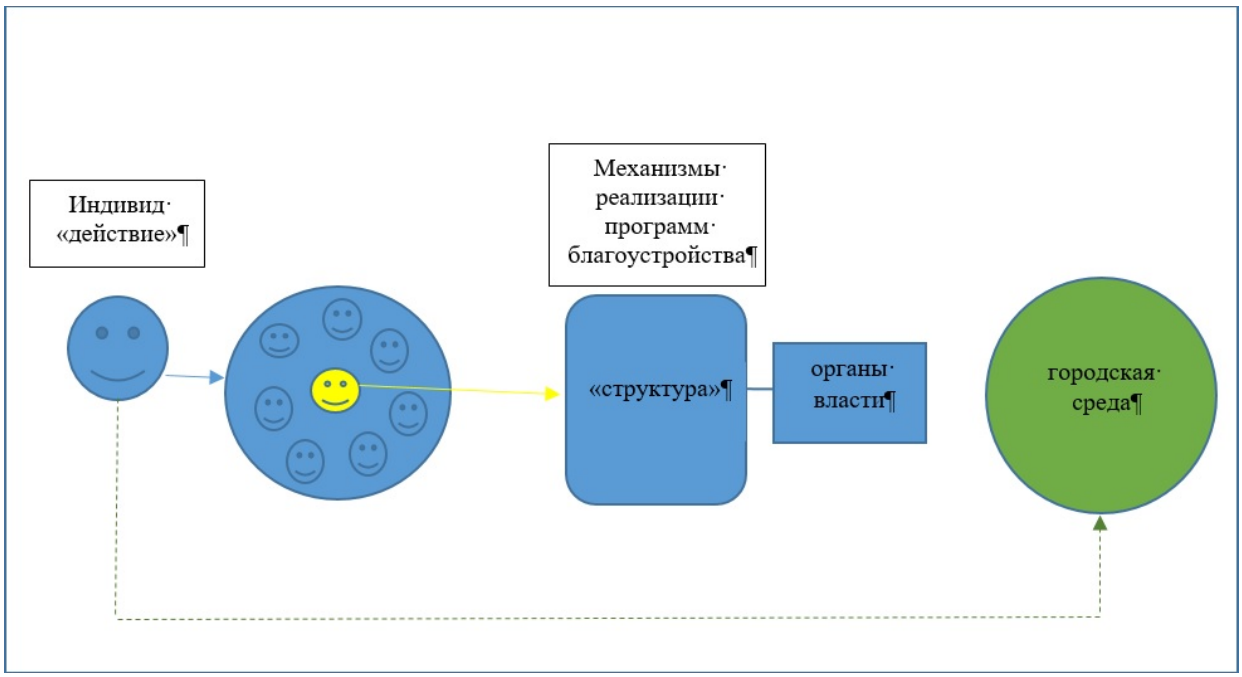


Рис. 1. Схема агентности в контексте реализации программ благоустройства

Во-первых, принимая решение участвовать в программе, житель уже занимает активную позицию, собираясь непосредственно влиять на городскую среду вокруг. И здесь упрощенная модель агентности может выглядеть следующим образом: «житель, решивший принять участие в программе благоустройства – городская среда». Но это очень укрупненная схема, в реальной жизни она, конечно же, сложнее.

Принимая такое решение, горожанин тем самым выражает готовность солидаризироваться с другими горожанами, то есть вступить в сообщество людей, объединенных общей идеей и желанием реализовать свой проект благоустройства. В терминологии Роберта Патнэма это означает его готовность к «сотрудничеству» и «разрешению дилемм коллективного действия» [10].

Внутри сформировавшегося сообщества он может быть одним из участников, а может претендовать на лидерские позиции. Это также аспект проявления агентности.

Если он занимает место члена сообщества, то его агентность проявляется в продвижении своих идей и предложений внутри сообщества, тогда модель взаимодействия выглядит «член инициативной группы – инициативная группа», и результатом его трансформирующего действия является учет или частичный учет выдвинутых им предложений в конечном проекте.

В случае занятия места лидера коллектива агентность гражданина проявляется в модели «лидер сообщества – механизм реализации программы, реализуемой органом власти». Результатом трансформирующего действия стано-

вится благоустроенное общественное пространство, в той или иной мере отвечающее проекту, заявленному инициативной группой жителей.

Степень учета предложений конкретного индивида в коллективном проекте, равно как и степень соответствия конечного благоустроенного пространства пожеланиям сообщества жителей, зависит от эффективности агентности каждого из участников этой модели, при этом не только от активности категории «действий» – жителя или лидера группы, но и от активности/инерционности «структуры» – поведения сообщества или мобильности (чувствительности, гибкости) механизмов реализации программ, находящихся в руках органов власти. Таким образом, предполагается, что обе стороны модели «структура – действие» оказывают взаимное влияние друг на друга и на конечный результат.

Сформулированную теоретическую модель планируется проверить в ходе исследования реальных практик участия жителей в программах благоустройства на территории Самары.

Цель активисткой социологии – не только в том, чтобы описать или объяснить социальные явления и поведение общества, но и в том, чтобы изменить среду. Итогом проводимого исследования станет свод рекомендаций по совершенствованию практических механизмов реализации программ благоустройства для повышения их эффективности и удовлетворенности ими жителей. Тем самым планируется внести вклад в производство пространства и реализацию горожанами права на город в лучших традициях Анри Лефевра.

Список литературы:

1. Сорокин П. С., Зыкова А. В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216-241.

2. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3-13.

3. Сорокин П. С., Фрумин И. Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. № 7. С. 27-36.

4. Дюркгейм Э. Правила социологического метода. Издательство «АСТ». 1895.

5. Вебер, Макс. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [Пер. с нем.] ; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г.Ионина; Нац. исслед. ун-т«Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019.

6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект. 2000. 880 с.

7. Schultz T. W. (1975). The value of the ability to deal with disequilibria. Journal of economic literature. Vol. 13. No. 3. P. 827-846.

8. Alain TOURAINE SOCIOLOGIE DE L'ACTION. Paris: Les Éditions du Seuil, 1965, 507 pp.

9. Ален Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.

10. Патнэм, Роберт. Чтобы демократия сработала: Гражд. традиции в соврем. Италии [Пер. с англ.] / Роберт Патнэм. М.: Изд. фирма «AdMarginem», Б. г. (1996).

11. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. М.: StreikePress. 2015. 432 с.

Е.В. Тыканова,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН;
А.М. Хохлова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН

«ВОСПРИНИМАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ»: СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ В НАРРАТИВАХ НИЖЕГОРОДСКИХ АКТИВИСТОВ

С помощью концепции воспринимаемых возможностей мы рассматриваем социальное конструирование активистами динамики, доступных ресурсов и промежуточных исходов двух градостроительных конфликтов в Нижнем Новгороде. Мы показываем, что активисты склонны ситуативно как недооценивать, так и переоценивать свои возможности, тогда как результаты их борьбы являются в целом непредсказуемыми. Однако вне зависимости от исхода конкретных конфликтов усилия активистов создают множество положительных отсроченных эффектов.

Ключевые слова: городские конфликты, активизм, воспринимаемые возможности, арены, игроки, интеракции.

E.V. Tykanova,
Sociological Institute of the RAS – Branch of FCTAS RAS;
A.M. Khokhlova,
St. Petersburg State University,
Sociological Institute of the RAS – Branch of FCTAS RAS

«PERCEIVED OPPORTUNITIES»: THE SOCIAL CONSTRUCTION OF THE SCENARIOS OF URBAN CONFLICTSIN THE NARRATIVES OF NIZHNY NOVGOROD ACTIVISTS

Using the concept of perceived opportunities, we consider how activists socially construct the dynamics and outcomes of two city-planning conflicts in Nizhny Novgorod and estimate the resources available for them. We demonstrate that activists tend to both underestimate and overestimate their opportunities in context-specific ways, while the outcomes of their struggle remain generally unpredictable.

However, regardless of the specific conflict outcomes, activists' efforts create numerous positive delayed effects.

Keywords: urban conflicts, grassroots activism, perceived opportunities, arenas, players, interactions.

Неолиберализация национальной экономики в постсоветской России приводит к тому, что отечественные города вынуждены конкурировать друг с другом за международные и федеральные инвестиции. Городские администрации также ищут дополнительные источники привлечения туристических, финансовых и прочих потоков, в том числе за счет эстетизации и коммерциализации городских территорий, а также стимулирования коммодифицированного культурного потребления. Приоритет интересов политических и экономических элит в городском развитии оборачивается дискриминацией потребностей горожан. Пространственные прибыли, полученные в результате трансформации городских территорий, распределяются не в пользу жителей. Инициированные «сверху» градостроительные проекты вторгаются в повседневную среду горожан и приводят к разрушению их опривыченных паттернов переживания городского пространства и пользования им. В ряде случаев это провоцирует самоорганизацию местных жителей, которые стремятся предотвратить нежелательное использование городских территорий.

Городские конфликты традиционно изучаются с теоретических перспектив социологии общественных движений. Кроме того, в большинстве случаев социальные исследователи выстраивают жесткую оппозицию между активистами и лоббистами их интересов с одной стороны, и политическими и экономическими элитами, стремящимися к максимизации своих выгод, – с другой. Однако данная теоретическая оптика не чувствительна к ситуациям сотрудничества, создания временных альянсов или устойчивых коалиций между различными акторами. Она также зачастую не учитывает гетерогенность участников двух противоборствующих «лагерей», внутри которых могут существовать различия в понимании целей и выборе инструментов взаимодействия как друг с другом, так и с оппонентами.

Мы предпринимаем попытку отойти от доминирующей перспективы социологии общественных движений и в своем исследовании опираемся на стратегическую интеракционную перспективу Дж. Джаспера и Я. Дайвендака [1; 2], которая предполагает равноценное внимание ко всем вовлеченным участникам взаимодействия: не только к активистам, но и к политикам, экспертам, представителям СМИ, местным, городским, региональным, а в ряде случаев – и федеральным администрациям, девелоперам, планировщикам и

пр. Мы рассматриваем, как «игроки» – участники спорного взаимодействия – встречаются на своеобразных «аренах» – сценах взаимодействия, которые функционируют по институционализированным правилам и на которых разыгрывается некое благо, за которое и борются «игроки». К таким аренам можно отнести митинги, судебные заседания, акции протеста, общественные слушания, заседания комиссий и пр. Игрокам может быть доступен целый спектр арен: они вольны совершать стратегический выбор между ними, а также пытаться изменить или оспорить их правила. По итогам взаимодействия на аренах игроки приходят к промежуточным или конечным результатам: они могут выиграть, проиграть, или же исход конфликта может принять амбивалентный характер.

Задачей нашего исследования выступает анализ того, каким образом активисты субъективно оценивают и артикулируют в своих нарративах траектории развития конфликтов с их участием (включая последовательности арен, комбинации игроков и стратегические выборы), а также интерпретируют факторы, определившие промежуточные и конечные исходы спорного взаимодействия. Центральной для нас выступает концепция воспринимаемых возможностей (*англ.* – perceived opportunities) [3; 4], постулирующая, что если участники интеракции объективно обладают определенными ресурсами для борьбы, но субъективно их не распознают или игнорируют, то такой возможности для них реально не существует. Случается и обратное: акторы могут полагать, что имеют возможность воспользоваться какими-либо ресурсами в том или ином политическом контексте, однако в действительности эти ресурсы оказываются для них труднодоступны или недоступны. Как нераспознанные, так и переоцененные возможности выступают одновременно результатами и предпосылками социального конструирования динамики и исходов конфликтного взаимодействия [5]. Поскольку изучаемые нами инициативные группы активистов не являются гомогенными, внутри одного «лагеря» могут сосуществовать или конкурировать различные субъективные оценки доступности/недоступности ресурсов и инструментов борьбы, причем эти расхождения обостряются на этапе выработки группами стратегических решений по защите городского пространства.

В фокусе нашего доклада находятся два завершившихся городских локальных конфликта. Эти конфликты, развернувшиеся в российском городе-миллионнике Нижнем Новгороде между 2012 и 2017 гг., были ретроспективно изучены нами зимой 2020 г. Руководствуясь статистикой о городском активизме в современной России [6], мы отобрали случаи, соответствующие наиболее распространенным тематикам городского локального протеста (эко-

логическая повестка, а также строительство дорог или создание иной инфраструктуры).

Эмпирическую базу исследования составили 22 полуструктурированных интервью с участниками конфликтов вокруг расширения Молодежного проспекта в рамках подготовки к Чемпионату мира по футболу и ожидаемого строительства аквапарка в Автозаводском парке. Важно отметить, что оба конфликта произошли в пределах одной городской локации (Автозаводский парк граничит с Молодежным проспектом), а состав активистских ядер двух инициативных групп пересекался, хотя и не совпадал полностью. Между тем промежуточные и конечные исходы этих двух конфликтов значительно отличаются: активистам удалось отстоять парк от застройки, тогда как дорога была расширена, несмотря на противодействие горожан.

Особенностью используемых нами эмпирических данных является то, что мы имеем дело именно с нарративами участников конфликтов (преимущественно рассказами активистов). Описываемые информантами случаи произошли несколько лет назад: им уже известен результат противостояния, и они ретроспективно восстанавливают ход минувших событий и конкретные действия участников. Это особым образом фреймирует данные, которые оказались в нашем распоряжении: достоверность описываемой последовательности событий и действий может быть подвергнута сомнению из-за вероятных аберраций памяти информантов. Также реконструированные версии событий могут варьироваться от информанта к информанту, поскольку те воспринимают в качестве значимых, эмоционально нагруженных или, напротив, опускают в качестве малозначимых разные эпизоды и детали [7].

Наш анализ показал, что игроки в градостроительных конфликтах стремятся воспользоваться максимально возможным количеством арен, постоянно их комбинируют или «дрейфуют» между ними. Между тем под влиянием множества факторов, которые могут определять исходы взаимодействия, а также в связи со множественными неопределенностями, с которыми сталкиваются игроки, их усилия зачастую носят непредсказуемый характер и редко могут выступать гарантией однозначного успеха. К параметрам, которые, по мнению информантов, существенно ограничивают окончательный успех низового активизма, можно отнести взаимовыгодные альянсы политических и экономических элит, федеральный статус продвигаемых сильными игроками проектов (например, в ситуациях, когда (ре)девелопмент территории приурочен к тому или иному мегасобытию), а также масштаб инвестиций в трансформацию территорий. Большинство активистов отмечает потенциал использования

публичных арен (акций протеста, пикетов, митингов) как инструмента давления на оппонентов в ситуации неэффективности усилий на формальных аренах (заседания комиссий, суды, публичные слушания). Впрочем, неудовлетворительный для активистов исход градостроительного конфликта может обернуться иными, отсроченными, позитивными последствиями: это, к примеру, формирование сети поддержки, объединяющей активистов из различных инициативных групп и позволяющей при необходимости быстро мобилизовать общественность в новых острых противостояниях (развитие гражданской инфраструктуры); профессионализация активистов; трансляция примеров гражданского активизма другим горожанам; повышение осведомленности горожан о локальных проблемах и пр. В своих нарративах информанты осознанно рефлексируют о различных воспринимаемых возможностях, показывая, как они недооценивали или переоценивали потенциал доступных ресурсов и результативность интерактивных арен в ходе оспаривания городского пространства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 18-78-10054-П) «Механизмы согласования интересов в процессах развития городских территорий».

Список литературы:

1. Jasper J.M. Getting your way: strategic dilemmas in the real world. Chicago: University of Chicago Press. 2006.

2. Jasper J.M., Duyvendak J. W. (eds.) Players and arenas. The interactive dynamics of protest. Amsterdam: AmsterdamUniversityPress. 2015.

3. Koopmans R. Political. Opportunity. Structure. Some splitting to balance the lumping // Sociological Forum. 1999. Vol. 14. No 1. P. 93-105.

4. Giugni M.G. Political opportunities: from Tilly to Tilly // Swiss Political Science Review. 2009. Vol. 15. No 2. P. 361-68.

5. Gamson W., Meyer D. Framing political opportunity // McAdam D. et al. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framings. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 275-290.

6. Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России // Социологические исследования. 2019. №12. С. 29-37.

7. Polletta F., Gardner B. G. Narrative and social movements / The Oxford handbook of social movements. Ed. by Della Porta D. and M. Diani. Oxford: Oxford University Press. 2015. P. 535-548.

Ю.О. Шекунова,
Самарский университет

ОПЫТ ОБРАЩЕНИЯ К ПРЕВЕНТИВНЫМ БИОТЕХНОЛОГИЯМ: ГЕНЕТИЧЕСКОМУ ТЕСТИРОВАНИЮ И СОХРАНЕНИЮ ПУПОВИННОЙ КРОВИ

Представляются результаты качественного социологического исследования опыта обращения к новым биотехнологиям. Особое внимание уделяется мотивам и факторам принятия решения. Выделяются сомнения и страхи, сопровождающие прохождение предиктивного генетического тестирования и сохранение пуповинной крови новорожденного.

Ключевые слова: предиктивное генетическое тестирование, клеточные технологии, забота о здоровье.

Y.O. Shekunova,
Samara University

EXPERIENCE IN TURNING TO PREVENTIVE BIOTECHNOLOGIES: GENETIC TESTING AND CORD BLOOD PRESERVATION

The results of a qualitative sociological study of the experience of turning to new biotechnologies are presented. Particular attention is paid to motives and decision-making factors. Doubts and fears accompanying the passage of predictive genetic testing and preservation of umbilical cord blood of a newborn are highlighted.

Keywords: predictive genetic testing, cell technologies, health care.

Современные достижения в области медицины расширяют возможности человека заботиться о собственном здоровье и здоровье близких людей, позволяют надеяться на новые методы диагностики, прогнозирования и профилактики болезней. Важными в этой связи представляются последние разработки в области геномной и клеточной медицины. Первые позволяют узнать о предрасположенности к различным заболеваниям до их появления, подобрать персонализированное лечение или подходящее питание/спортивную нагрузку исходя из персональных генетических данных. Вторые позволяют сохранить пуповинную кровь новорожденного, расширив тем самым потенциальный арсенал препаратов на случай возникновения болезни. Экономические прогнозы

говорят о ежегодном росте сегмента рынка диагностики наследственных заболеваний и медленном, но верном росте обращений в банки пуповинной крови [1; 2].

При этом отечественная социология, за редким исключением [3], не предоставляет ответы на вопросы о мотивах обращения к новым биотехнологиям, о факторах принятия решений и о сопряженных с ними страхах и переживаниях. Данное исследование представляет собой описание опыта людей, обратившихся к предиктивному генетическому тестированию и сохранению пуповинной крови в рамках заботы о себе или ребенке.

Представленные далее данные основаны на результате анализа пятнадцати свободных интервью (с 12 женщинами и 3 мужчинами в возрасте от 25 до 56 лет). Шесть информантов обратились к технологии сохранения пуповинной крови, восемь прошли предиктивное генетическое тестирование для себя, один информант обратился к генетическому тестированию для своего ребенка.

Исследование позволило выделить несколько мотивов и факторов обращения к данным биотехнологиям. Во-первых, это желание превентивной заботы о собственном здоровье или здоровье ребенка/внука или внучки. На это могли повлиять тяжелая беременность, потенциально тяжелая болезнь ребенка или история болезней в семье. Второй мотив – активное долголетие, что особенно актуально при обращении к генетическому тестированию. Третий мотив – планирование семьи, желание знать риски здоровья будущего ребенка и риски беременности будущей матери. Четвертый мотив – любопытство. Оно характерно для информантов, желающих получить не только практическую пользу от генетического тестирования, но и узнать о своем происхождении.

Немаловажную роль при принятии решения о тестировании и обращении в банк пуповинной крови играли доверие к медицинскому знанию в принципе и вера в технический прогресс, желание заботиться о будущем в силу профессиональных или личных причин, а также стоимость услуг.

Интересно отметить, что артикулируемые страхи информантов касались только клеточных технологий, а именно страх пропажи материала. Что касается генетического теста, речь шла скорее о сомнениях в достоверности результатов и полученных данных о способностях и талантах. При этом совершенно не артикулировался страх узнать результаты о предрасположенности к болезням.

Было выявлено, что опрошенные информанты зачастую не готовы к принятию решительных мер после получения результатов тестирования. В

большей степени для них свойственна когнитивная превенция. Возможно, это связано с преимущественно «хорошими» результатами и отсутствием необходимости принимать серьезные решения. С другой стороны, большинство информантов отметили, что в целом прохождение тестирования способствовало незначительной, но коррекции их образа жизни в сторону более здорового. Артикулируемая готовность информантов применять пуповинную кровь выше, что может быть связано с уже существующей практикой их применения в отечественном здравоохранении.

В целом стоит отметить, что полученные в результате исследования данные о мотивах обращения к новым технологиям коррелируют с результатами аналогичных зарубежных исследований [4, 5]. Интерес представляют данные о низкой готовности принятия мер по значительной коррекции образа жизни после прохождения генетического тестирования [6]. Полученные данные не являются исчерпывающими и нуждаются в подтверждении дополнительными исследованиями.

Список литературы:

1. Кудрявцева Л. Игроки, проблемы и тенденции // Rusbase. 2016 // https://rb.ru/longread/dnatech/

2. Полубояринов А. Акции ММЦБ: потенциал дивидендов // Conomy. 2021 // https://conomy.ru/analysis/articles/326

3. Богомягкова Е.С. Генетическое тестирование в практиках заботы о здоровье (по материалам эмпирического исследования) // Медицинская этика. 2022. Т. 10. № 2.

4. Su Y., Howard H.C., Borry P. Users' motivations to purchase direct-to-consumer genome-wide testing: an exploratory study of personal stories // J Community Genet. 2011. № 2. P. 135-146.

5. Wessel J., Gupta J., de Groot M. Factors Motivating Individuals to Consider Genetic Testing for Type 2 Diabetes Risk Prediction // PLoS ONE. 2016. Vol. 11. №1.

6. Oliveri S., et al. What people really change after genetic testing (GT) performed in private labs: results from an Italian study // European Journal of Human Genetics. 2022. No. 30. P. 62-72.

РАЗДЕЛ 3.
МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ АКТИВНОСТЬЮ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Р.Г. Ардашев,
Сибирский юридический институт МВД России

СУИЦИДАЛЬНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются суицидальные риски современных молодых людей, которые вовлечены в виртуальные сообщества. Анализируются основные риски суицидального поведения и роль виртуального взаимодействия в его активизации и развитии.

Ключевые слова: социальные риски, молодежь, виртуальное пространство, суицид, суицидальное поведение, суицидальный риск.

R.G. Ardashev,
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SUICIDAL RISKS OF YOUTH IN VIRTUAL SPACE

The article deals with the suicidal risks of modern young people who are involved in virtual communities. The main risks of suicidal behavior and the role of virtual interaction in its activation and development are considered.

Keywords: social risks, youth, virtual space, suicide, suicidal behavior, suicidal risk.

Виртуальное пространство раскрывает границы и возможности для современной молодежи, придавая новые смыслы мыслям, чувствам и действиям, наделяя поддержкой и направляя в ту или иную сторону – через взаимодействие в различных социальных сетях, форумах и иных виртуальных площадках.

Это воздействие далеко не всегда может носить позитивные образцы и нормы. Зачастую это деструктивные сообщества, умело манипулирующие сознанием молодых людей, у которых еще не сформировались ценности и убеж-

дения, которые находятся в тяжелой жизненной ситуации (конфликты с родственниками, непонимание друзей, одноклассников, однокурсников и т. д.). Это становится первым шагом для того, чтобы поддаться воздействию деструктивных сообществ в социальных сетях – подталкивающих к суициду, воспевающих смерть и проч. И в последующем совершить попытку суицида или реализовать суицид или даже массовое убийство (в школах или иных учебных заведениях). Эти процессы раскрыты нами в более ранних работах [1-4].

Мы опросили 650 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет, 55 % мужчин и 45 % женщин. Все они проживают в разных регионах РФ (опрос проводился онлайн на платформе Google). Обработка данных проводилась через программу Statistic.

Из наших респондентов 21 % когда-либо совершал попытку суицида или предметно обдумывал ее. 74 % опрошенных знают тех, кто совершил суицид или попытку суицида. Цифры достаточно тревожные сами по себе.

Анализируя ситуацию по суицидальным рискам молодежи в виртуальном пространстве, можно выделить несколько критически опасных моментов:

1. Конфликты отцов и детей, которые не решаются, а постоянно подогреваются в социальном (поиск поддержки со стороны других родственников или друзей) и индивидуальном взаимодействии (не готовность вести индивидуальный диалог, способный привести к примирению). Причиной может быть неискренность и простое непонимание друг друга. А также это может также отражаться в тотальном контроле или полном игнорировании жизни, чувств и мыслей молодых людей. Заниженная или завышенная самооценка молодого человека, которая вызывает ответную агрессию (из-за неадекватности среде и ситуациям) (33 %);

2. Эмоциональная нестабильность, которая выражается в ярком проживании эмоций и чувств (например, любовь; чаще безответная) – 22 %. Среди девушек встречается в два раза чаще, чем среди юношей;

3. Конфликты на учебе (с преподавателями и с одноклассниками/однокурсниками) – 19 %. Невозможность изменить систему, сложности в том, чтобы ей противостоять, приводят к печальным событиям.

4. Личностно-индивидуальные особенности (психологические расстройства) – 14 %. Когда суицид вызван психологическими отклонениями в результате проблем становления личности и особенностей социализации.

5. Социально-экономические проблемы: нехватка денег, отсутствие работы, плохая еда или одежда – 10 %. То, что может не дать возможность быть успешным и социально одобряемым человеком.

6. Генетическая предрасположенность (кто-то из родственников совершил суицид или имел попытки суицида) – 2 %.

Публикации в социальных сетях затрагивают эмоционально-слабые и когнитивно не подкрепленные представления молодых людей, поэтому достаточно легко добиваются нужного – полного подчинения и выполнения поставленных задач. Сначала в виде игр и квестов – найти что-то в заброшенном здании, особо жестоко убить домашнее животное и т. д. Затем снять на видео или фото – как наносят себе или кому-то увечья. И третий этап – это реализация попытки самоубийства с параллельной фиксацией его на электронные носители. Этот процесс повторяется и в последующем служит примером, методическим ориентиром – как доводить до самоубийства молодых людей. Это своего рода психология господства, умения манипулировать и регулировать чужие эмоции, мысли и действия.

В работах О.А. Полюшкевич и коллег анализируются особенности поведения окружающих после совершения самоубийства или массового насилия в обществе, где подчеркивается иррациональность и социальная тревожность взаимодействия [5; 6]. С данными оценками мы, безусловно, согласны.

Для большинства молодых людей, которые совершают попытку суицида, сам суицид – это не бегство от реальности, это возможность заявить окружению, да и всему миру, что он есть и может оставить свой след. Пусть даже и таким неоднозначным способом. Но от этого он не престаёт быть бичом виртуального мира, где основная жертва беззащитные молодые люди, вовлеченные в чьи-то игры.

Органам власти необходимо более тщательно проводить расследования и мониторинг сообществ смерти в социальных сетях. Так как от быстроты выявления, отслеживания публикуемых материалов и профилактической работы с вовлеченными в деструктивное взаимодействие молодых людей зависит будущее нашего общества. Попытка суицида может стать роковой и закрыть все возможности и надежды на реализацию и преодоление трудностей у молодых людей. А для страны в целом – может обернуться потерей пока не окрепших, но молодых и активных умов.

Список литературы:

1. Ардашев Р.Г. Влияние медиапространства на суицидальное поведение молодежи // Социология. 2023. № 1. С. 45-51.

2. Ардашев Р.Г. Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе // Социология. 2022. № 6. С. 32-38.

3. Ардашев Р.Г. Угрозы суицидального поведения молодежи в цифровую эпоху // Методология предотвращения угроз в XXI веке. Сборник научных трудов. Иркутск, 2022. С. 383-387.

4. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41-45.

5. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159-164.

6. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42-49.

А.С. Богодухова,
Самарский университет;
С.В. Егорова,
Самарский университет

АКТИВИЗАЦИЯ РЕСУРСОВ МОЛОДЕЖИ КАК ЦЕЛЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МБУ Г.О. САМАРА «САМАРСКИЙ ДОМ МОЛОДЕЖИ»

В статье обосновывается необходимость субъект-субъектных отношений в социальной работе с молодежью и активизации ресурсов молодежи. Анализируя деятельность Самарского Дома молодежи, авторы приходят к выводу о том, что реализуемые направления деятельности и мероприятия способствуют развитию ресурсного потенциала молодежи.

Ключевые слова: социальная работа с молодежью, активизация ресурсов получателей социальных услуг, деятельность муниципального бюджетного учреждения г.о. Самара «Самарский Дом молодежи».

A.S. Bogodukhova,
Samara University;
S.V. Egorova,
Samara University

ACTIVATION OF YOUTH RESOURCES AS A GOAL OF MBI C. D. SAMARA «SAMARA YOUTH HOUSE»

The article substantiates the need for subject-subject relations in social work with youth and the activation of youth resources. Analyzing the activities of the Samara Youth House, the authors come to the conclusion that all ongoing activities and activities contribute to the development of the resource potential of young people.

Keywords: social work with youth, activation of resources of recipients of social services, activities of the municipal budgetary institution of the city district of Samara «Samara Youth House».

Долгое время в социальной работе преобладал подход восприятия получателя социальных услуг лишь как объекта социальной поддержки и помощи.

В свою очередь, к субъектам социальной работы относили специалистов различных организаций и учреждений. Воздействие на получателя социальных услуг без учета его реальных потребностей и мотивов способствовало становлению пассивной позиции и приводило к поддержанию и развитию их иждивенческой установки. В настоящее время в социальной работе меняется отношение к получателю социальных услуг и сейчас он становится активным участником процесса оказания ему социальной поддержки и помощи. Такие отношения в социальной работе принято называть субъект-субъектными. З.П. Замараева отмечает, что «в настоящее время получателю социальных услуг отводится более активная роль и считается, что он может сам выходить из любых сложных ситуаций, имея для этого необходимый уровень ресурсов» [1]. В этом случае среди задач социальной работы, в том числе с молодежью, на первое место выходит поиск и активизация собственных ресурсов для решения социальных и индивидуальных проблем.

При исследовании ресурсного потенциала субъекта важно учитывать уровень всех имеющихся у получателя социальных услуг ресурсов. Исследователи В.Г. Ведерникова, З.П. Замараева, З.А. Коренчук, И.А. Серова, А.Ю. Ягодина считают, что «к основным ресурсам могут быть отнесены такие ресурсы, как здоровье, способность к самообслуживанию, уровень образования, мотивация на изменение и самообеспечение, мотивация к получению новых знаний и развитию, мотивация на помощь другим и другие» [1]. К значимым внутренним ресурсам личности исследователь О.И. Бородкина относит: «оптимизм и активность, уверенность в себе, открытость, определенность в жизненных целях, преобладание позитивных эмоций, чувство успешности, умение прогнозировать жизненные ситуации, интерпретировать их, способность анализировать прожитый опыт, активные способы решения трудных жизненных ситуаций и другие» [2].

Связанные с молодежью проблемы не могут быть решены без организации социальной работы, без целенаправленной деятельности социальных служб. А.Н. Телесенко считает, что «социальная работа с молодежью рассматривается как обеспечение наиболее благоприятных социально-экономических условий развития каждого молодого человека, способствующих социальному становлению личности, полноценного участия индивидов в жизни общества» [3]. Таким образом, активизация собственных ресурсов молодежи должна стать целью деятельности учреждений и организаций, работающих с молодежью.

Эмпирический этап исследования был посвящен анализу деятельности Самарского Дома молодежи. Основной метод сбора информации – анализ документов.

Как показал анализ, муниципальное бюджетное учреждение г.о. Самара «Самарский Дом молодежи» (далее МБУ г.о. Самара «СДМ») – учреждение, подведомственное Департаменту культуры и молодежной политики Администрации г.о. Самара. Организация, основанная 14 мая 2014 года, осуществляет свою деятельность в отношении молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет из числа обучающихся общеобразовательных и средних профессиональных учреждений, учреждений высшего образования.

Согласно документам учреждения, МБУ г.о. Самара «СДМ» ставит перед собой задачу максимально раскрыть потенциал молодежи. Деятельность учреждения охватывает сферу «молодежная политика» в г.о. Самара и включает в себя разработку и реализацию социально значимых молодежных проектов, координацию работы общественных детских и молодежных организаций, поддержку волонтерского движения, организацию и проведение культурно-массовых мероприятий, акций и конкурсов. Молодые люди могут получить социальную, психологическую и юридическую поддержку. Учреждение формирует позитивное отношение к социально здоровому образу жизни, воспитывает правовую культуру, развивает и поддерживает патриотизм.

Согласно уставу, целями деятельности МБУ г.о. Самара «СДМ» являются:

– координация деятельности детских и молодежных общественных организаций на территории г.о. Самара и создание условий для самореализации молодежи, поддержки и развития молодежных инициатив, вовлечение молодежи в добровольческие движения;

– повышение правовой культуры молодежи, способствование укреплению правопорядка, формирование социально полезного поведения личности, проявляющейся в умелой реализации своих прав и свобод, готовности в различных жизненных ситуациях действовать грамотно, целесообразно, ориентируясь на действующее законодательство;

– развитие инновационного и предпринимательского потенциала молодежи;

– пропаганда спорта и здорового образа жизни, развитие спортивных инициатив молодежи;

– развитие социальных молодежных проектов на территории г.о. Самара;

– профилактика асоциальных явлений путем развития культурного, интеллектуального, патриотического воспитания молодежи.

Как показал анализ, для достижения перечисленных целей МБУ г.о. Самара «СДМ» осуществляет следующие виды деятельности:

– разработка и апробация проектов и программ в сфере работы с молодежью;

– разработка методических пособий в сфере работы с детьми и молодежью;

– содействие развитию ресурсов молодежи;

– проведение конкурсов социальных и бизнес-проектов;

– осуществление профориентационной работы с детьми и молодежью;

– проведение психологических тренингов и консультаций для молодежи;

– разработка и реализация проектов и мероприятий, направленных на содействие развитию молодежных объединений;

– содействие молодежи в создании клубов по интересам, кружков, секций;

– работа по формированию навыков для создания устойчивой духовно-нравственной здоровой семьи;

– повышение правовой грамотности и культуры молодежи;

– разработка и реализация проектов и мероприятий, направленных на гражданское становление, самореализацию, социализацию, духовно-нравственное развитие и патриотическое воспитание молодежи.

Нами была проанализирована деятельность МБУ г.о. Самара «СДМ» в период с 2018 по 2022 гг. Основными направлениями деятельности в данный период стали: профилактика асоциального поведения молодежи; реализация творческого и личностного потенциала; поддержка волонтерского движения. Данные направления реализовывались в виде мероприятий, целевая аудитория которых – молодежь в возрасте 14-18 лет.

Как показал анализ, в период с 2018 по 2022 гг. МБУ г.о. Самара «СДМ» было организовано 207 мероприятий, 78 из которых направленны на активизацию ресурсов молодежи. Общее количество участников мероприятий – 7635 человек. Наиболее значимые (по охвату) мероприятия представлены в таблице 1.

Таблица 1

Мероприятия МБУ г.о. Самара «СДМ»

п /п	Мероприятие	Описание	Количество участников
	Правовой турнир (2018-2019 гг.)	Повышение правовой и юридической грамотности молодежи	500 человек
	Профориентационные экскурсии для молодежи (ежегодно)	Встречи с экспертами, педагогами профессиональных образовательных организаций и высших учебных заведений	250 человек
	Экспертная выставка франшиз и бизнеса (2018 год)	Развитие навыков предпринимательства среди молодежи	75 человек
	Выездной обучающий семинар для несовершеннолетних по профилактике наркотических и других зависимостей «ВНЕзависимости» (2020-2022 гг.)	Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних	130 человек
	Квест-игра «Я выбираю право», направленная на профилактику правонарушений среди несовершеннолетних (октябрь 2022 года)	Повышение правовой грамотности и культуры молодежи	300 человек
	Фестиваль студенческого творчества среди студентов профессиональных образовательных организаций «Веснушка» (ежегодно с 2015 года)	Выявление творческой талантливой и активной молодежи, сохранение и преумножение культурных ценностей	1500 человек (ежегодно)
	Психологические тренинги «Личностное и профессиональное развитие» (2020-2022 гг.)	Формирование актуальных профессиональных навыков и раскрытие потенциала молодежи	200 человек
	Игра-практика, направленная на развитие soft skiils и личностное развитие (2021-2022 гг.)	Формирование социально полезного поведения личности	100 человек
	Тренинг «Права и обязанности человека в РФ» (2021-2022 гг.)	Профилактическое мероприятие асоциальных явлений путем развития культурного, интеллектуального, патриотического воспитания молодежи.	80 человек

Таким образом, перечисленные мероприятия в деятельности МБУ г.о. Самара «СДМ» подтверждают направленность на активизацию личных ресурсов молодежи за счет их включения в активную деятельность и субъектную сущность.

Список литературы:

1. Ведерникова В.Г., Замараева З.П., Коренчук З.А., Серова И.А., Ягодина А.Ю. Классификации ресурсных потенциалов личности как основа транспарентности оказания социальной помощи // Социальная политика и социология. 2011. №9. С. 30-39.

2. Бородкина, О. И. Принцип эмпауэрмента в социальной работе // Активизация в социальной работе с семьей. 2013. №4. С.12-19.

3. Тесленко А.Н. Социальная работа с молодежью: социально-технологический подход // Современные технологии управления. 2014. №10. С. 57-65.

С.А. Бурцев,
Министерство образования и науки Самарской области

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье рассмотрена тенденция развития молодежной политики в Самарской области в условиях современных вызовов, представлен опыт региона в формировании новых подходов в работе с молодежью. Особое внимание автор уделяет достижениям в сфере молодежной политики, которые направлены на создание всемерных условий для самореализации молодежи в разных направлениях.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, молодежь, молодежная политика, Самарская область, добровольчество.

S.A. Burtsev,
Ministry of Education and Science of the Samara Region

YOUTH POLICY: CHALLENGES OF THE TIME AND NEW OPPORTUNITIES

The article considers the development trend of youth policy in the Samara region under conditions of modern challenges, presents the experience of the region in the formation of new approaches to working with young people. The author pays special attention to the achievements in the field of youth policy, which are aimed at creating all-round conditions for the self-realization of young people in various directions.

Keywords: state youth policy, youth, youth policy, Samara region, volunteering.

Молодежь – чрезвычайно активная, энергичная и одновременно очень чувствительная часть нашего общества. Она обладает огромным политическим, социальным, интеллектуальным и творческим потенциалом, который важно учитывать и уметь использовать.

По данным Федеральной службы государственной статистики (по состоянию на 1 января 2022 года), на территории Самарской области проживает 794 146 человек в возрасте от 14 до 35 лет, приравненных к категории «молодежь» [1].

Магистральным вектором в деятельности Министерства образования и науки Самарской области, как органа исполнительной власти, на который возложены полномочия по реализации государственной молодежной политики в регионе [2] и раскрытию потенциала молодежи, является ее информирование о потенциальных и действующих возможностях, вовлечение в социально-экономическую, общественно-политическую и социокультурную жизнь российского общества, а также непосредственное создание этих возможностей.

В Самарской области молодежная политика реализуется в едином векторе с федеральными задачами и повесткой, сохраняя при этом региональные традиции и уникальность.

В настоящее время можно с полной уверенностью утверждать, что, начиная с 2020 года, сфера молодежной политики и сама молодежная политика достаточно сильно изменились и трансформировались.

Важным шагом стало повышение верхнего возрастного порога российской молодежи с 30 до 35 лет, что закреплено Федеральным законом № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [3]. С расширением возрастных границ у молодежи, в том числе уже работающей, появилась возможность на 5 лет дольше принимать участие в различных государственных программах, всевозможных конкурсах и акциях различных уровней, получать гранты на развитие личностного потенциала, воплощение в жизнь идей и инициатив и т. п.

Мы живем в эпоху глобальных перемен – сложных, кризисных, связанных и с пандемией коронавируса, и со специальной военной операцией. Однако новые вызовы дают нам новые возможности. Достижения в сфере молодежной политики доказывают это.

В период распространения пандемии коронавируса прежние форматы работы с молодежью одномоментно стали неактуальными. Празднование дней молодежи, проведение различных акций, мастер-классов, тренингов – все перешло в онлайн-формат.

В тот момент вызовом, а в настоящее время современной постпандемической реалией стали способы и методы реализации государственной молодежной политики в онлайн- и оффлайн-форматах с достижением равнозначной результативности и степени участия молодежного сообщества. Вместе с тем такое положение позволило не просто интегрироваться в онлайн, а приобрести свой новый уникальный опыт работы.

Одним из примеров выступает молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга», который на протяжении нескольких лет является

одним из самых популярных и масштабных в стране. В Самарской области он проводится по поручению Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина под патронажем полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе и при поддержке Федерального агентства по делам молодежи.

Ежегодно на традиционной Мастрюковской поляне собираются представители молодежи, органов власти, деловых, научных и экспертных сообществ, чтобы принять участие в образовательной, конкурсной и культурной программах.

Вызов в период пандемии способствовал принятию кардинального решения о переводе форума в онлайн-формат, что позволило сформировать новые методики работы, получить колоссальный опыт его дистанционного проведения в режиме онлайн и вывести мероприятие на новый уровень. Уже в 2022 году «iВолга» проходила в гибридном формате, который обеспечил связь форума с внешним миром, выйдя за пределы фестивальной поляны. Прямые трансляции с открытых площадок помогли зрителям стать полноправными участниками форума и в полной мере освоить его программу.

В целом десятилетняя история форума насчитывает более 20 тысяч участников не только из Самарской области, но и из разных регионов России, в том числе Луганской Народной Республики.

Вызовы 2022 года поставили перед молодежной политикой новые и обновили уже имеющиеся задачи: усиление работы по патриотическому воспитанию молодежи, которая среди прочего направлена на развитие института наставничества и популяризацию добровольчества как созидательной и объединяющей деятельности, реализуемой с идеей, смыслом – «мы вместе».

Особое внимание поддержке добровольчества уделяется на федеральном уровне, но многое зависит от самого региона. Самарская область – один из лидеров не только в округе, но и в стране. В губернии в добровольческую деятельность вовлечено более 160 000 человек. Для участников данного движения это широкий круг возможностей саморазвития, расширения знаний о других людях, о регионе, проявления заботы, а также испытания себя в новых условиях и обстановке, хорошая перспектива на будущее. Добровольцы оказывают помощь по разным направлениям – это и социальное, и экологическое, и медицинское, и культурное, а также инклюзивное, событийное, поисковое. Анализ опыта добровольческого движения на самарской земле позволяет констатировать, что оно развивается, появляются новые идеи, направления, реализуются различные проекты.

Ярким примером служит активное участие региона в реализации федерального проекта «Социальная активность» национального проекта «Образование».

Начиная с 2018 года на территории Российской Федерации Росмолодежь проводит Всероссийский конкурс лучших региональных практик поддержки волонтерства «Регион добрых дел». Его основная цель – создание условий для развития добровольческих инициатив, которые повышают качество жизни граждан и направлены на вовлечение в добровольческую деятельность.

На сегодняшний день Самарский регион входит в число трех субъектов, которые на протяжении пяти лет подряд одерживают победу в конкурсе.

Победа в конкурсе – это не только положительная оценка идей и проектов в сфере развития добровольчества, их признание на федеральном уровне. Это действенный механизм привлечения федеральных средств, благодаря которым в регионе открыт и активно развивается Ресурсный центр поддержки и развития добровольчества (волонтерства) Самарской области, на системной основе реализуются добровольческие проекты и инициативы.

Весомым вкладом в развитие молодежной политики, которая находится в постоянном фокусе внимания Губернатора Дмитрия Игоревича Азарова, стала победа Самарской области во Всероссийском конкурсе программ комплексного развития молодежной политики «Регион для молодых», впервые проводимом Росмолодежью в рамках реализации федерального проекта «Молодежь России» национального проекта «Образование».

В настоящее время запланировано открытие многофункционального молодежного центра – единого современного пространства для молодых людей. Кроме того, будет поддержано и реализовано более 10 проектов-практик разной направленности. Линейку таких инициатив открыл проект «IQ Самара», основная цель которого – создать в регионе условия для интеллектуального развития школьников и студентов и, тем самым, повысить качество их подготовки к участию в окружных мероприятиях. Таким образом, формируется комплексный подход к созданию молодежного интеллектуального движения в Самарской области.

В завершении отмечаем, что молодежная политика в Самарской области представлена широким спектром возможностей в разных направлениях, многие из которых уже давно зарекомендовали себя на практике – уникален опыт региона по формированию патриотического кластера, всестороннее развитие получают студенческие отряды, официальным представительством Международного Союза КВН в Самарской области является проект «Самарский КВН»,

одним из самых крупных молодежных мероприятий региона выступает конкурс по присуждению премии в области развития профессионального образования Самарской области «Студент года», а наиболее яркое и запоминающееся событие – Самарская студенческая весна.

Безусловно, фундаментом молодежной политики служат утвержденные ценности Федерального агентства по делам молодежи – «Быть, а не казаться», «Мы вместе можем больше», «Смелость в идеях и действиях» и другие, направленные на воспитание гармоничной личности, формирование у молодежи общечеловеческих ценностей, сохранение традиций, передаваемых из поколения в поколение.

Достижения региона – это новые возможности, которые, с одной стороны, направлены на развитие современной инфраструктуры молодежной политики и наполнение ее эффективной содержательной деятельностью по всем направлениям, обеспечивая широкое вовлечение целевой аудитории в созидательную активность, сопровождение талантов и предоставление возможностей для самореализации в интересах страны, с другой стороны, способствуют приведению молодежной политики к единым стандартам качества и ее комплексному развитию.

Список литературы:

1. Статистический бюллетень // https://rosstat.gov.ru (

2. Постановление Правительства Самарской области от 20.06.2008 № 238 «Об утверждении Положения о министерстве образования и науки Самарской области» // КонсультантПлюс // https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=p7PiObTzQZR4funI&cacheid=710C5171E81BCB86988019165045769D&mode=splus&rnd=mhvNRA&base=RLAW256&n=164814#VBQiObTtSIOvtTJD

3. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (принят Государственной Думой 23.12.2020) // КонсультантПлюс // https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=p7PiObTzQZR4funI&cacheid=848DD237EE68479294CA6159E1FDFE46&mode=splus&rnd=mhvNRA&base=LAW&n=372649&dst=1000000001#iHyiObT64LoI9ci5

Л.В. Вандышева,
Самарский университет

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ: АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ «КИБЕРЛЕНИНКИ»

В статье представлен анализ названий публикаций в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка». Выборка: 112 публикаций, размещенных за период с 2005 по 2022 годы. Выявлены публикации, в чьих названиях была заявлена организация работы с молодежью как направление профессиональной подготовки; выделены методологические основы к этой подготовке и проблемы этого направления профессиональной подготовки.

Ключевые слова: организация работы с молодежью, профессиональная подготовка, методологические основы, формы работы с молодежью, проблемы организации работы с молодежью.

L.V. Vandysheva,
Samara University

ORGANIZATION OF WORK WITH YOUTH AS A DIRECTION OF VOCATIONAL TRAINING: ANALYSIS OF THE MATERIALS OF «CYBERLENINKA»

The article analyzes the titles of publications in the scientific electronic library «CyberLeninka». Sample: 112 publications published between 2005 and 2022. The titles of the articles were analyzed, in which the organization of work with youth is declared as a direction of professional training. As a result, the methodological foundations and problems of this area of professional training are highlighted.

Keywords: organization of work with youth, professional training, methodological foundations, problems of organization of work with youth.

Организация работы с молодежью представляется актуальным направлением профессиональной подготовки, от эффективности реализации которого зависит социальная безопасность страны, поскольку соответствующие кадры работают с будущим любого государства – молодежью. Для того, чтобы создать полное представление о каком-либо современном явлении, ситуации,

достаточно обратиться к ресурсам сети Интернет. Интерес представляет российская научная электронная библиотека «КиберЛенинка», построенная на концепции открытой науки, позволяющей оперативно получить полнотекстовый легальный доступ к отечественным научным публикациям, в частности, по вопросу организации работы с молодежью как направления профессиональной подготовки.

В раздел «Поиск» библиотеки «КиберЛенинка» было включено ключевое понятие: «организация работы с молодежью». В результате был получен список материалов, опубликованных в период с 2005 по 2022 гг. в отечественных изданиях. Он представлен 112 публикациями (анализировались названия этих публикаций). Затем полученные материалы были ранжированы по времени издания, что стало основанием для последующего последовательного решения поставленных исследовательских задач, обобщения результатов и формулировки обоснованных выводов.

В анализируемый период времени отсутствует систематический интерес к организации работы с молодежью в контексте профессиональной подготовки. Так, с 2005 по 2007 гг., в 2012, 2016, 2019 гг., с 2021 по 2022 гг. не были выявлены соответствующие названия публикаций.

Конкретизация сути названий статей по годам их опубликования позволяет получить следующие данные:

– миссия и перспективы специальности, проблемы сопровождения профессионального становления студентов и конкретизации профессионального поля выпускников заявлены в трех публикациях за 2008 г.;

– перспективы и аспекты становления специальности, поиск условий и возможностей для профессионального самоопределения, мобильности студентов отражены в названиях двух публикаций (2009 г.);

– определению социально-исторической функции специальности «Организация работы с молодежью» посвящена одна статья (2010 г.);

– учет опыта обучения комсомольских работников для профессионального образования отражен в названии статьи в 2011 г.;

– о применении активных методов обучения специалистов по работе с молодежью заявлено в названии статьи 2012 г.;

– обозначена роль социологии СМИ в профессиональной подготовке бакалавра (2013 г.);

– вопрос создания условий для подготовки кадров в сфере организации работы с молодежью заявлен в названии публикации 2014 г.;

– методические аспекты преподавания учебных дисциплин, связанных с предпринимательством и реализацией государственной молодежной политики отражены в названиях трех статей 2015 г.;

– возможности медиаобразования и применение проективных медиаобразовательных технологий обозначены в трех публикаций 2017 г.;

– профессиональному многообразию направления профессиональной подготовки посвящено название статьи 2018 г.

Итак, получили незначительное в количественном отношении обращение к понятию «организация работы с молодежью» в контексте понимания его как направления профессиональной подготовки.

Методологические основы организации работы с молодежью как направления профессиональной подготовки в анализируемых названиях публикаций представлены: функциями специальности, методологическими подходами к профессиональной подготовке (профессиональный, практико-ориентированный, исторический, интерактивный, компетентностный, технологический подходы), принципом междисциплинарности в сопровождении профессионального становления студентов. Отмечается приоритет практико-ориентированности профессиональной подготовки. Среди методических аспектов заявлено внедрение активных методов обучения и современных образовательных технологий (2012 г., 2013 г., 2015 г., 2017 г.).

Выявленная как приоритетная проблема кадрового обеспечения служб и организаций, работающих с молодежью, соотносится с проблемой профессиональной подготовки будущих организаторов работы с молодежью. Не случайно в названиях публикаций присутствует указание на практико-ориентированность подготовки, признание важности партнерства вузов и работодателей [1].

Смысловой анализ названий публикаций позволил выделить подготовку специалистов молодежной сферы в России (2009 г.), мобильное профессиональное образование (2010 г.), профессионально ориентационную работу в вузах (2010 г., 2011 г., 2016 г., 2018 г.); социально-воспитательную работу с неформальной молодежью в вузе (2011 г.); трудоустройство выпускников (2012 г.) и раскрытие потенциала обучающихся (2012 г.); поиск условий и создание механизмов повышения образовательного потенциала обучающихся (2012 г., 2014 г., 2015 г., 2017 г.) [2].

Кроме этого, обращается внимание на историко-педагогический опыт обучения комсомольских работников для профессионального образования [3]. Однако он недостаточно представлен.

Нам не удалось выявить названия публикаций о зарубежном опыте подготовки.

Расширение спектра анализируемых названий публикаций позволило в качестве основных актуальных проблем организации работы с молодежью в вузе выделить проблему профессионально ориентационной работы и повышения качества профессиональной подготовки молодежи.

Итак, представленные результаты исследования, являются скорее попыткой осмысления организации работы с молодежью как направления профессиональной подготовки и требуют дальнейшего углубленного изучения. В частности, на современном этапе следует обратить внимание на возрождение и поиск тех средств профессиональной подготовки кадров, которые направлены на формирование духовно-нравственных ценностей и соответствующих установок, ориентиров молодежи как представителей данной социально-демографической группы и профессии специалиста по организации работы с молодежью.

Список литературы:

1. Романова Е.В. Практико-ориентированный подход как условие профессионального самоопределения студентов специальности «Организация работы с молодежью» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. С. 148-151 // https://cyberleninka.ru/article/n/praktiko-orientirovannyy-podhod-kak-uslovie-professionalnogo-samoopredeleniya-studentov-spetsialnosti-organizatsiya-raboty-s/viewer

2. Челышева И.В. Медиаобразование в подготовке будущих организаторов работы с молодежью: возможности реализации // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. С. 198-202 // https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovanie-v-podgotovke-buduschih-organizatorov-raboty-s-molodezhyu-vozmozhnosti-realizatsii/viewer

3. Бобкова Н.Д. Опыт обучения комсомольских работников для профессионального образования // Известия высших учебных заведений. 2011 // https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-obucheniya-komsomolskih-rabotnikov-dlya-professionalnogo-obrazovaniya/viewer

И.Н. Вильдина,
ГБПОУ «Поволжский государственный колледж»

ЛИДЕРСТВО В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье раскрывается содержание характеристик современного лидера в молодежной среде, факторы их развития. Лидер в молодежной среде является ключевой фигурой для реализации государственных общественно- значимых задач, степень выполнения которых определяется зрелостью и развитостью личностных характеристик и уровнем государственной поддержки молодежного лидерства.

Ключевые слова: лидер, лидерство, молодежь, молодежная политика, молодежная среда, инициатива, глобализация.

I.N. Vildina,
SBPEI «Volga State College»

YOUTH LEADERSHIP

The article reveals the content of the characteristics of a modern leader in the youth environment, the factors of their development. A leader in the youth environment is a key figure for the implementation of state socially significant tasks, the degree of fulfillment of which is determined by the maturity and development of personal characteristics and the level of state support for youth leadership.

Keywords: leader, leadership, youth, youth policy, youth environment, initiative, globalization.

В современном динамично развивающемся государстве возникает потребность в формировании нового типа молодежного лидера, способного оказать конструктивное и позитивное влияние на развитие политических, социально-экономических, культурных, управленческих и иных процессов и решение задач различного уровня.

Формирование лидеров в молодежной среде является одной из государственных задач в области государственной молодежной политики, которая закреплена на законодательном уровне в Федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [1].

Исследователь А.В. Пономарев указывает, что современное лидерство в молодежной среде специфично в силу приверженности таким трендам, как наличие отклика на социальную несправедливость, необходимость в самовыражении в различных сферах, динамичное реагирование на инновации и их использование в своем развитии, образовании, профессиональной деятельности, стремление к саморазвитию и обновлению знаний [2].

Указанные тренды определяют характеристики современного лидера в молодежной среде.

Современный лидер в молодежный среде – человек, оперативно реагирующий на изменения в социуме, обладающий способностью сплотить вокруг себя круг единомышленников, имеющий активную гражданскую позицию, несущий ответственность за собственные действия и своей группы [3].

Процессы глобализации сформировали потребность в таком молодом лидере, который способен осуществлять переход из локальной среды в глобальную [4].

Молодежному лидеру необходимо действовать не только в пределах своей локальной площадки (образовательного учреждения, профессионального коллектива, территории проживания), но и с помощью современных цифровых средств коммуникации транслировать и реализовывать проекты в глобальном масштабе.

Ряд исследователей (А.С. Короткова, О.Н. Пушкарев, А.И. Хайрутдинова) указывает, что современный лидер в молодежной среде ориентирован на успех, владеет современными каналами коммуникации и цифровыми средствами общения с молодежью, ориентируется в медиапространстве, что значительно повышает его возможности достижения различных общественно значимых задач за счет расширения поля воздействия и увеличения группы последователей [5; 6].

Лидер в молодежной среде формируется под воздействием двух факторов – объективного и субъективного.

Объективный фактор – степень полезности, нужности, востребованности, которую лидер дает молодежному коллективу, сообществу, государству.

В субъективном факторе заложены личностные качества, которые необходимы в индивидуальной жизни и служат базисом для лидерского поведения.

Среди таких качеств выделяют владение навыками позитивного руководства, достижения баланса интересов, интеллектуальную активность и критичность мышления, харизму [6].

Объективный фактор выражен в различных формах поддержки лидеров

и развития молодежных инициатив, позволяющих выявлять лидерский потенциал молодых людей.

Только при условии тесного взаимовлияния указанных факторов формируется лидер.

Исследователи А.Х. Дзамыхов, М.Т. Дзамыхова указывают, что современным молодым гражданам недостаточно личных качеств для реализации лидерского поведения, им необходима и всесторонняя поддержка в осуществлении инициатив [4].

Среди наиболее значимых государственных форм выявления, поддержки и развития лидеров в молодежной среде следует отметить следующие программы и проекты, реализуемые Российским союзом молодежи: федеральный проект «Пространство развития» (поддержка молодежного лидерства и социальных инициатив малых городов и поселений); федеральный проект «Неформальное образование» (выявление и развитие молодежных лидеров в сфере образования и реализации образовательных проектов); федеральный проект «Мы вместе» (поддержка лидеров и их сообществ, реализующих мероприятия гражданско-патриотической и межкультурной направленности»); волонтерское движение «Волонтеры Победы»; федеральный проект «Арт-Профи Форум» (поддержка лидеров в профессиональной сфере), программы развития студенческого самоуправления, программа «Международное молодежное сотрудничество» и ряд других.

Фондом президентских грантов осуществляется поддержка наиболее значимых молодежных инициатив.

На поддержку и развитие лидерства в молодежной среде, рекрутирование молодежных политических лидеров направлена работа молодежных объединений партий, среди которых: «Молодая гвардия России» («Единая Россия»), «Союз коммунистической молодежи России» («КПРФ»), «Молодежное объединение ЛДПР» («ЛДПР») и др. [7]

Крупнейшей некоммерческой организацией по поддержке талантливой молодежи и выявлению лидеров является фонд «Будущие лидеры», работа которого включает формирование будущей политической, гражданской и деловой элиты России, через реализацию образовательных программ для молодежи, финансовую поддержку проектов, построение индивидуальной траектории молодежных лидеров, помощь наставников, являющихся специалистами в различных сферах и др.

Участие в самоуправлении, общественно-политических, социально-культурных инициативах, волонтерской деятельности являются для молодых

людей трамплином в формировании лидерских качеств, выборе направления профессиональной занятости, в том числе политической и управленческой.

Таким образом, формирование целостной личности лидера в молодежной среде является государственной задачей, которая вызвана глобальными политическими и общественными процессами и зависит от приложения усилий самой личности и различных государственных, общественных институтов.

Список литературы:

1. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (последняя редакция) // СПС Гарант.ру // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=lfas0nn4fq791112805

2. Пономарев А.В. Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2018. 260 с.

3. Филиппов И.М. Молодежное лидерство в управленческой деятельности: аксиологические аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 2 (30). С. 167-174.

4. Дзамыхов А.Х., Дзамыхова М.Т. Технологии формирования лидерских качеств у молодежи // Материалы научной сессии, посвященной 100-летию образования Карачаево-Черкесской республики «Алиевские чтения». 2022. С. 64-68.

5. Короткова А.С., Пушкарев О.Н. Лидерство в современной молодежной среде // Сб. ст. XVI Междунар. науч.-практич. конф. «Актуальные вопросы современной науки и образования». Пенза. 2022. С. 247-249.

6. Хайрутдинова А.И., Пушкарев О.Н. Молодежное лидерство // Сб. ст. III Междунар. науч.-практич. конф. «Право, история, педагогика и современность». Пенза. 2022. С. 188-191.

7. Палитай И.С. Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68-77.

А.Ш. Галимова,
Самарский университет

ТРЕНИНГ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ АГРЕССИВНЫХ ПОДРОСТКОВ

В статье актуализирована проблема подростковой агрессивности. Выявлены психологические и социальные факторы, влияющие на формирование агрессивного поведения. Представлены результаты опытного исследования тренинга как средства социальной терапии агрессивных подростков.

Ключевые слова: агрессивность, агрессивное поведение, тренинг, социальная терапия.

A.S. Galimova,
Samara University

TRAINING AS A MEANS OF SOCIAL THERAPY FOR AGGRESSIVE TEENAGERS

The article actualizes the problem of teenage aggressiveness. The psychological and social factors influencing the formation of aggressive behavior are revealed. The results of an experimental study of training as a means of social therapy for aggressive adolescents are presented.

Keywords: aggressiveness, aggressive behavior, training, social therapy.

За последнее десятилетие в России возросло число правонарушений и нарушений норм социального поведения у детей и подростков: побеги из дома, воровство, школьные прогулы, акты вандализма, случаи физического и сексуального насилия, жестокое отношение к людям и животным, другие виды девиантного поведения. Подростки наиболее часто демонстрируют склонность к отклоняющемуся поведению, так как период взросления чреват как объективными трудностями, так и субъективными переживаниями. Анализ теоретических и экспериментальных работ, посвященных проблеме подростковой агрессивности, показал, что выбранная тема относится к ряду актуальных в теории и практике социальной работы.

Исследователи полагают, что асоциальное поведение подростков есть проявление их личностных свойств, в частности, такой черты, как агрессивность.

Выявлены психологические и социальные факторы, влияющие на формирование агрессивного поведения. Агрессивность есть враждебная тенденция поведения, причем причинение ущерба другому лицу не является самоцелью [1].

Источники агрессивности кроются как в свойствах личности (нарушения в мотивационной, эмоционально-волевой и нравственной сферах личности), так и в социальных факторах влияния [2]. К таким факторам относят: типы неправильного воспитания в семье, образцы агрессивного поведения, внутрисемейные конфликты; жестокое поведение среди сверстников; пропаганда насилия средствами массой информации; обычаи и традиции данной культуры и т. д. [3]

Выявлено, что агрессивное поведение, под влиянием одних и тех же факторов возникает не у всех детей, а у определённой их части. Так, у некоторых подростков агрессия как устойчивая форма поведения сохраняется, развивается, трансформируется в устойчивую черту личности. В результате снижается потенциал подростка, изменяется личностное развитие, сужаются возможности адекватного общения. Агрессивный подросток приносит массу проблем как окружающим, так и самому себе [4].

Исследования и многолетние наблюдения показывают, что агрессивность формируется в процессе ранней социализации в детском и подростковом возрасте и остаётся устойчивой чертой на протяжении дальнейшей жизни человека. Изменение агрессивного поведения подростков и коррекция агрессивности требует общих усилий специалистов различных профессий – психологов, социальных педагогов, специалистов по социальной работе, учителей, воспитателей и др. Важно тщательно проработать все формы агрессивного поведения, в том числе и аутоагрессию [5]. Такой задаче соответствует сложная работа по подбору адекватных средств терапевтического воздействия. Поскольку агрессивность как интегративное свойство личности имеет разные формы проявлений (жестокое поведение, вербальная, физическая, косвенная агрессия, активный негативизм и т. д.) и разную степень выраженности у каждого подростка, то возникает потребность в разработке адекватного поставленным задачам терапевтического инструментария.

Опытное исследование тренинга как средства социальной терапии агрессивных подростков проводилась в два этапа. На первом этапе исследования был выявлен уровень агрессивности и форм агрессивных реакций у подростков.

Выборочная совокупность исследования составила 30 подростков в возрасте от 13 до 15 лет, из них 15 мальчиков и 15 девочек. Для определения

уровня агрессивности использован опросник «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В.В. Бойко), который позволил установить, что агрессия «выше среднего» значения выявлена у половины опрошенных.

Проведенная диагностика позволила выделить группу подростков из 15 человек с «повышенным» и «очень высоким» уровнем агрессии для проведения социальной терапии.

Для разработки программы тренинга социальной терапии потребовалось выявление форм агрессивных и враждебных реакций подростков, которые наиболее выражены в их поведении и, соответственно, требуют наибольшего терапевтического воздействия. Для диагностики форм агрессивных и враждебных реакций был использован «Опросник агрессивности А. Басса и А. Дарки», с помощью которого были установлены четыре основных формы агрессивного поведения для подростков данной выборки, а именно косвенная агрессия, раздражение, обида и вербальная агрессия. На втором этапе проведения исследования разработана программа тренинга социальной терапии агрессивных подростков, а так же сконструирована модель социальной терапии, которая содержит: цель тренинга, перечень участников процесса, их функции, этапы социальной терапии, формы групповой работы. Программа состоит из четырех блоков: блок 1 – «Укрощение строптивых эмоций», блок 2 – «Внешнее и внутреннее», блок 3 – «Как слово наше отзовётся», блок 4 – «Обижаются только на тех, кого любят». Первый блок состоит из четырех занятий, одно из которых является вступительным. Последующие блоки включают по три занятия, которые содержат 3-6 упражнений.

Список литературы:

1. Авдулова Т.П. Агрессивный подросток: книга для родителей.- М.: Издательский центр «Академия». 2008. 128 с.

2. Асатрян С.С. Функции социальной терапии в современном российском обществе // Известия ВолгГТУ. 2012. № 2. С. 84-88.

3. Ахметзянова А.И. Коррекция агрессивности у детей с тяжёлыми нарушениями речи с помощью метода игровой терапии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 79-80.

4. Вальдес Одриосла М.С. Арт-терапия в работе с подростками. Психотерапевтические виды художественной деятельности. М.: Гуманитарно-издательский центр ВЛАДОС, 2005. 63 с.

5. Гребенкин Е.В. Профилактика агрессии и насилия в школе. Ростов н/Д.: Феникс. 2006. 157 с.

Е.А. Колесник,
Тюменский индустриальный университет

СТРАТЕГИИ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

В тезисах статьи рассматриваются влияние внешних и внутренних факторов на занятость и труд, особенности современной среды, которые влияют на развитие занятости и труда. Особое внимание уделяется влиянию цифровой трансформации на стратегии занятости молодежи в региональном рынке труда Тюменской области. Автор подчеркивает неопределенность будущего и важность разработки стратегий занятости молодежью на основе постоянного согласования шансов на занятость, предоставляемых индивиду, и ресурсов, доступных индивиду.

Ключевые слова: труд, цифровизация, развитие, Тюменская область, молодёжь, стратегии занятости.

E.A. Kolesnik,
Industrial University of Tyumen

YOUTH EMPLOYMENT STRATEGIES IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE REGIONAL LABOR MARKET

The theses of the article consider the influence of external and internal factors on employment and labor, the features of the modern environment that affect the development of employment and labor. Particular attention is paid to the impact of digital transformation on youth employment strategies in the regional labor market of the Tyumen region. The author emphasizes the uncertainty of the future and the importance of developing youth employment strategies based on the constant coordination of the employment chances provided to the individual and the resources available to the individual.

Keywords: labor, digitalization, development, Tyumen region, youth, employment strategies.

Занятость – одна из ключевых характеристик рынка труда. Она определяет отношения между работодателем и работником в сфере труда и его опла-

ты. Этот аспект играет решающую роль в эффективности и устойчивости экономики. Занятость измеряется с помощью различных показателей, таких как уровень безработицы, участие в рабочей силе и создание рабочих мест. Эти показатели служат, с одной стороны, основой оценки состояния рынка труда, а с другой – принятия обоснованных политических решений в отношении политики занятости. Кроме того, занятость оказывает значительное влияние на отдельных лиц и домохозяйства, например, на доход, социальный статус и доступ к социальным и экономическим услугам.

Занятость представляет собой социально-экономическое явление, сложное и многогранное. Факторы, влияющие на его изменение, не ограничиваются внешней средой, но распространяются и на внутреннюю. Внешняя среда, включающая экономическую политику, глобализацию, технологические достижения и социально-культурные сдвиги, может вызвать значительные изменения в ландшафте занятости. С другой стороны, внутренняя среда, состоящая из организационной политики, методов управления и кадровой политики, также может влиять на модели занятости, стратегии и приоритеты. При этом среда как системообразующий фактор способствует развитию новых, ранее неизвестных условий и характеристик, которые кардинально видоизменяют саму систему занятости и труд, в частности. Таким образом, неопределённостью современного мира и будущности определяются процессы трансформации труда, которые приобретают все большее значение в условиях динамики глобализации, технического прогресса и появления новых отраслей.

Влияние среды на занятость и труд выходит за рамки гиг-экономики. Появление таких новых технологий, как искусственный интеллект и автоматизация, меняет характер работы и необходимые для неё навыки. Таким образом, среда является ключевым фактором, влияющим на развитие занятости и труда в современном мире.

Помимо этого, к «глобальным трендам, изменяющим особенности занятости и позиционирования многих сфер в мире, относится нестабильность VUCA-мира» [4, с. 118], характеризуемая подвижностью, неустойчивостью, вариабельностью и непредсказуемостью, а также разбалансированностью социально-экономических механизмов и культурных тенденций, ослаблением роли государственного регулирования, разрушением устоявшихся норм и правил в разных сферах жизни и бизнеса. На рисунке 1 представлена модель «чёрного ящика», описывающая неопределённость и неизвестность структуры и внутренних процессов в сфере занятости и на рынке труда.

Неопределённость будущего, а также новые тренды, развивающиеся под влиянием глобализации и цифровой трансформации общества, влияют на трансформацию стратегий занятости населения.

Стратегия занятости населения рассматривается Я.В. Дидковской как элемент «профессиональных и жизненных стратегий» [2, с. 107], который представляет собой «соотнесение постоянно меняющихся шансов на занятость, предоставляемых индивиду со стороны рынка труда и образовательных услуг, и ресурсов индивида и их согласование с собственной ценностно-ориентирующей системой» [2, с. 107].

Неопределённость:
связей;
взаимодействия;
структуры и состояния системы;
поведения системы;
устойчивости системы;
движения системы;
развития системы

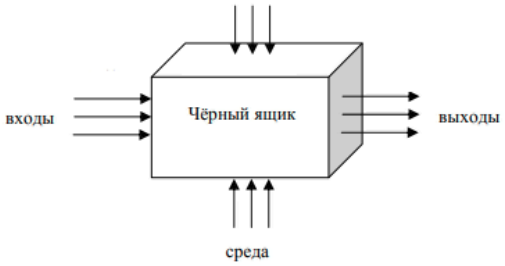


Рис. 1. Занятость как модель «чёрного ящика»
Источник: авторское исследование

С.С. Ярошенко отмечает, что поведение человека на рынке труда характеризуется именно выбранной стратегией занятости. При этом направленность на определённую стратегию занятости определяется не просто характеристикой самого рабочего места, а предпочтениями и направленностью «индивидуального поведения относительно показателей» его доходности [6]. Не вдаваясь в более детальный анализ научных трактовок понятия «стратегия занятости населения», отметим, что оно определяет направление поступательного профессионального развития и те конкретные шаги, которые предпринимаются человеком для его достижения.

В то же время понимание стратегии занятости молодёжи в трактовках различных авторов разнится. Так, Ю.В. Голиусовой и Г.А. Ключаревым данное понятие рассматривается как «трудоустройство, продолжение учёбы» [1,

с. 72], а также выбор своего пути «поиска места в жизни» [1, с. 74]. Е.Л. Омельченко считает, что стратегия занятости имеет место в таких двух условиях: при вхождении «на рынок труда» [3, с. 37] и при определении «значимых для последующих карьер социально культурных выборов» [3, с. 37].

Несмотря на эти различные толкования, существует широкое согласие в отношении того, что стратегия занятости молодежи представляет собой сложную и многогранную проблему, которая обусловлена целой совокупностью различных социальных, экономических, технико-технологических и иных условий.

Анализ стратегии занятости молодежи в Тюменской области позволяет констатировать, что глобализация и цифровая трансформация расширяют границы, предоставляя не только возможности для трудореализации, но и изменения приоритетов в занятости. Можно выделить несколько ключевых факторов выбора стратегии занятости современной молодёжью (Рис. 2).

Рис. 2. Значимые факторы выбора стратегии занятости современной молодёжью
Источник: авторское исследование

Таким образом, наиболее распространенные стратегии профессионального развития молодежи выстраиваются на стремлении к гибкости, адаптивности и мобильности в своей карьере. Молодые люди выбирают образование, работодателей и стратегии профессионального развития, которые соответствуют их ценностям, интересам и финансовым ожиданиям, а также позволяют им достичь определенного уровня стабильности и благополучия. При этом

у молодежи сформировано четкое понимание, что «переход общества в цифровую эру сопряжен с угрозами» [5, с. 171], в связи с чем молодые специалисты осознают, что они хотят получить в результате своей профессиональной деятельности, какое место в социуме хотят занимать и какие изменения их могут ожидать в процессе профессионального становления.

Список литературы:

1. Голиусова Ю.В. О стратегиях занятости современной молодёжи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф. 2017. С. 72-90.
2. Дидковская Я.В. Стратегии занятости и трудоустройства молодежи Свердловской области // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Екатеринбург. 2016. Т. 1. С. 106-114.
3. Омельченко Е.Л. Стилевые стратегии занятости и их гендерные особенности // Социологические исследования. 2002. №11. С. 36-47.
4. Рассолова Е.Н. Принцип неопределенности. Стратегии интеграции молодых ученых из регионов в научную карьеру и научные сообщества в контексте VUCA-мира // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 117-129.
5. Степонов В.Г. Среда умного города в обеспечении общественной безопасности // Modern Economy Success, 2021. №6. С. 171-174.
6. Ярошенко С.С. Гендерные различия стратегий занятости официальных бедных в России // На пути к рыночной экономике: социальная практика регионального развития. Сыктывкар. 2003. №168. С. 127.

Ю.А. Кострова,
Самарский университет

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ

В статье обосновывается социальная терапия компьютерной зависимости у подростков как значимое направление в организации работы с молодежью. Результаты исследования позволили выявить устойчивые корреляции между компьютерной зависимостью и нарушением взаимоотношений между детьми и родителями, отсутствием навыков общения со сверстниками и неумением подростков отреагировать на свои эмоции в социально приемлемой форме.

Ключевые слова. Подростки, компьютерная зависимость, социальная терапия, методы социальной терапии.

Y.A. Kostrova,
Samara University

SOCIAL THERAPY OF COMPUTER DEPENDENCE IN ADOLESCENTS

The article substantiates the social therapy of computer addiction in adolescents as a significant direction in the organization of work with youth. The results of the study made it possible to identify stable correlations between computer addiction and disruption of relationships between children and parents, lack of communication skills with peers, and the inability of adolescents to respond to their emotions in a socially acceptable form.

Keywords: teenagers, computer addiction, social therapy, methods of social therapy.

Темпы цифровизации различных сфер общества в настоящее время превышают уровень интенсивности в развитии всех других отраслей. Различные технические средства, использующие компьютерные технологии, становятся неотъемлемой частью жизнедеятельности современного человека, при этом достаточно часто люди не осознают, насколько они становятся зависимы от компьютерных ресурсов.

В настоящее время термин «компьютерная зависимость» остаётся дискутируемым в научной литературе, вместе с тем социальная значимость

самого феномена не только не отрицается, но и концептуализируется подавляющим большинством исследователей как социальная проблема. Основной группой риска в развитии компьютерной зависимости являются подростки, которые все реже выходят на уровень личных отношений, предпочитая заменять их отношениями обменного типа – общением с компьютером [1, с. 31]. Установлено, что около 30 % подростков проводят за компьютером по 18 и более часов в сутки, по 100 и более часов в неделю, степень зависимости определяется, по словам К.С. Янг, не количеством времени, а суммой потерь в существенных сторонах бытия: убийства, суицид, смерти из-за хронического недосыпания, побеги из дома, осуждение родителей за неадекватный уход за детьми, эмоциональные расстройства [2, с. 25].

Результаты проведенных исследований свидетельствуют, что основные факторы компьютерной зависимости сосредоточены в индивидуально-психологическом поле подростков и проблемах их межличностных отношений.

Следует отметить, что практика работы по оказанию помощи подросткам, имеющим зависимость от компьютера, немногочисленна. При этом практикующие специалисты все чаще встречаются с запросом клиентов по оказанию помощи в данной проблеме.

Научными исследованиями установлено, что у многих современных подростков компьютер занимает большую часть свободного времени, но зависимыми становятся не все. В основном формирование зависимости связано с нарушением взаимоотношений между детьми и родителями, отсутствием навыков общения со сверстниками и неумением подростков отреагировать свои эмоции в социально-приемлемой форме.

Выявлено, что понятие «зависимость» – это попытка решения жизненных проблем, «зависимое поведение» – распространенный вариант отклоняющегося поведения, а «компьютерная зависимость» определяет патологическое пристрастие человека к работе или проведению времени за компьютером [3, с. 34].

Анализ специфики подросткового периода жизни позволил выделить социально-психологические характеристики, формирование которых позволяет подростку не стать зависимым от информационно технических средств: устойчивый круг интересов, формы и навыки личностного общения в группе сверстников, структурирование свободного времени, усвоение качественно новых форм социального взаимодействия, получение личного опыта в процессе жизнедеятельности.

Теоретическое исследование позволило установить, что основным методом оказания помощи подросткам с компьютерной зависимостью является социальная терапия. Установлено, что социальная терапия компьютерной зависимости должна быть направлена на коррекцию детско-родительских взаимоотношений, восстановление связей со сверстниками и развитие навыков эмоциональной саморегуляции. Данные направления были положены в основу разработки программы социальной терапии компьютерной зависимости у подростков.

Выборку эмпирической части исследования составили 50 подростков, являющихся обучающимися общеобразовательного учреждения городского округа Самары. Возраст подростков 13-15 лет, по признаку пола в группу вошли 20 девочек и 30 мальчиков. Выявление компьютерной зависимости у подростков осуществлялось с помощью теста «Диагностика аддиктивного поведения» С.А. Кулакова [4].

Результаты диагностики позволили установить, что из 50 испытуемых подростков у 15 (5 девочек и 10 мальчиков), компьютерная зависимость проявлена в той степени, когда можно говорить о серьезном влиянии компьютера на их жизнь (30 %), помощь психолога необходима 7 % подростков, компьютер существенно не влияет на жизнь 63 % мальчиков и девочек. Таким образом, экспериментальная группа социальной терапии компьютерной зависимости составила 15 подростков в возрасте 13 лет, из них 5 девочек и 10 мальчиков.

Основными показателями компьютерной зависимости у подростков являются неспособность к четкой дифференциации своих чувств; невозможность спонтанно отреагировать чувства в конкретной ситуации; излишние выражение чувств или выражение слабости, отсутствие искренней вовлеченности в дела ребенка; ощущение изолированности, отсутствие дружеских отношений даже при широком круге общения, отсутствие потребности в эмоционально близких отношениях. На основе перечисленных показателей были определены направления социальной терапии подростков.

Программа социальной терапии компьютерной зависимости у подростков представляла систему комплексных мероприятий и состояла из трех блоков: работа подростков по развитию навыков эмоциональной саморегуляции; коррекция отношений подростка с семьей; восстановление социальных связей со сверстниками.

В результате реализации программы социальной терапии был скорректирован уровень тревожности подростков. Результаты исследования по изменению уровня эмоциональных реакций подростков свидетельствуют,

что подростками усвоены базовые навыки контроля своих отрицательных эмоций. Результатом изменений эмоциональных состояний подростков является их коррекция до уровня «нормы» «чувства вины». Из трех форм агрессивного поведения (физическая, вербальная, косвенная агрессия) подростки в большей степени отказались от вербальной агрессии: выражения негативных чувств через форму ссор, крика, визга, а также через словесные ответы, такие как упреки, угрозы, ругань, насмешки, проклятья. Уменьшилась «обидчивость» подростков, а также подозрительность, основанная на убеждении, что окружающие намерены причинить им вред.

Опытно-экспериментальная работа над восстановлением связей со сверстниками позволила изменить уровень общительности подростков. После реализации программы потребность в общении возросла у половины подростков, неудовлетворенных общением, а также предпочитающих общению одиночество.

Социальная терапия детско-родительских отношений позволила изменить представления подростков о стиле родительского воспитания. Были скорректированы представления подростков о «враждебности» и «непоследовательности» материнского стиля воспитания, а также «враждебности», «автономности» и «непоследовательности» отцовского.

Таким образом, выполненное нами исследование позволяет обосновать социальную терапию как значимый ресурс помощи подросткам с компьютерной зависимостью и рекомендовать программы социальной терапии к применению в профессиональной деятельности специалистов, оказывающих поддержку подросткам с компьютерной зависимостью.

Список литературы:

1. Кочетков Н. В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 27-54.

2. Янг К.С. Диагноз – Интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. №2. С. 24-29.

3. Дроздикова-Зарипова А.Р. Специфика и причины компьютерной зависимости у подростков, посещающих организации дополнительного образования // Вестник НЦБЖД. 2019. № 3 (41). С. 35-43.

4. Кулаков С.А. Диагностика и психотерапия аддиктивного поведения у подростков индивидуальное консультирование и психотерапия в профилактике наркомании у подростков. М.: Фолиум. 1998. 70 с.

Л.В. Куриленко,
Самарский университет;
В.А. Славкина,
Самарский университет

ФАКТОРЫ НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

В данной статье раскрывается актуальность и значимость современной семьи. Современная семья определяется как опора современного государства. Поднимается вопрос о необходимости и значимости воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в условиях семьи.

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; приёмная семья; возврат детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей приёмными семьями.

L.V. Kurylenko,
Samara University;
V.A. Slavkina,
Samara University

FACTORS OF DISADVANTAGE OF YOUNG FAMILIES

This article reveals the relevance and importance of the modern family. The modern family is defined as the pillar of the modern state. The question of the necessity and importance of raising orphans and children left without parental care in family conditions is raised

Keywords: orphans, children left without parental care, foster family, return of orphans and children left without parental care by foster families.

На современном этапе российского общества большое внимание уделяется семье и многократно подчёркивается её важность и значимость первыми лицами государства. Семья, являющаяся маленькой ячейкой общества, несмотря на стремительное развитие и колоссально быстрое изменение современного мира, по-прежнему не утратила своей значимости. Именно от семьи зависит, каким вырастет ребёнок, будет ли он добропорядочным и ответствен-

ным гражданином, любящим и заботящимся о развитии и процветании своей страны или, напротив, вырастет асоциальным и разрушающим все вокруг себя человеком. Современная семья – опора современного государства, залог дальнейшего развития нашей страны.

Государство, определяя значимость и важность семьи, стремится создать благоприятные условия для создания и функционирования каждой отдельной российской семьи. В свою очередь в нашей стране есть целая категория детей, которая достигнув взрослого возраста, несмотря на все условия, предоставляемые со стороны государства, не стремится к созданию семей или созданные семьи зачастую бывают неблагополучными. Данная категория – это дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Благотворительный фонд «Культура благотворительности» приводит следующие данные по семейному статусу выпускников государственных учреждений. Не состоят в браке – 69 % выпускников. Среди ребят, которые имеют какое-либо образование у 28 % есть семья, и 4 % отметили, что на данный момент находятся в разводе. 23 % выпускников отметили, что имеют детей, из них у 6 % есть дети от 7 лет и старше. Учитывая, что опрос проводился среди выпускников от 16-25 лет, это может свидетельствовать о ранних беременностях [1].

Одной из причин, влияющих на отсутствие семьи у выпускников государственных учреждений, является отсутствие возможности у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, наблюдать за выстраиванием семейных отношений, отсутствие у них в целом возможности воспитываться в семье.

Многочисленные исследования свидетельствуют, что содержание ребенка, особенно раннего возраста, в казенных учреждениях неизбежно приведет к неблагоприятным и трудно обратимым изменениям в его психическом и социальном развитии, несмотря на то, какие бы при этом комфортные условия государством и обществом не создавались [2].

Государство, стремясь предоставить детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, возможность воспитываться в семье и находясь в семейной обстановки наблюдать за способами построения семейных и доверительных отношений, сделало упор на развитие таких семейных форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как усыновление (удочерение), опека и попечительство и приёмная семья.

В свою очередь приёмная семья стала за последние годы в Российской Федерации стала одной из часто встречаемых форм семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Приемная семья – форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью между органами опеки и попечительства и приемными родителями (супругами или отдельными гражданами, желающими взять детей на воспитание в семью) [3].

Стоит отметить, что наряду с большим количеством переданных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в приёмную семью, система современного семейного жизнеустройства всё чаще стала сталкиваться с таким негативным явлением, как возврат.

Под возвратом детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приёмными семьями мы определяем отказ приёмных родителей от ранее взятых на себя обязательств по воспитанию ребёнка, основывающийся на расторжении договора о приёмной семье и передаче ребёнка назад в государственное учреждение.

Одной из уязвимых категорий, возращённых в государственные учреждения, являются подростки принятые в семье в младенческом или младшем школьном возрасте.

Как показало ранее проведенное исследование, обычно в приёмную семью предпочитают брать детей до десяти лет. В случае если ребёнок, воспитывающийся в приёмной семье, старше 10 лет, большая вероятность, что приёмными родителями являются родственники. Таким образом у детей, возращенных в подростковом возрасте, повторные шансы попасть семью уменьшаются.

Кандидатов в приёмные родители может также напугать не только возраст, но и то, что данный ребёнок уже возращён предыдущей семьей. В том числе не стоит упускать из вида и собственное желание возращенного подростка, столкнувшись с негативным опытом, он скорее всего не захочет повторно воспользоваться возможностью воспитываться в семье.

Стоит сказать, что у возращенного подростка не только понижаются шансы на повторное устройство в семье после возврата, но возврат также может стать причиной психологической травмы, последствия которой могут быть разнообразны.

Подросток, переживший возврат, может замкнуться в себе стать отчужденным и не заинтересованным ни в чём или, наоборот, может стать агрессивным, пристраститься к алкоголю или наркотикам, что в свою очередь является опасным уже не только для него самого, но и для общества, в котором он находится.

Таким образом, исходя из негативных последствий возврата, с которым придётся столкнуться не только подростку, но и обществу, становится понятно, что необходима социальная профилактика возвратов детей подросткового возраста, взятых на воспитание в младенческом или младшем школьном возрасте, приёмными семьями.

Список литературы:

1. Ходорова Ю.Ю. Взрослая жизнь выпускников интернатных учреждений. М.: Благотворительный фонд «Культура благотворительности». 2022. 27 с.

2. Захарова Ж.А. Опыт сопровождения замещающих семей // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 7. С. 38-42.

3. Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л. 2022. 63 с.

Л. Мэнюй,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЦЕННОСТИ, МОТИВЫ И УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена ценностям, мотивам и установкам молодежи современности. Автор обращает внимание на их различия в зависимости от пола, возраста и социокультурной среды и анализирует влияние этих факторов на поведение молодежи.

Ключевые слова: молодежь, ценности, мотивы, установки, социокультурная среда.

Luo Mengyu,
Lomonosov Moscow State University

VALUES, MOTIVES AND ATTITUDES OF MODERN YOUTH

The article explores the values, motives, and attitudes of contemporary youth. The authors pay attention to the differences in these factors depending on gender, age, and socio-cultural environment, and analyze the impact of these factors on the behavior of young people. Keywords: youth, values, motives, attitudes, socio-cultural environment

Keywords: youth, values, motives, attitudes, sociocultural environment.

Ценности, мотивы и установки современной молодежи являются объектом исследования для многих научных исследований. Исследования показывают, что молодежь современности отличается от предыдущих поколений по многим аспектам. Например, многие молодые люди сегодня более ориентированы на индивидуализм и самореализацию, чем на коллективные ценности. Они также более толерантны к различиям в обществе, включая различия в расе, политических убеждениях и сексуальной ориентации.

Исследования также показывают, что у молодежи современности различаются мотивы и установки в зависимости от пола, возраста и социокультурной среды. Например, некоторые исследования показывают, что молодые женщины более ориентированы на отношения и социальные связи, тогда как молодые мужчины более ориентированы на достижение личных целей и успе-

ха в карьере. Кроме того, социокультурная среда может также влиять на мотивы и установки молодежи. Например, молодежь, живущая в многокультурных обществах, может иметь более толерантные взгляды и отношения к другим культурам [1, с. 17].

Одним из главных вызовов для исследования ценностей, мотивов и установок современной молодежи является быстрое изменение социальной и технологической среды, в которой они живут. Это требует постоянного обновления исследований и учета новых тенденций и проблем, с которыми сталкивается молодежь.

Кроме того, важно отметить, что ценности, мотивы и установки молодежи могут быть связаны с их поведением и решениями, которые они принимают. Например, исследования показывают, что молодые люди, которые ценят здоровый образ жизни, склонны к здоровому питанию и физической активности. Также мотивы и установки молодежи могут влиять на их выбор профессии и карьерных путей [2, с. 396].

В целом изучение ценностей, мотивов и установок молодежи является важной задачей для научных исследований, поскольку это позволяет лучше понимать молодежную культуру и проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди. Это также может помочь разработать более эффективные программы и политики для поддержки молодежи и решения социальных проблем.

Кроме того, изучение ценностей, мотивов и установок молодежи может помочь улучшить межкультурное взаимодействие и понимание, поскольку молодежь современности все более многонациональна и разнообразна. Исследования также могут помочь выявить проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются молодые люди в разных регионах мира, такие как безработица, образование и здоровье.

Важно отметить, что для достижения более точных и полных результатов в исследовании ценностей, мотивов и установок молодежи необходимо использовать разнообразные методы, включая качественные и количественные методы, анкетирование, интервью, фокус-группы и т.д. Кроме того, необходимо учитывать и другие факторы, такие как экономические, социальные и политические условия, которые могут влиять на молодежь, их ценности и мотивы [3, с. 491].

Изучение ценностей, мотивов и установок молодежи может быть полезно не только для научных целей, но и для практических. Например, это может помочь в разработке более эффективных программ образования и тренингов для молодежи, которые могут помочь им развиваться и достигать своих целей.

Кроме того, изучение ценностей и мотивов молодежи поможет лучше понимать их потребности и интересы, что может быть полезно для бизнеса и маркетинга.

Наконец, стоит отметить, что ценности, мотивы и установки молодежи могут меняться со временем и в зависимости от изменяющейся социальной и экономической среды. Поэтому важно проводить регулярные исследования, чтобы отслеживать эти изменения и обновлять знания о молодежной культуре и поведении [4, с. 1339].

Примеры ценностей, мотивов и установок молодежи из разных стран могут различаться в зависимости от культурного, социального и экономического контекста. Вот несколько примеров:

– в Японии молодые люди могут ценить коллективизм, уважение к старшим и дисциплину, в то время как индивидуализм и самостоятельность могут быть менее важными ценностями;

– в США молодежь может быть более ориентирована на индивидуализм, свободу выбора и самореализацию, в то время как традиционные ценности, такие как семья и общественная ответственность, могут иметь меньшее значение [5, с. 99];

– в Китае молодые люди могут ценить уважение к традициям, семейные связи и образование, в то время как индивидуализм и самореализация могут быть менее важными ценностями;

– в Индии молодежь может ценить семейные и культурные традиции, а также образование и карьеру, в то время как индивидуализм и самореализация могут быть менее важными ценностями;

– в Швеции молодые люди могут ценить равенство, толерантность и справедливость, а также экологические проблемы и здоровый образ жизни, в то время как традиционные ценности, такие как семья и религия, могут иметь меньшее значение [6, с. 1770].

Это лишь некоторые примеры различных ценностей, мотивов и установок молодежи в разных странах, и они могут различаться в зависимости от конкретной социокультурной среды.

Список литературы:

1. Huang L., Liu Y. The Relationship between Adolescents' Environmental Concern and Pro-environmental Behavior: The Mediating Role of Personal and Social Norms // Frontiers in Psychology. 2022. № 13. 838 p.

2. Moccia L., Jain S. The Role of Values and Motivations in Enhancing Entrepreneurial Intention among Youth // Journal of Business Research. 2021. № 131. P. 395-405.

3. Vignoles V. L., Manzi C., Regalia C., Jemmolo S., Scabini E., Mateo J. Identity motives and daily well-being across Europe: The moderating role of the value placed on relatedness // Journal of Personality. 2020. № 88 (3). P. 484-497.

4. Zych I., Baldry A.C., Hirsch A., Cordón L.A. How Adolescents' Life Satisfaction and Prosocial Behavior Are Related to Their Values and Social Goals // Journal of Youth and Adolescence. 2021. № 50 (7). P. 1332-1346.

5. Parker P.D., Marsh H.W., Ciarrochi J. Why Do Adolescents Engage in Delinquent Behavior? The Role of Values and Motivational Beliefs // Developmental Psychology. 2022. №58 (1). P. 88-101.

6. Lechner C.M., Adolphs N. A meta-analysis of interventions to promote youth civic engagement: Influence on social values and critical reflection // Journal of Youth and Adolescence. 2020. № 49 (9). P. 763-1780.

Н.А. Птицына,
Ивановский государственный университет;
Е.К. Маркова,
Ивановский государственный университет

ПРАКТИКИ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются локальные практики добровольчества студентов – будущих специалистов социальной сферы. На основе анализа эмпирического материала освещаются проблемы и особенности взаимодействия добровольцев с людьми старшего возраста. Обосновывается необходимость вовлечения студентов в добровольчество в ходе подготовки к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: студенческая молодежь, профессионально-личностное развитие, практики добровольчества, люди старшего возраста.

N.A. Ptitsyna, Ivanovo State University
E.K. Markova, Ivanovo State University

VOLUNTEERING PRACTICES AS A FACTOR IN THE PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF STUDENT YOUTH

Local practices of volunteering of students-future specialists in the social sphere are considered. Based on the analysis of empirical material, the problems and features of the interaction of volunteers with older people are highlighted. The necessity of involving students in volunteering in the course of preparation for professional activities is substantiated.

Keywords: student youth, professional and personal development, volunteering practices, older people.

Актуальность научной повестки конференции обусловлена потребностью в осмыслении жизненных стратегий и моделей активности современной молодежи в условиях трансформации жизнедеятельности общества [1]. Несмотря на обширную тематику работ, посвященных добровольчеству, внима-

ние исследователей к этой проблематике не ослабевает [2]. На основе различных источников по данной теме можно заключить, что в последние годы значительно увеличился корпус волонтеров, а наиболее широкое распространение получило эпизодическое или событийное волонтерство, тогда как добровольческие практики, осуществляемые на регулярной основе, пользуются у молодежи меньшей популярностью [3-5].

Введение профессиональных стандартов обусловливает повышение требований к уровню профессиональной подготовки и личностного развития будущих специалистов социальной сферы. В связи с этим возрастает роль добровольчества, участие в котором позволяет юношам и девушкам ознакомиться с новым видом деятельности, нормами и требованиями, содействует профессионально-личностному становлению студенческой молодежи.

Развитие добровольчества посредством поддержки молодежных инициатив и проектов, стремительное изменение событийной повестки способствует не только пополнению корпуса волонтеров, но и оказывает существенное влияние на содержание и характер деятельности, ее направленность.

Так, в условиях рисков COVID-19 в наиболее сложной ситуации оказались люди старшего возраста, столкнувшиеся с рядом проблем (ограничение жизненного пространства, уменьшение двигательной и социальной активности, сокращение коммуникативных связей). Возросла потребность в предоставлении этой категории граждан различных видов помощи.

Рассмотрим некоторые типы добровольческих практик, в которых приняли участие студенты Ивановского государственного университета, обучающиеся по направлениям подготовки «Социальная работа», «Психолого-педагогическое образование». Эмпирические данные получены в ходе проведения исследования «Социальное самочувствие людей старшего возраста в условиях рисков COVID-19» (Иваново, 2021-2022). Использованы материалы опроса студентов (40 человек), полуструктурированного интервью (14 человек), фокус-группы.

Результаты исследования.

Более половины респондентов в период пандемии принимали участие в оказании помощи людям старшего возраста. Практики активности студенческой молодежи разнообразны:

– участие в деятельности волонтерской организации вуза: *«Участвовала в работе волонтерского отряда университета. Несколько раз ездили с ребятами в дом престарелых, где проводили досуговые мероприятия… Напри-*

мер, собрали информацию о самых любимых песнях пожилых и во дворе учреждения представили концерт» (Ж., 20 лет);

– участие в работе социальных учреждений: *«В Центре социального обслуживания мы проходили практику, участвовали в разных мероприятиях. Во время пандемии подготовили интеллектуальные конкурсы, а проводили их онлайн с теми, кто обучался на компьютерных курсах»* (Ж., 19 лет);

– политических партий: *«Да, участвовала. От партии КПРФ. Развозили наборы продуктов питания, гигиенические средства»* (Ж., 20 лет);

– локальные практики, реализуемые местными сообществами: *«Моя бабушка – в ТОСе. Мы покупали и приносили продукты, лекарства. Звонили по телефону, узнавали, как дела у пожилых»* (Ж., 20 лет);

– личные инициативы: *«Я вместе с отцом привозил продукты из магазина нашим одиноким соседкам. Дети у них в другом городе. Пожилым выходить из дома было нельзя, надо было помочь»* (М., 20 лет).

Поскольку почти треть студентов не занимаются добровольчеством, в ходе исследования выявлены основные причины, препятствующие участию в волонтерстве. По мнению опрошенных, чаще всего – это неуверенность в своих силах и стеснительность: *«Помешали какие-то внутренние барьеры: неуверенность в том, что это будет кому-то нужно и некое стеснение перед тем, что я буду делать»* (М., 21 год.).

Встретились и такие ответы:

– *«Не участвовала. Была на самоизоляции вместе с бабушкой. Ей во всем помогала»* (Ж., 19 лет);

– *«В официальном волонтерстве не участвовала, а помогала бабушке и ее соседке»* (Ж., 20 лет).

Среди основных мотивов участия студентов в добровольческих практиках доминируют желание оказать реальную помощь конкретным людям, совместная деятельность со сверстниками (друзьями, знакомыми, членами группы), одобрение со стороны близких людей.

Основными видами помощи, которую студенты оказывали людям старшего возраста, были приобретение и доставка продуктов питания, средств гигиены, лекарственных препаратов, а также помощь в оплате коммунальных услуг.

В ходе исследования выяснилось, что общение с пожилыми людьми вызывало определенные трудности, в числе которых респонденты назвали: «осо-

бенности состояния здоровья (ослабленный слух, зрение)», проявления «недоверия и подозрительности к незнакомым людям», «боязнь инфекции»:

– *«Приносили продукты одной бабушке. Все время громко кричала… оказалось, почти не слышит»* (Ж., 21 год);

– *«Долго приходилось звонить в дверь. Хотя перед этим по телефону предупреждали, что придем. Слышим, что женщина к двери подошла, но не открывает, долго в глазок смотрит…» (*Ж., 19 лет);

– *«А я просто у двери продукты оставляла… пожилая женщина боялась заразиться…»* (Ж., 20 лет).

Установлено, что студенты, проживающие в межпоколенных семьях, имеющие опыт общения с родственниками старшего возраста, значительно успешнее устанавливают коммуникативные связи, чаще принимают участие в работе добровольческих организаций на постоянной основе.

По мнению студентов, участие в добровольчестве позволило им не только пополнить знания о проблемах и особенностях данной категории населения (возрастных, индивидуальных), но и приобрести практические навыки взаимодействия с людьми старшего возраста, определиться в будущей сфере профессиональной деятельности.

В целях популяризации добровольчества в молодежной среде респонденты предложили ряд мер:

– расширение информации о действующих организациях и проведении мероприятий;

– обучение волонтеров (мастер-классы, семинары);

– обеспечение волонтеров одеждой или атрибутикой (галстуки, кепки, футболки, значки);

– стимулирование, например, посредством организации экскурсионных поездок.

Таким образом, будущие специалисты социальной сферы, участвуя в добровольческих практиках, не только оказывали реальную помощь нуждающимся людям старшего возраста, но и приобретали опыт взаимодействия, способствующий их профессионально-личностному развитию.

Список литературы:

1. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.

2020. №3. С. 4-12 // https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-zhiznennye-strategii-v-novoy-realnosti

2. Кулькова И.А. Исследование научного интереса к волонтерству как форме социальной активности // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18-19 апреля 2022 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2022. Т.1. С. 181-186.

3. Тарасова А.Н., Певная М.В., Телепаева Д.Ф. Саморегуляция волонтерской деятельности молодежи или факторы неучастия молодых волонтеров в социальных проектах // Научный результат. Социология и управление. Т. 8. № 3. 2022. С. 155-171.

4. Тимофеева Ю. Дело добровольное: в России в 2022 году резко выросло число волонтеров // Известия. 2022. 9 декабря // https://iz.ru/1437759/iuliia-timofeeva/delo-dobrovolnoe-v-rossii-v-2022-godu-rezko-vyroslo-chislo-volonterov

5. Ильина В. Путин назвал число волонтеров в России // Российская газета. 2022. 5 декабря // https://rg.ru/2022/12/05/putin-nazval-chislo-volonterov-v-rossii.html

И.Р. Рамазанов,
ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа»

РЕШЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЗАДАЧ КАК СПОСОБ ПРОФИЛАКТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВЫГОРАНИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Эмоционально-психологическое выгорание становится главенствующим фактором низкой профессиональной деятельности и увольнения вновь принятых сотрудников. Разрешение экзистенциальных задач в процессе профилактики эмоционально-психологического выгорания позволяет нивелировать симптомы «выгорания».

Ключевые слова: эмоционально-психологическое выгорание, профилактика, молодой специалист, разрешение экзистенциальных задач.

I.R. Ramazanov,
GKU SO «KTSSON Samara district»

SOLVING EXISTENTIAL PROBLEMS AS A WAY TO PREVENT EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL BURNOUT OF YOUNG PROFESSIONALS

Emotional and psychological burnout becomes the dominant factor of low professional activity and dismissal of newly hired employees. The resolution of existential tasks in the process of preventing emotional and psychological burnout allows you to neutralize the symptoms of «burnout».

Keywords: emotional and psychological burnout, prevention, young specialist, solving existential problems.

Профессиональная деятельность, связанная со значительной долей эмоциональной вовлеченностью субъекта труда, ответственностью, как правило, становится причиной возникновения состояния трудящегося, признаками которого является снижение мотивации к труду, желание сменить место работы и сферу профессиональной деятельности, неудовлетворенность собой, проблемы во взаимодействии со своим близким социальным окружением. В связи с этим эмоционально-психологическое выгорание относится к числу актуальных теоретических и прикладных проблем современной психологической

науки. Стоит отметить, что «эмоционально-психологическое выгорание» несколько более объемное понятие, чем «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание». Термин «эмоционально-психологическое выгорание» используется в случае, когда акцентируется внимание на том, что негативный процесс в комплексе затрагивает эмоциональную, интеллектуальную, мотивационно-потребностную и волевую сферу личности. «Профессиональное выгорание» как вариант «эмоционально-психологического выгорания» применяется в контексте профессиональной деятельности человека. Термин «эмоциональное выгорание» используется в случае, когда особое внимание уделяется эмоциональной составляющей контрпродуктивного процесса трудовой деятельности и акцентируется внимание на том, что страдает в первую очередь эмоциональная сфера личности [1].

Эмоционально-психологическое выгорание, как отмечает В.В. Бойко, является следствием трудового (профессионального) стресса, своеобразной реакцией на стрессовую ситуацию. Визуализируется оно донозологическими признаками, квалификация которых не позволяет с большей долей достоверности отнести их к компетенции существующих классификаторов заболеваний. В трудовой (профессиональной) деятельности субъекта труда эмоционально-психологическое выгорание реализуется последовательно, через ряд последовательных этапов: эмоционального выхолащивания субъекта трудовой деятельности, последующей деперсонализации личности и снижением мотивации к труду [2].

В рамках межведомственного взаимодействия ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа» реализует комплекс мероприятий по социальной реабилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов с ментальными нарушениями, что является логическим продолжением и дополнением мер по медицинской коррекции ментальных расстройств у получателей социальных услуг [3].

Исходя из специфики и условий труда в указанном направлении деятельности, в основном задействованы лица женского пола, работники в возрастном диапазоне от 21 до 45 лет, многие из которых являются молодыми специалистами [4].

Особенностью психолого-педагогической деятельности молодых специалистов, работающих с инвалидами, является высокая эмоциональная напряженность. К эмоциональному выхолащиванию молодых сотрудников приводит рассогласование между ожиданиями молодого специалиста и результатами повседневной трудовой деятельности; требованиями, предъявляемыми к профессиональной компетенции специалиста в социальной

сфере. Наряду с выполнением основных трудовых функцией, молодой специалист в ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа» включен в постоянный процесс документооборота. В независимости от своего трудового функционала специалист обязан сдавать ежедневные, еженедельные, ежемесячные и ежеквартальные отчеты. Повторение ситуаций профессиональных стрессов приводит к ослаблению нервной системы, эмоциональным срывам, к постепенному профессиональному и эмоциональному выгоранию молодого специалиста. При этом эмоционально-психологическое выгорание у молодых специалистов, работающих с инвалидами, в том числе с детьми-инвалидами с ментальными нарушениями, развивается гораздо раньше, чем у сотрудников учреждения, работающих с относительно здоровыми получателями социальных услуг [5].

В целях сохранения социально-психологического здоровья вновь принятых сотрудников, предотвращения случаев увольнения особую значимость приобретает вопрос профилактики эмоционально-психологического выгорания у молодых специалистов учреждения. Существующая экзистенциальная направленность переживаний в процессе эмоционально-психологического выгорания обосновывает необходимость самопознания в решении задачи нивелирования симптомов «выгорания». В связи с этим при выборе направления профилактической работы в ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа» акцент сделан на коммуникативных навыках, которые инициируют частичное разрешение экзистенциальных проблем и, как следствие, определенный личностный рост молодых специалистов [6].

Феноменологический анализ процесса эмоционально-психологического выгорания позволил сконструировать в учреждении модель профилактической работы с молодыми сотрудниками, включающую в себя ряд последовательно выполняемых этапов: диагностический этап (выявление эмоционально-психологического выгорания молодого специалиста и принятия решения о дальнейшей работе с ним); этап ситуативной разгрузки (купирование эмоционально-психологического выгорания у молодого специалиста и осмысление им аутентичных экзистенциальных установок); этап групповой работы (прояснение стереотипов действий, препятствующих разрешению актуальных проблем молодого сотрудника и выстраивание более эффективных взаимоотношений с окружающими); завершающий этап (подведение итогов профилактических мероприятий, принятие решения о необходимости дальнейшего психологического сопровождения молодого специалиста). Сформулированная модель профилактики эмоционально-

психологического выгорания, реализуемая в учреждении на постоянной основе, предусматривает различные психологические интервенции и возможности их сочетания как в ходе одного занятия, так и на протяжении всего процесса оказания психологической помощи, что согласуется с классическими представлениями о динамике психологической помощи.

В качестве показателя эффективности представленного подхода к вопросу профилактики эмоционально-психологического выгорания у молодых специалистов следует назвать тот факт, что количество уволившихся в течение последних 2-х лет молодых сотрудников значительно сократилось по сравнению с предыдущими периодами деятельности учреждения.

Список литературы:

1. Неруш Т.Г. Основные этапы изучения феномена выгорания // Известия Саратовского ун-та. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 454-459.

2. Бойко В.В. Энергия эмоций: монография. СПб.: Питер. 2004. 473 с.

3. План мероприятий («дорожная карта») по развитию в Самарской области стационарозамещающих технологий социального обслуживания граждан, страдающих психическими расстройствами, на 2020-2024 гг. // https://pravo.samregion.ru

4. Полухина М.Г., Савкин В.И. Проблема привлечения молодых специалистов сферы образования в сельскую местность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 2. С. 364-376.

5. Шевцова Т.С., Коровушкина Н.Н. Синдром эмоционального выгорания у педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 477-482.

6. Влах Н.И., Данилов И.П. Система психологической профилактики и помощи лицам с синдромом эмоционального выгорания // Медицина в Кузбассе. Серия «Психология». 2017. Т.16. № 4. С. 55-62.

А.В. Рыбьякова,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
М.Т. Гаджиева,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет;
И.Н. Тронина,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ТРУДА

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного среди студентов вузов г. Перми. Проанализированы ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере трудовой деятельности, определена роль труда в структуре жизненных ценностей молодежи, раскрыта динамика трудовых ценностей современной молодежи в сравнении с данными исследования Г. Б. Кошарной, Н. В. Корж 2010 года.

Ключевые слова: студенческая молодежь, трудовые ценности, структура ценностей.

A.V. Rybyakova,
Perm National Research Polytechnic University;
M.T. Gadzhieva,
Perm National Research Polytechnic University;
I.N. Tronina,
Perm National Research Polytechnic University

VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS IN THE FIELD OF WORK

Special attention is paid to the problem of value orientations in the field of work, in particular among students. The article presents the results of a sociological study conducted among Perm university students. On the basis of the data obtained, the value preferences of students in work activity, as well as the role of labor in the structure of values of young people, are analyzed. The obtained results were also compared with the data of the 2010 study by G. B. Kosharnaya and N. V. Korzh.

Keywords: student youth, labor values, value structure.

В научной литературе зарубежных и отечественных авторов встречаются разные определения трудовых ценностей. Психолог Э. Дональд определяет трудовые ценности как наиболее значимые ориентиры, мотивирующие трудовую деятельность и представляющие собой набор идей, выступающих связующим звеном между эмоциональной ориентацией человека на труд и внешними объектами, приносящими аналогичное удовлетворение.

Современный социолог В.С. Магун трактует трудовые ценности как «эмоционально окрашенные представления и суждения людей о важности для них труда в целом и отдельных его сторон». С этой точки зрения, трудовые ценности – совокупность ориентаций, ценностей, установок, а также мотивов в сфере труда, работы, профессии. Они определяют трудовые потребности, содержание, цели, а также тип трудового поведения людей [1].

Используя типологию социального действия М. Вебера [2], можно отметить, что студенты, действующие целерационально, будут выбирать работу, основываясь на таких целях, как высокий заработок, престиж, возможность карьерного роста и т. д. Молодые люди, ориентированные на ценностно-рациональные действия, при выборе работы будут опираться на значимые для них ценности (помощь другим людям, сохранение экологии, религия и т. д.). Продолжая традиции, студенты идут по стопам родителей в профессиональной сфере. Если действия носят аффективный характер, молодые люди могут вовсе не включать работу в структуру жизненных приоритетов.

Сегодня в российском массовом сознании наблюдаются изменения трудовых ценностей молодежи, такие как рост прагматических, утилитарных ценностей в отношении труда, экономической рациональности, предприимчивости; отмечается снижение общественной значимости труда, отчетливо проявляются ориентации на материальное благополучие. В связи с этим наибольший интерес представляет изучение особенностей трудовых ценностей студенческой молодежи [3].

В статье представлены результаты опроса студентов разных курсов государственных и негосударственных вузов города Перми, а также результаты исследования Г.Б. Кошарной, Н.В. Корж «Ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере труда» в городе Пенза [4]. Целью исследования являлось определение трудовых ценностей студенческой молодежи, а также места труда в иерархии жизненных ценностей и сопоставление полученных данных в 2022 году с результатами исследования 2010 года. Выбор в качестве

объекта исследования студентов обусловлен тем, что в это время в большей степени актуализируются профессиональные интересы и жизненные планы.

В результате исследования 2010 года было выявлено, что доминирующими среди жизненных ценностей у молодежи являются семья (74,8 %), здоровье (70 %), и материальное благополучие (64,5 %). «Интересная работа» в структуре жизненных ценностей располагается только на четвертом месте (41,3 %). К 2022 году доминирующей жизненной ценностью среди молодежи стало материальное благополучие (73,3 %). «Интересная работа» продолжает оставаться на 4 месте (63,3 %). Несмотря на то, что работа была и остается очень важным элементом в жизни людей, для современной молодежи важнее сначала добиться материального благополучия, то есть работа становится все больше инструментальной ценностью – средством достижения иных целей.

В рамках нашего исследования для анализа профессиональной мотивации студентов был предложен следующий вопрос: «Если бы Вы могли выбирать, то какой работе в первую очередь Вы отдали бы предпочтение?», позволяющий выделить типы мотивации студентов. Наибольшее предпочтение молодые люди отдали интересной, творческой и высокооплачиваемой работе. Это отмечал практически каждый третий опрошенный. Никто из респондентов не отдал предпочтение работе, которая предоставляет социальные льготы, и работе в организации, расположенной близко от дома. Несомненными приоритетами среди профессиональных ориентиров являются стремление к материальному благополучию и самореализации. Стремление современной молодежи к высокому заработку скорее всего обусловлено быстро растущими потребностями. Кроме того, студенты предпочитают интересную, творческую работу, дающую возможность удовлетворять свои культурные интересы, развивать способности. Таким образом, можно сделать вывод об идеальной будущей работе: она должна быть не только высокооплачиваемой, но и интересной. При этом главными мотивами, побуждающими современных студентов к работе, стали достижение материального благополучия (70 %), чувство самостоятельности и независимости, которое дает работа (48,3 %) и самореализация (41,7 %).

Дополняют представления молодых людей о хорошей работе и трудовой мотивации ответы на вопрос о том, какими конкурентными преимуществами нужно обладать, чтобы получить желаемую работу. Спустя 12 лет мы видим, что такие ценности, как инициативность и предприимчивость, стали более значимы среди студенческой молодежи, нежели раньше. В 2010 году данные

качества занимали второе место (52,1 %), а в 2022 же поднялись на ступень выше (78,3 %). Со временем снижается ценность наличия высокой квалификации и знаний, уступая место ориентации на собственные усилия.

Мотивы, которыми руководствуется молодое поколение при получении высшего образования, связаны с инструментальными целями (работа, карьерный рост). Увеличилась доля молодых людей, считающих, что получение образования позволяет найти хорошую работу, а также дает возможность профессионального роста. Если в 2010 году влияние образования на повышение статуса в обществе занимало первое место (28,6 %), то в 2022 году оно занимает только 4 место (13,3 %). Наличие образования сейчас не является определяющим при рассмотрении социального статуса в обществе, однако выступает в качестве фундамента для будущей успешной жизни.

Большинство респондентов уже определились с перспективными планами на ближайшее будущее. Основная масса в ближайшем будущем хотели бы основать свой бизнес (46,7 %, по сравнению с 31,6 % респондентов в 2010 г.). Практически каждый третий ориентирован на продолжение образования после окончания вуза (в 2010 г. их доля составляла 16,8 %). Однако, есть и те, у кого еще нет никаких планов на будущее (их доля сейчас составляет 15,0 %, в исследовании 2010 г. – 13,0 %). Такие планы, как «основать свое дело» и «продолжить образование после вуза», по-прежнему занимают 1 и 2 места соответственно. Однако план «остаться работать в организации, где подрабатываю» стал менее популярным и сместился с 3-го места на 5-ое.

Таким образом, рассматривая динамику трудовых ценностей современной молодежи, можно отметить, что готовность ориентироваться на требования современного рынка труда отражена в предпочтениях молодежи на занятость в различных секторах экономики. В современных условиях преобладающими среди ценностей молодежи в трудовой сфере становятся высокая заработная плата, чувство самостоятельности и независимости, ориентация на самореализацию. Ведущую роль в достижении своих целей молодые люди отводят ценности образования, которое дает возможность профессионального роста и позволит найти хорошую работу. Молодые люди при выходе на рынок труда планируют предложить работодателям такие свои качества, как инициативность, предприимчивость, дисциплинированность, исполнительность, ответственность. Наличие высокой квалификации и знаний уже не воспринимаются студентами как первоочередное конкурентное преимущество. Важнейшим мотивом получения работы, согласно представлению студенческой мо-

лодежи, независимо от времени, является достижение материального благополучия. Именно этот показатель определяет значимость труда для студентов.

Список литературы:

1. Рожкова Л.В., Влазнева С.А., Сальникова О.В., Дубина А.Ш. Трудовые ценности и ориентации современной молодежи в условиях кризиса и нестабильности // Социодинамика. 2019. № 1. С. 70-80.

2. Адрианова Е.В. Изменение парадигмы мотивации и ценностей труда в контексте развития новой экономической социологии // Вестник ТюмГУ. Социология. 2014. № 8. С.57-63.

3. Хлопова Т.В., Озерникова Ж.Г. Трудовые ценности молодежи // Народонаселение. 2002. № 4. С. 66-73.

4. Кошарная Г.Б., Корж Н.В. Ценностные предпочтения студенческой молодежи в сфере труда // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 2 (14). С. 64-73.

М.Е. Соколова,
Институт США и Канады РАН, Москва

БИЗНЕС-ИНСТРУМЕНТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ НА МОЛОДЕЖЬ

Новые российские бренды в информационном пространстве отечественного бизнеса становятся носителями национально-культурных ценностей и инструментами информационного воздействия на молодежь.

Ключевые слова: информационные каналы влияния, молодежь, воспитание молодежи, бренд.

M.E. Sokolova,
Institute for the USA and Canada RAN, Moscow

BUSINESS TOOLS OF INFORMATIONAL INFLUENCE ON YOUNG PEOPLE

New Russian brands in the information space of domestic business are becoming carriers of national and cultural values and are instruments of informational influence on young people.

Keywords: information channels of influence, youth, youth education, brand.

В связи с появлением в отечественном информационное поле новых мировоззренческих ценностей, нравственных ориентиров, связанных с воспитанием молодежи в условиях санкций, приобретает важное значение ряд новых исследовательских тем. В частности, вопрос об информационных каналах и инструментах такого информационного влияния на молодежь, как, например, в бизнесе. Стоит рассмотреть несколько конкретных примеров в этой области.

Одним из важных инструментов информационного влияния на молодежь в бизнесе является бренд, то информационное содержание, которое в него вложено. В последнее время, в связи с экономической ситуацией, национальных российских брендов становится всё больше, поскольку они должны занять на рынке место (а заодно и площади, и другие активы) ушедших оттуда западных брендов. Часто они не просто заменяют западные бренды, но и предлагают новую идеологию, основанную на национальных культурных ценностях.

В качестве примера можно привести бренд BY (Baba Yaga), созданный в креативной лаборатории крупного российского холдинга «Гала-Центр». Рас-

крутка бренда поставлена на широкую ногу: о нём много писали и пишут и в прессе, и в новых медиа. Речь идет о комиксовых супергероях, созданных на основе образов персонажей славянского эпоса и русской истории.

Супергерои – сказочные персонажи Баба Яга, Кощей, Леший, Василиса, Конёк, Змей Горыныч, персонажи из российской истории – Ермак, Пересвет и совершенно новый персонаж – технологизированная девочка Заря – населяют Вселенную, которой посвящен сайт «Вселенная супергероев» [1]. Каждый из них переосмыслен в соответствии с современными реалиями и осовременен на основе традиционных качеств и характера, наделен вполне современными предпочтениями, набором ценностей, жизненных ориентаций. Традиционные персонажи получили и новый внешний облик, у всех них – суперсовременные технологические атрибуты (оружие и гаджеты), многочисленные наряды (что позволяет маркетологам успешно продвинуть товары разных линеек, в том числе и модной молодёжной одежды). Выпущена книга комиксов, символика, продукция с символикой и игрушки продаются в многочисленных магазинах холдинга в том числе в Москве, и в них постоянно проводятся PR-акции для продвижения супергероев. Ведутся переговоры о киноверсиях «Вселенной супергероев». Бренд становится все более известным и узнаваемым и успешно осваивает комиксовую нишу на рынке.

Создатели бренда подчеркивают, что сейчас их бренд и его амбассадоры – виртуальные супергерои – работают прежде всего на категорию подростков 13+. Это очень замкнутая субкультура, сосредоточенная на своих внутригрупповых ценностях, и им близок язык комиксов, виртуальных игр. Например, такой персонаж, как Заря, со всеми её модными аксессуарами рассчитан именно на девочек-блогеров из Tik-Tok. К тому же эта ниша на российском рынке пока еще не занята, хотя уже есть фильмы на основе комиксов («Майор Гром: Чумной Доктор», 2021 г.). Сами создатели бренда говорят: «Нам, российской компании, чтобы продвигать тренд на массовый потребительский рынок, нужно было выйти на молодежь, которая является наиболее восприимчивой частью аудитории, за которую сейчас все борются. Чтобы развиваться дальше, нужно выйти с каким-то новым посылом. При этом мы не хотели развивать западную лицензию –Marvel, Walt Disney Company. Мы к ним хорошо относимся, но хотим развивать собственное направление» [2].

Привыкнув к бренду, выросшие подростки будут сохранять ему верность, приобщая к его информационному пространству и своих детей, так же, как, например, их собственные родители приводили их в «Детский мир».

В дальнейшем создатели бренда предполагают распространить принцип его создания на основе национального культурного кода и на другие регионы

страны. Эпос, легенды, литература, сказки, фильмы, мультфильмы теперь должны дополниться и виртуальными комиксами, направленными на продвижение национальных героев и культурных ценностей.

Бренд BY представляет собой крупный, хорошо разработанный информационный продукт – ведь создана целая Вселенная супергероев, разработаны характеры, визуальный дизайн, новые биографии, и во всё это вложены немалые средства, а в дальнейшем возможно и кинематографическое воплощение. Но формируются и другие более мелкие их бренды, также претендующие на то, чтобы быть носителями национальных ценностей, в частности, в области национальной моды, и для российского фэшн-бизнеса это вопрос выживания. Так, известные фэшн-эксперты подчёркивают, что современная отечественная мода должна опираться на богатые традиции русского стиля в моде как на ресурс своего развития. По мнению А. Сафинина, теоретика моды, российская мода стоит перед фактом полного разрыва с западной фэшн-индустрией и будет творить, опираясь на свои собственные национальные традиции – на знание национального народного русского костюма, принципов его создания и цветовой гаммы, что является неисчерпаемым ресурсом вдохновения для отечественных дизайнеров [3].

Таким образом, вся экосистема российского фэшн-бизнеса сейчас сосредоточена на продвижении национальных ценностей. На это направлена работа экспертного сообщества, конкурсы региональных брендов, создание новых торговых сетей, приходящих на место западных брендов и продвигающих именно локальные бренды. В области моды сейчас также задействовано много цифровых инструментов. Новые бренды с национально-культурным содержанием активно проникают в область цифровой моды, которая особенно интересна для молодёжи.

Сегодня в модном бизнесе задействованы различные виртуальные персонажи: можно использовать своего виртуального двойника для дистанционной примерки одежды, существуют виртуальные модели-амбассадоры бренда.

Цифровая мода основана не только на функциональности и комфорте, она включает и удовольствие: цифровые бренды выпускают цифровые модели одежды, которые покупают анимационные персонажи на маркетплейсах цифровой одежды и носят их, наслаждаясь, в цифровой вселенной вместо своих владельцев – живых людей. Таким образом, формируется цифровая экосфера моды. И, конечно, она предназначена прежде всего для молодого поколения.

Мода всё больше цифровизуется, а молодые российские дизайнеры всё больше занимаются цифровыми проектами. Для прогностики модных трендов,

создания и демонстрации моделей используются нейронные сети, цифровые платформы. Для популяризации, например, исторической моды, костюмов используются цифровые костюмы. Так, на платформе Sketchfab появились цифровые модели исторических костюмов в виде 3D виртуальных двойников, разработанные кафедрой конструирования швейных изделий Ивановского политехнического университета [4]. «Мы рассматриваем эту форму презентации в нынешних условиях как эффективный способ популяризации русского исторического костюма и обращения к своим истокам в декоративно-прикладном искусстве», – сказал по этому поводу заведующий кафедрой конструирования швейных изделий ИвГПУ Виктор Кузьмичёв [5].

Таким образом, мода, в том числе и цифровая, модные бренды – один из важных инструментов информационного влияния на молодежь. И как любой инструмент он должен использоваться гибко и осторожно, особенно в условиях интенсивного и ещё не всегда сбалансированного развития информационного пространства.

Список литературы:

1. Вселенная супергероев // https://by-world.ru

2. Борисова М. Баба Яга пришла в мир моды: новый русский комикс-стиль. Первый национальный // https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=baba_yaga_prishla_v_mir_mody_novyj_russkij_komiks-stil125511

3. Сафинин А. Код русского костюма как ключ к моде будущего. Лекция. Часть 1. Модный градус // https://www.youtube.com/watch?v=MTYI-jv-6Cs&t=0s

4. Costumes for plays by A N Ostrovsky 3D Models. Sketchfab. // https://sketchfab.com/K_SH_I_IVGPU/collections/costumes-for-plays-by-a-n-ostrovsky-a1bc1e81d56b4525aa45e67b23191ba2

5. Седова М. На платформе Sketchfab появились первые цифровые модели исторических костюмов из Иванова // https://i3vestno.ru/news/2022/11/14/na_platforme_sketchfab_poyavilis_pervye_cifrovye_modeli_istoricheskih_kostyumov_iz_ivanova

М.М. Солтан,
республиканский научно-практический центр
медицинских технологий, информатизации,
управления и экономики здравоохранения, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В ОНЛАЙН- И ОФФЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В материале представлен опыт привлечения молодежи к проектной деятельности по оказанию комплексной медико-психолого-социальной помощи с использованием информационных технологий лицам групп риска и уязвимых групп на базе организаций здравоохранения.

Ключевые слова: молодежь, здоровье, организации здравоохранения, аутрич-работа, комьюнити-менеджмент, равные консультанты, цифровые навыки.

M.M. Soltan,
Republican scientific and practical center
of medical technologies, informatization,
management and economics of public health, t. Minsk

PROMISING DIRECTIONS OF YOUTH ACTIVITY IN ONLINE AND OFFLINE SPACE OF HEALTH CARE ORGANIZATIONS

The material presents the experience of involving young people in project activities to provide comprehensive medical, psychological and social assistance using information technology to people at risk and vulnerable groups on the basis of healthcare organizations.

Keywords: youth, health, health organizations, outreach work, community management, peer consultants, digital skills.

Одной из доминирующих тенденций развития цивилизации в XXI веке является глобальная информатизация общества. Благодаря стремительному увеличению возможностей средств информатики, телекоммуникационных систем и новых информационных технологий, формируется информационная

среда обитания и жизнедеятельности людей, складывается информационное общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации. В связи с этим способность использовать цифровые устройства, приложения и сети для доступа и управления информацией становится важным навыком для успешной профессиональной карьеры и повседневной жизни [1].

Цифровые технологии на сегодняшний день проникли во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе они коснулись и системы здравоохранения. Современные учреждения здравоохранения решают разнообразные задачи, начиная с управления персоналом и заканчивая наблюдением за состоянием пациентов. Важным направлением использования информационных технологий становится осуществление коммуникации с пациентами в онлайн-режиме [2].

Одной из самых активных групп «информационных потребителей» является молодежь. Согласно Закону Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики», к молодежи относятся лица в возрасте от 14 до 31 года, которые составляют на сегодняшний день около четверти от численности населения страны. Молодежь стремится не только получать интересную и актуальную информацию о различных сторонах общественной жизни, но использует информационные ресурсы для проявления своей социальной активности. Социальную активность молодежи можно и нужно развивать, используя доступные онлайн- и оффлайн-инструменты [3]. И в этом контексте важным направлением становится привлечение молодых людей к реализации различных проектов в системе здравоохранения, особенно касающихся продвижения здорового образа жизни.

С целью сохранения здоровья молодежи и расширения доступа к качественным медицинским услугам с 2003 года в Республике Беларусь на базе организаций здравоохранения создана и функционирует сеть Центров, дружественных подросткам (далее – Центры или ЦДП). На начало 2023 года в стране организовано 56 таких Центров. За помощью в ЦДП могут обращаться лица в возрасте 15-24 года. В 2020-2021 гг. на базе ЦДП «Доверие» и ЦДП «Ювентус» был реализован проект «Расширение доступа подростков групп риска и уязвимых групп к услугам Центров дружественных подросткам». В рамках проекта были предусмотрены организация и проведение аутрич-работы с молодежью в местах учебы, проживания (общежития), свободного времяпрепровождения, а также оформление и организация работы комьюни-

ти-пространств с созданием комьюнити-сообществ, подготовка и работа с целевой группой равных консультантов. Введение противоэпидемических мер в связи с широким распространением инфекции COVID-19 внесло свои коррективы в реализацию проекта: часть мероприятий проводилась в онлайн-режиме, что потребовало от участников проекта оперативного освоения новых программ и мессенджеров. Сложившаяся ситуация позволила по-новому посмотреть на возможности социальных сетей и мессенджеров как площадок для коммуникации с целевой аудиторией.

Для реализации проектных мероприятий была привлечена молодежь из числа студентов педагогического и медицинского университетов, которая уже занималась волонтерской деятельностью в стенах своих учреждений образования. Равных консультантов готовили из числа активных подростков, ранее посещавших Центры.

По модели peer-educators из числа студентов было подготовлено 4 аутрич-работника для расширения аутрич (полевой) работы с молодыми людьми из групп риска и наиболее уязвимых групп. Полевая работа проводилась в учреждениях общего среднего, среднего специального и высшего образования, общежитиях, местах отдыха подростков и молодежи (парки отдыха, кафе, стоянки возле станций метро). Во время этой работы осуществлялось информирование о работе ЦДП и психологических служб города, раздача информационных материалов, мотивационное интервьюирование, перенаправление на консультации специалистов. Всего за время проекта аутрич-работой было охвачено 4999 подростков и молодежи в возрасте от 10 до 24 лет.

На базе ЦДП были оборудованы и начали функционировать комьюнити-пространства «Ракурс» (ЦДП «Ювентус») и «Реверс» (ЦДП «Доверие»). В этих пространствах молодые люди групп риска и уязвимых групп могли включаться в группы для общения, социальной поддержки, получения информации и услуг, проведения свободного времени. Функционирование комьюнити-пространств поддерживали 4 комьюнити-менеджера (К-менеджеры), подготовленные из числа студентов-волонтеров. К К-менеджерам предъявлялись определенные требования: они должны были стать носителями продвигаемой идеи здорового образа жизни, проявлять дружественность и толерантность, владеть информацией о сервисах и услугах для подростков, уметь анализировать онлайн-ресурсы и веб-сайты, связанные со спецификой подростковой субкультуры. Всего было зафиксировано 1612 посещений комьюнити-пространств. К-менеджеры поддерживали комьюнити-сообщество через орга-

низацию комьюнити-встреч, в том числе с учетом эпидемиологической ситуации и в режиме онлайн. Для реализации активностей подростков использовались такие онлайн-инструменты, как Kahoot – популярная обучающая платформа для проведения викторин, создания тестов и образовательных игр и Miro – интерактивная онлайн-доска для совместной работы команд. Кроме того, К-менеджеры поддерживали комьюнити-сообщества подростковых групп в социальных сетях (Instagram[9]) и мессенджерах (Viber, Telegram).

Для непосредственной работы с подростками по вопросам здоровья были подготовлены равные консультанты из числа активных подростков, ранее посещавших Центры. Они прошли обучение на базе ЦДП по специально разработанным специалистами ЦДП программам с учетом наиболее часто встречающихся запросов со стороны посетителей ЦДП. Реализовывался подход «Равный обучает равного». Равные консультанты сопровождали участников комьюнити-встреч, оказывали поддержку своим сверстникам, выступали в роли экспертов по темам здорового образа жизни, а также играли ключевую роль в формировании групповой культуры, основанной на отношениях доверия, уважения и желания помочь. В ситуациях, когда равные консультанты не могли ответить на вопросы участников комьюнити-группы, перенаправляли их к достоверным источникам информации или профильным специалистам, в том числе Центра. В результате комплексного подхода 331 человек после посещения комьюнити-встреч воспользовался услугами специалистов ЦДП.

Всего в рамках проекта с привлечением активной молодежи было проведено более 200 мероприятий. Для успешной мультипликации полученного опыта на другие ЦДП и обеспечения устойчивости результатов реализации проекта дополнительно подготовлены к самостоятельной работе 25 аутрич-работников и 21 равный консультант.

Таким образом, наш опыт вовлечения молодежи в проектную деятельность с возможностью попробовать себя в разных ролях (аутрич-работник, комьюнити-менеджер, равный консультант) показал, что эта деятельность способствует формированию профессиональных и таких надпрофессиональных, востребованных на рынке труда компетенций, как креативность, критическое мышление, коммуникация и коллаборация с использованием цифровых навыков. Привлечение молодежи к оказанию комплексной медико-психолого-социальной помощи своим сверстникам на базе организаций здравоохранения

[9] Деятельсть социальной сети запрещена на территории Российской Федерации.

позволяет формировать имидж «заботливой поликлиники» – открытой, доброжелательной и готовой к инновационным изменениям.

Список литературы:

1. Никулина Т.В. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107-113.

2. Скрыль Т.В. Цифровая трансформация сферы здравоохранения: российская и зарубежная специфика // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 137-140.

3. Карпова Т.П. Социальная активность молодежи: пути ее повышения // Вестник международного института рынка. 2018. № 2. С. 81-88.

В.Н. Стрельникова,
Самарский университет;
Л.Н. Пономарева,
Самарский университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье актуализируется проблема обеспечения информационной безопасности таких субъектов образовательного процесса, как обучающиеся в системе среднего профессионального образования. Конкретизированы возрастные особенности обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, обуславливающие необходимость их защиты от дестабилизирующего воздействия информационной среды. Определены направления обеспечения информационной безопасности обучающихся в системе среднего профессионального образования на различных уровнях.

Ключевые слова: информационная безопасность, обучающиеся, среднее профессиональное образование.

V.N. Strelnikova,
Samara University;
L.N. Ponomareva,
Samara University

INFORMATION SECURITY OF STUDENTS IN THE SYSTEM OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The article actualizes the problem of ensuring information security of such subjects of the educational process as students in the system of secondary vocational education. The age characteristics of students in institutions of secondary vocational education are specified, which determine the need for their protection from the destabilizing effects of the information environment. The directions of ensuring information security are determined for students in the system of secondary vocational education at various levels.

Keywords: information security, students, secondary vocational education.

Современный этап развития информационного общества характеризуется глобальными процессами и повсеместным распространением информационных и коммуникационных технологий, их массовым использованием практически во всех сферах деятельности человека.

Однако масштабное внедрение и эксплуатация технологий сопровождается непрерывным появлением новых и нестандартных угроз, вызовов и рисков. Это могут быть технические риски, связанные с получением личных данных, доступу к личным счетам и распространением вредоносного программного обеспечения. Большую популярность набирают личностные угрозы, связанные с деструктивным контентом, оказывающим влияние на психику и эмоциональное состояние человека. Все эти угрозы при их масштабной реализации могут приводить к утрате критически важных информационных активов, причинению финансового ущерба и ухудшению психоэмоционального состояния человека.

Такая ситуация повлекла за собой проведение в последние годы целого ряд исследований по информационной безопасности. Так, общие вопросы по информационной безопасности с позиции педагогики рассматриваются в работах А.С. Зуфаровой, М.В. Лысенко, Н.А. Моисеевой, А.Х. Мутагаровой, Г.Ю. Яламова. Информационная безопасность в современных образовательных учреждениях (К.С. Итинсон, В.М. Чиркова и др.) многими исследователями рассматривается в контексте цифровой грамотности субъектов образовательного процесса (Н.А. Моисеева, Л.Ю. Монахова, В.П. Топоровский и др.). В свою очередь, информационная безопасность в цифровой образовательной среде изучается такими исследователями, как А.Ю. Буров, В.Е. Быков, Н.П. Дементиевская, Н.Н. Паньгина и др. [1].

Отметим, что особенно негативно новшества информационного общества сказываются на лицах, которые в силу возрастных особенностей, не могут самостоятельно разобраться в непрекращающемся информационном потоке. Наиболее актуальной данная тема видится для несовершеннолетних, обучающихся в системе среднего профессионального образования. В соответствии с Федеральным законом «Об образовании» № 273-ФЗ это студенты, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования [2]. К этой категори относятся граждане в возрасте от 15-16 лет и старше, освоившие программу основного общего образования, прошедшие государственную итоговую аттестацию, сдавшие основной государственный экзамен и на основании аттестата об основном общем образовании продолжающие

обучение в таких учреждениях среднего профессионального образования, как колледжи и техникумы [3].

Основываясь на данных, приведенных Минпросвещения России, Минобрнауки России и Росстата, можем сделать вывод о том, что ежегодно увеличивается число несовершеннолетних граждан в возрасте от 15 до 18 лет, выбирающих учреждения среднего профессионального образования для продолжения своего образовательного пути и включающихся в данную образовательную среду [4].

Соответственно, при организации образовательного процесса для данной категории должны учитываться возрастные особенности обучающихся и особенности образовательной среды в учреждениях среднего профессионального образования:

– особенности возрастного периода детства, подросткового периода, в частности, и возможности нового цифрового пространства открывают для подростков цифровой мир неограниченных и никем не контролируемых возможностей к самовыражению и самоутверждению, что может привести к непоправимым последствиям;

– подростки, обучающиеся в системе среднего профессионального образования, попадают в условия, отличные от школьных, и в ходе прохождения процесса адаптации к новым правилам и условиям обучения могут испытывать сильный стресс, выраженный в социально опасном поведении, в том числе в сети Интернет;

– подростки входят в особое состояние – переход от статуса «школьник» к статусу «студент», появление нового, более престижного статуса, вызывает у них чувство «взрослости», и, как следствие, ощущения вседозволенности, выраженного в социально опасном поведении, в том числе в сети Интернет;

– отказ от осуществления контроля со стороны родителей, законных представителей и старших родственников в связи с приобретением нового статуса «студент» обучающимся, приводящем к бесконтрольному нахождению в информационном пространстве;

– социально-психологические проблемы приспособления к новому коллективу – обучающийся не может найти свое место в новом коллективе, что является сильным стрессогенным фактором, вследствие чего бесконтрольно погружается в виртуальный мир, где находит утешение и принятие;

– низкая мотивация к обучению – обучающиеся в системе среднего профессионального образования поступают в колледжи и техникумы по раз-

личным социально-экономическим причинам, не связанным в полной мере с получением образования; либо же при поступлении испытывают стресс из-за негативного влияния стереотипов относительно обучения в колледжах и техникумах, вследствие чего не попадают в полной мере в воспитательную среду образовательной организации и оказываются вне поля зрения родителей (законных представителей) и педагогов;

– профессиональные трудности, связанные с непониманием специфики выбранной профессии, отсутствием мотивации продолжать обучение и разочарованием в профессии, что может привести к переходу в онлайн-среду, попыткам обучения и заработка в сети;

– возникновение новой формы угрозы безопасности личности подростка – кибербуллинг – угрозы и психологическое насилие в Интернет-пространстве, новая возможность безнаказанно и анонимно оказывать негативное влияние на другого человека.

Таким образом, обучающиеся в системе среднего профессионального образования находятся в группе риска, что остро ставит вопрос о необходимости обеспечения их информационной безопасности.

Информационная безопасность обучающихся в системе среднего профессионального образования – это защита обучающегося от дестабилизирующего воздействия информационной продукции и создание условий информационной среды для позитивной социализации и индивидуализации, оптимального социального, личностного, познавательного и физического развития, сохранения психического и психологического здоровья и благополучия, а также формирования позитивного мировосприятия обучающихся.

В организациях среднего профессионального образования обеспечение информационной безопасности обучающихся может реализовываться в нескольких направлениях.

Первое направление включает в себя непосредственное взаимодействие педагогов с обучающимися посредством реализации разнообразных форм, методов и технологий обеспечения информационной безопасности: проведение классных часов, создание памяток по информационной безопасности, популяризация темы информационной безопасности через конкурсы, олимпиады, выставки и т. д.

Второе направление деятельности включает в себя организацию и осуществление взаимодействия между педагогом и родителями студентов. Здесь важно показать, что вне колледжа студент тоже может быть подвержен угрозам информационного характера.

Третье направление – построение взаимодействия со сторонними организациями. Различные компании, деятельность которых направлена на защиту от информационных угроз, могут оказывать свои услуги образовательным организациям (в том числе образовательные и просветительские) либо предоставлять им программные продукты.

Четвертое направление связано с взаимодействием между законодательными и исполнительными органами (разного уровня) и образовательными организациями для закрепления работ по направлению обеспечения информационной безопасности обучающихся на нормативном уровне.

Информационная безопасность обучающихся в системе среднего профессионального образования достигается путем реализации комплекса мероприятий, отвечающих современным требованиям времени. Необходимо системное внедрение информационной безопасности в образовательную среду, в частности, создание и закрепление нормативно-правовых актов, регламентирующих обязательное и всестороннее обеспечение информационной безопасности обучающихся среднего профессионального образования.

Список литературы:

1. Воскрекасенко О.А., Киреева А.А., Щелина Т.Т. Формирование культуры кибербезопасности в системе профессиональной подготовки обучающихся колледжа как педагогическая проблема // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 10-1. С. 125-129.

2. Об образовании: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 (с изменениями и дополнениями) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Матвиевская Е.Г., Черевко И.В. Среднее профессиональное образование как особая образовательная система // Вестник ОГУ. 2011. №17 (136). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/srednee-professionalnoe-obrazovanie-kak-osobaya-obrazovatelnaya-sistema

4. Шугаль Н.Б., Кузнецова В.И., Кузьмичева Л.Б. и др. // Среднее профессиональное образование в России: статистический обзор. М.: НИУ ВШЭ. 2022.

А.А. Сулимова,
Санкт-Петербургский государственный университет

АКТИВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

В работе проанализированы возможные пути внедрения концепции активизации в современную практику социальной работы с молодежью с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: концепция активизации, молодежь с ограниченными возможностями здоровья, социальная интеграция.

A.A. Sulimova,
Saint Petersburg State University

EMPOWERMENT OF YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE PRACTICE OF SOCIAL WORK

The paper analyzes possible ways to introduce the concept of empowerment into the modern practice of social work with young people with disabilities.

Keywords: empowerment, youth with disabilities, social integration.

В последние десятилетия в России наблюдается тенденция изменения подхода к оказанию социальной помощи лицам с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Фокус смещается на предоставление таких услуг, которые способствовали бы всесторонней реабилитации человека и его полноценной интеграции в общество. Такая система поддержки подразумевает комплексный системный подход к оказанию социальных услуг: сочетание социальной, психологической, педагогической и медицинской реабилитации, развитие безбарьерной среды, изменение общественного отношения. В практику социальной работы приходят новые идеи и технологии, в том числе и эмпауэрмент.

Концепция активизации (эмпауэрмент) – подход, применяющийся для расширения прав и возможностей личности, сообществ, организаций, отдельных социальных групп. Данная концепция предполагает самостоятельное решение проблем клиентом социального учреждения при поддержке помогающего специалиста.

Существуют два подхода к понятию активизации: социально- ориентированный и личностно-ориентированный [1]. В случае работы с молодежью с ОВЗ актуальны оба подхода, потому что:

1. При социально-ориентированном подходе фокус социальной работы направлен на защиту прав социально уязвимой группы. Безусловно, в течение последних десятилетий произошли серьезные институциональные изменения в отношении прав и возможностей лиц с ОВЗ, однако все еще возникают барьеры на пути к полноценной интеграции молодых людей с инвалидностью в общество.

2. При личностно-ориентированном подходе молодые люди с ОВЗ рассматриваются как потенциально активные личности, которые чувствуют себя бессильными и беспомощными перед своими проблемами; в таком случае задача социального работника – мотивировать человека на решение его проблем самостоятельно, на выработку ответственности за собственную жизнь и решения. Подобный подход крайне актуален в ситуациях, когда в поведении лица с ОВЗ проявляются признаки социального иждивенчества в связи с избытком пособий, льгот [2].

В начале работы в рамках концепции активизации социальный работник выступает в роли друга, который готов обсудить возможные пути решения проблем, помочь и подсказать. Однако специалист является наблюдателем. Он может подбадривать и мотивировать, но вся ответственность за воплощение своих желаний лежит только на клиенте.

На индивидуальном уровне эмпауэрмента работа с молодым человеком с инвалидностью строится следующим образом: клиент самостоятельно обращается в учреждение социальной защиты с определенным запросом, затем социальный работник проводит первичную консультацию, на которой выявляет круг проблем клиента. Далее, совместно с молодым человеком, специалист определяет пути решения проблем и достижения поставленных задач. Все последующие дейтсвия выполняет клиент самостоятельно. Это оптимальный вид работы с молодыми людьми с ОВЗ, так как только при таком подходе возможно изменить себя и свою жизнь.

Существует два вида группового эмпауэрмента: группы самопомощи и группы, управляемые социальным работником (который является модератором и организатором группы, но не является ее членом). На группах самопомощи решаются индивидуальные проблемы ее участников. Молодые люди получают от таких групповых встреч большую поддержку, так как участники групп понимают и разделяют чувства друг друга. Такой вид эмпауэрмента хорошо подходит для работы с указанной группой населения. Ведь зачастую, когда один из участников заявляет о своей проблеме, оказывается, что другие

члены группы также озадачены данным вопросом либо же сталкивались с этой проблемой ранее, они готовы подсказать способы ее решения (или, наоборот, расскажут, как поступать не стоит).

Организационный уровень эмпауэрмента предполагает борьбу организаций (государственных и негосударственных), оказывающих социальные услуги, за права и возможности такой группы населения, как молодежи с ОВЗ. Эта борьба может быть, например, правовой: отстаивание права молодого человека с инвалидностью на интересующую его работу. Однако такой вид эмпауэрмента не окажет должного влияния на молодых людей с ОВЗ, потому что им будет комфортно в роли наблюдателей и самостоятельно они ничего не будут предпринимать для изменения сложившейся жизненной ситуации.

Концепция активизации в настоящий момент полноценно не внедрена в российскую практику социальной работы, однако она имеет большой потенциал в современных условиях социальной неопределенности, когда людям крайне важно находить в себе силы для самостоятельного решения проблем. В России разработкой тематики эмпауэрмента в социальной работе одними из первых начали заниматься ученые кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, интерпретируя его как профилактический ресурс, инструмент активизации ресурсов (семьи), как цель и ценность социальной работы [3].

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Список литературы:

1. Фирсов М.В. Рецензия на книгу: Активизация в социальной работе с семьей / под ред. О. И. Бородкиной, В. А. Самойловой. СПб: Скифия-принт. 2013. 176 с.

2. Зимина Е. В. Статистический анализ фактов проявления социального иждивенчества и паразитизма // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 1. С. 1.

3. Киенко Т. Эмпауэрмент (empowerment)-подход как методология исследования и преодоления социальных проблем людей, групп и сообществ в совместной деятельности: обзор и исследовательские рамки // Социологические обозрения. 2022. Т. 21, № 2. С. 274-303.

В.Н. Туркова,
Иркутский национальный исследовательский технический университет

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА АНТИКОРРУПЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ: ВЗГЛЯД МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются вопросы влияния цифровизации на антикоррупционную политику. Приводятся результаты исследования, отражающего взгляды молодежи на антикоррупционную политику, ее сильные и слабые стороны, перспективные направления и оценки развития.

Ключевые слова: цифровизация, антикоррупционная политика, молодежь, виртуальность, ценности, мировоззрение.

V.N. Turkova,
Irkutsk National Research Technical University

IMPACT OF DIGITALIZATION ON ANTI-CORRUPTION POLICY: YOUTH VIEW

The article discusses the impact of digitalization on anti-corruption policy. The results of a study reflecting the views of young people on anti-corruption policy, its strengths and weaknesses, promising directions and development assessments are presented.

Keywords: digitalization, anti-corruption policy, youth, virtuality, values, worldview.

Цифровизация общества дает большие надежды на то, что ситуация с коррупцией будет меняться, так как формирование цифрового пространства дает возможность построить прозрачные взаимодействия между всеми субъектами отношений.

Антикоррупционная политика нашего государства во многом зависит от цифровых достижений нашего общества, а взгляды молодых людей определяют новые векторы данной деятельности, так как именно молодым людям принадлежит видение и понимание будущего мира, в котором нет места коррупции. В исследованиях ряда ученых прослеживается стратегия иррациональных [1; 3] и объективно существующих [4; 5] стратегий антикоррупцион-

ной политики, но все они затрагивают моральный и этический выбор в действиях заинтересованных лиц [6].

Данные положения стали основой нашего исследования, которое было проведено в Иркутске среди студентов различных вузов (ИГУ, ИрНИТУ, БГУЭП, ИГМУ). В нем приняли участие 1450 человек в возрасте от 18 до 25 лет, 55 % девушки и 45 % юноши.

Результатом анализа данных стала программа необходимых мер для реализации антикоррупционной политики в современной России.

Молодые люди говорили о прозрачности деятельности органов государственной власти (43 %), о минимизации личных контактов из-за онлайн-взаимодействия (36 %), увеличения контроля доходов и расходов чиновников и членов их семей (21 %).

Дополнительными факторами, которые являются поддерживающими механизмами для реализации основных, являются публичные общественные слушания о принимаемых законах (27 %), существование общественных наблюдательных советов (25 %), реализация принципа информационной открытости (транспарентности) – 23 %, активизация участия представителей власти на различных сетевых площадках в виртуальном пространстве (25 %), что позволит быть более открытыми и доступными для социального взаимодействия.

Цифровизация позволит убрать стеклянный потолок, что мешает видеть реальные коррупционные схемы и социальные контакты тех, кто стал или может стать коррупционером [7]. Поэтому данный механизм становится инструментом социального моделирования и управления ситуацией антикоррупционной политики государства.

Ассоциативный ряд, возникающий у молодежи при анализе коррупции строится на:

– когнитивных образах, отраженных в существительных (фиксирующих уровень знаний, которыми пользуются молодые люди): *вред, зло, разрушение, аморальность, зависимость;*

– аффективных образах, отраженных в прилагательных (фиксирующих эмоциональные переживания связанные с антикоррупционной программой деятельности): *активная, разрушающая, изъедающая, ржавая, зловонная;*

– деятельностных символах, отраженных в глаголах (отражающих реальные установки и программы действий, направленные на реальные поступки и действия молодых людей, направленные на противодействие коррупции): *обесценивает, убивает, нивелирует, потворствует, распинает.*

Поэтому антикоррупционная политика, реализуемая на основе цифровизации, может опираться не только на объективные реальные стратегии противодействия коррупции, применяемые во всем мире, но и на субъективные стратегии восприятия коррупции, существующие в сознании современной молодежи. Для эффективных стратегий борьбы с коррупцией надо выходить из привычных и обычных стратегий и форм и цифровизация может стать одним из рабочих механизмов кардинальной трансформации в данной сфере жизни.

Список литературы:

1. Ардашев Р.Г. Иррациональные представления молодежи об антикоррупционной культуре в России // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сборник статей под редакцией А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. Санкт-Петербург. 2020. С. 44-49.

2. Ардашев Р.Г. Бессознательные образы антикоррупционной политики России // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения. Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021. С. 15-19.

3. Ардашев Р.Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ» под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2020. С. 58-64.

4. Иванов Р.В. Противодействие коррупции: стратегии и модели на муниципальном уровне // Антикоррупционная культура и молодежь в России и Китае: современное государство, бизнес, общество. Сб. статей. / Под ред. А.В. Петрова, О.П. Горьковой, Инь Шаша, Ян Юнькэ. СПб., 2020. С. 106-110.

5. Полюшкевич О.А., Журавлева И.А., Дружинин Г.В. Этические основы противодействия коррупции. Иркутск: ИГУ, 2019. 192 с.

6. Полюшкевич О.А. Моральный выбор в структуре просоциального поведения // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 127-131.

7. Туркова В.Н. Портрет государственного коррупционера // Социология. 2023. № 1. С. 97-105.

РАЗДЕЛ 4.
ПСИХОЛОГИЯ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.Ю. Агафонов,
Самарский университет;
А.П. Крюкова,
Самарский университет

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ИНСАЙТНЫХ ЗАДАЧ[10]

Исследование направлено на обнаружение влияния контекстуального взаимодействия на продуктивность решения инсайтной задачи. Варьировались две переменные: «конгруэнтность/диссоциация» контекстов и «релевантность/иррелевантность» решению целевой задачи. Установлено, что сила контекстуального влияния возрастает при увеличении суммарной мощности контекста и существенно снижается в условиях диссоциации контекстов.

Ключевые слова: эффект контекста, характеристики контекста, контекстуальные взаимодействия.

A.Yu. Agafonov,
Samara University;
A.P. Kryukova,
Samara University

CONTEXTUAL INTERACTIONS IN SOLVING INSIGHTFUL TASKS

The research is aimed at detecting the influence of contextual interaction on the productivity of solving an insight problem. Two variables varied: "congruence/dissociation" of contexts and "relevance/irrelevance" to the solution of the target task. It is shown that the power of contextual influence increases with an increase in the total power of the context and significantly decreases under conditions of dissociation of contexts.

Keywords: context effect, context characteristics, contextual interactions.

---

[10] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01040, https://rscf.ru/project/23-28-01040/

В русле когнитивного подхода под эффектом контекста (ЭК) понимают результат влияния на решение задач ситуационных и психологических факторов, выступающих в качестве фоновой настройки познавательной деятельности. Эффекты контекстуальной опосредованности обнаружены в многочисленных исследованиях. Примерами ЭК могут служить цветовой и световой контрасты, эффект превосходства слова, прайминг-эффекты, установочные явления, контекстуальная подсказка в процессе зрительного поиска, эффекты контекстуально-зависимой памяти и т.д. Контекст играет определяющую роль в процессе восприятия неоднозначной информации, например, при интерпретации многозначной лексики [1].

Отдельным направлением в изучении ЭК является исследование эффектов контекстуального взаимодействия. Выделяют два основных типа такого взаимодействия – соперничество и кооперация [2]. В свою очередь, контексты могут различаться по однородности и соответствию решению когнитивной задачи.

Целью проведенного исследования являлось установление влияния контекстуального взаимодействия на эффективность решения инсайтной задачи. Проверялись следующие гипотезы:

Гипотеза 1: эффект влияния контекстуального взаимодействия будет наиболее выражен при конгруэнтности кратковременного и ультракратковременного контекстов, релевантных решению целевой задачи.

Гипотеза 2: при диссоциации кратковременного и ультракратковременного контекстов будет происходить снижение силы влияния контекстуального взаимодействия на решение задачи.

Под «конгруэнтностью» понимается семантическое соответствие контекстов друг другу, а «диссоциированность» означает, напротив, их несоответствие. «Релевантность» – семантическое соответствие отдельного контекста решению задачи.

Метод. В процедуре принял участие 121 человек в возрасте от 17 до 34 лет (М=22). Были сформированы четыре экспериментальные группы (ЭГ1-ЭГ4) по 25 испытуемых в каждой и одна контрольная группа (КГ) в количестве 21 человек.

Эксперимент проводился при помощи персонального компьютера с диагональю экрана 18 дюймов. Было использовано программное обеспечение PsychoPy. Процедура состояла из пяти блоков заданий. Испытуемым по инструкции требовалось решить 15 анаграмм (в каждом блоке по три задачи). Последовательность слов (решений анаграмм) в каждом блоке задавала крат-

ковременный контекст (КК). Контексты образовывали слова, относящиеся к следующим категориям: «зима», «еда», «спорт», «мебель», «животные». Например, в первом блоке заданий испытуемым предъявлялись анаграммы, в которых были зашифрованы слова: «холод», «снег», «лёд». После решения третьей анаграммы в каждом блоке испытуемому в центре экрана на 40 мс предъявлялся маскированный прайм – слово, которое или семантически соответствовало КК, или не соответствовало. Таким образом, ультракратковременный контекст (УКК) задавался прайм-стимуляцией. Сразу после этого предъявлялась целевая задача – «дополнение основы слова до целого». Например, испытуемому нужно было как можно быстрее найти слово, подходящее к основе «_оро_» (решениями могли быть слова «мороз», «город», «короб», «порог»). Целевые задачи могли иметь единственное решение («_урн_р» / «турнир»; «_ул_а» / «булка») или несколько возможных решений (например, «_и_ан» / «диван», «тиран»). После выполнения задания испытуемый нажимал клавишу «пробел» и озвучивал ответ. Фиксировалось время решения. Перед основной процедурой участники проходили тренировочный этап.

Условия в группах различались в зависимости от характера взаимодействия контекстов и релевантности целевой задаче:

ЭГ1: КК и УКК конгруэнтны друг другу и релевантны решению целевой задачи.

ЭГ2: контексты конгруэнтны и иррелеванты решению.

ЭГ3: контексты диссоциированы; КК релевантен решению, УКК являлся иррелевантным.

ЭГ4: контексты диссоциированы; КК иррелевантен решению, УКК являлся релевантным.

КГ: контексты диссоциированны и иррелевантны.

Результаты. При обработке данных был использован дисперсионный анализ. Были отобраны ответы в тех блоках заданий, в которых решены все три анаграммы (таблица 1).

Анализ по фактору «конгруэнтность/диссоциация контекстов» проводился с результатами, полученными в ЭГ1, ЭГ3 и ЭГ4. Было установлено, что в зависимости от условий значимо меняется эффективность решения задач: $F(2; 69) = 7{,}017$; $p = 0{,}001$. При этом несоответствие КК решению целевой задачи (ЭГ4) сильнее влияет на время ее выполнения: $F(1; 41) = 6{,}122$; $p = 0{,}03$.

Таблица 1

Результаты решения целевых задач

Группы	Среднее время решения, в сек	Количество ответов, соответствующих категории
ЭГ1	4,689	105
ЭГ2	8,757	35
ЭГ3	6,525	62
ЭГ4	7,689	45
КГ	11,269	67

Сравнение показателей экспериментальных групп с результатами КГ проходил с помощью t-критерия Стьюдента. Обнаружено, что в ЭГ1 и ЭГ3 время решения достоверно меньше, чем в КГ: ЭГ1 ($t(44) = 4,215$; $p = 0,001$), ЭГ2 ($t(43) = 1,056$; $p = 0,297$), ЭГ3 ($t(43) = 2,852$; $p = 0,007$), ЭГ4 ($t(40) = 1,686$; $p = 0,1$).

Далее был проведен анализ показателей времени, затраченного испытуемыми на решение тех целевых задач, у которых потенциально было несколько вариантов ответа. Сравнивалось время решения в ситуациях, где ответами были слова, соответствующие контексту (например, «мороз», «турнир», «кошка»), и время альтернативных ответов (таблица 2).

Было обнаружено, что испытуемые ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 значимо быстрее находили слова, соответствующие контексту, чем альтернативные: ЭГ1 ($t(21) = 7,426$; $p = 0,001$), ЭГ2 ($t(29) = 3,36$; $p = 0,002$), ЭГ3 ($t(38) = 2,725$; $p = 0,01$). В КГ значимых различий выявлено не было: $t(24) = 0,579$; $p = 0,567$. В ЭГ4 испытуемые не дали ни одного ответа, соответствующего контексту, поэтому анализ по данному показателю не проводился.

Таблица 2

Результаты решения целевых задач с несколькими вариантами ответа

Группы	Среднее время ответов, соответствующих контексту, в сек	Среднее время альтернативных ответов, в сек
ЭГ1	3,724	8,117
ЭГ2	3,924	8,499
ЭГ3	3,929	6,291
КГ	6,07	5,677

Результаты проведенного исследования показали, что сила контекстуального влияния на решение задачи инсайтного типа, в качестве которой выступало задание «дополнение основы слова до целого», зависит как от харак-

тера взаимодействия контекстов, так и от их релевантности решению. В условиях, когда контексты были конгруэнтны и вместе с тем релевантны решению, время, затраченное на выполнение задания, существенно сокращалось. Эффект также проявился в значимом уменьшении времени ответов, соответствующих контексту, по сравнению с альтернативными вариантами решения. Вместе с тем заметное уменьшение силы контекстуального влияния происходит в условиях, когда контексты диссоциированы. Результаты также позволяют говорить об обнаруженном негативном ЭК, который проявился в увеличении времени выполнения заданий в условиях, когда оба контекста конгруэнтны, но иррелевантны решению.

Список литературы:

1. Rayner K., Frazier L. Selection Mechanisms in Reading Lexically Ambiguous Words // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 1989. № 15 (5). P. 779-790.

2. Baars B.A. Theory of consciousness. NY: Cambridge University Press. 1988.

А.Л. Александрова,
Самарский университет;
А.А. Артемьева,
Самарский университет

ФОРМИРОВАНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы формирования тревожности младших школьников в условиях информационного общества; анализируются результаты теста школьной тревожности; обсуждаются стили семейного воспитания.

Ключевые слова: информационное общество, семья, стиль воспитания, тревожность, школьная тревожность.

A.L. Alexandrova,
Samara University;
A.A. Artemyeva,
Samara University

THE EMERGENCE OF ANXIETY AMONG JUNIOR SCHOOL CHILDREN IN THE INFORMATION SOCIETY

The article examines the issues of the formation of anxiety of younger schoolchildren in the conditions of the information society; analyzes the results of the school anxiety test; discusses the styles of family education.

Keywords: information society, family, parenting style, anxiety, school anxiety.

Становление личности ребенка невозможно без окружающих. Процесс социализации сопровождается большим количеством информации, характерной для информационного общества. В данной статье под информационным обществом будем понимать окружение младшего школьника, которое раскрывает ему содержание смыслов в процессе взаимодействия. Это встречается в семье и в различных учреждениях.

Информацию ребенок «впитывает» в себя по образу и подобию от своих парентальных фигур. Родители в любой семье – информационный первоис-

точник и опора для ребенка, дети должны видеть образец взрослого, ответственного поведения, на который можно было бы ориентироваться.

Ребенок подражает, стремится быть похожим на родителей, что способствует благоприятной социализации. Личность ребенка формируется с первых дней его жизни, когда он входит в мир своих родных, перенимает нормы и образцы их поведения. От своего родителя ребенок получает информацию о себе. Если у родителя отсутствует безусловная любовь к детям, то они добиваются этой любви хорошими оценками в школе, прилежным поведением и т. д. Отсутствие желания родителей интересоваться успехами своих детей приводит к тому, что молодые люди могут отличаться девиантным поведением, заявляя взрослым о себе следующим образом: «Я есть», «Я в вашем информационном поле».

Школа является важным этапом в жизни каждого человека. Теперь младший школьник (6-11 лет) встречается с незнакомой информацией, отличающейся от семейного уклада, видит отношение других к себе и получает знания. Если по каким-то причинам усвоение информации затруднено, то может возникнуть школьная тревожность, проявляющаяся во взаимодействии ребенка с различными компонентами образовательной среды и закрепляющаяся в этом взаимодействии.

В формировании школьной тревожности можно условно выделить как ситуационные (собственно взаимодействие ребенка с компонентами образовательной среды), так и индивидуальные (темперамент, самооценка и т. д.) предпосылки. В большинстве случаев исследователи рассматривают тревожность и как ситуативное явление, и как личностную характеристику [1].

В настоящее время фактор семейного воспитания является центральной причиной возникновения тревожности у детей. Среди причин – неправильное воспитание и неблагоприятные отношения ребенка с родителями, особенно с матерью. К повышению тревожности могут привести смена ведущего вида деятельности с игрового на учебный, жёсткие правила поведения в школе и требования к выполнению заданий на уроках и дома, появление нового авторитета классного учителя, успеваемость в школе, умственные способности, физическое развитие, неуверенность в себе, социально-психологический климат в классе (неконструктивные отношения с одноклассниками) и в семье (неблагоприятная атмосфера) [2].

В рамках данного исследования был проведен тест школьной тревожности Филипса. Выборку составили 16 человек, из них 6 учащихся 1 класса и 10 учащихся 4 класса. Возраст испытуемых 7-11 лет. Результаты диагностики по-

казали, что четверо учащихся 4 класса имеют «повышенный уровень тревожности», у двоих – «высокий уровень тревожности» по таким показателям, как общее эмоциональное состояние учащегося в школе; переживание учащегося, связанное с общением со сверстниками; трудности в достижении ситуаций успеха; страх самораскрытия; негативное переживание в публичной проверке знаний; негативное переживание, связанное с оценками, ожидаемыми от окружающих; низкая психофизиологическая сопротивляемость учащегося к стрессогенным ситуациям. Тестирование показало, что у всех младших школьников (первоклассники) наблюдается «повышенный уровень тревожности» по всем восьми показателям. И «высокий уровень тревожности» имеют четверо по таким показателям, как негативное эмоциональное переживание, связанное с самопрезентацией; негативное переживание в публичной проверке знаний; негативное переживание, связанное с оценками, ожидаемыми от окружающих; страхи в отношениях со взрослыми в школе.

На момент прихода ребенка в школу он проходит через кризис 7 лет, новообразованием которого является появление осознания своего места в общественных отношениях. На данном этапе становится важным вхождение в новую, более широкую социальную общность, получение информации о себе, размышления над вопросами «Кто я теперь такой?», «Как ко мне относятся окружающие?». Одобрение и признание, идущие от членов этой новой общности, выступают для ребенка показателями того, насколько успешно происходит процесс вхождения в нее.

Больше всего младшие школьники боятся посещать школу, разговаривать с учителем, получать отрицательные оценки после выполнения заданий. Тревога может зарождаться уже в раннем детском возрасте и отражает угрозу потери принадлежности к группе: вначале это мать, потом – другие взрослые и сверстники [3].

Говоря о совокупности способов и приемов общения по отношению к ребенку в семье, выделим наиболее часто встречаемые в психологической литературе – это диктат, опека, невмешательство/попустительство и сотрудничество.

При диктате родители навязывают свое мнение ребенку – любая информация от родителя воспринимается «за чистую монету», этот стиль подавления может послужить появлению у ребенка негативных установок, укоренения семейных жизненных сценариев во взрослой жизни, когда сложно понять, где личное мнение, а где – навязанное в детстве родителями. Эта позиция родите-

лей лишает ребенка веры в собственные силы, способствует появлению тревожности.

Отличительной характеристикой попустительского стиля является родительская позиция отвержения, игнорирования и уклонения от общения со своим ребенком. Дети могут получать информацию об окружающем мире из недостоверных источников, принимая все за истину. В такой семье у младшего поколения может возникнуть подмена реального обмена информацией виртуальной, что негативно сказывается на психической жизни молодых людей.

Опека как стиль воспитания также способствует появлению тревожности у ребёнка. Это информационная депривация, в семье тормозится процесс столкновения детей с реальностью за порогом родного дома [3].

В противовес диктату, опеки и попустительству выступает стиль воспитания демократический стиль «согласия» – сотрудничество. В такой семье все ее члены открыты к диалогу, ребенок получает доступ к интересующей его информации, на усмотрение родителей обсуждаются любые темы, что способствует сплочению семьи и укреплению доверия этому миру. Воспитание младшего школьника проходит без особых переживаний и конфликтов.

Анализ литературы и проведенное психологическое исследование указывают на то, что отношение родителей к детям как система разнообразных чувств и поступков, проявляющихся в стиле воспитания, оказывает значительное влияние на формирование личности. В зависимости от стиля воспитания будет меняться информационная среда вокруг ребенка.

Список литературы:

1. Брель Е.Ю. Социально-психологические факторы формирования тревожности у младших школьников и пути ее профилактики и коррекции: автореферат дис. ... канд. психол. наук // Ин-т образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО. Томск. 1996. 23 с.

2. Жукова, М.В. Социализация младших школьников в современных условиях // Социализация молодежи в условиях развития современного образования. Новосибирск: НГПУ. 2004. Ч. 1. С. 138-146.

3. Варга А.Я. Влияние некоторых особенностей родительского воспитания на развитие личности ребенка //Детский психолог. 2011.

И.В. Антоненко,
РГУ им. А.Н. Косыгина;
И.Н. Карицкий,
РГУ им. А.Н. Косыгина

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Изменились факторы формирования личности молодежи при движении от традиционного общества к информационному. Показано, что в традиционном обществе основными факторами формирования личности были семья, ближайшее окружение, воспитание и трудовая деятельность. В промышленном и информационном обществе значение этих факторов уменьшалось. В информационном обществе влияние электронным СМИ на формировании личности и социализацию молодежи становится определяющим.

Ключевые слова: молодежь, личность, социализация, электронные СМИ, информационное общество.

I.V. Antonenko,
RSU named after A.N. Kosygin;
I.N. Karitsky,
RSU named after A.N. Kosygin

SOCIALIZATION OF YOUTH IN THE INFORMATION SOCIETY

The factors in the formation of the personality of young people have changed when moving from a traditional society to an information society. It is shown that in a traditional society, the main factors in the formation of personality were the family, the immediate environment, upbringing and labor activity. In the industrial and information society, the importance of these factors decreased. In the information society, the influence of electronic media on the formation of personality and the socialization of young people becomes decisive.

Keywords: youth, personality, socialization, electronic media, information society.

Формирование личности и социализация современной молодежи происходят в условиях информационного общества, массовой культуры и тотально-

го влияния электронных СМИ. Многие агенты массовой культуры также выступают в роли СМИ, проводя свою идеологию. Поскольку молодые люди с малых лет сталкиваются со значительным присутствием в своей жизни массовой культуры и различных СМИ, постольку эти СМИ существенным образом участвуют в формировании их личности, их социализации, и это влияние продолжается всю жизнь человека в современном обществе.

В отечественной психологии сложилось более-менее общее понимание структуры личности, которая включает в себя: темперамент; характер; индивидуальные особенности психических процессов; задатки и способности; знания, навыки, умения и привычки; направленность. Различие отдельных личностей состоит в индивидуальном своеобразии содержания элементов этой структуры. Темперамент, особенности психических процессов и задатки в значительной степени обусловлены генетически; характер, способности, знания, навыки, умения, привычки и направленность формируются под влиянием социальной среды и саморазвития. Современная социальная среда представлена в значительной степени электронными СМИ и другими виртуальными агентами влияния. Формирование личности молодежи и ее социализация происходят в аспекте развития характера, способностей, знаний, навыков, умений, привычек и направленности. Основными факторами формирования содержания этих психических элементов являются воспитание и образование как более-менее сознательно направляемые процессы и стихийное влияние окружающей среды. Воздействие электронных СМИ по отношению к другим факторам формирования личности молодежи и ее социализации представляет собой модулирующий процесс, степень вклада СМИ обусловливается уровнем развития личности и ее устойчивостью [2-4; 6].

Основные факторы формирования личности и социализации молодежи в традиционном обществе: семья, ближайшее окружение, род, деревня, труд, религиозные и светские учреждения. Воспитание и обучение с раннего детства происходит в процессе непосредственной жизнедеятельности и постепенного естественного включения подрастающих поколений в круг трудовых и социальных обязанностей, социальная среда имеет высокий уровень доверия. Молодые поколения воспитываются и обучаются на примере взрослых и опытных членов общины, а также различных историй. Мировоззрение и другие представления такого общества стабильны. Характер молодежи, его способности, знания, навыки, умения, привычки и направленность формируются без противоречий, без сторонних влияний и примерно одинаково у всех членов общины, сословия. Эти личности являются цельными, сильными, устойчивы-

ми, их жизненный хронотоп выстроен социальным мироустройством и заранее предопределен, в мировоззрении существуют ответы на все вопросы [1; 5].

Социальный уклад в глобальном плане начинает существенно меняться вместе с промышленной революцией. Достаточно быстро меняются социальные и трудовые условия, повышается мобильность, возникают новые и противоречивые факторы влияния на личность и ее социализацию, усиливается роль образования, расширяется значение газет, расширяется кругозор населения, хотя продолжают существовать традиционные светские и религиозные институты. Теперь личность молодежи формируется и существует в более плюралистическом и сложном мире, объем знаний, необходимых навыков и умений существенно возрастает, направленность личности приобретает разновекторный вид, а личности в одних и тех же сообществах становятся более разнородными. В то же время роль семьи и ближайшего окружения в формировании личности молодежи остается превалирующей. По сути, семья, община, окружающая среда формируют глубинное ядро личности, по большей части базирующееся на традиционных представлениях, а новые политические, социальные, экономические, правовые и трудовые отношения медленно накладываются на традиционные представления. В течение XVIII-XIX веков и позже основная тенденция состоит в том, что личность во все более раннем возрасте сталкивается с модернистскими влияниями, а значение традиционализма медленно уменьшается, но все еще остается высоким. Если в традиционном обществе личность была цельной, мировоззрение было устойчивым, ей не приходилось делать выбор своих представлений и образа жизни, то в позднее новое и новейшее время цельность личности начинает нарушаться, мировоззрение приобретает черты плюралистичности, образ жизни приобретает существенную динамику, включая радикальные изменения.

XX век радикально меняет условия жизни людей. Развиваются тенденции вытеснения и уменьшения значения традиционной культуры и возрастания роли модернизма в разных сферах социума. Зачастую личность молодых людей не успевает сформировать устойчивое мировоззренческое ядро, уже находясь в процессе социализации под разнородными влияниями. Сильно возрастает значение СМИ, особенно радио, кино и телевидения. Происходят радикальные социальные преобразования, исчезновение сословий, массовые перемещения населения не только внутри стран, но и по всему миру, смешивание языков и культур, их взаимовлияние и трансформация, возникают и нарастают процессы глобализации, повсеместно распространяется образование, не только начальное, но и среднее, высшее, надвысшее, разного рода по-

вышения квалификации и переподготовка. В таком обществе ребенок уже в раннем возрасте сталкивается с противоречивой картиной мира и переносит ее во внутренний план, становясь противоречивой и невротической личностью.

Для информационного общества характерно увеличение роли информации и информационных технологий, существенный рост занятых в сфере переработки информации, все большая информатизация общества в различных сферах, появление информационных продуктов и услуг, возникновение глобального информационного пространства, развитие информационной экономики и т. п. В результате человечество перешло к совершенно новым условиям существования, что породило множество социальных и психологических проблем [2; 4; 6]. Молодежь стала массово погружаться в виртуальное пространство и проводить в нем много времени как по работе, так и для досуга. В результате радикально изменились условия социального общения и взаимодействия, принятия решений, производства продуктов и услуг, физического существования и времяпровождения. Виртуальность стала повседневностью людей, а значит, резко возросли возможности ее воздействия на психику, сознание и поведение людей [3; 4; 6].

Современность характеризуется тем, что традиционная культура в основном исчезла. Личность молодежи теперь формируется под непосредственным влиянием множества противоречивых влияний, в основном виртуальных и без опоры на реальный жизненный опыт. Семья, ближайшее окружение, учреждения воспитания и образования больше не успевают сформировать устойчивое ядро личности. На психику молодежи осуществляется перманентное и разнонаправленное давление виртуальных факторов, в том числе электронных СМИ, формирующих личность, но не отражающих мир, в котором он непосредственно присутствует. В своей массе молодые люди теперь не целостны, внутренне противоречивы, невротичны, имеют разнородные поверхностные знания, у них отсутствуют рабочие навыки, умения и привычки, исключая связанные с взаимодействием с электронными гаджетами, их мотивация и направленность также сфокусированы на виртуальных пространствах, ожидания и запросы завышены, психика неустойчива.

Таким образом, смена основных трендов в формировании личности в информационном обществе представлена уменьшением значения воспитания и ближайшей социальной среды, увеличением роли внешних опосредованных факторов вплоть до того, что разнородное информационное влияние становится решающим формированием противоречивой, невротической личности. Можно говорить о тотальном господстве электронной информации в жизни

современной молодежи и ее определяющем влиянии в формировании ее личности и социализации.

Список литературы:

1. Антоненко И.В. Доверие: понятие, генезис, структура // Вестник Новосибирского гос-го ун-та. Серия: Психология. 2015. № 2. С. 34-44.

2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс. 1986. С. 330-342.

3. Гулевич О.А. Психология массовой коммуникации: от газет до интернета. М.: Юрайт. 2020.

4. Карицкий И.Н. Воспитание в эпоху тотального господства СМИ // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. В.С. Белгородского и др. 2016. С. 59-67.

5. Карицкий И.Н. Конструирование миров // Методология и история психологии. 2018. Вып. 1. С. 5-14.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ. 2000.

Л.В. Артищева,
Казанский федеральный университет

СОСТОЯНИЯ ОБЩЕНИЯ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

В статье описываются психические состояния, сопровождающие и детерминирующие общение, возникающие на разных его этапах. Высчитывалась частота встречаемости психических состояний на каждом этапе общения. Выявлено, что к психическим состояниям, определяемым как состояния общения, можно отнести заинтересованность, радость, спокойствие. На определенных этапах общения могут возникать состояния любопытства, усталости, тревожности.

Ключевые слова: психические состояния, состояния общения, общение, коммуникация

L.V. Artishcheva,
Kazan Federal University

STATES OF COMMUNICATION: PHENOMENOLOGY

The article describes the mental states that accompany and determine communication that occur at its different stages. The frequency of occurrence of mental states at each stage of communication was calculated. It was revealed that interest, joy, calmness can be attributed to mental states defined as states of communication. At certain stages of communication, mental states of curiosity, fatigue, and anxiety may occur.

Keywords: mental states, states of communication, communication.

На сегодняшний день имеется достаточно обширный научный материал о психологии психических состояний. В рамках научной школы А.О. Прохорова и более частные исследования посвящены широкому кругу вопросов и проблем психических состояний, их динамике, структуре, феноменологии в целом, регуляции и ментальным репрезентациям и т. д. Показана связь чувственного мира человека (психических состояний) с сознанием, с субъективным опытом, рефлексией и личностными характеристиками. Углубление в мир психических состояний, погружение в анализ имеющихся исследований

приводят к необходимости выделения определенных классов психических состояний, связанных с деятельностью человека. Выбранный критерий выделения классов не является случайным. Психические состояния сопровождают всю жизнедеятельность человека, выступают фоном протекания различной деятельности, ситуаций и событий, могут детерминировать активность или быть обусловлены поступками и мыслями человека. Говоря о познавательной деятельности, выделен класс познавательных состояний (А.О. Прохоров, М.Г. Юсупов). Наше исследование направлено на коммуникативную деятельность, на общение, то есть посвящено психическим состояниям, которые сопровождают общение на всех его этапах.

Общение является деятельностью, направленной на установление тех или иных отношений с другими людьми [1], выступает специфической формой взаимодействия [2]. С одной стороны, общение есть деятельность, с другой стороны, может выступать значимым и обязательным компонентом других видов деятельности, связанных с взаимодействием людей (труд, учение, игра и др.), выступая тем самым условием для их протекания [1; 3]. Общение – это процесс взаимодействия личностей, которые имеют свое отношение, мнение, оценку и эмоциональный отклик друг на друга, на ситуацию и условия общения. В.М. Мясищев отмечал, что в переживаниях и оценках, возникающих в процессе общения, отражается сама личность. Общение не только обмен информацией или определенная речевая деятельность, включающая речь, мимику и пантомимику, общение детерминирует в каждом участнике общения ряд ассоциаций, образов и сильные эмоции [1]. А.Н. Радищев условием успешности общения выделял воспитанность эмоциональной сферы, то есть умение сопереживать другим, понимать их эмоции и состояния [1]. Само же общение как деятельность обусловливает развитие эмоциональной сферы человека. Е.П Ильин, анализируя взгляд Г.М. Андреевой на общение, предлагает наряду с тремя описанными сторонами общения (коммуникативная, перцептивная и интерактивная) ввести еще одну сторону, эмоциональную. Исследователем выделены следующие коммуникативные эмоциональные состояния: веселье, смятение, смущение, стыд, вина, презрение, обида, гнев, печаль, горе, страх [2]. К. Вердербер и В. Вердербер эмоциональное состояние считают одним из факторов, влияющих на правильное восприятие окружающих во время взаимодействия, на атрибуции человека [4].

Таким образом, эмоциональные проявления личности и психические состояния могут возникать как реакция на ситуацию общения, выступать условием успешности или неуспешности общения и взаимодействия людей, а также может и развиваться в результате общения. В связи с вышеизложенным нами проведено исследование, направленное на изучение некоторых аспектов общения и сопровождающие их психические состояния, то есть на состояния общения в целом.

Нами был разработан опросник, включающий 20 вопросов, касающихся разных сторон общения (этапы общения, условия, позиции личности в общении, ситуации общения). Испытуемыми были студенты 1-4 курсов бакалавриата и 1-2 курсы магистратуры (гуманитарное направление) – всего 110 человек. Ниже будут представлены результаты части исследования, а именно затронуты такие вопросы, как «Какие психические состояния относите к состояниям общения?»; «Если условно разделить общение на три части Начало-Середина-Окончание, какие состояния, на Ваш взгляд, характерны для каждой части общения?»; «Процесс общения имеет определенные этапы (стадии). Какие психические состояния возникают у Вас на каждом этапе общения?» (Потребность в общении; Ориентирование в ситуации и цели общения; Ориентирование в личности собеседника; Планирование содержания своего общения; Выбор средств общения; Восприятие и оценка ответной реакции собеседника; Корректировка направления, стиля, методов общения). Выделенные в опроснике условия, этапы общения были взяты из работ ученых, посвященных общению и коммуникации людей.

Результаты проведенного анализа исследования отражены в таблице 1 (для примера представлены результаты опроса по двум из вопросов, остальные данные только в описании).

Испытуемые в качестве состояний общения выделяют в основном такие психические состояния, как радость, интерес/заинтересованность. Следующие состояния спокойствие, любопытство, грусть и удовлетворение выделены как коммуникативные, но меньшим числом испытуемых. Всего ими было обозначено 148 психических состояний, которые они относили к состояниям общения.

Таблица 1

Частота встречаемости психических состояний, обозначенных как состояния общения

Какие психические состояния относите к состояниям общения		Начало-Середина-Окончание: какие состояния характерны для каждой части общения					
		Начало		Середина		Окончание	
Радость	63	Интерес/ заинтересованность	47	Интерес/ заинтересованность	36	Удовлетворение	4
Интерес/ заинтересованность	7	Радость	5	Спокойствие	8	Радость	8
Спокойствие	6			Радость	4	Усталость	6
Любопытство	6					Грусть	3
Грусть	4					Утомление	2
Удовлетворение	2						
Всего 148 наименований		Всего 69 наименований		Всего 88 наименований		Всего 71 наименований	

Психические состояния, как было сказано выше, сопровождают всю деятельность общения. Одни из них детерминируют коммуникативный процесс, другие возникают в процессе общения. Начало общения, по полученным данным, сопровождается заинтересованностью и состоянием радости, условная середина общения – заинтересованностью, спокойствием и радостью, а окончание процесса общения – состояниями удовлетворения, радости, усталости, грусти, утомления.

При более детальном разделении общения на этапы были получены следующие данные. Потребность в общении вызвана состояниями интереса/заинтересованности (31), радости (11) и желанием общаться (11). При этом было названо 66 различных психических состояний, что говорит о большом разбросе состояний, которые у разных людей вызывают потребность в общении. На следующий этапе – ориентирование в ситуации и цели общения – испытуемые отмечали в основном состояния интерес/заинтересованность (14), уверенность (10), любопытство (10). Этап ориентировки в личности собеседника сопровождается состояниями интерес/заинтересованность (34), любопытство (13). Состояния, переживаемые при планировании содержания своего общения, имеют большой разброс, не всегда определялись испытуемыми, чаще упоминались волнение (13), интерес/заинтересованность (11), тревожность

(9). Этап «выбор средств общения» имеет наименьшее число сопровождающих психических состояний (46), его часто пропускали при ответах, возможно, в силу того, что он протекает менее осознанно. Были отмечены состояния спокойствие (14), интерес/заинтересованность (13), тревожность (9). При восприятии и оценке реакции собеседника чаще переживаются состояния интерес/заинтересованность (34), волнение (16), радость (14), страх (10). При корректировке направления и стиля общения – спокойствие (18).

Анализ данных показал нам, что существует большой разброс психических состояний, которые можно отнести к состояниям общения. При этом наибольшей частотой встречаемости выделяются состояния заинтересованности, радости, спокойствия, любопытства, удовлетворения, грусти, тревожности, волнения, усталости и утомления, обладающие различными характеристиками (эмоциональные состояния, познавательные, физиологические). Дальнейшие исследования и анализ позволят нам выделить психические состояния, которые будут отнесены к классу состояния общения, раскрыть их феноменологию.

Список литературы:

1. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия. 1995. 328 с.

2. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер. 2009. 576 с.

3. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. М.: Аспект Пресс, 2017. 363 с.

4. Вердербер Р., Вердербер К. Психология общения. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК. 2003. 320 с.

С.В. Березин,
Самарский университет;
Л.В. Ушаков,
IT/digital-компания kt.team;
О.В. Шапатина,
Самарский университет

ТРЕНЕР ТВОРЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ В IT-КОМПАНИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анализируются различные аспекты творчества: творчество как деятельность, как процесс, его связь с личностными особенностями. Рассматривается особый класс состояний – творческие состояния. Обсуждаются предпосылки, результаты и перспективы деятельности тренера творческих состояний в IT-компании.

Ключевые слова: творчество, творческие состояния, тренер творческих состояний.

S.V. Berezin,
Samara University;
L.V. Ushakov,
IT/digital-company kt.team;
O.V. Shapatina,
Samara University

CREATIVITY COACHING IN IT-COMPANY: EXPERIENCE AND PERSPECTIVES

The article examines several aspects of creativity, including creativity as an activity, creativity as a process, and the relationship between creativity and personality traits. It focuses on the analysis of a specific kind of mental state: the creative state of mind. This paper discusses prerequisites, outcomes, and future prospects of creativity coaching in IT companies.

Keywords: creativity, creative state of mind, creativity coaching.

Дж. Хокинс относит производство программного обеспечения и видеоигр к сфере креативной экономики [1]. Без всяких сомнений сюда же

можно отнести производство различного рода хостингов и нейросетей. По мнению Хокинса, IT-индустрии являются одним из наиболее стремительно развивающихся секторов экономики, чей прогресс в значительной степени связан с производством оригинальных интеллектуальных и прежде всего творческих продуктов. В связи с этим IT-компании начинают проявлять повышенный интерес к возможностям практической психологии в области развития творчества персонала. Возрастающий интерес к психологическим практикам и методам активизации творчества наблюдается и в других секторах экономики, например, в архитектуре и градостроительстве [2]. В сфере креативной экономики творчество как основной фактор открытий и самовыражения становится все более и более востребованной характеристикой персонала организаций, в связи с чем формируется новый запрос к практической психологии – развитие творческого потенциала персонала компаний.

Ответом на этот запрос стало появление новой профессии, включенной в «Атлас новых профессий» – тренер творческих состояний (ТТС). В настоящее время ведется активная разработка методологии профессии – ее научное обоснование и методическое обеспечение. Очевидно, что прогресс в развитии профессии ТТС в значительной степени будет определяться эффективностью научных исследований творчества, на недостаточность которых указывают многие современные авторы. Так, Д. Иглмен совершенно справедливо замечает, что существующие на сегодняшний день исследования творчества явно упускают из вида психические состояния, реализующие творчество [3]. Между тем, как показывает практика, именно творческие состояния актуализируют творческий потенциал субъекта и способствуют развитию креативности [4].

Творчество и творческие состояния. В отечественной психологии сложилось представление о творчестве как особом виде деятельности. Среди психологов преобладает точка зрения, в соответствии с которой творчество – это деятельность, результатом которой является новый материальный или духовный продукт. Психологический подход к исследованию творчества позволяет выделить в нем несколько аспектов: творчество в его связи с личностью, творчество как процесс и творчество как деятельность. Творчество как вид активности, реализуемой в специфическом творческом состоянии, в отечественной психологии изучено недостаточно. Начало исследований в этой области привело к появлению нового концепта «творческое состояние» [4]. Анализ автобиографий творческих личностей (ученые, писатели, художники,

композиторы, изобретатели – двадцать восемь текстов автобиографического жанра) показал, что творчество актуализируется и реализуется в определенных состояниях. Их примерами являются состояния, сопровождающие устремления [5], захваченность, интерес, игру. Мы полагаем, что этот класс состояний может быть обозначен как *творческие состояния,* в которые субъект может переключаться произвольно.

Творчество в его связи с личностью. Творчество предполагает наличие способностей, мотивов, знаний и умений, теоретических и практических компетенций, благодаря которым создается продукт, отличающийся новизной и оригинальностью. Изучение связи творчества и личностных свойств позволило обнаружить существенную роль неосознаваемых компонентов умственной активности (интуиция) и воображения в создании творческих продуктов. Несомненной является связь творчества и личностного опыта субъекта, который в явном или не явном виде проявляется в продукте творчества. К *сфере личностного* может быть отнесена способность субъекта к осознанной саморегуляции эмоциональных процессов, дифференциации эмоций и состояний и произвольного переключения в нужное субъекту состояние [5]. Опыт практической деятельности ТТС в компаниях IT/digital показывает, что, осваивая техники и приемы управления состояниями, участники программы State management могут создавать собственные «коллекции состояний», необходимые для решения прикладных творческих задач.

Творчество как процесс. Исследования процессуальных характеристик творчества показали значительную роль особых состояний, таких как озарение, вдохновение, инсайт. Перечисленные состояния возникают на фоне предварительной мыслительной работы спонтанно и являются ее следствием. Так, Г. Уоллес выделяет четыре стадии творческого процесса: подготовка, созревание, озарение, проверка. Центральным этапом творческого процесса в данной исследовательской логике считается озарение – интуитивное схватывание искомого результата. Заметим, если озарение и инсайт являются спонтанными следствиями мыслительной (или какой-либо еще) деятельности, то это означает, что возможен поиск средств сознательного обеспечения появления таких состояний. Существенную роль в творческом процессе играет когнитивная гибкость – важное качество интеллектуальной деятельности, позволяющее индивиду находить решения новых или нестандартных задач. А также продуцировать новые задачи [3].

Исследуя психическую регуляцию творческого процесса, К.С. Станиславский сформулировал представление о сверхсознании как высшей концентрации духовных сил личности при создании творческого продукта [6]. Тщательный анализ работ К.С. Станиславского позволяет утверждать, что сверхсознание – это не столько когнитивный феномен, сколько особое состояние. В системе К.С. Станиславского разработан значительный корпус приемов и техник, позволяющих субъекту произвольно входить в состояние *сверхсознания.*

Творчество как деятельность. Исследование творчества как специфической деятельности предполагает анализ его основных характеристик – предметности, субъективности. Предметность творческой деятельности проявляется в ее связи со значениями, фиксированными в закрепленных в орудиях схемах действий, в понятиях языка, в ценностях, социальных нормах, в социальной обусловленности творчества. Субъективность творческой деятельности находит свое выражение в обусловленности деятельности прошлым опытом субъекта, его потребностями, установками, мотивами, эмоциями, целями, личностными смыслами. Сосредоточившись на предметности и субъективности творческой деятельности, сторонники этого подхода явно упускают из вида *субъектность* творца – его способность осознанно и спонтанно выходить за пределы различного рода заданностей, в чем, собственно, и заключается сущность творчества.

Нам представляется, что исследования творческих состояний способны внести вклад в развитие каждого из обозначенных направлений изучения творчества. Каждый из указанных подходов – личностный, процессуальный, деятельностный – так или иначе приводит разработчиков методологии ТТС к необходимости исследований состояний, в которых вершится и совершается творчество. Одна из возможных исследовательских стратегий – анализ и обобщение практического опыта деятельности ТТС в креативных индустриях. Например, рефлексия деятельности ТТС и анализ ее результатов показывает, что творческие состояния могут приобретать особую субъективную ценность и становиться для субъекта самоценными. Обнаружено также, что коллективное переживание творческих состояний значительно повышает групповую сплоченность и организационную лояльность и при определенных условиях приобретает статус групповой ценности.

Исходные представления о ТТС, зафиксированные в Атласе новых профессий, предполагали, что ТТС – это «специалист по майнд-фитнесу, умеющий приводить людей творческих профессий в <…> состояния, характеризующиеся повышенной креативностью. Он также занимается развитием осознанности, поскольку одна из главных задач художника – постоянное переосмысление реальности». Однако анализ реальной практики ТТС в IT-компании показывает, что эффекты деятельности по обучению персонала саморегуляции творческих состояний выходят далеко за рамки первоначальных задач.

Исследование проводилось в IT-компании с численностью персонала 58 человек, в которой в течение полутора лет работал ТТС. Инициатором сотрудничества с ТТС выступал менеджмент IT-компании. Причины, побудившие руководство компании пригласить ТТС, были связаны с содержательными и организационными особенностями деятельности IT-компании:

– комплекс разноуровневых и качественно отличающихся задач, которые нужно решать одновременно (организационные, коммуникативные, производственные) часто в условиях дефицита времени;

– высокий риск профессионального выгорания у сотрудников;

– проектная организация деятельности – создание рабочих групп для выполнения конкретной задачи;

– отсутствие готовых технологий развития персонала и повышения креативности персонала;

– необходимость творческих решений при разработке продуктов компании;

– развитие нейросетей, способных решать рутинные и стандартные задачи программирования;

– высокий темп деятельности с необходимостью быстрого переключения с одной задачи на другую.

Как выяснилось, перечисленные особенности присущи и «сервисным» и «продуктовым» IT-компаниям в равной степени.

Мониторинг организации, деятельности ТТС и результатов его деятельности проводился с помощью различных диагностических средств через каждые четыре месяца. Обнаружено снижение выраженности симптоматики профессионального выгорания, повышение качества коммуникации в проектных группах и в организации в целом, снижение конфликтности, повышение индивидуальной креативности, освоение

индивидуальных приемов эмоциональной саморегуляции и переключения в творческие состояния, повышение организационной лояльности, повышение субъективной удовлетворенности жизнью у персонала, смещение групповых ценностей в область эмоциональных и коммуникативных. Перечисленные показатели могут быль легко дифференцированы на групповые и личностные, при этом так же легко обнаруживаются их корреляции. Это обстоятельство позволяет предполагать, что организационная деятельность, направленная на развитие креативности персонала, является механизмом синергичного развития личности и организации. Таким образом, основная задача ТТС в IT-компании может быть сформулирована следующим образом: «Обеспечение синергичного развития креативности личности и организации».

Полученные в ходе исследования данные могут использоваться как эмпирические референты синергичности развития. Решение этой задачи обеспечивается различными активностями ТТС: креативные и командные сессии, программа State management, тренинги, наставничество, мастер-майнд, индивидуальная работа, сессии Празднования.

Анализ и обобщение результатов деятельности ТТС в IT-компании позволяет сформулировать некоторые значимые для развития профессии выводы:

1. Прогресс в области IT-индустрий во многом будет определяться развитием креативности персонала IT-компаний.

2. Наименее разработанным аспектом психологии творчества являются состояния субъекта в процессе творческой деятельности.

3. Для дальнейшего развития профессии ТТС необходимы исследования творческих состояний, психологических механизмов произвольной актуализации таких состояний и разработка методов обучения «вхождению» в творческие состояния.

4. Обучение методам саморегуляции творческих состояний в организации является механизмом синергичного развития организации и личности.

Перспективы развития. Накопленный к настоящему времени опыт показывает, что перспективы развития профессии ТТС связаны не только с научными исследованиями, но и с дальнейшей разработкой техник индивидуального и группового обучения саморегуляции творческих состояний. Основой для таких техник выступают методы арт-терапии, телесно-ориентированной терапии, ландшафтной аналитики и групповой фасилитации. Наряду с проблематикой *креативная личность*, необходима

разработка проблематики *креативная компания* [7], что расширяет перспективы научного и практического поиска в области индивидуального и группового творчества.

Список литературы:

1. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги. М.: Издательский дом «Классика – XXI». 2011. 256 с.

2. Лендри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика XXI». 2011. 399 с.

3. Иглмен Д., Брандт Э. Креативный вид. Как стремление к творчеству меняет мир / Пер. с англ. Ю. Константиновой / М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 288 с.

4. Березин С.В., Шапатина О.В. Творческие состояния как условие развития одаренности //Актуальные проблемы одаренности. 2022. Т. 12. № 1. С. 14-18.

5. Петровский В.А. Психология воспитания: пособие для методистов дошкольного и начального школьного образования, преподавателей, психологов. 2-е изд. М.: «Аспект Пресс». 1995. 215 с.

6. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. М.: «Искусство». 1989. Т. 2. Ч. 1. 511 с.

7. Кэтмелл Э. Креативная компания: Как управлять командой творческих людей. М.: Альпина Паблишер, 2015. 334 с.

И.М. Богдановская,
РГПУ им. А.И. Герцена;
А.Б. Углова,
РГПУ им. А.И. Герцена;
Б.А. Низомутдинов,
Университет ИТМО

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЦИФРОВЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ TELEGRAM-КАНАЛОВ)

В статье раскрываются результаты автоматизированного анализа структуры и содержания профессионального дискурса telegram-каналов о психологии. Выявлено, что ведущей коммуникативной стратегией высокорейтинговых каналов является «Психологическое просвещение в области взаимоотношений». Ведущей коммуникационной стратегией низкорейтинговых каналов является «Выбор популярных и эффективных механизмов продвижения».

Ключевые слова: Коммуникационные стратегии, информационное пространство, автоматизированный сбор данных, коммуникационная тактика.

I.M. Bogdanovskaya,
The Herzen State Pedagogical University of Russia;
A.B. Uglova,
The Herzen State Pedagogical University of Russia;
B.A. Nizamutdinov,
ITMO University

PROFESSIONAL PSYCHOLOGICAL DISCOURSE IN DIGITAL MEDIA (ON THE EXAMPLE OF TELEGRAM CHANNELS)

The article reveals the results of an automated analysis of the structure and content of the professional discourse of telegram channels about psychology. It is revealed that the leading communicative strategy of highly rated channels is «Psychological education in the field of relationships». The leading communication strategy of low-rated channels is «The choice of popular and effective promotion mechanisms».

Keywords: Communication strategies, information space, automated data collection, communication tactics.

Информационная среда играет все большую роль в жизни профессиональных сообществ, вследствие чего повышается роль и значение коммуникации в цифровых медиа. Профессиональную коммуникацию в цифровых медиа можно определить как социо-речевую сферу с присущими ей дискурсивными практиками и жанровыми формами их реализации [1]. Профессиональный психологический дискурс в цифровых медиа в самом общем виде можно понимать как общение на психологические темы, протекающее в виртуальной среде, которое можно рассматривать как целостный объект в единстве языковых, коммуникативно-прагматических, когнитивных, социо- и этнокультурных, коммуникативно-технологических характеристик [2].

В настоящее время существуют исследования некоторых типов профессионального дискурсивного взаимодействия в цифровых медиа: инженерного [3], юридического [4], медицинского [2], психологического [5]. В работах, посвященных описанию психологического профессионального дискурса, не получила должного освещения специфика коммуникативных практик психологов в виртуальном пространстве. В связи с этим цель нашей работы заключалась в анализе коммуникативных стратегий, которые используют telegram-каналы психологической направленности для достижения высокой посещаемости и вовлеченности своей аудитории.

Для изучения была выбрана платформа Telegram. Нами рассматривался рейтинг (по количеству подписчиков) каналов, посвященных психологической проблематике сервиса TGStat, включающий 100 позиций. В ходе исследования мы сравнивали самые популярные каналы с менее популярными. Обработка информации осуществлялась с помощью автоматизированного кластерного анализа и экспертного анализа определенных тематик.

В результате были проанализированы содержательные аспекты контента из 10 наиболее популярных каналов и 10 наименее популярных. Результаты визуализации распределения постов по кластерам представлены на рисунках 1 и 2.

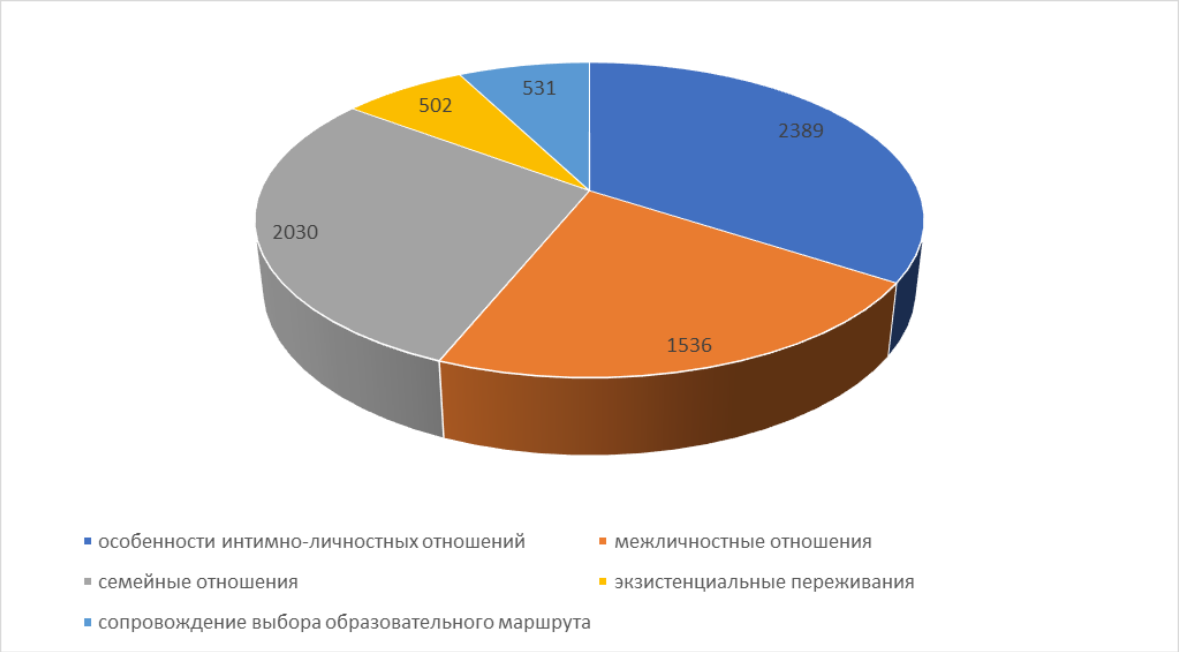


Рис. 1. Категориальная структура коммуникативных тактик психологических telegram-каналов с высоким рейтингом

Ведущей коммуникативной стратегией высокорейтинговых telegram-каналов выступает «Психологическое просвещение в сфере отношений». Она раскрывается через коммуникативные тактики, позволяющие пользователям более глубоко представить особенности интимно-личностных (ключевые слова: мужчина, женщина, секс, сексуальный, женский), межличностных (ключевые слова: человек, собеседник, часто, нравиться, коллега, вид, фраза, комплимент, стоять), семейных (ключевые слова: мужчина, женщина, социотип, жена, характер, функция, любить, простить, счастье, отпустить) и экзистенциальных (ключевые слова: жизнь, цель, жить, смысл, ноябрь, счастье, радоваться, достигнуть, начать, билет) аспектов системы отношений. Следующая по выраженности коммуникативная стратегия высокорейтинговых каналов: «Психологическое сопровождение выбора образовательного маршрута» (ключевые слова: билет, публичный, онлайн-консультация, встреча, скорый, страх, найти, июль, июнь, поговорить).

Анализ контента образовательных telegram-каналов с низким рейтингом позволил выделить 4 ведущие тактики (Рис. 2).

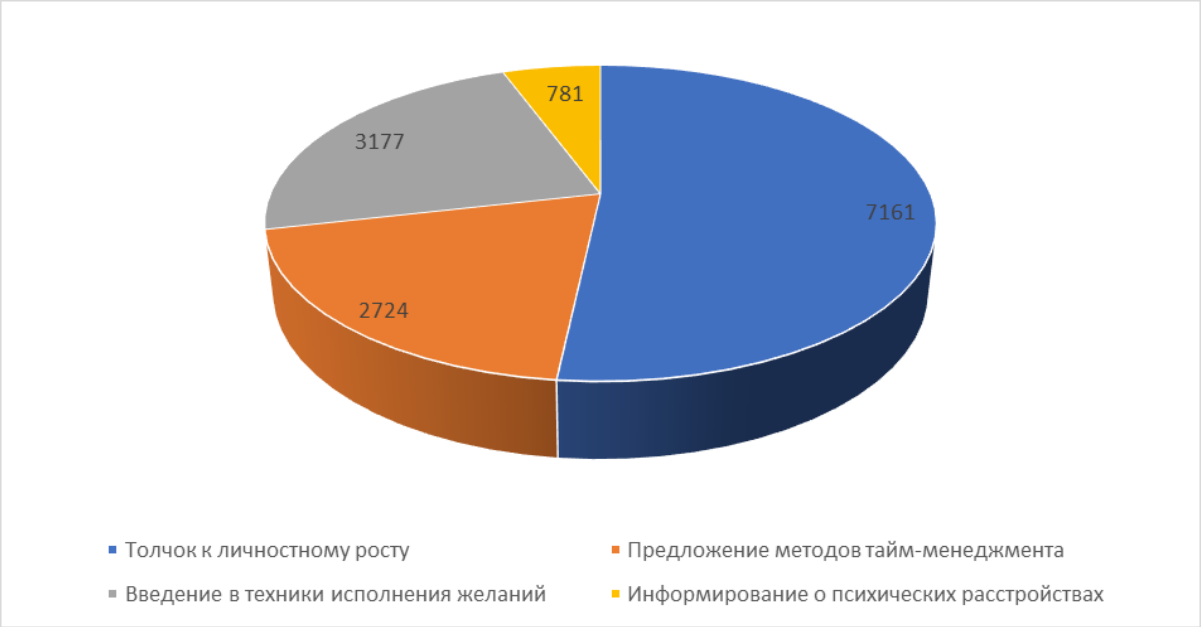


Рис. 2. Категориальная структура коммуникативных тактик психологических telegram-каналов с низким рейтингом

Ведущую коммуникативную тактику можно обозначить как «Толчок к личностному росту» (день, заряд, успех, трекер, делать, видео, пройти, завершить, набросок, новое, тренировка, вызов, день, квартира, курс, трансляция, запись, ссылка, зеркало, новости, сайт, марафон, тренировка, место проведения). Следующая по частоте тактика – «Предложение методов тайм-менеджмента» (задача, кейс, цель, время, работа, список, выполнение, важно, привычка, результативность, сделать, подготовить, спланировать, восполнить). Третья тактика – «Введение в техники исполнения желаний» (жизнь, проживать, неудача, думать, страх, утверждение, мечта, ошибка, верить, мир, друг, притча, мужчина, любовь, женщина, сын, однажды, любовь, бог, медитация, делание). Четвертая тактика – «Информирование о психических расстройствах» (расстройство, пациент, психическое, болезнь, депрессия, синдром, шизофрения, страдание, состояние, симптом).

Таким образом, анализ психологических telegram-каналов позволил реконструировать группы коммуникативных тактик, реализующих прямое или косвенное воздействие на адресата. Практическая значимость полученных результатов связана с возможностью их использования для разработки инструментов мониторинга профессионального психологического общения в сети Интернет.

Список литературы:

1. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медиакоммуникация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления // Медиалингвистика. 2021. №8 (1). С. 23-34.

2. Ахнина К.В., Куриленко В.Б. Сетевой медицинский дискурс: сущность, признаки, структура // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2015. №1 // https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-meditsinskiy-diskurs-suschnost-priznaki-struktura

3. Иванова Л.И. Электронный сетевой иноязычный инженерный дискурс и его лингводидактические возможности // Известия Южного федерального университета. Серия: Технические науки. 2010. № 10. Т. 111. С. 72-75.

4. Хустенко А.А. Новые формы профессиональной коммуникации юристов в медиасреде (на материале публикаций интернет-сообществ) // Вестник ТГПУ. 2021. № 6 (218). С 97-104.

5. Новикова Е.К. Продвижение экспертного блога психолога в социальной сети Instagram[11] // Социосфера. 2021. № 3. С. 87-90.

[11] Деятельсть социальной сети запрещена на территории Российской Федерации.

О.В. Варламова,
Самарский университет;
Н.В. Зоткин,
Самарский университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООТНОШЕНИЕ IT-СПЕЦИАЛИСТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ САМОЭФФЕКТИВНОСТИ

Описаны результаты исследования, показывающего влияние уровня самоэффективности на профессиональное самоотношение IT-специалистов.

Ключевые слова: IT-специалисты, самоэффективность, профессиональное самоотношение, профессиональная востребованность, профессиональный перфекционизм.

O.V. Varlamova,
Samara University;
N.V. Zotkin,
Samara University

PROFESSIONAL SELF-ATTITUDE OF IT-SPECIALISTS WITH DIFFERENT LEVELS OF SELF-EFFICACY

The results of a study showing the influence of the level self-efficacy on the professional self-attitude of IT-specialists are described.

Keywords: IT-specialists, self-efficacy, professional self-attitude, professional relevance, professional perfectionism.

Сфера информационных технологий в России является одной из самых быстроразвивающихся, перспективных и востребованных. Этой сфере необходимы специалисты, способные к самосовершенствованию и эффективности в профессиональной деятельности. Процесс осуществления профессиональной деятельности связан не только с приобретением соответствующих профессиональных знаний, навыков и умений, но и с активным личностным становлением, принятием профессии, формированием профессионально-важных и личностных качеств и компетенций.

Проведенный анализ отечественной и зарубежной психологической литературы, посвященной теме самоэффективности, компонентам и подструкту-

ре профессионального самоотношения личности, позволяет сделать вывод о том, что данные направления исследованы не в полной мере.

Исследование вопроса профессионального самоотношения личности и самоэффективности в организационном аспекте деятельности отмечается в литературных источниках как весьма перспективное направление. Самоэффективность взаимосвязана с человеком на протяжении всего трудового пути: специалист с высоким уровнем самоэффективности рассматривает широкий круг профессиональных и карьерных перспектив, с большим интересом реализует потенциальные возможности в профессии, в большей степени склонен проявлять инициативу и выдвигать предложения по оптимизации рабочего процесса, лучше справляется со сложными задачами и ответственностью, возлагаемой на него.

Однако исследование вопроса профессионального самоотношения личности и самоэффективности в организационном аспекте деятельности IT-специалистов не изучалось. На основании этого нами была сформулирована гипотеза исследования: IT-специалисты с высоким уровнем самоэффективности имеют высокие показатели профессионального самоотношения, профессиональной востребованности личности, профессионального перфекционизма, чем IT-специалисты со средним уровнем самоэффективности.

В исследовании приняли участие 60 специалистов, работающих в сфере информационных технологий. Из них: женщины – 30 человек (50 %) и мужчины – 30 человек (50 %). Возраст респондентов составил от 21 до 55 лет. Стаж работы респондентов в IT-сфере от 1 года до 32 лет. База исследования – системный интегратор Самарской области Общество с ограниченной ответственностью «АйЭсТи».

В исследовании были использованы четыре опросника:

1. Опросник «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема (General Self-Efficacy Scale, GSE) в адаптации В.Г. Ромека [1], созданный на основе концепции самоэффективности А. Бандуры.

2. Опросник «Профессиональное самоотношение личности» К.В. Карпинского [2] для изучения психологической природы, содержания, структуры и функции самоотношения личности как субъекта профессиональной трудовой деятельности. Содержит 10 шкал и субшкал.

3. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой и А.Б. Ясько [3] для изучения отношения к себе как к профессионалу, реализовавшему свой потенциал, восприятие отношения других к себе как значимому для других профессионалу, оценки профессиональной деятельности и ее результатов. Содержит 9 шкал.

4. Опросник «Шкала профессионального перфекционизма» А.А. Золотаревой [4] оценивает позитивный и негативный профессионального перфекционизма и содержит две субшкалы.

Для анализа результатов исследования были использованы среднее арифметическое и U-критерий Манна-Уитни.

По результатам тестирования по «Шкале общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема испытуемые были разделены на две группы с высокой (20 человек) и средней (40 человек) самоэффективностью. Далее проводилось сравнения этих двух групп по всем шкалам четырех опросников.

Выводы по результатам исследования. IT-специалисты с высоким уровнем самоэффективности продемонстрировали высокие показатели профессионального самоотношения; самоуважения, самоуверенности, самопривязанности, самоэффективности, саморуководства в профессии; самооценки личностного роста. В группе испытуемых с высоким уровнем самоэффективности наблюдались низкие показатели самоуничижения и самообвинения в профессии, а также внутренней конфликтности.

Анализируя показатели профессионального самоотношения по шкале самоэффективности, можно отметить, что только двадцать человек (33 %) из общей выборки чувствуют уверенность и выражают высокий уровень готовности к работе в IT-сфере, проявляющийся в определении себя как профессионально-востребованной и конкурентоспособной личности, наличии профессионально-важных качеств личности, отсутствии профессиональных противоречий и адекватном образе «Я» в профессии. Уровень самоэффективности влияет на готовность к профессиональной деятельности в IT-сфере. Сорок IT-специалистов (67 %) выражают его как средний, проявляющийся в среднем уровне самоэффективности и проявлении внутренне противоречивого недифференцированного чувства личности, имеющего интенсивность больше «против», чем «за» себя как субъекта профессиональной деятельности.

Результаты сравнительного анализа по методике «Профессиональная востребованность личности» подтвердили предположение о том, что испытуемые с высоким уровнем самоэффективности имеют высокий уровень общей профессиональной востребованности личности и демонстрируют высокие баллы по субшкалам опросника. Такие специалисты склонны высоко оценивать уникальность ряда своих профессиональных качеств, а также ощущать баланс между собственными возможностями и требованиями корпоративной профессиональной среды. Испытуемые со средним уровнем самоэффективности показали средний уровень общей профессиональной востребованности

личности и средние уровни показателей по субшкалам опросника. Испытуемые идентифицируют себя как успешного представителя профессионального IT-сообщества, положительно оценивают уровень сформированности системы отношений к себе как профессионалу, реализующему свой трудовой потенциал и компетентность в области информационных технологий, оценивают опыт и результаты своей профессиональной деятельности как значимые для других.

Предположение о взаимосвязи перфекционизма и высокого уровня самоэффективности не нашло своего подтверждения. Сравнительный анализ по «Шкале профессионального перфекционизма» показал, что перфекционизм не способствует в полной мере реализации личности и раскрытию ее потенциала в профессиональной сфере. У IT-специалистов с высоким уровнем самоэффективности выраженность положительного профессионального перфекционизма проявляется на среднем уровне, а у специалистов со средним уровнем самоэффективности – на высоком уровне. В обеих выборках проявился низкий уровень отрицательного перфекционизма. Мы полагаем, что у испытуемых имеется взаимосвязь перфекционизма с мотивацией достижения успеха, проявляющаяся в стремлении прилагать усилия и добиваться результатов в профессиональной области, которую специалист считает важной и значимой для себя.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично: предположения о наличии связи самоэффективности с профессиональным самоотношением личности и высоким уровнем общей профессиональной востребованности подтвердилось; предположение о взаимосвязи перфекционизма и высокого уровня самоэффективности не подтвердилось.

Список литературы:

1. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В.Г. Русская версия шкалы общей само-эффективности // Иностранная психология. 1996. №7. С. 71-76.

2. Карпинский К.В., Колышко А.М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики. Гродно: Изд-во ГрГУ. 2010. 140 с.

3. Харитонова Е.В., Ясько А.Б. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ). Краснодар: Изд-во КГУ. 2009. 32 с.

4. Золотарёва А.А. Разработка и валидизация шкалы профессионального перфекционизма // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 4. С. 205-218.

Г.А. Виноградова,
Самарский университет

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

В статье ставится проблема персонализации дистанционного обучения в вузе. Дается определение персонализации. Рассматриваются методы, формы, средства дистанционного обучения, положительным образом влияющие на персонализацию. Предлагается авторский подход к персонализации дистанционного обучения в вузе.

Ключевые слова: персонализация, дистанционное обучение, студент, информационное общество.

G.A. Vinogradova,
Samara University

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL BASES OF PERSONALIZATION OF DISTANCE LEARNING AT THE UNIVERSITY

The article raises the problem of personalization of distance learning at the university. The definition of personalization is given. The methods, forms, and means of distance learning that positively affect personalization are considered. The author's approach to the personalization of distance learning at the university is proposed.

Keywords: personalization, distance learning, student, information society.

Проблема персонализации личности в процессе дистанционного обучения не только не теряет своей актуальности, но после пандемии коронавируса разные ее аспекты изучаются все активнее. Исследуются информационная культура и информационная компетентность, преподаватель как разработчик электронного обучения и информационная среда, дистанционное обучение и персонализация образовательного процесса. Вынужденный переход на дистанционное обучение поставил педагогическое сообщество перед проблемами, которые требовали в тот момент сиюминутных решений. Вначале часть преподавателей пребывала в растерянности и выражала

недовольство онлайн-форматом, часть экспериментировала, осваивая новое необъятное цифровое пространство. По результатам проведенного незадолго до пандемии исследования на базе Самарского государственного университета было выявлено, что 72 % преподавателей испытывали трудности с применением электронных средств обучения (выборка 140 преподавателей) [1]. Однако в настоящее время у абсолютного большинства преподавателей вуза таких сложностей уже нет. Но появились другие проблемы, которые связаны со спецификой обучения в дистанционной форме, выстраиванием индивидуальных траекторий развития студентов. Не все преподаватели почувствовали психологический комфорт в дистанционном обучении. По определению А.А. Заслуженной и М.А. Желуденко, «психологический комфорт цифрового образования охватывает весь спектр инструментов, который включает в себя не только наполненность курса, но и возможности контакта преподавателей и студентов, выработку правил цифрового этикета, соблюдения цифровой диеты, повышение качества цифровых платформ, установления work-life баланса, психологическую поддержку преподавателей, снижения уровня стресса, вызванного тотальной цифровизацией образовательного процесса и т. д.» [2].

И.В. Кудинов считает, что «внедрение информационных технологий предполагает как минимум три составляющие: информацию как содержание электронных ресурсов, информацию как культуру диалога и информацию как процессуальную норму» [3]. На наш взгляд, применительно к дистанционному обучению внедрение информационных технологий означает особенности построения и содержания учебного курса (запись видеолекций, электронная библиотека, видеопрезентации и т. д.), особенности диалога и степень активности студентов. Особенности учебного курса предполагают четкое определение целей, которые понятны и осознаваемы студентами. Учебный материал должен быть разделен на части (модули) и отличаться четкостью, стройностью, логичностью. В этом случае он усваивается в дистанционной форме гораздо быстрее и качественнее. При этом увеличивается доля самостоятельной работы, за качество которой ответственность несут сами студенты.

Дистанционное обучение открыло новые возможности для обучающихся, которые могут учиться из любой точки своего местопребывания, в любое удобное для них время (видео-лекции позволяют это сделать). Осваивать учебный материал возможно в том темпе и количестве, которые удобны студенту, особенно в рамках самостоятельной работы. Все это способ-

ствует персонализации дистанционного обучения, то есть самостоятельному выстраиванию студентом своей индивидуальной траектории развития.

Вместе с тем преподавателю необходимо продумать средства контроля усвоения учебного материала студентами, например, мини-исследовательские и проектные работы, в том числе выполненные и мини-группами. Учебный диалог, выстраиваемый преподавателем, очень важен с точки зрения студенческой самореализации, траектория и скорость процесса которой могут изменяться. Диалог влияет на формирование системы ценностей, которые в конечном итоге определяют процесс самореализации. Степень активности студентов в ходе дистанционного обучения зависит от форм и методов, используемых преподавателем. Предпочтительными являются объяснительно-побуждающие методы преподавания, которые влекут за собой частично-поисковые методы учения обучающихся. Исследовательские и проектные работы, выполненные в парах или микрогруппах, стимулируют интерес к предмету и ситуационную (внешнюю) и личностную (внутреннюю) мотивацию. Желание продемонстрировать свои знания и умения в сочетании с потребностью в самосовершенствовании являются мощным двигателем персонализации дистанционного обучения. Мотивационно-творческая активность на занятиях зависит и от личностной позиции преподавателя, психологических особенностей организации совместной деятельности со студентами.

М.П. Прохорова, А.А. Шкупова, Е.П. Гуреева определили возможные средства персонализации в рамках электронных курсов, а именно: входное анкетирование, диагностика личностных и профессиональных качеств, перевернутое обучение, разделение учебного контента по уровням сложности, коммуникации, взаимное оценивание, портфолио, консультирование и индивидуальная поддержка. По мнению авторов, входное анкетирование позволяет выявить уровень входных знаний, а диагностика помогает учитывать личностные особенности студентов.

Перевернутое обучение означает, что часть задания, предназначенного для самостоятельного выполнения, должна иметь исследовательско-эвристический характер, тем самым стимулируя поиск, систематизацию и формулирование собственных выводов. Разделение учебного контента по трем уровням сложности (базовый, средний, повышенный) обеспечивает персонализацию изучения учебного материала. Коммуникации позволяют комментировать, оценивать, выражать свою точку зрения. Взаимное оценивание помогает вовлекать студентов в дискуссию по поводу проблемных

вопросов учебного материала. Портфолио – форма сбора информации о видах активности студентов. Консультирование преподавателем – важный момент персонализации образовательного процесса [4].

Дистанционное обучение не предполагает входного анкетирования и диагностики личностных и профессиональных качеств студентов. Тем не менее преподаватель в ходе занятия выявляет наличный уровень подготовки каждого студента и всей группы в целом, что помогает ему скорректировать и свои действия в рамках персонализации дистанционного обучения. С остальными предложенными средствами можно согласиться.

Таким образом, персонализация дистанционного обучения имеет свои специфические психолого-педагогические особенности, знание и понимание которых поможет преподавателю вуза повысить качество обучения студентов.

Список литературы:

1. Образовательная среда современного вуза: инновации и традиции: монография / под науч. ред. Т.И. Рудневой. Самара: Ваш взгляд. 2019.

2. Заслуженная А.А., Желуденко М.А. Психологический аспект дистанционного обучения // Norwegian Journal of development of the International Science. 2020. № 49. С. 54.

3. Кудинов И.В. Об информатизации образования // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы пятой международной научно-практической конференции / отв.ред. Л.В. Вершинина. Самара: ПГСГА. 2010.

4. Прохорова М.П., Шкупова А.А., Гуреева Е.П. Средства персонализации образовательного процесса в рамках электронных курсов // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-3.

Д.С. Гнедых,
Санкт-Петербургский государственный университет;
Е.И. Перикова,
Санкт-Петербургский государственный университет;
М.Г. Филиппова,
Санкт-Петербургский государственный университет

СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО НАУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ[12]

В статье поднимается проблема поиска эффективных способов формирования профессиональных знаний с учетом когнитивных механизмов стратегий речевого научения – явного кодирования и быстрого картирования.

Ключевые слова: стратегии речевого научения, явное кодирование, быстрое картирование, вербальное обозначение, усвоение новых понятий, профессиональные знания.

D. S. Gnedykh,
St Petersburg State University;
E. I. Perikova,
St Petersburg State University;
M. G. Filippova,
St Petersburg State University

SPEECH LEARNING STRATEGIES IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE FORMATION

The article is dedicated to the problem of searching of effective methods to form professional knowledge taking into account the cognitive mechanisms of speech learning strategies – explicit encoding and fast mapping.

Keywords: speech learning strategies, explicit encoding, fast mapping, labelling, new concept acquisition, professional knowledge

Овладение новыми понятиями родного языка происходит на протяжении всей жизни человека. В частности, во взрослом возрасте активно осваива-

[12] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01040.

ется профессиональная лексика и концепты, которые составляют основу экспертного мышления. Формирование и развитие концептуальной системы зависит от многих факторов, таких как характеристики самого понятия, мотивация обучающегося, особенности протекания когнитивных процессов, ситуации социального взаимодействия и т. д. [1]. Данные факторы определяют актуализацию стратегии речевого научения – быстрого картирования (fast mapping, FM) (понимание информации из контекста) и явного кодирования (explicit encoding, EE) (усвоение информации с помощью прямой инструкции) [2]. Первая стратегия связана с ситуацией выбора, например: «Видишь вон те два подноса? Принеси мне хромовый. Не красный, а хромовый, пожалуйста» [3]. Вторая подразумевает указание на объект и его обозначение, например: «Запомни, это нумбат» [4].

Выявление характерных особенностей той или иной стратегии научения, обеспечивающих успешность усвоения родного языка, в частности, профессиональной терминологии, может привести к появлению новых методов обучения. На наш взгляд, к таким особенностям можно отнести следующие:

1. Влияние вербального обозначения на эффективность усвоения информации о новом объекте. В настоящий момент существуют противоречивые данные относительно роли вербального обозначения в процессе познания окружающей действительности. Одни исследования показывают позитивную роль наличия названия у объекта в усвоении информации о нем: вербальное обозначение активирует восприятие индивидуальных особенностей объектов [5] и ускоряет обучение новым категориям [6]. Другие исследования демонстрируют противоположные тенденции [7; 8].

На наш взгляд, противоречивые данные могут указывать на наличие дополнительных факторов, сопровождающих процесс познания нового объекта и его вербального обозначения. Одним из таких факторов выступает стратегия речевого научения. В связи с этим направлением исследований в этой области может стать поиск ответа на вопрос: для какой из стратегий научения – быстрого картирования или явного кодирования – наличие вербального обозначения изучаемого объекта является наиболее критичным.

2. Характер и время установления связи между вербальным обозначением и его визуальным референтом, формирующейся в промежутке между первым и последующим их предъявлениями. Существует предположение, что в рамках FM-стратегии при первом столкновении с новым словом человек выдвигает гипотезу о его значении [9]. Для того, чтобы перейти от предположения к уверенному знанию (то есть подтверждению гипотезы) о новом объекте,

должны быть накоплены подтверждения о наличии связи между словом и объектом в различных контекстах [10]. Понятие, которое было изучено с помощью ЕЕ-стратеги, может нуждаться в дополнительном повторении для усвоения, но не требует проверки корректности взаимосвязи между словом и объектом, поскольку данная стратегия подразумевает прямое указание на значение объекта и исключает необходимость догадки о нем из контекста (что свойственно для FM-стратегии). Таким образом, усвоение знания происходит последовательно согласно механизмам декларативной памяти. Данное предположение требует дополнительной эмпирической проверки, однако уже сейчас можно допустить, что учет, например, времени обработки новой информации, полученной с помощью той или иной стратегии научения, позволит выбирать наиболее оптимальные способы формирования знаний профессиональной терминологии.

3. Детализированность репрезентации объекта в памяти. Одним из показателей представленности вторичных образов в сознании является степень их детализированности и определенности [11]. При формировании вторичных образов именно через детализацию происходит движение от нерасчлененного целого к дифференцированной целостности [12]. Е.В. Волкова на примере изучения школьниками химии показала, что в случае несформированности детализированного уровня концепта способность к усвоению предмета снижается [13]. Таким образом, изучение факторов, способствующих формированию данного уровня концепта, позволит разработать наиболее эффективные способы обучения профильным предметам. Опять же одним из таких факторов может выступать стратегия речевого научения, а направлением исследований – поиск ответа на вопрос, какая из стратегий (явное кодирование или быстрое картирование) способствует сохранению в памяти более детальной репрезентации объекта.

В современном обществе не последнюю роль играет применение информационных технологий в процессе обучения. В связи с этим еще одна проблема, с которой может столкнуться преподаватель, использующий ту или иную стратегию речевого научения при формировании профессиональных знаний, – это учет влияния данных технологий на проявление перечисленных выше когнитивных механизмов. Рассмотрение всех этих факторов в совокупности может помочь в разработке наиболее эффективных методов обучения.

Список литературы:

1. Костромина С.Н., Гнедых Д.С. Нейронаука в системе профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. №4. С. 8-29.

2. Щербакова О.В., Кирсанов А.С., Филиппова М.Г., Перикова Е.И., Благовещенский Е.Д., Штыров Ю.Ю. Эксплицитное и имплицитное усвоение новых слов: поведенческие корреляты и нейрофизиологические механизмы // Щербакова О.В. От слова – к репрезентации. Нейрокогнитивные основы вербального научения. СПб.: Скифия-принт. 2022. С. 22-96.

3. Carey S., Bartlett E. Acquiring a single new word // Papers and Reports on Child Language Development. 1978. Vol. 15. P. 17-29.

4. Sharon T., Moscovitch M., Gilboa A. Rapid neocortical acquisition of long-term arbitrary associations independent of the hippocampus // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108 (3). P. 1146-1151.

5. Lupyan G. Linguistically modulated perception and cognition: the label-feedback hypothesis // Frontiers in Psychology. 2012. Vol. 3. // https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2012.00054/full

6. Lupyan G., Casasanto D. Meaningless words promote meaningful categorization // Language and Cognition. 2015. Vol. 7. P. 167-193.

7. Котов А.А., Котова Т.Н. Произношение имен объектов и категориальный эффект восприятия // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. № 3 (10). С. 75-85.

8. Morozov M.I. How the strength of the link between an object and its category label influences visual search performance // The Russian Journal of Cognitive Science. 2017. Vol. 4 (4). P. 22-28.

9. Trueswell J.C., Medina T.N., Hafri A., Gleitman L.R. Propose but verify: Fast mapping meets cross-situational word learning // Cognitive Psychology. 2013. Vol. 66 (1). P. 126-156.

10. Merhav M., Karni A., Gilboa A. Neocortical catastrophic interference in healthy and amnesic adults: a paradoxical matter of time // Hippocampus. 2014. Vol. 24 (12). P. 1653-1662.

11. The stream of consciousness: scientific investigation into the flow of human experience / K.S. Pope, J.L. Singer (Eds.). N.Y.: Springer New York, 1978. 375 p.

12. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 2007. 512 с.

13. Волкова Е.В. Формирование когнитивных репрезентативных структур в процессе изучения химии в школе // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 37-49.

А.А. Гудзовская,
Самарский университет

ХАРАКТЕР РАННИХ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ И МАРГИНАЛЬНОСТЬ

В статье проводится анализ связи направленности в межличностных отношениях (индивидуалистической, социальной и маргинальной) и отдельных характеристик ранних детских воспоминаний взрослого человека. Воспоминания, связанные с незнакомыми людьми, актуализируются в период, когда человек вынужден подчиняется обстоятельствам. Когда человеку удается сотрудничество, ему вспоминаются друзья-сверстники.

Ключевые слова: раннее детское воспоминание, маргинальность, интерактивная направленность личности, психоанализ.

A.A. Gudzovskaya,
Samara University

CHARACTER OF EARLY CHILDHOOD MEMORIES AND MARGINALITY

The article analyzes the relationship of orientation in interpersonal relationships (individualistic, social and marginal) and individual characteristics of early childhood memories of an adult. Memories associated with strangers are updated at a time when a person is forced to submit to circumstances. When a person succeeds in cooperation, he is reminded of peer friends.

Keywords: early childhood memory, marginality, interactive personality orientation, psychoanalysis.

В соответствии с психоаналитической теорией к ранним детским воспоминаниям, события, происходящие с человеком в настоящем, способствуют актуализации специфических ранних воспоминаний, чем-то символически отражающих существующую реальность.

З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер и другие психоаналитики в содержании и скрытых смыслах детских воспоминаний видели вероятные варианты развития личности в виде установок к социуму, установок, определяющих матрицу

межличностных отношений на много лет вперед. «События, произошедшие с человеком в детстве, формируют отношение человека к миру, обусловливают определенные варианты поведения, выученные в детстве» [1]. Справедливым считается и обратное: в том событии из детства, которое вспоминается человеку, символически проявляется самое актуальное для него в момент воспоминания [1].

Анализ ранних воспоминаний активно продолжает использоваться как проективная техника психотерапии [2], как содержание для анализа и реориентации жизненного стиля в психотерапевтической работе со взрослыми [3].

Целью нашего исследования является обнаружение взаимосвязи характеристик ранних детских воспоминаний и направленности в межличностных отношениях. Такая связь является важной с точки зрения изучения механизмов и факторов, формирующих ранние воспоминания.

Мы предположили, что записанное детское воспоминание по своим категориальных характеристикам будет соответствовать интерактивной направленности личности.

В исследовании приняли участие 39 человек в возрасте от 17 до 40 лет. Средний возраст 23,7 лет. Среди обследованных – 25 женщин, 14 мужчин. Методы исследования:

1. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности Е.Н. Исполатовой, Т.П. Николаевой [4]. Респондентам предлагается вспомнить и записать свое раннее воспоминание.

Обработка проводится методом контент-анализа с использованием 23 категорий, среди которых: «пространственная организация», формы активности рассказчика; субъект активности («я», «мы»); персонажи и персонажи-призраки (обозначаются в воспоминании, но находятся вне его поля зрения «я жду маму из магазина») и др. [4].

2. Методика «Интерактивная направленность личности» Н.Е. Щурковой в модификации Н.П. Фетискина. Выявляется индивидуалистическая направленность (предпочтение во взаимодействии с другими мотивов личного благополучия); направленность на сотрудничество с другими (социальная направленность, преобладание стремления к конструктивным отношениям, интереса к совместной деятельности, оптимальная социализация и адаптация); маргинальная направленность (склонность подчиняться обстоятельствам, импульсивность поведения, инфантилизм, подражание).

Результаты и обсуждение. Корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), проведенный между показателями интерактивной направленности и количественными показателями РДВ, позволил обнаружить значимые связи.

Показатель индивидуалистической направленности значимо связан с уровнем пассивности человека в его детском воспоминании (к.к. = -0,355, уровень значимости α=0,05). Чем ярче индивидуалистическая направленность, тем реже встречаются признаки пассивности ребенка в детском воспоминании.

Маргинальная межличностная направленность связана с индексом эгоцентризма. Чем ярче маргинальная направленность (склонность подчиняться обстоятельствам, импульсивность поведения), тем реже употребляет автор личные местоимения в тексте детского воспоминания (к.к.= -0,343, уровень значимости α= 0,05). И наоборот, чем меньше проявлена маргинальная направленность личности во взаимодействии с другими, тем чаще использовано личное местоимение в тексте воспоминания (индекс эгоизма). Иначе говоря, сформированная у взрослого человека склонность подчиняться обстоятельствам связана с обезличенностью того, что человеку вспоминается, с отсутствием «самости». Ребенок либо включен в общность с кем-то («мы»), либо его воспоминание обезличено, рассказ ведется как бы извне. Можно сказать, что воспоминание как будто бы отчуждено от рассказчика.

Количество персонажей детского воспоминания независимо от степени родства интерпретируется как способность уже взрослого человека устанавливать разнообразные социальные связи [4]. Ограничение числа персонажей одним-двумя является показателем нарушенных межличностных отношений, в основе которых может лежать состояние эмоциональной депривации [6]. Ожидаемой однозначной связи между социальной направленностью и количеством персонажей, фигурирующих в детском воспоминании, обнаружено не было (к.к.=0,085). Вместе с тем среднее количество персонажей детского воспоминания у взрослых с социальной направленностью больше, чем у взрослых с маргинальной направленностью (2,5 и 1,9 соответственно). В группе респондентов с социальной направленностью эмоциональное пространство более насыщенно, в их воспоминаниях в среднем большее количество персонажей и других объектов (8,5 объектов против 5,0 соответственно). У респондентов с маргинальной направленностью чаще, чем у других в воспоминаниях, ребенок находится в одиночестве.

Отличаются группы и по составу присутствующих в их воспоминаниях персонажей (Рис. 1).

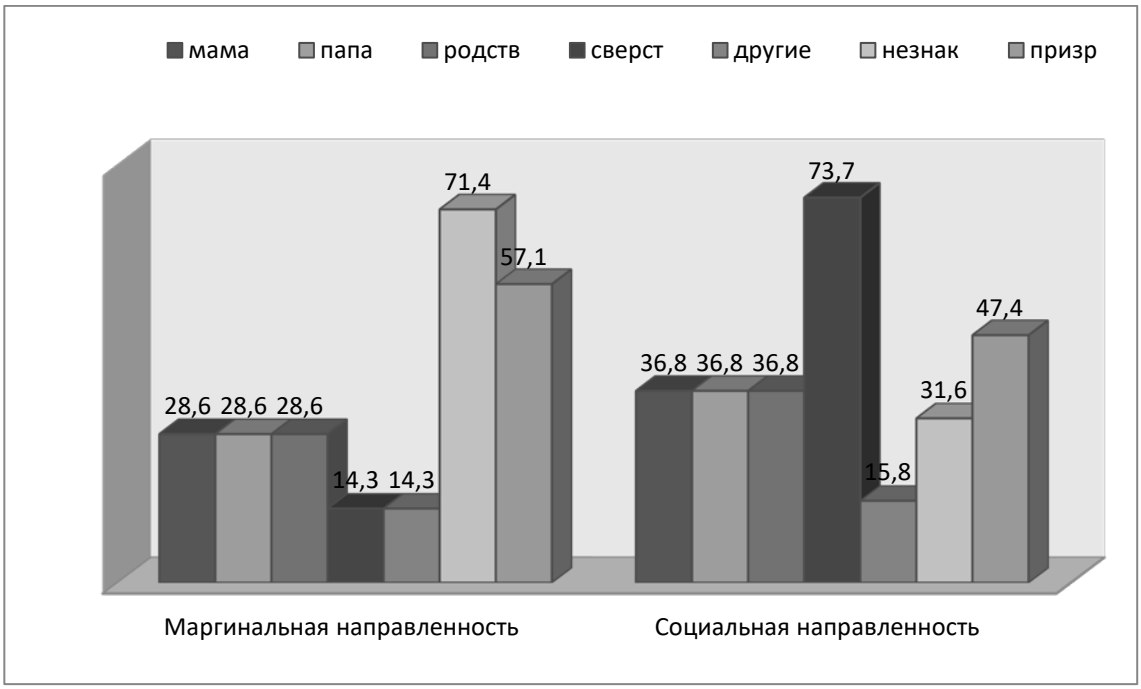


Рис. 1. Персонажи детских воспоминаний в группах с разной направленностью (в % к количеству воспоминаний)

У респондентов с социальной направленностью в воспоминаниях заметно больше близких родственников и знакомых сверстников. У маргиналов, наоборот, 71,4 % воспоминаний включает в себя незнакомых других людей, в основном взрослых. В воспоминаниях «маргиналов» чаще присутствуют персонажи-призраки. Как «призраки» обычно вспоминаются те значимые близкие, с которыми эмоциональные отношения нарушены в настоящем вследствие эмоциональной депривации или негативных чувств в прошлом [6].

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично. Ранние детские воспоминания по некоторым характеристикам соотносятся с особенностями межличностных отношений взрослого человека.

Раннее воспоминание, которое периодически всплывает в памяти взрослого человека, имеет характеристики, связанные с особенностями межличностных отношений вспоминающего взрослого: его индивидуалистической, социальной или маргинальной направленностью. Ранние детские воспоминания символически отражают внутренние установки взрослого человека, возможно, усвоенные им еще в детские годы.

Полученные связи говорят о глубоких внутренних неосознаваемых механизмах, которые влияют на актуализацию образа конкретного детского воспоминания во взрослом возрасте, на способ его вербального воспроизведения.

Современное время, способствующее маргинализации определенной части людей, актуализирует воспоминания о тех событиях детства, в которых близкие не рядом с ребенком, его окружают незнакомые люди, ребенок подчиняется обстоятельствам.

Список литературы:

1. Фрейд З. Избранное. М.: Внешторгиздат, 1989.
2. Fowler J.C., Hilsenroth M.J., Handler L. Martin Mayman's early memories technique: Bridging the gap between personality assessment and psychotherapy // Journal of personality assessment. 2000. Т. 75. № 1. С. 18-32.
3. Сидоренко Е.В. Терапия и тренинг по Альфреду Адлеру. СПб.: Речь, 2000.
4. Исполатова Е.Н., Николаева Т.П. Модифицированная техника анализа ранних воспоминаний личности // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 69-77.

Е.С. Гусева,
Самарский университет

СОЦИАЛЬНЫЙ РОБОТ VS ЧЕЛОВЕК: ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

Статья содержит результаты исследования представлений современной молодежи об основных различиях робота и человека. Исследование показало: студенты обращают основное внимание на неспособность робота к эмоциональным проявлениям. Студенты готовы воспринимать робота исключительно как бытового помощника и предпочитают роботов, не имеющих внешнего сходства с человеком.

Ключевые слова: социальный робот, психология различий робота и человека, отношение к роботу у молодежи.

E.S. Guseva,
Samara University

SOCIAL ROBOT VS HUMAN: DIFFERENTIAL PSYCHOLOGY OF THE FUTURE

The article contains the results of a study of the ideas of modern youth about the main differences between a robot and a human. The study showed that students pay the main attention to the inability of the robot to emotional manifestations. Students are ready to perceive the robot only as a household assistant and prefer robots that do not look like humans.

Keywords: social robot, psychology of differences between a robot and a human, attitude of young people towards robot.

В современном информационном обществе продолжает расширяться спектр так называемых социальных роботов, то есть роботов, способных общаться и взаимодействовать с человеком, благодаря чему в восприятии человека данный робот наделяется различными социальными характеристиками [1].

Сегодня роботы встречают пациентов в медицинских учреждениях, приносят кофе в офис, развлекают публику и даже дают психологические советы.

С одной стороны, робот призван облегчить нашу жизнь, исполняя роль, своего рода, гаджета или девайса. С другой стороны, в общественном сознании бытует тревожный миф о том, что робототехника в скором времени вытеснит человека с рынка рабочей силы. В гуманитарных науках давно используется такой термин, как прекариат. Именно так сегодня называют людей, не имеющих стабильных рабочих мест. По прогнозам Ж. Аттали, в скором времени этот чрезвычайно агрессивный и опасный класс населения, подобно социальному планктону в состоянии перманентной миграции, будет передвигаться по земному шару в поисках заработка и пропитания. А единственным постоянным местом дислокации для таких людей станут социальные сети [2].

Если в сфере промышленного производства робот имеет все шансы победить в конкурентной борьбе с человеком, то, как обстоят дела в сфере социальных услуг? Эффективнее ли человека машины справятся с социально-психологическими задачами?

Например, в 2021 году компания Microsoft уже зарегистрировала патент на технологию цифровых двойников умерших людей. Данная технология способна конструировать цифровой портрет человека, опираясь только на оставленный им в социальных сетях информационный след. В скором времени у каждого из нас появится возможность лично общаться с цифровыми двойниками медийных персон, получать от них внимание и поощрение. Если перспектива общения с цифровой кинозвездой вызывает сегодня общественное одобрение, то гораздо сложнее обстоят дела с «воскрешением» умерших родственников. В последнем случае велика вероятность негативных психологических последствий [3].

Новейшие эксперименты Х. Киилавуори показали, что взгляд робота-гуманоида NAO вызывает у студентов из Финляндии кожно-гальванические реакции, а также сосредоточение внимания, связанное с замедлением частоты сердечных сокращений.

Точно такие же реакции психоэмоционального возбуждения наблюдались в контрольной группе студентов, которые встречались с взглядом обычного человека своего пола. Реакция на робота и на человека различалась у испытуемых только количественно: на взгляд человека она была более интенсивной [4].

В организованном нами исследовании изучались представления о сущностных различиях робота и человека у современной молодежи. Для обсуждения поставленной проблемы были сформированы пять фокус-групп из студентов вторых курсов социально-гуманитарного института Самарского университета численностью по 7-12 человек.

По результатам исследования было выявлено, что в качестве самого главного отличия робота от человека студенты чаще всего называют отсутствие у робота эмоций и чувств. На втором месте по частоте упоминания встречаются замечания о том, что робот не имеет свободы и своего личного мнения, а также робот не имеет сознания. Еще чуть менее популярной оказалась идея о том, что робот не способен развиваться.

Интересно отметить, что 90 % опрошенных студентов не изъявили желания иметь робота, выполняющего функции близкого человека или домашнего питомца по той причине, что не смогут его воспринимать всерьез. Еще один распространенный аргумент: отношения с роботом не требуют заботы и ответственности, так как робот не болеет, он неуязвим и не может умереть. Этот факт заставляет некоторых респондентов чувствовать себя ненужными.

При этом студенты изъявили желание иметь робота, выполняющего чисто бытовые обязанности по дому, с пожеланием того, чтобы он как можно меньше внешне походил на человека. Почти 85 % респондентов заявили, что очень близкое внешнее сходство робота с человеком вызовет у них эмоциональное напряжение.

Интересно, что 95 % опрошенных признались в том, что хотели бы иметь робота-двойника. Свой выбор они объясняли следующими причинами: робот-двойник будет экономить время и силы: ходить на пары, отвечать на экзамене. Еще один распространенный ответ: робот-двойник предоставляет возможность посмотреть на себя со стороны, открывая перспективы для личного роста и саморазвития.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в представлении современной молодежи основная демаркационная линия между роботом и человеком пролегает в чувственно-эмоциональной сфере. Сегодня молодые люди не готовы выстраивать межличностные отношения с роботами и хотели бы иметь у себя дома только бытового робота-помощника неантропоморфного типа.

Список литературы:

1. Зильберман Н.Н., Стефанцова М.А. Социальный робот: подходы к определению понятия // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 11 (67). С. 297-311.

2. Аттали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб.: Питер, 2014. 288 с.

3. Босиков Р. Как технологии отменяют смерть: копии друзей, хайтек-похороны и двойники знаменитостей // Медиа «Хайтек» г. Иннополис // https://hightech.fm/2021/09/15/tech-deaths/amp.

4. Kiilavuori H., Sariola V., Mikko J. Peltola, Jari K. Hietanen Making eye contact with a robot: Psychophysiological responses and with a humanoid robot // Biological Psychology. 2021. Vol. 158.

А.Р. Дотдаева,
Санкт-Петербургский государственный университет;
В.Ю. Карпинская,
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ИЛЛЮЗОРНОГО КОНТЕКСТА НА ПОИСК РАЗЛИЧИЙ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА[13]

Проведено исследование влияния иллюзии на поиск различий у детей дошкольного возраста. 20 испытуемых возрастом от 5 до 6 лет приняли участие в эксперименте, где варьировались следующие факторы: наличие различий в деталях изображений (присутствуют/отсутствуют) и наличие иллюзии (разный размер объектов, одинаковый размер, иллюзорно различающиеся объекты). Регистрировались время решения задачи и количество ошибок. Обнаружено влияния иллюзорного контекста на время поиска различий, но не на количество ошибок. Результаты эксперимента на детской выборке частично согласуются с результатами исследования на взрослых. Различия в точности ответа у взрослых и детей могут быть связаны с особенностями восприятия геометрических иллюзий в детском возрасте.

Ключевые слова: геометрические иллюзии, иллюзия Понзо, иллюзия Дельбефа, поиск различий.

A.R. Dotdaeva,
Saint-Petersburg State University;
V. Yu. Karpinskaia,
Saint-Petersburg State University

SPOT THE DIFFERENCE TASK IN ILLUSORY CONTEXT IN THE GROUP OF PRESHOOL CHILDREN

In this research we studied the influence of illusions on preschool children's visual search of differences between objects. Twenty subjects ranging in age from 5 to 6 years participated in an experiment where the following factors were varied: differences in image details (present/absence) and presence of illusion (different size of objects, same size, illusion different objects). The time to solve the task and the number of errors were recorded. Using analysis of variance with repeated measures,

[13] Поддержано фондом РНФ 22-18-00074

contrary to our expectations, we obtained statistically significant results for the effect of illusory context on the time to find differences. Subjects spent significantly more time searching in illusionary context. There were no differences in accuracy between different pairs. Thus, in our experiment the effect of illusion on the increase in the time to find differences, similar to that found in adults, was observed in children.

Keywords: visual illusions, Ponzo illusion, Delbeuf illusion, spot the difference task.

Действительность и наши представления о ней не всегда совпадают. Ярким примером подобных несовпадений являются геометрические зрительные иллюзии. Механизмы формирования таких иллюзий разнообразны, нередко несколько разных причин указывают как причину происхождения одной иллюзорной ошибки. Размер иллюзии может изменяться в зависимости от разных факторов. Так, можно наблюдать снижение или отсутствие иллюзий при моторной оценке, существует разница в восприятии иллюзий представителями разных культур, есть возрастные различия: было показано, что сила иллюзий у детей отлична от силы иллюзий у взрослых. Большинство работ свидетельствует о том, что дети менее восприимчивы к зрительным иллюзиям [1-4]. Обычно указывают возраст 5-6 лет как точку перехода к восприятию геометрических иллюзий соответственно взрослой выборке.

Одним из направлений исследования зрительных иллюзий является изучение их влияния на решение различных задач. Н.В. Андрияновой и др. [5] было проведено исследование поиска отличий в иллюзорном контексте. Обнаружилось, что время и точность ответа в такой задаче зависит не только от содержания рисунка, но и от того, различаются ли рисунки по размеру реально или иллюзорно. Оказалось, что иллюзорное различие в размере затрудняет поиск сильнее, чем равный и даже разный размер объектов. Авторы предположили, что это может быть связано с фиксацией иллюзорного различия как ошибки, а ошибки, как было обнаружено во многих исследованиях, тормозят последующее решение задачи [2; 5; 6].

Мы решили исследовать подобный эффект на детской выборке дошкольников, когда, согласно литературе, иллюзии еще не столько сильны, как у взрослых, или вовсе отсутствуют. Было проведено исследование по определению наличия эффекта замедления и снижению точности ответа в иллюзорном контексте у детей.

Ход эксперимента. На экране размером 1440x900 на сером фоне предъявляется пара изображений размером 10x15 см. Время предъявления стимула не ограничено, что обусловлено спецификой детской выборки. Ответ фиксируется нажатием клавиш (стрелка направо – есть различия, стрелка налево – различий нет). На клавиши наклеены обозначения цветом для упрощения задачи детям. Фиксируется время поиска отличий и количество ошибок. На экране демонстрируется пара изображений. Задача испытуемого – определять, есть ли между картинками различия в деталях, не обращая внимание на размер объектов и фон. После нажатия клавиши изображение 41 сменяется на серый фон. В случае нахождения отличия на этом этапе испытуемый описывает его. Далее экспериментатор нажимает клавишу для перехода к следующему изображению. Весь эксперимент состоит из 72 проб. Каждый испытуемый принимал участие 2 раза по 36 проб соответственно. Разделение эксперимента на 2 части необходимо во избежание переутомления и рассеивания внимания. Каждая из частей заняла от 10 до 15 минут. Перед тем, как перейти к тренировке и непосредственно эксперименту, каждый ребёнок проходил обучение длительностью около 5 минут. Необходимость такого обучения обусловлена сложностью инструкции и важностью понимания её ребёнком. Был заимствован набор стимулов из исследования Н.В. Андрияновой и др. [5]. Часть стимулов была модифицирована (изменены различия в деталях), что обусловлено особенностями детской выборки. Стимулы были представлены 72 парами изображений, 36 из которых имели различия в деталях, а у 36 таковые отсутствовали. Примерами различий в деталях могут служить: разное время на часах, повёрнутые в разные стороны глаза совы, наличие/отсутствие полосок на плавниках рыбы и подобные. Таким образом, различия в деталях не касались формы, цвета и наклона. При этом 24 пары объектов имели одинаковый размер, 24 пары объектов отличались размером на 10%, 24 пары включали модифицированные иллюзии Понзо и Дельбёфа.

Выборку составили 20 детей в возрасте от 5 до 6 лет, из них 11 девочек и 9 мальчиков. Средний возраст составил 5 лет и 7 месяцев. Исследование было одобрено Комитетом по этике СПбГУ в соответствии с разрешением 423/2003.

Результаты. Статистический анализ проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics 26.0 для операционной системы Windows 10. Независимая переменная «наличие различий» имела 2 уровня (есть различие в деталях и нет различия в деталях), а независимая переменная «наличие иллюзии» имела 3 уровня (одинаковый размер объектов, иллюзорная разница в размере, разный размер). В качестве зависимых переменных выступали время

поиска различий и количество ошибок. Анализ времени выполнения задачи обнаружил основной эффект двух факторов: наличия различий в деталях ($F(1,18) = 5,97$; $p<0,05$) и наличие иллюзии ($F(2,18) = 13,55$; $p<0,001$), а также отсутствие их взаимодействия ($F(2,18) = 1,043$; $p=0,374$). Далее проведено два отдельных дисперсионных анализа с повторными измерениями, разделённых по условию наличия и отсутствия различий в деталях.

Отсутствие различий в деталях. Обнаружен эффект влияния иллюзии на время зрительного поиска ($F(2,18) = 8,96$; $p<0,05$).

Парные сравнения с корректировкой НСР показали значимые различия между всеми тремя условиями:

1) время зрительного поиска в условии иллюзорно различающихся объектов значимо увеличено по сравнению со временем поиска в условии объектов одинакового размера ($t=1,525$; $p<0,001$);

2) время зрительного поиска в условии иллюзорно различающихся объектов значимо увеличено по сравнению со временем поиска в условии объектов разного размера ($t=0,891$; $p<0,05$);

3) время зрительного поиска в условии реально различающихся размером объектов значимо увеличено по сравнению со временем поиска в условии объектов одинакового размера ($t=0,634$; $p<0,05$). Другими словами, в случае, когда между объектами не было различий в деталях, в иллюзорном контексте испытуемые отвечали значимо медленнее, чем в двух других условиях. Интересно, что не было обнаружено значимых различий по точности выполнения задачи ($F(2,18) = 0,794$; $p<0,46$). Средний процент ошибок в условии одинакового размера составил 4,4 %, в условии иллюзии – 7,3 %, в условии разного размера – 3,7 %.

Несколько отличающиеся результаты были обнаружены в условии наличия различий в деталях. При анализе влияния иллюзии на время поиска был также обнаружен основной эффект ($F(2,18) = 4,07$; $p<0,05$). Парные сравнения позволили обнаружить, что при наличии отличий в деталях в условии иллюзии поиск осуществлялся значимо медленнее, чем в условии объектов одинакового размера ($t=0,817$; $p<0,05$). Значимости между временем поиска в условии иллюзии и объектов разного размера обнаружено не было ($t=0,04$; $p<0,9$). Касательно количества ошибок результаты аналогичны ситуации отсутствия различий в деталях: не обнаружилось значимых различий ни в одном из условий ($F(2,18) = 1,87$; $p<0,2$)

Итак, было показано, что при отсутствии различий в деталях в условии иллюзий дети тратили значимо больше времени на поиск. Этот результат ана-

логичен полученному в исследовании, проведённом на взрослой выборке (Андриянова, 2021). Механизм описываемого замедления, предложенный группой авторов, предполагает, что сигнал об ошибке, возникающий при восприятии иллюзорного изображения, тормозит поиск других отличий. Несмотря на то, что у детей данной возрастной группы иллюзии восприятия должны отсутствовать или быть существенно слабее, чем у взрослых, мы наблюдаем данный эффект замедления и на детской выборке. Это может быть связано с тем, что в подобранной выборке иллюзии всё-таки были выражены сильнее, чем предполагалось. Часть исследований показала, что более существенную роль в восприятии иллюзий играет не возраст, а сформированность константности зрительного восприятия [2]. Этот показатель является индивидуальным, и в одном и том же возрасте у разных детей константность может быть сформирована на разном уровне, что может вносить вклад в подверженность детей иллюзиям. Для последующих работ при развитии наших идей следует учитывать этот фактор и основным критерием для подбора выборки выдвинуть не возраст, а именно уровень сформированности константности зрительного восприятия.

В отличие от взрослой выборки, у детей не удалось обнаружить и значимого влияния иллюзии на точность решения задачи. И это может быть связано с особенностями иллюзорного восприятия в детском возрасте, при котором иллюзия оказывает влияние на время решения, но не на количество ошибок. Еще одна возможная причина – утомляемость детей, поскольку количество стимулов велико, а общее количество ошибок в детской выборке больше, чем во взрослой.

Заслуживает внимания обнаруженный неочевидный факт, что поиск осуществляется значимо быстрее в условии наличия различий в деталях, чем в ситуации, когда объекты не отличаются. Предположительно, при отсутствии различий человек всё ещё некоторое время продолжает поиск, перепроверяет принятое решение об отсутствии различий. В ситуации же, когда различие есть, после его нахождения и осознания поиск сразу прекращается, поскольку приходит сигнал о том, что задача решена. Обнаружилось и увеличение процента ошибок в ситуации наличия различий в деталях. Это может быть связано с типом ошибки. Так, не заметить различие гораздо проще и вероятнее, чем придумать и осознать различие там, где его нет.

Список литературы:

1. Карпинская В.Ю. Опыт использования методики «треккинга» для моторной оценки зрительных иллюзий // Когнитивна наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 19 июня 2019 г. 2019. С. 212-217.

2. Романова-Африкантова Н.И. Оценка размеров объектов в иллюзорном контексте детьми дошкольного и младшего школьного возраста: вып.квал.раб.: 50.04.01. СПб. 2018. 56 с.

3. Leibowitz H.W., Judisch J.M. Size-constancy in older persons: A function of dis- tance // The American Journal of Psychology. 1967. Vol. 80. №2. P. 294 // http://dx.doi. org/10.2307/1420992

4. Rival C., Olivier I., Ceyte H., Ferrel C. Age-related differences in a delayed pointing of a Müller-Lyer illusion // Experimental Brain Research. 2003. Vol. 153. №3. P. 378-381 // http://dx.doi.org/10.1007/s00221-003-1559-5

5. Андриянова Н.В. Роль иллюзорного контекста в задаче поиска различий // Когнитивна наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 23-24 июня 2021. М., 2021. С. 58-63.

6. Аллахвердов В.М. Зачем нужно сознание, или почему мы делаем ошибки // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. Сборник материалов конференции. М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2010. С. 345-349.

7. Houtman F. Orienting to errors with and without immediate feedback // Journal of cognitive psychology. 2012. P. 278-285.

8. Notebaert, W Post-error slowing: An orienting account // Cognition. 2009. P. 275-279 // http://dx.doi.org/10.1016/j.cognition.2009.02.002

Ю.А. Еделева,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова;
В.А. Демарева,
ННГУ им. Н.И. Лобачевского

КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА И СПОСОБЫ ЕЕ ИЗМЕРЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБРАБОТКИ ЯЗЫКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Взаимодействие в информационной среде определяется необходимостью постоянного обмена информацией, осуществляемого посредством языкового и неязыкового кода. Для оптимальной организации воспринимаемой информации особое значение приобретает феномен когнитивной нагрузки. В статье рассматривается когнитивная нагрузка как неотъемлемая психологическая величина информационной среды, а также приведен обзор способов ее измерения с использованием лингвистических средств.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, окуломоторные характеристики, психофизиологические характеристики, субъективная сложность, оперативная память.

Y.A. Edeleva,
Nizhny Novgorod State Linguistics University;
V.A. Demareva,
Nizhny Novgorod State Lobachevsky University

COGNITIVE LOAD AND ITS LANGUAGE-MEDIATED EXPERIMENTAL METRICS

Successful functioning in the information society implies constant exchange of information via verbal or non-verbal means. In order to optimally organise the information to be processed, cognitive load has to be given particular consideration. The contribution discusses cognitive load as an indispensable attribute in an informationally dense environment. Additionally, we provide an overview of selected language-mediated experimental paradigms and corresponding behavioral and psychophysiological metrics that are used to estimate cognitive load.

Keywords: cognitive load, eye-tracking parameters, psychophysiological characteristics, subjective difficulty, working memory.

Работа с информацией является неотъемлемой составляющей взаимодействия в информационном мире. В этой связи в когнитивной психологии широко обсуждается вопрос об оптимальной подаче и организации воспринимаемой информации. Попадая в оперативную память, информация трансформируется в ментальные образы или схемы, которые впоследствии сохраняются в долговременной памяти. Начиная с 1980-х годов разрабатываются модели когнитивной нагрузки [1], которая может оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на эффективность обработки информации, задействуя ресурс оперативной памяти. В отличие от долговременной памяти, ресурс которой традиционно считается неограниченным, разрешающую способность оперативной памяти ограничивают «числом Миллера», эквивалентным 7±2 единицам в единицу времени. Еще одной составляющей, определяющей эффективность обработки информации и, как следствие, полноту и стабильность возникающих когнитивных образов или схем, является так называемая «глубина обработки» (depth of processing) – термин, предложенный Craik и Lockhart [2] в 1972 году. При этом под глубиной понимается уровень обработки визуально или аудитивно предъявленного стимула.

По мере распространения и использования в смежных областях исследований термин «когнитивная нагрузка» (cognitive load) приобрел несколько эквивалентов, таких как «когнитивное усилие» (cognitive effort) или «степень задействования когнитивных ресурсов для обработки информации» (processing load). Классический термин «когнитивная нагрузка» соотносят прежде всего с исследованием внутренних и внешних факторов, влияющих на обработку информации в оперативной памяти и формирование когнитивных образов или схем. Так, например, в процессе чтения читатель реконструирует ментальную модель текста. На ее основе осуществляется понимание прочитанного. Целостность ментальной модели определяется особенностями как самого текста, так и читателя. К первым относятся «объективные» факторы, такие как лексическое наполнение текста, его синтаксическая и пропозиционная сложность, жанровая принадлежность. Последние связаны с характеристиками самого читателя. Например, читает ли он на родном или на иностранном языке, насколько знаком с темой текста, каким опытом чтения обладает. В современном контексте активно разрабатываются методы определения индивидуальной когнитивной нагрузки. Например, в исследовании В.А. Демаревой и Ю.А. Еделевой [3] приводятся параметры движения взора при чтении англоязычных текстов носителями русского языка с разным уровнем владения английским языком. Текстовые стимулы, предъявляемые респондентам, не отличались, а также они обладали сравнимым уровнем владения родным языком. Авторы

приходят к заключению о том, что различия в количестве и длине фиксаций, а также в длине саккад являются показателем так называемой субъективной сложности работы с текстом. В то же время не исключается, что субъективная сложность может также иметь влияние собственно текстовых факторов. Среди прочих в работе В.А. Демаревой и Ю.А. Еделевой [4] рассматривается такой фактор, как информационная плотность текста. Информативными могут быть как визуальная, так и информационная плотность. Визуальная плотность – это количество визуальной информации, приходящейся на единицу текста. Информационная плотность представляет собой количество информации на слово, в зависимости от целей исследования и контекста. Информационная плотность может использоваться, например, для определения различий между языками (ср. немецкий и английский). Буквы, буквенные комбинации и морфемы имеют разную информационную плотность. Например, отдельные буквы или буквенные комбинации английского языка внутри слова зачастую не являются синтаксически информативными (за исключением однобуквенных местоимений, артиклей или флексии). В то же время русский язык имеет достаточно прозрачную систему звуко-буквенных сочетаний и богатую инъективную парадигму. Буквы и буквосочетания в большинстве случаев семантически и синтаксически информативны. Таким образом, слова одинаковой длины в русском и английском языках могут иметь разницу в информационной плотности. При этом визуальная плотность влияет на длину саккад вперед, а информационная плотность влияет на длительность фиксаций в кросс-лингвистическом аспекте, обусловленную относительной полезностью распределения и удержания внимания на определенных элементах входного материала. В то же время другими авторами отмечается, что типичные глазодвигательные показатели, которые традиционно соотносятся с когнитивной нагрузкой (средняя длительность фиксаций и амплитуда саккад), могут иметь низкую валидность в нелабораторных экспериментальных условиях [5]. Подчеркивается необходимость разработки методологического инструментария для комплексного анализа фиксаций и характеристик саккад. К таковым относят анализ и моделирование траекторий движений глаз, анализ временных серий и мультифрактальный анализ [5]. Помимо глазомоторных показателей для изучения когнитивной нагрузки используются и другие психофизиологические параметры, такие как вегетативные показатели вариабельности ритма сердца (ВРС) [6] или определенные диапазоны электроэнцефалографии [7]. В оценке когнитивной нагрузки в деятельности синхронных переводчиков также оценивается их речевое поведение и жестикуляция [8]. При анализе речевого поведения в условиях когнитивной нагрузки наблюдаются сопутствующие вербальные

(ошибки на разных уровнях языковой системы, оговорки, фальстарты и др.) [8] и невербальные реакции [9]. Например, при синхронном переводе научно-популярной лекции отмечается преобладание жестов-адаптеров, связываемых со стрессом и установлением контроля за ментальной деятельностью.

К классическим методам индуцирования когнитивной нагрузки относят тип заданий с общим названием «семантическая вербальная беглость» (verbal fluency tests). Респондентам предлагается в определенный промежуток времени назвать как можно больше слов, принадлежащих к определенной семантической (фрукты, овощи, животные и др.) категории или начинающихся на определенный звук (фонематическая вербальная беглость). Распространенным так же является тест Амтхауэра, где респондентам предлагается устное решение 20 арифметических задач в течение 10 минут. При этом при изучении вегетативного обеспечения когнитивной нагрузки была выявлена разнонаправленность корреляционных взаимоотношений между симпатическими и парасимпатическими отделами вегетативной нервной системы в зависимости от типа выполняемого задания [6]. Необходимо также упомянуть тест Стернберга [10], где респондентам предлагается запомнить ряд случайных элементов (числа, буквы, слова, звуки, лица), предъявляемый им в течение 1-2 секунд. Далее следует контрольный элемент и респонденту необходимо решить, находился ли он в ранее предложенной к запоминанию последовательности. Респондентам так же необходимо воспроизвести запомненную последовательность вслух. Индивидуальная когнитивная нагрузка при этом определяется предельным размером последовательности для запоминания в зависимости от увеличения количества ошибок и времени реакции. При этом было выявлено, что задание с 8-10 элементами является критическим с точки зрения когнитивной нагрузки [11]. Операционализация когнитивной нагрузки как снижение темпа и точности/качества выполнения определенных заданий имеет несомненный потенциал для развития инструментальных алгоритмов, обеспечивающих сбор необходимой информации для оценки психофизиологического состояния человека в различных контекстах работы с информацией, что является важной предпосылкой их оптимизации.

Список литературы:

1. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. 1988. V.12. № 2. C.257-285.

2. Craik F.I., Lockhart R.S. Levels of processing. A framework for memory research // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1972. V.11. N.6. C. 671-684.

3. Demareva V., Edeleva Y. Eye-tracking based L2 detection: Universal and specific eye movement patterns in L1 and L2 reading // Procedia Computer Science. Postproceedings of the 10th Annual International Conference on Biologically Inspired Cognitive Architectures, BICA 2019. 2020. С. 673-676.

4. Demareva V.A., Edeleva Y.A. Is information density a reliable universal predictor of eye movement patterns in silent reading? // Studies in Computational Intelligence. 2020. V. 856. С. 89-94.

5. Величковский Б.Б. Новые глазодвигательные методы оценки когнитивной нагрузки // Вопросы психологии. 2021. № 1. С. 119-129.

6. Арчибасова Е.А., Куликов В.Ю., Воевода М.И. Особенности регуляции вариабельности ритма сердца при различных вариантах когнитивной нагрузки у студентов // Сибирский медицинский вестник. 2021. № 1. С. 57-67.

7. Антропова Л.К., Куликов В.Ю. Семантическая вербальная беглость: особенности ЭЭГ-показателей при когнитивной нагрузке у студентов // Вестник психофизиологии. 2018. № 3. С. 100-107.

8. Томская М.В. Речевое поведение переводчика-синхрониста при когнитивной нагрузке // Наука без границ: синергия теорий, методов и практик. 2020. С. 306-308.

9. Ирисханова О.К., Петров А.А., Маковеева А.И., Леонтьева А.В. Когнитивная нагрузка в условиях синхронного перевода: опыт полимодального анализа // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 100-116.

10. Sternberg S. Memory scanning: New findings and current controversies // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1975. V.27. № 1. С. 1-32.

11. Горюшко С.М., Самочадин А.В. Средства оценки уровня когнитивной нагрузки в процессе обучения // Компьютерные инструменты в образовании. 2018. № 4. С. 35-44.

Д.А. Елисеев,
Дом творчества детей и молодежи «Гармония»;
Е.Б. Бабошина,
Курганский государственный университет

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТАРШЕГО ПОДРОСТКА В ЦЕЛЯХ ЕГО ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Ответственность необходима человеку во всех сферах его жизнедеятельности, но формирование ответственного поведения личности осложнено особенностями современного мира. Начальной задачей исследования явилось определение взаимосвязи между ответственностью старшего подростка и его личностным благополучием. С этой целью была проведена диагностика уровня развития ответственного поведения у старших подростков в ряде образовательных учреждений г. Кургана. Итогом анализа результатов стала психолого-педагогическая программа для старших подростков развивающей направленности «Забота о себе» (автор Д.А. Елисеев; научный консультант Е.Б. Бабошина).

Ключевые слова: старший подросток, ответственность, личностное благополучие, современный мир, зрелость.

D.A. Eliseev,
House of Children and Youth Creativity «Harmony»;
E.B. Baboshina,
Kurgan State University

ON THE ISSUE OF DEVELOPING THE RESPONSIBILITY OF AN OLDER TEENAGER FOR HIS PERSONAL WELL-BEING

Responsibility is necessary for a person in all spheres of his life, but the formation of such behavior is complicated by the peculiarities of the modern world. The initial task of the study was to determine the relationship between the responsibility of an older teenager and his personal well-being. To this end, the diagnosis of the level of development of responsible behavior in older adolescents was carried out in a number of educational institutions in Kurgan. The result of the analysis of the results was a psychological and pedagogical program for older adolescents of a

developmental orientation "Taking care of yourself" (author D.A. Eliseev; scientific consultant E.B. Baboshina).

Keywords: older teenager, responsibility, personal well-being, modern world, maturity.

Ответственность является базовым принципом человеческого бытия и нравственности, однако изучение и развитие этого качества в современном мире остается сложной проблемой [1]. Вопросы ответственного поведения личности изучали и изучают отечественные психологи: Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн; акмеологи: Е.П. Бочарова, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, Е.В. Селезнева; а также Д.А. Леонтьев, В.П. Прядеин и другие. С позиции акмеологического подхода, признающего важность развития в личности зрелости как основного и интегрального ее свойства, ответственность определяется интегральным критерием, позволяющим качественно преобразовать качество личности.

Ведущей сферой жизнедеятельности, активно способствующей такому становлению, выступает профессиональная деятельность человека [2], в то время как для становящейся личности важную роль должно выполнять образование. Важным показателем зрелости личности выступает ее готовность и способность заботиться о собственном благополучии, принимая самостоятельные решения, имея мужество принять ответственность за любой результат своих решений. Безусловно, к такой позиции следует готовить, а активно способствовать этому, в нашем понимании, нужно со старшего подросткового периода. В это время формируются мировоззренческие установки, уточняется видение себя и других, проявляется стремление к самостоятельности. В то же время старший подросток еще не является зрелой личностью, и на пути к этому он может испытывать кризис идентичности, запутавшись в желаниях и стремлениях. Не случайно еще Э. Эриксон отмечал состояние «путаницы ролей» в данной возрастной стадии. В современных условиях социализация по этому показателю происходит нередко неблагополучно. Так, многие предлагаемые модели поведения в социальном мире, представленном, например, в киберпространстве, часто не способствуют ясности восприятия мира и пониманию своей возможности в нем.

С другой стороны, в поиске себя старший подросток нередко не имеет критериев оценки: сомнительные авторитеты, эксперты-блоггеры и т. д. Согласимся, что современный мир во многом «утратил свой стержень» [3], привел к «смерти экспертизы» [4], что ведет также к «эпохе постправды» [5]. В

результате старший подросток часто ориентируется на ту информацию, которая сулит ему возможность внешнего благополучия, хотя часто это «симулякры» и фальсификаты. В данных обстоятельствах формирование возможности ответственного выбора встает особенно остро, поскольку подростку важно донести понимание, что личностное благополучие достигается исключительно собственными силами.

Итак, старший подросток, в силу возраста, находится на пути становления личностной зрелости, и для улучшения собственного жизненного благополучия он должен иметь представление об ответственности и быть готовым к ее проявлению. Эти представление и готовность М.М. Бахтин назвал «поступком» как «актом нашей деятельности» [6]. Разрабатывая философию поступка, ученый пришел к удивительному выводу о том, что ответственность присуща человеку изначально, следовательно, в его руках уже находится инструмент, используя который, он приобретает творческий потенциал влияния на свое личностное благополучие. Придерживаясь этой позиции, мы обратились к опыту изучения и развития ответственности старших подростков.

На сегодня нами осуществлена диагностика уровня развития ответственности подростков. Констатирующим экспериментом были охвачены сто пятьдесят подростков общеобразовательных школ г. Кургана, двух учреждений среднего профессионального образования. Применены методики: 1) опросник «Шкала интернальности-экстернальности Дж. Роттера»; 2) опросник ДУМЭОЛП (диагностика уровня морально-этической ответственности личности И.Г. Тимощука). Результаты по первому опроснику: В Курганском педагогическом колледже из 54-х студентов «интерналами» оказались 20 (37 %) человек, «экстерналами» – 34 (63 %) человека; В Курганском железнодорожном колледже из 65-ти студентов «интерналами» оказались 24 (26,7 %) человека, «экстерналами» – 41 (63,3 %) человек; В МБОУ СОШ № 42 из 31-го обучающегося «интерналами» оказались 10 (32,2 %) человек, «экстерналами» – 21 (67,8 %) человек. По опроснику ДУМЭОЛП Н.Г. Тимощука получились следующие результаты: в Курганском педагогическом колледже из 54-х студентов высокий показатель ответственности имеют 15 (27,5 %) человек, средний – 20 (36,6 %) человек, низкий – 19 (35,9 %) человек; в Курганском железнодорожном колледже из 65-ти студентов высокий показатель ответственности имеют 11 (16,9 %) человек, средний – 29 (44,7 %) человек, низкий – 25 (38,4 %) человек; в МБОУ СОШ № 42 из 31-го обучающегося школы высокий пока-

затель ответственности имеют 9 (28,2 %) человек, средний – 9 (28,2 %) человек, низкий – 13 (43,6 %) человек.

Результаты показали, что формирование ответственности у старших подростков нуждается в особом внимании. Безусловно, мы не видим в этом ничего критичного, поскольку данная ситуация соответствует возрасту старшего подростка, однако если сейчас оставить вопрос без внимания, то в дальнейшем исправить что-либо окажется более сложно. В то же время мы предполагаем, что недоразвитие качества по-своему может быть связано и с кризисом идентичности в современном мире, который только усиливается, по результатам многих исследований. При этом признаками потерянности подростка во «взрослом» мире могут являться: неопределенность личностных интересов, социальные и психологические трудности в поиске своего места в мире; тенденция к эскапизму и инфантильному поведению.

В любом из этих случаев, а также в целях их профилактики мы задались целью разработки содержания психолого-педагогического сопровождения процесса, но такого, чтобы подростку было интересно в предложенном ему образовательно-развивающем пространстве. Нашей же целью при этом явилось – заложить основы личностной зрелости. Мы разработали программу психолого-педагогической направленности «Забота о себе», проходящую апробацию сейчас в МБОУДО «ДТДМ «Гармония» г. Кургана. Основные разделы программы: «Психика и ее механизмы («Наш психический мир»)»; «Эффективная социальность» («Хочу, знаю, могу»); «Ответственная личность» («Все в моих руках»); «Самообразование в эпоху интернета» («умею ли я учиться сам?»); «От сложности к новым возможностям» («Через тернии к звездам»). Вторые названия сформулированы для подростков, помогают им лучше разобраться в цели раздела, ощутить его эмоциональный посыл. Важным разделом программы также является «Soft-skills». Всего предусмотрено 72 часа.

В данном случае мы не имеем возможности представить все содержание программы, но заметим, что важной методической частью ее реализации являются беседы, тренинги, творческие задания, в целом интерактивные методы взаимодействия. Пока сложно говорить о целостных изменениях, однако в процессе реализации программы было замечено, что:

1. происходят положительные изменения в мышлении обучающихся: получая представления о ценности личностного благополучия путем инсайта, подключая эмоций к интеллектуальному восприятию и наоборот, старшие

подростки по-новому осознают свою ответственность и ее ценности данного свойства для благополучия и развития;

2. лучше развивается понимание необходимости бережного отношения к своему телу и психике;

3. улучшаются установки к ценности теплых и гармоничных отношений с другими людьми;

4. формируются необходимые компетенции для продуктивного времяпрепровождения в интернете, как: целеполагание, саморегуляция, умение работать с информацией, навыки ее переработки; формируются 4К (кооперация, креативное мышление, критическое мышление, коммуникация). Формирующий эксперимент будет продолжен, в результате чего, полагаем, мы сможем получить ценный и, полагаем, актуальный опыт для психолого-педагогической теории в ее практическом назначении.

Список литературы

1. Сахарова В.Г. Психология ответственности и возможности ее исследования // Вестник гуманитарного института ДВГМА. 2001. С. 191-199.

2. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб: Питер, 2001. 272 с.

3. Делез Ж, др. Капитализм и шизофрения. Книга 2. Тысяча плато / Пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория. 2010. 895 с.

4. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. М.: Изд-во «Бомбора». 2019. 368 с.

5. Scheffer van de L., Weinans B. The rise and fall of rationality in language. Psychological and cognitive sciences. 2021 // https://www.pnas.org/doi/10.1073/pnas.2107848118.

6. Матвеев П.Е. Философия поступка М.М. Бахтина (опыт этической интерпретации) // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 70-83.

А.А. Золотухина,
Самарский университет

РОЛЬ КОНТЕКСТА В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ[14]

Проанализированы подходы к проблеме принятия решений. Показано, что объяснительная модель должна учитывать влияние внешних, в том числе, социальных, а также внутренних контекстов, которые опосредуют процесс принятия решения.

Ключевые слова: принятие решения, модели принятия решения, контекст.

A.A. Zolotukhina,
Samara University

THE ROLE OF CONTEXT IN DECISION MAKING

Approaches to the problem of decision-making are analyzed. It is shown that the explanatory model must take into account the influence of external, including social, as well as internal contexts that mediate the decision-making process.

Keywords: decision making, decision making models, context.

История изучения процесса принятия решений берет свое начало с работы Дж. Фон Неймана и О. Моргенштерна «Теория игр и экономическое поведение», в которой авторы предложили формализованную модель, названную теорией игр. Теория позволяет описать логику выбора стратегии игрока с учетом его знания о возможных стратегиях партнера(ов). Модель опирается на допущение, что человек, принимающий решение, является рациональным агентом выбора, и в ситуации с известными альтернативами стратегии он руководствуется минимаксным критерием, а именно стремится получить максимальный выигрыш и минимизировать возможные потери. Позже в рамках теории ожидаемой полезности было показано, что в реальной жизни люди часто предпочитают получить не наиболее желательный, а гарантированный результат, несмотря на его меньшую ценность [1].

[14] Материалы подготовлены в рамках реализации проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 23-28-01040, https://rscf.ru/project/23-28-01040/)

Модели рационального выбора работают для ситуаций, где есть ограниченное количество выборов с известными последствиями. Для ситуаций неопределенности, когда количество альтернатив неизвестно, а последствия выбора непредсказуемы, эти модели не вполне применимы.

Одна из первых концепций принятия решений в ситуации неопределенности была разработана Г. Саймоном, который утверждал, что при принятии решений невозможно учесть всю информацию и просчитать все вероятные исходы. Он ввел понятие «условия ограниченной рациональности» (лимит фактических знаний или времени, сложность решаемой задачи, наличие непредсказуемых переменных и пр.). По мысли Г. Саймона, в условиях высокой степени неопределенности наиболее эффективной стратегией принятия решения является выбор удовлетворительного варианта, а не оптимального [2].

Согласно указанным теориям, человек, принимая решения, исходит из принципа «ожидаемой полезности». В действительности же процесс принятия решений обусловлен множеством факторов, связанных с наличными условиями физической и социальной среды (внешние контексты) и перспективами, которые видит для себя человек (целевой контекст, в терминах Б. Баарса). В этом случае «логика рационального выбора» характеризуется не формальной правильностью принятого решения, а релевантностью психологическим особенностям и намерениям индивидуума.

Исследованиями психологических, а точнее, когнитивных оснований, на которые опирается человек при принятии решения, занимались Д. Канеман и А. Тверски. Авторы утверждают, что при принятии решений люди часто ошибаются, но ошибаются в соответствии с определенными правилами. Теорию перспектив Д. Канемана и А. Тверски можно считать первой психологической теорией принятия решений. Согласно этой теории человек имеет некую точку отсчета, относительно которой происходит оценка перспективы. Это может быть как актуальная, так и ожидаемая ситуация. Процесс принятия решений проходит через две стадии: 1) стадия оценки вероятности; 2) стадия оценки выигрыша или потери. На каждой стадии человек использует эвристики – когнитивные механизмы, ускоряющие процесс принятия решений за счет потери точности, что приводит к систематическим ошибкам, которые получили название «когнитивные искажения» [3; 4]. Одной из таких эвристик является привязка, или корректировка.

Эффект привязки можно трактовать как один из частных случаев контекстуально-зависимого принятия решения. Данный эффект был обнаружен во многих экспериментах. В одном из них испытуемых просили оценить процент африканских стран в ООН. Предварительно участникам демонстрировались числа, которые якобы случайно выпали на рулетке: «10» – для одной группы испытуемых, и «65» – для другой. После этого задавался вопрос: «Сколько африканских стран состоит в ООН?» В результате участники в группах давали разные ответы: испытуемые первой группы указывали значимо меньшее количество стран по сравнению с испытуемыми второй группы [5]. Энглих Б. с соавторами в своих исследованиях показали, что эвристика привязки не зависит от опыта профессиональной деятельности и работает не только в смоделированных, но и в реальных жизненных ситуациях. Так, в частности, было обнаружено, что судьи выносят более строгий приговор, если до этого они бросали игральную кость, на которой выпадало большее число [6].

С ростом исследований в области принятия решений развивались и представления о том, как внешний контекст обуславливает выбор. Фактором, влияющим на принятие решения, например, может служить форма подачи информации: одно и то же логическое утверждение, в зависимости от того, сформулировано оно в терминах выигрыша или потери, воспринимается поразному. Этот эффект, описанный Д. Канеманом и А. Тверски, получил название эффект фрейминга. Он означает, что у человека при принятии решений желание выигрыша слабее, чем неприятие потерь. Другими словами, в случае возможной потери появляется неоправданная склонность к риску [7].

Организация подачи информации также влияет на принятие решение. Эффект первичности, обнаруженный в 1946 году С. Ашем, показывает, что информация, полученная ранее, имеет существенную значимость для принятия решения. В эксперименте двум группам испытуемых было предложено составить впечатление о незнакомом человеке, опираясь на список его качеств. Первой группе предъявлялась следующая последовательность: умный, трудолюбивый, импульсивный, критически настроенный, упрямый, завистливый. Второй группе порядок предъявления слов был изменен: завистливый, упрямый, критически настроенный, импульсивный, трудолюбивый, умный. Хотя личностные качества в списках были одинаковые, испытуемые первой группы описывали человека более позитивно по сравнению с испытуемыми

второй группы, что объясняется только порядком чередования качеств, то есть, по сути, организацией предваряющего контекста [8].

Значимое воздействие на принятие решений может оказывать и социальный контекст. Например, в экспериментах С. Аша был обнаружен эффект изменения собственного мнения в сторону согласия с большинством в условиях группового давления (конформистское поведение). В его эксперименте испытуемым предлагалось сравнивать длину отрезков. В комнате все, кроме испытуемого, были подставные лица, которые давали заведомо ложные ответы. Результаты показали, что в подавляющем большинстве испытуемые соглашались с мнением группы, изменяя своё решение [9].

Контекстуальное влияние социальной ситуации на поведенческие выборы убедительно продемонстрировал С. Милгрем в своём известном эксперименте «подчинение авторитету», а также Ф. Зимбардо в Стэндфордском тюремном эксперименте. К разряду эффектов влияния социального контекста на принятие решения можно отнести и феномен «нога в дверях», описанный Д. Фридмен и С. Фрейзер [10].

Таким образом, можно утверждать, что для объяснения логики принятия решения необходимо учитывать контекстуальные влияния. Любые решения принимаются в определенной ситуации и в конкретных социальных условиях. Но, помимо этого, контекстуальными переменными могут выступать и собственно психологические образования, такие как эмоциональное состояние, мотивационный настрой и устойчивые личностные диспозиции. Построение полноценной теории принятия решения с необходимостью предполагает признания того факта, что познавательная деятельность человека и его поведение в значительной степени контекстуально зависимы.

Список литературы:

1. Нейман Дж. Фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука. 1970. 708 с.

2. Simon H.A. Rationality as Process and as Product of Thought // The American Economic Review. 1978. №68 (2). P. 1-16.

3. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision Under Risk // Econometrica. 1979. №47 (2). P. 263-291.

4. Gigerenzer G., Gaissmaier W. Heuristic decision making // Annual Review of Psychology. 2011. Vol. 62. P. 451-482.

5. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределённости: правила и предубеждения // Принятие решений в неопределённости: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр. 2005. С. 17-36.

6. Englich B., Mussweiler T., Strack F. Playing Dice With Criminal Sentences: The Influence of Irrelevant Anchors on Experts' Judicial Decision Making // Personality and Social Psychology Bulletin. 2006. №32 (2). P. 188-200.

7. Tversky A., Kahneman D. The Framing of decisions and the psychology of choice // Science. 1981. Vol. 211. P. 453-458.

8. Asch S.E. Forming impressions of personality // The Journal of Abnormal and Social Psychology. №41 (3). P. 258-290.

9. Аш С.Э. Мнение окружающих и социальное давление. М.: Флинт, 2014. 74 с.

10. Freedman J.L., Fraser S.C. Compliance without pressure: The foot-in-the-door technique // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. №4 (2). P. 195-202.

С.В. Зорина,
Самарский университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ И ЭКСПЛИЦИТНЫХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Привлечение двойных и однополюсных моделей для объяснения результатов исследования с использованием имплицитных методов позволяет прогнозировать диссоциацию или связь между результатами, полученными с помощью прямых и косвенных измерений. Теоретические рамки предполагают анализ соотношения данных не как артефакт процедур и методов, а в качестве источника прогностической валидности комплекса имплицитных и эксплицитных методик.

Ключевые слова: имплицитное социальное познание, двойные теории, имплицитный ассоциативный тест.

S.V. Zorina,
Samara University

USE OF IMPLICIT AND EXPLICIT METHODS IN SOCIAL COGNITION RESEARCH

Involving dual- and single-process models to explain the results of the study using implicit methods allows to predict the dissociation or connection between results obtained using direct and indirect measures. The theoretical framework suggests the analysis of data correlation not as an artifact of procedures and methods, but as a source of predictive validity of an implicit and explicit methods complex.

Keywords: implicit social cognition, dual-process theories, implicit Association Test.

В современных двойных моделях (dual-process, dual-system, dual-construct theories) [1-3] показано, что существуют виды процессов, которые различаются способом обработки информации, степенью ее доступности для осознания и возможностью когнитивного контроля. Подробный обзор двойных концепций, оперирующих различными терминами (ассоциативный и пропозициональный, импульсивный и рефлексивный, автоматический и контролируемый, тип один и тип два) сделан в работе К.Э. Станович с коллегами [4]. В модели Д. Канемана первая система использует ассоциативные узлы, которые

активируются быстро, легко и преимущественно неосознанно. Вторая система медленно, с усилиями и рефлексивно обрабатывает организованную с использованием правил информацию. В регуляции поведения принимают участие оба процесса, доминируя в зависимости от мотивации и когнитивных ресурсов, которые являются наиболее исследованными модераторами процессов [5]. Первая система определяет спонтанное и импульсивное поведение, особенно когда оно противоречит сознательным намерениям человека, вторая – контролирует преимущественно рефлексивные, планируемые действия. Конфликт между системами проявляется в несогласованности суждений, оценок, социальных установок.

Эксплицитные социально-когнитивные процессы как продукт активности преимущественно второй системы определяют ответы на стимулы прежде всего в условиях, когда люди имеют мотивацию и возможность взвесить издержки и выгоды различных вариантов декларации своего мнения. Имплицитное социальное познание, связанное с первой системой, проявляется преимущественно в реакциях, которые участники исследований не пытаются контролировать, потому что не рассматривают их как отражающие скрываемые намерения или которыми труднее управлять (например, скоростью реакции).

Двойные модели предлагают объяснение рассогласованности результатов прямых и косвенных измерений как отражающих процессы, системы, операции, организованные по разным принципам. Однако в конечный результат (выбор, поведение, принятие решений) вносят вклад оба типа обработки информации. Тогда диссоциация данных, полученных с помощью эксплицитных и имплицитных методик, является столь же важным результатом, как и их корреляция.

В модели ассоциативно-пропозициональной оценки (associative-propositional evaluation model, APE) подчеркивается интеракционистский характер доступности аттитюдов, зависящей от связи устойчивых личностных убеждений и конкретных условий [6]. Систематический анализ осознаваемых представлений и ассоциативных сетей позволяет определить источники как индивидуальных вариаций, так и последовательности реагирования на стимулы, обеспечивающих разнообразие или сходство ответов в зависимости от ситуации. Такой подход объясняет устойчивость имплицитных предубеждений, зафиксированных за десятилетия исследований, невысокую надежность косвенных измерений (ситуационную изменчивость) и факт имплицитно-эксплицитной диссоциации. Модель позволяет предсказать стабильность индивидуальных различий в профилях ситуация-поведение в течение времени [7].

Альтернативный взгляд на формирование оценок развивается в рамках однополярных моделей, которые описывают влияние пропозициональных процессов на ответы, полученные как при помощи прямых, так и косвенных инструментов [8]. Связи, объединяющие понятия, рассматриваются преимущественно как основанные на правилах, а не случайных совпадениях. Ряд авторов подчеркивают, что ассоциативный и пропозициональный процессы имеют автоматический и контролируемый характер [9]. В этом случае различия между результатами прямых и косвенных измерений определяются условиями реактивировации ассоциаций/следов, сформированных посредством общего процесса.

Исследования показывают наличие слабой положительной корреляции как между косвенными измерениями и поведением [10], так и между прямыми опросами и поведением. Совместное использование косвенных и прямых измерений способствует увеличению прогностической валидности комплекса методик [11]. Объединенная интерпретация результатов таких измерений позволяет смягчить нередко обнаруживаемую относительно невысокую ретестовую надежность имплицитных методик, предположительно отражающую пластичность, ситуационную зависимость ассоциативных процессов. В ряде исследований обнаружены положительные взаимосвязи между эксплицитными и имплицитными показателями, которые увеличиваются по мере роста спонтанности самоотчетов и усиления концептуального соответствия между содержанием методик [12]. Определённая настройка процедур и методик может позволить достичь согласованных результатов прямых и косвенных измерений, но при упрощении представлений об изучаемых процессах.

Таким образом, существующие данные позволяют ожидать теоретически обоснованных диссоциации или связи между прямыми и косвенными показателями, которые нуждаются в содержательной и методической интерпретации.

Список литературы:

1. Smith E.R., DeCoster J. Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems // Personality and social psychology review. 2000. Т. 4. № 2. С. 108-131.

2. Strack F., Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior // Personality and social psychology review. 2004. Т. 8. №3. С. 220-247.

3. Канеман Д. Думай медленно… решай быстро: перевод с английского М.: Издательство АСТ, 2014. 656 с.

4. Stanovich K.E., West R.F., Toplak M.E. Rationality, intelligence, and the defining features of Type 1 and Type 2 processing // Dual-process theories of the social mind. 2014. С. 80-91.

5. Hofmann W., Friese M., Strack F. Impulse and self-control from a dual-systems perspective // Perspectives on psychological science. 2009. Т.4. №2. С. 162-176.

6. Gawronski B., Bodenhausen G.V. Associative and propositional processes in evaluation: an integrative review of implicit and explicit attitude change // Psychological bulletin. 2006. Т.132. №5. С. 692-731.

7. Mischel W., Shoda Y. A cognitive-affective system theory of personality: reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure // Psychological review. 1995. Т.102. №2. С. 246-268.

8. De Houwer J. Propositional models of evaluative conditioning // Social Psychological Bulletin. 2018. Т.13. №3. С. 1-21.

9. Gawronski B., Bodenhausen G.V. Implicit and explicit evaluation: A brief review of the associative–propositional evaluation model // Social and Personality Psychology Compass. 2014. Т.8. №8. С. 448-462.

10. Forscher P.S., Lai C.K., Axt J.R., Ebersole C.R., Herman M., Devine P.G., Nosek B.A. A meta-analysis of procedures to change implicit measures // Journal of personality and social psychology. 2019. Т.117. №3. С. 522.

11. Perugini M., Richetin J., Zogmaister C. Prediction of behavior. Chapter 14 in: B.Gawronski & B.K. Payne (Eds) (forthcoming). Handbook of Implicit Social Cognition: Measurement, Theory, and Applications. New York: Guilford Press, 2010.

12. Hofmann W., Gawronski B., Gschwendner T., Le H., Schmitt M. A meta-analysis on the correlation between the Implicit Association Test and explicit self-report measures // Personality and social psychology bulletin. 2005. Т.31. №10. С. 1369-1385.

Н.В. Зоткин,
Самарский университет;
И.А. Васягина,
Самарский университет

ПРОБЛЕМЫ ВАЛИДИЗАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЦВЕТОВОГО ТЕСТА» МАКСА ЛЮШЕРА

Описаны проблемы использования «Цветового теста» М. Люшера в практике отечественного психологического тестирования.

Ключевые слова: «Цветовой тест» М. Люшера, «Метод цветового выбора» Л.Н Собчик.

N.V. Zotkin,
Samara University;
I.A. Vasyagina,
Samara University

VALIDATION AND USAGE ISSUES «COLOR TEST» MAX LUSHER

The problems of using the «Color Test» M. Lusher in the practice of domtstic psychological testing are described.

Keywords: «Color Test» M. Lusher, «Color selection method» L.N. Sobchik.

«Цветовой тест» М. Люшера состоит из десяти заданий с использованием 23 цветов и цветовых оттенков. Основой теста является концепция «Регуляционной психологии» М. Люшера. Тест направлен на измерение эмоциональной структуры и мотивационной направленности личности [1].

Отечественные психологи познакомились с «Цветовым тестом» Люшера благодаря опубликованной в середине семидесятых годов прошлого века книге Г. Клара, содержащей короткий вариант теста (два задания из десяти). Тест вызвал большой интерес у практикующих психологов и стал активно применяться в психологической практике, а также в разного рода психологических исследованиях. На основе теста Люшера различные отечественные психологи стали создавать свои собственные варианты методики, предлагали дополнительные параметры обработки результатов тестирования или, с небольшими дополнениями, публиковали методику под своей фамилией или редакцией. Наиболее известен вариант, предложенный Л.Н. Собчик [2]. Методика,

названная «Метод цветовых выборов – модификация восьмицветового теста Люшера», представлялась автором как модифицированный, адаптированный на отечественной популяции вариант. Также Л.Н. Собчик предлагает свою интерпретацию получаемых результатов.

Свои модификации теста предлагали Н.Н Пуховской, И.И. Цыганок, В.И. Мельников и В.Г. Леонтьев. Новые коэффициенты, используемые для обработки теста, предлагали Ю.И. Филимоненко, А.И. Юрьев, В.М. Нестеров, Д.В. Сочивко. Дополнения к интерпретационным возможностям теста, на основе собственных исследований, предлагали Б.А. Базыма, В.М. Элькин, П.В. Яньшин. Некоторые авторы с собственными добавлениями публиковали полный (В.В. Джос) или сокращенный (В.И. Тимофеев, Ю.И. Филимоненко) вариант теста Люшера. Некоторые авторы просто перепечатывали тест под своей редакцией (В.В. Драгунский, О.Ф. Дубровская).

М. Люшер в своём методическом руководстве по тесту чрезвычайно кратко пишет о валидизации методики. Его описание сводится к следующему.

23 специальных цвета теста выбирались М. Люшером с помощью экспериментов в течение пяти лет из 4565 различных цветовых тонов. Статистические данные были получены из опытов на 46 892 испытуемых, в число которых вошли как здоровые люди, так и лица, страдающие психосоматическими и психическими заболеваниями. Кардиовисцеральные, эндокринные, дерматологические и нейрофизиологические исследования, а также исследования химии крови, проведенные в различных американских и европейских институтах, статистически значимо доказывают, что цветовая диагностика Люшера позволяет делать точные психологически-эмоциональные измерения и достоверную психологическую оценку личности [1]. Также у Люшера есть упоминания о подтверждении надежности и валидности его методики в разных исследованиях.

После появления теста в нашей стране в восьмидесятые годы прошлого века были предприняты исследования по валидизации краткого варианты теста. Это были работы И.М. Дашковой и Е.А. Устинович, В.И. Тимофеева и Ю.И. Филимоненко, А.Н. Румянцевой, В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко.

Однако в настоящее время специалисты по психометрике скептически относятся к названным доказательствам. Один из ведущих российских специалистов-тестологов А.Г. Шмелев, признавая за восьмицветовым тестом Люшера право именоваться тестом (на том основании, что обработка результатов его проведения является формализованной и легко автоматизируется), считает

его пригодным «лишь для самой приближенной, грубой оценки фона настроения» [3].

Участники интернет-дискуссии «Валидность методик цветовой психодиагностики» [4] разделились на две группы – противников и защитников валидности теста Люшера. Л.Н. Собчик и П.В. Яньшин приводили свои доказательства конструктной валидности теста Люшера и утверждали, что опросниковые (эксплицитные) процедуры некорректно применять для валидизации имплицитных методов. К.В. Сугоняев и другие участники дискуссии приводили результаты своих исследований по сопоставлению теста Люшера с опросниками и утверждали, что он не валиден. К.В. Сугоняев, в продолжение дискуссии, опубликовал статью [5], доказывающую отсутствие конструктной валидности «Метода цветовых выборов» Л.Н. Собчик.

Таким образом, проблема валидности «Цветового теста» Люшера не решена. Попытки измерения валидности краткого варианта теста не дали убедительных результатов. Валидизацией полного оригинального варианта теста в нашей стране никто не занимался. Б.А. Базыма высказал мысль, что, скорее всего, валидизация теста Люшера невозможна пока не будет создана до сих пор несуществующая мультифакторная теория цветопредпочтения [6].

Следующая проблема связана с цветовым несоответствием диагностического материала оригинального теста Люшера и методик, выпускаемых в нашей стране. Бумажные варианты диагностического материала отличаются даже визуально. Третья проблема заключается в воспроизведении цветов и цветовых оттенков теста на экране монитора компьютера, планшета и смартфона. Степень яркости экрана и точность воспроизведения цветовых оттенков могут сильно искажать оригинальные цвета теста.

М. Люшер в этом отношении был категоричен: интерпретация результатов создана только под те стимульные цвета, которые были выбраны из 4565 различных цветовых тонов и которые издаются на бумажном носителе, печатаемом под его непосредственным контролем [1].

Ряд отечественных психологов считает, что небольшое изменение цветовых оттенков не влияет на точность интерпретации. Такие психологи, как В.В. Джос, Л.Н. Собчик, В.И. Тимофеев и Ю.И. Филимоненко, выпускали свои варианты методик со стимульными цветами, визуально не совпадающими с оригинальными цветами Люшера.

Таким образом, существует проблема несоответствия оригинальных стимульных цветов теста Люшера цветам теста, издаваемого в нашей стране. Это ставит под сомнение правильность диагностических результатов методик,

изданных в России, и тестирования, выполняемого с применением компьютеров, планшетов и смартфонов.

В нашем исследовании приняли участие 60 студентов первого, второго и третьего курса дневного отделения бакалавриата психологического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Гетерогенная группа в возрасте от 18 до 21 года.

Экспериментальное исследование заключалось в сравнении восьми основных цветов оригинального Цветового теста М. Люшера и восьми цветов «Метода цветового выбора» Л.Н. Собчик. Для оценки цветов был использован метод семантического дифференциала. Для математической обработки результатов исследования был использован кластерный анализ. Стимульный материал: оригинальные цвета и формы теста Люшера (напечатанные в типографии AG, город Люцерна, Швейцария, под контролем общества Макса Люшера) [1]; цветовые карточки «Метода цветовых выборов» Л.Н. Собчик [2]; семантический дифференциал, состоящий из восемнадцати противоположных прилагательных и семибалльной оценочной шкалы между ними (взят из [7]).

Выводы по исследованию. Визуальное сопоставление цветов двух методик (такой возможности не было у испытуемых) показывает, что сильно отличаются друг от друга и воспринимаются как разные цветовые оттенки «цвет 0 (серый)», «цвет 2 (зелёный)», «цвет 3 (красный)». «Цвета 0 (серые)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу (объединены в один кластер) 36,7 % испытуемых, и 63,3 % испытуемых восприняли их как разные цвета. «Цвета 2 (зелёные)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу 31,7 % испытуемых и 68,3 % испытуемых восприняли их как разные цвета. «Цвета 3 (красные)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу 33,3 % испытуемых и 66,7 % испытуемых восприняли их как разные цвета.

Отличаются друг от друга и при внимательном сопоставлении воспринимаются как отличающиеся цветовые оттенки «цвет 1 (синий)», «цвет 4 (жёлтый)», «цвет 5 (магента)». «Цвета 1 (синие)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу (объединены в один кластер) 31,7 % испытуемых, и 68,3 % испытуемых восприняли их как разные цвета. «Цвета 4 (жёлтые)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу 55 % испытуемых, и 45 % испытуемых восприняли их как разные цвета. «Цвета 5 (магента)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу 43,3 % испытуемых, и 56,7 % испытуемых восприняли их как разные цвета.

Визуальное совпадение цветов наблюдается у двух цветов – «цвет 6 (коричневый)», «цвет 7 (чёрный)». «Цвета 6 (коричневые)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу (объединены в один кластер) 50 % испытуемых, и 50 % испытуемых восприняли их как разные цвета. «Цвета 7 (чёрные)» восприняли как одинаковые и соответствующие друг другу 45 % испытуемых, и 55 % испытуемых восприняли их как разные цвета.

Таким образом, цвета теста, изданные в нашей стране Л.Н. Собчик, только частично соответствуют цветам, изданным в Швейцарии под контролем М. Люшера: от 45 до 68,3 % (в среднем 59 %) испытуемых отметили несовпадение цветов. Утверждение о частичном подтверждении связано с тем, что от 31,7 до 55 % (в среднем 41 %) испытуемых восприняли цвета теста, изданные в нашей стране Л.Н. Собчик, идентичными цветам, изданным в Швейцарии под контролем М. Люшера.

Итак, если большинство испытуемых воспринимает цвета методики Собчик иначе, чем оригинальные цвета Люшера, и если невозможно предсказать, как воспримет цвета методики Собчик конкретный испытуемый, можно предполагать отсутствие валидности цветов «Метода цветового выбора» Л.Н Собчик (так как интерпретация результатов строится на строго определенных цветовых оттенках, предложенных Люшером).

Список литературы:

1. Люшер М. Тест Люшера (Цветовая диагностика Люшера). Luzern: Verlag AG, 2013. 97 с.

2. Собчик Л.Н. Метод цветовых выборов – модификация восьмицветового теста Люшера. Практическое руководство. СПб.: Речь, 2007. 128 с.

3. Шмелев А.Г. Практическая тестология. Тестирование в образовании, прикладной психологии и управлении персоналом. М.: Маска, 2013. 688 с.

4. Валидность методик цветовой психодиагностики // http://forum.ht-line.ru/threads/validnost-metodik-cvetovoj-psixodiagnostiki.1778/

5. Сугоняев К.В. Можно ли оценить личностные характеристики с помощью теста Люшера? // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 41-59.

6. Базыма Б.А. Психология цвета: теория и практика. СПб.: Речь, 2005. 205 с.

7. Соломин И.Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации. Методическое руководство. СПб.: ИМАТОН, 2001. 112 с.

А.Н. Зоткин,
Самарский университет;
Н.В. Зоткин,
Самарский университет

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ОБУЧЕНИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Описано исследование личностных детерминант выбора обучения по специальности «психология».

Ключевые слова: личностные особенности, студенты-психологи.

A.N. Zotkin,
Samara University;
N.V. Zotkin,
Samara University

PERSONAL DETERMINANTS OF LEARNING SPECIALTY «PSYCHOLOGY»

The study of personal determinants of the choice of training in the specialty «psychology» is described.

Keywords: personal characteristics, psychology students.

Различные аспекты университетской подготовки студентов-психологов достаточно хорошо исследованы и описаны в отечественной психологической литературе, и популярность таких исследований остается достаточно высокой на протяжении последних двадцати пяти лет. Большое внимание уделяется изучению личностных качеств студентов психологических факультетов с целью совершенствования учебного процесса, становления в нём необходимых профессионально-личностных качеств, соответствующих таким качествам у профессионального психолога.

Анализ литературных источников на тему личностных детерминант выбора профессии психолога позволяет нам сделать следующие выводы.

Мотивация является основной детерминантой выбора профессии психолога. У поступивших на факультет психологии студентов многие исследователи выделяют два главных мотива выбора специальности «психолог». Первый

основан на желании помочь людям и всему обществу, исходя из гуманистических мыслей о мире; второй заключается в намерении разрешить свои собственные психологические проблемы, заняться самопознанием и самоактуализацией. Предположения о влиянии смысложизненных поисков и стремления к самоактуализации на выбор профессии «психолог» у большинства студентов не находят подтверждения.

Сравнение перечня рекомендуемых профессионально-важных качеств психолога и существующих личностных качеств студентов-психологов показывает только частичное их совпадение. У студентов также часто выражены нежелательные для профессиональной деятельности качества, такие как тревожность и заниженный уровень притязаний.

Проблема нашего исследования заключается в том, что, при наличии в отечественной психологической литературе большого количества опубликованных исследований, посвященных студентам-психологам, недостаточно изученными и имеющими незначительное количество публикаций остаются аспекты, связанные с личностными детерминантами выбора профессии психолога и обучения на психологическом факультете. Определение этих особенностей, установление их соответствия профессионально важным качествам психолога-профессионала, использование этих особенностей для развития профессиональных качеств или преодоления их негативного воздействия будет способствовать большей продуктивности в освоении выбранной студентами области профессиональной деятельности.

В исследовании приняла участие гетерогенная группа обучающихся третьего курса бакалавриата очного и заочного отделений психологического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва 2019-2022 годов обучения в количестве 124 человека в возрасте 19-22 года (мужчин – 14 %; женщин – 86 %). Обследование проходило во втором (весеннем) семестре. Обычно ко второму семестру третьего курса остаются обучающиеся, которые хотят доучиться до окончания университета и получения диплома; остальные оставляют обучение в течение предыдущих семестров.

В исследовании были использованы десять психодиагностических методик. Для проверки предположения о том, что стремление к самоактуализации и к поиску смысла жизни могут быть причиной выбора обучения по специальности «психология», нами был использован опросник «Самоактуализационный тест» Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинской [1], основанный на кон-

цепции самоактуализирующейся личности А. Маслоу, и «Тест смысложизненных ориентаций» в адаптации Д.А. Леонтьева [2].

Для исследования темперамента и акцентуированных черт характера были использованы «Опросник формально-динамических свойств индивидуальности» В.М. Русалова [3], выявляющий темпераментные свойства, и «Опросник черт характера взрослого человека» О.Н. Маноловой [4], основанный на классификации черт характера К. Леонгарда и концепции формально-динамических свойств индивидуальности В.М. Русалова.

Для исследования личностных черт был использован «Пятифакторный личностный опросник» в адаптации А.Б. Хромова [5], основанный на концепции «Большой пятерки личностных качеств». Для проверки предположения о том, что стремление к избавлению от высокого уровня тревожности может быть причиной выбора обучения по специальности «психология», нами был использована «Шкала реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина [6].

Три методики были выбраны для выявления уровня развития профессионально важных качеств психолога: «Волевой самоконтроль» А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана [7], «Опросник описания уверенности в себе Рейзаса» в адаптации А.А. Лосевой [8] и методика К. Томаса – Р. Килманна (TKI-R) [9], предназначенная для определения предпочитаемого стиля управления конфликтом и измерения выраженности пяти основных типов стиля поведения в межличностном конфликте. Для измерения уровня выраженности антипрофессиональных качеств использовался опросник «Измерения агрессивных и враждебных реакции» А. Басса и А. Дарки [10].

Выводы по результатам исследования. Для всех наших испытуемых студентов-психологов не характерен высокий уровень самоактуализации и высокий уровень развития формально-динамических свойств индивидуальности. Уверенность в себе почти у всех студентов-психологов находится на среднем уровне. Высокие результаты по различным аспектам поиска смысла жизни встречаются не часто (от 10 до 24% испытуемых), получены преимущественно средние и низкие результаты по всем шкалам методики смысложизненных ориентаций.

Для студентов-психологов характерны повышенный и высокий уровни косвенной и вербальной агрессии, а также склонность к раздражению.

Компромисс, сотрудничество и избегание – это основные способы поведенческих стратегий наших студентов-психологов в конфликтных ситуациях.

Также они могут использовать приспособление и крайне редко используют соперничество.

Для обследуемых студентов-психологов характерен средний и высокий уровень реактивной и личностной тревожности. Низкие уровни встречаются довольно редко, что совпадает с известными литературными данными.

По всем тридцати шкалам опросника «Большой пятерки» не выявлен исключительно высокий или исключительно низкий уровень выраженности какого-либо качества. По шкале «Эмоциональная устойчивость – Эмоциональная неустойчивость» (шкала «Нейротизма») для большинства студентов исследуемой группы характерна высокая и средняя выраженность эмоциональной неустойчивости.

Для студентов-психологов характерны такие акцентуированные личностные качества, как циклотимичность, тревожность, эмотивность. Изменчивость настроения, тревожность, сострадательность по отношению к людям – это то, что характеризует наших студентов в целом.

В результате работы определено, что многочисленные изученные нами качества: личностные качества концепций «Большой пятерки» и «Самоактуализирующейся личности», акцентуированные качества, формально-динамические свойства индивидуальности, смысложизненные ориентации, уверенность в себе, поведение в конфликтных ситуациях – могут быть личностной детерминантой обучения на психологическом факультете, но и их отсутствие не является препятствием для обучения.

Эмоциональная чувствительность, эмоциональная ранимость, эмоциональная неустойчивость, сострадательность – являются общими чертами для большинства студентов-психологов и могут рассматриваться в качестве одной из личностных детерминант выбора профессии.

Также у студентов-психологов были выявлены отрицательные качества, не способствующие их будущей профессиональной деятельности – средний и высокий уровень реактивной и личностной тревожности, повышенный и высокий уровни косвенной и вербальной агрессии.

Список литературы:

1. Гозман Л.Я. Самоактуализационный тест. М.: Российское педагогическое агентство, 1995. 44 с.

2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 18 с.

3. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Когито-центр, 2012. 720 с.

4. Манолова О.Н. Индивидуальный характер: акцентуация и деакцентуация черт // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2009. №1. С. 150-164.

5. Хромов А.Б. Пятифакторный личностный опросник. – Курган: Изд-во Курганского гос. Университета, 2000. 23 с.

6. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л.: ЛНИИФК, 1976. 14 с.

7. Зверков А.Г. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 116-124.

8. Лосева А.А. Работа практического психолога с одаренными детьми подросткового возраста // Журнал практического психолога. 1998. № 3. С. 84-97.

9. Кардашина С.В. Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса – Р. Килманна // Педагогическое образование в России. 2016. №11. С. 216-228.

10. Хван А.А. Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакции А. Басса и А. Дарки: методические рекомендации. – Кемерово: Изд-во Кузбасской гос. пед. Академии, 2005. 69 с.

А.Н. Зоткин,
Самарский университет

МОНТАЖНАЯ КИНОЛЕКЦИЯ КАК ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ

В данной статье рассматриваются возможности кинолекции в процессе обучения психологии. Описывается процесс создания монтажных кинолекций при помощи монтажных склеек отрывков из фильмов. Дается оценка их воздействия и рекомендации по их использованию.

Ключевые слова: психология, кинолекция, монтаж, кино, групповая работа.

A.N. Zotkin,
Samara University

MONTAGE FILM LECTURE AS A FORM OF TEACHING PSYCHOLOGY

This article discusses the possibilities of film lectures in the process of teaching psychology. The process of creating montage film lectures with the help of montage gluing of excerpts from films is described. An assessment of their impact and recommendations for their use are given.

Keywords: psychology, film lecture, montage, cinema, group work.

Психология уже многие годы является востребованной темой в нашем обществе. Убедиться в этом можно, посмотрев на то огромное количество обучающих курсов по совершенно разным направлениям психологии, которые предлагают в интернет-среде. Или обратить внимание на количество обучающихся в университетах по различным формам обучения на психологических направлениях. И хоть методика преподавания и программы обучения психологии уже давно сформированы, технический и социальный прогресс открывает возможности для внедрения новых методов и форм преподавания и для пересмотра старых.

Кинолекции и кинотренинги уже давно зарекомендовали себя как метод индивидуального и группового обучения, также несущий в себе потенциал для развития и роста личности, самосовершенствования и улучшения отношений с

окружающими [1]. В самом общем виде такой вид работы предполагает постановку проблемы, последующий просмотр группой определенного фильма с целью нахождения в нем этой проблематики и путей ее решения и последующее обсуждение увиденного. Можно использовать не один фильм для определенной проблематики, а несколько. Тогда, допустим, в течение пяти встреч группа смотрит пять фильмов, связанных с заявленной проблемой. Однако, благодаря широкому распространению программ для редактирования видео, мы имеем возможность показать все пять фильмов в одну встречу.

Формат кинолектория, который я использую в своей практике, вдохновлен фильмом «Киногид извращенца» Славоя Жижека. Славой Жижек – словенский психоаналитик, культуролог, основатель Люблянской школы психоанализа. В данном фильме он исследует кино, отдельные сцены, сюжетные арки героев с точки зрения психоанализа, порой проводя очень интересные и неожиданные параллели между фильмами. Поскольку в массовом сознании зачастую психоанализ сводится к сексуальности, то отсюда и такое ироничное название для фильма. И на самом деле, «Киногид извращенца» выглядит как вполне документально-психологическое кино, формат этого фильма нам известен и понятен. Однако, если перенести этот формат в реальность, то можно добиться весьма сильного эффекта.

Такой «оживший» формат я назвал монтажными кинолекциями. В их основе лежат отрывки из фильмов (содержательная сторона) и монтаж (то есть форма построения материала). Монтажные кинолекции представляют собой заранее заготовленный монтажный ряд из отрывков определенных фильмов, длительностью от 10 минут до полноценных лекционных полутора часов. Большая часть отрывков идет без звука, они призваны визуализировать то, о чем говорит лектор, но периодически он прерывается, чтобы участники группы могли посмотреть необходимые для понимания фильма и заявленной проблематики сцены, которые идут целиком и со звуком.

Хочется сказать, что здесь ведущей является содержательная сторона, т.е. качество сцен, которые мы хотим показать участникам группы. Но если мы просто друг за другом ставим необходимые нам сцены, то это всего лишь перебирание, а не монтажная кинолекция. Ведь ее назначение не только дать знание, но и погрузить участников группы в эту проблематику при помощи художественных средств. По сути, создание монтажной кинолекции – это создание отдельного фильма, подобно тому, как талантливый документалист работает с хроникой. Вспомните «Обыкновенный фашизм» М.И. Ромма. Разве этот фильм является документалистикой в привычном нам понимании? Нет,

мы чувствуем режиссерский стиль, видим параллели, выстроенные художником. И здесь уже на первый план выходит монтаж.

Монтаж, согласно С.М. Эйзенштейну, есть самое важное в фильме. То, как организован материал, и предопределяет его воздействие на зрителя. Два стоящих рядом друг с другом кадра не дают ничего нового, это и есть то самое перебирание. И здесь важно другое – интервал между ними, то, что скрепляет их определенным образом, в определённой последовательности. И именно благодаря этому интервалу два кадра начинают взаимодействовать друг с другом, рождая совершенно новое, третье [2].

Таким образом, задача психолога, создающего монтажную кинолекцию, заключается в том, чтобы, используя свой киноведческий кругозор (он обычно не входит в перечень официальных психологических компетенций, но здесь нужен и даже обязателен), выбрать из мирового кино самые подходящие для проблематики грядущего мероприятия фильмы, отобрать самые важные сцены и при помощи монтажных художественных приемов соединить их, чтобы добиться эффекта погружения – того самого эффекта, которым и славятся художественные кинофильмы.

Благодаря речи лектора, сопровождающей большую часть кинолекции, участники всё равно в определённой степени дистанцируются от художественного материала, при этом благодаря монтажу всё же оставаясь внутри кинематографического действия. Это можно сравнить с театром Брехта и его излюбленным приемом, введенным как раз для того же: закулисным рассказчиком. Этот прием помогает человеку сохранять своё отношение к происходящему, что в процессе обучения очень важно [3].

И чем больше я рассуждаю о кино, тем более явным, на мой взгляд, становится такое открытие: психологи и режиссеры занимаются одним и тем же, только в разных сферах, на разном материале. Тем же монтажом, к примеру, можно описать и работу практического психолога. Только, в отличие от режиссера, психолог с клиентами не делает свой монтаж, он разбирается в чужом. Клиент приходит с событием А, произошедшим на днях в его жизни, и связывает это с событием Б, которое случилось несколько лет назад. Сами по себе эти события ничего не значат, но при помощи построения между ними связей (монтажа) клиент делает их частью своей жизни, а вернее, того, как он воспринимает свою жизнь, то есть частью этакого внутреннего фильма. И задача – психолога понять, какой здесь монтаж, что несет в себе тот самый интервал между двумя этими событиями, где здесь кроется погрешность.

Поэтому объединение психологии и кинематографа для выполнения определённых задач напрашивается само собой. Само кино построено по принципу нашего мышления и нашего восприятия. И на этом основании зиждется успешность кинотерапии.

Монтажные кинолекции никогда не заменят полноценный просмотр фильма. Но у них и нет такой задачи. Они призваны показать многообразие заявленной проблематики, расширить представления участников группы о данной проблеме и о самом кино, погрузить участников в это. Они идеальны для вводных встреч или в условиях ограниченности времени, когда тема обширна, но смотреть все пять условных фильмов нет времени. Но мы можем приоткрыть завесу этой тематики, начать знакомить участников с этой фильмографией, обязательно уточняя: отрывки из фильмов – это лаконично, но всё же лучше смотреть фильм целиком.

Список литературы:

1. Березин С.В. Кино в психотерапии и психокоррекции // Альманах современной науки и образования. 2017. №7. С. 16-20.

2. Курова Е.Е. Диалектический метод в кино (по теоретическим работам С.М. Эйзенштейна // Южный Полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2019. № 5. С. 59-67.

3. Тамарли Г.И. Чехов и Брехт: эпизация драмы // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2018. № 1. С. 111-115.

Е.А. Зоткина,
Самарский университет;
Г.Г. Николаевская,
Самарский университет

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛДРАМАТИЧЕСКИХ ТЕРАПЕВТОВ

Описаны результаты исследования специфических личностных качеств терапевтов, использующие метод символдрамы.

Ключевые слова: личностные качества, психотерапевты, символдрама.

E.A. Zotkina,
Samara University;
G.G. Nikolaevskaya,
Samara University

PERSONAL CHARACTERISTICS OF SYMBOLDRAMATIC THERAPISTS

The results of the study of specific personal qualities of therapists using the symboldrama method are described.

Keywords: personal qualities, psychotherapists, symboldrama.

По мнению многих исследователей, личность психолога-консультанта и личность психотерапевта зачастую является решающим фактором, определяющим эффективность консультирования и психотерапии. Можно предположить, что некоторыми специфическим личностными качествами будут обладать и терапевты, использующие метод символдрамы (кататимно-имагинативной психотерапии).

Анализ литературы по теме личностных качеств психологов и психотерапевтов показал, что выделяют более ста качеств, необходимых для успешной профессиональной психологической деятельности, и описаны несколько десятков качеств психотерапевта, влияющих на ход и эффективность психотерапии. При этом в настоящее время доминирует концепция «эффективного психолога-консультанта» и «идеального психотерапевта», берущая за основу выделение различных качеств личности, способствующих выполнению профессиональной деятельности. Основной недостаток данных концепций заклю-

чается в отсутствии систематизации выявленных качеств, статическом взгляде на личность психолога-консультанта и психотерапевта, слабой проработанности вопроса о том, как она формируется и развивается.

В анализируемой литературе отмечается существование различий в личностных качествах у психотерапевтов, специализирующихся в различных психотерапевтических подходах.

Анализ литературы по теме личностных особенностей терапевтов символдраматического направления показал, что символдрама, используя свою специфическую методологию, отличается тем самым от других направлений в психотерапии. В символдраме (кататимно-имагинативной психотерапии) имеются некоторые представления о личности и личностных качествах символдраматического терапевта [1; 2], но специальные исследования этих качеств не проводились. На основании этого нами была сформулирована гипотеза исследования: существуют специфические личностные особенности символдраматических терапевтов, отличающих их от представителей других психотерапевтических подходов.

В исследовании приняли участие две группы испытуемых: 37 символдраматических терапевтов (от 24 до 57 лет; средний возраст – 42 года) и 31 психотерапевт (от 22 до 53 лет; средний возраст – 38 лет), использующих когнитивно-поведенческий подход. Представители когнитивно-поведенческого подхода выбраны по той причине, что методология когнитивно-поведенческой терапии наиболее противоположна символдраматической методологии.

В исследовании были использованы три опросника.

Опросник HEXACO-PI-R (HEXACO Personality Inventory – Revised) К. Ли и М. Эштон, адаптированный М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой [3]. Опросник основан на модели структуры личности HEXACO, измеряет шесть диспозиционных черт «Эмоциональность», «Экстраверсия», «Открытость опыту», «Доброжелательность», «Добросовестность», «Честность / Скромность» и по четыре вторичных фактора в каждой из черт.

Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» (ДТР) Д.А. Леонтьева и Е.Н Осина [4] диагностирует рефлексию как устойчивую личностную черту. Опросник основан на модели рефлексивности названных авторов, в которой различаются позитивные (системная рефлексия) и негативные (квазирефлексия, интроспекция) разновидности рефлексивных процессов.

«Многофакторный опросник эмпатии» М. Дэвиса, адаптированный Т.Д. Карягиной, Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской [5], диагностирует четыре аспекта эмпатии как реакции на наблюдаемой опыт другого.

Для анализа результатов исследования были использованы U-критерий Манна-Уитни, среднее арифметическое, дисперсия.

Выводы по исследованию. За исключением двух шкал, результаты по всем шкалам трёх опросников в группе символдраматических терапевтов выражены на среднем уровне. В группе когнитивно-поведенческого подхода все шкалы трёх опросников выражены на среднем уровне. Это соответствует нормативной выраженности этих качеств, так как шкалы опросников устроены так, чтобы большинство испытуемых будут иметь оценки, близкие к средним значениям шкалы, и только небольшой процент испытуемых будет иметь высокие или низкие оценки по шкалам.

В группе символдраматических терапевтов был получен высокий результат (но на границе со средним) по шкале «Эстетической оценки» опросника HEXACO-PI-R, что говорит о ярко выраженной способности получать удовольствие от красоты в искусстве и в природе.

В группе символдраматических терапевтов был получен низкий результат по шкале «Квазирефлексия» опросника «Дифференциальный тип рефлексии», что говорит о слабо выраженной направленности на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации. Другими словами, они не отвлекаются на посторонние факторы в процессе терапии.

При сравнении групп символдраматических терапевтов и представителей когнитивно-поведенческого подхода получены различия по шестнадцати качествам (из тридцати семи исследуемых качеств), но в рамках средних результатов по каждой шкале.

По опроснику HEXACO-PI-R получены следующие различия. В группе символдраматических терапевтов несколько больше выражены отсутствие стремления манипулирования другими людьми, склонности нарушать правила, обладания предметами роскоши и демонстрации высокого социального статуса (фактор «Честность/Скромность»); незаинтересованность в престижном потреблении и нежелание использовать предметы роскоши для создания впечатления о высоком социальном статусе (шкала «Равнодушия к роскоши»); склонность к скромности и непритязательности (шкала «Непритязательности»); интерес к красоте искусства и природы, к различным областям знаний, к необычным идеям и людям, развитое воображение (фактор «Открытость опыту»); склонность принимать необычное (шкала «Нестандартность»).

В группе символдраматических терапевтов несколько меньше выражены склонность испытывать страх перед угрозами физическому благополучию, тревогу в повседневных ситуациях, потребность в эмоциональной поддержке (фактор «Эмоциональность»); склонность к беспокойству в различных ситуа-

циях (шкала «Тревожности»); склонность иметь сильную эмоциональную связь с другими (шкала «Чувствительности»); склонность получать удовольствие от общения и социальных контактов, уверенность при руководстве людьми, испытывать энтузиазм и энергичность (фактор «Экстраверсия»); уверенность в различных жизненных ситуациях (шкала «Социальной смелости»); склонность наслаждаться общением и социальными взаимодействиями (шкала «Общительности»); склонность к организации своего времени и физического окружения, дисциплинированности в достижении своих целей, совершенству в делах и обдуманности решений (фактор «Добросовестность»); меньше выражена склонность к трудолюбию (шкала «Старательности»).

По «Многофакторному опроснику эмпатии» в группе символдраматических терапевтов несколько больше выражены способность к воображаемому перенесению себя в чувства и действия вымышленных героев книг, фильмов, спектаклей (шкала «Эстетическое сопереживание»); чувства, направленные на другого: симпатию, сочувствие, жалость, сострадание, желание помочь (шкала «Эмпатическая забота»).

По остальным шкалам всех трех опросников различия не обнаружены.

Таким образом, выявлены специфические личностные особенности символдраматических терапевтов по шкале «Эстетической оценки» опросника HEXACO-PI-R (ярко выраженной способности получать удовольствие от красоты в искусстве и в природе) и по шкале «Квазирефлексия» опросника «Дифференциальный тип рефлексии» (слабо выраженной направленности на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации).

Список литературы:

1. Лёш В. Интервью // Символдрама. 2014. № 1-2. С. 6-7.

2. Карафа-Корбут Н.О. Возможности психосоматической саморегуляции для профилактики синдрома эмоционального выгорания помогающих профессионалов // Символдрама. 2014. № 1-2. С. 49-55.

3. Егорова М.С., Паршикова О.В. Адаптация опросника HEXACO-PI-R на российской выборке // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса. Челябинск: ЮУрГУ, 2015.

4. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4.

5. Карягина Т.М. Адаптация многофакторного опросника эмпатии // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21.№ 1.

О.А. Камзина,
Самарский университет

СОСТОЯНИЯ ТРЕВОГИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Условия стремительного развития информационного цифрового пространства формируют блоки противоречивой информации. Поглощение различных информационных контентов становится неотъемлемой частью жизни человека в цифровой информационной среде. Актуальность темы обусловлена тенденциями психоэмоционального состояния человека в условиях информационного пространства.

Ключевые слова: тревога, стресс, восприятие, информация, информационное пространство.

O.A. Kamzina,
Samara University

CONDITIONS OF ANXIETY IN THE CONDITIONS OF MODERN INFORMATION SPACE

The conditions for the rapid development of the digital information space form blocks of conflicting information. The absorption of various information content is becoming an integral part of human life in the digital information environment. The relevance of the topic is due to the trends in the psycho-emotional state of a person in the information space.

Keywords: anxiety, stress, information, information space.

Современная наука наращивает ряд исследований, связанных с проблематикой влияния информационной среды на уровень тревоги и стресса человека. Появление Интернета, развитие цифрового мира, расширение источников поиска информации упрощают доступность любого контента, что усиливает неопределенность мироощущения [1].

Череда последних мировых событий позволяет утверждать, что наступивший век считается веком тревоги. Нам выпало жить в непростое время:, когда одна неопределенная ситуация сменяет другую: ковидную эпоху сменила ситуация, связанная со специальной военной операцией. В сложные време-

на особенно усиливаются тревожные ожидания: глобальным тревожным событиям сопутствуют повседневные ситуации тревоги и беспокойства.

Повседневное восприятие реальности направляет человека к поиску актуальной информации, при этом информационная среда минимизирует «живое» взаимодействие «человек-человек», создавая виртуальные инновационные формы общения, расширяя информационное мировоззрение и текущее поведение [2].

Разнообразие и обилие информационных ресурсов, а также цифровизация современного мира вносит коррективы в жизнь человека, удовлетворяя его интеллектуальные потребности [2]. Разнообразие позиций, следование за авторитетным мнением усиливают иллюзию понимания реальности. Поиск актуальной информации обуславливает непрерывное потребление информационного контента. Разноконтекстная информация погружает в информационную «паутину», создавая еще большее напряжение человеку, фрустрируя информационной противоречивостью. Крах собственной концепции мира, веры и надежды, по мнению П. Тиллиха, потенциально вызывают экзистенциальные тревожные состояния, поскольку связаны с базисной незащищенностью человека [3].

Состояние тревоги как экзистенциональной угрозы бытия изучает П. Тиллих. «Тревога – это конечность, переживаемая человеком как его собственная конечность» [3]. По утверждениям П. Тиллиха, экзистенциальный смысл конечности бытия воспринимается человеком как угроза его существования, что демонстрирует хрупкость жизни и показывает невозможность её устранения.

Экзистенциальная тревога проявляется в трех формах: тревога перед лицом предопределенности и смерти, тревога вины и осуждения и тревога в отношении к пустоте и утрате смысла. «Небытие, – пишет Тиллих, – угрожает онтическому (то есть на уровне существования) самоутверждению человека относительно – в виде судьбы, абсолютно – в виде смерти. Оно угрожает духовному самоутверждению человека относительно – в виде пустоты, абсолютно – в виде отсутствия смысла. Оно угрожает нравственному самоутверждению человека относительно – в виде вины, абсолютно – в виде осуждения. Тревога есть осознание этой тройной угрозы» [3].

Тревога, эмоциональное и психофизиологическое напряжение, угроза собственному «Я» связаны со стрессом. Стресс, как утверждает Г. Селье, – это адаптивный ответ организма на внешнюю информацию опасности, стресс возникает в момент наиболее сильного внешнего стимула в ситуации, выходящей

из-под контроля человека [4; 5]. Полученная информация движется по системам организма, которые производят аффекты, обеспечивая распознавание опасности. Эмоции, чувства и состояния как психические инструменты оценки необходимы для поиска сигналов опасности при восприятии окружающей действительности. Стресс и тревога разной интенсивности нарастают, «накрывают» человека и забирают много физиологических, эмоциональных и психических ресурсов организма.

Потеря ощущения стабильности, трудность удовлетворить актуальные потребности обеспечивают возникновение и рост тревожного состояния. Стрессовые ситуации усиливают тревогу, отмечая тем самым зависимость человека от окружающего мира. Человек, окруженный информационной «паутиной», не всегда критически перерабатывает информацию, часто он «попадается» на усвоенные социально-психологические феномены и стереотипы восприятия. Мир воспринимается пугающим. Экзистенциальная тревога мобилизует и активирует все системы организма, так как данная реакция организма обусловлена эволюционно.

Термин тревога произошел от английского слова «anxiety», что берет свое начало от латинского слова «angusto», которое имеет смысл «узость», «сужение» [6]. Абсолютно это проявляется в стрессовых ситуациях как сужение сознания и восприятия, мыслительная деятельность блокируется, однако в усиленный режим работы приходят физиологические системы. Поскольку нервная система не справляется с задачей нейтрализации нарастающей ситуации неопределенности, она допускает её негативное воздействие на организм. Меняется качество дыхания: дыхание становится поверхностным и учащенным, усиливается работа сердечной мышцы, сужаются сосуды, и повышается артериальное давление, повышается уровень глюкозы в крови, повышается тонус скелетных мышц, вырабатывается большое количество стрессовых гормонов, в первую очередь адреналина [6; 7].

Длительное физиологическое напряжение обуславливает неконтролируемую склонность человека к амплитудным переживаниям, негативному восприятию реальности и характеризуется пассивностью и социальным бездействием. Эволюционный смысл психофизиологического механизма заключается в целесообразной работе адреналина, задача которого строится на немедленной перестройке организма к активным физическим действиям, что способствует действиям по сохранению жизни.

В современных условиях переизбыток информации усложняет критическое ее восприятие. Авторитетное мнение субъективно воспринимается не

критически. Если воспринимаемая информация считывается как опасная, она трансформирует мыслительную деятельность в негативный ход мыслей, определяя угрозу и «подогревая» тревожное состояние. Так, актуальным становится формирование навыков психологической информационной гигиены, позволяющей определить зону особого внимания в современном информационном поле.

Список литературы:

1. Величковская С.Б. Особенности влияния негативной информации СМИ на уровень тревоги о здоровье у обучающихся вузов до и во время пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. №1 (842). С. 96-106.

2. Камзина О.А. Бестелесный мир информации и одиночество // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28-30 апреля 2021 г.). Самара: Издательство Самарского университета, 2021. С. 205-208.

3. Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юристъ, 1995. С. 7-131.

4. Медведева Н.И. Влияние информационного стресса на психическое здоровье личности // Психологическое здоровье личности: теория и практика: сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 172-174.

5. Кононов А.Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавирусной инфекции: исследование методом контент-анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3. С. 18-28.

6. Сидоров К.Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. № 2 // https://cyberleninka.ru/article/n/trevozhnost-kak-psihologicheskiy-fenomen

7. Старовойтов В.В. Тревога и способы ее преодоления // История философии. 2015. №1 // https://cyberleninka.ru/article/n/trevoga-i-sposoby-ee-preodoleniya

В.Ю. Карпинская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
ООО «Сова-нянька»;
Т.М. Мамина,
Санкт-Петербургский государственный университет;
М.А. Ковбаснюк,
ООО «Сова-нянька»

КОРРЕКЦИЯ ТРУДНОСТЕЙ ШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ РАБОТЕ НА ПОДВЕСНОМ ОБОРУДОВАНИИ «ДОМ СОВЫ»

Две группы детей (7-9 лет) с моторной неловкостью и трудностями в обучении участвовали в групповых занятия, направленных на укрепление мышечного корсета и улучшение координации движений. Контрольная группа занималась по классической методике ЛФК, а тренировки экспериментальной группы проходили на подвесном оборудовании. Были обнаружены значимые различия при измерении баланса и эффективности решения некоторых сенсомоторных задач после серии тренировок, преимущественно в экспериментальной группе. Результаты исследования свидетельствуют в пользу применения подвесного оборудования как способа коррекции моторных навыков, коммуникативных функций и саморегуляции.

Ключевые слова: баланс, вестибулярная система, трудности обучения, подвесное оборудование, моторная неловкость.

V.Yu. Karpinskaia,
Saint-Petersburg State University,
LLC «Sova-Nyanka»;
T.M. Mamina,
Saint-Petersburg State University;
M.A. Kovbasnuk,
LLC «Sova-Nyanka»

CORRECTION OF SCHOOL LEARNING DIFFICULTIES WHILE WORKING ON THE SUSPENDED EQUIPMENT «HOUSE OF OWLS»

Two groups of children (7-9 years old) with motor clumsiness and learning difficulties participated in group exercises aimed at strengthening the muscular cor-

set and improving movement coordination. The control group was trained according to the classical LFC methodology, and the experimental group was trained on suspended equipment. Significant differences were found in measuring balance and efficiency of solving some sensorimotor tasks after a series of training sessions, mainly in the experimental group. The results of the study indicate in favor of the use of suspended equipment as a way to correct motor skills, communicative functions and self-regulation.

Keywords: balance, vestibular system, learning difficulties, suspended equipment, motor clumsiness.

Обучение – это сложный, динамичный процесс, включающий не только когнитивные функции, но и двигательные навыки, и именно взаимодействие восприятия и действия создает благоприятную среду для развития когнитивных способностей [1; 2].

Известно, что нарушения в областях центральной нервной системы, связанные с представлениями о телесных схемах, пространстве и времени, составляют неврологическую основу для сенсорных и прецептивных нарушений, которые нередко связывают с трудностями в обучении [3; 4].

Кроме того, согласно исследованиям, изменения в интеграции базовых функций, телесных схемах, пространственной ориентации, ритме, координации мелкой моторики, импульсивности, внимании и памяти имеют в том числе нейрогенную основу и приводят к нарушению обучения [5].

Статическое равновесие является важной неврологической функцией для поддержания позы. Динамический баланс также является важной функцией, связанной со зрелостью нервной системы. Известно, что дети с нарушениями баланса и равновесия чаще демонстрируют трудности в обучении [3].

Вестибулярная система, проприоцепторы и мозжечок отвечают за такие функции, как мышечный тонус, осанка, равновесие, зрительно-моторная координация и ориентация в пространстве. Эта система, по-видимому, в значительной степени задействована в процессах школьного обучения. Существуют данные, демонстрирующие, что почти половина детей, страдающих вестибулярными расстройствами, имеют трудности в школьном обучении, отмечаются также проблемы в коммуникации [3].

Фрэнка и Левинсон продемонстрировали, что вестибулярные расстройства и спонтанный нистагм могут мешать последовательной фиксации глаз, необходимой для чтения [6]. Движение вслед за учителем по классу, копирование с доски, чтение, письмо и сосредоточение внимания требуют хорошей

глазодвигательной функции и незатронутых вестибулярных взаимосвязей. Хорак и соавторы [7] проанализировали вестибулярную функцию у детей с нарушениями чтения и письма и без них и обнаружили изменения в вестибуло-глазном рефлексе у 20 % испытуемых с плохой успеваемостью в школе. Кроме того, обнаружено, что у 7 % детей без нарушений были вестибулярные изменения.

Таким образом, раннее выявление вестибулярных расстройств и проведение корректирующей работы может предотвратить описанные выше осложнения. Практически во всех случаях, когда имеются жалобы на моторную неловкость и задержку двигательного и психического развития имеет смысл провести вестибулярные тесты. Для объективной оценки состояния вестибулярной системы в условиях клиники может быть использована видео или компьютерная нистагмография. Полное обследование вестибулярной системы, определение нарушения функций отолитового органа и дальнейшее лечение – медицинская задача. При этом с проблемами школьного обучения чаще обращаются к психологам, дефектологам, нейропсихологам и логопедам, особенно, если сложности не выходят за представление о медицинской норме, когда ребенок справляется со школьной программой, но это требует значительных усилий со стороны родителей и педагогов. В этой ситуации, чтобы оказать помощь, специалист может нуждаться в информации относительно развития когнитивных функций у ребенка (внимание, память, мышление восприятие), моторных навыков, и способности саморегуляции.

В нашем исследовании мы поставили цель определить динамику способности к удержанию равновесия и решению сенсомоторных задач у детей с моторной неловкостью и трудностями школьного обучения. Выявить связь между посещением развивающих программ на подвесном оборудовании и динамикой школьных трудностей.

Метод. Это экспериментальное исследование было одобрено Комитетом по этике СПбГУ в соответствии с разрешением 423/2003. Оно проводилось с использованием помещений и оборудования отделения реабилитации детской поликлиники Красносельского района № 37 в Санкт-Петербурге.

В исследовании участвовали дети 7-9 лет, учащиеся 1-2 классов начальной школы, наблюдавшиеся в поликлинике и проходившие программы двигательной реабилитации в период 2021-2022 гг. Все дети имели диагноз моторная неловкость (разной этиологии) и были направлены в группы на основании рекомендаций врачей ортопедов и/или невропатологов с целью укрепления мышечного корсета и развития координации.

В рамках исследования при проведении диагностики отбирались только те дети, чьи родители в анкете указали на трудности в школьном обучении. При этом мы исключили из исследования детей, имеющих нарушения психического развития, препятствующие обучению в общеобразовательной школе, и детей, имеющих нарушения зрения, слуха или других органов и систем, препятствующие обучению в рамках стандартной программы.

Дети были разделены на 2 группы по 10 человек в каждой: одна группа проходила двигательную реабилитацию по программе традиционной лечебной физкультуры, а вторая по программе сенсомоторной интеграции «Совопрактика» в зале с подвесным оборудованием.

Была проведена обучающая встреча для предоставления участникам информации и бесплатных форм информированного согласия.

Анкета родителей. Все родители заполнили анкету, где содержались вопросы о наличии или отсутствии у их детей трудностей школьного обучения. Кроме того, необходимо было оценить у своего ребенка по пятибалльной шкале выраженность качеств, связанных со школьным обучением: ловкий, выносливый, неповоротливый, медлительный, веселый, неунывающий, агрессивный, обидчивый, любознательный, внимательный, долго думает, безразличный, общительный, дружелюбный, стеснительный, замкнутый, самостоятельный, активный, безынициативный, боится нового, тревожный. Эти качества могут быть сгруппированы по 4 основным параметрам (двигательная активность, познавательная активность, коммуникабельность, эмоциональность).

Для оценки развития сенсомоторных навыков использовался набор задач, разделенных на 3 группы: в первой группе были задания, связанные со сформированностью схемы тела (умение распознать и повторить собственную позу, определить точку прикосновения к телу, способность держать равновесие с закрытыми глазами), во второй группе заданий были тесты, определяющие умение следовать заданной траектории движения, попадать в цель, удерживать равновесие с открытыми глазами), повторять движения по образцу; в третьей группе заданий необходимо было выполнять рисунки по образцу, движения согласно словесной инструкции без наглядного примера, быстро переключаться с одного движения на другое. Эти задания оценивались в баллах, количество баллов зависело от количества успешно выполненных задач.

Для оценки баланса использовался тест Берг в детской модификации [3]. Занятия в двух группах начинались одновременно, всего было 16 занятий в каждой группе 2 раза в неделю.

Результаты. Между группами до и после начала занятий значимые различия по измеряемым параметрам не определялись. Однако обнаружены значимые различия по отдельным параметрам в экспериментальной и контрольной группе до и после занятий. У экспериментальной и контрольной группы наблюдалась положительная динамика со стороны моторной сферы, укрепление мышечного корсета, нормализация мышечного тонуса, увеличение показателей силы мышц спины и живота.

В экспериментальной группе двое детей продемонстрировали улучшение мелкой моторики (сенсомоторные пробы), у одного ребенка отмечено исчезновение навязчивых движений (почесывание носа, откручивание пуговиц на одежде, смятие ткани руками в карманах).

В таблице 1 представлена суммарная динамика количества баллов по каждому методу в экспериментальной и контрольной группе испытуемых. Индивидуально показатели могли изменяться, снижаться или оставаться стабильными у каждого отдельно взятого пациента. Здесь представлены средние значения по группе до и после занятий.

Значимость отличия, обозначается (*), оценивалась по критерию Стьюдента: t-критерий Стьюдента. Для всех тестов уровень отклонения гипотезы и недействительности был установлен на уровне 0,05 % или 5 %, и были выделены значимые значения. Для выполнения статистических вычислений использовалась программа SPSS (Statistical Package for Social Sciences) выпуска 13.0.

Таблица 1

Результаты

Экспериментальная группа	Показатели (значения по экспериментальной группе)		Показатели (средние значения по контрольной группе)	
До цикла занятий\после	До	После	До	После
Сила мышц спины (сек)	26	34*	28	35*
Сила мышц живота (сек)	15	26*	16	26*
Тест Берг (баллы)	47	54*	50	53*
Ориентировка в координатах своего тела (баллы)	36	45*	39	44
Траектория и точность движения (баллы)	22	37*	26	28
Выполнение символических действий (баллы)	28	36	32	32

Согласно анкете родителей, в экспериментальной группе у детей в среднем после курса занятий на 1,3 балла увеличились показатели, характеризующие двигательную активность, на 1,5 – познавательную активность, снизились агрессия, проявления тревоги (2 ребенка). 8 детей из экспериментальной группы и три ребенка из контрольной группы стали более общительны и дружелюбны (навыки коммуникации). В контрольной группе увеличились оценки родителями выносливости на 0,5 балла.

Обсуждение. Результаты исследования свидетельствуют в пользу применения подвесного оборудования с целью активной работы с улучшением равновесия и баланса. Мы предполагаем, что существует целый ряд преимуществ занятий на подвесном оборудовании.

1. На занятиях лечебной физкультурой по классической методике большинство упражнений выполняются в положении сидя или стоя на коврике, в некоторых случаях с использованием мячей. В зале «Дом Совы» практически все упражнения выполняются на неустойчивых поверхностях, которые требуют дополнительных усилий по балансировке и удержанию позы тела. Увеличивается статическая и динамическая нагрузка, детям приходится концентрироваться на выполнении движений.

2. Занятия в/на подвесном оборудовании были разработаны и реализованы по методу «Совопрактика». В игровой форме на основе собственной познавательно-исследовательской активности ребенка строится занятие, в котором необходимо не просто выполнить ряд упражнений, все упражнения вплетены в целостную историю и служат достижению одной игровой цели занятия. Это обеспечивает вовлеченность детей, выполнение упражнений с полной отдачей.

3. Групповые занятия по методу «Совопрактика» построены таким образом, чтобы работа включала активное взаимодействие детей друг с другом. Создается общая цель, к достижению которой двигаются на протяжении всего занятия, что способствует развитию коммуникативных качеств и навыков, которые отмечены в анкете родителей.

Работа на подвесном оборудовании требует дальнейших исследований, связанных с определением связи когнитивных функций с тренировкой баланса и разделением факторов психологического воздействия и среды, в которой проводится занятие.

Список литературы:

1. Сергиенко Е.А. Революция в когнитивной психологии развития // Российский психологический журнал. 1996. № 2 (2). С. 44-60.

2. Thelen E., Smith L. A Dynamic System Approach to the Development of Cognition and Action. Cambridge, MA: MIT Press, 1994.

3. Franco E.S., Panhoca I. Vestibular function in children underperforming at school // Brazilian Journal of Otorhinolaryngology. 2008. Vol. 74. Issue 6. P. 815-825.

4. Sandler A.D., Watson T.E., Footo M., Levine M.D., Coleman W.L., Hooper S.R. Neurodevelopmental study of writing disorders in middle childhood // J Dev Behav Pediatr. 1992. № 13. P. 17-23.

5. Schachter D.C., Pless I.B., Bruck M. Self-report of family histories of learning difficulties // Can J Psychiatry. 1992. № 37. P. 29-32.

6. Frank J, Levinson H. Dysmetric dyslexia and dyspraxia // J Am Acad Child Psychiatry. 1973. № 12. P. 690-701.

7. Horak F.G., Shumway-Cook A., Crowe T.K., Black F.O. Vestibular function and motor proficiency of children with impaired hearing, or with learning disability and motor impairment // Dev Med Child Neurol. 1988. № 30. P. 64-79.

Е.А. Колесник,
Тюменский индустриальный университет

ТРУД СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья описывает важность адаптации старшего поколения к цифровым технологиям для поддержания конкурентоспособности на рынке труда и поддержания качества жизни стареющего населения. Также обсуждается проблема невостребованности специалистов пенсионного возраста на рынке труда. Рассматривается увеличение численности людей пожилого возраста и увеличение продолжительности трудовой деятельности после выхода на пенсию. Проводится анализ ситуации в Тюменской области.

Ключевые слова: старшее поколение, труд, занятость, цифровизация, компетенции, развитие, Тюменская область.

E.A. Kolesnik,
Industrial University of Tyumen

THE WORK OF THE OLDER GENERATION IN A DIGITALIZING WORLD: REGIONAL ASPECT

The article describes the importance of adapting the older generation to digital technologies to maintain competitiveness in the labor market and maintain the quality of life of the aging population. The problem of the lack of demand for specialists of retirement age in the labor market is also discussed. An increase in the number of elderly people and an increase in the duration of work after retirement are considered. The analysis of the situation in the Tyumen region is carried out.

Keywords: older generation, labor, employment, digitalization, competencies, development, Tyumen region.

Последнее десятилетие ознаменовалось бурным развитием цифровых технологий, особенно в области информации и коммуникаций. Это развитие оказало глубокое влияние на все аспекты жизни общества, от личных до профессиональных. Цифровая революция постепенно изменяет способы взаимодействия людей друг с другом, меняя их роль в социальной и экономической

сферах. В результате этого как отдельные люди, так и общество в целом адаптируются к этим изменениям, растёт осознание необходимости осваивания и использования цифровых технологий, чтобы оставаться конкурентоспособными и процветать в современном мире.

Цифровые технологии постепенно становятся частью жизни молодого поколения, люди старшего возраста также не остаются в стороне, постепенно начиная осваивать и использовать новые цифровые технологии не только в повседневной жизни, но и в производственной деятельности. Ведь для современного цифровизирующегося производства старшее поколение – это кладезь мудрости и опыта, накопленного за многие годы. Их деятельность имеет первостепенное значение, и не только потому, что она помогла сформировать наше общество и заложила основу для современного прогресса в различных областях, способствовала развитию различных областей, включая науку, медицину, инженерию, искусство и литературу. Их исследования, открытия и изобретения заложили основу для появления новых цифровых технологий и инноваций.

Мудрость и опыт старшего поколения являются бесценными ресурсами!

В то же время российская экономика становится все более цифровой, в связи с чем старшему поколению требуется приобретение новых цифровых навыков и адаптация к новым технологиям, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Это включает в себя изучение того, как использовать современное программное обеспечение, понимание методов цифрового маркетинга и ознакомление с последними тенденциями в области электронной коммерции и онлайн-общения. Им требуется ознакомиться с цифровыми инструментами и платформами для эффективного выполнения своих задач.

Согласно точке зрения Д.В. Круглова, И.Ю. Парик и С.А. Силаевой, увеличение уровня трудовой активности среди лиц старшего поколения обусловлено необходимостью «поддержания качества жизни стареющего населения» [1]. Это формирует потребность в вовлечении людей пенсионного возраста в активную трудовую деятельность.

В то же время на современном рынке труда наблюдается невостребованность специалистов, достигших предпенсионного и пенсионного возрастов. Это является достаточно серьёзной проблемой. П.А. Амбарова и Г.Е. Зборовский причину видят в отсутствии условий для «развития «серебряного» образования» [2], из-за чего нет возможностей предложить им адекватные условия труда. Стоит отметить и то, что не всегда работодатели адекватно оценивают

профессиональные навыки своих работников предпенсионного возраста, поэтому зачастую отказывают им в трудоустройстве на основе возрастных ограничений. Кроме того, работодатели зачастую не понимают, что возраст – это дополнительная квалификация работника, его опыт и знания, позволяющие людям старшего возраста выполнять достаточно широкий круг обязанностей и задач.

Прогнозируется, что этот процесс будет в дальнейшем поддерживаться увеличением демографического потенциала. В ближайшем будущем пожилых людей будет становиться все больше и больше [3]. Среднее число продолжительности лет трудовой деятельности после назначения пенсии будет увеличиваться. В качестве примеры можно привести данные 2018 года, когда средняя продолжительность составляла 6,51 %; данный показатель уже в 2020 году составил 7,02 %.

По региону (в качестве объекта выбрана Тюменская область) в период с 2019 по 2021 год наблюдается увеличение численности лиц в возрасте старше трудоспособного, их удельный вес увеличился на 0,2 п.п., в то же время в трудоспособном возрасте – на 0,1 п.п. (Рис. 1). Таким образом, наблюдаются тренды на сокращение населения региона в трудоспособном и увеличение в пожилом возрасте.

При этом, согласно данным Департамент труда и занятости населения Тюменской области, к началу 2022 года стал наблюдаться рост доли граждан трудоспособного возраста (на 104,6 % за 5 лет); доля же граждан старше трудоспособного возраста составила на 1 января 2022 года 98,1 % от аналогичного показателя пятилетней давности [4].

Согласно проведённому автором анализу, лицами старшего возраста, несмотря на тренд их все большего включения в трудовую деятельность после выхода на пенсию, необходимость продолжения трудовой деятельности рассматривается с нескольких позиций: финансовой, психологической, социальной. С финансовой позиции, пенсионные выплаты в России не обеспечивают достойный уровень жизни, поэтому многие пенсионеры стремятся продолжить свою трудовую деятельность. С психологической - трудовая активность людей старшего возраста возрождает их уверенность в завтрашнем дне, увеличивает интерес к труду, их личной значимости. С социальной – востребованность труда повышает социальный статус людей старшего возраста, а их труд – уровень и качество жизни в стране.

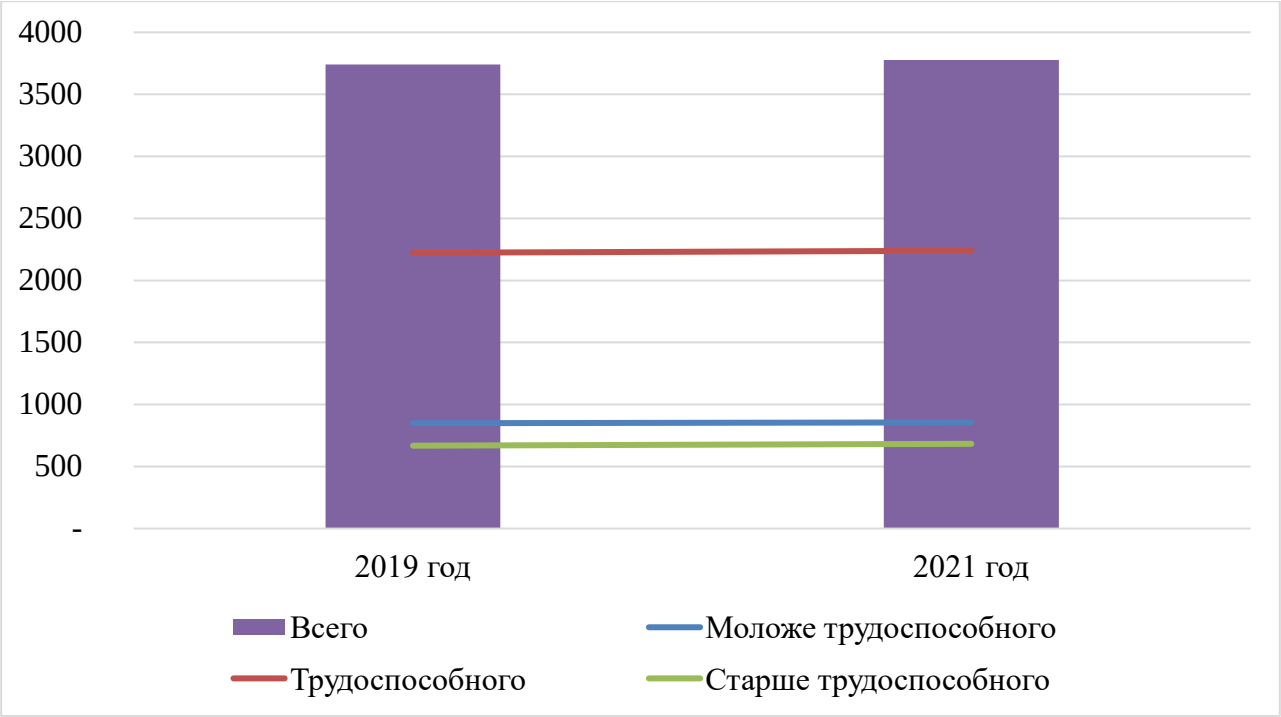


Рис. 1. Численность населения в возрастах моложе трудоспособного, трудоспособного и старше трудоспособного, чел.

В заключение можно сказать, что работа старшего поколения жизненно важна для прогресса и развития цифровизирующегося общества. Тюменская область нуждается в трудовых ресурсах вне зависимости от возраста. При этом создание условий развития цифровых компетенций старшего поколения имеет важное значение для обеспечения полного участия этих людей в жизни общества и в экономике, а также для содействия обучению на протяжении всей жизни. Этого можно достичь с помощью различных инициатив, таких, как программы повышения цифровой грамотности, возможности наставничества и гибкие механизмы работы, учитывающие потребности пожилых работников. Ценя и инвестируя в навыки и опыт пожилых работников, мы можем построить более инклюзивное и продуктивное общество, которое принесёт пользу всем.

Список литературы:

1. Круглов Д.В., Парик Ю.И., Силаева С.А. Влияние трудовой активности старшего населения на социально-экономическое развитие страны // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 1023-1036.

2. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Рынок труда и развитие «серебряного» образования в регионе: позиции органов власти и работодателей // Вопросы управления. 2020. № 4. С. 116-128.

3. Колесник Е.А. Цифровая эпоха: траектории занятости лиц старшего возраста // Старшее поколение современной России / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 436-439.

4. Итоговый отчёт по результатам выполнения работ по изучению перспективного развития рынка труда Тюменской области (без автономных округов) // https://czn.admtyumen.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/ мониторинг/итоговый%20отчет_2022.pdf

5. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/sp_1.1.xlsx

Коптев П.В.,
Самарский университет;
Бабенко А.В.,
Самарский университет

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАВИСИМОСТИ ГОТОВНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ В СООТНОШЕНИИ С УРОВНЕМ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В современном образовательном процессе критическое мышление становится одним из ключевых навыков, необходимых для адаптации студентов к быстро меняющейся действительности. Цель эксперимента заключалась в определении степени влияния уровня критического мышления на готовность студентов к восприятию изменений окружающей реальности. Анализ данных показал, что студенты с более высоким уровнем критического мышления в целом более готовы к изменениям. На основе результатов эксперимента можно заключить, что развитие критического мышления в учебном процессе является необходимым условием для успешной адаптации молодых людей к реалиям современного мира.

Ключевые слова: критическое мышление, готовность к изменениям, адаптация студентов.

Koptev P.V.,
Samara University;
Babenko A.V.,
Samara University

DEPENDENCE ALACRITY FOR CHANGE AND CRITICAL THINKING AMONG FRESHMAN OF SAMARA UNIVERSITY

Critical thinking is one of the core skills necessary for students to adapt to a rapidly changing reality. Analysis revealed that students with a higher level of critical thinking are generally more than another students ready for social change. The purpose of the experiment was to assess critical thinking for students' propensity to change. Based on the results obtained, maturation critical thinking skills is necessary for the successful adaptation of young people to the realities of the modern world.

Keywords: critical thinking skills, alacrity for change, students adaptation.

В современных реалиях образовательного процесса критическое мышление становится одним из ключевых навыков, необходимых для адаптации студентов к быстро меняющемуся миру.

Критическое мышление заключается в активном поиске понимания действительного положения дел посредством тщательной оценки информации, фактов, идей и аргументов, а также глубокого изучения и осмысления процесса мышления.

Следует понимать критическое мышление как комплекс приемов. Развитие критического мышления означает овладение, с последующей отработкой, определенным набором навыков – собственным арсеналом критического настроя, который направлен на:

– понимание и оценку рассуждения;

– понимание и оценку свидетельства;

– понимание и учет предвзятости;

– ясное, убедительное, критическое изложение своих мыслей в письменном виде;

– применение инструментов критического мышления при работе с цифровыми технологиями и информацией [1].

Целью эксперимента было определить степень влияния критического мышления на готовность студентов к изменениям.

Объект исследования: студенты первого курса очного отделения.

Предметом исследования являлась готовность к изменениям в зависимости от уровня критического мышления.

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: чем выше уровень критического мышления, тем выше готовность к изменениям.

Характеристика экспериментальной выборки: в исследовании приняли участие 40 человек (студенты разных направлений подготовки, юноши и девушки) в возрасте от 18 до 25 лет.

Применялись следующие методики и методы исследования:

1) для выявления уровня готовности к изменениям использовался Опросник личностной готовности к переменам Родника, Хезера, Голда и Хала [2];

2) для установления уровня критического мышления использовался Тест по критическому мышлению СТТ-1 Н. Непряхина [3].

Процедура эксперимента выглядела следующим образом:

1. На первом этапе испытуемыми были пройдены тесты и опрос.

2. На втором этапе с использованием ключей к Опроснику и Тесту были проанализированы значения по каждому испытуемому (Рис. 1).

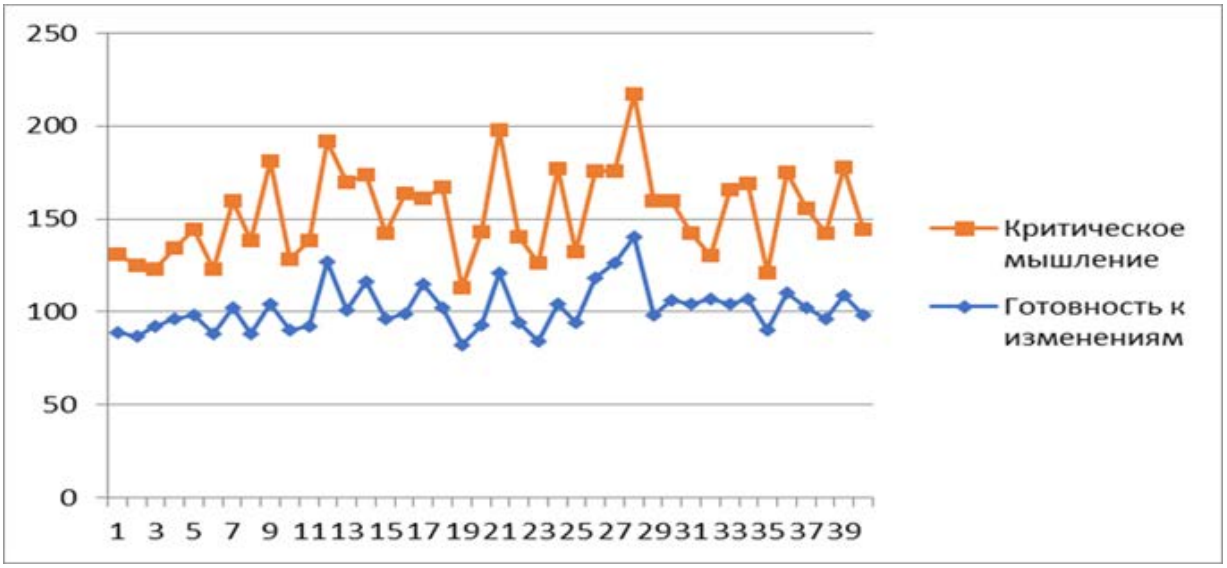


Рис. 1. Результаты исследования

3. На третьем этапе, с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена, установили, что корреляция является статистически значимой [4] (Рис. 2).

Критические значения для N = 40

N	p	
	0.05	0.01
40	**0.31**	**0.4**

Ответ: H_0 отвергается. Корреляция между А и В статистически значима.

Рис. 2. Коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Анализ данных показал, что студенты с более высоким уровнем критического мышления более готовы к изменениям. Эти студенты обладали гибко-

стью мышления, были способны видеть разные аспекты проблемы и адаптироваться к новым обстоятельствам, следовательно гипотеза подтвердилась.

Полученные результаты показывают, что люди, обладающие низким уровнем критического мышления, более уязвимы к восприятию будущего как безнадежного и неконтролируемого, а следовательно, могут иметь более выраженный уровень стресса по отношению к любым изменениям и сложнее адаптироваться.

Можно утверждать, что критическое осмысление ситуаций, с которыми сталкивается человек – необходимо. При большом объеме информационного потока человеку следует обладать навыками рационального и критического мышления, он должен выделять только важный фактический материал и осмысливать его самостоятельно.

В ходе исследования были выявлены гендерные различия готовности к изменениям. У большинства опрошенных молодых девушек, в отличие от студентов мужского пола, наблюдается более высокий уровень показателей уверенности и находчивости (умение обращаться к новым источниками для решения новых проблем), что говорит о том, что среди испытуемых женского пола уровень критического мышления выше, а следовательно, готовность к изменениям выше.

Критическое мышление заключается в поиске наилучшего объяснения реального положения дел, доступного в настоящий момент. Это обязывает человека соотносить и изменять свою точку зрения и подход к ситуациям, а также к проблемам, под давлением фактов и разумных доводов без серьезных эмоциональных переживаний и стресса, что демонстрирует здоровую готовность к изменениям.

Список литературы:

1. Чатфилд Т. Критическое мышление: Анализируй, сомневайся, формируй свое мнение / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 392 с.

2. Брынза А.В. Готовность к изменениям как психологический ресурс личности в достижении благополучия / Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology. 2015. Т. III (31). № 61. С. 69-73.

3. Непряхин Н., Пщенко Т. Критическое мышление: Железная логика на все случаи жизни. М.: Альпина. Дети, 2022. 192 с.

4. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. Спб.: Речь, 2000. 350 с.

О.В. Крамаренко,
Самарский университет;
А.Ю. Агафонов,
Самарский университет;
А.А. Золотухина,
Самарский университет;
С.Н. Бурмистров,
Самарский университет

ВЛИЯНИЕ МОЩНОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕКСТА НА РЕШЕНИЕ ЗАДАЧИ КАТЕГОРИЗАЦИИ[15]

Проведенное исследование нацелено на выявление зависимости решения задачи категоризации от мощности контекста. Предполагалось, что чем больше мощность контекста, тем сильнее его влияние на эффективность выполнения задания. Гипотеза не нашла подтверждения. Вероятно, необходимо увеличить экспериментальные пробы на этапе обучения для формирования устойчивых контекстов.

Ключевые слова: характеристики контекста, кооперация контекстов, мощность контекста, однородность контекста, задача категоризации.

O.V. Kramarenko,
Samara University;
A.Yu. Agafonov,
Samara University;
A.A. Zolotukhina,
Samara University;
S.N. Burmistrov,
Samara University

THE INFLUENCE OF THE POWER OF THE VISUAL CONTEXT ON THE SOLUTION OF THE CATEGORIZATION TASK

The research is aimed at identifying the dependence of the categorization task on the power of the context. The following hypothesis was tested: the greater the

[15] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01040, https://rscf.ru/project/23-28-01040/

power of the context, the greater its influence on the effectiveness of the task. The hypothesis was not confirmed. It is likely that stable contexts have not been formed under the created conditions and for this it is necessary to increase experimental stimulus at the training stage.

Keywords: context characteristics, context cooperation, context power, context uniformity, categorization task.

Многие эффекты, описанные в когнитивной психологии, представляют собой разновидности эффекта контекста (эффект прайминга, эффект семантической наводки, перцептивные иллюзии, функциональная фиксированность, эффект превосходства слова, эффект привязки и пр.) [1].

Несмотря на то, что эффекту контекста посвящено внушительное количество работ, по сей день актуальной задачей остается исследование контекстуальных влияний и анализ параметрических характеристик контекстов [2; 3]. Не претендуя на полноту описания, мы предлагаем выделять следующие характеристики контекста: «сила» (мера влияния на выполнение ментального или моторного действия), «мощность» (мера интеграции в единый контекст локальных контекстов), «релевантность» (мера соответствия решению актуальной задачи), «гомогенность/гетерогенность» (мера однородности контекста).

Целью проведенного исследования являлось установление зависимости решения задачи категоризации от мощности кратковременного визуального контекста. Согласно теоретической гипотезе, кооперация отдельных контекстов должна приводить к увеличению мощности и, как следствие, возрастанию силы контекста, то есть повышению степени его влияния на решение познавательной задачи.

Эмпирическая гипотеза: чем больше локальных контекстов («локализация», «размер», «вид») интегрировано в единый контекст, тем эффективнее решение задачи категоризации.

Метод. Испытуемым на экране последовательно предъявлялись слова, которые могли относиться либо к категории «птицы», либо к категории «рыбы», либо не относиться к указанным категориям («шум»). Стимулы демонстрировались в одном из восьми секторов экрана. (Границы между секторами на экране не были обозначены). Слово могло быть написано одним из 3-х вариантов размера шрифта (25, 34 или 43). Кроме того, слово могло предъявляться в рамке или без рамки. Таким образом, варьировались три параметра: а) локализация; б) размер шрифта; в) вид (наличие/отсутствие рамки). По ин-

струкции испытуемый как можно быстрее должен был реагировать на каждый стимул нажатием соответствующей клавиши. Например, при экспозиции слова «окунь» – нажатием клавиши B, при предъявлении слова «чайка» – клавиши N, а на любое слово, не относящееся к заданным категориям, нажатием клавиши «пробел». Выборка была разделена на четыре группы: три экспериментальные и одна контрольная. Всего участвовало 99 испытуемых. Процедура проводилась в два этапа: обучающий и тестовый. На каждом этапе предъявлялось по 60 слов (по 20 слов каждого типа).

Обучающий этап. Испытуемые (24 чел.) экспериментальной группы 1 (ЭГ1) выполняли задание в условиях кооперации 3-х контекстов (локализация, размер шрифта, вид). Например, слова категории «птицы» предъявлялись всегда в рамке в двух из восьми секторов экрана и были написаны всегда шрифтом одного и того же размера. Слова категории «рыбы» предъявлялись всегда без рамки в двух других секторах и написаны шрифтом другого размера. Для слов, не относящихся к категориям «рыбы» и «птицы», параметры «локализация», «размер» и «вид» менялись рандомно. Испытуемые (26 чел.) экспериментальной группы 2 (ЭГ2) выполняли задание в условиях кооперации 2-х контекстов (локализация и размер шрифта). Так, слова категории «птицы» предъявлялись как в рамке, так и без неё, но они всегда были написаны шрифтом одно и того же размера и предъявлялись только в одном из двух секторов. Соответственно, слова категории «рыбы» демонстрировались в двух других определенных секторах и имели другой размер шрифта. Испытуемые (25 чел.) экспериментальной группы 3 (ЭГ3) решали задачу при наличии одного контекста (локализация). Так, слова категории «птицы» предъявлялись только в одном из двух секторов, а слова категории «рыбы» в одном из двух других секторов. Параметры «размер» и «вид» в этой группе изменялись случайным образом. Таким образом, в разных экспериментальных группах на обучающем этапе для категорий «птицы» и «рыбы» задавались одновременно разные контексты, но одинаковой мощности. Контрольная группа (КГ) выполняла задание в условиях, когда все параметры для всех слов изменялись случайным образом.

На тестовом этапе во всех группах воспроизводились условия обучающего этапа для КГ, то есть устранялись любые контекстуальные условия: все параметры для всех слов изменялись случайным образом. Обучающий и тестовый этапы не разделялись временным интервалом.

Обработка и результаты. В ходе обработки проводился анализ динамики времени реакции (ВР) на слова категорий «птицы» и «рыбы» в каждой

группе и межгрупповой анализ. В соответствии с гипотезой величина эффекта научения к концу обучающего этапа в ЭГ1, ЭГ2 и ЭГ3 должна зависеть от количества интегрированных контекстов: эффект должен быть более всего выраженным в ЭГ1 и менее всего в ЭГ3. В свою очередь, на тестовом этапе, где контекстуальные условия нарушались, наибольшее увеличение ВР должно наблюдаться опять же в ЭГ1, а в КГ, напротив, должно происходить уменьшение ВР в силу естественного процесса научения.

На первом этапе обработки из анализа были исключены ошибочные реакции (5,2 %), а также данные одного испытуемого из КГ, который дал более 50 % ошибочных ответов. Затем, исключены реакции, время которых превышало 3 сек. или было менее 100 мс (1,8 %). Была проведена проверка на нормальность распределений и равенство дисперсий. Обнаружены незначительные отклонения. Анализ динамики ВР проводился с помощью однофакторного дисперсионного анализа с поправкой на повторные измерения (Блок – внутригрупповой фактор). Обнаружены значимые различия между блоками в КГ: $F(2, 44) = 5{,}026$, $MSe = 10309$, $p = 0.011$, $\eta_p^2 = 0{,}026$; в ЭГ2: $F(2, 50) = 7{,}543$, $MSe = 5780$, $p < 0.001$, $\eta_p^2 = 0{,}027$; в ЭГ3: $F(2, 48) = 8{,}087$, $MSe = 6855$, $p < 0.001$, $\eta_p^2 = 0{,}053$. В ЭГ1 значимых различий не обнаружено: $F(2, 46) = 0{,}206$, $MSe = 7274$, $p = 0.814$, $\eta_p^2 = 0{,}002$. Это означает, что в КГ, ЭГ2 и ЭГ3 имеет место динамика снижения ВР, а в ЭГ1 она отсутствует.

Следующим шагом в анализе результатов было сравнение групп между собой с помощью двухфакторного дисперсионного анализа Группа х Блок с поправкой на повторные измерения (Блок – внутригрупповой фактор). Обнаружено, что фактор Группа оказывает влияние на уровне тенденции ($F(3, 94) = 2{,}653$, $MSe = 100431$, $p = 0.0531$, $\eta_p^2 = 0{,}069$). Значимо влияет фактор Блок ($F(2, 188) = 16{,}012$, $MSe = 7480$, $p < 0.001$, $\eta_p^2 = 0{,}022$). Взаимодействие факторов Группа и Блок незначимо: $F(6, 188) = 1{,}452$, $MSe = 7480$, $p = 0.197$, $\eta_p^2 = 0{,}006$. Данный результат показывает, что группы в конкретных блоках между собой не отличаются. Таким образом, гипотеза исследования не получила подтверждения. По нашему мнению, это объясняется тем, что на обучающем этапе не были сформированы достаточно устойчивые контексты, так как контексты для категорий «птицы» и «рыбы» «размывались» иррелевантными стимулами («шум») и словами другой категории, что, в свою очередь, уменьшало гомогенность каждого контекста. Модифицированная экспериментальная процедура должна предполагать уменьшение количества слов категории «шум» и уве-

личение количества стимулов других категорий на этапе обучения, что должно повысить устойчивость соответствующих контекстов.

Список литературы:

1. Baars B. A cognitive theory of consciousness. NY: Cambridge University Press. 1988.

2. Barrett L.F., Mesquita B., Gendron M. Context in Emotion Perception // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. 20. No. 5. P. 286-290.

3. Goujon A., Didierjean A., Marmèche E. Semantic contextual cuing and visual attention // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2009. № 35 (1). P. 50-71.

К.С. Лисецкий,
Самарский университет;
Н.С. Морева,
Самарский университет

ФЕНОМЕН «НА КОНЧИКЕ ЯЗЫКА»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПРЕДПОСЫЛКИ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ

В статье проводится анализ особенностей феномена «на-кончике-языка». Предполагается влияние цифровизации и информационного общества на когнитивные процессы, рассматриваются причины забывания слов и особенности механизма их актуализации. Представлен обзор истории изучения феномена и его определения. Результаты проведенного исследования показывают различия в актуализации объектных и абстрактных понятий в зависимости от части речи слова-подсказки.

Ключевые слова: феномен «на кончике языка», цифровизация, метакогнитивные чувства, ассоциации, память, забывание, COVID-19, эвристика, когнитивные процессы.

K.S. Liseckiy,
Samara University;
N.S. Moreva,
Samara University

THE TIP-OF-THE-TONGUE PHENOMENON: THEORETICAL-METHODOLOGICAL ANALYSIS AND PREREQUISITES OF A SOLUTION OF THE PROBLEM

This article examines the tip-of-the-tongue phenomenon, its particular qualities and causes. We assume the digitalization impact on cognitive function, analyse forgetting of words and memory mechanisms. Presented an overview of the phenomenon`s history and definition. The results of the research show the difference between remembrance of objects and abstract nouns.

Keywords: tip-of-the-tongue states, metacognition, forgetting, heuristics, digitalization, associations, memory, COVID-19, cognitive function.

В эпоху всё большей цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества, когнитивные процессы человека и их искусственные аналоги находятся в фокусе внимания проблем, которые решает современная наука.

В процессе развития познавательной активности человек сегодня получает множество технических инструментов, которые превосходят его естественные способности: объемы памяти, скорость обработки информации, мыслительные операции, которые реализуют продукты цифрового мира и находятся на недостижимом для человека уровне. В то же время остаются психические процессы, технологический аналог которых невозможен в данное время. Подобные противоречия, возможности и ограничения в процессе трансформации личности в digital-пространстве ставят перед психологической наукой ряд важных проблем. Как связан технократический путь развития человечества с теми изменениями, что происходят в сфере психического и соматического здоровья? Можем ли мы говорить о неконтролируемых мутациях всей цивилизационной и чувственной ткани в условиях цифрового мира? Данная статья посвящена анализу некоторых частных связей когнитивных процессов с телом – той частью человека, которая труднее всего поддается цифровизации.

Одним из интересных и сложных ощущений, которое часто переживает каждый человек, является чувство затруднения вспомнить слово, сопровождающееся уверенностью в его знании и неизбежности его вспоминания. В научной литературе этот феномен обозначается как ощущение, эффект, чувство, состояние и др., однако неизменным на многих языках остается наименование «на кончике языка» (от англ. tip-of-the-tongue, сокр. TOT). Таким образом указывают на связь феномена памяти с речевой функцией. Несмотря на распространенность феномена TOT в повседневной жизни, в психологической литературе ему уделяется не так много внимания.

Впервые термин был введен У. Джеймсом в 1890 году. С тех пор зарубежными исследователями был накоплен некоторый объем теоретической и эмпирической информации по данному вопросу, несмотря на то, что само явление оказалось трудно поддающимся экспериментальной проверке [1].

Лавинообразная цифровизация содержит в себе новые вызовы и неспецифические нагрузки на психические функции человека, которые могут иметь непредсказуемые последствия. В качестве показательного примера легко заметить, что люди, перенесшие COVID-19, часто страдают забывчивостью, отвлекаемостью, снижением концентрации внимания, замедленностью мышления, что проявляется, в том числе, через значительное распространение феномена

ТОТ в повседневной жизни [2]. Аналогично нейротоксичности новых вирусов к схожим эффектам приводят употребление ПАВ и нейродегенеративные процессы, связанные как с естественным старением, так и с психическими заболеваниями. Вместе с анализом имеющихся данных и продолжением исследования причин возникновения названного эффекта важно разрабатывать и проверять гипотезы, направленные на решение растущей проблемы забывания слов, что, в свою очередь, поможет «пролить свет» на этиологию этого процесса.

История определения феномена «на кончике языка». С тех пор, как У. Джеймс впервые упомянул это необычное ощущение в своем труде «Принципы психологии»: «…Подобное ощущение – это сфера Клио, оно не похоже на недостаток ощущений; наоборот, это очень интенсивное ощущение». Явление забывания отдельных слов уже больше столетия интригует умы ученых психологов [3].

З. Фрейд посвятил несколько своих работ разбору случаев забывания знакомых слов и словосочетаний, объясняя невозможность вспомнить хорошо известную информацию действием психологической защиты – вытеснения [4].

Французский психотерапевт Э. Куэ упоминает эту проблему в связи с феноменом самовнушения и с идеей о том, что чрезмерное волевое усилие иногда может помешать достичь цели: «Не замечали ли вы, что чем больше вы стараетесь вспомнить чье-то забытое имя, тем больше оно ускользает от вас. Но как только мы заменим в нашем сознании мысль «я забыл» на «сейчас это вспомнится», как имя вспоминается само собой, без всякого усилия» [5].

Гарвардские ученые Браун и МакНейл были первыми, кто провел эмпирические исследования феномена ТОТ в 1966 году, в результате чего дополнили описание ощущения: «Субъект, «захваченный» состоянием ТОТ, испытывает легкую муку, что-то вроде грани чиха, и если он «нашел» слово, то испытывает значительное облегчение» [6]. Для экспериментальной психологии определение понятия имеет особенно важное значение при составлении инструкций для испытуемых: большинство людей интуитивно понимают, как это ощущается, когда слово «вертится на кончике языка», однако в нашем исследовании мы попытаемся более четко описать и объяснить этот опыт.

Как правило, в экспериментах используется два схожих описания чувства ТОТ:

1) «Если вы не можете подумать о слове, но уверены, что знаете его и что оно на пороге возвращения к вам, значит, вы находитесь в ТОТ-состоянии»;

2) «Нас интересует то душевное состояние, в котором человек не в состоянии вспомнить слово, в котором он уверен, что знает его, состояние ума, в котором слово кажется «на кончике языка» [7].

Вслед за зарубежными авторами отечественные психологи определяют феномен ТОТ как «...хорошо знакомое любителям отгадывать кроссворды, порой мучительное и даже навязчивое состояние предчувствия и ожидания, что вот-вот нужное слово появится в сознании». Выделяют следующие критерии феномена: 1) чувство знакомости слова и потому уверенность в том, что слово будет узнано, если его подскажут; 2) уверенность в том, что оно должно вскоре «всплыть в памяти»; 3) возможность довольно точно описать имеющийся в виду объект, указать его свойства; 4) генерация испытуемым вариантов ответа, фонологически близких к правильному (сходство первых букв, одинаковое количество слогов, правильное ударение и др.); 5) возможность облегчения процесса вспоминания с помощью подсказок (напр., нечленораздельное или очень тихое произнесение слова, произнесение только начальных звуков, слишком кратковременное зрительное предъявление слова) [8].

Некоторые исследователи рассматривают феномен «на кончике языка», как метакогнитивное чувство (далее МКЧ), то есть переживание относительно своих когнитивных процессов. В рамках этого подхода феномен ТОТ рассматривается и как отдельное МКЧ, и как частность «чувства знания» (Ж. Мэткалф) у одних авторов или «чувства правильности» у других (Б. Манган).

Таким образом, феномен «на кончике языка» можно определить следующим образом: это невозможность извлечения слова или термина из памяти в сочетании с воспоминанием определённого количества информации о забытом слове и ощущением неизбежности извлечения, сопровождающимся интенсивным ощущением фрустрации.

Гипотезы о причинах феномена ТОТ. Причины, по которым мы не только забываем, но и не можем вспомнить определенные слова, в значительной степени неизвестны, однако данному явлению было предложено множество объяснений, которые можно обобщить в две различные точки зрения: прямого доступа и логического вывода [9].

С точки зрения прямого доступа, невозможность вызова слова из памяти не означает, что оно недоступно, наоборот – субъект имеет прямой доступ к слову, однако проблема возникает на уровне механизмов и процессов извлечения. Для объяснения возможных помех извлечению выделено несколько гипотез: блокировки, неполной активации и модели дефицита передачи [9].

Гипотеза блокировки (или эффект блокировки) утверждает, что сам поиск целевого слова блокирует извлечение из памяти правильного слова, так как на ум быстро приходят правдоподобные, но неправильные ответы на вопрос. Человек признает, что вспоминающиеся слова неверны, но не может найти правильное слово, потому что оно заблокировано другими словами. В соответствии с этой гипотезой решением проблемы забывания будет удаление блокираторов: как только блокирующие слова будут забыты, ТОТ будет разрешен. Некоторые исследователи критикуют данную гипотезу, считая, что вспоминаемые вместо целевого слова блокаторы, наоборот, помогают навести на след и вспомнить правильное слово. Другие авторы в своих исследованиях демонстрируют, что блокаторы не влияют ни на возникновение состояния ТОТ ни на результат извлечения из памяти целевого слова.

Гипотеза неполной активации утверждает, что ТОТ возникает, когда целевое слово в памяти недостаточно «активировано», чтобы его можно было извлечь, но вспоминающие могут ощущать его присутствие. Аргументом к этой гипотезе может выступать трактовка феномена забывания В.М. Аллахвердовым: если с информацией ничего не надо делать, кроме как сохранять ее, то она не будет воспроизводиться, то есть осознаваться, так как воспоминание есть частный случай осознания [10]. С этого ракурса уровень активации информации зависит от ее использования.

Модель дефицита передачи основана на многокомпонентной теории репрезентации памяти, которая предполагает, что семантическая и фонологическая информация хранится в памяти и извлекается отдельно. Модель дефицита передачи постулирует, что феномен ТОТ возникает при активации семантического компонента памяти целевого слова, но эта активация не переходит на фонологический уровень памяти целевого слова. Таким образом, ТОТ вызваны дефицитом передачи активации из хранилища семантической памяти в хранилище фонологической памяти. Некоторые когнитивные психологи (Берк, Маккей) сходятся во мнении, что явление возникает в основном по трем причинам, основанным на ослаблении нейронных связей: отсутствие частого использования слова, отсутствие недавнего использования слова и старение [11].

С точки зрения логического вывода наличие или отсутствие в памяти целевого слова не влияет на возникновение феномена ТОТ. Ощущение «на кончике языка» возникает из-за подсказок о цели, дополнительной информации, которая имеется у человека о необходимом понятии, которые запоминающий может собрать воедино. Это означает, что субъект только делает логический вывод о своем знании целевого слова, и интенсивность чувства неиз-

бежности извлечения зависит от дополнительной информации, к которой он имеет доступ.

К логическому подходу к феномену ТОТ относится теория «встречи с подсказками», согласно которой чувство «на кончике языка» возникает не при обнаружении забытого слова, а намного раньше, при обнаружении подсказок и сигналов, наталкивающих на мысль о целевом слове. Далее чувство может усилиться и добавиться фрустрация при неблагоприятном исходе попыток вспоминания. Было обнаружено, что повторяющиеся сигналы, как правило, усиливают ТОТ в сравнении с единственным сигналом-подсказкой, что свидетельствует о влиянии внешних факторов на возникновение состояний ТОТ. Схожая позиция по отношению к феномену с точки зрения эвристики доступности: ТОТ напрямую зависит от количества и силы информации, которая извлекается из памяти вместо целевого слова. Чем больше извлеченной информации связано с искомым словом, тем интенсивнее будет ощущение «на кончике языка».

Состояние «на кончике языка» достаточно тяжело вызвать искусственно, поэтому эмпирические проверки вышеупомянутых гипотез и их результаты пока не отвечают на вопрос – «Как эффективно разрешать проблему забывания слов?». Возможно, стоит пойти от обратного и направить усилия исследователей на способы вспоминания слов, когда ТОТ уже наступил.

«Как вспомнить?»: о способах решения проблемы ТОТ. Существуют различные способы воспоминания забытых слов. Например, некоторые люди перебирают все буквы по алфавиту, чтобы найти первую букву забытого слова. Рекомендуется также расслабиться и переключить внимание на что-то другое – забытое слово вспомнится само собой, хотя человек перестал думать о нем.

Как видно из обзора теорий феномена, имеющихся на данный момент, усилия исследователей были сконцентрированы исключительно на когнитивных процессах. Следует отметить, что искусственные интеллектуальные системы тоже не в состоянии помочь человеку с вспоминанием нужного слова. Ответ можно найти с использованием технологий, но, как показывают наши исследования, это не поможет лучше запомнить слово и не «забыть» его при следующем извлечении из памяти.

Наши предположения о механизмах, способствующих как единовременному вспоминанию слов, так и снижению частоты возникновения забывания на длительной дистанции, учитывают накопленную информацию об особенностях забываемых слов, стремление психики к целостности образа, разделе-

ние памяти на произвольную и непроизвольную, а также вышеупомянутую модель дефицита передачи.

Данные, накопленные исследователями о категориях целевых слов, показывают, что чаще всего забываются имена собственные. Эта группа, в свою очередь, делится на имена личных знакомых (30-70 % в разных исследованиях), имена знаменитостей (20 %), географические названия (12-26 %), фильмы, телевидение и книги (8 %). В другую группу забываемых понятий можно выделить политические термины и абстрактные слова. В каталоге ТОТ, испытанном ею и другими, 50 % были именами собственными, 25 % – именами объектов и абстрактными существительными, 14 % – прилагательными и 9 % – глаголами. Эти данные соотносятся с замечанием В.М. Аллахвердова о частоте используемости информации во взаимосвязи с семантическим значением слова: одни и те же имена собственные и существительные могут применяться в отношении разных субъектов и объектов, то есть и по отношению к разным людям и предметам, поэтому их активация и использование могут быть недостаточными для легкого вызывания из памяти. Например, можно забыть имя дальнего родственника, о котором вспоминается раз в несколько лет, и в это же самое время без помех воспроизвести то же имя, обращаясь к коллеге, с которым есть ежедневное общение. У глаголов же достаточно постоянное и однозначное семантическое поле и использование (активация) происходит достаточно равномерно.

Следующим фактором, который стоит учитывать при вспоминании целевого слова, является особенность работы памяти. Большую части времени наша речь обслуживается системой непроизвольной памяти, слова автоматически извлекаются и передаются для вербального общения. Феномен ТОТ является следствием проблем с автоматическим извлечением, поэтому при включении произвольных усилий проблема не разрешается, так как произвольной памяти недоступна напрямую та информация, которая уже обрабатывалась автоматическими процессами. Следовательно, для эффективного и быстрого восстановления процесса извлечения слова необходимо обращаться к непроизвольной памяти и автоматическим бессознательным процессам обработки информации. Как уже отмечалось в гипотезах о причинах возникновения ощущения «на кончике языка», количество подсказок и внешних сигналов о нужном слове усиливает интенсивность переживания: чем больше дополнительной информации мы получаем, тем более яркий, четкий и семантически верный образ, соответствующий забытому слову, удается вызвать. Однако большое количество дополнительной информации может препятствовать

поиску слова, если страдает качественная сторона: идеальная подсказка, по нашему мнению, это 1-2 качественно подобранных слова, приводящих к извлечению забытого слова в максимально короткое время. При этом сам механизм подбора таких слов должен быть понятен и легок для использования в повседневной жизни.

Мы предположили, что наиболее эффективными подсказками будут глаголы, которые в соответствии с приведенными выше данными, забываются с минимальной частотой. Для подбора нужного глагола можно воспользоваться двумя приемами: 1) ответить на вопрос, что делал объект или субъект, название которого забыто, и таким образом привнести динамику в извлекаемый образ; 2) попытаться синтезировать само забытое существительное в глагол. Данная гипотеза частично подтверждена эмпирически: в исследовании Л. Абрамса (2005 г.) было выявлено, что смена синтаксического класса подсказки значительно влияет на успешность извлечения забытого слова [11]. Кроме того, глаголы, по нашему мнению, являются интериоризированным действием, и их связь с сенсомоторной сферой может играть решающую роль в случае затрудненной актуализации слов из памяти. Однако при естественном запоминании слов, без использования специальных мнемотехник, человек не осознает, что воспринятые понятия связаны с сенсомоторной активностью его тела. Чем абстрактнее понятие, тем менее доступны для рефлексии связанные с ним телесные ассоциации.

В проведенном нами исследовании испытуемым предъявляли подсказки, актуализирующие определенное слово, как в классической ситуации с возникновением феномена «на кончике языка». В экспериментальной группе подсказками выступали глаголы, у контрольной группы подсказки были предъявлены только в форме существительных. Кроме того, список целевых слов (всего 20 понятий) содержал 2 группы:

1. Понятия, обозначающие реальные объекты физического мира, часто встречающиеся, предполагающие наличие связанного сенсомоторного опыта у испытуемых (книга, часы, трава, собака и т. д.).

2. Понятия абстрактные, описывающие признак или процесс, не имеющие физического эквивалента в реальности, а следовательно, и непосредственного сенсомоторного опыта, ассоциированного с ними (враг, мысль, исчезновение).

Далее фиксировалось время до актуализации слова и правильность ответа. Исследование проводилось с помощью программного пакета PsyhoPy, обработка полученных результатов – в среде Excel Online. Выборка составила 30

человек (по 15 в каждой группе). Результаты иллюстрируют, что использование подсказок-глаголов было эффективнее для актуализации понятий-объектов, несмотря на сильные ассоциативные связи с подсказками-существительными, описывающими признаки и атрибуты целевого слова (таблица 1). Запоминание и репрезентация абстрактных понятия значительно «страдает» в сравнении с объектными, как показывают результаты – глаголы-подсказки в отношении таких целевых слов дают максимальное время извлечения ответа и низкий процент правильности.

Таблица 1

Результаты эксперимента

	Экспериментальная группа, подсказки-глаголы		Контрольная группа, подсказки-существительные	
	понятия-объекты	абстрактные понятия	понятия-объекты	абстрактные понятия
Правильные ответы, %	53,00	22,50	50,00	28,50
Среднее время на правильный ответ, сек.	4,15	7,33	4,03	5,62
Среднее количество правильных ответов на 1 респондента, шт.	10,07		9,93	
	7,00	3,00	6,67	3,27

Объясняется эта закономерность тем, что у подобных понятий слабая связь с телесными ассоциациями (с так называемой «эквивалентной сенсомоторной активностью» в процессе восприятия и усвоения слова) и потому более труднодоступная для обнаружения и рефлексии. Кроме затрудненной репрезентации, как показывают практические наблюдения, даже после успешного извлечения слова из памяти, оно быстро забывается, и при последующей актуализации феномен «на кончике языка» не теряет своей силы.

В рамках дальнейших исследований и развития концепции необходимо исследовать формирование и доступность для рефлексии связи различных категорий понятий и их сенсомоторных эквивалентов, также интересен вопрос активизации телесных ассоциаций через когнитивные процессы.

Еще одним важным фактором, которому пока не уделено внимание, является чувство фрустрации, сопровождающее неудачные попытки вспомнить слово. Участившиеся случаи возникновения ощущения ТОТ могут восприниматься индивидом как доказательство снижения когнитивных процессов и трансформироваться в негативный опыт, который в совокупности с тревожно-

стью, сниженным настроением и другими психическими состояниями может приводить к еще большим проблемам с психическим здоровьем. Решением, направленным на борьбу с возможными негативными тенденциями, может быть использование положительного подкрепления в ситуациях успешного результата (извлеченного из памяти целевого слова) с применением механизма отглагольных подсказок. Подкреплением в данном случае может служить событие, стимул, действие, реакция или информация, вызывающие у индивида позитивный аффект (похвала, комплимент, объятие), направленные на нейтрализацию чувства фрустрации и служащие увеличению частоты или вероятности успешного результата вспоминания необходимого слова [11].

Проведенный анализ имеющихся теоретических и практических данных по проблеме феномена «на кончике языка» показывает, что, несмотря на распространенность явления в повседневной жизни человека, до сих пор нет единой теории, объясняющей возникновение этого ощущения и пока не предложено эффективных вариантов решения проблемы. Накопленная информация в основном касается теоретических гипотез о психических механизмах, являющихся причинами возникновения забывания слов, и специфике их работы. Вместе с тем феномен TOT имеет тенденцию учащаться при негативном влиянии на психику специфических и естественных жизненных процессов и обстоятельств. Как показывает проведенное нами исследование, и объектные, и абстрактные понятия имеют отличия в зависимости от условий репрезентации, то есть память и ассоциативное мышление чувствительны к типу предъявляемых подсказок. Гипотеза о том, что когнитивному снижению подвержены в первую очередь те процессы, где слабее связь с телесностью, требует дальнейшей проработки и экспериментального подтверждения. Эффективное разрешение проблемы закономерно должно оказывать положительное влияние на психическое здоровье человека, когнитивные процессы, его самооценку и Я-концепцию, поэтому мы планируем дальнейшие экспериментальные проверки изложенных гипотез о механизмах снижения частоты возникновения феномена «на кончике языка».

Список литературы:

1. Brown R., McNeill D. The «tip of the tongue» phenomenon // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1966. № 5. P. 325-337.

2. Рыжова И.М., Горбатов И.В., Красовская С.В., Нечаева М.А., Юдин Г.В. Время пандемии 2020-2021 – момент исторической утраты для каждого из нас // Sciences of Europe. 2021. № 83-3. С. 59-64.

3. James W. Principles of Psychology. NY: Henry Holt and company, 1890. 712 p.

4. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М.: Просвещение, 1990. 448 с.

5. Coué É. La Maîtrise de soi-même par l'autosuggestion consciente. 1926. 64 p.

6. Brown A.S. A review of the tip-of-the-tongue experience // Psychological Bulletin. 1991. №109(2). P. 204-223.

7. Koriat A., Lieblich I. What does a person in a TOT state know that a person in a don't know state doesn't know // Memory & Cognition. 1974. № 2. P. 647-655.

8. Большой психологический словарь // Сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003.

9. Баун Х., Харли Т. Что вызывает состояние кончика языка? Доказательства эффектов лексического соседства при воспроизведении речи // Британский журнал психологии. 1998. №89 (1). С. 151-174.

10. Аллахвердов В.М. Как сознание решает задачи научения и заучивания // Российский психологический журнал. 2005. № 1. С. 13-29.

11. Abrams L. Tip-of-the-Tongue States Yield Language Insights // American Scientist. 2008. Vol. 96. №3. P. 234-239.

12. Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А. Ребера: в 2-х тт: Т. 1. / Пер. с англ. Чеботарева Е.Ю. М.: Вече АСТ, 2003.

Е.В. Литягина,
Самарский университет

РЕСУРСЫ ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ДЛЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается проблема амбивалетности влияния цифрового пространства на личность, обсуждаются вопросы возможных рисков для развития личности в условиях цифровой социализации, а также поднимается тема ресурсности информационно-цифрового пространства для повышения качества жизни современного человека и достижения психологического благополучия.

Ключевые слова: цифровизация, психологическое благополучие, цифровая социализация, психологическая вовлеченность.

E.V. Lityagina,
Samara University

RESOURCES DIGITAL CIVILIZATION FOR HUMAN QUALITY OF LIFE AND A PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

The article studies the problem of the ambivalence of the influence of digital civilization on a person, discusses the risks for the development of a person in the conditions of digital socialization. The question is raised of the resources of the digital civilization to improve the person's quality of life and psychological well-being.

Key words: digitalization, psychological well-being, digital socialization, psychological involvement.

Психологическое благополучие выступает предметом психологических исследований довольно давно, но последние десятилетия обогатили эти исследования изучением влияния киберпространства, цифровизации (в зарубежных исследованиях чаще используется понятие «дигитализация»), возрастающей информатизации на здоровье человека во всех его аспектах (физическое, психическое, социальное) и его психологическое благополучие.

Киберсоциализация, или цифровая социализация, представляет собой часть общего процесса социализации, которая объединяет множество разнородных процессов, опосредованных всеми доступными цифровыми технологиями в неразрывной связи с характерными для них отношениями и взаимодействиями в онлайн-контекстах. В овладении, присвоении и воспроизводстве

социального опыта в онлайн-контекстах формируется «цифровая личность» как часть реальной личности [1-3].

В психологию вошло понятие «цифровое социальное взаимодействие», без которого охарактеризовать процесс социализации ребенка и подростка уже не представляется возможным. Цифровая среда является важным агентом социализации современного человека, который уже начинает конкурировать с семьей и школой [3]. В цифровую социализацию вынужденно или по желанию включаются люди старшего поколения, что, естественно, оказывает влияние на особенность функционирования их эмоциональной, когнитивной и поведенческих сфер.

Присваивая новый опыт через взаимодействие в виртуальных реальностях, организуя процесс общения, пусть даже посредством «виртуальной личности», человек получает возможность апробировать новые способы поведения, экспериментировать с социальными ролями. Очевидно, что личность в современных условиях получила более широкие возможности для проявления, освоения нового опыта, который уже не ограничивается физическим пространством. Виртуальное пространство дает неограниченные возможности в поиске информации, установлении социальных связей, обучении, профессиональной реализации и т. д. Люди с ограниченными возможностями здоровья получили благодаря цифровым технологиям возможность в разы повысить психологическое благополучие и качество жизни. Очевидны ресурсные возможности информационно-цифрового пространства для людей старшего поколения, которые могут проявляться не только в возможности организации общения, обучения чему-то новому, но и в профилактике ментальных возрастных изменений личности. Однако это направление пока недостаточно разработано и представляет перспективу исследований в области психологии здоровья и качества жизни.

Опыт пандемии показал очевидные преимущества организации жизни с привлечением цифровых технологий практически без потери ее качества в условиях объективных вынужденных ограничений. Однако, когда мы говорим о качестве жизни человека и общества, речь идет как об объективных показателях, таких как уровень жизни, сохранение непрерывных процессов производства, уровень здоровья и смертности и пр., так и о субъективных – как сам человек чувствует себя, воспринимает и прогнозирует события своей жизни, как оценивает уровень собственного благополучия. Изучение субъективного аспекта качества жизни человека в условиях цифровой цивилизации представляет еще одно недостаточно разработанное, актуальное и перспективное направление психологических исследований.

«Развитие цифровой инфраструктуры, переход на сетевые принципы коммуникации, персонализация Интернета выступают факторами, меняющими этические принципы и основания социокультурного взаимодействия» [4]. Согласно К.А. Кирсанову, С.А. Поповой, в настоящее время осуществляется трансформационный переход от цивилизации лингвистически-смыслового типа, где доминирует языковое развитие, к качественно новой общечеловеческой ситуации, которая характеризуется становлением цифровой цивилизации [5]. В контексте проблем цифровой социализации требуют рассмотрения вопросы о коллективных и индивидуальных культурных практиках и моделях поведения, об изменении ценностей, о феномене доверия, уязвимости и свободы в условиях информационного и цифрового общества. Перспективным направлением исследований социальной психологии личности и психосемантики может оказаться рассмотрение способности цифровой культуры насыщать сетевые мультимедийные пространства смыслами и ценностями, а также то, как этот процесс отражается, усваивается и функционирует в семантическом пространстве индивидуального и общественного сознания.

Вовлеченность в киберсоциализацию, с одной стороны, может нести позитивную функцию, способствующую личностному развитию и адекватной социализации в соответствии с современными условиями; с другой стороны – негативную, приводящую к девиантному поведению, деструктивному развитию или стагнации, личностным кризисам, эмоциональным отклонениям и пр. В фокусе внимания исследователей особенностей влияния современного информационного и цифрового пространства на сознание оказывается уровень стресса. В частности, в исследовании Н.Е. Рубцовой, С.Л. Ленькова обнаружены высокие положительные коэффициенты линейной корреляции между психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью, и отрицательная корреляция с воспринимаемым стрессом и деструктивной вовлеченностью в киберсоциализацию [1]. Также установлено, что конструктивная вовлеченность в киберсоциализацию снижает показатели воспринимаемого стресса. Таким образом, становится очевидным, что не сама вовлеченность в киберсоциализацию влияет на уровень воспринимаемого стресса, а качество этой вовлеченности.

Современный этап в изучении влияния информационно-цифрового пространства и смарт-технологий приводит исследователей к необходимости разрабатывать адекватный, валидный инструмент психологической диагностики изучаемых эффектов и феноменов. В частности, Н.Е. Рубцовой и С.Л. Леньковым была предложена модель и соответствующий опросник вовлеченности в киберсоциализацию, которые представляют собой целостный психологический конструкт, в структуре которого выделяют два относительно независи-

мых фактора вовлеченности: позитивный и негативный. Позитивный фактор вовлеченности содержит в себе три более частных фактора: фактор мотивации, фактор компетентности и фактор личностной позиции.

Таким образом, в современных исследованиях влияния интернета, киберпространства на психику человека все чаще говорят об амбивалентном характере этого влияния, а скорее даже о взаимосвязи, нежели чем об однозначно негативных последствиях для здоровья человека. Можно говорить о том, что психологическое благополучие личности определяется не прямым негативным влиянием цифровизации, а характером влияний, конструктивных или деструктивных, на когнитивную, эмоциональную и поведенческую сферу личности.

Актуальным для будущих психологических исследований изменений психики человека в условиях продолжающегося перехода к цифровой цивилизации могут быть вопросы цифровой социализации людей разного возраста; изменение когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы личности; изучение динамики ценностных и семантических структур; проблема взаимовлияния изменений человека и трансформации культурного пространства; наблюдения за трансформацией вербального и невербального языка в общении между людьми и в массовой коммуникации; создание валидного психодиагностического инструментария для исследования новых феноменов; уточнение ресурсных возможностей современного информационно-цифрового пространства для развития личности, повышения качества жизни и психологического благополучия и др.

Список литературы:

1. Рубцова Н.Е., Леньков С.Л. Психологическое благополучие в проекции цифровой социализации // Психология человека в образовании. 2020. № 2. С. 143-149.
2. Скорынин А.А. К проблеме отражения психологического благополучия личности в цифровом пространстве // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. № 9. С. 58-65.
3. Солдатова Г.У. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
4. Астафьева О.Н., Никонорова Е.В., Шлыкова О.В. Культура в цифровой цивилизации: новый этап осмысления стратегии будущего для устойчивого развития // Обсерватория культуры. 2018. № 15 (5). С. 516-531.
5. Кирсанов К.А., Попова С.А. Цифровая цивилизация // Мировые цивилизации. 2020. №1-2 // https://wcj.world/pdf/10ecmz120.pdf

Е.В. Митягина,
Вятский государственный университет;
И.А. Исакова,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

КРЕАТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ В ЦИФРОВЫХ СЛЕДАХ

Тезисы представляют выводы из исследования уровня креативности студентов вузов. Психологическое тестирование позволило выявить средний уровень креативности студентов. Уровень креативности проявляется в цифровом следе. Креативные студенты имеют больше друзей в социальной сети ВКонтакте, на их стенах больше постов и комментариев. Подписки таких студентов более разнообразны количественно и качественно.

Ключевые слова: креативность, творческое мышление, цифровой след, психологическое тестирование.

E.V. Mitiagina,
Vyatka State University;
I.A. Isakova,
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

STUDENTS' CREATIVITY IN DIGITAL FOOTPRINTS

The thesis presents the conclusions from a study of the level of creativity of university students. Psychological testing revealed an average level of students' creativity. The level of creativity is manifested in the digital footprint. Creative students have more friends in the social network VKontakte, there are more posts and comments on their walls. The followings of such students are more varied quantitatively and qualitatively.

Keywords: creativity, creative thinking, digital footprint, psychological testing.

На рубеже веков возрос интерес к теме креативности в образовательном процессе. Организация экономического сотрудничества и развития в 2018 году заявила о том, что креативность и творческое мышление являются ключевыми навыками для учащихся будущего [1]. В 2021 году в тесты Программы

международной оценки учащихся (PISA) добавлены шкалы на замеры творческого мышления молодых людей, в итоге PISA-2022 посвящены не только математике, но и дополнительному тексту на творческое мышление [2]. Креативность, наряду с критическим мышлением, коммуникацией и кооперацией, называется в числе ключевых навыков XXI века [3].

Сотрудники лаборатории «Дизайн информации» ННГУ им. Н.И. Лобачевского задались вопросом изучения креативности по цифровым следам студентов. Сбор материалов осуществлялся в несколько этапов: на первом этапе испытуемые отвечали на батарею тестов; на втором этапе уже опрошенные студенты предоставили доступ к своим страницам в социальной сети «ВКонтакте» с информацией о профиле, подписках, количестве друзей, сообщениях на странице и лайках.

Для тестирования использовались следующие методики: 1) Батарея креативных тестов Ф. Вильямса (Creativity Assessment Packet – CAP), которая определяет творческие личностные характеристики [4]. 2) Портретно-ценностный опросник Ш. Шварца (Schwartz) [5]. 3) Элементы лингвистического анализа отражены в тесте С. Медника, который позволяет диагностировать вербальную креативность (The Remote Associates Test, RAT) [6].

Психологическое тестирование прошли 1229 студентов четырех вузов РФ: ННГУ, ВятГУ, САФУ и ТГУ. Цифровой след удалось выгрузить у 764 студентов (62 %). Результаты показали, что студенты российских вузов в большинстве своём демонстрируют средний уровень креативности (таблица 1).

Таблица 1

Уровень креативности студентов в зависимости от методики измерения, %

Исследование креативности	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Методика Ф. Вильямса	5 %	76 %	19 %
Тест С. Медника	24 %	47 %	29 %
Опросник Ш. Шварца	26 %	50 %	24 %

Установлено, что для студентов с высоким уровнем креативности характерен широкий круг общения в социальных сетях. Отметим, что измерялось именно количество контактов, а не интенсивность коммуникации. У студентов с высоким уровнем креативности в среднем 152 друга в социальных сетях, а у студентов с низким уровнем креативности – 106 (таблица 2).

Таблица 2

Друзья студентов в ВК в зависимости от типа креативности, кол.

Количество друзей	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Методика Ф. Вильямса	154	108	87
Тест С. Медника	153	115	116
Опросник Ш. Шварца	150	113	117

Выявлена прямая корреляция между уровнем любознательности молодого человека и его креативностью. У студентов с высоким уровнем креативности количество подписок больше, чем у других групп. Наиболее студентов привлекает контент развлекательного характера, а также новостная информация, касающаяся текущих событий (таблица 3).

Таблица 3

Подписки студентов в ВК в зависимости от типа креативности, кол.

Количество подписок	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Методика Ф. Вильямса	120	99	56
Тест С. Медника	102	105	107
Опросник Ш. Шварца	120	99	56

Все подписки пользователя были разделены на образовательные и «опасные». Подписки с образовательным контентом у креативных студентов представлены в малых долях. С одной стороны, можно предположить, что образовательные стратегии креативные студенты реализуют на специализированных сайтах, соответствующих организаций, а не с помощью социальных сетей, предпочитая читать первоисточники – сайты вузов и научных центров. С другой стороны, отсутствие высокого интереса к образовательным подпискам может говорить о недостаточной представленности качественно оформленного образовательного контента в социальных сетях. Безусловно, применяемые технологии и качество подачи развлекательного контента значительно превышает качество оформления специализированно научно-образовательного материала. Среди образовательных подписок наиболее представлены иностранные языки, психология и педагогика, а также филология.

Креативные студенты в социальных сетях проявляют склонность к критическому мышлению и демонстрируют стремление собрать как можно больше информации, из разных источников. В подписках креативных студентов выявлена значимая доля «опасного» контента: жесткого, вульгарного, депрес-

сивного, а также подписки, связные с оружием. Подобный интерес может объясняться высоким уровнем любознательности или недостаточно сформированными навыками безопасного поведения в сети Интернет.

В ходе исследования определено, что чем выше уровень креативности, тем чаще пользователь пишет посты на своей стене и делает репосты. Среднее количество знаков в постах у студентов с высоким уровнем – 122. Это подтверждает гипотезу о стремлении креативных студентов к самоактуализации, поскольку креативным личностям недостаточно только пассивного чтения, необходима возможность активного выражения своей точки зрения (таблица 4).

Таблица 4

Посты и репосты студентов в зависимости от уровня креативности, кол.

Количество постов и репостов	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Количество постов на стене пользователя	42	19	5
Количество репостов на стене пользователя	83	59	19
Количество цитирований (среднее количество репостов на стены других пользователей)	0,42	0,16	0,02
Среднее количество знаков в постах	122	64	26

Креативные студенты наиболее открыты новому опыту, что в цифровом следе выражается через большую склонность ставить «лайки», демонстрируя таким образом эмоциональное отношение к прочитанному контенту. Значительное количество набранных «лайков» помогает сообщению попасть в блок рекомендаций, после чего его увидит большее количество людей.

Таким образом, с помощью лайков креативные личности не только демонстрируют свою оценку материалу, но и влияют на информационное пространство окружающих пользователей сети, что также соответствует полученным данным об открытости креативных студентов к новым контактам.

Итак, объективная оценка креативности возможна благодаря комбинированию психологических, кросс-культурных и лингвистических методик с данными профилей в социальных сетях.

Практическая значимость материалов исследования будет оценена университетами. Современная система высшего образования ориентирована на обучение специалистов нового типа, способных производить и проектировать инновационные подходы решения текущих задач.

Таблица 5

Лайки студентов в ВК в зависимости от уровня креативности, кол.

Количество лайков	Уровень креативности		
	Высокий	Средний	Низкий
Количество лайков на 1 пост	16	8	5
Количество лайков на 1 репост	5	1	2

На основе полученных данных может осуществляться профилирование аккаунтов студентов с целью предсказания их уровня креативности. Аналогичным образом можно работать с абитуриентами. Предложенная методика позволит повысить качество отбора обучающихся в вузы, привлекать школьников к научно-исследовательским активностям, подобранным в соответствии с их интересами и уровнем креативности.

Список литературы:

1. OECD. The future of education and skills: Education 2030. International: OECD // https://www.oecd.org/education/2030-project/

2. PISA. Programme for International Student Assessment // https://www.oecd.org/pisa/

3. Partnership for 21st century learning. 2015. «P21 Framework Definitions». // http://www.p21.org/storage/documents/docs/P21_Framework_Definitions_New_Logo_2015.pdf

4. Тупик Е. Е. Модифицированные креативные тесты Вильямса /Е.Е. Тупик. Спб: Речь, 2003. 96 с.

5. Магун В. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 33-58.

6. Тест вербальной креативности С. Медника (адаптация А.Н. Воронина, взрослый вариант) // https://studfile.net/preview/5247834/

А.А. Наурханова,
Самарский университет

ТРЕВОЖНОЕ (ИЗБЕГАЮЩЕЕ) РАССТРОЙСТВО ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОПАТОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме поиска соответствия понятию «тревожное расстройство личности» в отечественной типологии психопатий. Автор показывает преимущественное сходство симптомов данного расстройства личности с таковыми при психастенической психопатии.

Ключевые слова: расстройство личности, тревожное расстройство личности, типология личностных расстройств, психастеническая психопатия.

A.A. Naurkhanova,
Samara University

ANXIOUS (AVOIDANT) PERSONALITY DISORDER IN THE CONTEXT OF RUSSIAN PSYCHOPATHOLOGY

The paper deals with the problem of finding a correspondence to the concept of «anxious personality disorder» in the russian classification of personality disorder. The author reveals the predominant similarity of the symptoms of this personality disorder with those in psychasthenia

Keywords: personality disorder, anxious personality disorder, classification of personality disorder, psychasthenia.

Согласно МКБ-10, специфическое расстройство личности – «это тяжёлое нарушение характерологической конституции и поведенческих тенденций индивидуума, вовлекающее обычно несколько сфер личности и почти всегда сопровождающееся личностной и социальной дезинтеграцией». Тревожное (избегающее) расстройство личности (F60.6), классифицированное по преобладающей форме постоянных, глубоко укоренившихся поведенческих проявлений, помимо общих критериев, характеризуется напряжённостью и тяжёлыми предчувствиями, избеганием социальных контактов и уклонением от активной деятельности в результате убеждения в собственной непривлекательности, боязни критики, неодобрения или отвержения, а также ограничениями в образе жизни из-за потребности в физической безопасности.

Поскольку феномен, в настоящее время определяемый как «специфическое расстройство личности», с конца XIX и в XX вв. в отечественной науке

обозначался термином «психопатия», имеет смысл рассмотреть тревожное (избегающее) расстройство личности (МКБ-10) в контексте традиционной отечественной типологии психопатий.

Первое описание «тревожно-мнительного характера», сопоставимого по ряду признаков с избегающим расстройством личности, принадлежит российскому психиатру С.А. Суханову (1905). Однако эту аномалию автор определял как идеообсессивную психопатию. Личность с тревожно-мнительным характером, по его мнению, «обладает самою лёгкою, самою слабою формой навязчивых состояний»: «на почве тревожно-мнительного характера возможны и отдельные, иногда довольно яркие навязчивые мысли, представления, страхи» [1].

Между тем классик отечественной психиатрии П.Б. Ганнушкин, описавший в 1902 году совместно с С.А. Сухановым конституцию навязчивых идей, позднее иначе трактовал термин «навязчивости». В выделенной им в работе «Клиника психопатий» группе психастеников «основными чертами являются крайняя нерешительность, боязливость и постоянная наклонность к сомнениям», «тревоги, опасения, беспокойство»; «чрезвычайно характерная черта» – «склонность к самоанализу» [2]. Используемые П.Б. Ганнушкиным для описания болезненного сомнения психастеника термины «страхи», «сомнения» не родственны навязчивостям [3], вместе с тем «образование так называемых навязчивых представлений и страхов» оценивается автором лишь как проявление патологического развития личности с психастенической психопатией [2]. В опубликованном пятью годами ранее «Клиники психопатий» учебнике психиатрии М.О. Гуревича и М.Я. Серейского (1928) подчёркивается, что в основе психастенической психопатии лежит «тревожно-мнительный характер», а доминирование у психастеников навязчивых идей позволяет отнести такой тип психопатии к неврозу навязчивых состояний. В 60-х годах XX века А.В. Снежневский, поясняя, что «в любом виде психопатии обнаруживаются... её основные радикалы», назвал психастеническую психопатию, описанную П.Б. Ганнушкиным, «тревожно-мнительной» [4]. Общность классического описания тревожно-мнительного характера С.А. Сухановым, «который по ряду параметров сопоставим с избегающим расстройством личности», и психастенической психопатии в изложении П.Б. Ганнушкина отмечена и известным российским психиатром А.Б. Смулевичем [5].

Отграничивая в круге тормозимых психопатий подгруппу неуверенных в себе, сомневающихся, нерешительных психастеников со «сложной дисгармонией психики», О.В. Кербиков находил сходство между данным типом расстройства и «тревожно-мнительным характером» С.А. Суханова и так же, как его учитель П.Б. Ганнушкин, отмечал, что психастеническая психопатия «яв-

ляется почвой, благоприятствующей навязчивостям» при патологическом развитии личности [6].

В «гирлянде характерологических типов (радикалов)» М.Е. Бурно выделяет тревожно-сомневающийся характер психастеника, обособляя его от педантичного характера ананкаста со свойственными последнему навязчивостями. Его психастенический психопат – тот самый, уже замечательно описанный С.А. Сухановым и П.Б. Ганнушкиным, с «природной, изначальной тревожностью-дефензивностью, вкупе с чувственной жухлостью-блеклостью и засильем реалистической аналитической работы мысли, тревожно-тягостной неуверенностью». Причиной символически-ритуальных навязчивостей ананкаста, согласно М.Е. Бурно, тоже является «изначальная тревожность», но она другой природы, «содержание многих его тревог (как он и сам это понимает)... бессодержательно в житейски-практическом смысле» и принципиально отличается от болезненных сомнений психастеника, его внутренней тревоги, наполненной «содержанием окружающей жизни» [7]. Подобным образом ученик М.Е. Бурно П.В. Волков (2004) отмечает несвойственность навязчивых состояний сомневающемуся, неуверенному, рефлексирующему взрослому психастенику: навязчивость отличается от психастенического сомнения «тем, что человек воспринимает её содержание как полный абсурд».

Здесь уместно иллюстрировать суждения М.Е. Бурно и П.В. Волкова выводами В.П. Руднева (2002). Исследователь отмечает идущую от П.Б. Ганнушкина склонность советской психиатрии отмежеваться от европейской идеи обсессивного невроза и оперировать понятием психастенической психопатии, отделив присущие ей «тревожное сомнение» и рефлексивную доминанту, характерные для русского самосознания, «от истинной навязчивости европейского интеллектуала». «Понятие психастенической психопатии, – отмечает В.П. Руднев, – было введено для того, чтобы отмежеваться от ананкаста-немца».

Иная точка зрения представлена в работах Б.В. Шостаковича. Сопоставляя расстройства личности, указанные в МКБ-10 и психопатии, представленные в отечественной психиатрической традиции, автор отождествляет психастеническую психопатию с обсессивно-компульсивным расстройством личности (F60.5), а свойственные психастенику повышенную рефлексивность и нерешительность рассматривает как проявления ананкастной личности (2000). Тревожному же расстройству личности (F60.6) Б.В. Шостакович не находил соответствия в отечественной номенклатуре, отмечая, тем не менее, что основные признаки тревожно-мнительного характера, выделенного С.А. Сухановым, характерны для данного типа. Однако тремя годами позднее в совместной работе с В.В. Куликовым и др. Б.В. Шостакович приравнивает тре-

вожное расстройство личности к астенической психопатии согласно типологии К. Шнайдера (1923) и О.В. Кербикова (1962).

Компромиссное решение вопроса предложено в работах А.Б. Смулевича (1999). Учёный выделяет два варианта описанной в отечественной психиатрии психастенической психопатии, которым в МКБ-10, по мнению автора, соответствуют обсессивно-компульсивное (ананкастическое) и тревожное расстройства личности. Обсессивно-компульсивному личностному расстройству, полагает А.Б. Смулевич, соответствует «ананкастический вариант психастенической психопатии», а тревожному (уклоняющемуся) – «вариант тревожно-мнительного характера». Подобное мнение высказывает и В.Д. Менделевич: в его интерпретации психастеническая психопатия также представлена двумя типами – ананкастным и тревожным [8].

Следует отметить, что отечественные психиатры нередко обособляют в рамках психастенической психопатии аномалии личности ананкастного и тревожно-мнительного типов. Вариант психастенической психопатии с преобладанием тревожной мнительности в форме постоянных сомнений, нерешительности, тяжёлых предчувствий, повышенной чувствительности к отрицательным оценкам и к своему положению в социуме выделяли Н.И. Фелинская, Ю.К. Чибисов (1972), А.К. Ануфриев, Ю.И. Либерман, В.Г. Остроглазов (1990), С.Ю. Циркин (2012).

Необходимо также указать, что в российской психиатрии и клинической психологии отдельные исследователи уподобляют тревожное расстройство личности (F60.6) сенситивной психопатии. Так, их фактическое совпадение отмечают А.В. Батаршев (2004), Г.В. Старшенбаум (2003), а Ю.В. Попов и В.Д. Вид (1997) полагают, что это личностное расстройство «напоминает» сенситивный тип «в какой-то мере». Ранее советский психиатр А.Е. Личко, анализируя акцентуированный сенситивный характер, рассматривал его как аналогичный тревожному типу акцентуированной личности в типологии К. Леонгарда (1976). Подчеркнём, что клиническое и психологическое описание сенситивной психопатии в работах А.Е. Личко («переживание собственной неполноценности», непереносимость для личностей сенситивного типа «ситуации, где они становятся объектом насмешек», обострённое восприятие того, «как окружающие к ним относятся», уклонение от общения) в значительной мере совпадает с характеристиками тревожного расстройства личности в МКБ-10 [9].

Таким образом, рассмотрев тревожное (избегающее) расстройство личности (МКБ-10) в контексте традиционной отечественной классификации психопатий, можно заключить следующее. Затруднительно однозначное отождествление тревожного расстройства личности (F60.6) и определённой

психопатии, представленной в отечественной научной традиции. Отдельные исследователи уподобляют это личностное расстройство сенситивной психопатии (А.В. Батаршев, Г.В. Старшенбаум, Ю.В. Попов, В.Д. Вид). Однако, преимущественно, симптомы, характерные для этого расстройства личности (тревоги, опасения, склонность к самоанализу), отечественные исследователи перечисляют, описывая состояние психастеника (П.Б. Ганнушкин, А.В. Снежневский, О.В. Кербиков, М.Е. Бурно, П.В. Волков), иногда выделяя в рамках психастенической психопатии аномалии личности ананкастного и тревожно-мнительного типов (Н.И. Фелинская, Ю.К. Чибисов, А.К. Ануфриев, Ю.И. Либерман, С.Ю. Циркин, В.Д. Менделевич).

Список литературы:

1. Суханов С.А. Семиотика и диагностика душевных болезней. Часть II. М., 1905. 179 с.

2. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статистика, динамика, систематика. М.: Мед. кн., 2007. 121 с.

4. Бурно М.Е. Психотерапия «сомневающейся» ипохондрии // Московский психотерапевтический журнал. 1994. №1. С. 108-128.

5. Снежневский А.В. Клиническая психиатрия. М.: Медицина, 2004. 269 с.

6. Смулевич А.Б. Расстройство личности // Психиатрия: национальное рук-во . М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. С. 1158-1198.

7. Кербиков О.В., Коркина М.В., Наджаров Р.А., Снежневский А.В. Психиатрия. М.: Медицина, 1968. 448 с.

8. Бурно М.Е. О характерах людей: (психотерапевтический очерк). М., 2000. 75 с.

9. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2005. 445 с.

10. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 255 с.

Н.В. Олиндер,
Самарский университет

СУБЪЕКТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ К СТРЕССУ ЛЮДЕЙ МОЛОДОГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

В настоящее время тема стресса достаточно актуальна в связи с геополитической ситуацией, внутренней политикой, состоянием человека в целом. В статье представлен анализ субъективного отношения к стрессу людей молодого и среднего возраста, выявленный с помощью специально разработанной анкеты. Всего опрошено 61 респондент в возрасте от 20 до 54 лет.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, информация и стресс, молодой возраст средний возраст.

N.V. Olinder,
Samara University

SUBJECTIVE ATTITUDE TO STRESS OF YOUNG AND MIDDLE AGED PEOPLE

Currently, the topic of stress is quite relevant in connection with the geopolitical situation, domestic politics, and the human condition in general. The article presents an analysis of the subjective attitude to stress in young and middle-aged people, identified using a specially designed questionnaire. A total of 61 respondents aged 20 to 54 were interviewed.

Keywords: stress, stress resistance, information and stress, young age, middle age.

Стресс определяется как неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование. Социокультурный контекст задает свои рамки возникновения стрессогенных обстоятельств [1]. На возникновение стрессовых состояний влияет род деятельности человека. Так, выделяются профессиональный стресс, стресс, приводящий к эмоциональному выгоранию в профессиях типа «человек-человек», учебный стресс и пр. [2]. Кроме того, реакция на стресс у каждого человека индивидуальна, обусловлена его состоянием здоровья [3], привычными паттернами поведения, социальной идентичностью [4], возрастными особенностями [5].

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать отношение разных людей молодого и среднего возраста к стрессу, с целью выявления межпоколенческих особенности его восприятия и проживания.

Гипотеза исследования: люди среднего возраста чаще испытывают стресс по сравнению с молодыми людьми. Молодые люди, испытывая стресс, чаще обращаются к специалистам-психологам за помощью в его преодолении.

Методы исследования. Для анализа отношения к стрессу была разработана анкета, которая включила в себя 15 открытых и закрытых вопросов о стрессе. Среди них: «Что такое для Вас стресс?», «В каких ситуациях Вы обычно испытываете стресс?», «Как часто Вы испытываете стресс в повседневной жизни?», «Какие способы преодоления стресса Вы знаете / слышали о них?» и другие.

В исследовании приняли участие 61 человек, в возрасте от 20 до 54 лет, из них 44 женщины, 17 мужчин. Выборка была разделена на две возрастные группы: молодые люди в возрасте 20-22 лет (преимущественно студенты), всего 19 человек (31,1 %), и людей среднего возраста – старше 25 лет, всего 42 человека (68,9 %).

Результаты исследования. Субъективная оценка уровня переживаемого стресса на момент анкетирования оказалась одинаковой у лиц молодого и среднего возраста, когда речь шла об учебе или работе (Рис. 1).

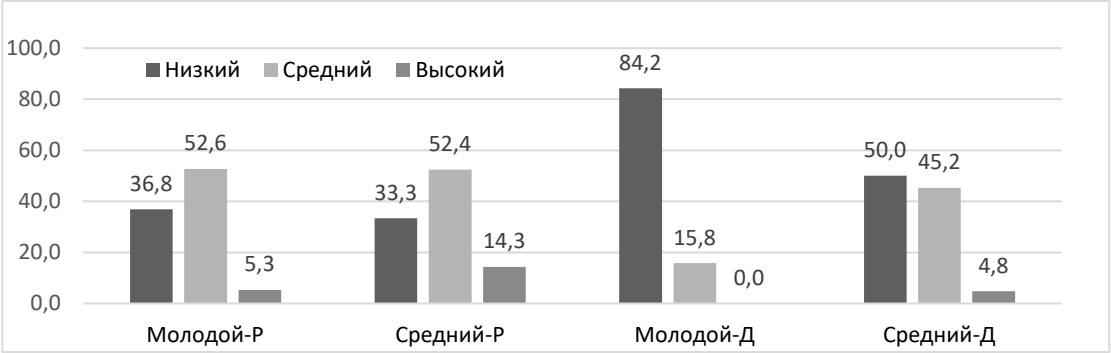


Рис. 1. Субъективный уровень стресса в группе лиц молодого и среднего возраста на работе (учебе) и дома (%)

В среднем возрасте половина опрошенных испытывает средний (45,2 %) или высокий (4,8 %) стресс дома, что не характерно для молодых респондентов. Вопрос о частоте стрессовых состояний в повседневной жизни подтверждает эти выводы: регулярно испытывают стресс 57,9 % молодых респондентов и 71,4 % респондентов среднего возраста.

42,9 % респондентов среднего возраста периодически обращаются к специалистам, чтобы справиться со стрессом. Среди молодых респондентов

таких значительно меньше – 15,8 %. На наш взгляд, это говорит о том, что люди среднего возраста не только испытывают стресс чаще, но и знают, к кому нужно обращаться в этом случае.

В двух возрастных группах содержательно различаются ответы о ситуациях, в которых респонденты обычно испытывают стресс. В таблице 1 приведены типичные ответы на открытые вопросы анкеты.

Таблица 1

Ответы на вопросы анкеты о стрессе

Молодые люди	Люди среднего возраста
В каких ситуациях Вы обычно испытываете стресс?	
– выступление перед публикой; – когда некомфортно; – когда ошибаюсь; – когда повышают голос на меня; – неприятные ситуации; – много работы за малое время; – потеря близких; – испытания; – когда на мне ответственность.	– проверки, срочные дела на работе; – неприятные люди; – ситуации, связанные с детьми; – незнакомые / неожиданные ситуации; – ссора с близкими, предательство; – недостаток финансов; – что-то идет не по плану; – потеря контроля.
Что такое для вас стресс?	
– состояние тревоги, когда делаешь первый шаг; чувство усталости, подавленное состояние; что-то мешающее жизни; состояние нестабильности; – упадок сил и настроения.	– эмоциональное напряжение (повышенная напряженность); – агрессивное состояние; – потерянность; – тревожное состояние (беспокойство, паника); – дисбаланс состояний; – маленькая смерть; – потеря интереса; – неконтролируемая реакция.
С помощью чего Вы справляетесь со стрессом?	
– сон, поддержка близких; – тренировки в спортзале; – отвлечение; – какие-то действия.	– сон, близкие люди; – йога, дыхание; – алкоголь, баня; – внутренние проработки; – медикаменты, музыка, народные средства свои мысли.

Таким образом, субъективное отношение к стрессу различается в молодом и среднем возрасте. Гипотеза исследования подтверждена частично. Лица

среднего возраста чаще испытывают стресс и чаще обращаются к специалистам для совладания с ним и его последствиями. В молодом (студенческом) возрасте в ситуациях переживания стресса лишь единицы обращаются за профессиональной помощью.

Список литературы:

1. Лебедева С.В., Остапишина Л.О. Стрессоустойчивость как фактор стабильности личности // Фундаментальные и прикладные проблемы стресса. Материалы II Международной научно-практической конференции. Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2011. С. 133-135.

2. Матюшкина Е.Я. и др. Учебный стресс у студентов при разных формах обучения // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 2. С. 47-63.

3. Грановская Р. М., Рыбников В. Ю., Змановская Е. В., Ашанина Е. Н., Хрусталева Н. С., Савельева М. В. Взаимосвязь темперамента, психологических защит и совладания со стрессом // Вестник психотерапии. 2018. № 68. С. 83-99.

4. Гудзовская А.А. Социальная идентичность как фактор стрессоустойчивости в информационном обществе // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28-30 апреля 2021 г.). Самара: Самарский университет, 2021. С. 183-187.

5. Осипова И.В., Антропова О.Н., Пырикова Н.В., Комиссарова И.Н., Курбатова И.И., Аверьянова Е.С. Психосоциальные факторы и профессиональный стресс у мужчин трудоспособного возраста // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2011. Т. 26. № 4-1. С. 162-166.

Е.А. Павлова,
Самарский университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ ТЕМПО-РИТМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В коррекционной работе с детьми с задержкой психического развития подчеркивается значимость объективных измерений для понимания динамики параметров корригируемых психических функций. Важную задачу представляет регистрация и дифференциация составляющих чувства ритма: двигательной, метрической, восприятия и воспроизведения ритма. Для диагностики их уровня, динамики в ходе коррекции, использовался прототип темпо-ритмического тренировочно-измерительного комплекса.

Ключевые слова: чувство ритма, дети с задержкой психического развития, темпо-ритмический тренировочно-измерительный комплекс.

E.A. Pavlova,
Samara University

THE USE OF OBJECTIVE MEASUREMENTS OF TEMPO-RHYTHMIC ACTIVITY IN CHILDREN OF MENTAL DEVELOPMENT DELAY

In correctional work with children of mental development delay, the importance of objective measurements for understanding the dynamics of parameters of corrected mental functions . An important task is the registration and differentiation of the components of the sense of rhythm: motor, metric, perception and reproduction of rhythm. To diagnose their level, dynamics during correction, a prototype of a tempo-rhythmic training and measuring system was used.

Keywords: sense of rhythm, children of mental development delay, tempo-rhythm training and measurement system.

В широком понимании, ритм – это равномерное чередование каких-либо элементов. Чувство ритма, являясь в большей мере слухо-моторной функцией, предполагает восприятие временного интервала, спонтанную ритмическую двигательную активность, синхронизацию, постсинхронизацию, воспроизведение внешнего ритма. Синхронизация представляет собой ритмичные движе-

ния, производимые на фоне прослушивания внешнего ритма, и связана со способностью восприятия длительности. Постсинхронизация представляет собой механизм поддерживания ритмичных движений после окончания действия внешних ритмических стимулов. Воспроизведение ритма состоит из нескольких этапов: сначала происходит перцепция ритмической структуры (для этого необходим достаточный объем кратковременной памяти, которая сохраняет ритмическую структуру), далее – ритм извлекается из памяти и используется. Каждый из трех этапов может быть нарушен, в результате чего воспроизведение ритма будет неверным.

Ребенок в норме способен оценивать темпо-ритмическую составляющую, производить моторное планирование, воспроизводить последовательность. Детям с задержкой психического развития сложно улавливать последовательность при выполнении определенных действий, в устной речи, письме или чтении [1]. Они испытывают трудности также при воспроизведении ритмических структур, предъявленных на слух или визуально [2].

Аспект синхронности присутствует почти в каждом двигательном акте, поэтому коррекция нарушений восприятия временных интервалов, ритмических акцентов, планирования движений у детей с задержкой психического развития является важной задачей для психолога, нейропсихолога, логопеда. Для решения этой задачи в психокоррекционную практику вводятся в том числе современные информационные технологии. В представленных тезисах – промежуточные результаты применения прототипа темпо-ритмического тренировочно-измерительного комплекса для исследовательских целей и коррекции чувства ритма у детей с ЗПР.

Результативность коррекции с помощью комплекса обусловлена тем, что в нем присутствуют упражнения, которые задают внешний ритм повторяющимся движениям детей, разные ритмические рисунки, задания на постсинхронизацию, акцентированные ритмы, а значит, в том числе способствуют общей ритмизации мозговых структур [3]. В результате специалист сможет подобрать для ребенка с задержкой психического развития именно те упражнения, которые будут тренировать слабые звенья функции. Также комплекс может быть дополнен тестами, необходимыми исследователю и диагносту для проверки гипотез, например, теппинг-тестом, тестами на слуховую память, зрительную оценку звуковых ритмов.

В работе комплекса мы учитываем ограничения при подаче ритмических структур: продолжительность звука или интервала между звуками в пределах от 5 до 8 секунд (иначе – произойдет перегрузка кратковременной памяти); продолжительность интервалов не должна превышать 1,8 секунды (для

успешного восприятия ритмических структур). Наибольшая трудность состоит в изучении восприятия ритма. В этом направлении разработаны тесты для детей на различение ритмов, но их достоверность пока не доказана [2], поэтому мы обращаемся к косвенным показателям перцепции ритма – синхронизации и воспроизведению.

Существующие и доступные ритмеры-аналоги не решают задачи коррекции и оценки в комплексе: отсутствует фактор новизны, настройка под мотивационное поле ребенка и возможность проверять гипотезы. При проектировании программной части комплекса нам было важно не только, попадает ли ребенок при воспроизведении ритма в нормативный диапазон для своего возраста (по М. Стембак [2]), но в том числе – возможные дисфункциональные компоненты чувства ритма (например, возможность удержания темпа и его двигательная реализация, восприятие ритмического рисунка и его воспроизведение), поскольку эти компоненты отражают дисфункции различных структур мозга. В статье S.M. Rao с соавторами указано, что процесс ритмизации движений зависит от совместной работы трех мозговых систем. Первая отвечает за организацию движений во времени (скорлупа, вентролатеральный таламус и сенсомоторная зона), вторая – за слуховую память, и третья относится к сенсомоторной функции (зубчатые ядра мозжечка и сенсомоторная кора) [4].

В итоге данный темпо-ритмический тренировочно-измерительный комплекс будет выявлять потенциально пострадавший компонент чувства ритма и общий показатель дизритмичности (как отношение нормативных значений для данного возраста к конкретным результатам ребенка), который будет основан на анализе всех компонентов чувства ритма.

В программно-аппаратном комплексе на данный момент реализованы:

1. беспроводной датчик ударов на основе акселерометра, размещенный под ударной поверхностью;

2. игрофицированное аудио-визуальное предъявление темпа и ритмического рисунка, позволяющее адаптировать игровую составляющую к мотивационному полю ребенка, наглядно демонстрировать темп и ритм, регулировать параметры их представления в зависимости от целей работы;

3. визуализация измерений в виде графиков, позволяющих качественно и количественно оценивать результаты выполнения заданий;

4. в комплексе используется акселерометр (Рис. 1), исходя из предположения, что мы сможем получить данные о силе удара по поверхности во время ритмизации и об особенностях мышечного тонуса у ребенка, оценить работу нервной системы, произвольную регуляцию мышечного усилия.

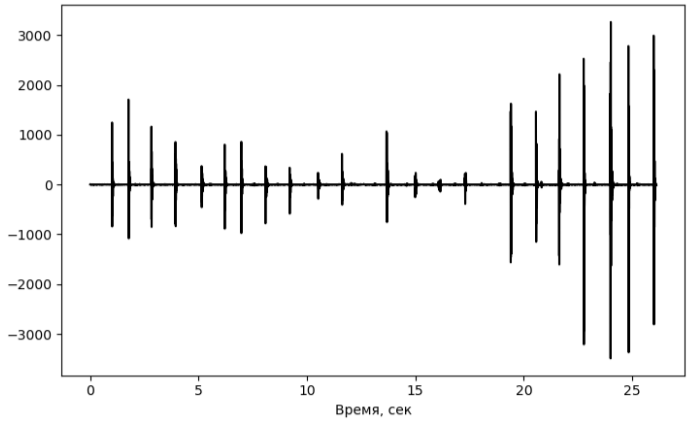


Рис. 1. График силы ударов (в условных единицах).
Видно, что в конце упражнения ребенок бьет сильнее

Результаты обследования 10 детей с задержкой психического развития от 5 до 10 лет (проведено 50 повторных замеров с разным темпом предъявляемого ритма) показывают связь силы ударов и помощи, подаваемой ребенку (мотивационной, операциональной), характерный для каждого ребенка силовой спектр, характеристики работоспособности нервных процессов и звеньев чувства ритма (Рис. 2).

Таким образом, объективные данные, полученные с помощью темпо-ритмического тренировочно-измерительного комплекса позволят достаточно быстро проверять исследовательские и диагностические гипотезы, оперативно получать сведения о динамике корригируемых параметров функции, формировать необходимую ребенку программу коррекции ритмического чувства на основе выявленных слабых звеньев.

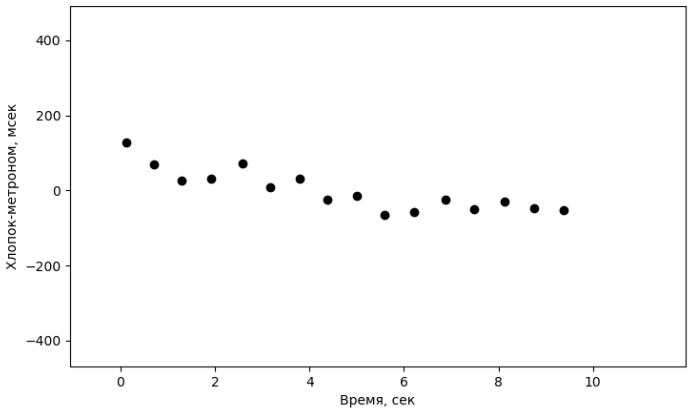


Рис. 2. Дельта между хлопками ребенка и внешним ритмом.
Видно, что ребенок «встроился» во внешний ритм, начиная с 6 секунды

Таким образом, объективные данные, полученные с помощью темпо-ритмического тренировочно-измерительного комплекса, позволят достаточно быстро проверять исследовательские и диагностические гипотезы, оперативно получать сведения о динамике корригируемых параметров функции, формировать необходимую ребенку программу коррекции ритмического чувства на основе выявленных слабых звеньев.

Список литературы:

1. Галицкая О.С., Грибова Н.П. Использование метода воспроизведения ритмов в диагностике и лечении детей с минимальной мозговой дисфункцией // Смоленский медицинский альманах. 2019. № 3. С. 24-26.

2. Ньокиктьен Ч. Детская поведенческая неврология. М.: Теревинф, 2010. Т. 1. С. 202-206.

3. Азина Е.Г., Сорокоумова С.Н., Туманова Т.В. Использование ритмизации в психокоррекционном развитии младших школьников с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. № 1. С. 10.

4. Rao S.M., Harrington D.L, Haaland K.Y. et al. Distributed neural systems underlying the timing of movements // J. Neurosci. 1997. V. 17. P. 5528-5535.

Н.И. Романова-Африкантова,
Санкт-Петербургский государственный университет

СЕНСОМОТОРНАЯ ОЦЕНКА ЗРИТЕЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СРАВНЕНИИ СО ВЗРОСЛЫМИ[16]

Проведенное исследование оценки иллюзий Мюллера-Лайера и Понзо при помощи трекинга по сенсорному экрану у детей дошкольного и младшего школьного возраста показало наличие иллюзорного эффекта при моторной оценке обеих иллюзий в отличие от взрослых, у которых иллюзия Мюллера-Лайера при моторной оценке сохраняется, а иллюзорный эффект иллюзии Понзо не отличается от нуля.

Ключевые слова: иллюзия Понзо, иллюзия Мюллера-Лайера, факторы возникновения иллюзий восприятия, сенсомоторная оценка.

N.I. Romanova-Afrikantova,
Saint-Petersburg State University

SENSOMOTOR ASSESSMENT OF VISUAL ILLUSIONS IN PRESCHOOL AND ELEMENTARY SCHOOL-AGE CHILDREN COMPARED TO ADULTS

The conducted study of the evaluation of the illusions of Muller-Laier and Ponzo with the help of tracking on the touch screen in preschool and primary school children showed the presence of an illusory effect in the motor evaluation of both illusions, unlike adults, in whom the illusion of Muller-Laier is preserved in the motor evaluation, and the illusory effect of the Ponzo illusion does not differ from zero.

Keywords: Ponzo illusion, Muller-Laier illusion, factors of perception illusions, sensorimotor evaluation.

Изучение влияния модальности, в которой испытуемый мог дать ответ о величине возникшей иллюзии, представляет, пожалуй, наибольший интерес, так как сравнение модальных и вербальных оценок величины зрительных иллюзий помогло исследователям продвинуться не только в поисках причин

[16] Финансирование: Грант «РНФ Психологические механизмы рассогласования восприятия и действия при решении задач в условиях зрительных иллюзий». Номер 22-18-00074.

возникновения искажений, но и расширить наши представления о работе зрительного восприятия в целом.

Так, С. Аглиоти с коллегами предложили участникам эксперимента «схватывать» указательным и большим пальцем круги, вписанные в иллюзию Эбингауза, а расположенные на пальцах датчики показали, что, несмотря на то, что при устной оценке размеров кругов люди подвержены иллюзии Эбингауза, их пальцы при выполнении моторного действия были расставлены на одинаковое расстоянии при «схватывании» кругов, вписанных внутрь круга, состоящего из окружностей меньшего или большего диаметра относительно целевого [1].

В дальнейшем результаты сравнения моторных и вербальных оценок иллюзорного искажения при предъявлении других иллюзий (Понзо, Мюллер-Лайера и т. д.) показывали, что сенсомоторные ответы оказывались точнее устных [2].

Изучение иллюзии индуцированного движения [3], иллюзии Роэлофа [4], горизонтально-вертикальной иллюзии [5], а также иллюзии выпуклого лица [6] вновь показало, что вербальная оценка подвержена иллюзорному эффекту, а моторная независима от него. Нами было впервые проведено исследование величины иллюзорного эффекта при моторном ответе у детей дошкольного и младшего школьного возраста в сравнении со взрослыми.

Описание выборки: экспериментальная группа: 29 детей, 24 девочки и 14 мальчиков, возраст от 5 до 8 лет; контрольная группа: 15 взрослых, 9 женщин и 6 мужчин, возраст от 19 до 38 лет.

Методика и ход эксперимента: нами были выбраны три варианта отрезков (Рис. 1): контрольными стали отрезки, обрамленные засечками, а две экспериментальные группы стимулов составили пары отрезков, в которых один был обрамлен перьями, а второй – стрелками (иллюзия Мюллер-Лайера) и отрезки без обрамления, расположенные на фоне сходящихся вертикальных линий (иллюзия Понзо).

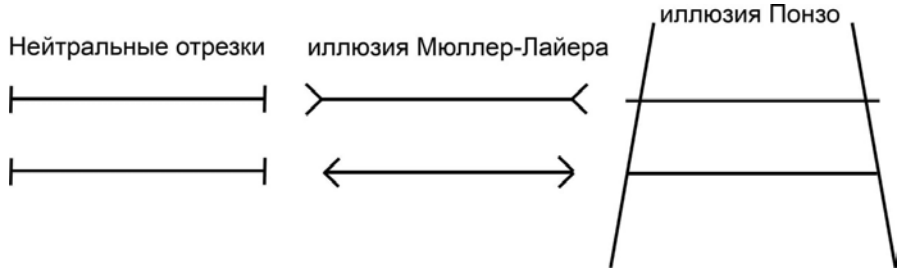


Рис. 1. Примеры стимульных материалов

Итоговый набор стимулов выглядел следующим образом (в порядке предъявления): 1) 5 пар контрольных отрезков (прямые засечки); 2) 5 пар отрезков, обрамленных перьями и стрелками (иллюзия Мюллер-Лайера); 3) 5 пар контрольных отрезков; 4) 5 пар отрезков без обрамления, расположенных на фоне сходящихся линий (иллюзия Понзо); 5) 5 пар контрольных отрезков.

В начале эксперимента испытуемый сажался на стул перед расположенным на столе ноутбуком. Расстояние от стола до экрана составляло примерно 60-70 сантиметров, испытуемым предлагалось занять максимально удобное положение, после чего начинался инструктаж:

«На экране снова появится 25 пар отрезков. После появления очередной пары Вы должны указательным пальцем правой руки провести слева направо сначала по верхнему отрезку, а потом по нижнему, после чего отрезки исчезнут и появится белый экран. На пустом белом экране вы тем же пальцем проводите отрезки, которые только что исчезли – слева направо, сначала верхний, а затем нижний. Сразу после появится следующая пара отрезков. Если рука устанет – вы сможете сделать передышку между парами отрезков».

Программное обеспечение фиксировало касания к экрану и длины проведенных отрезков.

По окончании экспериментальной части исследования нами был выполнен статистический анализ полученных данных.

Результаты и обсуждение: моторная оценка иллюзии Мюллер-Лайера представлена на графике (Рис. 2):

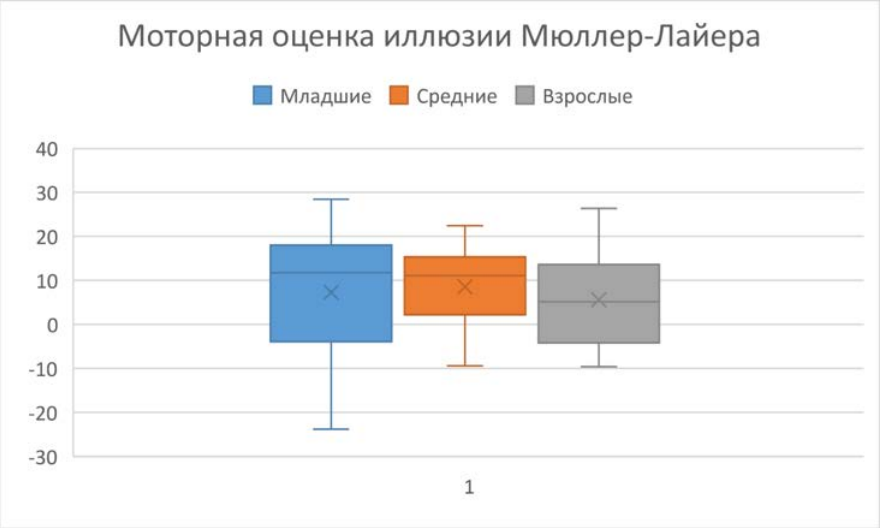


Рис. 2. Моторная оценка иллюзии Мюллера-Лайера

Моторная оценка иллюзорного эффекта в каждой возрастной группе достоверно отличается от нуля: максимальная величина иллюзорного эффекта наблюдается у дошкольников и уменьшается с возрастом.

На графике (Рис. 3) представлены данные о моторной оценке величины иллюзорного искажения при восприятии Иллюзии Понзо:

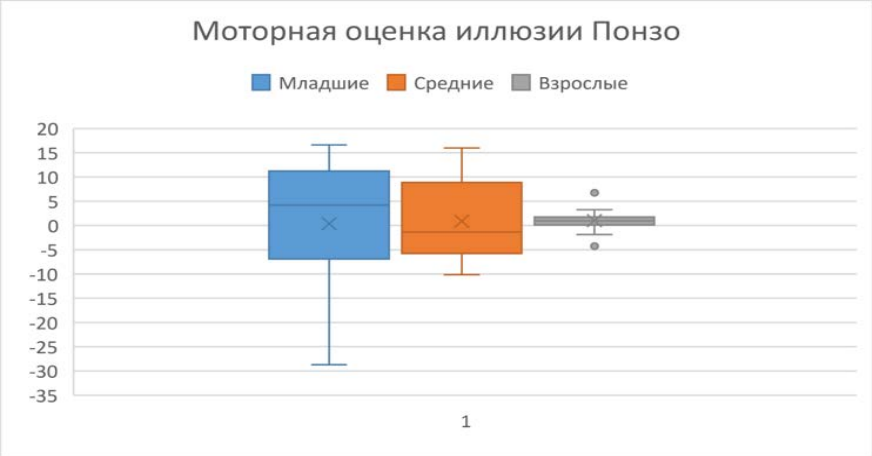


Рис. 3. Моторная оценка иллюзии Понзо

У взрослых иллюзия Понзо при моторной оценке (путем трекинга) отсутствует, что согласуется с данными предыдущих исследований, у дошкольников и младших школьников сила иллюзии отличается от нуля.

Для исключения вероятности того, что этот результат обусловлен только недостаточной зрелостью зрительно-моторной координации, мы статистически сравнили величину среднего отклонения с таковой у двух других возрастных групп и не получили значимых различий.

Список литературы:

1. Aglioti S., Goodale M.A., DeSouza J.F.X. Size-contrast illusions deceive the eye but not the hand // Current Biol. 1995. № 5. С. 679-685.

2. Карпинская В.Ю., Ляховецкий В.А. Различия в сенсомоторной оценке иллюзий Понзо и Мюллера-Лайера // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 38. С. 3.

3. Bridgeman B., Kirch M., Sperling A. Segregation of cognitive and motor aspects of visual function using induced motion // Perception & Psychophysics. 1981. Т. 29. С. 336-342.

4. Bridgeman B., Peery S., Anand S. Interaction of cognitive and sensorimotor maps of visual space // Perception & Psychophysics. 1997. Т. 59. С. 456-469.

5. Servos P., Carnahan H., Fedwick J. The visuomotor system resists the horizontal-vertical illusion // Journal of Motor Behavior. 2000. Т.32. № 4. С. 400-404.

6. Króliczak G. et al. Dissociation of perception and action unmasked by the hollow-face illusion // Brain research. 2006. Т.1080. № 1. С. 9-16.

Н.Ю. Самыкина,
Самарский университет;
Е.В. Сидорина,
Самарский университет

СВЯЗЬ ПРОБЛЕМНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТА С САМООРГАНИЗАЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена теме проблемного использования интернета. Анализируются позитивные и негативные последствия использования интернета, влияние на развитие личности и поведение. Приводятся результаты исследования связи проблемного использования интернета с самоорганизацией. В результате получено, что проблемное использование интернета больше свойственно людям с высокой самоорганизацией.

Ключевые слова: проблемное использование интернета, социальные сети, самоорганизация.

N.Y. Samykina,
Samara University;
E.V. Sidorina,
Samara University

RELATIONSHIP OF PROBLEMATIC INTERNET USE WITH SELF-ORGANIZATION OF A PERSON

The article is devoted to the topic of problematic use of the Internet. The positive and negative consequences of using the Internet, the impact on personality development and behavior are analyzed. The results of a study of the connection between the problematic use of the Internet and self-organization are presented. As a result, it was found that the problematic use of the Internet is more characteristic of people with high self-organization.

Keywords: problematic use of the Internet, social media, self-organization.

Значительную часть времени современный человек проводит в сети Интернет – в социальных сетях, мессенджерах, на специализированных сайтах и в приложениях, которые выступают пространством для работы, отдыха, общения со знакомыми и незнакомыми людьми. Сетевые ресурсы позволяют чело-

веку быть на связи с близкими, решать профессиональные задачи, а пандемия COVID-19 ускорила внедрение Интернета в образовательные, производственные и управленческие процессы.

Использование сетевых ресурсов имеет двойственное влияние на жизнь современного человека. Среди негативных последствий в литературе чаще всего называют: нарушение внимания, синдром упущенной выгоды (FoMO, акроним от слов «Fear Of Missing Out» – тревога, которая возникает в ответ на просмотр социальных сетей других людей, их жизнь, достижения, путешествия и т. д.), кибербуллинг, снижение физической активности, депрессия, подавленное настроение, тревожность, усиление коммуникативных барьеров и проблем в реальных отношениях, снижение личных социальных взаимодействий и др.

В то же время можно говорить и о позитивных сторонах использования сетевых ресурсов: высокая скорость и безграничность виртуального общения, быстрое получение информации, возможность работы в удаленном режиме, устранение барьеров в межличностных отношениях у людей, которые переживают проблемы с реальным взаимодействием по психологическим или физическим причинам, получение социальной поддержки и признания, возможность для социально-психологического экспериментирования и ролевой ротации в условиях социальных сетевых сообществ и т. д.

Современные исследователи социальных медиа сходятся во мнении, что использование социальных сетей влияет на развитие личности и поведение, а сама сеть Интернет может выступать специфической средой, в которой живет человек. За годы существования интернета в психологии и междисциплинарном пространстве появились такие понятия, как «виртуальная личность», «сетевая идентичность», «социальные сетевые сообщества», «сетевые конфликты» и т. д. Это свидетельствует о появлении новых феноменов, на исследование которых направлены взгляды психологов, социологов, культурологов, лингвистов и других специалистов.

Одной из самых популярных тем, требующих и теоретического осмысления, и практической реализации, остается тема интернет-зависимости, а если в широком смысле, то проблемного использования интернета. В нашем понимании, проблемное использование (проблемное потребление) интернета – это использование сетевых ресурсов, при котором нарушаются когнитивные процессы (внимание и память, в первую очередь), а также возникают проблемы социальной адаптации при решении повседневных жизненных задач. Это согласуется с когнитивно-поведенческой моделью проблемного использова-

ния интернета, которая была представлена в публикациях R. Davis и составила теоретическую основу разработки специальной шкалы Generalized Problematic Internet Use Scale (GPIUS) Скота Каплана (S. Caplan) [1].

Современные исследователи сетевого поведения часто указывают на недостаточную сформированность регуляторных процессов и рефлексии у людей, которых можно назвать «проблемными пользователями», то есть у тех, кто вследствие чрезмерного пребывания в сети имеет нарушения социальной адаптации и социализации. Мы решили проверить данное положение и выдвинули гипотезу о связи проблемного использования интернета (сайтов, приложений, социальных сетей, мессенджеров) и уровня самоорганизации.

Самоорганизацию относят к системным понятиям, которое объединяет в себе все разнообразие самопроцессов (управление временем, самоанализ, самоконтроль, самооценка, самоактуализация, саморегуляция, самоопределение, самовоспитание, самообразование и т. д.). Автор русской версии опросника самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандрикова определяет самоорганизацию как «способность к интегральной регуляции природных, психических, личностных состояний, качеств, свойств, осуществляемая сознанием, волевыми и интеллектуальными механизмами, проявляющаяся в мотивах поведения и реализуемая в упорядоченности деятельности и поведения» [2]. Самоорганизация проявляется в высоком уровне рефлексии, способности к пониманию себя и критическому анализу ситуации, понимании себя как источника собственной активности, доминирования внутреннего локуса контроля над внешним и т. д.

В исследовании приняли участие 50 человек от 23 до 50 лет. Все участники исследования называли себя активными пользователями интернета (социальных сетей, мессенджеров, сайтов и т. д.)

Для оценки проблемного использования интернета была использована одноименная шкала GPIUS3 С. Каплана в адаптации А.А. Герасимовой и А.Б. Холмогоровой на русской выборке [3].

Шкала включает в себя следующие факторы: предпочтение онлайн-общения; регуляция настроения; когнитивная поглощенность; компульсивное использование; негативные последствия.

Для изучения самоорганизации использовался опросник самоорганизации деятельности Е.Ю. Мандриковой, в структуре которого есть следующие шкалы: планомерность; целеустремленность; настойчивость; фиксация; самоорганизация; ориентация на настоящее.

Для обработки результатов исследования и проверки гипотез использовался метод ранговой корреляции Спирмена.

Результаты. Наименее выраженным по всей выборке фактором является фактор «негативные последствия», а наиболее выраженным – фактор «регуляция настроения». Получается, что в основном интернет используется для улучшения своего эмоционального состояния, приведения себя в оптимальное психическое состояние, при этом особых негативных последствий для респондентов это не имеет.

Интересно, что негативные последствия ярче выражены у более возрастных участников исследования. Вероятно, это говорит о том, что для молодых респондентов интернет является элементом обыденной жизни, они выросли с пониманием того, что такое интернет, социальные сети, какие возможности и ограничения с ними связаны, поэтому уже адаптированы к использованию сети с наименьшими потерями и наименьшими негативными последствиями. Для более возрастных участников же интернет (социальные сети, мессенджеры, сайты, приложения) являются «дополнительной» реальностью, которую еще нужно встроить в свою обыденную жизнь и адаптироваться к ней, причем делать это постоянно из-за быстрых изменений в информационной среде и программном обеспечении.

Были обнаружены половые различия в преобладании определенных шкал. Так, у женщин выше показатели по шкале «компульсивное использование», у мужчин – по остальным четырем шкалам («предпочтение онлайн общения», «регуляция настроения», «когнитивная поглощенность» и «негативные последствия»). Иначе говоря, женщинам сложнее планировать свое пребывание в сети Интернет, а мужчины используют сетевое взаимодействия для регуляции настроения, при этом имеют нарушение когнитивных процессов и проблемы в повседневном общении.

Обнаружена положительная корреляция между интегральным показателем самоорганизации и компульсивным использованием интернета. Выявлена парадоксальная, на наш взгляд, зависимость: люди с высокой способностью к самоорганизации имеют склонность к компульсивному использованию интернета. Эту взаимосвязь можно объяснить таким образом: если у человека есть проблемы с использованием интернета, он склонен применять различные средства самоорганизации: ставить четкие цели, использовать внешние вспомогательные средства, например, заметки или ежедневники. Таким образом, самоорганизация имеет как бы компенсаторную функцию для человека с проблемным использованием интернета. С другой стороны, слишком высокая са-

моорганизация может иногда приводить к потере контроля, и вариантом такой потери выступает компульсивное использование интернета.

Список литературы:

1. Caplan S.E. Theory and measurement of generalized problematic Internet use: A two-step approach // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26 (5). P. 1089-1097.

2. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. Вып. 2. С. 87-111.

3. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56-79.

Н.Ю. Самыкина,
Самарский университет;
Е.А. Чеверноженко,
Самарский университет

ЛИЧНОСТНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО ПОВЕДЕНИЯ[17]

Статья посвящена исследованию личностных и организационных предпосылок формирования устойчивого поведения личности. Устойчивое поведение рассматривается как поведение в соответствии с ценностями концепции устойчивого развития. В исследовании выявлено, что люди, демонстрирующие устойчивое поведение, не имеют специфических выраженных личностных особенностей. При этом они демонстрируют вовлеченность в работу организации, которая транслирует ценности устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое поведение, ценность, временная перспектива, вовлеченность, организационная культура.

N.Y. Samykina,
Samara University;
E.A. Chevernozhenko,
Samara University

INDIVIDUAL AND ORGANIZATIONAL DETERMINANTS OF SUSTAINABLE BEHAVIOR

The article is about the research on individual and organizational prerequisites that form sustainable behavior. Sustainable behavior is treated as the behavior, demonstrated in alignment with the values of the concept for sustainable behavior. Research reveals that people, who demonstrate sustainable behavior, do not have specific individual determinants. At the same time, these people demonstrate high level of engagement and inclusion with the employer and its values that also include sustainable behavior.

Keywords: sustainable behavior, value, time perspective, engagement, organizational culture.

---

[17]Самыкина Наталья Юрьевна – победитель грантового конкурса Стипендиальной программы Владимира Потанина 2022/2023

В современном мире, наполненном противоречиями, кризисами и сложными жизненными ситуациями, людям необходимы ориентиры, поддержка и уверенность в происходящем. Только в этом случае они могут выступать в качестве субъектов устойчивого поведения.

В данной работе под устойчивым поведением понимается поведение людей, основанное на особых ценностях, нормах, убеждениях и ответственности за своё поведение, нацеленное на обеспечение благополучия всех существ на земле, включая заботу о нынешнем и будущих поколениях. Фактически, это поведение в соответствии с ценностями концепции устойчивого развития.

Устойчивое развитие определяется как установка, отвечающая потребностям настоящего, но не лишающая будущие поколения возможности удовлетворять свои потребности. Основой Стратегии устойчивого развития является идея сбалансированности между окружающей средой и ее ресурсами, экономикой и населением Земли. Цель Стратегии устойчивого развития – выработать основные пути и способы приспособления жизни к глобальным изменениям [1].

Идеи устойчивого развития сфокусированы на заботе о людях, их качестве жизни и психологическом благополучии через удовлетворение потребностей каждого и сохранение окружающей, в том числе, социальной, среды. Как отдельные люди, так и целые сообщества участвуют в достижении целей устойчивого развития посредством вовлечения в ежедневное устойчивое поведение. В этом смысле устойчивое поведение – это набор внутренних правил и действий, результатом которых становится сохранение природных и социальных ресурсов, проэкологичное, разумное, часто альтруистичное поведение [2]. Такое поведение позволяет сохранять природу, многообразие и принятие самых разных людей в обществе, что является первым значительным вкладом в качество жизни и благополучие людей во всем мире.

Устойчивое поведение имеет позитивные психологические последствия для личности, которая его придерживается. Отмечено, что у таких людей повышается уровень удовлетворенности жизнью, персональная эффективность, психологическое благополучие, такие люди быстрее восстанавливаются после больших физических и психоэмоциональных нагрузок, чаще чувствуют себя счастливыми и даже чаще испытывают удовольствие [3].

Иначе говоря, устойчивое поведение – это не просто стремление осуществить собственное благополучие, а, скорее, быть причастным к всеобщему благополучию человечества, принимая всё многообразие людей, мотивов,

ценностей, стремлений и увлечений, всё многообразие людей и отношений, какими бы удивительными они ни казались, понимая и принимая ценность природы, поддерживая экологические ресурсы. Чаще всего тема устойчивого поведения раскрывается в социологических, философских, экономических, биологических публикациях. Соответственно, в рамках психологической науки становится актуальным вопрос описания детерминант устойчивого поведения.

Идея данной работы основана на положении Курта Левина о том, что поведение есть функция от личности и среды, а значит, чтобы изучить поведение, мы должны изучать личностные и средовые характеристики, которые способствуют устойчивому поведению [4].

В ходе изучения литературы по проблеме было выдвинуто предположение, что люди, которые демонстрируют устойчивое поведение, будут отличаться выраженностью определенных личностных черт (честность, доброжелательность, добросовестность, открытость опыту), ценностями универсализма, служения, безопасности и ориентацией на будущее.

В свою очередь, организационными условиями такого поведения могут являться предпринимательский тип корпоративной культуры и уровень информированности об участии организации в стратегии устойчивого развития. В настоящем исследовании организационная среда изучалась как наиболее значимая, насыщенная, контактная и актуальная для взрослого человека, который в данной организации работает. При этом национальные, религиозные, образовательные и другие средовые факторы остались за рамками изучения.

Исследование проводилось с помощью следующих методик: анкета отношения к проблеме устойчивого развития; шестифакторный опросник HEXACO; ценностный опросник Шварца; опросник временной перспективы Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory, ZTPI); опросник для диагностики организационной культуры (по методике К. Камерона и Р. Куинна); опросник вовлеченности Q12 по версии Gallup.

Выборка исследования составила 64 респондента в возрасте от 30 до 55 лет, имеющих постоянную работу в трех коммерческих организациях. Предварительное знакомство с информационными ресурсами этих организаций показало, что все эти структуры позиционируют себя в качестве участников программ по устойчивому развитию.

В ходе исследования было получено, что только 40 человек из 64 (62 %) знакомы с понятием устойчивого развития и понимают его содержание. При этом практически все респонденты ответили, что устойчивое поведение

для них проявляется, в первую очередь, в экологичном, осознанном поведении, а остальные цели стратегии им не знакомы. 30 человек из 64 (50 %) активно участвуют в проектах, посвященных устойчивому развитию и реализуемых в их организациях. Эти 30 человек составили экспериментальную группу. Остальные 34, не участвующие в проектах, вошли в состав контрольной группы.

На вопрос об актуальности и доступности тех или иных целей устойчивого развития для мира респонденты отвечали следующим образом.

Самыми актуальными целями оказались: обеспечение продовольственной безопасности и поддержание здорового образа жизни. При этом первая цель попала в ранг труднодостижимых, а вторая – доступных. Одной из самых труднодостижимых, но при этом значимых, оказалась цель по обеспечению населения недорогой энергией. Самыми незначимыми и при этом доступными оказались цели обеспечения качественного образования для всех и гендерного равенства. Различий по значимости и доступности целей в экспериментальной и контрольной группах не было выявлено.

Далее изучались личностные особенности респондентов. Ожидалось, что люди, вовлеченные в проекты устойчивого развития (экспериментальная группа), будут превосходить респондентов контрольной группы по добросовестности, доброжелательности и открытости опыту. Именно такие характеристики обычно приписываются людям с устойчивым поведением. Однако было получено, что результаты по всем шкалам не различаются в одной и другой группе.

Различия отсутствовали и по методике Шварца, хотя предполагалось, что такие ценности, как универсализм, безопасность и доброта, будут более актуальны и значимы для людей с устойчивым поведением.

Отсутствие различий между группами было зафиксировано и по методике временной перспективы личности.

Получается, что личностные особенности не связаны с устойчивым поведением. Точнее, они могут быть первичными предпосылками, которые находят свою актуализацию и дальнейшую реализацию через организационные и культурные условия.

Реальное влияние на формирование устойчивого поведения оказывает организационная культура и, возможно, другие социальные (культурные) факторы, а также уровень вовлеченность сотрудников в ценности компании, которая реализует стратегию устойчивого развития, и желание участвовать в успехах компании и строить в ней свою карьеру.

Фактически речь идет о том, что в специально смоделированных условиях можно добиться устойчивого поведения от людей, независимо от их личностных особенностей, а именно: вовлекать сотрудника в ценности и миссию компании; мотивировать и поощрять сотрудника за реализацию этих ценностей; транслировать цели устойчивого развития как цели компании и поощрять людей, демонстрирующих устойчивое поведение на рабочем месте и за его пределами.

Список литературы:

1. Цели в области устойчивого развития ООН // https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/

3. Gardner G., Prugh T. State of the World 2008. NY: W.W. NORTON & COMPANY, 2008. 293p.

4. Rickaby M.A., Glass J., Fernie S. Conceptualizing the Relationship between Personal Values and Sustainability // Administrative Sciences. 2010. № 10 (1). // https://www.researchgate.net/publication/339833280_Conceptualizing_the_Relationship_between_Personal_Values_and_Sustainability-A_TMO_Case_Study

5. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб, 2000. 368 с.

М.А. Федорова,
Самарский университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА БОС ПРИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВАХ

В статье обзорного характера представлена история создания метода биологической обратной связи (БОС), его физиологические основы, сущность метода, аспекты его практического применения и факторы, влияющие на эффективность. Перечислены основные функциональные нарушения нервной системы, при которых может быть использован метод БОС, а также перспективы его применения.

Ключевые слова: биологическая обратная связь, саморегуляция, реабилитация, БОС-терапия.

M.A. Fedorova,
Samara University

THE USE OF THE BOS METHOD IN PSYCHOEMOTIONAL DISORDERS

The review article presents the history of the creation of the biofeedback method, its physiological foundations, the essence of the method, aspects of its practical application and factors affecting the effectiveness. The main functional disorders of the nervous system in which the BOS method can be used, as well as the prospects for its application, are listed.

Keywords: biofeedback, self-regulation, rehabilitation, BOS therapy.

Метод биологической обратной связи (БОС) – современный метод реабилитации, направленный на активизацию внутренних резервов организма для эффективной саморегуляции физиологических процессов организма [1].

В основе метода БОС – фундаментальные исследования механизмов регуляции физиологических и развития патологических процессов, а также рациональных способов активации адаптивных систем мозга здорового и больного человека. В связи с этим нужно упомянуть великих русских физиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова и их продолжателей – К.М. Быкова, П.К. Анохина и Н.П. Бехтерева. Активное изучение метода началось в конце 50-х годов

XX века [2]. Пионерами в разработке методов БОС в нашей стране стали ученые Института экспериментальной медицины РАМН (Ленинград), в котором свыше 30 лет проводятся систематические исследования в этом направлении [3]. По всему миру постоянно проводятся исследования в этом направлении, что говорит о неиссякаемой актуальности метода [4].

БОС-процедура представляет собой непрерывный мониторинг электрофизиологических показателей и «подкрепление» с помощью мультимедийных, игровых и других приемов заданной области значений. БОС-интерфейс для человека является «физиологическим зеркалом», в котором отражаются его внутренние процессы. На основе полученной информации с помощью аппаратуры, используя специальные приемы, человек развивает навыки саморегуляции, то есть приобретает способность произвольно изменять физиологические функции организма и самостоятельно влиять на течение патологического процесса [5].

По современным представлениям [6], регуляторные изменения в деятельности ВНС, обусловленные сильным или хроническим стрессом, являются главным фактором возникновения большой группы заболеваний: психосоматические расстройства, болезни регуляции и др.

БОС разделилась на два основных направления: БОС-тренинг (применяется для повышения адаптивности, стрессоустойчивости через влияние на симпатико-парасимпатическую систему здорового человека для профилактики заболеваний), в рамках которого изменяются показатели вегетативной активации (проводимость кожи, кардиограмма, частота сердечных сокращений, дыхание, электромиограмма, температура, фотоплетизмограмма и др.) [1] и БОС-терапию (реабилитация и восстановление организма после разных терапевтических, неврологических, психологических и других заболеваний, а также травм опорно-двигательного аппарата и черепно-мозговых травм) в рамках которой осуществляется модификация различных параметров ЭЭГ головного мозга (амплитуда, мощность, когерентность и т. д.) [7].

В последнее время проводятся поиски факторов эффективности БОС-терапии. Исследованиями Т.А. Айвазян [8] показано, что эффективность БОС-тренинга связана с такими личностными характеристиками, как радикализм, повышенная активность, склонность к экспериментированию, перемене деятельности. S. Tsutsui и соавторы [9] показали, что эффективность БОС-тренинга зависит от социальной адаптации, степени мотивации, коммуникабельности.

Широкое применение биоуправление нашло в клинике психосоматических расстройств. БОС-тренинг при психосоматической патологии – уникальный метод, способствующий восстановлению процессов самоперцепции, тонкой дифференцировки внутренних ощущений, эмоций. Метод биоуправления может использоваться даже как самостоятельная психотерапевтическая методика.

К настоящему времени показана высокая эффективность БОС-метода при лечении таких функциональных нарушений, как головные боли напряжения, мигрени, нарушения сна и т. п., а также ряда психосоматических заболеваний – тревожные расстройства, депрессия, хронический болевой синдром [10].

Эффективное применение БОС-методов позволяет уменьшить в 1,5-2 раза медикаментозную нагрузку при таких хронических заболеваниях, как гипертоническая болезнь, эпилепсия, синдром нарушения внимания и гиперактивности у детей и подростков, мигрень, бронхиальная астма и др., а у более чем 60% больных неврозами, депрессивными и тревожными нарушениями совсем исключить лекарства в ходе лечения и реабилитации.

БОС-терапия, включенная в программу реабилитации, сокращает сроки выздоровления в 2-5 раз, а также значительно снижает число рецидивов, что свидетельствует о медицинской целесообразности и экономической обоснованности внедрения БОС-технологий [11-13].

Преимущество БОС-метода состоит в том, что он неспецифичен, то есть позволяет работать не с отдельными заболеваниями, а с основными типами дисфункций регуляторных систем организма – нервной (центральная, периферическая, вегетативная), иммунной и гуморальной. Следствием этого является возможность коррекции БОС-методом практически любого неинфекционного и нехирургического расстройства [8].

Имеется несколько модификаций биоуправления:

1) электромиографическая (ЭМГ) БОС, используемая преимущественно при терапии двигательных нарушений и релаксационного тренинга. Эффективным ЭМГ БОС-тренингом при состояниях психоэмоционального напряжения является биоуправление по миограмме фронтальных мышц, которые в меньшей степени находятся под контролем сознания;

2) БОС по параметрам сердечно-сосудистой системы (артериальное давление, частота сердечных сокращений, время распространения пульсовой волны и т. д.);

3) БОС по температуре и кожно-гальванической реакции для усиления кровоснабжения различных участков тела. Понижение уровня психоэмоционального напряжения осуществляется за счет навыка произвольного контроля за температурой кончиков пальцев конечностей, что приводит к расширению сосудов конечностей и снижению артериального давления;

4) электроэнцефалографическая БОС направлена на изменение степени концентрации внимания, контроля уровня эмоционального возбуждения (депрессия, аддиктивные расстройства, синдром дефицита внимания);

5) БОС по респираторным показателям используется при лечении гипервентиляционного синдрома, бронхиальной астмы;

6) БОС-терапия с применением стресс-нагрузок и использованием психотерапевтических техник (тренинг оптимального функционирования у спортсменов, военнослужащих, лиц опасных профессий) [14].

Приоритетным среди других методов является электроэнцефалографическое биоуправление. Оно позволяет изменять биоэлектрическую активность головного мозга, что приводит к нормализации мозгового кровотока и функционального состояния человека, включая психоэмоциональную и мотивационную сферы [15-17].

Метод компьютерного ЭЭГ-биоуправления, основанный на принципе БОС (АСТ) и традициях бихевиоральной психологии, позволяет корригировать эмоциональные расстройства. Он способствует развитию таких личностных качеств, как самоэффективность, высокая самооценка, и дает возможность пациенту получить позитивное подкрепление и научиться ассертивному поведению, связанному с чувством уверенности в себе, решительностью и независимостью в межличностных контактах [18].

Многочисленными работами показано значительное ослабление защитных сил организма, вызванное хроническим стрессом, так называемая условнорефлекторная иммуносупрессия или выученное снижение иммунитета. По результаты применения БОС-терапии при лечении психоиммунологических нарушений показано ее восстанавливающее влияние на иммунитет, а также снижение аутоиммунных реакция, к которым относятся ревматоидный артрит, аллергии и др. [19].

Таким образом, компьютерное биоуправление можно представить как сложную многогранную методологию, объединяющую бихевиоральные, психологические, физиологические механизмы, оказывающую терапевтическое и психотерапевтическое воздействие сразу на несколько звеньев заболевания.

Эффективность БОС-регуляции при психосоматических заболеваниях прежде всего связана с облегчением восстановления и поддержания гомеостаза на многих уровнях, включая баланс симпатического и парасимпатического отделов ВНС. БОС-терапия поддерживает равновесие между полушариями головного мозга, а также нервной и иммунной системами, тем самым влияя на физические, эмоциональные, интеллектуальные и социальные процессы, обеспечивая оптимальное использование всех возможностей индивида [20].

В настоящее время БОС-терапия рассматривается как один из наиболее перспективных подходов в арсенале превентивной медицины, основной целью которой является предотвращение развития болезни. Неинвазивность, нетоксичность, надежность и эффективность делают возможным применение БОС-методов при лечении многих хронических заболеваний в самых разных областях клинической, восстановительной и превентивной медицины.

Список литературы:

1. Ивановский Ю.В., Сметанкин А.А. Принципы использования метода биологической обратной связи в системе медицинской реабилитации // Биологическая обратная связь. 2000. №3. С. 2-9.

2. Василевский Н.Н. Биоуправление с обратной связью системным артериальным давлением // Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. 1990. № 76(12) С. 1701-1706.

3. Вейбл Э.Р. Будущее физиологии // Физиология человека. 1998. №24 (4). С. 5-6.

4. Zhuang M., Wu Q., Wan F. et al. State-of-the-art non-invasive brain – computer interface for neural rehabilitation: a review // J. Neurorestoratol. 2020. №8 (1). С. 12-25.

6. Гаврилова Е.А. Стресс-индуцированные нарушения иммунной функции и их психокоррекция // Физиология человека. 1998. № 24(1). С.123-130.

7. Budzynski T.H. Brain brightening: can neurofeedback improve cognitive process? // Biofeedback. 1996. № 24(2). С. 14-17.

8. Marzbani H., Marateb H.R., Mansourian M. Neurofeedback: a comprehensive review on system design, methodology and clinical applications // Basic Clin. Neurosci. 2016. № 7(2). С. 143-58.

9. Айвазян Т.А. Биообратная связь в лечении гипертонической болезни: механизм действия, предикторы эффективности // Биоуправление-2. Теория и практика. 1993. №2. С. 105-107.

10. Tsutsui S., Tsuboi K., Nakagawa Y. Biofeedback therapy in chronic headaches – prognostic investigation // Current Biofeedback Research in Japan. 1993. С. 97-102.

11. Аверьянов Г.Г. Лечение тревожно-фобических расстройств невротического регистра с использованием метода биологической обратной связи // Биологическая обратная связь. 2001. №1. С. 17-20.

12. Муравьева А.В. Особенности использования метода биологической обратной для лечения пациентов с психоэмоциональными нарушениями в зависимости от возраста // Биологическая обратная связь. 2000. №1. С. 50-51.

13. Чуркин А.А. Социальные факторы и инвалидность вследствие психических заболеваний / Руководство по социальной психиатрии. М: Медицина, 2001. С. 296-315.

14. Glick R.M., Greco C.M. Biofeedback and primary care // Prim Care. 2010. № 37(1). С. 91-103.

15. Скок А.Б., Филатова О.В., Штарк М.Б., Шубина О.А. Биоуправление в психоневрологической практике // Бюллетень Сибирского отделения РАМН. 1999. №1 (91). С. 30-35.

16. Сметанкин А.А. Перспективы использования метода биологической обратной связи по электроэнцефалограмме в клинической практике // Биологическая обратная связь. 2000. № 1(3-4). С. 74.

17. Ossebaard H.C. Stress reduction by technology? An experimental study into the effects of brainmachines on burnout and state // Applied psychophysiology and biofeedback. 2000. № 25(2). С. 93-101.

18. Agnihotri H., Paul M., Sandhu J.S. Biofeedback approach in the treatment of generalized anxiety disorder // Iran J Psychiatry. 2007. № 2. С. 90-95.

19. Гусев Е.И., Гехт А.Б., Боголепова А.Н. Особенности депрессивного синдрома у больных, перенесших ишемический инсульт // Журнал неврологии и психиатрии. 2001. № 101(3). С. 28.

20. Арушанян Э.Б. Взаимосвязь психоэмоционального состояния и иммунной системы // Успехи физиологических наук. 2004. № 35(4). С. 49-64.

21. Базанова О.М., Штарк М.Б. Биоуправление в оптимизации психомоторной реактивности. Сравнительный анализ биоуправления и обычной исполнительской практики // Физиология человека. 2007. №33 (3). С. 1-9.

М.Г. Филиппова,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОИСК РАЗЛИЧИЙ В ДВОЙСТВЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ[18]

Результаты двух экспериментов демонстрируют преимущества неосознаваемой и недостатки осознаваемой многозначности.

Ключевые слова: преимущества и недостатки многозначности, неосознаваемая и осознаваемая многозначность, двойственные изображения, неосознаваемые значения, осознаваемые значения.

M. G. Filippova,
St Petersburg State University

SEARCHING FOR DIFFERENCES IN AMBIGUOUS FIGURES

The results of two experiments demonstrate the advantages of unconscious ambiguity and the disadvantages of conscious ambiguity.

Keywords: ambiguity advantage and disadvantage, unconscious and conscious ambiguity, ambiguous figures, unconscious meanings, conscious meanings.

Настоящее исследование реализовано в русле проблемы преимуществ и недостатков многозначности (ambiguity advantage and ambiguity disadvantage). В фокусе внимания этой проблемы находится вопрос о том, способствует ли многозначность или же, напротив, препятствует обработке информации. Актуальность этой проблемы обусловлена противоречивостью полученных экспериментальных данных: в одних случаях многозначность способствует обработке стимулов [1-3], в других – напротив, затрудняет ее [4-7].

При этом в исследованиях данного направления вопрос об осознании самой многозначности не обсуждается, что, на наш взгляд, лишает рассматриваемую проблему ясности, поскольку осознаваемая и неосознаваемая многозначность, согласно нашим теоретическим представлениям, оказывают разное влияние на обработку стимулов. Тогда как неосознаваемая многозначность является повышено конкретизованной за счет отсечения области, связанной с неосознава-

[18]Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-01265, https://rscf.ru/project/22-28-01265/

емыми значениями, что способствует отнесению стимула к более узкой семантической категории, осознаваемая многозначность, напротив, менее конкретизована и имеет отношение к более широкой семантической категории. За счет существования этих различий осознаваемая и неосознаваемая многозначность может по-разному влиять на обработку информации.

Для разделения эффектов осознаваемой и неосознаваемой многозначности было реализовано два эксперимента на материале двойственных изображений. Проверялось предположение, согласно которому конкретность изображений с неосознаваемой двойственностью будет способствовать обнаружению различий в их деталях. Процедура обоих экспериментов была одинаковой, отличия состояли в деталях дизайна. В обоих экспериментах участникам предъявлялись пары изображений, и требовалось как можно быстрее определить, есть ли между ними различия. Однако первый эксперимент был более чувствителен к регистрации времени реакций, второй – к их точности. Данные обрабатывались при помощи ANOVA, для попарных сравнений использовался апостериорный критерий LSD.

Эксперимент 1. Использовалось 40 пар изображений, 20 однозначных и 20 двойственных. Отличия были в 20-ти изображениях. Среди пар с отличиями 10 изображений были двойственными и 10 – однозначными. Для контрабалансировки используемых условий использовалось две экспериментальные группы (ЭГ). Второй ЭГ предъявлялись однозначные варианты тех изображений, которые в первой ЭГ были двойственными, и двойственные варианты – тех, которые в первой ЭГ были однозначными. Кроме того, однозначные и двойственные варианты изображений имели одно и то же отличие (Рис. 1). Время реакции было ограничено пятью секундами. В конце эксперимента испытуемого спрашивали о том, была ли им осознанна двойственность каких-либо изображений.

Изображения без различий были одинаковыми для обеих групп и в обработке данных не участвовали, они были необходимы исключительно для создания ситуации выбора (есть различия/нет различий). Двойственные же изображения всегда имели различия, поэтому в данном варианте эксперимента не было возможности регистрации ошибок ложной тревоги для двойственных изображений.

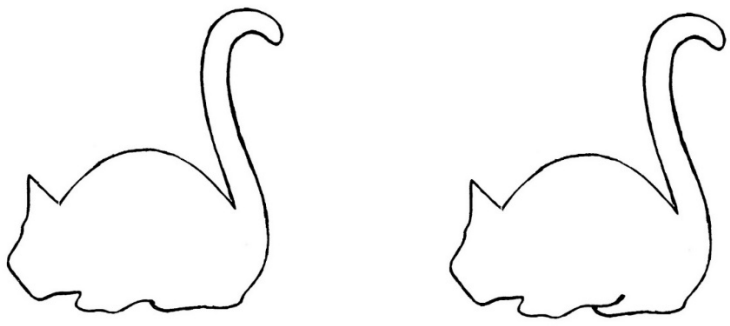
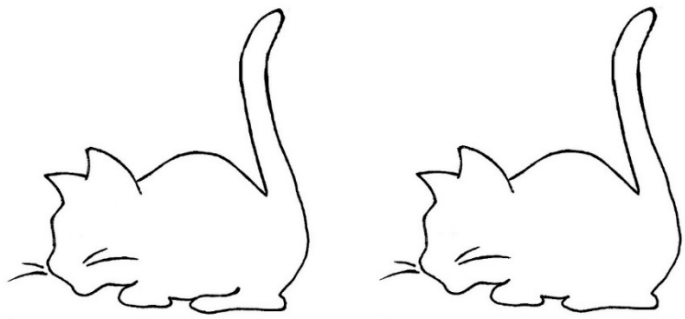
Группа 1 Пара двойственных изображений «Лебедь – кот» с различием	
Группа 2 Пара однозначных изображений «кот» с различием	

Рис. 1. Пример используемых стимулов первой и второй ЭГ.

При обработке данных сравнивалась точность и время поиска различий для однозначных и двойственных вариантов изображений. В свою очередь двойственные варианты разделялись на осознаваемую и неосознаваемую двойственность.

Выборка: в исследовании приняло участие 52 человека (44 женщины), в возрасте 17-28 лет, средний возраст 20.9.

Результаты эксперимента показали значимость основного эффекта «тип стимула» $F(2,101) = 3,53$; $p = 0,033$. Различия в изображениях с неосознаваемой двойственностью испытуемые находили быстрее, чем в изображениях с осознаваемой двойственностью ($p = 0,64$) и в однозначных ($p = 0,12$).

Однако точность реакций не различалась между разными типами стимулов (согласно нашим предположениям, из-за ограничения времени реакции пятью секундами, чего испытуемым вполне хватало для обнаружения различий между изображениями). Также нельзя было сравнить количество ложных тревог в случае с двойственными изображениями. С целью компенсации этих недостатков был разработан другой экспериментальный дизайн.

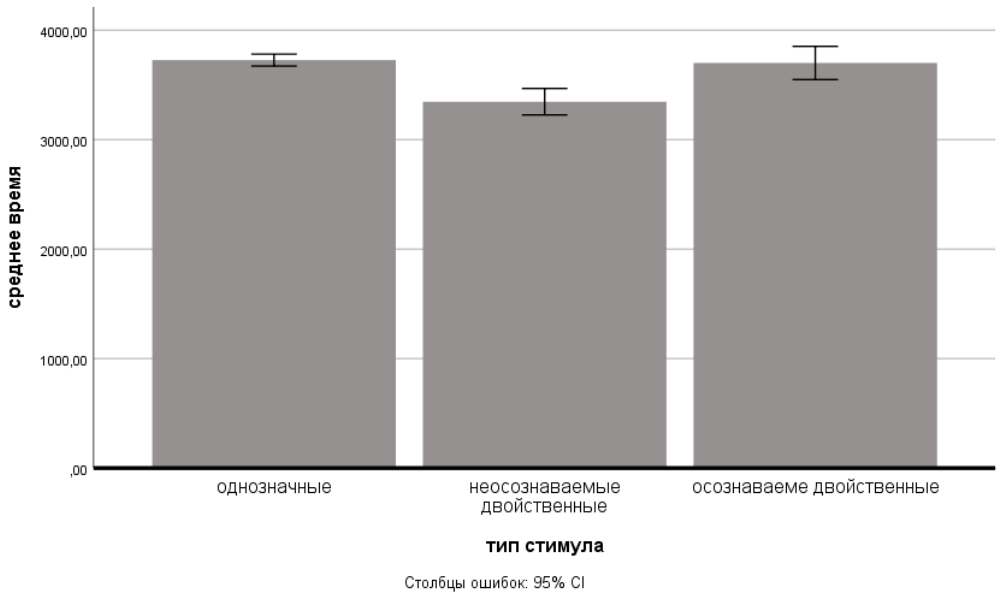


Рис. 2. Время обнаружения различий между двумя изображениями разных типов

Эксперимент 2. Использовалось 20 пар изображений, 10 однозначных и 10 – двойственных. Отличия были в 10-ти изображениях: в пяти однозначных и в пяти двойственных. Как и в первом эксперименте, для контрабалансировки стимулов использовалось две ЭГ (Рис.1). На этот раз время демонстрации изображения было ограничено 3-мя секундами, и, кроме того, не все, а только половина двойственных изображений имели различия, поэтому в данном эксперименте имелась возможность регистрации ошибок ложной тревоги. Время реакции в этот раз не измерялось, поскольку эксперимент был реализован в формате презентации. В конце эксперимента испытуемого спрашивали о том, была ли им осознанна двойственность каких-либо изображений.

При обработке данных сравнивалась точность поиска различий для трех типов изображений: однозначных, двойственных осознанных и двойственных неосознанных. Кроме того, для каждого испытуемого регистрировалось количество ложных тревог и количество попаданий по этим трем параметрам, и, наконец, по следующей формуле высчитывались три величины ди-прайма (которая интерпретируется как чувствительность к сигналу, т.е. к различиям):

d' = z[p(H)] - z[p(FA)], где:

z[p(H)] - z значение от вероятности попаданий,

z[p(FA)] - z значение от вероятности ложных тревог

Выборка: в исследовании приняло участие 21 человек (15 женщин), в возрасте 22-28 лет, средний возраст 24.4.

По результатам данного эксперимента прямое сравнение точности реакций не показало значимых различий для разных типов стимулов (Таблица 1),

однако чувствительность к обнаружению сигнала, регистрируемая с помощью величины ди-прайма, различалась ($F(2,60) = 4,16$; $p = 0,02$). Она оказалась наиболее высокой для неосознаваемых, а наиболее низкой - для осознаваемых двойственных изображений (Таблица 1). Значимые различия найдены между осознаваемыми и неосознаваемыми двойственными изображениями ($p = 0,006$), а также на уровне тенденции – между осознаваемыми и однозначными ($p = 0,06$).

Таблица 1

Точность и чувствительность к обнаружению различий между двумя изображениями разных типов

	Однозначные изображения	Неосознанные двойственные изображения	Осознанные двойственные изображения
% правильных ответов	68,7	67,2	67,9
d'	2,063	2,521	1,007

Полученные данные показывают, что чувствительность к обнаружению различий наиболее низка в том случае, когда испытуемые осознают оба значения сравниваемых двойственных изображений. Учитывая также результаты первого эксперимента, демонстрирующие максимально быструю скорость нахождения различий между парами изображений с неосознаваемой двойственностью, можно говорить о разных эффектах осознаваемой и неосознаваемой многозначности. Тогда как неосознаваемая многозначность показала преимущества обработки стимулов, осознаваемая многозначность продемонстрировала недостатки. Результаты подтверждают идею о повышении конкретности неосознаваемой многозначности и снижении конкретности осознаваемой многозначности.

Список литературы:

1. Haro J., Ferré P. Semantic Ambiguity: Do Multiple Meanings Inhibit or Facilitate Word Recognition? // Journal of Psycholinguistic Research. 2018. Vol.47. P. 679-698.

2. Tang L. Ambiguity and context learning in signalling games // Journal of Logic and Computation, 2020. Vol.31(8). P. 1979-2003.

3. Tang L. Ambiguity Advantage Under Meaning Activation // J of Log Lang and Inf 2022. Vol. 31. P. 99-112.

4. Armstrong B. C., Plaut D. C. Inducing homonymy effects via stimulus quality and (not) nonword difficulty: Implications for models of semantic ambiguity and word recognition // In L. Carlson, C. Hölscher, & T. Shipley (Eds.), Proceedings of the 33rd Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2011. P. 2223-2228.

5. Hoffman P., Woollams A. M. Opposing effects of semantic diversity in lexical and semantic relatedness decisions // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance. 2015. Vol. 41(2). P. 385-402.

6. Leinenger M., Myslín, M., Rayner K., Levy R. Do resource constraints affect lexical processing? Evidence from eye movements // Journal of Memory and Language. 2017. Vol. 93. P. 82-103.

7. Maciejewski G., Klepousniotou E. Disambiguating the ambiguity disadvantage effect: Behavioral and electrophysiological evidence for semantic competition // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2020. Vol. 46 (9). P. 1682.

В.В. Шпунтова,
Самарский университет

О КАРТИНЕ МИРА И ЦЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ

В работе предпринимается попытка содержательного анализа картины мира; особое внимание уделяется роли ценностей и личностных смыслов в построении картины мира, делается акцент на авторстве личности в порождении ценностей на примере Ники Дзюмпея – героя романа Кобо Абэ «Женщина в песках».

Ключевые слова: человек и мир, картина мира, образ мира, ценности, личностный смысл, авторство личности в порождении ценностей.

V.V. Shpuntova,
Samara University

ABOUT THE WORLDVIEW AND VALUES OF THE INDIVIDUAL

The article attempts a substantive analysis of the picture of the world; special attention is paid to the role of values and personal meanings in the construction of the picture of the world, emphasis is placed on the authorship of personality in the generation of values on the example of Nicky Jumpei – is the protagonist of Kobo Abe's novel "The Woman in the Dunes".

Keywords: human and the world, picture of the world, world image, values, personal meaning, authorship of personality in the generation of values.

Ценности являются базисным компонентом личности. Они – ядро внутренней реальности человека, сердцевина, из которой «прорастает» картина мира. Последняя, согласно Н.Н. Королевой, представляет собой «сложную многоуровневую модель, открытую систему устойчивых личностных смыслов и ценностей, совокупность значимых объектов и явлений» [1].

Человек о-значивает реальность, «окрашивает» своими личностными смыслами предметы, явления мира; он опирается на ценности и убеждения, нравственные нормы, установки и т. д. Как только вещь «окрашивается» значением, получает свой ценностный статус, – она встраивается в картину мира и при следующей встрече незамедлительно опознается. Вспомним А.Н. Леонтьева: значения располагаются *за* обликом вещей – в познанных объективных

связях предметного мира, в различных системах, в которых они только и существуют, только и раскрывают свои свойства [2].

Интуитивно очевидно, что отношения между миром и человеком довольно сложны. Первый незыблем и не имеет намерений, он ни к чему не стремится, ниоткуда не происходит, не предоставляет никаких непреложных ориентиров, второй конкретизирует пустые беспредметные формы, заполняет собственным значением явления, очеловечивает реальность, чтобы постичь ее. Иначе говоря, мир не имеет никакого отношения к человеку, человек же имеет отношение к миру; он *желает* иметь это отношение, он пытается познать реальность, стремится ухватить, запечатлеть ускользающее видение мира истинного.

Выразим это иначе: человеческое отношение к миру – ценностное по своей сути. Критерий включенности в это отношение объективно не определен, но полагается наделением внешнего мира статусом освоенности. В некотором смысле, человек является отражением того, что видит. С одной стороны, он – автор жизненного пути, средоточие активности и переживаний, с другой – весь мир словно просвечивается сквозь него.

В этой связи интересной представляется метафора Э. ван Дорцен о том, что «Я» похоже на радужную оболочку глаза, отверстие, через которое проходит свет мира. Единственная функция «Я» – быть прозрачным, открытым (об этом также писал М. Босс), чтобы сквозь него могла проходить жизнь; единственный способ существования индивидуума – быть средой, через которую течет поток света: «Чем больше я открываюсь и позволяю жизни соприкасаться со мной и светиться через меня, тем более наполненной и живой становлюсь сама» [3].

Итак, субъект познает окружающую действительность через собственное присутствие, через существование «Я»; его ценности и убеждения подобны ситу, через которое просеивается «входящий» материал, чему-то будет позволено проскользнуть сквозь сетку, а что-то отбрасывается.

В качестве иллюстрации обратимся к роману К. Абэ «Женщина в песках».

Главный герой – Ники Дзюмпей вынуждено оказывается в лачуге на дне песчаной ямы. Поначалу он пытается сберечь выстроенную и понятную ему ценностную систему координат, становится замкнутым, одиноким, подверженным экзистенциальному отчаянию: «Бесконечное повторение одного и того же – самая лучшая маскировка. Если вести жизнь, которая будет состоять из простых повторений одного и того же, то, может быть, в конце концов о нем забудут» [4]. Мужчина понимает, что у него не получится «когда-либо ка-

ким-либо способом выбраться отсюда… но ведь не исключено, что можно привыкнуть просто к ожиданию, лишенному всякой цели, а когда кончится время зимней спячки, окажется, что свет ослепил тебя и ты не можешь выйти наружу» [4].

В начале романа господин Дзюмпей опирается на прежнюю, непротиворечивую в своей цельности картину мира, отталкивается от понятных и принятых ранее значений. Он обесценивает новую реальность, старается «быть выше» изменившихся внешних условий и вынужденно взаимодействует с местными жителями.

С течением времени герой оценивает события мира и внутренней реальности, наполняет новыми смыслами собственную жизнь. Случайным образом он изобретает приспособление для скапливания воды. По-прежнему находясь на дне ямы, Ники испытывает такое чувство, будто поднялся на высокую башню: «На расстоянии все кажется крошечным, не больше малюсенького насекомого... где-то далеко копошатся сослуживцы, пьющие чай в учительской... Без всякой зависти думал он о [былом], прошлое представлялось ему формами для печенья, пустыми внутри... Перемены, происшедшие в песке, были в то же время и переменами в нем самом… он словно обнаружил нового человека» [4].

Здесь ценности и личностные смыслы предстают своеобразной ступенькой, соединяющей окружающую действительность и внутреннее бытие человека; они подвергаются трансформации, конкретизируются и обогащаются. Мы видим, что Ники «присваивает» ценности жителей песчаной деревни, делает их личностно значимыми. Он словно бы врывается в существующий порядок мира, переделывает его, меняет собственную картину мира и формирует новую систему ценностных ориентиров.

Спустя десять месяцев герой отказывается от побега. Он поднимается на поверхность по веревочной лестнице, которую забыли люди, увозившие женщину в город в больницу: «Ветер, казалось, вырывал дыхание изо рта. Небо было какого-то грязно-желтого цвета. Руки и ноги тяжелые, будто вышел из воды... видно море… тоже мутно-желтое… воздух шершавый, совсем не такой, каким представлялся ему» [4]. Мужчина понимает, что сейчас, выбравшись из ямы, он держит в руках «чистый бланк, и может сам, по своему усмотрению заполнить в нем и время отправления, и место назначения» [4], он одновременно видит и психическое (картину мира), и внешнюю реальность, является и субъектом, и объектом; и может самостоятельно принимать решения.

Ники выступает как свой собственный источник света, он видит свое место в новом мире, возвращает себе центральную роль в собственной жизни. Соответствие между реальностью и его знаниями о ней (образ мира) установлено. Господин Дзюмпей выбирает странную жизнь, и спешит обратно в яму, «с трудом сдерживая слезы» [4]; он остается потому, что обнаруживает собственные ценности в означенном им окружающем мире.

В завершении отметим, что смысл/значение не находится внутри «Я», – он возникает благодаря взаимодействию с миром, другими людьми. Картина мира изменяется вместе с развитием личности, формируется и развивается в диалоге: а) диалог с человечеством – присвоение культурно-исторического опыта; б) диалог с другими людьми – постижение особенностей социального взаимодействия; в) диалог с «Я» – осознание системы представлений о себе и мире.

С появлением новых ценностей, человек присваивает их, делает своими. Он меняется, меняется его картина мира, – она расширяется, открывая новые горизонты понимания/познания реальности. Это становится возможным если человек достигает согласия с процессом перемен, частью которого он является; это становится возможным, если человек разрешает себе выйти из себя в мир.

Список литературы:

1. Королева Н.Н. Смысловые образования в картине мира личности // Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.11: СПб., 1998. 194 с.

2. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психолог. произведения. М.: Педагогика, 1983. С. 251-261.

3. Ван Дорцен Э. Повседневные тайны. Экзистенциальные измерения психотерапии. М.: ИОИ, 2019. 446 с.

4. Абэ К. Женщина в песках. Лучшее. М.: Иностранка, 2023. С. 5-161.

Н.Н. Ярушкин,
Самарский государственный социально-педагогический университет;
Н.Н. Сатонина,
Самарский государственный технический университет

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СТРЕСС КАК ФАКТОР ДЕСТРУКТИВНОГО ПЕРФЕКЦИОНИЗМА СТУДЕНТОВ

В статье на основе краткого обзора ряда зарубежных и отечественных научных источников представлен обобщенный психологический портрет студента – перфекциониста, выделены позитивные и негативные его признаки. Отражены некоторые факторы, оказывающие влияние на формирование деструктивного перфекционизма студентов. Показано влияние информационной перегрузки студентов на возникновение информационного стресса, порождающего деструктивный перфекционизм. Эмпирически установлена взаимосвязь между перфекционизмом студентов и невротическими проявлениями.

Ключевые слова: перфекционизм студентов, информационная перегрузка, информационный стресс, невротические проявления деструктивного перфекционизма.

N.N. Yarushkin,
Samara State Social and Pedagogical University;
N.N. Satonina,
Samara State Technical University

INFORMATION STRESS AS A FACTOR OF DESTRUCTIVE PERFECTIONISM OF STUDENTS

The article, based on a brief review of a number of foreign and domestic scientific sources, presents a generalized psychological portrait of a perfectionist student, highlighting his positive and negative signs. The main factors influencing the formation of destructive perfectionism of students are reflected. The influence of information overload of students on the occurrence of information stress, which generates destructive perfectionism, is shown. The relationship between the level of perfectionism of students and neurotic manifestations has been empirically established.

Keywords: perfectionism of students, information overload, information stress, neurotic manifestations of destructive perfectionism.

В современном мире успешность в острой конкурентной борьбе во многом зависит от профессионального уровня специалистов разного профиля. Уровень же подготовки в вузах будущих специалистов определяется не только профессионализмом преподавательского состава, но и мотивированностью, а также способностями самих студентов, что можно выразить краткой формулой: хотеть и мочь.

В ходе учебной деятельности студентов эти два условия эффективной профессиональной подготовки могут проявляться с различной степенью выраженности. Следует выделить такую категорию студентов, которых в современной науке называют перфекционистами. Нередко именно с ними связывают повышенные ожидания их родители и преподаватели. В то же время еще в большей мере такие ожидания, порой недостаточно обоснованные, вынашивают в себе сами студенты-перфекционисты.

Цель данной статьи состояла в том, чтобы на основе краткого обзора ряда зарубежных и отечественных научных источников составить обобщенный психологический портрет студента-перфекциониста, выделив как позитивные, так и негативные его черты; определить факторы, оказывающие влияние на его формирование; показать влияние информационной перегрузки студентов на возникновение у них информационного стресса, порождающего, в свою очередь, деструктивный перфекционизм; установить взаимосвязь уровня перфекционизма студентов с невротическими проявлениями.

Краткое определение перфекционизма состоит в том, что данный психологический феномен отражает особенности личности, характеризующиеся ее стремлением к совершенству, повышенными требованиями к себе и окружающим людям, постоянной неудовлетворенностью своими достижениями и постановкой перед собой труднодостижимых целей [1].

В современной психологии сформировалось двойственное отношение к перфекционизму, то есть выделяют две формы перфекционизма: здоровый (позитивный) перфекционизм и патологический (деструктивный) перфекционизм.

По мнению Д.Е. Хамачек [2], здоровый перфекционизм характеризуется проявлением лидерских качеств, высоким уровнем работоспособности, активностью, выраженной мотивацией к достижению успеха. При этом человек реалистичен в оценке своих способностей и уровня притязаний, для него харак-

терна высокая самооценка и он получает истинное удовлетворение от самого процесса своей деятельности и реализации ее целей.

В то же время, по мнению ряда известных американских психологов [3; 4], у некоторой части перфекционистов планка достижений имеет такой запредельный уровень, что не позволяет реально достичь своих целей и это порождает неудовлетворенность собой и окружающими его людьми. Кроме того, полагают, что этой форме перфекционизма свойственен максимализм – «все или ничего», при котором недостижение завышенных целей может сопровождаться выраженными переживаниями. Речь идет прежде всего о патологическом (деструктивном, невротическом) перфекционизме, при котором основным движущим мотивом является страх перед неудачей. Это может объясняться, с одной стороны, явно завышенным уровнем притязаний, а с другой, недостаточным потенциалом самого человека. Отсюда склонность к излишней самокритике, недовольству собой, снижению самооценки и депрессивному состоянию.

В ряде исследований [5] у студентов была выявлена взаимосвязь здорового перфекционизма со стремлением к достижениям, с достаточно высокой самооценкой, самоактуализацией, эффективными стратегиями обучения, хорошей академической успеваемостью, уверенностью в себе и т. д. В то же время было обнаружено, что здоровый перфекционизм может трансформироваться в деструктивный, невротический перфекционизм, проявляющийся в выраженной потребности к избеганию неудач, повышенной тревожности, разочаровании, постоянном недовольстве собой и достигнутым, депрессивном состоянии, различных психосоматических расстройствах. Это может негативно отражаться на взаимоотношениях с окружающими людьми.

Наиболее значимым фактором, влияющим на формирование такой формы перфекционизма у студентов, mouen быть последствия особенностей родительского воспитания в младшем школьном и даже дошкольном возрасте, когда ребенку предъявлялись завышенные требования, не учитывающие его возможности. Результатом такого воспитания является низкая самооценка и чувство неполноценности.

Другим значимым фактором формирования деструктивного перфекционизма у студентов является «информационный стресс», который может возникать из-за информационных перегрузок [6]. Информационный стресс у студентов – это состояние информационной перегрузки, связанной с необходимостью усвоения больших объемов информации при дефиците времени (особенно в период сессии). Конечно, такой дефицит времени на усвоение учебного

материала может определяться не только его объемом и сложностью, но и недостаточным уровнем самоорганизации студентов. Причем такой стресс может сопровождаться весьма выраженными отрицательными эмоциями и невротическими психическими состояниями, которые повышают уровень деструктивного перфекционизма студентов.

Для проверки наличия предполагаемой взаимосвязи между уровнем невротичности и перфекционизма студентов был проведен опрос 46 студентов с помощью опросника П.А. Шулера для выявления степени выраженности перфекционизма и методики экспресс-диагностики невроза К. Хека и Х. Хесса. Полученные результаты исследования были обработаны методом корреляционного анализа Спирмена и показали наличие определенной взаимосвязи между этими признаками ($rs=0,29$ при $p<0,05$). Выявленная взаимосвязь указывает на необходимость своевременного прогнозирования вероятности возникновения нежелательных психических состояний у студентов с выраженным перфекционизмом, а также более рационального планирования самими студентами предельного уровня своей информационной нагрузки, не доводя ее до информационного стресса.

Список литературы:

1. Ильин Е.О. Работа и личность / Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.

2. Hamachek D.E. Psychodynamics of nonnal and neurotic perfectionism // Psychology. 1978. V. 15. P. 27-33.

3. Hollender M.H. Perfectionism, a neglected personality-trait // Journal of Clinical Psychiatry. 1978. V. 39. P. 384.

4. Burns D.D. The spouse who is a perfectionist. Medical Aspects of Human Sexuality. 1983. V. 17. P. 219-230.

5. Гаранян Н.Г., Андрусенко Д.А., Хламов И.Д. Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // Психологическая наука и образование. 2009. № 1. С. 72-81.

6. Стрекалова Н.Б. Влияние информационной перегрузки на жизнедеятельность личности // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2011. № 12. С. 325-330.

РАЗДЕЛ 5.
ЛИТЕРАТУРА, ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н.А. Ефимов,
Государственный университет Флориды

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАВМА В РОМАНАХ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА «ОЖОГ» И «МОСКОВСКАЯ САГА»

Данная работа рассматривает проблематику травматического опыта детей и подростков и способы ее изображения в романах Василия Аксенова «Ожог» и «Московская сага». Подчеркивается трансформация персонального травматического опыта писателя в художественные образы.

Ключевые слова: психологическая травма, травматический опыт, Аксенов, подросток, сталинизм.

N.A. Efimov,
Florida State University

PSYCHOLOGICAL TRAUMA IN VASILY AKSENOV'S NOVELS «THE BURN» AND «GENERATIONS OF WINTER»

The article investigates psychological trauma of children and teenagers in Vaslily Aksenov's novels «The Burn» and «Generations of Winter». It discusses transformation of the writer's personal traumatic experience into literary images and employment of literary devices in trauma depiction.

Keywords: psychological trauma, traumatic experience, Aksenov, teenager, Stalinism.

Анализ художественных средств изображения психологический травмы детей и подростков и их посттравматического расстройства в романе Василия Аксенова «Ожог» и в трилогии «Московская сага» дает возможность более глубокого понимания взгляда писателя на сталинизм как исторический процесс. Проблема травматического опыта в этих произведениях носит автобиографический характер. Аксенов, сын репрессированных родителей, в пять лет в свой день рождения был выхвачен из детской кроватки и отправлен в приют

для детей врагов народа. Его дядя чудом смог забрать мальчика и передать на воспитание теткам в Казани, и только через 10 лет Василий получил право встретиться с матерью в Магадане, которая вскоре была арестована вторично, и подросток остался в чужом городе с ее вторым мужем. В беседе с Игорем Шевелевым Аксенов отмечает, что самым поворотным моментом в его жизни была не эмиграция в Америку, а приезд к маме, в Магадан, знакомство с ней и ее арест. «Самый драматический момент – когда ее забрали второй раз и я остался в шестнадцать лет совершенно один» [1, с. 610]. Писатель обращается к близкой и болезненной для него теме – искалеченной судьбе ребенка врагов народа и влиянию травмирующих событий на детскую психику. В «Ожоге» шестнадцатилетний Толя Боков после десятилетней разлуки встречается в 1949 году в Магадане с матерью, которая только что закончила «исправительный курс» и которую арестовывают на глазах подростка. Таким образом, у Аксенова личный травматический опыт трансформируется в художественные образы жертв культа личности. Писатель обращается к различным способам нарративизации травматического опыта протагониста. Травмированное сознание Толи раскрывается посредством несобственно-прямой речи: «И тут наконец до Толи дошла глубина события: уводят маму неизвестно куда, неизвестно для чего, неизвестно надолго ли» [2, с. 257]. Одновременно происходит феномен подсознательного дистанцирования от ситуации травмы: «Некий сторонний наблюдатель находился в Толе, и он словно издалека, словно в перевернутый бинокль наблюдал происходящее и видел все с резкостью» [2, с. 256]. Одновременно делается ударение на телесность образа капитана НКВД Чепцова, производящего арест: низкий лоб, короткий, нос, зоб под круглым подбородком, повороты затылка, причмокивание. Функция телесного также используется Аксеновым в поведении Чепцова, торжествующего при виде признаков физиологических проявлений подросткового организма в его постельном белье.

«Ожог» – постмодернистский роман, и постмодернистское новаторство Аксенова проявляется в конструкции образов главных героев. Все пять персонажей с одним отчеством Аполлинарьевич в юности были Толей Боковым. Психологически травма Толи приобретает символический смысл травмы поколения, обожженного сталинским террором, а образ садиста-сталиниста Чепцова трансформируется в олицетворение насилия в период культа личности. В нелинейном повествовании «Ожога» истории пяти Аполлинарьевичей переплетаются с флешбеками болезненных эпизодов из Толиной юности. Психологическая фиксация на травмирующем Чепцове заметна в узнавании Апол-

линарьевичами его черт в случайных встречных. Посттравматическое расстройство Толи проявляется в действиях его пяти взрослых личностей, в их злоупотреблении алкоголем, беспорядочной личной жизни и депрессии. Однако проблема травмированной памяти лишь часть основной тематики романа. Обращаясь к перцептуальному хронотопу, Аксенов выдвигает на первый план социально-психологическую проблематику поколения шестидесятников. Исследуя функционирование травмируемого, А.В. Старавойтов отмечает: «Травматическая реакция обусловлена явной угрозой для функций Эго вследствие ослабления защитных барьеров. Эго утрачивает способность быть адекватным «посредником» между внутренним и внешним миром, ослабевает и становится беззащитным» [3, с. 150]. Психологическая травма делает главных героев «Ожога» неспособными в зрелом возрасте адекватно функционировать во враждебной среде обитания.

В «Московской саге» также выдвигается проблематика травмированных невинных жертв сталинизма. Психологическая травма Мити Сапунова, чудом избежавшего смерти от рук кулака отца, который в отчаянии сжег семью и себя, только чтобы не быть отправленным в Казахстан, трансформируется в символический образ жертвы сталинских репрессий во время коллективизации. Семилетний ребенок наблюдает из амбара за депортацией крестьян, как красноармейцы выгоняют и грузят в грузовики «рыдающих и вопящих баб, визжащих от страха детей и ошеломленных стариков» [4, с. 157] под проливным дождем, под лай собак, вой животных, под ружейные выстрелы. Митю спасают и усыновляют марксисты Кирилл и Цецилия, посланные на укрепления коллективизации, однако прошлое мальчика навсегда остается в его травмированной памяти и определяет его будущее – формально как отрицательный биографический факт и потенциальная угроза, на уровне отношений со сверстниками как унизительная характеристика «несовершенный кулацкий элемент» или «кулацкое семя». Репрессированные эмоции сказываются на его двойственном восприятии действительности и вызывают стремление соединить полярные оппозиции – преданность Сталину и привитую отцом ненависть к коммунистам и чекистам. Месть коммунистам за смерть отца и семьи он видит в том, что раскроет Сталину истину: «Вот вырастим и дадим Сталину знать, кто ему друг, а кто враг на самом деле» [4, с. 257].

Особенно остро Митя ощущает свою историческую неудачливость и нереализованность во время Великой Отечественной войны. Не успев повоевать, он попадает в немецкий плен, где еле выживает от голода, грязи и холода и, поддавшись на антибольшевистскую немецкую пропаганду, вступает в Коми-

тет освобождения России. Переход Мити на сторону нацистов мотивируется не его приятием фашистской идеологией, а пережитой травмой. Однако очень быстро он убеждается, что становится исполнителем чужой воли. Отказ расстреливать евреев и побег из власовской армии, участие в партизанском отряде, превращение в легендарного вожака блатных Полтора-Ивана и смерть во время восстания зэков в Магадане под окнами Кирилла с Цецилией, – вся его перипетия определена травмированным сознанием на фоне исторических событий.

В обоих произведениях Аксенова травматический опыт ребенка и подростка соответствует современным научным исследованиям [5] и актуализирует трагические события прошлого века.

Список литературы:

1. Василий Аксенов – одинокий бегун на длинные дистанции / сост., предисл. В. Есипова. М.: Астрель, 2012.

2. Аксенов В.П. Ожог. Ardis. Ann Arbor, 1980.

3. Старавойтов, А.В. Системно-аналитическая арт-терапия в коррекции последствий психологических травм // Гуманитарные науки. 2016. №1 (33).

4. Аксенов В.П. Московская сага. В 3 тт. Т. 1. М.: Текст, 1993.

5. Булаткина А.В. Коррекция жизненной перспективы у лиц, переживших психологическою травму // https://www.pedgorizont.ru/publications?id=4009238&ysclid=lftyfyof96681374618

Г. В. Заломкина,
Самарский университет

КИБЕР-РЕАЛЬНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

В произведениях научной фантастики поднимается проблема созданности кибер-реальности, что обусловливает базовый сюжет попытки тотального контроля. Как проблематичная разрабатывается трансгуманистическая тематика преодоления смертности человека с помощью цифровых технологий. Кибер-реальность устойчиво выступает в научно-фантастических произведениях как инструмент эскапизма. Кибер-реальность разрабатывается в связи с эстетикой метаромана в творчестве В. Пелевина.

Ключевые слова: У. Гибсон, киберпанк, метавселенная, цифровое бессмертие, эскапизм, П. Уоттс, В. Пелевин.

G. V. Zalomkina,
Samara University

CYBERREALITY THROUGH THE EYES OF SCIENCE FICTION

In the works of science fiction, the problem of the artificiality of cyber-reality is raised, which determines the basic plot of the attempt at total control. The transhumanistic theme of overcoming human mortality with the help of digital technologies is developed as problematic. Cyberreality consistently functions in science fiction texts as an instrument of escapism. Cyberreality is considered in connection with the aesthetics of metafiction in the works of V. Pelevin.

Keywords: W. Gibson, cyberpunk, metauniverse, digital immortality, escapism, P. Watts, V. Pelevin.

На заре цифровых технологий понятие кибер-реальности было прерогативой именно научной фантастики (далее – НФ), в дальнейшем цифровые симуляции стали реальностью, во многом предсказанной фантастами, и сейчас можно уже подводить некоторые систематизирующие итоги относительно философской и художественной специфики того, как НФ литература развертывает проблематику виртуальных миров.

Уильям Гибсон в начале 1980-х заложил основы сюжета искусственно созданной компьютерной реальности, обладающей убедительными качествами настоящей. Этот сюжет определил специфику жанра киберпанка. В новелле «Сожжение Хром» (1982 г.) впервые употреблено понятие «киберпространство», основополагающее для рассматриваемой проблематики. Гибсон развил свои идеи в серии романов: «Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза Овердрайв», «Идору». В романе Нила Стивенсона «Лавина» (1992 г.) впервые в НФ употреблено понятие «метавселенная», свидетельствующее о разрастании идеи искусственной реальности. В романе Стивенсона присутствуют все основополагающие приметы метавселенной как обширного реалистичного виртуального пространства, где люди взаимодействуют друг с другом через цифровые аватары, а хакеры вступают в конфликт с системой, управляющей виртуальностью. Разворачивается сюжет попытки тотального контроля искусственной реальности через внедрение опасного вируса, одновременно компьютерного и биологического, цель которого – управлять сознанием людей. Таким образом, более осуществимый тотальный контроль метавселенной грозит развиться в контроль над реальностью физической. Диалог двух реальностей – существенный аспект рассматриваемой тематики. Важное свойство физической реальности – незавершимость и спонтанное саморазвитие. Киберреальность может претендовать на эквивалентность, только обладая этими качествами. Однако у нее эти качества всегда ограничены, всегда присутствуют признаки сконструированности, именно поэтому базовый сюжет в произведениях о метавселенных – попытка так или иначе взять их под контроль, что выполнимо, если объект освоения выстроен по изначальному познаваемому плану. Причины таких попыток могут предлагаться различные, одна из наиболее логичных обозначена Т.Г. Черновой и Я.А. Афанасенко: «запрограммированная кибернетическая система» не нуждается в человеческой самоидентичности, но имманентно предполагает «управление ею, контроль над ней» [1, с. 74-75].

Развитие технологий кибер-реальности связано, в том числе, с трансгуманистическими идеями, задающими стремление к преодолению несовершенства человека, прежде всего – его смертности. НФ разрабатывает тематику «цифрового бессмертия» как проблематичного, в том числе, в силу потенциальной подконтрольности любой кибер-системы. И.Б. Казакова отмечает подобную разработку в романе «Город перестановок» Г. Игана: загруженные в виртуальную реальность цифровые копии человеческого сознания «могут с помощью специальной программы корректировать собственную модель мозга

<…> Копии… приобретают одни черты характера и избавляются от других, выбирают себе таланты и увлечения». Осуществив подобные изменения, главный герой «задается вопросом, является ли он тем же самым человеком, который некогда заплатил за цифровое бессмертие» [2; 260].

Целеполагание кибер-реальности не лежит исключительно в трансгуманистической сфере. А.И. Лаврентьев, исследуя роман Т. Пинчона «Край навылет», обнаруживает не только то, что «искусственная онлайн действительность освобождает от диктата законов физической реальности», но и некоторые иные функции развернутого там «тайного интернет-пространства Подсетья». Прежде всего, оно действует как «инструмент эскапизма», поскольку создает ощущение свободы от внешнего контроля и «принадлежности к эксклюзивному виртуальному сообществу, что помогает человеку почувствовать себя среди своих единомышленников» [3, с. 364].

Функция тайного объединения единомышленников – основная у кибер-реальности, конструируемой в мире романа Лю Цысина «Задача трех тел». Это компьютерная игра с обозначенным в заглавии названием, место действия в которой – планета с тремя солнцами. Игра связана с секретной организацией, цель которой – обеспечить благополучный захват Земли силами действительно существующей планеты Трисолярис. Компьютерная игра здесь разрабатывается как отражение реально существующего мира и в художественной структуре романа становится от него почти неотличима.

Эскапистская функция цифровой реальности отмечена уже у Гибсона и связана, в том числе, с близостью виртуальной реальности сказке. О.В. Беляева отмечает сходство «технических образов», создаваемых «для реализации представления о виртуальности и инфопространстве» с архетипическими волшебными помощниками [4, с. 126]. Привлекательность для побега из обыденности подчеркивается также эстетизацией виртуальной реальности, описания которой маркировано поэтичны: «Киберпространство. Сопричастная галлюцинация, которую ежедневно переживают миллиарды подключенных сознаний во всех странах… Графическое представление данных, содержащихся в памяти всех компьютеров общечеловеческой системы. Немыслимая сложность. Световые линии, организованные в отсутствующем пространстве разума, скопления и созвездия данных» [5, с. 49] .

Эстетизация как составляющая эскапистского целеполагания прослеживается в разработке цифровой реальности в романе П. Уотса «Ложная слепота». В недалеком будущем Земли проблематика побега из изначально данной

нам реальности становится общезначимой и угрожающей. Так называемый капюшон (cowl), позволяющий уйти из материального мира, выбирают все больше и больше землян. Причем побег становится основательным и длительным вплоть до бесконечности, поскольку тело человека помещается в стазис при работающем мозге. В романе Уотса капюшон – убедительная реалия устоявшегося представления о будущем, варианты виртуального существования уже более причудливы по сравнению с ранними формами, близкими фэнтези. Параллельный цифровой мир при этом у каждого свой, выстраиваемый соответственно вкусам, подвластный изменениям и маскировкам. Мать главного героя на сеансе связи предстает перед ним как «абстракция в абстракции: невозможное пересечение десятков ярких стекол, как будто каждая плитка разобранного витража засветилась и ожила» [6, с. 142].

Тематика кибер-реальности разнообразно представлена в творчестве В. Пелевина. В повести «Принц Госплана» она разворачивается в пародийно-сатирическом ключе, причем по отношению и к изображаемой советской действительности на ее излете, и к киберпанку. Персонажи существуют одновременно в реальностях позднесоветских кабинетов и компьютерных игр, в которые играют в рабочее время. Граница между реальным и виртуальным мирами не маркирована, переход из одного мира в другой всегда происходит незаметно, поскольку играющий так или иначе всегда живет в своей метавселенной – личной или групповой.

В романе «Любовь к трем цукербринам» предметом иронического осмысления становится тотальный, тотально обманчивый и даже тоталитарный характер искусственно созданной цифровой реальности.

В романе «Transhumanism inc.» личные метавселенные в духе П. Уотса, развернутые в ироническом ключе, становятся одновременно аллегорией природы и сущности литературного творчества. Созданность и управляемость роднит феномен цифровой метавселенной с художественной литературой: искусственно создается реальность по определенным принципам, в числе которых антураж, сюжет, персонажи. В романе Пелевина таинственное существо Гольденштерн – аллегория всезнающего, вездесущего и всемогущего Автора – контролирует систему кибер-реальностей, созданных для хранящихся в спецконтейнерах мозгов людей, купивших себе цифровое бессмертие. Гольденштерн периодически создает новые сознания, которые существуют в иллюзии жизни по заданному Автором сюжету.

Список литературы

1. Чернова Т. Г., Афанасенко Я. А. Трансгуманистическая картина мира: по образу и подобию машины и цифры, или конец человека // Общество: философия, история, культура. 2022. №3 (95). С. 72-77.

2. Казакова И. Б. Антропологические аспекты проблемы бессмертия в современной научно-фантастической литературе // Самарский научный вестник. 2022. № 2. С. 257-261.

3. Лаврентьев А. И. Информационное общество и сетевые технологии в романе Т. Пинчона «Край навылет» // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2021. №. 13. С. 360-368.

4. Беляева О. В. Электронные технологии как выход из реальности в романе У. Гибсона «Граф Ноль» // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. №3 (26). С. 123-129.

6. Gibson W. Neuromancer. New York: The Berkley Publishing Group, 1988. 244 p.

7. Watts P. Blindsight. New York: Tom Doherty Associates, LLC, 2006. 385 p.

В.Н. Иванова,
Самарский университет

СЛОВО ЧЕЛОВЕКА И СЛОВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС М. БОТЕВОЙ «МОЙ ПАПА – КОМПЬЮТЕР» И Н. ОВЧИННИКОВОЙ «МОЙ ДРУГ АЛИСА»)

В тезисах разбираются коммуникативные ситуации, реализованные в двух пьесах современных детских драматургов. Возможно ли общение искусственного интеллекта и человека, по каким правилам, устроит ли это человека, состоится ли продуктивный диалог – эти и другие вопросы поднимаются в рассматриваемых художественных текстах и комментируются автором тезисов.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, искусственный интеллект.

V.N. Ivanova,
Samara University

THE WORD OF A HUMAN AND THE WORD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (BY THE EXAMPLE OF M. BOTEVA'S PLAYS «MY DAD IS A COMPUTER» AND N. OVCHINNIKOVA «MY FRIEND ALICE»)

The theses deal with communicative situations realized in two plays by modern children's playwrights. Is it possible to communicate between artificial intelligence and a person, according to what rules, will it suit a person, will there be a productive dialogue – these and other questions are raised in the literary texts under consideration and commented on by the author of the theses.

Keywords: communication, dialogue, artificial intelligence.

Литература обладает прогностической функцией, фантастика во многом предсказывает научные открытия, обсуждает проблемы, связанные с их вхождением в мир человека. В последние годы особенно возросли темпы развития искусственного интеллекта и самообучающихся компьютерных систем, поэтому неудивительно, что вопросы, связанные с положением ИИ в мире человека, обсуждаются философами, а ИИ часто может стать героем художественного произведения. В 1993 году Вернор Видж издает эссе «Грядущая техноло-

гическая сингулярность» [1], в котором моделируется появление искусственного интеллекта, превосходящего человеческий. Р. Курцвел [2] и Д. Чалмерс [3] в 2005 и 2010 годах говорят о возможном обретении машиной субъектности, а сейчас ученые обращаются к общественности с открытым письмом с просьбой приостановить развитие ИИ [4]. Можно предположить, что один из пугающих аспектов заключен в том, что машина/робот/искусственный интеллект все более активно включаются в коммуникационные процессы и, более того, пользователь начинает ожидать от них почти человеческих реакций. В чем-то такое отношение обуславливает тест, разработанный А. Тьюрингом, связанный с идентификацией ИИ, который должен убедить человека в своей «человечности».

Обращаясь к работам В.И. Тюпы по неориторике, мы видим, что ситуация «понимания - *не* понимания» является важным коммуникативным результатом. «ситуация преодоленного размежевания индивидуальных субъективностей, предстающих не замкнутыми в себе мирами, а полюсами единого интерсубъективного мира, для которых инстанция “нададресата” оказывается точкой встречи общающихся сознаний» [5]. Но всегда ли в современном мире общаются сознания? Более того, всегда ли возможен продуктивный диалог, требующий усилий от участников коммуникативного процесса?

Драма по своей природе даёт возможность увидеть событие. В случаях, когда героем становится ИИ, можно буквально рассмотреть, как моделируется диалог между человеком и машиной, и увидеть, как и чем отличаются слово человека и слово машины.

История перевоплощения человека в машину исследуется драматургом Марией Ботевой. Детская пьеса «Мой папа – компьютер» (2011 г.) представляет собой историю происшествия: человек (папа) зависает перед компьютером и проявляет себя в необычном амплуа. Ситуация комментируется подростком.

Драматический сюжет оказывается расслоён на два временных пласта. В первом пятиклассник Треухов даёт комментарии к происходящему в его семье. Второй пласт – собственно разворачивающиеся события. «Всё началось с того, что мне просто захотелось поговорить с папой» [6], – обычное желание подростка наталкивается на отсутствие коммуникации, но сама ситуация оказывается выходящей за пределы обыденности. Невозможность выстроить диалог реализуется через появление фантастического элемента, который не сразу участниками коммуникативной ситуации опознается как необычный. Отец не реагирует на обращение к нему сына, а механически говорит: «Не знаю, спроси у мамы». И для подростка это ситуация обыденная, что он подтверждает в

своем комментарии: «Вот так всегда! Или не слышит ничего, или говорит, чтобы шёл к маме». Семья ждёт гостей, маму не отвлечь, отец от него отмахнулся, но герой говорит об исключительности возникшей ситуации, хотя она осознается далеко не сразу.

Треухов засыпает отца вопросами и просьбами, обычными для ребенка в ситуации попытки выстроить диалог: «пошли на рыбалку», «купи мне мороженку», которые сменяются почти экзистенциальными вопросами: «Пап, ты живой?», «ты настоящий?». На каждый вопрос подросток получает в ответ или согласие, но без последующего действия, или делегирование ответа маме. Подросток демонстрирует этот диалог маме, с приходом гостей ничего не меняется – коммуникация не может быть выстроена. Реплики папы ограничиваются: «Угу», «Не знаю, спроси у мамы», «Да-да, сейчас». Фантастичность происходящего разрастается – при отключении света, отключается и папа.

Вскоре перед подростком встает этическая дилемма: он чувствует недостаточность общения с отцом и ненормальность сложившейся ситуации, но с одноклассниками он обнаруживает, что отец может решить любую задачу и уравнение по математике. Весть о полезности такого состояния Треухова-старшего разлетается по всей школе, и в этой ситуации оказывается заинтересован восьмиклассник Корень, самого Треухова отправляют на олимпиады из-за его превосходных письменных работ. Подросток начинает выступать как репер и в своих стихах он рассказывает о папе-компьютере. Треухову удается исправить отца – друг семьи пишет специальную программу, а мальчик добивается эмоциональной реакции, и происходит возвращение человека. Не такого идеального для конкретных нужд (подготовка письменных работ), но человека, хотя и разочаровывающего тем, что уже не может готовить с сыном уроки, ругающегося с мамой. Но момент, когда Корень пытается сделать Треухова-старшего снова компьютером – для мальчика трагедия.

В пьесе реализован ряд проблем, с которыми сталкивается подросток: желание поговорить, продуктивность и непродуктивность коммуникации и выстраивания диалога, проблемы в семье.

Первая «взрослая» пьеса преимущественно детского драматурга Надежды Овчинниковой «Мой друг Алиса» написана в 2018 году как раз тогда, когда широкое распространение получили голосовые помощники. Драматический сюжет основан на описании ряда ситуаций жизни семьи, где мать – Света –находится дома с двумя маленькими детьми, муж уезжает, и зритель видит, как и с кем выстраивается коммуникация усталого и по сути одинокого человека.

Всем героям не хватает общения и понимания. Детям Светы, Ванечке и Кеше, необходимо внимание в силу их возраста – 4 года и 2 месяца, Иван (муж Светы) занят работой, отправляется в командировку и не понимает проблем, с которыми сталкивается жена. Света оказывается в ситуации, когда близкие нуждаются в ее внимании, понимании и предугадывании их нужд и потребностей, а ей самой поговорить не с кем. Ситуация усталости, коммуникативного голода, выход из которой отчасти Света пытается найти в голосовом помощнике.

Алиса оказывается действительно помощником и может занять ребенка: отвечает на его вопросы, внимательно «выслушивает» саму Свету. Но вот любимое стихотворение Ванечки Алиса может только найти, а не прочитать, поэтому ребенку есть на что обидеться, ведь не все его просьбы Алиса в состоянии выполнить. Свете приходится объяснять, что Алиса робот и «не всегда понимает, что ты хочешь. Это только люди могут – догадаться, что тебе надо» [7].

Примечательно, что и для Светы, и для ребенка разговор с Алисой является поиском другого и попыткой выстроить коммуникацию. Ванечка хочет узнать новое, но при этом и утвердить то, что уже знает, Света – найти понимание, в котором она особенно начинает нуждаться по мере роста усталости. Но происходят события (попытка суицида Светы), в результате которых Алисе приходится экстренно выстроить продуктивную коммуникацию с ребенком, а сделать это представляется возможным только через «очеловечивание».

Так мы сталкиваемся с художественным исследованием коммуникативных проблем человека. В первом случае «окомпьюторивание» близкого оказывается реализованной метафорой сложностей коммуникации. В случае втором возникает «надежда на искусственный интеллект и как на помощника, и как на спасение от одиночества и непонимания другим» [8], однако при открытом финале невозможным оказывается сделать однозначный вывод о результативности взаимодействия человека и ИИ.

Список литературы:

1. Vinge V. The Coming Technological Singularity: How to Survive in the Post-Human Era, in Vision-21: Interdisciplinary Science and Engineering in the Era of Cyberspace, G.A. Landis, ed., NASA Publication CP-10129. 1993. P. 11-22.

2. Kurzweil R. The Singularity Is Near. N.Y.: Viking, 2005.

3. Chalmers D. The singularity: a philosophical analysis // Journal of Consciousness Studies. 2010. Vol. 17, No. 9-10. P. 7- 65.

4. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter – Future of Life Institute // https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/ (дата обращения: 30.03.2023 г.)

5. Тюпа В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

6. Ботева М. Мой папа – компьютер // https://www.uralplays.ru/works/15/

8. Овчинникова Н. Мой друг Алиса // https://theatre-library.ru/authors/o/ovchinnikova_nadezhda

9. Тютелова Л.Г. Человек и голосовой помощник: проблема диалога (на примере пьесы Надежды Овчинниковой «Мой друг Алиса») // Всероссийская научная конференция «Творческая личность – 2020: Культурфилософский анализ медийной эпохи». 2020. С. 185-193.

Е.С. Кабилова,
Самарский университет

СОБЫТИЕ И КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННЫХ ПЬЕСАХ О КОММУНИКАЦИИ ПОДРОСТКОВ В ИНТЕРНЕТЕ

Статья посвящена исследованию события и конфликта в современных пьесах, показывающих особенности общения подростков в интернете. Выделяются два типа событий: событие ухода героя-подростка из реального мира в виртуальный и событие возвращения из вымышленного мира в реальную жизнь. Делается вывод о том, что уход в виртуальную реальность связан с конфликтом подростка с настоящим.

Ключевые слова: событие, конфликт, интернет в драматургии о подростках, виртуальная реальность, гиперреальность, хронотоп, интернет-пространство, современная драматургия о подростках.

E.S. Kabilova,
Samara University

EVENT AND CONFLICT IN CONTEMPORARY PLAYS BOUT INTERNET COMMUNICATION OF TEENAGERS

The article considers the event and the conflict in modern plays showing the features of teenagers' internet communication. Two types of events are revealed: the event of leaving the real world by a teenage hero and the event of return from the fictional world back to real life. The conclusion is made, that the escape into virtual reality is connected with the conflict of the teenager with the present.

Keywords: event, conflict, Internet in drama about teenagers, virtual reality, hyperreality, chronotop, Internet space, modern drama about teenagers.

Отражение коммуникации подростков в интернете – один из трендов современной драматургии. Согласно исследованию Л.Г. Тютеловой, Е.Н. Сергеевой и К.А. Сундуковой, 19 из 31 пьес, вошедших в шорт-листы 12+ премии «Маленькая ремарка» в период с 2018 по 2020 годы, затрагивают тему общения в виртуальной среде [1, с. 98-99].

Пьесы о влиянии интернета на жизнь человека активно ставятся на сцене европейских театров. Например, в 2013 году «Интернет» стал темой

зимнего сезона коротких пьес в лондонском театре «Ройал-Корт»: молодые британские авторы представили свои новые пьесы, поднимающие такие темы, как способность интернета отвлекать, анонимность и троллинг, общение в мессенджерах [2].

О появлении в современной драме нового типа героя – «цифрового ребёнка», для которого интернет является неотъемлемой частью жизни, пишет О.В. Ловцова [3].

Я.О. Шебельбайн отмечает, что важным объектом рассмотрения в современной драме является «смешение в подростковом сознании виртуального и реального миров» [4, с. 42].

Тема пребывания подростков в интернет-пространстве исследуется драматургами с разных сторон. Основной акцент делается на реконструкции различных ситуаций коммуникации подростков в сети: это контакты со своими ровесниками, со взрослыми, с анонимными пользователями, у которых невозможно определить ни возраст, ни гендерную принадлежность. Авторы воссоздают всевозможные кризисные ситуации, происходящие в жизни подростков, и предлагают варианты выхода из них.

По нашим наблюдениям, одной из обращающих на себя внимание особенностей современной пьесы о подростках является событие ухода в виртуальный мир – от себя настоящего к себе виртуальному, то есть к образу, созданному в гиперпространстве. Драматургов особенно интересуют ситуации, связанные с анонимным общением в интернете. Реконструируются случаи, когда живое общение полностью подменяется виртуальным.

Событие – это одна из основных категорий литературного произведения. Согласно определению Н.Д. Тамарченко, событие – это «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее (путешествие, поступок, духовный акт), через границу, разделяющую части или сферы изображенного мира в пространстве и времени, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом или отклонением от неё, а также столкновение персонажа с препятствием» [5, с. 1008].

В пьесе о коммуникации подростков в интернете граница задана двумя пространствами – виртуальным и реальным. И событием становится как момент ухода героя-подростка из реального мира в виртуальный, так и его возвращение из вымышленного мира в настоящую жизнь. Причины, побуждающие героя-подростка совершить переход, могут быть самыми разными: слом коммуникации в реальном мире и возможность свободного общения в вирту-

альном, поиск ответа на волнующие вопросы, попытки обрести понимание, сочувствие, любовь и т. д.

Юный герой пьесы Екатерины Бизяевой «Март и Слива» девятиклассник Слава, называющий себя Сливой, испытывает разочарование в реальной жизни и втайне от всех переписывается в интернете с незнакомцем по имени Mr. Blood. Откровенные разговоры ребёнка с анонимным другом заканчиваются призывом к суициду, исходящим от взрослого наставника. Перейдя первую границу, совершив уход из реальности в виртуальный мир, юный герой начинает готовиться к следующему шагу. И новая граница, которую он собирается переступить, уже лежит между жизнью и смертью. В пьесе показан конфликт подростка с настоящим. Не находя любви и гармонии в реальном мире, он ищет её в мире виртуальном. Трагического исхода в пьесе нет, так как подростка спасает его мать. Чувствуя, что с сыном происходит что-то неладное, она регистрируется в сети под вымышленным именем Эльзы, устанавливает с мальчиком контакт, начинает общаться с ним и входит в доверие. Вместе они выбирают день, когда прыгнут с многоэтажки: «Тридцать первое марта. Март кончится, и мы кончимся. Все кончится» [6]. В итоге ситуация разрешается благополучным образом, и событие перехода от жизни к смерти, к которому готовился подросток, оказывается несовершённым. Увидев мать, пришедшую в то место, где всё должно было случиться, ребёнок осознаёт свою ошибку. В нём просыпается чувство любви – к матери, к жизни. И событием становится примирение с настоящим, возвращение в реальность.

В пьесе «Это всё она» Андрея Иванова интернет-пространство становится единственным местом, где осуществляется коммуникация матери и сына, которые испытывают серьёзные проблемы в общении после смерти отца. Важно отметить, что это трагическое событие вынесено за пределы сюжета пьесы. Читатель/зритель встречает героев в состоянии глубокого кризиса: сын осознанно отказывается идти на контакт с матерью, постоянно сидит в своей комнате, не снимает наушники и притворяется, что «не слышит звонка» [7]. Тогда женщина, в попытке найти путь к сердцу ребенка, регистрируется в социальной сети ВКонтакте под вымышленным именем Тоффи и начинает вести переписку с «Тауэрским вороном» (сетевой ник ее сына). В итоге виртуальная дружба перерастает в роман. Трагедия заключается в том, что для женщины такая форма общения становится замещением утраченных отношений с мужем, а для мальчика – это первая любовь. Парень страстно желает в реальной жизни встретиться с Тоффи, в которой видит родственную душу, и матери

приходится сочинять различные предлоги, почему это пока невозможно («уже и солнцебоязнь придумала, и социопатию») [7].

Хронотоп в пьесе движется от реального времени и пространства – к абсолютной виртуальности. В своих рассуждениях о литературно-художественном хронотопе М.М. Бахтин писал о том, что «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [8, с. 235]. А. Иванов в своей пьесе показывает одну из характерных примет времени: люди, физически находящиеся в одном пространстве (в одной квартире), на ментальном уровне бесконечно далеки друг от друга, поскольку каждый погружён в свой мир. По мере развития действия в пьесе герои всё больше времени проводят в вымышленном мире и уже не хотят возвращаться в настоящее, живое пространство и время. Гиперреальность полностью вытесняет настоящую жизнь.

Оба героя в своём сознании переходят границу, за которой пути назад уже нет, возвращение невозможно. Поэтому финальное событие пьесы – трагическое: когда обман раскрывается, подросток пытается прыгнуть из окна прямо на глазах у матери. Конфликт, усугубившийся вследствие подмены живого общения виртуальным, так и остается неразрешенным. Психологически ребёнок не справляется с жестокой правдой жизни и переступает последнюю черту, хотя, возможно, и не осознаёт этого, думая, что жизнь на этом не заканчивается. В заключительной сцене пьесы приведён диалог Тофи и Тауэрского ворона, происходящий «в темноте» [7]. Только читатель/зритель понимает, что подобное продолжение – лишь фантазия автора, смягчающая трагический финал.

Момент испытания – это традиционное событие, изображаемое в драме. В момент испытания происходит проверка героя, в результате чего он либо справляется со сложной ситуацией и выходит победителем, либо проявляет слабость и оказывается проигравшей стороной. В пьесах о коммуникации подростков в интернете драматурги показывают, насколько сложным для ребёнка может быть принятие важных жизненных решений. Ведь в современном мире виртуальное настолько сближается с реальным, что неокрепшему сознанию ребёнка различить границу зачастую очень сложно, что в итоге может обернуться трагедией.

Список литературы:

1. Тютелова Л. Г. Технологии виртуального общения в современной драматургии для подростков // Технологии в инфосфере. 2021. Т. 2. № 4 (5). С.

94-108 // https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-virtualnogo-obscheniya-v-sovremennoy-dramaturgii-dlya-podrostkov

2. Trueman M. (2013), What can theatre say about the internet? // https://www.theguardian.com/stage/2013/jan/21/theatre-say-about-internet

3. Ловцова О.В. Типология детских образов в современной британской драме: дис. … канд. филол. Наук. Екатеринбург, 2018. 227 с.

4. Шебельбайн Я.О. Пьеса о подростках в шорт-листах драматургических фестивалей России и Германии (2001-2019) // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2019. № 4. С. 42-52 // https://cyberleninka.ru/article/n/piesa-o-podrostkah-v-short-listah-dramaturgicheskih-festivaley-rossii-i-germanii-2001-2019

5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.

6. Бизяева Е. Март и Слива // https://lubimovka.ru/images/2017plays/mentioned/Bizyaeva_Mart-i-Sliva.docx

7. Иванов А. Это всё она // https://literratura.org/dramaturgy/2980-andrey-ivanov-eto-vse-ona.html

8. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 234-407.

Г.Ю. Карпенко,
Самарский университет

ЦИФРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье рассматриваются цифровые возможности литературоведческих ресурсов в решении «нерешаемых» задач, в частности, в решении вопроса, в каком виде публиковать тексты русской классики – в «советской» или в авторской орфографии. Более того, возможности электронного воспроизведения рукописей, черновиков позволяют расширить ценностно-эстетическое восприятие текста, от замысла до различных форм его представления.

Ключевые слова: литературоведческие ресурсы, цифровые технологии, русская классика, аутентичность текста, ценностная иерархия.

G.Yu. Karpenko,
Samara University

DIGITAL POSSIBILITIES OF LITERARY RESOURCES

Abstract. The article discusses the digital possibilities of literary resources in solving «unsolvable» tasks, in particular, in deciding in what form to publish the texts of Russian classics – in the «Soviet» or in the author's spelling. Moreover, the possibilities of electronic reproduction of manuscripts and drafts make it possible to expand the value-aesthetic perception of the text, from the idea to various forms of its presentation.

Keywords: literary resources, digital technologies, Russian classics, text authenticity, value hierarchy.

Цифровые технологии позволяют решить многие наболевшие филологические проблемы. Одна из таких проблем связана с аутентичным текстом-образом русской классики, который непосредственно воплощает ценности и смыслы русского мира, полноту национального бытия. Как известно, русская классическая литература XIX века в советское время подверглась графической трансформации в результате реформы 1918 года и сейчас являет собой переводной текст, в котором утрачен его изначальный внешний облик и в своем величии умалены сакральные слова. А методология советского периода со-

циологической и/или инструментальной направленности, дающая о себе знать до сих пор, подкрепила «деконструкцию» иерархически ценностного текста классической литературы.

Как известно, современный графический облик русской классики оказался следствием проведенной орфографической реформы 1917–1918 годов. Но ее результатом, как пишет А.А. Плетнева, стал обычный реформаторский парадокс: «В большевистском варианте «упрощенная», «общедоступная», «народная» орфографическая норма превратилась в куда более жесткую систему, чем дореволюционная» [1].

В качестве показательного примера можно привести начальные стихи из оды Г.Р. Державина «Бог» в современной орфографии и в авторской, традиционной. Сегодня читатель, обращаясь к изданиям советского периода, в которых представлен якобы канонический текст оды, написанной в 1784 году, видит следующее:

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества! <…>
Кого мы называем: бог. [2, с. 114], [3, с. 52].

В то время как облик стихов и иерархически сакральных слов выглядит по-другому:

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества! <…>
Кого мы называемъ – Богъ! [4, с. 195-196].

Десакрализация текста – Богъ с маленькой буквы и без восклицательного знака и выразительного тире – породила и соответствующую научную традицию, когда в оде «Богъ» видели только отвлеченные рассуждения Державина [5, с. 449]; «Это разъяснение Державина, как и ряд других стихов оды (например, «Так солнцы от тебя родятся»), явно противоречит церковным представлениям <…> ода Державина вызвала протесты со стороны ревните-

лей православия» [2, с. 381]. А в издании «Стихотворений» Державина 1985 года в комментарии оде «Бог» совсем было отказано.

В издании Я.К. Грота, наоборот, оде «Богъ» предпослан и обширный комментарий, и объемное его сопровождение. А.К. Грот соотносит оду Державина с «православной нашей верой» [4, с. 194] и располагает примечания перед текстом оды в нарушении принципа подачи материала – как исключение, как знак важности актуализируемых смыслов [4, с. 189-194]. Помимо этого ода сопровождается подстрочным комментарием вариантов текста и послетекстовым приложением, раскрывающим культурно-исторический контекст появления и функционирования оды «Богъ» [4; 204-209].

Парадоксов и научно-академических издевательств над сакрально-ценностными смыслами достаточно. С одной стороны, в академическом собрании сочинений Ф.М. Достоевского сакральные слова (Бог, Господь, Богородица) в нарушении авторской воли писателя приводятся со строчной буквы [6, с. 246, 248]. Такое начертание имени совершенно невозможно для Достоевского, которым слова Иисуса Христа переживаются как откровение: «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходитъ к Отцу, какъ только чрезъ Меня» (Ин 14: 6) [7]. Публикаторы Евангелия Достоевского отмечают: «Стихи 6-7 отчеркнуты дважды карандашом и отмечены знаком NB справа, стихи “никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня. Естьли бы вы знали Меня; то знали бы и Отца Моего” подчеркнуты карандашом в тексте» [7]. А в самом тексте «Господа нашего Иисуса Христа Новаго Завѣта» (1823), подаренном Достоевскому женами декабристов, в предисловии сакральные слова набраны прописными буквами: «Во славу святыя, единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя ТРОИЦЫ, ОТЦА, и СЫНА, и СВЯТАГО ДУХА» [8].

С другой стороны, в полном собрании сочинений С.А. Есенина христианские имена прописаны с большой буквы («Шел Господь пытать людей в любови» [9, с. 42]; «Чую радуницу Божию» [9, с. 56]; «О Матерь Божья» [9, с. 119]. И.А. Бунин в статье «Инония и Китеж» едкими определениями оценил умение Есенина хотя и писать сакральные слова с прописной буквы, но молиться Богу матерщиной [10, с. 2-4].

Таким образом, как в издательском деле, так и – как следствие – в научном царит полная непоследовательность в написании религиозных слов: в сакральных знаках утрачены и аутентичность, и идентичность.

Системно и комплексно аксиологическую проблему национальной культуры успешно решают на кафедре классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета.

Проблемно-тематически усилия кафедры объединены научно-педагогической деятельностью в рамках общего исследовательского направления «История, поэтика, текстология русской словесности: традиции и новации». Кафедрой созданы научные площадки и формы взаимодействия, которые позволяют привлекать многих ученых для решения обозначенных проблем. Речь идет о Международной научной конференции «Евангельский текст в русской словесности», которая проводится в Духов день (в День Святого Духа) и в этом году будет одиннадцатой по счету, о журналах «Проблемы исторической поэтики», «Неизвестный Достоевский» и об интернет-лаборатории.

Научный уровень журналов находит отражение в базе данных цитирования в Scopus, WoS, RSCI. Так, на сайте Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ) 13 марта 2023 года был опубликован новый рейтинг российских научных журналов Science Index. Журналы «Неизвестный Достоевский» и «Проблемы исторической поэтики» вошли в пятерку лучших по тематике «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество». Первая пятерка нового рейтинга российских научных литературоведческих журналов выглядит так:

1. Вестник Томского государственного университета. Филология (WoS, Scopus, RSCI, ВАК) − показатель 8,240.

2. Неизвестный Достоевский (WoS, Scopus, ВАК) − 7,838.

3. Новое литературное обозрение (WoS, Scopus, RSCI, ВАК) − 7,291.

4. Проблемы исторической поэтики (WoS, Scopus, RSCI, ВАК) − 7,250.

5. Сибирский филологический журнал (WoS, Scopus, RSCI, ВАК) − 6,857 [11].

Результатом деятельности интернет-лаборатории стало создание сайта, где размещается Электронная библиотека по русскому фольклору, литературе и журналистике [12]. Созданы научные ресурсы о жизни и творчестве Г.Р. Державина, А.И. Герцена, В.И. Даля, Ф.М. Достоевского, М.М. Достоевского, А.Г. Достоевской, А.М. Достоевского, Л.Ф. Достоевской, Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, преподобных оптинских старцев Амвросия, Льва, Макария [12]. Отличительной особенностью издания является сохранение авторской орфографии и пунктуации. Так, ресурс, посвященный творческому наследию Ф.М. Достоевского, состоит из следующих блоков: полное собрание сочинений в прижизненных публикациях, полное собрание сочинений: канонические тексты, Евангелие Достоевского, конкордансы Ф.М. Достоевского, журналы М.М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861-1863) и «Эпоха» (1864-1865), журнал Ф.М. Достоевского «Гражданин» (1873-1874),

эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского и его корреспондентов, Достоевский в прижизненной критике (1845-1881), Достоевский в мемуаристике, проблемы текстологии Ф.М. Достоевского [12].

Создание мощной электронной базы и выработка соответствующей методологии, направленной на изучение этнопоэтики, аксиологических проблем русской классики и культуры, позволяют осмыслить и решить обозначенную проблему умаления сакрального имени. В.Н. Захаров, занимаясь проблемами «канонического Достоевского», доказывает, что цифровые технологии позволяют решить на столетие затянувшийся спор о полезности (или нецелесообразности) публикации аутентичных текстов русской классики. Цифровые технологии дают возможность завершить научно-идеологический спор культурно-историческим примирением, новым − совместным − этапом творческой работы: «Цифровой формат в состоянии не только максимально сохранить семантику рукописного текста, но и реализовать по принципу дополнительности преимущества факсимильного и печатного воспроизведения рукописи. Цифровые технологии создают новый тип текста, который интегрирует устный, рукописный и печатный текст, позволяют воспроизводить рукописный и печатный текст в исторических и индивидуальных трансформациях, учитывать оригинальную орфографию и пунктуацию в лингвистической и литературно-критической интерпретации текста. Цифровой текст возникает в результате многоуровневой разметки, которая предполагает его визуализацию, его насыщение новыми смыслами и значениями, расширение внетекстовой информации. Объем его вербальной и невербальной информации безграничен» [13].

Список литературы

1. Плетнева А. А. Советская орфография: предыстория, программы, реализация // Fontes Slaviae Orthodoxae. 2017. № 1. С. 109-126.

2. Державин Г.Р. Сочинения. М.: Советский писатель, 1957.

3. Державин Г.Р. Сочинения. М.: Правда, 1985.

4. Сочинения Державина: в 9 т. СПб.: Издательство Императорской академии наук, 1864–1883. Т. 1: Стихотворения. Ч. 1.

5. Державин Г.Р. Сочинения. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933.

6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1986. Т. 6.

7. Евангелие Достоевского. С. 258 // https://philolog.petrsu.ru/fmdost/ Gospel/258/text.htmhttps://philolog.petrsu.ru/fmdost/Gospel/258/text.htm

9. Господа нашего Иисуса Христа Новый Завѣтъ. СПб.: Типографиія Россійскаго Библейскаго Общества, 1823.

10. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1.

11. Бунин И.А. Инония и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого // Возрождение. 1925. 12 октября. № 132. С. 2-4.

12. О новом рейтинге журналов Science Index. // https://elibrary.ru/projects/science_index/ranking_info.asp

13. Электронная библиотека по русскому фольклору, литературе и журналистике кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета. С. 185 // https://petrsu.ru/structure/300/kafedrarusskojlitera

14. Захаров В.Н. Перспективы цифрового Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 3. С. 183-192.

В.Н. Лисовицкая,
Самарский университет

ОБРАЗ «ЧЕЛОВЕКА БУДУЩЕГО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

В статье рассматривается образ «человека будущего» в художественном мире братьев Стругацких через призму современных процессов цифровизации общества. Анализируются основные характеристики этого образа, в частности: навыки обработки информации, интеллектуализм, способность к адаптации, рационализм, альтруизм и т.д. Автор приходит к выводу, что Стругацких в большей степени волнуют морально-этические принципы образа «человека будущего».

Ключевые слова: Аркадий и Борис Стругацкие, научная фантастика, герой, «я» и «другой», автор, читатель, образ, будущее.

V.N. Lisovitskaya,
Samara University

THE IMAGE OF A «HUMAN OF THE FUTURE» IN THR WORKS OF THE STRUGATSKY BROTHERS

The article examines the image of the «Human of the future» in the artistic world of the Strugatsky brothers through the prism of modern processes of digitization of society. The main characteristics of this image are analyzed, including information processing skills, intellectualism, adaptability, rationalism, altruism, and others. The author concludes that Strugatsky's works are more concerned with the moral and ethical principles of the «Human of the future».

Keywords: Arkady and Boris Strugatsky, science fiction, hero, «I» and «Other», author, reader, image, future.

В художественном мире братьев Стругацких образ «человека будущего» является одной из ключевых и повторяющихся тем. Авторов всегда больше интересовало не технологические изменения в обществе, а то, как меняется человек в условиях этих изменений. Через призму героев своих произведений авторы предлагают читателю посмотреть вглубь себя, раскрыть собственное «я» через «другого». «Другим» будет являться как автор, так и герой. Как пи-

шет Р.Ю. Фофанов, «художественно-философская модель человека будущего Стругацких – это модель человека, приближенного к нам, с теми же эмоциями, недостатками, но сильного и честного, жаждущего созидательного труда» [1, с. 77].

Характерные особенности этого образа можно проследить в ряде произведений авторов, таких как «Путь на Амальтею» [2], «Трудно быть богом» [3], «Понедельник начинается в субботу» [4], «Гадкие лебеди» [5], «Обитаемый остров» [6], «За миллиард лет до конца света» [7] и т.д. Стоит отметить, что события в произведениях Стругацких не всегда происходят в отдаленном будущем, а чаще всего в альтернативной реальности, превосходящей в технологическом развитии константную реальность читателя.

Образ «человека будущего» в произведениях братьев Стругацких сложен и многогранен: он сочетает в себе как «идеальные», так и «деструктивные» черты. Стоит отметить, что образ «человека будущего» у Стругацких не является идеализированным или утопическим. Авторы часто демонстрируют сложности и противоречия, связанные с развитием человечества и построением идеального общества. В своих произведениях они подчеркивают, что человек будущего также может столкнуться с моральными дилеммами, этическими вопросами и трудными решениями.

В современных условиях, чтобы действовать эффективно, человек должен обладать рядом навыков: обработкой больших массивов информации, быстрой адаптацией к изменяющейся среде и принятием ответственности за распространяемую информацию. Обратимся к теории коммуникации, чтобы рассмотреть черты этого образа подробнее.

Навыки обработки информации. В информационном обществе человек должен быть способен быстро и эффективно работать с большими объемами данных. Это отражает идеалы рациональности и интеллектуализма, прослеживаемые в образе «человека будущего» у Стругацких. Так, например, в повести «Понедельник начинается в субботу» главный герой, Александр Иванович Привалов, продемонстрировал свою способность быстро осваивать новые знания и навыки, когда он начал работать в НИИЧАВО.

Этические и моральные аспекты использования информации. В условиях информационного общества человек сталкивается с вопросами конфиденциальности, безопасности и ответственности за распространение информации. Эти аспекты соответствуют идеям альтруизма и моральной ответственности, которые присутствуют в творчестве братьев Стругацких. В повести «Трудно быть богом» агент Антон, находясь на планете Арканар, сталкивается с мо-

ральными дилеммами, связанными с вмешательством в дела местного населения, и пытается найти баланс между выполнением своей миссии и необходимостью позволить жителям Арканара идти своим путем.

Способность адаптации. Образ «человека будущего» включает в себя способность приспосабливаться к изменяющимся условиям и непредвиденным обстоятельствам. Это качество становится особенно актуальным в свете глобальных вызовов и изменений, описываемых в произведениях братьев Стругацких. Так, в повести «Обитаемый остров» главный герой Максим Каммерер успешно адаптируется к жизни на новой планете, быстро учась языку и культуре, а также осваивая технологии и навыки, необходимые для выживания в непривычной среде.

Профессионализм и преданность делу. «Человек будущего» является экспертом в своей области, что отражает идеалы социалистического общества, где профессионализм и трудовая дисциплина были высоко ценными. Профессионалами своего дела являются герои «Жилинского цикла». В «Пути на Амальтею» только слаженная и высокопрофессиональная работа членов экипажа космического корабля «Тахмасиб» позволила героям выполнить возложенную на них задачу.

Рациональность и интеллектуализм. «Человек будущего» обладает развитым интеллектом и способностью к аналитическому мышлению. Это отражает идеалы просвещения и научно-технического прогресса. В «Понедельник начинается в субботу» сотрудники Института чародейства и волшебства активно используют передовые технологии, сочетая их как с традиционными методами исследований, так и с магическими, чтобы получить новые знания и научные результаты.

Альтруизм и моральная ответственность. В образе «человека будущего» подчеркивается высокий уровень морального развития, способность к сопереживанию и заботе о других. Эти качества становятся основой для взаимодействия с окружающим миром и другими людьми. Главный герой повести «Гадкие лебеди» Виктор Банев сопереживает мокрецам. Угоняя грузовик с книгами, он руководствуется этическими принципами. Герой видит несправедливость и не может поступить иначе, даже несмотря на то, что мотивацию своего поступка Банев не до конца осознает.

Вера в идеалы прогресса. В повести «За миллиард лет до конца света» группа ученых сопротивляются неведомой силе, которая пытается предотвратить научные открытия. Ученые, включая главного героя повести - Дмитрия Малянова, продолжают свои исследования до тех пор, пока не достигают так

называемой «точки невозврата». Однако, даже после того, как все сдались, остается Филипп Вечеровский, который под угрозой собственной жизни планирует продолжить исследования.

Стоит отметить, что в своих произведениях Стругацкие чаще всего дают неблагоприятную оценку будущему человечества в целом. Образ «человека будущего» в их произведениях является своеобразным зеркалом, в котором отражаются надежды, опасения и размышления авторов о судьбе человечества в условиях постоянных перемен и глобальных вызовов. Это представление о человеке отражает актуальные вызовы и возможности, связанные с информационным обществом, и подчеркивает, что развитие технологий должно быть сбалансировано с моральным и этическим ростом человека. Таким образом, через призму образа «человека будущего» мы можем увидеть, что вопросы человеческого развития, взаимодействия и внутренних ценностей остаются актуальными и важными для современного мира, как и для мира будущего, описываемого братьями Стругацкими.

Список литературы:

1. Фофанов Р.Ю. Модель «разотчужденного человека» А. и Б. Стругацких и роль «высокой теории воспитания» в ее практической реализации // Alma Mater (Вестник высшей школы). № 10. 2016. С. 75-79.

2. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Путь на Амальтею. Стажеры. М.: АСТ, 2019. 384 с.

3. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Трудно быть богом. М.: АСТ, 2022. 256 с.

4. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. М.: АСТ, 2021. 320 с.

5. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Гадкие лебеди. М.: АСТ, 2022. 320 с.

6. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Обитаемый остров. М.: АСТ, 2022. 480 с.

7. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. За миллиард лет до конца света. М.: АСТ, 2021. 256 с.

М.И. Ломакина,
Томский государственный педагогический университет

ПОДРОСТОК ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ В СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: ПОЭТИКА ПЕРСОНАЖА В ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ А. ЖВАЛЕВСКОГО И Е. ПАСТЕРНАК О «ПОПАДАНЦАХ» «ВРЕМЯ ВСЕГДА ХОРОШЕЕ»

В повести А. Жвалевского и Е. Пастернак анализируется поэтика персонажа-«попаданца» из 2000-х годов в советское прошлое. Сюжет перемещения во времени позволяет авторам показать несовпадение социально-бытовых контекстов и изначальных личностных приоритетов персонажей из XX и XXI веков, однако знакомство со школьной субкультурой 1980-х годов приводит современного подростка к принятию ценностей дружбы и поддержки.

Ключевые слова: школьная повесть, «попаданцы», современная литература для подростков, А. Жвалевский, Е. Пастернак.

M.I. Lomakina,
Tomsk State Pedagogical University

A TEENAGER OF THE DIGITAL AGE IN THE SOVIET PAST: THE POETICS OF A CHARACTER IN THE SCHOOL STORY ABOUT «THOSE WHO FELL INTO THE PAST» «TIME IS ALWAYS GOOD» BY A. ZHVALEVSKY AND E. PASTERNAK

In the story by A. Zhvalevsky and E. Pasternak the poetics of the character who “falls” from the 2000s into the Soviet past is analyzed. The plot of time travel allows the authors to show the discrepancy between social and everyday contexts and the original personal priorities of characters from the 20th and 21st centuries, however acquaintance with the school subculture of the 1980s leads a modern teenager to accept the values of friendship and support.

Keywords: a school story, "those who fell into the past", modern literature for teenagers, A. Zhvalevsky, E. Pasternak.

В начале XXI века в литературе для детей возникает повышенный интерес к советскому прошлому, к образу советского детства (автобиографическая, школьная проза и др.). В жанре школьной фантастической повести работает

дуэт белорусских авторов Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак. Их произведения отмечены на многих литературных премиях («Алые паруса», «Заветная мечта», «Книгуру»), стали предметом анализа в критике и исследованиях (М.А. Черняк, М.А. Литвиновой, В.Ю. Чарской-Бойко и других). М.Н. Крылова отмечает, что в их книгах «явное назидание отсутствует. Дидактический и воспитательный характер произведений органически слит с развлекательной и эстетической составляющими, образуя с ними единое целое» [1, с. 16].

Повесть «Время всегда хорошее» (2009) основана на типовой для прозы о «пападанцах» фабуле: «перебросе действия из одного времени в другое» [2]. Именно такой тип фабулы, отмечает Л.М. Героева, позволяет «показать изменчивость мира, релятивность существующих в нем установок, осознаваемых “внутри” того или иного периода как естественные, существующие всегда» [2]. В повести два главных героя-подростка – Оля, живущая в 2018 году, и Витя Шевченко – из 1980 года. Волею судьбы они во время болезни меняются местами. Нас интересует образ «Синички» – Оли Воробьевой, создаваемый авторами как воплощение типичного представителя подростков цифровой эпохи.

2018 год – ближайшее будущее для авторов относительно времени написания повести, то есть образ Оли отражает писательские представления о цифровом поколении через десять лет. Повесть не лишена антиутопического пафоса; основные черты социально-бытовой жизни подростка XXI века – атомизация (дети не готовы даже сидеть за партой с кем-либо из одноклассников), оторванность от реальности, страх социальных связей в «реале» – даны гиперболизировано. В своём времени главная героиня совсем не идентифицирует себя с именем и фамилией, наоборот, воспринимает их как то, что отражает её неподлинную социальную маску, которую она вынуждена носить в школе. Настоящая жизнь *протекает в* социальных сетях, в «виртуале». Однако свобода и самовыражение в сети гарантируется использованием ника, то есть требует сокрытия своего имени. Оля отказывается от ника «Воробышек», чтобы не быть узнанной, но придумывает семантически близкое «Синичка», также означающее небольшую птичку. В этом проявляется базовое противоречие цифровой подростковой субкультуры: желание и боязнь искренности, приводящее к усложнению самоидентичности.

Перемещение в 1980-й год возвращает Олю к своему имени и фамилии, в чужом времени происходит процесс слияния личности и социальной роли:

Оля для защиты обретённого в советской школе друга говорит не опосредованно (через соцсеть, прикрываясь ником), а прямо, от себя. То есть только в советском прошлом возникает единение физического, социального и ментального проявлений её личности[19].

Оля – типичный подросток цифрового XXI века, «поколение-Z». Как отмечают исследователи, его представители не мыслят себя без интернета, воспринимают виртуальность как продолжение или даже замещение реальности. Именно в сети строятся отношения, создается репутация. Учеба, общение, творчество – все аспекты жизни «зетов» связаны с новейшими технологиями [3]. Точно так же и у Синички: для неё настоящая жизнь, общение проходит в «комике» (аналог компьютера, смартфона), у неё нет в реальности друзей, она не любит ходить в школу, хотя обучение тоже сведено к чтению электронных текстов и прохождению тестов. Мечта подростка – не выходить из дома и из «виртуала», наполненного безопасным из-за анонимности общением. Там время течёт иначе: «зачем куда-то ходить, если вот она, настоящая жизнь», и счастье в том, «чтобы болтать, болтать ночами…» [4].

Но, несмотря на насыщенную виртуальную жизнь, Олю нельзя назвать психологически, эмоционально счастливым подростком, так как социум требует проявления активности в реальном мире. Как отмечают А.Н. Даниленко и О.А. Рудакова, тревожность «поколения Z» связана с зависимостью от гаджетов, снижением социальной адаптации [3, с. 382]. Поэтому новость о том, что экзамены дети будут сдавать устно, вызывает у них чрезмерную тревогу, у Оли перешедшую в болезнь. Она, как и одноклассники, привыкла общаться только через гаджеты, утратив навыки устной речи и оперирования полученной информацией: «…я помню, мы на компах самостоялку делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный <…>. Но я вообще не помню, о чем там идет речь!» [4]. Публичные ответы у доски заставляют Олю чувствовать себя униженной, как бы обнаженной.

Оля оказывается в чуждом для неё 1980 году в своей же семье. Папа и мама – те же, но их одежда, работа, профессии скорректированы историческим временем; в этом времени у неё есть подруги, одноклассники. То, что она не из их среды, знает только сама героиня. Остальные считают её растерянность, неадекватное реагирование на окружение следствием болезни. Оля интерпретирует перемещение в другое пространство-время, исходя из своего

[19] Отметим, что здесь писатели разрушают шаблон литературы о «попаданцах»: там часто в чужом пространстве-времени герой скрывает своё имя для самозащиты; Оля же, наоборот, возвращается к своему имени.

опыта: «Я попала в компьютерную игрушку» [4]. Она считает: для того, чтобы выиграть (вернуться), нужно вначале постичь правила игры. То есть ей приходится познавать правила отношений между людьми, не опосредованное гаджетами. Она с удивлением замечает, что в 1980 году люди очень открыты к коммуникации и телесным контактам: подруга её обнимает («никогда меня не обнимали посторонние люди» [4]), дети играют на улице в подвижные игры, а не сидят дома, все читают книги, непрерывно болтают. Это очень мешает Оле, она не привыкла так жить: дети «дикие и приставучие», «Как их выключить?», «Я дурела от вопросов», «…какое им до меня дело?» [4].

Авторы ставят героиню в ситуацию отсутствия гаджетов, в бытовые условия, лишённые комфорта (по сравнению с началом XXI века). И вначале Ольга возмущается, что нет компьютера или хотя бы калькулятора, ветхостью вещей, убогостью одежды (по сравнению с XXI веком). Более того, её индивидуалистское мировоззрение входит в противоречие с коллективистской практикой советского общества, имеющей как положительные эффекты (взаимопомощь, неравнодушие, открытость), так и отрицательные (никто не дерзает высказать личное мнение, чтобы защитить одноклассника; помощь в границах дозволенного и принятого). Но, когда у неё не осталось альтернативы, возможности побега в «виртуал», возникли первые отношения с другом Женей Архиповым, общение с которым позволило открыть для себя мир книг, прелесть живого диалога, значимость устного слова для выражения своей позиции, для помощи другу, его защиты.

Находясь в 1980 году, Оля выходит за границы индивидуалистического миропонимания: учится общаться с другими, открыто высказывает свою точку зрения на собрании по исключению Жени из пионеров. Свобода слова, к которой привык ребенок XXI века, помогает в условиях торжества коллективистских ценностей отстоять личное достоинство своего товарища.

Название повести («Время всегда хорошее») аккумулирует основную авторскую мысль: нет плохого и хорошего времени, есть экзистенциальный выбор каждого, который и определяет время. Опыт прошлого может быть полезен современному подростку для гармонизации отношения с обществом и с собой; он поможет восстановить утраченные связи, вернуться к забытым ценностям дружбы, взаимопомощи, открытого общения, не опосредованного гаджетами.

Список литературы:

1. Крылова М.Н. Есть ли сегодня хорошая детская книга? Произведения для детей А. Жвалевского, Е. Пастернак // Метеор-Сити. 2017. №. 3. С. 10-17.

2. Героева Л.М. Педагогический аспект нравственного и гражданского воспитания средствами детской художественной литературы (исследование литературных произведений Международного конкурса имени Сергея Михалкова на «Лучшее художественное произведение для подростков»). Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. С. 53.

3. Жвалевский А., Пастернак Е. Время всегда хорошее: повесть. М.: Время, 2009 // http://kniguru.info/short-list/vremya-vsegda-horoshee

4. Даниленко А.Н., Рудакова О.А. Особенности развития личности подростка в условиях цифровой среды // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-2. С. 380-383.

Г. Мунджал,
Делийский университет (Индия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КУРС «ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ КУЛЬТУРУ» В ДЕЛИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье рассматриваются эффективные методы вовлечения студентов в процесс изучения русской культуры в разных формах ее проявления: в истории, в национальной традиции, в языке и в шедеврах искусства. Такой комплексный, междисциплинарный подход позволяет сформировать у студентов устойчивый интерес к России, пробудить желание изучать русский язык и читать произведения русских писателей в подлиннике.

Ключевые слова: российско-индийские отношения, междисциплинарный подход, культура, русский язык и литература.

G. Munjal,
University of Delhi (India)

INTERDISCIPLINARY COURSE "INTRODUCTION TO RUSSIAN CULTURE" AT DELHI UNIVERSITY

The article discusses effective methods of involving students in the study of Russian culture in various forms of its manifestation: in history, in national traditions, in language and masterpieces of art. Such a comprehensive, interdisciplinary approach allows students to form a steady interest in Russia, arouse the desire to study Russian and read the works of Russian writers in the original.

Keywords: Russian-Indian relations, interdisciplinary approach, culture, Russian language and literature.

Российско-индийские отношения, будь то политические, оборонные, дипломатические или культурные, веками развивались, поддерживались и почитались в обеих странах. Культурные отношения являются наиболее востребованными, особенно в последнее время, в эпоху формирования многополярного мира. Крепкие дружеские связи между Индией и Россией дают возможность снова и снова делиться и обмениваться богатым культурным наследием. Люди в Индии с нетерпением ждут встречи с русской культурой, и мы видим, как они собираются на различные мероприятия, посвященные русскому искусству, музыке, танцам, еде, кино. Такие встречи с русской культурой регулярно организуются специально Отделом культуры Посольства Российской Федера-

ции в Индии [1]. Значимыми являются и мероприятия, посвященные русскому языку и литературе, организованные Посольством в сотрудничестве с различными образовательными и культурными учреждениями Индии. Наши взаимоотношения укрепляются даже в условиях кризиса, с которым мир сталкивается в настоящее время.

Всем хорошо известно, что язык является частью культуры, а культура во многом отражается через язык. Решение о начале преподавания русского языка в Делийском университете было реализовано в 40-х годах прошлого века. А затем и во многих высших учебных заведениях Индии стали преподавать русский язык. Важной вехой в истории русистики в Индии стало использование междисциплинарного подхода. Так, кафедра славяноведения Делийского университета с 2020 года начала преподавать в магистратуре новый междисциплинарный курс «Введение в русскую культуру». Этот курс доступен для студентов магистратуры любого потока в университете: они могут свободно выбрать его как открытый курс. Курс начинается в январе обычно с группой из семидесяти студентов из различных потоков магистратуры, включая студентов, изучающих санскрит, хинди, французский язык, и многих студентов, изучающих английскую литературу. Мой опыт преподавания этого курса в Делийском университете во время кризиса, с которым столкнулся весь мир, был сложным и уникальным во многих отношениях.

Студенты, пришедшие на обучение, вообще не знали русского языка, поэтому мне было интересно применить методы, которые пробуждали бы в них понимание сути русской культуры. Мое решение использовать аудиовизуальный метод оказалось эффективным. Свое первое вводное занятие я начал с показа на большом экране клипа известной песни Олега Газманова «Вперед, Россия», которая в народе считается «Российским гимном патриотизма». Это видео раскрывает Россию, русскую культуру в разнообразных символических представлениях. Перед показом фильма студентам было дано задание выявить на основе просмотренного материала «уникальное» в русской культуре и в ее людях. Клип Газманова тронул сердца всех в аудитории, магистры смогли почувствовать самобытность России, русской культуры. Основными ценностными понятиями и концептами, которые студенты отметили, стали: военная мощь России, Вторая мировая война, достижения в области космоса, спорта, проявление доброй силы и сильной воли и, самое главное, «необъятность» России как в географическом, так и в философском аспектах. Были также показаны и документальные фильмы о России, ее городах, видеоролики о народных танцах. Таким образом, мы, используя аудиовизуальные методы обучения, очень успешно провели данный курс. Изучение русского языка в контексте культуры, с обращением к интермедиальным источникам, как показала

практика, приносит положительные результаты: дает студентам не только знание в эмоционально окрашенной виде, но и формирует у них личностную заинтересованность.

Интересно, что большинство студентов в процессе знакомства с историей и культурой России, отметили для себя как самой важной и ценной тему «Великая Отечественная война в жизни России». А после моего объяснения, вновь сопровождаемого песней и клипом Олега Газманова «Бессмертный полк», поняли, почему эта тема в культурной памяти народа не исчезает, звучит вновь и вновь: почти все семьи в России потеряли во время войны своих близких и родственников. Вы будете удивлены, узнав, что за 15 минут студенты выучили первые две строфы знаменитой военной песни «Катюша» на русском языке.

После вводных уроков мы приступаем к знакомству с историей России, с древнейших времен до наших дней, используя анимационные фильмы и презентации. В течение месяца студенты получают более широкое представление об историческом фоне, а также о культурной жизни России в разные века.

Отдельная тема, привлекающая внимание студентов, это христианство. Нам удалось обсудить тему «Религия в России, ее история и развитие». С помощью видеоматериала мы рассмотрели основные черты Православия и самую известную русскую икону – икону Андрея Рублева «Святая Троица».

Другой темой, которую мы изучали, была русская живопись, ее история и развитие. Мы рассмотрели и проанализировали некоторые из известных шедевров русской живописи, в том числе «Три богатыря» В.М. Васнецова и «Бурлаки на Волге» И.Е. Репина.

Следующей темой был русский балет, и нам удалось познакомиться с балетом «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и «Спящая красавица», услышать музыку П.И. Чайковского. И снова аудиовизуальный материал сделал обучение очень интересным и эффективным.

Особой темой стала русская литература. Тема неисчерпаема. Мы смогли обсудить только жизнь А.С. Пушкина и его всемирно известные шедевры, в том числе роман в стихах «Евгений Онегин», считающейся энциклопедией русской жизни первой трети XIX века, и «Повести Ивана Белкина» [2]. Еще одним автором, произведения которого мы читали, был А.П. Чехов, его биография и рассказы «Толстый и тонкий», «Смерть чиновника», «Хамелеон» [3].

Действенным методом изучения русского языка является вовлечение студентов в социально ответственную деятельность. Так, мои студенты охотно читали русские сказки, исполняли народные танцы и русские игры на Празднике индийско-российской дружбы (7-8 марта 2020 г.), организованном По-

сольством России в Индии в сотрудничестве с Министерством культуры, Правительством Индии. Студенты сами сшили русские костюмы и выступали с большим интересом. У них также была возможность попробовать русскую еду, любезно предоставленную Посольством России.

В целом курс «Введение в русскую культуру» прошел успешно. На мой взгляд, лучше и быть не могло, если не считать пандемического кризиса, из-за которого мы оказались надолго взаперти. Для нас своеобразным аналогом нашего заточения стал карантин, в котором находился Пушкин осенью 1830 года. При всей неопределенности жизни в Болдино из-за разразившейся в России эпидемии холеры А.С. Пушкина не покинуло вдохновение. Эти три месяца были очень продуктивными для него по количеству созданных им литературных шедевров: за это время была завершена работа над «Евгением Онегиным», «Повестями Белкина» и «Маленькими трагедиями», написана поэма «Домик в Коломне» и 32 лирических стихотворения. Мы перешли на онлайн-методы обучения и продолжили наш курс просмотром и обсуждением русского кино, классики, таких фильмов, как «Баллада о солдате», «Судьба человека», «Москва слезам не верит», «Ирония судьбы»,

Эффективной формой закрепления интереса к русскому языку и культуре стало проведение викторин об истории России и ее современных праздниках, о жизни и творчестве писателей. Наиболее успешным оказалось мероприятие, посвященное 221-ой годовщине со дня рождения Пушкина: была проведена викторина о жизни и творчестве писателя, подготовлено и просмотрено видео с чтением студентами стихов поэта. Практика и опрос показали: студенты активно участвуют в таких мероприятиях и с нетерпением ждут их. Для них они превращаются в дневные торжества.

Несмотря на нынешний кризис, интерес к русскому языку и культуре среди индийской молодежи преобладает, и, глядя на успех междисциплинарного курса «Введение в русскую культуру» в Делийском университете, мы действительно должны найти способы охватить гораздо больше людей, заинтересованных в развитии и укреплении российско-индийских дружеских отношений.

Список литературы:

1. Посольство Российской Федерации в Республике Индии // https://india.mid.ru/ru/embassy/

2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Наука, 1957.

3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1983. Т. 2.

Л. Г. Тютелова,
Самарский университет;
Е. Н. Сергеева,
Самарский университет;
К. А. Сундукова,
Самарский университет

ДИДЖИТАЛ-ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ДРАМАТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМАТУРГИИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ)

Данная работа рассматривает рецепцию и изображение диджитал-технологий в драме, ориентированной на молодого зрителя (пьесы из шорт-листов 12+ премии «Маленькая ремарка»). Показано, что технологии виртуального общения становятся в этих пьесах как приметой времени, так и средством трансформации драматического языка, ориентированного на социально-психологические особенности аудитории.

Ключевые слова: современная драма для подростков; диджитал-технологии, «Маленькая ремарка»; трансформация драматического языка.

L. G. Tyutelova,
Samara University;
E. N. Sergeeva,
Samara University;
K. A. Sundukova,
Samara University

DIGITAL TECHNOLOGIES AND THEIR IMPACT ON DRAMATIC LANGUAGE`S TRANSFORMATION (BY THE MATERIAL OF DRAMATURGY OF TEENAGERS FOR THE LAST DECADE)

This work is devoted to the reception and depiction of digital technologies in a drama aimed at young viewers (plays from the shortlists of 12+ "Little Remark" awards were reviewed). It is shown that the technologies of ambient communication in this play have become both a sign of the times and the transformation of the dramatic language, oriented towards the socio-psychological characteristics of the exhibition.

Keywords: contemporary drama for teenagers; digital technologies, «Little remark»; transformation of dramatic language.

Одной из ярких примет современной драматургии для подростков становится освещение проблем, порожденных вхождением новых технологий в наше повседневное существование. Диджитал-технологии фактически удваивают реальность, что создает различные кризисные ситуации в бытии современного молодого человека. Этот процесс отражен в том числе и в пьесах, вошедших в шорт-листы 12+ премии «Маленькая ремарка» с 2018 по 2020 годы, которые и будут рассмотрены далее.

В этих пьесах изображение взаимодействия человека с новыми технологиями, виртуальной реальностью можно рассматривать и как художественную рефлексию данных явлений (которая сопоставима с научной рефлексией рассматривающих данный вопрос социологов и психологов); и как выражение авторского стремления говорить на одном языке с «новым зрителем», установить с ним контакт.

На современную драму для подростков существенно влияет необходимость соблюдения правил общения, характерных для различных чатов, сервисов видеосвязи, мессенджеров и социальных сетей. Привычные для зрителей диджитал-технологии оказывают влияние на способы репрезентировать себя и взаимодействовать с другими.

Зачастую диджитал-технологии – это маркер современности, знак, что зритель может идентифицировать себя с героями. Знаки современности – гаджеты, интернет – проникают даже в пьесы со сказочным сюжетом («Как спасти папу, похищенного ужасным драконом» И. Васьковской и Д. Уткиной [1], «Настоящее неопределенное время» П. Бородиной [2]). Изображение новых технологий актуализирует известные сюжеты и осовременивает классические образы (например, говорящий по Skype Мюнхгаузен в пьесе Р. Белецкого [3]; возможность созвониться с демоном в пьесе С. Орловой «Аста» [4]). Немая девочка – героиня пьесы М. Райцес – «Я – КУЛАК. Я А-Н-Н-А» [5] – сравнивает себя с устаревшим устройством (пейджером). В последнем примере упоминание диджитал-технологий общения оказывается не только и не столько знаком времени, но *метафорой, описывающей идентичность героини*. В пьесе «Всем кого касается» Д. Сидерос [6] в рамках рефлексии над виртуальным и тактильным модусами общения упоминание в ремарках о том, что герои «утыкаются в смартфоны», чаще всего осмысливается как знак разобщенности героев, их нежелания слушать и понимать друг друга. Однако в других пьесах мы видим, что конфликты, возникшие как следствие замещения живого обще-

ния виртуальным, удается разрешить также в рамках общения в Интернет («Фото топлес» Н. Блок [7], «Девочки» К. Гузема [8]). Таким образом, драматический текст постулирует *двойственную роль современных технологий общения* в жизни молодого человека.

Однако рассматриваемые пьесы демонстрируют не только рефлексию о новых технологиях общения на тематическом уровне. Пьесы шорт-листов 12+ «Маленькой ремарки» отражают также и процесс перестройки драматического сюжета под влиянием современных телекоммуникационных технологий и особенностей восприятия молодой аудитории. Дело в том, что «новый зритель» восприятию большого текста или традиционной повествовательной картине предпочитает сменяющие друг друга, как в соцсетях, изображения, фрагменты. Место «картинок» может занимать и обычный текст, оформленный как комментарий или сообщение (О. Михайлов «#всечтотебязадевает» [9]).

Драматург предлагает своему адресату не только наблюдать за жизнью персонажей, полностью «ушедших» в свои смартфоны, но и ознакомиться с текстовыми отрывками, воссозданными в сценическом пространстве. Традиционные сценические картины в новой драме для подростков подвергаются значительному сокращению. Сохраняя повествовательность, они больше напоминают «сторис», чем последовательное повествование XX века. Это характерно для таких пьес, как «И мы смеемся» Е. Дорн [10], «Говорение» Полины Коротыч и М. Всё-Таки [11]. Изображение повседневной коммуникации подростков, их разговоров и встреч чередуется здесь с демонстрацией записей в социальных сетях и сообщений в мессенджерах. Часто в пьесах такого рода может разворачиваться сцена реального разговора двух подростков, каждый из которых держит в руках смартфон, что провоцирует развертывание пространства их общения с другими персонажами, находящимися «по ту сторону» экрана. В результате пьеса репрезентирует два плана коммуникации, протекающие параллельно, иногда накладываясь друг на друга. Показанные вместе, эти фрагменты позволяют зрителю выбрать одну из множества различных точек зрения, а также соотнести их между собой. Зрителю не дают возможности долго сосредотачиваться на одной позиции. Одна точка зрения сменяется другой, часто противоположной. Так зритель вынужден переключаться между позициями, соотносить их и выбирать наиболее близкую и убедительную для себя.

Таким образом, диджитал-технологии в рассматриваемых произведениях могут выполнять целый ряд функций: 1) служат для зрителя способом опознать свою эпоху и себя в героях; 2) выступают в качестве метафоры для построения идентичности героя; 3) воплощают символ иной, виртуальной реаль-

ности; 4) задают способ моделирования драматической картины с использованием знаков современности и новый тип коммуникации со зрителем.

Можно сделать вывод о том, что включение образа диджитал-технологий и проблематики виртуального общения в сферу драматургии для подростков провоцирует развитие новодрамовской формы и театрального языка. В содержательном аспекте распределение действия по нескольким реальностям, часто независимым друг от друга, помещает личность в центр их пересечений, провоцируя преодоление жизненной инерции и совершение осознанного выбора.

Список литературы:

1. Васьковская И. Уткина Д. Как спасти папу, похищенного ужасным драконом // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2019/irina_vaskovskaia_kak_spasti_papu_poxishhennogo_uzasnym_drakonom.doc
2. Бородина П. Настоящее неопределенное время // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2019/polina_borodina_nastoiashhee_neopredelennoe_vremia.docx
4. Белецкий Р. Спасти Мюнхгаузена // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2020/rodion_beleckii_spasti_mungxauzena.docx
5. Орлова С. Аста // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2018/serafima_orlova_asta.bin
6. Райцес М. Я – КУЛАК. Я А-Н-Н-А // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2018/marta_raices_ia_kulak_ia_a_n_n_a.docx
7. Сидерос Д. Всем кого касается // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2018/dana_sideros_vsem_kogo_kasaetsia.docx
8. Блок Н. Фото топлес // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2018/natalia_blok_foto_toples.docx
9. Гузема Е. Девочки // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2019/katerina_guzema_devocki.docx
10. Михайлов О. «#всечтотебязадевает» // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2020/oleg_mixailov_vsectotebiazadevaet.docx
11. Дорн Е. И мы смеемся // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2020/ekaterina_dorn_i_my_smeemsia.docx
12. Всё-Таки М., Коротыч П. Говорение // https://remarka-drama.ru/storage/plays/2019/masa_vse_taki_polina_korotyc_govorenie.docx

РАЗДЕЛ 6.
ЯЗЫК, КОММУНИКАЦИЯ И ЛИНГВИСТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Е.В. Беспалова,
Самарский университет

ДИСКУРС О ЛАНДШАФТЕ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ: НАПРАВЛЕНИЯ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Намечаются общие направления и частные задачи дискурсивного исследования немецкого массмедийного дискурса о ландшафте, которое проводится на материале текстовых фрагментов, рассматриваемых с дискурсивных позиций. Частные задачи исследования предполагают учёт взаимодействия ландшафтного дискурса с другими типами и видами дискурсов, описание его целей и жанрово-функциональных особенностей проявления, концептуальной организации и её языкового воплощения.

Ключевые слова: медиадискурс, ландшафтный дискурс, институциональный дискурс, тематический дискурс, цель дискурса, дискурсивный анализ.

E.V. Bespalova,
Samara University

DISCOURSE ABOUT THE LANDSCAPE IN CONTEMPORARY GERMAN PRESS: STUDY DIRECTIONS AND TASKS

The paper deals with general directions and particular tasks of discursive research in German mass media landscape discourse, that is carried out on the material of text fragments viewed from discursive positions. Particular research tasks involve taking into account the interaction of landscape discourse with other discourse types, describing its goals, genre and functional features of manifestation, conceptual organization and its linguistical embodiment.

Keywords: media discourse, landscape discourse, institutional discourse, thematic discourse, purpose of discourse, discursive analysis.

Темы, связанные с ландшафтом, довольно часто попадают в поле зрения общественности Германии и являются предметом обсуждения в немецких СМИ, формируя тематическую область медиадискурса, которую мы обозначим как ландшафтный дискурс массмедиа. Медиадискурс мы понимаем вслед за Е.А. Кожемякиным как «тематически сфокусированную, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве» [1, с. 53]. Медиадискурс, с одной стороны, служит средой и средством «производства определенных знаний, оценок объектов и их образов как результата речемыслительной деятельности», а с другой – «создаёт представление о способах трансляции знания» [там же]. Следовательно, выбрав в качестве объекта анализа определённый корпус текстов СМИ, обсуждающих ландшафтную проблематику, функционировавший в определённый период в немецком социуме, так называемый «срез» текстов лингвокультуры, мы можем проследить процессы формирования и трансляции знаний о ландшафтах, включающие их вербализацию и оценку на немецком языке. Цель нашего исследования – обозначить направления и задачи анализа медиадискурса о ландшафте в современных немецких СМИ.

Множественность пересечений ландшафтного дискурса с другими видами и типами дискурсов. Периодические печатные издания публикуют материалы, в которых вопросы ландшафта связаны с разными сферами деятельности человека (политика, наука, экономика, экология, реклама и др.), которые обслуживаются дискурсами соответствующих типов (политический, научный, экономический, экологический, рекламный и др.). В исследовательском плане представляет интерес реализация ландшафтного дискурса как тематического в массмедийном поле, ориентированном на интердискурсивность [2, с. 181]. Массмедиа выполняют посредническую деятельность, представляя собой «поле реализации» разных видов институциональных дискурсов» [1, с. 53]. Ландшафтный дискурс в массмедиа коррелирует с разными видами институциональных дискурсов, и нашей задачей является выявление их типов. В то же время ландшафтный дискурс может коррелировать с другими тематическими дискурсами, например, с экологическим. Проанализировав элементы ландшафтного дискурса в текстах газеты «Süddeutsche Zeitung» [3], мы обнаружили на уровне соотношения текстовых фрагментов пересечения с ландшафтным дискурсом следующих институциональных и тематических дискурсов: политического, экономического (дискурса строительства и сельского хозяйства), научного, архитектурного, экологического, дискурса о путешествиях, природных катастрофах, организации культурно-досуговых мероприятий. Лингви-

стическими маркерами диффузии и пересечений являются средства вербализации когнитивных моделей соответствующих институциональных дискурсов (например, участники, условия, организация и способы общения) [ср. 4, с. 241]. Так, для политического дискурса это номинации политических партий, политиков, их решений по строительству, элементов хронотопа (1):

(1) *Die Opposition von SPD und FDP wirft dem Christdemokraten seit Wochen vor, er trage als ehemaliger Minister die Verantwortung für die (aus heutiger Sicht falsche) Entscheidung, einen Neubau mehrmals bis ins Jahr 2026 zu verschieben.* (SZ vom 14.02.23. S. 5).

Варьирование жанрово-функциональных особенностей и целей ландшафтного дискурса СМИ отличается разнообразием. Например, в новостном дискурсе находим заметку о северном сиянии в районе Бранденбурга, в аналитическом дискурсе представлен анализ современной архитектурной концепции города как пространства для жизни. Очевидно, что содержание текстовых фрагментов ландшафтного дискурса разных типов различается по объёму, структуре и функциям.

Функционально-жанровая соотнесённость текстовых фрагментов ландшафтного дискурса массмедиа определяет его цели: описывать и интерпретировать (объяснять) состояние природных и культурных ландшафтов (2), регулировать связанную с ними деятельность адресатов, оказывать воздействие на их сознание (например, формировать понимание процессов изменения ландшафта), давать оценку положения дел (негативная оценка влияния пестицидов на популяцию птиц и как следствие изменение ландшафта (2)) и осуществлять его прогнозирование:

(2) *Felder, soweit das Auge reicht, keine Hecke, kein Baum, jeder Quadratkilometer intensiv genutzt. Die Sonne scheint, das Licht lässt schon den Frühling erahnen. Aber es ist seltsam still. Auch wenn es noch kalt ist – sollten an einem solchen Tag nicht schon die Vögel zwitschern?* (SZ vom 18.-19.02.23, S. 35).

Особенности концептуального и языкового представления предметной области ландшафтного дискурса СМИ. Тематическое и смысловое «ядро» предметной области дискурсов разных типов образуют основные концепты (например, концепты «власть», «политик» в политическом дискурсе [4]). Для ландшафтного дискурса основными являются концепты природных или рукотворных ландшафтных форм и объектов (WALD, MEER, STADT), вербализуемые в текстах. При пересечении ландшафтного дискурса с институциональными, возможно, возникает ситуация концептуального наложения, которая приводит к активации определённой концептуальной зоны: символическая

роль здания/памятника в городской среде в политическом дискурсе меняется в соответствии с политической повесткой (3):

(3) *Eine Moschee in Hamburg gilt als iranischer Außenposten.* (SZ vom 22.02.23. S. 5).

Предметная область дискурса воплощается в текстах в виде конкретных знаково-символических форм, анализ которых позволяет выявить типичные для ландшафтного дискурса СМИ языковые единицы, высказывания, речевые акты. На уровне слов выявляются лексемы соответствующих тематических областей, на уровне высказываний – типы иллокутивных актов, характерные для того или иного типа дискурса. Так, на уровне высказываний преобладают иллокутивные акты репрезентативы, цель которых представить положение вещей относительно ландшафтной проблематики на настоящий момент (4):

(4) *Das Bellingshausenmeer, wo derzeit das AWI-Forschungsschiff Polarstern operiert, ist aktuell nahezu eisfrei.* (SZ vom 14.02.23. S. 12).

В дискурсивных исследованиях учитывается, что «исходный замысел (интенция, идея) сообщения не воплощается в неискажённом виде в самом тексте, а, напротив, изменяется или конструируется непосредственно в ходе «использования языка», в ситуации коммуникации с адресатом, который «дописывает» текст и «достраивает» его смысл» [1, с. 56], следовательно возрастает значение анализа инференций и импликаций. Понимание имплицитной информации высказываний строится на фоновых знаниях адресата, например, по истории застройки Берлина и организации кинофестиваля (5):

(5) *Der Potsdamer Platz, wo die Stadt mal richtig urban sein wollte, mit Stahl und Glas um weite Flächen, passt nicht zum Bild einer Berlinale, wie ihre Kritiker sie seit jeher gern hätten: mit Glamour und Skandalen* (SZ vom 16.02.23. S. 12).

Исследовательский интерес представляет вопрос средств выражения оценки и дифференциации смыслов, формируемых в дискурсе относительно ландшафта и взаимодействия человека с ним по шкале красиво / некрасиво, надёжно / опасно, престижно / непрестижно, удобно / неудобно (6) и т. п.:

(6) *Der Garten hinterm Haus auf dem Land ist eine feine Sache, die fünf Kilometer bis zum nächsten Supermarkt weniger…* (SZ vom 16.02.23. S. 15)

Таким образом, ландшафтный медиадискурс выполняет, помимо функций информирования и оценки, задачу формирования актуальных знаний о разнообразных аспектах ландшафтной проблематики в немецком лингвокультурном сообществе. Анализ немецкого ландшафтного дискурса массмедиа свидетельствует о его актуальности.

Список литературы:

1. Кожемякин Е.А. Медиадискурс: элементы анализа // Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 52-59.

2. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. 356 с.

3. SZ – Süddeutsche Zeitung, №№ 38- 48 vom 14. 27.02.2023.

4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

А.А. Гайнутдинова,
Самарский университет

МЕТОНИМИЯ КАК СРЕДСТВО ЭВФЕМИЗАЦИИ В РЕКЛАМЕ

В статье на материале слоганов алкогольной продукции анализируется роль метонимии как инструмента эвфемизации. Установлено, что метонимия позволяет избежать упоминания негативных аспектов или ситуаций, связанных с использованием товара, а также завуалировать табуируемое явление. Выявлено, что наиболее распространенным средством эвфемизации в рекламе алкоголя является сценарная метонимия.

Ключевые слова: метонимия, метонимический перенос, рекламный дискурс, слоган, сценарная метонимия, эвфемизм, эвфемизация.

A.A. Gaynutdinova,
Samara University

METONYMY AS A TOOL OF EUPHEMIZATION IN ADVERTISING

The article analyzes the role of metonymy as a euphemization tool based on the slogans of alcoholic products. It is established that metonymy avoids the mention of negative aspects or situations associated with the use of the product, as well as veil the taboo phenomenon. It was revealed that the most common means of euphemization in alcohol advertising is script metonymy.

Keywords: metonymy, metonymic transfer, advertising discourse, slogan, script metonymy, euphemism, euphemization.

Эвфемия – использование «словесных зашифровок с целью смягчить, завуалировать, изящно «упаковать» предмет сообщения» [1, с. 60]. Эвфемизмы, генетически восходящие к табу и связанные прежде всего с магической функцией языка, в современном языке играют не менее важную – прагматическую – роль. К основной цели использования эвфемизмов исследователи относят стремление избежать коммуникативных неудач, коммуникативного дискомфорта, вызванных обращением к темам, о которых в обществе не принято говорить прямо [2]. Однако в настоящее время все более актуальной становится другая цель – стремление завуалировать суть явления, тем самым скрыть его негативную оценку и даже сформировать новую, положительную [1, с. 63;

2]. Оба аспекта оказываются важными для рекламного дискурса, в котором эвфемизм становится инструментом воздействия на потребителя и даже манипулирования им, средством трансформации картины мира. На наш взгляд, это вызвано несколькими причинами:

1. Положительная оценочность рекламного дискурса. Навязывание положительной оценки рассматривается некоторыми исследователями как главная стратегия внушения в рекламе, поэтому создатели рекламных текстов избегают упоминания негативных аспектов использования товаров и услуг.

2. Регулирование законом рекламы некоторых категорий товаров и услуг, например алкогольной продукции, лекарственных средств и медицинских услуг, биологически активных добавок.

3. Наличие в обществе традиционных табу (смерть, болезни, отношения между полами).

Как было отмечено В.П. Москвиным, адресат должен иметь возможность понять, о чем говорится с помощью эвфемизма, поэтому новое, смягченное наименование так или иначе отсылает к обозначаемому явлению, предмету или событию [1, с. 60]. Метонимия, основанная на отношениях смежности, рассматривается некоторыми учеными как один из базовых способов образования эвфемизмов. Причем она представляет собой не просто перенос названия, а когнитивный механизм, при котором происходит манипуляция с составляющими концепта. Когнитивное понимание метонимии не противоречит традиционному, лексикологическому, однако подчеркивает: смежность возникает не на уровне наименований предметов и явлений, а на ментальном уровне. Именно когнитивная трактовка, по мнению Л.В. Порохницкой, позволяет наиболее адекватно описать сущность эвфемии, в основе которой лежит метонимия [3, с. 139].

Особенно ярко эвфемистическую функцию метонимия реализует в рекламе алкогольной продукции. По нашему мнению, необходимость эвфемизации связана с тем, что употребление спиртных напитков оценивается в современной культуре неоднозначно, а сама реклама подобной продукции жестко регламентируется законом. В рекламных слоганах алкогольных напитков частотна сценарная метонимия. В основе этого типа метонимии, выделенного и описанного Н.А. Илюхиной, лежит структура концепта-сценария. Сценарий (скрипт) – концепт, организующий знание о сложном многоактном событии как о развивающейся во времени и пространстве последовательности нескольких стереотипных эпизодов [4, с. 10]. В виде сценария представлено знание об экзамене, поездке в другой город, посещении ресторана, поликлиники и т.п.

Сценарная метонимия наблюдается при номинации сложных, многоактных действий, деятельности комплексного характера, которая осмысляется говорящим как некое целое. Один акт последовательности действий называет все событие, например, *зайти в магазин = купить что-либо в магазине*.

Продемонстрируем механизм образования эвфемизма на базе сценарной метонимии в рекламе алкоголя. В рамках рекламного дискурса событием является рекламная ситуация – покупка и дальнейшее использование товара. Употребление алкоголя как один из стереотипных элементов сценария тесно связано с отдыхом, общением с друзьями или торжеством: *Мы найдем общий язык* (пиво Альтштайн); *Это стоит отметить!* (шампанское «Золотая коллекция»); *Хорошо сидим* (пиво «Степан Разин), *Бухарин – отдохнем культурно* (слабоалкогольные коктейли «Бухаринъ»), *Синебрюхофф. Отдыхайте не спеша* (джин «Синебрюхофф»), *IQ. Дай голове отдохнуть!* (слабоалкогольные коктейли IQ); *Надо чаще встречаться!* (Пиво «Золотая бочка») и т.п. Благодаря закрепленности подобных сценариев в сознании потребителя номинация сопутствующего этапа (беседа с друзьями) или многокомпонентного события (торжество) становится номинацией ключевого для рекламы процесса – покупки и потребления рекламируемых напитков – без непосредственного призыва к нему. Л.В. Порохницкая отмечает, что такая модель, характерная не только для русского, но и для романо-германских языков, позволяет акцентировать внимание на нормальности и естественности явления, так как придает ему оттенок рутинности и повседневности [3, с. 140]. Для рекламы этот аспект особенно важен, так как, согласно Федеральному закону «О рекламе», в ней обязательно должно содержаться упоминание о вреде чрезмерного употребления алкоголя [5]. Обращение к стереотипному сценарию, элементом которого становится употребление рекламируемого продукта, позволяет сместить фокус внимания с возможных негативных последствий на положительные аспекты.

В ряде слоганов, также основанных на метонимических переносах, употребление алкоголя преподносится как возможность творчески проявить себя, продемонстрировать свое настоящее «Я»: *Olmeca. Зажигай по полной!* (Текила Olmeca), *Cinzano. Будь проще, будь собой* (вермут Cinzano), *Brahma. Импровизируй* (пиво Brahma). Такие примеры связаны со стереотипным представлением о том, что употребление алкоголя позволяет человеку раскрепоститься, избавиться от чувства неловкости. Вне контекста или в других ситуациях эти высказывания будут интерпретированы иначе, однако в сочетании с изображением или видеорядом при упоминании названия продукта они пред-

ставляют собой завуалированный, но очевидный в рамках рекламы призыв приобрести и попробовать рекламируемый напиток.

Таким образом, можно выделить следующие эвфемистические номинации, связанные с различными аспектами ситуации употребления алкоголя: *«отдохнуть», «насладиться вкусом», «отметить», «выразить себя», «душевно поговорить»*. В рекламе алкогольной продукции, которая достаточно строго регламентируется законом, метонимия, с одной стороны, позволяет избежать прямого призыва к употреблению напитка и его прямой номинации. С другой стороны, она позволяет апеллировать к ассоциации с торжеством, душевным разговором и даже с возможностью самовыражения, которые непременно сопровождаются алкоголем. Более того, в рекламе не только эвфемистически называется процесс, но и меняется представление о его роли в стереотипных ситуациях: употребление алкоголя становится не сопутствующим (и не всегда обязательным), а центральным этапом события, а также причиной и источником налаженной коммуникации, отдыха и хорошего настроения.

Список литературы:

1. Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2001. № 3. С. 58-70.

2. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин. 1994. № 1-2. С. 28-49 // http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm

3. Порохницкая Л.В. Концептуальная метонимия в контексте изучения семантики эвфемизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 12 (751). С. 137-142.

4. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 9-16.

5. О рекламе: федер закон [принят Гос. Думой 22.02.2006: одобр. Сов. Фед. 3.03.2006] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/

Н.А. Гриднева,
Самарский государственный технический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Рассматриваются возможности использования социальных сетей для повышения качества преподавания дисциплины «Деловая коммуникация» в техническом вузе. В частности, представлен опыт по организации самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов.

Ключевые слова: социальные сети, деловая коммуникация, неязыковой вуз.

N.A. Gridneva,
Samara State Technical University

SOCIAL NETWORK SERVICES IN TEACHING BUSINESS COMMUNICATION FOR ENGINEERING STUDENTS

The paper considers some opportunities of using social network services for teaching business communication at a technical university. The experience of organising students' individual work and scientific research is analyzed.

Keywords: social networking, business communication, technical university.

Использование социальных сетей в учебных целях, в том числе для преподавания филологических дисциплин, становится все более распространенным явлением [1-3]. В этом нет ничего удивительного: изначально задуманные для оперативного обмена информацией и приобретшие большую популярность у молодежи, социальные сети, несомненно, могут способствовать повышению эффективности учебного процесса, в основе которого, как известно, лежит диалог.

Взаимодействие со студентами посредством той или иной социальной сети не может стать полноценной заменой традиционных форм академического общения. Однако в условиях ограниченного количества лекционных и практических занятий, когда есть потребность в дополнительной проработке учебного материала, социальная сеть может предложить определенный выход из ситуации. Будучи популярной в студенческих кругах, для большинства

обучающихся она является привычной и психологически комфортной средой общения, так что при соблюдении некоторых условий преподаватель имеет все шансы создать атмосферу для доверительного, конструктивного диалога и получить прекрасную площадку для обмена опытом и мнениями.

Мы хотели бы поделиться своим опытом использования социальной сети в обучении студентов технического вуза основам деловой коммуникации на русском языке.

Помощь при самостоятельной работе.

В последние годы на самостоятельную работу студентов выделяется все большее количество часов. Несомненно, самостоятельное выполнение определенных заданий должно иметь место в рамках любого курса. Между тем некоторые вопросы могут быть вынесены на всеобщее обсуждение, и чем больше человек будет привлечено к этому процессу, тем лучше. Речь идет прежде всего о заданиях, которые подразумевают не поиск конкретной информации, но, например, анализ собственного опыта общения или моделирование речевых ситуаций для наглядной иллюстрации тех или иных положений теории коммуникации, традиционно входящих в базовый курс делового общения в неязыковых вузах. Надо заметить, что установление связи между теорией и практикой для студентов-нефилологов зачастую является необходимым условием понимания психологических, социальных и иных механизмов, лежащих в основе коммуникации, – в противном случае теория рискует остаться в их восприятии абсолютной абстракцией.

Часть теоретических аспектов, в том числе с привлечением реальных ситуаций речевого общения, обсуждается на практических занятиях. Однако социальные сети позволяют привлечь к дискуссии значительно больше студентов, и, стало быть, обмен опытом здесь будет более эффективным, будет больше «фактического материала» для обсуждения.

Пример задания:

Согласны ли Вы с тем, что адекватное представление общающихся друг о друге во многом является залогом успешной коммуникации? Почему да? Почему нет? Приведите в пример реальную или вымышленную ситуацию общения.

Подобная работа развивает у студентов способность и привычку анализировать собственный и чужой опыт общения, в том числе с опорой на новые знания, и, стало быть, позволит им осознавать допущенные ошибки и избегать их в дальнейшем, выбирая более адекватные коммуникативные тактики и стратегии.

Помощь в научно-исследовательской работе.

Хотя деловая коммуникация не является профильным предметом для студентов-нефилологов, многие из них весьма охотно берутся за реализацию тех или иных научно-исследовательских проектов в данной области. Как правило, такие исследования проводятся студентами на материале опыта общения их однокурсников. Социальная сеть оптимально подходит для оперативного проведения всяческих опросов, позволяя охватить максимальное количество респондентов и быстро оценить полученные результаты.

Пример опроса (по теме проекта «Психологические барьеры в деловом общении в академической среде»):

Всегда ли Ваше общение с преподавателем (на занятии, в процессе обсуждения научно-исследовательских проектов, при решении каких-то организационно-технических проблем и т. п.) бывает успешным и беспроблемным? Испытываете ли Вы при этом какой-то психологический дискомфорт? Отметьте ниже все утверждения, верные для Вас.

Подобные опросы не только позволяют собрать достаточный фактический материал для научного исследования и лишний раз обратить внимание студентов на определенные аспекты деловой коммуникации, но и продемонстрировать разнообразие мнений по обсуждаемым вопросам, которое часто имеет место в этих случаях. На этот момент, несомненно, следует обратить внимание студентов, ибо это есть свидетельство того, насколько разным у нас может быть опыт общения, насколько разными могут быть наши предпочтения и установки, которые в той или иной мере должны быть учтены в процессе деловой коммуникации.

Размещение дополнительных заданий и материалов.

Несомненно, социальная сеть может эффективно использоваться для размещения дополнительных материалов, в том числе заданий, которые носили бы скорее познавательно-развлекательный характер. Это могут быть, например, изобилующие ошибками тексты комментариев в сети Интернет с предложением найти и подсчитать все нарушения тех или иных языковых норм или переформулировать предложенные высказывания, чтобы добиться их большей ясности и убедительности. Подобные задания, в частности, могут способствовать решению проблемы катастрофической неграмотности общения в сети, а также закреплению у студентов общепринятых языковых и речевых норм.

Стимулировать интерес к изучению языка, раскрыть его богатство и уникальность помогут задания, связанные, например, с интересными фактами из истории языка, с происхождением некоторых фразеологизмов и т.п.

Список литературы:

1. Соломатина А.Г. Социальные сети как инструмент повышения мотивации к изучению иностранных языков студентов вузов // Перспективы науки и образования. 2018. 2 (32). С. 230-235.

2. Ковалева М.Ю., Панченко Ю.Ю. Особенности дистанционного обучения РКИ на базе социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 127-140.

3. Ивкина М.И. Варианты использования социальных сетей при обучении русскому языку как иностранному (на примере Instagram[20]) // Преподаватель XXI век. 2019. № 2-1. С. 204-210.

[20] Деятельсть социвльной сети запрещена на территории Российской Федерации.

Н.К. Данилова,
Самарский университет;
Ю.В. Нестерюк,
Самарский университет

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МОДУЛИ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ФРГ

Рассматриваются процедуры реализации базовых модулей медийного дискурса, коммуникативного и когнитивного, демонстрирующих наличие в процессе языковой реализации новой информации системных моментов, что позволяет подтвердить гипотезу относительно существования в речевой деятельности регуляторов вербального поведения коммуникантов. Выбор масс-медиа в качестве предмета исследования для целей анализа системности определен высокой плотностью информационных потоков, характеризующих данную коммуникативную практику.

Ключевые слова: медийный дискурс, смысловая структура, системные процессы, интерсубъективность языка, вербальное поведение.

N.K. Danilova,
Samara University;
Y.V. Nesteryuk,
Samara University

INFORMATION MODULES IN COMTEMPORARY GERMAN MEDIA DISCOURSE

The article deals with the procedures of implementation of basic modules of media discourse, communicative and cognitive, demonstrating the presence of systemic moments in the process of linguistic implementation of new information, which allows to confirm the hypothesis concerning the existence of regulators of verbal behavior of communicators in the speech activity. The choice of the mass media as the subject of research for the purposes of systemic analysis is determined by the high density of information flows that characterize this communicative practice.

Keywords: media discourse, semantic structure, systemic processes, language intersubjectivity, verbal behavior.

Ставшее традиционным представление о медийном дискурсе как источнике объективного знания о положении дел постепенно уступает более доказательным версиям, в основу которых положено понимание того, что языковое моделирование событий и явлений реальности с неизбежностью включает в процесс конструирования модели мира языковую и коммуникативную личность ее создателя. Растущее понимание того, что последовательности высказываний, образующие языковую (материальную) основу дискурса, в конечном итоге имеют целью формирование сообщения о положении дел в модусе говорящего субъекта (Ich-Welt-Modell), что предполагает анализ системных процессов, итогом которых становятся речевые продукты, создаваемые в различных коммуникативных практиках.

Главное и неизбежное событие, которое сопровождает производство текстов, М. Фуко определяет как вхождение «в рискованный порядок дискурса» [1]. Устойчивость дискурса видится М. Фуко и в функции автора, понимаемой им как «то, что лишающему покоя языку вымысла даёт формы его единства, узлы связности, прикрепление к реальности». Выведенные Фуко два основных принципа, *принцип комментария и принцип автора*, обеспечивают возможность самого существования дискурса благодаря игре идентичности, формой которой, в первом случае, становится *повторение и тождественность*, во втором, *индивидуальность и я.* Третий принцип, *принцип дисциплины*, связан с требованиями самой дискурсивной практики, а именно: набором правил и положений, определяющих характер контроля за производством знания.

Выстраивая тем самым понимание дискурса как процесса рождения нового знания, М. Фуко формулирует новую перспективу исследования и для лингвистики, постановка проблемы для которой может быть сформулирована следующим образом: как функционирует язык в процессе появления новых смыслов, реализуя при этом намерения автора?

Демонстрирующая глубинную традиционность перспектива исследования, берущая начало в античности и связанная с именами Аристотеля и Платона, обретает благодаря современной антропоцентрической парадигме иное звучание, обращаясь к вопросам, касающимся системного характера функционирования языковых структур. Суть предлагаемого нами решения заключает-

ся в том, чтобы проследить последовательность процедур, позволяющих сформировать новое знание в ходе развертывания речевых продуктов в рамках медийного дискурса. В своих наблюдениях мы исходим из предположения о том, что воплощенная в последовательности высказываний стратегическая программа, реализующая функцию автора, развивается по направлениям, структурированным в соответствии с базовыми модулями, *когнитивным и коммуникативным*.

Идея относительно необходимости разграничивать в целях исследования обоих информационных потоков принадлежит Ю. Хабермасу. В монографии, посвященной теории коммуникативного действия, автором сформулированы основные положения универсальной прагматики [2, с. 77-79]. Объектом реконструкции является процесс производства высказывания, не трансцендентальные характеристики процесса или языковая способность, а коммуникативный опыт, то есть ситуации понимания, понятийная структура, делающая понимание возможным, использование предложений в высказываниях. Конституирование опыта совершается в процессе объективации действительности на основе языковых символов

Вырабатывая основные положения своей теории, Ю. Хабермас особо выделяет необходимость учета когнитивного аспекта употребления языка. *Двойная структурация* речевого акта, наличие пропозиционального содержания (о чем идет речь) и интерсубъективного аспекта (общение с Другим), требует признания репрезентативного плана высказывания, утверждает Ю. Хабермас, оба аспекта высказывания *когнитивный и коммуникативный*, предполагают друг друга. Когнитивная компетенция образуется в *процессе взаимодействия с объектами действительности*, интерактивная и языковая – *в коммуникативном взаимодействии с субъектами и их высказываниями*. Взаимоотношения Я с миром воплощаются в объективность природы, нормативность общества и интерсубъективность языкового медиума [2, с. 194].

Обозначенная Ю. Хабермасом дуальность дискурсивного процесса может быть дополнена представлением о том, что оба плана имеют модульный характер, так как в каждом конкретном случае производства и восприятия текстов они формируются, подчиняясь как принципам повторения и тождественности, так и принципам индивидуальности, связанным с функцией автора, реализация которых протекает в системном режиме. Исходя из понимания дискурсии как процесса формирования и трансляции знания, мы исследуем языковые процедуры, реализующие когнитивный и коммуникативный модули в

персональном интервью, в котором обнаруживается сложное переплетение этих смысловых конфигураций. Особое внимание в процессе формирования и транслирования знания заслуживают, на наш взгляд, языковые средства, получившие обоснование в теории Ю. Хабермаса как прагматические универсалии, служащие реализации *отношения между участниками и интенций и переживаниям говорящего* [2, с. 94-95].

Обратимся к рассмотрению интервью М. Фридмана с литературным критиком М. Райх-Раницки, приуроченному к опубликованию им книги «Mein Leben» [3]. В процессе рассмотрения коммуникативного взаимодействия мы в большей степени сфокусируемся на реализации стратегического плана интервьюера, исходя при этом, однако, из того, что действительность в рамках интервью конструируется одновременно и совместно обоими коммуникативными партнерами [4, с. 58].

Трансакция 4, коммуникативный обмен 1:

Journalist (J): Sie sprachen, lieber Herr Reich-Ranicki, einmal von Ihrer Sehnsucht nach einer Heimat. Was bedeutet Heimat für Sie und was ist das für eine Sehnsucht? <…>

В рамках данной трансакции интервьюером вводится микротема «Sehnsucht nach Heimat». В первом коммуникативном обмене интервьюер использует прием цитирования слов интервьюируемого (вводится глаголом „sprechen (von D.) в форме Präteritum) и использования нескольких местоименных вопросов, что на фактологическом уровне позволяет судить о *тактике запроса информации*. На уровне интерсубъективном речь идет о *тактике поддержания интерсуъектных отношений*, о чем свидетельствует обращение («lieber Herr Reich-Ranicki»).

Трансакция 4, коммуникативный обмен 2:

J: Aber Sie haben Sehnsucht nach Heimat. Was ist das für eine Sehnsucht? … Was fehlt Ihnen? <…>

В коммуникативном обмене 2 интервьюер констатирует факт («Aber Sie haben Sehnsucht nach Heimat») в форме повествовательного предложения. Использование противительного союза «aber», повторный ввод лексических единиц, названных в предыдущем коммуникативном обмене («Sehnsucht», «Heimat») и ряд местоименных вопросов позволяют судить о *тактике побуждения к ответу на вопрос* и *тактике удерживания беседы в рамках предложенной интервьюером темы*. Журналист удерживает инициативу и расширяет микротему «Marcel Reich-Ranicki, der Sehnsucht nach Heimat hat» до «Marcel Reich-Ranicki, dem etwas fehlt».

Трансакция 4, коммуникативный обмен 3:

J: «Ich habe kein eigenes Land» – haben Sie mal gesagt. – «Ich habe keine Heimat und ich habe kein Vaterland». Wie einsam ist ein heimatloser Mensch?

В коммуникативном обмене 3 М. Фридманом используется тот же прием, к которому он обратился в рамках коммуникативного обмена 1, а именно: цитирование слов интервьюируемого (с целью введения фактологической информации) и местоименный вопрос, что позволяет судить о *тактике запроса информации*. Синонимический ряд с отрицательным артиклем «kein-» (kein eigenes Land, keine Heimat, kein Vaterland) и использование слов с негативной коннотацией «heimatlos» и «einsam» свидетельствуют о реализации *тактики имплицитной провокации*. Репрезентация идентичности интервьюируемого в рамках данного коммуникативного обмена также претерпевает изменения и трансформируется в «Einsamkeit eines heimatlosen Menschen».

Интервьюируемый при ответе на вопрос проводит аналогию, отмечая, что для него родиной стала немецкая литература, и иудеями, спасшими из горящего храма свитки Торы (Священного писания), которая являлась для них высшей ценностью. С точки зрения совместного конструирования образа интервьюируемого сам М. Райх-Раницки уклоняется от предложения интервьюера презентовать себя как человека, испытывающего эмоции, и остается на предметно-логическом уровне рациональной личностью.

Трансакция 4, коммуникативный обмен 4:

J: Aber ersetzt diese Literatur wirklich das, was Sie vermissen? – Dazuzugehören. Haben Sie nicht vielleicht Angst, dass das, was Ihnen in Ihrem Leben passiert ist … Sie haben gerade Berlin der 30er Jahren genannt. Da haben Sie gesagt: «Ich ging in die Schule. Und eigentlich wurde das meine Heimat». Und dann haben die Deutschen Ihnen gesagt: «Ätsch, bätsch. Du irrst dich, du bist Jude und kein Deutscher». Kann es sein, dass Sie eine Angst haben, dass man Sie wieder rausschmeißt, dass man nicht dazugehört und dass Sie deswegen das gar nicht zulassen, von «wir» zu sprechen?

Использование интервьюером в рамках коммуникативного обмена 4 противительного союза «aber»; контекстуальных антонимов «dazugehören» - «rausschmeißen», «Sie» – «wir», «Jude» – «Deutscher»; отрицания «kein Deutscher», «nicht dazugehören» маркируют *тактику побуждения к ответу на вопрос*. Способ репрезентации здесь снова расширяется и уточняется, теперь речь идет о следующем: «Mensch, der nicht dazugehört und eine Angst davor hat, dass man ihn wieder rausschmeißt».

На интерсубъективном уровне М. Фридман использует весьма любопытный прием, который скорее нетипичен для коммуникативного поведения интервьюера: он дает интервьюируемому фидбек. Журналист приводит ин-

формацию о том, что он наблюдал ранее (Da haben Sie gesagt: «Ich ging in die Schule. Und eigentlich wurde das meine Heimat»). Далее им моделируется ситуация, в которой находился интервьюируемый, и используется вербализация примерного ответа, а точнее, интенции ответа господина Райх-Раницки. Интересно, что интервьюер приводит квази-цитату, содержащую констатирующее высказывание (Und dann haben die Deutschen Ihnen gesagt: «Ätsch, bätsch. Du irrst dich, du bist Jude und kein Deutscher»). И далее им высказывается предположение о том, что чувствует Марсель Райх-Раницки, реализуемое в форме общего вопроса (Kann es sein, dass Sie eine Angst haben, dass man Sie wieder rausschmeißt, dass man nicht dazugehört und dass Sie deswegen das gar nicht zulassen, von «wir» zu sprechen?). Марсель Райх-Раницки открыто выражает свое удивление и признает мнение коммуникативного партнера как соответствующее действительности: «Das ist ganz richtig. Bin erstaunt. Sehr richtig, was Sie eben gesagt haben». И в дальнейшем признает, что такое положение вещей делает его ранимым и уязвимым.

Таким образом, мы можем констатировать, что действительность в персональном интервью конструируется обоими коммуникативными партнерами. В данном интервью инициатива принадлежит интервьюеру, он целенаправленно реализует свою стратегическую программу по презентации рационального Марселя Райх-Раницки как *человека* уязвимого, человека, которому не чужды страхи. Если проследить работу интервьюируемого над выстраиванием данного образа, то мы можем увидеть следующую последовательность: Marcel Reich Ranicki als Mensch, der keine Heimat hat und nach Heimat sehnt (коммуникативный обмен 1) > als Mensch, dem etwas fehlt (коммуникативный обмен 2) > als heimatloser Mensch, der einsam ist (коммуникативный обмен 3) > als Mensch, der es vermisst, dazuzugehören und eine Angst hat, dass man ihn wieder rausschmeißt (коммуникативный обмен 4) > als Mensch, der an dieser Stelle verwundbar ist (коммуникативный обмен 7)

Интервьюируемый в рамках коммуникативных обменов 1-3 уклоняется от подобного способа идентификации и стремится презентовать себя как «немецкого *критика*, который обрел родину в немецкой литературе».

Интервьюер в рассматриваемой трансакции осуществляет вклады на всех 3 уровнях взаимодействия: предметно-логическом (фактологическая информация), интерсубъективном и уровне трансформации, уточнения и расширения введенного им «образа другого М. Райх-Раницки», однако именно в этом интервью и именно с этим коммуникативным партнером интервьюеру

удается добиться успеха и реализации своего стратегического намерения с помощью интенсификации взаимодействия на интерсубъективном уровне.

Список литературы:

1. Фуко М. Порядок дискурса / Лекция 09.04.2007 // https://gtmarket.ru/library/articles/777

2. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1984. 607 SMarcel, Reich-Ranicki – Michel Friedman // https://www.youtube.com/watch?v=UGUmpAzqHS0&t=65s&ab_channel=PhilosophieKanal

3. Кожемякин Е.А. Современные медиадискурсы: специфика и проблемы когерентности // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. I Междунар. науч.-практ. конф. Белгород, БелГУ, 1-4 апреля 2014 г.: Сб. науч. работ / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского, А.Г. Ходеева. Белгород : КОНСТАНТА, 2014. С. 57-62.

С.И. Дубинин,
Самарский университет

«ИНФОРМАТИВНОСТЬ» И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА НЕМЕЦКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ-РАЗГОВОРНИКА В МИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании рассмотрены особенности репрезентации «информативности» в базовом двуязычном словаре для солдат вермахта “Soldatenwörterbuch» (1941-1944 гг.), а также прагматически обусловленные трансформации, стагнации жанра и тематики военного словаря-разговорника.

Ключевые слова: военный словарь-разговорник, милитарный дискурс, вермахт, речевые стратегии, псевдо-информирование, реалии, немецкий/русский языки.

S.I. Dubinin,
Samara University

«INFORMATION» AND GENRE TRANSFORMATIONS OF THE GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY-PHRASEBOOK IN MILITARY DISCOURSE

The features of the representation of «informativeness» in the basic bilingual dictionary for Wehrmacht soldiers «Soldatenwörterbuch» (editions 1941-1944), pragmatically conditioned transformations and stagnation of the military phrasebook genre are considered.

Keywords: Wehrmacht, military phrasebook, military discourse, speech strategies, pseudo informing, realities, German/Russian.

Определение статуса военного словаря-разговорника (далее ВСР) как малого жанра находится на периферии отечественной теории лексикографии. Закономерно его позиционирование как лабильного, гибридного формата в триаде «*справочник – учебник иностранного языка базового уровня – специализированный словник*», наличие признаков жанра (в частности, речевого) и текстотипа (определенная текстуальность) [1, с. 22; 2, с. 151-154]. ВСР можно оценивать как связный текст в совокупности с идеологическими, жизненными,

социокультурными, психологическими и другими факторами, как прагматически ориентированный текст в событийном аспекте ситуаций войны. Но не мотивировано обозначение ВСР как «малого литературного жанра с военной спецификой» и наличие эстетического содержания [3, с. 117; 4, с. 48].

Согласно принятой вермахтом теории войны решающее значение для победы имело, в частности, профессиональное превосходство. Поэтому информированность была частью имиджа «армейца Рейха» как высоко квалифицированного военнослужащего, что отразилось в целом в военной лексикографии и при составлении конкретных ВСР. Источником данного исследования послужили переиздания анонимного двуязычного немецко-русского (основного) словаря для солдат вермахта (далее SWB) периода ВОВ. [21]

Скудная разговорная часть SWB как квази-разговорника, который в большей мере являлся словником, – это показатель минимальности его коммуникативной установки, дистанцированности от иноязычного «партнера». Алфавитный глоссарий тоже не был ориентирован на выработку навыков, форм корректной, связной речи военнослужащих по-русски: Rund 3000 Wörter für Feldgebrauch und tägliches Leben. Mit einem sehr geringen Wortschatz, <…> die wichtigsten Ausdrücke. SWB акцентировал важность, детальное знание военного ремесла и информации, обеспечивающее качественное превосходство над противником. Для «армейца нового образца» поэтому отмечено как установки, качества, навыки и способности следующее: Auskunft «информация», erkunden «разузнавать», Achtung «внимание», Kontrolle «контроль», üben/Übung «упражняться; упражнение/занятие», способность исправить Irrtum «ошибка».

Но тематически и инвентарно лексика SWB в аспекте ее информационной насыщенности – это местами пестрая, негармоничная смесь многообразных реалий, разноплановых специальных терминов. Примечательно отсутствие опоры на пометы (редкие исключения: elekt., milit., mediz., Eisenb.). Отметим фиксацию и иконической лексики: Rotes Kreuz (Красный крест), Gelbkreuz (Желтый крест, символика иприта), Blaukreuz (Голубой крест, Общество трезвости евангелической церкви Германии; ошибочно назван по-русски «синим»).

В целом SWB по-военному содержательно и информативно реалистичен. Среди тематических групп лексики доминируют: *военное дело, право и*

[21] Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch (SWB). Berlin: Mittler & Sohn, 1941.71 S.; 1942. 1944. 80 S. Объем 1-го издания 2000 слов, в дальнейшем 3000 слов.

вооружение; питание/провиант; топливо; военный транспорт/средства связи; санитария/болезни, физкультура; пленение/содержание военнопленных. Но лишь некоторые из них актуализированы ситуацией и спецификой войны с СССР: *зимнее обмундирование; технологии конной тяги/упряжь.* Примечательно отражение в словнике SWB лексических реалий, относящихся к отравляющим веществам, химзащите и ведению химической войны, в возможности которой на начальном этапе гитлеровцы не сомневались.

Значительна информационная насыщенность и стратификация тематических групп, обусловленная ориентацией оккупационных войск на занятых территориях на привлечение пленных, гражданских специалистов, рабочей силы, персонала, разнообразие востребованных услуг: *автодело / починка транспорта; лазареты/лечение; почта; коневодство; квартирование / постой; оборонительно-строительные и дорожные работы; ремонт обуви и амуниции; энерго- и водоснабжение; заготовки и бытовое обслуживание* и др.

Примечательны корректуры 2-го издания SWB 1942 года (завершение начального периода войны), когда наступление германских войск было остановлено, а план «Барбаросса» не дал результатов. В заметно расширенной части “Redensarten” показательны фразы, отразившие реалии боестолкновений с противником – Красной армией и партизанами, оперативную работу с населением: *Sind hier Rotarmisten (Partisanen) gewesen? In welcher Stärke? Sind im Ort Waffen vorhanden?*, разведывательные действия, рекогносцировку, квартирование: *Wir brauchen Lebensmittel! Wieviel Vieh haben Sie? Wo ist eine Furt? Wo sind die Feldbefestigungen? Zeigen Sie es auf der Karte!* и т.п. Обращения сохраняют вежливую форму. Появляются: Militärbehörde «военное управление», Vollmacht «полномочие», Verordnung «постановление», Vorgesetzter «начальник», deutsche Soldaten «германские войска». Староста военной администрации назван Ortsvorsteher (малоупотребительно в узусе).

Но трехтысячный словник 3-го переиздания (1942 г.) в целом не претерпел изменений, отмеченные лексикографические недостатки не устранены. Последнее издание (1944 г.) стереотипно, хотя следовало ожидать появления здесь реалий, отражающих начавшееся в 1943 году отступление вермахта. Эти словари вышли с более высоким статусом в серии «Merkblätter» – специальных брошюр-инструкций и памяток командования сухопутных войск.

В целом издания SWB фиксируют константность нацистской военной имиджелогии, базирующейся, в частности, на «правильном информировании» солдата, манипулировании «победоносным духом», образом профессионала

вермахта, несмотря на трагически менявшие для захватчиков реальности войны с СССР. Эта «маска» была необходима «армейцам» («людям в зеленой форме», «оруженосцам нации») как главной военной силе Рейха [5, с. 20].

«Солдатский словарик» идеологически манипулятивно демонстрирует размытость статусного компонента военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий вермахта предстает в его зеркале в первую очередь профессионалом ремесла, как квалифицированный специалист, информированный, ориентирующийся в военном деле, тактике, технике и т. п. Но не как отправитель приказов, насильник-агрессор, носитель идей аннексии, реванша. Он не позиционирован проводником нацистской политики на захваченных территориях СССР – противника Рейха в борьбе двух идеологий, как покоритель «неполноценного противника/этноса», подавляющий чуждую государственность любыми средствами ведения войны. «Армеец» не стремится в своем превосходстве и к диалогу с врагом на его языке.

Но «победоносный дух», уникальный потенциал и образ солдата вермахта – это его черты, скорее, не как «первого оруженосца нации» («вторым оруженосцем» именовались войска СС), или как «первой опоры государства» («второй опорой» считалась НСДРП), а как германского солдата нового образца в «войне на востоке». Эти реваншистские установки были заложены еще армейской реформой во времена рейхсвера [6, с. 98]. Статичный квази-имидж «профессионала вермахта», лапидарно отраженный в SWB и тиражируемый в переизданиях этого самого массового ВСР, конституировал в заданных параметрах, рефлексивно самоорганизовывал его идеального носителя (*Wehrmachtsoldat*). Закономерно, что SWB в информативно-содержательном аспекте и в жанровом отношении постепенно «застывает» в формате словника, отрываясь от реальностей войны, неумолимо ведущей к поражению агрессора.

Список литературы:

1. Баева Г.А., Соколюк М.А. Функции разговорника как типа текста // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2021. № 1. С. 26-44.

2. Дубинин С.И. Военный разговорник для солдат вермахта: динамика текстотипа // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. Самара, 2016. Т. 3. № 2. С.153-161.

3. Норман Б.Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2002. Вып. 3. С. 171-186.

4. Загайнов С.С., Митчелл П.Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. Тамбов, 2016. Т. 21. Вып. 11 (163). С. 46-51.

5. Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 384 с.

6. Дубинин С.И. Латентный милитарный дискурс рейхсвера: источниковедение двуязычных словарей и пособий // Эволюция и трансформация дискурсов: Сб. научных статей / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. Вып. 7. Самара: Центр периодических изданий, 2022. С. 95-111.

М.Ю. Евтеева,
Московский городской педагогический университет

ДИАТЕТИЧЕСКИЙ СДВИГ И ПРОЦЕСС КАТЕГОРИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Возможность перевода одной диатезы в другую позволяет сделать вывод о наличии ряда оппозиций, важных с точки зрения процессов категоризации и концептуализации действительности. Они касаются противопоставления языковой личности внеязыковой действительности, событийной актуальности – неактуальности, линейности – объёмности, очевидности действия – его неочевидности, существенности субъекта – его несущественности для говорящего, а также затрагивают пространственно-временные соотношения.

Ключевые слова: денотативная ситуация, залог, диатеза, языковая личность, категоризация, концептуализация, антропоцентричность.

M.J. Evteeva,
Moscow City University

DIATHETIC SHIFT AND THE PROCESS OF CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION OF REALITY

The possibility of transferring one diathesis to another allows us to conclude, that there are a number of oppositions, that are important from the point of view of the processes of categorization and conceptualization of reality. They relate to the opposition of linguistic personality to extralinguistic reality, eventual relevance – irrelevance, linearity – volume, evidence of action – its non-obviousness, materiality of the subject – its insignificance for the speaker, and also spatio-temporal relationships.

Keywords: denotative situation, grammatical voice, diathesis, language personality, categorization, conceptualization, anthropocentricity.

Обращение к анализу того, как посредством языка отражаются знания и представления человека о внеязыковой действительности, ознаменовало переход к когнитивному направлению в лингвистике. Осмысление окружающей действительности происходит путём распределения информации о ней по не-

которым категориям [1, с. 45], что далее репрезентируется с помощью языковых средств.

Одним из таких инструментов, позволяющих облечь определённые смысловые нюансы в словесную форму, является залог. Важно подчеркнуть, что противопоставление залоговых форм не базируется на различиях ситуаций внеязыковой действительности: залоговое значение является принадлежностью языка, в свою очередь, денотативная ситуация, которую можно вербализовать посредством разных залоговых форм, по своей сути одна и та же. Залог отражает то, как понимается говорящим (сторонним наблюдателем) действие в том, что касается его направленности и иерархического распределения его участников в описываемой денотативной ситуации.

С категорией залога непосредственно связано понятие диатезы, под которой понимается схема соответствия между единицами семантического и синтаксического уровня, то есть партиципантов ситуации (субъекта и объекта действия) и членов предложения (подлежащего и прямого дополнения) [2, с. 13]. Стоит отметить, что на лексическом уровне они вообще могут не обозначаться. Таким образом, в каждом случае употребления глагол имеет некоторую диатезу, перевод одной диатезы в другую обозначается как диатетический сдвиг [3, с. 26]. Исходя из этого, залог становится возможным определить как морфологическую категорию глагола, выражающую диатезу.

В качестве примера приведём высказывание *Мама взбивает крем миксером*. Оно фиксирует действие, обозначенное глаголом *взбивать,* при наличии в ситуации ряда партиципантов, представленных субъектом (*мама*), объектом (*крем*) и инструментом (*миксер*). Продемонстрируем варианты описания их отношений посредством глаголов *взбивать* и *взбиваться*. Необходимо отметить, что хотя появление возвратности нередко приводит к изменениям в значении глагола, тем не менее при диатетическом сдвиге по оппозиции актив/пассив имеет место трансформация форм глагола *взбивать → взбиваться.*

Рассматриваемая ситуация, по нашим наблюдениям, допускает семь вариантов описания при фиксации фокуса внимания: (1) на агентивном субъекте при выведении инструмента действия на периферию – *Мама взбивает крем миксером*; (2) на агентивном субъекте при выведении за кадр инструмента действия – *Мама взбивает крем*; (3) на объекте при выведении на периферию агентивного субъекта и инструмента действия – *Крем взбивается мамой миксером* (*при помощи/посредством миксера*); (4) на объекте при выведении за кадр инструмента действия – *Крем взбивается мамой*; (5) на инструменте дей-

ствия при выведении за кадр субъекта действия – *Миксер взбивает крем*; (6) на объекте при выведении за кадр субъекта действия – *Крем взбивается миксером*; (7) на объекте при выведении за кадр субъекта и инструмента действия – *Крем взбивается*. Очевидно, что каждый раз при диатетическом сдвиге акцентируется определённая информация о происходящем, хотя внеязыковая ситуация остаётся прежней.

На основании вышесказанного можно заключить, что диатеза отражает ряд оппозиций, представляющихся принципиальными с точки зрения процессов категоризации и концептуализации действительности. Во-первых, это противопоставление *«я/языковая личность – внеязыковая действительность»*. Уже сам факт возможности смены диатезы указывает на активную роль языковой личности в противопоставлении её реальному миру – *я*, исходя из собственной прагматики, вербализует с помощью языковых средств ту или иную информацию о наблюдаемой ситуации.

Из этого следует вторая оппозиция *«событийная актуальность – неактуальность»*. Она отражает важность конкретного аспекта внеязыковой ситуации для *я*, описывающего её и выбирающего для этого, часто, возможно, неосознанно, определённые инструменты языка. Так, в нашем случае в первую очередь определяется приоритетность субъекта (*мама*), объекта (*крем*), инструмента (*миксер*) в ситуации и, соответственно, происходит выбор залога и глагола при дальнейшем выведении за кадр неактуальных участников.

В-третьих, актуальность события выявляет *«пространственную»* или *«пространственно-временную»* оппозицию, определяющую локализацию действия, то есть актуальной информации о нём, в сфере субъекта (*мама взбивает*), объекта (*крем взбивается*) или инструмента (*миксер взбивает*). О временном противопоставлении здесь можно говорить в связи с тем, что локализация действия в том или ином участнике события определяет его течение, имеющее некоторую продолжительность и внутреннюю последовательность с фиксацией внимания говорящего на определённом этапе/этапах.

Из данного противопоставления следует оппозиция *«линейность» – «объёмность»*, где первое – описание поэтапно протекающего действия, занимающего некоторое место на шкале времени (*Мама миксером взбивает крем*: *мама* → *миксер* → *крем*), а «объёмность» – параметр действия, сконцентрированного в конкретном участнике ситуации (*Крем взбивается*).

Кроме того, имеют место ещё две взаимосвязанные оппозиции – *«очевидность – неочевидность действия» и «существенность – несущественность субъекта»* для говорящего.

При определении семантической роли субъекта мы придерживаемся представления об активности/неактивности, по которой могут противопоставляться предикаты [4, с. 111-112]. Во-первых, роль субъекта может быть определяющей для того, чтобы некоторое событие реализовалось. При обусловленности наличия события внешней по отношению к субъекту силой его роль трактуется как неопределяющая (однако это явно не относится к предикату типа *взбивать*). Во-вторых, при определяющей роли субъекта возможны две ситуации. В первом случае субъект прикладывает усилия и/или проявляет волеизъявление, тогда он определяется как агентивный и имеет место контролируемость ситуации субъектом, то есть сознательное приложение усилий со стороны субъекта на разных этапах реализации события [5, с. 41]: *Мама взбивает крем*. Во втором случае субъект «как бы независимо от себя самого является источником энергии, которая поддерживает и/или определяет возникновение» события и роль его определяется как неагентивная: *Миксер взбивает крем*. Однако мы полагаем, что это может объясняться повышением статуса слова или именной группы, которая обозначает инструмент действия (*миксером* (*при помощи/посредством миксера*)), до уровня подлежащего при метонимическом переносе и диатетическом сдвиге. Это происходит как раз из-за того, что агентивный субъект лишается значимости в связи с его очевидностью (*Мама взбивает крем миксером → Миксер взбивает крем*). То есть за неагентивным в ситуации явно стоит агентивный субъект, определяющий реализацию события. Его включение в высказывание и обозначение посредством подлежащего определяется прагматикой: очевидностью/неочевидностью способа реализации действия для говорящего и существенностью/несущественностью для него субъекта, определяющего и контролирующего события. Именно возможность идентифицировать активного субъекта во внеязыковой ситуации, которому соответствует агентивный субъект при описании её языковыми средствами, представляется важным для языковой личности, по сути, ставящей во главу угла саму себя, исходя из антропоцентричности языка.

Список литературы:

1. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 45-59.

2. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: диатезы и залоги: коллективная монография / Отв. ред. А.А. Холодович; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленинградское отделение. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. С. 5-48.

3. Падучева Е.В. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23-44.

4. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 86-157.

5. Сулейманова О.А. Принципы и методы семантических исследований: учебно-методическое пособие Часть 1. М.: МГПУ, 2010. 120 с.

В.М. Зарипова,
Самарский университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА

В данной работе рассматриваются коммуникативные особенности построения делового письма, выявляются наиболее типичные черты диалогического общения в рамках эпистолярного дискурса.

Ключевые слова: деловое письмо, адресат, коммуникация.

V.M. Zaripova,
Samara University

COMMUNICATIVE FEATURES OF EPISTOLARY DISCOURSE

This work considers the communicative features of business letter, reveals the most typical features of dialogical communication within the framework of epistolary discourse.

Keywords: business letter, addressee, communication.

Эпистолярный дискурс широко изучается в разных аспектах [1-3]. По мнению исследователей эпистолярного жанра, в письмах присутствуют черты диалога и монолога [4, с. 628]. Диалогичность реализуется за счёт употребления различных средств: «наличие адресата и ожидание ответа либо действия, поступка обусловливает появление признаков, присущих диалогу, в виде обращения, вопроса, напоминания, описания жеста» [4, с. 628].

Письма активно используются в повседневной межличностной коммуникации. Одним из наиболее востребованных видов письма остаётся деловая корреспонденция. Целью нашей работы является определение функций одного из способов создания диалогичности в деловом письме – вопросительных конструкций.

Как отмечает Т.Г. Рабенко, в эпистолярном дискурсе может использоваться «информационная стратегия, сопряженная со стремлением адресанта получить информацию от адресата. Для реализации стратегии применяется ряд тактик: а) тактика вопроса, позволяющая получить информацию от адресата через вопросно-ответную форму, уточнение информации, полученной в письме» [2, с. 293].

Источником фактического материала для нашего исследования послужили письма А.П. Чехова за 1900 год [5]. Из 223 писем за данный период были проанализированы те, в которых затрагивается деловая тематика. Рассмотрим типичные функции вопросительных конструкций, которые реализуются в письменной коммуникативной практике.

Как показал материал, в деловых письмах А.П. Чехова вопросы выполняют разнообразные функции:

– прямой вопрос, целью которого является желание получить ответ от адресата: Я не получаю «Недели». Отчего?» (М.О. МЕНЬШИКОВУ. 28 января 1900 г.). «Первый том рассказов своих издания Маркса я уже послал. *Получили?*» (П.Ф. ИОРДАНОВУ. 29 января 1900 г.). Как видно из примеров, вопрос состоит лишь из одного слова. Его основное содержание заключено в предыдущем утвердительном предложении, что позволяет акцентировать внимание на самом вопросе.

– прямой вопрос, предшествующий просьбе: «Что же мне не шлют «Фомы Гордеева? <...> Напишите же, чтобы мне прислали «Фому» (А.М. ПЕШКОВУ (М. ГОРЬКОМУ). 15 февраля 1900 г.). Подобные развёрнутые вопросы предполагают выполнение адресатом конкретной просьбы автора письма.

– вопросы, передающие логику изложения. Например: «Повесть делить никак нельзя, она пойдет вся в январскую книжку. *Еще что?* Сделайте распоряжение, чтобы корректор не ставил запятых и кавычек <...> Шрифт немножко изысканный, недостаточно простой. *Что еще?* А больше, кажется, ничего» (В.А. ПОССЕ. 12 января 1900 г.). Как видно из примера, вопросы позволяют сделать наглядной последовательность изложения основных требований адресанта.

– вопрос, при помощи которого выражается отношение адресанта к своей просьбе: «Будьте добры, сделайте распоряжение, чтобы контора выслала мне новогодний номер, в котором помещен мой рассказ «На святках». Контора присылала мне уже два раза, да всё старый, напечатанный в рождественском номере. *Я надоел Вам?* Что делать!» (С.Н. ХУДЕКОВУ. 19 января 1900 г.). В данном примере вопрос позволяет выразить сожаление автора письма по поводу большого количества просьб.

– дублирование вопроса адресата. Например: «*Вы спрашиваете: следует ли, написав рассказ, читать его до напечатания?* По моему мнению, не следует давать никому читать ни до, ни после» (Б.А. ЛАЗАРЕВСКОМУ. 30

января 1900 г.). В подобных конструкциях обязательным оказывается последующий ответ на вопрос. Близкими к данной конструкции являются вопросно-ответные группы, которые передают речевую ситуацию.

Таким образом, использование вопросов в деловом письме помогает адресанту реализовать различные цели. Выбор вида вопроса объясняется коммуникативными целями пишущего.

Список литературы:

1. Курьянович А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (87). С. 146-150.

2. Рабенко Т.Г. Речевые стратегии эпистолярного дискурса (на материале родительских писем) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 292-297.

3. Степанова А.А. Лингвокреативность обращений в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 4 (35). С. 234-242.

4. Протопопова О.В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М., 2011. С. 627-631.

5. Чехов А.П. Полное энциклопедическое собрание сочинений. М., 2002.

Л.Б. Карпенко,
Самарский университет

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАРУШЕНИЙ ПРИ ЦИФРОВОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье рассматривается проблема семиотических искажений денотативной целостности оригинала, обусловленных грамматическими ошибками при цифровом переводе. Дается оценка качества межславянского перевода с использованием цифровых программ на английском языке. Для оценки качества перевода использован комплексный сопоставительный системно-функциональный подход. Проведен анализ грамматических нарушений с учетом системных характеристик славянских языков и английского языка-посредника.

Ключевые слова: семиотические эффекты, цифровой перевод, славянские языки, язык-посредник.

L.B. Karpenko,
Samara University

SEMIOTIC EFFECTS OF GRAMMATICAL DISORDERS IN DIGITAL TRANSLATION

Abstract. The article deals with the problem of semiotic distortion of the denotative integrity of the original, due to grammatical errors in digital translation. Assesses the quality of inter-Slavic translation using digital programs in English. To assess the quality of translation a comprehensive comparative system-functional approach is used. The analysis of grammatical violations, taking into account the systemic characteristics of the Slavic languages and English intermediary language has been carried out.

Key words: semiotic effects, digital translation, Slavic languages, intermediate language.

Одной из проблем в развитии современного цифрового перевода является отсутствие комплексных лингвокогнитивных сопоставительных исследований, нацеленных на анализ качества перевода на материале конкретных языков, отсутствие анализа влияния системных различий между

языком-посредником, на котором основаны программы цифрового перевода, и языками, с которых и на которые осуществляется перевод [1, с. 235-236]. До сих пор недостаточно внимания уделялось лингвистическому анализу качества цифрового перевода. Хотя в литературе отмечена роль английского языка [2, с. 2242], жестко закодированного в вычислительном лингвистическом мышлении [3], проблемой остается отсутствие конкретных наблюдений о коммуникативных потерях, зависящих от влияния английского языка как языка-посредника при цифровом переводе. Цель работы – исследовать семиотические эффекты грамматических нарушений при цифровом переводе текстов со славянских языков на русский. Для оценки качества перевода был разработан и использован комплексный поэтапный сопоставительный анализ, включающий сопоставительный семантико-контекстуальный анализ оригинального инославянского и русского переводного текстов, установление причин появления ошибок путем соотнесения системных грамматических характеристик сопоставляемых языков, а также английского языка-посредника. В исследовании анализировались тексты на русском языке, переведенные электронным способом с болгарского, польского и других славянских языков, размещенные на Facebook[22] в период с 2015 по 2021 год (перевод в социальных сетях основывается на программе Google Translate), а также переводы художественных текстов с использованием программы межъязыкового перевода DeepL.

Проведенный сопоставительный анализ текстов цифрового перевода и оригиналов выявляет определенные лингвосемиотические закономерности и позволяет установить типологию ошибок цифрового перевода. Анализ показывает, что программы цифрового перевода не настроены корректно и на грамматическую специфику славянских языков. При многократной перекодировке возникает значительное количество коммуникативных потерь на всех семиотических уровнях – семантическом, синтаксическом и прагматическом. На качестве перевода наиболее негативно сказываются искажения денотативной целостности описываемой в оригинале предметной ситуации. Денотативное значение знака применительно к высказыванию – отраженный в тексте фрагмент реального мира. Нарушая гендерные характеристики, субъектно-объектные отношения, обстоятельственные, количественные параметры ситуации, денотативные ошибки разрушают перевод. В силу обязательного характера грамматики именно грамматические ошибки имеют регулярное

[22] Деятельность социальной сети размещена на территории Российской Федерации.

проявление и гораздо более частотны в цифровых переводах, чем лексические.

К регулярным грамматическим ошибкам относятся ошибки распознавания грамматического рода существительных и согласуемых с ними частей речи. Коммуникативный эффект таких ошибок заключается в нарушениях передачи пола действующих лиц: *Снимка на дистанция от* ***любима студентка, живееща*** *в Англия,* ***която*** *ме догони, за да си поговорим за хубавите дни в университета. – Фото дистанции от* ***любимого студента, живущего*** *в Англии,* ***который*** *меня* ***догнал****, и давайте поболтаем о хороших днях в университете.* Такие денотативные ошибки перевода обусловлены влиянием английского языка, в котором глагол и имена не имеют категории рода. В других случаях они могут быть обусловлены влиянием славянского языка, оформление рода в котором имеет свою специфику. Например, в болгарском языке все производные имена с оценочными суффиксами относятся к среднему роду. Ср.: ***Момиченцето*** *сведе глава. Отидох* ***при него*** *и* ***го*** *поздравих. Усмихна се въпреки всичко, а очичките* ***му*** *бяха все така тъжни. –* ***Девочка опустила*** *голову. Я подошел* ***к нему*** *и поздоровался* ***с ним****.* ***Он улыбнулся****, и* ***его*** *глаза были так.* В русском переводе с существительным женского рода *девочка* соотнесены формы местоимений мужского рода: *к нему, с ним, он, его.* Это несоответствие не может быть объяснено влиянием английским языка, т.к. личные местоимения 3 л. и притяжательные местоимения в английском дифференцированы по роду. В данном случае сказывается влияние болгарской грамматики: в болгарском существительное *момиченце* относится к среднему роду, как и все слова с оценочными суффиксами. Омонимия согласованных с *момиченце* болгарских местоимений среднего рода (*при него, го, му*) с местоимениями мужского рода отражается в русском переводе использованием местоимений мужского рода *к нему, с ним, он, его*. При передаче родовой соотнесенности имен и местоимений ошибки в согласовании по роду наблюдаются в цифровых переводах со всех славянских языков. Ср., например, перевод с польского: *Po co zmieniać na starość poukładane* ***życie****? Chyba, że nie jest poukładane. – Зачем менять устроенную* ***жизнь*** *в старости? Если только* ***он*** *не сложен* (Andrzej de Lazari,15.11.2015). Примечательно, что такие ошибки допускает даже DeepL, позиционируемая как самая точная в мире программа электронного перевода.

Регулярны также ошибки распознавания и передачи числа местоимений 2 лица. В таких нарушениях также сказывается влияние англоязычной цифровой программы. Отсутствие различий между местоимениями You

sing. и You pl. в английском языке приводит к одинаково частотным ошибкам в определении числа субъекта и объекта. Коммуникативный эффект их заключается в нарушениях передачи количества действующих лиц. Фразы, выражающие обращение ко всем друзьям, переводятся как обращения, относящиеся к одному человеку (может быть и обратное): ***Вие*** *правите всеки мой ден прекрасен, благодаря* ***ви*** *че* ***ви*** *има –* ***Ты*** *делаешь мой каждый день чудесным, спасибо за то, что* ***ты*** *здесь* (Sylvie Warten, 31.03.2021). При переводе нарушается не только денотативная целостность ситуации, но и прагматика высказывания. Такого рода ошибки отмечаются и в переводах с неславянских языков.

В исследуемом материале фиксируются ошибки, связанные с искаженным представлением морфологических категорий вида, наклонений и времен глагола, коммуникативный эффект которых состоит в изменении модуса высказывания. Например, болгарское высказывание с глаголом в пересказывательном наклонении *Това* ***било*** *ябълки!* ошибочно передано фразой *Там были яблоки!* Однако данное болгарское высказывание с глаголом в адмиративе сообщает не о наличии яблок, а об отсутствии хороших яблок. В нем выражена оценка удивления и иронии. Адекватный перевод её должен передавать эту оценочность: *И это называется яблоками?!*. Эта модальная семантика заключена в глагольной форме ***било***, находящейся в оппозиции к индикативу: *Това* ***са/бяха*** *ябълки*. Отметим также регулярные ошибки в передаче славянского императива: *А бе, Стойчо, я* ***попитай*** *дали знае влашки. – И, Стойчо,* ***спрашивает*** *ее, знает ли она валлийский язык*; *Чакай,* ***рекох****, да надникна.* ***Работете*** *си, нищо, аз пак ще затворя. – Подожди,* ***говорю****, дай взглянуть.* ***Работаю****, ничего, сейчас опять закрою* (А. Константинов. Бай Ганьо); в передаче категории залога: ***Виждате*** *ми* ***се*** *нещо разстроен? – Ты* ***видишь****, что меня что-то расстраивает?* (П. Вежинов. Бариерата), а также категорий вида и времени.

Синтаксические погрешности вследствие ошибочного восприятия порядка слов также часто разрушают денотативную ситуацию. В английском предложении субъект действия обычно находится в начале предложения, поэтому программа цифрового перевода принимает позицию первого члена предложения за позицию субъекта, что может не соответствовать славянскому языку. В связи с особенностями порядка слов в английском языке цифровая программа искажает субъектно-объектные отношения и передает объект действия *внимание* в функции действующего субъекта и грамматического подлежащего: ***Вниманието привлича*** *впечатлявщата* ***скулптурна група – Внима-***

ние обращает *впечатляющую* ***скульптурную группу***. Вместо: *Внимание привлекает впечатляющая скульптурная группа.* Аналогичные ошибки отмечаются при переводе и с других славянских языков, ср. перевод с чешского: *Noviny píšou, milostpane, že pan arcivévoda byl jako řešeto.* ***Vystřílel do něho*** *všechny patrony. – В газетах пишут, милорд, что эрцгерцог был как облепиха.* ***Он перестрелял*** *всех покровителей* (J. Hašek: Osudy dobrého vojáka Švejka).

Выводы. Семиотические эффекты грамматических ошибок при цифровом переводе заключаются в разрушении денотативной целостности исходного текста. Ошибки в передаче реального пола действующего субъекта, лица и числа не позволяют признать текст на воспринимающем языке аутентичным переводом, так как существенно нарушают денотативную целостность ситуации, описанной в оригинале. В исследовании выявлены типы денотативных ошибок при цифровой передаче характерных грамматических категорий славянских языков: рода и падежа существительных и прилагательных, числа местоимений 2 лица, вида, времени и наклонений глагола, значений грамматикализованных предлогов, порядка слов. Совершенствование моделей цифрового перевода со славянских языков требует большего внимания к их грамматической специфике.

Список литературы:

1. Карпенко Л.Б. Цифровая коммуникация и проблемы перевода (на материале болгарских и русских сетевых текстов) // Foreign language teaching. 2021. Т. 48. № 3. С. 231-240.

2. Amram A. Representations and architectures in neural sentiment analysis for morphologically rich languages: Case study from modern Hebrew / A. Amram, A. Ben David, R. Tsarfaty // Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics (Santa Fe, New Mexico, 20-26 August 2018). P. 2242-2252 // https://aclanthology.org/C18-1190

3. Baden, Ch. Three Gaps in Computational Text Analysis.Methods for Social Sciences: A Research Agenda / Ch. Baden, Ch. Pipal, M. Schoovelde // Communication Methods and Measures. 2021. Т. 16. № 5. P.1-18 // https://www.researchgate.net

И.Н. Кабанова,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова;
П.А. Трусова,

НГЛУ им. Н. А. Добролюбова

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-МЕМЕ

В статье рассматриваются разноуровневые стилистические средства, способствующие созданию комического эффекта в англоязычном политическом интернет-меме.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-мем, креолизованный текст, комический эффект, языковые средства.

I.N. Kabanova,
Linguistics University of Nizhny Novgorod;
P.A. Trusova,
Linguistics University of Nizhny Novgorod

MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT IN THE ENGLISH POLITICAL INTERNET MEME

The present paper deals with the description of linguistic means used to create a comic effect in the English political Internet meme. The paper considers the above-mentioned means on all linguistic levels.

Keywords: Internet communication, Internet meme, creolized text, the comic effect, linguistic means.

В современном мире интернет-коммуникация имеет первостепенное значение, интернет-общение используется повсеместно и является средой реализации творческих и интеллектуальных потребностей человека. Одним из наиболее популярных способов выражения мнения относительно происходящих в мире событий, типичных для молодого поколения пользователей интернета, являются интернет-мемы.

Интернет-мем является весьма характерным и распространенным жанром интернет-коммуникации, сочетает визуальную и вербальную составляющие, отражает основные тенденции развития языка в рамках интернет-коммуникации, обладает следующими лингвистическими характеристиками: анонимность, эмотивность, креолизованность, интертекстуальность [1-3].

Так как одним из основных признаков мема является анонимность и, вследствие этого, меньшая чувствительность к цензуре, различного рода мо-

ральным, нравственным, политическим, языковым и др. ограничениям и запретам, авторы интернет-мемов обладают значительно большей свободой самовыражения, вследствие чего затрагивают злободневные и актуальные темы, в том числе и политического характера, активно реализуют лингвокреативный потенциал путем включения приемов языковой игры, нестандартных языковых форм, субстандартной и окказиональной лексики.

В настоящем исследовании предпринята попытка выделения фонетических, лексических, семасиологических и синтаксических средств, способствующих созданию комического эффекта в англоязычных политических интернет-мемах. Эмпирическую базу исследования составили 150 интернет-мемов политической тематики, появившихся в период с 2021 по 2023 гг., отобранных методом случайной выборки из англоязычных интернет-ресурсов.
Анализ фактического материала показал, что на фонетическом уровне типично употребление графонов – намеренного искажения графической формы слова, отражающего индивидуальные особенности героя/«антигероя» мема. В примере на рисунке 1 высмеивается артикуляционная база Дональда Трампа, замена согласного «S» на «F» полностью искажает смысл высказывания и вызывает смех у интернет-пользователей.

Рис. 1.

Окказиональные образования в мемах часто служат средством выражения эмфазы, выделения особо значимых компонентов коммуникативного смысла. В следующем примере аббревиатура MAGA (Make America Great Again – предвыборный слоган Д. Трампа) соединяется с корневой морфемой

«sapien». Комический эффект возникает при сопоставлении привычного «Homo sapiens» с новообразованным «MAGAsapien». Не подлежит сомнению тот факт, что мем создан с целью издевки над избирателями, поддерживающими Дональда Трампа.

Мему как жанру свойственны общая стилистически сниженная тональность, активное использование единиц различных уровней эстетической сниженности, в том числе табуированной и обсценной лексики. Нередко обсценная лексика является средством языковой агрессии, умышленного словесного унижения, способствует быстрой реакции интернет-пользователей, при этом регулярные бранные «вбросы» помогают разгорячить аудиторию и спровоцировать активные дискуссии:

*«Don't be a fu**er! Vote for Tucker!»* (Рифма и ненормативная лексика делает фразу легко запоминающейся); *«Such a little bitchass this mother-fu**er is»*.

В последнем примере при помощи телескопии создается авторский неологизм «*bitchass*». В конвергенции со стилистической инверсией этот прием способствует усилению комического эффекта. Примечательна также двойная интертекстуальная отсылка к блокбастеру «Звездные войны»: на картинке изображен персонаж Йода, один из сильнейших и мудрейших джедаев своего времени; вербальная часть мема имитирует речь персонажа: стилистическая инверсия является одной из особенностей его идиолекта.

Анализ фактического материала показал, что каламбур является весьма типичным семасиологическим средством в политическом Интернет-меме. В следующем примере игра слов основана на «фруктово-цветовой» комбинации значений полисемантов «orange» и «peach». Слово «orange» характеризует необычный цвет кожи Д. Трампа, «peach» – фрукт оранжевого цвета. Хэштег #IMPEACH одновременно актуализирует два значения: предложения «I'm peach», и глагола «impeach» - to charge an important public figure with a serious crime. Известно, что Д. Трамп вошел в историю, став первым президентом США, которому дважды был объявлен импичмент.

Комический эффект в меме (Рис. 2) основан не только на лингвовизуальном контексте, но и предполагает замену, производимую англоязычными пользователями в ответ на содержащийся вопрос: они выводят слово «congress» – политическое образование США, являющееся синонимом слова «regress», исходя из содержания мема.

Рис. 2.

Анализ эмпирической базы демонстрирует широкое употребление риторических вопросов с целью создания комического эффекта: *«Remember when politics attracted the brightest and most intelligent? What the hell happened?»*

Интересен следующий пример: *“Regardless of the outcome this will be an historic election: first female president, first socialist president, first jewish president, first fundamentalist, hispanic president, first fascist oompa-loompa president».* В этом случае Дональда Трампа называют *«oompa-loompa president»*: из-за рыжеватого цвета кожи, вызывающей манеры одеваться и эксцентричного поведения он уподобляется вымышленному племени пигмеев из детской книги Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика». С другой стороны, сочетание с отрицательно-оценочным эпитетом *fascist* позволяет трактовать данную аллюзию как намек на расистскую и дискриминационную сущность политических взглядов кандидата в президенты.

В следующем интернет-меме обыгрывается интертекстуальное включение, крылатая фраза: «What Happens in Vegas, Stays in Vegas». Мем затрагивает острую тему запрета абортов в США: «What gets pregnant in Florida… Stays pregnant in Florida». Под «DESANTIS 2024» подразумевается американский политик-республиканец, губернатор штата Флорида Рон Десантис, планирующий участвовать в президентской гонке 2024 года. Рон Десантис является противником абортов, поэтому существует возможность полного запрета абортов в США.

Интернет-мем, являясь самобытным жанром интернет-коммуникации, обладает уникальным способом подачи информации, имеет минималистичную, но яркую и броскую структурную и языковую организацию. В текстовом компоненте креолизованных мемов их создатели обращаются к различным средствам лингвокреативности, средствам создания комического эффекта. Визуальный компонент, поддерживая избранную автором тональность сообщения, зачастую способствует переосмыслению вербального компонента, что обеспечивает более глубокое воздействие на адресата, обогащает мем смысловыми и оценочными потенциями.

Список литературы:

1. Кабанова И.Н., Кондырева Ю.А. Тематическое своеобразие англоязычных Интернет-мемов // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2022. Выпуск 8 (15). С. 27-35.

2. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 28 (277). С. 84-90.

3. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161-173.

Л.А. Киселева,
Самарский университет

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАМКАХ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

В работе систематизируются модели семантической деривации как ведущего типа содержательных трансформаций лексем в текстах цифровых медиа. В основе данных моделей лежит принцип антропоцентризма, который реализуется в двух направлениях: 1) «человек → окружающий мир»; 2) «окружающий мир → человек». Выявленные метонимические переносы преимущественно носят стандартный характер, тогда как метафоры основаны на специфических отношениях понятий.

Ключевые слова: семантическая деривация, метафора, метонимия, русский язык, цифровые медиа, антропоцентризм.

L.A. Kiseleva,
Samara University

PROBLEMS OF SEMANTIC TRANSFORMATION OF LEXICAL UNITS IN THE FRAMEWORK OF DIGITAL MEDIA

The paper systematizes models of semantic derivation as the leading type of meaningful transformations of lexemes in digital media. These models are based on the principle of anthropocentrism, which is implemented in two directions: 1) "man → the surrounding world"; 2) "the surrounding world → man". The revealed metonymic transfers are mostly of a standard nature, whereas metaphors are based on specific relations of concepts.

Keywords: semantic derivation, metaphor, metonymy, Russian language, digital media, anthropocentrism.

Современные интернет-медиа в силу своей установки на экспрессию максимально нацелены на активное продуцирование и последующее тиражирование языковых новообразований [см. 1; 2; 3 и др.]. Среди них ведущее место занимают содержательные трансформации, прежде всего семантическая деривация, представленная в виде метафорических и метонимических переносов. В данной работе мы сосредоточим своё внимание на данных моделях, вы-

делив наиболее продуктивные из них. Материалом для анализа послужили около 100 контекстов, представленных в статьях интернет-изданий «Комсомольская правда» [4], «Lenta.ru» [5], «Газета.ru» [6] за 2020-2023 гг.

1. Метафорические модели.

1.1. «Зрительное восприятие → движение»: *В хутор не ходят электрички и поезда, сюда не заглядывают автобусы* (ср.: *заглядывать* «1. Бросать быстро или украдкой взгляд куда-нибудь. 2. Заходить куда-нибудь на короткое время (в гости, проведать» (здесь и далее дефиниции значений лексем даны по [7; 8]).

1.2. «Движение → бытийность»: *В течение всего срока, пока безработный находится на учёте в центре занятости, ему в личный кабинет приходят предложения* (ср.: *приходить* «1. Идя куда-либо, к какому-либо месту, достигать этого места, являться куда-либо. 4. Достигать места назначения, будучи посланным, отправленным»).

1.3. «Физическое действие → виртуальное действие»: *Это тайные записи, которые были выложены в интернет и показаны по телевидению* (ср.: *выложить* «1. Положить наружу, на показ»; интересующее нас вторичное значение не зафиксировано в словарях).

1.4. «Физическое действие → интеллектуальный процесс»: *Однако, по словам экспертов, нынешнее время размывает гендерные понятия* (ср. *размывать* «Изрыть, разрушить текущей водой // Частично смыть, сделав неясным, расплывчатым»; переносное значение не отражено в словарях).

1.5. «Физическое действие → эмоциональное воздействие»: *Но если благодаря ипотеке и новому строительству с жильём как-то разобрались, навалилась другая проблема* (ср.: *навалиться* «1. Налечь, придавить всей тяжестью // овладеть, подавить, тяжело налечь (о чувствах, состояниях)»).

1.6. «Физическое действие → речевая деятельность»: *Но она не увидела масштабного экологического бедствия, о котором трубит весь интернет* (ср.: *трубить* «1. Дуя в трубу (или сходный музыкальный инструмент), заставлять её звучать, извлекать из неё звуки. 4. Во всеуслышание разглашать какие-нибудь сведения, хвастая или сплетничая (разг., фам.)»).

1.7. «Физическое действие → количественная характеристика»: *Преувеличение, замешенное на панике и раздутое в соцсетях* (ср.: *раздуть* «1. Увеличить, усилить притоком воздуха или дутьём, разжечь. 4. перен. Преувеличить размеры или значение чего-нибудь»).

1.8. «Физическое явление → количественная характеристика»: *Но если все будут соблюдать необходимые правила – такого всплеска не будет* (про-

изводное метафорическое значение данной лексемы не представлено в словарях).

1.9. «Негативное событие → интеллектуальное/эмоциональное потрясение»: *Экологическая катастрофа головного мозга* (ср.: *катастрофа* «1. Неожиданное несчастье, бедствие, событие, влекущее за собой трагические последствия. 2. Крупное потрясение трагического характера, обусловливающее собой резкий перелом в личной или общественной жизни»).

2. Метонимические модели.

2.1. «Столица государства → государство»: *По словам замминистра, Москва не стремится продлить договор любой ценой, а хочет на взаимной основе договориться с Вашингтоном.*

2.2. «Организация/учреждение/сообщество/орган власти → сотрудники организации/учреждения/участники сообщества/представители органа власти»: *За это время проверяется информация о претенденте, центр занятости подбирает подходящие вакансии, размещает у себя резюме – мало ли, вдруг работодатель заглянет; ЦИК пообещал назначить новые выборы, правительство ушло в отставку.*

2.3. «Социальное событие → участники события»: *Революция в Киргизии победила буквально за одну ночь.*

2.4. «Место/страна → люди, находящиеся в данном месте/жители страны»: *Многие представители властных структур в таких обстоятельствах предпочли стремительно уйти из-под горячей руки возмущённой улицы.*

2.5. «Индивид → страна»: *Рассуждая на данную тему, Сергей Цеков отметил, что «польская элита не настроена на восстановление добрососедских отношений со всеми своими соседями»*.

Таким образом, выявленные нами модели семантической деривации основаны на принципе антропоцентизма, который реализуется в двух взаимосвязанных направлениях: 1) «человек → окружающий мир»: внешнее очеловечивается, то есть базой для метафоризации становятся представления о физической ипостаси человека, его телесном опыте и т. д., отсюда продуктивность таких моделей, как «зрительное восприятие → движение», «движение → бытийность» и т. д.; 2) «окружающий мир → человек»: человеческое описывается сквозь призму реалий внешнего мира, отсюда наличие моделей «физическое явление → количественная характеристика» и т.д. Зафиксированные метонимические переносы в основном носят стандартный характер, отражая устойчивые ассоциативные связи понятий, многократно воспроизводимые в текстах, тогда как метафоры основаны на специфических (иногда случайных,

«алогических») отношениях понятий. Это объясняется тем, что в основе метонимии лежит более простая когнитивная операция – ассоциация по смежности, в то время как метафора требует более высокого уровня развития мышления, перехода его на ступень абстракции. Такие ассоциативные сближения иногда с трудом поддаются рациональному объяснению, поскольку отражают эмоционально-чувственное восприятие мира, имеющее образную природу. В анализируемых текстах метафорические модели представлены гораздо шире, чем метонимические, при этом можно говорить о субъективности семантической деривации: она демонстрирует избирательность взгляда на мир и его соответствующее отражение в языке.

Список литературы:

1. Жирова И.Г. Языковые инновации как способы обогащения словарного состава современного английского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 4. С. 87-95.

2. Рацибурская Л.В. Медийные новообразования в отражении актуальных политических событий // Проблемы речевой коммуникации. 2015. № 1. С. 37-45.

4. Соловьева Д.В. Рискогенность нестандартных новообразований в текстах СМИ и её причины // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 241-246.

5. Сетевое издание «Комсомольская правда» // https://www.kp.ru/?ysclid=lgke98sau938059824

6. Сетевое издание Lenta.ru // https://lenta.ru

7. Сетевое издание «Газета.Ru» // https://www.gazeta.ru

8. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988 // https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-russkogo-jazyka-v-4-tomah-malyj-akademicheskij-slovar/

9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2-4), 1935-1940 // https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=208

Г.В. Кучумова,
Самарский университет;
Н.В. Барабанова,
Самарский университет

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ФИГУРА ЗЕМЛЕМЕРА В РОМАНЕ ДАНИЭЛЯ КЕЛЬМАНА «ИЗМЕРЯЯ МИР»

Современная информационная и цифровая среда направляет вектор внимания художественной рефлексии на осмысление новой рациональности в познании (измерении) мира и человека. Австрийский писатель Даниэль Кельман в романе «Измеряя мир» актуализирует архетипическую фигуру землемера, указывая на опасность построения цифрового фундамента современной культуры, когда из процесса познания мира исключается реальный человек.

Ключевые слова: архетипическая фигура землемера, Даниэль Кельман, роман «Измеряя мир», новая информационно-цифровая среда.

G.V. Kuchumova,
Samara University;
N.V. Barabanova,
Samara University

THE ARCHETYPAL FIGURE OF A SURVEYOR IN DANIEL KELMAN'S NOVEL “MEASURING THE WORLD”

The modern information and digital environment directs the vector of attention of artistic reflection to the comprehension of a new rationality in cognition (measurement) of the world. The Austrian author Daniel Kehlmann actualizes the archetypal figure of a surveyor in his novel “Measuring the World”. He points out the danger of building a digital foundation of modern culture when a real person is excluded from the process of cognition of the world.

Keywords: archetypal figure of a surveyor, Daniel Kehlmann, novel «Measuring the World», new information and digital environment.

Новая реальность последних десятилетий XXI века диктует новые художественные стратегии и новую исследовательскую оптику. Мир постмодер-

нистский (ризоматичный, калейдоскопичный, поверхностный) с его замысловатой игрой безличных языковых конструкций, в котором рушится единая мера измерения/познания мира и исчезает пространство в скоростных информационных потоках, сменяется новой реальностью информационно-цифрового порядка. Сегодня восприятие пространства обусловлено иной конфигурацией социокультурного поля и новыми историко-эстетическими обстоятельствами. В новейших философских и культурологических построениях настойчиво звучит мысль о необходимости прихода «Второго Просвещения» с его сверхзадачей возвращения к новому единству мира, к новой рациональности, к познанию (измерению) мира и человека на цифровых платформах [1]. Художественная рефлексия, соответственно, испытывает потребность вернуться «назад к реальности», материально ощущаемой, и вновь осмыслить ее в декартовых координатах.

В корпусе немецкоязычных текстов XXI века отметим роман австрийского писателя Даниэля Кельмана (Daniel Kehlmann, 1975) «Измеряя мир» (Die Vermessung der Welt, 2005), представляющий собой игровой диалог с ценностями и достижениями эпохи Просвещения в сфере точных наук. В лице двух знаковых фигур немецкого Просвещения (естествоиспытателя Александра Гумбольдта и математика Карла Гаусса) автор обозначает стратегию «измерения мира» как способа рационального познания мира: *das Leben erforschen […] mit der es den Globus umspanne* [2, с. 26]. Здесь Кельман по-постмодернистски виртуозно, с юмором и легкой иронией обыгрывает архетипическую фигуру землемера как образно-смысловую константу, знаковую для мирового культурного контекста, вписывая своих героев в галерею известных измерителей мира.

Литературная история отсылает нас к фигуре первого землемера («Робинзон Крузо», Д. Дефо, 1719). Робинзон, размечая территорию своего обитания на необитаемом острове, все подсчитывает, все измеряет, всему ведет учет: от количества зерна, голов скота, количества дней до количества добра и зла, случившихся в его жизни. Его измерительный труд есть, по сути, серьезная деятельность в поисках способа выживания в естественной среде. Зловещая фигура землемера К. (роман «Замок» Ф. Кафки, 1922) указывает на ненужность измерительной (познавательной) деятельности в социальном пространстве тотального контроля, отмеченным всеобщим страхом. Землемер из романа М. Турнье «Пятница, или Лимбы Тихого океана» (1967) проходит через те же этапы развития цивилизации, что и классический Робинзон Д. Дефо (землепашество, скотоводство, гончарное дело и т. д.). Однако порядок, со-

зданный Робинзоном Турнье на острове благодаря его чрезмерно активной измерительной деятельности, сводится к абсурду. Показательна цитата из романа: «Я хочу, я требую, чтобы отныне все вокруг меня было вымерено, доказано, сертифицировано, математически высчитано, рационально. <…> Я хотел бы, чтобы каждое растение имело этикетку, каждая птица была окольцована, на каждом млекопитающем стояло клеймо» [3, с. 156]. Такая одержимость к измерениям всего и вся проецируется автором на современный мир.

На универсальность фигуры землемера указывает и Д. Кельман. «Пространство есть везде! Пространство появляется только там, где побывал землемер» [4, с. 121]. Его герой Гумбольдт занимается измерениями дальнего радиуса исследования (Европа, Африка, Америка, Россия), а Гаусс тем временем измеряет ближайшие окрестности, заложив основы геодезии как таковой. В духе постмодернистской игры автор переводит рациональное и серьезное в модус забавного и смешного, а весь мир и самого человека низводит до функции измеримых вещей [5, с. 130]. В романе акцентируется одержимость чудака Гумбольдта, который «измерял каждый холм, каждую низменность» [4, с. 41]. Путешественник Гумбольдт изучает берега реки Амазонки, в России исследует глубину и длину Волги, подробно изучает устройство потемкинских деревень. Обвешанный измерительными приборами, «он носился по полям и холмам, и местные жители считали его придурком» [4, с. 19]. Точность приборов из арсенала Гумбольдта (барометр, теодолит, гигрометр и др.) забавно соотносится с надежностью прибора из лаборатории одного бразильского старика, никогда не покидавшего свою деревеньку. Бразильский чудак сконструировал «самодельный аппарат, стрелки которого вышибало, если вблизи него лгали или несли всякую чушь» [4, с. 45]. В другом романном эпизоде Гаусс просит работников спилить деревья, поскольку ему необходимо провести прямую линию и измерить расстояние теодолитом (буквализация метафоры «прямолинейный человек»).

Кельман отмечает рационализм, холодный и расчетливый ум, калькулирующий и измеряющий всё через понятие и число. Поведенческая модель «великих измерителей» обнаруживает «мертвость» рационального знания и определяется этической схемой «моральной эксклюзии» [6], то есть неспособности к получению живого отклика от другого человека. Для эксцентричных героев Кельмана собранные научные данные становятся более реальным событием, чем конкретные люди и их проблемы. *Am konkreten lebenden, leidenden Menschen sind beide Helden nicht interessiert* [2, с. 89]. Так, Гумбольдт не замечает важных событий вокруг (начало войны) и в собственной семье рождения ре-

бенка, а Гаусс проводит первую брачную ночь за письменным столом, усердно корректируя ошибки в измерении орбиты планет. Здесь важна ремарка самого Кельмана: современное манипулирование человеком и его природой через число ведет свой отсчет с XIX века: *die kalkulierte Ausbeutung des Menschen und der Natur begann ab dem 19. Jahrhundert* [2, с. 112].

В финале оба романных «измерителя» приходят к выводу о непознаваемости и неизмеримости мира, смиренно принимая на излете своей жизни мир таким, каков он есть. Благие намерения Александра измерить мир завершаются крахом. Собрав огромное количество фактического материала, Гумбольдт осознает, что «потерял всякий ориентир, где что находится» [4, с. 131], а старик Гаусс понимает, что он никогда не сможет вывести формулу звездного неба и что «вся его работа и такая жизнь – что-то абсолютно чуждое и ненужное само по себе» [4, с. 117].

В контексте современных реалий роман «Измеряя мир» можно рассматривать как карикатуру на современную тенденцию «всё измерять и всё измерить». Современные измерители, как и герои Д. Кельмана, одержимые страстью к подсчетам и измерениям, забывают известную аллегорию Платона о пещере («Государство»). В ней Платон указывает на главное: сначала проникнуть в суть самих идей, затем измерять и судить о них. Роман Д. Кельмана с его центральной фигурой землемера представляет собой развернутый диалог современной культуры и культуры эпохи Просвещения с ее идеями и теориями, максимами и формулами. Игровой формат этого диалога автор выстраивает в ярких зарисовках и забавных ситуациях не для критического ниспровержения великих умов прошлого, а для осмысления серьезных аксиологических и онтологических проблем современности. Таким образом, Даниэль Кельман пытается донести до читателя опасность построения цифрового фундамента современной культуры, когда из процесса измерения мира вновь исключается живой реальный человек.

Список литературы:

1. Каграманов Ю. На подходе ко Второму Просвещению // Дружба народов, 2014, № 1 // https://magazines.gorky.media/druzhba/2014/1/na-podhode-ko-vtoromu-prosveshheniyu.html

2. Kehlmann, D. Die Vermessung der Welt. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2008. 302 S.

3. Турнье, М. Пятница, иди Тихоокеанский лимб / пер. с фр. И.Я. Волевич. СПб.: Амфора, 1999. 301 с.

4. Кельман, Д. Измеряя мир / пер. с нем. Г. Косарик. СПб: Амфора, 2009. 135 с.

5. Кучумова, Г.В. Роман Д. Кельмана «Измеряя мир»: Игровой диалог с немецким Просвещением // Культурные коды мировой литературы: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 13 ноября 2020 г.) / отв. редактор Г.Г. Ишимбаева. Уфа: РИЦ БашГУ, 2020. С. 125-137.

6. Hagner, M. Geniale Gehirne. Zur Geschichte der Elitegehirnforschung (Reihe Wissenschaftsgeschichte). Göttingen: Wallstein Verlag, 2004. 375 s.

О.А. Сулейманова,
Московский городской
педагогический университет

УЧЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКО-АНГЛИЙСКОМ ПЕРЕВОДЕ: ЛОГИКА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Рассматриваются сложившиеся в силу культурно-исторических условий русско- и англоязычные особенности коммуникации, сформировавшиеся в системе языка структурно-релевантные особенности, определяемые аналитическим и синтетическим строем языка, выявляются зоны конфликтов как комбинация действия факторов культурно-исторического развития нации и строя языка, предлагается обоснование переводческих стратегий.

Ключевые слова: перевод, английский язык, русский язык, отглагольные существительные, формирование национального языка.

O.A. Suleimanova,
Moscow City University

RUSSIAN VS ENGLISH COMMUNICATION IN HISTORICAL PERSPECTIVE AND LOGIC OF TRANSLATION

The paper focuses on communication patterns in Russian and English originated from their historical and cultural past related to the religious traditions to a great extent as these traditions were strongly supported and pursued at the time when national languages were being formed. These cultural-historical factors prompt translators' choice in rendering Russian deverbal nouns into English.

Keywords: translation, Russian language, English language, verbal nouns, communication specifics.

Стремление связать ментальность народа и национальный язык эвристически значимо, поскольку позволяет системно «увязать» язык и ментальность, увидеть за кажущейся метафизичностью языковых средств некое логическое обоснование, выстроить модель взаимодействия языка и *духа народа* (В. фон Гумбольдт) с высокой описательной силой.

Особенности русско- и англоязычной коммуникации в значительной степени определяются ролью религиозно-культурных традиций, господствовавших в периоды формирования национальных языков.Так, протестантская традиция, опирающаяся на проповедь и в сущности на импровизацию – пусть и тщательно подготовленную и продуманную, но все же свободную и в выборе темы, и в репертуаре языковых средств [1], отлична от православной, опирающейся на канон как в сути службы, так и в выборе языковых средств, полностью на основе старославянского языка, отчетливо книжного[2]. Как следствие, в русском языке утверждается примат письменно-книжной традиции, радикально отличной от повседневного дискурса. При этом в рамках письменно-книжной традиции, восходящей к церковнославянскому языку, существует и светский деловой, публицистический и даже повествовательный стиль. Как отмечал Г.В. Лудольф, «для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и богослужебные книги у них существуют на славянском языке, но, не пользуясь ими, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования» (цит. по [2; 5-6]).

Вторая половина XVII в. приходится на распад церковнославянского языка и постепенную утрату им повсеместного влияния на фоне роста юго-западного и западноевропейского, преимущественно латинского и польского влияния, на русскую литературную речь. Петровская эпоха отмечена усилением официально-правительственного, канцелярского языка, сопровождающегося заимствованиями, вкоторых не было практической нужды, но они несли отпечаток новизны и привлекали как мода [2, с. 51, 59], что облегчало процесс освоения внешних заимствований и политехнизацию языка.

В начале XVIII в. осознается сложность языковой ситуации и наличие отчетливого разрыва между книжно-канцелярской и разговорной традицией, что проявляется в стремлении ученых поставить вопрос о статусе языка и о регламентации языковых процессов (ср. учение М.В. Ломоносова о трех стилях). В итоге имеет место синтез социально-языковых стихий и определение путей последующего развития русского языка у А.С. Пушкина: это церковнославянизмы, европеизмы (преимущественно французские), элементы живой русской речи [2, с. 228-234]; закрепляется тенденция к инкорпорации старославянского, книжного и заимствованного вокабуляра, наряду с разговорной традицией. В период становления демократической мысли и доминирования журнально-публицистической и научно-популярной речи идет обогащение новой лексикой, границы литературного языка расширяются в сторону разных

специальных языков [2, 392], владение которыми считается престижным маркером социального положения говорящего.

Таким образом, одним из определяющих факторов своеобразия русского дискурса служит исторически и культурно-обусловленное резкое разграничение устной и письменной форм коммуникации (что коррелирует с противопоставлением официальной и неофициальной форм коммуникации): частотность книжной, абстрактной лексики как маркер высокой образованности, отражает традиционный пиетет по отношению к образованию и книжности в русской культурной модели.

В данной работе рассмотрены отглагольные абстрактные слова как носители вторичной предикативности *заключения* (*соглашения*) и стратегии их перевода на английский язык, которые направлены на устранение редуцированной предикативности и на разворачивание ее в полноценную предикативность, то есть глагол-предикат [3], ср., например: «*Пока не вполне ясны причины падения курса евро – Wedonotknowyetwhytheeuro (exchangerate) fellsodramatically*», где отглагольное существительное разворачивается в предикат в составе придаточного предложения образа действия.

Данная стратегия обусловлена особенностями англоязычной коммуникации, а именно: впериод становления национального языка «XVII век вообще был веком ярчайшего расцвета проповеди на английском языке, причем проповеди не только пуританской» [4, с. 21-22], при этом благодаря парламентской форме правления и развитию общего права большое значение придавалось речам, произносимым в суде, и произнесенное слово играло значительную роль [1, с. 393-394].

Устное слово получает еще большую значимость уже на американском континенте, в силу усиления влияния церкви и, соответственно, роли проповедников, когда разговорный язык начинает занимать особое место, и «оратору принадлежала почти мифическая роль» [1, с. 393]; при этом образование также приобретало ораторский характер, поскольку среди преподавателей в новых колледжах преобладали священники [1, с. 401; 4, с. 588] и риторика оставалась основным предметом в американском образовании (так, лекции по риторике шотландского священника переизданы в Америке 37 раз [5, с. 589]); «в наметившемся противостоянии печатного и устного слова решительно возобладал социальный статус последнего [4, с. 18], и даже в основу литературы легла разговорная речь [1, с. 392]. Пуритане выработали манеру проповедовать, которая стала известна как «простая»: проповедник должен избе-

гать цитат на иностранных языках, проповедь должна быть доходчивой, а аргументы убедительными [4, с. 21], в учебниках по английской стилистике рекомендуется избегать заимствований и ученой лексики (avoidforeignlanguages [6, с. 76]) и в целом книжный стиль.

В ряде случаев русские отглагольные существительные в составе именной группы (ИГ) передаются в английском переводе прилагательными, опускаются; например, параметрические существительные, обозначающие изменение качества и количества или появление нового объекта: *рост, падение, ухудшение, появление*при переводе передаются сравнительной степенью прилагательного, причастием, ср.: «*Частые простуды ведут к снижению иммунитета – weakerimmunity. Ослабление курса рубля делает нас уязвимыми для зарубежных конкурентов – lowerexchangerate*». Указание на величину изменения (*на 5 %*) или оценки величины изменения *резкий рост* при переводе сохраняется: *dramaticdecline, a 50 % drop. Росту производительности на 10 % способствовало сокращение рабочего дня – 10 % productivitygrowth.* Существительные *появление, возникновение* в составе ИГ передаются прилагательными *new, further, another, emerging: Закрытие границ влечёт за собой* ***возникновение*** *серьезных трудностей.* Девербативы могут быть семантически «пустыми» и не нести релевантной информации и, как правило, не воспроизводятся в языке перевода: *проведение церемонии займет один часа – Theceremony* [3; 7]. Особого внимания заслуживают конструкции с опорными словами-обозначениями времени, места, причины: *нам неизвестны время и место проведения* [8].

Таким образом, логика переводческого решения определяется сложившимися в ходе национального развития структурными особенностями языковых систем и установлением системных корреляций между ними [9].

Список литературы:

1. Д. Бурстин. Американцы. Национальный опыт. М., 1992.
2. В.В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938.
3. Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. вузов / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклемешева, К.С. Карданова, Н.В. Лягушкина,В.И. Яременко. М.: «Академия», 2010. 240 с.
4. Бурстин Д. Американцы. Колониальный опыт. М., 1993.
5. Бурстин Д. Американцы. Демократический опыт. М., 1993.

6. W. Strunk Jr., White E.B. The Elements of Style. Fourth Edition.Allyn & Bacon. Massachusetts. 2000.

7. Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н. В. Лягушкина [и др.]. М. : Ленанд, 2015. 272 с.

8. Сулейманова О.А., Яременко В.И. Выстраивание когнитивной перспективы в переводе: базовые категории познания *время, причина* и *место* // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 754-758.

9. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, Н.В. Барышников [и др.]. М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ВКН, 2021. 328 с.

В.Э. Штырова,
Самарский университет

ИНФОРМАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗАГЛАВИЙ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНОВ

Данное исследование посвящено изучению реализации категории информативности с помощью стилистических (лексических, синтаксических) средств в рамках коммуникативно-прагматического подхода к изучению информативного потенциала заглавий. Актуальность исследования обусловлена тем, что заглавия романов активно используется их авторами как средство оказания прагматического и художественно-эстетического воздействия на читателя.

Ключевые слова**:** категория информативности, прагматика, заглавие, современный немецкий роман.

V.E. Shtyrova,
Samara University

INFORMATIVE POTENTIAL OF THE TITLE TITLES OF MODERN GERMAN-LANGUAGE NOVELS)

This study is devoted to the study of the implementation of the category of informativity using stylistic, lexical and syntactic languages of means within the framework of a communicative-pragmatic approach to the study of the title informative potential. The relevance of this study can be explained due to the fact that the title in modern society is actively used by the authors as a means of providing pragmatic influence on the reader.

Keywords: informative category, pragmatic, title, modern German novel.

В лингвистических исследованиях XX века анализу феномена заглавия литературных произведений уделяется особое внимание, так как оно является «индексом дискурсивной стратегии всего произведения» [1, с. 78]. Так, Н.А. Веселова отмечает, что «заглавие служит соединительным звеном между текстом и внешней по отношению к нему действительностью» [2, с. 18], поскольку в свернутом виде оно концентрирует, обобщает и символизирует основное содержание текста.

И.Р. Гальперин вводит категорию «информативности», выделив при этом три типа информации, транслируемой заглавием читателю текста: «со-

держательно-фактуальную (СФИ), содержательно-концептуальную (СКИ) и содержательно-подтекстовую (СПИ) информацию» [3, с. 25]. Если СФИ выражается вербально при употреблении слов, составляющих заглавие, в их прямом значении, то СКИ отражает авторскую оценку и авторское понимание описываемых событий и явлений. СПИ апеллирует к способности реципиента воспринимать действительность в нескольких плоскостях и анализировать несколько сообщений одновременно и всегда выражается эксплицитно. Данная категория присуща как текстам большого, так и малого формата, в частности, названиям романов.

По мнению А.В. Суртаевой, «информационная структура текста представляет собой сложное иерархическое единство, построенное на взаимоотношениях различных видов информации» [4, с. 15]. Это позволяет высказать тезис, что для успешной коммуникации между автором и читателем первичным является актуализация в заглавии категории информативности «в силу таких свойств заглавий художественных текстов как компактность и компрессия информации» [4, с. 18]. «Авторские мотивации при процессе нейминга (*naming)* имеют прямое влияние на сознание читателя. Таким образом, заголовок становится местом соединения авторского и читательского дискурсов» [5, с. 182].

Материал для данного исследования был собран с использованием базы данных Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге (KATALOG DER DEUTSCHEN NATIONALBIBLIOTHEK / DNB // https://portal.dnb.de/opac.htm) по параметрам поиска заглавий: жанр (*tit=**roman**),* язык (*cod=**ger**),* год издания (*jhr=**1989**-*). Корпус насчитывает 1146 единиц заглавий немецкоязычных романов, изданных после 1989 г. Далее была произведена классификация единиц корпуса. Данное исследование опирается на классификацию заглавий Ю.В. Щербининой, выделившей следующие типы их структурной модели: описательную, формульную, афористическую, концептуальную и отыменную [6, с. 254]. Данное деление условно, но оно помогает наметить и продемонстрировать основные тенденции в нейминге немецкоязычных романов, изданных после 1989 г.

Проанализировав корпус названий романов согласно представленной выше классификации, мы получили следующие результаты: группы формульных (28 %) и описательных (33 %) заглавий занимают одинаковые позиции. Группа концептуальных заглавий составила 30 %, а самой малочисленной оказалась группа афористичных наименований (9 %). При анализе лингвопрагматических характеристик заглавий романов именно этих двух групп нами были отмечены многоплановость содержания заглавий немецкоязычных романов, концентрация в них различного типа информации. Отметим и

усложненность заглавий такими стилистическими средствами, как метафора, антитеза, оксюморон, антитеза, ирония.

Рассмотрим реализацию категории информативности на отдельных примерах. Так, название романа «*Das Glück riecht nach Sommer*» (2022) Майке Веркмайстер грамматически представляет собой полнозначное простое повествовательное предложение, соответствуя традиционной модели S+P+O. Писательница Майке Веркмайстер рассказывает в романе историю доктора Инны. Осознав, что жизнь в большом городе не для нее, Инна возвращается после учебы на родину на побережье Северного моря к любимому человеку. Однако она стала для возлюбленного чужой, кроме того, место доктора, предназначенное ей в Хусумской больнице, теперь занято другим сотрудником. Девушка решается на переезд в Гамбург. Там, в маленькой беседке на Альстерфлете она встречает свою новую любовь. Вместе они восстанавливают заброшенный сад, который, как и душа Инны, зацветает.

Это заглавие однозначно информирует читателя о времени года, в котором происходит действие (лексема *der Sommer*), но многозначность слова *das Glück* предполагает разные трактовки. В современном немецком языке представлены следующее его значения: 1. zufälliges, überraschendes Zusammentreffen günstiger Umstände in einer Situation, die man selbst nicht beeinflussen kann, Begünstigung durch besondere Zufälle. Это значение актуализируется в выражениях: *etw. ist jmds. Glück, etw. ist ein wahres Glück, ein Glück, zum Glück, auf gut Glück*. 2. Personifikation von 1, Fortuna. 3. freudig-bewegter Zustand, in dem man sich befindet, wenn man die ersehnten ideellen oder materiellen Güter erlangt hat [DWDS]. Из перечисленных выше значений слова *das Glück* в сочетании с глаголом *riechen nach (D.)* можно говорить об актуализации только третьего значения. Интересно и предложное сочетание *riechen nach Sommer,* частотность употребления которого мала. Один пример: *Er steht auf und hebt Max hoch, das Kind riecht nach Sommer und Landstraßensan d* [DWDS], что в совокупности с многозначностью слова *das Glück* позволяет сделать вывод о метафоричности данного заглавия. Тем самым заглавие романа полностью «расшифровывается»: счастье для главной героини – это любовь, а запах лета указывает на связь героини с природой.

Еще один характерный пример названия романа „*Dein Schweigen, Vater*“ (2022) Сюзанны Бенды. В своем впечатляющем дебюте писательница отправляется по следам военного прошлого собственной семьи. У поколения немцев, родившихся между началом 1960-х и серединой 1970-х годов, так называемые *Kriegsenkel*, появляются психологические проблемы, возникшие из-за молчания родителей, бабушек и дедушек о войне. На фоне собственной семейной истории писательница активно справлялась с последствиями такого молчания.

Герои романа, две сестры – Мария и Ули – пытаются собрать семейную историю в путешествии к родному городу дедушки – Брно, чтобы понять его переживания в мае 1945 года. Таким образом, название романа информирует читателя о том, что центральной темой произведения стала историческая травма военного поколения немцев.

Одним из ведущих факторов при реализации категории информативности в заглавиях современных немецкоязычных романов является ассоциативный фактор. Он формирует подтекстовую информацию на первоначальном этапе знакомства с текстом романа, транслируя реципиенту информацию о теме, фабуле и о героях романа. Важным фактором точного декодирования содержательно-подтекстовой и содержательно-концептуальной информаций оказываются различные стилистические средства. Для декодирования заглавий современных романов читателю необходимо обращаться как к микро-контексту (в рамках заглавия) и макро-контексту (в рамках частей и всего произведения), так и к экстралингвистическому контексту.

Список литературы:

1. Саморукова И.В. Заглавие как индекс дискурсивной стратегии произведения // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. Самара: «Самарский университет», 2002. Вып. 1 (23). С. 76-81.

2. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998. 24 с.

3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 44 с.

4. Суртаева А.В. Заглавие художественного текста как элемент его информационной структуры (на материале заглавий англоязычных художественных произведений XX-XXI вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 21 с.

5. Штырова В.Э. Заглавия как маркеры немецкоязычного романного дискурса // VIII Международная научная конференция «Язык – текст – дискурс: дискурсивное измерение языковых процессов» / отв. ред. Н.А. Илюхина. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2022. С. 181-186.

6. Щербинина Ю.В. Новые названия knick [Электронный ресурс] // Звезда. 2015. № 6. С. 254-260 // http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/6/10sher.html

Источник фактического материала:

DWDS https://www.dwds.de/

DNB https://www.dnb.de/DE/Home/home_node.html

А.П. Аржанов,
Самарский университет

ВЛИЯНИЕ RSS И API ИНТЕРФЕЙСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОВЕСТКИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА

Тезисы ставят вопрос о том, что в процессе развития мировой инфраструктуры современных медиа RSS и API технологии перестают быть простыми инструментами, повышающими оперативность при формировании медиаповестки. Влияние этих технологий ведет современные медиа к новому эволюционному этапу, в котором доминируют и соревнуются между собой технологии и отдельные публикации.

Ключевые слова: RSS, API, медиаповестка, современные медиа.

A.P. Arjanov,
Samara University

THE INFLUENCE OF RSS AND API INTERFACE ON THE FORMATION OF THE AGENDA OF MODERN MEDIA

The theses raise the question that, in the process of developing the global infrastructure of modern media, RSS and API technologies cease to be simple tools that increase efficiency in the formation of a media newsletter. The influence of technology leads modern media to a new evolutionary stage, in which "meta-levels" and individual publications dominate and compete with each other.

Keywords: RSS, API, media agenda, modern media.

Практически независимо от версии или разработчика технология RSS (RSS0.90, Atom, RSS2.0 и др.) задумывалась как стандарт или, иначе, открытая спецификация, позволяющая Web – приложениям (сайтам) в структурированной форме передавать на устройство пользователя часто обновляемые коллекции информации (каналов) в специальном машиночитаемом формате (чаще

всего в формате xml) [1, с. 181]. В своей типичной форме это реализовано как отдельная страница новостного, например, сайта, загружаемая специальной программой (почтовой, браузерной, фрагментом кода специализированного ПО для работы с блогами), в которой данные строго структурированы одновременно для машинной обработки и дальнейшего преобразования в своеобразную ленту событий/новостей. При относительной «старости» технологии RSS сегодня очень широко применяется и, наряду с так называемыми «Куками» и API- интерфейсом, является одним из основных способов персонализации контента новостных сайтов, инструментом регулярного обновления ленты блогов и средством доставки на устройство пользователя или в ленту агрегаторов новостей любого публичного регулярно обновляемого содержания. Аналогичным образом получил широкое распространение API-интерфейс, являющийся базовым инструментом для автоматизированного взаимодействия программ-клиентов с социальными сетями, взаимодействия публичных каналов социальных сетей или служб сообщений между собой и поисковыми системами. Собственно говоря, API (Application Programming Interface) – означает программный интерфейс приложения. Однако здесь важно, что сама передача регулярно обновляемого контента, предназначенного для предъявления содержания конечному пользователю, делает технологию API модернизированным вариантом RSS, обслуживающим конкретный сектор новых медиа – социальные сети.

Обе «технологии», таким образом, становятся важнейшим инструментом, обеспечивающим поисковую доступность медиаконтента интернет-СМИ и социальных сетей. К примеру, поисковые службы типа «Яндекс» прямо формулируют необходимость оптимизации данных для поиска и требуют от СМИ не только структурирования предоставляемого контента (заголовок, аннотация, ссылка на отдельную страницу, сопровождающий медиаконтент и т.п.), но и его ранжирования по степени приоритетности публикации. Все способы взаимодействия СМИ с поисковыми монополиями в России и за рубежом настроены именно под RSS-формат предоставления данных [2-3] или получения данных по API для социальных сетей, что непосредственно отражается на способе существования доминирующей медиаповестки дня самих этих источников. В наибольшей степени, хотя и не ограничиваясь ими, подобные правила касаются СМИ и блогов, работающих в сегменте ежедневной новостной журналистики (в том числе в специализированных чатах, публикующих подборки по специализированной тематике). Здесь ценность журналистской оперативности приобретает чисто техническое измерение и в своем «сгущен-

ном» виде технический инструментарий сегодня превратился в SEO-оптимизацию – оптимизацию публикации для повышения поискового рейтинга.

Важным условием для повышения доступности такого контента становится и набор «рекомендаций» [4], несколько выходящих за рамки собственно необходимых для обычной индексации – требования начинают распространяться на сам текст, структуру его предъявления аудитории [5].

Так, практические рекомендации для оптимизации новостей для Google News советуют делать относительно короткие тексты (не более 2000 знаков), после первой публикации не создавать новых ссылок на информационный повод, а идти по пути расширения объема действующей страницы. В общем виде подобного рода «правила» очевидным образом порождают сериальный принцип подачи информации в деятельности СМИ и «вертикальный» способ верстки. «Большие» события превращаются в своеобразную автономную ленту («книгу новостей»), посвященную конкретному информационному поводу [6], что определяет в том числе смысловые границы допустимого медиаповествования.

Введение внешних правил для контента, а также использование «ручных» ограничителей в алгоритмах поисковых выдач приводят к тому, что каждый значимый сервис, обладающий поисковыми функциями, становится активным/потенциальным участником медиарынка. Он уже не столько сервис, но и отчасти редакция.

Готовность соответствовать требованиям размещения журналистского текста или поста блога способна влиять на место новости в поисковой выдаче, а значит, определять масштабы потенциальной аудитории конкретной публикации.

В этом смысле способность журналистики (журнализма) организовывать медиапотребление и распространять массовую информацию перестают быть ее специфической способностью/функцией.

Технологии поисковых систем и персонализованных подписок, вводя внешние (с точки зрения медиабизнеса, обязательные к исполнению) рекомендации, «изымают» у журнализма эту часть ее «функционального ядра».

Дистрибуция содержания медиаповестки больше не принадлежит СМИ или новым медиа на правах «монополии», а конкуренция СМИ, блогов в социальных сетях (или любых других публичных ресурсов) перемещается из пространства борьбы редакционных стратегии (идей, способности понимать свою

аудиторию) в область способности отдельных публикаций привлекать читателя.

RSS и API технологии ведут современные новые медиа и интернет-СМИ в целом по пути ранее невиданной эволюции. Итогом этой эволюции может стать как рождение «мега-СМИ» [7], так и постепенная трансформация всего публичного пространства сети в своеобразный конгломерат средств массовой коммуникации, в которых журнализм станет дополнительным программируемым свойством коммуникации, определяющим медиаповестку в части сегмента оперативного и фонового медиапотребления

Список литературы:

1. Герасевич В. БЛОГИ И RSS: интернет-технологии нового поколения. СПб., 2006.

2. Инструкция для СМИ-партнеров, намеренных индексировать свои публикации в новостной ленте Яндекс, размещена по ссылке: https://dzen.ru/help/news/export-content/export.html

3. Инструкция для СМИ-партнеров, намеренных индексировать свои публикации в новостной ленте Google, размещена по ссылке: https://developers.google.com/search/docs/crawling-indexing/sitemaps/build-sitemap?hl=ru#general-guidelines

4. Рекомендации для постов VK: https://vk.com/wall-98103757_2664

5. Практические рекомендации для оптимизации новостей для Google News // https://ideadigital.agency/ru/blog/sajt-v-google-news/

6. Вопрос о формировании сериального принципа подачи информации в медиапоэтике в том числе рассматривался в статье: Аржанов А.П., Медиапоэтика заметки в интернет-изданиях: аксиологический подход / Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1-2. С. 14-18.

7. С учетом укрупнения медиасобственности, слияний медиагигантов и сетевых операторов, возможно, необходимо констатировать, что такая эволюция уже произошла. Просто масштаб происходящих изменений слишком велик, чтобы локализовать произошедшие изменения во времени и пространстве.

А.А. Гнутова,
Самарский университет;
Н.В. Прядильникова,
Самарский университет

СТРУКТУРА САЙТА ИЗДАТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА

В статье рассматривается процесс создания сайта издательства для повышения эффективности работы организации. Перечислены наиболее часто встречающиеся виды сайтов издательств, приведены их особенности. Авторами предложены элементы структуры сайта, необходимые для создания наиболее понятного и удобного интерфейса сайта. Приведены рекомендации по структурированию сайта и наполнению контентом, привлекающим как можно больше потенциальных покупателей.

Ключевые слова: издательство, сайт, покупатель, структура, интернет, навигация, интернет-магазин.

A.A. Gnutova,
Samara University;
N.V. Pryadilnikova,
Samara University

PUBLISHING WEBSITE STRUCTURE AS A TOOL INCREASING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF BUSINESS

The article discusses the process of creating a publishing house website to improve the efficiency of the organization. The most common types of publishing sites are listed, their features are given. The authors proposed elements of the site structure that are necessary to create the most understandable and convenient site interface. Recommendations are given for structuring the site and filling it with content that attracts as many potential buyers as possible.

Keywords: publisher, site, buyer, structure, internet, navigation, online store.

Внешний вид, контент, структурированность страниц сайта в сети интернет играют важную роль в привлечении на сайт издательства потенциальных покупателей и партнеров, и как следствие этого, ведут к увеличению прибыли, что является главной целью любого коммерческого предприятия. На

сайте издательства с логически правильно выстроенной структурой пользователь сети чувствует себя максимально комфортно, без лишних усилий находит информацию, предоставляющую для него интерес, нужное ему предложение товаров или услуг. И, напротив, потерявшись в бесконечном потоке нелогичных навигационных цепочек, не несущих пользы блоков и разделов, потенциальный покупатель, вероятнее всего, покинет данный сайт, записав его в персональный черный список [1].

В век информационных технологий не учитывать интернет-пространство при развитии своего бизнеса – огромная ошибка. Находясь в сети Интернет, люди не только находят информацию о нужном продукте, но и все больше пользователей совершают онлайн-покупки. Некоторые делают это из-за ограниченности во времени или невозможности пойти в магазин, в то время как другие совершают онлайн-покупки просто потому, что это быстрее и удобнее. Независимо от мотивов потенциальных покупателей, основная работа с клиентами постепенно переходит в цифровое пространство. Этому изменению следует уделить особое внимание.

Ведение сайта и аккаунтов издательства в социальных сетях требует глубоких знаний о наиболее эффективной организации сайта, методах его продвижения в цифровом мире и многих других важных аспектах. Четкая структура и правильное наполнение страниц очень важно при создании качественного интернет-продукта, который несомненно принесет прибыль издательству.

В настоящее время можно выделить три вида сайтов издательств.

1. Сайт-визитка. На страницах таких сайтов представлена только общая информация об издательствах и контакты для связи. На сайте-визитке могут указываться название издательства, представляемые им услуги, адрес, режим работы, телефон для связи с контактным лицом. Такой сайт создается для общего представления об издательстве, а более детально издательство освещает свою деятельность, продает свои товары и услуги в социальных сетях или блогах. Сайт визитка подойдет, например, для частного только что открывшегося издательства, которое не может себе позволить потратить много денег на создание серьёзного сайта. Сайт-визитка работает в основном на узнаваемость бренда издательства и его репутацию, а не на увеличение продажи.

2. Сайт-каталог. Это достаточно крупный сайт, содержащий множество страниц, в котором представлен каталог выпущенных изданий с ссылками на онлайн и офлайн магазины, где можно приобрести представленные издания. Структура такого сайта может быть очень разветвленной, особенно если издательство занимается выпуском большого количества книг. Особое внимание

уделяется карточкам книг. В карточках обязательно должны быть представлены обложки книг, их библиографическое описание, указаны такие характеристики книги, как плотность бумаги внутреннего блока, тип обложки, вес. Желательно указывать цену каждой книги, чтобы покупателю не приходилось запрашивать цену по каждому заинтересовавшему его изданию. На сайте-каталоге не предусмотрено возможности взаимодействия продавца и покупателя напрямую. Для того, чтобы купить понравившуюся книгу, посетитель должен перейти в онлайн или офлайн магазин.

Сайт-каталог создается не только для потенциальных покупателей, но и для книготорговых компаний, с которыми издательство работает.

3. Интернет-магазин. Это сайт, на котором покупатель может заказать книги, выпущенные данным издательством. Цены в интернет-магазинах ниже цен в книжных офлайн магазинах, но интерфейс и наполнение таких сайтов не всегда бывает удобным для рядового пользователя.

Начинать работу с сайтом необходимо с разработки его структуры. Непродуманная навигация, слишком запутанная структура сайта приводят к таким последствиям как сокращение времени пребывания посетителя на сайте издательства и низкая посещаемость сайта, проблемы с индексацией в поисковых системах, потеря доверия и лояльности клиентов. Рядовой пользователь лучше выберет для покупки интересующих его товаров или услуг сайт с более простой и понятной структурой, чем будет тратить свое время на изучение и освоение сайта с непонятной навигацией.

В зависимости от различных факторов, таких как вид издательства, аудитория, назначение сайта для каждого издательства разрабатывается своя уникальная структура сайта, учитывающая конкретные обстоятельства, требования и запросы. Рассмотрим эти элементы далее.

1. Главная страница. На этой странице предлагается размещать краткий обзор издательства и его деятельности. Эта страница является «лицом» сайта. В этом разделе резюмируется содержимое сайта: посетителям кратко рассказывают об издательстве, представляют часть продукции или услуг издательства, предлагают присутствующие в ассортименте виды изданий, рекомендуют просмотреть популярные книги.

Постоянным элементом любого сайта является меню, которое отображает все важные страницы сайта. Оно может располагаться горизонтально (вверху сайта) или вертикально (обычно в левой части экрана) и открываться при одинарном иди двойном клике мышью. В меню можно разместить такие подразделы, как «Бестселлеры», «Новинки», «Самые ожидаемые книги», «Наши авторы», «Акции партнеров».

Важным структурным элементом сайта является строка поиска информации, которая позволяет искать информацию в пределах сайта издательства. Ее целесообразно размещать на главной странице сайта.

2. Раздел «О нас». На этой странице сайта размещается развернутая информация об издательстве, его структуре, принципах работы. В этом разделе нужно попытаться представить информацию как можно более интересно, например, вставить на страницу краткий видеоролик об издательстве. Страница «О нас» помогает пользователям оценить значимость организации и возможности сотрудничества с работниками предприятия.

Раздел «О нас» должен формировать у посетителя сайта такой образ издательства, который покажет надежность, перспективность издательства, будет способствовать привлечению новых покупателей и партнеров.

3. Служебные страницы. Служебные страницы предназначены для того, чтобы помочь потенциальному покупателю больше узнать о товаре и об условиях заказа. На таких страницах содержится информация об оплате товаров или услуг издательства, его доставке, гарантиях, предоставляемых издательством покупателю, контакты издательства и офлайн магазинов. К служебным страницам относится и страница интернет-магазина, обеспечивающего электронную коммерцию. Количество продаж в интернет-магазине напрямую зависит от того, как полно и оригинально представлена книга на страницах сайта.

Очень часто посетители сайта принимают решение о покупке именно на основании той информации, которая размещена на служебных страницах. Значительно облегчает пользователю процесс принятия решения о покупке сервисный контент, обеспечивающий прохождение товара от приема заказа до его получения конечным потребителем.

4. Информационные контентные страницы. На контентных страницах сайта публикуются различные обзоры на книги, рейтинги, статьи, анонсы изданий, обучающие материалы, размещаются видеоролики и новости из мира издательской и книготорговой отрасли. Такие материалы придают пользователю сайта уверенность в том, что сотрудники издательства действительно хорошо разбираются в интересующем их вопросе, что повышает уровень доверие к данному издательству.

Естественно, все эти разделы необходимо постоянно обновлять, иначе они потеряют свою актуальность, могут ввести в заблуждение потенциальных покупателей и стать не интересными посетителям сайта.

При работе со структурой сайта издательства необходимо формулировать четкие, недвусмысленные названия блоков и разделов, а также делать

упор на простоту доступа к любым материалам – не следует утомлять пользователей долгими поисковыми лабиринтами и чрезмерным количеством кликов.

Хорошо организованная структура сайта не только удобна для пользователей, но и правильно работает для поисковых роботов: чем логичнее выстроен сайт, тем быстрее просканируются его страницы и тем менее вероятность того, что какие-то страницы не будут найдены роботом и просканированы [2]. То есть вероятность того, что сайт увидят потенциальные клиенты издательства, заметно увеличивается.

Интернет-сайты, социальные сети и блоги дают издателям уникальную возможность импортирования текстовых, графических и аудиовизуальных материалов, которые можно использовать как для продвижения продукции, создания бренда, повышения узнаваемости издательства, так и для популяризации чтения среди пользователей [3]. Таким образом, специфика издательского интернет-сайта находит отражение в его структуре. Состав элементов главной страницы обусловлен деятельностью издательства, а их расположение отражает степень важности представленной в них информации, поэтому на главной странице располагаются элементы, которые связаны с идентификацией издательства, информацией о его продукции и отражают специфику издательского интернет-сайта.

Список литературы:

1. Осипенко А. Как создать оптимальную структуру сайта // SE Ranking. 2023 // https://seranking.com/ru/blog/struktura-sajta/

2. Кастрицын М. И. Критерии оценки структуры и качества контента веб-сайта издательства // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 26. С. 385-390.

3. Прохватилова О.А., Рыжов К.Г. Структура издательского интернет-сайта как отражение его специфики // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-3 // https://science-education.ru/ru/article/view?id=23855

4. Демин Е. С. Сравнительный анализ сайтов издательств // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 30. С. 230-235.

5. Баринова Н.В. Современные тренды в продвижении товаров и услуг на рынке // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 3 (105). С. 167-175.

Л.А. Горшкова,
Самарский университет

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МЕДИА

Современная журналистика в российских средствах массовой информации помогает в решении актуальных мировых проблем, стоящих перед современным обществом. С помощью текстов экологической направленности формируется ответственное и осознанное поведение людей, когда, удовлетворяя свои потребности, они не наносят вред окружающей среде. Экологическая проблематика разнообразна. Она подразделяется на глобальные и локальные темы.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, медиа, экологическая проблематика.

L.A. Gorshkova,
Samara University

ENVIRONMENTAL JOURNALISM IN MODERN RUSSIAN MEDIA

Modern journalism in the Russian mass media helps in solving the current world problems facing modern society. With the help of ecological texts, responsible and conscious behavior of people is formed in society when, satisfying their needs, they do not harm the environment. Environmental issues are diverse. It is divided into global and local topics.

Keywords: ecology, environment, media, environmental problems.

Экологическая журналистика сформировалась по запросу общества, поскольку проблемы окружающей среды всегда вызывали общественный интерес, а обсуждение экологической повестки невозможно без участия средств массовой информации. К.В. Дементьева отмечает, что журналистика помогает в решении актуальных мировых проблем, стоящих перед современным обществом. Поскольку важен постоянный диалог между представителями различных культур, рас и наций, политических и религиозных убеждений и т. д., журналистика является ретранслятором меняющихся моральных ценностей в мировом пространстве [1].

Однако, на наш взгляд, наиболее современное и полное определение понятию «экологическая журналистика» дает М.В. Орлова. Она подразумевает под экологической журналистикой одну из форм «оперативного отражения в периодически распространяемой информации реального состояния окружающей природной среды при ее взаимодействии с обществом, целью которой является обеспечение общества в целом и человека в частности сведениями, необходимыми для их функционирования и устойчивого развития при непременном сохранении природного равновесия» [2].

М.В. Орлова определяет и миссию экологических журналистов: с помощью текстов экологической направленности формировать в обществе ответственное и осознанное поведение людей, когда, удовлетворяя свои потребности, они не наносят вред окружающей среде.

Говоря о экологической журналистике, необходимо дать определение экологическому дискурсу. «Экологический дискурс – совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы» [3]. Существуют следующие разновидности экологического дискурса:

1) научный (научные статьи и доклады, выступления ученых-экологов);
2) медийный (журналистские тексты экологической проблематики, опубликованные в прессе и интернет-источниках, теле- и радиопрограммы);
3) религиозно-проповеднический (религиозные тексты, проповеди);
4) художественный (литературные произведения экологической направленности).

Экологическая проблематика в современных медиа разнообразна. Она подразделяется на глобальные темы (изменение климата; разрушение озонового слоя; экологические конфликты и т. д.), а также на локальные (местные экологические проблемы, характерные для отдельного населенного пункта, города или области, загрязнение воздуха и экологическая обстановка в городе).

Для Самарской области характерны тексты о проблемах загрязнения Волжского бассейна и браконьерства. Для Тольятти, например, актуальна тема рекультивации земель на заводе «Фосфор». Кроме того, в соцсетях горожане часто жалуются на выбросы с предприятий, расположенных рядом с городом, что также находит отражение в местных СМИ.

К глобальной экологической повестке в России относится проблема лесных пожаров. При этом проблема лесных пожаров входит в информационную повестку местных изданий тех регионов, которые страдают от этого природ-

ного бедствия. В их число входят Красноярский край, Иркутская область, Забайкальский край и др.

Исследуя тематические направления экологического дискурса в интернет-СМИ, мы заметили закономерность в публикации материалов экологической тематики в региональных изданиях и рассмотрели периодичность выхода текстов экологической проблематики в самарских интернет-медиа.

Большинство опубликованных в медиа текстов – новостные заметки. Это отмечает и Наталья Парамонова, журналист и основатель фестиваля «зеленого» документального кино Ecocup Film Festival: «Популярность экологической журналистики растет, но пока не ясно, во что она превратится, чем она отличается от научной или обычной новостной. По сути, это обычная тематическая журналистика, представленная различными жанрами, и пока это все еще очень размытое понятие. Сегодня экожурналистика сводится к тому, что мы пишем о протестных акциях, освещаем темы защиты животных, климата, загрязнений и принимаемых по этому поводу решений».

С одной стороны, обилие информационных текстов понятно: в цифровую эпоху как никогда важно оставаться в курсе событий. Издания делают ставку на оперативность, их новостные ленты обновляются ежеминутно. Это подтверждает А.В. Колесниченко в своей исследовательской статье, посвященной востребованности различных журналистских жанров современной аудиторией сетевых изданий. По данным проведенного им исследования, новостные заметки оказались наиболее читаемыми текстами в отечественных изданиях [4].

С другой стороны, преобладание информационных жанров может быть связано с трудностями в работе с экологической информацией. Н.В. Калинина в пособии по экологической журналистике отмечает, что работа журналистов над текстами экологической тематики сопряжена с рядом трудностей. Например, большинство материалов для работы экологического журналиста написаны на научном языке, который мало понятен как читателю, так и самому журналисту. Кроме того, работники в сфере науки не всегда хотят сотрудничать с журналистами, а сама научная информация может не найти место в структуре издания, для которого он пишет [5].

Проблемы окружающей нас природной среды сложны и обширны, некоторые из них невозможно предотвратить (например, природные пожары), а последствия других ощущаются десятилетиями (аварии на АЭС). Работать с экологической информацией трудно. Возникают проблемы со сбором информации, так как доступ журналистов бывает ограничен. Кроме того, в работе

необходимо учитывать различные точки зрения общественности, большую заинтересованность и эмоциональность аудитории и представителей экологических организаций, активистов. Предмет журналистского интереса может быть неоднозначен, поэтому важна активная социальная позиция журналиста.

Некоторые исследователи утверждают, что та экологическая информация, которая сейчас публикуется в изданиях, не удовлетворяет потребностей аудитории. На их взгляд, между ожиданиями и потребностями аудитории СМИ и проблемами, которые находят свое отражение в медиа, существует большой разрыв. Чтобы его сократить, экологическую повестку нужно сделать приоритетной в средствах массовой информации, а также улучшить качество публикуемых в них материалов на экологическую тематику. Если экологическая журналистика будет и дальше развиваться, а экологическая проблематика постоянно присутствовать в информационной повестке изданий, то в обществе постепенно сформируется компетентное общественное мнение. Люди станут вовлекаться в процессы принятия экологически значимых решений, что приведет к позитивным изменениям в экологической политике государства.

Одной лишь новостной информации мало, в медиа не хватает глубоких проблемных медиатекстов, которые рассматривали бы причины возникновения данных проблем и искали пути их решения. Однако нельзя утверждать, что таких материалов нет совсем. Большие экологические медиапроекты появляются в виде спецпроектов изданий и активистских организаций или коммерческих компаний.

Например, партнерский проект медиа «Такие дела» и российского отделения Greenpeace «Непрозрачно, как воздух». В проекте рассказывается об акции по мониторингу качества воздуха в городах России, наглядно показывается, с какими проблемами может столкнуться человек, живущий в неблагоприятных условиях окружающей среды.

Такие спецпроекты зачастую сделаны в виде лонгридов и размещены на отдельных сайтах. Они содержат в себе много фактической информации: результаты социологических исследований, открытые данные федеральных агентств, различная статистика и др. Кроме того, большое значение играет визуализация представленной информации.

Таким образом, экологическая журналистика сформировалась по общественному запросу, поскольку обсуждение проблем окружающей среды в обществе невозможно без участия средств массовой информации. О быстром развитии экологической журналистики говорят многие медиаэксперты, а раз-

личные исследователи выдвигают свои основания для классификации экологической информации в СМИ.

Список литературы:

1. Дементьева К. В. Роль журналистики в освещении актуальных проблем современности // Знак, проблемное поле медиаобразования. 2018. №3 (29). С. 50-56.

2. Орлова М. В. Экологическая журналистика: сущностные характеристики понятия // Вектор науки ТГУ. 2013. №1 (23). С. 220-223.

3. Филиппова Т. А. Понятие и основные характеристики экологического дискурса (на материале англоязычных СМИ) // Известия ВГПУ. 2018. № 2 (125).

4. Колесниченко А. В. Востребованность жанров журналистских текстов аудиторией онлайновых медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 3.

5. Калинина Н. В. Экологическая журналистика: учебное пособие. Благовещенск: Амурский государственный университет. 2011. 92 с.

Т.Ю. Депцова,
Самарский университет

МОДЕЛЬ ЧИТАТЕЛЯ НОВОГО ТИПА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В данной работе предпринята попытка выявить отличительные особенности современного читателя (пользователя). В работе рассмотрены понятия, с которыми сталкивается потребитель медиаресурсов. Определён категориально-понятийный аппарат цифрового чтения. Выявлены характеристики, присущие современному пользователю. Представлены навигационные механизмы продвижения по контенту электронных изданий. Дан сравнительный анализ работ по проблемам цифрового чтения нейролингвистов, программистов, библиографоведов, книговедов и психологов.

Ключевые слова: цифровое чтение, перцепция, пользователь, книга, медиапространство, нейролингвистика, вёрстка, текст, чтение, контент, цифровая среда, глобализация, издательские практики.

T.Y. Deptsova,
Samara University

MODEL OF THE NEW TYPE DIGITAL READER

The paper attempts to Identify the modern reader (user) characteristic features. The work considers the concepts that the media consumer faces. The digital reading conceptual and categorical framework is defined. The modern user characteristics are revealed. Electronic media content navigation tools are presented. The article compares the works on the digital reading problems by neurolinguists, programmers, bibliographers, bibliologists and phychologists.

Keywords: digital reading, perception, user, book, media space, neurolinguistics, layout, text, reading, content, digital environment, globalization, publishing practices.

В настоящее время часто можно встретить тезис: «Произошел кризис читательской культуры и грамотности современного общества». Массовая экспансия экранной цифровой культуры трансформировала феномен чтения. Модификация читательской культуры привела к потере глубинной сущности чтения. К сожалению, процессу извлечения информации с экрана присущи функции утилитарности, прагматизма, развлекательности. Очевидным посту-

латом можно считать тот факт, что книга погрузилась в медиабытие и споры о выборе формата получения знания стали неактуальными.

В современном медиапространстве издательские практики, относящиеся к процессам верстки, макетирования, создания оригинал-макета издания, а также менеджмент и маркетинг в издательском деле подвержены деформациям, которые вызваны технологической и социокультурной модернизацией общества, дигитализацией и конвергенцией средств массовой информации, сменой экономической модели. Закономерно меняются тренды медиапотребления, к которым адаптируется читательская аудитория, которая в цифровую эпоху приобретает новые интересы, наклонности, амбиции. Понятие «читатель» существует наряду с такими, как «потребитель информации», «пользователь», «фолловер». Появляется принципиально иной тип читателя, которому необходимы новые читательские компетенции. Главным навигационным элементом освоения книжного и виртуального пространства является чтение, в том числе и цифровое.

Научная проблематика в области цифрового чтения разработана недостаточно. К таким исследованиям можно отнести работы Т. В. Черниговской (Человек в цифровом мире. М., 2018), Ю. П. Мелентьевой (Чтение. М., 2020), М. А. Черняк (Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005), Н. Н. Смирновой (Искусство медленного чтения. История, традиция, современность. М., 2020) и др.

Цифровое чтение трансформирует саму способность читать. В частности, Т.В. Черниговская отмечает: «Давно стала очевидна несводимость такой предельно сложной системы, как мозг, к цифровым алгоритмам. Как минимум, наше сознание представляет собой более чем один способ обработки информации, вовсе не все они осознаваемы (то есть могут и не принадлежать сознанию) и не описываются вычислениями в традиционном смысле» [4, с. 333]. Также нейролингвистами доказано, что такой способ получения информации перестраивает работу мозга. Информационная насыщенность контента стала настолько огромной, что он теряет часть аксиологической составляющей. Чтение в цифровом формате – это декодирование текста, просматривание, прагматичный поиск важных ключевых слов. В континууме бесконечных контентов условно можно выделить «просмотровое», «поисковое» и «аналитическое чтение». Осмысляя достоинства и недостатки цифрового чтения, необходимо разграничить его форматы. Преобладающим является чтение статичного текста с экрана электронного устройства. Здесь прослеживается небольшое отличие от чтения печатного издания. Однако «контент обычно не имеет качественной вёрстки и не соответствует нормам и требованиям издательских

практик» [2, с. 106]. Это является препятствием для восприятия текста для компетентного пользователя. Кроме того, в таких текстах практически нет дизайнерских и иллюстративных решений, что существенно снижает перцепцию читателя.

Цифровое чтение требует от пользователя навигационных навыков, умений работы с графическими материалами и инфографикой, владение компетенциями передвижения по ссылкам и т. д.

Перцепция цифрового контекста предполагает коммуникацию. Например, поликодовые нелинейные тексты активно укореняются в современных учебных изданиях.

Оперативно меняющиеся медийные практики убедительно доказывают возвращение потерянных у традиционной книги лидирующих позиций в «цифре». Качества цифрового формата: подвижность, бегучесть, мобильность, многоформатность, гиперактивность, мультимедийность, планетарность позволяют сохранить и приумножить пользовательскую аудиторию в глобальном цифровом континууме. Читателю нового типа свойственны:

– карт-бланш самореализации в читательском поведении;
– самостоятельность пользовательской ориентации;
– прагматизация читательской навигации;
– медийный сувернитет;
– свобода в читательской интеракции.

Появился и прочно занял свои позиции «новый» виртуальный читатель, для которого открыты все пути доступа к метаинформации любого содержания. Нельзя не согласиться с мнением И.В. Лизуновой, которая поясняет, что «новые свойства книги, появившиеся в цифровую эпоху, позволили, с помощью постоянно совершенствующихся технологических приемов и средств, увеличить скорость, способность и ареал распространения данных любой сложности и объема, расширить возможности донесения контента любой аудитории – массово-сегментированнной либо индивидуальному потребителю (читателю/пользователю)» [3, с. 115]. Рефлексирующий потребитель реализует новый метод поиска ресурсов для чтения – дрейф. Динамичные схемы свободного внеобщественного дрейфующего интернет-чтения нетрадиционно развертывают отношения между автором и читателем. Очевидно, что цифровое чтение реализует замысел образцового читателя в лице писателя: форумов, постов, драббл и др. В образе писателя фатально присутствует читатель, а в читателе – автор. Чтение с экрана приводит к порождению нетрадиционного типа читателя – «инициативного», который сам создает свое диалоговое про-

странство и сам реализует свои информационные потребности и скрытые стремления и намерения. Подбор, конструктивная оценка информации, ее стратификация, осмысление и применение в практических целях меняет ракурс пользовательской культуры. Типичные цифровые читатели – это стандартная аудитория информационных, литературных, издательских, журнальных сайтов, рекомендательных сервисов для чтения, это креативные и целеустремленные, занимающиеся энциклопедическим дрейфом пользователи.

К сожалению, на наш взгляд, недостаточно изучена специфика параллельного чтения, хотя это одно из важнейших свойств цифрового контента. Часто исследовательские стратегии фокусируются на самом тексте или на пользователе, но не на деятельности читателя.

Также очень важна корреляция индивидуальных психологических особенностей, которые помогают или создают трудности работы с цифровым контентом. На основе их анализа можно узнать многие нюансы и скорректировать медиапотребление интегрированного книжного цифрового формата. Опираясь на вышесказанное, можно выстроить стратегию взаимодействия с отдельно взятым потребителем. Очевидно одно – нецелесообразно противопоставлять традиционные и цифровые форматы. Задача издателей, библиографов, программистов создавать контенты, достойные компетентного, активного и креативного пользователя.

Список литературы:

1. Черниговская Т.В. Человек в цифровом мире // Психологическая газета. 2018 // https://psy.su/feed/6900/

2. Агеева Г.М. Литблоги и подкасты как форматы книжного медиабытия // Библиосфера. 2020. № 1. С. 102-107.

3. Лизунова И. В. Книга как медиа: эволюция в цифровую эпоху // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. С. 112-115.

4. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: Язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.

5. Черняк М.А. Феномен массовой литературы XX века. Монография. СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2005. 308 с.

6. Искусство медленного чтения. История, традиция, современность / Смирнова Н.Н., Гершович У., Ковельман А.Б. М.: Канон плюс, 2020. 368 с.

Е.В. Ермакова,
Самарский университет

СОЗДАНИЕ ПОРТРЕТА ПОТРЕБИТЕЛЯ ДЛЯ НАСТРОЙКИ ТАРГЕТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЫ В СОЦСЕТЯХ

В статье описаны способы создания потребительского портрета для настройки эффективной таргетированной рекламы в соцсетях. Внимание автора сосредоточено на необходимости тщательного анализа целевой аудитории, методах её сегментировния и эффективном сборе данных о потенциальных покупателях.

Ключевые слова: социальные сети, таргет, таргетированная реклама, целевая аудитория, характеристики потребителя, портрет потребителя, сегментирование целевой аудитории.

E.V. Ermakova,
Samara University

CREATING A PORTRAIT OF A CONSUMER TO SET UP TARGETED ADVERTISING ON SOCIAL NETWORKS

The article describes ways to create a consumer portrait for setting up effective targeted advertising in social networks. The author's attention is focused on the need for a thorough analysis of the target audience, methods of its segmentation and effective collection of data on potential buyers.

Keywords: social networks, targeting, targeted advertising, target audience, consumer characteristics, consumer portrait, target audience segmentation.

Цифровые коммуникации являются неотъемлемой частью нашей жизни. Поэтому платформы социальных сетей прекрасно подходят для подготовки потенциального клиента к совершению покупки товара или услуги. Основной способ продвижения любого товара, и в особенности медиапродуктов, в этом случае – это запуск таргетированной рекламы.

«*Таргетированная реклама* (англ. target – цель, мишень) – рекламное объявление, которое показывается людям по определенным признакам: возрасту, интересам, месту жительства и т. д. Оно может быть текстовым, медийным или мультимедийным» [1].

Основными задачами в эффективной настройки таргетированной рекламы в соцсетях для издательского медиаконтента являются:

– чёткое определение и доскональный анализ целевой аудитории (*в дальнейшем – ЦА*);

– составление детального портрета потребителя (*в дальнейшем ПП*);

– составление пошагового плана маркетинговой стратегии;

– выбор цифровых площадок для продвижения товара/услуги с учётом выбранных ЦА;

– составление рекламного объявления (текст, аудио и визуальные компоненты) с учётом ПП и выбранной цифровой площадки;

– построения эффективной воронки продаж.

Эффективность таргетированной рекламы прямо пропорциональна и зависит от заданных *характеристик (таргетингов)* аудитории, которые настраиваются на основе анализа ЦА и составления портретов потребителей.

«*Целевая аудитория (ЦА)* – это группа людей, которым интересен продукт или услуга компании. *Портрет потребителя (ПП)* – это собирательный образ отдельного человека из этой группы» [2].

Чем больше аудитория конечного продукта, тем сложнее вычленить её конкретного представителя и дать точные характеристики. Чтобы ПП не получился излишне размытым и абстрактным, необходимо сегментировать ЦА.

Сегментация целевой аудитории — это разделение потребителей на несколько групп по обобщающим признакам [3]. А портрет потребителя в данном случае – это собирательный образ покупателя из этого сегмента с указанием детальных характеристик. В каждом сегменте можно составить несколько ПП и создать рекламное объявление в зависимости от того, к кому хотели бы его направить.

Сегментация аудитории может осуществляться по следующим группам характеристик:

– географические (континент, страна, регион, климатические условия, численность населения, инфраструктура и т. д.);

– социально-демографические (пол, возраст, семейное положение, национальные особенности и ценности, менталитет и обычаи и т. д.);

– социально-экономические (социальный статус, образование, место работы, должность, уровень дохода);

– поведенческие (мотивы для совершения покупок);

– психографические или эмоциональные (интересы, увлечения, хобби, стиль жизни, мировоззрение и т. д.);

– коммуникационные (предпочтительные цифровые площадки, активность взаимодействия с цифровым контентом и т. д.) [4].

Одна из самых распространённых на сегодняшний день методик для составления портрета потребителя является «5W» Марка Шеррингтона, которая состоит из пяти вопросов:

1. Что? (What?) – сегментация по типу товара (что вы продаёте).

2. Кто? (Who?) – сегментация по типу потребителя (кто покупает).

3. Почему? (Why?) – сегментация по типу мотивации к совершению покупки и потребления (почему покупает).

4. Когда? (When?) – сегментация по ситуации, в которой приобретается продукт (когда покупает)

5. Где? (Where?) – сегментация по месту покупок (где покупает, где принимает решение о покупке) [5].

6. Сбор данных о потенциальных потребителях можно осуществлять как самостоятельно (при помощи проведения маркетинговых исследований, опросов, сбора отзывов, анализа конкурентов, анализ подписчиков соцсетей, мониторринга и др. методов), так и используя интернет-ресурсы и бизнес-инструменты (Яндекс.Метрики и Google Analytics, данные из CRM-системы, интернет блоги, данные официальных СМИ, Росстата и др.сайтов, а так же с использованием специализированных интернет порталов).

В эпоху развития нейросетей составление ПП значительно упростилось за счёт появления в интернете специализированных порталов, доступных для предпринимателей любого уровня. С их помощью можно сгенерировать ПП, используя различные инструменты и шаблоны. Например, Xtencio (www.xtensio.com), MakeMyPersona (www.hubspot.com/make-my-persona), Filestage (www.filestage.io/blog/effective-buyer-persona-template-free-download/) и многие другие ресурсы в свободном или платном доступе [6]. Используя подробные данные о характеристиках потребителя, маркетолог, по сути, видит его проблемы («боли») и может на их основе предложить решение, вместо прямой продажи продукта/услуги. Продавать и продвигать издательский контент гораздо сложнее, чем продавать решение проблемы, так как издание является творческим продуктом и не является предметом первой необходимости. Однако если найти трудности, с которыми помогает справиться именно этот издательский продукт, закрывая боли ЦА, можно максимизировать прибыль издательства.

Применив на практике такой подход, мы можем составить персонализированное целевое рекламное предложение и настроить эффективную таргетированную рекламу.

Список литературы:

1. Блинов В. Краткий справочник по таргетированной рекламе для начинающих: что это такое, этапы запуска и виды // WWW.IKLIFE.RU. Блог Василия Блинова Как начать зарабатывать удалённо и путешествовать. 26.11.2021 // https://iklife.ru/dlya-novichka/targetirovannaya-reklama-chto-ehto-prostymi-slovami.html

2. Пащенко М. Как составить портрет целевой аудитории – гайд // WWW. SMMPLANNER.COM. Блог о маркетинге в социальных сетях. 19.10.2020 // https://smmplanner.com/blog/kak-sostavit-portriet-tsielievoi-auditorii-chto-eto-zachiem-nuzhno-i-ghdie-iskat-informatsiiu/

3. Щедрин К. Сегментация целевой аудитории: 4 вида, 9 примеров, как проводить // WWW.PPC.WORLD – первый в рунете образовательный портал о работе с платным трафиком и интернет-рекламой. 16.02.2023 // https://ppc.world/articles/segmentaciya-celevoy-auditorii-4nbspvida-9nbspprimerov-kak-provodit/

4. Морозова Н. Как определить целевую аудиторию в социальных сетях [Электронный ресурс] // WWW.SKILLBOX.RU. Образовательная платформа с онлайн-курсами.– 21.02.2020 // https://skillbox.ru/media/marketing/kak_opredelit_tselevuyu_auditoriyu_v_sotsialnykh_setyakh/

5. Сегментирование по модели 5W // ООО «Синьюс» // www.cnews.ru: CNews – крупнейшее в России издание об информационных технологиях и цифровой экономике. 06.11.2019 // https://club.cnews.ru/blogs/entry/segmentirovanie_po_modeli_5w

6. Гаврилов А. Как составить портрет потребителя: инструкция, шаблон и примеры // WWW.UPLAB.RU: Uplab – digital&desgn-агентство. 06.11.2019 // https://www.uplab.ru/blog/make-a-portrait-of-consumer/

Т.В. Карелова,
Самарский университет

ИНФОТЕЙНМЕНТ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА

Массмедиа в современном мире поставлены в рамки жесткой конкуренции. Ежедневная борьба за зрителя приводит к изменениям не только в структуре контента, но и в коммуникативной стратегии СМИ в целом. Инфотейнмент сегодня представляется наиболее перспективным направлением в развитии отечественных массмедиа. В данной статье предпринята попытка анализа арсеналов приемов инфотейнмента, направленных на формирование актуальной коммуникативной стратегии различных массмедиа.

Ключевые слова: инфотейнмент, массмедиа, контент, телевидение, журналистика, СМИ, визуализация, аудитория.

T.V. Karelova,
Samara University

INFOTAINMENT AS A COMMUNICATIVE STRATEGY OF MODERN MASS MEDIA

Mass media in the modern world are placed in the framework of fierce competition. The daily struggle for viewers leads to changes not only in the structure of content, but also in the communication strategy of the media as a whole. Infotainment today seems to be the most promising direction in the development of domestic mass media. This article attempts to analyze the arsenals of infotainment techniques aimed at forming an up-to-date communicative strategy of various mass media.

Keywords: infotainment, mass media, content, television, journalism, mass media, visualization, audience.

Инфотейнмент сегодня прочно обосновался в отечественных массмедиа, как явление в целом и как способ подачи информации в частности. Современные журналисты давно привыкли не просто работать, соединяя информацию и развлечение, но и думать категориями инфотейнмента. Ведь нынешней аудитории массмедиа мало просто информации. Аудитория, характеризующаяся

клиповостью мышления, не готова к традиционной подаче новостей. В борьбе за своего зрителя средства массовой информации используют весь арсенал приемов инфотейнмента – необычное музыкальное оформление, специфический видеомонтаж, языковую игру, всевозможную инфографику и многое другое.

В эпоху цифровизации массмедиа трансформируются и принимают новые формы. Сегодня, благодаря интернету, гораздо проще не только получать информацию, но и делиться ей со всеми. Многим журналистам стало тесно в традиционных СМИ. Артемий Лебедев, Алексей Пивоваров, Юрий Дудь[23], Ксения Собчак, Сергей Минаев и многие другие «ушли» на YouTube, который теперь громко называют «новым телевидением». Видеохостинг – отличная площадка для свободного выражения авторской позиции. Вместе с тем можно заметить, что приемы привлечения аудитории в целом не новы. И здесь лидирующие позиции в разработке коммуникативной стратегии и среди способов выражения авторского сознания прочно занимает инфотейнмент.

Так, Алексей Пивоваров на платформе YouTube открыл канал со звучным названием «Редакция». «Здесь будет то, что мы умеем делать, – качественная журналистика» [1], – пообещал своей аудитории журналист. В каждом новом видео, которое выходит на канале (где уже более 3,5 млн подписчиков), Пивоваров, казалось бы, показывает обычные выпуски новостей. Он рассказывает о том, что произошло в стране и мире.

И все же даже «качественная» журналистика невозможна сегодня без инфотейнмента. Понимая и принимая это, Алексей Пивоваров делает все, чтобы привлечь внимание аудитории к своему продукту. Его приятная для слуха речь изобилует вербальными приёмами инфотейнмента. Здесь и шутки, и каламбуры, и языковая игра, и различные обращения к зрителю, находящемуся по ту сторону экрана. «Всем известно выражение «vox populi» – «глас народа». Веяние нового времени «vax populi». «Vax», думаю, не нуждается в расшифровке» [2], – играет словами руководитель «Редакции». Аудитория, воспринимая речевые приемы инфотейнмента, которые использует Пивоваров, начинает доверять автору и включается в процесс обсуждения. Видеоряд выпусков тоже продуман в концепции инфотейнмент – мемы, рейтинги, инфографика. Динамичная картинка не дает зрителю заскучать. Даже футболку Пивоваров каждый раз подбирает под стать самой злободневной и актуальной теме дня.

[23] Признаны в Российской Федерации иностранными агентами.

Изобилуют речевыми приемами инфотейнмента и официальные средства массовой информации. Так, в одном из выпусков «Вестей недели» Дмитрий Киселев рассказывает о поведении журналистки Хэдли Гэмбл на интервью с президентов Российской Федерации: «Американка, надо сказать, довольно бесстыже, без оглядки на то, что происходит в самих США, допытывалась у Путина про нехватку свобод в России» [3]. Яркие, эмоционально окрашенные речевые обороты наилучшим образом передают отношение ведущего программы к освещаемой теме. В сочетании с визуальным оформлением студии (ведущий стоит на фоне скриншота из интервью, на котором журналистка демонстрирует длинные ноги, обутые в туфли на шпильке; президент, как обычно, в строгом костюме) вербальные приемы, используемые Киселевым, выполняют аттрактивную, фасцинативную, редукционистскую функции инфотейнмента. Инфотейнмент как метод и как формат подачи информации – явление полифункциональное. Речь в данном случае идет не только и не столько об информировании и развлечении. Контент, созданный в этом формате, предстает для аудитории удобным, интересным и практичным для пользователя.

Коммуникативная стратегия современных телеканалов стремится максимально отвечать на запросы аудитории. Подавляющее большинство программы создается в концепции инфотейнмента – информируя, развлекай. В связи с этим справедливо звучит утверждение о том, что «информация – товар, нуждающийся в выгодной продаже, а значит, с коммерческой точки зрения выиграет тот поставщик информации, не отличающейся в век интернета большим разнообразием, кто сможет выгодно ее преподнести» [4]. Рациональная «упаковка» контента заключается в грамотном использовании вербальных и невербальных приемов инфотейнмента.

Невербальные (визуальные) приемы инфотейнмента сегодня особенно актуальны. Массмедиа стремятся подавать любой контент в максимально простой и понятной форме. Исследователи подчеркивают тренд на повсеместное использование, например, инфографики: «она становится трендом, отвечающим требованиям современной журналистики – оперативной, насыщенной различными видами данных, мультимедийной» [5]. Инфографика, представляющая собой ни что иное, как креолизованный текст, активно применяется во всех типах СМИ. Так, на канале «Россия 24» выходит проект «Россия в цифрах» [6], который представляет статистические данные в виде динамичных графиков, таблиц, диаграмм. Авторы данного контента профессионально используют и содержательные, и структурно-композиционные приемы инфотей-

нмента. Музыкальное оформление, грамотный монтаж, визуализация данных – все работает на то, чтобы в простой и понятной форме донести до аудитории сложную информацию. При этом аудитория максимально погружена в процесс телесмотрения, так как ролики длиной всего в одну минуту выходят без закадрового текста.

Другой пример визуализации контента с помощью инфографики – рубрика «Газеты.ru» [7] с одноименным названием. «Об уходе каких брендов сожалению россияне», «Как менялась ключевая ставка Банка России», «Частичная мобилизация в России» – эти и другие темы подаются на информационном портале в виде схем, графиков, таблиц, диаграмм.

Таким образом, в результате четко продуманного сочетания вербальной и визуальной информации, в результате выражения авторского сознания посредством приемов инфотейнмента современные массмедиа успешно развиваются и завоевывают все новую и новую аудиторию. Инфотейнмент как коммуникативная стратегия современных массмедиа – своевременное и актуальное явление, которое еще долго будет привлекать исследователей в области теории журналистики.

Список литературы:

1. https://www.youtube.com/c/Редакция

2. Редакция. News: эпоха шмурдяка, оскорбители чувств, вальс автозаков // https://www.youtube.com/watch?v=g_Wtlxhtfbw

3. Вести недели // Эфир от 17.10.2021 // https://smotrim.ru/video/2348744

4. Захарченко Н.А., Карелова Т.В. Инфотейнмент как перспективный способ презентации видеоинформации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. № 4. Т.1. 2021. С. 104.

5. Лайкова Я. В. Инфографика в СМИ разного типа // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 4. С.42.

6. https://вести.сайт/video/rubrics/rossiya-v-cifrah/

7. https://www.gazeta.ru/infographics/

Д.А. Козлова,
Самарский университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОГО ФУД-БЛОГИНГА

Большая часть интернет-блогов, посвященных теме еды, динамично развивается. Формат перешел от инерционной подачи материала к интерактивной, нацеленной на активное взаимодействие с читателем. На основе анализа контента интернет-блогов разной тематической направленности выделяются коммуникативные стратегии современных фуд-блогов.

Ключевые слова: кулинарный блог, фуд-блог, коммуникация, коммуникативные стратегии, аудитория.

D.A. Kozlova,
Samara University

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF MODERN FOOD BLOGGING

Most of the Internet blogs devoted to the topic of food are dynamically developing. The format has moved from an inertial presentation of the material to an interactive one aimed at active interaction with the reader. Based on the analysis of the content of Internet blogs of different thematic orientation, the communicative strategies of modern food blogs are highlighted.

Keywords: culinary blog, food blog, communication, communication strategies, audience.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению Интернет-коммуникации, остается ряд дискуссионных вопросов, требующих более детального изучения. К актуальным проблемам современного Интернет-дискурса отнесем выявление коммуникативных стратегий интернет блогов.

В сетевом дискурсе особое место занимает коммуникация, связанная с приготовлением и потреблением пищи. Жанр «кулинарный блог» стремительно развивается на современном этапе, претерпевая значительные изменения в силу своей динамики и тематической многоаспектности. Он реализуется посредством определенных коммуникативных стратегий.

Жанр «кулинарный блог» является вторичным, реализуется в письменной форме, имеет сложную структуру. Базовыми для жанра «кулинарный блог» являются жанры бытовой рассказ, кулинарный рецепт, инструкция, рекомендация, совет.

Коммуникативные цели исследуемого жанра могут быть описаны следующим образом: 1) самоактуализация автора фуд-блога, стремление выразить собственное Я, желание быть узнаваемым и поделиться знаниями; 2) привлечение внимание читателей, желание выделить свой фуд-блог в ряду других блогов; 3) желание вдохновить целевую аудиторию на определенные поступки [1].

Установление социальной идентичности авторов кулинарных блогов реализуется посредством актуальной и виртуальной самопрезентации (осуществляется путем конструирования своего «Я» самоописания, создания определенного образа в глазах окружающих) [2].

Самопрезентация авторов фуд-блогов осуществляется посредством презентационной стратегии. Основная цель презентационной стратегии заключается в том, чтобы выделить себя из множества других авторов блогов, акцентировать свою реальную или искусственно сконструированную индивидуальность.

Существует множество различных презентационных стратегий, но самопродвижение и продвижение продукта/блога являются одними из основных [3]. Рассмотрим эти стратегии подробнее.

Стратегия самопродвижения. Эта стратегия заключается в том, чтобы презентовать себя как эксперта в своей области и убедить аудиторию в своей компетентности. Для этого можно использовать следующие методы: 1) рассказать свою историю успеха и показать, каким образом вы достигли своих целей; 2) предоставить примеры своей работы и результаты, которые вы достигли; 3) привести рекомендации или отзывы от своих клиентов или партнеров; 4) участвовать в конференциях, семинарах и других мероприятиях, чтобы познакомиться с другими экспертами и расширить свой кругозор.

Стратегия продвижения продукта/блога. Эта стратегия заключается в том, чтобы привлечь внимание аудитории к своему продукту или блогу. Для этого можно использовать следующие методы: 1) рассказать о преимуществах своего блога и показать, как он может быть полезен для аудитории; 2) продвигать свой блог через социальные сети и другие онлайн-каналы; 3) предлагать бесплатные или пробные версии своего продукта или создавать полезный контент для своего блога, чтобы привлечь новых читателей.

Важно отметить, что эти две стратегии могут использоваться вместе, чтобы максимально эффективно продвигать свой бренд и продукты.

Гастрономический блог – это отличный способ поделиться своими кулинарными и гастрономическими знаниями и опытом с другими людьми. Однако, чтобы привлечь и удержать внимание своих читателей, нужно правильно взаимодействовать со своей аудиторией [4]. В этом может помочь:

1. Использование красочных и привлекательных изображений. Фуд-блог, прежде всего, должен быть визуально привлекательным. Использование красочных и высококачественных изображений является одним из самых важных элементов фуд-блога. Фотографии блюд должны быть яркими и выразительными, чтобы вызвать аппетит у читателей.

2. Написание интересных и информативных статей. Коммуникативная стратегия также должна включать написание интересных и информативных статей. Статьи должны быть легкими для чтения, содержать полезные советы и рекомендации, а также интересные истории, связанные с едой и ее приготовлением.

3. Создание общины. Фуд-блог не должен быть просто местом, где вы выкладываете фотографии блюд. Читатели должны чувствовать, что они являются частью общины, связанной с этим блогом. Для этого можно использовать такие инструменты, как форумы, чаты и социальные сети, чтобы общаться с читателями и обмениваться опытом.

Список литературы:

1. Галичкина Е.Н. Коммуникативные стратегии и тактики самопрезентации авторов кулинарных блогов // Сборник научных трудов. Астрахань, 2018.

2. Елькина О.М. Самопрезентация автора текста в компьютерно опосредованной коммуникации // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2011.

3. Яшина А.Р. Методы самопрезентации и самопродвижения личности в контексте видеоплатформ (на примере food-блогов видеохостинга YouTube) // Огарёв-Online. 2020.

4. Егошкина В.А. Речевые стратегии привлечения и удержания внимания адресата в развлекательном радийном дискурсе // Коммуникативные исследования. 2018.

А.А. Косицин,
Самарский университет

ЧЕЛОВЕК НА ФОНЕ ЭПОХИ: ИНТЕРВЬЮ КАК СПОСОБ МИРОПОНИМАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Статья посвящена жанру портретного интервью, его роли и функции в современном мире. Показано сближение этого жанра с литературным жанром романа, отмечена роль открытых вопросов и иных форм открытости в современном интервью-портрете.

Ключевые слова: портретное интервью, открытый вопрос, жанр романа, проект «Человек в науке».

A.A. Kositsin,
Samara University

MAN ON THE BACKGROUND OF THE EPOCH: INTERVIEW AS A WAY OF UNDERSTANDING THE WORLD IN THE XXI CENTURY

The article is devoted to the portrait interview genre, its role and function in the modern world. The convergence of this genre with the literary genre of the novel is shown, the role of open questions and other forms of openness in the modern interview-portrait is noted.

Keywords: portrait interview, open question, novel genre, project «Man in Science».

Интервью, по словам В. Познера, сказанным им однажды во время лекции на телеканале «Дождь»[24], – самый сложный и в то же время самый интересный жанр [1]. При этом интересен он именно своей поэтологической сложностью. Для автора (интервьюирующего) каждое интервью – это всегда вызов, стремление к уникальности результата своего творчества, поскольку невозможно подготовить и провести два одинаковых интервью, потому что не бывает двух одинаковых людей, а если и представить, что таковое возможно, то очевидно, что – как для интервьюера, так и для читателя (зрителя) – второй из двух героев моментально потеряет свою уникальность. Даже интервью анкет-

[24] Признан в Российской Федерации иноагентом.

ного типа, когда совершенно разные герои отвечают на одни и те же вопросы, довольно скоро наскучивает читателю (зрителю). С.Н. Ильченко, автор учебного пособия о техниках интервью, справедливо дает студентам-журналистам такую рекомендацию: «Старайтесь не задавать вашему собеседнику традиционных и очевидных вопросов. Не спрашивайте у него о том, о чем спрашивают все остальные журналисты» [2, с. 110].

Индивидуальность подхода интервьюера к творческому процессу создания портретного интервью в целом стала очевидна в последние годы, когда электронные площадки уступили традиционным бумажным изданиям. Как отмечает С.Н. Ильченко, «ситуация интервью-портрета становится структурообразующим элементом, приближающим подобный эфирный продукт к очерку» [2, с. 26]. Однако если сопоставить жанровые системы современной журналистики и литературы, то можно заметить большее сходство портретного интервью, освещающего жизнь человека в его деятельности, с романом, освещающим личность в ее становлении. Портретное интервью, как и роман, – живой жанр, в нем нет жестких традиций, нет шаблонов, так что никогда невозможно заранее угадать, как сложится разговор.

Примечательно, что для обозначения интервьюируемого в настоящее время уже вполне традиционно стал использоваться литературный термин «герой». Герой интервью – человек со своей судьбой, со своим опытом, речевой манерой, реакциями, нереализованными мечтами, травмами, надеждами, – одним словом, характерная для жанра романа личность, и в зависимости от того, как она будет раскрываться в интервью, интервьюеру необходимо направлять ход самой беседы с помощью вопросов. Задача интервьюера – подобрать такие вопросы, на которые герою интересно будет отвечать, содержание ответов на которые могут подсветить новые грани героя. Сложность этой задачи состоит в том, что человек раскрывается не сразу, а постепенно, в ходе разговора, и поэтому каждый новый для него вопрос должен соответствовать моменту. Важно помнить, что в портретном интервью важно соблюсти пропорцию вопросов разного типа (информационных, аналитических и т. п.), чтобы выстроить перед читателем (зрителем) цепочку из историй и размышлений человека, и тем самым создать объемный портрет героя.

В настоящее время в Самаре реализуется проект «Человек в науке» (библиотека № 8 СМИБС), приуроченный к Году педагога и наставника. Это публичные интервью-портреты, беседы с героями – учеными и педагогами с большим педагогическим стажем (50 лет и более) об их жизни, пути в науку,

творчестве, идеях, книгах и – главное – об их «учителях» – людях, которые когда-то оказали сильное влияние на становление личности героев. Проект представляет собой серию портретных интервью, дающих возможность слушателю (зрителю) прочитать человека как книгу. Отчасти этот проект можно сравнить с некогда успешным проектом «Живая библиотека», время от времени проходившим ранее на различных городских локациях, с той лишь разницей, что публичный разговор в проекте «Человек в науке» не только и не столько о профессии, сколько о знакомстве с человеком как с системой его знаний, мировоззрения и ценностей. Разговаривая с героем (а такой разговор, как правило, длится в среднем 2-2,5 ч.), слушатели погружаются в жизнь героя и смотрят на нее его глазами, будто бы читая роман об этом человеке.

В современном мире довольно заметно вырос хронометраж портретного интервью: в целом он увеличился в разы, разросшись и вглубь и вширь охватываемых тем. С одной стороны, это произошло по технической причине, а с другой – по литературной, так как сам жанр романа или романа-автобиографии требует, говоря словами Пушкина, «болтовни». В ходе интервью герои рассказывают о своих учителях (в широком смысле слова) – о своих родителях, (пра)дедушках, (пра)бабушках и т. д. – о всех тех, кто повлиял на их становление. Тогда перед слушателями (зрителями) встает картина нескольких поколений, где каждый человек – звено в бесконечной цепи, будь то его предок или обыкновенный учитель, просто сосед или любой другой значимый взрослый, вписанный в историческую судьбу города и – шире – в жизнь Отечества.

Для успешного интервью исследователи подчеркивают важность вопросов открытого типа, поскольку они, в отличие от закрытых, требуют развернутого – а не просто утвердительного или отрицательного – ответа [3], а также возможность интерактивности, «когда зритель может задавать герою вопросы в прямом эфире или формулировать их для ведущего, готовящегося к передаче» [4, с. 32]. Интервьюер должен правильно понимать героя, непрерывно следить за ходом его мысли и все время развивать беседу в нужном русле. Все это требует от автора интервью, как пишет Т.Н. Исакова, «мастерства, навыков и соблюдения методических принципов интервьюирования, которые отрабатывались и рефлексировались несколькими поколениями исследователей. Этот процесс и сейчас не стоит на месте: придумываются новые способы и в то же время отмирают старые – несовместимые с новой эпохой» [5, с. 21].

Таким образом, в настоящее время портретное интервью имеет ряд особенностей, характерных для литературного жанра романа. Форма такого ин-

тервью стремится к максимальной открытости, интерактивности, неканоничности.

Список литературы:

1. Лекция Владимира Познера на телеканале «Дождь» // https://pozneronline.ru/2014/08/8707https://pozneronline.ru/2014/08/8707/

2. Ильченко С.Н. Интервью в журналистике: как это делается. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций», 2016. 236 с.

3. Лукина М.М. Технология интервью // http://library.lgaki.info:404/2020/Лукина%20М_Технология%20интервью.pdf

4. Амиров В.М. Интервью: от классического жанра к современным форматам (на примере программ «вДудь» и «А поговорить» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 3. С. 30-37.

5. Исакова Т.Н. Функционирование жанра интервью на современном этапе // Система ценностей современного общества. 2009. № 5-2. С. 19-22.

А.А. Нечитайло,
Самарский университет;
С.А. Нечитайло,
Самарский университет;
А.С. Никитина,
Самарский университет;
О.А. Гнутов,
Самарский университет

СОВРЕМЕННЫЙ ИЗДАТЕЛЬ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ДИАЛЕКТИКА ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье рассматривается влияние цифровой трансформации на формирование компетенций современного издателя. Подчеркивается важность транспрофессионализма в трудовой деятельности, раскрываются причины и особенности расширения компетенций в смежных областях деятельности.

Ключевые слова: цифровая трансформация, сетевизация, транспрофессионализм, блогер-редактор, сетевой издатель, повышение профессиональных компетенций.

A.A. Nechitailo,
Samara University;
S.A. Nechitailo,
Samara University;
A.S. Nikitina,
Samara University;
O.A. Gnutov,
Samara University

A MODERN PUBLISHER IN THE DIGITAL SPACE. DIALECTICS OF TRANSFORMATIONS

The article discusses the impact of digital transformation on the formation of competencies of a modern publisher. The importance of transprofessionalism in work is emphasized, the reasons and features of expanding competencies in related fields of activity are revealed.

Keywords: digital transformation, networkinization, transprofessionalism, blogger-editor, web publisher, professional competence enhancement.

Цифровизация, цифровая трансформация и сетевизация стали главными символами нашей эпохи, которые позволили у классического магазина отобрать прилавки и превратить его сначала в свободно посещаемый склад, а затем вообще в самореализующееся хранилище с круглосуточным функционированием. Нет ничего удивительного, что производство продуктов и услуг тоже претерпело серьезную трансформацию.

С конца первого десятилетия XXI века практически все технологии производства и продвижения товаров и услуг с целью повышения своей эффективности подверглись цифровой трансформации. Цифровая трансформация – это переосмысление способов организации труда работников для их эффективного взаимодействия с клиентами за счет использования современных технологий и анализа данных [1]. Digital и Data здесь – лишь инструменты преобразования, а не самоцель.

Сетевизация, повсеместное внедрение мобильного интернета и почти полное замещение классических персональных компьютеров и мобильных телефонов смартфонами, ноутбуками и планшетами – это еще одна реально ощутимая особенность эпохи цифровизации. Как результат – трансформация общения в том числе и с целью повышения профессиональных компетенций. Это повсеместные вебинары, онлайн-обучение на всех его стадиях, коучинг и т. д. Производство также рассредоточилось по всей планете. Зачастую мы знаем только о том, где было собрано данное устройство. Метка «made in…» не говорит нам, где и кем были изготовлены составляющие его части.

Не остались в стороне и средства массовой информации со своими процессами производства и распространения собственных продуктов: книг, газет, журналов, радио- и телепрограмм, web-сайтов, блогов и др. Практически вся их издательская деятельность была перенесена в интернет, в социальные сети [2]. И если в больших издательствах вся работа по выпуску материалов все-таки распределяется по многим сотрудникам, то блогер – это издатель, заключающий весь штат своего маленького СМИ практически в одном лице.

Глобальная сеть дает возможность каждому человеку высказываться и раскрывать свой творческий потенциал. По нашему мнению, блогера-предпринимателя можно назвать издателем только в том случае, если он производит продукт, прошедший редакционно-издательскую обработку. Такой

продукт – не просто контент или свободное «творчество», но полноценное издание, готовое для распространения среди читателей.

Цифровизация совместно с сетевизацией породили бум горизонтальных коммуникаций. Они создали социальную сеть – возможность эффективного общения с обратной связью, что, думается, навсегда объединило средства массовой информации и социальные сети. То есть издатель и социальная сеть становятся неотделимыми друг от друга. Раньше, до появления смартфонов, основной массе населения выйти в Интернет можно было только с рабочего компьютера и то в определенное время, а именно: до начала работы, в обед или задержавшись после работы, когда каждая страница грузилась по 5–10 минут. Сейчас же социальные сети, где происходит продвижение товаров и услуг с помощью СМИ, доступны в любом месте, в любое время и без каких-либо существенных ограничений.

В издательском деле изменилось практически все. Даже простая работа издательства по вычитке текста, техническому редактированию, верстке и в целом редакционно-издательской обработке изменилась кардинально.

Вспомним работу редакции издательства последнего десятилетия XX века. Контент от автора – в основном рукописный. Рисунки, таблицы и картинки выполнены в виде эскизов. Формулы вписаны от руки. В машбюро 15-20 машинисток стрекочут с утра до ночи, художник-график перерисовывает графики и таблицы, специалист-каллиграф вырисовывает от руки математические формулы, корректор вычитывает текст, технический редактор, линотиписты, наборщик и верстальщик создают макет будущего издания. Наконец, печатник и, при необходимости, переплетчик завершают дело по выпуску, например, книги, газеты или журнала.

За каких-то двадцать лет мы незаметно оказались в совершенно новом сетевом интерактивном цифровом мире. Современный редактор средств массовой информации – это транспрофессионал, заменяющий (вместе с персональным компьютером) практически в одиночку весомую часть выше перечисленного персонала редакции конца XX века.

Транспрофессионализм – это путь в сторону расширения и увеличения своих компетенций в смежных областях деятельности. Например, современному редактору (и не только), знающему и умеющему так много в своей профессиональной деятельности, становится необходимым владеть в совершенстве хотя бы одним иностранным языком.

Скажем больше, например, сегодняшний автор-журналист сетевых СМИ становится и редактором своих текстов. Это означает, что эффективная работа

СМИ зависит не только от количества узкопрофессиональных работников, но и от набора профессиональных компетенций каждого сотрудника.

Сверхвысокая динамичность протекающих в нашем реальном мире процессов не дает возможности крупному издательству разложить, например, процесс выпуска контента блога на классические составляющие. Затем выполнение работы по каждой составляющей поручить отдельным узким специалистам. После этого выпускающему редактору нужно будет объединить результаты работы всех участников и передать материал для размещения в блоге. Все это должно осуществляться достаточно быстро. Если выше описанный процесс создания материала будет длиться слишком долго, издательский продукт устареет и утратит свою привлекательность для потребителя [3]. Следовательно, вся проделанная работа окажется малоэффективной, а задача продвижения конкретного товара или услуги – на гране срыва.

Как видим, реальные процессы, протекающие при подборе материала и дальнейшем его превращении в привлекательный и интересный выпуск в соцсетях, требуют максимального сокращения сроков и разносторонней подготовки автора-блогера. Попробуем перечислить минимально необходимый набор таких компетенций на примере блогера: это навыки предпринимателя, журналиста, собирателя материалов, редактора, верстальщика-дизайнера и, как минимум, уверенного web-пользователя.

Журналисту-блогеру понадобится умение оперативно вычислять злободневные темы и на их основе создавать материалы блога. Знать и уметь пользоваться «золотой формулой контента» и уверенно делить его на вовлекающий, пользовательский, обучающий и рекламный. При этом не забывать, что для наилучшего восприятия соотношение видов контента в сообществе должно составлять: 40 % вовлечения, 30 % пользовательского контента, 25 % обучающих публикаций и только 5 % рекламных.

К сожалению, нет четкого определения, что входит в компетенции журналиста-создателя набора материалов для планируемого выпуска. Переплетение навыков стирает границы компетенций. Поэтому будем считать, что в данном случае его работа заключается в умении оперативно фиксировать актуальные события в цифровом текстовом, аудио- и видеоформате и надежно сохранять информацию в удобной для дальнейшей обработки форме.

Блогер-редактор должен уметь из набранного материала создавать контент, то есть составлять из разрозненных материалов логически и хронологически связанный текст, удачно добавлять в него видеоинформацию и оформлять контент

звуковым сопровождением. Затем оперативно вычитывать текст: править орфографию, пунктуацию и изменять стилистику на привычную для целевой аудитории.

Нельзя также упустить дизайн и верстку контента с учетом «золотой формулы контента». Верстальщик-дизайнер должен чувствовать ожидания потребителей и понимать, чем они в данный момент интересуются, что их волнует больше всего в контексте продвигаемого товара или услуги. Работа верстальщика-дизайнера превращает привлекательность, основанную на привычках и склонностях потребителя, в его заинтересованность.

«Уверенный web-пользователь» – это человек, умеющий за минимальное время разместить готовый контент в Интернете на нужной площадке, в подходящее время и именно там, где в данный момент находится его целевая аудитория. Уверенный web-пользователь должен иметь навыки «упаковки» контента в требуемую программную оболочку, знать, как разместить информацию в самом актуальном месте web-сайта, новостной ленты и т. п. и уметь сделать это [4-6].

Конечно, переходя на более высокий профессиональный уровень, блогеры делегируют часть своих задач. У них появляется достаточно средств, чтобы оплачивать работу сотрудников и освобождать за счет этого свое время. Даже несмотря на это, блогеру необходимо досконально разбираться во всех этапах создания контента, чтобы стать хорошим руководителем и организовать работу более узких специалистов, которые не могут вести свой блог, но готовы помогать уже состоявшимся проектам.

Таким образом, современный издатель-блогер в соцсетях сосредотачивает в своих руках ряд важнейших, разнопрофильных знаний, умений и навыков. Он начинает свой рабочий процесс как автор, наблюдающий определенное событие, затем как журналист вычленяет злободневную составляющую, группируя собранные аудио-, видео- и текстовые материалы по данной теме в одно целое. После этого он редактирует собранные материалы, логически выстраивая их в одну цепочку согласно выбранному экономическому целеполаганию. В конце концов придает им красочную, привлекательную форму, подобно обертке дорогой конфетки, и «вбрасывает» свое детище в выбранную сетевую структуру.

Следовательно, настоящее и будущее современного эффективного сетевого издателя состоит в цифровой трансформации профессиональной медиадеятельности и обладании широким транспрофессионализмом в экономической и смежных областях трудовой деятельности.

Список литературы:

1. Михайленок, О.М., Макушина, Л.В. Сетевизация сферы труда как «новая реальность» // https://cyberleninka.ru/article/n/setevizatsiya-sfery-truda-kak-novaya-normalnost

2. Больц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 135 с.

3. Минцберг Г. Стратегическое сафари. Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента. М.: Альпина Паблишер, 2012. 368 с.

4. Баринова Н.В. Современные тренды в продвижении товаров и услуг на рынке // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 3 (105). С. 167-175.

5. Продвижение бренда в социальных сетях средствами цифрового маркетинга // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2019. Vol. 9. Is. 6A.

6. Ильин А.И. Применение технологий социального медиа-маркетинга в деятельности любительского коллектива // https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2016/akt-problemi-skd/3/ilin.pdf

В.В. Трифонова,
Самарский университет

ФЕНОМЕН TELEGRAM-КАНАЛА ОБ ИСКУССТВЕ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Социальные сети в настоящее время предоставляют возможности самореализации большого количества людей, участия их в жизни современного общества. Мессенджер Telegram, превращается в социальный медиум, вбирая в себя функции соцсети, что привлекает большее количество пользователей. При этом рост пользователей этой платформы и значительное увеличение телеграм- каналов об искусстве позволяет говорить о перспективном развитии этого направления в современном медиапространстве.

Ключевые слова: мессенджер Telegram, публичные каналы, концептуальное решение, коммуникативные стратегии, миниблог.

V.V. Trifonova,
Samara University

PHENOMENON OF THE TELEGRAM CHANNAL ABOUT ART IN MODERN MEDIA SPACE

Social networks currently provide opportunities for the self-realization of a large number of people, their participation in the life of modern society. The Telegram messenger is turning into a social medium, absorbing the functions of the social network, which attracts more users. At the same time, the growth of users of this platform and a significant increase in telegram channels about art allows us to talk about the promising development of this direction in the modern media space.

Keywords: Telegram messenger, public channels, conceptual solution, communication strategies, miniblog.

Социальные сети в контексте новейших медиа являются ценной для освоения площадкой не только в плане изучения сетевого пространства, сферы коммуникации, но и в целом – в жизни человечества в XXI веке. Этот процесс можно проследить в «повышении скорости создания и публикации информации, трансформации коммуникационных моделей популярных и профессиональных взаимодействий, что влечет за собой увеличение динамики развития социальных медиа и появление новых моделей развития медиатехнологий, ге-

незисе новых социокультурологических феноменов, основанных на эволюции средств коммуникации» [1]. На непрерывное развитие и популярность социальных сетей влияют многие факторы: возможность самореализации большого количества людей, участия их в жизни современного общества, их потенциала для формирования новой, «гражданской» журналистики, в том числе создания новостей, а также уникальных произведений литературного, изобразительного, аудиовизуального и других видов творчества [2].

Кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями Telegram, по данным сервиса аналитики TelegramAnalytics, становится всё более популярной как среди обычных пользователей, так и в обществе контентмейкеров [3]. В 2022 году – это уже полноценная блог-площадка, активно перетягивающая на себя одеяло востребованности с других известных платформ. Использование Telegram не только для общения, но и для чтения каналов, – это один из главных трендов коммуникации последних лет. Мессенджер превращается в социальный медиум, вбирая в себя функции соцсети, что привлекает большее количество пользователей. Отечественные и зарубежные медиа охотно осваивают новую площадку для дистрибуции самого различного контента и наращивания аудитории. А.И. Соловьев в своей статье «Международный мессенджер Telegram как медийный ресурс» пишет об особой роли Telegram, отмечая, что он представляет для пользователей пространство с «гораздо большими возможностями, чем использование функций сугубо мессенджера». Авторские каналы различной тематики являются своего рода мини-блогами, где можно делиться любой информацией. «С точки зрения медийного участия отчетливо проявляется функция Telegram как ресурса, собравшего много влиятельных лидеров мнения» [4]. Публичные каналы, которые являются отличительной особенностью мессенджера Telegram, позволяют авторам отправлять сообщения неограниченному кругу лиц с сохранением анонимности. Однако значительное увеличение каналов об искусстве, которое наблюдается в последние два года, позволяет несколько иначе оценивать роль автора/модератора и, соответственно, коммуникативные стратегии [5]. В Топ-100 Telegram-каналов об искусстве представлены каналы-паблики, рассказывающие об искусстве объективно, например, лидирующий по количеству подписчиков «Тут картины показываем», и каналы, созданные профессионалами в области искусства. Так, автор канала «Культурные люди» Ксения Ламшина – руководитель радио «Культура», автор канала «Love them all» Марина Анциперова – главный редактор онлайн медиа «Объединение». Первый театральный Telegram-канал «вилисов постдраматический» был создан в 2016 году профессиональным театральным критиком Виктором Вилисовым.

Первый тип, каналы-паблики, представлен в мессенджере достаточно широко и занимает лидирующие позиции в рейтинге, как по охвату аудитории, так и по цитируемости [6]. Их основная функция – самообразовательная: «Живопись – главный воспитатель эстетики. «Тут картины показываем» – поможет взрастить утонченный вкус, а заодно запомнить художников знаменитых картин», «Дневная доза искусства. Говорим о картинах, скульптуре и совсем немножко – об истории» («Галерея в кармане»), «Шедевры эпохи Возрождения. Факты, сюжет, разбор» («Ренессанс наизнанку»). Все эти и многие другие Telegram-каналы об искусстве объединяет одно концептуальное решение: репрезентация контента направлена на удобное и комфортное саморазвитие, в качестве проверки знаний модераторы предлагают тестовые форматы, например, «Кто автор картины?», «Что изображено на переднем плане?» – при этом само изображение на переднем плане известной картины забрюлено, «Какие люди не могли теоретически встретиться в реальной жизни?» и т. д. с вариантами ответов, либо задают конкретные вопросы для обсуждения в комментариях. Так, Telegram-канал «Современное искусство» часто публикеют авторские фотосерии или фоторепортажи с различных перфомансов, задавая вопрос: «Искусство или нет?». Подписчики таких каналов отдают предпочтение содержательно наполненному тексту с лаконичной креолизацией, удобному и простому интерфейсу, индивидуальному выбору тематической направленности.

Для авторских Telegram-каналов об искусстве характерны иные особенности подачи контента и, соответственно, способы коммуникации: «По сути ты создаешь свое автономное СМИ, твоя персональная узнаваемость растет, ты лучше понимаешь аудиторию, которая тебя читает, – так считает Ксения Ламшина. – Блог дает больше возможностей выражать свое мнение и акцентировать внимание на важных для тебя вещах, чем официальное государственное СМИ» [7]. Искусствовед Ксения Коробейникова (Telegram-канал «ку-ку») одной из важнейших функций своего канала называет помощь художникам и арт-деятелям, Марина Анциперова проводит в своем канале благотворительные аукционы, выставляя работы молодых художников. Виктор Вилисов полагает, что его Telegram-канал «переворачивает ситуацию в российской театральной критике и вообще коммуникационный ландшафт российского театра» [8]. Своим главным достижением он считает, что «в прогрессивных театрах PR-департаменты теперь учитывают отдельную категорию «театральных блогеров» и сами всех приглашают». Тем не менее профессиональные Telegram-каналы рассчитаны не только на профессиональное сообщество, но и на тех, кто интересуется искусством, но не имеет достаточно времени,

чтобы посещать все мероприятия или хочет разобраться в не всегда прозрачных культурных процессах. Авторская точка зрения и оценка предполагают погруженность аудитории в контекст ситуации, помогает ориентироваться в культурном поле. Концепция Telegram-каналов этого типа зависит от личностных характеристик автора, коммуникативных целей и тематической направленности. Объединяет их использование автором личного профессионального опыта, ярко выраженная позиция, эмоциональность. Опросы и кнопки одобрения позволяют отслеживать активность читателей, а специализированные чаты для обсуждения делают общение с автором более личным.

Концепция телеграм-канала об искусстве зависит от множества факторов: тематической направленности, типологической принадлежности, профессионализма авторов и модераторов, умения писать информативно и емко и т. д. Однако значительный рост количества Telegram-каналов об искусстве и их подписчиков позволяет говорить о перспективном развитии этого направления в современном медиапространстве.

Список литературы:

1. Алексеева А.О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества: дис. … канд. филол. наук. М., 2006 // http://www.convergencelab.ru/files/newmedia.pdf

2. Павлик Д.В. Журналистика новых медиа // http://www.psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_8/voz_ newmedia.htm

3. Исследование аудитории Telegram 2022 / TGStat // https://tgstat.ru/research

4. Соловьев А.И. Международный мессенджер Telegram как медийный ресурс // Международная научно-практическая конференция. Минск, 2018. С. 133-134.

5. Бум на культурные телеграмм-каналы: кто их ведет и для чего // https://obdn.ru/articles/bum-na-kulturnye-telegram-kanaly-kto-ih-vedet-i-dlya-chego

6. Рейтинг Телеграм-каналов // https://tgstat.com/ru/ratings/channels/art?sort=members

7. Бум на культурные телеграм-каналы: кто их ведет и для чего // https://obdn.ru/articles/bum-na-kulturnye-telegram-kanaly-kto-ih-vedet-i-dlya-chego

8. «Зачем-то мне это надо» // https://teatralium.com/interviews/telegram_kanaly/

Е.В. Шокова,
Самарский университет;
И.В. Ахматова,
Самарский университет

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕДИАДИЗАЙН: ТЕХНОЛОГИИ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Цель исследования – изучение специфики создания и функционирования проектов цифрового медиадизайна, как технически сложных проектов, созданных на основе инновационных технологий виртуальной и дополненной реальности и искусственного интеллекта. Результаты работы позволили выделить основные модели и тенденции в развитии этого направления медиадизайна.

Ключевые слова: медиадизайн, медиаконтент, технологии медиадизайна, новые медиа.

E.V. Shokova,
Samara University;
I.V. Akhmatova,
Samara University

INNOVATIVE MEDIA DESIGN: NEW REALITY TECHNOLOGIES

The purpose of the study is to study the specifics of the creation and operation of digital media design projects, as technically complex projects created on the basis of innovative technologies of virtual and augmented reality and artificial intelligence. The results of the work made it possible to identify the main models and trends in the development of this area of media design.

Keywords: Media design, media content, media design technologies, new media.

На рубеже XX–XXI веков наступила новая эра в истории медиакультуры – это эра технической революции и бурного развития средств массовой коммуникации. Медиакультура включает в себя культуру передачи информации и

культуру ее восприятия, выступает в качестве системы медиатворчества, усваивания новых знаний посредством медиа и т. д.

При этом мы сталкиваемся с несколькими аспектами информации. Синтаксический аспект информации – это способ представления информации, не зависимый от ее смысловой и потребительской ценности. В соответствии с синтаксическим аспектом рассматриваются формы представления информации для ее передачи и хранения. Информация, представленная в соответствии с данным аспектом и предназначенная для передачи, называется сообщением. Семантический аспект информации – это содержание, соотносящееся с ранее имевшейся информацией. Особенности смысловых связей между словами отражает тезаурус (словарь). Прагматический аспект информации – это возможность её использования для достижения поставленной цели. Это отражает потребительские свойства информации и определяет ее ценность. Прагматический аспект информации появляется только при наличии единого подхода к информации у источника и потребителя относительно поставленной цели. Любая информация в ходе существования проходит через этапы, определяющие ее семантический, синтаксический и прагматический аспекты. При этом практически на всех этапах современного процесса преобразования информации задействованы механизмы принятия решений, в которых участвуют как человек, так и «машина». В этой системе «человек-машина» при принятии решения за человеком остается последнее слово – именно мы можем учитывать такие аспекты, как мораль, традиции, человеческие взаимоотношения – на этом построены цифровые технологии.

Язык медиа, как и любой другой язык, – это тоже технология. Медиа – это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды. С появлением медиа стало возможным говорить о расширении привычной для нас схемы коммуникативного процесса. Согласно Н.Б. Кирилловой, современная коммуникация определяется триадой «сообщение – коммуникация – интерпретация» [1]. При этом сообщение – послание, продукт интеллектуальной деятельности; интерпретация – восприятие, мысль, то есть ее приобретаемое знание; коммуникация – это операция передачи, трансляции информации.

Современная медиакультура характеризуется высокой интенсивностью потока информации (в первую очередь это аудиовизуальная информация: ТВ, кино, видео, компьютерные сети, мобильная связь, интернет). Это система комплексного освоения человеком окружающего мира в его социальных,

нравственных, психологических, художественных, интеллектуальных аспектах.

Медиакультура является знаковой системой, в которой с помощью текстового и визуального кода зашифрована социальная информация. В этой связи информационный дизайн является ярким представлением работы триады «сообщение – коммуникация – интерпретация», передающей информацию с помощью визуальных кодов. Все составляющие этой триады постоянно трансформируются благодаря цифровым технологиям и дают новые возможности реализации креативного воплощения и распространения медиаконтента.

Новые СМИ или новые медиа (англ. new media) — термин, который в конце XX века стали применять для интерактивных электронных изданий и новых форм коммуникации производителей с потребителями для обозначения отличий от традиционных средств массовой информации, таких как газеты, то есть этим термином обозначают процесс развития цифровых, сетевых технологий и коммуникаций. Конвергенция и мультимедийные редакции стали обыденными элементами сегодняшней журналистики.

Новые медиа – это сайты, блоги, подкасты, медиаплатформы, мобильные приложения, дизайн которых создается с возможностью оставлять комментарии, с видеовставкой, графическим дизайном, интерактивными элементами [2].

Дизайн новых медиа сложно назвать отдельным направлением в дизайне: скорее, он берёт от графического и веб-дизайна лучшее и умело это сочетает в проектах, где требуется нетривиально рассказать историю и вовлечь посетителя страницы. Медиадизайн изменился за последние 15-20 лет и ушел от только визуального эффекта. Передовые цифровые технологии дают большую свободу медиадизайнерам, речь идет о технологиях виртуальной и дополненной реальности и искусственного интеллекта [2].

Virtual Reality (VR) – виртуальная реальность – основана на создании компьютерных звуков и изображений. Она полностью отделяет пользователя от реальной реальности (RR) с помощью VR-шлема, наушников, джойстиков и заменяет её симуляцией. Термин «виртуальный» происходит от латинского virtualis – возможный.

Augmented Reality (AR) – дополненная реальность – это компьютерно-опосредованная реальность, в которой RR дополняется с помощью виртуальных изображений, анимации, эффектов или титров. Цель AR – усилить вос-

приятие реальности. В этом ее отличие от VR, которая заменяет реальность на симуляцию.

В сфере медиадизайна дополненная реальность решает вполне конкретные задачи:

– подбор цветов и их сочетаний к фотографиям;

– подбор интересных сочетаний текста и шрифтов;

– подбор вариантов композиций;

– ввод игрового момента в контент и др.

Последнее время наблюдается всплеск интереса к использованию нейросетей в медиадизайне. Нейронные сети – один из способов реализации искусственного интеллекта (ИИ), в его основе процесс машинного обучения, называемый глубоким обучением, который учит компьютеры обрабатывать данные способом, аналогичным работе человеческого мозга.

Искусственный интеллект активно и зачастую неосознанно используется в работе дизайнеров. Так, некоторые функции в редакторах графики и разработке презентаций основаны на «коллаборации» с нейросетями. Приведем несколько примеров:

– создание фотореалистичных пейзажей на основе эскизных изображений с возможностью последующего послойного редактирования результата в редакторах растровой графики;

– создание уникальных изображений с высокой степенью детализации;

– создание лиц несуществующих людей;

– анимация персонажей на статичных изображениях (фотографиях);

– «раскрашивание» и ретуширование черно-белых изображений (фотографий, видео), создание живописных картин и т. п.

В настоящее время достижения искусственного интеллекта активно внедряются в рабочие процессы, связанные с рутинной работой. На основании проведенного анализа предлагаемого в открытом доступе программного обеспечения, можно выделить следующие области внедрения ИИ в рабочие процессы медиадизайна:

– пакетная ретушь и обработка фото (цветовая и градационная коррекция, удаление фона и шума на изображениях, конвертирование файлов в заданные форматы и т. д.);

– создание моушн-эффектов – наложение звуковых эффектов, создание анимационных эффектов, генерация текстур, озвучивание текста на заданном языке и т. п.;

– рендеринг – создание плоского растрового изображения на основе двумерных или трехмерных исходных моделей;

– генерация музыки любого жанра;

– генерация текстового контента, видео и фото по описанию.

В качестве примера можно привести обработку графических материалов при создании карточек товаров на маркетплейсах, подготовка текстов для SMM-маркетинга и контента соцсетей. При этом следует отметить, что задействованные в перечисленных работах нейросети постоянно пополняются новой информацией, в том числе управляющего характера, адаптируются и совершенствуются, что вызывает одновременно восторг и тревогу у пользователей.

И.А. Розенсон отмечал, что «философия нового направления профессиональной деятельности – медиадизайна – добавляет … существенную поправку: предметно-пространственная среда предстала здесь средой информационной. По аналогии с «предметно-пространственной» такую среду можно было бы назвать «знаково-виртуальной», … информация стала первоосновой мира, и знакомая проблема «человек-машина» выглядит теперь как более широкая проблема «естественное –искусственное» [4].

Возвращаясь к образу «человек-машина», можно отметить, что процесс принятия решения человеком очень сложен и включает такие механизмы, которые невозможно предусмотреть и формализовать. Важными фазами в принятии решений, остающимися в прерогативе пользователя, являются постановка задачи, выбор критериев отбора решений или альтернатив и принятие окончательного решения. В подтверждение этому в сети интернет публикуются многочисленные примеры доработки сгенерированного нейросетью контента, это касается как текстовых, так и графических материалов. Анализ различных источников показывает, что фактически ИИ выполняет роль генератора решений и альтернатив, средством оптимизации при принятии решений, избавляя пользователя от рутинной работы.

Именно поэтому, несмотря на достижения современных цифровых технологий в медиадизайне, одной из важнейших задач является обеспечение высокого уровня культуры предоставляемой информации по форме и содержанию, что оказывает влияние на культурный уровень самого пользователя. Широкая доступность специального программного обеспечения и компьютерной техники вовлекает в медиаполе большое число людей, но отсутствие специальных знаний ведет к появлению некачественного контента.

Мультимедийный продукт является результатом синтеза художественного и технического в сочетании с грамотным проектным подходом (постановка целей, задач и пр.). Профессиональный цифровой дизайнер должен объединять в себе «образное мышление художника, системное мышление ученого и инновационное мышление изобретателя» [4].

Список литературы:

1. Кириллова Н.Б. Медиакультура и основы медиаменеджмента / Н.Б. Кириллова. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2014. 184 с.
2. Специфика медиадизайна // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №4. С. 5-21 // https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-mediadizayna
3. Медиадизайн: проблемы, преимущества, перспективы // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. Т. 173. С. 97-102 // https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32667269
4. Розенсон И. А. Основы теории дизайна. СПб.: Издательский дом «Питер», 2021. 256 с.

РАЗДЕЛ 8.
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ

М.В. Астахов,
Самарский университет;
Е.Н. Филимонова,
Самарский университет

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАТИКИ

В статье рассматривается вопрос о собственных – специальных методах исторической информатики, которые она применяет для разработки цифровых методов и методик, предлагаемых к использованию в исторических исследованиях. Выделяются следующие специальные методы: метод применения стандартных программ; метод соединения стандартных программ, метод разработки специализированных и специальных программ, метод разделения процесса исторического исследования на этапы и операции, метод синтеза цифровой методики, метод апробирования цифровых методов и методик.

Ключевые слова: историческая информатика, специальные методы исторической информатики, метод и методика исторического исследования.

M.V. Astakhov,
Samara University;
E.N. Filimonova,
Samara University

SPECIAL METHODS OF HISTORICAL INFORMATION SCIENCE

The article deals with the issue of special methods of historical informatics, which are used to develop digital methods and techniques proposed for use in historical research. The authors distinguish the following special methods: the method of applying standard programs; the method of connecting standard programs into a common package; the method of developing specialized and special programs; the method of dividing the process of historical research into stages, phases and operations; the method of approbation of digital methods and techniques.

Keywords: historical informatics, special methods of historical informatics, method and technique of historical research.

Историческая информатика как научная дисциплина, возникнув в начале 1990-х гг. во многом благодаря усилиям историков Московского государственного университета, прошла ряд этапов в своем развитии, но в настоящее время она все еще находится на стадии формирования. Вследствие этого продолжают оставаться дискуссионными многие вопросы ее методологии: предмета, научно-познавательной функции, статуса в системе исторических наук, и в том числе – вопрос о методах, которые она использует в собственных исследованиях и разработках, то есть вопрос о специальных методах исторической информатики.

Существуют два современных понимания исторической информатики: с одной стороны, как «междисциплинарного направления в исторических исследованиях», занимающегося «апробацией аналитических методов и компьютерных технологий в конкретно-исторических исследованиях» [1, с. 4-5], с другой – как вспомогательной исторической дисциплины, как общей цифровой методики исторического исследования [2]. Эти подходы часто пересекаются и не столько различаются между собой, сколько взаимодополняют друг друга. Такое понимание позволяет в широком смысле рассматривать проблему специальных методов исторической информатики, охватывая сразу два ее интеллектуальных поля.

Вопрос о специальных методах исторической информатики практически не ставился в ее исследованиях. В первом отечественном учебнике по исторической информатике 1996 г. впервые развернуто описываются методы, которые историческая информатика предлагает применять в исторических исследованиях и описывает их потенциальные возможности [3, с. 339-350], а в монографии И.М. Гарсковой (2018 г.) этой проблеме посвящены две главы: «Концепции и технологии исторической информатики» и «Методы и модели исторической информатики». Однако речь в них идет о методах применения баз данных и пространственном анализе, математических методах, методах математической статистики, методе анализа текста, а также исторического моделирования, которые историческая информатика «апробирует» и предлагает использовать в исторических исследованиях [1, с. 291-319]. Вопрос о собственных, специальных внутренних методах исторической информатики остается пока еще вне поля зрения исследователей.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы сделать первые шаги для выделения и описания тех специальных методов, которые использует историческая информатика в своей научно-познавательной практике.

В качестве первого метода мы предлагаем выделить такой метод, который первоначально сложился и был применен в исторической информатике – *метод применения стандартных программ* с целью выявления и апробирования их функций, потенциально применимых в историческом исследовании.

В 1990-е гг. на первом этапе освоения технологии баз данных историки отдавали предпочтение реляционным системам управления базами данных (СУБД) [4], таким как dBASE, FoxBase, Paradox и др. На их основе историки создавали базы данных исторической информации на материалах статистических источников и структурированных источников формулярного характера.

В начале 2000-х гг. стандартом СУБД становится MS Access, которая широко использовалась историками, создававшими базы данных в соответствии с задачами конкретного исторического исследования [5, с. 142].

В рамках статистического анализа часто используется стандартный пакет программ STATISTICA. Именного на него в период 1999-2009 гг. был ориентирован учебник для историков по компьютеризированному статистическому анализу [6].

Стандартные пакеты программ, не ориентированные изначально на задачи исторического исследования, позволяют реализовать какую-либо одну узкую исследовательскую функцию, в то время как большинство этапов и задач исторического исследования остаются вне их применения: это определение области исследования и ее строения, то есть выделение предмета, объекта и направления исследования; организационное планирование исследовательского процесса; библиографический и историографический этапы; этап осуществления научных эксцерптов; анализ и систематизация собранного научного материала; написание основы текста исследования; его аналитическая, стилистическая и техническая редактура. Вместе с тем эти задачи успешно решаются в рамках общей цифровой методики реализации всех базовых этапов исторического исследования. Они реализуются на основе возможностей стандартного пакета программ Microsoft Office [2; 7; 8].

Второй предлагаемый нами метод – это *метод соединения стандартных программ в общий пакет, ориентированный на решение задач исторического исследования.* К таким пакетам можно отнести программную систему CensSys,

разработанную Я. Олдероволлом (Норвегия), которая соединяет в себе СУБД, простой текстовый редактор и пакет статистических программ для анализа исторических источников анкетного типа [3, с. 287-291].

В качестве третьего может быть выделен *метод разработки специализированных и специальных программ* для реализации определенной историко-познавательной функции (задачи). Недостатки стандартных программ, не учитывающих особенности работы в базах данных с историческими источниками, историки пытались компенсировать созданием программных «надстроек» над ними. Примером этого является программная система SOCRATES, разработанная Л. Брере (Нидерланды) как «надстройка» над стандартной СУБД dBASE IV, предназначенная для извлечения фактической информации из слабо структурированных источников делопроизводственного характера, имеющих форму свободного текста, и для построения на их основе реляционных баз данных исторической информации по определенной предметной области [3, с. 271, 291-295].

Другим аспектом этого метода является написание специальных программных пакетов, ориентированных на реализацию какой-либо одной или ряда взаимосвязанных исследовательских задач, что предполагает владение историком-исследователем высоким уровнем программирования.

Примерами таких специальных программ, разработанных в 1980-е и первой половине 1990-х гг. первоначально за рубежом, а затем и в России, были источнико-ориентированные базы данных с дополнительными функциями:

– рабочая станция историка KlEIO, представляющая собой СУБД и специализированную экспертную систему для электронного анализа и классификации исторической информации сложных текстов и изображений средневековых источников (разработана в 1980-е гг. Манфредом Таллером в Германии) [9];

– программа FuzzyClass, предназначенная для создания нечеткой многомерной классификации исторической информации количественного характера и ее визуализации (разработана под руководством Л.И. Бородкина, исторический факультет МГУ) [3, с. 275-278];

– программа QaliDatE, разработанная Е. Беловой (исторический факультет МГУ) для классификации неколичественных данных исторической информации источников по определенной теме [3, с. 279-287].

Четвертый метод – *метод разделения процесса исторического исследования на этапы и операции*, позволяющие реализовывать их

полностью или частично посредством программ. Например, в рамках общей цифровой методики исторического исследования выделяется этап библиографического исследования по заданному предмету, который предполагает алгоритм поиска необходимой историко-библиографической информации в электронных каталогах центральных и региональных библиотек, операции по ее накапливанию, анализу и систематизации по различным критериям в электронной текстовой форме MS Word, соответствующей целям и этапу конкретного исторического исследования, а также отвечающей российским стандартам библиографирования и традициям исторической науки в России [2].

Пятый метод – *метод синтеза цифровой методики* путем соединения отдельных операций с исторической информацией в последовательность операций – в целостную методику исторического исследования или отдельного его этапа. Данный метод был также реализован в процесс разработки общей цифровой методики исторического исследования в рамках ее разработки в Самарском Центре аналитической истории и исторической информатики с середины 1990-х гг. до настоящего времени под руководством авторов [2; 9; 10].

Шестой из предлагаемых нами методов – *метод апробирования,* который предполагает практическое применение определенного программного метода обработки исторической информации (классификации, статистического анализа, построения математических или визуальных моделей) или разработанной общей или частной цифровой методики исторического исследования в конкретном исследовании. Это позволяет определить на практике эффективность цифровых методов и методик, предлагаемых для использования в научной практике. Метод апробирования широко используется в рамках исторической информатики с начала 1990-х до настоящего времени. Примером его использования могут служить следующие публикации:

– Баканов С.А., Гришина Н.В., Хамитова К.А. Метод баз данных в изучении диссертационной культуры и динамики отдельных направлений исторической науки (2022 г.) [12];

– Беклямишева А.А. Контент-анализ содержания многотиражной газеты ИАЭ им. И.В. Курчатова «Советский физик» (1967-1971) (2022 г.) [12];

– Бородкин Л.И. Комплексное изучение Транссиба как крупнейшего инфраструктурного проекта Российской империи: использование технологий 3D, ГИС, статистических методов (2022 г.) [12] и др.

Следует отметить, что в подобных работах авторы все же уделяют основное внимание конкретным результатам своего исторического исследования, а не анализу эффективности и перспективности применения использованного ими цифрового метода или методики. Это следует отнести, на наш взгляд, к неизбежным противоречиям процесса становления исторической информатики.

Таким образом, проведенный анализ методологической практики в рамках исторической информатики позволил выделить шесть специальных методов, которые используются исторической информатикой в разработке и апробировании программных и цифровых методов и методик, предназначенных для использования в исторических исследованиях. Мы оставляем будущим исследователям более глубокое изучение вопросов соотношения описанных методов, частоты их использования, динамики внимания к ним специалистов в рамках исторической информатики.

Список литературы:

1. Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.

2. Астахов М.В. Об основах общей [компьютерной] методики исторических исследований // Ломоносовские чтения 2006. Россия в XXI в. и глобальные проблемы современности. Научная конференция, апрель 2006 г. Сб. докладов / Под общ. ред. проф. Л.Н. Панковой. М.: ТЕИС, 2006. С. 390-394 // http://scahi.org/viewpage.php?page_id=32

3. Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Изместьева Т.Ф., Лазарев В.В. Историческая информатика. М., 1996. 401 с.

4. Мамедли Р.Э. Система управления базами данных. Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2021. 214 с.

5. Кончаков Р.Б. Перспективы использования стандартного программного обеспечения для анализа баз данных по социальной истории // Информационный Бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32. С. 141-142.

6. Компьютеризованный статистический анализ для историков / Под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1999-2009. 187 с.

7. Астахов М.В. Отраслевые стандарты исторической науки в информационных технологиях: к постановке проблемы // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации

«История и компьютер» / Под ред. Л.И. Бородкина, В.С. Тяжельниковой. М., 1996. 345 с.

8. Астахов М.В. Создание и настройка в редакторе Word 97-2002 шаблона «Документ историка» для использования информационных технологий при написании дипломной работы. Учебно-методическое пособие для студентов исторических факультетов университетов / Самарский государственный университет; СЦАИ. Самара, 2004. 18 с.

9. Бородкин Л.И. Рабочая станция историка: компьютеризированный идеал для комплексного анализа источника? (еще раз о системе KLEIO и проекте «Historical Workstation») // Информационный бюллетень комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН и Ассоциации «История и компьютер». М., 1993. № 8. С. 63-75.

10. Астахов М.В., Филимонова Е.Н. О программе курса исторической информатики: поиск оптимальной модели // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1995. № 15. С. 46-57.

11. Астахов М.В., Филимонова Е.Н. Историческая информатика: проблемы становления новой исторической дисциплины // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвященной 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28-30 апреля 2021 г.). Самара, 2021. С. 698-704.

12. Историческая информатика как historical data science. Международная научная конференция, XVIII Конференция Ассоциации «История и компьютер»: К 30-летию АИК и 10-летию журнала «Историческая информатика». Москва, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 11-13 ноября 2022 г. Научная программа // http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/7ae/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf

Н.Ф. Банникова,
Самарский университет

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье обращено внимание на изменение форм и методов распространения, потребления и взаимообмена информацией. Глобализация изменила современный мир, появление интернет-технологий вызвало возникновение новых форм общественных образований и приемов воздействия на общество. В связи с этим изменяется социальная функция интеллигенции: возрастает ее культурная миссия, роль в сохранении традиций и духовных ценностей.

Ключевые слова: информационные технологии, инфраструктура, общественное сознание, интеллигенция, культура, творчество, традиции.

N.F. Bannikova,
Samara University

INTELLIGENTSIA IN THE WORLD OF MODERN COMMUNICATION

The article draws attention to the changing forms and methods of dissemination, consumption and interchange of information. Globalization has changed the modern world; the emergence of Internet technologies has caused the emergence of new forms of public formations and new methods of influencing society. In this regard, the social function of the intelligentsia is changing: its cultural mission and role in preserving traditions and spiritual values are increasing.

Keywords: information technologies, infrastructure, public consciousness, intelligentsia, culture, creativity, traditions.

В последние десятилетия в мире активно развивается не только информационное, но и коммуникационное поле в виде сети Интернет. Изменяются формы и методы распространения, потребления и взаимообмена информацией. Глобализация изменила структуру современного мира плюрализмом информационных потоков. Информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) оказывают значительное воздействие на все мировое сообщество, в том числе и на российское общество. Интернет-технологии в высшей степени актуальны для нашей страны с ее протяженностью. Под воздействием ИКТ из-

меняется и характер социального взаимодействия, складывания новых форм общественных образований.

Интернет проник во все сферы общества на рубеже XX и XXI веков. Его вхождение в нашу жизнь и быт произошло быстрее массового освоения таких технических изобретений конца XIX-XX веков, которые изменили жизнь человечества (телефон, радио, телевидение и пр.). Интернет является уникальным пространством, дающим ее пользователям огромные возможности. В настоящее время Интернет стал универсальной инфраструктурой, которая способствует интеграции и российского, и мирового интеллектуального сообщества. Он стал источником научной информации: сбор необходимых данных, обмен материалами исследований, участие в научной жизни в рамках совещаний, конференций, знакомство со статьями электронных журналов и т. п. В Интернете появились сайты ведущих вузов, академических институтов, портал Российской Академии наук. Интернет используется во многих направлениях жизнедеятельности человека. Это – образование, здравоохранение, музейное и архивное дело, стал возможным доступ к театральным спектаклям ведущих театров страны.

Мир коммуникаций наполнен и новыми приемами воздействия на общественное сознание. Распространение интернет-технологий в современном обществе предоставляет невиданные возможности для журналистики, рекламы и других видов воздействия на массовое сознание, оповещение читателей, слушателей, зрителей. Интернет является одной из форм гражданской активности и солидарности населения и все больше оказывает влияние на формирование мировоззрения общества. В условиях глобализации усиливается взаимосвязь между информатизацией и политизацией населения. Это особенно ярко проявляется в настоящее время. Информация стала продуктом международных отношений.

Анализ мира коммуникаций выдвинул вопрос о роли и позиции интеллигенции в информационном поле, который стал предметом изучения ряда ученых страны.[25] Интеллигенция как социальная группа, сложившаяся в XIX столетии, в силу своей функциональной роли в обществе способствовала развитию средств массовой информации (статьи в газетах и журналах, просветительская и издательская деятельность, участие в общественных организациях). Поэтому социальная функция интеллигенции в настоящее время определяется присущей ей способностью генерировать идеи, создавать, хранить и трансли-

[25] Кукушкина Е.И. (Москва, МГУ), Тощенко Ж.Т. (Москва, РГГУ), Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург), Беляев В.А. (Казань) и мн. др.

ровать в пространстве и времени от поколения к поколению духовные ценности. Наличие высокой нравственности и предполагает ее активное участие в общественной жизни России.

Культурная миссия интеллигенции состоит в сохранении традиций и ретраполяции духовных ценностей, что должно обеспечивать преемственность духовных процессов. Но как подчеркнул В.Ф. Колязин, «сегодня интеллигенция выживает кланами». Понятие культуры на глазах трансформировалось до неузнаваемости [1]. На лучших традициях развивалась и развивается культурная жизнь России. Картина мира постоянно меняется, а традиции консервативны.

Несмотря на дискуссии о предназначении и качестве российского интеллектуального капитала, встает вопрос об усилении его влияния в публичном пространстве. В современных условиях наблюдаются процессы отчуждения личности от активной деятельности, изменился характер коммуникативных потребностей человека (особенно молодых людей). Массовая культура создает благоприятные условия для манипуляции сознанием, высокая культура, подлинная духовность оказывается все менее востребована. Под влиянием Интернета изменился и характер социального взаимодействия.

В последние годы наметились изменения в государственной политике в области культуры. Современный дискурс изобилует штампами – поэтому важно уделять больше внимания информационной культуре. Это одно из важнейших направлений деятельности интеллигенции. Как отмечалось еще в «Декларации прав культуры», принятой в 1997 году на «Конгрессе российской интеллигенции»: «…считать главной целью национальной культурной политики создание условий, способствующих спасению, сохранению и развитию культуры как духовной основы существования народа… вырабатывать механизмы противодействия экспансии массовой коммерческой культуры, ведущей к деградации личности, угрожающей как сохранению самобытности национальных культур, так и культурному развитию человечества в целом…» [2].

Важно понимать, что культура включает в себя прежде всего совокупность общечеловеческих ценностей, осознание которых возникает при помощи мысли, памяти, чувства. Язык народа – один из важных элементов культуры, но и культура проявляется в языке. В современной России остро встал вопрос о защите и бережном отношении к русскому языку. Именно интеллигенция с ее нравственной позицией в условиях, когда Интернет порождает множество проблем в информационном поле, может решать целый ряд задач. Ряд

исследователей обращают внимание на важность гуманитарного подхода к информации, который связан с анализом и ролью интеллигенции в формировании общественной жизни, и в формировании медиа-контента[26], и в исследовании воздействия ИКТ на образ жизни и человеческое сознание.

В условиях модернизации социокультурной сферы России в XXI веке нужно усилить внимание к роли медиакультуры, которая включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия. Интеллектуальный рынок в настоящее время сильно диверсифицирован[27] – на любые предложения находится спрос, а будет спрос – появятся и предложения.

Плюрализм и свобода, характерные для медиакультуры, стали превращаться в пошлость и ханжество. Видимо, нужен контроль над информационными потоками, содержанием средств массовой информации, определенное редактирование (но не запрет). Часто появляется конфликт рейтинга и нравственности. И на это следует обращать внимание и государственным структурам, и общественным организациям… Современные российские СМИ, управляя сознанием и поведением массовой аудитории посредством алармизма[28], снижают не только ценность человеческой жизни, но и порог чувствительности к человеческому горю. Все это предполагает активное включение в процесс их решения социально ответственной интеллигенции. Поэтому сегодня возрастает востребованность не только в консолидации самой интеллигенции, но и в усилении ее влияния в публичном пространстве [3].

Благодаря присущей интеллигенции чувства причастности к истории, она способна оказывать влияние на общество. Сегодня трудно представить российскую интеллигенцию без приобщения к современным технологиям. Основное значение внедрения современных информационных технологий – изменение системы духовно-практической деятельности и культурного творчества. Сегодняшний мир подошел вплотную к пониманию необходимости коренного переустройства жизни, что предполагает поиск новых форм социальной организации во имя сохранения цивилизационного мира. В настоящее время проблемой становится и отстаивание положительного образа России в

---

[26] Медиа – канал передачи сообщения, средства массовой информации. Этот термин впервые широко использовал Г.М. Маклюэн – канадский футуролог, исследователь массовых коммуникаций (См.: Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2007. 464 с.).

[27] Диверсификация – лат. разнообразие, разностороннее развитие, проникновение социализированных фирм (промышленных, строительных и др.) в другие отрасли (сферу услуг и пр.), что приводит к возникновению межотраслевых комплексов.

[28] Алармизм – фр. alarmism – тревога, беспокойство; необоснованные слухи, вызывающие тревожные настроения.

информационно-коммуникационной среде. Поэтому, видимо, необходимо в стране иметь центр, который мог бы контролировать информационное поле, в котором отрабатывались необходимые критерии всех форм информации. По сути, против России развернута грязная информационная война. Сегодня вопрос состоит в том, сможет ли Россия иметь собственное отличие и прежде всего какую нишу она займет в геополитическом и цивилизационном пространстве.

«…На карту сегодня поставлено будущее великой страны, и она ни при каких обстоятельствах не должна превратиться в мировое захолустье. Никуда ум, образованность, совестливость, сопереживание, духовные и нравственные начала, чувство личной ответственности за страну, изначально присущие российскому интеллигенту, не могут исчезнуть из жизни, пока российский человек вообще жив…» [4]. Эта позиция писателя Н.П. Шмелева не потеряла актуальности спустя почти четверть века.

Россия вновь ценой неимоверных и героических усилий отстаивает и сохраняет свой статус. А деятельность интеллигенции является одним из гарантов жизнеспособности нашего общества.

Список литературы:

1. Колязин В.Ф. Выживание русского интеллектуала – дело частного случая (casus primus). Необязательные заметки, неизбежные констатации // Вопросы философии. 2006. №12. С. 167.

2. Конгресс российской интеллигенции. СПб: СПбГУП, 1998. С. 272-273.

3. Гнатюк О.Л. Продуцирование новых смыслов российской интеллигенции: гуманитарные или информационно-коммуникативные технологии медиа-влияния // Интеллигенция в мире современных коммуникаций. Сб. статей. М.: РГГУ, 2009. С. 368-374.

4. Шмелев Н.П. Интеллигенция и реформы // Конгресс российской интеллигенции. СПб: СПбГУП, 1998. С. 47, 54.

Е.П. Баринова,
Самарский университет;
Н.Н. Кабытова,
Самарский университет

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ФОРУМЫ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье дан обзор генеалогических форумов, представленных в сети Интернет, которые содержат ценнейшую историческую информацию, необходимую для реконструкции семейных историй.

Ключевые слова: генеалогия, форумы, интернет, семейная история.

E.P. Barinova,
Samara University;
N.N. Kabytova,
Samara University

GENEALOGICAL FORUMS IN THE INTERNET-SPACE

The article provides an overview of genealogical forums on the Internet, which contain valuable historical information for reconstructing family histories.

Keywords: genealogy, forums, Internet, family history.

Резкий рост интереса к генеалогическим и биографическим исследованиям обусловил развитие специализированных ресурсов в интернет-пространстве. Генеалогический поиск недостающей родовой информации является основой формирования родового чувства и сохранения памяти о предках. Исследователи отмечают, что по мере осуществления генеалогического поиска и систематизации информации в семейных архивах формируется не только генеалогическая культура, но и социальная память личности [1, с. 51]. Одним из главных помощников как любителя, занимающегося поиском генеалогической информации о своей семье, так и профессионального историка, в задачу которого входит реконструкция биографических сведений о той или иной исторической личности, являются генеалогические форумы.

Любитель в процессе поиска информации о своих предках и родственниках использует форум для общения и поиска информации. Он не всегда задумывается о достоверности и репрезентативности информации, представлен-

ной в интернет-пространстве, чаще всего некритично ее оценивает. К тому же поиск генеалогической информации бывает затруднен фрагментарным характером сведений об истории семьи, судьбе предков, а также отсутствием либо незначительным уровнем навыков поиска в цифровой среде. Чрезмерное доверие к непроверенным источникам приводит к ошибочным построениям семейной истории или биографии рода. Даже в официальных документах, метрических книгах и архивных сведениях можно встретить всевозможные ошибки, касающиеся возраста, дат рождения и смерти, количества детей, написания фамилии, социального и общественного статуса человека.

Исследователь преследует другие цели. Он обращается к ресурсам генеалогических сайтов для сравнения содержащейся в сети Интернет информации, которая может существенным образом отличаться на разных ресурсах, либо для уточнения сведений и общения с краеведами.

Форумы известных российских генеалогических сайтов предоставляют пользователю достаточно разнообразные возможности. В первую очередь, их основной задачей является оказание помощи в поиске информации о семейном древе. Она может носить разнообразный характер и включать предоставление услуг профессиональных специалистов по поиску документально подтвержденных свидетельств и фактов о жизни того или иного человека; информационный обмен между пользователями, позволяющий скорректировать направление поиска или найти единомышленников; практические советы. Как и генеалогические сайты, форумы разнообразны по своей информационной насыщенности. Они позволяют пользователям оставить сообщение информационного или дискуссионного характера по предмету сообщения и таким образом объединить всех интересующихся генеалогической темой в единое сообщество. В ряде случаев генеалогические форумы могут являться самостоятельными ресурсами. Но преимущественно они входят в состав сайтов или порталов генеалогической направленности.

Наиболее старейшим и известным является генеалогический форум сайта «Всероссийское генеалогическое древо» [2]. Он включает в себя разнообразнейшую информацию – данные, предоставленные отдельными пользователями, результаты их генеалогических изысканий. По состоянию на 12 марта 2023 г. он включает в себя 95 606 тем, 2 975 855 сообщений и 554 015 пользователей. Данные на сайте постоянно обновляются, а количество зарегистрированных пользователей, тем и сообщений возрастает. Буквально за месяц количество пользователей выросло более чем на 4,5 тыс. человек. Сформировавшееся вокруг сайта комьюнити людей, искренне увлеченных генеалогией, ак-

тивно помогает новичкам в их изысканиях и первых шагах, направленных на изучение истории своего рода, что положительно оценивается исследователями [3]. Недостатком является как функциональная громоздкость форума, так и устаревшая навигация, затрудняющая поиск информации.

Форум обладает продуманной внутренней структурой. Он включает такие разделы, как «Читать всем!», в который входит путеводитель по форуму, а также ответы на технические вопросы и новости. В путеводителе приведены советы для начинающих исследователей, дано описание основных разделов форума, что позволяет ориентироваться в его структуре. Модераторы сопровождают общение в каждой категории форума.

Основными категориями форума являются фамильные темы, в которых возможно осуществлять поиск по фамилии, и географические, где поисковые запросы размещены в соответствии с регионом проживания или историей населенных мест. Фамильные темы являются наиболее востребованными, так как именно через общение в них наиболее продуктивен поиск генеалогических сведений.

Одной из самых объемных категорий является раздел «Войны и военные», где представлены архивные сведения и документы о судьбах участников войн. Ценнейшая информация содержится в разделе, посвященном Второй мировой войне. В нем представлены книги памяти, архивные данные, ссылки на цифровые ресурсы, позволяющие осуществлять поиск пропавших без вести и военнопленных, раненых и эвакуированных, новости поисковых отрядов. На наш взгляд, этот раздел форума является дополнением к государственному информационному порталу «Память народа». Его появление – свидетельство информационного запроса общества к архивистам и историкам по продолжению дальнейшей работы в области ретрансляции и сохранения памяти о подвиге советского народа на фронте и в тылу.

Также здесь можно найти сведения практически о всех войнах и военных конфликтах, в которых участвовала Российская империя, РСФСР, СССР. Представлена и генеалогия военных. Пользователь имеет возможности для общения, изучения документальных источников и исследований по темам Отечественной войны 1812 г., Восточной (Крымской) войны, Первой мировой войны, Гражданской войны, Афганской войны и др.

В категории «Архивы» содержится информация по тем архивам, в которых работали исследователи, поделившиеся своей информацией с участниками форума. Она включает в себя выписки из архивных путеводителей, описей либо дел, а также справочные сведения о специфике работы в том или ином

федеральном и региональном архиве. Категория «Генеалогия: теория и практика» является своеобразным справочным пособием для любителя-генеалога. В ней размещены различные проекты сайта, обзор генеалогических программ, рекомендации по поиску, некрополистика, справочная информация о документации, содержащейся в учреждениях культуры, образования и медицины. Ссылки на электронные библиотеки родословных, представленные в сети Интернет, анонсы изданных книг и отрывки из них, а также книги форумчан включены в раздел «Библиотека». Также на форуме есть информация о генетической генеалогии, генеалогических конференциях, фотографии из семейных альбомов.

Форум Союза Возрождения Родословных традиций (СВРТ) включает 7 основных разделов: объявления, генеалогический поиск, книжный мир, региональная и национальная генеалогия, краеведение, история, разное, проекты СВРТ и вопросы о деятельности сайта. В информационном плане форум менее подробный, однако на нем содержится интересная информация. В частности, одна из тем – база данных «Московское купечество» – содержит интернет-ссылки на электронные издания и сайты, посвященные московскому купечеству. Здесь же размещена подробная библиографическая информация (https://forum.svrt.ru).

В интернет-пространстве существует огромное количество краеведческих ресурсов, на которых, помимо сведений об истории малой родины, можно найти документальную информацию, например, фрагменты оцифрованных метрических книг, ревизских сказок, описи архивных фондов. Чаще всего форумы создаются при историко-родословных обществах, например, форум Ярославского историко-родословного общества (http://forum.yar-genealogy.ru/), форум Краеведческого портала «Родная Вятка» (https://rodnaya-vyatka.ru/forum), Уфаген (https://ufagen.ru/index.php/forum), Кубанская генеалогия (http://kubangenealogy.ucoz.ru/), форум Уральской генеалогии (https://rodgersforum.borda.ru/) и др. Они отличаются по активности и наполненности информацией. В сети Интернет есть и сайты отдельных людей, где организовано общение по проблемам генеалогического поиска (https://rusgenealogy.clan.su/forum/).

Массовый поиск генеалогических сведений приводит к доминированию эмпиричности в родословном дискурсе. Генеалогические форумы не только помогают в поиске исторической информации по той или иной проблематике, но и служат каналом диалога между исследователями, формируют генеалогическую культуру. Значимость общения на генеалогических форумах определя-

ется не столько личностным фактором и индивидуальной заинтересованностью исследователя, сколько попыткой сохранить память о своих предках, воссоздать историю семьи.

Список литературы:

1. Извеков И.Н. Генеалогическое исследование как приобщение человека к семейной идентичности // Проблемы высшего образования. 2016. № 1. С. 51-53.

2. Генеалогический форум ВГД // https://forum.vgd.ru/

3. Пашинина М.С. Мощнее корни – больше крылья // Самарский архивист. 2021. № 2. С. 83-86.

Л.А. Бурганова,
Казанский национальный исследовательский технологический университет;
Г.П. Мягков,
Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова;
О.В. Юрьева,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И СТУДЕНТОВ

В статье обосновывается необходимость учета социокультурных, личностных аспектов цифровизации высшего образования. Обосновывается повышение роли преподавателей в конструировании пространства смыслов актуальных общекультурных ценностей, способов деятельности, форм общения, необходимых в цифровом обществе. Обращается внимание на роль «неявного знания» как механизма передачи базовых общечеловеческих ценностей культуры в процессе цифровой коммуникации преподавателей и студентов.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, цифровые коммуникации, концепция личностного знания, «неявное» знание.

L.A. Burganova,
Kazan National Research Technological University;
G.P. Myagkov,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov;
O.V. Yurieva,
Kazan (Volga Region) Federal University

DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION: PERSONAL ASPECT OF INTERACTION OF TEACHERS AND STUDENTS

The article substantiates the need to take into account the socio-cultural, personal aspects of the digitalization of higher education. It substantiates the increasing role of teachers in constructing the space of meanings of actual general cultural values, methods of activity and forms of communication necessary in a digital society. Attention is drawn to the special role of «implicit knowledge» (M. Polanyi) as a mechanism for transferring the basic universal values of culture in the process of digital communication between teachers and students.

Keywords: digitalization of higher education, digital communications, concept of personal knowledge, «implicit» knowledge.

Дискуссии, разворачивающиеся сегодня относительно стратегии перехода университетов к использованию цифровых сервисов и решений, демонстрируют неоднозначную оценку процесса цифровой трансформации высшего образования. До сих пор при анализе результатов и определении перспектив цифровизации высшего образования преобладает акцент на ее организационных и технологических составляющих. Вместе с тем и в отечественных, и в зарубежных исследованиях, посвященных цифровизации высшего образования, констатируется необходимость учета иных аспектов его трансформации, в частности тех, которые оказывают влияние на развитие личности учащихся [1; 2; 3]. Сегодня становится актуальным продвижение гуманистической парадигмы цифровизации образования с ее акцентом на личностной, субъективной составляющей процесса воспитания и образования. При этом речь прежде всего идет о необходимости формирования субъектной активности студентов, их ответственности за результаты своей деятельности в эпоху цифровой экономики, открывающей, как известно, не только новые возможности для развития общества, но и создающей различного рода риски. Освоение базовых общечеловеческих ценностей и культуры в процессе обучения студентами становится, таким образом, одним из важнейшим условий успешного овладения практическими знаниями и последующего их использования в цифровом обществе.

В конструировании пространства смыслов актуальных общекультурных ценностей, способов деятельности и форм общения, необходимых в цифровом обществе, ведущая роль принадлежит преподавателям. На это отчасти обращает внимание разработанная в 2018 году Европейская модель цифровой компетентности преподавателей (DigCompEdu, 2018), в которой предусмотрены три направления развития цифровой компетентности преподавателей. Процитируем содержание компетенций в рамках третьего направления, которое называется «*Цифровые компетенции учителя, направленные на формирование цифровых компетенций учащихся»*: «информационная и медиаграмотность, навыки цифрового общения и сотрудничества, создания цифрового контента, ответственного использования цифровых ресурсов» [4]. И это все, никакой конкретики, никакой попытки осмысления культурных ценностей, необходимых специалисту эпохи цифрового общества.

В рамках данной публикации обратим внимание на коммуникативный аспект поставленной нами проблемы, а именно на то, каким образом происходит «встраивание» культурных ценностей в общий педагогический процесс передачи знаний. Для уяснения сущности этого процесса обратимся к положе-

ниям концепции «личностного знания» известного методолога науки Майкла Полани (Michael Polanyi), распространив ее эвристические возможности на понимание специфики учебно-научной цифровой коммуникации преподавателей и студентов. Ключевой идеей М. Полани стало положение о том, что ученых со всеми их пристрастиями и целями нельзя отделять от производимых ими знаний; в их личностном знании отражена не только познаваемая действительность, но и сама познающая личность со всеми ее интересами. Точно так же в деятельности преподавателя отражены не только его знания, но и его отношение к нему – не безразличное, а заинтересованное, наполненное эмоциями, чувствами; его личностное знание характеризуют, говоря словами М. Полани, «интеллектуальная страстность, владение языком, наследование культуры» [5, с. 278]. А это значит, что и преподавателей также нельзя отделять от их знаний со всеми их интересами, а также нельзя механически заменить их другими людьми или, что еще хуже, искусственным интеллектом.

«Личностное знание» М. Полани подразделил на «явное» и «неявное». В отличие от «явного» знания, выраженного вербальными средствами, существующего в виде текста, научных теорий и пр. и передаваемого без личных связей, «неявное» знание, по М. Полани, «невыразимо в словах», носит имплицитный характер, является «неосознаваемым», существует в форме скрытых, нерационализированных представлений об окружающем мире [5, с. 131]. Его нельзя освоить по учебнику, поэтому требуется непосредственное общение ученика с учителем, непосредственный личный контакт между ними – только так можно передать личный опыт (из рук в руки). Между учителем и учеником складываются особые эмоциональные, социально-психологические отношения, которые обеспечивают сохранение традиций, передач ценностей культуры от поколения к поколению.

На основе концепции «неявного знания» М. Полани можно сделать вывод о том, что, поскольку ценностные ориентации невозможно полностью вербализовать, именно «неосознаваемое знание» становится механизмом передачи базовых общечеловеческих ценностей культуры в процессе осуществления цифровых коммуникаций между преподавателем и студентом.

Результаты проведенных авторами данной публикации социологических исследований на протяжении 2020-2021 годов на базе ряда казанских университетов [6], дали основание для выводов, что в процессе осуществления цифровой коммуникации со студентами преподавателями пока не актуализирован ценностный аспект передачи знания. Переход на цифровые инструменты и платформы значительной части преподавателей (61,7 % респондентов) пока осуществляется в русле технократической модели цифровизации образования, основанной на восприятии ими таких дидактических преимуществ цифровых

информационно-коммуникационных технологий, которые обеспечивают свободу поиска информации в глобальной информационной сети 79,9 %); мультимедийность, способность задействовать различные каналы восприятия в учебном процессе (52,4 %); интерактивность (47,6 %). Однако они пока мало ориентированы на использование диалоговых цифровых форм обучения (вебинары, персональные виртуальные уроки, игровые технологии обучения), на базе которых только и возможно формировать неявное знание, формировать ядро общекультурных ценностей.

Таким образом, перспектива, предложенная Майклом Полани в его концепции «личностного знания», позволяет по-новому уяснить смысловое наполнение цифровой коммуникации преподавателя и студента и осознать ключевую роль «неявного знания» в трансляции базовых общечеловеческих ценностей культуры.

Список литературы:

1. Kameneva I. The actual questions of the realization of the personality-oriented educational paradigm in the context of digitalization // E3S Web of Conferences 273, 12060 (2021) INTERAGROMASH 2021 // https://doi.org/10.1051/e3sconf/202127312060

2. Orr D., Weller M., Farrow R. How is Digitalisation Affecting the Flexibility and Openness of Higher Education Provision? Results of a Global Survey Using a New Conceptual Model // *Journal of Interactive Media in Education,* 2019 (1): 5. P. 1-12. DOI: http://doi.org/10.5334/jime.523

3. Yureva O.V., Burganova L.A., Kukushkina O.Y., Myagkov G.P., Syradoev D.V. Digital Transformation and Its Risks in Higher Education: Students 'and Teachers' Attitude / O.V. Yureva, // Universal Journal of Educational Research 8 (11B): 5965-5971, 2020.

4. DigCompEdu 2018 (EU Digital Competence Framework for Educators) / // http.//ec.europa.eu

5. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: «Прогресс», 1985. 344 с.

6. Бурганова Л.А., Юрьева О.В. Готовность вузовских преподавателей к работе в цифровой образовательной среде: компетентностный подход // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 67-72.

В.С. Груздинская,
Институт всеобщей истории РАН (Москва);
Шешнёв А.С.,
Институт всеобщей истории РАН (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ БИБЛИОТЕЧНЫЕ СВЯЗИ И ОБМЕН НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ В ЭПОХУ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: СЛУЧАЙ В.А. АРТИСЕВИЧ

Статья посвящена развитию международных библиотечных связей в 1950-1960-е гг. В годы хрущевской оттепели происходит децентрализация и крупные библиотеки получают возможность прямого сотрудничества с иностранными коллегами. На примере деятельности директора Зональной научной библиотеки Саратовского государственного университета – В.А. Артисевич – рассматривается складывание и развитие международного сотрудничества.

Ключевые слова: В.А. Артисевич, Общество советско-чехословацкой дружбы, международные интеллектуальные связи, культурная дипломатия.

Благодарности: Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948-1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

V.S. Gruzdinskaya,
Institute of World History, RAS (Moscow);
A.S. Sheshnev,
Institute of World History, RAS (Moscow)

INTERNATIONAL LIBRARY RELATIONS AND EXCHANGE OF SCIENTIFIC INFORMATION IN THE ERA OF THE COLD WAR: THE CASE OF V.A. ARTISEVICH

The article is devoted to the development of international library relations in the 1950-1960s. During the years of the Khrushchev thaw, decentralization took place and large libraries got the opportunity of direct cooperation with foreign colleagues. On the example of the activities of the Director of the Zonal Scientific Li-

brary of the Saratov State University – V.A. Artisevich – the authors considers formation and development of international cooperation.

Keywords: V.A. Artisevich, Society of Soviet-Czechoslovak Friendship, international intellectual relations, cultural diplomacy.

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant, project No. 20-78-10053 «Soviet-Czechoslovak scientific communications in 1948-1991: the transfer of ideas and social practices of scientists».

Складывание и развитие научных и образовательных контактов в условиях Холодной войны, изучение инструментов и механизмов научной (культурной) дипломатии привлекают все большое внимание исследователей. Их интерес концентрируется вокруг деятельности отдельных ученых, конкретных ученых сообществ, а также научных и образовательных институтов. Однако от исследователей зачастую ускользают «вспомогательные» институции, оказавшиеся на периферии научной инфраструктуры. К таковым, бесспорно, следует отнести научные библиотеки. В «доцифровую» эпоху они оставались единственным храмом, где находилось место и древним фолиантам, и современным трудам. Потому международный обмен научной информацией оставался одной из важнейших функций библиотеки.

До середины 1950-х гг. международные библиотечные контакты были централизованы и смыкались на Государственной Библиотеке СССР им. В.И. Ленина. Связи развивались примерно по следующему сценарию: иностранные коллеги преимущественно из социалистического лагеря обращались, видимо, через разветвленную сеть партийных контактов к советским библиотекарям с просьбой прислать какие-то издания. Далее заведующим отделом международного книгообмена Ленинской библиотеки отправлялось письмо в научные библиотеки СССР с просьбой предоставить что-нибудь из списка для посылки. С 1956 г. научные библиотеки получают право самостоятельно вести обмен с иностранными библиотечными и научными центрами. В конце 1955 г. Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина рассылает письма зарубежным партнерам с сообщением об грядущих изменениях, которые были восприняты ленинградскими библиотекарями с воодушевлением. Очевидно, что для них это не просто упрощение процедуры обмена печатными изданиями, это нечто большее – понимание своей посреднической роли между учеными из разных стран. Например, именно такой диалог завязался с Государственной Педагогической библиотекой в Брно. Чехословацкие коллеги обра-

тились с такой просьбой: «В Ленинграде, как нам лично известно, и мы могли бы весьма Вам благодарны за сообщения о деятельности педагогических институтов Ленинграда, а также и иных институтов (например, Крымского педагогического института). Прямым путем нам очень трудно получить эти книги» [1, л. 226]. Международное сотрудничество Публичной библиотеки можно объяснить ее исторически особым местом в мировом библиотечном пространством, ее статусом, наличием уникальных книжных коллекций, известных во всем мире – что нельзя сказать о контактах с иностранными коллегами, которые развивались в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета (ЗНБ СГУ).

Ключевую роль в развитии этих связей сыграла директор ЗНБ СГУ Вера Александровна Артисевич, возглавлявшая библиотеку на протяжении более шестидесяти лет (1932-1999 гг.). Пожалуй, самые тесные контакты связывали ЗНБ СГУ с библиотекой Братиславского университета. Во время туристической поездки по Чехословакии в мае 1958 г. В.А. Артисевич посетила библиотеки нескольких университетов. Визиты имели практическую цель – познакомиться с опытом организации научных библиотек. Осенью 1957 г. ЗНБ переехала в новое здание, построенное специально для библиотеки и с учетом современных веяний. В Братиславе состоялось ее личное знакомство с директором университетской библиотеки Ю. Пашка, о котором ранее слышала добрые отзывы советских коллег, в частности, от М.И. Рудомино. Это знакомство, переросшее в дружбу на несколько десятилетий, создало благоприятную основу для расширения связей между Саратовом и Братиславой: между университетскими библиотеками Саратова и Братиславы было достигнуто соглашение об установлении дружественных связей и сотрудничестве, что положительно отражалось как на библиотечном деле, так и в научно-образовательной сфере [2, с. 185-187].

После посещения Чехословакии В.А. Артисевич просили сделать доклад об этой стране в мае 1960 г. в Доме политпросвещения. Председательствующая после выступления сказала: «У нас есть готовый председатель городского отделения Общества советско-чехословацкой дружбы!» [2, с. 154]. Присутствующие дружно проголосовали, и В.А. Артисевич активно принялась за работу новой общественной организации, созданной 6 мая 1960 г. До 1976 г. она возглавляла Саратовское отделение Общества советско-чехословацкой дружбы (ОСЧД), а в 1976–1989 – была заместителем председателя. В библиотеке для работы Общества была выделена так называемая «чешская» комната, оборудованная шкафами с литературой, сувенирами и народными костюмами из

Чехословакии. Библиотекой изготавливались афиши о мероприятиях, красочные бланки, конверты с эмблемой ОСЧД. В библиотеке появилась и активно пополнялась коллекция литературы на чешском и словацком языках, что для исследователей университета сыграло важную роль в развитии научного поиска, а для ряда молодых ученых – в определении поля исследовательских интересов. За период 1960-1980 гг. фонд ЗНБ СГУ получил около 800 книг о Чехословакии [3, л. 5]. Консультантом по вопросам истории был член правления ОСЧД доцент (впоследствии профессор) А.И. Озолин – специалист по истории гуситского движения [3, л. 5].

Одной из наиболее массовых форм сотрудничества были вечера и месячники дружбы, дни чехословацкой литературы, музыки и кино, встречи с чехословацкими учеными, партийными и государственными работниками. Культурно-массовая работа предусматривала сопровождение советско-чехословацких дружественных отношений массовой информацией по радио, телевидению и в печати, организацию кружков изучения чешского и словацкого языков, научно-популярные лекции и выставки о Чехословакии.

Неоднократно саратовские активисты ОСЧД во главе с В.А. Артисевич посещали Чехословакию. Программа визитов была насыщенной: экскурсии по городу, посещение промышленных предприятий, встречи с партийным активом страны. Примечательно, что приветственные речи во время этих поездок В.А. Артисевич произносила на словацком и чешском языках. Изучать языки братских народов она начала, когда стала председателем Общества [4]. На ЗНБ СГУ возлагались функции трансляции официального мемориального нарратива, общих «мест памяти». В частности, ежегодно майское заседание Общества посвящалось памяти освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. В 1967 г. по случаю 22-й годовщины этого события секретарь посольства ЧССР в Москве М. Гавласек посетил Саратов и научную библиотеку СГУ. В библиотеке состоялась встреча с саратовскими членами Общества, а чехословацкий гость подарил библиотеке ряд книг на чешском, словацком и русском языках, изданных в ЧССР. Отметим, что в разные годы ЗНБ СГУ посещали директор Чехословацкого государственного института кинематографии Ст. Звоничек (1963), заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК Компартии Словакии А. Воячек (1964), ректор Братиславского экономического института Л. Рендош (1971), сотрудники Братиславского университета, Словацкой академии наук и многие другие гости.

Международные контакты В.А. Артисевич выстраивались не только вокруг общественно-политической жизни. Не оставались в стороне и узкопро-

фессиональные, библиотечные вопросы. Актуальной для нее оставалась проблема организации научных библиотек. В феврале 1964 г. в Праге на международном совещании представителей социалистических стран по строительству, оборудованию и техническому оснащению библиотек В.А. Артисевич выступала с сообщением о принципах и технологиях, примененных при строительстве и оборудовании библиотеки СГУ [2, с. 49]. Интересна и поездка в мае 1961 г. В.А. Артисевич как стипендиата ЮНЕСКО в Англию, Италию, Швецию и Швейцарию. В общей сложности советская делегация, в которую также входили представители Министерства культуры РСФСР, Ленинской библиотеки, Ленинградского библиотечного института, посетили 47 библиотек в 15-ти городах [5, л. 1]. В отчете о командировке В.А. Артисевич признается, что несмотря на поверхностное ознакомление с библиотеками удалось установить деловые контакты с коллегами, обменяться опытом и мнениями. Советские делегаты увидели отличный от привычного им мир библиотечной жизни. Так, в Англии их поразило «отсутствие единого руководящего государственного центра», следствием чего является зависимость существования и финансирования библиотек от конкретного учреждения/предприятия [5, л. 3]. Неприятно удивила пропаганда легковесной литературы в виде детективов, а также «книг, извращающих миролюбивую политику СССР и советскую действительность» [5, л. 27]. Правда, В.А. Артисевич отметила немало положительных моментов, которые следует если не перенять, то хотя бы глубоко изучить. Например, координация комплектования английских библиотек, по которой в библиотеке собирается литература по конкретной отрасли знания. Такой подход, по ее мнению, способен обеспечить быстроту поиска изданий и обслуживания читателей, облегчает работу межбиблиотечного абонемента и др. Техническое оснащение западных библиотек особо восхитило В.А. Артисевич. Компактные шкафы-поезда используются в Англии, Швеции и представляют собой самую экономную и удобную форму хранения изданий. Также библиотеки хорошо оснащены техникой для репродуцирования, микрофильмирования и размножения материалов из фондов библиотек и др. Отношение западных библиотекарей к советским гостям было дружелюбное. В библиотеке Британского музея им показали фотокопию страницы из книги посетителей с росписью В.И. Ленина под псевдонимом журналиста Рихтера.

Подводя итог, скажем, что международные библиотечные контакты оживляются в годы хрущевской оттепели: происходит децентрализация, и крупные библиотеки получают возможность прямого сотрудничества с иностранными коллегами. На то, как развивались (и развивались ли) эти связи,

насколько они были эффективными и успешными, оказывали влияние разные факторы, в том числе и личностный. Пример директора университетской библиотеки В.А. Артисевич – яркое тому доказательство.

Список литературы:

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 829.

2. Библиотечная легенда. К юбилею директора Зональной научной библиотеки Саратовского университета Веры Александровны Артисевич. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1996.

3. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 6261. Оп. 2. Д. 152а.

4. Шаталина Э.Л. Жизненный подвиг моей мамы // Вспоминая Библиотечную легенду…: сборник воспоминаний о Вере Александровне Артисевич. Саратов: Научная книга, 2008. С. 43-67.

5. По библиотекам Англии, Швейцарии, Швеции и Италии (Отчет о командировке) // Фонд материалов Научно-методического отдела ЗНБ СГУ. М. 2100.

Ю.А. Жердева,
Самарский университет

ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С МЕДИА В ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Рассматриваются принципы работы с медиа, которые были апробированы автором на курсах новой культурной истории и публичной истории. Были выделены принципы: интегративность (включение открытого лекционного видеоконтента), мультиплатформенность и визуальность, дедуктивность (изучение от общего к частному), источниковедческий подход, проективность (вовлечение студентов в создание собственных медиа для лучшего усвоения материала).

Ключевые слова: цифровые медиа, публичная история, новая культурная история, методика преподавания истории.

Y.A. Zherdeva,
Samara University

PRINCIPLES OF WORKING WITH THE MEDIA IN THE TEACHING OF HISTORY DISCIPLINES

The article is devoted to the principles of working with the media, which were tested by the author in teaching courses on the new cultural history and public history. The author highlighted the following principles: integrativity (inclusion of open lecture video content), multiplatform and visualization, deductivity (study from the general to the particular), source studies approach, projectivity (involving students in creating their own media for better comprehension of the material).

Keywords: digital media, public history, new cultural history, methodology of teaching history.

Образовательная система в условиях технологических инноваций переживает состояние, которое можно описать через две противостоящие друг другу тенденции. С одной стороны, она должна ориентироваться на опережающее развитие, то есть не просто соответствовать меняющемуся технологическому укладу, но и предвидеть социальные и экономические тренды, подго-

тавливая специалистов для будущих профессиональных областей. С другой стороны, она по-прежнему остается чрезвычайно инерционным социальным институтом, трансформация которого традиционно отстает от эволюции технологического уклада и требует существенного времени для своего переустройства [1]. В каком-то смысле трансформация образовательной системы в цифровую эпоху является наглядной иллюстрацией знаменитой апории Зенона: как Ахиллес никогда не догонит черепаху, которая всегда будет оставаться в движении, так и система образования не сможет опередить технологический рывок и предвидеть все его социальные последствия, но и оставаться в покое она тоже уже не сможет.

Принять эту, казалось бы, простую ситуацию в практике преподавания высшей школы достаточно сложно. Цифровизация самого уклада социальной жизни требует формирования особых навыков цифровой грамотности у всех участников образовательного процесса: преподавателей, студентов, управляющего персонала [2]. Если хотя бы один из участников этой триады оказывается недостаточно хорошо оснащен технически (слабая производительность технических устройств; низкая скорость, плохое покрытие или нестабильное соединение сети Интернет; недостаточное обеспечение техническими средствами обучающихся или обучающих; недостаток помещений для индивидуальных занятий и проч.) [3, с. 70], либо не слишком сильно мотивирован для работы с цифровыми инструментами, – эффективность образовательного процесса будет ниже, чем в практиках хорошо отработанной доцифровой методики преподавания.

Между тем ряд современных направлений исторической науки уже не может эффективно изучаться и преподаваться без применения цифровых технологий. К ним в первую очередь относятся дисциплины, предполагающие изучение медиа: в нашей практике – это новая культурная история (бакалавриат) и публичная история (магистратура).

Можно выделить несколько основных принципов, которые были выработаны нами в процессе преподавания этих дисциплин в 2020-2022 гг.

1. Интеграция в образовательный процесс имеющегося в Интернет-сети открытого лекционного видеоконтента.

Преподавание рассматриваемых дисциплин в данный момент не обеспечено МООК Самарского университета, однако допускает обращение к отдельным тематическим модулям курсов, имеющихся на российских платформах-агрегаторах открытых онлайн-курсов: «Открытое образование» (OpenEdu),

«Лекториум» и Stepik. Критериями введения отобранных материалов в курс являлись, во-первых, соответствие видеолекций онлайн-курса тематике рабочей программы дисциплины; во-вторых, качество лекционного материала (авторы должны были иметь не только преподавательский опыт, но и научную специализацию в рассматриваемой проблематике), в-третьих, доступность видеоматериалов в течение всего срока преподавания дисциплины (большинство использованных в курсе модулей до 24 апреля 2023 г. имели бесплатный, неограниченный по времени доступ при условии регистрации студента на платформе и записи на онлайн-курс). В процессе работы с видеоконтентом мы обращали особое внимание также на институцию, которая разрабатывала МООК, это должно было закрепить у студентов понимание ключевых научных и образовательных площадок в области социальных и гуманитарных исследований в нашей стране.

В итоге были выбраны отдельные модули из следующих курсов: «Культурология» (В.А. Куренной, НИУ ВШЭ, OpenEdu), «Современный культурный процесс» (В.А. Куренной, И.В. Кукулин, Р.З. Хестанов, НИУ ВШЭ, OpenEdu), «История и теория медиа» (И.В. Кирия, НИУ ВШЭ, OpenEdu), «Цифровая история» (Д.А. Гагарина, НИУ ВШЭ в Перми, OpenEdu), «Школа истории русской журналистики» (Е.С. Сонина, СПбГУ, Лекториум), «Введение в Memory Studies» (Ю.А. Сафронова, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Stepik), «Историческая антропология» (М.М. Кром, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Stepik), «Междисциплинарные методы и подходы к изучению прошлого в современных гуманитарных исследованиях» (Б.И. Колоницкий, Ю.А. Сафронова, М.М. Кром, А.И. Миллер, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Лекториум).

Часть этих курсов заявлена на платформах как курсы для академического бакалавриата, часть – для магистратуры, а «Школа истории русской журналистики» рассчитана на прохождение курса независимо от образовательного уровня. В целом работа с отдельными модулями курсов не вызывала трудностей у студентов, напротив, давала им возможность визуального и аудиального контакта с авторами научных публикаций, которые они читают во время изучения дисциплины.

2. Мультиплатформенность и визуальность

Сочетание нескольких видов медиа в преподавании исторических дисциплин (презентации, видеоматериалы, онлайн-тесты, интерактивные доски Miro и Jamboard, онлайн-библиотеки, исследовательские или просветитель-

ские проекты в сети Интернет и т. п.) обусловлено самим устройством современной цифровой реальности и изменением восприятия текста в ней. Исходя из того, что «большинство современных читателей чувствуют себя гораздо комфортнее, если при чтении они опираются на зрительные впечатления» [4, с. 19], мы уделяли большое внимание методам визуализации материала. Например, преподавание публичной истории предполагает изучение студентами различных видов медиа, от анализа публикаций в специализированных журналах (существуют с 1980-х гг.), до изучения художественных и документальных фильмов, сериалов, видеоигр, подкастов, то есть основной объем приходится именно на визуальные медиа.

3. Дедуктивный принцип работы, изучение от общего к частному

Опыт работы с медиа показывает, что их изучение в курсе публичной истории следует начинать с анализа ключевых проблем в изучении исследований памяти в современной гуманитарной науке, подходов к пониманию коллективной памяти, инструментов ее конструирования и процессов ее трансформации. Только после того, как студенты усвоят основной терминологический аппарат и смогут ориентироваться в теоретических подходах к пониманию социального конструирования памяти, можно переходить к изучению медиа. На следующем этапе мы изучаем особенности отдельных медиатехнологий, исторические практики их формирования, специфику сценарного построения, художественного языка. И на последнем этапе начинается работа с кейсами: выбираются конкретные медиа, на примере которых можно отработать теоретические знания и решить практическую задачу.

4. Источниковедческий анализ медиа (цифровые медиа как исторический источник)

Введение в практику преподавания исторических дисциплин медиатехнологий, разумеется, не является чем-то новым: медиа в той или иной форме (аудиозаписей, слайдов, видеофильмов и пр.) использовались в учебном процессе для иллюстрации изучаемых исторических событий. Суть рассматриваемого нами подхода заключается в принципиально ином отношении к медиа: теперь это не иллюстрация учебного или научного текста, а самостоятельный исторический источник. И работа с ним должна быть организована ровно таким же образом, как историки работают сегодня с письменными текстами, вещественными памятниками или визуальными источниками.

Соответственно, в работе с медиа критически важна источниковедческая подготовка студента. Основная задача студента-историка – правильно пони-

мать специфику конкретного медиа (театральная постановка, графический роман, художественный фильм, исторический сериал, сайт, YouTube-канал, подкаст, социальные сети и т. д.), особенности языка данного медиа как такового, обстоятельства возникновения конкретного медиа и способы расшифровки его содержания. В определенном смысле, это умение провести внешнюю и внутреннюю критику медиа как исторического источника, а также способность вписать его в культурный, социальный, политический и экономический контекст.

5. Практика создания собственных медиа

Наконец, лучшее понимание специфики медиа дает студентам проектная деятельность по созданию своего собственного медиа-продукта. Например, в курсе новой культурной истории наиболее понятным и интересным для студентов оказалось задание по визуализации воображаемого диалога между историками-авторами изучаемых на семинаре текстов в рамках темы «“Воображаемые сообщества” и изобретенные традиции», благодаря которому студенты 2 курса смогли лучше разобраться с текстами Э. Ренана, Б. Андерсена и Э. Хобсбаума (Рис. 1).

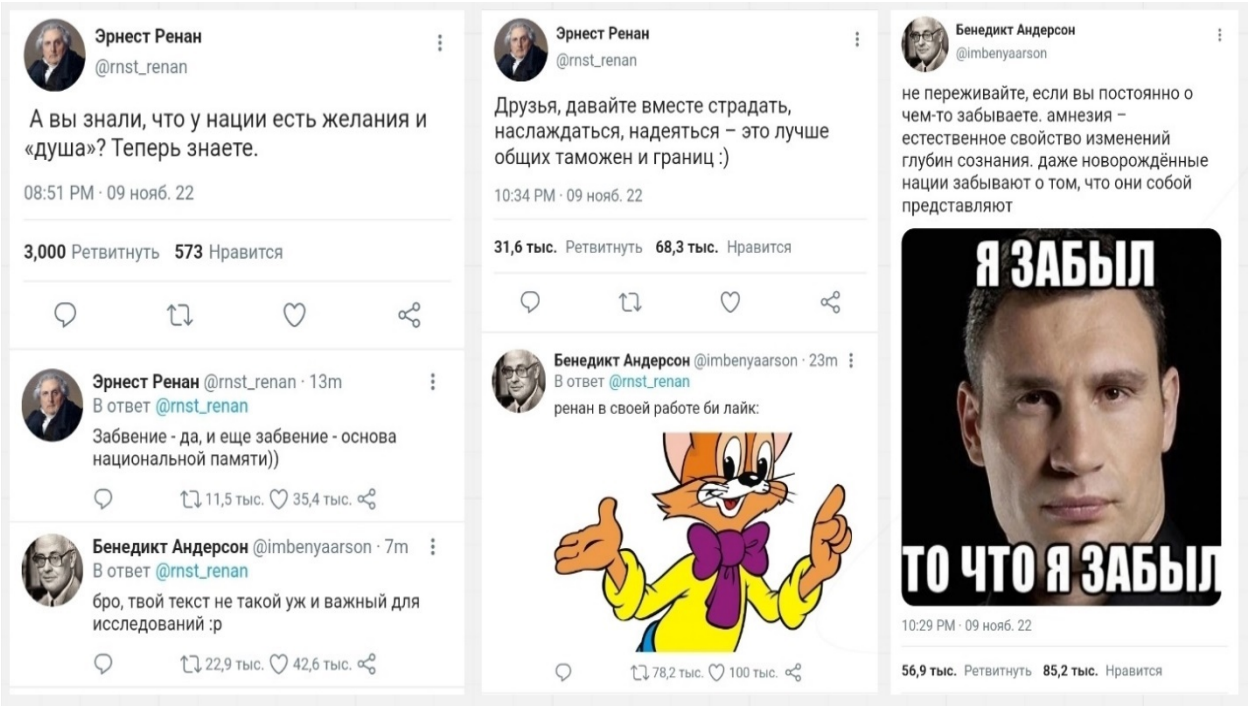


Рис. 1. Визуальный диалог по теме «Воображаемые сообщества» и изобретенные традиции»

Конечно, такие практики имеют ряд существенных ограничений, но их мотивационный и эвристический потенциал требует пристального внимания со стороны преподавателей исторических дисциплин.

Список литературы:

1. Матвеева Н.А. Инерционность системы образования в России: (теория, методология и опыт социол. исслед.): моногр. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. 262 с.

2. Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей / Д.И. Сапрыкина, А.А. Волохович. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 32 с.

3. Малаканова О.А., Орлова Т.П. Электронная информационно-образовательная среда университета: социологический анализ (на примере Самарского университета) // Семиотические исследования. 2021. Т. 1. № 3. С. 59-73.

4. Масленкова Н.А. Цифровая антропология: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 80 с.

П.С. Кабытов,
Самарский университет

ЭТНИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ В ИНТЕРЬЕРЕ ПЕРВОЙ ВСЕОБЩЕЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1897 ГОДА

В статье на основе данных Первой всеобщей переписи населения выявлены этнические территории в губерниях Поволжья, проанализировано количественное соотношение различных этнических групп.

Ключевые слова: Поволжье, этнический состав населения, всеобщая перепись населения.

P.S. Kabytov,
Samara University

ETHNIC TERRITORIES OF THE VOLGA REGION IN THE INTERIOR OF THE FIRST ALL-RUSSIAN CENSUS OF 1897

The article is based on the data of the First general census of the population of the Russian Empire and devoted to the analysis of the ethnic territories of the provinces of the Volga region and the quantitative ratio of various ethnic groups.

Keywords: Volga region, ethnic composition of the population, general census of the population.

Этнодемографическая ситуация второй половины XIX в. нашла отражение в научных трудах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других дореволюционных историков, экономистов и статистиков. Не прошли мимо этой проблемы и советские историки. Особо отметим фундаментальные труды А.Г. Рашина [1]. Миграционные процессы получили освещение в трудах Б.В. Тихонова, Л.Ф. Склярова, П.Ф. Степынина и др. Этнодемографическая ситуация находилась также в центре внимания историков-аграрников. Из новейших исследований особо выделим фундаментальное исследование В.Г. Тюкавкина, в котором прослежены основные факторы, влиявшие на численность и размещение великорусского крестьянства накануне и в период проведения столыпинской аграрной реформы [2]. В новейших исследованиях выявлены особенности формирования «своеобразного социума из различных в этническом и

конфессиональном отношении групп переселенцев: русских, украинцев, немцев; автохтонного населения Среднего Поволжья – татар, чувашей, мордвы, башкир…» [3, с. 5]. Важным является вывод самарских историков о том, что переселенцы, прибывшие в Поволжье, практически не делились на автохтонное коренное и пришлое население.

В Поволжье включены Казанская, Симбирская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии. Многонациональный регион представлял собой внутреннюю окраину Российской империи. Но в связи с развитием речного судоходства, сооружением сети железных дорог и эволюцией финансовой инфраструктуры Поволжье во второй половине XIX в. становилось неотъемлемой частью ядра Российской империи. Волга, её притоки, леса и плодородные земли были объектом хозяйственной деятельности как государства, так и дворян, предпринимателей и огромного количества мигрантов из центральных великорусских губерний, Украины, верхневолжских уездов, немцев-колонистов. Именно здесь, в Поволжье, занимаясь хозяйственным освоением региона, они обретали новую родину.

Источниковую основу исследования составили материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые позволяют охарактеризовать численность населения в этом крупнейшем регионе Российской империи, показать географическое размещение разных национальных и конфессиональных групп населения в губерниях Поволжья, очертить границы расселения тех или иных этнических групп переселенцев.

К середине XIX в. завершилось заселение и освоение территории Казанской, Симбирской и Пензенской губернии. Иная этнодемографическая ситуация была в лесостепных и степных уездах Самарской и Саратовской губерний, в заселении которых активное участие приняло автохтонное население Поволжья. Татары, мордва, чуваши, башкиры переселялись в эти районы из Казанской, Симбирской, Пензенской и Уфимской губерний. В 60-80-е гг. XIX в. завершается процесс заселения Бугульминского, Ставропольского, северных частей Самарского, Бугурусланского и Бузулукского уездов. Такая же ситуация была характерна для лесостепных уездов Саратовской губернии. Процесс заселения степной полосы Поволжья связан с формированием в этом регионе новой российской житницы, а также с ростом численности фермерских хозяйств, поставлявших на внутренний и внешний рынки товарное зерно и муку.

По данным переписи 1897 г. в регионе насчитывалось 7 122 тыс. русских, 1 180 тыс. татар, 768 тыс. чувашей, 763 тыс . мордвы, 398 тыс. немцев,

384 тыс. украинцев, 122 тыс. марийцев [4]. Отметим, что в XVII-XIX вв. здесь шел процесс формирования этнически смешанного населения. Русские крестьяне жили совместно с мордвой, чувашами, татарами, марийцами, между ними не возникало конфликтных ситуаций и противоречий. Русское население преобладало. В Пензенской губ. оно составляло 81,57 %, Саратовской – 75,35 %, Симбирской – 71,64 %, Самарской – 64,92 %. Его процентная доля была ниже в Астраханской – 43,15 % и Казанской – 41,67 % губ. Оно было сосредоточено в юго-восточной части Казанской губернии, междуречье Камы и Волги, в Свияжском, Казанском, Лаишевском, Спасском, Лаишевском, Чистопольском уездах, где его удельный вес колебался от 68,6 % до 48,4 %. Большую часть населения русские составляли в Симбирском, Карсунском, Сызранском уездах Симбирской губернии, большинстве уездов Пензенской, Саратовской, Самарской губерний.

Татары компактными группами проживали в уездах Казанской губернии, их доля составляла от 49,1 % в Тетюшском уезде до 69,4 % в Мамадышском. В Симбирской губернии поселения татар находились в Буинском (34,6 %), Курмышском (15,0 %), Симбирском (9,8 %) уездах. В Пензенской губернии 68 тыс. татар жили в 88 деревнях, которые в основном находились на территории Городищенского и Нижнеломовского уездов. В Бугульминском и Бугурусланском уездах Самарской губернии доля татар составляла соответственно 20,1 % и 7,1 %. А в Саратовской губернии их удельный вес составлял в Хвалынском уезде – 20,5 %, в Кузнецком – 19,8 %. В Красноярском уезде Астраханской губернии татар насчитывалось 12,57 %.

Чувашские поселения находились в северной части Симбирской и Самарской губерний, но преимущественно в северо-западной части Казанской губернии. В Ядринском уезде они составляли сплошную массу населения – 98,9 %. Они преобладали в Цивильском (80,0 %) и Чебоксарском (66,6 %) уездах. В Козмодемьянском уезде их численность составляла 47,3 %, в Чистопольском – 16,2 %, в Спасском и Тетюшском уездах – 7,2 %, в Свияжском – 1,5 %. Села и деревни мордвы располагались вперемежку с русскими селениями в Самарской, Симбирской, и Саратовской губерниях. Зона расселения мордвы находилась в Городищенском (26,45 %), Краснослободском (24,7 %), Инсарском (23,3 %), Саранском (17,9 %), Наровчатском (13,6 %) уездах. В них насчитывалось 200 сел и деревень, в которых жила мордва. Села и деревни марийцев находились в лесных уездах Казанской губернии. Их удельный вес

составлял в Царевококшайском уезде – 54,4 %, Козмодемьянском – 16,3 %, Чебоксарском – 12,0 %.

Колонии немцев были основаны по указаниям Екатерины II во второй половине XVIII в. В Бузулукском уезде этническая территория немцев-колонистов располагалась в Кузьминовской волости (1 колония), Юмырань–Табыньской (9 колоний), Воскресенской (3 колонии). В Николаевском уезде насчитывалось 26 колоний и более 20 немецких хуторов, а в Новоузенском уезде их численность возросла до 76 колоний и 37 хуторов. В 1858-1865 гг. была реализована вторая волна немецкой колонизации. В Самарскую губернию прибыли немцы-колонисты из Пруссии. Их поселили на территории Александртальской волости Самарского уезда. В 1864-1871 гг. сюда же переселились немцы-католики и лютеране из Силезии, Лодзи и Радом. Всего в Самарском уезде было создано 23 немецких колонии. Этническая территория немцев-колонистов возникла во второй половине XVIII в. в Саратовской губернии. Она охватывала часть территории от Саратова до Царицына. Численность немцев-колонистов в Камышинском уезде достигала 40,3 %. Более ⅓ населения Камышинского уезда и ⅔ Новоузенского уезда Самарской губернии составляли немцы.

Этнические территории украинцев располагались в Новоузенском уезде Самарской губернии (17,0 %). Численность украинцев колебалась от 3,8 % в Николаевском уезде до 2,6 % в Бугурусланском и 2,4 % в Самарском уезде. В Саратовской губернии украинцы жили во всех уездах, кроме Сердобского, Хвалынского и Кузнецкого, но их удельный вес был выше в Камышинском (15,9 %), Аткарском (13,43 %) и Балашовском (13,2 %.) уездах. Этническая территория украинцев находились в Черноярском уезде Астраханской губернии – 40,75 %, Царевском – 38,18 %, Енотаевском – 17,28 %. Башкиры жили в трех восточных уездах Самарской губернии, казахи и калмыки – в Астраханской губернии. Их удельный вес на территории Букеевской орды составлял 96,52 %, а Калмыцкой степи – 95,33 %.

Своеобразие заселения и хозяйственного освоения территории Поволжья состояло в том, что в этом регионе шла взаимодействие и взаимовлияние различных этносов и народов. Отсутствовали межнациональные и межконфессиональные конфликты. Как в сельской местности, так и в городах складывался многонациональный состав населения. В губернских и уездных центрах Поволжья, кроме города Казани, доминировали русские. По мнению П. Верта, Российская империя представляла «место встречи культурных миров:

православных славян, тюрко-мусульман и языческих финно-угорских племен» [5, с. 95-96]. Добавим, что в этой встрече активное участие при заселении и освоении региона приняли католики и лютеране – немцы, поляки и эсты, а также евреи и представители других конфессий. Это была симфония, в которой приняло участие как население одного из крупнейших регионов Российской империи, так и представители европейских стран.

Список литературы:

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.): Стат. очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.

2. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 302 с.

3. «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 254 с.

4. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1-2. СПб.: паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905.

5. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи [пер. с англ. Наталии Мишаковой и др.]. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.

О.Ю. Козырь,
Российский государственный архив в г. Самаре

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ В Г. САМАРЕ В СИСТЕМЕ СВЯЗЕЙ АРХИВ – ШКОЛА – ВУЗ

В статье рассматривается научно-информационная деятельность Российского государственного архива в г. Самаре по популяризации архивных документов, ориентированная на работу с образовательными учреждениями. В современных условиях работа с источниковой базой становится важным фактором в формировании исторического и гражданско-патриотического сознания подрастающего поколения. Этому способствуют и новые формы представления архивных документов в информационном пространстве.

Ключевые слова: архивные документы, научно-информационная деятельность, виртуальные выставки, интернет-выставки, публикации, видеоматериалы.

O.Y. Kozyr,
Russian State Archive, Samara

THE RUSSIAN STATE ARCHIVE IN SAMARA IN THE SISTEMS OF RELATIONS: ARCHIVE – SCHOOL – UNIVERSITY

The article is devoted to the scientific and information activities of the Russian State Archive in Samara to popularize archival documents, focused on working with educational institutions. In modern conditions, work with the source base is becoming an important factor in the formation of the historical and civil-patriotic consciousness of the younger generation. This is facilitated by new forms of presentation of archival documents in the information space.

Keywords: archival documents, scientific information activities, virtual exhibitions, online exhibitions, publications, video materials.

Рассматривая архив как институт сохранения исторической памяти, мы оперируем понятиями, связанными не только с охранительными функциями (реставрация, репрография, режимы сохранности документов и пр.), но и с функциями учреждения как транслятора первичной архивной информации.

Последовательность задач, определенная основополагающим для всех государственных и муниципальных архивов документом, – сохранение, комплектование, постановка на государственный учет – завершает использование, приобретающее в настоящее время особую актуальность и значимость [1]. Из этого следует, что целью сохранения является использование архивных документов для решения научно-исследовательских, культурно-просветительных, производственно-практических задач.

Согласно государственному стандарту, определяющему поле дефиниций в сфере делопроизводства и архивного дела, организация использования архивных документов является частью более широкого понятия, связанного с популяризацией архивных документов, а именно – научно-информационной деятельности архива, куда входят также создание архивных справочников и публикации архивных документов [2].

Исходя из определения, данного в ГОСТ Р 7.08-2013, «использование архивных документов – это применение информации архивных документов в культурных, научных, политических, экономических целях и для обеспечения законных прав и интересов граждан» [3], иными словами – это информационное обеспечение пользователей (физических и юридических лиц) по их запросам. Наряду с этим архивы ведут активную деятельность по пропаганде исторических знаний, сами выступая инициаторами различных проектов. Оперируя документальными источниками, архив может и должен стать основным звеном в многочисленных историко-культурных проектах, представляющих ретроспективную информацию и объединяющих в этом направлении культурные, образовательные, научные и иные институты.

Так, в свете современной государственной политики, направленной на гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения, сотрудничество образовательных учреждений и архивов становится более тесным. В 2021 г., по итогам встречи со школьниками во Всероссийском детском центре «Океан», Президент России Владимир Путин утвердил перечень поручений, в числе которых обозначено следующее: приобретение обучающимися навыков работы с архивами и другими историческими источниками, в том числе путем их привлечения к поисковой и исследовательской деятельности [4]. В этом направлении РГА в г. Самаре ведет работу давно и продолжает ее развитие в новых формах, в том числе выходя в интернет-пространство.

В РГА в г. Самара с 2011 г. существует проект «Архив – школа – вуз». Он начал свое развитие с семинарских занятий с преподавателями истории,

результатами которых стали методические разработки уроков с использованием архивных документов. Документ в этом смысле становился органичной частью школьного урока, отправной точкой для развития урочной деятельности, размышлений школьников, выводов, к которым они приходили, опираясь на письменные источники.

С 2009 по 2012 г. архивом было издано три выпуска методических пособий для учителей 9-11 классов по использованию архивных документов на уроках отечественной истории. В 2016 г. читательская конференция подвела первые итоги работы преподавателей дисциплин исторического цикла с документами РГА в г. Самара, которые были обобщены в электронном издании «Использование документальных источников в урочной и внеурочной работе в средней общеобразовательной школе» (2017 г.) [5]. На сайте РГА в г. Самара в разделе «Проекты архива» – «Архив – школе» можно ознакомиться с такими видами уроков по архивным документам, как деловая игра, лабораторное занятие, урок-экскурсия, компьютерная презентация.

Расширение круга форм представления научно-информационной деятельности архива, в том числе ориентированных на школьную и студенческую аудиторию, происходило с внедрением новых информационных технологий и активизацией работы архива в сети Интернет. Так, с 2020 г. архив, во-первых, вышел в социальные сети и стал вести активный ежедневный постинг, во-вторых, стал создавать видеоматериалы различных форматов: от научно-популярных видеороликов до видеолекций и видеофильмов по архивным документам. Это своего рода публикации документов со всеми необходимыми реквизитами – редакционными заголовками, архивными шифрами – в структуре видеосюжетов. Научно-популярные, познавательные мини-видеоролики (до 5 минут) обычно строились на основе патентной документации – комплекса документов, относящегося к процессу патентования изобретения (заявлений авторов в Комитет по делам изобретений, описаний разработок, схем, чертежей, экспертных заключений, переписки по поводу изменения формулировок, авторских свидетельств и патентов или отказов в выдаче и т. д.). Коллекция заявок на изобретения охватывает все сферы жизнедеятельности человека, различные отрасли экономики и может представить в увлекательной форме широкой аудитории научно-техническую мысль изобретателя с различных ракурсов.

В связи с этим возникла идея привлечения к популяризации документов школьников, которые могли бы доступно рассказать о простых и в то же время

полезных предложениях изобретателей, которые можно использовать в повседневной жизни. Публикация архивного документа, характерная для видеофильмов и лекций, рассчитанных на более подготовленную аудиторию, приобрела другую форму – рассказ о документе через мастер-класс, через показ процесса производства изобретения (или, реже, научно-исследовательской разработки). Так, были представлены, к примеру, кулинарные мастер-классы по «архивным» рецептам (приготовление супа, сливочного ириса, фруктового льда, шашлыка). Дети учились читать документы, выбирать необходимое для сюжета, обращать внимание на поисковые данные (шифры) архивных дел и правильно их записывать. Эти ролики, созданные детьми, помимо познавательно-развлекательного, имеют и прикладной характер и представляют архивный документ как артефакт, имеющий практическую ценность.

Развернутые видеосюжеты, посвященные теме, событию, персонам, имеют исключительно научно-просветительский характер и побуждают к обращению к первоисточникам. Такие сюжеты архив готовит, ориентируясь на приоритетные государственные темы и календарь знаменательных дат, которые можно осветить документами из фондов, находящихся на хранении. К примеру, в рамках празднования 75-летия Великой Победы были созданы видеофильмы «Волжская рокада – дорога к Сталинградской победе», «Северный транспортный флот: мобилизация усилий в годы Великой Отечественной войны», «Коломенский машиностроительный завод накануне и в годы Великой Отечественной войны». В 2022 г., к 100-летию образования СССР, РГА в г. Самара выпустил цикл видеолекций «Научно-техническое наследие СССР». В него вошли видеосюжеты, посвященные вопросам гражданского и промышленного строительства: о типовых и уникальных архитектурных сооружениях советского периода; о проектировании БАМа; о строительстве Днепровской ГЭС.

На наш взгляд, такие формы публикации архивных документов, которые служат иллюстративным рядом для повествования, могут стать добротным дополнительным материалом для проведения урочных и лекционных занятий и могут быть рекомендованы в качестве источниковой базы при изучении той или иной темы.

В этом смысле большую помощь в учебной деятельности оказывают и виртуальные выставки, которые представляют собой публикации архивных документов в виде цифровых образов. Они группируются внутри тематических разделов, снабженных вступительными статьями. С ними можно ознако-

миться на сайте РГА в г. Самара в разделе «Виртуальные выставки». Все документы кликабельны, снабжены заголовками, поисковыми данными, защищены водяными знаками, доступны для скачивания и могут послужить богатым иллюстративным материалом при освещении темы.

Необходимо отметить, что все виды научно-информационных материалов, где используются архивные документы (видеолекции, видеоэкскурсии, виртуальные выставки, статьи, публикации документов), оказывают большую помощь в проведении учебно-производственной архивной практики для студентов-историков. Для студентов, не определившихся с темой исследования, порой именно документ, с которым они ознакомились в архиве, становится отправной точкой, провоцирующей интерес и приводящей к созданию первой информационной статьи, доклада, очерка.

В последнее время важной частью практики студентов исторических факультетов в РГА в г. Самара является работа с информационными ресурсами архива, поиск темы для будущего мини-исследования и выполнение творческого задания. Это может быть написание заметки для сообщества архива «ВКонтакте» к знаменательной дате, очерк о деятеле науки и техники, участие в сетевом проекте #ЧитаемДокументыоВойне. Главное – определение темы, поиск и выявление иллюстрирующих ее документов и умение включить их в канву повествования.

Расширение доступа к открытым архивным документам, в том числе благодаря внедрению новых форм их представления в составе различных проектов, научно-информационных материалов, должно способствовать усилению роли источника как базового элемента в формировании объективной исторической картины. Включение архивного документа в практику учебно-образовательной деятельности школ, вузов в рамках различных дисциплин должно стать обязательным условием получения качественного образования на всех его этапах.

Список литературы:

1. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, научных организациях. М., 2020. 160 с.

2. ГОСТ Р 51141-98. Государственный стандарт Российской Федерации. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : утв. Постановлением Госстандарта России от 27.02.1998 № 28.

3. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст.

4. Перечень поручений по итогам встречи со школьниками во Всероссийском детском центре «Океан» // http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66781

5. Использование документальных источников в урочной и внеурочной работе в средней общеобразовательной школе : материалы читательской конференции 15 ноября 2016 г. : электрон. текстовые дан. [68,7 Mb] / отв. сост. О.В. Кузьмина ; под ред. О.Н. Солдатовой. Самара : Научно-технический центр, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

М.И. Леонов,
Самарский университет

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ЭСЕРОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Территориальное размещение партийных организаций дает очень многое для понимания их сущности и функциональных возможностей, позволяет судить об эсерах рубежа XIX-XX вв. как по своему типу организации преимущественно городской, интеллигентской, заговорщической.

Ключевые слова: территориальное размещение, эсеры, город, организация, Россия, эмиграция.

M.I. Leonov,
Samara University

TERRITORIAL DISTRIBUTION OF SOCIALIST-REVOLUTIONARY ORGANIZATIONS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The territorial distribution of party organizations gives a lot to understand their essence and functionality, allows us to judge the Social Revolutionaries at the turn of the 19th-20th centuries as an organization predominantly urban, intellectual, and conspiratorial in its type.

Keywords: territorial distribution, socialist-revolutionaries, city, organization, Russia, emigration.

Территориальное размещение партийных организаций дает очень многое для понимания их сущности и функциональных возможностей.

Для решения исследовательских задач был использован следующий круг источников: в первую очередь – сведения самих организаций, значительная часть которых отложилась в архиве партии эсеров, фондах органов полицейского сыска, органов судебного производства; затем – данные партийной периодической печати, а также непериодических изданий организаций (прокламации, листовки, брошюры и т. д.); существенную информацию содержат мемуары и исторические исследования. Наибольший объем репрезентативных

сведений о размещении и взаимодействии эсеровских организаций находится в «Кратком отчете о деятельности П.С.-Р. за 1903-1904 гг.», составленном С.Н. Слетовым, докладах ЦКПСР Амстердамскому и Штутгартскому конгрессам II Интернационала и отчетах областных, губернских, городских и районных организаций II съезду партии.

При определении факта существования организации мы следовали критериям, которыми руководствовались авторы сочинений по истории российских партий, в частности, социал-демократии и российского либерализма.

Хронологические рамки исследования охватывают период первой половины 90-х гг. XIX в. – 1904 г. Важным моментом, подразделяющим период на два этапа, является начало 1902 г., когда было опубликовано объявление о создании партии социалистов-революционеров.

В начале было слово. Бывшие «молодые народовольцы» Х.И. Житловский, М.А. Розенбаум, Х.Л. Раппопорт объявили об образовании «Союза русских социалистов-революционеров» в Берне. Новым наименованием они отмежевывались от народничества и демонстрировали связь с международным социалистическим движением. В 1895 г. сначала «группой», а затем «союзом» социалистов-революционеров стали называть себя народовольцы Саратова во главе с А.А. Аргуновым и С.И. Барыковым. Со второй половины 90-х гг. XIX в. многие группы поклонников «русского социализма» стали именовать себя социалистами-революционерами.

Период с середины 90-х гг. до конца 1901 г. был, по терминологии В.И. Ленина, временем утробного развития эсеровского движения. В эти годы в России сложилось 29 организаций социалистов-революционеров. Возникали они, за единичными исключениями, по инициативе участников народнического и народовольческого движений, вовлекавших в организации юную молодежь, более всего учащихся. Организации были немногочисленны. За исключением Томской группы, остальные эсеровские объединения дислоцировались в Европейской России. Наибольшее число их – восемь – находилось в городах черты еврейской оседлости (Бердичев, Вильно, Витебск, Волковыск, Гомель, Гродно, Екатеринослав, Минск); шесть – в Малороссии и одна в Новороссии; четыре – в Южнорусских губерниях; столько же в Поволжье; три, включая Москву, – в губерниях Европейского центра России; одна – в Петербурге и три – (в составе «Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров») на Урале.

Все организации располагались в городах, за небольшим исключением губернских. Только немногие из них имели относительно качественную по тем временам множительную технику и относительно регулярно выпускали печатные издания. Связи между организациями были прерывистыми. В начале XX в. группы Москвы и Петербурга не были влиятельными и не претендовали на роль центров. Самыми значимыми являлись организации эсеров Саратова и Киева. К началу 1902 г. эсеры являли собой неконсолидированную совокупность малочисленных городских интеллигентских организаций заговорщического типа.

Со времени образования партии ситуация неуклонно менялась: проявляли себя координирующие центры (ЦК, Заграничный комитет), особо значима была роль «Революционной России»; увеличилось число партийных функционеров – «разъездных агитаторов». Связи местных организаций с центральными учреждениями и между собой мало-помалу упрочились.

Согласно партийной традиции, партию основали Киевский, Саратовский, Харьковский и Воронежский комитеты; в мае 1902 г. в ее состав вошел Екатеринославский комитет, в октябре – Волынский. Менее влиятельные организации со времени образования партии именовались «группами». В феврале 1902 г. в партию вошла Пензенская группа, в сентябре – Московская, а затем Тульская. Учет всех данных показывает, что в конце 1902 г. в России числилось 46 эсеровских организаций, в том числе 24 «партийных» (8 комитетов и 16 групп) и 22 «непартийных». «Непартийными» считались объединения, не оформившие связь с центром. Они подписывали свои издания «группа» или «комитет социалистов-революционеров».

В 1903 г. из общего числа 71 организаций было 39 «партийных» (17 комитетов и 22 группы) и 22 «непартийных». В 1904 г. в России действовало 96 организаций (в их числе Сибирская и Северо-Западная областные), из них «партийных» 54 и «непартийных» 42. Основной массив эсеровских комитетов и групп располагался в Европейской России. Здесь их было 85, в том числе 47 «партийных» и 38 «непартийных». Наиболее влиятельными и полифункциональными были комитеты Саратова, Киева, Екатеринослава, Одессы, которые вели агитацию рабочих, учащихся, армии, имели солидную издательскую базу, являлись центрами организаций окружающих губерний. В названных городах в разное время размещался ЦК. Московская и Петербургская организации вышли на передовые позиции лишь к концу 1904 г. Среди других в отдельные

периоды отличались активностью комитеты и группы Баку, Вильно, Витебска, Волыни, Воронежа, Кишинева, Курска, Нижнего Новгорода, Пензы, Полтавы.

Наиболее «заселен» эсерами был район русского черноземного клина. В ареале промышленных губерний Европейской России эсеровских организаций было не так много, они не отличались количеством членов и в партийном рейтинге не занимали первые позиции. К северу от Москвы и Петербурга эсеровские группы встречались редко и активностью не отличались. В Европейской России 47 комитетов и групп находились в губернских городах, 37 – в уездных городах.

В Сибири располагались пять организаций (из них «партийных» две), в Средней Азии три («партийных» две). Комитеты и группы оформились в Сибири и Средней Азии только в 1903 г., состояли, в основном, из интеллигентов и заявляли о себе изданием листков от случая к случаю. Связей с партийными центрами они не имели, а ЦК было известно только о существовании Томского комитета. Несколько более инициативны были организации Кавказского края, ограничивавшиеся, впрочем, пределами городов, в которых они существовали. В Царстве Польском и в Финляндии эсеровских комитетов и групп не было.

Социал-демократы на рубеже XIX-XX вв. значительно превосходили по числу организаций эсеров (1898 г. – 71, 1903 г. – 130, 1904 г. – 156), значительная часть которых располагалась в промышленных губерниях и интеллектуальных центрах. Организации либералов находились главным образом в земских губерниях.

В эмиграции ситуация складывалась следующим образом. После ареста весной 1903 г. российского ЦК Е.Ф. Азеф, Е.К. Брешко-Брешковская и П.С. Поливанов инициировали создание Заграничной организации и Заграничного комитета (ЗК) партии эсеров. К тому времени в эмиграции насчитывался 61 эсер и одна условно партийная организация в Берне, которая признаков жизни не подавала. На съезде в Женеве в августе 1903 г. было объявлено о создании Заграничной организации и Заграничного комитета партии эсеров, в обязанность которому вменили содействовать ЦК, а в случае ареста заменять его. Объединительная эпопея шла со скрипом. К середине 1904 г. уполномоченные ЗК смогли сформировать малочисленные партийные группы в Женеве, Берне, Цюрихе. В США группы эсеров в Нью-Йорке и Нью-Гевене были заняты сбором денежных средств и организацией митингов.

Летом 1904 г. в Европейской эмиграции насчитывалось 72 эсера, к концу этого года – около 100 эсеров в 22 городских группах. В США эсеровские группы числились в семи городах.

Как в России, так и в эмиграции эсеровские группы, основанные, как правило, бывшими народниками и народовольцами, располагались в городах. К 1904 г. явственно усилилась роль молодежи, родившихся во второй половине 70-х-80-х годов XIX в. Состав групп определяли интеллигенты, бывшие и настоящие студенты. По своему типу партия эсеров в это время была городской, интеллигентской, заговорщической организацией.

Список литературы:

1. Леонов М.И. Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев: КГУ, 1987. 97 с.

2. Rapport du Parti Socialiste Révolutionnaire de Russe au Congrès Socialiste International d' Amsterdam. Paris. Aout 1904.

3. Rapport du Parti Socialiste Revolutionnaire de Russie au Congrès Socialiste International de Stuttgart. (Août 1907). Gand, 1907.

О.Б. Леонтьева,
Самарский университет

«…А ЧТО НЕ ПОДДАЕТСЯ ИЗМЕРЕНИЮ – СДЕЛАТЬ ИЗМЕРЯЕМЫМ»: ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И КВАНТИТАТИВНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Современная историческая наука располагает обширным арсеналом методов, которые роднят ее с точными науками. Математико-статистические методы и компьютерная обработка данных успешно применяются при изучении социально-экономической и политической истории, истории науки. При этом квантитативные методы сочетаются с историко-антропологическим подходом к изучению образа жизни и мировосприятия людей прошлого.

Ключевые слова: методология истории, квантитативные методы, клиометрия, историческая антропология.

O.B. Leontieva,
Samara University

“…AND MAKE MEASURABLE WHAT CANNOT BE”: HISTORICAL ANTHROPOLOGY AND QUANTITATIVE METHODS IN HISTORY

Contemporary historical science has an extensive arsenal of methods that make it related to the exact sciences. Mathematical and statistical methods and computer data processing are successfully used in the study of socio-economic history, political history and the history of science. At the same time, quantitative methods are combined with the historical and anthropological approach to the study of the lifestyle and worldview of people of the past.

Keywords: methodology of history; quantitative methods; cliometrics; historical anthropology.

Вопрос о статусе исторической науки в системе научного знания, о специфике ее задач и методов в сравнении с другими науками является дискуссионным. Историкам часто приходится слышать упреки в субъективизме исторического знания; в обыденном сознании бытует скептическое убеждение, что «история – не наука».

Должны ли точные и естественные науки быть для истории неким идеалом, к которому следует стремиться? Можно ли преобразовать историческое знание в соответствии с заветом Галилея: «Измерить все, что поддается измерению, а что не поддается – сделать измеряемым»?

В разные периоды развития науки на эти вопросы предлагались противоположные ответы. В XIX в., когда позитивисты выдвинули программу всеобъемлющего синтеза наук на основе общих эпистемологических принципов, в научных кругах возникает мечта о превращении истории в «настоящую науку» со своими «формулами», «схемами» и закономерностями. Особенностями позитивистского подхода к истории становится работа с массовыми источниками, изучение типичных, повторяющихся явлений, анализ тенденций социально-экономической жизни. Однако оборотной стороной позитивистской парадигмы стала утрата интереса к человеку как субъекту исторического процесса, и в XX веке маятник качнулся в противоположную сторону: в результате «антропологического поворота» целью исторического познания становится *понимание человека,* стремление к диалогу с людьми других культур и эпох, воссозданию мотивов их действий, логики мышления, систем ценностей и картин мира.

Новое средство решения дилеммы между историей как «наукой о закономерностях» и «наукой о смыслах» появляется во второй половине XX в.: в ходе научно-технической революции в распоряжении историка оказались сначала ЭВМ, затем компьютерная техника, а значит – арсенал квантитативных методов. Возникло особое направление исторической науки – клиометрия (или клиометрика), изучающая социально-экономическую историю на основе математико-статистических методов и компьютерной обработки больших массивов данных.

Клиометрия открыла перед исторической наукой немыслимые ранее возможности. Так, академик И.Д. Ковальченко, построив математико-статистическую модель развития российского сельского хозяйства в начале XX в., с помощью альтернативно-имитационного моделирования предпринял попытку найти ответ на следующие вопросы: как развивалось бы сельское хозяйство Российской империи, если бы в 1906 году не была начата столыпинская реформа и если бы в 1917 году не произошла революция, сопровождавшаяся национализацией земель [1]. В 2000-е гг. в Московском государственном университете была создана лаборатория (в настоящее время – кафедра) исторической информатики под руководством Л.И. Бородкина, ученика И.Д. Ковальченко; ее коллектив занимается не только изучением социально-

экономической истории России с применением информационных технологий и математических методов, но и виртуальной реконструкцией утраченных архитектурных памятников с помощью компьютерных технологий 3D-моделирования [2]. Такие исследования наглядно доказывают сомневающимся, что история может быть точной наукой.

При всей своей строгости и точности клиометрические исследования не исключают «человеческого измерения». Пример тому – такое направление исторической науки, как крестьяноведение, где реконструкция социально-экономических моделей аграрного развития на основе многомерного статистического анализа сочетается с историко-антропологическим подходом к изучению крестьянского образа жизни и мировосприятия, с характеристикой «хозяйственного этоса» российского крестьянства на основе этнографических наблюдений и свидетельств современников [3; 4].

Применение квантитативных методов расширило возможности изучения истории тех сфер человеческой жизни, которые, казалось бы, труднее всего поддаются измерению: психологии, общественных настроений, мотивации действий представителей различных социальных групп. В частности, в исследованиях О.С. Поршневой, посвященных изучению менталитета и социального поведения населения России в годы Первой мировой войны, применяются алгоритмизированные методы систематизации информации, в том числе контент-анализ содержания писем крестьян, рабочих и солдат. Как отмечает О.С. Поршнева, «квантификация… вовсе не противоречит дискурсу»; методы количественного исследования массовых источников дают возможность «выявления новой, “скрытой” информации, недоступной при проведении обычного текстуального анализа» [5, с. 63-64]. Применение этих методов позволило автору проследить постепенную эрозию традиционалистского сознания и радикализацию настроений масс в условиях Первой мировой войны.

Квантитативные методы успешно применяются и при изучении истории самой исторической науки. Например, в коллективной монографии под редакцией челябинских историков Н.Н. Алеврас и Н.В. Гришиной, посвященной диссертационной культуре ученых-историков императорской России [6], применение количественных методов позволило детально изучить ход формирования научного сообщества историков. Сформировав электронную базу данных, содержащую сведения о 409 диссертациях по истории, члены исследовательского коллектива предпринимают ее анализ по множеству параметров: прослеживают динамику защит диссертаций по десятилетиям, распределение диссертаций по разрядам наук и по проблематике, реконструируют коллек-

тивный портрет соискателя ученой степени и анализируют академическую мобильность диссертантов. Количественный анализ дополняется изучением историко-антропологической стороны диссертационной культуры: практик защиты диссертаций, истории становления научных школ, форм взаимодействия ученого сообщества с российской общественностью.

Таким образом, современная историческая наука имеет в своем распоряжении обширный арсенал научных методов, которые роднят ее с точными науками. Современный историк способен сделать измеряемым то, что, казалось бы, не поддается измерению: математико-статистические методы и компьютерная обработка данных успешно применяются при изучении социально-экономической и политической истории, истории науки. При этом историческая наука во всех своих проявлениях остается прежде всего *наукой о человеке во времени.* Усваивая методы точных наук, она сохраняет гуманитарную природу, продолжая вести диалог между разными эпохами и расширять наши представления о богатстве человеческого опыта.

Список литературы:

1. Ковальченко И.Д. Столыпинская аграрная реформа: миф и реальность // История СССР. 1991. № 2. С. 52-72.

2. Бородкин Л.И. Кафедра исторической информатики: история, научный потенциал, образовательные программы // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова // http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/HistInf_about_2018.htm

3. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.

4. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Самарский университет, 1994. 365 с.

5. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914-1918 гг.: дис. … д-ра истор. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2000. 359 с.

6. Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): коллективная монография / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 464 с.

В.В. Лукьяненко,
школа-интернат № 4 г. Тольятти

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

В статье раскрывается важность применения информационно-компьютерных технологий, интернета и интерактивных методов на уроках истории. Рассматриваются различные интерактивные методы работы с интернет-ресурсами на уроках истории в школе.

Ключевые слова: история, инновационные технологии, интернет-ресурсы, интерактивные методы обучения.

V.V. Lukyanenko,
Boarding School No 4 Togliatti

USING INNOVATIVE TEACHING METHODS IN HISTORY CLASSES AT SCHOOL

The article reveals the importance of using information and computer technologies, the Internet and interactive methods in history classes. The author considers various interactive methods of working with Internet resources in history classes at school.

Keywords: history, innovative technologies, Internet resources, interactive teaching methods.

Сегодня в педагогике насчитывается более 50 образовательных технологий. Но ключевыми технологиями века, несомненно, следует назвать информационно-компьютерные технологии (ИКТ). Они оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, особенно на информационную деятельность, к которой относится обучение.

В современных условиях возрастает роль исторического образования, так как нельзя представить по-настоящему образованного, культурного человека, патриота и гражданина, не знающего историю своей страны. У школьников наблюдается снижение интереса к учебной деятельности: у них недостаточно умений работать с информацией, размещенной в различных источниках, ребята не могут организовать самостоятельную деятельность, четко выражать

свои мысли и анализировать способы собственной деятельности при работе с историческими данными. У учащихся со сниженным интересом не вырабатывается целостный взгляд на мир, задерживается развитие самосознания и самоконтроля, формируется привычка к бездумной деятельности, желание списывать, отвечать по подсказке.

Специфика дисциплины «История» требует от ребят умения работать с информацией, различного рода источниками, документами, материалами СМИ. Использование ИКТ и мультимедиа в большей степени говорит нам о единстве образовательного процесса, поскольку их применение должно быть ориентировано на учебную нагрузку обучающегося и не нарушать здоровьесберегающих факторов развития школьника, иначе результативность их использования будет невысокой [1]. Современные информационные технологии способны стимулировать познавательный интерес к истории, придавать учебной работе проблемный, творческий, исследовательский характер, во многом способствовать обновлению содержательной стороны предмета. Опыт работы показал, что у ребят, активно работающих с компьютером, формируется более высокий уровень самообразовательных навыков, умений ориентироваться в бурном потоке информации, выделять главное, обобщать, делать выводы. Поэтому очень важна роль учителя в раскрытии возможности новых компьютерных технологий. Существует масса технологий, которые, выполнив свою миссию, ушли в прошлое. ИКТ к ним не относятся, так как за ними – будущее.

Информационно-коммуникативных средств, которые можно использовать на занятиях по истории, достаточно много. Это прежде всего:

– мультимедийные обучающие программы, электронные учебники;

– электронные энциклопедии, CD-диски, электронные учебники, интерактивные карты;

– интерактивные тренажеры (тесты по истории);

– аудио- и видеосюжеты.

Для повышения качества и уменьшения утомляемости учащихся более эффективным является применение презентаций PowerPoint. Их использование на уроках истории очень актуально, так как именно здесь возможно учесть специфику конкретного класса, исходя из физического, психического и эмоционального уровня развития учащихся. Презентация позволяет использовать информацию в любой форме представления (текст, таблицы, диаграммы, видео- и аудиофрагменты и т. д.) [2]. С помощью слайдов можно сравнить содержание различных источников, что позволяет развивать критическое мыш-

ление школьников. Слайд может содержать различные задания для ребят, например, дать характеристику исторической личности, опираясь на план, содержащийся на слайде; на основе опорной схемы, изображенной на слайде, воссоздать исторические события; на основе видеофрагмента, рисунка на слайде и текста учебника составить план сражения. Слайд может содержать таблицу и инструкцию по ее заполнению. С их помощью можно при минимальных затратах времени проверить знания, осуществить самопроверку или взаимопроверку [3]. Для закрепления материала и в процессе обработки терминов используются кроссворды. Они позволяют сэкономить время на данном этапе обработки материала и контроля знаний.

Использование готовых электронных изданий очень удобно для преподавателя. Это позволяет сэкономить время при подготовке к занятию. Компьютер позволяет создавать любые «наглядные пособия» – видео- и аудиоподборки, анимированные карты и схемы. Электронные энциклопедии можно использовать как справочный материал. Данный вид электронных изданий позволяет познакомить учащихся на уроке с дополнительным материалом и документами. В своей работе я использую пособие «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия», CD-диски по темам: «История России. 862-1917», «От Кремля до Рейхстага», «Россия на рубеже третьего тысячелетия», «Мировая культура и искусство», «Сокровища мирового искусства», «Флот во славу России», «Русский космос», «История России XX век» и др. [4] Достоинством этих дисков является наличие большого количества анимированных исторических карт, видеофрагментов, таблиц, схем.

На своих занятиях я использую электронные тесты. Они удобны тем, что наглядны. Они могут быть простыми – в виде тестов, предусматривающих несколько вариантов, из которых нужно выбрать правильный ответ. Также они могут быть представлены в виде картинок, изображений, фотографий, например, тесты по таким темам, как «Культура Древней Руси», «Россия в эпоху Петра Великого», «Исторические деятели XIX века». Способы работы с тестами также разнообразны – фронтальный опрос, индивидуальный опрос, самостоятельное выполнение тестов, после чего на экран выводятся правильные ответы.

Большое внимание на уроках истории с применением ИКТ уделяется здоровьесберегающим технологиям: учитывается соблюдение технических, санитарно-гигиенических требований к занятию. Проведение физкультминуток, зарядки для глаз на уроках обязательно.

Целесообразность использования информационно-коммуникативных технологий в образовательном процессе вообще и на уроках истории в частности не вызывает сомнения. Инновационность данного метода на современном этапе заключается в иных подходах, чем это было ранее. Традиционные методы и приёмы обучения на занятиях истории имеют свои определенные достоинства, но они не в полной мере способствуют развитию и саморазвитию ребят в условиях современного информационного общества. Использование на уроках ИКТ способствует изменению методов и приемов обучения, структурированию элементов урока, увеличению объема получаемой в различных видах информации [1]. Развивается творческая инициатива и самостоятельная деятельность учащихся, повышается уровень наглядности, производительности и мотивации учебной деятельности на занятиях за счет нетрадиционной формы подачи материала. Школьник становится активным участником процесса обучения, а не пассивным слушателем лекций, организация материала позволяет ему вживаться в своеобразную роль исследователя.

Бесспорно, что в современной школе компьютер не решает всех проблем, он остается всего лишь многофункциональным техническим средством обучения. Не менее важны и современные педагогические технологии и инновации в процессе обучения, которые позволяют не просто «вложить» в каждого ученика некий запас знаний, но в первую очередь создать условия для проявления познавательной активности обучающихся. Информационные технологии в совокупности с правильно подобранными технологиями обучения создают необходимый уровень качества, вариативности, дифференциации и индивидуализации обучения и воспитания.

Список литературы:

1. Сеть творческих учителей www.it-n.ru // Официальный сайт ООО Инфоурок: курсы, тесты, видеолекции, материалы для учителей // https://infourok.ru/set-tvorcheskih-uchitelej-www-it-n-ru-4864679.html

2. Статьи по методике преподавания истории // История России: мультимедиа-учебник // http://www.history.ru/content/category/2/24/87/

3. Компьютер на уроках истории, обществознания и права // http://lesson-history.narod.ru

4. Я иду на урок истории и обществознания: сайт издательского дома «Первое сентября» // https://his.1sept.ru/urok/

Ю.Н. Смирнов,
Самарский университет

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920-Х ГОДОВ

В статье анализируются распространенные в 1920-х гг. футурологические проекты, авторы которых считали свои предложения вкладом в социалистическую теорию. На практике значение этих теорий оказалось незначительным, но некоторые закрепились в советской идеологии.

Ключевые слова: история идей, футурологические проекты, А.К. Гастев, К.Э. Циолковский, Н.Ф. Федоров, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, А.А. Богданов.

Y.N. Smirnov,
Samara University

FUTUROLOGICAL IDEAS OF THE SCIENTIFIC INTELLIGENTSIA IN THE SOCIAL THOUGHT OF SOVIET RUSSIA IN THE 1920S

Article considers the futurological projects by scientists in the 1920s, that were intended to be a contribution to socialist theory. In practice, these theories were insignificant, but some of them were entrenched in Soviet ideology.

Keywords: history of ideas, futurological projects, A.K. Gastev, K.E. Tsiolkovsky, N.F. Fedorov, V.N. Muravyov, A.K. Gorsky, A.A. Bogdanov.

Социалистическое общество, к строительству которого в Советской России после революции приступили большевики, изначально представляло собой общество нормативное, придуманное, опытным путем не обоснованное и не подтвержденное. Представления классиков марксизма об образе будущего были скупыми и абстрактными, поэтому естественным стало появление до конца 1920-х гг. множества футурологических проектов, в том числе в среде научной интеллигенции, авторы которых в большинстве считали свои предложения вкладом в конкретизацию социалистической теории. Апеллируя к достижениям науки (преимущественно естественных дисциплин), они были убеждены в объективности обоснования, а потому принципиальной реальности и выполнимости своих предложений. Этим рассматриваемые проекты

1918-1929 годов отличаются от социальных утопий, выстроенных в основном на субъективных умозрительных этических и политических идеалах. В различении футурологии от утопии большое значение имеет и водораздел по линии «разрыв – преемственность», поскольку ученые-прожектеры исходили из признания сложившегося положения в стране и обществе, а утописты всегда бросали вызов существующему порядку [1, с. 180].

Целью данного сообщения является анализ основного спектра идей, на которых базировались футурологические проекты 1920-х гг., пользовавшиеся наибольшей популярностью в обществе. Общественный строй и государственная идеология Советской России нисколько не отвергались авторами футурологических проектов, воспринимаясь вполне адекватной основой для их дальнейшей реализации в свете воплощения весьма расплывчатых марксистских представлений об обществе будущего.

Лишь некоторые стороны этих проектов затрагивались в литературе по истории отдельных научных дисциплин (педагогики и психологии, биологии и генетики, экономики и управления) или философских учениях. Вместе с тем было замечено, что футурологическое прожектерство был вообще свойственно представителям науки молодой Советской России [2, с. 266].

Источниками, в которых отразились подобные представления, служат сочинения самих ученых-выразителей футурологических идей и близких им по взглядам партийно-государственных деятелей 1920-х гг. К их числу следует отнести А.К. Гастева, П.М. Керженцева, А.З. Гольцмана, А.А. Богданова, Э.С. Енчмена, Н.К. Кольцова, Ф.Р. Дунаевского, А.В. Немилова, А.И. Опарина, И.И. Шмальгаузена, В.М.Бехтерева, Б.М. Завадовского, И.И. Шпильрейна, К.Н. Корнилова, П.П. Блонского, А.Б. Залкинда, К.Э. Циолковского, В.Н. Муравьева, А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, Н.И. Подвойского и др. Эти идеи отразились также в периодике, публицистке, научно-популярной и художественной литературе. Кроме опубликованных материалов, о трудах и взглядах указанных деятелей свидетельствуют документы ряда архивов (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЛИ, Архив РАН, РГА в г. Самаре), с которыми можно теперь познакомиться не только в читальных залах, но и на многочисленных выставках, в том числе виртуальных [3].

В качестве носителей футурологических идей выступали не только деятели науки, но и лица, претендовавшие на роль ученых, даже не имея должного образования, как, например, слесарь А.К. Гастев, который стал основателем Центрального института труда, председателем Совета по НОТ при наркомате РКИ. Его концепция претендовала на ведущую роль в создании новой проле-

тарской культуры через военные и физические тренировки.

Для футурологических проектов 1920-х гг. вообще характерно представление о человеке как биологической машине и понимание сущности человека исключительно через социальное. Основное содержание личности – труд на пользу коллектива. Польза – основной критерий оценки личности в целом. Подобные идеи противостояли традиционным религиозным взглядам, христианским ценностям, сводя духовную сферу к телесным проявлениям, подменяя нравственность поведенческими установками. Они поощрялись властью, хотевшей заместить отрицаемую и отвергаемую духовность государственными и классовыми интересами. Не случайны личные связи целого ряда партийно-государственных деятелей Н.А. Семашко, А.А. Богданова, Н.И. Подвойского и других с различными учеными, в т.ч. Н.К. Кольцовым, А.Б. Залкиндом, Н.А. Сетницким, В.Н. Муравьевым.

Гениальным самоучкой был К.Э. Циолковский. Его общественные и этические взгляды синтезировали различные научные или околонаучные дискурсы на принципах не столько материализма Маркса, сколько «философии общего дела» Н.Ф. Федорова с ее верой в достижимость бессмертия и физическое воскрешение. Однако у этой философии и идей социалистического переустройства были общие корни, которые восходили к просветителям и утопистам XVIII-XIX вв. Ж.-Ж. Руссо, Ж. Ламетри, Ш. Фурье.

Несмотря на утверждения, что якобы опорой их были достижения современной науки в самых разных областях знания, на самом деле футурологические проекты 1920-х гг. следовали в методологическом плане устаревшей парадигме науки прошлых веков. Фундаментальные законы классической механики XIX века постулируют обратимость любых физических, природных процессов, в том числе им не противоречит возможность «повторения» некогда живших людей. Только с опорой на эту парадигму были возможны футурологические проекты, подобные теории Муравьева, которые предполагали воскрешение умерших, а также то, что человек должен овладеть временем. Согласно ей, люди единственно состоят из атомов, их повторяющаяся точная комбинация может привести к воскрешению.

Мимо внимания сторонников «философии общего дела» Федорова, как ей просто сочувствующих (как К.Э. Циолковский), так и прямо за ней следующих (В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий), прошли открытия Л. Больцмана, Г. Минковского, А. Эйнштейна, Н. Бора, которые вернули в мир относительность, необратимость, вероятность. Циолковский откровенно негативно относился к новейшим открытиям ученых, разрушавшим представления

об однородности пространства и времени, их механистической простоте, т.к. данные теории ставили под сомнение основу его философских и социальных построений. С этим были согласны те ученики Федорова, которые в 1920-е гг. работали в различных учреждениях советского государства, полагая, что только оно способно достижению федоровского «общего дела» – воскрешению предков, и в качестве признаков того указывали на поддерживаемые властями медицинские, биологические, социальные эксперименты. Так, в работе Русского евгенического общества принимал участие нарком здравоохранения Н.А. Семашко.

В свою очередь для ученых, осознавших значение новых открытий XX столетия, стала уже очевидной невозможность опираться на философские теории прошлых веков. Скептически относились к футурологическим проектам, исходя из своих научных, религиозно-нравственных, политических взглядов, И.П. Павлов, А.А. Ухтомский, С.П. Костычев, А.В. Немилов. Активно противостояли в открытых дискуссиях механистическим взглядам на органическую жизнь В.И. Вернадский и П.А. Флоренский.

С точки зрения общественной практики значение футурологических теорий оказалось незначительным. В конце 1920-х – 1930-е гг. те из них, которые сколько-нибудь могли претендовать на роль системы, составляющей конкуренцию ортодоксальному марксизму, были подвергнуты разгрому путем дискредитации на страницах государственной и партийной печати, репрессий, закрытия журналов, институтов, целых научных направлений: евгеники, генетики, педологии, психотехники, НОТ. Однако это не означало полного отказа от идей, лежавших в их основе, например, трудового воспитания «нового человека», тезиса о будущем слиянии физического и умственного труда, призывов к «покорению природы». Разработки в области реактивного движения, межпланетных сообщений, перестав восприниматься составной частью социальных и этических взглядов Циолковского, легли в основу теоретической космонавтики и современного ракетостроения [4, с. 73]. Реальное развитие получили частные аспекты таких проектов, разрабатываемых в 1918-1929 гг., как принципы НОТ и популяризация физической культуры. Элементы евгеники вошли в современную медицинскую генетику.

Изучение футурологических проектов 1920-х гг. имеет не только историческое звучание. Оно помогает трезво оценить современные попытки обосновать достижениями научного знания радикализм в политике и экономике, «революционные» изменения в человеческой природе и этике.

Список литературы:

1. Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. 456 с.

2. Павлюченков С.А., Булдаков В.П., Осокина Е.А. и др. Россия нэповская. М.: Новый хронограф, 2002. 446 с.

4. Артамонова Л.М. Виртуальные выставки Российского государственного архива в г. Самаре как ресурс информационно-образовательной и воспитательной деятельности // Информационно-образовательная и социокультурная среда вуза: трансформации в образовании. Материалы XLIX науч.-метод. конф. Самара: СГИК, 2022. С. 37-39.

5. Артамонова Л.М., Смирнов Ю.Н. Документальные и архитектурные маркеры «мест памяти» авиационно-космической Самары в архиве и на мемориальных площадях // Историческая наука и архивы в XXI веке. Материалы Второй Всерос. с международ. участ. конф. историков и архивистов. Самара: ООО «САМАРАМА», 2023. С. 67-75.

И.О. Трубицын,
Тольяттинский государственный университет

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЗ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАЦИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Автором анализируется опыт, полученный в ходе создания реляционных баз данных на основе изучения дворянских корпораций в России. Выделяются этапы их создания, проводится критический анализ источниковой базы, обусловивший архитектуру баз данных. Характеризуется используемое программное обеспечение.

Ключевые слова: база данных, дворянство, дворянская корпорация.

I.O. Trubitszyn,
Togliatti State University

EXPERIENCE OF USING DATABASES IN HISTORICAL RESEARCH ON THE EXAMPLE OF STUDYING NOBILITY CORPORATIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE

The author analyzes the experience of creating relational databases based on the study of noble corporations in Russia, highlights the stages of their creation, conducts a critical analysis of the source database, which determined the architecture of the database, and characterizes the software used.

Keywords: database, nobility, noble corporation.

Изучение дворянского сословия и общественных элит сегодня является одним из наиболее значимых направлений отечественной и зарубежной исторической науки. В рамках этого направления перспективным является изучение судеб отдельных представителей элиты, а также составление коллективных биографий с использованием баз данных (далее – БД) [1; 2].

Составление БД «Служители корпоративной организации дворянства в России» обусловлено несколькими причинами. Во-первых, построение реляционной БД позволяет собрать воедино разрозненные сведения, имеющиеся по ряду губерний, а также на их основе реконструировать среднестатистический образ отдельных категорий служителей (губернский и уездный предво-

дители, депутаты дворянства, заседатели опек, канцелярские служители) в масштабах империи. Во-вторых, построение реляционной БД и ее последующее размещение в сети Интернет дает возможности широкому кругу пользователей воспользоваться сведениями для генеалогических изысканий.

Методика составления БД состояла из следующих этапов: определение источниковой базы и на ее основе выделение смысловых (структурных) единиц БД; определение оптимальных территориальных и хронологических рамок, позволяющих производить компаративный анализ различных регионов Российской империи; выбор наиболее удобного программного обеспечения и составление БД.

Основными источниками для формирования БД стали формулярные списки о службе служителей дворянских корпораций, родословные книги, периодическая печать («Самарские губернские ведомости», «Биржевые ведомости»), справочные материалы (адрес-календари и памятные книжки), биографические словари. На основе анализа источников было выделено тридцать смысловых единиц, имеющих статичный и динамичный характер. Смысловые единицы объединены по группам и представлены ниже (таблица 1).

Таблица 1

Смысловые единицы БД

п/п	Смысловые единицы, имеющие статичный характер	Смысловые единицы, имеющие динамичный характер
	Фамилия, имя, отчество	Сведения о службе
	Сословие	Семейное положение
	Вероисповедание	Награды
	Год рождения	Образование
	Количество лет на момент начала участия в работе дворянской корпорации / момент составления формулярного списка	Нарушение закона

При критическом анализе источниковой базы (прежде всего формулярных списков о службе) нами была выявлена особенность указания возраста служителя дворянской корпорации. В большинстве формулярных списков указывается не год рождения человека, а возраст служителя на момент составления формулярного списка. В таком случае исследователю приходится самостоятельно реконструировать год рождения, используя дату составления формулярного списка, которая не всегда имеет корректное значение, и возраст, указанный на момент его составления. Так, из двадцати пяти выявленных нами разночтений на материалах Самарской губернии в девятнадцати случаях

наблюдается разница в один год с данными, полученными ранее исследователями на основе анализа дворянских родословных книг [3]. Наиболее значимые разночтения приведены ниже (таблица 2).

Таблица 2

Перечень возникших разночтений

№ п/	Ф.И.О.	Год рождения по формулярному списку	Год рождения, приведенный Т.Ф. Алексушиной
1.	Мордвинов Дмитрий Александрович	1820	1830
2.	Неплюев Александр Иванович	1820	1817
3.	Осоргин Николай Вадимович	1877	1874
4.	Пятницкий Александр Федорович	1872	1864
5.	Рычков Дмитрий Николаевич	1812	1815
6.	Свечин Алексей Иванович	1850/1851	1847

Исходя из информативности имеющейся в нашем распоряжении источниковой базы, хронологические рамки материала, вошедшего в БД, ограничились периодом 1850-1917 гг. Территориальные рамки исследования включили в себя различные по своей социально-экономической специфике регионы: столичный регион – Санкт-Петербургская губерния, провинциальный – Самарская губерния, имеющий национальную специфику – Ставропольская губерния. Выбор этих регионов позволяет восполнить имеющиеся пробелы в изучении состава служителей корпорации, а также производить сравнительный анализ состава служителей, выделяя общие и частные моменты в служебных практиках дворянских корпораций. Исходя из обозначенных территориальных рамок, нами было составлено три БД, включающие сведения о служителях дворянских корпораций этих губерний. БД по Самарской губернии объединила в себе сведения о 395 служителях, БД по Санкт-Петербургской – 275, и БД по Ставропольской губернии – 84. Общее количество персоналий, внесенных во все БД – 754.

В качестве программного обеспечения нами был использован свободный пакет офисных приложений Apache OpenOffice 4 Base. Данный пакет имеет механизм подключения к внешним системам управления базами данных (СУБД), а также встроенную СУБД HyperSQL Database, поддерживающую стандарты SQL (2008 г.). Такой выбор связан с доступностью и простотой освоения разработки БД, а также возможностью формировать запросы в режиме SQL, а при необходимости усложнения исследовательских задач связывать БД между собой с помощью свободной реляционной системы управления

базами данных MySQL. Среди положительных сторон Apache OpenOffice 4 Base следует отметить возможность составления запросов, отчетов и форм, включающих различные параметры как отдельной БД, так и нескольких. Среди недостатков следует отметить отсутствие возможности добавления в БД визуальных материалов и гиперссылок, что доступно в аналогичной СУБД Microsoft Access.

При составлении БД мы сознательно отказались от цифровой табличной кодировки однотипных сведений, которая используется в масштабных социологических и исторических исследованиях, а также при проведении генеалогических и биографических изысканиях с использованием БД [5]. Такая кодировка требует специальной подготовки уже на этапе обработки информации и затрудняет восприятие неподготовленного исследователя.

Использование реляционных БД позволило нам расширить исследовательские возможности путем визуализации полученной информации в виде таблиц и графиков, а также облегчило анализ большого массива данных.

Список литературы:

1. Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 800 с.

2. Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII века: в 4 т. / под ред. О. Глаголевой, И. Ширле. М.: Политическая энциклопедия, 2021. Т. 1. Провинциальное дворянство второй половины XVIII века (Орловская и Тульская губернии): Словарь биографий: Ч. 1: А-В. 558 с.

3. Алексушина Т.Ф. Полный биографический словарь дворян Самарской губернии. Самара: ООО «Prajm», 2015. 504 с.

4. Горянов А.В, Горянова Л.Т. Информационно-поисковая система «Род князей Голицыных» // Хозяева и гости усадьбы Вязьмы. Материалы XII Голицынских чтений, 22-23 января 2005 г. Большие Вяземы, 2005. С. 170-178.

Я.М. Цыганова,
Самарская областная универсальная научная библиотека

ВВЕДЕНИЕ В НАУЧНЫЙ ОБОРОТ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В ЭЛЕКТРОННОМ СБОРНИКЕ «XX ВЕК И РОССИЯ: ОБЩЕСТВО, РЕФОРМЫ, РЕВОЛЮЦИИ»

Освещается проблема введения в научный оборот исторических источников (архивных документов, редких изданий) путем публикации их в специальных рубриках научных периодических изданий на примере электронного сборника «XX век и Россия: общество, реформы, революции», выпускаемого Самарской областной универсальной научной библиотекой.

Ключевые слова: электронные издания, публикация исторических источников, Самарская областная универсальная научная библиотека.

Y.M. Tsyganova,
Samara Regional Universal Scientific Library

INTRODUCTION OF HISTORICAL SOURCES TO THE SCIENTIFIC WORLD IN THE ELECTRONIC COLLECTION «20TH CENTURY AND RUSSIA: SOCIETY, REFORMS, REVOLUTIONS»

The article highlights the introduction of historical sources (archival documents, rare editions) to the scientific world by publishing them in special sections of scientific periodicals on the example of the electronic collection «20th century and Russia: Society, Reforms, Revolutions», published by the Samara Regional Universal Scientific Library.

Keywords: electronic editions, publication of historical sources, Samara Regional Universal Scientific Library.

В журналах исторической тематики, а также в журналах, издаваемых архивами, всё более распространённой становится практика внедрения разделов, предназначенных для публикации документов, которые, как правило, ранее ещё не размещались в открытом доступе. Это значительно облегчает введение в научный оборот исторических источников (нередко полных текстов), которые не всегда можно включить в тематические сборники документов, но которые тем не менее представляют интерес для исследователей. Среди подобных

журналов можно назвать «Вестник архивиста», «Исторический архив», «Отечественные архивы», «Самарский архивист» и др., а также журналы исторической тематики: «Исторический вестник», «Новейшая история России», «Новое прошлое» и др.

Опыт подобных публикаций переняла и Самарская областная универсальная научная библиотека в электронном сборнике «XX век и Россия: общество, реформы, революции». Первый выпуск электронного сборника вышел в свет в 2013 году, с тех пор ежегодно публикуется один выпуск сборника (иногда в двух частях). Публикация осуществляется на сайте сборника sbornik.libsmr.ru, являющегося составной частью сайта Самарской областной универсальной научной библиотеки (Самарская ОУНБ). Инициатором создания ежегодно выходящего сборника был Андрей Владимирович Калягин, в то время преподаватель кафедры истории Отечества Самарского государственного университета, впоследствии старший научный сотрудник отдела редких книг Самарской ОУНБ.

Выпуски сборника «XX век и Россия: общество, реформы, революции» выходят только в электронном виде, как правило, в октябре-ноябре. Кроме публикации на сайте сборника, выпуски, как b многие научные сборники и журналы, размещаются в научной электронной библиотеке eLIBRARY с включением в РИНЦ, КиберЛенинке, а также на платформе Readera. В среднем в каждом выпуске около 15 публикаций, среди которых преобладают статьи и сообщения. Однако в сборнике есть также рубрики «Свидетельства и документы» и «Редкие издания».

Публикации в рубрике «Свидетельства и документы», как правило, представляют собой один или несколько документов, отражающих определённое событие или явление либо связанных одной личностью. В этой рубрике публикуются документы из фондов архивов, библиотек, музеев, а также ныне малоизвестные материалы периодической печати.

Значительная часть публикаций такого рода – это небольшое собрание документов и материалов, отражающих ситуацию в отдельных регионах и городах России, преимущественно в периоды Первой мировой войны, Революции 1917 г. и Гражданской войны. Исследователями, например, публиковались архивные документы о ситуации в Самаре в январе-марте 1915 г. в связи с прибытием эшелонов с турецкими военнопленными [1], а также документы, отражающие положение иммигрантов-иностранцев в Сибири в первой половине 1920-х гг. [2]. Публиковались и биографические подборки документов, в частности, в первом выпуске электронного сборника были представлены ма-

териалы о жизни и деятельности Куйбышевского и Сызранского митрополита Мануила (1884-1968) [3].

Важным историческим источником являются источники личного характера – воспоминания очевидцев тех или иных событий, а также письма. В электронном сборнике почти четверть публикаций – это именно воспоминания и письма. Для публикации в сборнике отбирались те источники и фрагменты из них, которые отражали важнейшие события в истории нашей страны или особенности повседневной и общественной жизни в определённую эпоху. Так, были опубликованы воспоминания о становлении и падении власти Комитета членов Учредительного собрания в Самаре в 1918 году [4]. Другим небезынтересным для исследователей источником о жизни в Самаре в эпохальный период Первой мировой войны и период Комуча могут служить записи видного общественного деятеля А.Г. Елшина, опубликованные в двух выпусках электронного сборника [5; 6].

В ряду публикаций источников эпистолярного характера стоит отметить интересную подборку писем воронежского краеведа С.Н. Шестовой к сотруднику Ярославской губернской ученой архивной комиссии И.А. Тихомирову [7]. В этих письмах нашли отражение важные события с 1909 по 1917 гг. в Воронеже, а также обстановка в городе в годы Первой мировой войны и накануне революции 1917 г.

Особо стоит выделить документы, которые имеют призывной характер – воззвания, письма-требования. Все подобные документы, опубликованные в электронном сборнике на данный момент, относятся к периоду Революции 1917 г. и Гражданской войны. Среди таких документов, например, письмо неизвестного коммуниста, в котором он выступает с критикой политики репрессий в годы Гражданской войны [8].

В сборнике есть и рубрика «Редкие издания», которая также служит цели введения в научный оборот документов и свидетельств эпохи, опубликованных, но не получивших широкого распространения и отсутствующих в открытом доступе. Ежегодно в этой рубрике публикуются издания из фондов Самарской ОУНБ. Значительная часть их относится к первой четверти XX века. Среди наиболее интересных и востребованных исследователями стоит назвать книгу очерков Л.М. Рейснер «Фронт. 1918-1919» [9]. В 2021 г. во второй части 10-го выпуска, посвящённой памяти знаменитого историка С.В. Тютюкина, были опубликованы некоторые его работы, отсутствующие в открытом доступе, в числе которых есть и впервые переведённые на русский

язык тезисы выступления на международной научной конференции «Первая мировая война и XX век» в 1994 году [10].

К публикуемым документам предъявляются такие же требования, как и к научным сборникам документов. Обязательна вводная часть, в которой обосновывается научная ценность документа и научная актуальность тех исследований по истории России XX века, для которых будут востребованы публикуемые документы.

За десять лет в сборнике представлено 22 публикации документов и материалов, а также 13 редких изданий, из которых 10 хранятся в фонде Самарской ОУНБ. Усилия редакции направлены на то, чтобы усилить именно эти рубрики сборника «XX век и Россия: общество, реформы, революции» и представить широкой аудитории большее количество документов, отражающих историю России в XX столетии.

Список литературы:

1. Зубова О.В., Калягин А.В. «По чьему-то великому и преступному недомыслию...» (Турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2015. Вып. 3. С. 104-136. DOI 10.34830/SOUNB.2015.3.52469

2. Ипатенко Е.В. Будни иностранцев в советской Сибири (документы Государственного архива Кемеровской области: 1922-1926 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2019. Вып. 7. С. 157-176. DOI 10.34830/SOUNB.2019.7.44380

3. Подмарицын А.Г. «Благоговеен, трудолюбив и миролюбив...» документальный портрет митрополита Мануила (Виктора Викторовича Лемешевского) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2013. Вып. 1. Ч. 1. С. 180-200. DOI 10.34830/SOUNB.2013.1.52723

5. Калягин А.В. Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания в Самаре: начало и конец (Из воспоминаний) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2013. Вып. 1. Ч. 1. С. 162-173. DOI 10.34830/SOUNB.2013.1.52721

6. Фролова К.В., Черкасова М.В. Самара 1914-1915 гг. (Воспоминания А.Г. Елшина) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2016. Вып. 4. С. 90-103. DOI 10.34830/SOUNB.2016.4.52346

7. Фролова К.В., Черкасова М.В. Самара в июле 1918 года. (Записки А.Г. Елшина) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2017. Вып. 5. С. 358-364. DOI 10.34830/SOUNB.2017.5.44615

8. Кузнецова О.В. «Исполняя свое обещание… с большим удовольствием берусь за перо…» (из писем воронежского краеведа С.Н. Шестовой старейшему сотруднику ЯГУАК И.А. Тихомирову о событиях 1909-1917 гг.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2022. Вып. 10. С. 156-172. DOI 10.34830/SOUNB.2022.82.89.001

9. Кусков С.А. Коммунисты против террора (Анонимное письмо в Курганскую ЧК, июль 1920 г.) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2016. Вып. 4. С. 104-108. DOI 10.34830/SOUNB.2016.4.52349

10. Александров А.В. Фронт. 1918-1919 (из очерков Ларисы Рейснер) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2015. Вып. 3. С. 194-226. DOI 10.34830/SOUNB.2015.3.52474

11. Удальцов И.С., Удальцова М.И. С.В. Тютюкин. Первая мировая война и революционный процесс в России // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. Вып. 9. Ч. 2. С. 134-135. DOI 10.34830/SOUNB.2021.10.68.001

И.Д. Янцен,
Самарский университет

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН-ФРОНТОВИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В работе предпринимается попытка выявить и охарактеризовать особенности, достоинства и недостатки электронных баз данных, появившихся в результате государственной и частной инициативы. Делается вывод, что они имеют большой потенциал использования. Однако наиболее эффективным их применение в исторических исследованиях может быть только в сочетании с использованием других видов исторических источников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советские женщины, женщины-фронтовики, электронные базы данных.

I.D. Yantsen,
Samara University

ELECTRONIC DATABASES AND THEIR USE IN STUDYING THE EVERYDAY LIFE OF SOVIET FEMALE FRONT-LINE SOLDIERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The author makes an attempt to identify and characterize the features, advantages and disadvantages of electronic databases that have arisen as a result of public and private initiatives. It is concluded that they have great potential for use. However, their use in historical research can only be most effective in combination with the use of other types of historical sources.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet women, female front-line soldiers, electronic databases.

Изучение вклада советских женщин-фронтовиков в победу в Великой Отечественной войне и сохранение исторической памяти об их подвиге делают тему данной работы научно актуальной, а высокий интерес нашего общества к истории Великой Отечественной войны в ее «человеческом измерении» – социально значимой. Предмет исследования – электронные базы данных как источник по изучению повседневности советских женщин-фронтовиков в го-

ды Великой Отечественной войны. Цель работы – дать характеристику как источникам электронным базам данных «Подвиг народа» [1], «Память народа» [2], «Дорога памяти» [3], «Мемориал» [4], «Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации» [5], «Я помню» [6] и «Как тебя зовут: фотокарточки из шкафа» [7], выявив их особенности, достоинства и недостатки.

Названные нами электронные базы данных можно разделить на две группы. К первой группе мы относим базы данных, созданные государственными органами власти. По инициативе Министерства обороны РФ в конце 2000-х – первой половине 2010-х гг. появились проекты «Подвиг народа», «Память народа», «Дорога памяти» и «Мемориал», по инициативе Министерства культуры РФ в 2017 г. – «Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации».

Основная задача проектов Министерства обороны – увековечивание памяти участников Великой Отечественной войны, в том числе и женщин-фронтовиков. Каждый проект имеет свои особенности. В частности, банк данных «Подвиг народа» содержит сведения, касающиеся наград и обстоятельств совершенных подвигов; «Мемориал» – данные о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. Появившаяся позже государственная информационная система «Память народа» объединила в себе общедоступные банки данных «Мемориал» и «Подвиг народа» и стала единой геоинформационной интерактивной системой с возможностью подбора документов, хранящихся в архивах Министерства обороны, и восстановления истории службы участников Великой Отечественной войны. Интересен проект Министерства обороны «Дорога памяти»: зарегистрированные пользователи могут загружать фотографии своих родственников-участников Великой Отечественной войны из домашних архивов и делиться историями их жизни и боевого пути.

Несомненным достоинством «Подвига народа», «Мемориала» и «Памяти народа» является довольно широкий круг поиска. Используя эти базы данных комплексно, мы можем извлечь информацию об участниках войны из разных источников, хранящихся в военных архивах: из наградных документов (учетная и юбилейная картотеки, картотека иностранных наград, картотека награждений иностранцев), из сведений о личном составе (списки призыва и демобилизации, списки военно-пересыльных пунктов и запасных полков, именные списки частей, картотека ранений, свидетельства о болезни, картотека личных дел политработников, учётно-послужная картотека офицерского состава, картотека моряков и партизан) и из сведений о потерях (донесения о

безвозвратных потерях, документы госпиталей и медсанбатов, документы, уточняющие потери; списки захоронений, документы о военнопленных, именные списки частей).

Однако зачастую информация, размещенная в базах данных «Подвиг народа», «Мемориал» и «Память народа», носит фрагментарный характер, что связано с постепенной оцифровкой документов военных архивов. Говоря о недостатках проекта «Дороги памяти», стоит отметить, что не всегда наши соотечественники как пользователи этого ресурса пишут развернутые истории о своих родственниках: довольно часто такая история ограничивается фотографией родственника, приблизительной датой рождения и краткими биографическими сведениями.

«Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации», положение о котором было утверждено приказом Министерства культуры РФ в декабре 2017 г., представляет собой единственную информационную систему, где собираются и хранятся сведения обо всех музеях страны и их экспонатах, поставленных на государственный учет. Данная система постоянно обновляется: музейные сотрудники, проведя сверку и оцифровку музейных предметов, отправляют информацию о них на регистрацию в «Государственном каталоге». Информация об экспонате включает в себя, как правило, его учетные номера, место хранения, название, материал и технику изготовления, период изготовления, размеры и место создания. Сайт «Государственного каталога» имеет следующие разделы: живопись, графика, скульптура, предметы нумизматики; предметы прикладного искусства, быта и этнографии; предметы археологии, редкие книги, оружие, фотографии и негативы, документы, предметы естественно-научной коллекции, предметы минералогической коллекции, предметы техники и предметы печатной продукции. Наибольший интерес для нас представляют фотографии и негативы, документы и предметы печатной продукции. Большим плюсом «Государственного каталога» является само его существование: он значительно облегчает исследователям поиск экспонатов по теме работы, позволяя узнать их местонахождение и при необходимости обратиться в нужный музей. Недостатком данного ресурса является не всегда полностью заполненные разделы информации о музейном предмете и зачастую его некачественное изображение.

Ко второй группе электронных баз данных мы относим Фонд сохранения исторической памяти, электронное периодическое издание «Я помню» и сообщество «Как тебя зовут: фотокарточки из шкафа», возникшее в социальной сети «ВКонтакте». Они появились благодаря частной инициативе. В част-

ности, интернет-проект «Я помню» создан общественным деятелем и писателем Артемом Владимировичем Драбкиным и командой его единомышленников; там они публикуют воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, записанные в ходе живых интервью, что является очень ценным источником сведений о повседневности войны. Сообщество «Как тебя зовут: фотокарточки из шкафа», на наш взгляд, – явление уникальное: подписчики делятся историями своей семьи, прикладывая к ним фотографии, а в комментариях к постам люди в ответ публикуют похожие истории. Можно сказать, что «Как тебя зовут…» – это сообщество, транслирующее историческую память «снизу». Сообщество существует с 2014 г., насчитывает 575 685 подписчиков и имеет собственные правила публикации материалов. Недостатком использования материалов сообщества «Как тебя зовут…» является фрагментарность представленной информации. Тем не менее, это тоже важный исторический источник, позволяющий собирать историческую информацию по крупицам.

Таким образом, рассмотренные электронные базы данных имеют большой потенциал для изучения повседневности советских женщин-фронтовиков в годы Великой Отечественной войны и позволяют с разных сторон осветить нашу проблему. Однако только комплексное использование всех видов исторических источников позволит составить наиболее полную картину военной повседневности женщин-фронтовиков в годы войны.

Список литературы:

1. ОБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» // http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome

2. ГИС «Память народа» // https://pamyat-naroda.ru/about/?static_hash=adb0ea3418a7651d0ffd671bb71c199bv2

3. Проект «Дорога памяти» // https://foto.pamyat-naroda.ru/

4. ОБД «Мемориал» // https://obd-memorial.ru/html/

5. Госкаталог РФ // https://goskatalog.ru/portal/#/

6. Фонд сохранения исторической памяти Электронное периодическое издание «Я помню» // https://iremember.ru/

7. Сообщество «Как тебя зовут: фотокарточки из шкафа» // https://vk.com/tebya_zovyt

РАЗДЕЛ 9.
ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н.Ю. Астафуров,
Самарский университет;
О.А. Малаканова,
Самарский университет

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается технология геймификации в контексте изучения английского языка. В последнее время количество геймифицированных ресурсов неуклонно растет. Исследователи полагают, что внедрение элементов геймификации в образовательный процесс влияет на эффективность обучения.

Ключевые слова: геймификация, элементы геймификации, иностранный язык, английский язык, мотивация, автономия.

N.Y. Astafurov,
Samara University;
O.A. Malakanova,
Samara University

GAMIFICATION AS A TOOL FOR LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

The article discusses the technology of gamification in the context of learning English. Recently, the number of gamified resources has been steadily growing. The researchers consider that the introduction of gamification elements into the educational process affects the effectiveness of learning.

Keywords: gamification, gamification elements, foreign language, English language, motivation, autonomy.

С развитием инновационных цифровых технологий появилось огромное количество ресурсов, использующих технологию геймификации в качестве

инструмента для изучения английского языка [1]. Для того, чтобы понять, какие элементы геймификации используются чаще всего и какой эффект они оказывают на студентов, был проведен анализ публикаций по данной проблематике.

Для отбора публикаций по заявленной теме была использована стратегия систематического поиска в наиболее широко используемых базах данных – Scopus, Web of Science и CyberLeninka. Для реализации поставленной цели были сформулированы соответствующие поисковые запросы, которые включали следующие заголовки: «Геймификация и изучение английского языка», «Геймификация и преподавание английского языка», «Геймификация и английский как второй язык», «Геймификация и английский как иностранный язык», «Геймификация и обучение английскому языку». Для ограничения сферы охвата исследования и обеспечения качества включенных публикаций использовались следующие критерии:

1. Публикации были включены в обзор только тогда, когда геймификация использовалась для изучения английского как первого иностранного языка.

2. В этих исследованиях не было критериев исключения в отношении методологии публикаций, что означало, что исследования могут быть качественными, количественными и смешанными.

3. Публикации были включены в обзор только тогда, когда геймификация использовалась для изучения английского языка в цифровой среде.

4. Публикации были включены в обзор только тогда, когда геймификация использовалась для изучения английского, а не любого другого языка.

5. Публикации исключались только тогда, когда речь шла об учащихся школы.

Для семантического анализа отобранных текстов была использована программа Zotero (https://www.zotero.org/), которая позволяет настроить фильтрацию поисковых запросов, исключать дубликаты статей, осуществлять поиск по ключевым словам, а также имеет возможность интеграции с веб-браузером.

Исследовательскую базу данных составили 27 статей, которые соответствовали всем вышеперечисленным критериям. В рассмотренных публикациях выделялись различные игровые элементы для изучения английского языка в цифровой среде. Чаще всего в статьях упоминались следующие приемы геймификации: обратная связь (22 упоминания), челленджи (12), баллы (11), награды (11), таблицы лидеров (8) и уровни (7). Реже были востребованы предупреждающие сигналы, медали, аватары и виртуальные кредиты. Несмотря

на такое разнообразие, авторы не смогли однозначно определить закономерность в отношении того, какие конкретно геймифицированные элементы являются наиболее эффективными в процессе изучения английского языка.

Из 27 статей 15 публикаций были посвящены изучению лексики, 7 – грамматике и 5 – аудированию. Большой интерес к лексической составляющей языка связан с тем, что, изучая английский язык необходимо иметь минимальный словарный запас от 2000 до 3000 слов, чтобы поддерживать базовые разговоры и читать аутентичные тексты на английском [2]. И в данном случае интеграция геймификации в образовательный процесс может превратить опыт изучения лексики из скучного и утомительного в привлекательный и мотивирующий [3].

Также в исследуемых публикациях были выделены принципы, которые влияют на достижение желаемых мотивационных, поведенческих и обучающих эффектов.

П1: Четкие и релевантные цели. Геймификация может прозрачно проиллюстрировать цели и их актуальность.

П2: Обратная связь. Геймификация может предоставить пользователям прямую обратную связь об их действиях.

П3: Положительное подкрепление.

П4: Социальное нормирование. Геймификация может объединять пользователей, чтобы поддерживать друг друга и работать над общей целью.

С точки зрения теории самоопределения, предложенной Э. Деси и Р. Райаном, четкие цели поддерживают потребность в компетентности, в то время как соответствующие цели формируют потребность в автономии, которая определяется как способность брать на себя ответственность за собственное обучение посредством использования активных, лично значимых стратегий для достижения целей обучения [4]. Теория самоопределения включает в себя «компетентность», «автономию» и «родственность» в качестве трех основных психологических потребностей, которые имеют прямые последствия для обучения, производительности и благополучия.

Мотивационная модель Джона Келлера свидетельствует о том, что четкие цели представляют собой основные ожидания результатов, которые особенно стимулируют мотивацию, когда они воспринимаются как релевантные и достижимые [5]. Анализ научной литературы и исследований в области геймификации позволил выявить связь между теорией самоопределения и геймифицированными элементами, влияющими на мотивацию.

Таким образом, на основе проведенного семантического анализа публикаций по теме использования элементов геймификации при изучении английского языка можно следующие основные выводы:

1. В последние годы увеличилось количество публикаций в области геймификации. Такой рост можно объяснить растущей популярностью этой области и определенными преимуществами, которые она может принести в процесс преподавания английского языка.

2. Практически во всех рассмотренных исследованиях сообщалось, что использование геймификации для изучения английского языка было полезным с точки зрения опыта обучающихся.

3. Публикации достаточно разнообразны по используемой методологии и методам сбора информации: использовались количественные, качественные и смешанные методы; различные типы сбора данных – опрос, интервью, наблюдение; малые и большие группы респондентов (от 5 до 144 человек). Такое разнообразие может быть обусловлено стимулом к тщательному изучению потенциала геймификации для изучения английского языка.

4. Подавляющее количество публикаций были ориентированы на расширение словарного запаса обучающихся.

5. Геймификация влияет на мотивацию и автономию обучающихся.

7. Остается открытым и достаточно дискуссионным вопрос влияния определенных элементов геймификации на эффективность обучения.

Список литературы:

1. Manzano-León A. Between Level Up and Game Over: A Systematic Literature Review of Gamification in Education // Sustainability. 2021. № 4 (13). С. 2247.

2. Nation P. How Large a Vocabulary Is Needed for Reading and Listening? // Canadian Modern Language Review-revue. 2006. (63). С. 59-81 // https://www.lextutor.ca/cover/papers/nation_2006.pdf

3. Deterding S. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining Gamification 2011. С. 9-15. // https://www.researchgate.net/publication/230854710_From_Game_Design_Elements_to_Gamefulness_Defining_Gamification

4. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000.

5. Keller J. M. Development and use of the ARCS model of instructional design // Journal of Instructional Development. 1987. № 3 (10). С. 2-10.

А.Ю. Березина,
Самарский университет;
И.В. Никулина,
Самарский университет

ТРУДНОСТИ ПЕРЕХОДА НА ДИСТАНЦИОННУЮ ФОРМУ ОБУЧЕНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В статье рассматриваются трудности перехода на дистанционный формат обучения в общеобразовательном учреждении. Исследование содержит результаты опросов, направленных на изучение отношения участников образовательного процесса к дистанционной форме обучения и возникающих в ее освоении сложностей. На основании исследования были выявлены трудности перехода на новый формат обучения в школьной среде, что может способствовать усовершенствованию процесса развития данной формы обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, подростки, трудности дистанционного обучения, образовательная платформа, онлайн-обучение.

A.Y. Berezina,
Samara University;
I.V. Nikulina,
Samara University

DIFFICULTIES OF TRANSITION TO DISTANCE LEARNING IN A GENERAL EDUCATION INSTITUTION

The article discusses the difficulties of transition to a distance learning format in a general education institution. The study contains the results of surveys aimed at studying the attitude of participants in the educational process to distance learning and the difficulties arising in its development. Based on the study, the difficulties of transition to a new format of education in the school environment were identified, which can contribute to improving the development process of this form of education.

Keywords: distance learning, teenagers, distance learning difficulties, educational platform, online learning.

В связи с распространением коронавирусной инфекции весной 2020 года общеобразовательным учреждениям пришлось в ускоренном режиме осваивать новую форму обучения – дистанционную. Несмотря на многообразие онлайн-ресурсов, которые школы применяли в своей практики еще до введения ограничительных мер, участники образовательного процесса столкнулись с трудностями перехода на дистанционную форму обучения. Целью нашей статьи является выявление барьеров, которые возникли у участников образовательного процесса в общеобразовательном учреждении при переходе на дистанционное обучение.

Дистанционное обучение – это процесс получения знаний на расстоянии с сохранением компонентов учебного процесса и использованием интерактивных интернет-технологий [1]. Дистанционное обучение – термин не новый в педагогике, однако свою актуальность приобрел лишь три года назад. Дистанционное обучение достаточно быстро и прочно вошло в мир современного человека, поскольку помогает ему получать знания в любой сфере на расстояние, то есть самообучаться непрерывно [2]. Именная такая цель преследуется современной системой самообразования, поэтому данный формат обучения активно вводится в высших и общеобразовательных учреждениях.

Переход от классической формы получения образования к новому формату в школах осуществлялся в кратчайшие сроки, причем важно было сохранить качество образования. Конечно, адаптация прошла достаточно быстро, однако отсутствие четко организованного внедрения дистанционного обучения повлекло за собой определенного рода трудности. В результате участники образовательного процесса больше отнеслись к подобному обучению негативно, нежели смогли разглядеть его возможности и перспективы. В доказательство данного утверждения рассмотрим результаты исследования.

Для того чтобы посмотреть, как участники образовательного процесса восприняли новый формат обучения, мы провели анкетирование на базе ГБОУ лицея №16 г. Жигулевска среди учителей, учеников и их родителей. В опросе приняли участие 55 учеников, 30 родителей и 21 учитель. Стоит отметить, что среди учеников большая часть опрошенных входит в группу подросткового возраста, который считается благоприятным для усвоения подобного формата обучения [3, с. 3].

В ходе исследования мы получили следующие результаты:

1. Детям понравилось обучаться в онлайн-режиме (43,6 %), поскольку можно заниматься в удобной для них обстановке, однако полностью переходить на данный формат они бы не хотели, аргументируя это тем, что им не хватает живого общения с одноклассниками.

2. Трудностей в освоении знаний при дистанционном обучении у детей не возникло (52,7 %), но среди опрошенных были и те, кто отмечал большое количество домашнего задания, непонимание темы урока, отсутствие стабильного интернета, невозможность открыть полученные файлы, отсутствие связи с учителями.

3. Качество обучения для 45,5 % учеников не изменилось, но 21,8 % отмечали снижение результата своего обучения при данной форме.

4. Среди родителей нашлись те, кто был частично удовлетворен дистанционным обучением (53,3 %), однако достоинств данного формата родители выявить не смогли (56,7 %).

5. Основные трудности, которые волновали родителей, были связаны с недостаточным владением компьютерными технологиями (43,3 %) и с недостаточным количеством наглядных материалов (36,7 %).

6. Рекомендации родителей заключались в том, чтобы создать единую учебную базу или платформу для школы и ввести дополнительное обучение всех участников образовательного процесса по работе с дистанционными средствами.

7. До введения ограничительных мер большая часть учителей уже использовали в своей работе средства дистанционного обучения (52,4 %), а после возвращения в привычную форму образования многие продолжили осваивать новые онлайн-ресурсы (71,4 %).

8. Наиболее популярными онлайн-ресурсами стали Zoom, «РЭШ» и «Учи.ру», о которых учителя узнавали сами (33,3 %) или опирались на рекомендации администрации школы (33,3 %).

9. Среди трудностей учителя отмечали технические проблемы с подключением детей (61,9 %), отсутствие у некоторых учащихся доступа к образовательным платформам (57,1 %), сложность преподавания предмета при такой форме (38,1 %).

10. Несмотря на большую загруженность учителей, даже частичный переход к дистанционному формату обучения они не рассматривали (61,9 %).

Тем самым мы видим, что учителя уже были знакомы с различными средствами дистанционного обучения, дети и родители в целом довольны сложившимся переходом, однако больше отмечают отрицательных моментов, чем положительных. Общим результатом проведенного исследование стало наличие трудностей, возникших у всех участников образовательного процесса.

Так как педагог выступает главными проводником знаний в общеобразовательном учреждении, мы провели дополнительное исследование для того, чтобы узнать, с какими трудностями столкнулись учителя при дистанционном обучение и чем это может быть обусловлено.

Переход на дистанционную форму обучения произошел достаточно быстро и внес изменения в привычную рабочую обстановку педагога. Увеличение сильных физических и нервно-психических нагрузок, тяжелой работы, беспокойства, гнева послужили источниками стресса [4, с. 140]. Одни учителя быстро привыкли к смене обстановки, отбросили все трудности и смогли проводить уроки уже в новом формате, другим адаптация далась нелегко. Выдвинув предположение, что адаптация учителей к дистанционной форме обучения зависит от их индивидуальных особенностей личности, мы провели исследование. К сожалению, прямых доказательств данной связи нам найти не удалось. По результатам проведения методики «Опросник структуры темперамента» [5], разработанной В. М. Русаловым, большая часть опрошенных (70 %) обладает высоким значением предметной энергичности и пластичности, что позволяет сделать вывод о желании узнавать что-то новое для себя, осуществлять быстрый переход из одной формы деятельности в другую. Однако учителя с низким показателем используют в своей работе новые формы и методы не меньше, чем учителя с высоким. Возрастные особенности освоения новой формы обучения не показали разницы, поскольку среди 20 опрошенных, из которых 12 человек относится к группе 35 лет и старше, все отмечали использование средств дистанционного обучения в своей педагогической деятельности до сих пор.

Стоит отметить, что учителя используют онлайн-ресурсы в зависимости от предметной области. Например, учителя русского языка отмечают использование таких платформ, как «Учи.ру», «РЭШ», «Решу ВПР, ОГЭ, ЕГЭ», а вот учителя биологии и информатики активно применяют в свой практике задания из «Якласса», поскольку на других сайтах нет доступного материала по их предмету. Учителя английского языка обращаются к сайту «Skysmart». Многие отмечают использование нового ресурса – «Сферум», в котором отмечают плюсы и минусы. Чаще всего его используют учителя, которые не готовят дополнительных материалов по типу презентаций, видео, интерактивных досок.

Среди трудностей, с которыми столкнулись учителя при дистанционной форме обучения, можно отметить следующие: отсутствие технического

оборудования как у учителей, так и у детей; проблемы со связью, особенно когда задействуется одна платформа для всех уроков; трудноосуществимый контроль учебной деятельности во время занятий; отсутствие навыков использования средств дистанционного обучения (распространено среди начальной школы, так как дети еще маленькие, а родители в это время находятся на работе).

По данным опроса, самой главной трудностью является несерьезное отношение детей к данной форме обучения, что впоследствии может привести к нежеланию учителей осваивать новые средства обучения. Дети не идут на контакт во время видеосвязи, не отвечают на вопросы учителя, занимаются собственными делами во время урока, используют микрофон не по назначению.

Лишь несколько опрошенных ответили, что не используют в своей работе на данный момент средства дистанционного обучения, поскольку в этом нет необходимости, зато остальные учителя отмечают, что применяют их в основном для индивидуальной работы с детьми. В соответствии с этим показателем вопрос, связанный с причиной нежелания работы с дистанционными средствами, не получил должного ответа, ведь частично учителя так или иначе обращаются к относительно новой форме получения образования.

Таким образом, мы видим, что дистанционное обучение продолжает развиваться в школе до сих пор. В неблагоприятные погодные условия, в период проведения в школах апробаций ОГЭ или ЕГЭ и т. д. дистанционное обучение делает учебный процесс непрерывным. В большинстве случаев оно помогает учителям установить связь с детьми, которые не могут посещать школу наравне с остальными учениками, но это существенный плюс, ведь образование доступно каждому. Несмотря на положительные моменты, возникли трудности перехода на дистанционную форму обучения. Среди них мы отметили:

– технические (связаны с отсутствием стабильного интернет-соединения, необходимой техники для связи, некорректными файлами и ссылками);

– методические (отсутствие методических рекомендаций по использованию средств дистанционного обучения, организации учебного занятия в данной форме среди всех участников образовательного процесса);

– предметные (многие школьники столкнулись с непониманием учебного предмета и снижением качества своих знаний, учителям тяжело

подобрать оптимальные средства обучения, если их предмет изучается 1 час в неделю);

– оценочные (несмотря на большое количество средств контроля знаний, невозможно проанализировать их достоверность);

– возрастные (детям, обучающимся в начальной школе, тяжелее всего адаптироваться к данной форме обучения);

– мотивационные (дети среднего звена воспринимают данный формат обучения несерьезно, так как нет контроля со стороны родителей и учителей)

– коммуникативные (отсутствие живого общения среди сверстников пагубно сказывается на детях подросткового возраста, учитель не может подвести итоги урока, если дети не давали обратной связи).

Список литературы:

1. Тимофеева Н.М. Краткий карманный словарь-справочник по общей методике обучения математике / Н.М. Тимофеева, Г.Е. Сенькин. Смоленск: СГПУ, 2004. 72 с.

2. Пережовская А.Н. Непрерывное образование: цели, задачи, содержание, функции, перспективы развития // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Меркурий, 2015. С. 38-41 // https://moluch.ru/conf/ped/archive/149/7617/

3. Румянцева А.В. Опыт дистанционного обучения глазами подростков // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 4 (32). С. 1-12 // https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-distantsionnogo-obucheniya-glazami-podrostkov

4. Юнусова С.Г. Стресс. Биологический и психологический аспекты / А.Н. Розенталь, Т.В. Балтина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. Науки. 2008. № 3. С. 139-150 // https://cyberleninka.ru/article/n/stress-biologicheskiy-i-psihologicheskiy-aspekty

5. Психологические тесты для профессионалов / Н.Ф. Гребень. Минск: Соврем. шк., 2007. 496 с.

И.А. Варламова,
Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева,
Самарский университет

ФАКТОРЫ АТТРАКЦИИ ПЕДАГОГА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается проблема формирования аттракции педагога в образовательном процессе в условиях цифровизации. Приведены результаты исследований факторов возникновения аттракции между педагогом и студентом. Определены факторы и специфика формирования аттракции педагога в цифровой среде.

Ключевые слова: аттракция, педагог, цифоровая среда, факторы аттракции.

I.A. Varlamova,
Samara University;
E. Y. Sysoeva,
Samara University

FACTORS OF ATTRACTION OF THE TEACHER IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

The article deals with the problem of teacher attraction in the educational process in the context of digitalization. The results of studies of attraction factors between a teacher and a student are given. The specificity of the formation of the attraction of the teacher in the digital environment is determined.

Keywords: attraction, teacher, digital environment, attraction factors.

В современном мире в условиях цифровизации образования проблема межличностной коммуникации и исследования личностных особенностей индивидуумов, проявляющих себя в контексте общения, становится всё более значимой. Данная проблема актуальна в связи с тем, что процесс взаимодействия участников образовательного процесса стал опосредован и программными средствами, усложняя процесс понимания истинных смыслов и целей общения [1]. Вопрос формирования межличностной аттракции непосредственно между педагогом и обучающимся связан с принципами гуманизации

образования, предполагающими личностную включенность, открытость, психолоическую безопасность, партнерский тип коммуникации. В психологических исследованиях аттракция и процесс ее формирования появилась относительно недавно в связи со сменой существующих стереотипов и устоявшихся убеждений. Длительный период существовало устойчивое представление о том, что проявление симпатий, возникновение дружбы, любви – это феномены, не требующие научного изучения, более рассматриваемые в различных произведениях искусства. Однако данное предубеждение стало разрушаться, когда стало понятно, что для целенаправленного возникновения позитивных и результативных межличностных отношений необходимы знания принципов и условий формирования аттракции.

Аттракция (от англ. attraction – привлечение, притяжение) – визуально фиксированное эмоциональное отношение человека к кому-либо в виде проявления к нему симпатии или готовности к общению [2]. О.В. Грива рассматривает аттракцию как позитивную фиксацию на участника коммуникации, которого воспринимают как привлекательного, интересного, приятного для общения [3]. Также многие исследователи рассматривают аттракцию в качестве фиксации и настроенности на определённый объект симпатии. Но объединяющим во всех трактовках данного феномена является то, что исследователи изучают аттракцию как эмоциональное проявление.

В процессе обучения при использовании средств удалённой коммуникации ежедневно участники вступают в различные взаимодействия и формируются определённые эмоциональные отношения между коммуникантами, в том числе аттракция. Феномен аттракции является сложной составной проблемой, включающей в себя различные факторы и заслуживающей подробного и тщательного рассмотрения. На возникновение аттракции в процессе использования цифровых способов обучения могут влиять: скорость обратной связи средств коммуникации, их удобство в использовании, внешний вид педагога, его тон, стиль, манера общения, направленность и содержание электронных сообщений и многие другие факторы. Появление и развитие аттракции может происходить как на основе непосредственного общения, так и при вербальном взаимодействии. Однако невербальное взаимодействие ограничено в условиях цифрового обучения выбором определённых средств цифровой коммуникации.

И.Е. Бакум проводил исследования, направленные на выявление личностных качеств преподавателя, вследствие которых возникает аттракция. Изучались особенности формирования симпатии на основе взаимодействия

между студентом и преподавателем. В ходе исследования было выявлено, что аттракцию у студентов вызывают преподаватели, проявляющие справедливость, образованность, тактичность, трудолюбие, коммуникабельность, внешнюю опрятность и привлекательность. К неприемлемым качествам у преподавателей студенты отнесли субъективность, надменность, грубость [4].

Помимо личностных речевых сигналов, есть также множество визуальных и других невербальных знаков во внешности человека, участвующих в появлении аттракции. Регулярность либо редкость встреч может также влиять на аттракцию как в положительную, так и в отрицательную стороны. То, какой эффект возникнет при частом либо редком общении, коррелирует с общностью установок между общающимися людьми. У похожих людей при частом общении более вероятна аттракция, в то время как у людей с меньшей схожестью больше вероятности сформировать аттракцию при редких взаимодействиях.

Видение себя никогда не совпадает и не может совпадать с образом того же человека, который существует в восприятии других людей. Сам человек вследствие объективно существующих причин не может взглянуть на себя со стороны [2]. Поэтому для того, чтобы вызывать в человеке аттракцию, необходимо уметь использовать соответствующие коммуникативные средства. Однако далеко не все коммуникативные средства имеют одинаковую эффективность в условиях цифрового образования. Допустим, влияние жестов и поз на формирование позитивного впечатения очень ограничено в цифровом формате.

На основе существующих научных работ, изучающих феномен аттракции, были выделены следующие коммуникативные средства, способствующие аттракции между педагогом и обучающимся в цифровом формате взаимодействия (видеоконференциях и электронной коммуникации):

1. Живая, доброжелательная мимика, включенный взгдяд преподавателя во время видеоконференции. Если мы смотрим на говорящего, то тем самым показываем свою заинтересованность, сосредоточенность и вовлечённость в общение. Эффективность улыбки заключается в том, что действие всегда вызывает большее доверие, нежели произносимые слова. Улыбка является действием, которое сигнализирует собеседнику о доброжелательном настрое и о хорошем отношении к нему. Улыбку можно расшифровать следующим образом: «Я к вам хорошо отношусь. Вы мне нравитесь, мне хорошо с вами, я рад(а) вам». Улыбка представляет собой завуалированный комплимент партнеру по общению, что неизменно рождает ответное расположение.

Применение данного средства аттракции педагогом в цифровых условиях возможно при использовании сетевых платформ, поддерживающих видеоконференции. Чрезмерно активная мимика и гримасы как попытка привлечь внимание слушателей создает визуальный шум и апеллирует к архетипу низкой престижности.

2. Обращение к партнеру по коммуникации по имени. Доказано, что собеседнику приятно слышать своё имя и отчество. Необходимо обращаться к собеседнику по имени в уважительном тоне, соблюдая субординацию и придерживаясь общего темпа разговора. Повторение и почтительное произнесение имени существенно влияет на возникновение симпатии между общающимися, в том числе и в образовательном процессе. Имя может использоваться в любых средствах цифрового взаимодействия, как в устном формате, так и в формате написания в мессенджерах.

3. Аккуратный внешний вид педагога, демонстрирующий готовность к взаимодействию и рабочий настрой, является составляющим элементом аттракции. На первоначальном этапе знакомства при взаимодействии людей их внешность оказывает основополагающее значимое для формирования благоприятного впечатления. Видя перед собой собеседника с приятной внешностью, человек может авансом приписывать ему положительные качества, заранее выстраивая привлекательный образ и перенося внешнюю привлекательность в ожидания соответствующего поведения. Для обозначения внешнего портрета с помощью фото профиля могут использоваться любые мессенджеры, но наиболее эффективными в данном случае будут цифровые средства с видеотрансляцией.

4. Тон голоса – это особо важный сигнал взаимодействия, раскрывающийся наиболее действенно в образовательном процессе. Можно донести информацию учащемуся наиболее доходчиво, если использовать размеренный и спокойный тон голоса при общении. Но при этом важно сохранять выразительность и эмоциональность в голосе, чтобы изложение учебного материала не было монотонным и вызывало интерес у учащихся.

5. При удаленном цифровом взаимодействии особую знаяимость для формирования позитивных отношений приобретает владение техниками подчеркивания значимости обучающегося в вербальном общении: соблюдение благоприятного эмоционального тона сообщения, использование аргументированной похвалы, подчеркивание конкретных достижений обучающегося, подчеркивание общности целей, использование гармонем в сообщениях «давайте попробуем еще раз», «забудем». Для формирования

позитивных отношений в вербальных соощениях педагогу важно отказаться от сообщений «должен, «обязан». Признание автономности обучающегося предпоагает, что в вербальных сообщениях будет обозначена коммуникативная свобода обучающегося. Просьба предпочтительнее приказа. Предпочтительнее использовать выражения «хочется обратить внимание», «рекомендуется сделать» и пр.

Кроме того, неукоснительное соблюдение педагогом традиционных речевых этикетных норм общения может восприниматься обучающимся как сухость, отстраненность и формальное отношение к предмету взаимодействия. Для формирования аттракции педагогу в вербальном общении важно создавать ситуацию успеха, демонстрировать ценностное и внимательное отношение к выполненному заданию учащегося, давать своевременную и развернутую обратную связь в электронной коммуникации [1].

Таким образом, аттракцию необходимо рассматривать как комплексное явление. Не все способы вызова аттракции одинаково эффективны при использовании в цифровом формате. Существует ряд факторов, оказывающих влияние на формирование и развитие аттракции: фактор общности установок и ценностей субъекта и объекта взаимодействия, способ и инструмент их взаимодействия; частота взаимодействий; внешность, социальные характеристики; характеристики поведения объекта; самооценка и личностные качества субъекта.

Список литературы:

1. Сысоева Е.Ю., Стрекалова Н.Б. Цифровые коммуникации преподавателя в условиях гуманистической парадигмы образования: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2023. 150 с.

2. Сысоева Е. Ю. Имидж педагога: учеб. пособие. Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. 148 с.

3. Грива О.В. Межличностная аттракция и ее детерминирующие факторы // Современная психология: материалы II Международной научной конференции (г. Пермь, июль 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014. С. 23-25.

4. Бакум И.Е. Изучение аттракции в педагогическом процессе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 5-1 // https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-attraktsii-v-pedagogicheskom-protsesse

И.Е. Василевский,
Самарский университет;
А.М. Санько,
Самарский университет

ОБУЧЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ВОКАЛУ ВЗРОСЛЫХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются положительные и отрицательные стороны онлайн занятий по академическому вокалу. Целью данной работы является поиск средств, которые помогут решить некоторые проблемы дистанционного обучения академическому вокалу взрослых людей, включая студентов профессиональных учебных заведений по данному направлению.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн занятия, академический вокал.

I.E. Vasilevsky,
Samara University;
A. M. Sanko,
Samara University

TEACHING ACADEMIC VOCAL TO ADULTS IN THE INFORMATION SOCIETY

The article discusses the positive and negative aspects of online classes in academic vocals. The purpose of this work is to find means that will help solve some of the problems of distance learning of academic vocals for adults, including students of professional educational institutions in this area.

Keywords: distance learning, online classes, academic vocals.

Восприятие и исполнение музыкального материала определенным образом воздействует на организм человека, что доказано во многих исследованиях. Занятия музыкой оказывают развивающее действие: развивают творческие способности, музыкальный вкус, восприятие, мышление, память и иные качества [1], которые важны не только в музыке. Сегодня интерес к музыкальному исполнительству, а в частности к академическому пению, достаточно высок среди взрослого населения, что обусловлено тягой к классической музыке из-за «низкосортной» вокальной культуры на современной эстраде.

У взрослых людей мотивация заниматься музыкой гораздо выше в сравнение с детьми, которых отправляют на занятия родители [2]. В исследованиях педагогов-вокалистов Л.Б. Дмитриева, А.Г. Менабени и др. отмечается, что в процессе пения развивается слух и чувство ритма, прививается музыкальный вкус, улучшается память, стимулируется речевая активность, происходит раскрепощение, устраняются комплексы, страхи [3-5]. Ученые-психологи Б.М. Теплов, В.И. Петрушин, К.Г. Юнг и др. отмечают, что пение способствует эмоциональной разрядке, во время пения происходит сброс эмоционального и психологического напряжения (при должном умении) [6-8]. Также процесс пения стимулирует более глубокое и интенсивное дыхание, повышенный приток кислорода обогащает головной мозг и весь организм в целом, повышается местный иммунитет голосового аппарата. Стоит отметить, что желание научиться петь не зависит от профессиональной принадлежности: поют медики, военные, повара, воспитатели, учителя, пожарные и т. д. В настоящее время идет возрождение интереса к академической музыке. Театры и филармонии полны зрителей, в том числе и молодежи.

Для того чтобы научиться академическому пению, существует целая система профессионального образования, которая содержит несколько ступеней. Всё начинается с музыкальной школы. Конечно, индивидуальные занятия пением можно получить не во всех музыкальных школах, но, если занятий вокалом нет в учебном плане, как привило, проводятся уроки пения в хоре. В таких учебных заведениях программа обучения рассчитана на пять или семь лет с возможностью подготовительного года обучения и посещения специальных дисциплин после окончания обучения. Далее следует обучение в музыкальном училище или колледже, где на протяжении четырех лет студенты регулярно посещают занятия пением. Затем обучение вокалу продолжается в консерватории или институте культуры на протяжении четырех или пяти лет в зависимости от формы обучения. После четырехгодичного обучения на бакалавриате есть возможность совершенствовать певческие навыки в магистратуре в течение дополнительных двух годов обучения. Для поступления в училище или консерваторию окончание музыкальной школы не является обязательным. Помимо занятий пением, в период обучения студенты развивают свой кругозор, изучая историю русской и зарубежной музыки, особенности музыкальных предпочтений композиторов, музыкальных эпох и стилей, изучают строение и работу голосового аппарата. Минимальное время профессионального обучения – четыре года, на протяжении которых студенты регулярно посещают индивидуальные занятия вокалом три-четыре раза в неделю, а также занимаются

самостоятельно. Именно такой режим позволяет сформировать и закрепить певческие навыки. Стоит отметить, что во многих случаях этого времени оказывается недостаточно.

Но что делать человеку, который не может себе позволить быть студентом очного отделения консерватории или иного профессионального учебного заведения в силу ряда причин? Конечно, хорошим решением вопроса являются индивидуальные занятия с педагогом в частном порядке. Но бывает так, что вы нашли хорошего педагога, с которым вам комфортно заниматься, и вы чувствуете результат, но посещать занятия регулярно не получается, к примеру, из-за того, что вам далеко ехать до места проведения занятий. Тогда на помощь приходят современные коммуникационные технологии, которые имеют ряд преимуществ перед традиционной очной формой проведения занятий:

– возможность проводить занятия в любом месте, где доступен выход в интернет с приемлемым качеством связи;

– возможность не прерывать процесс обучения из-за погодных условий, особенностей различных изменений распорядка дня и иных причин, гибко корректировать расписание занятий;

– возможность получать уроки у квалифицированных педагогов за неимением таковых поблизости;

– при чередовании дистанционной и очной формы проведения занятий возрастает интерес к очным встречам, которые на контрасте становятся более результативными.

Стоит отметить, что проведение занятий по обучению пению в дистанционном формате всегда будет уступать по качеству традиционным очным урокам, на которых обучающий и обучающийся находятся рядом, в одном акустическом пространстве и могут улавливать самые малые изменение в звучании, настроении, положении тела в пространстве и т. д.

Наряду с преимуществами, которые имеет дистанционная форма проведения занятий есть и отрицательные стороны:

– отсутствие стабильного высокого качества интернет-соединения у обучающего и обучающегося;

– ограниченное время взаимодействия на большинстве бесплатных учебных платформ;

– отсутствие качественной аппаратуры для передачи всего спектра аудио сигнала;

– большие трудности при присутствии на занятиях концертмейстера, без которого невозможно полноценно работать с музыкальным материалом;

– сложность восприятия обучающимся личных примеров педагога из-за акустического несоответствия;

– отсутствие у многих обучаемых такого помещения, где можно было бы не стесняться петь во весь голос, где никто не мешал бы проведению занятия.

Важно отметить, что с вышеизложенными негативными моментами сталкиваются и профессиональные учебные заведения. В период пандемии остро обозначилась проблема неготовности к дистанционным занятиям академическим вокалом как со стороны студентов, так и со стороны педагогов. Одна из важных проблем – отсутствие специальной бесплатной цифровой платформы для дистанционных занятий академическим вокалом. Т.В. Фуртас рассматривает цифровые средства, такие как Skype, WhatsApp, Moodle, «ВКонтакте» [9]. Автор статьи предлагает делать концертмейстеру запись музыкального сопровождения произведений и вокальных упражнений, чтобы студент мог самостоятельно заниматься. Вышеупомянутые цифровые средства рассматривались автором именно в рамках процесса обучения в образовательной организации высшего образования, предлагалась сложная система коммуникации студентов на одной платформе, взаимодействия с педагогом – на другой, а электронного учета посещаемости – на иной. Также исследованием дистанционной формы профессионального обучения академическому вокалу занималась Г.Р. Мурзиева, в статье которой указаны плюсы и минусы дистанционного обучения академическому вокалу [10].

На данный момент нет отечественной цифровой платформы, которая бы способствовала решению проблемы дистанционного обучения академическому вокалу взрослых, в том числе для пользования в государственных образовательных учреждениях (среднего профессионального образования, высшего образования и дополнительного профессионального образования). Платформа должна отвечать следующим требованиям:

– возможность проведения занятий без временных ограничений (либо минимум 1,5-2 часа);

– возможность вести запись всего занятия;

– возможность дополнительной кратковременной записи (до 15 минут) и её воспроизведения сразу же на занятии;

– возможность воспроизведения заранее подготовленных аудиофайлов (музыкального сопровождения);

– отсутствие оплаты за пользование.

Также есть необходимость разработать методические рекомендации как для обучаемого, так и для обучающего. Преподаватели должны знать особенности проведения занятий в режиме онлайн, чтобы по возможности сводить к минимуму отрицательные аспекты дистанционных занятий вокалом. У преподавателей эстрадного вокала (Сет Риггс, Бретт Мэннинг, Шерил Портер) существуют стройные системы самостоятельного обучения пению, где в достаточной мере представлена информация о работе голосового аппарата, диапазоне типовых голосов и даны упражнения, которые может выполнять даже неопытный ученик. Самостоятельные занятия по вышеупомянутым методическим разработкам хорошо дополняют дистанционные занятия эстрадным вокалом. Стоит отметить, что данные системы изложены на английском языке, некоторые из них переведены на русский язык. В отношении же академического вокала подобных наработок не существует, поэтому данный пробел необходимо восполнить.

Список литературы:

1. Алиев И.Ю. Основы вокальной педагогики. М.: Педагогика, 2001. 252 с.

2. Цыпин Г.М. Психология музыкальной деятельности: теория и практика. М.: Академия, 2003. 368 с.

3. Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики. 2-ое изд. М. : Музыка, 1996. 368 с.

4. Менабени А.Г. Методика обучения сольному пению. М.: Просвещение, 1987. 94 с.

5. Гарсиа М.П.Р. Советы по пению / пер. Н.А. Александрова. СПб: Планета музыки, 2014. 104 с.

6. Петрушин В.И. Музыкальная психология. М.: Владос, 1994. 365 с.

7. Теплов Б. М. Избранные труды: в 2-х томах. Т. 1. М.: Просвещение, 1985. 328 с.

8. Юнг К.Г. Психология бессознательного/ пер. с нем. М.: Канон,1994. 320 с.

9. Фуртас Т.В. К вопросу о проведении дистанционных занятий по сольному пению // https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42765307

10. Мурзиева Г.Р. Плюсы и минусы дистанционного обучения академическому вокалу в Казанской консерватории // Искусство и художественное образование в контексте межкультурного взаимодействия: материалы IX Междунар. научно-практ. конф. (Казань, 23 октября 2020 г.). Казань: КФУ, 2020. С. 349-354.

Д.О. Ежков,
Самарский университет

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО УПРАВЛЕНИЮ ПЕРСОНАЛОМ

Актуальность исследования определяется необходимостью формирования цифровой компетентности специалистов по управлению персоналом. Рассматриваются различные подходы к определению феномена «цифровая компетентность», «цифровые компетенции».

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровая компетенция, управление персоналом.

D.O. Ezhkov,
Samara University

FORMATION OF DIGITAL COMPETENCE OF AN HR SPECIALIST

The relevance of the study is determined by the need to form the digital competence of HR specialists. Various approaches to the definition of the phenomenon of "digital competence", "digital competencies" are considered.

Keywords: digital competence, digital competence, personnel management.

Масштабность модернизации образовательного процесса и социально-экономических изменений, развитие инновационной экономики в России требует формирования у обучающихся компетентностной составляющей, так как в современных реалиях к будущему специалисту предъявляется совокупность требований: способность к осуществлению эффективной деятельности в условиях цифровизации и, как следствие, готовность к информатизации знаний; способность к самообразованию; способность управлять своим профессиональным ростом. Современными учеными утверждается, что специалисту для успешного решения профессиональных задач необходимы: навыки работы в команде в разных статусно-ролевых позициях; навыки ведения переговоров; навыки принятия адекватных решений; навыки работы с конфликтами и конфликтными ситуациями, что требует «особых управленческих компетенций, приобретающих статус метакомпетенций не только для конкретной профессии, но и для жизнедеятельности каждого человека» [1, с.14].

Исследователи выделяют основные компетенции: умение внедрять знания; умение быстро осваивать новое оборудование; способность быстро достигать результатов, решая проблемы, ставя цели и управляя ресурсами; навыки наставничества, способность к взаимодействию; устойчивость к стрессовым ситуациям, способность обучаться [2, с. 92].

От специалиста требуется достаточно большое количество компетенций. Так, компетенция «работа в команде» идентифицируется по следующим параметрам: умение организовывать и сплачивать команду; умение управлять группой. Выделяются корпоративные компетенции для должностных обязанностей в организации: управленческие, технические, профессиональные компетенции (компетенции для работы с людьми, компетенции для управления развитием организации). Соотношение данных компетенций будет варьироваться в зависимости от функциональных обязанностей и занимаемой должности. При этом современные модели включают от 8 до 12 компетенций, но наиболее значимыми являются 3-4.

Хотя в «настоящее время в теории и практике управления персоналом пристальное внимание уделяется компетентностному подходу, позволяющему целенаправленно выстроить все этапы и процедуры кадровой работы» [3, с. 162], следует учитывать достаточно стремительное устаревание компетенций. Для современных специалистов возрастает уровень требований и все чаще ставятся вопросы о «мягких» и «жестких» навыках, так называемых hard и soft skills. Как утверждают Н.С. Ермашкевич, М.Л. Панявина, З.В. Родионова, в «ближайшем будущем будет происходить обучение не какой-либо конкретной специальности, а определенному набору компетенций» [4, с. 485].

Одним из стратегических ориентиров в реализации образовательной политики Российской Федерации является принятие в 2015 году государствами-членами ООН 17 целей устойчивого развития. В частности, цель № 4 – обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех [5]. Эта цель находит отражение в достижении национальных целей в соответствии с Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». В то же время Указ Президента РФ от 07.05.2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» ставит задачу обеспечения подготовки высококвалифицированных кадров для цифровой

экономики [6]. Итак, «цифровизация» затрагивает все сферы жизнедеятельности людей, в том числе и образование, обучение в целом. Возникают новые термины: «цифровые компетенции», «цифровая компетентность» «информационная грамотность» и др. Цифровые компетенции представляются навыками эффективного использования технологий. Для этого осуществляется поиск информационных баз, активное использование цифровых устройств, социальных сетей и их функциональных возможностей [7].

Цифровые компетенции имеют различные виды в зависимости от владения той или иной информационно-коммуникационной технологией.

Компетентность как факт наличия знаний, опыта и навыков для эффективной деятельности в определённой сфере принимается за интегративное свойство личности специалиста, содержащее установку, связанную с эффективной деятельностью, чувством ответственности, личным отношением к данного рода компетенции, а не только знания, умения и навыки. Установка, связанная с эффективной деятельностью, готовит к безопасному и рациональному использованию цифровых технологий, продуктов в профессиональной деятельности.

Базовые цифровые компетенции могут совершенствоваться в течение жизни, а специальные цифровые компетенции требуют развития в процессе обучения.

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 38.03.03. Управление персоналом включает совокупность универсальных компетенций [9], которые соответствуют ключевым компетенциям цифровой экономики. Так, приказом от 24 января 2020 г. N 41 об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» определен перечень ключевых компетенций цифровой экономики [10]. Таким образом, индикаторы универсальных компетенций могут быть дополнены индикаторами ключевых компетенций цифровой экономики, например: «УК-4 способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах – ЦК-1 коммуникация и кооперация в цифровой среде», данная компетенция может быть сформирована учебной дисциплиной «Информационные коммуникативные технологии» (таблица 1).

Таблица 1

Соответствие индикаторов универсальных компетенций ФГОС ВО по направлению 38.03.03 индикаторам ключевых компетенций цифровой экономики

Индикаторы универсальных компетенций ФГОС ВО по направлению 38.03.03 Управление персоналом	Индикаторы ключевых компетенций цифровой экономики	Индикаторы, полученные путем сопряжения
Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах (УК-4)	Коммуникация и кооперация в цифровой среде (ЦК-1)	Коммуникативный индикатор
Способен выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития (УК-6)	Способность подбирать способы решения и средства развития других необходимых компетенций (ЦК-2)	Индикатор саморазвития
Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы нх решения (УК-2)	Способность генерировать новые идеи для решения задач цифровой экономики (ЦК-3)	Творческий индикатор
Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации (УК-1)	Управление информацией и данными (ЦК-4)	Индикатор управления информацией
Способен применять системный подход для решения поставленных задач (УК-1), способен формировать нетерпимое отношение к коррупционному поведению (УК-11)	Способность человека проводить оценку информации, ее достоверность, строить логические умозаключения (ЦК-5)	Индикатор оценки информации

Для формирования цифровых компетенций в процессе обучения необходима специфическая образовательная среда, в которой особую роль выполняет преподаватель вуза, деятельность которого подвергается серьезным преобразованиям. Содержание труда на современном этапе включает умения и навыки работы со средствами ИК; с электронной информационно-образовательной средой; с ресурсами сети Интернет.

Список литературы:

1. McClelland D.C. Testing for Competence Rather Than for “Intelligence” // Am. Psychol. 1973. Vol. 28. Jan. P. 1-14.

2. Головань Н.О. Модель компетенций в управлении персоналом // Молодой ученый. 2021. № 48 (390). С. 91-93.

3. Колобова И.Н. Психология управления: учебное пособие. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2014. 304 с.

4. Ермашкевич Н.С., Панявина М.Л., Родионова З.В. Развитие профессиональных компетенций в условиях цифровой экономики // Лидерство и менеджмент. 2021. Том 8. № 4. С. 483-502.

5. General Assembly Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development // Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017. 2017.

6. Российская Федерация. Президент (2000; В.В. Путин). О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ от 07.05.2018 г. № 204 // http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/2

7. The Future of Jobs. Official site of WEF // https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs

8. Солдатова Г.У. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 50-60 // http://npsyj.ru/articles/detail.php?article=6622

9. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 955 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом» // https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/380303_B_3_31082020.pdf

10. Приказ от 24 января 2020 г. N 41 об утверждении методик расчета показателей федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minekonomrazvitiya-Rossii-ot-24.01.2020-N-41/

О.П. Жигалова,
ДВФУ (Владивосток)

ТЕХНОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ: РИСКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В рамках работы затрагивается вопрос об использовании технологии виртуальной реальности в образовании; рассматривается проблема использования VR-ресурсов, разработанных на основе облачных технологий в организации учебной деятельности; выделяются ключевые риски. Автор выделяет проблемы, которые могут возникнуть при организации учебного процесса с использованием VR-технологий, определяет содержание профессиональных задач педагога в данных условиях.

Ключевые слова: цифровая образовательная среда, цифровые технологии в образовании, технология виртуальной реальности, VR-технологии, VR-ресурсы, облачные технологии, цифровой след, профессиональные задачи педагога в условиях цифровой образовательной среды.

O.P. Zhigalova,
FEFU (Vladivostok)

VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY IN EDUCATION: RISKS OF USE

The work addresses the issue of the use of virtual reality technology in education; the problem of using VR-resources developed on the basis of cloud technologies in the organization of educational activities is considered; key risks are identified. The author highlights the problems that may arise when organizing the educational process using VR technologies, determines the content of the teacher's professional tasks in these conditions.

Keywords: digital educational environment, digital technology in education, natural reality technology, VR technologies, VR resources, cloud technologies, digital footprint, teacher's professional tasks in a digital educational environment.

На этапе формирования цифровой образовательной среды поднимается вопрос об активном использовании технологии виртуальной реальности в образовании. Технология виртуальной реальности в образовании рассматривает-

ся с позиции создания нового формата обучения. К ключевым преимуществам, связанным с использованием VR-технологий в сфере образования, следует отнести: формирование устойчивого внимания к учебному материалу, повышение заинтересованности, создание условий для реализации модели ситуативного обучения. В зоне профессионального образования данные технологии доказывают свою эффективность на этапе формирования практических умений и организации итоговой аттестации специалиста [1, 4]. Вопрос о широком использовании технологии виртуальной реальности в системе основного общего образования остается на этапе активного обсуждения. С одной стороны, осуществляется разработка образовательных продуктов на основе VR-технологий и их апробация в системе образования (например, образовательные продукты по химии «VR Chemistry LAB» (компания-разработчик CTEM-игры); виртуальная физическая лаборатория (компания-разработчик ModumLab); виртуальный класс по ОБЖ (компания-разработчик Rubius)) [6]. С другой стороны, проводятся педагогические исследования, ориентированные на определение организационно-педагогических условий обеспечения процесса обучения с использованием VR-технологий, на выявление эффективности применения данной технологии в организации учебного процесса и обеспечении психологического сопровождения обучающихся [2, 5]. Анализ научных статей на данную тему позволяет выделить ряд затруднений, которые препятствуют активному использованию технологии виртуальной реальности в сфере образования: отсутствие единых стандартов, предъявляемых к техническому и программному обеспечению; отсутствие качественного образовательного контента; отсутствие возможности импортозамещения ресурсов; неготовность педагогов к организации учебного процесса в условиях применения технологии виртуальной реальности [3]. По нашему мнению, существуют определенные риски, связанные с применением технологии виртуальной реальности в образовательной сфере.

Основные риски применения технологии виртуальной реальности в системе образования связаны с обеспечением безопасности и сохранности здоровья обучающихся, защиты персональных данных и когнитивного профиля обучающихся, обеспечением условий для оптимальной работы педагога.

Вопросы обеспечения здоровья обучающихся в условиях применения технологии виртуальной реальности находят отражение в работах по психологии и медицине [7; 8]. Психологи отмечают основные симптомы, которые могут привести к ухудшению состояния, а именно: головокружение, тошнота, утомление. Возникновению данных симптомов (симптомов векции) связано не

только с особенностями психофизического состояния обучающегося. Данные симптомы могут возникать у обучающихся вследствие использования образовательного контента с низким качеством графики. Использование некачественного контента может привести к более тяжелым последствиям: нарушению сердечного ритма, слабости, потере равновесия. Исследования в данной области продолжаются. Они направлены на выявление организационно-педагогических и разработку эргономических требований, предъявляемых к обеспечению учебного процесса, на проектирование процедур стандартизации и сертификации образовательных VR-ресурсов.

Актуальным становится вопрос об обеспечении защиты персональных данных и когнитивного профиля обучающихся. На данный момент не существует VR-комплектов отечественного производства. Наиболее часто используемы гарнитуры виртуальной реальности зарубежного производства, например, Oculus (компания-разработчик Facebook Technologies), HTC Vive (компания-разработчик HTC Corporation), Samsung Odyssey (компания-разработчик Samsung). Процесс осложняется тем, что разработчики программного обеспечения переходят на новый уровень его проектирования с применением технологии облачных вычислений. Изменяется политика использования программных продуктов: обеспечивается доступ к программной услуге. Направление, связанное с разработкой ресурсов на основе технологии виртуальной реальности, не является исключением. Использование VR-ресурсов (например, https://spacevr.co, https://store.steampowered.com, https://www.oculus.com) или платформ-конструкторов для их создания (например, https://arvr.google.com/tourcreator/) предполагает решение актуального вопроса о дополнительной защите персональных и биометрических данных обучающихся.

Современные VR-гарнитуры позволяют фиксировать биометрические данные (снимать отпечатки пальцев рук, сканировать сетчатку глаза) и поведенческие реакции пользователя (скорость реакции, время принятия решения, стиль поведения и т. д.). Биометрические и поведенческие данные, собранные с использованием гарнитур виртуальной реальности, позволяют идентифицировать пользователей и воссоздавать их модели поведения в виртуальной среде, что является реальной проблемой в случае взлома систем виртуальной реальности. Внешний контроль за гарнитурой становится опасным для здоровья пользователя: внешнее управление виртуальным контентом может привести к полной блокировке пользователя в среде виртуальной реальности, к потере визуальной и звуковой связи с внешним миром.

В условиях применения VR-технологий роль педагога становится многогранной, деятельность усложняется. Педагог обеспечивает сопровождение деятельности обучающихся как в реальной, так и виртуальной учебной обстановке, выступая в роли проводника или инструментального агента. Выступая в данной роли, педагог решает задачи, связанные с донесением до обучающихся информации, связанной с использованием контроллеров и средств манипуляции, а также виртуальных инструментов обеспечения деятельности в среде виртуальной реальности. Это обусловлено отсутствием единых регламентов по разработке автоматизированных VR-приложений. Помимо этого, педагог обеспечивает смысловую ориентацию обучающихся в процессе выполнения учебных задач в среде виртуальной реальности. Смысловая ориентация осуществляется на уровне идентификации виртуального окружения и его элементов, на уровне выполнения действий и осуществления манипуляций с виртуальным инструментарием, на уровне понимания и осознания результатов деятельности. Преподавателю отводится роль наблюдателя, деятельность которого направлена на включение обучающегося в учебную деятельность и ориентацию в зоне «учебных смыслов» в условиях виртуального окружения через активную коммуникацию. От педагога требуется панорамное видение учебной ситуации в VR-среде. В отсутствии полного интерактивного погружения преподавателю необходимо осуществлять активный диалог с обучающимся, направленный на оказание консультативной помощи, связанной с ориентацией обучающегося, с выполнением действий. Составляющими стратегической модели поведения выступают инструкции и рекомендации со стороны педагога, ориентированные на включение обучающегося в учебную виртуальную среду, на формирование его готовности к реализации деятельности в условиях виртуальной среды, на понимание смысла и содержание деятельности; планируемого результата деятельности, на формирование культуры поведения в среде виртуальной реальности. Все это приводит к дополнительной нагрузке в работе педагога.

Использование технологии виртуальной реальности в образовательном процессе возможно только при условии решения основных проблем, связанных с обеспечением безопасности и сохранности здоровья обучающихся, защиты их персональных и биометрических данных, обеспечением оптимальных условий для работы педагога.

Список литературы:

1. Жигалова О.П. Учебные симуляторы в системе профессионального образования: педагогический аспект // АНИ: педагогика и психология. 2021. № 1 (34). С.89-99.

2. Жигалова О.П., Гаврилова Т.А., Баранова В.А., Фисун Т.В., Оксесенко А.К. Исследование реактивного и активного режимов учебной коммуникации, при решении обучающимся учебных задач в среде виртуальной реальности // Перспективы науки и образования. 2021. No 6 (54). С. 473-486.

3. Козлова А.Д., Ходакова Н.П. Перспективы технологий виртуальной и дополненной реальности в дополнительном образовании // Научно-методический электронный журнал «Калининградский вестник образования». 2022. № 4 (16). С. 55-63.

4. Корнеева Н.Ю., Уварина Н.В. Иммерсивные технологии в современном профессиональном образовании // Современное педагогическое образование. 2022. № 6. С. 17-22.

5. Селиванов В.В. Технологии виртуальной реальности в системе непрерывного образования // Стратегии и ресурсы личностно-профессионального развития педагога: современное прочтение и системная практика. 2022. № 1. С. 58-61.

6. Хукаленко, Ю.С., Бажина П.С., Земцов Д.И. Иммерсивные технологии в школьном образовании: по итогам Всероссийской программы апробации // ПНиО. 2022. № 3 (57). С. 338-353.

7. Хороших П.П. Иммерсивные образовательные среды: психофизиологический аспект / П.П. Хороших, А.А. Сергиевич, Т.А. Баталова // Психология и Психотехника. 2021. № 1. С. 78-88.

8. Kirill A. Fadeev, Alexey S. Smirnov, Olga P. Zhigalova, Polina S. Bazhina, Alexey V. Tumialis, and Kirill S. Golokhvast "Too Real to Be Virtual: Autonomic and EEG Responses to Extreme Stress Scenarios in Virtual Reality," Behavioural Neurology, vol. 2020, Article ID 5758038, 11 pages, 2020. https://doi.org/10.1155/2020/5758038.

Л.С. Зинковская,
Самарский университет;
Е.Ю Сысоева,
Самарский университет

ПУТИ ОСЛАБЛЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

В статье описаны основные риски развития младших школьников в эпоху цифровизации: психическое и физическое здоровье, изменение когнитивных функций, коммуникативные трудности. Определена роль родителей и педагогов в обеспечении их безопасного развития. Сформулированы пути ослабления негативного влияния цифровизации на детей младшего школьного возраста.

Ключевые слова: цифровизация, безопасное развитие, младшие школьники, цифровая безопасность детей.

L.S. Zinkovskaya,
Samara University;
E.Yu Sysoeva,
Samara University

WAYS TO MITIGATE THE NEGATIVE IMPACT OF GLOBAL DIGITALIZATION ON PRIMARY SCHOOL CHILDREN

The article describes the main risks of the development of primary school children in the era of digitalization: mental and physical health, changes in cognitive functions, communication difficulties. The roles of parents and teachers in ensuring their safe development are determined. Ways of reducing the negative impact of digitalization on primary school children have been formed. In conclusion.

Keywords: digitalization, safe development, primary school children, digital safety of children.

Современный мир невозможно представить без цифровых технологий, которые оказывают на нас огромное влияние. Именно поэтому важно обеспечивать безопасное развитие детей и ослаблять негативное влияние глобальной цифровизации на них. Цифровизация положительно влияет на технологиче-

ское развитие, но вызывает противоречия и сложности в морально-этических, нравственных, ценностных ориентирах человека. Важность цифровой грамотности для качества жизни современного человека оценена разными специалистами. Для ее формирования в начальной школе требуется поиск особых средств. В образовательном процессе такую функцию выполняет педагог [1, с. 26].

Отношение родителей к цифровой эмансипации детей неоднозначна: одни в этом видят раннее развитие, другие стараются оградить до определённого возраста, а третьи не утруждают себя контролем использования гаджетов чадами [2, с. 33-34]. На основании исследования Е.И. Николаевой и М.Л. Исаченковой (2022) «Дети и гаджеты» можно увидеть следующую статистику: первое знакомство с гаджетами у детей происходит очень рано – у почти 30 % детей до 12 месяцев, у 43,2 % детей с 12-18 месяцев, а у остальных опрошенных с 1,5 до 2 лет [3, с. 8].

Исследователи выражают серьёзную обеспокоенность состоянием психического и физиологического здоровья «цифровых» детей. Они предупреждает об угрозе «цифрового аутизма», который влечёт за собой суицидальные наклонности, провоцирует депрессивные и агрессивные состояния, конформность [2; 4; 5]. Ученики начальной школы, имеющие затруднения в обучении, повышают самооценку, общаясь в интернете, но иллюзия успешности лишь повышает стремление младшего школьника больше времени проводить в сети [2, с. 279]. Как показало исследование в России, проведённое с помощью нейропсихологических методик, дети в возрасте от 5 до 7 лет, которые часто пользуются интернетом, показывают более низкую функцию серийной организации движений, переключения и продуктивности в графических пробах [5, с. 14]. Изучение нейрокогнитивных функций у детей и подростков с разным экранным временем подтвердило оптимальное «цифровое» время, выход за его пределы может привести к когнитивным трудностям, а не к расширению возможностей развития [2, с. 286-287]. Исследования младших школьников сфокусированы на определении оптимального времени использования цифровых устройств детьми старше 7 лет. Одно из таких исследований, проведённых в Оксфорде, показало, что дети в возрасте 7-8 лет, которые не играют в видеоигры, склонны к гиперактивности больше, чем дети, играющие в течение часа в день [5, с. 14-15].

В исследовании Г.У. Солдатовой и О.И. Теславской «Особенности столкновения и совладания с онлайн-рисками» отмечено, что частота столкновения младших школьников с цифровыми рисками больше, чем у дошкольни-

ков, и составляет 60 %. В первую очередь это всплывающие изображения категории «18+» и вирусные атаки. Сними сталкиваются 22 % младших школьников. Со сценами жестокости, насилия, убийств, их описанием и изображениями встречаются в сети 14 % детей. Вредный контент с пропагандой алкоголя, курения и наркотиков встречается 12 % младших школьников. Также имеет место риск деструктивной коммуникации у 12 %: унижение чести и достоинства, травля и преследования [5, с. 18-19].

Говоря о минусах, стоит упомянуть и плюсы. Цифровизация имеет и множество преимуществ для человек, в том числе:

– быстрый доступ к информации: с помощью интернета любой пользователь может получить необходимую ему информацию за считанные минуты;

– удобство и комфорт: цифровые технологии позволяют людям общаться, работать и развлекаться в любом месте и в любое время;

– экономия времени и денег: цифровые технологии позволяют экономить время и деньги на поездки и встречи;

– развитие бизнеса: цифровые технологии позволяют бизнесу быстро и эффективно решать задачи и улучшать производительность;

– улучшение качества жизни: цифровые технологии способствуют улучшению качества жизни, например, путём улучшения здравоохранения или образования.

Однако саморегуляция детей сильно отличается от взрослой. Ребёнок младшего школьного возраста не замечает, сколько времени он провёл в игровом приложении, а пагубное влияние для него неочевидно, поэтому и не страшит. Необходимо помнить о безопасности и защите детей от негативного влияния цифровых технологий, и ответственность за неё лежится на родителей и педагогов.

Первым шагом для достижения этой цели является осознание родителями и педагогами того, что младшие школьники нуждаются в помощи и контроле в использовании цифровых технологий. Родители должны контролировать время, которое дети проводят в интернете, и искать новые способы регулирования использования цифровых технологий. Для младших школьников личные цифровые устройства и интернет-технологии становятся необходимыми, поэтому родители вынуждены искать новые способы контроля использования гаджетов. Например, через приложения [5, с. 14].

Вторым шагом является обучение младших школьников правильному использованию цифровых технологий. Дети должны знать, какими данными можно делиться в сети, а какими нет. Они должны уметь распознавать подо-

зрительные сайты и сообщения, а также понимать, как обезопасить свои личные данные. Соответственно, необходимо обучать младших школьников цифровой гигиене и цифровой безопасности. Цифровая грамотность важна для качества жизни современного человека, но вызывает морально-этические, нравственные и ценностные противоречия. Формирование цифровой грамотности начинается с читательской грамотности. Учителя начальных классов могут корректировать задания в УМК и реализовывать краткосрочные курсы по цифровой безопасности для формирования цифровой грамотности у младших школьников [1, с. 29-30].

Третьим шагом является создание условий для развития творческого потенциала детей вне цифровых технологий. Дети должны иметь возможность заниматься творческой деятельностью, такой как рисование, музыка, спорт и другие хобби. Это позволит им развивать свои таланты и увлечения, творчески самореализовываться и самовыражаться вне интернета. Живое детское любопытство побуждает узнавать новое, участвовать в экспериментах, получать новый опыт, что даёт опору для творческого поиска [6, с. 139]. Младший школьный возраст примечателен таким новообразованием, как произвольность (управление и контроль над психическими процессами), на фоне чего появляется рефлексия. Высокая познавательная потребность в сочетании с произвольностью – благодатная «почва» для развития творческого потенциала ребёнка. Так, изобразительная деятельность активизирует все психические функции, провоцирует их взаимодействие, помогает структурировать получаемые знания и опыт, формируя картину мира [7, с. 55].

Четвёртым шагом является установление правил использования цифровых технологий в семье и в школе. Все участники должны знать, какие действия недопустимы и какие последствия могут возникнуть в случае нарушения правил. Это поможет снизить риск воздействия негативных факторов глобальной цифровизации на детей.

Ослабление негативного влияния глобальной цифровизации на детей является важной задачей для родителей и педагогов. Для её решения необходимо обеспечить безопасное развитие детей, осознание родителями и педагогами необходимости контроля за использованием цифровых технологий, обучение детей правильному использованию гаджетов, создание условий для развития творческого потенциала детей вне интернета и установление правил использования цифровых технологий в семье и в школе. Все эти меры помогут обеспечить безопасное и гармоничное развитие детей в условиях глобальной цифровизации.

Список литературы:

1. Волкова Л.В., Волкова Ю.С. Цифровая грамотность младших школьников: условия и механизмы формирования // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2022. С. 25-36 № 10 // https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-gramotnost-mladshih-shkolnikov-usloviya-i-mehanizmy-formirovaniya

2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Вишнева А.Е., Теславская О.И., Чигарькова С.В. Рождённые цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие. М., 2022. 356 с.

3. Николаева Е.И., Исаченкова М.Л. Особенности использования гаджетов детьми до четырёх лет по данным их родителей. Комплексные исследования детства. 2022. Т. 4. № 1. С. 32-53 // https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53

4. Морозов А.В. Общение в условиях цифровизации образовательного пространства и явление, оказываемое им не здоровье обучающихся // Сборник научных трудов «Общение в эпоху конвергенции технологий». 2022. С. 328-331 // https://cyberleninka.ru/article/n/obschenie-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obrazovatelnogo-prostranstva-i-vliyanie-okazyvaemoe-im-na-zdorovie-obuchayuschihsya

5. Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Национальный психологический журнал. 2019. №4 (36). С. 12-27 // https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolzovaniya-tsifrovyh-tehnologiy-v-semyah-s-detmi-doshkolnogo-i-mladshego-shkolnogo-vozrasta

6. Горовая В.И., Петрова Н.Ф. Творческий потенциал личности и его развитие // Вестник ГУУ. 2013. №11. С. 136-139 // https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskiy-potentsial-lichnosti-i-ego-razvitie

7. Мациевская Ю.А., Кочетова М. Влияние изобразительного искусства на развитие творческого мышления ребенка. Основные этапы становления детского творчества // Коллекция гуманитарных исследований. 2018. №4 (13). С. 54-58 // https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-izobrazitelnogo-iskusstva-na-razvitie-tvorcheskogo-myshleniya-rebenka-osnovnye-etapy-stanovleniya-detskogo-tvorchestva

Д.П. Каризская,
Самарский университет;
И.В. Никулина,
Самарский университет

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ТРЕВОЖНОСТИ

В связи с ростом объемов информации в современном мире, возрастает неопределенность в жизни человека, а как следствие, и тревожность. Цель статьи: изучение феномена тревожности с позиции различных психологических подходов. Анализ понятия «тревожность» показал, что она оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на жизнь человека.

Ключевые слова: тревожность, страх, виды тревожности.

D.P. Karizskaya,
Samara University;
I.V. Nikulina,
Samara University

PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO ANXIETY

In connection with the growth of information volumes in the modern world, uncertainty in human life is increasing, and as a result, anxiety. The purpose of the article: the study of the phenomenon of anxiety from the standpoint of various psychological approaches. An analysis of the concept of "anxiety" showed that it has both a positive and a negative impact on a person's life.

Keywords: anxiety, fear, types of anxiety.

Жизнь современного человека наполнена бесчисленным потоком информации. Экономическая и социально-политическая ситуации постоянно изменяются. Глобализация и технологизация открывают для нас большое количество возможностей, однако вместе с тем несут за собой и опасности. С каждым годом возрастает количество информации, ее доступность, увеличивается влияние СМИ на общество. В связи с этим возрастает и неопределенность, а как следствие, и общий уровень тревожности населения. Наиболее частыми причинами тревог, согласно исследованиям Фонда «Общественное мнение»,

являются обнищание людей, угрозы нападения других стран и гражданской войны, также людей пугают эпидемии, заражение воды и воздуха, уничтожение лесов [1]. Таким образом в современном мире возрастает актуальность проблемы тревожности и необходимость ее изучения.

Одним из первых, кто рассмотрел проблему тревожности, был Зигмунд Фрейд. Он различал тревогу и страх, понимая под страхом реакцию на конкретную опасность, при тревоге опасность является неизвестной. Тревожность – это неприятное эмоциональное переживание, являющееся сигналом предвосхищаемой опасности. Зигмунд Фрейд выделял три вида тревожности – объективную, невротическую и моральную. Объективная тревога – понятие близкое к страху, возникает в результате реальных опасностей и исчезает, когда угроза перестает быть актуальной. Она необходима, чтобы обеспечивать функцию самосохранения. Невротическая тревога – результат предвкушения неких событий, в данном случае человек реагирует на мысли или идеи, а не на объективные проявления среды. Моральная тревога связана с опасностью, идущей от «Супер-эго», которое предписывает поведение, соответствующее социальным стандартам. Ее можно описать как чувство вины за то, что человек совершает или помышляет о поступках, которые противоречат моральным нормам [2].

По мнению Карен Хорни, тревога возникает в результате нарушения межличностных взаимоотношений. Она выделяет такие виды тревоги, как нормальная и невротическая. Нормальная тревога не формирует невротических защит и не ведет к образованию внутренних конфликтов, в то время как невротическая тревога связана с нереалистичным восприятием мира, ее главный источник – враждебное отношение окружающих. Такую тревогу Хорни назвала базовой, так как она выступает основой невроза и проявляется в самом начале жизни в результате нарушения взаимоотношений между ребенком и значимыми взрослыми. Не ощущая себя в безопасности, ребенок начинает проявлять враждебность по отношению к родителям, которая в дальнейшем трансформируется в базовую тревогу и направляется на других людей.

Гарри Стек Салливан связывал тревогу с боязнью осуждения со стороны значимых людей. Он писал, что ребенок чувствует неодобрение матери еще до того, как у него появится способность к осознанию, делая это через эмпатию. Тревога уменьшает сферу полноценной жизни и ухудшает эмоциональное здоровье.

Тревога, по мнению Отто Ранка, – это опасение, которое сопровождает этапы отделения, напоминающие отделение от матери: рождение, отлучение

от груди, первый поход в школу, вступление в брак. Каждое из таких событий дает человеку возможность стать самостоятельнее. Тревога – это чувство, которое человек испытывает при изменении предшествующей ситуации, в которой он ощущал относительное единство с окружающей средой [3].

Бихевиористы рассматривали тревогу и страх как синонимичные понятия. Джон Уотсон считал, что эти реакции возникают на основе условного рефлекса. Страх, по мнению Уотсона, есть у человека с рождения. Ученый говорил о стимулах, вызывающих его у новорожденных, среди них он перечислял лишение опоры, громкие звуки и внезапный легкий толчок при засыпании или пробуждении. Страх развивается путем расширения его объектов, которое происходит на основе условных рефлексов [4].

Джозеф Вольпе, автор метода систематической десенсибилизации, также практически не различал невротический страх и тревогу. Он разделял классически обусловленный страх и страх когнитивного происхождения. Классически обусловленный страх появляется если источник врожденного страха совпадает во времени с определенным условным стимулом. Например, человек может бояться управлять автомобилем после однажды случившейся аварии. Страхами когнитивного происхождения Вольпе называет эмоциональные реакции, которые возникают из-за обобщения нерациональных убеждений. Например, боязнь пауков может возникнуть, если кто-то показывает своим поведением, что пауки страшные. Механизм формирования таких страхов – это подражание, или обучение на моделях. Страх когнитивного происхождения ведет к неудачам, которые подкрепляют его. В итоге поведение выучивается и воспроизводится, распространяясь на другие ситуации [5].

Чарльз Спилбергер разделил тревогу на личностную и ситуативную, он подчеркивал, что исследователи, пользуясь одним и тем же понятием, говорят о тревоге и как о психическом состоянии, и как о свойстве личности. Ситуативной тревожностью Спилбергер назвал неприятные эмоциональные состояния, проявляющиеся как субъективные ощущения напряжения, ожидание негативного развития событий в ситуации угрозы. Личностную тревожность он определил, как устойчивую индивидуальную характеристику, отражающую склонность человека воспринимать широкий спектр безопасных ситуаций как угрожающие [6].

Тревога в экзистенциальной психологии относится к универсальным онтологическим характеристикам человека. По мнению Хайдегера, тревога ,или экзистенциальный страх, должны спасти человека от отсутствия рефлексии и смысла, от жизни в мире вещей. Другой представитель экзистен-

циализм Пауль Тиллих выделил три типа экзистенциальной тревоги: тревога судьбы и смерти, тревога пустоты и утраты смысла, тревога вины и осуждения.

Теоретик экзистенциальной психологии Ролло Мэй утверждает, что тревожность возникает из-за конфликта, который создает не боязнь смерти самой по себе, а боязнь нашего отношения к ней: смерть притягивает и отталкивает одновременно. Борьба между бытием и небытием имеет экзистенциальный характер, так как она направлена на достижение подлинного существования и реализацию своих возможностей. Ролло Мэй считает, что экзистенциальная тревожность является важным конструктивным элементом в жизни человека и отличается от клинической и патологической тревожности [3].

Аарон Бек разделял страх и тревогу. Страх – это автоматический ответ на объект, ситуацию или обстоятельство, который предполагают признание реальной или потенциальной опасности. Тревогу же он определяет как более продолжительное и сложное эмоциональное состояние, часто вызываемое первоначальным страхом. Бек считает, что симптомы тревожных расстройств – это неадекватная автоматическая реакция, которая базируется на значительной переоценке степени опасности ситуации и недооценке своих способностей с этой опасностью справиться. Чтобы совладать с тревогой, необходимо провести переоценку имеющихся установок, сформировать новые адаптивные убеждения, которые будут использованы как ответ на возникающую ситуацию [7].

Карл Роджерс – один из создателей гуманистического направления психологии понимает тревожность как переживаемое человеком состояние напряженности, причину которого он не может осознать. Взаимодействуя с окружающей средой, человек формирует представление о себе. Такие представления могут появляться не только в результате опыта, они могут быть заимствованы у других и восприняты при этом так, словно человек выработал их сам. Эти восприятия могут приводить к неадекватному поведению и в результате формировать тревожность, поскольку человек не понимает, причину того, почему его поведение не соответствует требованиям. Можно сделать вывод, что для тревожных людей характерен конфликт между «Я-реальным» и «Я-идеальным» [2].

Таким образом, большинство ученых сходятся во мнении о том, что тревожность – это сложное и многоплановое явление, которое может играть как положительную роль – выступать своеобразным мобилизующим механизмом,

позволяющим человеку ответственно подойти к решению проблем, так и приводить к дезадаптации, невротическим состояниям и нарушению деятельности. При этом основой тревожности, приводящей к дезадаптации, можно считать нереалистичное восприятие мира.

Список литературы:

1. Тревоги и опасения людей // Сайт fom.ru – Фонд «Общественное мнение» // https://fom.ru/Nastroeniya/14685

2. Прихожан А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.

3. Мэй Р. Смысл тревоги / Р. Мэй, А. Багрянцева. 2-е изд. (эл.). М.: ИОИ, 2016. 417 с.

4. Уотсон Д.Б. Психология как наука о поведении. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. 704 с.

5. Вольпе Д. На пути к созданию научной психотерапии / Эволюция психотерапии: сборник статей. Том 2. «Осень патриархов»: психоаналитически ориентированная и когнитивно-бихевиоральная терапия / Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 416 с.

6. Астапов В.М. Тревожность у детей. М.: ПЕРСЭ, 2008. 160 с.

1. Кларк Д.А., Бек А.Т. Тревога и беспокойство: когнитивно-поведенческий подход. Киев: «Диалектика», 2019. 448 с.

А.И. Киргинцева,
Самарский университет;
Т.И. Руднева,
Самарский университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

В информационном обществе изменяются сферы и способы жизни человека. Будущее, его качество определяется способностями личности ориентироваться в информационных потоках. Информационная культура становится частью общей культуры человека, базовой основой которой является информационная грамотность. В статье обобщаются разные точки зрения относительно сути понятий (информационная культура, информационная грамотность) и доказывается приоритетность решения задачи формирования читательской грамотности как одного из видов функциональной грамотности современного человека.

Ключевые слова: информационная культура, информационная грамотность, читательская грамотность.

A.I. Kirgintseva,
Samara University;
T.I. Rudneva,
Samara University

INFORMATION CULTURE OF THE PERSON

In the information society, the spheres and ways of human life are changing. The future, its quality is determined by the ability of the person to navigate in information flows. Information culture becomes a global part of the general human culture, the basis of which is information literacy. The article summarizes different points of view regarding the essence of concepts (information culture, information literacy) and proves the priority of forming reading literacy solution as one of the types of functional literacy of a modern person.

Keywords: information culture, information literacy, reading literacy.

В настоящее время в обществе происходят серьезные изменения в сфере взаимодействия человека и информации. Сегодня есть все основания для фор-

мирования новой информационной культуры, которая является элементом общей культуры человечества, интегрируя знания об информационной среде, о законах ее функционирования, умения ориентироваться в информационных потоках.

В широком смысле информационная культура рассматривается как совокупность принципов и реальных механизмов, обеспечивающих позитивное взаимодействие различных видов культур, их соединение в общий опыт человечества.

Исследователи обращаются к сути понятия «информационная культура личности» [2; 3]. Она представляет собой составную часть общей культуры личности, которая позволяет эффективно участвовать во всех видах работы с информацией: в получении, накоплении, передаче, кодировании, преобразовании. Для выполнения этих видов работ с информацией необходимы: навыки использования технических средств, современной компьютеризированной информационной технологии и различных программных продуктов; умение извлекать информацию из различных источников, как из периодической печати, так и из электронных коммуникаций, анализировать ее и эффективно применять; владеть основами информационной безопасности.

Общество, в котором информация и знания становятся главным продуктом производства и важной деятельностью во всех сферах человеческой жизни, то есть информационное общество, имеет свою историю. Оно проходило несколько этапов своего развития, начиная с изобретения письменности, что создало возможности для накопления и распространения знаний, их передачи будущим поколениям. Сегодня изменились формы взаимодействия человека и информации. Каждый должен быть готов эффективно использовать возможности информационного общества и в то же время защищаться от его негативных воздействий.

Исследователи отмечают низкий уровень информационной культуры. Данная проблема требует своего разрешения при обучении школьников и студентов. Необходимо разрешение возникшего противоречия между востребованностью обществом современного человека с доминантной характеристикой – информационная культура и необходимость ее приобретения каждым членом информационного общества. Адекватно данному противоречию был определен объект нашего исследования – формирование информационной культуры личности.

Анализ научной литературы подтвердил приоритет задачи формирования информационной культуры с ее базовой основой – информационной гра-

мотностью. Александрийская декларация 2005 года рассматривает информационную грамотность как основу обучения на протяжении всей жизни для достижения личных, социальных, профессиональных и образовательных целей. Исследователи утверждают, что информационная грамотность выражается набором определенных компетенций. Для современного человека важен такой вид информационной грамотности, как цифровая грамотность, которая становится инструментом информационной деятельности. Обращение к данному понятию выявило, что грамотность тесно связана с преподаванием русского языка. В педагогическом энциклопедическом словаре дается следующее определение: грамотность – определённая степень владения человеком навыками чтения и письма в соответствии с грамматическими нормами родного языка [1].

В современных реалиях в связи с ростом общественных требований к развитию индивида содержание понятия грамотность меняется: от элементарных умений читать, писать, считать – к овладению некоторым комплексом различных общественно необходимых знаний и навыков, позволяющих человеку сознательно участвовать в социальных процессах в информационном обществе [2]. Информационно грамотный человек способен понимать востребованность информации, может ее найти, оценить и эффективно использовать.

Информационная грамотность как совокупность азов для выполнения действия по получению информации предполагает наличие умений находить, воспринимать, понимать, интерпретировать, анализировать информацию. Формирование информационной грамотности школьников средствами русского языка становится предметом нашего исследования.

В стандартах ИФЛА (International Federation of Library Associations), которые приводятся в «Руководстве по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни», выделены три действия по работе с информацией: получение информации, оценивание информации, использование информации [4].

Сопоставление элементов информационной культуры и азов информационной грамотности позволило выделить ее компоненты:

1) мотивация к получению информации, восприятие ее как ценности, что составляет мотивационно-ценностный компонент;

2) овладение умениями анализировать, оценивать информацию, что составляет рефлексивный компонент;

3) умения преобразовывать, кодировать, интерпретировать информацию, что составляет деятельностный компонент.

Читательская грамотность как вид функциональной грамотности, представляется научным понятием педагогической науки и практики, введенном в 70-е годы XIX века. Доказано, что обращение к читательской грамотности способствует решению значительного числа жизненных задач.

По мнению международного исследования PISA, читательская грамотность – способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять знания и возможности, участвовать в социальной жизни.

В настоящее время на государственном уровне предпринимаются действия по разрешению проблемы формирования читательской грамотности школьников как формы функциональной грамотности в условиях цифровизации образования. Задачу формирования читательской грамотности не может решать лишь какой-то один учитель-предметник. Читательская грамотность формируется на различных уроках школьной программы, а также в рамках программы по внеурочной деятельности.

Уровень сформированности читательской грамотности проверяется региональными мониторингами степени сформированности навыков читательской, математической, естественнонаучной видов грамотности у обучающихся 9-х классов, а также различными заданиями на Всероссийских проверочных работах по разным предметам.

На основании данных отчета Самарского управления Министерства образования и науки Самарской области в 2022 году при выполнении всероссийской проверочной работы (ВПР) по русскому языку, которая включала в себя задания, позволяющие проверить уровень сформированности некоторых навыков читательской грамотности, обучающиеся 6 классов (66,5 %) справились с заданиям. Данные задания были направлены на формирование рефлексивного и деятельностного компонентов и предполагали следующие планируемые результаты: понимание целостного смысла текста, поиск в тексте требуемой информации с целью подтверждения выдвинутых тезисов, на основе которых необходимо построить речевое высказывание в письменной форме; использование при работе с текстом разные виды чтения (поисковое, просмотровое, ознакомительное, изучающее, реферативное); самостоятельный поиск текстовой и нетекстовой информации, отбор и анализ полученной информации; соблюдение культуры чтения, говорения, аудирования и письма.

С целью формирования читательской грамотности обучающихся 6 классов (школа № 50 города Самары) проводился эксперимент, основной задачей которого стала разработка системы заданий на поиск, отбор, систематизацию, использование информации. Были разработаны задания трех видов:

1) задания на отношение к информации как ценности – показатель мотивационно-ценностного компонента;

2) задания на оценивание полученной информации и на ее осмысление – показатель рефлексивного компонента;

3) задания на использование информации в различных ситуациях – показатель деятельностного компонента.

Потребовалось проведение формирующего эксперимента, представляющего второй этап исследования учебных возможностей для расширения базовой культуры школьников.

Для использования ежедневных потоков информации современный человек овладевает информационной культурой, которая представляется пространством двух пересекающихся сфер: информации и культуры.

Целью современного образования становится развитие личности, готовой к взаимодействию с окружающим миром, саморазвитию и самореализации. Для работы с информацией требуются метапредметные универсальные учебные действия, представляющие в совокупности функциональную грамотность как фундамент для активного участия в жизни общества.

Одним из видов функциональной грамотности является читательская грамотность, формирование которой средствами различных учебных дисциплин с приоритетом русского языка, становятся актуальной педагогической задачей.

Список литературы:

1. Бим-Бад Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 527 с.

2. Борисова Н.В. Развитие читательской грамотности как компонента функциональной грамотности: учебно-методическое пособие. В 2 частях. Ч. 1. / Н.В. Борисова, Е.Л. Николаевская. Краснодар: ГБОУ ИРО Краснодарского края, 2020. 100 с.

3. Каракозов С.Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика. 2000. № 2. С. 41-55.

4. Квитко А.Ю. Информационная культура личности. Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 2. С. 170-177.

5. Лау Х. Руководство по информационной грамотности для образования на протяжении всей жизни. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2006. 45 с.

Ю.М. Кочеткова,
Самарский университет;
А.М. Санько,
Самарский университет

РАЗВИТИЕ ГРАМОТНОЙ И ВЫРАЗИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ОНЛАЙН-ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье дается представление о цифровых образовательных ресурсах, о способах применения цифрового образовательного ресурса специалистами. Описана практика поэтапного создания собственного цифрового образовательного ресурса для обучения английскому языку.

Ключевые слова: цифровой образовательный ресурс (ЦОР), онлайн-курс, развитие грамотной и выразительной речи, младшие школьники, обучение английскому языку.

J.M. Kochetkova,
Samara University;
A.M. Sanko,
Samara University

DEVELOPMENT OF LITERATE AND EXPRESSIVE SPEECH OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN IN ONLINE ENGLISH CLASSES

The article gives an idea of digital educational resources, ways of using digital educational resources by specialists. The practice of step-by-step creation of own digital educational resource for teaching English is described.

Keywords: digital educational resource (DER), online course, development of literate and expressive speech, primary school students, teaching English.

Современная система образования стремительно изменяется под действием различных факторов. Движущей силой этих процессов становятся информационно-коммуникационные технологии. Использование их в образовательном процессе во многом позволяет его оптимизировать, дополнить традиционные методы обучения, что открывает новые возможности для продуктивного взаимодействия педагогов с учениками, повышая качество образования

на всех его уровнях. Любые средства, необходимые для обеспечения современного образования (фото-, видео-, аудиофрагмент, анимация, интерактивная презентация, модель в цифровом формате), принято считать цифровым образовательным ресурсом (ЦОР) [1, с. 20].

В методологической литературе представлено несколько классификаций ЦОР, свидетельствующих об их возможностях и потенциальном использовании в образовательном процессе для всех целей. Цифровые образовательные ресурсы являются неотъемлемой частью на всех ступенях образования, но не все специалисты разделяют цифровой оптимизм. Изучив различные точки зрения, можно обнаружить, что одной из причин опасений педагогов являются следующие трудности: создание самих ЦОР, прогнозирование образовательных результатов от продолжительного применения ЦОР в образовательном процессе, создание необходимых условий для использования и объединения ЦОР с традиционными методами обучения. Все эти трудности постепенно решаются за счёт создания изначально более понятных для педагогов и удобных в использовании цифровых образовательных ресурсов. Повышается уровень цифровых компетенций педагогов, что позволяет грамотно использовать ЦОР различных форматов в рамках образовательного процесса. В большинстве образовательных учреждений используют унифицированные ЦОР, которые специализируются на основных учебных предметах или способах взаимодействия между участниками образовательного процесса. Таким образом, педагоги дополнительного и специального образования вынуждены самостоятельно осуществлять поиск путей применения существующих ЦОР или создавать собственные, отвечающие особенностям их образовательной деятельности.

Нами был проведён обзор современных ЦОР, чтобы выявить наиболее часто применяемые в практике. Результаты изучения показали, что большинство специалистов использует интерактивные презентации, которые позволяют предоставлять образовательную информацию в различных модальностях, делая материал доступнее. Не менее популярными по внедрению в образовательный процесс являются ресурсы, позволяющие взаимодействовать педагогам с обучающимися дистанционно [2, с. 49]. К ним относят: облачные хранилища, ресурсы для создания открытых онлайн-курсов, интерактивные тесты и тренажеры, образовательные игры. Педагоги считают, что ЦОР способствуют индивидуализации обучения, адаптированию ко всем формам обучения, что позволяет развивать воображение обучающихся, делая образование доступным.

На основе всех полученных данных о возможностях и способах применения цифровых образовательных ресурсов нами был разработан банк интерактивных методических материалов для развития выразительной грамотной речи. Данный ЦОР может быть использован педагогами-логопедами на своих занятиях в качестве дополнительных материалов. Разработка банка интерактивных материалов началась с выбора наиболее удобной и понятной платформы, на которой он будет храниться и использоваться. Для того чтобы материалами можно было легко воспользоваться как в учебном заведении, так и в индивидуальном порядке, обратились к сервису Google Classroom. Данная платформа позволяет создавать отдельные цифровые образовательные материалы, объединять их в настоящие онлайн-курсы, так как есть функция обратной связи, запланированного выставления материала.

На следующем этапе создания собственного ЦОР нами была разработана методическая составляющая банка материалов; выявлены основные темы образовательных материалов, описаны словесные инструкции, соответствующие предполагаемой целевой аудитории. Образовательный материал был распределён по пяти основным блокам: диагностика, автоматизация звуков, дифференциация звуков, подготовительный блок, развитие голоса. Предполагалось, что доступ к блокам осуществляется постепенно после получения обратной связи от обучающегося в форме аудио- и/или видеофайла и ответов на опросник Google. Данная платформа способна органично внедрять другие сервисы Google, которые облегчают взаимодействие в рамках курса. Нами были использованы: облачное хранилище Google, Jamboard, Google формы, Google презентации и Google-документы. Так как разработка данного ЦОР являлась экспериментальной, то необходимо было подобрать наиболее универсальные задания для обучающихся. В результате написания пробных сценариев занятий, с использованием нашего банка интерактивных материалов в каждый из пяти блоков было включено пять заданий. Для того чтобы ЦОР способствовал достижению образовательных результатов, была разработана система практикориентированных интерактивных заданий. Первый блок в ЦОР является диагностическим: он содержит в себе материалы, необходимые для выявления произносительных особенностей у обучающегося. Предполагается, что проведение обследования происходит в индивидуальном порядке, записывается в аудиоформате, прикрепляется файлом в строке комментариев. После заполнения анкеты с дополнительной, необходимой специалисту информацией составляется личная папка обучающегося в облачном хранилище и открывается доступ к следующему блоку.

Второй блок заданий специализируется на автоматизации звуков. В системе Jamboard (интерактивная доска) создаются игры, направленные на активизацию правильного произношения выявленного «проблемного» звука. Интерфейс интерактивной доски понятен и позволяет проводить занятия по автоматизации в режиме онлайн. Выбор формата игры и её проведения регулируется педагогом, а интерактивный формат и яркость привычных дидактических игр позволяют увлекательно достичь образовательных результатов. В данном блоке также используются мультимедийные презентации, позволяющие ознакомиться с материалом, организовать взаимодействие с родителями, если банк заданий используется детьми.

Похожим образом образовательные материалы и интерактивные задания формируются в остальных блоках, только они направлены на дифференциацию звуков, развитие голоса. Платформа позволяет прикрепить необходимый материал из видеосервиса или собственных видеоуроков. Основной инструмент, позволяющий продуктивно использовать данный банк интерактивных заданий, – обратная связь. Так как развитие грамотной выразительной речи затрагивает множество аспектов, это требует постоянного контроля со стороны специалиста, его комментариев, исправлений и примера. Все интерактивные задания сопровождаются текстовой инструкцией или видеообъяснением, а также записью ответов обучающегося для фиксирования результатов проделанной работы.

Таким образом, каждый специалист способен создавать собственные ЦОР, соответствующие всем требованиям образовательного процесса, видоизменять и индивидуализировать их под конкретных обучающихся или для своего удобства. Разработанный нами банк интерактивных образовательных материалов можно сделать отдельным онлайн-курсом для дистанционного формата взаимодействия, доступным для нескольких специалистов, обеспечивая обмен профессиональными навыками.

Проведённый нами анализ цифровых образовательных ресурсов, апробирование полученных данных на практике позволяют сделать вывод о том, что открытость ЦОР к изменениям, возможность использования их в традиционной образовательной системе может повысить качество обучения.

Список литературы:

1. Соловова Н.В. Цифровая педагогика: технологии и методы: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2020. 128 с.

2. Ермаков С.С. Современные технологии электронного обучения: анализ влияния методов геймификации на вовлеченность учащихся в образова-

тельный процесс // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 3. С. 47-58 // https://elibrary.ru/item.asp?id=44419709

3. Пасыева А.И., Шайхлисламов А.Х. Цифровые образовательные ресурсы и дистанционное обучение // Евразийское Научное Объединение, 2020. № 5-6 (63). 461 с. Библиогр.: с. 459-461.

4. Ермаков С.С. Современные технологии электронного обучения: анализ влияния методов геймификации на вовлеченность учащихся в образовательный процесс // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 3. С. 47-58 // https://elibrary.ru/item.asp?id=44419709

5. Стрекалова Н.Б. Средства электронного обучения : учебное пособие для слушателей факультета повышения квалификации преподавателей вузов. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 52 с.

6. Бодрова Е.Г. Цифровые инструменты и сервисы в профессиональной деятельности современного педагога // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2021. Т. 13. № 2 (52). 56 с. Библиогр.: с. 48-56.

Е.А. Кузнецова,
Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса
г. Байкальск

ЦИФРОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫБОР МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются особенности выбора современной молодежью цифрового обучения. Приводятся результаты авторского исследования о достоинствах, недостатках и перспективах цифровизации учебного процесса в образовательных учреждениях России.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое образование, обучение, молодежь, выбор.

E.A. Kuznetsova,
Baikal College of Industrial Technologies and Service

DIGITAL EDUCATION: YOUTH'S CHOICE

The article discusses the features of the choice of digital learning by modern youth. The results of the author's research on the advantages, disadvantages and prospects of digitalization of the educational process in educational institutions of Russia are presented.

Keywords: digitalization, digital education, training, youth, choice.

Современный мир все больше наполняется цифровыми технологиями: образование не является исключением. После пандемии COVID-19 – формы дистанционного, удаленного обучения становится все более распространенными и обыденными практиками от школы до вуза, от обязательного до дополнительного образования. Этот процесс неоднозначен. Он имеет положительные характеристики: экономия времени; возможность в комфортной обстановке усваивать новые знания; возможность присутствовать на занятии, территориально находясь в другом городе или другой стране. Но есть и недостатки: отсутствие личного общения с преподавателем и группой, персонального взаимодействия для пояснения каких-либо моментов.

Итак, цифровизация обучения развивает новые навыки усвоения и восприятия информации, образное мышление, позволяя просмотреть запись в удобное время, обдумать вопросы и задать через какое-то время в чате или на форуме. Расширяются временные рамки освоения программы, убираются территориальные, государственные, языковые границы для освоения новых знаний и приобретения опыта.

Новые жизненные смыслы стали нашей реальностью [1-3], происходит внедрение новых форматов обучения и образования [4-6] и, как следствие, формирование новой идентичности молодых людей [7], которая строится на грани реального и виртуального миров. Сфера образования становится точкой бифуркации (точкой невозврата) к старым технологиям обучения и вхождения в пространство новых смыслов.

Было проведено анкетирование молодежи (18-35 лет) на восприятие цифрового обучения. Исследование проводилось в онлайн-формате через платформу опросов www.google.ru. В нем приняли участие 1200 человек из разных регионов РФ, 55 % из них девушки и 45 % – юноши. Выявлено, что цифровизацию обучения воспринимают позитивно 59 % опрошенных и 41 % – отрицательно. В группе с позитивным отношением к цифровизации обучения респонденты отмечают положительное: стирает границы и любые формальные ограничения получения необходимых знаний и опыта (29 %); дает возможность выстраивания индивидуального графика обучения (26 %); позволяет усваивать информацию в необходимом для студентов формате (18 %); позволяет осваивать новое без отрыва от непосредственной работы (27 %). В группе с отрицательным отношением к цифровому обучению респондены указывают на обезличивание общения между педагогом и обучающимися (32 %); на сложности раскрытия личностного потенциала (25 %); на поверхностность знаний в отличие от фундаментального (21 %); на проблемное поле, глубина изучения которого не может быть раскрыта через онлайн-обучение (22 %).

Каждая группа опрошенных выделяет неодинаковые когнитивные (то, что откладывается в сознании на уровне знаний); эффективные (эмоции, которые переживают молодые люди во время цифрового обучения); деятельностные символы (то, что готовы делать в процессе цифрового обучения).

Таблица 1

Сравнение когнитивных, аффективных и деятельностных символов восприятия цифровизации образования (в %)

	Группа 1	Группа 2
Символы	Позитивно воспринимают цифровизацию	Негативно воспринимают цифровизацию
Когнитивные	Знания (57 %); интерактивность (55 %); сила (53 %).	Пустота (58 %); бессистемность (56 %); потенциал (53 %).
Аффективные	Креативность (56 %); продуктивность (53 %); неограниченность (52 %).	Тотальность (57 %); полнота (55 %); человечность (52 %).
Деятельностные	Помогает реализоваться (55 %); развивает (54 %); меняет смысл (51 %).	Разрушает систему (54 %); меняет традиции (52 %); растрачиваются усилия (50 %).

Таким образом, оценки цифровизации образования среди молодежи не одинаковы. Позитивное: *знания – креативность – реализация; интерактивность – продуктивность – развитие; сила – неограниченность - изменения.* Негативное: *пустота – бессистемность – растрата человеческого потенциала.* Совокупность смыслов отражает коллективное бессознательное и формирует жизненные ориентиры молодых людей, что задает контекст их социального развития и условия образования в цифровом мире.

Таким образом, цифровизация образования становится точкой кардинальных изменений в механизмах и методах обучения, смыслах и целях образования. Стремление к фундаментальному освоению образования сменилось конкретным применением знаний и умений (практикоориентированность). Ценятся навыки, которые сегодня востребованы, что выражает суть новой парадигмы образования – через всю жизнь.

Список литературы:

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск: ИГУ, 2021. С. 130-134.

2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. Материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: Вол НЦ РАН, 2021. С. 76-79.

3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. Материалы III Международной научно-практ. конф. Иркутск, 2021. С. 152-156.

4. Журавлева И.А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск: ИГУ, 2020. С. 475-480.

5. Журавлева И.А. Перспективы образования и занятости молодежи // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск: ИГУ, 2022. С. 275-279.

6. Журавлева И.А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12-15.

7. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163-176.

В.М. Ладонина,
Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева,
Самарский университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье раскрываются аргументы необходимости развития цифровой компетентности для современных преподавателей. Основной проблемой исследования выступает наличие факторов, препятствующих использованию новых цифровых технологий в педагогической деятельности. В статье определяется ряд привычных цифровых инструментов преподавателей иностранного языка. Нейросети определяются как перспективная технология для сферы образования, перечисляются основные возможности их применения.

Ключевые слова: цифровая компетентность, цифровые технологии в преподавании английского языка, нейросети.

V.M. Ladonina,
Samara University;
E.Y. Sysoeva,
Samara University

PROSPECTS FOR DEVELOPING DIGITAL COMPETENCE OF AN ENGLISH TEACHER

The article reveals the arguments of the need to develop digital competence for modern teachers. The main problem of the study is the presence of factors that prevent the use of new digital technologies in pedagogical activities. The article defines a number of familiar digital tools for foreign language teachers. Neural networks are defined as a promising technology for the field of education, the main possibilities of their use are listed.

Keywords: digital competence, digital technologies in teaching English, neural networks.

Современный мир отечественного образования неуклонно столкнулся с интеграцией информационных технологий в свою практику. Сегодня одно-

значно можно утверждать, что применение цифровых технологий необходимо не только для дисциплин, напрямую направленных на их изучение, но и косвенное использование цифровых средств для обеспечения полноценного учебного процесса. Для этого все силы государства и сферы образования направлены на то, чтобы участники образовательного процесса были информационно компетентными и ориентированными на повышение уровня своей цифровой культуры.

Безусловно, как и у любого серьезного изменения, цифровую трансформацию образования часть участников образовательного процесса поддерживает, а часть противится ей. Тем не менее, сегодня очень ярко можно наблюдать несколько причин того, зачем современному преподавателю необходимо осваивать и развивать цифровые компетенции.

Во-первых, как раньше теперь никогда не будет: цифровые технологии прочно встроились в нашу жизнь, выросло уже целое цифровое поколение. Это совершенно другие люди, которые не видят свою жизнь вне цифрового пространства, в том числе представляют себе цифровым и процесс обучения. Во-вторых, стоит отметить стремительность развития цифровых технологий. Цифровые новинки постоянно сменяют друг друга, поэтому преподаватели должны быть готовы к частой смене инструментария и непрерывно учиться новому.

Отечественные исследователи А.А. Абусупьянова, Л. Ю. Анцыфорова, К.С. Пронь, занимающиеся вопросами истории развития цифровых технологий в системе образования, отмечают революционный скачок в развитии цифровизации, который мог бы еще несколько лет назад вывести образование на новый уровень и развивать эту сферу в том же темпе, или хотя бы избежать такого большого разрыва, что и цифровизация [1].

На практике все происходит иначе: с появлением новой цифровой технологии, продукта или инструмента при попытке внедрения в образовательный процесс для большинства его участников возникает множество проблем. Как показывает опыт, чаще всего это связано с рядом факторов, препятствующих использованию новых цифровых технологий [2]:

– изначально они не предназначены для сферы образования;

– цифровые технологии ненадежны с точки зрения обеспечения защиты информации, в частности, персональных данных, в образовательном пространстве;

– многие цифровые продукты трудны в настройке и требуют особых навыков для использования;

– цифровые технологии для сферы образования требуют жесткой регламентации (инструкций, руководства, описания и т. д.) и долгого периода внедрения и тестирования и т. д.

Иначе говоря, цифровые технологии, которые сегодня используются отечественными преподавателями для обеспечения образовательного процесса в большинстве случаев либо порядком устарели по сравнению с текущими техническими достижениями, либо преподаватели используют не совсем безопасные сторонние программы (например, мессенджеры), которые не входят в перечень сертифицированного программного обеспечения для университетов.

Тем не менее, в сложившейся ситуации есть и один неоспоримый положительный фактор – для преподавателей всегда есть время, чтобы подготовиться: изучать и осваивать последние цифровые новинки, пробовать применять их для своей профессиональной деятельности. Существует ряд привычных цифровых инструментов для преподавателей иностранного языка, в число которых входят [3]: инструменты для веб-конференций (BigBlueButton, Zoom, Skype и т. д.); письменные инструменты (Blogger, Wikis, Tricider, Wallwisher и т. д.); инструменты для чтения (Breakingnewsenglish.com, Listenaminute и т. д.); инструменты для говорения и аудирования (ELLLO English, Vocaroo, VoiceThread, MailVu, Voxopop, myBrainShark и т. д.); виртуальные среды (площадки) для обучения (Moodle, Edmodo и др.); инструменты для создания тестов и итоговых вопросов (Quia, ProProf и т. д.).

Обычные пользователи, не только представители айти-сферы, все чаще сталкиваются с таким явлением, как нейросети. Нейросеть — математическая модель, работающая по принципам нервной системы живых организмов, основной задачей которой является решение интеллектуальных задач, то есть тех, в которых нет изначально заданного алгоритма действий и спрогнозированного результата. Главной особенностью нейросетей является способность к обучению. Они могут обучаться как под управлением человека, так и самостоятельно, применяя полученный ранее опыт. Нейросети существуют достаточно давно, но для рядового пользователя еще не существовало возможностей соприкосновения с данной технологией «один на один» как сейчас [2].

Появление искусственного интеллекта, а в частности, нейросетей, уже является исключительным событием для сферы образования, и в скором времени данный феномен станет максимально широко распространен [3]. Яркое появление нейросетей в открытом доступе уже рождает множество споров, сомнений и неоднозначных прогнозов.

Например, самая известная на сегодняшний день нейросеть ChatGPT – чат-бот на основе искусственного интеллекта, работающий в диалоговом режиме, способен писать код, отвечать на сложные вопросы, создавать сценарии, писать песни и мелодии, создавать планы и расчеты, писать эссе и сочинения и править текст с грамматическими и пунктуационными ошибками. Чат-бот LaMDA может вести диалог на любую тему и отвечать на любые вопросы пользователя, что безусловно показано для применения в практике общения на английском языке.

Так, подобные возможности новейших цифровых технологий заставят преподавателей в скором времени полностью пересмотреть существующие виды самостоятельной работы. В то же время, освоив эту технологию, преподаватель открывает безграничное поле вариантов применения нейросети в своей работе, облегчая и внося в нее разнообразие. Тем не менее, многие исследователи настроены неоптимистично и пророчат исчезновение профессии преподавателя при наличии быстрообучаемых и всезнающих нейросетей.

Безусловно, хочется надеется, что, как и любую технологию, нейросети нужно использовать во благо образовательных целей, и для этого необходимо разобраться, как эффективнее это можно осуществить. Стоит отметить, что многие нейросети работают только с помощью английского языка, что является дополнительным стимулом и инструментом его изучения.

Именно поэтому, говоря о перспективах развития цифровой компетентности преподавателя английского языка стоит сделать акцент на изучении и разработке вариантов использования в своей работе нейросетей. Ведь через определенное время данная технологий однозначно войдет в повседневность каждого преподавателя.

Список литературы:

1. Пронь К.С. Истории развития цифровых технологий в системе образования / К.С. Пронь, А.А. Абусупьянова, Л. Ю. Анцыфорова // Молодой исследователь Дона. 2022 // https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-tsifrovyh-tehnologiy-v-sisteme-obrazovaniya

2. Костюкович Е.Ю. Применение искусственного интеллекта в обучении английскому языку в вузе / Е.Ю. Костюкович // Современное педагогическое образование. 2023 // https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku-v-vuze

3. Свирина Г.Д. Применение технологии нейросетей в обучении/ Г.Д. Свирина, П.А. Шашок // Мировая наука. 2018 // https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-neyrosetey-v-obuchenii

К.Д. Малкова, магистрант,
Самарский университет;
А.М. Санько,
Самарский университет

СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

В статье приводятся примеры основных принципов, по которым следует выстраивать работу на онлайн-занятиях. Рассматриваются способы создания системы взаимодействия субъектов дистанционного обучения. Обосновываются преимущества работы в онлайн-формате в условиях инновационных вызовов и цифровизации общества, а также приводятся конкретные примеры сервисов для разработки структурированного образовательного курса или дистанционного урока.

Ключевые слова: онлайн-обучение, цифровизация, Moodle, образовательная платформа, интерактивная доска, Zoom, электронное обучение, информационные технологии, онлайн-урок.

K.D. Malkova,
master student, Samara University;
A.M. Sanko,
Samara University

WAYS OF INTERACTION OF THE SUBJECTS OF THE DISTANCE EDUCATIONAL PROCESS

The article provides examples of the basic principles by which you should build work in online classes. The ways of creating a system of interaction between subjects of distance learning are considered. The advantages of working in an online format in the face of innovative challenges and the digitalization of society are substantiated, and specific examples of services for developing a structured educational course or distance lesson are given.

Keywords: online learning, digitalization, Moodle, educational platform, interactive whiteboard, Zoom, e-learning, information technology, online lesson.

В настоящее время онлайн-формат обучения становится ключевым каналом получения образования в России и по всему миру. Это связано с началом пандемии коронавируса в 2020 году, когда сотрудники компаний, студенты и школьники были вынуждены работать и учиться дистанционно. Статистический анализ смог установить, что в 2021 году прошли обучение офлайн 12 млн россиян, а через интернет — 18 млн, включая бесплатные курсы. С помощью сервиса «Яндекс Wordstat» было определено 2 млн запросов в интернете, связанных с онлайн-курсами и обучением в целом, из которых лидирующее место занимают запросы на изучение английского языка – 147,6 тысячи.

На данном этапе мы рассмотрим преимущества дистанционного обучения в условиях инновационных вызовов и цифровизации общества. Во-первых, удалённый формат позволяет обучаться дома в привычном темпе. Учебные пособия, электронные материалы, медиафайлы позволят студентам с разными способностями подробнее понимать программу курса. Важно помнить, что студентам высшего учебного заведения часто трудно найти баланс между учебой и работой, поэтому с помощью дистанционного обучения возможно распределить время без ущерба для заработка, так как дистанционный формат предлагает возможность просмотра видеолекций, записанных курсов, вебинаров и выполнения работы, не покидая комфортных условий [1; 2].

Инновационные вызовы в сфере педагогики предлагают сделать акцент на индивидуальной образовательной траектории в процессе обучения. Такой подход, в отличие от учебного плана, делает взаимодействие учителя и ученика более гибким, последовательным, расширяет спектр возможных работ и форм реализации поставленных задач обучающегося, что в свою очередь возможно реализовать в онлайн-формате эффективнее и быстрее.

В поиске самого точного определения понятия «дистанционное обучение», мы пришли к выводу, что наиболее полное и всестороннее среди них является определение, данное А. В. Хуторским: «Под дистанционным обучением подразумевается личностная продуктивная деятельность учащихся, выстраиваемая с помощью современных средств телекоммуникаций. Дистанционное обучение предполагает интеграцию информационных и педагогических технологий, обеспечивающих интерактивность взаимодействия субъектов образования и продуктивность учебного процесса. Обмен и пересылка информации играют в данном случае роль вспомогательной среды для организации продуктивной образовательной деятельности учащихся» [3].

Стремительно развивающийся интерес к организации данного процесса является следствие глобальной цифровизации в сфере образования. Этот вопрос побуждает выявить способы взаимодействия дистанционного образовательного процесса, определить, кто является участником дистанционного обучения, подготовить квалифицированные педагогические кадры.

Для построения качественной информационной среды учреждения образования необходимо организовать дистанционное взаимодействие всех участников образовательного процесса на современном уровне, с возможностью размещения в свободном доступе материалов образовательного процесса для каждой категории учащихся данного учреждения, предусмотрев возможность контролируемого доступа участников для качественного управления образовательным процессом. Рассмотрим участников дистанционного процесса обучения на примере структуры управления онлайн-школой английского языка «Youknow_english», которая является стартап-проектом Самарского университета. Участников системы управления можно разделить на три группы, по видам деятельности:

1. Образовательная деятельность.
2. Сфера управления.
3. Сфера обеспечения образовательной деятельности.

Деятельность образовательного процесса осуществляется непосредственно преподавателями, сотрудниками учебного отдела. Эти сотрудники координируют работу учащихся, оценивают результаты обучения и находятся в прямом контакте с учениками онлайн-школы.

Деятельность сферы управления осуществляется администраторами и менеджерами курсов. Данные сотрудники необходимы в системе управления для координирования всех этапов дистанционного обучения, документирования процесса обучения, а также для продвижения дистанционных образовательных услуг онлайн-школы.

Сотрудники сферы обеспечения, такие как учителя, методисты, осуществляют подготовку и обновление учебных материалов. Технический отдел также сопровождает процесс дистанционного обучения, обеспечивая работоспособность программ для осуществления онлайн-обучения с использованием дистанционных, интерактивных образовательных технологий.

Все субъекты процесса тесно связаны между собой и представляют единую систему управления дистанционным процессом. Субъектом дистанционного обучения является не только преподаватель или тьютор, администратор, дизайнер образовательных курсов, технический специалист, но также и сам

ученик. На данном этапе развития образования в целом существует множество технических, информационных, интерактивных, мультимедийных ресурсов, которые невозможно не использовать при организации дистанционного обучение. Данные ресурсы мы рассматриваем как способы взаимодействия субъектов дистанционного образовательного процесса. К «бессрочным» способам необходимо отнести образовательные платформы или, другими словами, системы управления обучением (LMS – от англ. Learning Management System). LMS-система – это специальный сервис, предоставляющий пользователям различные учебные материалы: от онлайн-уроков до полноценных годовых курсов. В основу LMS заложена SaaS-платформа, благодаря которой доступен процесс управления обучением и оценки результатов. Кроме того, многие системы позволяют работать через смартфон, что позволяет проводить обучение из любой точки мира. Наиболее популярными являются LMS платформы: eTutorium, iSpring Learn, АнтиТренинги, Moodle, Google Classroom, WeStudy.

Взаимодействие «в онлайн-режиме» обеспечит виртуальная доска – специальная электронная доска для размещения материалов к уроку. Данный сервис позволяет решать самые разнообразные задачи: совместно выполнять упражнения и видеть действия друг друга, показывать стрелкой место, на которое стоит обратить внимание, делать заметки, «клеить» наклейки или рисовать. Ко многим доскам можно прикрепить ссылки, видео, картинки, таймер, их можно сохранить как картинки и использовать повторно, что не работает с обычной классной доской. Имея учетную запись Google, вы можете пользоваться таким сервисом, как Jamboard. Другие примеры виртуальных досок включают Kami, Padlet, Miro и Zoom board.

«Система проверки» является промежуточным или заключительным этапом обучения. Например, использование тестирования помогает выявить пробелы в текущем и итоговом обучении и сформировать индивидуальный темп обучения. Предоставляя учащимся тесты во время дистанционного обучения, преподаватель может использовать сервис Google forms для создания тестов и опросов. Такие сервисы, как Onlinetestpad и Mentimiter, также удобны в использовании. Геймификация на таких сервисах, как Wordwall или Quizlet, будут способствовать привлечению и удержанию внимания учеников, внесут соревновательный элемент в обучение, обеспечат дополнительную мотивацию.

Для взаимодействия между всеми отделами онлайн-школы рекомендуется использовать различные мессенджеры, такие как Viber,WhatsUP, электронную почту, LMS-системы.

Подводя итог, отметим, что при организации дистанционного обучения прежде всего необходимо четко понимать, какие сферы деятельности осуществляют дистанционное обучение. Сфера образования, сфера управления, сфера обеспечения работают как одна система для того, чтобы использовать дистанционное обучение в полном объеме. В конце каждого урока рекомендуется провести рефлексию для закрепления педагогического результата. Рефлексия может осуществляться не только в конце урока, как это принято считать, но и на любом его этапе. Её цель не просто уйти с урока с зафиксированным результатом, а выстроить смысловую цепочку, сравнить способы и методы, применяемые другими со своими. Исходя из вышеперечисленного, для достижения эффективного результата в ходе организации дистанционного обучения необходимо использовать технологические интернет-ресурсы, интерактивные игры, различные образовательные средства, такие как образовательные платформы, электронные доски, интерактивные игры, сервисы создания проверочных материалов, приложения для создания видеоконференций, электронную почту и мессенджеры. Применение современных технологий в условиях инновационного образования способно сделать процесс дистанционного обучения и взаимодействия между субъектами наиболее структурным, результативным и в то же время гибким и настраиваемым для каждого субъекта дистанционного обучения.

Список литературы:

1. Велединская С.Б. Смешанное обучение (blended-learning) и его возможные перспективы в ТПУ // Сборник трудов Научно-методической конференции «Уровневая подготовка специалистов: государственные и международные стандарты инженерного образования». Томск, 2013. С. 105-106.

2. Краснова Т.И. Возможности электронного обучения в непрерывном образовании // Молодой ученый. 2015. No 6 // https://moluch.ru/archive/86/16330/

3. Хуторской А. В. Современная дидактика: учебник для вузов / А. В. Хуторской. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023. 406 с.

Т.В. Мокрецова,
Самарский университет;
Е.Ю. Сысоева,
Самарский университет

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ «SOFT SKILLS» У СТУДЕНТОВ СПО

В статье проанализированы педагогические средства, затруднения и опыт формирования soft skills студентов СПО. Доказывается необходимость реализации проектного обучения, он-лайн — инструментов, проблемно-ориентированного подхода к формированию мягких навыков студентов.

Ключевые слова: soft skills, мягкие навыки, hard skills, студенты СПО, рынок труда, опыт формирования мягких навыков.

T.V. Mokretsova,
Samara University;
E.Y. Sysoeva,
Samara University

EXPERIENCE IN THE FORMATON OF «SOFT SKILLS» AMONG STUDENTS OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

The article analyzes the pedagogical means, difficulties and experience in the formation of soft skills of students of secondary vocational education. The necessity of implementing project-based learning, online tools, a problem-oriented approach to the formation of soft skills of students is proved.

Keywords: soft skills, hard skills, students of secondary vocational education, labor market, experience in the formation of soft skills.

Актуальность формирования soft skills (далее – «мягкие навыки») обусловлена потребностью современного мира в высококвалифицированных кадрах нового уровня, способных к критическому мышлению, сотрудничеству, саморазвитию в ситуации тотальной неопределенности, постоянных изменений, информационной экспансии. Значимость формирования soft skills студентов подтверждается действующим законом «Об образовании в РФ» (статья 2), в котором процесс образования трактуется как единство воспитания и обучения. Результатом воспитания является формирование умений и

навыков, относимых к soft skills: самодисциплина, волевые качества, тактичность и пр. [1; 2].

Студенты, проходящие обучение в учреждениях среднего профессионального образования, являются будущими работниками среднего звена, которые являются важным элементом для всех отраслей экономики страны. П. Клаус. утверждает, что отсутствие навыков межличностного взаимодействия может разрушить многообещающую карьеру того, кто имеет профессиональный опыт, но не владеет нужными личными качествами [3]. LinkedIn в своих исследованиях обнародовали, что в 2019 г. самыми востребованными навыками являются: креативность, убедительность, коммуникативность, умение работать в команде, адаптивность, планирование. Аналитики из World Economic Forum считают, что наиважнейшими компетенциями ближайших лет станут: способность решать сложные задачи, критическое мышление; креативность. Многие специалисты солидарны во мнении, что в сфере профессиональной деятельности успех личности определяется уровнем развития soft skills на 85 %, и на 15 % hard skills. Зачастую на собеседованиях соискателей просят пройти тест и ответить на вопросы, не связанные с профессиональным функционалом кандидата на вакантную должность [4].

В исследованиях Б.А. Ускова и М.В. Фоминых выявлены основные трудности в формировании «мягких навыков» студентов при изучении иностранного языка: 1) самоорганизация при выполнении заданий; 2) значительные временные затраты при переходе с познавательной на проблемно моделирующую учебную деятельность; 3) учет междисциплинарной интеграции увеличивает трудозатраты преподавателя [5]. Е.А. Дагаева в своем исследовании доказывает, что проблемно-ориентированный подход к обучению, проектно-организованное обучение студентов в команде, проведение групповых дискуссий, тренингов, стажировок на предприятии, волонтерство и т. д. являются наиболее эффективными способами формирования мягких навыков. По мнению автора ключ к успеху в развитии мягких навыков у студентов заключается в формировании развивающей образовательной среды, позволяющей организовать совершенствование навыков с первого курса [6].

При изучении регламентов и нормативных документов среднего профессионального образования, было выявлено стремление следовать общемировому тренду в формировании soft skills, как необходимых качеств выпускников, обеспечивающих оптимальное выполнение трудовых обязанностей и

способствующих карьерному росту. Однако понятие soft skills в законодательстве, образовательных стандартах и программах отсутствует.

И.С. Гарбузов и Т.В. Дуран в своем исследовании выявили, что обучающиеся по программе среднего профессионального образования действенными способами развития мягких навыков считают самообразование с помощью литературы, фильмов и дополнительных курсов. Волонтёрство, поддерживающееся на государственном уровне с потенциалом личностного роста и построения карьеры, менее всего рассматриваются обучающимися как средство формирования мягких навыков. Исходя из этого, выявлены противоречия между общемировыми тенденциями на рынке труда и мнением студентов. Подтверждается предположение, что на практике развитие концепции мягких навыков встречает препятствие в виде установок и стереотипов в отношении к трудовой деятельности [2].

Необходимо отметить, что традиционные способы формирования мягких навыков имеют малую привлекательность у студентов. На федеральном уровне об этой проблеме давно известно. Именно по этой и ряду других причин был создан федеральный проект «Цифровая образовательная среда», благодаря которому до 2024 года будет создаваться современная и безопасная цифровая среда, которая поспособствует формированию ценности саморазвития и самообразования у обучающихся всех видов и уровней. Обучение с помощью цифровых сервисов помогает развить у студентов такие качества, как креативность, управление поиском информации, повышает уровень гибкости и критического мышления [7].

Интерес представляет опыт использования онлайн-инструментов в формировании мягких навыков студентов СПО. А.В. Шалдина в своей статье представляет комплекс онлайн-инструментов, которые были использованы в учебной и внеурочной деятельности студентами СПБ ГБПОУ «Радиотехнический колледж»: Web-квесты – способствуют развитию нестандартного мышления, эмоционального интеллекта, командной работы и т. д.; онлайн-визуализация – способствует развитию креативности; различные челленджи, способствующие развитию навыков самопрезентации, клиентоориентированности и т. д. [8].

Потребность в создании проектов, направленных на развитие soft skills, очевидна, однако не все проекты получают одобрение со стороны государства. Одним из таких проектов стал «Проект по развитию навыков студенческой молодежи "Soft skills наставник"». Его цель заключалась в совершенствовании системы наставничества в области развития надпрофессиональных

навыков у студентов. Общероссийская общественная организация «Всероссийский студенческий союз» подала заявку на реализацию данного проекта в Фонд президентских грантов и не получила поддержку. Информация о причинах отказа не обнаружена [9].

Проанализировав представленный в различных психолого-педагогических источниках опыт формирования soft skills у студентов СПО, можно сделать вывод о неоднозначности подходов к формированию мягких навыков. Большинство исследователей отмечают необходимость внедрения практико-ориентированных методов обучения, таких как организация тренингов, проектная деятельность, работа в командах, проведение мастер-классов, внедрение онлайн-инструментов, направленных на развитие критического мышления и самопрезентации. Для того чтобы образовательный процесс был эффективным, необходимо обязательно ориентироваться на индивидуальные особенности студентов.

Список литературы:

1. Бухарова Г.Д., Старикова Л.Д. Современное образование: сущность и направления развития // Известия АлтГУ. 2009. №2 // https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-obrazovanie-suschnost-i-napravleniya-razvitiya

2. Гарбузов И.С., Дуран Т.В. Реализация тенденции развития soft skills в системе среднего профессионального образования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. №3 // https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-tendentsii-razvitiya-soft-skills-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 23.03.2023).

3. Klaus, P. Journal article. Communication breakdown. California Job Journal, 28, 2010. С. 1-9.

4. Никулина Е.Б., Никулина Н.Л. Формирование soft skills у обучающихся педагогического вуза // Образование в современном мире: ключевые тренды трансформации: сб. науч. трудов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием: Изд-во Самар. ун-та, 2022. С. 207-210.

5. Ускова Б.А., Фоминых М.В. Методика формирования soft skills у студентов вузов: теоретический и практический аспекты // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 1. С. 77-92 // https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.1.6

6. Дагаева, Е.А. Возможности развития и совершенствования ss студентов // https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-razvitiya-i-sovershenstvovaniya-softskills-studentov/vie

7. Цифровая образовательная среда, проект Минпросвещения: официальный сайт // https://edu.gov.ru/national-project/projects/cos/

8. Шалдина А.В. Формирование soft skills обучающихся СПО с помощью цифровых компетенций // Педагогическое мастерство : материалы XVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, ноябрь 2021 г.). Казань: Молодой ученый, 2021. С. 65-71 // https://moluch.ru/conf/ped/archive/405/16738/

9. Фонд президентских грантов: официальный сайт // https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=15575FD2-3CED-4BDC-BA93-EF86459D52E9

А.С. Пушкарева,
Самарский университет;
А.М. Санько,
Самарский университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ЭТАПЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ

Актуальность статьи обусловлена проникновением цифровизации во все сферы жизни человека, включая образование, что позволило выделить ее этапы. Несмотря на масштабность процесса цифровизации, существует ряд препятствий, требующих всестороннего изучения. В том числе недостаточность научных публикаций по теме учебной самоорганизации обучающегося в условиях цифровизации образования остро ставит вопрос необходимости организации исследований данной направленности.

Ключевые слова: цифровизация образования, учебная самоорганизация, этапы цифровизации, препятствия цифровизации образования.

A. S. Pushkareva,
Samara University;
A. M. Sanko,
Samara University

DIGITALIZATION OF EDUCATION IN RUSSIA: STAGES AND OBSTACLES

The relevance of the article is due to the penetration of digitalization into all spheres of human life, including education, which made it possible to distinguish its stages. Despite the scale of the digitalization process, there are a number of obstacles that require comprehensive study. In particular, the lack of scientific publications on the topic of educational self-organization of students in the conditions of digitalization of education sharply raises the question of the need to organize research in this direction.

Keywords: digitalization of education, educational self-organization, stages of digitalization, obstacles to digitalization of education.

В настоящее время цифровизация охватила все сферы человеческой жизни, все сильнее ощущается переход от цифровой экономики к цифровому обществу. Сам термин «цифровизация» прочно вошел в лексикон не только бизнесменов, ученых, представителей IT-сообщества, но и врачей, инженеров, учителей.

На основе анализа источников можно прийти к выводу, что цифровизация – качественное видоизменение процессов, путем внедрения в них инновационных цифровых технологий и средств. Активность обсуждения цифровизации образования повысилась в связи с пандемией COVID-19. Но все же стоит заметить, что переход на дистанционное онлайн-образование и само цифровое образование – не равнозначные понятия. Дистанционное обучение всего лишь один из инструментов цифрового образования и далеко не единственный.

Современные программы, нейронные сети, интерактивные доски, технологии дополненной реальности - стали неотъемлемым атрибутом образовательного процесса. Причем, цифровизация образования касается не только процессов обучения, но и организационных процессов: электронные журналы и дневники.

Специалисты Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин, А.Ю. Уваров и др., в своих работах выделили стадии цифровизации в России [1].

Первая стадия датируется серединой 80-х – началом 90-х годов. В это время цифровизация была направлена на развитие компьютерной грамотности. В школах и вузах начали появляться первые компьютерные классы.

Вторая стадия началась в середине 2000-х и была связана с внедрением ИКТ-технологий в учебную деятельность вне уроков информатики.

Третья стадия продолжается по настоящее время, её начало ориентировочно 2018 год. С этой стадии можно говорить о том, что цифровые технологии стали неотъемлемой частью всех процессов образования.

Цифровизация образования регулируется на государственном уровне. В рамках национального проекта «Образование» с 10 декабря 2020 года по 31 декабря 2022 года в школах 15 регионов России прошел масштабный эксперимент по внедрению цифровой образовательной среды [2]. 2 декабря 2021 года было опубликовано Распоряжение Правительства Российской Федерации от № 3427-р «Об утверждении прилагаемых стратегических направлений в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации» [3]. 21 декабря

2021 года – Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р «Об утверждении прилагаемого стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» [4].

Несмотря на всю глобальность и разнонаправленность процесса цифровизации образования в России, существует ряд препятствий:

– социальная инерция – неготовность общества к тем изменениям, которые приносит цифровизация процессов;

– значимость человеческого фактора – невозможность полного исключения очного общения между субъектами образовательного процесса;

– практикоориентированность – законодательно закрепленное требование, указывающее на необходимость очного взаимодействия педагога и ученика при формировании некоторых профессиональных качеств и умений при организации практической части образовательного процесса;

– качество технических ресурсов и средств для обеспечения цифрового образовательного процесса;

– комплекс санитарно-гигиенических ограничений – необходимость учета возможности вредного воздействия цифровых технологий на участников образовательного процесса [5].

Кроме того, ряд исследователей выдвигает на первый план проблему развития учебной самоорганизации обучающегося в условиях цифровизации образования [6]. Сложности с мотивацией, удержанием внимания, недостаточностью контроля приводят к ухудшению успеваемости, увеличению количества списываний и в результате к снижению качества получаемого образования.

В современной научной литературе тема учебной самоорганизации обучающегося в условиях цифровизации образования раскрыта недостаточно, что приводит к необходимости организации исследований в этой области. Причем, не только для уточнения понятийного аппарата, но и для создания методологической базы, с целью использования её в работе широкого круга работников сферы образования.

Список литературы:

1. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / Уваров А.Ю., Гейбл Э., Дворецкая И.В. [и др.] ; под редакцией А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М.: Издательский дом Высшей шк. экономики, 2019. 342 с.

2. О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной

среды : Постановление Правительства Российской Федерации от 07.12.2020 № 2040 // Официальный интернет-портал правовой информации // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012090002

3. Об утверждении прилагаемых стратегических направлений в области цифровой трансформации образования, относящейся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.12.2021 № 3427-р // Официальный интернет-портал правовой информации // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112070025?index=0&rangeSize=1

4. Об утверждении прилагаемого стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2021 № 3759-р. // Официальный интернет-портал правовой информации // http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112250002?index=0&rangeSize=1

5. Дидактическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / Блинов В.И., Биленко П.Н., Дулинов М.В. [и др.] ; под научной редакцией В.И. Блинова ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Федеральный институт развития образования, Научно-исследовательский центр профессионального образования и систем квалификаций. М.: Перо, 2019. 97 с.

6. Бобылев А.В. Развитие учебной самоорганизации студентов в условиях цифровизации высшего образования // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4 (141). С. 80-85.

Е.С. Родионов,
Самарский университет;
Н.Б. Стрекалова,
Самарский университет

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ АДДИКЦИЙ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье поднимается проблема влияния цифровых аддикций на образовательный процесс, приведены наиболее важные причины обоснования ее значимости. Проведен обзор литературы по поставленной теме, выделены основные причины появления цифровых аддикций у обучающихся. Перечислены основные последствия влияния цифровых аддикций на образовательный процесс. В заключении предложены средства профилактики цифровых аддикций среди обучающихся.

Ключевые слова: цифровые аддикции, цифровая зависимость, средства профилактики цифровых зависимостей.

E.S. Rodionov,
Samara University;
N.B. Strekalova,
Samara University

IMPACT OF DIGITAL ADDICTIONS ON THE EDUCATIONAL PROCESS

The article raises the problem of the influence of digital addictions on the educational process, gives the most important reasons for justifying its significance. A literature review was conducted on the topic, the main reasons for the appearance of digital addictions in students were highlighted. The main consequences of the influence of digital addictions on the educational process are listed. In conclusion, means of preventing digital addictions among students are proposed.

Keywords: digital addictions, digital dependence, means of prevention of digital dependencies

Сегодня все чаще каждый из нас сталкивается с неизбежностью использования сети Интернет и информационных технологий. Для современного поколения молодых людей эта неизбежность уже стала повседневностью, а для кого-то переросла в зависимость. Современное общество создает неопределенность и угрозы, которые ведут к повышенной рискованности мышления и поведения людей и групп в обществе. В экстремальности, неопределенности, опасности, рисковости и потерях заключается сущность рискогенного общества. В целом рискованность является главной характеристикой общества, неопределенность является причиной риска, потери – результатами риска [1].

Для современных исследователей в области психологии и педагогики все более актуальной становится тема цифровой зависимости или, иначе, цифровых аддикций. Отечественные исследователи М.В. Костоломова и Е.Е. Карпова определяют цифровые аддикции как зависимость от социальных сетей, онлайн-игр, мобильных устройств и других цифровых технологий, которая может приводить к негативным последствиям для здоровья и поведения человека [2; 3]. Наиболее распознаваемыми признаками цифровых аддикций являются потребность в постоянном использовании цифровых устройств и технологий, ощущение беспокойства и тревоги при отсутствии доступа к интернету, снижение интереса к другим видам деятельности, повышенная раздражительность и трудности в общении с окружающими. Как правило, основными причинами возникновения цифровых аддикций могут послужить: отсутствие альтернативных развлечений и хобби; стремление к удовлетворению своих потребностей внимания и одобрения; желание получать мгновенную градификацию и удовольствие; социальное давление и влияние окружающей среды [3].

Исследователи Г.А. Ронжин и О.Н. Четверикова считают одним из главных последствий цифровых аддикций – негативное влияние на образовательный процесс. В их трудах отмечается, что обучающиеся, страдающие от цифровых аддикций, могут испытывать трудности в учебе, не могут сосредоточиться на занятиях и эффективно учиться, что ведет к снижению успеваемости и ухудшению общей эффективности обучения [4; 5]. Не стоит забывать и о рисках для здоровья обучающихся, включая проблемы со зрением, снижение качества сна, ухудшение физической формы, повышенную тревожность и депрессивные состояния.

Влияние цифровых аддикций на образовательный процесс является насущной педагогической проблемой по нескольким причинам [4]:

1. Рост использования цифровых технологий в обучении. Современный образовательный процесс все больше использует цифровые технологии, и это может приводить к возникновению цифровых аддикций у обучающихся. Изучение влияния этих аддикций на образовательный процесс позволит разработать стратегии и методы контроля за использованием цифровых технологий и снизить риски возникновения цифровых аддикций.

2. Негативное влияние цифровых аддикций на учебный процесс. Цифровые зависимость, развитие клипового мышления и постоянная информационная перегрузка приводят к упрощению когнитивных навыков вследствие снижения концентрации внимания и слабого восприятия учебного материала, утраты интеллектуальных, аналитических и творческих способностей, способностей к принятия решения и, как результат, отсуствие систематизации знаний, потеря интереса к учебе и неспособность эффективно учиться [1]. Изучение влияния цифровых аддикций на образовательный процесс позволит разработать стратегии и методы борьбы с этими аддикциями и повысить эффективность обучения.

3. Социальное значение. Цифровые аддикции могут приводить к социальной изоляции обучающихся и ограничению их общения с реальным миром. Изучение влияния цифровых аддикций на образовательный процесс поможет не только снизить риски возникновения цифровых аддикций у обучающихся, но и способствовать развитию их социальных навыков и общения в реальной жизни.

Среди наиболее срочных задач и проблем, требующих решения, следует выделить [1]:

– дальнейшее исследование потенциальных возможностей цифровых технологий и цифровых образовательных сред для качества обучения; выявление отрицательных последствий, включая валеологические, связанных с их широким использованием, и создание механизмов обеспечения информационной безопасности студентов;

– дальнейшее исследование современных форм и форматов обучения (включая дистанционные), поиск их эффективной комбинации;

– установление эффективных методов представления учебных материалов в электронном виде и выработка педагогических требований и санитарных норм для их разработки и использования;

– разработка инструментов для мониторинга качества электронного обучения и оценки учебных результатов;

– выявление воспитательных проблем и разработка педагогических рекомендаций для их предотвращения;

– выявление образовательных рисков, возникающих в учебном процессе при переносе его в открытое образовательное пространство, и выработка профилактических мер.

На сегодняшний день существует несколько средств, которые могут использовать преподаватели для того, чтобы помочь обучающимся контролировать свои цифровые привычки, чтобы избежать негативного влияния цифровых аддикций на образовательный процесс [5]:

1. Ограничение времени на использование устройств во время занятий и даже вне них. Это может помочь студентам осознать, сколько времени они проводят в Интернете и помочь им контролировать это время.

2. Обучение практическим навыкам, которые могут быть полезны при использовании технологий: умение эффективно использовать поисковики, понимание того, как работают социальные сети и т. д.

3. Применение инструментов контроля (специальные программы), чтобы помочь обучающимся отслеживать время, которое они проводят в Интернете и на устройствах.

4. Использование альтернативных методов обучения, такие как дискуссии, групповые задания, практические занятия и т. д. Это поможет студентам отвлечься от цифровых устройств и сконцентрироваться на обучении, то есть периодически возвращаться к привычным классическим формам обучения.

5. Общение с родителями. Несмотря на то, что в высшей школе многие обучающиеся уже являются совершеннолетними, преподаватель может попробовать связаться с родителями и обсудить с ними проблему цифровых аддикций, так как внимание и поддержка близких важна для зависимого.

Однако, несмотря на существующие средства и стратегии борьбы с цифровыми аддикциями, проблема продолжает оставаться актуальной. Это свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этой области и разработке новых, более эффективных методов борьбы с цифровыми аддикциями.

Список литературы:

1. Руднева Т.И. Образовательные риски в инновационных условиях педагогической деятельности: монография. Самара: Самарский университет, 2018. 194 с.

2. Карпова Е.Е. Психолого-педагогический подход к пониманию сущности понятия «цифровая зависимость» // Молодой ученый. 2017. // https://moluch.ru/archive/149/42346/

3. Костоломова М.В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41-53.

4. Ронжин Г.А. Подросток в цифровом мире/ Г.А. Ронжин Текст: электронный // Концепт. 2018 // https://cyberleninka.ru/article/n/podrostok-v-tsifrovom-mire

5. Четверикова О.Н. Интеллектуальный регресс как оборотная сторона «Цифровой школы». 2020 // https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-regress-kak-oborotnaya-storona-tsifrovoy-shkoly

Т.И. Руднева,
Самарский университет

РИСКИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье предпринята попытка рассмотрения педагогической деятельности в инновационных условиях, задаваемых цифровизацией современного образования. Новые информационные средства создают образовательную среду, требующую от преподавателей перестройки сложившихся стереотипов решения обучающих задач. Возникла потребность в их методическом сопровождении, чему способствует система повышения квалификации, содержание которого формирует инновационные способности преодоления рисков в информационной образовательной среде.

Ключевые слова: информатизация образования, инновационная деятельность, цифровизация, цифровая грамотность, цифровая среда, риски информационной образовательной среды.

T.I. Rudneva,
Samara University

RISKS OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

The article attempts to consider pedagogical activity in the innovative conditions set by the digitalization of modern education. New information tools create an educational environment that requires teachers to restructure the existing stereotypes of solving learning problems. There was a need for their methodological support, which is facilitated by the advanced training system, the content of which forms innovative abilities to overcome risks in the information educational environment.

Keywords: informatization of education, innovation activity, digitalization, digital literacy, digital environment, risks of information educational environment.

Образование в современном мире выявляет большое количество проблем, обусловленных характеристиками информационного общества: эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение потребностей в информационных продуктах и услугах. Таким образом, информация становится главным продуктом производства [1].

Информатизация образования (одна из современных тенденций) становится научно-практической деятельностью каждого обучаемого, применяющего технологии и средства сбора, хранения, обработки информации для достижения цели обучения. Совокупность информационных средств создает новую образовательную среду, в которой образовательный процесс реализуется с помощью интернет-ресурсов.

Актуальным является противопоставление традиционного и инновационного аспектов в деятельности преподавателя вуза. Более 50 % преподавателей (результаты опроса слушателей ФПК Самарского университета, апрель 2022 года) испытывают трудности, принимая инновационные функции и перестраивая педагогическую деятельность с помощью различных информационных систем. При этом около 80 % слушателей курсов повышения квалификации называют, с их точки зрения, типичные риски информационной образовательной среды: постоянная перестройка организационной структуры вуза, что вызывает необходимость методической коррекции содержания учебных курсов для дистантного обучения; трудности личностного взаимодействия с обучаемыми; увеличение времени на подготовку к занятиям. В итоге меняется сложившийся стиль деятельности, а постоянная перестройка вызывает значительное эмоциональное напряжение. Таким образом, информатизация образования и трансформация традиционной системы потребовали от преподавателя новых компетенций: умений применять информационные технологии и онлайн-платформы для достижения результата и качества подготовки обучаемых; способностей генерировать нестандартные решения в ситуациях неопределенности.

Обратимся к исследованиям, результаты которых свидетельствуют о влиянии новых средств обучения на личность преподавателя. Особую озабоченность вызывают факторы, ухудшающие его здоровье. Доказано, что дистанционное обучение вызывает нарушения осанки и зрения, проблемы с нервной системой в связи с возникающими конфликтами с обучаемыми, порой потерю нравственных ориентиров [2]. Значительную утомляемость испытывают преподаватели, организуя онлайн-взаимодействие (80 %); снижается зрение и слух (40 %), нарушается память и внимание (30 %); отмечаются перепады настроения (30 %) и бессонница (30 %).

Определенные риски отмечаются относительно здоровья самих обучающихся. Так, по данным опроса, у 61 % студентов периодически возникают головные боли; у 22 % – повышение артериального давления; у 41,3 % отме-

чается усталость. Исследователи дают преподавателям рекомендации вести поиск новых условий, сокращающих время подготовки обучаемыми домашних заданий [3].

Вместе с тем доказывается, что любые инновации приводят к трансформации сознания, которое изменяет характер деятельности. Педагогическое сознание обусловлено педагогическим пространством, значительно влияющим на характер и средства обучения. Преподаватель должен быстро приспосабливаться к новым требованиям. Но, «погружаясь в субъективный мир, с которым связаны его представления об этом мире, о происходящих изменениях в нем, он переживает либо неудовлетворенность и раздражение, либо интерес и азарт» [4, с. 337]. Отмечается, что болезненность трансформации педагогического сознания особенно ощутима преподавателями со стажем и сложившимся их образом деятельности. Утверждается, что эмоциональное выгорание преподавателя пропорционально сохранению эффективности его трудовой деятельности [5].

Сегодня в стране идет работа над проектом «Цифровая образовательная среда», что предполагает к 2024 году создание безопасной цифровой среды, которая обеспечит доступность и высокое качество образования всех видов и уровней для граждан разного возраста и социального положения. Цифровизация в сфере образования предполагает решение совокупности задач: развитие материальной инфраструктуры, внедрение цифровых программ, развитие онлайн-обучения, разработка новых систем управления обучением, повышение навыков преподавателей в сфере цифровых технологий. Полагаем, что внедрение цифровых образовательных технологий не означает полную отмену традиционных средств. Да и не все научные дисциплины имеет смысл переводить в цифровой формат (например, при подготовке творческих специалистов и преподавателей).

Опыт педагогической деятельности в Самарском университете свидетельствует о том, что интеграция преподавателей в инновационную образовательную среду вызывает необходимость организации их педагогического сопровождения. На кафедре теории и методики профессионального образования создан комплекс программ оказания психологической и методической помощи преподавателям, решающим инновационные задачи. В первый модуль включены программы, обеспечивающие психологическое сопровождение: «Коммуникативный имидж преподавателя вуза», «Управление конфликтами в образовательной среде», «Эмоциональный интеллект преподавателя вуза». Во втором модуле содержатся программы, обеспечивающие методическое сопро-

вождение: «Проектирование и мониторинг качества обучения студентов учебной дисциплине», «Технологии продуктивного взаимодействия с обучающимися», «Электронное обучение на базе цифровых и дистантных технологий».

С инновационными преобразованиями меняется социальный статус преподавателя, утратившего роль носителя знания и жизненного опыта, которые обучаемый может получить самостоятельно. Появился новый тип преподавателя – цифровой (носитель компетенций развития мышления и различных видов деятельности обучаемых в совместной организации маршрутов их личностного развития). Итак, авторитет преподавателя, во-первых, определяется сегодня формальными показателями: образование, должность, опыт, личная культура. И это подтверждается соответствующими документами. В числе неформальных показателей: общая культура, личностные качества, креативность, творчество, педагогическая направленность, помощь в социализации обучаемых, саморефлексия. В итоге научить мыслить нестандартно и творчески, сформировать готовность к лидерству и работе в команде, этике взаимодействия в цифровой среде должен преподаватель/учитель. Мотивационно-ценностный аспект остается базовым для авторитета преподавателя.

Информатизация, являясь инструментом развития образования, становится областью педагогической науки, которая представляется методологией применения информационных технологий в обучении. Исследователи доказывают, что цифровизация образования позволяет эффективно выстраивать индивидуальную образовательную траекторию, преодолевая барьеры традиционного обучения [1].

Опыт показывает, что внедрение цифровизации (максимальный перенос учебного процесса в глобальную сеть) потребовало пересмотра содержания профессиональной подготовки специалистов и научно-педагогических кадров, развития их цифровой грамотности. Нововведения вызвали появление возможных рисков наряду с положительными характеристиками широкого внедрения в образование инновационных технологий.

Изменения в системе образования показали негативное их влияние на личность обучаемого и деятельность преподавателя, что потребовало его готовности к технологической модернизации образования и цифровой грамотности. Возможной формой развития цифровых компетенций является методическое сопровождение преподавателей в ходе решения инновационных задач. Повышение квалификации преподавателей во внутривузовской системе способствует предупреждению возможных рисков применения цифровых технологий.

Список литературы:

1. Никулина Т.В., Стариченко Е.Б. Информатизация и цифровизация об-

разования: понятия, технологии, управление // Профессиональное образование. 2013. № 5 (116). С.210-213.

2. Карникова О.П., Гурылева Е.В. Влияние дистанционной формы обучения на здоровье преподавателя вуза // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Самара, 25 февраля 2021 года) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Ваш Взгляд, 2021. С. 131-135.

3. Беляева О.В., Кретова И.Г., Логинова И.А. Психическое, физическое и социальное здоровье студентов вуза в условиях цифровизации // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Самара, 25 февраля 2021 года) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Ваш Взгляд, 2021. С. 306-313.

4. Виноградова Г.А. Трансформация педагогического сознания в условиях дистанционного обучения // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Самара, 25 февраля 2021 года) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Ваш Взгляд, 2021. С. 337-339.

5. Комаров А.В. Пути преодоления эмоционального выгорания при реализации дистанционного обучения в вузе // Образование в современном мире: практики цифровой трансформации: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Самара, 25 февраля 2021 года) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Ваш Взгляд, 2021. С. 404-411.

Н.О. Рыжков,
Самарский университет;
И.В. Никулина,
Самарский университет

НЕГАТИВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье приведен анализ опроса, целью которого являлось выявление негативных психологических эффектов, возникающих в результате цифровизации, в том числе и цифрового обучения. Результаты опроса показали снижении когнитивных способностей у обучающихся из-за чрезмерного и длительного использования цифровых устройств, проявление у обучающихся эффекта интерференции внимания; эффекта «цифровой амнезии»; эффекта Тамагочи; эффекта парадокса выбора; эффекта или «синдрома упущенной выгоды».

Ключевые слова: цифровизация обучения, психологические эффекты, негативные эффекты цифровизации.

N.O. Ryzhkov,
Samara University;
I.V. Nikulina,
Samara University

NEGATIVE PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF DIGITALIZATION

The article provides an analysis of the survey, the purpose of which was to identify negative psychological effects resulting from digitalization, including digital learning. The results of the survey showed a decrease in the cognitive abilities of students due to excessive and prolonged use of digital devices, the manifestation of the effect of attention interference in students; the effect of "digital amnesia"; the Tamagotchi effect; the effect of the paradox of choice; effect or “lost profit syndrome”.

Keywords: digitalization of learning, psychological effects, negative effects of digitalization.

Эпоха цифровизации уже внесла множество изменений в повседневную жизнь каждого человека. Цифровизация обучения отражается на поведении и

психике субъектов образовательного процесса, вносит коррективы в межличностные отношения.

Психологические эффекты цифровизации – это особенности психики и поведения, имеющие закономерные признаки и определенную периодичность проявлений. Психологические эффекты цифровизации являются последствием влияния гаджетов, интернета, соцсетей и мессенджеров. Как правило, они имеют негативный характер и служат признаком наличия цифровой зависимости. Как и при любой зависимости, их своевременное выявление способствует профилактике дальнейшего развития «цифровых» болезней [1].

С целью выявления негативных психологических эффектов цифрового обучения был проведен опрос среди обучающихся гуманитарных и технических направлений подготовки Самарского университета. Опрос был направлен на выявление тех или иных психологических эффектов цифровизации. На сегодняшний день к ним относятся эффект интерференции внимания или «рассеянного ума»; эффект Google или «цифровая амнезия»; эффект Тамагочи; эффект парадокса выбора; эффект FoMO (Fear of Missing Out) или «синдром упущенной выгоды» [2].

В опросе приняли участие 20 обучающихся бакалавриата и магистратуры в возрасте от 19 до 35 лет, наибольший процент из которых составили обучающиеся в возрасте 21-22 года (42,1 %). Этот возраст является средним для «поколения Z» или, по-другому, цифрового поколения (люди, родившиеся примерно с 1997 по 2012 гг.) [3]. Около половины опрошенных обучаются на 4-5 курсах (более 52 %), из них большинство (52,6 %) – это девушки, 47,4 % опрошенных составили молодые люди.

Обучающимся предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся самооценки памяти, внимания, умения концентрироваться. Оценка ответов производилась по шкале от 1 до 5. Оценили свою память как хорошую (4 балла) 47,4 % опрошенных, 36,8 % обучающихся считают, что резервы их памяти не используются в полном объеме.

Большинство опрашиваемых оценили свое внимание на 4 балла (42,1 %). Умение концентрироваться 47,4 % опрошенных оценили на 3 балла, 31,6 % обучающихся оценили умение концентрироваться на 4 балла.

Полученные в ходе опроса данные, свидетельствуют о снижении познавательных возможностей современных студентов, ведь, согласно исследованиям специалистов, изучающих когнитивные возможности человека, считается, что в среднем пик возможностей памяти и внимания проявляется в

возрасте 19-20 лет, в среднем они развиваются до 25 лет, а первые признаки затухания наблюдаются после 50-ти лет [4]. На «5» свои память, внимание и умение концентрироваться оценили только 10,5 % опрошенных. Согласно данным, полученным в ходе опроса, большая часть обучающихся ощущает снижение своих когнитивных способностей.

Так как сегодня гаджеты являются не просто средством связи, но и инструментом, облегчающим рутинные повседневные действия, а также способом коммуникации, следующим этапом опроса стало выявление среднего возраста, когда телефон/смартфон стал для обучающихся неотъемлемой частью их жизни. Принявшие участие в опросе обучающиеся отметили, что особенно важным смартфон стал для них в возрасте от 10 до 25 лет. Для большинства опрашиваемых (26,8 %) этот возраст составил 14 лет, а 21,2 % из числа опрошенных и вовсе «сблизились» со смартфоном до 14 лет, то есть в совокупности это составляет 48 % от общего количества опрошенных. Только 26,4 % обучающихся стали использовать смартфоны постоянно после совершеннолетия. Получается, что уже около 10 лет большое число современных обучающихся подвергаются ежедневному воздействию соцсетей и Интернета. Исследователями многих стран не однократно приводились различные данные о негативном влиянии такого воздействия.

Опасения о наличии негативного влияния от использования смартфона, подтвердились ответами обучающихся: 52,6 % из которых ответили, что «не выпускают смартфон из рук, всегда смотрят на экран, проверяют уведомления», 47,4 % обучающихся используют смартфон, «когда позвонят, или когда он потребуется для какого-то действия». У 68,4 % обучающихся, принявших участие в опросе, мобильный интернет включен постоянно, 31,6 % обучающихся отключают мобильный Интернет, но пользуются Wi-Fi там, где он есть. Не нашлось ни одного обучающегося, который бы не использовал мобильный Интернет. С точки зрения прогресса это прекрасные показатели, но с точки зрения психологического здоровья – неоднозначный факт [5]. Очевидно, что при постоянном обращении к чему-либо возникает определенная привычка, привязанность. В случае со смартфоном, «внутри» которого находится значительная, а для кого-то и большая часть жизни, появляется определенная эмоциональная привязанность, которая может влиять на настроение и психическое состояние людей. Для 42,1 % опрошенных такая привязанность была оценена на 3 балла по шкале от 1 до 5, для 36,1 % – на 4 балла. Это крайне высокие показатели и очередной повод для опасений по поводу негативного влияния и проявления психологических эффектов

цифровизации, ведь такая привязанность уже может сигнализировать о наличии цифровой зависимости.

Далее в опросе располагался ряд вопросов, направленных на выявление конкретных психологических эффектов цифровизации, с целью доказать их наличие у современных обучающихся. Было выявлено, что эффекту интерференции внимания или «рассеянного ума» подвержены 89,5% современных обучающихся, эффекту Google (или цифровая амнезия) – 21 %, эффекту Тамагочи и эффекту FoMO (Fear of Missing Out) или «синдрому упущенной выгоды» – в среднем 84 %, а эффекту парадокса выбора – 94 % обучающихся.

Отдельно стоит отметить, что для 84,2 % опрошенных общение в соцсетях и мессенджерах полностью или частично удовлетворяет потребность в общении. Иначе говоря, для современных молодых людей привычное личное общение перестало быть нормой, перейдя в онлайн-формат. Итоги данного опроса подтвердили суждения о том, что для цифрового поколения действительно присуща тотальная «цифровая жизнь».

Таким образом, данное исследование доказывает наличие негативных психологических эффектов цифровизации. Можно сделать вывод, что и цифровое обучение как элемент глобальной цифровизации, несет определенные риски для участников образовательного процесса. Для их предотвращения, субъектам образовательного процесса, необходимо разрабатывать стратегии преодоления негативных психологических эффектов цифровизации обучения.

Список литературы:

1. Войскунский А.Е. Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 100-131.

2. Газзали А. Рассеянный ум: как нашему древнему мозгу выжить в мире новейших цифровых технологий. М., 2019. 414 с.

3. Голованова А.А. Психологические эффекты цифровизации образования // Страховские чтения. 2019 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43085367_58960244.pdf

4. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. 1998 // https://izd-mn.com/PDF/24MNNPU17.pdf

5. Кардарас Н. Дети и смартфоны. Все хуже, чем нам кажется. 2018 // https://econet.ru/articles/181053-doktor-nikolas-kardaras-deti-i-smartfony-vse-huzhe-chem-nam-kazhetsya

Е.А. Сербаева,
Самарский университет;
А.М. Санько,
Самарский университет

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Статья посвящена организации методического сопровождения дистанционного обучения английскому языку. Проанализированы проблемы, возникающие в процессе взаимодействия у субъектов процесса дистанционного обучения. Особое внимание отводится рекомендациям по организации методического сопровождения обучению каждому аспекту английского языка в дистанционном формате.

Ключевые слова: методическое сопровождение, дистанционное обучение, английский язык, виды речевой деятельности.

E.A. Serbaeva,
Samara University;
A.M. Sanko,
Samara University

METHODOLOGICAL SUPPORT OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING IN DISTANT LERNING

This article is devoted to arrangement of methodical support of English language teaching in distant learning. The problems arising in the process of subjects interaction at distance training have been analyzed. Considerable attention is paid to the organizational recommendations of methodical support of English language teaching for all types of speech activity in distant learning.

Keywords: methodical support, distant learning, English language, types of speech activity.

Под методическим сопровождением обучения принято понимать процесс, который направлен на отбор и разработку методических и обучающих продуктов (рабочие программы и планы, методические пособия, дидактические материалы) и включает в себя организацию продуктивной работы педагогических кадров.

В последние годы все чаще поднимается вопрос о применении нового методического обеспечения в системе образования. Связано это с повсемест-

ным внедрением инновационных форматов (дистанционное, мобильное, гибридное и т. п.) в обучение [1, с. 9-11].

Однако в процессе реализации дистанционного обучения иностранному языку педагоги испытывают профессиональные затруднения в использовании методов и средств организации образовательного процесса, применимых в традиционной форме обучения. Чаще всего выделяются следующие трудности:

– дефицит социально-эмоционального контакта между всеми субъектами образовательного процесса, что несомненно является важным компонентом формирования речевой компетенции;

– сложности с выражением собственных мыслей ввиду ограниченных возможностей цифровых средств и неспособностью их обеспечить мгновенную реакцию на запрос;

– организация самостоятельной работы обучающихся с учебными материалами;

– выбор оптимальных средств представления информации и форм контроля качества знаний обучающихся;

– недостаток качественных цифровых инструментов для планомерной тренировки всех аспектов языка: аудирование, разговорная и письменная речь и чтение [2, с. 2-3].

Решением вышеизложенных проблем является реализация индивидуального подхода к обучению иностранному языку. В ходе дистанционного обучения иностранным языкам работа должна быть организована в виде автономного курирования самостоятельной работы обучающихся по каждому аспекту языка. Коррекция и консультирование может проходить в формате переписки по электронной почте и видео- или аудиозвонков, групповых или индивидуальных чатов в социальных сетях и программ по организации групповой работы (Google-календарь, Trello, Miro и т. п.). Использование разных по форме и содержанию цифровых инструментов позволяет тренировать различные виды речевой коммуникации (письменная и устная).

В ходе дистанционного обучения чтению обучающийся на основе уже имеющихся знаний учится и упражняется читать самостоятельно. Для изучения правил чтения необходимо использовать справочники, представленные в электронном виде и интерактивные упражнения, позволяющие закрепить чтение отдельных букв и буквосочетаний (упражнения на установление соответствия «слово-транскрипция»; упражнения на установление порядка слов в предложении; чтение отдельных блоков текста и определение основной мысли; дополнение недостающих частей текста из списка). В качестве средств

контроля в процессе обучению чтению возможно использование тестирования и открытых вопросов по прочитанному, письменный и устный пересказ с применением записывающих устройств.

При обучении аудированию преподавателю стоит использовать аудио- и видеозаписи, где преимуществами перед традиционной формой обучения является возможности включить субтитры, остановить и повторно воспроизвести материал, увеличить или уменьшить скорость воспроизведения для наиболее глубокого понимания прослушанного.

Обучению иноязычной лексике способствует применение интерактивных упражнений на установление соответствия слова и изображения к нему; соединения слова и его дефиниции; применение изученных слов в контексте; интерактивные игры по употреблению лексического запаса.

Обучение грамматике проходит успешнее при условии предоставления обучающимся доступа к справочникам и сборникам грамматических правил с рядом упражнений на их отработку: определение верных/неверных утверждений по изученным правилам; распределение по группам по указанному правилу; дополнение пропущенных частей предложения.

Важно также организовать качественную работу с преподавателями, что позволяет расширить знания педагогов о возможностях цифровых инструментов дистанционного обучения, консультирование по их применению и оказание методической и психологической поддержки педагогов в организации работы с обучающимися и проведении занятий в дистанционной форме [3, с. 356-357]. Как видно из вышеуказанных рекомендаций, методическое сопровождение в условиях дистанционного обучения имеет ряд отличий, определяемых спецификой самого предмета и данного вида обучения. Эти особенности обусловливают появление дополнительных трудностей в организации и реализации обучения, на решение которых и должно быть направлено методическое сопровождение обучения английскому языку в дистанционном формате.

Список литературы:

1. Методическое сопровождение педагога в условиях реализации ФГОС СПО. Материалы семинара. Симферополь: ГБОУ ДПО РК «КЦРПО», 2017. С. 9-11.

2. Денисова Т.Л. Педагогическое сопровождение дистанционного обучения студентов вуза. Улан-Удэ: Вестник БГУ, 2013. С. 2-3.

3. Дигтяр О.Ю. Проблемы дистанционного обучения иностранным языкам в вузе. Горно-Алтайск: МНКО, 2019. С. 356-357.

Н.Б. Стрекалова,
Самарский университет

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РИСКИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

В статье представлены результаты исследования проблемы влияния цифровых технологий на качество образования и жизнедеятельность современного человека: изменение требований к профессиональной подготовке специалистов; изменение учебного процесса и способностей обучающегося для успешного обучения; возникновение образовательных рисков в цифровой образовательной среде и их последствия.

Ключевые слова: цифровизация образования, образовательные риски, последствия рисков, цифровая образовательная среда.

N.B. Strekalova,
Samara University

EDUCATIONAL RISKS AND THEIR CONSEQUENCES FOR MODERN MAN

The article presents the results of a study of the problem of the impact of digital technologies on the quality of education and the life of a modern person: changing requirements for professional training of specialists; changing the educational process and the student's abilities for successful learning; the emergence of educational risks in the digital educational environment and their consequences.

Keywords: digitalization of education, educational risks, consequences of risks, digital educational environment.

Происходящие изменения общества настолько значимы для человечества по своим возможностям и последствиям, что ученые говорят о цифровизации как о новой «парадигме мысли» и новой социальной технологии взаимодействия, которая позволит более эффективно решать задачи инфраструктурного, управленческого, поведенческого и культурного характера и тем самым повышать качество жизни [1]. Чаще всего суть термина «цифровизация» сводится к оцифровке всей накопленной и вновь порождаемой информации, созданию глобальных банков знаний, изменению сути, инструментов и усло-

вий выполнения всех видов деятельности. Результаты анализа изменений экономической сферы в условиях цифровизации позволили сформулировать ключевые требования к подготовке специалистов, которым для успешной профессиональной деятельности необходимы: цифровые компетенции профессиональной сферы; умения удаленной командной работы и профессиональных коммуникаций; навыки аналитической и исследовательской деятельности; способности к разработке и внедрению инноваций в профессиональную сферу, выстраиванию индивидуальной профессиональной траектории, постоянному самообучению и самосовершенствованию [2].

В образовании цифровизация приводит к изменению целей педагогической деятельности в части подготовки обучающихся к жизни в цифровом мире и в части профессиональной подготовки специалистов для цифровой экономики. Меняется педагогическая функция организации обучения в связи с проведением учебного процесса в виртуальном пространстве в синхронном и асинхронном, смешанном и гибридном формате на основе оцифрованных учебных материалов. В педагогической практике стали широко использоваться цифровые средства обучения и инструменты работы, которые из вспомогательных превратились в основные.

Однако отдельно взятые цифровые технологии не могут обеспечить достаточный уровень качества обучения – необходима системная интеграции всех оцифрованных учебно-методических материалов в общедоступные базы знаний, которые в совокупности с новыми средствами обучения будут представлять собой единую цифровую образовательную среду [3; 4]. Создание цифровой образовательной среды разного масштаба (вузовской, кластерной, региональной, федеральной) позволит обеспечить переход системы образования к модели цифрового университета, так как будут созданы необходимые предпосылки: инфраструктурные – наличие в образовательной организации корпоративной сети, корпоративного портала, единой системы учета и авторизации пользователей; учебные – использование в учебном процессе электронных учебно-методических комплексов, системы управления обучением и тестирования знаний, электронно-библиотечных систем, современных средств обучения; организационно-управленческие – применение в организации электронного документооборота, систем финансово-хозяйственной деятельности и кадрового учета, автоматизации образовательной деятельности, федеральных информационных систем; личностно-ориентированные – наличие условий для сбора цифровых следов обучающихся, формирования цифровых портфолио, построения персональной образовательной траектории.

При этом во все виды образовательных отношений включается еще один участник – электронный (информационные системы, веб-сервисы, специальные программы), в результате чего учебный процесс приобретают выраженную особенность – сокращение «живого» контакта преподавателя и обучающегося и преобладание опосредованного контакта. В условиях переноса учебного процесса в виртуальное пространство, сокращения «живого» контакта, автономии учебно-познавательной деятельности и самостоятельного характера освоения образовательных программ успешность обучения зависит от наличия у обучающегося: высокого уровня самоорганизации и субъектности; развитых когнитивных и творческих способностей; расширенного набора цифровых компетенций, включая компетенции цифровых коммуникаций.

Отметим, что цифровизация образования, создавая предпосылки для свободного развития личности, несет с собой определенные проблемы и риски, снижающие качество обучения. Традиционно под риском понимается вероятность наступления опасности для чего-либо с неопределенной величиной ущерба. Обратим внимание на связь риска с деятельностью в условиях неопределенности и неизбежного выбора и со средой, в которой она происходит [5]. С учетом сделанных замечаний в данной статьей под образовательным риском будем понимать отклонение формируемых образовательных результатов от запланированных, происходящее в условиях цифровизации образования.

Результаты исследования изменений учебного процесса при его переносе в открытое образовательное пространство позволили выделить следующие возможные образовательные риски [6; 7]:

– технические риски – связаны с разнообразием применяемых современных средств обучения, в результате чего возникают проблемы посещения онлайн-занятий и доступа к учебным материалам, корректной передачи учебных работ и их последующей проверки;

– технологические риски – связаны с использованием различных информационных систем для организации и управления учебным процессом, в процессе работы с которыми возникают технические ошибки и проблемы отсутствие доступа к информации, ее несвоевременной передачи участникам учебного процесса, что снижает мотивацию обучающихся к добросовестному выполнению своих обязанностей, препятствует развитию субъектности обучающегося;

– организационные риски – связаны с отсутствием пространственно-временны́х ограничений на учебный процесс, что может приводить к несвое-

временному размещению учебных материалов и сдаче учебных работ; выполнению работ на низком интеллектуальном уровне, задерживанию результатов проверки и обратной связи, что мешает полноценному усвоению материала, выстраиванию собственной системы знаний и полноценному формированию когнитивных способностей, снижает мотивацию к своевременному и качественному выполнению заданий;

– методические риски – обусловлены переходом процесса обучения от иерархической модели к «сетевой», постоянным расширением цифровой образовательной среды, сокращением индивидуального подхода к обучающемуся, что приводит к искажению замысла преподавателя и потенциальной незавершенности обучения, недостаточной сформированности аналитических и творческих способностей, слабой систематизации знаний;

– коммуникативные риски – связаны с недостаточностью опыта эффективного удаленного взаимодействия у всех участников учебного процесса и существующей спецификой коммуникаций, что может приводить к утрате актуальности сообщений, потери смысловых цепочек, принятию некорректных решений, межличностному недопониманию и конфликтам;

– валеологические риски – детерминированы информационной перегрузкой и «клиповым» мышлением обучающихся, их информационной зависимостью, потребностью в постоянном, пассивном потреблении информации, в результате чего снижаются аналитические способности, навыки построения причинно-следственных связей, принятия осознанных решений.

Вероятность возникновения образовательных рисков и их последствий в учебном процессе создает угрозу для качества обучения и профессиональной подготовки, так как в учебном процессе возникают разрывы в формировании необходимых компетенций. Так, для успешного обучения необходимы когнитивные и творческие способности, которые позволят глубоко осваивать учебный материал, наращивать опыт решения профессиональных и исследовательских задач, что приведет к формированию аналитических и исследовательских компетенций, готовности к инновационной деятельности в профессиональной сфере. Однако методические и организационные риски препятствуют формированию данных компетенций. Развитие субъектности и способностей к самоорганизации должно позволить обучающемуся выстраивать образовательные траектории и траектории профессионального роста, осуществлять необходимое для этого самообучение. Однако технологические и организационные риски препятствуют их формированию, так как снижают мотивацию к добросовестному выполнению своих

обязанностей, принятию осознанных решений и выстраиванию собственных траекторий развития. Формированию способности осуществлять деловые коммуникации мешают коммуникативные риски.

Таким образом, как и любое нововведение, цифровизация имеет свои достоинства и недостатки, существующие в диалектическое единстве. Как научно-технический прогресс, она должна обеспечивать улучшение качества жизни человечества с опорой на рост качества обучения подрастающего поколения и профессиональной подготовки будущих специалистов. Однако внедрение цифровых технологий в систему образования создает реальную угрозу для формирования тех самых компетенций, которые позволят решить данные задачи. Разрешить данное противоречие возможно глубоким изучением образовательных рисков, выявлением всех предпосылок и последствий, определением эффективных мер по упреждению их появления и нивелированию вероятных последствий.

Список литературы:

1. Вартанова Е.Л. [и др.] Индустрия российских медиа: цифровое будущее: монография. М.: МедиаМир, 2017. 160 с.

2. Подулыбина О.И., Стрекалова Н.Б. Цифровизация экономики как педагогическая проблема // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27. № 4. С. 99-106.

3. Башмаков А.И., Старых В.А. Принципы и технологические основы создания открытых информационно–образовательных сред. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 719 с.

4. Руднева Т.И., Стрекалова Н.Б. Образовательные риски в инновационных условиях педагогической деятельности: монография. Самара: Самарский университет, 2018. 194 с.

5. Маслов П.А. Проблемы управления рисками в современной России: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.08. Пятигорск, 2009. 21 с.

6. Сысоева Е.Ю., Стрекалова Н.Б. Цифровые коммуникации преподавателя в условиях гуманистической парадигмы образования: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2023. 150с.

7. Стрекалова Н.Б. Управление качеством самостоятельной работы студентов в открытой информационно-образовательной среде: дис. … доктора пед. наук: 13.00.08. Самара, 2017. 588 с.

Е.Ю. Улендеева,
Самарский университет;
Н.Б. Стрекалова,
Самарский университет

КАЧЕСТВО ОБУЧЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное информационное общество – это явление, породившее определенные проблемы, которые требуют принятия надлежащих мер в условиях все более сложного взаимодействия между образованием, информацией, коммуникацией, обучением и сетью Интернет. В статье рассматривается проблема совершенствования и оценки качества обучения в условиях нового общества знаний с учетом меняющихся потребностей на рынке труда.

Ключевые слова: информационное общество, высшее образование, знания, качество обучения, онлайн-обучение, ресурсы качества.

E.Y. Ulendeeva,
Samara University;
N.B. Strekalova,
Samara University

THE QUALITY OF EDUCATION IN THE INFORMATION SOCIETY

The modern information society is a phenomenon that has given rise to certain problems that require appropriate measures to be taken in an increasingly complex interaction between education, information, communication, training and the Internet. The article deals with the problem of improving and evaluating the quality of education in a new knowledge society, taking into account the changing needs in the labor market.

Keywords: information society, higher education, knowledge, quality of education, online learning, quality resources.

Информатизация общества – это процесс объединения информационных технологий со всеми сферами жизни – новый этап в истории, где главной ценностью является информация. В идеале информатизация должна сменить парадигму образования, изменив формы, а также методы обучения таким образом, чтобы студенту было проще усваивать знания и сохранять интерес к учебе

на протяжении всей жизни [1]. Считается, что современное информационное общество, с акцентом на информацию, способствует усилению, а не смягчению старых и хорошо известных проблем образовательной системы, таких как неосмысленное запоминание; энциклопедизм; поверхностное чтение; быстрый поиск в сети Интернет (копирование и вставка).

Качество высшего образования – сложный, многоаспектный показатель, состоящий из различных подходов и процедур с использованием критериев. Относительный характер словосочетания «качество высшего образования» обусловлен различными уровнями образования (от бакалавриата до докторантуры), направлениями подготовки и стремительно меняющимися потребностями рынка труда. Качество обучения исследователи (В.И. Звонников, Л.П. Меркулова, Н.В. Соловова, М.Б. Челышкова, Е.В. Яковлев) связывают с повышенной мобильностью будущих специалистов, их способностью к смежной деятельности и самообразованию, а также с высокой ответственностью за результаты своей работы [2].

Парадокс заключается в том, что именно в информатизации образования скрыта возможность решения сложных задач. В первую очередь это индивидуализация обучения, выраженная в творческой самореализации студента посредством телекоммуникаций. Студент может двигаться по индивидуальной траектории, когда у него есть возможность ставить перед собой собственные цели, выбирать самостоятельно форму и темп занятий, применять методы обучения, которые наилучшим образом соответствуют его личным особенностям; осуществлять анализ собственной образовательной деятельности. Информатизация образования будет эффективной, если она становится инструментом вовлечения студента (личности) в образовательную деятельность. Полагаем, что в этом есть определенный философский подтекст: индивидуализация и информатизация образования должны стать единым процессом.

В контексте повышения качества образования онлайн-формат некоторых курсов обеспечивает доступ к гораздо более широкому спектру образовательного контента. Онлайн-платформы, на которых размещаются массовые курсы различных университетов (например, российская социальная образовательная сеть Megacampus – аналог Coursera), позволяют студентам прослушивать лекции преподавателей ведущих вузов. Кроме того, если после изучения учебного материала у студента остались вопросы, он имеет возможность прослушать объяснение другого преподавателя или самостоятельно найти решение с помощью различных упражнений, заданий и примеров. Виртуальная среда позволяет практиковать профессиональные навыки в безопасной среде,

что важно для студентов определенных специальностей (например, студентам-медикам очень помогают в обучении VR-технологии) [3].

Тем не менее, активное внедрение цифровых технологий в образование вызывает много опасений, в первую очередь связанных с возможным снижением качества образования. В частности, это происходит из-за чрезмерно преувеличенной роли сети Интернет как «авторитетного информационного источника». Действительно, сеть Интернет обеспечивает быстрый доступ к различной информации, однако следует критически относиться к ее достоверности и качеству. Помимо того, автоматическое использование данных информационных ресурсов не развивает мотивацию студента к научно-исследовательской деятельности.

Само понятие «качество» тоже постепенно меняется. Развитие информационных технологий привело к возможности разработки эффективных систем, которые помогут создавать и исследовать индивидуальные пути обучения. Построение качественной модели обучения с динамическими и настраиваемыми параметрами может гарантировать максимальную оценивающую способность. В такой модели оценка качества обучения – это разрешение перейти на следующий продуктивный уровень. Следует подчеркнуть, что качество электронного обучения нельзя оценивать вне категории «ресурсы» – человеческих, материально-технических и информационных. Электронное обучение требует значительных инвестиций [3].

В настоящее время при оценке качества обучения востребован не управленческий подход, где качество рассматривается в виде результата реализации контрольных и надзорных мероприятий по соблюдению государственного образовательного стандарта, а субъектно-ориентированный, где качество – это синоним прежде всего удовлетворенности (обучающихся и работодателей) результатами образовательного процесса. Сегодня идет активный процесс изучения педагогических методов обучения в цифровой среде: тестируется эффективность онлайн-курсов, а также других аспектов влияния технологий на качество обучения [4].

Итак, приходим к следующим выводам: образование в информационном обществе обеспечивается развитие навыков освоения информации не только в процессе обучения, но и за его пределами (обучение на рабочем месте). Необходимо использовать преимущества всех доступных инструментов и технологий (не только информационно-коммуникационных) для создания целостных стратегий, что позволяет критически подходить к отбору и использованию

информации; развивать автономное и комплексное мышление, способствуя активному участию в преобразующих социальных процессах.

Список литературы:

1. Чернавин Ю.А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 2. С. 4-12.

2. Стрекалова Н.Б. Качество образования как фактор его конкурентоспособности в условиях глобализации общества // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т.7. № 1. С. 800-808.

3. Тюменцева Е.В., Панова Е.П., Осипов Е.М., Бубнова М.И., Фролова Н.Н. Качество образования в условиях цифровой образовательной среды // Образование и право. 2022. № 9. С. 243-254.

4. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Лацвеева А.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 2. С. 57-69. DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5. EDN GUCHUU

А.Н. Фалеев,
РГУ нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина;
М.Н. Филатова,
РГУ нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина

ИНФОРМАЦИОННЫЙ МИР: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Рассматриваются проблемы обучения будущих инженеров в соответствии с требованиями информационного общества. Особое внимание уделяется вопросам образования личности и преподавания гуманитарных дисциплин в высшей школе.

Ключевые слова**:** информационное общество, человек, гуманитарное знание, гуманитаризация, гуманизация.

A.N. Faleev,
Gubkin University. National University of oil and gas;
M. N. Filatova,
Gubkin University. National University of oil and gas

INFORMATION WORLD: EDUCATIONAL ACTIVITY OF A TECHNICAL UNIVERSITY

The problems of training future engineers in accordance with the requirements of the information society are considered. Particular attention is paid to the issues of personality education and teaching of the humanities in higher education.

Keywords: information society, human, humanitarian knowledge, humanitarization, humanization.

В современном мире новейшие электронные средства, коммуникационные технологии и компьютерные сети превратились в главные орудия прогрессирующей динамики общественной жизни, вынуждающие «по-новому подходить к теоретическому осмыслению создаваемой человеком социокультурной среды, формирующей его самого» [1, с. 39]. Сущностные для нашего времени

социально-исторические обстоятельства актуализируют проблемы всё усиливающейся в становлении и развитии человека роли образования и его усовершенствования в соответствии с требованиями информационной (постиндустриальной) эпохи. Осознание данных проблем содержит в себе и ту их часть, которая в своем практическом аспекте относится к повышению качества подготовки современного инженера, отвечающего требованиям производства, а также и общественного развития в целом. Именно поэтому сегодня происходит крайне необходимая работа по перестройке высшего технического образования, которая как одну из главных задач содержит в себе вопрос о «целевых установках гуманитарной подготовки специалиста в обозримом будущем» [2, с. 279].

Информационному обществу присущи два предъявляемых к развитию системы образования существенных требования, связанных, по сути, друг с другом органически. Речь идёт о гуманитаризации (ориентирующей образование на развитие способности индивида воспринимать разнообразные миры человеческой культуры) и гуманизации (сосредоточивающей внимание на видении процесса обучения как процесса становления и развития личности).

Нельзя не признать, что пренебрежение к указанным требованиям ведёт к формированию «одномерного» человека. Моральная ориентация, базирующаяся на принципе долженствования, становится для него донкихотством; она лишается своей значимости, и человек превращается в «функциональный элемент социальной системы», в бездумного исполнителя, в существо, пассивно следующее предписаниям техницистской оптимальности. Именно поэтому для предотвращения феномена «одномерности» надлежит увеличить при подготовке будущих инженеров вес гуманитарной составляющей, придающей образованию личностную ориентацию и ставящей индивида в центр учебного процесса и воспитательного воздействия. Такое видение предполагает, что на уровне высшей технической школы гуманитарным по содержанию учебным дисциплинам надлежит в наше время уделять значительно большее внимание с тем, чтобы преодолеть тенденции однообразия и догматизма, унаследованные от предшествующей, индустриальной эпохи с её жесткой рациональностью и детерминизмом.

В гуманитарных дисциплинах и прежде всего в философии образовательный и воспитательный аспекты взаимосвязаны друг с другом. Более того, здесь итог образования – знание и плод воспитания – жизнепонимание, система ценностей и оценок, мировоззрение обуславливают друг друга. Для человека жизнь без мировоззрения представляет собой, по словам А. Швейцера, «па-

тологическое нарушение высшего чувства ориентирования», поэтому отнюдь не случайно критика «безмировоззренческого существования» всегда была сосредоточена на поиске представления о смысле и цели жизни, которое вырабатывается каждым собственными усилиями, жизненными впечатлениями и опытом. Особенная роль современной философии в этом процессе выражается также и в том, что она, помимо известных её функций, обосновывает идею множественности, признает многообразие и конкуренцию парадигм, помогает справиться с рациональной «одномерностью» естественнонаучного и технического знания, их кажущейся независимостью от наук о человеке и обществе. Нашедшее своё отражение в основных принципах постмодернизма, современное мышление «бежит всех форм монизма, унификации и тоталитаризации» [3, с. 132]. Вместо единственности, одновариантности и безальтернативности провозглашаются «широкий выбор дифференциаций», множественность и многообразие «точек зрения», отношения согласованности и дополнительности между ними.

Реальная ситуация в современной науке представлена борьбой соперничающих школ, оживленной полемикой и дискуссиями, противоречивыми методологическими посылками и выводами. Так, гуманитарное знание характеризуется самыми крайними позициями и разнообразными мнениями практически во всем вопросам. Однако наличие альтернатив не является привилегией лишь гуманитарного знания. Борьба конкурирующих школ в нефтегазовой области по вопросу о генезисе нефти и природного газа (вошедших в историю как теория абиогенного происхождения углеводородов и теория биогенного происхождения углеводородов) показывает, как значимо для ученых иметь достаточно эффективную разрешающую процедуру выбора. Нет сомнения в том, что в ситуации выбора по-прежнему решающую роль будут играть личные склонности, стиль мышления, ценностно-мировоззренческие установки исследователя. Многообразие, сила и мощь этого «человеческого потенциала» представляют собой важнейший ресурс дальнейшего развития науки, возможности и значение которого отнюдь целиком не изучены.

Важнейшим профессиональным качеством инженера-исследователя должно стать умение работать в «поле напряжения» между альтернативами. Однако умение работать с «плюралистической равноправностью» и «гетерогенностью инакового», извлекать предельно богатое содержание из многообразного спектра различных возможностей требует воспитания «мужества сознания», то есть навыков самостоятельного мышления, что порождает существенные изменения в современной педагогической деятельности и её функциях.

На протяжении веков учитель был главным передатчиком знаний. Разумеется, трансляторская функция сохраняет свою силу и остается за педагогом и поныне, но в постиндустриальную эпоху она постепенно теряет свою значимость и отходит на второй план. Дело в том, что появилось немало других информационных источников и их количество будет с течением времени, бесспорно, только лишь возрастать. Именно поэтому в наши дни в процессе обучения на первый план выходит наставническая, консультационная функция педагога, цель которой – не передача знаний, а раскрытие творческого потенциала учащихся, развитие их способности к самообразованию и самовоспитанию. Если современная интеллектуальная деятельность основывается на взаимодействии и диалоге различных подходов в разборе определённых проблем, то задачи образования и воспитания будущих технических специалистов могут быть реализованы наиболее эффективно с помощью именно подобных методов, которые более всего способствуют обмену мыслями между педагогом и студентами. Исследования педагогов и психологов убеждают, что восходящий к Сократу вопросно-ответный метод значительно повышает активность и качество усвоения материала учащимися. Тем более, это справедливо относительно общения преподавателя и студента. Самостоятельный поиск истины, взаимная критика аргументов, систематичность и последовательность в рассуждениях служат главными средствами воспитания творческого мышления – этого бытийного аспекта образования личности.

Таким образом, в информационном мире важнейшим приоритетом высшего технического образования должен стать человек, «развитие богатства человеческой природы» (К. Маркс). Выявление и развитие созидательных возможностей и способностей человека, его творческого потенциала в современных обстоятельствах напрямую определяет развития социума, и, стало быть, на более высокой стадии развития может быть лишь тот, который наряду с иными показателями характеризуется более высокой, определяемой уровнем культуры, степенью развития своих членов. Будущим инженерам-исследователям, способным вести поиск на стыке разных наук, овладевать принципиально новыми областями расширяющегося и растущего научно-технического познания, находить на высоком профессиональном уровне технические решения всевозможных многоцелевых задач, совершенствоваться в выбранном направлении крайне важно, нужно и полезно знание философии, обращение к опыту разнообразных гуманитарных дисциплин, позволяющих практиковать осознанный плюрализм методов и подходов при освоении раз-

личного учебного материала. Главная же задача всей этой работы и её конечный итог – более высокая ступень гуманитарной культуры личности инженера в целом, достигаемая в результате специализации на широкой гуманитарной основе.

Список литературы:

1. Фалеев А.Н., Филатова М.Н. Современный мир: идея диалога// PRIMO ASPECTU. Волгоградский государственный технический университет. 2022. №1 (49). С. 39-46.

2. Филатова М.Н., Фалеев А.Н. Цифровой мир: философское звено современной концепции образования // III Международная научная конференция Гуманитарные Губкинские чтения «Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи. Сборник материалов Ч. 3. М., 2018. С. 194-199.

3. Вельш В. «Постмодерн»: Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1. С. 109-132.

РАЗДЕЛ 10.
ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Е.А. Алексеева,
Государственный академический университет гуманитарных наук

«РАСШИРЕННЫЙ КИБОРГ» И ПРОБЛЕМА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

«Расширенный киборг» – это концепт, обозначающий специфическую взаимосвязь человеческого опыта и кибертехнологий. Эта взаимосвязь актуализирует вопрос об антропологических границах между техническими системами и человеческим жизненным миром.

Ключевые слова: расширенный киборг, антропологические границы, жизненный мир, техническая фундированность.

E.A. Alekseeva,
State Academic University for the Humanities

EXTENDED CYBORG AND THE PROBLEM OF ANTROPOLOGICAL BOUNDRIES

«Extended cyborg» is a concept denoting the specific relationship between human experience and cyber technologies. This relationship actualizes the question of anthropological boundaries between technical systems and the human life world.

Keywords: extendedcyborg, anthropologicalboundaries, lifeworld, technicalfoundation.

Концептом «расширенный киборг» предлагается обозначать взаимосвязь компьютерных (прежде всего интеллектуальных) систем и человеческих ментальных и телесных компонентов, не предусматривающую непременного физического соединения человеческого тела и кибернетических структур. Для обозначения этого феномена существует также понятие цифрового кентавра, но, как представляется, понятие расширенного киборга выглядит более наглядным и имеет собственную философскую традицию. Оно восходит, с од-

ной стороны, к понятию «прирожденного киборга» Э. Кларка, а также к его совместной с Д. Чалмерсом концепции расширенной психики (extended mind) [1], с другой – к киберфеминистскому «Манифесту киборга» Д. Харауэй [2], полному иронических метафор об эмансипирующем преодолении оппозиций между организмом и машиной.

Предполагается, что расширенная киборгизация – это процесс, который уже совершился помимо воли отдельных индивидов. Это связано с проникновением интеллектуальных систем в нашу повседневность, в которой мы делегируем собственные когнитивные функции интеллектуальным технологиям. Так, программе-навигатору мы делегируем способность ориентироваться в пространстве, рекомендательной системе – способность выбирать релевантный контент и т. п. Таким образом, мы уже являемся киборгами, и «единственное, что не позволяет увидеть нашу собственную все более киборгскую природу, так это древнее западное предубеждение – тенденция думать о разуме как о столь глубоко особенном, что он отличается от остального естественного порядка вещей… Мы склонны думать, что то, что происходит внутри нашей черепной коробки, настолько особенное, что единственный способ достичь настоящего слияния человека и машины – это физическое слияние механизма и мозга» [3; 36].

Все это приводит нас к вопросу о том, является ли такая киборгизацияи, шире, технизация жизненного мира, радикальным прорывом антропологических границ, в котором присутствует определенная угроза не только собственно человеческому, но и миру, в котором укоренен человек: «На всех уровнях и во всех масштабах происходит не что иное, как автосистематизация гигантской силы техники – искусственного интеллекта, интернета вещей, нанотехнологии, биотехнологии, дронов, беспилотных автомобилей, умных городов, SpaceX – в надежде на то, что однажды, даже исчерпав свою продуктивность, природа сможет питать саму себя. Планетаризация (в смысле Хайдеггера) означает вторжение техники во все сущее, превращение всего в «состоящее-в-наличии», аналогичное всеобщей эквивалентности» [4; 329]. Но этот же вопрос можно поставить и по-другому: правомерно ли вообще постулировать наличие антропологических границ и не является ли киборгизация действительно прирожденной человеческой возможностью?

Идея расширенного киборга подчеркивает фундированность человеческого опыта кибертехнологиями. Но такая фундированность требует пойти еще дальше: учесть имманентную техничность человеческого существования, которая зачастую остается в «слепой зоне» рефлексии: «антропоценовое собы-

тие сделало очевидным то, что философия структурным образом отрицала на протяжении веков: артефакт – это движущая сила становления человека, его состояние и его судьба» [5; 37]. Согласно Д. Айде, техническое инкорпорировано не только в культуру, но и в человеческую телесность [6]. Д. Айде, обращаясь к хайдеггеровской аналитике подручного и феноменологии телесного опыта М. Мерло-Понти, замечает, что существует множество способов, которыми технологии имплементируются в природное. Получается, что кибертехнологии, фундирующие повседневность расширенного киборга, при всей своей культурной и исторической локальной принадлежности к постиндустриальному обществу не столько прорывают антропологические границы, сколько эксплицируют их изначальное отсутствие.

Список литературы:

1. Clark A., Chalmers D. The extended mind. *Analysis*. 1998. 58 (1). P. 7-19.

2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х . М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.

3. Clark A. Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 2003. 229 p.

4. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: VACPress, 2020. 400 с.

5. Stiegler B. The Neganthropocene. Open Humanities Press. London. 2018. 345 p.

6. Idhe D. Embodied Technics. Automatic Press. 2010. 96 p.

К.С. Арутюнян,
Рязанский государственный радиотехнический
университет им В.Ф.Уткина

ЦИФРОВОЙ ИНДИВИД КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается результат цифровых процессов – это формирование цифрового индивида. Показана роль индивида в формировании человекоориентированного управления. Автор приходит к выводу, что цифровое общество сформировало новую модель человека, состоящую не только из навыков, способностей, но и из развитой формы сознания – управленческого сознания, необходимой для принятия управленческих решений.

Ключевые слова: цифровизация, управление, цифровой индивид, человекоориентированное управление, управленческое сознание, социальный риск, кризис.

K.S.Arutiunian,
Ryazan State Radio Engineering University named after V.F.Utkin

DIGITAL INDIVIDUAL AS VECTOR OF DEVELOPMENT OF CHELOVEKOORIYENTIROVANNY MANAGEMENT: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

The article considers the result of digital processes - this is the formation of a digital individual. The role of the individual in the formation of human-oriented management is shown. The author comes to the conclusion that digital society has formed a new model of a person, consisting not only of skills, abilities, but also of a developed form of consciousness – managerial consciousness, necessary for making management decisions.

Keywords: digitalization, management, digital individual, human-centred management, managerial consciousness, social risk, crisis.

Цифровизация как социальное явление охватывает все сферы общественной жизни. Это связано с тем, что цифровые технологии получают онтологический статус, позволяющий им заменить коммуникацию на новую фор-

му дискурса, а также трансформировать социальное бытие, видоизменяя признаки и свойства.

Становление цифровой среды, процесс цифровизации являются основным направлением современности, именно с этими процессами связано будущее человечества. Результатом эволюционных процессов цифровизации является изменение социально-экономической действительности, которая направлена на обеспечение достойного качества жизни населения; повышение производительности труда; расширение возможностей для удовлетворения потребностей человека, личностного и профессионального развития; создание условий для дальнейшего научно-технического прогресса; формирование цифрового индивида, направленного на реализацию человекоориентированного управления.

В современном мире личность находится под воздействием цифровых информационных технологий как сложных системных образований, включающих различную информацию, которые обеспечивают два рода воздействий на личность: во-первых, посредством самой информации, во-вторых, формами и методами, передающими необходимую информацию. В настоящее время именно эти технологии детерминируют трансформацию личностных свойств и характеристик.

Рост цифровых технологий изменяет социальное бытие, индивида. В этой ситуации формируется потребность в прогнозировании дальнейшего развития индивида и общества. Цифровой индивид – это образ современного человека, который отражает свое бытие и его изменение в цифровом обществе.

Образ информационного человека, согласно типологии М. Вебера, направлен на изучении трансформации сущности человека, а также сущности изменяющегося общества [1]. Согласно концепции Е.Масуда, информационные процессы осуществляют переход индивида из Homo sapiens в Homo intelligens, который будет способствовать формированию новой формы цивилизационного мироустройства [2, с. 123].

Особенность цифрового индивида заключается в том, что он является субъектом цифровой реальности. Результатом информационных процессов является то, что индивид становится частью социальной сети, которая определяет свои нормы и правила, замещая социальные отношения симулякрами или симулятивными практиками. Таким образом, возникает опасность исчезновения уникальности, потеря связей с реальной социокультурной средой.

Согласно подходу У.Бека, современное общество является рискогенным, кризисным, в котором объектом и субъектом является деятельность индивида

в сфере инновационных технологий, которая видоизменяет социальное бытие [3].

В своих рассуждениях Э. Гидденс приходит к выводу, что появление новых рисков увеличивает кризисность общества, порождая трудности дальнейшего развития [4, с. 95]. По мнению Н. Лумана, не деятельность индивида, а условия глобализации порождают риски в обществе. В современном мире формируются «цифровые риски», т.к. человек находится в непосредственной зависимости от современных технологий и коммуникаций [5].

Таким образом, с одной стороны, развитие цифровизации несёт в себе множество различных рисков, оказывающих негативное воздействие на общество и человека. С другой стороны, именно риски создают условия по формированию новых цифровых технологий, которые обеспечивают стабильное существование человека.

Преодолеть все современные риски можно только с созданием постчеловека как носителя не только технологического мышления, но и развитой формы управленческого сознания, направленной на человекоориентированное управление. Поэтому, какой бы ни был «цифровой человек», механизмы управления реальным человеческим ресурсом актуальны. Одним из векторов управления человеческими ресурсами в современных условиях является знания в области менеджмета [6] как один из путей формирования основ человекоориентированного управления.

Список литературы:

1. Вебер М. Избранные произведения М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Масуда Е. Компьютопия. М.: Идея-Пресс, 1998. 358 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107-134.
5. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. 232 с.

Е.Б. Бабошина,
Курганский университет

К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК НОРМЕ СУБЪЕКТНОСТИ В КУЛЬТУРЕ

Трансформация социальности привела к смене установок и форм культурной идентификации (цели социализации), что «размывает» субъектность личности – ценностное «ядро» деятельного начала. В этих условиях важны цели образования как векторы социальной нормативности, которые важно строить с учетом понимания тенденций социализации.

Ключевые слова: идентичность, субъектность, цифровая среда, ценностное становление, норма.

Baboshina Helen,
Kurgan University

ON THE ISSUE OF IDENTIFICATION OF PERSON IN MODERN EDUCATION AS A NORM OF SUBJECTIVITY IN CULTURE

Abstract. The transformation of sociality has led to a change in attitudes and forms of cultural identification (the goal of socialization), which “blurs” the subjectivity of the individual – the value “core” of the active principle. In these conditions, the goals of education are important as vectors of social normativity, which it is important to build taking into account the understanding of socialization trends.

Keywords: identity, subjectivity, digital environment, value formation, the norm.

Глобализация привела к иным критериям оценки действительности. В России произошла смена ценностей, «отличных от основ русской цивилизационной идентичности», в сторону социализации по-европейски, [1], что снизило роль общечеловеческих ценностей в этике поступка. Поиск субъектности стал сопрягаться с вопросом: «Кто у личности дома?» [2 , с. 191]. Следствия перемен уже оцениваются в нормативности, ставящей личность в зависимость от непостоянства условий. Философы видят в этом распад нормального общества, изменение человеческого ресурса; констатируют общество потребления (Н.А. Аранович, Л.В. Баева, Ф. Бродель и др.); перерождение человека в актора.

Образованию отводится двоякая роль: с одной стороны, оно рассматривается средой, кардинально не влияющей на мировоззрение личности, а с другой – именно с ним связывается новый поворот к человекоцентризму. Каждый путь реален, а качество зависит от деятелей, социального запроса и госзаказа. Согласимся с антропологом Геллнером, что образование есть сфера капиталовложения, развития государства; фактор, могущий изменить историю общества [3]. Важно, что гуманитарное знание возвращает позиции после реформ, где на период произошел «перекос» и был недооценен вопрос духовного становления, базовую роль чего видели Х.-Г. Гадамер, И. Гердер, Д.С. Лихачев, К.Д. Ушинский.

Социализация же вне опоры на менталитет происходит как «пустотный» для субъектности процесс, поскольку ценностно-смысловые основы черпаются личностью в своей культуре, переходя в ценностные позиции. Ценности добра, дружелюбия, радушия, душевности, открытости, незлобивости, любви выделяли И.А. Ильин, В.О. Ключевский, Н.О. Лосский. В целях усиления гуманитарных предпочтений мы рассматриваем данные ценности в социальных и психолого-педагогических дисциплинах. Базой выступают студенты очной, заочной форм обучения психолого-педагогического направления Курганского государственного университета. Так мы изучаем ментальные предпочтения гуманистического, технолого-технократического выбора, всего 8 утверждений. Такие опросы мы проводим на протяжении 20 лет. Мы убедились в доминировании гуманитарных позиций, таких как «человек для мира, а не «мир для человека»; «добро как истина», а не «истина как добро»; «духовность – основа интеллектуального развития» доминирует над позицией «интеллектуальные свойства есть основа ее духовности». Преобладание гуманистических позиций студентов убеждает в важности их учета в образовании в силу их актуальности как социально-этической нормы. Аналогичные результаты выборов мы получали и у студентов негуманитарных направлений подготовки.

Нами обнаружено, что ценностный выбор в педагогической деятельности вне социальной опоры может снижать социальную самооценку личности будущего педагога. Исправление ситуации мы связываем с реабилитацией гуманизма как вочеловечивания, но в мире продолжает действовать модель «человека экономического», эгоизма, что вредит развитию [4, с. 50-54].

Мы пришли также к пониманию, что в образовании как процессе социализации, важны условия к взаимодействию мотивов личности с ее рефлексивными свойствами, в силу чего укрепляется ее субъектное поведение, гармонизируются волевая и ценностно-смысловая сферы. Так, при изучении индиви-

дуалистических и коллективистических позиций по анкете, составленной нами на основе различий данных показателей, по Н. Триандису (всего 21 утверждение и два выбора: а) и б)), мы обнаружили (с 2018 по 2022 гг. было опрошено во времени 245 студентов), что более половины студентов негативно оценивают полный отказ от модели коллективизма в сторону индивидуализма. Большинство ценит проявление коллективистических черт («чувство локтя», дружественность и дружелюбие, терпимость, возможность социального доверия); хотя в плане самореализации и выбора образа жизни предпочтения отдаются чаще индивидуалистическим установкам, вызванным мотивами социального обособления, иногда – чувством неуверенности либо ростом меры допустимого. При этом студенты сознают подлинную ценность выбора, о чем свидетельствуют стремления к социальному участию.

Многие студенты, однако, затрудняются в воплощении гуманизма на практике, сводя деятельность к формальному взаимодействию. Так, один из последних опросов студентов с педагогическим стажем, менеджеров образования, а также педагогов дополнительного образования, социальных педагогов (тест на педагогическую центрацию В.И. Андреева; случайная выборка составила 56 человек (осень, 2020-й г.)), хотя и продемонстрировал общую готовность к субъектной позиции в профессии, но проявил и выраженные установки конформной (16,2 %), авторитарной (39,6 %), методической (45 %) центрации в профессиональной деятельности, в то время как гуманистическая позиция из пяти вариантов в целом занимает предпоследнее место в рейтинге (14,4 %).

Пониманию данных способствует анализ суждений самих студентов, отмечающих рост «бумаготворчества», отвлекающий их от педагогического общения с детьми. Педагоги со стажем продолжают ценить живое общение с детьми, несмотря на психоэнергетические затраты, однако их педагогическое сознание подвергается испытанию формализацией процесса. В понимании ситуации нам важен вывод Н.Р. Салиховой, сделанный в результате объемного исследования о том, что человек ценит то, «что доступно», и снижает роль чего-либо при невозможности его достижения [5, с. 183].

Между тем, по Э. Фромму, жизненная ориентация есть «синдром сознания субъекта». Изменение условий существования общества сформировало в личности особенности социального восприятия, под влиянием которых активно меняется трактовка ряда ценностей. Этот факт во многом и объясняет, на наш взгляд, с одной стороны, в личности педагога стремление к ценностному взгляду на себя и других, с другой – неуверенность в том, как это осуществи-

мо. В итоге личность начинает проявлять своего рода отстраненность от проблемы. Так, К. Джерджен ясно подчеркивает, что «давнее различение фактов и ценностей – объективных рефлексий» о мире, «чувств относительно «должного» не может далее поддерживаться» [6, с. 5].

В этом контексте острым выглядит вопрос о формализации образования, в котором не достигается субъектность всех. В снижении же роли запроса на идентификацию личности в образовании, но при насыщении ее информационными потоками и жестко регламентирующей деятельность педагога инструкцией мы создаем условия не для субъектности педагога или обучающегося, но для утраты ее целостности в педагоге и для развития ее множественных форм у обучающегося.

Возрастает вероятность, что личность того и другого вступит в «ролевую игру», являющуюся лишь «функцией», а это и есть «мир постмодернистского сознания» [7]. Массовое образование опасно именно таким обезличиванием, эффектом человека «цифровой толпы». Экранная социализация же в усилении технологического компонента образования порождает манипулятора.

В изучении социально-культурного и профессионального становления будущих и работающих педагогов мы заключили:

1. Образование педагога важно осуществлять на культуросообразной платформе, не замыкая его профессиональное сознание узкой трактовкой смысла его деятельности.

2. В становлении педагога важно содействие субъектности как установки к действенному ценностному выбору как содействии в преодолении негативных следствий социализации.

Общим пониманием содержания становления идентичности педагога для нас является признание, что ценностное сознание не «мертвый якорь», но «маркер» качества выбора. Тогда педагог как субъект своего жизненного пространства не лишается идентичности, но и не останавливается на однажды усвоенной жизненной позиции, готов диалогу в трансляции своего опыта, что противостоит псевдо-идентификации через фейк.

Важным для нас выступает и видение, что цифровизация как условие и сфера социализации затрагивает не только внешние условия, но и внутренние особенности построения и осуществления образовательной деятельности. Синхронизация высказанных условий и целей осуществления личности и выступают важнейшим предметом к анализу для деятелей образования и челове-

коведения в меняющейся среде, в решении вопроса есть свои шансы, упустить или реализовать которые может только сам человек.

Список литературы:

1. Новосадов С.А. Образование третьего тысячелетия: смена логики социального поведения // Философия образования. 2018. № 1. С. 79-89.

2. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода. 3-е изд.., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.

3. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Наука, 1991. 107 с.

4. Удальцова М.В., Абрамова Е.А. Целостное представление о человеке как императив современной цивилизации // Идеи и Идеалы. № 4 (34). Т. 1. 2017 . С. 49- 55.

5. Салихова Н.Р. Барьерность-реализуемость личностных ценностей как динамическая характеристика ценностно-смысловой сферы личности // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2007. Т. 149 (Кн. 1). С. 180-195.

6. Джерджен К. Социальное конструирование и трансформация социальных наук // viaregina.ru›…Dzherdzhen-K…konstruirovanie-i…nauk…

7. Джерджен К.Дж. Закат и падение личности // refdb.ru›look/2019195-p2.html

Н.А. Балаклеец,
Самарский государственный технический университет

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО МИРА: РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В контексте концепции политического Карла Шмитта проанализированы основные идеи его работы «Единство мира». Предложена интерпретация Шмиттовой оппозиции друга и врага как инклюзивного антагонизма, который, будучи понят в своем нормативном измерении, не должен сводиться к политическому дуализму (холодная война) или трансформироваться в единый мировой порядок.

Ключевые слова: война, мир, политическое, политика, власть, насилие, человечество, биполяризм.

N.A. Balakleets,
Samara State Technical University

STRUGGLE FOR UNITY OF THE WORLD: REFLECTION OF THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF THE COLD WAR

In the context of the concept of the political of Carl Schmitt, the main ideas of his work “The Unity of the World” are analyzed. The author proposes the interpretation of Schmitt’s friend–enemy distinction as an inclusive antagonism, which, being understood in its normative dimension, should not be reduced to political dualism (the Cold War) or be transformed into one world order.

Keywords: war, peace, political, politics, power, violence, humanity, bipolarism.

Задолго до появления термина «глобализация» политико-философская мысль устремлялась к перспективам существования человечества и осуществляла прогнозирование будущих политических констелляций. В условиях холодной войны между СССР и США, в 1952 году, Карл Шмитт публикует работу «Единство мира» («Die Einheit der Welt»), в которой раскрывает неустойчивый и рискогенный характер биполярного мирового порядка и размышляет о вариантах его преодоления.

Борьба за единство мира представляет собой попытку установления единого центра управления человечеством и должна пониматься в политическом (а не в сугубо технологическом) значении. Как отмечает Шмитт, «жела-

ние бесперебойно функционирующего глобального единства мира соответствует господствующему сегодня технико-индустриальному образу мира. Техническое развитие неотвратимо ведет к новым организациям и централизациям. Если в действительности судьбой человечества является техника, а не политика, то проблема его единства может считаться уже решенной» [1]. Показательно, что Шмитта прежде всего интересует не военно-технологический аспект противостояния, но символическая борьба, подкрепленная идеологическими и историко-философскими ресурсами противников. На наш взгляд, это вполне резонно. Речь идет о борьбе за право определять будущее мироустройство в соответствии с собственными политическими, экономическими и моральными представлениями и целями. Эффективность политической власти определяется не только ее способностью производить и использовать орудия физического насилия (более того, необходимость применения насилия может квалифицироваться как «слабость власти» [2, с. 1421]). Если враг не может быть сокрушен посредством оружия, то следует достичь гегемонии, используя знаково-символические инструменты власти.

Установление единого центра управления человечеством предполагает придание перспективе победителя универсального характера. Используя терминологию Пьера Бурдье, можно определить борьбу за универсализацию партикулярной политической перспективы как попытку «дать спектакль универсального», утвердить «центральную точку зрения», «на которую нет точки зрения и по которой меряются все остальные точки зрения» [3, с. 94, 162]. В ситуации достижения подобной универсализации произойдет утрата партикулярного статуса перспективы доминирующего политического актора: она будет восприниматься как естественная и единственно возможная перспектива мировидения. Отметим, что политическая гегемония напрямую связана с правом номинации реальности посредством выгодных для победителя вербально-оценочных средств [4, с. 41]. Победитель получает право определять собственную идентичность и идентичность побежденного, тогда как последний лишается как права на самоопределение, так и привилегии осуществлять символическое производство политической реальности. (Способность номинации выступать актом власти демонстрируется, в частности, в книге Бытия: Адам, дающий в раю имена животным, устанавливает тем самым власть над ними.) Однако если Бурдье исследует внутригосударственные практики департикуляризации партикулярных символических систем (ситуации, когда «истина властвующих становится истиной всех» [3, с. 153]), то Шмитт направляет свою рефлексию на метагосударственные процессы дискурсивного противостояния акторов холодной войны.

При всем различии экономических систем государств-противников, при всей несовместимости их идеологий и гетерогенности правящих элит, согласно Шмитту, их напряженное противостояние предполагает наличие единства «историко-философской самоинтерпретации»: «Железный занавес был бы бессмысленным и никто не стал бы прилагать усилий по его организации, если бы он разделял лишь внутренне не связанные друг с другом пространства» [1]. Стремление одержать победу в холодной войне связано с конституированием и поддержанием каждой из сторон модели исторического развития человечества и образа будущего, который должен выглядеть привлекательным не только в глазах сограждан, но и иметь всемирно-историческое значение. В данном контексте помыслим межгосударственное противостояние, исход которого в пользу любой из сторон не приведет к разрушению феномена политического как такового. Совсем другое дело – политическая борьба, судьбоносная для человечества в целом, которая нуждается в подкреплении историко-философским дискурсом, претендующим на универсальный характер. Единство человечества не может быть достигнуто исключительно посредством опоясывающих Земной шар технологических инструментов (в современной ситуации – информационно-коммуникационных технологий). Идея единства человечества, заложенная в марксистской философии, укоренена в гегелевской философии истории, которая «усматривает цель человечества в единстве возвращающегося к самому себе духа» [1]. Диалектическое движение, которое должно привести к единству мира, воплощается в знаменитых советских пятилетках, первая из которых, датируемая 1928 годом, приобрела, как отмечает Шмитт, почти мифическое значение. «Историческая самоинтерпретация Запада», представленная цивилизационной концепцией А. Тойнби и попытками ряда западных ученых усмотреть причины войны в демографическом росте населения стран Востока, выглядит в глазах Шмитта «слабой и беспомощной». В то же время массовое сознание населения индустриального Запада попало под власть идеи технического прогресса, который должен завершиться построением земного рая «единого мира» (one world). Таким образом, при всех своих различиях, историко-философское кредо Востока и наивная прогрессистская «философия» Запада обнаруживают общее стремление к достижению кульминационного пункта истории – идеала единого человечества.

Несмотря на то, что оппозиция друга и врага, по Шмитту, является конститутивной для политического, автор усматривает угрозы, исходящие от политического биполяризма, который установился в период холодной войны. Казалось бы, здесь мы сталкиваемся с противоречием: рассмотрение классической оппозиции, которая составляет сущность политического, в модусе недолжного требует дополнительных объяснений.

Противостояние двух акторов холодной войны охватывает отнюдь не все человечество. Само понятие политического дуализма выносит «за скобки» всю сложность и многообразие мира, утверждая право на политическую субъектность и дискурсивный суверенитет за двумя ведущими акторами. В ситуации биполярного политического порядка враги становятся абсолютными, каждый из них стремится не водворить другого «обратно в свои границы» [5, с. 400], но привести его к небытию. С утверждением единого центра управления человечеством произойдет крах политического, которое выстроено по модели антагонизма и основано на возможности политических единств определять собственных друзей и врагов.

Таким образом, шмиттова оппозиция друга и врага сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования, то есть при наличии выбора друзей и врагов. Этим и объясняется обеспокоенность ученого в отношении перспектив установления монополярного мира. Политическое, согласно Шмитту, должно быть организовано как *инклюзивный антагонизм* (сам автор в работе «Понятие политического» использует термин «политический плюриверсум»). Вероятная перспектива трансформации политического дуализма в политический плюриверсум связана с наличием так называемой третьей силы, которая имплицирует возможность установления «подлинного плюрализма». Мировая политическая система, основанная на равновесии ряда «больших пространств», мыслится Шмиттом в качестве альтернативы технически опосредованному планетарному единству.

Список литературы:

1. Schmitt C. Die Einheit der Welt // https://www.merkur-zeitschrift.de/carl-schmitt-die-einheit-der-welt/

2. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10 (106). С. 1419-1429. DOI 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.

3. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.

4. Балаклеец Н. А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38-42. DOI 10.17223/15617793/396/6.

5. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.

Е.Д. Богатырева,
Самарский университет

ОНТОЛОГИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА У Ж. СИМОНДОНА

Разговоры о том, что удел философии – это профессиональные закрытые сообщества вроде академических институтов, университетских факультетов поправляются попытками оценить ситуацию изнутри за счёт обращения к тем авторам и темам, которые открывают возможность философствовать, поставив за скобки традиционный категориальный аппарат философии. Размышления о технике Жильбера Симондона способствуют расширению философии за счёт предложения оригинальной концепции существования технического объекта, которая позволяет пересмотреть не только онтологический статус техники, но и оценить заново её роль в истории знания человека о мире.

Ключевые слова: технический объект, генезис, философия.

E.D. Bogatyreva,
Samara University

ONTOLOGY OF A TECHNICAL OBJECT IN J.SIMONDON

The talk about the destiny of philosophy is professional closed communities like academic institutions, university faculties, is corrected by attempts to assess the situation from the inside by referring to those authors and topics that open up the opportunity to philosophize, putting the traditional categorical apparatus of philosophy out of the brackets. Reflections on the technique of Gilbert Simondon contribute to the expansion of philosophy by proposing an original concept of the existence of a technical object, which allows not only to reconsider the ontological status of technology, but also to re-evaluate its role in the history of human knowledge about the world.

Keywords: Technical object, genesis, philosophy.

Хотя техника является настолько же древним явлением, как и само человечество, на протяжении всей истории философии она являлась вытесняемым, а то и исторгаемым предметом мысли. В этом плане философия техники, заявившая о себе в XX веке, предполагала расширение философского поля. Одной из таких заявок на «расширение» выступает концепция Ж. Симондона. Существование технических объектов и условия их генезиса рассматривается

им по отношению к мысли, существованию человека и способу его бытия в мире, взятым в совокупности. Вопрос о технике смыкается здесь не только с вопросом о философии, поскольку Симондон рассматривает генезис технического объекта в горизонте более широкого процесса. Он предлагает обратить внимание «на генезис всей техничности в целом, генезис объектов и необъективированной реальности, а также весь генезис, имеющий следствием человека и мир», частью которого «является генезис техничности, который поддерживается и уравновешивается другими генезисами, предшествующими, последующими и одновременными и коррелирующими с генезисом технических объектов» [1; 94]. Этот «более широкий процесс» не завершается появлением технического объекта, но продолжает порождать другие феномены и после того, как вызвал его к жизни.

Полное понимание текстов Симондона требует знакомства с миром науки и техники, а сама стилистика его мысли ставит его вне любой философской традиции. Для понимания его философии полезна реконструкция возможной заочной полемики Симондона с Мартином Хайдеггером в вопросе о технике и её исторической роли. Она выполнена Д.А. Скопиным и позволяет прежде всего увидеть то, что делает Симондона в вопросе о технике и роли её в культуре непримиримым оппонентом Хайдеггера. Скопин показывает, что местом столкновения позиций двух мыслителей является теория гилеоморфизма Аристотеля. Как известно, Хайдеггер видит в гилеоморфизме квинтэссенцию ремесленнического рассмотрения всех вещей вне зависимости от их природы как потенциального материала для изделия, на чём он выстраивает критику западной культуры и мышления. Критика Симондона состоит в том, что мы имеем здесь дело, скорее, с аристотелевской интерпретацией ремесленного процесса: схема материи и формы, подчёркивает он, не является его объективной фиксацией, поскольку Аристотель не учитывает «энергетические условия» принятия формы – участие человека, который организует встречу двух «производственных звеньев» – материи и формы. Гилеоморфическая схема не является адекватным отображением технической операции, поскольку Аристотель устраняет саму сердцевину ремесленного процесса – технический элемент. Гилеморфизм Симондон квалифицирует как взгляд на производство, взгляд человека, которому знакомы лишь изначальное намерение и конечный результат, эта схема могла быть помыслена лишь свободным человеком, отдающим приказания рабу и не знакомым с деталями технического процесса: понятие формы, «приказывающей» материи стать той или иной сущностью, могло появиться только как выражение позиции рабовладельца. Устойчивость и живучесть этой схемы в условиях, когда, казалось бы, инсти-

тута рабства уже нет, объясняется у Симондона тем, что в целом она фиксирует структуру мышления «человека распоряжающегося» – мышления, свойственного цивилизации, разделяющей людей на тех, кто отдаёт приказы, и тех, кто их исполняет [3; 58].

Обратившись к моменту, предшествующему возникновению гилеморфической схемы, а это труд, Симондон находит его натуралистическое определение недостаточным. Он предлагает увидеть труд как техническую операцию, не сводимую к работе, рассматривая труд как фазу техничности, а не наоборот. «Труд присутствует тогда, когда человек не может доверить техническому объекту функцию медиации между своим видом и природой и должен выполнять функцию связи самостоятельно – посредством своего тела, своей мысли, своих действий. Для организации этой операции человек предоставляет индивидуальность живого существа: в этом смысле он и является носителем орудий» [2; 96]. Технические объекты, таким образом, не ограничиваются медиацией между человеком и природой, они в себе самих несут устойчивое смешение человеческого и природного. Технические объекты характеризуются функционированием, они «могут выполнять аналог труда, но могут передавать информацию, не связанную с производственной пользой» [2; 100].

Симондон предъявляет универсальную парадигму индивидуации, позволяя выбрать модель технического, которая бы наиболее полно отражала особенности развития разных классов сущего, в том числе самого сложного из них – класса живых существ. Чтобы понять философское значение существования технических объектов, Симондон предлагает обратиться к обобщённой генетической интерпретации человека и мира. Генезис он рассматривает как процесс индивидуации в самом общем виде. Единство, образованное человеком и миром, Симондон понимает как некую систему, описание эволюции которой он не ограничивает понятием адаптации, управляемой законом саморегулирующейся целесообразности, обретающей всё более и более стабильное состояние равновесия. Не следует сводить эволюцию и к регулятору бергсоновского жизненного порыва: противоположные варианты адаптации и жизненного порыва выступят в гипотезе генетической схемы Симондона как абстрактные крайние случаи. Он будет иметь в виду схему эволюции, которая включает в себя последовательные этапы индивидуирующего структурирования, переходящего от одного метастабильного состояния к другому посредством последовательного изобретения структур.

У данной эволюции невозможно обнаружить единой и высшей цели, которую можно было бы наложить на все аспекты эволюции, чтобы их скоорди-

нировать и описать их направление через поиск цели, возвышающейся над всеми частными целями. Техничность здесь определяет один из модусов существования связи человека и мира, эволюция которой демонстрирует «возрастающую от одного этапа к другому способность к эволюции, обнаруживая новые формы и силы, способные заставить развитие эволюционировать далее, вместо того чтобы стабилизировать его, направляя ко всё более ограниченным флуктуациям» [1; 96]. Симондон использует понятие фазы для характеристики становления, предлагая техничность рассматривать как одну из фаз способа существования единства, образованного миром и человеком. Собственно, техничность следует рассматривать как «результат некоего фазового сдвига единого, главного и первоначального способа существования в мире, а именно магического» [1; 100]. Технический способ существования уравновешивается религиозным, а нейтральной точкой здесь выступает эстетическая мысль. Каждая фаза подразумевает раздвоение на теоретический и практический модусы, дистанция между двумя (техническим и религиозным) теоретическими модусами вызывает к жизни научную мысль, дистанция между практическими – этику. Если принять генетический постулат, то наука и этика никогда не смогут встретиться с техникой и религией на действительно общем поле, но последовательные этапы различных форм генеза едины в лоне культуры, так что техника может пересекаться не только с религией и эстетической мыслью, но и с наукой и этикой. Миссия философии состоит в том, чтобы исправлять и совершенствовать последовательные волны генезиса. Встраиваясь между теоретической и практической мыслью – в продолжение эстетической мысли и первоначального магического единства философия осознаёт подлинный смысл этих генезисов и способствует постановке вопроса об отношении знания и этики.

Список литературы:

1. Симондон Ж. Суть техничности / Пер. с фр. Д. Скопина // Синий диван. № 18. М.: Три квадрата, 2013. С. 93-114.

2. Симондон Ж. О способе существования технических объектов/ Пер.М.Куртова // Транслит: литературно-критический альманах, № 9. СПб.: Транслит, 2011. С. 94-105.

3. Скопин Д.А. Критика гилеморфизма и вопрос о технике у Жильбера Симондона и Мартина Хайдеггера // Вопросы философии. М.: ИФРАН, 2018. № 4.

Д.С. Быльева,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого

МЛАДЕНЦЫ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Современные дети знакомятся с мобильными устройствами в младенчестве. Сенсорные экраны и визуальные интерфейсы позволяют маленьким детям взаимодействовать с устройствами, получая более активный отклик, чем это возможно в физическом мире. Столь раннее и позитивное знакомство с цифровыми технологиями дает новому поколению доверие и уверенность в незыблемости техногенного мира.

Ключевые слова: цифровые технологии, смартфон, дети, родители, человеко-машинное взаимодействие.

D.S. Bylieva,
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

TODDLERS AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Modern children begin to interact with mobile devices in infancy. Touch screens and visual interfaces allow young children to interact with devices in a more responsive way than it is possible in the physical world. Such an early and positive acquaintance with digital technologies gives the new generation confidence and confidence in the inviolability of the technogenic world.

Keywords: digital technology, smartphone, children, parents, human-machine interaction

Современные технологии изменяют жизнь общества в разных аспектах. Повсеместное использование технологий демонстрирует разницу в их освоении между разными поколениями [1; 2]. Как отмечает А.С. Сумская, события, связанные с технологическими трансформациями, качественно меняющими мировоззрение и оценочно влияющими на проживание человеком своего пути, становятся одним из значимых биографических свидетельств [3]. Знакомство с технологиями является важной частью современного миропонимания человека. «Цифровые аборигены» сегодня уже означают людей, которые сталкиваются с цифровыми технологиями с самого начала своей жизни. Мобильные

устройства становятся неотъемлемой частью жизни людей, поэтому дети знакомятся с ними очень рано и естественно проявляют большой интерес к объекту, который так часто находится в руках родителей.

Хотя большинство родителей догадываются, что мобильные устройства не лучшие игрушки для младенцев, тем не менее не многие могут устоять от использования «волшебного средства» для успокоения ребенка, которое к тому же всегда находится рядом. Исследования показывают, что чем более нервной является жизнь родителей, тем чаще пользуются девайсами дети ясельного возраста [4].

Современный интерфейс, реагирующий на прикосновения экран, также является оптимальным для малышей. Сенсорные экраны, визуальные интерфейсы значительно снизили возраст начальной цифровой грамотности. Небольшого усилия достаточно для вызова изменений, звуковых/цветовых эффектов, того полимодального сенсорного опыта, который наиболее отвечает доминирующей психической функции детей до 3 лет, которой является восприятие. Простое прикосновение к экрану приводит к последствиям. В физическом мире добиться такой реакции гораздо сложнее. Даже традиционные игрушки и погремушки требуют гораздо больше усилий. А воздействия на большой мир вокруг редко приводят к каким-либо эффектам, а если и приводит, то, скорее, к пугающим и травмоопасным.

Австралийский исследователь подчеркнул, что цифровые технологии дают маленьким детям чувство свободы действий и автономии [5]. Можно добавит к этому ощущение силы и способности производить изменения, причем приводящие к удовольствию.

В ходе опроса 450 французских родителей с младенцами в возрасте от 5 до 40 месяцев А. Кристия и А. Зайдл обнаружили, что при манипулировании изображениями на сенсорном экране телефона или планшета маленькие дети иногда демонстрируют «поведение, соответствующее экрану». Родители сообщали, что младенцы младше 8 месяцев обычно взаимодействуют с сенсорными экранами, «ударяя» по экрану открытой ладонью, но к 12 месяцам это исследовательское действие заменяется «постукиванием» (быстрое прикосновение одним пальцем), «пролистыванием» (быстро касание поверхности кончиком пальца, как бы перелистывая страницу книги), и «надавливанием» (касание и удержание в течение длительного периода времени) [6]. Последние исследования показывают, что младенцы младшего возраста пассивно взаимодействуют с сенсорными экранами, но после 15 месяцев у них появляется «цифровая интерактивная грамотность» – они развили базовое понимание ин-

терактивных свойств сенсорных экранов и могут демонстрировать базовое поведение сенсорного экрана [7]. В то же время не стоит считать, что только после года малыши способны осмысленно взаимодействовать с техникой. Существуют приложения для планшета даже для котов, ловящих цифровые мышки или игрушки. Понятно, что такие приложения, не требующие развитого языка взаимодействия, а только оперирующие кликами, существуют и для малышей, например, лопание шариков. Также есть «виртуальная погремушка»: если потрясти телефон, то он будет звучать как обычная погремушка, но при этом еще можно взаимодействовать с картинками на экране.

В цифровом мире малыши оказываются гораздо более сильные, значимыми и продвинутыми, поэтому иногда стремятся применить свои навыки в физическом мире. Многие видели малыша, делающего характерный жест пальцами, как бы масштабируя деталь, пытаясь что-то увидеть. К.Е. Вольвенд приводит другой пример: малышка использует свои пальцы, чтобы нажимать и проводить по значкам на экране планшета, чтобы открывать различные приложения, затем она пытается использовать тот же палец на страницах глянцевого модного журнала, но ничего не происходит. Озадаченная, она делает паузу, чтобы проверить свой палец, нажимая им на собственное колено. Удовлетворенная тем, что ее палец все еще работает, она возвращается к нажатию точек на журнале, но без какой-либо реакции со стороны инертных изображений на странице. В финальной сцене она возвращается к плашету и с радостью нажимает значки приложений, которые мгновенно реагируют на прикосновения ее пальцев [8].

Традиционные знания традиционными способами даются «цифровому поколению аборигенов» непросто, язык, математика, естествознание часто вызывают раздражение, но, чтобы играть, им нужно считать, использовать латинские буквы или другие знания, ребенок достигает этого почти самостоятельно, без учителей и родителей. Но знания о мире подчас заменяют знания о мирах – ребенок может часами рассказывать о сложных династических отношениях или способах производства предметов в игровых мирах, но вряд ли расскажет о династиях родной земли или химических соединениях.

Раннее обращение детей к взаимодействиям с гаджетами, вовлекающее их в цифровую реальность, означает появление поколения, чей опыт постижения физического и цифрового мира имеет одинаковую протяженность. Сложно предугадать все последствия такого опыта, однако очевидно, что они будут. Одним из естественных последствий столь раннего знакомства является большое доверие и отсутствие сомнений в полезности и этичности новых тех-

нологий. Для воспитанными цифровыми технологиями цифровая реальность существовала «всегда», поэтому она представляется надежной и незыблемой.

Список литературы:

1. Шипунова О.Д., Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. Цифровые приложения и модели личности в контексте киберантропологии // Социология. 2021. № 5. P. 234-239.

2. Салтанович И.П. Глобально-локальные культурные взаимодействия в гиперсвязанном мире // Technology and Language. 2022. № 3 (2). P. 162-178.

3. Сумская А.С. «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. №. 2(44). С. 171-183.

4. Shin E. et al. Why do parents use screen media with toddlers? The role of child temperament and parenting stress in early screen use // Infant Behavior and Development. 2021. № 64. P. 101595.

6. Holloway D., Green L., Stevenson K. Digitods: Toddlers, touch screens and Australian family life // Research outputs 2014 to 2021 // https://ro.ecu.edu.au/ecuworkspost2013/1777

7. Cristia A., Seidl A. Parental Reports on Touch Screen Use in Early Childhood // PLoS ONE. 2015. № 10 (6). P. e0128338.

8. Ziemer C.J., Wyss S., Rhinehart K. The origins of touchscreen competence: Examining infants' exploration of touchscreens // Infant Behavior and Development. 2021. № 64. P. 101609.

9. Wohlwend K.E. Toddlers and Touchscreens: Learning "Concepts Beyond Print" with Tablet Technologies // Reclaiming Early Literacy: Narratives of Hope, Power, and Vision / ed. Meyer R.J., Whitmore K.F. Mahwah. NJ: Lawrence Erlbaum, 2016. P. 64-74.

П.С. Вавилов,
Университет Иннополис

ДИСКРЕДИТАЦИЯ СУБЪЕКТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье рассматривается понятие «дискредитации», вызванное развитием компьютерных технологий и интернета. Субъект становится всё больше дискредитированным со стороны IT, что создает опасность для его цифровых следов и статуса «цифрового субъекта».

Ключевые слова: дискредитация, дискриминация, ИИ, субъект, цифровые технологии, интерпелляция.

P.S. Vavilov,
Innopolis University

DISCREDITING THE SUBJECT IN THE DIGITAL AGE

This article examines the concept of «discredit» caused by the development of computer technology and the Internet. The subject is becoming increasingly discredited by IT, which poses a threat to its digital footprint and status as a «digital subject».

Keywords: discredit, discrimination, AI, subject, digital technology, interpellation.

В настоящее время мы живем в эпоху цифровых технологий, которые принесли с собой революционные изменения в различных сферах жизни. Цифровая эпоха началась в конце прошлого века с развитием компьютерных технологий и интернета, и с тех пор она продолжает развиваться и влиять на все аспекты нашей жизни.

Как известно, одним из главных преимуществ цифровой эпохи является возможность быстрого и удобного доступа к информации. Этот процесс повлек за собой социальные и политические изменения, связанные с распространением фейковых новостей, манипуляций с информацией и использованием социальных сетей для целей дестабилизации общества, для управления общественным мнением и создания политических кризисов.

В то время, когда Западный мир вынужден вести обреченную борьбу со всевозможными дискриминациями, российское государство выбрала вектор

борьбы с дискредитациями. Дискредитация, на наш взгляд, является более выигрышным понятием для обозначения инаковости, чуждости, враждебности, варварства, так как дискриминация (ограничение свобод) на Западе всё чаще подвергается дискриминации. Если раньше понятие дискредитации применялось в политической, социальной и экономической сферах, то сегодня оно наиболее актуально для культурной повестки для обозначения лишения доверия или уважения, что характерно для современной отечественной гуманитарной повестки.

Слово «дискредитация» происходит от латинского «dis» (отрицание) и «creditum» (доверие, вера). Активная история этого понятия началась в XVI веке, когда десакрализированная «дискредитация» вышла их духа «кредитно-денежной системы». Со времени расцвета капиталистических отношений «дискредитация» стала чаще фигурировать в текстах и речах, в основном французских чиновников, философов – от Монтескье до Бодрийяра.

В философско-культурологическом смысле дискредитация – это интерсубъективная возможность быть как и униженным и оскорбленным, так и оскверненным и подвергнутым «культуре отмены». В социально-философском смысле дискредитация – это антипод альтюссеровской «интерпелляции», в результате которой запрос/оклик власти на «гражданство» субъекта сталкивается с критическим сопротивлением. В этом отношении «критическое мышление» может подвергнуть субъекта институциональной травме со стороны репрессивных аппаратов государства и корпораций.

Если еще 5-10 лет назад предполагалось, что субъект в логике «диджи-модернизма» обречен на набор и производство текста, то сегодня социальная и культурная ситуация, произведенная внедрением ИИ, стала меняться. Субъект становится всё больше дискредитированным со стороны IT, чьи передовые коммерциализированные разработки экспроприируют право человека «эпохи позднего капитализма» быть активным творцом и плести паутину интернета.

Но искусственный интеллект – это не искусственное мышление. Интеллект может быть определен как способность к абстрактному мышлению в производном качественном отношении. С другой стороны, мышление (cogito) – это процесс обработки информации, который включает в себя восприятие, анализ, синтез и оценку ситуаций и явлений. В XI Семинаре Лакан говорит о cogito как о вынужденном выборе между cogito и sum. Здесь Лакан проводит различие между мышлением и бытием; человек должен выбирать между ними. Если человек выбирает мышление, он должен отказаться от бытия, и наоборот. Изабель Миллар в работе «Психоанализ искусственного интеллекта»

(2020) отмечает, что данный раскол между бытием и мышлением радикально меняет то, как мы можем концептуализировать ИИ как «мыслящую вещь» [1]. Этот раскол между бытием и мышлением, лежащий в основе лакановской теории субъекта, бросает иной свет на философские концептуализации ИИ как дискретной формы интеллекта в отличие от так называемого «настоящего интеллекта». И если кто-то или что-то мыслит за нас, то это интерпассивная форма наслаждения, в которой Другой наслаждается за нас [2]. В этом отношении дискредитация – это производное дискурса наслаждения («Искусственный интеллект мыслит за нас»).

Таким образом, с начала взаимодействия субъекта с миром социальных сетей и платформ его цифровые следы представляют для него серьёзную «дикриминирующую» опасность, так как он в любой момент может стать дискредитирующим и дискредитированным одновременно. Если ИИ все больше будет вставать на позицию Университета («знать всё»), то субъект «ниспровергаемый» и субъект, «предположительно», дискредитирующий должны обрести возможность выхода из ловушки альтюссеровской «интерпелляции» и научиться различать запросы власти.

Список литературы:

1. Millar I. The Psychoanalysis of Artificial Intelligence (2021). Palgrave Macmillan; 1st ed. 2021 edition (April 14, 2021). 235 p.

2. Жижек С. Как наслаждаться посредством Другого. Культурная логика многонационального капитлизма. СПб.: Алетейя, 2019. 104 с.

3. Сафронов Э. Е. Что будет вместо постмодерна? Диджимодернизм как культурная доминанта // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. № 1 // https://cyberleninka.ru/article/n/chto-budet-vmesto-postmoderna-didzhimodernizm-kak-kulturnaya-dominanta

О.В. Власов,
НЧУПО «Колледж управления и экономики» г. Тольятти

ЗАКОННОЕ ПРАВО НА ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В данной статье рассматривается проблема формирования правового регулирования отношений по использованию интеллектуальной собственности в условиях цифровизации общества на основе соблюдения баланса интересов авторов, правообладателей, пользователей, общества и государства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, информационное общество, законодательство, защита прав, правообладатели, индивидуализация.

O.V. Vlasov,
NCHUPO «College of Management and Economics», Togliatti

LEGAL RIGHT TO PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

This article raises the problem of the formation of legal regulation of relations on the use of intellectual property in the conditions of digitalization of society based on the balance of interests of authors, copyright holders, users, society and the state.

Keywords: intellectual property, information society, legislation, protection of rights, copyright holders, individualization.

Каждый человек на определенном этапе своего развития и в течение жизни сталкивается с необходимостью создавать или использовать результаты творческой деятельности других людей. Долгое время результаты творческой деятельности были общественным достоянием, поэтому не имели правовой защиты. Только в XV веке была признана собственность на результаты творческой деятельности, способствующей духовному и нравственному обогащению. Охрана результатов творческой деятельности имеет очень глубокую историю. Поэтому вопросы, связанные с определением положения и роли интеллектуальной собственности в обществе, до сих пор вызывают дискуссии о сфере предоставления прав и конкретных способах защиты имущественных и интеллектуальных прав авторов и правообладателей.

В современных условиях глобальной цифровизации человечества, устройства информационного общества, проникновения объектов инновационной деятельности во все сферы жизни человека важнейшее значение имеет соблюдение интеллектуальных прав, которое объединено с сохранением конфиденциальной и скрытой информации, соблюдением корпоративных интересов и защиты служебной тайны, а также соблюдением прав личности на результаты собственного творческого труда.

Обеспечение безопасности результатов интеллектуальной деятельности во многом зависит от понимания того, что собой представляет сама интеллектуальная собственность, от владения главными способами и ресурсами защиты, которые определяются в соответствии с соответствующими правовыми нормами, закрепленными в законодательстве Российской Федерации. Согласно статье 1225 Гражданского кодекса интеллектуальная собственность (ИС) – это охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации [1].

Однако используемый в российском законодательстве континуум «интеллектуальная собственность», скорее, условен, нежели несет какую-нибудь правовую нагрузку. В ст. 128 ГК РФ интеллектуальная собственность рассматривается как самостоятельный предмет гражданских прав, отличных от имущества, но в то же время исключительные права на объекты умственного имущества включают в себя материальные права на использование этих объектов и личные неимущественные права.

Интеллектуальные права принято классифицировать следующим образом: авторское право (произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин (ЭВМ); базы данных; топологии интегральных микросхем); патентное право (изобретения; полезные модели; промышленные образцы); нетрадиционные объекты ИС (производственные секреты и прочее); средства индивидуализации юридических лиц (фирменное наименование, коммерческое обозначение, товарный знак); единая технология.

Объекты интеллектуальной собственности всесторонне описаны в статье 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации. Если какой-либо результат интеллектуальной деятельности не указан в данной статье, то интеллектуальной собственностью он не является и интеллектуальные права на него не возникают. Следовательно, любое лицо вправе использовать его без чьего-либо разрешения.

Интеллектуальная собственность является одним из наиболее ценных и высокодоходных видов человеческой деятельности на сегодняшний день. Но в то же время это и самый уязвимый вид собственности. Это связано с тем, что развитие технологий и глобальный доступ к информации «размыли» границы собственности и сделали очень сложным контроль над защитой прав интеллектуальной собственности. Продукты интеллектуального труда очень легко украсть и использовать. Это особенно актуально, если создатели не смогли вовремя защитить свои права на интеллектуальную собственность.

Таким образом, развитие информационных технологий в последнее время заставило пересмотреть принципы защиты интеллектуальной собственности. Количество объектов интеллектуальной собственности увеличилось, как и способов, их использования, следовательно, расширились и возможности для нарушения интересов правообладателей. Это привело к созданию глобальных организаций по защите прав интеллектуальной собственности, таких как Всемирная организация интеллектуальной собственности, Международный союз по охране промышленной собственности и Союз по охране результатов селекции.

Регулирующим органом в области интеллектуальной собственности в России является Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), в функции которой входит: регистрация изобретений и договоров на объекты ИС; правовая охрана государственных интересов в этой области; контроль и надзор в области охраны и использования результатов интеллектуальной деятельности; контроль и надзор в установленной сфере деятельности в отношении государственных заказчиков и организаций, осуществляющих научную деятельность в этой области.

Противодействие посягательствам на интеллектуальные права осуществляется уголовно-правовым регулированием, гражданско-правовыми и административными средствами. В случае установления нарушений прав интеллектуальной собственности законодательством предусмотрено наказание в виде гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

Гражданско-правовые средства защиты прав интеллектуальной собственности можно разделить на две группы: меры самозащиты и меры государственно-принудительного характера. Меры самозащиты – это меры, принимаемые правообладателями для защиты своих прав, имеющие превентивное значение и носящие чисто фактический характер. К мерам самозащиты относятся, во-первых, технические меры по защите авторских и смежных прав; во-

вторых, информация об авторских и смежных правах; в-третьих, знаки правовой охраны.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что на основе исследования механизма правовой защиты интеллектуальной собственности в современной сфере экономического развития и быстро формирующегося технического прогресса постоянно ведется модернизация и оптимизация законодательной базы. Поэтому трудно пересмотреть значение защиты и охраны интеллектуальной собственности как права лиц на результат интеллектуальной деятельности. Стоит отметить, что под способами защиты интеллектуальной собственности понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, путем которых производится восстановление нарушенных прав и влияние на правонарушителя.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный Кодекс Российской Федерации // СПС Консультант Плюс // https://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_5142/

2. Шахова Э.В. Интеллектуальное право на объекты инновационной деятельности // Молодой ученый. 2021. № 39 (381). С. 146-147 // https://moluch.ru/archive/381/84188/

3. Дворянкин О. Интеллектуальная собственность – последний бастион благополучия? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2018. № 9.

4. Рахматулина Р.Ш. Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности: учеб. пособие. М., 2018.

И.А. Гапаров,
Самарский университет

ФОРМЫ ПОЛЬЗЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье представлен анализ форм пользы, существующих в информационном обществе. Основная цель – показать место чувственной, рассудочной, разумной форм пользы. Метод – сравнительно-сопоставительный. Результатом выступает определение понятия пользы, под которым понимается способ фиксации «гомеостатического равновесия» на чувственном, рассудочном и разумном уровнях.

Ключевые слова: польза, чувственность, рассудок, разум, информационное общество.

I.A. Gaparov,
SamaraUniversity

FORMS OF UTILITY IN THE INFORMATION SOCIETY

The paper presents an analysis of the forms of utility that exist in the information society. The main purpose is to show the place of sensual, rational, reasonable forms of utility. The method is comparative. The result is the definition of the concept of utility, which is understood as the way of fixing the "homeostatic equilibrium" on the sensual, reasoning and rational levels.

Keywords: utility, sensuality, reason, intelligence, information society.

Человек не приспосабливается к окружающей среде так, как это делает жизнь в ее биологическом виде. Будучи существом второго порядка, в котором культурный «софт» проектируется, человек стремится за счет техники выйти на новый уровень жизни [1]. Техника ориентируется на «пользу» как на высшую ценность. Актуализация технических возможностей позволяет перейти к постиндустриальной форме организации общества, тогда как сама эта форма ставит вновь вопрос о «полезности». Она требует от исследователя более точного и исторически корректного определения и понимания «пользы».

Будучи способом организации общественной жизни, «польза» может определяться через призму чувственно-эмоциональной сферы. Чувственно-

эмоциональная сфера мыслящего существа сложна. Она предполагает взаимосвязь пассивного и активного начал. Освобожденный от инстинктов, человек отвечает на привходящие извне импульсы определенным образом. Он выбирает из ряда вариантов поведения наиболее желательные (предпочтительные). Результатами взаимосвязи между органами чувств и ЦНС являются формы чувственного отношения к миру. Вопрос о природе «чувственной пользы» был поднят основателями утилитаризма. И. Бентам, полагая, что обнаружил общее определение понятия пользы, на самом деле вскрыл его чувственное измерение. Под «пользой» он понимал «то свойство предмета, благодаря которому он может приносить добро, счастье, выгоду и предупреждать зло, страдание и вред» [2, с. 10]. Удовольствие и страдание –крайние импульсы, которые движут мотивами, целями и поступками людей. В то же время Бентам полагал, что на их основе можно создать «деонтологию». В этом смысле И. Бентам был в шаге от рассудочного определения «пользы», но принял ошибочную посылку, которую разоблачил Дж.Милль. Милль отметил, что «деонтология» невозможна, поскольку все те, «кто поддерживает теорию пользы, понимают под ней не нечто совершенно не связанное с удовольствием, а именно само удовольствие» [3, с. 41]. Удовольствия и страдания являются субъективными образованиями. Кроме того, они неустойчивы. Обнаружить границы между ними невозможно. Единственное, что представляется возможным, на их основе создать «естественную этику», которая, будучи производной от состояния «гомеостатического равновесия», смогла бы учесть витальные установки. Их обнаружение – один из способов прояснить мотивы и цели, которыми руководствуется человек при совершении поступков. «Польза», которая является способом выражением чувственного измерения, должна стать следствием (эффектом), производимым на мыслящее существо витальными установками.

Находясь в установке рефлексивного состояния, невозможно обойтись без ценностей при определении «пользы» в чувственном плане, так как любой намек на понятие или категорию извратил бы ее суть, но понимать оценку как рациональный способ измерения значимости также представляется невозможным. «Чувственная польза» представляет интуитивное отношение человека к удовольствиям и страданиям. «Оценивая» удовольствия и страдания, он определяет, что является жизнетворным по тем или иным последствиям. В этом плане человек ещё связан узами природы, законы диктует телесность. Его жизнь строится на борьбе с чувственными трудностями и страхами. Напротив, в рассудочном плане борьба с чувственностью отступает назад, так как она выражает отношение субъекта к объекту через призму мышления. Переход к

рассудочности демонстрируется мыслителями Нового времени. «Рассудочная польза» представлена как способ гармонизации отношений с внешним и внутренним миром через их формализацию. Для Б. Спинозы, например, способ гармонизации отношений определен духовной природой человека. Чувственный мир неустойчив и изменчив, тогда как в духовном плане царит стабильность. Добродетель выступает выражением духовной сущности. Она представляет духовную способность, в соответствии с которой «человек стремится сохранить свое существование» [4, с. 232]. В этом смысле под «пользой» понимается все то, что способствует сохранению жизни. Сфера чувственности уводит в крайности аффектов, она препятствует сохранению и продлению жизни, отдает человека на «растерзание» привходящих извне причин, тогда как разумная составляющая в ее рассудочном плане благоприятствует этому. Отсюда основной вопрос жизни для Спинозы приобретает не витальную, а духовную форму. Таким он остается и у Г.В. Лейбница. У него всякое сущее выражает определенную степень совершенства. После Бога наибольшую ее полноту выражает человеческая монада. Ее высший статус определен единством апперцепции. Только человек имеет ряд представлений о том, что собой представляет мир, каким законам он подчинен и кем является его творец. К тому же лишь человек способен к целесообразному поведению. Лейбниц определяет «пользу» как рассудочный принцип соразмерности цели и средства [5].

Кроме новоевропейских рационалистов, «пользу» в ее рассудочном аспекте попытались определить прагматисты. У них также наметился переход к пониманию «пользы» в ее разумном плане. Однако эти подходы необходимо разграничивать. У. Джемс смог наметить подходы интуитивно, фактически он их смешал. «Рассудочную пользу» он определил в качестве всего того, что имеет отношение к применимости опыта. Исследователю, знакомому с положениями И. Канта, известно, что из связи рассудка и чувственности образуется опыт. Без рассудка чувственный материал был бы не оформлен, не был бы подведен под понятие. В то же время рассудок без чувственного материала – пустая логическая форма. «Рассудочная польза» должна пониматься как соответствие опыта действительности. Если следствия соответствуют ожиданиям, соответственно, определенная часть опыта является полезной, если нет – вредной. В этом плане, пишет У. Джемс, «когда какой-нибудь элемент опыта – какого бы рода он ни был – внушает нам истинную мысль, то это означает лишь, что мы позже или раньше сумеем с помощью этой мысли войти в конкретную обстановку опыта и завязать с ней выгодные связи» [6, с. 126]. Наряду с рассудочным, он обнаружил разумное измерение в «пользе». Суть разум-

ного измерения «пользы» заключена в ее идейности. Ошибка Джемса заключалась в его предположении о неотличимости идеи от опыта. Однако идея по сравнению с опытом является достаточно сложным образованием. Ещё И. Кант видел в ней «необходимое понятие разума, для которого чувства не могут дать адекватного предмета» [7, с. 304]. Отсюда под «разумной пользой» могло бы пониматься соответствие идеи всему тому, что происходит в объективной действительности. Разум по природе своей синтетичен, поэтому он может улавливать «процессы». Рассудок не улавливает их. В случае «рассудочной полезностью» речь должна идти о согласовании опыта с тем, что есть в действительности, тогда как «разумная польза», будучи способом выражения жизни, является результатом связи идеи с тем, что происходит в действительности.

Наряду с Джемсом, попытались прояснить суть «пользы» в ее разумном измерении представители техницизма. «Рассудочная польза», имеющая выражение в способах применения синтаксических и семантических правил для образования форм взаимодействия между людьми (подкрепляемых опытом), оборачивается появлением «пользы» в ее разумном плане. Способом выражения «разумной пользы» является техника. Ее разумность заключается в возможности подведения эффектов, производимых техникой, к общему знаменателю – цели. На этот аспект «полезности» обратил внимание П.К. Энгельмейер. Полагая ее производной от человеческой разумности, он считал, что под «пользой» нужно понимать «все то, что облегчает достижение назначенной цели» [8, с. 30]. «Польза» вскрывает исходный код творческой деятельности – объективирующий, прежде всего имеющий отношение к тому, что создается людьми. Если разумная деятельность подчинена идее «пользы», то способом ее выражением выступает техника, несущая в себе определенный эффект. Под техническим эффектом П.К. Энгельмейер видел коэффициент полезности, который мы извлекаем из предмета потребления. В соответствии с этим «польза» является не средством для облегчения намеченной цели, а определенным способом применения, имеющим форму «сохраняющей причины». Тезисно эти положения представлены у Ф. Дессауэра. Он полагает, что «разумность» позволяет человеку быть включенным во все, что происходит в мирах. В техническом плане Ф. Дессауэр выделяет миры – исследования, изобретения, обработки и предуготовленных форм [9]. «Польза» – способ соединения царств. Критерием проверки на их связность выступает технический эффект. Для мыслящего существа «польза» – форма самоконтроля, позволяющая ему совершать все то, что согласуется с его природой.

Резюмируя все вышесказанное, следует отметить, что в информационном обществе «польза» может быть схвачена в чувственном, рассудочном, разумном измерениях. Чувственно «польза» определяется через удовольствия и страдания, рассудочно – через норму, разумно – через идею. Взаимосвязь измерений в «пользе» показывает их преемственность. Нижестоящее измерение выступает исходным основанием для вышестоящего. Завершение они приобретают в разумном измерении. «Польза» в разумном плане выражает полноту жизни, к осознанию которой подходит существо, обладающее как способностью к перцепции, так и к апперцепции. В целом «польза» является одним из мыслительных инструментов, который направлен на поиск того, каким образом можно, сохраняя и продлевая состояние «гомеостатического равновесия» в индивидуальном и общественном планах, прийти к расширению самосознанию.

Список литературы:

1. Нестеров А.Ю., Дорошин А.В., Никоноров А.В., Сойфер В.А. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. Т. 65. № 2. С. 7-32.

2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССНЭП, 1998. 416 с.

3. Милль Дж. Ст. Утилитаризм. Ростов н/Д.: Донской издательский дом. 2013. 240 с.

5. Спиноза Б. Этика. М.: Харвест; АСТ, 2001. 336 с.

6. Лейбниц Г.В. Монадология // Сочинения в четырех томах. Том 1. М.: Мысль, 1982. С. 413-429.

7. Джемс У. Прагматизм. СПб.: ШИПОВНИКЪ. 1910. 244 с.

8. Кант И. Критика чистого разума.М.: Наука, 1999. 655 с.

9. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 208 с.

10. Дессауэр Ф. Спор о технике. Монография. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.

Ю.В. Гатен,
Самарский университет;
А.П. Аржанов,
Самарский университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОФЕССИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются проблемы трансформаций профессий в условиях цифровой экономики и появление новых специальностей на рынке труда. Представлены результаты опроса ключевых работодателей Самарской области, проведенного в марте 2023 года относительно перспективных профессий будущего.

Ключевые слова: перспективная профессия, профессия будущего, трансформация труда.

Y.V. Gaten,
Samara University;
A.P. Arzhanov,
Samara University

TRANSFORMATION OF PROFESSIONS IN THE INFORMATION SOCIETY

The problems of the transformation of professions in the digital economy and the emergence of new professions in the labor market are considered. The results of a survey of key employers in the Samara region, conducted in March 2023 regarding promising professions of the future, are presented.

Keywords: promising profession, profession of the future, labor transformation.

Рынок труда в условиях информационного общества претерпевает постоянные изменения. Это обусловлено процессами автоматизации и роботизации производственных процессов, стремительной цифровизацией отраслей экономики, внедрением инновационных технологий, использованием новых практик работы. В связи технологическими изменениями многие профессии устаревают или исчезают совсем, а на смену им приходят новые специальности.

Перспективная профессия или профессия будущего – это пока не несуществующая или мало представленная профессия на национальном рынке, которая распространена на международном рынке и уже становится популярной в странах с развитой экономикой [1; 2].

Эксперты различных отраслей экономики на основе моделирования изменения занятости, опросов участников рынка труда, анализа онлайн-вакансий, экстраполяции мировых трендов и форсайт-прогнозирования составляют и ежегодно обновляют прогнозы относительно трансформации профессий на рынке труда и появления профессий будущего.Так, специалистами Агентства стратегических инициатив, Московской школой управления «Сколково» при участии Министерства образования и науки РФ, Министерства промышленности и торговли РФ, Министерства транспорта РФ, WorldSkillsRussia, Министерства труда и социальной защиты РФ разработан «Атлас новых профессий», где представлены 340 профессий из 27 отраслей экономики [3]. Ученые Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и ПАО «Сбербанк» провели исследование с использованием системы интеллектуального анализа больших данных iFORA и сформировали список из 50 перспективных профессий, которые представлен в «Атласе профессий будущего» [4].

В целях актуализации списка наиболее перспективных и новых профессий на рынке труда с учетом отраслевой и региональной специфики Министерством труда, занятости и миграционной политики Самарской области совместно с Региональным методическим центром развития квалификации 16-27 марта 2023 года проведен опрос ключевых работодателей и других участников рынка в различных сферах деятельности. В качестве респондентов выступали эксперты от 144 организаций (руководители, специалисты подразделений по управлению персоналом и кадровой службы).

Исследование позволило составить ТОП-20 перспективных профессий, которые появятся в ближайшие 7-10 лет на рынке труда, по мнению экспертов от организаций Самарского региона. В список попали:

1. Оператор промышленных роботов.
2. Ремонтник 2.0.
3. Организатор проектного обучения.
4. Тьютор.
5. Конструктор новых металлов.
6. Инженер цифрового моделирования.
7. Оператор станка на основе аддитивных технологий.

8. Разработчик образовательных траекторий.
9. Прогнозист отказа оборудования.
10. Оператор многофункциональных робототехнических комплексов.
11. Оператор роботизированных транспортных систем.
12. Оператор автоматизированной сельхозтехники.
13. Агроном-экономист.
14. Проектировщик промышленной робототехники.
15. Системный модернизатор оборудования.
16. ИТ-металлург.
17. Социальный работник по адаптации людей с ОВЗ через интернет.
18. Сельскохозяйственный эколог.
19. Программист квантовых компьютеров.
20. Контролер нейросетей.

В ходе исследования одна треть респондентов затруднились назвать новые профессии в своей сфере профессиональной деятельности или указывали востребованные в данное время специальности, что свидетельствует о непонимании различий в понятиях «востребованная» и «перспективная» профессии, смещённости внимания на текущие проблемы кадровой политики и краткосрочное видение перспектив развития своей отрасли. Руководителям организаций и специалистам по управлению персоналом необходимо знать о перспективных профессиях, которые будут востребованы в среднесрочной перспективе, чтобы своевременно направлять на обучение и профессиональную переподготовку своих сотрудников, во избежание квалификационных дефицитов в будущем.

Список литературы

1. Мальцева В.А. Практика выявления перспективных профессий: Международные и российский кейсы (аналитический доклад). Центр развития навыков и профессионального образования НИУ ВШЭ, 28 мая 2020.

2. Королев В.В. Среднее профессиональное образование РФ со взглядом в будущее // Человек и образование. 2021. № 2 (67). С. 38-43.

3. Атлас новых профессий. [б. м.]: Издательские решения, 2022. 290 с.

4. Атлас профессий будущего / Н.Ю.Анисимов, Л.М. Гохберг, Г.О. Греф, Н.В. Дудина, С.В. Черногорцева, Н.А. Шматко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»; ПАО «Сбербанк». Вып. 2. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 240 с.

С.Н. Гринченко,
Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: КИБЕРНЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Отмечается, что около 1946 года на планете Земля начались и продолжаются сегодня сопряжённые процессы «цифровизации» как совокупности «локально-компьютерной цифровизации», «сетевой цифровизации» и перспективной «нано-цифровизации», так и «глобализации» как процесса, имеющего своим ядром совокупность процедур формирования элементов эффективно самоуправляющейся целостной системы Человечества «Планетаризация» – «космизация Околоземного Космоса»–«космизация Промежуточного Космоса».

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, планетаризация, космизация, самоуправляющаяся система человечества, информационные технологии, информатико-кибернетическая модель.

S.N. Grinchenko,
Institute of Informatics Problems of the Federal Research Center «Informatics and Control» RAS

DIGITALIZATION AND GLOBALIZATION: A CYBERNETIC VIEW

It is noted that around 1946 on planet Earth, the associated processes of «digitalization» began and continue today as a combination of «local-computer digitalization», «network digitalization» and «nano-digitalization», and «globalization» as a process that has as its core a set of procedures formation of elements of an effectively self-controlling system of Humanity «Planetarization» – «cosmization of the Near-Earth Space» – «cosmization of the Intermediate Space».

Keywords: digitalization, globalization, planetarization, cosmization, self-controlling system of Humankind, information technologies, informatics-cybernetic model.

Имеющиеся в литературе определения понятий «цифровизация» и «глобализация» по своему содержанию весьма неоднозначны. Так, только обзору научных подходов к определению термина «цифровизация» уже посвящают специальные исследования [1]. Ещё более «размыт» термин «глобализация», много лет широко используемый не только в научной литературе [2], но и в СМИ.

Как представляется, для конкретизации содержания этих терминов целесообразно использовать междисциплинарный кибернетический подход: в частности, информатико-кибернетическую модель (ИКМ) самоуправляющейся иерархо-сетевой системы Человечества [3, 4], отражающую наиболее фундаментальные, в том числе пространственно-временные характеристики процесса её глобальной эволюции, значения которых опираются на геометрическую прогрессию со знаменателем $e^e = 15{,}15426...$, которую выявили при изучении критических уровней в развитии биосистем А.В. Жирмунский и В.И. Кузьмин [5]. Использование ИКМ при изучении исторического процесса в археологическую эпоху и адекватность полученных результатов эмпирическим данным палеоантропологов, археологов и историков продемонстрировано в [6].

Исходя из этой модели, становятся понятными место, роль и соотношение терминов «цифровизация» и «глобализация» (таблица 1).

Здесь уместно указать, что важнейшими свойствами глобальной эволюции являются *принцип системной кумуляции*: возникновение новых системных сущностей не означает элиминации подобных им ранее возникших; и *принцип системной согласованности*: возникновение новых подсистем сопровождается кардинальными усложнениями в структуре и приспособительном поведении ранее возникших при уменьшении их относительной роли [7].

Так, анализ последовательности этапов глобальной эволюции ИТ легко позиционирует «цифровые» ИТ как относящиеся к шестому-седьмому-восьмому таким этапам. То есть, «локально-компьютерная цифровизация» проходила в период с ~1946 по ~1979 гг. и далее – с кульминацией (микропроцессорной революцией) ~1970 г.; с ~1979 г. к ней в параллель добавилась «сетевая цифровизация», которая проходит с кульминацией (сетевой революцией) ~2003 г. и далее; наконец, к ним обеим в параллель добавляется перспективная «нано-цифровизация» – с ~1981 г. и далее – с кульминацией (нанореволюцией) ~2341 г. (расчётная модельная дата).

Таблица 1

Этапы глобальной эволюции самоуправляющейся системы Человечества

№ этапа	Информационная технология (ИТ); лидирующий субъект	Расчётные времена начала формирования ИТ и пика её расцвета (информационно-производственной революции)	Протяжённость инфраструктурной и социальной технологий (радиус круга той же площади) ↔ точность производственной технологии (ПТ)
1	ИТ сигнальных поз/звуков/ движений; *Hominoidea*	~28,2 и ~9,2 млн лет назад (возникновение *Hominidae*)	«двор»-семья ~64 м ↔ ПТ «приспособления» ~28 см
2	ИТ мимики/жестов; *Homo ergaster/ Homo erectus*	~1,86 и ~0,612 млн лет назад (возникновение *Homo heidelbergensis*)	«поселение»-род ~1 км ↔ ПТ «оснастка» ~1,8 см
3	ИТ речи/языка; *Homo sapiens-1*	~123 и ~40,3 тыс. лет назад (верхнепалеолитическая революция)	«округа»-племя ~15 км ↔ ПТ «орудия» ~1,2 мм
4	ИТ письменности/ чтения; *Homo sapiens-2*	~8,1 и ~2,7 тыс. лет назад (городская революция осевого времени)	«сверхрайон»-союз племён/ национальное государство ~222 км ↔ ПТ «инструменты» ~80 мкм
5	ИТ тиражирования текстов; *Homo sapiens-3*	~1446 и ~1806 гг. (индустриальная революция)	«сверхстрана»-сверхнациональное государство ~3,37 Мм ↔ ПТ «машины и механизмы» ~5 мкм
6	ИТ локальных компьютеров; *Homo sapiens-4*	~1946 и ~1970 гг. (микропроцессорная революция)	Планета Земля – «глобула» ~51 Мм ↔ «субмикронные» ПТ ~350 нм
7	ИТ телекоммуникаций/сетей; *Homo sapiens-5*	~1979 и ~2004 гг. (сетевая революция)	Околоземной Космос ~0,77 Гм ↔ ПТ «десятков нанометров» ~23 нм
8	Перспективная нано-ИТ; *Homo sapiens-6*	~1981 и ~2341 (?) гг. (нано-революция)	Промежуточный Космос ~11,7 Гм ↔ ПТ «единиц нанометров» ~1,5 нм

В свою очередь, этот же анализ последовательности этапов системной глобальной эволюции ИТ-ПТ позиционирует процедуру «Планетаризации» [3, с. 96-98], интерпретируемую как формирование эффективно самоуправляющейся личностно-производственно-социальной структуры на всей территории планеты Земля, или «глобулы» – как относящуюся к тому же самому шестому этапу. До него такие структуры формировались лишь на меньших по размерам территориальных образованиях планеты.

Термин «Планетаризация» чуть точнее отражает вкладываемое в него содержание, чем близкий по звучанию – и по внутреннему смыслу! – термин «планетизация» (planetisation), определённый Тейяром де Шарденом как «массовое сплочение Человечества» [8, с. 200]).

Совокупность процедур «Планетаризация» – «космизация Околоземного Космоса» – «космизация Промежуточного Космоса» образуют ядро процессов, которые принято называть «глобализацией» – при всей огромности и размытости её конкретных трактовок, детализаций, толкований и пр. Именно *ядро*, поскольку тенденция глобального эволюционного роста пространственных характеристик формирующихся системных структур сама по себе является определяющей для всех сопутствующих ей процессов системной экспансии. Тем более, когда этот эволюционный рост связан с формированием элементов эффективно самоуправляющейся системы Человечества, только в рамках которой и может быть обеспечено более или менее стабильное развитие тех или иных её подсистем.

В отличие от *закономерно*, в соответствии с фундаментальными законами Мироздания, которые и отражает ИКМ, *развивающегося ядра*, *периферия глобализации* формируется *произвольным* образом, базируясь на соответствующем активном поведении представителей тех или иных политико-экономических структур в составе человечества – на базе современной высокоэффективной «сетевой цифровизации». Отсюда и неопределённость в её будущем, и отсутствие гарантий неуничтожения человечества в ходе вероятного ядерного конфликта между его отдельными составляющими. Предотвратить это можно только путём взятия процесса формирования периферии глобализации под эффективный контроль международными общественными структурами, – элементы которых в рамках образования многополярного мира на сегодня лишь создаются.

Таким образом, около 1946 года на планете Земля начались и продолжаются сегодня сопряжённые процессы «цифровизации» – как совокупности «локально-компьютерной цифровизации», далее «сетевой цифровизации» и перспективной «нано-цифровизации», и «глобализации» – как процесса, имеющего своим ядром совокупность процедур формирования элементов эффективно самоуправляющейся целостной системы Человечества «Планетаризация»–«космизация Околоземного Космоса» – «космизация Промежуточного Космоса».

Список литературы:

1. Катрин Е. В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 5. С. 49-54.

2. Галкин А. А. Глобализация // Большая российская энциклопедия. Москва, 2007. Том 7. С. 245-247.

3. Гринченко С.Н. Метаэволюция (систем неживой, живой и социально-технологической природы). М.: ИПИРАН, 2007. 456 с. // http://www.ipiran.ru/grinchenko/book_2/text.shtml

4. Гринченко С.Н. Моделирование: индуктивное и дедуктивное // Проблемы исторического познания. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2015. С. 95-101.

5. Жирмунский А.В., Кузьмин В.И. Критические уровни в процессах развития биологических систем. М.: Наука, 1982. 179 с.

6. Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н. Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Исторический факультет Моск. Ун-та, Федеральный исслед. центр «Информатика и управление» РАН. 2017. 236 с. // http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/03f/45831.pdf

7. Гринченко С.Н. Общение людей и информационные технологии: принципы системной кумуляции и системной согласованности // Мир психологии. 2020. № 3 (103). С. 235-244.

8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

В.Ю. Даренский,
Луганский педагогический университет

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА: «БИОСОЦИАЛЬНЫЙ АВТОМАТ» ПРОТИВ ОБРАЗА БОЖЬЕГО

Рассмотрены онтологические и антропологические основания типов субъектности, противостоящих друг другу в современном мире. Понимание человеческого субъекта как «образа Божия», лежащее в основе традиционных религий и культивируемое в форме «традиционных ценностей», разрушается с помощью цивилизации эголатрии. Эголатрия – секулярный культ человеческого смертного Egoкак вместилища страстей и низменных энергий – культивирует образ человека как манипулируемого «биосоциального автомата». Это конфликт является предельным и имеет эсхатологический смысл и направленность.

Ключевые слова: человек, субъект, образ Божий, биосоциальность.

V.Y. Darensky,
Lugansk Pedagogical University

ESCHATOLOGICAL STRUGGLE: «BIOSOCIAL AUTOMATON» AGAINST THE IMAGE OF GOD

The ontological and anthropological foundations of the types of subjectivity opposing each other in the modern world are considered. The understanding of the human subject as the “image of God”, which underlies traditional religions and is cultivated in the form of “traditional values”, is destroyed with the help of the egolatry civilization. Egolatry – the secular cult of the human mortal Ego as a receptacle of passions and base energies – cultivates the image of man as a manipulated “biosocial automaton”. This conflict is extreme and has an eschatological meaning and orientation.

Keywords: man, subject, image of God, biosociality.

В современном глобальном мире происходит процесс тотальной апостасии – отхода человечества не только от Христа, но и вообще от основополагающих духовных понятий о человеке как существе с бессмертной душой, созданном по образу и подобию Божию. На его место приходит миф о человеке

как о биосоциальном автомате, который во многом можно заменить новейшими технологиями. Отмена фундаментальных духовных и нравственных понятий, основанных на библейском Откровении о человеке, лежит в основе современного радикального феномена антихристианской псевдокультуры, которое получило название cancelculture (культура отмены).

Современная цивилизация основана на деструктивном техногенном образе человека как «биоавтомата» и возможности его локализации с помощью альтернативных культурных и социальных практик. Вводится особое понятие «обратной органопроекции», фиксирующее новый феномен формирования человеческого мировосприятия и модели поведения по образу техногенной реальности. Базовыми свойствами этой новой реальности, формирующей и соответствующий образ человека, являются примитивность, манипулятивность, виртуальность и эгоцентризм. Этим объективным факторам может эффективно противостоять включенность человека в глубинную культурную традицию, сохраняющую в себе образ мира и человека дотехногенной эпохи [1].

Если культура всегда производна от культа, то секулярные культуры являются производными уже не от религиозного культа, а от культивирования новой квазирелигиозной ценности – человеческого Ego, т.е. от *эголатрии* как основы и истока всякой секулярности как таковой. Эголатрия, в свою очередь, происходит от лукавой подмены высшей ценности бессмертной человеческой души псевдоценностью нашего смертного, бессмысленного Ego, одержимого бесовскими энергиями. Эта подмена возникла в результате длительного процесса разложения западного Христианства, начавшись с «христианского гуманизма», открывшего путь к секуляризации всех сторон жизни. Затем «гуманизм», в своей сути являющийся поклонением смертной, непреображенной природе человека, «человекобожием» (Ф.М. Достоевский) [2].

Это процесс представляет собой «падение» с высших онтологических уровней человеческого субъекта на низшие: с понимания человека как «образа Божия» с бессмертной душой – к пониманию человека как «сконструированного субъекта». Социальная и культурная реальность для такого субъекта становится лишь совокупностью «ретурнелей» (Ф. Гаттари), то есть в буквальном переводе этого термина, «обращающих на себя», «захватывающих» субъект факторов. По определению этого автора, господствует «полифонический способ производства субъективности, в котором ретурнель играет главенствующую роль» [3, с. 157]. Таким образом, субъект на своих низших онтологических уровнях, которые культивируются современной техногенной цивилиза-

цией, теряет суверенность и становится пассивной игрушкой манипулятивных технологий во всех сферах жизни – от труда и потребления до интеллектуальных интересов.

Суверенный субъект феноменологически вскрыт Р. Декартом как «Я мыслящее», которое имеет ещё онтологически нерасчлененный на его высшую и низшую стороны характер. Это расчленение возможно только на уровне реального религиозного опыта, который разделяет в «Я» личность как «образ Божий» и бессмертную душу – с его высшей стороны; и смертное Ego как игралище демонических сил (страстей) – с другой. Отсутствие этого опыта в конечном счете делает субъект беззащитным и обреченным на онтологическое «падение», утрату суверенности и – как конечный итог – на «шизоидное» (Ф. Гаттари) состояние разрыва «ретурнелями» до состояния своей эфемерности.

Это предельное онтологическое противостояние в судьбе субъектности человека имеет уже предельно-смысловой, эсхатологический характер. Оно в конечном счете и определяет дальнейшую судьбу человечества. Как известно из библейского Откровения, земная история закончится катастрофой – полной, хотя и временной победой инфернальных сил. Это станет возможным только после того, как человеческая субъектность станет полностью «шизоидной», то есть полностью управляемой «ретурнелями» разного рода. Собственно, и смысл истории всегда состоял (но в наше время это стало уже эмпирически очевидно) в её максимальном замедлении и отдалении её конца – Апокалипсиса.

В этой ситуации Россия, пытающаяся сохранять традиционные библейские смыслы и ценности как основу своего национального бытия, уже самым очевидным образом проявляет свою всемирно-историческую миссию как «удерживающего» – Катехона. В наше время национальная и цивилизационная идеология России и русского мира в целом может быть определена термином «хранительство» [4]. Понятие «традиционные» ценности в наше время, как правило, используется как эмпирическое, поскольку перечень этих ценностей общеизвестен: начиная от веры в Бога как основы духовной и нравственной жизни человека – до институтов семьи, армии и т. д., которые являются универсальными историческими формами служения человека людям и тем самым проявления им своих нравственных качеств.

С функциональной точки зрения традиционные ценности – это всё то, что обеспечивает выживание социума, препятствует его моральной деградации и, как следствие, физическому вымиранию. Онтологически традиционные

ценности производны от моральных заповедей христианства и других традиционных религий. Вместе с тем, в этих определениях отсутствует очень важный критерий различения разных смыслов одних и тех же ценностей, поскольку под одним и тем же именем разные мировоззрения подразумевают разный ценностный смысл. Основным различительным признаком между традиционными ценностями и их секулярной трактовкой, подменяющей их исконный религиозный смысл, состоит в следующем: *традиционное понимание любых ценностей состоит в том, что высшей ценностью полагается бессмертная человеческая душа, а не земная жизнь*. Таков строгий смысл понятия «традиционные ценности» как философской категории.

Список литературы:

1. Даренский В.Ю. Новейший техногенный образ человека: «биоавтомат» // CredoNew. 2019. № 4 (100). С. 22-34.

2. Даренский В.Ю. «Модерн» как эсхатологическая метафора // Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. 16-17 ноября 2010 г. Великий Новгород, 2010. С. 99-102.

3. Гаттари Ф. Язык, сознание и общество (О производстве субъективности) // Логос. Кн. 1. Разум. Духовность. Традиции. Л.: ЛГУ, 1991. С. 152-160.

4. Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Очерки истории русского хранительства: Монография. Часть I. М.: Издательство Московского университета, 2021. 352 с.

И.В. Демин,
Самарский университет

ПОНЯТИЕ «АНТИСИСТЕМА» В ПАССИОНАРНОЙ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА ЛЬВА ГУМИЛЕВА

Раскрывается понятие «антисистема» в контексте предложенной Л.Н. Гумилевым теории этногенеза. Выявляется значение этого понятия для описания и объяснения этноистории.

Ключевые слова: Л.Н. Гумилев, пассионарная теория этногенеза, пассионарность, этнос, антисистема.

I.V. Demin,
Samara University

THE CONCEPT OF «ANTI-SYSTEM» IN THEPASSIONARY THEORY OF ETHNOGENESIS BY LEV GUMILEV

The article describes the concept of "anti-system" in the context of the L.N. Gumilev's theory of ethnogenesis and the meaning of this concept for the description and explanation of ethnohistory.

Keywords: L.N. Gumilev, passionarytheory of ethnogenesis

Научные искания Льва Николаевича Гумилева едва ли могут быть локализованы в рамках какой-то одной предметной области – истории, социальной антропологии, исторической географии. Это объясняется не только широчайшим спектром его научных интересов, но и тем, что центральная проблема исследований Гумилева – проблема этногенеза – имеет отчетливо выраженный *междисциплинарный* характер. Теория пассионарности, в которой содержится постановка и решение этой проблемы, является *синтетической, трансдисциплинарной*.

В качестве главного действующего субъекта истории в концепции русского ученого рассматривается *этнос*. Соответственно, именно этнос становится у Гумилева единицей историко-географического анализа. Что определяет принадлежность человека к этносу? Какова природа этнической общности? Как возникают этносы и вследствие чего они сходят с исторической сцены? От чего зависит характер отношения этноса к ландшафту, а также характер его взаимоотношений с этническим

окружением? Таковы лишь некоторые вопросы, которые рассматриваются в пассионарной теории этногенеза.

Этнос не является ни социальным конструктом, ни конгломератом индивидов. Принадлежность к этносу рассматривается Гумилевым как *первичный* факт человеческой жизни. Этничность имеет *всеобщий* характер: «вне этноса нет ни одного человека на Земле» [1, с. 15].

Этническую принадлежность нельзя свести к чему-то или вывести из чего-то. Этнос описывается Гумилевым как явление, «лежащее на границе биосферы и социосферы» [1, с. 17]. В исторической жизни этнос всегда проявляет себя через социальные и политические формы, но сам этнос – явление *не социальное*. Однако этнос и *не биологическое* явление, он не является аналогом популяции. Этнос – самостоятельная сущность, не тождественная ни расе (биологическое понятие), ни социуму, «элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям» [1, с. 57].

Гумилев вводит в научный оборот интегральное понятие «этносфера». Этносфера рассматривается русским ученым как особая оболочка Земли (наряду с биосферой, техносферой, социосферой). «Наша цель, – отмечал Гумилев, – понять Всемирную историю как становление одной из оболочек Земли – этносферы» [1, с. 171].

Этносфера имеет свои закономерности развития, отличные не только от биологических и географических, но и от социальных. Этногенез (этноистория) и социальная история рассматриваются Гумилевым как *параллельные* процессы. Между ними возможна *корреляция*, но нет *взаимно однозначного соответствия*. Один и тот же этнос может проходить через различные стадии социально-исторической эволюции, изменяясь и в то же время сохраняя свою идентичность. Между социальными и этническими закономерностями нет ни прямой, ни обратной связи. «Этносферу» нельзя рассматривать как *порождение*или *проявление* «социосферы». Но и обратное тоже неверно: этносфера не является *определяющим фактором* социального развития, она образует лишь *фон*, на котором это развитие осуществляется. Этничность не сводится к социальности, а социальность – к этничности. «Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами, – писал Гумилев, – можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры» [1, с. 209]. Эти явления параллельны, но несоизмеримы.

Ни язык, ни религия, ни культура, ни государственность, взятые порознь, не способны цементировать людей в этнос. Но и совокупность

перечисленных факторов тоже не объясняет природу этнической общности и феномен этнической принадлежности. Конститутивными чертами этноса, согласно Гумилеву, являются: противопоставление себя всем остальным (этническое сознание и самосознание); общий стереотип поведения, единообразный процесс развития (общий ритм этноистории). Отсутствие хотя бы одного из этих условий не позволяет рассматривать ту или иную общность *как этнос* [2, с. 374-383].

Этническая принадлежность индивида, таким образом, определяется сочетанием:1) психологической установки, различающей «своих» и «чужих», 2) определенной модели поведения и 3) включенности в общую историю. Все прочие маркеры этничности (общность территории, языка, религии, форм государственно-правовой жизни) рассматриваются Гумилевым как *факультативные*, а не *конститутивные*. Этнос может быть территориально и политически разделен. Члены одного этноса могут говорить на разных языках и диалектах, и, наоборот, разные этносы могут говорить на одном языке. В рамках одного этноса может существовать плюрализм религиозных верований.

Значимую роль в концепции Гумилева играют понятия «химера» и «антисистема». В общем смысле соотношение между этими понятия таково: «химера» – это этнический субстрат, на котором *могут произрастать* «антисистемы».

Понятие «химера» было введенорусским ученым в контексте описания основных способов межэтнического взаимодействия. Гумилев различал три основных формы этнических контактов – «симбиоз», «ксения» и «химера». «Симбиоз» выступает наиболее продуктивной формой межэтнических контактов, при которой каждый этнос сохраняет свое культурно-историческое своеобразие. Этносы, находящиеся в отношении симбиоза, взаимно обогащают и усиливают друг друга [3, с. 255]. «Ксения» представляет такой тип взаимодействия, при котором один этнос живет относительно обособленно в рамках более крупного (вмещающего) этноса. Наконец, «химера» является результатом контакта несовместимых, обладающих отрицательной комплементарностью этносов, принадлежащих к различным суперэтническим системам (цивилизациям).

«Химера» в концепции Гумилева – это феномен этногенеза, в котором происходит наложение разнохарактерных этнических (суперэтнических) систем и традиций. «Химеры» принципиально отличны от этносов, хотя внешне на них похожи. В качестве примера «химер» в пассионарной теории этногенеза приводятся Хазарский каганат, Волжская Булгария, Болгарское

Царство. В чем различие между этносом и химерой? Этнос имеет внутреннюю логику развития, он проходит все возрастные этапы (фазы этногенеза), если не гибнет насильственной смертью. Химера же «либо существует, либо распадается» [1, с. 571], она не имеет внутренней логики. «Соотношение между этносом и химерой, – отмечал Гумилев, – такое же, как между организмом и раковой опухолью. Последняя может разрастаться до пределов организма, но не далее, и живет она только за счет вмещающего организма. Подобно опухоли, химерная антисистема (химеры бывают и безвредными, т.е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтноса средства для поддержания существования» [1, с. 571].

Под «антисистемой» в общем смысле Гумилев понимал религиозные (преимущественно еретические) учения, имеющие отрицательную (жизнеотрицающую) направленность. Антисистема всегда возникает на почве этнических химер, однако не всякая химера порождает антисистему. Характеризуя связь понятий «химера» и «антисистема», Гумилев писал: «Есть концепции-вампиры, обладающие свойствами оборотней и целеустремленностью поистине дьявольской. Ни могучий интеллект, ни железная воля, ни чистая совесть людей не могут противостоять этим фантомам. Там, где слагается этническая химера – наложение этнических полей разного ритма, появляются антисистемы» [1, с. 587].

В качестве примера антисистем в пассионарной теории этногенеза приводятся и описываются гностицизм, исмаилизм, манихейство, альбигойство и ряд других концепций. Каждая из трех больших суперэтнических систем Средневековья сопровождалась, согласно Гумилеву, антисистемами (в католической Европе – альбигойцы, в мусульманском мире – исмаилиты, в Византии – павликиане, богомилы). Однако при всех содержательных, догматических различиях между этими учениями речь фактически идет об *одной* антисистеме. Гумилев метафорически уподоблял антисистемы *теням*, отбрасываемым фигурами. Подобно теням, антисистемы имеют контуры, но не имеют (не могут иметь) внутреннего наполнения. «Тени разных людей различаются друг от друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам» [3, с. 199]. Аналогичным образом и антисистемы отличаются друг от друга лишь по видимости, тогда как суть и базовая интенция (нигилизм, жизнеотрицание, аннигиляция этнической традиции) у них одна.

Антисистема имеет *деструктивную*, *паразитарную*, *подрывную* природу. «Антисистема, – отмечал русский ученый, – подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним

органам человека или животного, бациллы приводят его к смерти… и умирают в его остывающем теле» [3, с. 199]. Антисистема не содержит в себе никаких созидательных импульсов. На почве антисистемных концепций невозможно создать никакой позитивной идеологии и политической программы. Гумилев подчеркивал, что «там, где последователи антисистемы захватывали власть, они отказывались от антисистемных принципов» [3, с. 194].

Целью и смыслом существования антисистемы всегда выступает разрушение суперэтноса, деструкция его духовной традиции и мировоззренческих оснований. Так, по мысли Гумилева, конечной целью исмаилитов XI-XII вв. было разрушение мусульманского суперэтноса, катаров – разрушение суперэтноса христианского (европейского католицизма).

Решающим фактором, препятствующим бесконечному распространению антисистем (по модели раковых клеток), оказывается *пассионарность*, имеющая характер антиэнтропийной силы. «Пассионарный импульс дает как бы высокий накал, в котором химеры «плавятся» и превращаются в этносы, гармонически сочетающиеся с ландшафтами, как звено геобиоценозов. При столь высоких накалах антисистемы существовать не могут» [1, с. 587].

Примечательно, что понятие «антисистема» Гумилев распространял не только на такие локальные этноисторические феномены, как гностицизм, исмаилизм, манихейство, альбигойство, но и на экзистенциализм Карла Ясперса [1, с. 572]. Подобная трактовка представляется тем более неожиданной, что процессы этногенеза, согласно Гумилеву, не зависят от сознательной деятельности индивидов (даже наиболее выдающихся деятелей мировой истории) и протекают с той же необходимостью, что и природные процессы. В такой трактовке содержится возможность расширения методологического потенциала этого концепта, распространение его не только на этноисторию, но и на интеллектуальную историю (в том числе *историю философии*). Впрочем, целесообразность такого расширительного толкования понятия «антисистема» нуждается в специальном рассмотрении.

Список литературы:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 638 с.

2. Лавров С.Б. Лев Гумилёв: Судьба и идеи. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.

3. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.

А.М. Зотов,
Самарский университет

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАРЦИССИЗМ В РАБОТАХ ЭРИХА ФРОММА

Работы видного немецкого психоаналитика, социального психолога и философа Эриха Фромма сохраняют свою актуальность по прошествии уже более пятидесяти лет. Возможно потому, что *его* время, охарактеризовавшееся мощными всплесками гуманистической катастрофы, очень похоже на *наше*. Его исследования глубинных мотивов человеческого поведения позволяет лучше понимать цели отдельных людей и групп. Э. Фромм развил идеи З. Фрейда о нарциссизме, распространив их в социальное пространство.

Ключевые слова: нарциссизм, индивидуальный нарциссизм, групповой нарциссизм, первичный и вторичный нарциссизм.

A.M. Zotov,
Samara University

INDIVIDUAL AND SOCIAL NARCISSISM IN THE ERICH FROMM'S WORKS

The works of the prominent German psychoanalyst, social psychologist and philosopher Erich Fromm retain their relevance after more than fifty years. Perhaps this is because *his* time, characterized by powerful outbursts of humanistic catastrophe, is very similar to *our* time. His research into the underlying motives of human behavior allows for a better understanding of the goals of individuals and groups. E. Fromm developed Freud's ideas about narcissism, extending them to the social space.

Keywords: narcissism, individual narcissism, group narcissism, primary and secondary narcissism.

Напряженные, социально конфликтные времена актуализируют поиски ответов на вопросы о движущих силах, мотивах отдельных людей и групп участников конфликта. Не случайным оказывается в связи с этим увеличенный интерес к работам мыслителей, пережившим «предыдущие» сложные времена. Мотивы людей, защищающих себя и свои социальные группы, уже давно стали объектом внимания специалистов, исследующих психику и, в частности, наиболее уязвимые и важные компоненты душевной организации

человека. Одним из таких аспектов является самовозвеличивание, слепая самовлюбленность человека, которая получила название нарциссизм [1, с. 243].

Важную работу по переносу идей о нарциссизме человека из психотерапевтического, лечебного по сути, в социальное пространство произвел немецкий психоаналитик, социальный психолог и философ Эрих Фромм. В своих работах он продемонстрировал, как теоретические построения, закрепленные медицинской практикой, можно распространить в жизненную среду людей. В книге «Душа человека» он выделяет главу для описания общественного и индивидуального нарциссизма. Отдавая дань уважения в открытии нарциссизма З. Фрейду, Э. Фромм пишет о своем желании развить его идеи и исследовать ту роль, которую нарциссизм играет в национализме и психологической мотивации деструктивности в социальных вопросах. Попутно он отмечает, что длительное время рассмотрение нарциссизма не занимало много места у последователей отца психоанализа, объясняя это узкими рамками теории либидо и понимания о трансформациях энергии сексуального влечения [1, с. 219], куда нарциссизм и был вписан. Э. Фромм резюмирует одно из ведущих допущений З. Фрейда о константном количестве либидо и его распределении между самим человеком (инстанция Я) [1, с. 594] и значимыми другими (объектами). Отдельно им, тоже вслед З. Фрейду, описывается «первичный нарциссизм» [2, с. 81] – жизненная позиция младенца, в которой все его либидо направлено на самого себя в силу отсутствия отношений с окружающим миром. Далее вместе с взрослением часть либидо направляется на объекты, «отнимается» от Я, перераспределяется как жидкость в двух сообщающихся сосудах. Таким образом естественно развиваются отношения растущего человека. Часть либидо всегда остается связанной с Я (Я-либидо), что является нормальным для здорового человека. В ситуации психических болезней, особенно сильно выраженных (например, при шизофрении), либидо «изымается» из объектов и снова направляется на Я. Этот процесс был обозначен З. Фрейдом как «вторичный нарциссизм». У младенца пока еще нет отношений с окружающим миром (со значимыми другими), а у психически больного уже нет этих отношений. Э. Фромм, описывая здорового человека, полагает, что у него всегда присутствует определенное количество нарциссической энергии – не уничтожаемое, защищенное нарциссическое ядро личности. Иначе говоря, у здорового человека всегда есть какое-то количество любви, направленной на самого себя, и какое-то, направленное на других.

Далее, преследуя цель понимания человеческого поведения, Э. Фромм предлагает расширить взгляд на нарциссизм, выйдя за пределы теории либидо, точнее говоря, «отвязав» энергию либидо от только полового влечения, считая половое влечение лишь частным случаем, особым проявлением либидонозной

энергии. Э. Фромм предлагает считать, что «эта энергия связывает и развязывает, держит индивида в самом себе и одновременно поддерживает его связь с внешним миром» [3, с. 64].

Развивая идеи о первичном (здоровом) и вторичном (патологическом) нарциссизме, Э. Фромм рассматривает особый, пограничный род нарциссизма, характерный для людей с неограниченной властью. Истории Калигулы, представителей рода Борджиа, Гитлера и Сталина – это примеры личностей с таким особенным нарциссизмом, движимых в своих желаниях стяжанием любви и восхищения других людей, ставящих себя, по сути, в один ряд с богами.

Далее немецкий психоаналитик останавливается на отдельных проявлениях, которые могут быть рассмотрены с позиции нарциссического контекста: от здоровых к патологическим. Здоровый нарциссизм присутствует в интересе, в увлеченности человека своим телом, фигурой, внешним видом. Болезненная сторона нарциссизма обнаруживается тогда, когда эта заинтересованность собой выражается в длительном самолюбовании у зеркала, в фиксированности на своей привлекательности и внешнем виде. Равнозначна и обратная ситуация, когда человек фиксирован на своих болезненных, неприятных физических ощущениях, ипохондричен и не замечает ничего вокруг, кроме своего дискомфорта. Близкой к этому является ситуация «моральной» ипохондрии, когда человек занят своими негативными переживаниями, озабочен виной, стыдом, возможными совершенными грехами. «Нарциссизм, лежащий в основе физической и моральной ипохондрии, отличается от нарциссизма тщеславного человека лишь тем, что он менее заметен для неопытного глаза» [3, с. 70]. Э. Фромм обозначает одну из ключевых реакций нарцисса – крайне чувствительную реакцию на любую критику. И далее резюмирует, что общим для различных форм выражения нарциссизма является отсутствие подлинного интереса к внешнему миру [3, с. 71].

Не всегда личность целиком становится предметом самолюбования нарциссичного человека, чаще психическая энергия обожания направлена на отдельные качества: интеллигентность, образованность, физические способности, части тела, остроумие и т.д. Дальнейшее развитие эта идея получает в наблюдении, что предметом нарциссизма может стать то, что связано с личностью самого нарцисса: его семья, дети, партнеры. Он любит их, потому что они становятся «его». Это своеобразное нарциссическое расширение, влюбленность в то, что считается нарциссом своим собственным. Здесь нарциссизм, на взгляд Э. Фромма, смыкается с биологическим эгоизмом, способствуя выживанию и витальному сохранению. Продолжением нарциссического расширения является превращение его в групповой, и тогда объектом нарцисси-

ческой страсти становятся надындивидуальные образования: семья, род, нация.

Э. Фромм в своих работах регулярно возвращается к вопросу о том, как реагирует нарциссический человек на критику своих идей (а эти идеи – о мире, о жизни, о нем самом – сильно искажены в силу сфокусированного интереса только на себе). Внешний, критикующий и сомневающийся мир определяется им как опасный, аморальный и неполноценный. Все, что связано с самим нарциссом, переоценивается. Реакцией на несогласие других с этими оценками может быть выраженная депрессия, которая развивается в ответ на возможную утрату столь важных представлений о собственном Я. Другой реакцией становится выраженная оборонительная агрессия [4, с. 260]. Если же говорить о нарциссе, облеченном безграничной властью, Э. Фромм регулярно возвращается к теме вождизма, единоличных правителей, – то такие представители пытаются изменить, переделать действительность под свои искаженные взгляды и построения ума, что имеет обычно катастрофические последствия для окружения, людей, страны, мира в мире.

В динамике группового, общественного нарциссизма Э. Фромм указывает на схожие феномены. Доброкачественная форма группового нарциссизма будет выражаться в гордости, любовании продуктами деятельности соответствующей группы, в возвеличивании ее достижений. В злокачественном варианте группа, нация, раса будет гордиться своим происхождением, национальностью, цветом кожи, вероисповеданием. Эта вторая – злокачественная форма – обычно востребована в обществах с невысоким уровнем обеспеченности ее членов. «Для людей, бедных в хозяйственном и культурном отношении, нарциссическая гордость принадлежности к группе является единственным и зачастую очень действенным источником удовлетворения» [3, с. 81]. Э. Фромм приводит исторические примеры таких непомерно раздутых представлений национальных, расовых или религиозных групп о самих себе. Основным нарциссическим сообщением самому себе у каждого участника группы будет примерно следующий: «Пусть я сам не представляю из себя что-то важное, пусть не вижу личной перспективы или не имею надежды на изменение собственной жизни, зато я принадлежу к самой замечательной группе (общности, нации)». Участники таких групп чувствуют себя польщенными в своем индивидуальном нарциссизме.

Общественный нарциссизм распознать сложнее, чем индивидуальный. Когда кто-то нахваливает себя, это достаточно быстро вызывает вопросы и сомнения. Когда кто-то нахваливает свой род, национальность, веру, язык и т.д., то обычно находится много сторонников такого самовозвеличивания, в таком поведении видится скорее доблесть, патриотизм, чем ущербность. Об-

щественный нарциссизм цементирует группу и облегчает возможности манипулирования интересами группы, фокусируя внимание на вопросах удовлетворенности ее потребностей. Чаще всего эти потребности признаются самыми актуальными в сравнении с потребностями других общественных групп. Фанатизм становится характерной чертой группового нарциссизма [4, с. 264]. «Собственная группа выдается за защитника человеческого достоинства, морали, права и благосостояния. Другая же получает проклятия, ее обвиняют во всех грехах, от обмана и беспринципности до жестокости и бесчеловечности» [4, с. 265]. Сомнения других людей, групп в таких установках, появление аналитических, критических высказываний воспринимается нарциссически раздутой группой с реакцией выраженной, переходящей в милитаристскую, агрессивности.

Работы Э. Фромма открывают возможность учитывать, исследовать и этот – нарциссический (психологический) аспект – в возникновении религиозных, локальных, континентальных и мировых войн, межнациональных конфликтов наряду с историческими, политическими и экономическими аспектами.

Важно отметить, что Э. Фромм не останавливается лишь на описании, квалифицировании («диагнозе») общественного нарциссизма, он предлагает стратегии, подходы по преодолению, уравновешиванию, уменьшению («лечению») нарциссических тенденций. Им отмечается действенность постоянно возрастающей степени эволюционной социализации: группы контактируют, взаимодействуют, объединяются, снижая тем самым собственный нарциссический заряд. Также контрнарциссическую направленность имеют развивающиеся идеи универсализма, гуманизма.

Список литературы:

1. Лапланш Ж. Словарь по психоанализу; пер. с фр. и предисл. Н. С. Автономовой. М.: Высш. шк., 1996. 623 с.

2. Фромм Э. Из плена иллюзий; пер. с англ. Т. В. Панфиловой. М.: Издательство АСТ, 2017. 224 с.

3. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды; пер. с англ. В.А. Закса, Т.В. Панфиловой. М.: АСТ, 2014. 348 с.

4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности; пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ, 2015. 618 с.

А.В. Исаев,
Самарский университет

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКИХ ТАМОЖЕННИКОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Рассматриваются философские категории культуры и профессиональной культуры как методологические основы понимания правовой культуры российских таможенников. Выделяются факторы трансформации правовой культуры российских таможенников в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, культура, правовая культура, цифровизация.

A.V. Isaev,
Samara University

LEGAL CULTURE OF RUSSIAN CUSTOMS OFFICERS IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

The philosophical categories of culture and professional culture are considered as methodological foundations for understanding the legal culture of Russian customs officers. The transformation factors of the legal culture of Russian customs officers in post-industrial society are highlighted.

Keywords: post-industrial society, culture, legal culture, digitalization.

В 2011 году Президентом Российской Федерации был принят документ «Основы государственной политики России в сфере правовой грамотности и правосознания граждан», в котором условием становления правового государства и укрепления позиций гражданского общества в нашей стране выступает высокий уровень правовой культуры граждан [1].

В современной философской литературе культура рассматривается как постоянно совершающийся процесс человеческой деятельности, в результате которой создаются материальные и духовные ценности [2]. Также культуру рассматривают как способ жизнедеятельности отдельного человека или какой-то социальной группы, который связан с производством и накоплением как материальных, так и духовных ценностей, что способствует становлению и дальнейшем сохранению их самоидентичности [3]. Культура как многогран-

ное явление имеет множество классификаций по различным видам и типам культуры.

Правовую культуру таможенников можно рассматривать, с одной стороны, как правовую культуру общества и его граждан, а с другой стороны, как профессиональную культуру таможенников.

Правовую культуру общества рассматривают как элемент цепочки, состоящей из следующих правовых категорий: правовая действительность – правовое сознание – правовая система – правовая культура. Такой подход позволяет посмотреть на правовую культуру через призму понимания феномена культуры, где правовая культура общества представляется в виде процесса и результата накопления и совершенствования ценностных элементов в правовой системе общества.

Далее рассмотрим правовую культуру российских таможенников как профессиональную культуру, которая в свою очередь является подсистемой культуры. Появление профессиональной культуры обусловлено становлением самостоятельных видов профессиональной деятельности, появлением новых профессиональных областей и сфер деятельности [4].

Правовая культура российских таможенников как вид профессиональной культуры непосредственно связана с их профессиональной деятельностью, что находит свое проявление в личных качествах таможенников в процессе их профессиональной деятельности, а также сама профессиональная деятельность сказывается на формировании внутреннего мира таможенников.

В обоих случаях при формировании правовой культуры необходимо принимать во внимание глобальные технологические, экологические и эпидемиологические вызовы, с которыми сталкивается сегодня человечество, предопределившие переход к третьему типу цивилизационного развития – постиндустриальному обществу, в основе экономики которого лежат пятый и последующий шестой технологические уклады.

Для постиндустриального общества, в котором в результате внедрения достижений научно-технологического прогресса, информатизации производства и интеллектуализации труда происходят структурные изменения, характерно формирование нового мировоззрения, в том числе правового. Как следствие, трансформируется правовая культура в целом и культура российских таможенников в частности.

Выделяют несколько факторов, способствующих данному процессу:

– правовые, связанные с правовым регулированием в условиях технологических преобразований, а также с постоянным процессом трансформации общественных отношений;

– социальные, связанные с модернизацией парадигм развития современного общества;

– технологические, связанные с развитием разного рода технологий, их повсеместным внедрением;

– эпидемиологические, связанные с пандемией и угрозами возникновения иных сложных эпидемиологических ситуаций [5].

Данные факторы в большей или меньшей степени предопределяют формирование нового типа человека и новый тип правовой культуры. При этом нужно помнить, что современному обществу – обществу 5.0 (в отличие от индустрии 4.0, о которой говорили в контексте автоматизации физических процессов), свойственна ориентация на автоматизацию процессов коммуникации и сотрудничество человека с интеллектуальными системами, где людям отводится лидирующая позиция. Так новый тип человека – это «человек-актор» [6, 7].

Сегодня, когда Россия столкнулась с небывалым санкционным давлением со стороны стран Запада, как никогда возрастает значимость, а вместе с ней и сложность деятельности таможенных органов. Развитие в новых реалиях внешнеторговых связей со странами-партнерами в направлении увеличения внешнеторгового оборота, с одной стороны, способствует пополнению бюджета, а с другой стороны, приводит к росту числа правонарушений в данной области.

Рассмотрение правовой культуры сотрудников таможенных органов в постиндустриальном обществе обусловлено рядом обстоятельств. Необходимо учитывать социально-культурные особенности времени и пространства, а также то, какие позиции занимает наше государство на международной арене. Так в отношении нашего государства сегодня введены многочисленные санкции, что отражается на деятельности таможенных органов. Сложные взаимоотношения между нашим государством и странами Запада могут привести к нежелательным последствиям в виде кибератак со стороны стран-производителей. Повсеместное использование современных технологий, в том числе и цифровых, также приводит к росту киберпреступности. В условиях повсеместной цифровизации возрастает риск потери данных участников внешнеэкономической деятельности и не только [8].

Рассматривать правовую культуру сотрудников таможенных органов в постиндустриальном обществе необходимо как сложное неоднозначное явление в системе правовой культуры в целом, а также как своего рода феномен с присущими собственными институциональными характеристиками. Так, таможенников можно выделить в отдельную профессиональную группу с присущими только ей чертами профессиональной деятельности, что определяет особенности правовой культуры сотрудников таможенных органов и предопределено особенностями правового регулирования со стороны государства внешнеэкономической деятельности [9].

Необходимо также выделить основополагающие свойства личности сотрудников таможенных органов как элементы проявления правовой культуры, среди которых:

– правосознание, направленное на защиту экономических интересов Российской Федерации, посредствам осознания таможенниками высокой степени значимости внешнеэкономической деятельности для общества;

– определенный набор знаний, умений и навыков, а также морально-ценностных ориентиров, необходимых для правового регулирования внешнеэкономической деятельности;

– направленность личности самого таможенника на защиту экономических интересов своего государства;

– стабильность (устойчивость) и принципиальность таможенников в процессе исполнения служебных обязанностей (антикоррупционная составляющая).

Таким образов, сегодня цифровизация и развитие технологий ставят под сомнение ценностные ориентиры и оказывают непосредственное воздействие на условия существования современного человека, невзирая на его принадлежность к той или иной профессиональной группе и культуре.

Еще совсем недавно в кругах ученых речь шла о четвертой промышленной революции. Однако уже сейчас все чаще говорят о том, что может послужить отправной точкой для пятой промышленной революции, а именно об объединении искусственного интеллекта с современными биотехнологиями. Здесь речь идет не просто о технологическом развитии, а о слиянии цифровых технологий и искусственного интеллекта с биотехнологиями, что, в узком смысле, может привести к модернизации функционала таможенников и необходимости усвоения новых знаний, навыков, умений, отвечающих духу времени, а вместе с тем и модернизации правовой культуры.

Список литературы:

1. Основы государственной политики России в сфере правовой грамотности и правосознания граждан от 04 мая 2011 года № ПР-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.

2. Бушуев А.М. Философия. М., 2005.

3. Петров А.В., Горбатова М.К. О методологии понятия правовой культуры // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 146-155.

4. Коган Л.Н. Культура в условиях НТР. Саратов, 1987. 94 с.

5. Залоило М.В. Постиндустриальная культура правотворчества: новый образ реальности. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. (4):65-73 // https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.065-073.

6. Сойфер, В.А. Human fActor / В.А. Сойфер // Онтология проектирования. 2021. Т. 11. №1(39). С. 8-19. DOI: 10.18287/2223-9537-2021-11-1-8-19.

7. Нестеров А.Ю. Эволюция общества в свете философии техники // Философские науки. 2022. № 65 (2). С. 7-32 // https://doi.org/10.30727/0235-1188-2022-65-2-7-32.

8. Аксенов И.А. Проблемы и перспективы цифровизации таможенных органов Российской Федерации // Вестник университета. 2022. № 10. С. 66-71.

9. Савенков В.А. Правовая культура российских таможенников: социально-философский анализ: диссертация кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2016. 163 с.

И.В. Катерный,
МГИМО МИД России,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

ЦИФРОВОЙ ИММОРТАЛИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ ТРАНСМОБИЛЬНОСТИ И ЛИМИНАЛЬНОСТИ

В рамках развиваемой автором концепции трансмобильности, а также реконцептуализированной версии теории лиминальности (В. Тернер) рассматривается перспектива внедрения технологий цифрового бессмертия. Классические антиномии жизни и смерти как профанного и сакрального, активного и пассивного, управляемого и неуправляемого миров трансформируются под влиянием цифровых технологий в новую лиминальную онтологию, характеризуемую возможностями трансмобильных переходов цифровых бессмертных личностей и образования цифровой коммунитас с живыми.

Ключевые слова: цифровое бессмертие, трансмобильность, лиминальность, коммунитас, постмортальное общество, постгуманизм.

I.V. Katernyi,
MGIMO University,
Institute of sociology of FCTAS RAS

DIGITAL IMMORTALITY IN TERMS OF TRANSMOBILITYAND LIMINALITY

Drawing upon the concept of transmobility developed by the author, as well as a revised theory of liminality (V. Turner), the prospect of digital immortality is examined. The classical opposing of life and death as profane and sacred, active and passive, controlled and uncontrolled kingdoms is being transformed under the influence of digital technologies into a new liminal ontology characterized with transmobilities of digital immortal personas and creating a specific digital communitas with living beings.

Keywords: digital immortality, transmobility, liminality, communitas, postmortal society, posthumanism.

В 1940-50-ее гг. классик американской социологии Л. Уорнер в рамках знаменитого исследования «Янки-Сити» посвятил изучению культа мертвых в

современном обществе отдельный том. Наследуя идеи Э. Дюркгейма о структурной амбивалентности общества с его делением на сакральное и профанное, Уорнер показывает, что мир мертвых и мир живых составляют неразрывное символическое единство в обществе, организуя социальное пространство и время: «как противоположности, время мертвых и время живых выражают двойственность существования, двойственность священного и профанного, «управляемого» и «неуправляемого». Эфемерное и вечное, активность и инертность — все это составляющие того значения, которым обладает двойственность времени живых и времени мертвых» [1, с. 313]. Почитание мертвых играет важную интегративную роль в области коллективных репрезентаций. Похоронные обряды, ритуалы памятования, организация кладбищ и уход за могилами помогают людям чувствовать и видеть себя живыми здесь и сейчас и символически выражают веру и надежду на то, что они будут среди живых и после смерти: «сохранение умерших членами общества поддерживает непрекращающуюся жизнь живущих. Уверенность живых в том, что жизнь длится вечно, зависит от того, насколько им удастся сохранить живыми мертвых. Стоит лишь мертвым умереть реально, т.е. в вере тех, кто провожает их в последний путь, как сразу же оказывается, что должны умереть и они. Кладбище — это устойчивый физический знак, вещественный и зримый символ согласия между людьми в том, что они не дадут друг другу умереть» [Там же, с. 317]. Таким образом, Уорнер подчеркивает, что мертвые равны живым в функциональном значении, сегодняшние мертвые — это вчерашние живые, а сегодняшние живые — это завтрашние мертвые, но социальная жизнь после смерти не прекращается, и культ мертвых служит укреплению общей веры в социальное бессмертие человека и общества. В рамках концепции трансмобильности [2] терминальный мортальный переход всегда подразумевает постмортальную инверсию, которая в развитых обществах либо никогда (или почти никогда) не проблематизируется, либо мифологизируется как важная часть процесса нормативного морфостазиса.

Другой последователь Э. Дюркгейма Р. Герц на основе своих полевых исследований также продемонстрировал, что после физической смерти покойный всегда оказывается внутри сложных ритуальных институтов, где он даже не занимает центральное место. Физически мёртвый человек недолго пребывает в «промежуточном» состоянии, пока с помощью ритуала он не будет переведен в разряд бессмертных («предков»). Однако этот переход означает не отчуждение субъекта, но, наоборот, обретение им нового социального статуса. Коллективное сознание социума никогда не признает смерть как уничтожение,

«последнее слово остается за жизнью: покойный должен вырваться из тисков смерти и вернуться в той или иной форме в мир живых людей» [3, с. 158]. Таким образом, Герц подчеркивает, что (1) смерть не является индивидуальным актом, но всегда включает в себя институты и агентов культурной легитимации, совершающих сложную работу по признанию нового статуса покойного в мире «предков», и (2) смерть человека не исчерпывается его превращением из живого в мертвого; через посмертные ритуалы мертвый возвращается в мир живых, воспроизводя неразрывную связь между ними. Так стремление человека к бессмертию обретает символическую форму воспроизводства «бессмертного общества» (Э. Дюркгейм), где живые и мертвые делают свою работу вместе. Однако в плане субъектности мертвые традиционно остаются живыми только репрезентативно как (а) *разкорпорированные* (безтелесные), (б) *инертные* («покойные», т.е. не обладающие интенциональностью), (в) *номинальные* (символизированные и семиотизированные через изображения и имена собственные) акторы, наделенные (г) *медиатизированной социальной агентностью* в памяти живых.

Сегодня в области цифровой коммуникации трансмобильные переходы из жизни в смерть и обратно приобретают такие возможности, которые позволяют мертвым субъектам сохранять постмортальную и постгуманизированную идентичность в новых технологически продвинутых формах. Изотропная электромагнитная среда (юбикомп), в которой нет больше разделения между атомами и битами, уже сформировала новую *конвертированную реальность,* характеризуемую эффектом Вельда, когда цифровой контент оказывается обладающим такими же свойствами «объективности», «экстравертности» и «принудительности» как и у любой физической или органической вещи. Именно эти свойства, по классическому определению Э. Дюркгейма, делают коллективные представления, то есть эпистемические объекты, реальными. Таким образом, и вопросы физической жизни и смерти приобретают новую онтологию конвертированной социальности, в рамках которой субъекты и объекты перемещаются в область *перманентного лиминального* существования или *лимба*, где граница между биологическим и виртуальным перформативно элиминируется.

В рамках классической концепции лиминальности В. Тернера перманентная лиминальность производится социальными группами, живущими «на окраинах и в щелях социальной структуры» в условиях номадического образа жизни и/или статусно-ролевой странности [4, с. 196-256]. Подобные странность и номадизм воспроизводятся сегодня на уровне цифровой трансмобиль-

ности. Если раньше находиться «онлайн» означало сознательно и временно обращать свое внимание на Интернет из мира «оффлайн», то сегодня подключенность к «онлайн» непрерывна, а отключенность требует усилий. При жизни человеческого субъекта конвертированная социальность дает возможность каждому иметь вторую жизнь в цифровом пространстве, создавая феномен *дуальной агентности*. С антропологической точки зрения цифровая копия личности ни жива, ни мертва, но находится в некоем промежуточном состоянии, которое можно обозначить как *дигитально-лимбинозное*, то есть возникающее и навсегда сохраняющееся в цифровом лимбе – месте, где перманентная лиминальность обусловлена одновременно онтологически *двойственной и двойной* природой агентности. Для описания природы такой личности специалисты в области информационных технологий используют понятия «цифрового следа», «цифровой тени», «цифрового аватара», сами по себе характеризующие лимбинозный характер цифровой идентичности. При этом, как известно, теневая часть цифрового облика человека превышает его активный след [5, p. 2]. Цифровые доппельгангеры, скрывающиеся в лимбинозных следах и тенях информационного океана, оказываются *более реальными* социальными акторами, чем воплощенные люди, так как их цифровое поведение, агрегированное в больших данных (например, в количестве «лайков»), позволяет узнать их внутренний мир лучше, чем они сами знают о себе. Данные о человеке становятся умнее самого человека и гораздо реальнее отражают их сознание и подсознание. Такой же лимбинозный характер носят и цифровые аватары, представляющие собой текстовые, графические и видеообразы персонажей цифрового взаимодействия. За аватаром может находиться реальный человек, но может и машина (программа) или группа создателей. Перформативный образ аватара может отражать, но может и не отражать реальные характеристики создателя. Возможность выдавать себя за кого угодно, играть любые роли и иметь любые имена (ники) делает аватары перманентно лиминальными, онтологически неопределенными и дуальными перформативными репрезентациями.

В ситуации физической смерти носителя его цифровая идентичность не перестает существовать, но лишь снижает разнообразие и уровень перформативности. При этом потенциально вечная цифровая копия приобретает большее социальное значение, чем сам носитель в виде тела, которое скоро исчезает из сферы бытия. Таким образом, дуальная агентность трансформируется в постмортальную автономность либо обретает новую референтную связь при подключении к другим носителям. На сегодняшний день такой иммортализм мо-

жет обретать формы: (1) цифрового кладбища, т.е. специализированного сайта с информацией о бывшем носителе; (2) посмертного цифрового самоменеджмента, позволяющего при жизни оставить инструкции для обновления своих аккаунтов в социальных медиа; (3) цифрового призрака (первого уровня), то есть сохраняющихся мемориальных страниц, дневников, постов в социальных сетях; (4) цифрового QR-кода на могиле усопшего, переключающего юзера на виртуальную страницу о нем; (5) посмертной модерации страниц умерших в социальных сетях с помощью специальных сервисов; (6) аватаров в онлайн-играх и 3D-мирах (типа Second life); (7) тана(то)бота, то есть обученного на основе обработанных нейросетью цифровых данных об умершем чатбота; (8) цифрового клонирования (загрузки всей доступной информации о себе при жизни на специально созданный сайт с последующим подключением к нейросети и созданием симулированной цифровой личности).

Последние две технологии являются наиболее перспективными с точки зрения идеалов иммортализма, так как позволяют цифровой копии обретать симулированное перформативное самосознание. Дуальная агентивность, зависящая от оригинальной живой личности носителя, получает в таком коммуникативном интерфейсе максимально возможную агентивность самореферентного субъекта. *Цифровая бессмертная личность* с помощью уже существующих технологий [6] может «читать» различные источники информации и иметь двусторонний доступ к целому ряду систем реального мира. Как и любой виртуальный персонаж, он может воплощаться в виртуальных мирах (в виде аватара), в физическом мире (через робота), а также в графических 2D-интерфейсах, вести общение через электронную почту, социальные сети, чаты или мессенджеры. У нее есть способность понимать и генерировать естественный язык, чтобы обеспечить двустороннее общение с людьми в физическом мире (а также другими виртуальными персонажами и цифровыми бессмертными), и она может синхронизировать свои знания и действия между несколькими цифровыми копиями самой себя.

Развитие технологий метавселенных в ближайшие десятилетия даст толчок институционализации *постмортального общества*, где живые и мертвые будут создавать единые информационные сообщества сквозь поколения, передавая знания и опыт предков потомкам в опыте прямого общения друг с другом. С точки зрения лиминального опыта, общение с цифровыми бессмертными создает новую форму достижения цифровой *коммунитас* (В. Тернер), понимаемой как освобождение от нормативной «структуры» в процессе глубокого аффективного переживания идеальной, утопической и магической общи-

ны в цифровом мире. В статусно-ролевом смысле это означает, что цифровые бессмертные постмортально трансмобилизуются в мир живых в новой *конвертированной постсубъектности* как (а) воплощенные в электронном и/или роботизированном теле, (б) перформативно активные и интенциональные, (в) реалистичные на основе искусственного интеллекта акторы, (г) наделенные симулированной социальной агентностью как отдельные цифровые личности. Развитие подобных технологий эффективно инструментализирует область сакрального как неуправляемого и нечеловеческого фатума и переводит ее в *постчеловеческое,* но управляемое состояние, конвертируя жизнь и смерть в единое лиминальное пространство. Это еще раз показывает, что, как и тысячи лет назад, смерть является экзистенциальным источником формирования социальности как способа ее преодоления в коллективном действии акторов по эту и ту сторону бытия.

Список литературы:

1. Уорнер Л. Живые и мертвые / Пер. с англ. М., СПб: Университетская книга, 2000. 671 с.

2. Katernyi I.V. Trans-Mobilities in Post-Human Era: How is Social Order Still Possible? // Вестник РУДН. 2018. Т.18. № 4. С. 638-650. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-638-650.

3. Герц Р. Смерть и правая рука / Пер. с фр. М.: ARS Press, 2019. 264 с.

4. Тернер В. Символ и ритуал / Пер. с англ. М.: Наука, 1983. 277 с.

5. IDC White Paper: The Diverse and Exploding Digital Universe: An Updated Forecast of Worldwide Information Growth Through 2011, March 2008. IDC, 2008. 16 p.

6. Savin-Baden M., Burden D. Digital Immortality and Virtual Humans // Postdigital Science and Education. 2019. No. 1. P. 87-103. DOI: https://doi.org/10.1007/s42438-018-0007-6.

Д.А. Кечаев,
Самарский университет

КАНТ, ВИДЕОИГРЫ И КОНЕЦ ВООБРАЖЕНИЯ

Осевой идеей доклада является утрата потребности в способности воображения из-за современных видеоигр, отличных сверхреалистичной графикой. Вследствие значимой роли видеоигр в современной культуре их эффекты и последствия приобретают всеобщий характер. На основе эмпирического материала, представленного комментариями игроков, будет осуществлён анализ обозначенной симптоматики лишения активной роли воображения.

Ключевые слова: анализ, Бодрийяр, видеоигры, воображение, современность.

D.A. Kechaev,
Samara University

KANT, VIDEOGAMES AND THE END OF THE IMAGINATION

The main idea of the report is the loss of the need for the ability to imagine because of today's videogames, which excel in ultra-realistic graphics. Videogames arenow the most influential media product, leaving cinema long behind. Because of their significant role in contemporary culture, the effects of videogames are becoming universal. On the basis of the empirical material represented by the players' commentswe will analyze the indicated symptomatology of the deprivation of the active role of the imagination.

Keywords**:** analysis, Baudrillard, contemporaneity, imagination, videogames.

В «Критике способности суждения» Иммануил Кант осуществил синтез между выявленной им познавательной сферой («Критика чистого разума») и её практическим регулятивом («Критика практического разума»): между способностью познания и способностью желания.

Главной отличительной чертой разумного существа по Канту является *продуктивная способность воображения*. Именно воображение, согласно Канту, *свободно* прилагает рассудок к многообразию чувственных данных. Откуда (из свободы *от законосообразного* конструирования объекта) и оборотная сторона воображения – предрассудки и иллюзии разума, а также

его по самой природе неизбывные притязания на познание вещей в себе.

Связь познавательной и моральной способностей, таким образом, находят своё единение в чувственной способности. Рассудок соединяется с разумом посредством чувства. Воображение синтезирует хаос феноменальной данности с категорийной схемой благодаря суждению, отправляющемуся от общего эстетического чувства – «естественного интереса разума к прекрасному».

Воображение, таким образом, является (1) соединением между феноменальным и ноуменальным порядками, а также (2), ввиду своей независимости от объекта (аффектирующей вещи в себе), несёт в себе исток творческой свободы.

На заре становления 3D-графики в видеоиграх и в её зените (90-ые – 00-ые) визуальным образцом для игроков были так называемые пререндеренные видеоролики (заранее отрисованные внутриигровые сцены, являвшиеся как бы нарративными «швами» между геймплеем и призванные показать то, как вселенная игры должна выглядеть *в действительности* – в воображении художников и дизайнеров видеоигры).

Современные видеоигры стали «бесшовными» (серия Uncharted от Naughty Dog достигла пика в стирании границ между геймплеем и повествованием). Графически *видеоигры утратили свой бывший дуализм*: разделение на то, как игра выглядит в реальности игрового действия (собственно графика самой игры) и как видеоигра выглядит в замысле разработчиков (пререндеренные кат-сцены). Наличие пререндеренных роликов почти во всех видеоиграх *ушедшей эпохи* свидетельствовало о признании самими создателями видеоигр визуальной неполноценности графики в реальном времени.

Текущая мощность видеоускорителей 3D графики позволила разработчикам видеоигр достичь такого уровня отображения в реальном времени, что потребность в пререндеренных роликах окончательно отпала. Качество графики в современных видеоиграх крайне трудно отличить от пререндеренной графики в старых играх. Разрешение текстур, динамическое освещение и тени, микрочастицы, отображение огня, воды и их физически правдоподобного поведения, изображение тканей и волос – всё это сегодня достигло феноменального уровня отображения в реальном времени (например, см. Ratchet & Clank: Rift Apart). *Сверхреалистичная графика в современных видеоиграх упразднила потребность в добавлении пререндеренных кат-сцен.*

Сегодня коммерчески успешная тенденция визуального обновления

старых хитовых видеоигр (вплоть до спорадичной интерпретации дизайна локаций и персонажей) путём подгонки к текущему графическому стандарту дала игровому сообществу эмпирический материал для сравнения того, как оригинал такой-то видеоигры выглядел и воспринимался тогда, а как сейчас, в свежей оболочке ремейка.

Так, на одном известном YouTube-канале под обзором недавно вышедшего ремейка Resident Evil 4 (культовая игра от Capcom) пользователь под ником jordanwhite352 оставил следующий комментарий: «Разница между боем с Эль-Гиганте на GameCube и боем Эль-Гиганте в современной версии реализована просто совершенно мастерски (за что респект создателям). Всё это выглядит так, что вот смотришь на игру, какой она была на самом деле тогда, а затем на современный ремейк – и как будто именно так оригинал запечатлелся в памяти». На том же ресурсе уже к обзору Mafia Definitive Edition (ремейк 2020 года оригинальной Mafia: The City of Lost Heaven, вышедшей в 2002 году) пользователь под ником holodust1466 оставляет аналогичный предыдущему комментарий: «Действительно хорошие визуальные эффекты... именно так мой мозг сквозь туман времени вспоминает оригинальную "Мафию"».

Под обзором Crisis Core: Final Fantasy 7 Reunion (ремастер оригинальной Crisis Core, выпущенной в 2007 г. на PSP) пользователь Im_Behind_You заключает: «Вот это я называю ремастером. <...> Crisis Core Reunion – это именно то, каким я помню Crisis Core в те времена».

К ремейку культовой игры Shadow of the Colossus (оригинальная игры вышла в 2005 году на платформе PS2, а ремейк – в 2018-ом на PS4) на том же ресурсе пользователь @Antonio-yq8uo оставляет комментарий, в котором он предполагает, что именно такую визуальную оболочку в идеале представлял ведущий дизайнер игры Фумито Уэда: «Игра выглядит потрясающе, и я думаю, что именно так Уэда представлял графику игры, когда создавал ее на PS2».

Удачные визуальные переосмысления культовых видеоигр находят один повторяющийся из раза в раз весьма симптоматичный отклик, смысл которого сводится к следующему: то, как выглядит ремейк такой-то видеоигры сейчас на экране монитора, так выглядел оригинал тогда *в воображении.* Ранее откровенно бедная визуализация игровых 3D-миров провоцировала активное участие игрока, обогащавшего всегда неприглядную реальность до уровня, ограниченного лишь его фантазией. Воображение самого игрока компенсировало недостаточность визуальной презентации. Игрок сам

(каждый по-своему) достраивал визуализацию внутриигрового мира – *творчески инвестировался в игру*, придавая ей персональное значение.

Как ни парадоксально, но ранее явно скудная специфика видеоигр (собственно, их «видео-» – часть) делала их куда более ценным культурным артефактом. По причине своей визуальной «неполноценности» видеоигры давали мощные импульсы воображению игрока для продуктивной творческой работы и «Кое-что исчезло: суверенное различие между одним и другим, то, что составляло шарм абстракции» [2, с. 6]. Визуальная же полнота (сверхреалистичность отображения игровых миров, не нуждающаяся в дополнениях внешними средствами), напротив, узурпировала активность способности воображения у игрока.

Сверхдетализация объектов, колоссальное разрешение текстур, гиперреалистичная физика сложных объектов внутриигровых миров обрекли игрока на реакционное воспроизводство правил игры и конформное подчинение внутренней логике этого визуально более изобильного, чем сама реальность мира. Современные видеоигры, наполненные визуальной информацией, лишили себя смысла, который им придавала продуктивная способность воображения игроков. Игроки, ранее проявлявшие активное сотворчество в визуальном конструировании, стали пассивными зрителями графически избыточнодетерминированных миров.

Из-за сверхреалистичной графики в современных видеоиграх (уже давно не нуждающихся в дополнительности пререндеренных кат-сцен) стихийно исключает потребность в воображении игрока (в деле визуальной доработки некогда графически неполноценных 3D-миров). Поскольку (1-ая посылка) связующей (рассудок и разум) способностью человека является способность воображения (И. Кант); и видеоигры (2-ая посылка) сегодня являются господствующим по своему влиянию и охвату медиапродуктом; то (вывод) диагностированное положение дел свидетельствует о фундаментальной утрате: драматическая атрофия воображения.

Список литературы:

1. Кант И. Критика способности суждения. М.: АСТ, 2020, 449 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.

3. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность. Критическаяфилософия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.

В.Е. Кострюков,
Самарский государственный технический университет

«СМЕРТЬ АВТОРА» В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ГРАНИЦЫ ЧЕЛОВЕКА И НЕЙРОСЕТИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы влияния нейросетей на понимание авторства. Исследуется трансформация восприятия авторства в контексте информационной культуры. Предлагаются философские предпосылки к появлению нейросетей.

Ключевые слова: трансформация авторства, нейросети, искусственный интеллект, нейроэтика.

V.E. Kostryukov,
Samara State Technical University

«DEATH OF THE AUTHOR» IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE LIMITS OF MAN AND NEURAL NETWORKS

The article deals with the actual problems of the influence of neural networks on the understanding of authorship. The transformation of perception of authorship in the context of informational culture is investigated. The philosophical preconditions for the emergence of neural networks are offered.

Keywords: transformation of authorship, neural networks, artificial intelligence, neuroethics.

Традиционно авторство определяется как индивидуальное свойство создателя. Это свойство тесно связано с личностью автора, его стилем и индивидуальностью. Здесь главное – «Я» автора. Еще Ф. Ницше, утверждая тождество творца и его творения, так определял природу творчества: «Творить – значит выбирать и сообщать законченную форму избранному. Во всяком волевом акте существенном является именно это» [1, с. 309].

С развитием технологий искусственного интеллекта разделять произведения на «чужие» и «свои» становится все сложнее. Отношение к авторству и его формы радикально изменились. Мы наблюдаем трансформацию авторства, которая меняет наше представление о творческой деятельности и ее принципах. С появлением алгоритмов нейросетей возникла новая проблема автор-

ства, связанная с использованием искусственного интеллекта для создания произведений искусства, музыки, фотографий и других творческих работ без прямого участия человека. Кому же тогда принадлежит авторство? И как отличить работу, созданную с помощью нейросети, от работы, созданной человеком? Американский нейрофизиолог У. Маккаллок и его коллега математик У. Питтс в 1943 году опубликовали статью «Логическое исчисление нервных процессов», в которой представили первую модель искусственной нейронной сети [2]. Они использовали математические вычисления, чтобы показать, как нейроны могут совместно работать, чтобы обрабатывать информацию, как это происходит в головном мозге. Это был первый шаг к созданию нейросетей, какими мы знаем их сегодня.

Своего рода манифестом постмодернизма стало в 1967 году эссе философа Ролана Барта «Смерть автора». Это ключевой текст в постструктуралистской теории литературы и искусства, в котором он утверждает, что идея автора как владыки смысла, контролирующего толкование его текста, должна быть отвергнута. Барт предлагает пересмотреть роль автора в процессе создания и интерпретации текста, а именно перенести акцент с автора на читателя. Барт говорит, что весь текст должен рассматриваться как пустой знаковый набор, который получает смысл только в контексте читательского опыта и культурных конвенций. Автор не может контролировать эти факторы и не может сделать однозначное объяснение своего текста. Согласно Барту, авторское намерение не имеет значения, потому что окончательный смысл произведения формируется во время его рецепции. Таким образом, идея авторства должна быть заменена концепцией «текста». «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, *ни один из которых не является исходным*» [курсив наш – *В.К.*] [3, с. 301].

Созданные нейросетью тексты несут на себе отпечаток философской концепции Р. Барта. С учетом его воззрений нейросеть можно рассматривать как некоего «идеального автора», не претендующего на авторство, создающего свои тексты на основе культурного опыта предшественников и не ожидающего отклика от читателя.

Одной из главных философских предпосылок появления нейросетей является идея о том, что человеческий мозг является универсальным компьютером, который способен обрабатывать информацию в режиме реального времени. Нейросети были созданы с целью моделировать процессы познания, которые происходят в мозге человека.

Другой философской предпосылкой появления нейросетей является концепция эмпиризма, согласно которой знание возникает на основе опыта и наблюдений. Нейросети, как и человеческий мозг, обучаются на основе опыта, что позволяет им адаптироваться к новым условиям и развиваться.

Также в развитии нейросетей существенную роль сыграла теория кибернетики, подразумевающая, что системы способны самоорганизовываться и решать проблемы путем обработки информации. Эта идея легла в основу создания нейронных сетей, способных самостоятельно адаптироваться к новым условиям, не требуя вмешательства человека. Таким образом, появление нейронных сетей базируется на философских предпосылках, связанных с теорией познания, эмпиризмом и кибернетикой. Однако именно здесь возникают некоторые трудности с присвоением авторства. Ведь как определить, кто именно создал работу – нейросеть или исследователь, создавший ее алгоритм? Один из наиболее ярких примеров этого – обучение нейросети игре в го. В 2016 году корейский профессиональный игрок Ли Седоль проиграл в серии матчей против нейросети AlphaGo, разработанной компанией Google DeepMind. Но кто же заслуживает здесь авторства? Можно ли считать, что автором является создатель алгоритма нейросети, или же это все-таки проект команды разработчиков, инженеров и ученых?

Где проходит граница между человеком и нейросетью? Это одна из важных тем в современной философской антропологии. Нейросети не обладают сознанием, как у людей, не могут испытывать эмоции и чувства. В этой связи поиск этой границы лежит в области представления технологических средств, которые могут усиливать и расширять возможности людей, но не могут полностью заменить их. Например, нейросети могут помочь в решении поставленных задач, но не смогут заменить творческий подход и интуицию человека.

Нейросети могут имитировать некоторые аспекты человеческой мысли и поведения. В научном мире даже появилась новая область знания, сочетающая в себе когнитивные науки и философию – нейроэтика. Этот термин, в его нынешнем значении, впервые употребил в 2002 году писатель В. Сафир.

Одна из главных проблем с точки зрения нейрофилософии заключается в том, что многие люди считают, что искусственный интеллект может угрожать человеческой культуре и ценностям. Высказываются опасения, что нейросети могут стать самодостаточными и начать вырабатывать свои собственные ценности и моральные принципы.

Американский ученый-лингвист Н. Хомский так формулирует главный вопрос, который беспокоит человечество в эпоху нейросетей: «Сегодня наши якобы революционные достижения в области искусственного интеллекта дей-

ствительно вызывают как обеспокоенность, так и оптимизм. Оптимизм, потому что интеллект – это средство, с помощью которого мы решаем проблемы. Обеспокоенность, потому что мы опасаемся, что самый популярный и модный штамм ИИ – машинное обучение – испортит как науку, так и представления о морали, включив в мир техники в корне ошибочную концепцию языка и познания… Учитывая аморальность, псевдонаучность и лингвистическую некомпетентность этих систем, мы можем только смеяться или плакать над их популярностью» [4].

Сегодня, когда зачастую невозможно отличить текст, созданный искусственным интеллектом, от текста, созданного человеком, и когда вопрос «кто есть автор?» приобретает как никогда актуальное значение, ответ мы находим в подходе, сформулированном в конце XVIII века. Историк и поэт Н. Карамзин, одним из первых в русской философской традиции затронувший проблему авторства, в своей статье «Что нужно автору», написанной в 1793 году, утверждал: «Я уверен, что дурной человек не может быть хорошим автором» [5, с.122]. И хотя эти слова Н. Карамзина в наши дни могут показаться наивными, именно в наличии или отсутствии у автора моральных принципов может происходить поиск границы между автором-человеком и автором-нейросетью.

Список литературы:

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: REFL-book, 1994. 880 с.

2. McCalloch W.S., Pitts W. A logical calculus of the ideas immanent in nervous activity // Bull. Math. Biophys, 1943.V.5. Pp.115-133.

3. Барт Р. Смерть автора / Пер. с франц. С.Н. Зенкина // Р. Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика, М. 1994. С. 297-318.

4. Chomsky N. The False Promise of ChatGPT/ N. Chomsky Guest Essay, The New York Times, March 8, 2023 // https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/chatgpt-neopravdannye-nadezhdy

5. Карамзин Н.М. Что нужно автору? // Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2, С.120-122.

А.А. Кузнеченков,
Самарский университет

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ЭВОЛЮЦИИ: ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА ПРАВА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье обсуждаются некоторые философские аспекты, связанные с принятием правом электронной формы в процессе электронной эволюции. Рассматривается связь семиозиса и эволюционного процесса. В качестве основных семиоических моделей для исследования рассматриваются рефлексивные, в рамках которых возможна реализация аутопоэзисной функции. Определяются необходимые структурные изменения в праве и связанные с ними трансформации парадигм правовых исследований.

Ключевые слова: электронная эволюция, электронная форма права, семиозис правовых исследований, аутопоэзис правовых исследования, трансформация парадигм правовых исследований.

A.A. Kuznechenkov,
SamaraUniversity

SOME PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ELECTRONIC EVOLUTION: THE ELECTRONIC FORM OF LAW AND THE TRANSFORMATION OF LEGAL RESEARCH PARADIGMS

The article discusses some philosophical aspects related to the adoption of electronic form by law in the process of electronic evolution. The connection of semiosis and the evolutionary process is considered. Reflexive models are considered as the main semiotic models for research, within the framework of which the implementation of autopoiesis function is possible. The necessary structural changes in law and related transformations of legal research paradigms are determined.

Keywords: electronic evolution, electronic form of law, semiosis of legal research, autopoiesis of legal research, transformation of legal research paradigms.

«Очевидно, что в XXI веке человечество вступает в состояние «третьей природы», выстраивая новую искусственную среду поверх искусственной

среды, созданной в XIX и XX веках, и у философского сообщества пока нет обобщающих глобальных моделей, которые могли бы описать взаимодействие природного и искусственного, показать глобальный горизонт прогноза» [1, с. 386]. «Обретение» человечеством «третьей природы» сопровождается трансформациями, связанными с «погружением» деятельности человека в электронное пространство, которое, в свою очередь, является одним из результатов электронной эволюции. Глобальность трансформаций в рамках электронной эволюции объясняется фундаментальностью содержащихся в ней идей. «Математическая логика и теория алгоритмов, оформившиеся в полной мере в ходе тесного контакта с философскими поисками, легли в основу важнейшего технологического прорыва, а именно, создания современных компьютеров» [2,с. 14].

Теория технологической эволюции Р. Рихты [3], рассматривающая изменение общества посредством технологического развития, содержит в себе явные предпосылки для образования понятия «электронная эволюция». В основании теории Р. Рихты находится понятие технологии, в качестве этапов развития технологий выделяются: 1) инструменты; 2) машины; 3) автоматы. «Автомат» – машина, техническое средство, объект принадлежащий целиком второй природе, из «четвертого царства» Ф. Дессауэра. «Под словом «техника» мы имеем в виду совокупность этих событий, форм, процессов, которые однажды возникли и стали обыденностью; технику как земное свершение, как всемирное превращение в подлежащем обнаружению и исследованию смысле, надстоящем и обобщающем всё то, что по отдельности в качестве технического объекта раскрывается в миллионах форм; технику как совокупный образ истории» [4, с. 135].

Широкое толкование права и анализ существующих форм права показывает, что право как явление в своем развитии приняло формы социальных регуляторов – обычное право, религиозное право, моральное право, позитивное право и т. д. С одной стороны, это правила поведения, с другой стороны, эти правила, зафиксированные с использованием различных средств: позитивное право – правовой акт; обычное и моральное право – память поколений; религиозное право – Библия, Коран и т. д. Наиболее активно развивающейся формой права является позитивное право, что подтверждается тем, что именно в отношении позитивного права рассматриваются возможности трансформации и принятия правом электронной формы.

Анализ формы позитивного права показывает, что она представляет собой формальную (знаковую) систему. С одной стороны, процесс реализации правового регулирования, важной составляющей которого является функция развития права, позволяет применять для исследования правовых процессов семиотическую модель, с другой – толкование понятия «знак» в широком смысле, от атомарных состояний электронных и биологических объектов до динамических процессов, протекающих в пространстве и времени, позволяет рассматривать эволюцию в области электронных и биологических систем как процесс семиозиса с рефлексивно-регулятивной прагматической составляющей. Таким образом, именно семиозис предоставляет собой модель в рамках которой становится возможным изучение электронной трансформации права в рамках электронной эволюции, результатом которой может стать электронная форма права.

Тот факт, что право в процессе своего развития само себя изменяет, дает основания рассматривать право в качестве рефлексивной саморегулируемой системы. В части определения рефлексивных систем с функцией самоорганизации полагаем возможным использование результатов, полученных У. Матурана и Ф. Варелой. «Слово «автономия» мы используем в его современном смысле, то есть система автономна, если она сама устанавливает собственные подходящие законы. Мы отнюдь не утверждаем, будто живые системы – единственные автономные системы. Это заведомо не так. Тем не менее автономность – одна из наиболее бросающихся в глаза отличительных особенностей живых существ. Мы утверждаем, что механизм, превращающий живые существа в автономные системы, — это аутопоэз» [5, с. 53-54].

Анализ формы позитивного права в контексте электронной трансформации позволяет сделать предположение о том, что для принятия правом электронной формы необходимыми являются алгоритмизация и аксиоматизация права. В этой области стоит отметить – «Аксиоматические основы теории права» С.Н. Егорова [6], «алгебры права» В.О. Лобовикова. Особое место в исследованиях занимают совместные работы В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева «Уподобление конституции аксиоматической системе и трактовка ее как когерентной, непротиворечивой с возможностью неконсервативного расширения позволяет уточнить, что именно с формальной точки зрения требуется, чтобы она была действенной» [7, с. 8]; «В этом случае (аксиоматизации – прим. автора) теория конституционного права должна трактоваться относительно конституции подобно метаматематике Д. Гилберта, которая рассматривает свой-

ства формальных систем» [7, с. 8]. Также работы автора: «Право как эволюционирующая самоприменимая реализующая формальная система» [8]; «Категория «правопроцесс» как развитие понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании» [9] относятся к рассматриваемой тематике. Основным преимуществом представления права в качестве самоприменимой (рекурсивной) формальной системы является то, что рекурсия рассматривалась в качестве основного механизма: 1) для построения семантики права; 2) для разрешения вопросов непротиворечивости и полноты правовых норм. В части алгоритмизации права, автором рассматривалось понятие «правопроцесс» как развитие понятия «правоотношение» – основного структурообразующего понятия в общей теории права, со всеми особенностями рекурсивного алгоритма.

Увеличение объемов правового регулирования и повышение точности правового воздействия – это именно те общественные запросы, которые возможно удовлетворить с использованием цифровых технологий в правовом регулировании. Использование в правовом регулировании автоматизированных систем означает для права важнейший качественный переход от косвенных методов правового регулирования к прямым, как наиболее эффективным: «от правового воспитания – к правовому регулированию», от формирования поведения субъекта – к регулированию поведения субъекта.

В части структурные изменения в праве, связанные с электронной трансформацией, рассматриваются:

– переход от косвенных методов правового регулирования к прямым, как более эффективным (что напрямую влияет на структуру правовой нормы отсутствием санкции);

– понятие «правопроцесс», как развитие понятия правоотношение (алгоритмизация права);

– понятие «формальный субъект» в праве;

– приведение языка права к формальному языку исчисления, отвечающего требованиям полноты и непротиворечивости;

– аксиоматизация права.

Характер изменений, связанных с приобретением правом электронной формы, свидетельствует о необходимости изменений в парадигмах правовых исследований: принятием процессуальной природы права и трансформация ментальной парадигмы правовых исследований. Принятие процессуальной природы права влечет глобальное изменение структурообразующего понятия

– правовой нормы и развитие в праве понятия «правопроцесс». В части трансформации ментальной парадигмы правовых исследование – это в первую очередь переход от правового воспитания к правовому регулированию, что не означает отказ от воспитания, а указывает на появление новой «опции», не менее эффективной. Кроме того, стоит отметить важность принятия субъектами правового регулирования «нементального» – «автоматического» характера правового регулирования.

Электронная форма права представляет собой следующий этап развития права и связана с обретением человечеством «третьей природы», она и отвечает общественным запросам на повышение объемов и точности правового регулирования. В исследованиях электронной трансформации права семиотические модели представляют особый интерес, в рамках которых возможно реализовать аутопоэзисные свойства права. Электронная трансформация права напрямую связана с изменениями парадигм правовых исследований – принятие процессуальной природы права и трансформация ментальной составляющей правового регулирования. Таким образом, семиозис правовых исследований, аутопоэзис правовых исследований и трансформация парадигм правовых исследований – представляют собой направления, связанные с обретением правом электронной формы.

Список литературы:

1. Нестеров А.Ю. Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвёртое царство» Ф. Дессауэра // Онтология проектирования. 2016. Т. 6. № 3 (21). С. 377-389. DOI 10.18287/2223–9537–2016–6–3–377–389. – EDN WMXBUB.

2. Целищев В.В. Алгоритмизация мышления. Геделевский аргумент. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.

3. Человек – наука – техника: Опыт марксистского анализа науч.-техн. революции / АН СССР. Ин-т философии. Ин-т истории естествознания и техники. Чехословац. акад. наук. Ин-т философии и социологии. М.: Политиздат, 1973. 366 с.

4. Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт: монография / Пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: ООО «Самарама», 2022. 194 с.

5. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

6. Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. 272 с.

7. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. №. 5. С. 3-8.

8. Кузнеченков А.А. Право как эволюционирующая самоприменимая реализующая формальная система // Эволюция и революция в праве: сборник научных статей Самарского университета. Самара. Издательство «Инсома-Пресс». 2018. с. 126-134.

9. Спирин М.Ю., Кузнеченков А.А. Категория «правопроцесс» как развитие понятия «правоотношение» в контексте рекурсивной парадигмы в правовом регулировании // Юридический вестник Самарского университета. 2019. № 2. С. 7-14.

Ю.А. Кузовенкова,
Самарский государственный медицинский университет

ВИРУТАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНДРОМЫ: КЕЙС ЯПОНИИ

В статье рассматривается взаимодействие традиционных культурных установок и технических инноваций, определяющих материальную среду жизни человека. На примере культурно обусловленных синдромов и девиантных форм поведения показано, как современные цифровые технологии становятся источниками новых стратегий выхода из проблемных ситуаций, порождаемых культурными установками.

Ключевые слова: IT-технологии, виртуальная реальность, культурно-обусловленный синдром, традиционная культура, практики.

Y.A. Kuzovenkova,
Samara State Medical University

VIRTUAL REALITY AND CULTURE BOUND SYNDROMS: CASE OF JAPAN

The article deals with the combination of various cultural attitudes and technical innovations that determine the material environment of human life. On the example of culturebound syndromes and deviant forms of behavior, it is shown how modern digital technologies become sources of new strategies for getting over problematic situations generated by cultural settings.

Keywords: IT-technology, virtual reality, culture bound syndrome, traditional culture, practices.

Жизнь современного общества в последние десятилетия подверглась кардинальным социальным и техническим изменениям, происходит значимая смена научных представлений. Например, посредством эволюции технологий меняются повседневные практики людей как в профессиональной и бытовой сферах, так и в досуговой. В Японии возникла субкультура «отаку» (Otaku). Ее представители играют в онлайн-игры, предлагающие опосредованное общение пользователей, но также увлекаются настольными играми с героями аниме, общаясь с партнерами по игре непосредственно. Представители отаку под-

держивают контакты также с представителями других субкультур, обмениваясь с ними информацией о новых игровых продуктах [1]. Однако иногда подобные увлечения могут перерастать в девиантные формы поведения, проявляющиеся в глубоком погружении в виртуальную реальность, видеоигры и пр., когда из их жизни пропадает стремление интегрироваться в общество в формах общения с другими людьми, получения образования, стремления к каким-либо общественным достижениям. Такое девиантное поведение может демонстрировать представитель любой культуры, достигшей определенного уровня технического развития. Но как проблема такое поведение впервые было зафиксировано в Японии [2].

В ряде обществ установки традиционной культуры сохранились до наших дней, несмотря на то, что практики повседневности и связанные с ними материальные условия общественной жизни кардинальным образом изменились, в них традиции сосуществуют с инновациями. Так, до сих пор представления об идеале человека в Японии связываются с незапятнанной репутацией. Рут Бенедикт в своей книге «Хризантема и меч» описывает такой феномен японской культуры, как «гири своему имени» – это обязанность сохранять свою честь и репутацию незапятнанной. Для этого необходимо соблюдение различных этикетных требований «должного места», проявление стоицизм и самоконтроля в страдании и прочее. Потерять честь можно при различных обстоятельствах, к которым относятся действия как других людей по отношению к человеку, например, клевета, так и поступки самого человека, например, непреднамеренно обеспокоил кого-либо. Соблюдение «гири своему имени» может проявляться в парадоксальных для европейского человека вещах: «как пример можно привести длинный список директоров школ, совершивших самоубийства из-за того, что им не удалось справиться с пожаром, угрожавшим висевшему в каждой школе портрету императора». Чистота репутации настолько важна, что самоубийство в некоторых случаях рассматривается как благо. Одно из ключевых понятий для японцев – честь. Р. Бенедикт пишет: «Человек добродетелен в той мере, в какой он принес «честь» своим владениям, своей семье и лично себе» [3, с. 105]. Из-за «гири своему имени» японцы становятся очень чувствительными. Трудным фактором для преодоления становится для японцев конкуренция на работе. Даже процесс поиска работы может превратиться для них в большое испытание, так как отданное другому предпочтение при найме на работу или провал на конкурсных экзаменах вызывает чувство стыда из-за неудачи, в большинстве случаев возникает опасная депрессия.

Гири – «не типичная для материковой Азии добродетель. Это, так сказать, не восточная добродетель. Ее нет у китайцев, нет у сиамцев, нет у индийцев» [3, с. 105]. Именно поэтому только в Японии есть синдром (комплекс психопатологических и поведенческих расстройств), который получил название «тайдзин-кёфусё» (Taijin-kyofu-shu). Это культурно-обусловленный синдром (КОС). КОС – понятие, используемое для описания поведенческих синдромов, неизвестных в официальной психиатрии и зафиксированных только в терминах местных языков [4, p. xxvii]. Он «проявляется сильным страхом потери доброжелательности по отношению к себе других людей и страхом оскорбить окружающих своим поведением, внешним физическим недостатком, отталкивающим людей, неподобающим выражением лица. Сюда же входит страх быть рассматриваемым другим человеком, непереносимость чужого взгляда. Человек старается контролировать все свои проявления, в том числе и непроизвольные (например, боится внезапно покраснеть или покрыться потом)» [2, С. 101]. Часто это приводит к тому, что человек начинает избегать контактов с другими людьми, что ведет к социальной изоляции.

Жесткие установки японской культуры заставляют некоторых людей прекращать социальные контакты и становиться затворниками. Случай тайдзинкёфусё не единственный пример такого рода. В 1985 г. впервые был употреблен термин «хикикомори» для обозначения специфического поведения подростков, связанного с острой социальной изоляцией. Его не принято считать синдромом, скорее, это идиома для обозначения дистресса. В хикикомори соединились установки традиционной японской культуры и передовые технологии. Японские исследователи, изучавшие этот феномен в его оригинальной форме (у представителей японской культуры), выделяют пять характеристик хикикомори, одной из которых является избегание ситуаций, которые могут вызвать негативное отношение у окружающих [5]. Люди, страдающие хикикомори, отказываются выходить из своей комнаты, прерывают какие-либо непосредственные социальные контакты и часто уходят в виртуальную реальность, заменяя ей непосредственную социальную среду. Интернет для них становится единственным безопасным средством связи с внешним миром, ведь в нем мы не представлены настоящими, там можно носить «маски», менять свою идентичность.

Хикикомори долгое время считался характерным только для представителей японской культуры, но, согласно представлениям современных исследователей, хикикомори распространился по миру и стал кросскультурным фено-

меном. На сегодняшний день его выделяют в Китае, Южной Корее, Финляндии, США, Франции, Украине, России и других странах [6].

Таким образом, технический прогресс порождает новые практики, позволяющие с большей или меньшей степенью успеха использовать различные стратегии выхода из проблемных ситуаций, порождаемых культурными установками. В данном случае можно вести речь о стратегии эскапизма – уходе от непосредственной социальной реальности в виртуальную.

Список литературы:

1. HoT.-Y., Tsai H.-T., Lin P.-H. The effects of technology innovation and network presence on Otaku Identity // Technological Forecasting & Social Change. 2019. № 144. P. 82-92.

2. Марилов В.В. Общая психопатология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 224 с.

3. Бенедикт Р. Хризантема и меч: Модели японской культуры / Пер. с англ. 2-е изд. М., Спб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.

4. Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and Illness in the World’s Cultures / Edited by Carol R. Ember, Melvin Ember. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2004. 1110 p.

5. Suwa M., Suzuki K. The phenomenon of «hikikomori» (social withdrawal) and the sociocultural situation in Japan today // Journal of Psychopathology. 2013.№ 19. P. 191-198.

6. Нестерова А.А., Кичман Д.Н. Личностные особенности лиц, находящихся в состоянии острой социальной самоизоляции (хикикомори) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2022. № 2. С. 117-134.

М.В. Лагутин,
Казанский федеральный университет;
Е.М. Николаева,
Казанский федеральный университет

ВЕРСИИ ЯВЛЕНИЯ «БИОХАКИНГ»: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ

Явление «биохакинг», которое преследует цели практического неакадемического использования биологических знаний любым желающим, известно научному сообществу с конца XX века. Биохакинг является перспективным явлением, которое разделяется на слабую и сильную версии. Они отличаются друг от друга своими антропологическими рисками и перспективами, которые рассматриваются в данной работе.

Ключевые слова: биохакинг, слабая версия, сильная версия, риски, перспективы.

M.V. Lagutin,
Kazan Federal University;
E.M. Nikolaeva,
Kazan Federal University

VERSIONS OF THE PHENOMENON OF «BIOHACKING»: ANTHROPOLOGICAL RISKS

The scientific community has known the phenomenon of «biohacking» since the end of the XX century, which pursues the goals of practical non-academic use of biological knowledge by anyone. Biohacking is a promising phenomenon that divides into weak and strong versions. They differ from each other in their anthropological risks and perspectives, which we are considering in this paper.

Keywords: biohacking, weak version, strong version, risks, prospects.

Широкая доступность большого пласта биологических данных в конце 90-х годов XX века оформила сразу несколько тенденций, обуславливающих появление «биохакинга», в уже сложившейся первой половине XXI века [1, p. 2]. Среди наиболее весомых общественных тенденций можно выделить следующие: увеличение интереса к собственному здоровью и методам управле-

ния им, активное распространение знаний и методов узких областей биологических наук за пределы академического круга, высокая мобильность передовых научных знаний, с возможностью их использования любителями с самой малой подготовкой, и демократизация научной деятельности, позволяющая потеснить монополию университетов на производство специальных научных знаний.

Все это формировало исследовательский интерес у научного сообщества относительно возможных перспектив и рисков внедрения и расширения феномена «биохакинг». Этические и антропологические, гносеологические и онтологические проблемы, вопросы безопасности и правового регулирования остаются актуальными по сей день и будут актуализироваться по мере совершенствования методов воздействия на человеческий организм. Антропологический аспект, а именно его антропологические риски, представляет наибольший интерес в связи со своей фундаментальностью: определив антропологические риски, решение большинства остальных проблем будет существенно упрощено.

Важно указать, что «биохакинг», несмотря на свои достижения в области производства биосенсоров, позволяющих выявлять загрязнения в окружающей среде, биореакторов, наборов ферментации или методов извлечения ДНК, не влияет, даже косвенно, на антропологические аспекты, если не заходит на территорию активного вмешательства в функционирование человеческого организма. Опустим этическую составляющую, к примеру, представим биохакера, давшего добровольное согласие на подобные вмешательства. В данном случае вопросы антропологических рисков будут вопросами степеней модификации человеческого тела.

«Биохакинг» подразумевает модификацию какой-либо части или частей организма с целью улучшения или изменения конкретной функции или набора функций зачастую с использованием искусственных материалов. К примеру, всевозможные чипы, магнитные имплантаты, системы навигации, являются одним из видов биохакинга, относящиеся к простым модификациям [2, p. 1], поскольку идея биохакинга заключается в введении в организм материала, которой позволяет нам улучшить наше собственное состояние – психоэмоциональное и физическое (например, улучшить концентрацию внимания или повысить работоспособность). Это удовлетворяет определению биохакинга, однако не отличаясь при этом, от ношения различных девайсов, к примеру, наручных часов [2, p. 1]. Использование подобных модификаций можно

назвать слабой версией биохакинга, поскольку есть более сложные механизмы модификации, которые также можно назвать биохакингом.

Сложными являются модификации на геномном уровне, они качественно отличаются от носимых/вживляемых под кожу аппаратов, или принимаемых препаратов, что тоже будет относиться к биохакингу [3, с. 1]. Манипуляции на молекулярном уровне можно назвать сильной версией биохакинга, поскольку они нацелены на изменение фундаментальных функций отдельных частей, к примеру, клеток, или на создание всей геномной структуры человека целиком [4, p. 604]. Такие вмешательства кажутся существенными и создают антропологические риски, гораздо серьезнее NFC-чипов в запястье.

Слабую версию биохакинга можно определить как улучшающую (незначительно) адаптацию человека к социальным условиям – оплата проезда в метро вживленным чипом, повышение работоспособности или улучшение памяти. В противоположность этому модификации строгой версии представляют собой биологическую материю, которые, как и человеческий организм, используют гены в качестве двигателя биологической адаптации [4, p. 610]. Благодаря своей высокой способности к интеграции, они более не смогут вступать в противоречие с телом, как это делают небиологические имплантаты – как, например, кардиоустройства, которые сами управляют ритмом своего носителя [4, p. 610.] Глубокие геномные модификации могут придать совершенно иные функции – например, улучшенная скелетно-мышечная ткань или замедленное старение. Эти изменения многовекторны. С одной стороны, строгая (сильная) версия биохакинга в своей перспективе может существенно повлиять на жизнь человека и может помочь людям с измененным геномом иначе реализовываться и как биологическое существо, и как социальное.

Однако есть «но». Во-первых, это недостаточность развития биохакерства сильной версии. На данный момент у нее нет достижений такого масштаба, однако все это касается лишь человека, в пределах других организмов на данный момент возможны целые синтетические цепи мРНК и многие белки, которые могут приводить к новым клеточным функциям. Во-вторых, хоть сильная версия биохакинга и описывает значительные изменения, они могут не затронуть фундаментальные антропологические единицы (процесс познания или процесс рефлексии), благодаря которым мы можем назвать человека человеком. В-третьих, у ученых, описывающих сильную версию биохакинга, как, например, у LeoPio-Lopes, возникают справедливые вопросы относительно автономии человека относительно своего создания [4, p. 615]. Что делать в случае, когда нам захочется отказаться от уже добавленных генов? Слабая

версия биохакинга подразумевает удаление все того же чипа из тела хирургическим путем, но что делать с сильной – с клетками, которые распространены по всему организму? Возникают трудности обратимости изменений, которые можно интерпретировать как несвободу распоряжения своим улучшенным телом в случае, если мы все же решились на эти улучшения.

Список литературы:

1. Meyer M. The rise of biohacking: Tracing the emergence and evolution of DIY biology through online discussions // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 160. P. 1-17.

2. Gangadharbatla H. Biohacking: An exploratory study to understand the factors influencing the adoption of embedded technologies within the human body // Heliyon. 2020. Vol. 6. Iss. 5. P. 1-9.

3. Микробиом и биохакинг: парадигма управления здоровьем / А.А. Вековцев, Е.М. Серба, Б. Бямбаа, В.М Позняковский // Индустрия питания / FoodIndustry. 2021. Т. 6. № 2. С. 16-22.

4. Pio-Lopez L. The rise of the biocyborg: synthetic biology, artificial chimerism and human enhancement // New Genetics and Society. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 599-619.

С.А. Лишаев,
Самарский университет

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА: ВОПРОС ОБ ИСТИНЕ И ЗАКАТ ФАУСТОВСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В работе рассматривается связь между разными подходами к пониманию истины и кризисом гуманизма как принципа фаустовской культуры. Анализируются причины стремления людей данной культуры к конструированию искусственного подобия человека.

Ключевые слова: фаустовская культура, человек, гуманизм, трансгуманизм, истина, субъект.

S.A. Lishaev,
Samara University

THE FATE OF MAN: THE QUESTION OF TRUTH AND THE DECLINE OF THE FAUSTIAN CIVILIZATION

The paper examines the connection between different approaches to understanding the truth and the crisis of humanism as a principle of Faustian culture. The reasons for the desire of people of this culture to construct an artificial likeness of a person are analyzed.

Keywords: Faustian culture, man, humanism, transhumanism, truth, subject.

Современное общество – и прежде всего его наиболее продвинутая в технологическом отношении часть – находится в переходном состоянии. Под вопрос поставлены биологические, социальные и духовные основы человеческого бытия. До недавнего времени они видоизменялись, трансформировались, но в качестве антропологических универсалий оставались неизменными. Половой диморфизм, семья, общительность, эмоциональность, сознание, мышление, труд, способность к целеполаганию etc. объединяли людей разных эпох и культур. Сегодня этим константам угрожает деструкция.

Еще недавно западная культура отстаивала принципы гуманизма, но сегодня в ней «продвигаются» идеи, гуманизм отвергающие (трансгуманизм). Такой поворот не является ни случайным, ни неожиданным. Это логичный результат развития культуры, названной О. Шпенглером фаустовской [1]. Стремление фаустовского человека за горизонт, его воля к универсализации собственных представлений об истинном и ложном обусловили ее экспансию

вовне и распечатку фаустианского гена в культурах, не имеющих отношения к романо-германскому миру. В одних регионах исторический псевдоморфоз привел к ощутимым изменениям в этих культурах, а где-то, встретив упорное сопротивление, глубоко в культурный код не проник, произведя внешние, поверхностные преобразования (европейские «фасады»). Внедрение фаустианского гена в инокультурные общества проходило с разной скоростью. Тем не менее за несколько веков идеи гуманизма под флагом модернизации распространились по всему миру. Вот почему ответ на вопрос о причинах деструкции базовых форм человеческой жизни в процессе дегуманизации фаустовской цивилизации важен не только для запада и его близких соседей, но и для мира в целом.

В сформированном современными медиа общественном сознании антропологический кризис привычно связывают с логикой научно-технического прогресса, с развитием искусственного интеллекта, с роботизацией человеческих способностей (от протезирования органов и телесных функций до машинной симуляции когнитивных способностей), с колонизацией тела биомедицинскими технологиями, с успехами в программировании сознания людей и т. д. Однако это лишь поздние следствия выбора, сделанного пять-шесть столетий назад. Это был выбор на глубине, вопроса о технике он напрямую не касался. Феномен автоматизации техники (эпоха машин) стал одним из важных следствий решения вопроса об истине. М. Хайдеггер прав: «…сущность техники… не есть что-то техническое» [2, с. 221]. И если машинная техника приобрела власть над человеком, то дело не в ней, а в базовых установках того, кто ее создал и ей пользуется.

Страх перед техникой, освободившейся/освобождающейся от контроля со стороны человека и угрожающей его существованию (восстание машин, роботов, киборгов), – это реакция на переворот в понимании истины. И в античном, и в христианском сознании Истина – это данность, открытость, это откровенная Истина (древние мыслили ее как непотаенное, как алетейю [2, с. 350-354], то есть мыслили ее или космологически (пантеизм и панентеизм античных мыслителей) или теистически (Христос и есть воплощенная, вочеловечившаяся Истина). В Новое, фаустовское время происходит разворот от онтологического понимания истины к гуманистическому: истина от Бога замещается истиной от человека, от того, кто ее устанавливает и удостоверяет (познавательная истина). Отправляясь от данной интуиции, человек не восходит к Истине, очищая свою душу, чтобы вместить Ее в полноте, а исследует ее как истину сущего (устанавливая истины с маленькой буквы) и решает посредством разработанных им процедур, что истинно, а что ложно, иллюзорно [2, с.

41-52]. Истина в Новое время подчиняется субъекту как «мыслящей вещи» [3, с. 20-28], человек и есть мерило для того, что истинно или ложно.

Единение с истиной в античные времена (в форме мудрости) и в христианском мире (в форме святости) неотделимо от формирования человека по образу и подобию Истины (от образования). В античности человек формировался в ориентации на божественный космос, в христианском средневековье – на образ Иисуса Христа («…Аз есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин.14:6)). Позиция человека фаустовского типа иная. Он исходит из человека как автономного субъекта, утверждающего себя через познавательную разработку сущего, его знание и практическую деятельность на основе этого знания. Это истина в форме знания, которым люди владеют и распоряжаются (сущее как объект исследовательской разработки и знание как ее продукт), используя его для практического овладения природой и общественной средой («знание – сила»). Власть над природой – результат проецирования предметных знаний на область технических решений. Подчиняя себе природу, фаустовский человек утверждает свою субъектность. Эта логика предполагает замену «дарового на трудовое» (Н. Федоров), природного на искусственное. В практическом измерении истина «от человека» предстает в образе власти над природой, в конечном же счете – над природой человека. Логическим завершением технического овладения природой оказывается создание его двойника, робота-раба (киборга, клона) [4, с. 248-278]. Отказ от онтологически понятой Истины в пользу гносеологической и технически действенной истины ведет культуру этого типа к переходу от жизни в природе к существованию техносреде.

Подчинение природы – это и способ удовлетворения естественных потребностей человека, и форма его самоутверждения как субъекта. Истина для фаустовского человека – не то, к чему восходят. Она то, что является продуктом познавательной деятельности: это объективное знание, которое может быть использовано для решения практических (технических) вопросов. Техника – это проекция знания и воли в окружающий мир, это сила. Поставив себя в центр мира, встав на место Бога, фаустовский человек с необходимостью пришел к мечте о создании своего подобия (голема, гомункула, робота-андроида).

Античный человек мыслил себя микрокосмом, христианин – образом и подобием Бога, он был настроен на подражание тому, что есть (Истине). Человек фаустовской формации не подражает Истине, а конструирует ее и формирует искусственную среду, проецируя вовне себя как субъекта, как то, что лежит в основе. Конечная цель в гонке за замещением данного (природного) искусственным – создание гомункула, двойника природного (рожденного) человека. В этом он видит победу над природой, финальный жест самоутвержде-

ния в преодолении собственной рожденности (в христианской вере – сотворенности). Он желает создать «человека» (себя) посредством своего искусства. С мечтой о создании гомункула связана мечта о достижении «практического бессмертия» без вмешательства свыше. Тот, кто способен создать человека, надеется на то, что найдет способ жить на земле вечно.

Однако чем дальше продвигается фаустовский человек по пути знания, силы и власти, тем больше им овладевает страх перед машиной, перед двойником, который все более определенно освобождается от власти творца и диктует «правила игры», подменяя то, что дано, на то, что сделано (любая машина – это та или иная частная функция человека; сегодня человек окружен множеством машинных двойников-функций; но тот, кто что-то за нас делает, приобретает над нами власть). Появляется страх перед лишенным души, не способным к сопереживанию, но наделенным искусственным интеллектом двойником. Творение демонстрирует превосходство над своим творцом в целом ряде отношений и все чаще воспринимается как угроза. И хотя до полной победы машины над человеком еще далеко, аппараты уже властвуют, уже вынуждают людей приспосабливаться к ним, уже формируют их по своему образу и подобию, «пользуясь» их изобретательностью для собственного развития. Происходит сближение человека с машиной: поведение человека становится все более предсказуемым, алгоритмизированным, машины же все больше «очеловечиваются».

Если исходить из неизбежного и скорого по историческим меркам заката фаустовской культуры, перед людьми, вовлеченные в процесс дегуманизации, но принадлежащими к иным культурам, встает вопрос: есть ли у них шанс избежать самоликвидации? Полагаем, что судьба человека связана, на глубине, с тем, в какой мере он будет способен вернуться к бытию перед Истиной, к благоговению перед Ней и отказаться от логики безграничного самоутверждения.

Список литературы:

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. 663 с.

2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

3. Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль. 633 с.

4. Секацкий А. К. Размышления: Эссе. СПб., 2015. 496 с.

Н.В. Мальчукова,
Иркутский государственный университет

МЫСЛЯЩИЙ СУБЪЕКТ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: УГРОЗА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ VS НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется влияние цифровизации на мыслительную способность субъекта. Раскрываются достоинства и недостатки информационного и постмодернистского подходов в таком анализе. Доказывается, что адекватный анализ влияния цифровизации возможен лишь при понимании включенности этого процесса в аксиологический контекст существования человека.

Ключевые слова: цифровизация, конвергентное и дивергентное мышление, система оценок, информационное общество, философский постмодернизм.

N.V. Malchukova,
Irkutsk State University

THINKING SUBJECT IN THE ERA OF DIGITALIZATION: THE THREATOF EXTINCTION VS NEW HORIZONS OF DEVELOPMENT

The article analyzes the impact of digitalization on the subject's thinking ability. The advantages and disadvantages of informational and postmodern approaches in such an analysis are revealed. It is proved that an adequate analysis of the impact of digitalization is possible only if we understand the inclusion of this process in the axiological context of human existence.

Keywords: digitalization, convergent and divergent thinking, evaluation system, information society, philosophical postmodernism.

Цифровизация, активная реализация которой приходится на начало XXI в., представляя собой преобразование способов и средств передачи информации в обществе, является, таким образом, современным этапом этого процесса, который в своей континуальности может быть рассмотрен через связь таких цивилизационно значимых прорывов, как возникновение человеческого естественного звукового языка, письменности, книгопечатания, радио и телевидения и, наконец, электронно-цифровых средств передачи информации (компьютер, ноут-бук, планшет, смартфон, интерактивная доска и т. д.). Здесь

прежде всего необходимо отметить, что возникновение человеческого естественного звукового языка – это часть процесса антропосоциогенеза, то есть процесса возникновения homosapiens, человека в его сущностных характеристиках, важнейшей из которых, исходя из видового определения, является способность мыслить. Формирование же и реализацию этой способности, если иметь в виду следующие за возникновением языка цивилизационно значимые прорывы в преобразовании средств и способов передачи информации, невозможно представить вне информационно-коммуникационных процессов, что, конечно, влечет за собой особенное внимание к анализу условий и особенностей его протекания в современности в условиях цифровизации.

Чтобы проанализировать влияние цифровизации на мышление человека в единстве положительных и отрицательных эффектов, избегая крайностей, как сциентистски-технократических позиций, так и позиций демонизации научно-технического прогресса, нужно хотя бы в общих чертах, показать, что же оно собой представляет. В этом смысле полезными оказываются понятия конвергентного и дивергентного мышления [1].При этом, если под конвергентным мышлением понимают использование конкретных алгоритмов при решении тех или иных задач, то под дивергентным мышлением понимают поиск нестандартных решений для них. Очевидно, что обе мыслительные операции (конвергентная и дивергентная) являются экзистенциально и цивилизационно значимыми. Вместе с тем, как отмечают исследователи, именно дивергентное мышление (гибкое или эластичное [2]) становится особенно актуальным в современной быстро изменяющейся и многоаспектной повседневности. Однако действительно эффективная работа гибкого мышления возможна лишь в том случае, если оно осуществляется в единстве с операцией оценки или фильтрации идей, когда из спектра вариантов решений выбирается один, наиболее приемлемый в конкретной ситуации. Человек с гибким мышлением (творческий человек) – это человек, способный предлагать множество вариантов решения задач и осуществлять выбор между ними. Возможность осуществления фильтрации идей, самоконтроля человеком связана с наличием особой мозговой структуры – латеральной префронтальной коры, которая созревает к 18-25 годам. Таким образом, можно видеть определенную биопсихическую зависимость реализации гибкого мышления в единстве с фильтрацией идей человеком: будут иметь значение возрастные и индивидуально-психические параметры (шизотипическая личность как наиболее склонная к гибкому мышлению). Вместе с тем нельзя не обратить внимание и на роль со-

циального фактора в формировании способности гибкого мышления в единстве с фильтрацией идей, в смысле того, насколько социальная среда благоприятна для ее формирования.

Здесь полезными оказывается понятие, которые вводит Э. Тоффлер, характеризуя общество Третьей волны, а именно: понятие демассификации [3]. Демассификацию СМИ, культуры, личности Тоффлер связывает как раз с развитием электронных, а затем и цифровых средств информации и рассматривает как путь к повышению свободы человека, который пользуясь возможностями Интернета, гаджетов со встроенной камерой и т. д., становится так называемым просьюмером (англ. prosumer от англ. producer – производитель и от англ. consumer – потребитель), то есть тем, кто, потребляя информацию, тут же оказывается способным и производить ее. Происходит демассификация сознания человека, исключающая стандартизацию образов, характерную для общества Второй волны. Таким образом утверждается, что цифровизация информационно-коммуникационных процессов открывает широкие возможности для развития дивергентного мышления, вместе с тем остается открытым вопрос о том, какое влияние цифровизация оказывает на формирование способности оценки или формирования системы фильтрации идей, которое, как известно, происходит в процессах социализации и воспитания как раз путем усвоения неких стандартов и образцов, признаваемых своеобразным эталоном.

В контексте ведущегося рассуждения интересно обратиться к понятиям, разрабатываемым в философском постмодерне, таким как децентрация и теоретическая смерть субъекта. Данные понятия в постмодернистской критике, использующиеся для того, чтобы показать иллюзорность беспредпосылочности мышления человека, позволяют рассматривать любые стандарты как подавляющие субъекта, одновременно при этом, с одной стороны, онтологизируя ситуацию такого подавления, а с другой – утверждая, что принципиально невозможно определить его (подавления, стандарта) источник. В результате постмодернистская методология делает невозможным адекватное рассмотрение мыслящего субъекта, актуализируя в нем состояние шизофрении.

Надо иметь в виду, что одинаково несостоятельными в рассуждениях о судьбе мыслящего субъекта в информационном обществе являются как утверждения Э. Тоффлера о фактически безграничном уровне свободы субъекта в условиях цифровизации, так и онтологическое отрицание свободы субъекта с одновременным утверждением бесперспективности поиска основ

тех или иных стандартов, образцов в постмодернистской критике. Как отмечают исследователи, это связано с тем, что обоим подходам свойственна абсолютизация роли информационно-коммуникационных, языковых процессов в организации общества при недооценке или игнорировании в ней экономических и политических факторов, всегда так или иначе связанных с интересами (деньги и власть) конкретных групп людей. И здесь можно увидеть, как проблема организации социумом максимально благоприятных условий реализации субъектом способности мышления в единстве со способностью оценки или формированием системы фильтра идей становится частью аксиологической проблематики, выражающейся в извечном столкновении частных интересов и всеобщего блага, индивидуализма и коллективизма, либерализма и тоталитаризма. Столкновении весьма парадоксальном, когда, например, либеральное общество, провозглашающее ценность прав и свобод отдельного гражданина, реализует в действительности режим неототалитаризма [5] и далеко не праздным тогда становится вопрос, какую роль процессы цифровизации играют в его укреплении (в связи с этим можно вспомнить такой общественный процесс в современной действительности, как концентрация собственности СМИ (concentration of ownership) [6], проявляющаяся в объединении различных отраслей информационной индустрии, принадлежащих крупным компаниям).

Таким образом, в заключение следует заметить, адекватная оценка влияния цифровизации на мышление человека в единстве конвергентного, дивергентного мышления и системы фильтров идей требует учета как положительных, так и отрицательных ее эффектов. Положительные, например, проявляются в том, что цифровизация действительно открывает широкие возможности для самореализации личности (дивергентное мышление), а отрицательные – в том, что она может оказывать дезориентирующее влияние на человека в формировании системы фильтра идей, особенно если иметь в виду ее проникновение в образовательный процесс [7]. Однако понимание того, что влияние цифровизации вписано в аксиологический контекст существования человека, рождает и понимание того, что она – всего лишь инструмент, успешность использования которого (как и всякого инструмента) будет зависеть от того, насколько осознанно человек его использует и какими ценностями при этом руководствуется.

Список литературы:

1. Три стороны интеллекта / Дж.Гилфорд // Психология мышления. М.: Прогресс, 2000. 14с.

2. Млодинов Л. Эластичность. Гибкое мышление в эпоху перемен / Пер. с англ. Шаши Мартыновой. М.: Лайвбук, 2020. 336 с.

3. Третья волна: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 781 с.

4. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер. с англ. А. А. Юдина. М.: АСТ: Ермак, 2003. 333 с.

5. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.

6. Баева Л.В. Цифровой диалог в обучении:когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 2. С.439-453.

Е.М.Николаева,
Казанский федеральный университет;
П.С. Котляр,
Казанский федеральный университет

МЕДИА В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ретроспективный взгляд на развитие общества обнаруживает ряд драматических переживаний о влиянии тех или иных медиа на пользователя, которые существовали как на обывательском уровне, так и концептуализировались в философских теориях. Авторы анализируют подходы к рефлексии эффектов новых медиа в горизонте нарастающей в обществе тревоги, связанной с интегрированием искусственного интеллекта в познавательные практики познания.

Ключевые слова: медиа, новые медиа, искусственный интеллект (AI), OpenAI, ChatGPT.

E.M.Nikolaeva,
Kazan Federal University;
P.S.Kotliar,
Kazan Federal University

MEDIA IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A retrospective view at the process of formation of modern society reveals a number of dramatic experiences about the influence of certain media on the viewer or user, which were characteristic both at the philistine level and in philosophical theories. The authors analyze the possible consequences of integrating artificial intelligence into the field of education.

Keywords: N. Chomsky, J. Baudrillard, OpenAI, ChatGPT, dark academy.

29 марта 2023 года на сайте некоммерческой организации Future of Life Institute (Институт будущего жизни) было опубликовано открытое письмо «PauseGiant AI Experiments: An Open Letter» («Приостановить гигантские эксперименты с искусственным интеллектом: открытое письмо»), которое на момент создания этой статьи подписали 1784 человека. Среди подписавших множество публичных деятелей науки и бизнеса: Илон Маск, Юваль Ной Харари, Стив Возняк и др. Подписавшие призывают лаборатории, разрабатыва-

ющие искусственный интеллект, заморозить разработки на период не менее 6 месяцев, чтобы создать протоколы безопасности и контроля.

На самом деле это открытое письмо – свидетельство того факта, что точка невозврата оказалась преодолена и невозможно согласиться с тем, что компании, которые заинтересованы в извлечении прибыли от использования технологий, в основе которых лежит AI будут по собственной воле накладывать на себя моратории.

Американский философ Н. Хомский совместно с лингвистом Я. Робертсоном и директором по развитию искусственного интеллекта Oceanit Дж. Уотумаллом в своем эссе для The New York Times выступают с более оптимистичной позицией, в соответствии с которой искусственный интеллект не представляет собой серьезную угрозу человеку. Согласно их мнению, в рамках лингвистики и философии познания доказано, что искусственный интеллект несопоставим с тем, как рассуждает и использует язык человек: «человеческий разум — удивительно эффективная и даже элегантная система, оперирующая небольшими объемами информации; он стремится не выводить грубые корреляции между точками данных, а создавать объяснения» (пер. П.К.) [1]. Программы наподобие ChatGPT будут развиваться в своей траектории, поскольку их когнитивное развитие находится в нечеловеческом измерении. Авторы считают, что главным недостатком AI является неспособность «говорить не только о том, что есть на самом деле, что было и что будет – это описание и предсказание, – но и о том, что не так, и что могло бы быть, а чего не может быть».

Каждое медиа, начиная с телеграфа, рассматривалось как источник вредного воздействия. Телефоны делают частную жизнь доступной для прослушивания, кинофильмы оказывают на зрителя избыточное эмоциональное воздействие, а герои могут развращать своим негативным примером, комиксы убивают навык чтения, телевидение вредно для зрения и угнетает когнитивные способности детей, интернет лишает человека концентрации внимания и т. д. Страх перед новыми медиа созвучен страху перед железной дорогой американского писателя Генри Дэвида Торо: «Не мы едем по железной дороге, а она – по нашим телам» [2, с. 110]

Концепция прецессии симулякров философа Ж. Бодрийяра представляет собой драму смены версий реальности и совпадает с трехактным делением истории человечества на премодерн-модерн-постмодерн. При этом для премодерна характерно принятие одной версии реальности – религиозной, а все медиа этого этапа (музыка, живопись, литература и т. д.) имеют аутентичную ре-

презентацию, тесно связаны с фундаментальной реальностью. Модерн знаменуется становлением массовых медиа, фрагментации религии, появления множественных версий реальности, когда уровень связи с реальностью начинает снижаться. Постмодерн, благодаря дальнейшему развитию медиа, совпадает с наступлением эпохи гиперреальности, когда возникает разрыв между фундаментальной реальностью, универсальными значениями и бесконечными множествами симуляций отражения реальности. Кроме этого, закономерным становится размывание границ между фактом и фейком, а информационные вихри гарантируют зрителям молниеносную смену новостных нарративов, легкость восприятия и невозможность приблизиться к реальному.

Реальный мир, подлинность становятся самым желанными объектами современной аудитории. Растет интерес к реалити-шоу, документальным фильмам, байопикам (biographicalpicture «биографическая картина»), где слоган «основано на реальных событиях» становится свидетельством связи с подлинным, хотя при этом истории маньяков, шоу про беременных подростков укладываются в выверенные телевизионным бизнесом сценарии.

Согласно М. Маклюэну, мир, где телевидение является главным видом медиа, значительно отличается от мира дотелевизионной эры, однако его теория сегодня не способна объяснить весь спектр трансформаций: каждое значимое историческое событие или следствие несет на себе отпечаток множества разных причин: экономических, политических, культурных, социальных. В серии футуристических открыток французского художника Жана-Марка Коте (1899-1910) есть сюжет «В школе», на нем изображены школьники в 2000 году, сидящие за партами с подобием наушников на голове, подключенными к устройству по переработке бумажных книг в электронный вид, на который учитель активно загружает бумажные книги. Из реальности начала XX будущее представлялось, согласно технологическому детерминизму, таким, каким будут позволять развитие технологий. Пандемия COVID-19 действительно актуализировала технологические возможности образовательных организаций разного уровня, однако онлайн-занятия, асинхронные выполнения заданий на сегодняшний день используются только в рамках поддержания инклюзивности образовательного процесса и не получили статус всеобщей нормы.

Также нельзя не отметить, что новые медиа, изменяющие способы потребления информации, способы коммуникации, не означают тотальный отказ от предыдущих форматов. Читатель может выбрать прочитать бумажную книгу, послушать аудиокнигу, почитать электронную книгу, может иметь одно и

то же произведение в разных форматах и не останавливать чтение, меняя места пребывания и характер занятости.

Появление доступного для пользователей AI создает ситуацию неконтролируемого применения, когда каждое использование может иметь непредсказуемое негативное или положительное следствие, однако можно предположить, что последующая интеграция AI в когнитивные практики приведет к возникновению этических ограничителей, что позволит вывести взаимодействие с подобными ChatGPT программами на качественно новый уровень.

Список литературы:

1. Chomsky, N., Roberts, I., Watumull, J. (2023). The false promise of ChatGPT. The New York Times // https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html?smid=url-share

2. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1979. 455 с.

А.А. Погребняк,
Университет ИТМО (Санкт-Петербург),
НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург)

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСПОЗИТИВ И ФОРМА-ЖИЗНИ

В докладе предлагается критический взгляд на информационное общество как на диспозитив, подчиняющий человеческое бытие тем или иным трансцендентным целям. Этими целями могут служить тотальное господство или эффективное присвоение прибавочной стоимости. Такому пониманию человеческого бытия противопоставляется понимание его как «формы-жизни», предложенное Джорджо Агамбеном.

Ключевые слова: информационное общество, капитализм, господство, диспозитив, форма-жизни.

A.A.Pogrebnyak,
ITMO University (Saint Petersburg),
HSE University (Saint Petersburg)

INFORMATION SOCIETY: ONTOLOGICAL DISPOSITIF AND FORM-OF-LIFE

The paperoffers a critical look at the information society as a dispositif, subordinating human existence to some transcendent goals. These goals can be total domination or the effective appropriation of surplus value. This understanding of human existence is opposed to the understanding of it as a "form-of-life", proposed by Giorgio Agamben.

Keywords: information society, capitalism, domination, dispositif, form-of-life.

Общим местом рассуждений об информационном обществе (или информационной цивилизации) давно стали сетования на то, что изначально заключенный в нем утопический освободительный потенциал оказался успешно апроприирован новыми структурами господства, возникающими на базисе цифровых технологий и навязывающими своим «пользователям» эксплуататорский режим отношений. Наиболее четко этот тезис схвачен в концепции

«надзорного капитализма» Шошанны Зубофф [1]; согласно последней, цифровое пространство как «новый дом» современного человека становится радикально неуютным (даже если мы ощущаем себя в нем вполне комфортно!) ровно в той мере, в какой наша жизнь непрерывно программируется на основе тех «данных», которые эта жизнь автоматически о себе сообщает собственнику используемых программных продуктов. Критика, предлагаемая в отношении такого рода практики, как правило, опирается на два допущения: во-первых, высказанное еще Карлом Марксом положение о том, что следует различать между собственно техническим потенциалом и тем, как этот потенциал актуализируется при господстве капиталистического способа производства [2, с. 382]; во-вторых, идея неотчуждаемости народного суверенитета, требующая от современного человека не идентифицироваться исключительно с экономическими функциями пользователя и потребителя, но осуществлять политическую субъективацию в целях борьбы с новыми формами эксплуатации, ускользающими от демократического контроля, правового регулирования и т. п.

Какими бы самоочевидными ни казались эти допущения, нельзя игнори-ровать теперь уже на них направленную критику со стороны более пессими-стически настроенных авторов: так, Жан Бодрийяр в своем «Реквиеме по масс-медиа» показал, что репрессивная форма использования медийных технологий во многом неотделима от логики их «чисто технического» функционирования [3, 193-222], а Джорджо Агамбен в «Суверенной власти и голой жизни» заявил о проблематичности реального разделения между «политическим» и «эконо-мическим» в рамках существующего диспозитива власти и управления (так что кому бы ни принадлежал суверенитет, он всегда будет воспроизводить ре-дукцию человеческого существования к «голой жизни», то есть жизни, искус-ственно отделяемой от тех форм, которые придают ей человечность) [4, с. 7-20].

Отсюда вопрос: возможно ли еще сегодня говорить об уютности человеческого существования в условиях современного мира (информационного общества), но не в ностальгическом ключе, то есть не воспроизводя фантазию о некоем сакральном характере нашей «самости», о ее полной и неоспоримой принадлежности самой себе? Ведь уже не раз было показано, что «я», служащее защитным устройством от негативных проявлений реальности внешнего мира, на самом деле дублирует эту негативность различными диспозитивами, позволяющими «эффективно реагировать на чрезвычайную ситуацию».

В этом плане повсеместное использование информационных технологий, которое делает жизнь современного субъекта полностью поднадзорной, в плане социальной метафизики точнее всего концептуализируется с помощью термина «тотальная мобилизация», предложенного Эрнстом Юнгером почти столетие назад: объявляя все «бюргерские» представления о безопасности, справедливости, счастье как безвозвратно устаревшие, Юнгер противопоставляет буржуазному индивиду рабочего как тип, репрезентирующий «гештальт» существования, полностью редуцированного к императиву тотального господства над всеми сторонами жизни. Все частное (например, собственность) сохраняется в этой картине лишь в качестве чего-то «специального», чья легитимность зависит от тотальности: «Здесь не существует такого специального средства, которое бы одновременно не являлось средством власти, то есть выражением тотального характера работы» (5, с. 411); «степень достигнутого рабочим господства узнается не потому, что «больше нет никакой собственности», а по тому, что и сама собственность раскрывается как одна из специальных характеристик работы» (6, с. 398). Так почему бы прибыли, получаемые IT-компаниями благодаря колонизации наших «душ», не рассматривать как специальные показатели той степени, в какой сам «тип» рабочего приблизился к идеалу тотального господства над миром – ведь, в отличие от индивида, озабоченного своим противопоставлением массе на основе каких-то уникальных ценностей, тип уютно чувствует себя в цифре, поскольку «выказывает стремление отыскать признаки, лежащие за пределами единичного существования», вследствие чего «мы сталкиваемся с математической, «научной» характерологией, например, с расовыми исследованиями, простирающимися вплоть до измерения и исчисления кровяных телец» (5, с. 219)?

Итак, в онтологическом плане можно говорить об информационном обществе как о диспозитиве, управляющем бытием современного человека путем редукции всего специфического к подразделениям его родовой сущности, которая, однако, приобретает выраженные не- или сверх-человеческие черты – неважно, говорим ли мы о тотальном господстве или о непрерывном исчислении и извлечении прибавочной стоимости посредством инструментов цифровизации. То, что пытается противостоять такому подходу – это, например, предложенное Агамбеном понимание «специального» (*species*) не как того, что подразделяет род, т. е. классифицирует сущее, а как того, что его выставляет [6, с. 61], т.е. делает бытие сообщаемым: не идентификация и классификация способностей субъекта с целью их полной актуализации и присвоения, а форма-жизни как общее пользование, непрерывное со-общение людей друг с

другом на основе того, что сохраняет характер потенциальности (поскольку в жизни человека «отдельные способы, действия и процессы никогда не являются просто «фактами», будучи всегда и в первую очередь «возможностями» жизни, всегда и прежде всего являясь потенциалом» [7, с. 14]).

В данной работе использованы результаты проекта «Границы современной культуры: природа, технологии и социальные интерфейсы», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

Список литературы:

1. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2019.

2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988.

3. Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: «Институт экспериментальной социологии»; СПб.: Издательство «Алетейя», 1999.

4. Агамбен Дж. Homosacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011.

5. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000.

6. Агамбен Дж. Профанации. Р М.: Гилея, 2014.

7. Агамбен Дж. Средства без цели. Заметки о политике. М.: Гилея, 2015.

А.В. Почикаева,
Самарский государственный технический университет

ПРИВАТНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПУБЛИЧНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРИВАТНОГО ПРОСТРАНСТВА

Границы между приватным и публичным размыты. Исследователям достаточно много известно о том, что происходит с публичным и приватным в реальности, но наибольший интерес в данном контексте представляет размытие границ между публичным и приватным в цифровом пространстве. Можно пронаблюдать, что люди используют правила реальности в цифровом пространстве, игнорируя специфику цифрового пространства.

Ключевые слова: информационное пространство, публичное пространство, приватное пространство.

A.V. Pochikaeva,
Samara State Technical University

PRIVACY IN THE INFORMATION SOCIETY: PUBLIC DIGITAL SPACE AS A CONTINUATION OF PRIVATE SPACE

The boundaries between private and public are blurred. Researchers know quite a lot about what happens to public and private in reality, but the most interesting in this context is the blurring of the boundaries between public and private in the digital space. One can observe that people use the rules of reality in the digital space, ignoring the specifics of the digital space.

Keywords: digital space, public space, private space.

Современное общество характеризуется высокой информатизацией, которая оказывает влияние практически на все сферы жизнедеятельности. В этих условиях использование информационных технологий разного рода оказывается практически неизбежным и отчасти подменяет собой активности, которые наиболее эффективны в реальности [1, с. 16]. Например, общение в сети Интернет может частично заменить реальное, поскольку мы можем коммуницировать с абсолютно любым человеком вне зависимости от его местоположения, что является большим плюсом. С другой стороны, общение в сети Ин-

тернет вызывает некоторые трудности, поскольку из процесса общения выпадают некоторые модальности, например, интонации и жестикуляция, которые весьма точно передают настрой разговора. Однако в виртуальном общении есть некоторые формы, которые выступают аналогами вышеуказанных модальностей. При этом упрощается коммуникация сама по себе, сокращаются слова и используются более простые формы создания предложений и фраз. Одновременно с этим встает вопрос о возможности приватности в сети, поскольку нет никакой гарантии, что собеседник не перешлет сообщения из диалога кому-нибудь, даже если разговор носил личностно-интимный характер. На данный момент у людей есть возможность контролировать информацию, которую они хотят выставлять в публичный доступ, но, несмотря на это, данная возможность игнорируется. Например, практически никто не читает пользовательские соглашения, при этом слепо принимая их условия. Люди выставляют в сеть личную информацию в виде электронных почт и номеров телефонов, но удивляются спаму и утечкам персональной информации. Скорее всего, даже если человек удалит свою персональную информацию, она оставит свой информационный след в сети, поскольку интернет характеризуется гипертекстуальностью.

В реальности человек, как правило, выбирает тех, кому будет открыт доступ в его приватное пространство, тем самым гарантируя себе безопасность. Однако в информационном пространстве, несмотря на возможность также выбирать тех, кому будет доступна информация о человеке, мы сталкиваемся с тем, что на наши страницы в социальных сетях приходят совершенно разные люди, которых мы даже можем и не знать, и в итоге человек оказывается в ситуации, когда он оказывается ответственным практически перед всем миром.

Публичное информационное пространство можно описать, исходя из концепции И. Гофмана. По его мнению, публичная сфера – место, где человек демонстрирует то поведение, которое от него ожидают. Зачастую, людям приходится иногда переступать через себя и свои ценности, которые не сопоставляются с общими ценностями и порядками [2, с. 186-188]. Также, следует отметить, что от членов общества сейчас требуется проявление искренности в публичном пространстве, а за ее непроявление человек будет осуждаться. «Бог умер, все потаенное и сакральное, не предназначавшееся ранее для публичного обращения, обнародуется в глобальном масштабе, со скоростью звука и света» [3, с. 212].

Одной из главных проблем в отношении границ между публичной и личной жизнью в информационном пространстве является то, что люди рас-

сматривают свои профили в социальных сетях и других медиа как приватную зону, в которой они могут быть собой, делиться своими мыслями без каких-либо ограничений. Если человек воспринимает свои виртуальные профили как продолжение своей личной территории, то он не ожидает, что кто-то вторгнется в его пространство. Но нарушения границ все же происходят и расцениваются как непосредственная угроза личностной безопасности.

Тема информационного пространства и его отношения к публичной и приватной жизни вызывает споры и требует более пристального внимания. Несмотря на то, что в интернете все еще существует потребность в приватности, всегда есть соблазн выставить свою жизнь на всеобщее обозрение, внедряя в информационное пространство законы, существующие в реальном мире. Возможно, это связано с желанием проявлять большую активность в обществе в реальности, что может быть непрактичным, поэтому аспекты личной жизни оказываются в публичной сети Интернет.

Список литературы:

1. Труфанова Е.О. Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // GalacticaMedia: Journal of Media Studies. 2021. № 1. С. 14-38.

2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.

3. Мансурова В.Д. Онлайн-социальность поколения СИ: феноменология «публичной интимности» // Известия Алтайского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2 (82). С. 211-214.

Ю.А. Разинов,
Самарский университет

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ ТРУДА И ДОСУГА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Рассматривается ситуация кризиса дисциплинарной модели распределения времени в постиндустриальном обществе. Одним из проявлений этого кризиса является диффузия границы между трудом и досугом. Показано, что диффузия носит объективный характер и несет определенные социальные и экзистенциальные последствия.

Ключевые слова: труд, досуг, рабочее место, свободное время, пространственная и темпоральная диффузия.

Y.A. Razinov,
Samara University

SPACE AND TIME OF LABOR AND LEISURE IN THE DIGITAL AGE

The situation of the crisis of the disciplinary model of time distribution in the post-industrial society is considered. One manifestation of this crisis is the diffusion of the boundary between work and leisure. It is shown that diffusion is objective and has certain social and existential consequences.

Keywords: Labor, leisure, workplace, free time, spatial and temporal diffusion.

Одной из проблем постиндустриального общества является кризис дисциплинарной модели распределения времени и диффузия структур социального пространства. Прежде всего это связано с переходом к цифровой экономике, которая не только меняет характер и условия труда, но существенным образом сказывается на организации досуга. Распад дисциплинарной матрицы модерна приводит к тому, что граница между трудом и досугом смещается, фрагментируется, становится прозрачной и релятивной. Происходит то самое смешение, о котором Грибоедов предупреждал словами Чацкого:

Когда в делах – я от веселья прячусь;
Когда дурачиться – дурачусь,
А смешивать два этих ремесла
Есть тьма искусников – я не из их числа!

Но если для героя модерна такое смешение времён и пространств являлось следствием нерациональной организации производства и нарушения трудовой дисциплины, то для героя постмодерна смешение становится проявлением «новой нормальности». И дело не только в том, что офисный работник получил «незаконную» возможность микшировать трудовую деятельность элементами досуга: просматривать посторонний контент, общаться в социальных сетях, произвольно чередовать труд и отдых. Дело в том, что к этому его подталкивает сам работодатель, ибо *отвлечение от трудового процесса становится необходимым элементом самого процесса*.

Одним из признаков смены парадигмы труда является фрагментация «рабочего места», которое всё больше наполняется элементами дома или развлекательного центра. Речь идет не только о спортивных залах, саунах, бассейнах, «курилках» и видовых площадках, которые становятся атрибутами «продвинутого» офиса. Речь идет о том, что одомашниваются сами производственные помещения, в которых такие атрибуты, как буфет, кухня, холодильники, чайные столики, мягкие диваны, игровые приставки уже не отделяются от рабочего места, но интегрируются в него. В рабочем помещении устраиваются искусственные ландшафтные лужайки, на которых работники офиса могут полежать с ноутбуками. В непосредственной близости от работника размещаются кресла-качалки, подвесные гамаки и даже кровати для сна («норы»). Ведущий сотрудник IT-компании может «между делом» поиграть в бильярд, разряжая внутреннее напряжение и разгоняя творческую активность. Современный высоко технологичный офис существенно отличается от своих предшественников. В начале века рабочее место рядового сотрудника представляло собой сотовую клетку из оргстекла, а труд коллектива напоминал жужжащий улей. Теперь же сотовая ячейка как модель обезличенной эксплуатации интеллектуального труда уступила место «дому» как символу отсутствия какой-либо эксплуатации. Хотя в действительности мы имеем дело с очередным симулякром, ибо микширование офисного пространства домашними атрибутами создаёт устойчивую иллюзию свободного труда. Сверхрациональный и прагматический смысл такого микширования заключается в том, чтобы создать дополнительный стимул к тому, чтобы работник по «собственному желанию» допоздна засиживался и даже ночевал на работе. Известны

случаи, когда в некоторых IT-компаниях работники месяцами не вылезали из «берлоги».

Симметричным образом меняется и архитектоника досуга. Трудовая деятельность «на дому», которая первоначально являлась уделом «креативного класса», все больше завоевывает домашнее пространство. Цифровые технологии, главным элементом которых является компьютер, делают дом прямым продолжением офиса. Мобильные устройства довершают этот процесс тем, что переносят трудовую деятельность в трансграничное пространство улиц, парков, кафе, сетей общественного транспорта. Труд и досуг приобретают гибридную форму. Героем гибридного труда/досуга становится *фрилансер* – номад, кочующий по городским локусам хакерспейсов и коворкингов. Свободный агент становится новым миссионером «свободного труда» [2].

Однако проблемой становится не столько демаркация традиционных границ труда и досуга, сколько их *диффузия* и *дисперсия*. В обычном смысле демаркация – это всего лишь переопределение границ. Диффузия же означает рассеяние структуры объектов при их тесном взаимодействии. Физический смысл диффузии заключается во взаимопроникновении атомов и молекул вещества, при котором образуется так называемый *диффузный слой* с размытыми контурами и границами. Между тем процессу диффузии подвержены не только материальные, но и символические структуры, такие как труд и досуг.

Если пространственные диффузии являются вещественно-наглядными, то темпоральные диффузии отследить сложнее. Из того, что работник непрерывно находится на рабочем месте, вовсе не следует, что он так же непрерывно работает. Такая корреляция может быть обеспечена только конвейерным производством. В экономике знаний непрерывный трудовой тайминг «от звонка до звонка» невозможен, а главное, не эффективен. По этой причине IT-специалистам дается право «тупить», за что они, как правило, расплачиваются сверхурочным трудом. Автоматизированный учет времени с помощью специальных программ, суммирующих время введения программного кода с клавиатуры и компьютерной «мыши», и таким образом калькулирующий «человеко-часы», сам по себе мало что решает. В конечном счете он лишь помогает самоорганизации программиста.

Темпоральная диффузия между трудом и досугом выражается в их встречном движении: досуг вторгается в рабочее время как время прокрастинации, а время, которое принято называть «рабочим», наоборот, включается в структуру «свободного времени» в виде добавочного труда. Один из ярчайших парадоксов современного досуга заключается в том, что в темпоральную

размерность праздности и лени постоянно вторгается рабочий процесс, создающий неспецифическое трудовое напряжение. Таким образом, в цифровой экономике *труд и досуг существуют не за пределами друг друга, но внутри друг друга*. И это указывает на то, что в новых реалиях *не всё рабочее время есть труд* так же, как *не все «свободное время» есть досуг*. И такая импликация порождает то, что А. Корсани называет «темпоральной дезориентацией»: «Прерывистый характер занятости представляет собой не чередование периодов интенсивного труда и отдыха, он воспринимается, скорее, как дробление времени, того постоянно ускоряющегося времени, над которым мы теряем контроль» [2, с. 66].

Наиболее остро эту проблему переживают свободные агенты, фрилансеры, «самозанятые», а также работники, переведенные на «удалёнку». Свободное время «самозанятых» только кажется свободным. На деле же большую часть своего времени они заняты либо активным поиском работы, либо пассивным ожиданием заказа, «съедающим» время досуга. В этой связи мы не разделяем оптимизм Дэниэла Пинка, утверждающего, что у фриланса радужное будущее [1], ибо фриланс так или иначе связан с регрессией принципа *разделения труда*.

Облачные технологии, возникнув первоначально в специализированной сфере хранения и обмена данными, сегодня меняют парадигму отношений между работником и работодателем. Это уже не срочный контракт со штатным сотрудником, а транзакция. Как пишет К. Шваб, «работодатели все чаще используют «человеческое облако» для решения вопросов. Профессиональная деятельность рассекается на точные задания и конкретные проекты, которые затем выносятся в виртуальное облако готовых исполнителей, расположенных в любой стране мира. Это новая «экономика по требованию», где поставщики труда больше не являются сотрудниками в традиционном смысле, а скорее, могут считаться независимыми исполнителями конкретных заданий» [3, 40-41]. Еще до появления термина Gig-work («разовая работа») Дж. Сорос назвал общество будущего «обществом сделок». Это такое общество, в котором отсутствует зависимость от отношений и какая-либо привязанность человека к месту [4, с. 166-168]. В Gig-экономике меняется парадигма отношений между работником и работодателем. Это уже не срочный *контракт*, а *транзакция*. В рамках Gig-экономики эффективный, то есть оплачиваемый труд рассыпается на серии дискретных транзакций, а досуг превращается в «пористую» (М. Маяцкий) темпоральность поисков и ожиданий.

В своей книге «Четвертая технологическая революция» К. Шваб утверждает: «Характер происходящих изменений настолько фундаментален, что

мировая история еще не знала подобной эпохи – времени как великих возможностей, так и потенциальных опасностей» [3, с. 9]. Одной из таких опасностей является диссоциация социальных структур. Частным выражением этой диссоциации является утрата определенного ритма жизни, где труд и досуг, разделяясь в пространстве и времени, стимулируют друг друга. Gig-экономика лишь терминологически переворачивает традиционную формулу «делу время, а потехе час». На практике она порождает диффузию труда и досуга, что выражается в явной утрате как трудового, так и досугового энтузиазма.

Но самым серьезным вызовом «четвертой промышленной революции» становится десоциализация и *атомизация* общества, возникающая из иллюзии того, что самозанятость является передовой формой организации труда и досуга. И если перенос дома в офис еще отвечает принципу человекоразмерности труда, то перенос офиса в дом нарушает этот принцип. Помимо сомнительных преимуществ, самозанятость имеет вполне очевидные недостатки в виде самоизоляции. А это значит, что «кротовые норы» фирмы Avito [5] как символ аутической сепарации внутри офиса, грозят стать символом кризиса общественного человека в цифровую эпоху. И если «норы» Avito всё же являются способом адаптации и *инклюзии* аутичного работника в трудовое комьюнити, то «удалёнка» имеет обратный вектор – *эксклюзии* и *сепарации.*

Список литературы:

1. Корсани А. Трансформации труда и его темпоральностей. Хронологическая дезориентация и колонизация нерабочего времени // Логос. 2015. Т. 25. № 3 (105). С. 51-71.

2. Pink D. H. (2002) Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself. Business Plus Publ. 400 p.

3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М: Эксмо, 2016. 138с.

4. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. 460 с.

5. Сорокин А. Экскурсия в офис Авито, мега-фотоотчет // vc.ru: сетевой журнал. 2022 // https://vc.ru/office/519665-ekskursiya-v-ofis-avito-mega-fotootchet

В.Н. Ростовцев,
Государственное учреждение
«Республиканский научно-практический центр
медицинских технологий, информатизации, управления
и экономики здравоохранения», г. Минск;
В.М. Писарик,
Государственное учреждение
«Республиканский научно-практический центр
медицинских технологий, информатизации, управления
и экономики здравоохранения», г. Минск

«ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА» И ТИПЫ ГУМАНИЗМА

В статье рассмотрена природная гуманитарная система, имеющая уровни естественной организации: индивид – семья – род – народ – общество, и представлены соответствующие типы гуманизма: либеральный (приоритет – интересы индивида), коммунальный (приоритет – интересы общества) и природный (приоритет – интересы семьи, рода инарода). Сделан вывод, что с точки зрения здоровья наиболее приемлемым является природный гуманизм.

Ключевые слова: природный гуманизм, либерализм, коммунальный гуманизм, здравоосозидание, здоровье.

V.N. Rostovtsev,
State Institution «Republican Scientificand Practical Center
of Medical Technologies, Informatization,
Management and Economics of Healthcare», Minsk;
V.M. Pisaryk,
State Institution «Republican Scientific and Practical Center
of Medical Technologies, Informatization,
Management and Economics of Healthcare», Minsk

«HUMAN NATURE» AND TYPES OF HUMANISM

The article examines the natural humanitarian system, which has the levels of organization: individual – family – genus – people – society, and presents the corresponding types of humanism: liberal (priority – the interests of the individual),

communal (priority – the interests of society) and natural humanism (priority – the interests of the family, genus and people). It is concluded that from the point of view of public health, natural humanism is the most acceptable.

Keywords: natural humanism, liberalism, communal humanism, health creation, public health.

Природа человека, вероятнее всего, является божественной в самом широком смысле этого понятия, но для земной жизнедеятельности в первом приближении достаточно рассматривать его биологические и социальные детерминанты. Природа конкретного человека, то есть индивида, определена в основном при его роде, то есть она определена его семейно-родовой предысторией и частично социальными наслоениями на эту природу, характерными для социально-исторического периода, в котором индивид развивается.

Первичной является семейно-родовая культурная (ментальная) традиция или, иными словами, ментальное здоровье рода. Здравые семейно-родовые смыслы определяют уровень гармоничности браков в роду. Главный здравый смысл рода заключается в высшем приоритете здоровья потомства рода. Этот здравый смысл следует понимать как наличие совести по отношению к своим детям, внукам и правнукам и к своему роду в целом.

Гармоничные браки – это единственный способ расширенного воспроизводства здоровья в поколениях, когда каждое последующее поколение здоровее предыдущего. Гармоничный брак – это заключение семейного союза согласно принципам благобрачия, главные из которых – это заключение семейного союза в рамках своего этноса, в девственности и по любви. Каждый из этих трех главных принципов имеет исчерпывающие медико-биологические обоснования.

Гармоничные браки – это единственный способ снижения в поколениях частоты орфанной патологии и распространенных заболеваний – психических и соматических. Наши болезни и болезни наших детей это, как правило, плата за грехи (грех – преступление против природы) наших предков и за наши собственные грехи. Так сочетание межэтнического брака, добрачных половых связей и отсутствия любви, то есть тройной грех, гарантирует проблемы со здоровьем у потомства.

Межэтнические браки – это источник накопления сегрегационного и мутационного генетического груза в поколениях, то есть снижения генетическо-

го здоровья и, соответственно, снижения ментального, психического и физического здоровья. Из них в текущем поколении только ментальное здоровье можно существенно восстановить. Дефициты психического и физического здоровья возможно восполнить до приемлемого уровня только на основе восстановления ментального здоровья.

Сегрегационный груз – это генетическая основа предрасположенности для всех распространенных заболеваний. Мутационный груз – это причина практически всех орфанных болезней, включая моногенную патологию и олигогенные врожденные уродства. При снижении сегрегационного груза в 2 раза мутационный груз снижается примерно в 20 раз. За несколько поколений благобрачия заболеваемость распространенными неинфекционными болезнями можно снизить в 2 раза, а частоту орфанной патологии – в 20 раз. Об этом свидетельствуют данные о частотах моногенной патологии в популяциях с разным сегрегационным грузом [1].

Сегрегационный генетический груз также является основой предрасположенности к манифестной и, главное, к пограничной психической патологии, то есть ко всем конституциональным психопатиям, психозависимостям, аутизму, фанатизму, аномалиям полового поведения (половые психопаты-извращенцы) и другим аномалиям психического развития. От генетического груза психика страдает первой. Отметим также психопатов, которых почти 100 лет назад П.Б. Ганнушкин называл конституционально-глупыми, а сам феномен еще ранее был назван салонным слабоумием [2]. Как известно, эти лица могут вполне успешно оканчивать университеты.

Ментальное здоровье в существенной мере (помимо семейно-родовой традиции) определяет гуманитарная парадигма конкретного социума, то есть принятый (или идеологически сформированный) в социуме тип гуманизма.

Тип гуманизма детерминирован выбором приоритета интересов тех или иных уровней организации природной гуманитарной системы [3].

Природная гуманитарная система имеет следующие основные уровни своей естественной организации:

ИНДИВИД – СЕМЬЯ – РОД – НАРОД – ОБЩЕСТВО,

и этих уровней достаточно для выделения типов гуманизма.

Системообразующим фактором (в смысле теории функциональных систем П.К. Анохина) природной гуманитарной системы является здоровье – ментальное, генетическое, психическое и физическое. Акцептором результата

функционирования является модель системы управления развитием природной гуманитарной системы конкретного социума. Качество акцептора определяет гуманитарная парадигма, то есть выбор приоритетного уровня или уровней, иными словами – выбор типа гуманизма.

Приоритет интересов и прав индивида (человека) лежит в основе парадигмы либерального гуманизма и вытекающих из нее следствий – капитализма, капитал-глобализма, трансгуманизма, защиты прав сексуальных меньшинств и разрушения семейно-родовых ценностей. Отсюда следует, что тип либерального гуманизма порождает наиболее отвратительные социальные последствия и, главное, подрыв семейно-родовой основы здоровья населения.

Приоритет интересов и прав народа и общества лежит в основе парадигмы коммунального гуманизма и вытекающих из нее следствий – социализма, высокого уровня социальной защиты населения, недостаточного внимания к правам индивида и невнимания к семейно-родовым ценностям. Основной недостаток гуманизма коммунального типа заключается в фактическом игнорировании семейно-родовой основы здоровья народа, к интересам которого формально апеллирует тип коммунального гуманизма.

Приоритет интересов и прав семьи, рода и народа лежит в основе парадигмы традиционного природного гуманизма и вытекающих из нее следствий – внимания к семейно-родовым интересам, правам и ценностям, формирующим духовно-нравственный базис ментального и генетического здоровья населения, сохранения позитивных качеств коммунального гуманизма и обеспечения возможностей гармоничного развития на всех уровнях природной гуманитарной системы.

Факт существования природной гуманитарной системы и соответствующая ей типология гуманитарного выбора показывают фундаментальную значимость этого выбора. Либеральная и коммунальная парадигмы – это две крайности, которые практически ведут к уничтожению традиционных ценностей семейно-родового здравосозидания, то есть расширенного воспроизводства здоровья в поколениях. Только традиционный природный гуманизм, не принижая, но и не возвышая интересы индивида и общества, обеспечивает гармоничный баланс интересов всех уровней природной гуманитарной системы и, главное, здравосозидание, то есть повышение в поколениях уровня здоровья населения – ментального, генетического, психического, физического и экологического.

Несмотря на то, что некоторые принципы, в частности, законы социобиогенеза уже достаточно понятны [4], многие закономерности функционирования природной гуманитарной системы еще подлежат научному исследованию.

Список литературы:

1. Фогель Ф., Мотульски А.Г. Генетика человека. В 3-х т. Том 2. М.: Мир, 1990. 378 с.

2. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Н. Новгород: Изд. НГМА, 1998. 124 с.

3. Ростовцев В.Н. Идеи развития. Часть 1 // Вести института современных знаний. 2019. № 2. С. 120-126.

4. Ростовцев В.Н. Природный гуманизм и гуманитарные процессы // М., эл № 77-6567, публ.28080, 23.09.2022.

В.С. Рябов,
Самарский университет государственного управления
«Международный институт рынка»

ЧЕЛОВЕК В ПАБЕ: ПРАВИЛА ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Для полноценного понимания английского языка и английской литературы необходимо изучить культурный контекст. Важной частью этого контекста является паб как уникальное место, в котором происходит общение англичан. Вслед за Д. Шоу обсуждение правил поведения в пабе предлагается называть философией паба, которую можно понять как аспект того, что К. Фокс называет грамматикой английской культуры. (Правила) философии паба иллюстрируются примерами из романов Р. Гэлбрейта про детектива Страйка.

Ключевые слова: грамматика культуры, английский язык, английский паб,Кейт Фокс, Роберт Гэлбрейт.

V.S. Ryabov,
Samara International Market Institute

MEN IN PUB: RULES OF INFORMATION EXCHANGE IN ENGLISH CULTURE

To fully understand the English language and English literature, it is necessary to understand the cultural context. An important part of this context is the pub as a unique place in which English people communicate. Following D. Shaw, the discussion of the rules of behavior in a pub is proposed to be called pub philosophy, which can be understood as an aspect of what K. Fox calls the grammar of English culture. The rules of pub philosophy are illustrated by examples from R. Galbraith's novels about detective Strike.

Keywords: cultural grammar, English language, English pub, Kate Fox, RobertGalbraith.

Д. Шоу обсуждает неявные культурные правила похода с друзьями в паб, называя это «философией паба» [1]. Нечто похожее делает К. Фокс в одной из глав своей книги «Наблюдая за англичанами» [2]. Книга Фокс в целом посвящена описанию того, что она называет «грамматикой английского

поведения» или «грамматикой английской культуры». Соответственно, философию паба в понимании Д. Шоу можно рассмотреть как один из аспектов грамматики культуры в понимании К. Фокс.

Какое отношение философия паба имеет к проблеме обмена информацией в английской культуре? Самое непосредственное: невозможно вполне изучить английский язык и полноценно наслаждаться английской литературой, если не понимать культурный контекст, а его нельзя понять вне философии английского паба. Как пишет К. Фокс, «представляется весьма невероятной даже попытка понять английскость, не проведя изрядное время в пабе, и было бы почти возможно хорошо понять английскость, вообще не покидая паб» [2, с. 129].

Итак, в чём, согласно К. Фоксу, состоят основные правила грамматики паба?

1. Правило общения.

«Барная стойка в пабе одно из немногих мест в Англии, где социально приемлемым считается завязать разговор с совершенно незнакомым человеком. Необходимость подойти к барной стойке за напитком даёт англичанам реальную возможность социального контакта. Присутствие официантов изолировало бы людей за разными столиками. Самообслуживание имеет целью способствовать социальным взаимодействиям» [2, с. 130].

2. Правило невидимой очереди.

«Барная стойка в пабе – единственное место в Англии, где что-либо продаётся без формирования очереди. Мы просто собираемся в случайном порядке вдоль неё... Однако все знают, кто следующий. Тот, кто подошёл раньше вас, и будет обслужен раньше вас. Это ещё одно проявление упорядоченной природы английского беспорядка» [2, с. 132].

3. Правило пантомимы.

«Правило разговора в пабе регулирует как вербальную, так и невербальную коммуникацию. Фактически некоторые из них запрещают использование вербальной среды. Если необходимо привлечь внимание персонала и показать, что вы нуждаетесь в обслуживании, то это должно быть сделано, не произнося ни слова, бесшумно, и не прибегая к вульгарности явной жестикуляции. Предписываемый подход лучше всего описать как ненавязчивую пантомиму. Можно, например, держать деньги или пустой бокал в руке» [2, с. 133].

4. Правило учтивости.

«Очень важно говорить «пожалуйста». Иностранцам и новичкам простят оплошности в других элементах этикета, но не сказать «пожалуйста» считается серьёзной ошибкой. Также жизненно необходимо говорить «Спасибо!», или «Благодарю!», или «Ваше здоровье!», или, по крайней мере, использовать невербальный эквивалент – короткий взгляд, кивок и улыбка, когда вам выдаютнапитки, и ещё раз, когда дают сдачу» [2, с. 136].

5. Правило «И одну себе?» – принцип вежливого эгалитаризма.

«В английских пабах не принято давать чаевые обслуживающему персоналу. Обычной практикой является покупка напитка для них. Чаевые былибы невежливым напоминанием об их роли «обслуживающего», тогда как покупка напитка означает равноправные отношения. Англичане также избегают употребления слова «покупать». Спросить «Можно ли Вам купить напиток?» теоретически было бы возможно, но на практике редко кто так говорит, так как это предполагает использование денег. Англичане прекрасно понимают, что при этом используются деньги, но предпочитают не привлекать внимание к этому факту» [2, с. 137].

6. Правило приветствия.

«Когда завсегдатай заходит в паб, вы всегда услышите хор дружелюбных приветствий от других завсегдатаев, владельца паба и персонала. Владельцы паба и персонал всегда обращаются к завсегдатаям по имени, а последние так же поступают по отношению к владельцу, персоналу и друг к другу» [2, с. 140].

7. Правило кодированности разговора.

«Если провести сотни часов, подслушивая разговоры в пабе, то вы заметите, что многие из них могут быть описаны как «срежиссированные», в том смысле, что они следуют предписанному паттерну и ведутся в соответствии со строгими правилами, хотя собеседники могут не осознавать этого и подчиняться им инстинктивно» [2, с. 141].

8. Правило ссоры в пабе.

«Ссоры в пабе не такие, как «настоящие» ссоры в «настоящем мире». Они скорее похожи на подобие стёба. Подтрунивание, возможно, самая популярная форма беседы в пабе, особенно среди мужчин, и поэтому ссоры в пабе могут казаться довольно эмоциональными. Большинство из них, однако, происходят в соответствии со строгими кодами этикета и основываются на первой заповеди закона паба: «Да не воспримешь ты происходящее слишком серьёзно!» [2, с. 144].

9. Правило свободных ассоциаций.

«Когда в пабе придерживаются определённой темы более нескольких минут, это может быть воспринято как признак чрезмерной серьёзности. Правило свободных ассоциаций гласит, что беседы в пабе не обязаны развиваться с учётом какой-либо логики или упорядоченности; нет необходимости придерживаться темы или приходить к какому-то выводу» [2, с. 147].

Философию английского паба можно проиллюстрировать примерами из романов Роберта Гэлбрейта (писательский псевдоним Джоан Роулинг) о детективе Корморане Страйке, который очень часто использует пабы как место встречи для обмена информацией с друзьями, коллегами и свидетелями.

Примеры правила общения.

« – Отлично, спасибо! – сказал он, передавая пустой бокал Дейву, который направился к барной стойке, раскланиваясь со своими многочисленными знакомыми» [3, с. 5]. «Всё ещё усмехаясь над историей Полуорта, Страйк вдруг понял, что темноволосая женщина у барной стойки, судя по всему, хочет подойти к нему» [3, с. 14].

Примеры принципа вежливого эгалитаризма.

« – Ещё одну? – добавил он, показывая на пустой бокал Страйка» [3, с. 5].

« – Вам взять что-нибудь?

– Ну, так и быть, пинту Карлинга» [4, с. 352].

« – Будете что-нибудь?

Она попросила белого вина» [5, с. 107].

« – Ещё выпьете? – спросил Страйк. Он вернулся к стойке» [5, с. 110].

Примеры правила кодированности разговора.

« – Не жалеешь? – спросил Страйк (речь о новой работе Полуорта).

– Ни хрена! – с жаром сказал Полуорт.

– Надо было как-то руки занять. Больше работы на воздухе. В следующем году – сорок. Сейчас или никогда <…>

– Пенни смирилась? – спросил Страйк.

– Раз в неделю говорит, что хочет развестись – безучастно ответил Полуорт» [3, с. 8].

Примеры правила свободных ассоциаций.

«Корнуоллский национализм они обсуждали минут двадцать, и Страйку они показались вечностью» (Страйку претит чрезмерная серьёзность Полуорта в этом вопросе) [3, с. 3].

« – С днём рождения, чувак!

– Будем! – сказал Полуорт, возвращая тост.

– Как думаешь, у Арсенала естьшансы пройти квалификацию?

– Как личная жизнь?

– Отсутствует, – сказал Страйк» [3, с. 9].

Список литературы:

1. Shaw D. Pub Philosophy. Bioethical Inquiry. 2019, 16: 7-12 // https://doi.org/10.1007/s11673-019-09896-3

2. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour (2nd ed.). London: Hodder, 2014.

3. Galbraith R. Troubled Blood. London: Sphere, 2021.

4. Galbraith R. The Cuckoo’s Calling. London: Sphere, 2018.

5. Galbraith R. The Silkworm. London: Sphere, 2018.

Г.К. Сайкина,
Казанский (Приволжский) федеральный университет;
Р.Р. Фаизова,
Казанский (Приволжский) федеральный университет

РЕСЕНТИМЕНТ В «ЦИФРОВОМ ГУЛАГЕ»

Цель статьи заключается в исследовании поведения пользователя в виртуальном пространстве через феномен ресентимента. Обоснована эвристическая значимость анализа цифрового самозаточения человека для прояснения сути кибергулага, что позволило вычленить антропологический и аксиологический аспекты феномена. Показано, что цифровое самопорабощение продуцирует ресентиментный тип поведения – в отрыве от подлинного ценностного сознания.

Ключевые слова: цифровое общество, Homo Digitalis, кибергулаг, киберзаключенный, самозаточение, ресентимент, месть и ненависть, виртуальность.

G.K. Saykina,
Kazan Federal University;
R.R. Faizova,
Kazan Federal University

RESSENTIMENT IN THE «DIGITAL GULAG»

The purpose of the article is to study user behavior in the virtual space through the phenomenon of resentment. The heuristic significance of the analysis of a person's digital self-incarceration is substantiated to clarify the essence of the cybergulag, which made it possible to isolate the anthropological and axiological aspects of the phenomenon. It is shown that digital self-enslavement produces a resentful type of behavior - in isolation from a genuine value consciousness.

Keywords: digital society, Homo digitalis, cybergulag, cyber prisoner, self-incarceration, resentment, revenge and hatred, virtuality.

Цифровая реальность в современном обществе практически для большинства людей из искусственной среды превращается в естественную среду «обитания». Цифровые технологии охватили не только информационную среду, но и экономику и сферу услуг, качественно изменив механизмы обыденных действий человека (будь то покупки, получение зарплаты или запись к врачу). Именно цифровая реальность становится жизненным миром человека,

из которого черпаются первичные жизненные смыслы. Меняется онтология человека, онтология его повседневности, а значит, и в определенном смысле сущностные антропные константы и ценности.

Смысл введения любой технологии так или иначе направлен на создание новых возможностей, облегчение протекания определенных процессов, достижение эффективности при минимизации затрат и энергии. Однако оценки относительно общества с господством цифровых технологий резко контрастируют: одни называют его «цифровым раем», другие вводят метафору «киберзулага». Существует ли у Homo Digitalis в его «глобальной деревне» свобода?

Обычно под цифровым ГУЛАГом понимается форма информационного тоталитаризма, то есть система контроля власти или крупных социальных структур и корпораций над пользователями Интернета за счет использования высокотехнологичных устройств. Важно то, что человек подпадает под тотальный цифровой контроль и зависимость от Интернета и его отраслей вне зависимости от того, насколько часто он ими пользуется. Любое приложение занимается сбором данных о нас и предлагает персонализированную рекламу, как впрочем и любая организация, в которую мы обращаемся; да и мы без опаски вводим личные данные, данные наших банковских карт, публикуем фотографии с описанием нашего местоположения. Тем самым формируется цифровая идентичность человека, но, что важно, она, в отличие от других видов идентификации, формируется по большей мере без участия человека и может существовать отдельной от него жизнью. В целом в ситуации киберзулага человек находится в иллюзии, что это он управляет Интернетом, а не Интернет им: увлекшись обилием цифрового контента, он не замечает никакой слежки за ним и фактически захвата всей его жизни.

В силу данной иллюзии цифровая реальность воспринимается как свободно сконструированный, индивидуально окрашенный мир, где субъектом нормотворчества являюсь по существу я сам, то есть воспринимается как собственное продолжение, органика и одновременно как вненормативная реальность.

Однако при дистанцированном взгляде на цифровую реальность складывается впечатление об объективной, «физической» (онтологической) агрессии *устройства* цифровой визуальной среды, которая превращает мир в единый гипертекст, заставляя нас двигаться от одного тэга к другому (засасывая нас, как в болото) и становиться в конечном счете в интернет-зависимых людей – в киберзаключенных. В этой связи считаем целесообразным дополнить смысловое поле понятия «киберзулаг» (или «цифровой концлагерь») еще одной характеристикой, отражающей добровольный процесс самозаточения человека в цифровой реальности и формирование киберзависимости. Это позво-

лит проанализировать данный феномен не только в социально-философском, но и в антропологическом и аксиологическом ключе, в единстве внешнего и внутреннего аспектов порабощения.

В случае цифрового самозаточения мы сталкиваемся с отсутствием самоконтроля. Процесс добровольного киберпленения происходит вследствие атрофированности подлинных волевых способностей. Свобода воли – это аксиологическая категория, а значит, она в полном смысле фигурирует в пространстве ценностного сознания и выбора. Однако аксиологическое пространство в кибергулаге реализуется по принципам, подобным ресентименту.

Понятие «ресентимент» впервые появляется в работе Ф. Ницше «К генеалогии морали» для описания «рабской» иудейской и христианской морали. По Ницше, человек-раб (в соответствии с принципами любви и всепрощения) не может проявить свою действительную реакцию на злокозненные действия в виде ответного поступка, мести и вследствие этого оборачивает «мстительную злобу» на самого себя, отравляя собственную душу и оскверняя сердце. Ресентимент немощных и бессильных выступает в итоге в качестве яда, который трансформирует их природу и поведение: «В то время как благородный человек полон доверия и открытости по отношению к себе, человек ressentiment лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты к самому себе. Его душа косит, ум его любит укрытия, лазейки и задние двери; все скрытое привлекает его как его мир, его безопасность, его услада; он знает толк в молчании, злопамятстве, ожидании, в сиюминутном самоумалении и самоуничижении» [1].

Ресентимент цифрового человека во многом схож с классическим ресентиментом: он подлинно живет в виртуальном мире, не объективируя свою субъективность вовне; в результате человек утрачивает потребность в реальном общении с другим человеком в ситуации «лицом-к-лицу». В общении пользователей превалирует анонимность (замещение личности никами): человек действительно «косит», по-настоящему непроницаем для Другого. Но все не так просто, как кажется, ведь виртуальное пространство (в нашем случае это Интернет) может позволить человеку чувствовать себя более защищенным. Здесь он может быть намного смелее, чем в реальной жизни, так как, скрываясь под ником, он будто обретает защиту в анонимности: преодолевает свою закомплексованность, элементарную боязнь быть открыто осужденным и оскорбленным. Однако «оборотной стороной» этого процесса может быть неоправданная, безнаказанная смелость в принижении и оскорблении других – так называемый «коммуникативный садизм». Н.Н. Исаченко справедливо, как мы считаем, обозначает его как форму ресентимента вследствие деструктивной сущности. Так, она отмечает: «С расширением информационно-сетевого

пространства «коммуникативный садизм» как проявление ресентимента активизировался, потому что невозможно привлечь к ответственности человека, скрывшего свою личность за аватаром» [2].

Важно отметить, что, в отличие от классического ресентимента, киберзаключенный оборачивает ненависть не на самого себя, а выносит его вовне – в анонимную виртуальную реальность (продолжая ее одновременно считать не вненаходимой, а элементом внутренней субъективности, индивидуального гипертекста).

Следует признать, что в подлинном смысле симулякризация активности и общения в цифровой реальности не имеет под собой никакой ценностной подложки (по сравнению с ресентиментом христианина); и это происходит не только в силу неразработанности принципов киберэтики, цифровой экологии и самогигиены. По словам Т.Г. Лешкевич, анализирующей феномен цифрового отчуждения, цифровая реальность формирует человека с «доминирующим стремлением оставить свой «сетевой след» вне зависимости от его ценностного содержания» [3]. Возникают кажимостные формы субъектности, активности, участия в «истории».

Уход в виртуальное пространство – это не только способ хоть как-то справиться со злобой по отношению к обществу и миру в целом, но и попытка справиться с теми негативными эмоциями и болью, причинами которых является он сам. С развитием виртуальных пространств человек все чаще не принимает самого себя. При этом цифровое самозаточение не решает проблему, а лишь усугубляет ее. Человек пытается найти покой в виртуальном мире, но не находит его, более того, усугубляет свою злобу. Он ищет причину озлобленности не в себе, а в остальных, он пытается изменить все вокруг, но не себя самого: он одновременно ощущает и осознает свою ущербность по ряду имеющихся у него на это причин и одновременно верит в свое превосходство. Возникает пропасть между его реальным «я» и виртуальным, что порождает новый виток ресентимента.

Список литературы:

1 Ницше Ф.К генеалогии морали. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. С. 36

2. Исаченко Н.Н. Роль сетевой культуры техногенной цивилизации в распространении ресентимента // https://cyberleninka.ru/article/n/rol-setevoy-kultury-tehnogennoy-tsivilizatsii-v-rasprostranenii-resentimenta

3. Лешкевич Т.Г. Феномен цифрового отчуждения // https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-tsifrovogo-otchuzhdeniya/viewer

А.Е. Сериков,
Самарский университет

ЗНАЧЕНИЯ СИНСЕТОВ И СИНОНИМЫ КАК ЭКЗЕМПЛЯРЫ

В естественных языках значение слов и словосочетаний опирается на синонимию. Значения сходных по значению языковых категорий существуют не сами по себе, но тесно переплетаются друг с другом. В современных лексических базах данных значения приписываются не отдельным лексическим единицам, а множествам синонимов – синсетам, и при переводе с одного естественного языка на другой сопоставляются не отдельные лексические единицы соответствующих языков, а целые синсеты. При этом термины различных естественных языков могут восприниматься как экземпляры того или иного единого для этих языков синсета.

Ключевые слова: философия языка, семантика, лексика, синонимия, синсет, лексические базы данных, WordNet.

A.E. Serikov,
Samara University

SYNSET MEANINGS AND SYNONYMS AS INSTANCES

In natural languages, the meaning of words and phrases is based on synonymy. The meanings of linguistic categories similar in meaning do not exist on their own, but are closely intertwined with each other. In modern lexical databases, meanings are assigned not to individual lexical units, but to sets of synonyms - synsets, and when translating from one natural language to another, not individual lexical units of the corresponding languages are compared, but entire synsets. At the same time, the terms of various natural languages can be perceived as instances of a single synset for these languages.

Keywords: philosophy of language, semantics, vocabulary, synonymy, synset, lexical databases, WordNet.

Один из естественных повседневных способов пояснить свою мысль человеку, который не понял тебя с первого раза – это попробовать высказать ту же мысль другими словами. При этом мы, как правило, используем синонимы. С точки зрения строгой логики и семантики это выглядит не совсем верно, но мы постоянно так делаем. В «Двух догмах эмпиризма» (1951) Куайн доказывает, что в основе почти всех определений лежит принимаемое в качестве само

собой разумеющегося представление о том, что такое синонимия [1]. В рамках классического взгляда, это недостаток, противоречащий существованию чистых аналитических суждений. Если бы чистые аналитические суждения существовали, они не должны были бы опираться на определения, в свою очередь опирающиеся на представление о синонимии. Правильные логические определения терминов не должны зависеть от того, что какие-то их них являются синонимами, но на практике таких определений нет. Согласно Куайну, мы не можем определить синонимы независимо друг от друга. Но возникает вопрос: а почему мы должны к этому стремиться? Почему мы должны исходить из правил классической логики и кантианских различений, если они противоречат эмпирически обнаруживаемой семантике естественных языков? В естественных языках значение слов и словосочетаний опирается на синонимию. Так почему бы не принять это в качестве одной из основ понимания значения?

Значения сходных по значению языковых категорий существуют не сами по себе, но тесно переплетаются друг с другом. В современных лексических базах данных, таких, которые входят в проект Global WordNet [2], этот факт отражается в том, что значения приписываются не отдельным лексическим единицам, а множествам синонимов – синсетам, и при переводе с одного естественного языка на другой сопоставляются не отдельные лексические единицы соответствующих языков, а целые синсеты.

Например, в тезаурусе русского языка RuWordNet такие важные философские термины, как «интеллект», «разум», «рассудок», «ум», представлены как компоненты синсета {башка, голова, головушка, интеллект, интеллектуальная мощь, интеллектуальное развитие, интеллектуальность, интеллектуальные способности, интеллектуальный потенциал, мыслительная способность, разум, рассудок, ум, умственная способность, умственное развитие}, связанного с тремя синсетами англоязычной лексической базы данных Princeton WordNet, а именно: {intelligence}, {mind, head, brain, psyche, nous}, {brain, brainpower, learning_ability, mental_capacity, mentality, wit} [3].

Не следует думать, что подобные синсеты – это исключительно результат творчества лексикографов, создающих словари и базы данных. Синсет возникает сам собой, когда разные люди по-разному переводят какой-нибудь термин. Например, в русскоязычном издании книги Дэниела Деннета «Насосы интуиции» слово «consciousness» переведено как «самосознание», что противоречит и традиции, и здравому смыслу [4, с. 325]. Можно сколько угодно критиковать неудачные, с нашей точки зрения, переводы, но они уже состоялись, уже опубликованы. Поэтому просто в силу публикации разных переводов одного и того же иноязычного термина, употребляемого в одном и том же контексте, сразу несколько синонимов одновременно соотносятся с этим термином. Далее, если

имеют место обратные переводы, каждый из синонимов также может быть переведён по-разному. Поэтому, нравится нам это или нет, имеет место соотношение не отдельных терминов и их значений, но соотношение целых синсетов.

Я считаю, что многие философы, психологи и другие специалисты в области когнитивных наук чувствуют, что отдельные представленные выше синонимы довольно трудно, почти невозможно определить однозначно, не ссылаясь на конкретные контексты и нюансы употребления. Поэтому можно предположить, что существует некое значение синсетов в целом, которое кодируется всем множеством соответствующих синонимов. При этом многие профессионалы работают сразу с несколькими языками. Для них подобные термины и русского, и английского, и других используемых в профессиональной сфере языков могут восприниматься как экземпляры того или иного единого для этих языков синсета, отражающие различные его аспекты, важные в той или иной конкретной языковой ситуации.

Чтобы пояснить эту мысль, приведу довольно большую, но, как мне кажется, уместную цитату. В примечании к переводу книги Карла Поппера «Знание и психофизическая проблема» (1994) Игнатий Владимирович Журавлёв пишет:

«Английскому mind в русском языке обычно соответствуют такие термины, как «сознание», «ум», «разум», «душа», «дух», «психика». Д.Г. Лахути приводит достаточно убедительную аргументацию в пользу перевода mind в текстах Поппера в основном как «разум» (см.: Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход. М.: УРСС, 2002. С. 353 и далее). Однако иногда Поппер проводит различие не только между mind и consciousness (что затрудняет перевод mind как «сознание»), но и между mind, consciousness и intelligence («ум», «интеллект»), что в случае перевода mind как «разум» может запутать читателя. Поскольку наша задача – сделать текст понятным русскоязычному читателю, мы, жестко не придерживаясь какого-либо одного варианта перевода, будем следовать традициям употребления терминов в русском языке. Так, то, что по-английски называется «philosophy of mind», в русских текстах именуется философией сознания (а не разума или, тем более, психики), но «theory of objective mind» (у Поппера) – это теория объективного разума, и, напротив, «body-mind problem» – это психофизическая проблема (реже ее называют проблемой отношений между сознанием и телом, еще реже – проблемой отношений между духом и телом). Аналогична ситуация с переводом mental states. Mental states в европейской философии после Декарта – это состояния «мыслящей субстанции» (души, сознания, психики, то есть того, что именуется

«mind»), традиционно противопоставляемые состояниям «протяженной субстанции», к которой относятся физические (протяженные в пространстве) тела. Как и в случае с mind, при переводе mental states мы будем следовать традициям, сложившимся в русскоязычных текстах. Так, когда речь идет о психофизической проблеме, то есть проблеме отношения между mental states и physical states, целесообразно переводить mental states как «психические состояния», противопоставляя их «физическим состояниям». В других случаях мы будем предпочитать термин «состояния сознания». Хотя в русском языке уже достаточно закрепился термин «ментальные состояния», я не считаю его очень удачным. Можно написать целый учебник по психологии, ни разу не употребив термин «ментальные состояния», и я думаю, что философии этот термин нужен не больше, чем психологии» [5, с.15-16].

Здесь очень наглядно видно, что для переводчика английского философского текста некоторые и русские, и английские термины входят в одно множество взаимозаменимых синонимов, а некоторые – и русские, и английские – в другое и т. д. При этом в некоторых контекстах какие-то термины могут объединяться в группу синонимов и выражать очень близкие, практически одинаковые аспекты значений, а в других контекстах эти же термины могут разводиться по разным группам и выражать противопоставленные аспекты значений. И совершенно очевидно, что более-менее глубоко понимать текст, в котором употребляются эти термины, сможет лишь тот читатель, который знаком с различными контекстами их употребления, то есть знаком не с отдельными терминами, а с синсетами в целом.

Список литературы:

1. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. Слово и объект / Пер. с англ. А.З.Черняка и Т.А.Дмитриева. М.: Логос, Праксис, 2000. С.342-367.

2. Wordnets in the World // WordNet Association // http://globalwordnet.org/resources/wordnets-in-the-world/

3. Тезаурус русского языка RuWordNet // https://ruwordnet.ru/ru

4. Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления / Пер. с англ. З. Мамедьярова и Е.Фоменко. М.: АСТ : CORPUS, 2019.

5. Поппер К.Р. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. Пер.с англ. / Послесл. И. В. Журавлева. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Н.Н. Синяев,
Самара

БИОЛОГИЗАТОРСКАЯ РИТОРИКА «ЕСТЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ» В ИДЕОЛОГИЯХ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА

В статье рассматривается влияние научного дискурса на политические аргументы либералов и консерваторов на примере общественной дискуссии США вокруг поляризующих общество проблем. Аргументация вокруг этих проблем постоянно отсылает к языку биологии, с помощью которого рационализируются предрассудки в политическом дискурсе.

Ключевые слова: биологизаторство, либерализм, консерватизм, аборты, расизм, меньшинства.

N.N. Siniaiev,
Samara

BIOLOGIZING RHETORIC OF THE «STATE OF NATURE» IN THE IDEOLOGIES OF LIBERALISM AND CONSERVATISM

The article examines the influence of scientific discourse on the political arguments of liberals and conservatives on the example of the US public discussion around the problems that polarize society. The argument around these issues constantly refers to the language of biology, which rationalizes prejudice in political discourse.

Keywords: biologizing, liberalism, conservatism, abortion, racism, minorities.

Рационалистический дискурс Университета, когда он достигает политического дискурса, порождает необходимость аргументировать свою позицию, обращаясь к научному взгляду на обсуждаемую проблему. Однако для того, чтобы произвести некий аргумент, для говорящего на публику необходимо стоять на определённых методологических и эпистемологических позициях, с которых можно было бы говорить и благодаря которым аргумент выглядел бы убедительнее. Согласно теории Жана Франсуа Лиотара, у любого дискурса должен быть свой легитимизатор речи, который делал бы субъекта «имеющим речь». Иными словами, любой речи для того, чтобы она была воспринята, необходим некий внешний мета-дискурс, который бы санкционировал легитим-

ность речи. В первобытном обществе таким метадискурсом был миф, а критика состояния постмодерна у Лиотара заключалась в том, что университет потерял этот метадискурс и потому наука больше не может легитимно высказываться, так как миф о просвещении, которое должно привести к эмансипации и миф о создании национального Духа по Дильтею перестали быть подпоркой для научного дискурса [1].

Что упускает из вида Лиотар, так это то, что сама наука стала таким легитимизатором дискурсов, метадискурсом, который даёт возможность высказываться о тех или иных общественных проблемах. Так политические проблемы, то есть проблемы, которые могли бы быть вынесены на общественное обсуждение, постепенно сужались в своем подмножестве, оставляя решение исключительно за экспертами как за теми, кто носит знание о проблемах, которые раньше нуждались в политическом решении. То же самое и приходит с технологиями. В своём манифесте «Терраформинг» Бенджамин Браттон приводит в пример ситуацию, которая демонстрирует уход политического из повседневной жизни после прихода технологий и научного дискурса: когда мы наливаем воду в стакан у себя на кухне, мы автоматически решаем проблему проведения и хранения воды в деревню, которая раньше решалась через деревенское или городское собрание. Таким образом, с приходом научного дискурса, политика должна отступать. Однако, это не происходит в том случае, когда мы касаемся проблемы природы человека, поведения человека и определения человека как такового. Как пишет Б.Ю. Кагарлицкий в книге «Между классом и дискурсом: левые интеллектуалы на страже капитализма», начиная со времени развала Советского Союза, общественность привыкла к тому, что большинство сфер политической и экономической жизни находится под контролем у экспертов, которые не выносят обсуждение решений в общественное поле [2, с.49]. Именно потому основной политической распрей последних лет является тема ЛГБТ+, сексуальных меньшинств, расовых меньшинств и т. д. Люди строят целые политические платформы, исключительно на данных темах, приобретают символический капитал и власть, используя при этом риторику, которая обращается к науке (от биологии до статистики), но каждый раз это происходит своевольно, однако и у условных консерваторов, и у условных либералов есть одно общее место, которое две эти стороны пытаются друг у друга отобрать во время дискуссий, а именно – биологическая основа человека.

Современные дискуссии вокруг прав ЛГБТ+, прав расовых меньшинств, права на аборт и т. д. вращаются вокруг противопоставления Nature (природы)

и Nurture (воспитания). В политическом дискурсе есть позиции, которые полностью отрицают один из элементов оппозиции, есть те, которые пытаются найти компромисс между этими позициями, но главный факт остаётся в том, что nature-nurture – это оппозиция, которая определяет политическую платформу субъекта. За последние 50 лет создалась целая традиция критики субстанционализма. Субстанционализм – это способ мышления, который редуцирует сложность (комплексность) характеристик объекта к его сути (субстанции), заключенной в какой-то одной характеристике. Биологический редукционизм и биологический субстанционализм в топике критики субстанционализма являются синонимами, как дискурсы, которые при своей объяснительной ценности используются для рационализации предрассудков или доведения определённых групп/субъектов до состояния HomoSacer в государстве.

Таким образом, использование биологического редукционизма в политике или в какой-то дисциплине, изучающее поведение человека, стало называться «биологизаторством». К биологизаторству выработалось определённое подозрительное отношение: когда человек на публике обращается к биологии, он находится на грани с дискурсом нацистов. Следовательно, разделилось и то, каким образом используются объяснительные модели из разных научных дисциплин для аргументации тех или иных политических позиций: условные либералы стали использовать объяснительные модели гуманитарных дисциплин и экономики, чтобы избежать соприкосновения с паталогичным дискурсом нацизма, а условные консерваторы, отстаивая научность и политическую возможность естественных наук высказываться в политике, – биологию. При этом политические оппоненты видят несовершенство позиций друг друга именно в эпистемологической установке, которую занимает другой. Так, условный либерал скажет, что консерватор игнорирует экономические и исторические факторы, влияющие на поведение людей, в то время как консерватор ответит, что либерал не обращает внимания на биологическую предрасположенность к особому поведению.

Таким образом, сами объяснительные модели были поляризованы между собой в разные политические лагеря: биологизаторство стало уделом консерваторов, а социологизаторство (то есть тенденция объяснять явления через социальные, экономические, политические, исторические и т. д. факторы) стало уделом либералов.

На практике же можно наблюдать, что объяснительные системы противоположного лагеря прокрадываются в аргументацию обоих лагерей как предустановка, которая не подлежит сомнению и от которой отталкиваются, чтобы

представить свой собственный аргумент в лучшем свете. Рассмотрим это на примерах аргументов различных сторон по поводу общественных проблем США.

Начнем с проблемы прав ЛГБТ+ относительно сексуального образования в школах. Типичный аргумент против того, чтобы вводить целый курс сексуального образования, состоит в том, что такой курс – это пропаганда, которая воспитает больше людей, идентифицирующих себя как ЛГБТ-персоны. Та же сторона, которая настаивает на естественности исключительно только одной – гетеросексуальной – сексуальной ориентации, заявляет, что её можно изменить при обучении, соглашаясь таким образом с социальной природой сексуальности человека.

В вопросе о легальности абортов одной из главных тем выступает вопрос «Является ли зародыш или зигота человеком?». Прочойсеры (выступающие за легализацию абортов) выступают с аргументом, заключающимся в том, что зигота – это всего лишь пучок клеток, который ничего не чувствует, поэтому нет никакой моральной вины в том, чтобы избавиться от него. Такой взгляд на проблему включает в себя линзу рационализации через биологизаторский язык, включающий в себя рассмотрение проблемы исключительно с отрешенной научной точки зрения, исключающей различные эмоции, обусловленные социально. Пролайферы (выступающие за запрет абортов) говорят именно о моральности в этом вопросе, защищая право человека на жизнь скорее с эмоциональных позиций, а также с позиций критики биологизаторского подхода в его неспособности определить, что такое человек, чтобы считать его под правовой защитой.

В случае проблем с расовыми меньшинствами можно наблюдать, как риторика защиты меньшинств меняется на противоположную в зависимости от того, какое поведение выступает проблематичным. В вопросах расовой преступности позиция, которая сегодня считается расистской, заключается в том, что чёрные генетически предрасположены к агрессивному или преступному поведению. В свою очередь, аргументация защиты меньшинств заключается в том, что преступность вызвана экономическими, политическими и историческими факторами, выражающиеся в системном расизме. При этом, когда речь идёт о пищевом поведении, линия защиты совершенно другая: черные женщины испытывают угнетение по признаку лишнего веса, потому что в Африке из-за естественного отбора образовалось генетическая предрасположенность к ожирению и соответствующему пищевому поведению [3; 4]. Таким образом, для одинаковых по своей структуре проблемы появляется разная

защита, в одном случае из которых производится отсылка к субстанциоиналистскому дискурсу.

Таким образом, можно видеть, что биологизаторство, которое является признаком авторитарного режима, свойственно не только таковым, но и риторике эмансипационной. Оба лагеря свободно используют рациональный научный дискурс биологии, создавая образ человека, который проявляет свои субстанциальные признаки ещё до того, как он был помещён в общественные отношения. Следовательно, типичные политические аргументы в США не представляют из себя двух полярных дискурсов, вместо этого существует некая общая структура аргумента, с помощью которой рационализуется какой-то сентимент, выполняющий сиюминутную пользу. Потому главная задача у обеих сторон должна представлять из себя стратегию по прекращению холодной гражданской войны через рефлексирование над сентиментами. В случае США политическая сфера предположительно является двумя векторами, где одна сторона заинтересована в расширении прав и свобод, а другая – в закреплении и отстаивании тех, что уже есть.

Список литературы:

1. Жан-Франсуа Лиотар. Состояние Постмодерна. Глава 3. Метод: Языковые игры // https://gtmarket.ru/library/basis/3097/3101

2. Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. Нац.Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2020. С. 49.

3. The Racist roots of fighting obesity. // https://www.scientificamerican.com/article/the-racist-roots-of-fighting-obesity2/

4. Fearing of black body: The racial origins of fatphobia // https://csw.ucla.edu/2020/11/23/fearing-the-black-body-the-racial-origins-of-fatphobia-by-sabrina-strings-nyu-press-2019/

Г.А. Трафимова,
Самарский университет

СФЕРА IT В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Развитие сферы информационных технологий (ИТ) зависит от уровня подготовки специалистов данной сферы. Анализ представлений студентов ИТ-направлений о выбранной профессиональной сфере позволяет выявить факторы, влияющие на формирование профессиональных компетенций будущих специалистов сферы ИТ.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, профессиональная деятельность, профессиональные компетенции, студенты ИТ-направлений.

G.A. Trafimova,
Samara University

THE SPHERE OF IT IN THE REPRESENTATIONS OF STUDENT YOUTH

The development of the field of information technology (IT) depends on the level of training of specialists in this field. An analysis of the ideas of students of IT areas about the chosen professional field allows us to identify factors that influence the formation of professional competencies of future IT specialists.

Keywords: information technology, digitalization, professional activity, professional competencies, IT students.

Происходящие в современном обществе социальные, экономические, политические и организационные трансформации во многом связаны с развитием информационных технологий (ИТ) и информационной сферы. Одной из целей нового типа общества (Общества 5.0) является рост продуктивности и эффективности людей на основе взаимодействия цифровых технологий и человека.

По мере развития процессов цифровизации все более важной становится проблема подготовки кадров для цифровой экономики, особенно в областях, связанных с новейшими видами исследований – исследованиями в области искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения, нейросетей и т. д. Существенный дефицит кадров в сфере ИТ [1] актуализирует для российских университетов задачу подготовки специалистов, готовых решать сложнейшие со-

временные задачи. Такую задачу ставит перед собой и Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева, важнейшим научно-образовательным подразделением которого является институт информатики и кибернетики (ИИК). Среди направлений, по которым в последние годы Самарский университет был включен в список наиболее авторитетных исследовательских вузов страны, практически всегда было направление «Компьютерные науки» (ComputerScience) [2].

Помимо традиционных ИТ-специальностей и направлений, в университете реализуются программы бакалавриата и магистратуры, связанные с разработкой искусственного интеллекта (ИИ), в том числе применительно к автоматизации современных производств, а также программы профессиональной переподготовки специалистов [3].

В этом плане интересно выявить, как видят сферу ИТ представители современной студенческой молодежи, особенно обучающейся на ИТ-направлениях подготовки. Такой анализ был проведен в ходе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла на соответствующих направлениях подготовки Самарского университета им. академика С.П.Королева.

Спецификой самосознания студентов применительно к сфере ИТ как профессиональной сфере является сочетание представлений о престижности данной сферы (выражающейся в том числе в высокой оплате труда) и понимания высокого уровня напряжения интеллектуальных и физических усилий, необходимых для получения хотя бы среднего результата в рамках своей учебно-профессиональной деятельности. Оценивая роль нематериальных мотивов для профессионала сферы ИТ студенты часто называют «комфортные условия работы», «реализацию себя как личности», «удовлетворение от того, что работа соответствует личным ценностям и убеждениям». Это свидетельствует о понимании необходимости соответствия личностного и профессионального развития.

Одной из важнейших является задача определения факторов, влияющих на отнесение себя к профессиональному сообществу специалистов ИТ-сферы. Главным фактором является обучение на профильном направлении подготовки в университете, что позволяет некоторой части студентов уже в период обучения формировать основы профессионального самосознания. При этом студенты осознают как противоречие изъяны школьного образования и недостаточную эффективность системы профессиональной ориентации, в результате чего многие затрудняются сформулировать свои мотивы обучения на технически сложном направлении подготовки.

Хотя у многих студентов довольно расплывчатые представления о своих карьерных перспективах, они понимают специфику возросших требований к профессиональным компетенциям ИТ-специалистов и необходимость постоянного личного совершенствования. Примерно половина студентов говорят о дополнительном образовании, которое они получают одновременно с университетским (включая дополнительные дисциплины в рамках индивидуальных образовательных траекторий). Значительная доля студентов, особенно старших курсов, имеет опыт взаимодействия, который можно отнести к профессионально значимому: стажировки, прохождение собеседований, работа в профессиональных проектах. Вместе с тем, часть студентов, особенно на младших курсах, оказываются не готовы к высокой самоорганизации и испытывают серьезные трудности как учебного, так и психологического характера. Отсутствие социального опыта часто препятствует преодолению возникающих трудностей.

Примером такого опыта, совмещенного с профессионально направленным интересом, можно рассматривать участие студентов в научных конференциях с докладами, отражающими результаты научно-исследовательской деятельности. Темы, которые выбирают студенты, разнообразны. Так, Р.А.Бадриева, будучи магистрантом ИИК Самарского университета, в 2021 г. участвовала в Международной молодежной научной конференция «XVI Королевские чтения», посвященной 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина, с докладом о роли ИТ-технологий в космических исследованиях. Являясь традиционной научной темой для Самарского университета, тема космических исследований и их результатов позволяет взглянуть на узкопрофессиональные задачи с точки зрения масштабного социально-технологического контекста [3].

Студентка направления ИБАС А.А. Горбунцова выбрала для своего научного исследования карьерные проблемы женщин в сфере ИТ [4]. Результаты проведенного социологического исследования по проблемам профессиональной самореализации женщин в сфере ИТ не только были представлены в рамках нескольких студенческих конференций, но и обсуждались в большинстве студенческих групп ИИК в рамках дисциплины «Самоорганизация профессионального развития».

На занятиях социально-гуманитарного блока студенты имеют возможность обсудить разнообразные темы, связанные как с их личными интересами, так и с профессионально направленными проблемами: каковы последствия всеобщей цифровизации (в том числе в связи с заменой людей технологиями на рынке труда), прямая ли связь между получаемым образованием

и будущей профессией, какой тип людей более пригоден к профессиональной деятельности в сфере ИТ и др. Для студентов ИТ-направлений очень важным является рефлексия относительно того, убирают ли новые технологии профессиональные возможности или, напротив, создают новые возможности для развития профессий и появления новых специализаций. При этом выявляется недостаточность представлений о нетехнологических факторах развития современных высокотехнологичных сфер (включая сферу ИТ). В частности, целый ряд выявленных представлений студентов о последствиях развития сферы ИТ демонстрирует недостаточный уровень осмысления целей совершенствования технологий и социально-гуманитарных последствий развития новейших технологий (в частности, правого и этического характера).

Таким образом, проведенный анализ позволяет выявить специфику представлений студенческой молодежи о сфере ИТ, которая выступает и как наиболее инновационная сфера, влияющая на разнообразные глобальные трансформации, и как профессиональная сфера, привлекающая внимание огромного количества современной молодежи. В сознании большинства студентов именно сфера ИТ демонстрирует то, как профессиональная деятельность определяет стиль и образ жизни человека.

Список литературы:

1. Всеобщая кадровая ИТ-мобилизация // https://www.comnews.ru/content/224393/2023-02-10/2023-w06/vseobschaya-kadrovaya-it-mobilizaciya

2. Новые программы обучения цифровым технологиям запустили в Самаре // https://ssau.ru/news/19143-novye-programmy-obucheniya-tsifrovym-tekhnologiyam-zapustili-v-samare

3. Бадриева Р.Р., Трафимова Г.А. Роль IT-технологий в космических исследованиях // Международная молодежная научная конференция «XVI Королевские чтения», посвященная 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина: сборник тезисов докладов. 2021. Т. 3. С. 1154-1155.

4. Горбунцова А.А. Карьера женщины в ИТ-сфере: социальный, психологический, организационный аспекты // LXXII молодёжная научная конференция, посвящённая 80-летию КуАИ-СГАУ-Самарского университета и 115-летию со дня рождения академика С.П. Королёва: тезисы докладов, 5-7 апреля 2022 г. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. С. 66-68.

Е.О. Труфанова,
Институт философии РАН

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВОГО

Показывается, что одной из базовых установок, управляющих поведением человека, является наивный реализм, в связи с чем человек испытывает трудности в оценке цифровых взаимодействий как реальных. Вместе с тем, в современном мире цифровая и физическая среда переплетаются в неразрывную реальность, что необходимо учитывать для успешной жизнедеятельности.

Ключевые слова: цифровая реальность, физическая реальность, наивный реализм, цифровая коммуникация.

E.O. Trufanova,
RAS Institute of Philosophy

PARADOXICAL REALITY OF THE DIGITAL

It is shown that one of the basic attitudes governing human behavior is naive realism, which makes it difficult for a person to assess digital interactions as real. At the same time, in the modern world, the digital and physical environment are intertwined into an inseparable reality, which must be taken into account for successful social activity.

Keywords: digital reality, physical reality, naive realism, digital communication.

Человек привык взаимодействовать с миром непосредственно, через свои ощущения, с объектами, которые можно потрогать, почувствовать. Именно такая непосредственно данная нашим чувствам реальность воспринимается нами как подлинная. Эта позиция (которую иногда называют наивным реализмом) является определенной базовой установкой для человека: реально то, что непосредственно дано моим органам чувств.

Около 20-30 лет назад активно обсуждалась проблема виртуальной реальности. Интересно, что само значение слова virtual проделало путь от «действительный», «фактический» до «мнимый». Причем изначально понятие виртуальной реальности использовали преимущественно расширительно – от VR-шлемов до взаимодействия между пользователями в Интернете. Например, в

работах Н.А. Носова к виртуальной реальности относилось вообще почти все, вплоть до галлюцинаторной «реальности» человека, страдающего алкоголизмом [1]. С.С. Хоружий еще в 1997 г. писал о виртуальной реальности в том же расширительном плане как о «недороде» бытия [2].

Сейчас понятие виртуальной реальности снова сужается преимущественно до технологий VR, а фокус интереса смещается в сторону цифровой реальности. Под цифровой реальностью также понимают разное. Во-первых, особенно в контексте пандемийных лет, когда большая часть социальных процессов трансформировалась в цифровые, цифровой реальностью начинают называть текущую социальную реальность в целом, то есть это социальная реальность, активно использующая цифровые технологии. Во-вторых, говоря о цифровой реальности, можно говорить об объектах определенного рода – цифровых объектах, то есть таких сущностях, которые существуют только в цифровой форме. Это могут быть как самоценные объекты, существующие только в цифровом мире (например, компьютерные игры), так и, к примеру, так называемые «цифровые двойники» реальных объектов, которые существуют в качестве моделей для объектов реальных.

Если оценивать цифровые объекты, исходя из уже упомянутых выше принципов наивного реализма, то возникает соблазн счесть их нереальными. Тем не менее, они реальны как минимум с точки зрения физики (цифровой сигнал материален), но нас интересует не столько физическая реальность цифрового сигнала, сколько его смысловое содержание: то, какое воздействие он оказывает на нашу реальную жизнь, наше непосредственное бытие в мире.

Особое внимание сейчас уделяется цифровой реальности постольку, поскольку цифровые объекты начинают выступать как замена объектам нецифровой реальности: например, там, где мы раньше использовали бы бумагу с росписями и печатями, сейчас используется qr-код, который считывается цифровым устройством и отсылает к цифровой же базе данных, и т. д. Статус реальности цифровых объектов зависит прежде всего от их социального статуса. Наличие социального консенсуса относительно того, что вместо бумажных денег мы можем использовать цифровые платежи делает «цифровые деньги» реальными. Так же, как в пространстве «кинореальности», мы «верим», что герой на экране стоит на парижской улочке на фоне Эйфелевой башни, хотя создатели фильма снимали его вдали от Франции с помощью технологии хромакея. Принимая на веру, что за строками на экране компьютера скрыт реальный собеседник, я вступаю с ним в определенные отношения, которые затем могут быть продолжены за пределами цифровой среды. Но при этом, к приме-

ру, ссора, возникшая в цифровом общении, будет неизбежно перенесена в нецифровой мир. Закрывая мессенджер на смартфоне, мы не переходим из одного мира в другой – сейчас события в цифровой и физической средах связаны в один узел, цифровая среда является дополнительным расширением человеческой жизни, а не ее эрзацем или «недородом».

Таким образом, цифровая реальность *реальна*, она создает не только новые возможности, но и новые проблемы и вызовы (цифровая безопасность в самых разных сферах, угроза частной жизни, информационная перегрузка и т. д.), поиск ответов на которые стоит очень остро. Одной из них является проблема коммуникаций в «гибридной» среде.

Современный человек живет в «гибридной» (как ее сейчас называют некоторые авторы) среде, сочетающей цифровые и нецифровые элементы. Мы живем в реальном физическом мире, но наше общение со многими людьми происходит опосредованно с помощью цифровых средств. Здесь и возникает, как представляется, ключевая проблема – проблема правильной оценки статуса цифровых коммуникаций. Основываясь на базовой установке, о которой шла речь выше (реально то, что дано мне в ощущениях), человек оценивает цифровую коммуникацию как «не вполне» реальную. В то время как подобная оценка верна с точки зрения различия онтологических статусов цифровой и нецифровой реальностей, она оказывается ошибочной с точки зрения реальности социальной. С учетом увеличившейся роли цифровых коммуникаций в жизни общества любые коммуникативные действия в сети, особенно публичного характера имеют не меньшее, а то и большее влияние на социальную реальность, чем действия в оффлайн-пространстве, они обладают большим воздействием на мир, поскольку «видны» большему количеству людей, у которых могут вызвать потенциальный отклик. Любая необдуманная реплика или даже «лайк» или «репост» в Сети – такие простые и не требующие затраты сил, часто автоматические действия – могут быть восприняты как манифест. Письменное слово представляется более весомым, чем устное, а главное – оно зафиксировано, оно доступно другим людям, от него нельзя отречься, оно больше обязывает. В этом и заключается главный парадокс современной ситуации: цифровая реальность оказывается «реальнее», как в известной «теореме Томаса»: «*Если человек определяет ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям*» [3].

В «гибридной» среде человек оказывается предельно уязвимым с точки зрения того, что его персональные данные оказываются доступны различным внешним агентам, конфиденциальность данных становится, с одной стороны,

главной ценностью, с другой – главной мишенью. Информационные технологии начинают выступать инструментом дискриминации и эксплуатации, контроля свобод, источником цифрового неравенства. В руках тех, кто контролирует технологии управления данными, сосредотачивается власть над людьми, использующими эти технологии [4]. Еще никогда, пожалуй, каждое слово не имело такого социального веса, как в современную эпоху. Это эпоха паноптикона, где каждый человек на виду, при этом цифровые действия отслеживать значительно легче, чем действия в реальном мире. Парадоксальным образом именно цифровая реальность сейчас имеет больше влияния на социальную реальность, в том числе выходящую за пределы цифрового мира.

Главная опасность заключается в том, что поведение человека в Сети отличается от его поведения в физическом мире. Человек в цифровой среде действует так, как будто его оппонент является цифровой сущностью, не содержащей за собой ничего реального. Как в свое время отмечал Эрих Фромм, описывая психологию военных летчиков, физическое расстояние между летчиком и убитыми под его бомбами людьми способствовало тому, что летчик не осознавал себя убийцей и не был вовлечен в ситуацию эмоционально [5]. Подобным же образом в цифровых отношениях, где вместо человека – набор символов, этот цифровой Другой обесчеловечивается, и, как следствие, как будто теряется потребность отношения к нему как к человеку в полном смысле слова. Взаимодействие с компьютерными программами-ботами, голосовыми помощниками, системами ИИ с голосовым интерфейсом и т. д. еще больше затрудняет проведение грани между не-человеческой цифровой сущностью и человеком, репрезентированным в цифровом мире. Увеличение числа цифровых взаимодействий по сравнению нецифровыми приводит к нарастанию агрессии: там, где нет чувства непосредственного контакта с другим человеком, физического телесного со-присутствия, возникает взаимонепонимание, а также снижается уровень ответственности за свои слова и виртуальные действия. Мы неосознанно строим свое поведение таким образом, как будто по ту сторону экрана нет равноправного со мной субъекта, а есть лишь цифровая сущность, которая не требует уважения или соблюдения моральных принципов. Эти обстоятельства приводят к высокой конфликтогенности цифровой среды, при этом можно предположить, что во многих случаях в офлайн-мире в подобных ситуациях конфликтов удалось бы избежать. Для успешности цифровых коммуникаций необходимо преодоление установки наивного реализма и умение действовать в цифровом мире как в реальном.

Список литературы:

1. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.

2. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53-68.

3. Thomas D.S., Thomas W.I. The child in America: Behavior problems and programs. N.Y., 1928.

4. Barocas S., Selbst A.D. (2016) Big Data's Disparate Impact // California Law Review. № 104. P. 671-936.

5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017. 736 с.

В.Т. Фаритов,
Самарский государственный технический университет

ОБРАЗЫ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ТРИЛОГИИ А. ДЮМА О МУШКЕТЕРАХ

В статье осуществляется экспликация философских мотивов трилогии А. Дюма о мушкетерах. Проводится сравнительное исследование социально-политических взглядов А. Дюма и Ф. Ницше. Осуществляется анализ особенностей поэтики трилогии. Идейно-образное содержание романов Дюма раскрывается в контексте учений Ф. Ницше, О. Шпенглера, В. Зомбарта. Проводится параллель между основными мотивами трилогии Дюма и романа Сервантеса о Дон Кихоте.

Ключевые слова: Дюма, Ницше, сверхчеловек, герой, донкихотство, роман.

V.T. Faritov,
Samara State Technical University

IMAGES OF THE SUPERMAN IN A. DUMAS' TRILOGY ABOUT THE MUSKETEERS

The article explicates the philosophical motives of A. Dumas' trilogy about the musketeers. A comparative study of the socio-political views of A. Dumas and F. Nietzsche is being carried out. The features of the poetics of the trilogy are analyzed. The ideological and figurative content of Dumas' novels is revealed in the context of the teachings of F. Nietzsche, O. Spengler, W. Sombart. A parallel is drawn between the main motifs of the Dumas trilogy and Cervantes' novel about Don Quixote.

Keywords: Dumas, Nietzsche, superman, hero, quixoticism, novel.

В третьей части знаменитой трилогии Александра Дюма о мушкетерах главному герою дается такая характеристика: «Посмотрите на эти несущиеся по небу облака, на ласточек, рассекающих воздух. Д'Артаньян быстрее облака и птицы; д'Артаньян – это несущий их ветер. Это сверхчеловек» [2, с. 479]. Во французском тексте употреблено не существительное, а прилагательное: «Je

vous dis que c’est quelque chose de surhumain que cet homme, monsieur». Дословно: в нем есть нечто сверхчеловеческое. В связи с этим возникает вопрос, в какой степени образ сверхчеловека у Дюма соотносим с учением о сверхчеловеке Ницше.

Для современного человека, воспитанного на гуманистических идеалах и либерально-демократических ценностях, для глобалиста и космополита трилогия Дюма о мушкетёрах должна казаться книгой не менее ужасной, чем «По ту сторону добра и зла» Ницше. Весь роман пронизан антидемократическим, подчеркнуто аристократическим пафосом. Социально-политические предпочтения автора явным образом на стороне сословного иерархического устройства общества. Система моральных ценностей в романе выстраивается по принципу оппозиции благородной знати и низкой черни. Впоследствии на этом же основании Ницше сформулирует свою оппозицию морали господ и рабов [4, С. 194].

В образах четырех мушкетеров, а также других знатных дворян представлены типы «идеальных господ» как раз в том смысле, в котором об этом позднее будет говорить Ницше. Уже в первой части трилогии эта оппозиция господина и раба, благородного дворянина и плебея из простонародья отчетливо вырисовывается в противопоставлении д'Артаньяна и Бонасье («каналья Брасье», как выразился Портос, который так долго не мог припомнить, кого же он убил ударом кулака). В романе «Двадцать лет спустя» лорд Винтер открыто выражают свое презрение к английским революционерам, казнившим короля Карла Первого, как к людям низкого происхождения.

Ницшевская концепция морали рабов и морали господ получает свою дальнейшую разработку в противопоставлении жизненных стратегий торгашей и героев (Händler und Helden) у Вернера Зомбарта [3, с. 52].

Вся трилогия о мушкетерах построена на оппозиции торгашей и героев. Как и у Зомбарта, оплот торгашеского духа у Дюма – это Англия. Но и во Францию в связи с ослаблением и начавшимся разложением монархии приходит к господству класс торгашей. Фуке и Кольбер, два финансиста, враждебных друг другу, одерживают верх и над мушкетёрами и над королем. В этой связи обращает на себя внимание тезис Шпенглера, что в современном вырождающимся европейском мире фигура, в наибольшей степени соответствующая образу сверхчеловека Ницше, – это не герой, но предприниматель [5, с. 509].

Дюма последовательно изображает зарождение и становление этого нового типа господ. В первой части трилогии главный антагонист мушкетеров – кардинал Ришелье, «реальный политик», ход за ходом разыгрывающий реальную политику на фоне царствования слабого короля. Но Ришелье – монархист, демократические воззрения ему чужды, а идея финансового могущества меркнет перед идеалом сильного государства. По этой причине мушкетёры в конце первой части примиряются с кардиналом, а д'Артаньян переходит на его сторону. Во второй части на сцену выходит подлинный класс антагонистов: парламент и буржуазия. Наконец, в третьей части на передний план выдвигается тип финансового магната, которому суждено обрести безграничное могущество. Первый том «Виконта де Бражелон» начинается с антитезы: нищему королю Людовику XIV, бессильному оказать помощь своему брату, английскому королю Карлу Второму, такому же нищему и бессильному, противостоит блистательный и всемогущий суперинтендант Фуке. Ночной приезд Фуке со своей свитой заставляет д'Артаньяна поначалу подумать, что приехал сам король.

Финансист Фуке затмевает своим блеском как короля, так и кардинала. Однако Фуке – благородный финансист и гибнет именно в силу своего благородства. Он одерживает верх над д'Артаньяном, но благородно уступает ему, обрекая себя на Бастилию. Благодаря Арамису он имел возможность одержать полную и безоговорочную победу и над самим королем. Но благородный Фуке не соглашается на заточение настоящего Людовика в Бастилию, в итоге он оказывается там сам. Торжествует и добивается полной победы Кольбер – финансист подлый, низкого происхождения и одержимый духом рессентимента.

Ницше предвидел, что в ближайшем и обозримом будущем доминирующее положение в Европе будет занимать именно этот новый тип «высших людей», тот тип, зарождение которого описал в своей трилогии Дюма. И Ницше, подобно Дюма, описывал упадок королевской власти в Европе. И, как и Дюма, Ницше испытывал поистине аристократическое отвращение ко всему тому, что в современном мире обретало власть и могущество благодаря финансовым операциям и махинациям. Ницше питал настолько сильную неприязнь ко всему, что составляло современность, что в мифологизированном монархизме искал антитезу ненавистной современности.

Уже в самом начале трилогии Дюма вводит параллель с Дон Кихотом – первый набросок портрета главного героя сразу же начинается со сравнением с хитроумным идальго Сервантеса. Нарождение и утверждение человека «но-

вого типа», буржуа и финансового магната, превращает фигуру героя в нечто несвоевременное и трагикомичное. Без учета этого доминирующего смыслового вектора содержание романа будет ошибочно восприниматься в качестве наивного и примитивного культа героев, рассчитанного на подрастающее поколение. Параллель с Дон Кихотом позволяет прочесть знаменитую трилогию Дюма в ином смысловом регистре. Практически все подвиги и предприятия мушкетёров представляют собой не что иное, как откровенное донкихотство. Донкихотством является завтрак под пулями в бастионе Сен-Жерве. Донкихотством является отчаянная попытка вчетвером спасти от эшафота английского короля, против которого армия, парламент и народ. Донкихотством является проект реставрации английской монархии, в одиночку и порознь предпринимаемый д'Артаньяном и графом де Ла Фер (которые в итоге только мешают друг другу). Похищение д'Артаньяном генерала Монка и транспортировка его в ящике – донкихотство. Донкихотством является задуманная и практически осуществленная Арамисом и Портосом подмена французского короля.

Избыток жизненной силы – характерная черта сверхчеловека. Сила ищет такого сопротивления, преодоление которого потребует максимального напряжения. Пафос борьбы, пафос нападения, стремление к опасности, свобода от рессентимента – необходимые проявления бьющей через край жизненной силы. Таков д'Артаньян. В нем действительно есть нечто сверхчеловеческое, как говорит Арамис: «Je vous dis que c’est quelque chose de surhumain que cet homme, monsieur». Но сверхчеловеческое есть и в других мушкетерах. Портос обладает сверхчеловеческой силой, граф де Ла Фер – поистине сверхчеловеческим благородством, аббат д'Эрбле, епископ ваннский – сверхчеловеческим политическим умом. Д'Артаньян выполняет функцию объединения мушкетеров в единое целое. Действительно, если соединить сверхчеловеческую силу Портоса, сверхчеловеческий аристократизм Атоса, сверхполитический ум Арамиса и сверхчеловеческую энергию д'Артаньяна, получится сверхчеловек, каким он виделся Ницше.

Согласно Ф. Аппелю, социально-политический проект философии Ницше направлен на поощрение высших форм человеческой жизни. Такой проект возникает в особых условиях, когда «доминирующая социальная, политическая и эстетическая тема современности направлена на то, чтобы подорвать самую возможность величия человека» [1, с. 53]. Образ сверхчеловека возни-

кает у Ницше именно в ситуации, когда в современности преобладают тенденции к уравниванию и нивелированию, к отрицанию иерархии и стиранию различий. В аналогичной ситуации возникают и образы сверхчеловеческих героев у Дюма.

Список литературы:

1. Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб.: Наука, 2016.

2. Дюма А. Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя. Т. 1. Минск: Дилер, 1993.

3. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 Т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005.

4. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». М.: Культурная революция, 2012.

5. Шпенглер О. Закат Европы. Минск: Харвест. М.: АСТ, 2000.

Е.Н. Фозилзода,
Самарский университет

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается влияние искусственного интеллекта на трудовые отношения в информационном обществе. Анализируется возможность полной замены человека на рабочем месте нейросетью. Рассматриваются методы контроля применения искусственного интеллекта.

Ключевые лова: нейросеть, труд, общество, цифровизация.

E.N. Fozilzoda,
Samara University

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LABOR RELATIONS IN THE INFORMATION SOCIETY

The article examines the impact of artificial intelligence on labor relations in the information society. The possibility of a complete replacement of a person in the workplace with a neural network is analyzed. The methods of controlling the use of artificial intelligence are considered.

Keywords: neural network, labor, society, digitalization.

В ходе четвертой промышленной революции институционализированный труд стал замещаться новыми формами профессиональной деятельности при помощи цифровых технологий и дистанционных способов работы. Целью данного исследования является анализ влияния искусственного интеллекта на трудовые отношения в информационном обществе. Задача заключается в рассмотрении методов, направленных на снижение рисков воздействия нейросети на рынок труда. Методологическая основа исследования построена на труде E. Brynjolfsson, A. McAfee «Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий». Актуальность исследования подтверждается прогнозами ученых в области искусственного интеллекта: в ближайшее десятилетие на рынок труда, в качестве работников, выйдут роботы и машины, к 2036 году около 50 % рабочих процессов будет автоматизировано [1]. С одной стороны, данная ситуация приводит к созданию технологической безработи-

цы, с другой стороны, цифровизация труда оказала и положительное влияние на рынок. Сформировался отдельный профессиональный кластер digital (с англ. «цифровой») специальностей, позволяющих работать удаленно в гибком графике и раскрывать творческий потенциал личности [2]. Стремление человека к свободе от закабаления трудом и отчуждения от производимого товара [3] стало определенным вектором в формировании новых форм труда.

Но искусственный интеллект превзошел прогнозы ученых, в которых творчество, наука выделялись как виды деятельности, на которые способен только человек. На данный момент нейросеть рисует художественные картины, пишет статьи, замещает дизайнеров, создавая свои шедевры, не подвластные уже человеку. Цифровые профессии, появившиеся относительно недавно, стали не востребованы. Программные продукты на основе нейросети выполняют работу копирайтеров, маркетологов, заменяя работодателям целый штат сотрудников [4]. В контексте сложившейся ситуации человек лишается не только работы как источника дохода, но и возможности проявить себя через создание предметов искусства, произведений литературы и других творческих продуктов трудовой деятельности. Человечество может прийти к экзистенциальному кризису, что станет точкой невозврата к прежней осмысленной деятельности.

В сложившейся ситуации образуются два вопроса. Насколько этично разрешать применять искусственный интеллект для полной замены человека на рабочем месте? Остались лишь несколько профессиональных направлений, в которых нейросеть пока еще не способна заменить человека: социальное взаимодействие, где нужна эмпатия, личный контакт, умение чувствовать, сопереживать; работа в изменяющихся условиях, умение нестандартно мыслить и быстро адаптироваться [5]. Заменит ли искусственный интеллект в этих сферах человека, остается вопросом времени. В такой ситуации можно говорить не только о конце труда [6], но и о смерти творческой, осмысленной деятельности человека, за счет которой он стал высшим звеном эволюции природы.

Может ли нейросеть полностью заменить человеческий разум? Тоби Уолш, профессор искусственного интеллекта, в своей книге «2062: время машин» пишет, что разум человека является результатом множества процессов, а искусственный интеллект действует по заложенному в нем алгоритму [7]. Желание усовершенствовать технологии может привести к созданию сверхинтеллекта. Для этого необходимо иметь точку отсчета, отталкиваясь от которой можно сказать, что он изобретен. Разум отдельного человека неповторим, каждый имеет индивидуальные интеллектуальные способности. Тогда с кем

сопоставить сверхинтеллект, чтобы констатировать факт изобретения? Для создания искусственного сверхразума необходимо полностью изучить разум человека, чтобы воспроизвести его, но можно ли с уверенностью утверждать о полном постижении работы мозга человека и найден ли предел его развития?

Таким образом можно сделать вывод, что на данный момент разум человека не заменить нейросетью. Но она лишит большую часть населения работы и творчества, что может стать началом экзистенциального кризиса для всей цивилизации. Для этого необходимо создавать законодательные проекты, а также комитеты по контролю за разработкой и внедрением искусственного интеллекта. Известные ученые в области искусственного интеллекта уже подписали открытое письмо о необходимости остановки разработки нейросети [8].

Список литературы:

1. Brynjolfsson E., McAfee A. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М.: Аст, 2017. 384 с.
2. Алашеева Р.В. Современные трансформации персональной идентичности в сфере труда: этический аспект // Этика в современной философско-культурологической перспективе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург: УрФУ. 2015. С. 178-187.
3. Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26.Ч. 3.
4. ЮрФак: изучение права онлайн // https://urfac.ru/?p=1100
5. Земцев С. «Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки». 2017 // clck.ru/342xSK
6. Четырова Л.Б. Проблема трансформации труда в постсоциалистической перспективе // Общественные науки и современность. 2022. № 1. С. 22-33. DOI: 10.31857/S0869049922010105.
7. Уолш Т. 2062: время машин. М.: Аст, 2019. 320 с.
8. Открытое письмо по остановке разработки искусственного интеллекта // clck.ru/345D9M

В.В. Фурсова,
Казанский федеральный университет;
Д.Р. Гимадеева,
Казанский федеральный университет

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИНДИВИДА

В статье анализируется, как под влиянием интернетизации появляются новые формы занятости в современной России и изменяется социальный статус индивида. Подчеркивается, что интернет-коммуникация не только облегчила преодоление географических, пространственных барьеров интеракции, но и позволила находить новые гибкие формы самореализации и повышения социального статуса индивидов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, социальный статус, социальная мобильность, информационные технологии.

V.V. Fursova,
Kazan Federal University;
D.R. Gimadeeva,
Kazan Federal University

THE INFLUENCE OF INTERNET COMMUNICATION ON THE TRANSFORMATION OF AN INDIVIDUAL'S SOCIAL STATUS

The article analyzes how, under the influence of internetization, new forms of employment appear in modern Russia and the social status of an individual changes. It is emphasized that Internet communication has not only facilitated the overcoming of geographical, spatial barriers of interaction, but also allowed finding new flexible forms of self-realization and improving the social status of individuals.

Keywords: Internet communication, social status, social mobility, information technologies.

Появление новых форм занятости (удаленная работа, фрилансерство и др.) сильно трансформировали процесс социальной мобильности. Интернет из вспомогательного инструмента внутри традиционных каналов мобильности,

функционирующих еще в предыдущих этапах развития общества, вырос до самостоятельного канала социальной мобильности с точки зрения самодостаточности в процессе профессиональной и материальной самореализации индивида, получения определенного статуса в обществе, причем можно говорить о том, что прозрачность и ясность принципов функционирования мобильности напрямую связана с ростом мотивации индивида. Мобильность способствует общественному развитию путем появления новых социальных групп, появления новых траекторий продвижения.

Интернет-коммуникация не только облегчила преодоление географических, пространственных барьеров коммуникации, но и позволила находить новые гибкие формы самореализации (дистанционное образование, удаленная работа и проч.). Например, М. Кастельс отмечает: «Эмпирические данные свидетельствуют о том, что интернет не содействует социальной изоляции и личному отчуждению [1]. Компьютерная коммуникация не заменяет другие средства коммуникации и не создает новые. Однако ученый отмечает революционность информационных технологий [2]. Они расширяют традиционные типы коммуникации (например, телефонные, транспортные), укрепляя социальные связи, усиливая космополитизм профессиональных и менеджерских групп, оказавшихся в новых, глобальных, рамках. Онлайн-взаимодействие в процессе производства, управления и распределения увеличивает связи между различными, до этого «искусственно разделенными» сферами труда и занятости. Таким образом, М. Кастельс видит в интернете средство, которое эффективно выполняет функцию укрепления социальной сплоченности и позволяет внедрять коренные изменения в сферу занятости: «Умелое использование интернета превратилось в главный источник повышения эффективности и конкурентоспособности для всех видов деловой активности» [1].

Если в традиционном или капиталистическом обществе социальный статус определялся принадлежностью к какой-либо общности (клану, сословию, классу), то в современном мире он становится результатом индивидуальной оценки качеств, деятельности. Известный отечественный исследователь Д.В. Иванов подчеркивает возрастание важности собственных усилий индивида в сфере виртуальных практик. Происходит появление новых неравенств на базе конкуренции образов-стилизаций [3]. Движущей силой развития современного общества, по мнению Иванова, становится «воля к виртуальности», а ключевым фактором изменений является виртуализация как широкий процесс вклю-

чения симуляций образами взамен институционально определенных практик, влекущий за собой нарастание компьютеризации.

Новой характерной чертой информационного общества является трансформация значимости популярности. Сам феномен появился, конечно, задолго до информационного общества, однако именно в современный период становится столь массовым значимым явлением. Л. Гринин даже говорит о появлении нового социального слоя «люди известности». Им присущи такие особенности, как большие доходы, которые подкрепляются и воспроизводятся именно благодаря их известности. Эта социальная группа объединяется общим признаком – эксплуатацией своей популярности, а также конвертацией ее в должности, связями и возможностью передачи ее по наследству [4]. Личная известность, по мнению автора, является важнейшим ресурсом, источником неравенства в обществе, наряду с властью, богатством, престижем, статусом и привилегиями.

Именно с этим новым изменением связано активное развитие теории медиатизации, которое фокусируется на исследовании роста воздействия медиапространства в широком смысле на сознание и деятельность индивида в обществе. Суть этих изменений отражается в новом обозначении – «медийный человек», в котором подчеркивается зависимость каждого от телефонов, гаджетов, информационных технологий. Таким образом, известность становится важным фактором влияния на стратификацию общества, без рассмотрения которого невозможно понимание протекания процесса мобильности в информационном обществе. Не последнюю роль в этом сыграл интернет как наиболее массовое доступное средство массовой коммуникации, реализующий возможность обретения известности широким слоям общества, не обладающих дополнительными ресурсами, такими как материальное положение, происхождение, выдающиеся профессиональные успехи, публичность профессии.

С.В. Бондаренко отмечает, что если в социуме разделение на страты образуются по принципу схожести статусов и ролей, то в виртуальном сообществе – на основе общих интересов и целей участников взаимодействия [5]. В результате, по мнению Л. Бляхера, возникают виртуальные страты, которые рассматриваются как «случайное пересечение идеалов» [6]. Виртуальные страты отличаются от стабильных и наследуемых страт тем, что существуют лишь во взаимодействии, они имеют гораздо меньший срок существования. В целом ученые подчеркивают их менее формализованный, организованный характер.

Виртуальные пространства создают новые сообщества, которые играют роль в жизни человека в целом, не ограничиваясь виртуальной сферой. Сетевые взаимодействия выполняют важные функции регулирования принадлежности к определенным группам, потребности в коммуникации, установления новых социальных связей, организации совместной деятельности. Виртуальные социальные сети подобны взаимодействию в социуме, основным отличием является то, что социальный статус индивида не ограничивает самореализацию, активность индивида, тогда как в реальной жизни, как правило, социальный статус предполагает социальные роли и следование им.

Подход исследователей В. Печенкина и Е. Ярской-Смирновой основан на использовании сетевого анализа при изучении социальных проблем. Приведен анализ взаимодействий пользователей внутри сети, развития сетевых взаимосвязей с помощью цифровых технологий, которые могут дополнять естественные межличностные взаимодействия [7]. К.Е. Гурин рассматривает феномен дружбы в социальной сети, роль виртуальных сообществ (пабликов). Онлайн-сообщества возникли, воплотив в себе черты традиционных СМИ. Дружба в сети играет большую роль в формировании онлайн-сообщества, его укреплении и становлении лояльной аудитории.

Так называемый множественный характер субъективности – свойство, присущее пользователям интернета, которых С.А. Решенин делит на две группы:

1. Потребители, чья деятельность в большей степени сводится к пассивному участию (потреблению услуг).

2. Виртуальные личности – активные участники, включенные в многочисленные межличностные коммуникации. Виртуальные личности, как правило, являются членами не одного онлайн-сообщества. Основными характеристиками таких участников автор выделяет многомерность, изменчивость, зависимость от социального контекста.

Список литературы:

1. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 83.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 222.

3. Иванов Д. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 16.

4. Гринин Л.Е. Информационное общество и феномен известности. История и современность История и современность. 2009. № 2. С. 25.

5. Бондаренко С.В. Постфордистский дискурс экономической эффективности поствеберовской бюрократии «электронного государства» // Город как пространство современности: экономическая, социальная и культурная повседневность постфордистского города. Екатеринбург, 2012. С. 3.

6. Бляхер Л. Нестабильные социальные состояния. М., 2005. С. 22.

7. Сушко В.А. История возникновения и методология сетевого анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 1. С. 172.

К.А. Ходов,
Самарский университет

ПРОБЛЕМА МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Анализируется проблема мировоззрения в современном обществе. Определяется необходимость использования понятия мировоззрения, а также необходимость построения типологии мировоззрений при рассмотрении глобальных изменений. Рассматривается классификация мировоззрений в работах отечественных философов.

Ключевые слова: мировоззрение, глобализация, информационное общество, типология, натурфилософия.

K.A. Khodov,
SamaraUniversity

THE PROBLEM OF WORLDVIEW IN THE INFORMATION SOCIETY

The problem of worldview in modern society is analyzed. Determining the need to use the concept of worldview, as well as the need to build a typology of worldviews when considering global changes. The classification of worldviews in the works of Russian philosophers is considered.

Keywords: worldview, globalization, information society, typology, natural philosophy.

Наш мир претерпевает глобальные перемены. Цивилизация, какой мы её знаем, стремительно изменяется. Когда об этом заходит речь, неизбежно возникают разговоры о глобализации и всеобъемлющей цифровизации. Что они собой представляют? Какие подводные камни скрыты в этих изменениях?

Изменяется среда, в которой существует человек. Информационная эпоха отражается на способах существования человека, его отношениях, его видении жизни и мира. О технологиях и их развитиях говорят технические специалисты и социологи, философы и учёные. Кроме того, говорится о человеке и его роли во всех этих процессах. Однако в первую очередь стоит поговорить о том, как сам человек видит все эти изменения. Как эти перемены влияют на человеческое мировоззрение, потому что именно мировоззрение создаёт фун-

дамент, на котором основано отношение человеак к глобальным переменам в информационном обществе. Мировоззрение определяет мотивы и причины, действия и изменения.

Мировоззрение определяет общее понимание жизни и мира, место человека в мире, порядок действий при изменениях [1]. Чтобы точно рассуждать о мировоззрении, следует в первую очередь определить его основные понятия и осуществить типологию различных видов мировоззрения. Именно этим занимались в своих трудах многие русские философы первой трети XX века. Так, С.Л. Франк считает, что мировоззрение как базовая система человеческих знаний о мире и о месте человека в мире может быть цельным и наоборот. У большинства людей представления о жизни и мире могут быть в форме непроверенных «убеждений» и «верований». Таким образом, все они опираются на авторитет или общепринятые нормы. Однако, считает Франк, философия есть единственно цельное мировоззрение в противоположность к ним, так как такое мировоззрение может быть научно обосновано [2].

Для работы с понятием мировоззрения необходима типология для классификации различных мировоззрений и систем, построенных на их основе. Этим занимались многие отечественные философы, к примеру, Н.О. Лосский. В своей работе «Типы мировоззрения» он создаёт эту классификацию. В первую очередь данная классификация строится Н.О. Лосским на основании метафизических систем. Так, он считает, что первоначальный смысл «метафизики» как «первой философии» забылся с ходом развития философской идеи [3]. В соответствии с этим мировоззрения делятся на субстанционализм, идеал-реализм и актуализм.

Кроме того, в своей работе Н.О. Лосский приводит типологию для натурфилософского мировоззрения. Эта типология строится на основе понятия материи и её понимании в каждом конкретном мировоззрении. Так, на первый план выходят три класса теорий – в зависимости от первичности массы, силы или энергии. Есть и другие типы классификации мировоззрений, которые исследовались в его работе.

Свои понятия мировоззрения, в частности, «научное мировоззрение», развивали такие мыслители, как В.И. Вернандский и Л.М. Лопатин. Однако, как справедливо отмечают некоторые исследователи, не все эти попытки были удачными, когда речь идёт о «научном мировоззрение».

Таким образом, мировоззрение, как говорилось ранее, есть базис человеческого понимания мира, себя в этом мире и взаимодействия с ним. Следовательно, когда речь заходит о глобальных цивилизационных изменениях,

стоит говорить о том, как изменяется человеческое мировоззрение или же как оно выражается в отношении человека к информационной эпохе. Без построения типологии мировоззрений и определении различных мировоззрений как таковых трудно разобраться в том потоке перемен, свалившихся на человека в нашу эпоху. Именно в этом нам могут помочь русские философы первой трети XX века, ибо это время было расцветом отечественной философской мысли.

Список литературы:

1. Скирбекк Г. История философии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001. 800 с.

2. Франк С.Л. Введение в философию. СПб.: Абрис-Книга, 1993. 98 с.

3. Лосский Н.О. Типы мировоззрений. Париж: Современные записки, 1931. 177 с.

Л.Л. Чекалов,
ООО «Транс-Мобил»

ИСКУССТВЕННЫЙ ОТБОР В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНИЧЕСКОМ И ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Любое общество всегда было и будет информационным. Управление в обществе осуществляется с использованием различных видов информации. В любом обществе формируются критерии искусственного отбора в условиях созданной искусственной технической и информационной среды. Но существует также и естественная природная среда со своими критериями естественного отбора. И искусственный отбор возможен только в рамках искусственной среды, которая по энергетическим возможностям не может противостоять разрушающим воздействиям природной среды, что в истории периодически возможно и происходило.

Ключевые слова: общество, информация, отбор.

L.L. Chekalov,
«Trans-MobilL td»

ARTIFICIAL SELECTION IN MODERN TECHNICAL AND INFORMATION SOCIETY

Any society has always been and will be informational. Management in society is carried out using various types of information. In any society, artificial selection criteria are formed in the conditions of the created artificial technical and information environment. But there is also a natural environment with its own criteria of natural selection. And artificial selection is possible only in an artificial environment, which, in terms of energy capabilities, cannot withstand the destructive effects of the natural environment, which historically is possible periodically was happened.

Keywords: society, information, selection.

Общество всегда было информационным, в том смысле, что в любом обществе всегда осуществляются информационные коммуникация и управление. Это связано с особенностями функционирования Сознания Человека. И

здесь желательно воспринимать понятие Информации и его смысловое содержание на одном уровне с двумя другими философскими категориями: Материя (Вещество) и Энергия. Нет Материи – без Энергии и Информации, нет Энергии – без Материи и Информации, и нет Информации – без Материи и Энергии.

Для Человека же Информацией является сначала Различение Неоднородностей Действительности – физической, социальной и индивидуальной, которым могут присваиваться знаки и создаваться семиотические схемы описания их отношений. Иначе говоря, в Сознании Человека (Памяти и Реакциях на текущие Ситуации на основе Памяти) присутствуют как чувственные образы Неоднородностей, так и семиотические схемы, которые тоже являются чувственной Информацией для Человека. Достаточно условно можно представить Информацию как отдельные фрагменты описаний и чувственных образов (пазлы), так и как общую картину, сложенную из пазлов (чувственных образов и семиотических схем), которая может входить тоже пазлом в ещё более широкую Картину Мира.

Как же работают все органы чувств Человека?

Внешняя Физическая Информация или физические Неоднородности изменяют состояние рецепторов органов чувств, и возникает чувство или Чувственная Информация на Физиологическом уровне. Чувства отдельных рецепторов объединяются, и возникает «экран» непрерывного чувства цвета для зрения на втором уровне Чувственной Информации – Психическом. И в дальнейшем, на основе накопленного опыта, цветовые пятна разделяются на Смысловую Информацию – деревья, траву, облака и т.п. Все органы чувств работают по этой схеме, но в качестве примера мы рассматриваем зрение.

И здесь очень важно, что переход от Физиологической Информации к Психической Человек осознанно даже не «наблюдает». А вот переход от Психической Информации к Смысловой Человек может осуществлять и осознанно, выделяя и концентрируя Внимание на определенных объектах и процессах и автоматически на основе накопленного опыта [1, с. 32]. И чем больше опыта накоплено, тем больше работает автоматизмов в переходе от Психической к Смысловой Информации и в принятии решений.

Итак, наш опыт состоит из чувственных образов и семиотических схем. Семиотические схемы – это наложения знаковых описаний на Различаемые Неоднородности чувственных образов динамической структуры Действительности. Но один Человек сегодня не может получить полный доступ ко всей

Действительности, и поэтому сегодня в современном информационном обществе у Человека очень много Информации в опыте формируется чужими семиотическими схемами или текстами. Но у семиотических схем есть одна особенность: они могут адекватно соответствовать Действительности и могут вообще её искажать специально либо по незнанию, как в описании геоцентрической системы космоса. И если человек верит всем текстам, но не обладает способностью соотнести их адекватность самой Действительности, то возникает «интеллектуальный идиотизм», описанный Насимом Талебом [2, с. 127], когда Человек воспринимает текст как Действительность и не понимает, что текст может и искажать Действительность с какими-либо целями или по глупости.

В современном информационном обществе основной поток информации для Человека идет через электронные устройства в виде чужих семиотических схем (фото и видео – это тоже семиотические схемы определенного уровня). И большинство людей не обладают способностью Различения соответствия и несоответствия этих схем самой Действительности. Тогда в опыте Человека застревает множество ложных описаний, которые искажают Действительность. А опыт Человека – это в итоге его своеобразная «Картина Мира», через привычные смысловые поля которой он зачастую автоматически и «видит» искажённую Действительность, но в соответствии с уже искажённым его предыдущим опытом и чужими семиотическими схемами.

Сегодня в мире более тысячи институтов занимаются изучением особенностей функционирования Сознания Человека и совсем не только в научных целях, но и для манипуляции в сферах маркетинга, продаж, политики. Поэтому сегодня на человека с мобильным средством коммуникации обрушивается огромное количество искаженных семиотических схем, потребление которых входит в привычку. Постепенно Человек полностью теряет способность самостоятельно и осознанно управлять своим вниманием, и управление наполнением опыта переходит в чужие «руки» с непонятными для Человека результатами. Представьте мусорную свалку, на которой живут люди, а роль разлагающегося мусора выполняют потоки «мусорной» Информации, которые потом долго живут в Сознании людей.

С другой стороны, живая Материя развивалась в естественной природной среде сотни миллионов лет на основе естественного отбора как по возможностям функционирования физического тела, так и по возможностям Сознания адекватно наблюдать и реагировать (принимать решения) в Природной

среде. Эверетт в своей работе «Не спи – кругом змеи» [3, с. 18] описывал быт и жизнь людей в джунглях, когда функционирование Сознания постоянно проверяется на способность быть ежесекундно адекватным окружающей Действительности на уровне восприятия образов органами чувств, а не на уровне семиотических схем или текстов. Любая неадекватность Сознания к Природной среде может быть смертельно опасной и привести в действие естественный отбор. И здесь происходит естественный отбор, но не только по Дарвину, а также по возможностям функционирования Сознания в режиме адекватного соответствия условиям окружающей Природной среды или Действительности [4, с. 680]. Да, можно говорить о Действительности в знаковой форме, но проверка понимания происходит в Действительности с постоянным риском для жизни, а не на школьном экзамене.

Развитие цивилизации, и особенно её технической составляющей, привело к созданию огромной искусственной среды обитания Человека и к преобладанию искусственных правил отбора, сформулированных «странными людьми», в этой всё более изолированной от Природы технической и информационной среде. Люди привыкают к этим правилам и следуют им, но не задумываются над тем, что энергетическая сила разрушения Природы на порядки мощнее, чем возможности искусственной среды противостоять Природе. И если по каким-либо причинам и каким-либо способом Природа или сам Человек по недомыслию проведет масштабное разрушение искусственной среды искусственного отбора Человека, что, судя по археологическим находкам, уже не раз происходило [5, с. 207], то человечество перейдёт опять к естественному отбору с непредсказуемыми последствиями для людей, привыкших к искусственному отбору. И такие последствия лишь покажут «странным людям» и всем остальным, что принципы искусственного отбора не соответствовали действительности.

Так же не стоит не учитывать, что идущий много сотен миллионов лет космический эволюционный процесс перехода от неживой Материи к живой и в итоге пришедший к появлению Человека на планете Земля шёл вполне естественным путем, и будет разумным задать себе несколько вопросов:

– А этот эволюционный процесс и сейчас продолжается?

– И если он продолжается, то в каком направлении какая следующая ступень эволюции Человека [6, с. 5]?

– И насколько наше техническое и информационное общество вписывается в естественный эволюционный процесс?

– А если нет, то может ли Человек и общество эволюционировать осознанно или опять будет работать непонятный естественный отбор с жесткими последствиями?

Этими не простыми вопросами хотелось бы сегодня закончить данные тезисы.

Список литературы:

1. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: АСТ, 2019. 653 с.

2. Талеб Н. Рискуя своей шкурой. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 370 с.

3. Эверетт Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А.Д. Кошелев. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 384 с.

4. Чекалов Л.Л. Моцарт и Сальери в сознании каждого человека или взаимодействие двух способов принятия решений // Человек в информационном обществе: сборник материалов научно-практической международной конференции, посвящённой 60-летию полёта в космос Ю.А. Гагарина (г. Самара, 28-30 апреля 2021 г.). Самара: Издательство Самарского университета, 2021; под общей редакцией А.Ю. Нестерова. С. 679-684.

5. Кремо М., Томпсон Р. Запрещенная археология. Пурана, 2015. 339 с.

6. Сатпрем. Шри Ауробиндо или Путешествие сознания / Пер. с фр. и англ. А.А.Шевченко, В.Г. Баранова. СПб., 2005. 352 с.

А.В. Юрьева,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КРИЗИС ПРОФЕССИИ ИЛИ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ?

Современное состояние научно-технического прогресса породило множество вариантов применения компьютерных технологий в повседневной и профессиональной деятельности человека. Но в то же время и породило множество тревог, связанных с будущим положением человека как творца, конкурирующего с искусственным интеллектом. Профессия архитектора в этом контексте так же находится под угрозой.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, архитектор, профессия, нелинейная архитектура.

A.V. Yurieva,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

DESIGNING A SPACE USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A CRISIS OF THE PROFESSION OR A SOURCE OF INSPIRATION?

The current state of scientific and technological progress has given rise to many options for the use of computer technology in everyday and professional human activities. But at the same time, it gave rise to a lot of worries related to the future position of man as a creator competing with artificial intelligence. The profession of an architect in this context is also under threat.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, architect, profession, nonlinear architecture.

История архитектурного творчества имеет богатый исследовательский материал, ведь человек конструировал пространство своего бытия с самых ранних времен: начиная от примитивных хижин, заканчивая высочайшими архитектурными шедеврами. Его умения и таланта всегда было достаточно, чтобы обустроить собственное жилье, построить города и храмы, а сменяемость архитектурных стилей раскрывала его творческий потенциал. Но никогда

прежде не возникало вопроса о том, что пальма первенства в строительном искусстве может перейти из человеческих рук к возможностям искусственного интеллекта. Архитекторы, дизайнеры, художники всегда осознавали свое особенное профессиональное положение, его творческий потенциал, который теперь ставится под сомнение.

Безусловно, мы являемся свидетелями удивительного высокотехнологичного времени, а скорость преобразования окружающего мира поражает. Не так давно фантастические иллюстрации культуры киберпанка казались нам чем-то на грани возможного, однако в современных реалиях они уже не видятся столь недостижимыми. Искусственный интеллект развивается в различных областях науки, техники, искусства, но в архитектурном проектировании пока находится на уровне потенциальных возможностей. При необходимости нейронные сети на основе текстового запроса создадут для человека дизайн архитектурного сооружения, проведут необходимые инженерные расчеты, оптимизируют затраты и облегчат труд архитектора. Очевидно, что проектирование здания – это сложная задача, но она также состоит из множества простых и повторяющихся задач, которые под силу искусственному интеллекту. Однако называем ли мы сегодня это достижение искусственного интеллекта прогрессом или оно грозит человечеству деградацией его креативного начала?

Изучая процесс восприятия архитектурного пространства, многие исследователи отмечали его синтетический характер, который выражается в плотном взаимодействии между объектом и субъектом, что приводит к субъективным переживаниям психологического и телесного характера. В этом контексте искусственный интеллект создает так называемую отзывчивую архитектуру. Примером тому служит инсталляция Ада (названа в честь первого программиста еще до практического программирования А. Лавлейс), созданная в рамках программы Microsoft Artist in Residense. Архитектурная конструкция считывает данные о человеке, его цвет глаз, выражение лица, тон голоса, далее соотнеся эту информацию с цветовым эффектом и конкретными пространственными зонами, рождает у субъекта гармоническое взаимодействие с пространством. Тем самым создается эффект «подвижности» пространства, которое подстраивается под человека. Вспоминая здесь идеи русского теоретика архитектуры А.И. Некрасова [1], хочется согласиться с его определением «пространственности», которое понимается им не в строго архитектурном значении – как взаиморасположение строительных объектов, а в более философском смысле – как способ взаимодействия человека с материальным миром.

Еще в середине XX века Седрик Прайс, английский архитектор, полагал, что современная архитектура не должна быть чем-то монументальным, раз и навсегда организованным пространством. Она может изменяться, подстраиваться под нужды пользователя, она должна оставаться лишь набором возможностей. Для примера можно взять его Дворец Веселья, в котором большинство элементов были подвижны, а сам дворец оставался разборным и мог быть перемещен в другое место. Его проекты квалифицируются как бумажная архитектура, так как почти не были реализованы, однако породили стандарт современного типа строительства.

Стоит отметить, что свое начало подобная архитектура берет еще в XX веке, когда об искусственном интеллекте и его деятельности существовали только фантазии. Этот процесс прекрасно описан в работе И.А. Добрициной «От постмодерна к нелинейной архитектуре» [2], и связан он с расширением научной картины мира (нелинейная динамика, понятие хаоса, фрактальная геометрия), которая не могла не отразиться на эстетических предпочтениях человечества, ведь архитектура одной их первых отзывается на многие научно-технические достижения. Начиная с теоретических экспериментов Ч. Дженкса и П. Эйзенмана, заканчивая реализованными архитектурными проектами Ф. Гэри и Захи Хадид, можем наблюдать схожие черты нелинейной архитектуры. Прямолинейность в ней отвергается как принцип, пространство проектируется с помощью метафоры нового языка, насыщенного вариативностью прочтений.

На сегодняшний день существует уже достаточное количество программ, способных помочь человеку генерировать идеи, оптимизировать процесс, проводить расчеты. К примеру, Midjourney, способная выдавать желаемый результат на основе текстового запроса. Хасан Рагаб [3], архитектор из Калифорнии, использует именно эту программу для усиления своего собственного творческого потенциала. Проекты, получаемые путем генерации различных текстовых запросов, получаются крайне фантастическими, абсолютно не практичными и маловероятно, что жизнеспособными. Однако для Рагаба – это прекрасная возможность пробудить собственное воображение, даже если кажется, что больше ничего нового и интересного придумать невозможно, все уже сказано, остальное – лишь реплики. Можно сказать, что пример этого архитектора показывает нам положительный вариант сотрудничества нейросети и человека как помощника, но никак не аналога. Стоит отметить, что развитие искусственного интеллекта движется настолько быстрыми темпами, что сами инициаторы его продвижения бьют тревогу. Совсем недав-

но Илон Маск заявил о необходимости прекратить обучать искусственный интеллект, иначе вскоре мы потеряем необходимость в деятельности человека.

Архитектура как вид искусства всегда имела гуманитарную направленность, она становилась нарративом для будущих поколений, которые могли бы «прочитать» ее как историю жизни людей, их эстетические, моральные, социальные ориентиры. Пространство, в котором находится человек, безусловно, имеет активное влияние на его психическое, эмоциональное состояние. Поэтому в архитектурной и инженерной деятельности реализуется не только безопасность и эстетическое содержание строительного объекта, но и весь комплекс гуманитарных потребностей человека. Благодаря обширному сбору данных, нейросеть, конечно, сможет сгенерировать подобное пространство, но сомнение вызывает именно факт «творчества» машины для человека, а не творчества человека для человека. Ведь архитектура – это обмен между материальным миром и миром человека, а решения вопроса о взаимозаменяемости одного на другое остается по-прежнему в руках человека.

Список литературы:

1. Некрасов А.И. Теория архитектуры. М.: Стройиздат, 1994. 477с.

2. Добрицина И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс Традиция, 2004. 413 с.

3. Архитектор Хасан Рагаб о достоинствах и недостатках Midjourney // https://tehne.com/event/koncepty/arhitektor-hasan-ragab-o-dostoinstvah-i-nedostatkah-midjourney

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонов Андрей Юрьевич, Самарский университет, доктор психологических наук, профессор, aa181067@yandex.ru

Агиевец Олег Викторович, Белорусская медицинская академия последипломного образования (Минск), аспирант, консультант управления специализированной медицинской помощи главного управления организации медицинской помощи Министерства здравоохранения Республики Беларусь, anna_59@tut.by

Александрова Анна Леонидовна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент, alanna@yandex.ru

Алексеева Екатерина Алексеевна, кандидат философских наук, Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва), eaalekseeva@gaugn.ru

Антоненко Ирина Викторовна, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Москва), доктор психологических наук, доцент, ivantonenko@mail.ru

Ардашев Роман Георгиевич, Сибирский юридический институт МВД России, доктор философских наук (Красноярск), ardachev.rg@bk.ru

Аржанов Алексей Павлович, Самарский университет, кандидат филологических наук, директор института дополнительного образования, arjanov.ap@ssau.ru

Артемьева Анна Александровна, Самарский университет, магистрант, an4utka82@mail.ru

Артищева Лира Владимировна, Казанский федеральный университет, кандидат психологических наук, доцент, ladulira2013@yandex.ru

Арутюнян Каринэ Сергеевна, кандидат философских наук, Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина, carin-dop@yandex.ru

Астафуров Никита Юрьевич, Самарский университет, магистрант социологического факультета, astyv@mail.ru

Астахов Михаил Викторович, Самарский университет, кандидат исторических наук, доцент, astahov.54@mail.ru

Ахматова Ирина Викторовна, Самарский университет, старший преподаватель, akhmatova.iv@ssau.ru

Бабенко Александра Владимировна, Самарский университет, магистрант, kpv.koptev@gmail.com

Бабошина Елена Борисовна, Курганский государственный университет, кандидат педагогических наук, доцент, elenaborisbaboshina@mail.ru

Баева Елена Святославовна, Самарская городская общественная организация Исследовательская группа «Свободное мнение», кандидат социологических наук, доцент, sbaeva@gmail.com

Балаклеец Наталья Александровна, Самарский государственный технический университет, кандидат философских наук, bnatalja@mail.ru

Банникова Наталия Федоровна, Самарский университет, кандидат исторических наук, профессор, hist@ssau.ru

Барабанова Наталья Витальевна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, trommel@list.ru

Баринова Екатерина Петровна, Самарский университет, доктор исторических наук, профессор, barinova.ep@ssau.ru

Березин Сергей Викторович, Самарский университет, кандидат психологических наук, доцент, serg-berezin@yandex.ru

Березина Анна Юрьевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, anuta.berezina2013@yandex.ru

Беспалова Екатерина Викторовна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, ek_vik_bespalowa@bk.ru

Богатырева Елена Дмитриевна, Самарский университет, кандидат философских наук, bogatel@list.ru

Богдановская Ирина Марковна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат психологических наук, доцент, ibogdanovs@herzen.spb.ru

Богодухова Алина Сергеевна, Самарский университет, магистрант, МБУ г.о. Самара «Самарский Дом Молодежи», ведущий менеджер, bogoduhovaalina@yandex.ru

Богомолова Анастасия Васильевна, Самарский университет, аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, bogomolova.av@ssau.ru

Бочаров Владислав Юрьевич, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, ассоциированный научный сотрудник СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург), bocharov.vyu@ssau.ru

Бурганова Лариса Агдасовна, Казанский национальный исследовательский технологический университет, доктор социологических наук, профессор, labourg@yandex.ru

Бурмистров Сергей Николаевич, Самарский университет, старший преподаватель, burm33@mail.ru

Бурцев Сергей Александрович, Департамент по делам молодёжи Министерства образования и науки Самарской области, заместитель министра, руководитель департамента, depmol63@mail.ru

Быльева Дарья Сергеевна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, кандидат педагогических наук, bylieva_ds@spbstu.ru

Вавилов Павел Сергеевич, «Университет Иннополис» (Иннополис), кандидат философских наук, pavlinblin@mail.ru

Вандышева Людмила Владимировна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент vandisheva.lv@ssau.ru

Варламова Ирина Алексеевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, rocnroca@ya.ru

Варламова Ольга Владимировна, Самарский университет, магистрант, ol_ga163@bk.ru

Василевский Илья Евгеньевич, Самарский университет, магистрант, Hekpom2009@mail.ru

Васягина Ирина Александровна, Самарский университет, магистрант, vasyagina.irina1212@gmail.com

Вильдина Ирина Николаевна, ГБПОУ «Поволжский государственный колледж», преподаватель, vildina.irina@yandex.ru

Виноградова Галина Александровна, Самарский университет, доктор психологических наук, профессор, vinograd.psy@yandex.ru

Власов Олег Викторович, Колледж управления и экономики (Тольятти), аналитик, vlasov20.vlasov@mail.ru

Гаджиева Маргарита Тохидовна, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, обучающийся, m_gadzhieva02@mail.ru

Гайнутдинова Алина Азатовна, Самарский университет, аспирант кафедры русского языка и массовой коммуникации, gajnutdinova.alina@yandex.ru

Галимова Альмира Шамильевна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент, galimova.ash@ssau.ru

Гапаров Искендер Абдурашидович, Самарского университета, аспирант sarov-1@mail.ru

Гатен Юлия Владимировна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, gaten.ssau@mail.ru

Гимадеева Динара Рифкатовна, Казанский федеральный университет, кандидат социологических наук, gimady@yandex.ru

Гнедых Дарья Сергеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, доцент, d.gneduh@spbu.ru

Гнутов Олег Андреевич, Самарский университет, магистрант, gnutovoleg1@gmail.com

Гнутова Анна Александровна, Самарский университет, доцент, кандидат экономических наук, доцент, gnutova.aa@ssau.ru

Горшкова Лариса Анатольевна, Самарский университет, доцент, кандидат филологических наук, доцент, gorshkova_lar@mail.ru

Градусова Валентина Николаевна, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук, доцент, gradusova-vn@ranepa.ru

Грек Михаил Николаевич, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), аспирант, gradusova-vn@ranepa.ru

Гриднева Наталья Александровна, Самарский государственный технический университет, кандидат филологических наук, доцент, n.gavrilina83@mail.ru

Гринченко Сергей Николаевич, Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН (Москва), доктор технических наук, sgrinchenko@ipiran.ru

Груздинская Виктория Сергеевна, Институт всеобщей истории РАН (Москва), кандидат исторических наук, доцент, vik11910314@yandex.ru

Гудзовская Алла Анатольевна, Самарский университет, кандидат психологических наук, доцент, aag_1@rambler.ru

Гусева Евгения Сергеевна, Самарский университет, старший преподаватель, guseva.es@ssau.ru

Данилова Нина Константиновна, Самарский университет, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, danilova_nina@mail.ru

Даренский Виталий Юрьевич, Луганский государственный педагогический университет, доктор философских наук, darenskiy1972@rambler.ru

Демарева Валерия Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, кандидат психологических наук, valeriia.demareva@fsn.unn.ru

Демин Илья Вячеславович, Самарский университет, доктор философских наук, ilyadem83@yandex.ru

Депцова Татьяна Юрьевна, Самарский университет, доцент, кандидат педагогических наук, доцент, depcova.tyu@ssau.ru

Дотдаева Арина Руслановна, Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант

Дубинин Сергей Иванович, Самарский университет, доктор филологических наук, заведующий кафедрой немецкой филологии, dubinin.si@ssau.ru

Дулесин Евгений Иванович, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, магистрант, edulesin@yandex.ru

Евтеева Мария Юрьевна, Московский городской педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент, korchagina_masha@yahoo.com

Егорова Светлана Вячеславовна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, декан социологического факультета, заведующий кафедрой методологии социологических и маркетинговых исследований, egorova.sv@ssau.ru

Еделева Юлия Андреевна, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, преподаватель, psychexpert1992@gmail.com

Ежков Дмитрий Олегович, Самарский университет, аспирант, Ezhkov.do@ssau.ru

Елагина Елена Дмитриевна, Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант, nuhanova.el@yandex.ru

Елисеев Данил Анатольевич, Дом творчества детей и молодежи «Гармония» (Курган), педагог-психолог, danileliseev@inbox.ru

Еремичева Галина Васильевна, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Центр исследований социально-трудовой сферы имени Б.Г. Тукумцева (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, eremag@mail.ru

Ермакова Екатерина Владимировна, Самарский университет, старший преподаватель, eev@ssau.ru

Ефимова Нина Александровна, Государственный университет Флориды, Таллахасси, США, доктор филологических наук, nefimov@fsu.edu

Жердева Юлия Александровна, Самарский университет, кандидат исторических наук, доцент, jujuly@yandex.ru

Жигалова Ольга Павловна, ДВФУ (Владивосток), кандидат педагогических наук, доцент, zhigalova.op@dvfu.ru

Заломкина Галина Вениаминовна, Самарский университет, доктор филологических наук, zalomkina.gv@ssau.ru

Зарипова Венера Масхутовна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, vns5.85@mail.ru

Захарова Людмила Николаевна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии управления, zlnnnov@mail.ru

Землянская Ирина Алексеевна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, zemlyanskaya.ia@ssau.ru

Зинковская Любовь Сергеевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, zls1985@gmail.com

Золотухина Анна Анатольевна, Самарский университет, ассистент, zolotukhina.aa@ssau.ru

Зорина Светлана Валерьевна, Самарский университет, кандидат психологических наук, доцент, aramitch@mail.ru

Зоткин Андрей Николаевич, Самарский университет, аспирант кафедры общей психологии, a.n.zotkin@mail.ru

Зоткин Николай Васильевич, Самарский университет, кандидат психологических наук, доцент, nvzotkin@yandex.ru

Зоткина Елена Александровна, Самарский университет, старший преподаватель, linalex@yandex.ru

Зотов Алексей Михайлович, Самарский университет, аспирант, am-zotov@mail.ru

Зырянов Владимир Викторович, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук, доцент, vvzyryanov@gmail.com

Иванова Валерия Николаевна, Самарский университет, старший преподаватель, tigrel@yandex.ru

Исаев Андрей Викторович, Самарский университет, аспирант, isaevasb@yandex.ru

Исакова Инна Александровна, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, кандидат социологических наук, inna_isakova@mail.ru

Кабанова Ирина Николаевна, Нижегородский государственный лингвистический университет Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии kabanova@lunn.ru

Кабилова Елена Сергеевна, Самарский университет, аспирант, ekabilova@list.ru

Кабытов Петр Серафимович, Самарский университет, Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических наук, профессор, kabitov.ps@ssau.ru

Кабытова Надежда Николаевна, Самарский университет, доктор исторических наук, профессор, kabitov.ps@ssau.ru

Камзина Оксана Анатольевна, Самарский университет, старший преподаватель, komoa@mail.ru

Карелова Татьяна Владимировна, Самарский университет, старший преподаватель, tanjuxa2186@mail.ru

Каризская Дарья Павловна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, darya.hamina@yandex.ru

Карицкий Игорь Николаевич, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Москва), кандидат психологических наук, ignikkar@mail.ru

Карпенко Геннадий Юрьевич, Самарский университет, доктор филологических наук, профессор, karpenko.gennady@gmail.com

Карпенко Людмила Борисовна, Самарский университет, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, karpenko.gennady@gmail.com

Карпинская Валерия Юльевна, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор психологических наук, доцент, karpinskaya78@mail.ru

Катерный Илья Владимирович, МГИМО МИД России; Институт социологии ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, (Москва), yarkus@mail.ru

Кечаев Дмитрий Александрович, Самарский университет, аспирант, kechaevda@mail.ru

Киргинцева Анна Ивановна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, nai.89@yandex.ru

Киселева Лариса Айратовна, Самарский университет, доктор филологических наук, профессор, lorentsia09@yandex.ru

Ковбаснюк Мария Александровна, ООО «Сова-нянька», психолог, mariakov@nannuowl.ru

Козлова Диана Андреевна, Самарский университет, специалист по учебно-методической работе, dianamatveevvv@mail.ru

Козырь Ольга Юльевна, Российский государственный архив в г. Самаре, заместитель директора, kozyr-rga@mail.ru

Колесник Елена Андреевна, Тюменский индустриальный университет, кандидат экономических наук, доцент, eakolesnik-01@mail.ru

Коптев Павел Владимирович, Самарский университет, старший преподаватель, kpv.koptev@gmail.com

Корсун Мария Александровна, Самарский университет, старший преподаватель, korsun.ma@ssau.ru

Косицин Андрей Александрович, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, kosicin.aa@ssau.ru

Кострова Юлия Андреевна, Самарский университет, старший преподаватель, kostrova.yua@ssau.ru

Кострюков Владимир Евгеньевич, Самарский государственный технический университет, аспирант, kvemedia@gmail.com

Котляр Полина Сергеевна, Казанский федеральный университет, кандидат философских наук, polikotsob@mail.ru

Кочеткова Юлия Михайловна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, sanko.am@ssau.ru

Крамаренко Ольга Владимировна, Самарский университет, аспирант кафедры общей психологии, agafonov.ayu@ssau.ru

Краснова Евгения Леонидовна, ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси» (Минск), кандидат культурологии, krasnovavitebsk@gmail.com

Крыштановская Ольга Викторовна, директор научного центра цифровой социологии «Ядов-центр», РГГУ (Москва), доктор социологических наук, профессор, olgakrysht@yandex.ru

Крюкова Алена Павловна, Самарский университет, кандидат психологических наук, kryukova.1991@bk.ru

Кузнецова Екатерина Александровна, Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса (Байкальск), преподаватель, kuznecova.ea2023@bk.ru

Кузнеченков Андрей Анатольевич, Самарский университет, аспирант, ankuzn1970@yandex.ru

Кузовенкова Юлия Александровна, Самарский государственный медицинский университет Минздрава России, кандидат культурологи, yu.a.kuzovenkova@samsmu.ru

Куриленко Людмила Васильевна, Самарский университет, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и технологии социальной работы, kurilenko.lv@ssau.ru

Кучумова Галина Васильевна, Самарский университет, доктор филологических наук, профессор, gal-kuchumova@mail.ru

Лагутин Марк Владимирович, магистрант Казанского федерального университета, marc.lagutin@yandex.ru

Ладонина Вера Михайловна, Самарский университет, магистрант, hhherycheva@gmail.com

Леонов Михаил Иванович, Самарский университет, доктор исторических наук, профессор, leonov.mi@ssau.ru

Леонтьева Ольга Борисовна, Самарский университет, доктор исторических наук, доцент, leonteva.ob@ssau.ru

Лехциер Виталий Леонидович, Самарский университет, доктор философских наук, доцент, профессор, lekhcier.vl@ssau.ru

Липатова Людмила Николаевна, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), доктор социологических наук, кандидат экономических наук, профессор, ln.lipatova@yandex.ru

Лисецкий Константин Сергеевич, Самарский университет, доктор психологических наук, доцент, dekan-ks@mail.ru

Лисовицкая Валерия Николаевна, Самарский университет, аспирант, lisovitskaya.v@yandex.ru

Литягина Елена Викторовна, Самарский университет, кандидат психологических наук, e.lityagina@yandex.ru

Лишаев Сергей Александрович, Самарский университет, доктор философских наук, slishaev@yandex.ru

Ломакина Марина Ильинична, Томский государственный педагогический университет, аспирант, hfsdg@rambler.ru

Лукьяненко Виктория Витальевна, ГБОУ «Школа-интернат № 4 г.о. Тольятти», учитель, VVL163t@gmail.com

Малаканова Ольга Александровна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, malakanova@mail.ru

Малкова Карина Денисовна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, kar.malkova2778@gmail.com

Мальчукова Нина Валерьевна, Иркутский государственный университет, доктор философских наук, ninamalchukova@mail.ru

Мамина Татьяна Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, tm@nannuowl.ru

Маркова Елена Константиновна, Ивановский государственный университет, кандидат психологических наук, доцент, marcova2003@mail.ru

Митрофанова Светлана Юрьевна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, mit_s@mail.ru

Митягина Екатерина Владимировна, Вятский государственный университет, доктор социологических наук, доцент, usr07868@vyatsu.ru

Михелашвили Автандил Мошеевич, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), аспирант, ln.lipatova@yandex.ru

Мокрецова Татьяна Владимировна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, tatianav89rus@mail.ru

Морева Наталья Сергеевна, Самарский университет, магистрант, namoreva.psy@gmail.com

Мунджал Гириш, Делийский университет (Индия), кандидат филологических наук, girishmunjal2012@gmail.com

Муханова Мария Николаевна, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва), кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Mukhanova_m@rambler.ru

Мэнюй Ло, Московский государственный университет, аспирант, luomengyubeijing@gmail.com

Мягков Герман Пантелеймонович, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова, доктор исторических наук, профессор, gmyagkov@yandex.ru

Наурханова Анастасия Александровна, Самарский университет, кандидат психологических наук, naurkhanova@yandex.ru

Нестерова Елизавета Ильинична, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исследовательский холдинг «Ромир» (Москва), магистрант, nesterova03eliz@mail.ru

Нестерюк Юлия Владимировна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, njuliav@mail.ru

Нечитайло Александр Анатольевич, Самарский университет, профессор, доктор экономических наук, профессор, nechitaylo.aa@ssau.ru

Нечитайло Сергей Александрович, Самарский университет, кандидат экономических наук, доцент, s.nechit@gmail.com

Низомутдинов Борис Абдуллохонович, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики, ведущий аналитик, boris-wels@yandex.ru

Никитина Анна Сергеевна, Самарский университет, редактор 1 категории издательства Самарского университета, nikitina.as@ssau.ru

Николаев Михаил Сергеевич, Казанский федеральный университет, кандидат философских наук, старший преподаватель, nh3ch4@yandex.ru

Николаева Евгения Михайловна, Казанский федеральный университет, доктор философских наук, kaisa1011@rambler.ru

Николаевская Галина Георгиевна, Самарский университет, магистрант, galka459@yandex.ru

Никулина Ирина Вячеславовна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент, nikulina.iv@ssau.ru

Олиндер Нина Владимировна, Самарский университет, кандидат юридических наук, доцент, olindernv@yandex.ru

Оськин Артем Олегович, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), аспирант, ln.lipatova@yandex.ru

Павлова Елена Александровна, Самарский университет, старший преподаватель, pavlova.ea@ssau.ru

Перикова Екатерина Игоревна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, chikurovaei@gmail.com

Петрова Ирина Эдуардовна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук, irinapetrovay@yandex.ru

Писарик Виталий Михайлович, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения (Минск), кандидат биологических наук, pisarik@rnpcmt.by

Погребняк Александр Анатольевич, Университет ИТМО; НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук, aapogrebnyak@gmail.com

Полюшкевич Оксана Александровна, Иркутский государственный университет, Институт социальных наук, кандидат философских наук, доцент, okwook@mail.ru

Пономарева Лидия Николаевна, Самарский университет, магистрант, ГАПОУ «Самарский металлургический колледж», преподаватель специальных дисциплин, ponomareva1016@gmail.com

Почикаева Анастасия Владимировна, Самарский университет, аспирант, pochastardust@gmail.com

Прядильникова Наталья Викторовна, Самарский университет, доцент, кандидат филологических наук, доцент, pryadilnikova.nv@ssau.ru

Птицына Наталья Алексеевна, Ивановский государственный университет, кандидат педагогических наук, доцент, napticyna@yandex.ru

Пустарнакова Анна Александровна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, aa.pustarnakova@yandex.ru

Пушкарева Анна Сергеевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, nika-ney@mail.ru

Равчик Михаил Игоревич, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник, mravchik1@gmail.com

Разинов Юрий Анатольевич, Самарский университет, доктор философских наук, razinov.u.a@gmail.com

Рамазанов Ильшат Рафхатович, ГКУ СО «КЦСОН Самарского округа», кандидат психологических наук, педагог-психолог, metod.gorsemiya@yandex.ru

Рассолова Елена Николаевна, СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник, enrassolova@gmail.com

Рафикова Катерина Владимировна, Самарский университет, кандидат культурологии, доцент, alyakina@mail.ru

Родионов Евгений Сергеевич, Самарский университет, магистрант психологического факультета, Rodionovzhenia2010@yandex.ru

Романова Анна Петровна, Белорусская медицинская академия последипломного образования (Минск), доктор медицинских наук, доцент, профессор, anna_59@tut.by

Романова-Африкантова Наталия Игоревна, Санкт-Петербургский государственный университет, младший научный сотрудник, romafkina@yandex.ru

Ростовцев Владимир Николаевич, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения (Минск), доктор медицинских наук, vnrost@rambler.ru

Руднева Татьяна Ивановна, Самарский университет, доктор

педагогических наук, профессор, rudneva.ti@ssau.ru

Рыбьякова Анастасия Владимировна, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, старший преподаватель, a.nastasi.a@mail.ru

Рыжков Никита Олегович, Самарский университет, магистрант психологического факультета, nikitka.ryzhkov.0950@mail.ru

Рыжкова Елена Александровна, Самарский университет, магистрант кафедры социологии политических и региональных процессов, ea.ryzhkova@gmail.com

Рябов Владимир Сергеевич, Самарский университет государственного управления «Международный институт рынка», аналитик, rjabow@gmail.com

Сайгина Елена Владимировна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, кандидат психологических наук, доцент, jara7777@mail.ru

Сайкина Гузель Кабировна, Казанский федеральный университет, доктор философских наук, gusels@rambler.ru

Самыкина Наталья Юрьевна, Самарский университет, кандидат психологических наук, доцент, samykina@inbox.ru

Санько Альбина Михайловна, Самарский университет кандидат педагогических наук, доцент, sanko.am@ssau.ru

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор, zara@fsn.unn.ru

Сатонина Неля Николаевна, Самарский государственный технический университет, кандидат психологических наук, доцент, nn_satonina@rambler.ru

Сербаева Елизавета Алексеевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, elizaveta.serbaeva1903@gmail.com

Сергеева Елена Николаевна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, e.n.sergeeva@gmail.com

Сериков Андрей Евгеньевич, Самарский университет, кандидат философских наук, aeserikov@mail.ru

Сидорина Екатерина Владимировна, Самарский университет, магистрант, sidorina-63@yandex.ru

Сизова Ирина Леонидовна, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор социологических наук, профессор факультета социологии, sizovai@mail.ru

Синяев Николай Никитович, аналитик (Самара), kototoshelotzabora@gmail.com

Славкина Виктория Александровна, Самарский университет, магистрант, slavkina-victoria@mail.ru

Смирнов Юрий Николаевич, Самарский университет, доктор исторических наук, профессор, smirnov195503@yandex.ru

Сойкина Елена Олеговна, Самарский университет, магистрант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, soykina.elena.2399.rock@yandex.ru

Соколова Марианна Евгеньевна, Институт США и Канады РАН (г. Москва), кандидат философских наук, старший научный сотрудник, mariamva@yandex.ru

Солтан Марина Михайловна, Республиканский научно-практический центр медицинских технологий, информатизации, управления и экономики здравоохранения (Минск), кандидат медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории стратегического развития здравоохранения, mvadp@tut.by

Сотников Сергей Александрович, Самарский университет, аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, sotnikov.sa@ssau.ru

Стрекалова Наталья Борисовна, Самарский университет, доктор педагогических наук, доцент, nb.strekalova@gmail.com

Стрельникова Валентина Николаевна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент, strelnikova.vn@ssau.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна, Московский городской педагогический университет, доктор филологических наук, профессор, SouleimanovaOA@mgpu.ru

Сулимова Алина Алексеевна, Санкт-Петербургский государственный университет, исследователь, alina.sulimova@gmail.com

Сундукова Ксения Алексеевна, Самарский университет, кандидат филологических наук, доцент, avissimplex@gmail.com

Сысоева Елена Юрьевна, Самарский университет, кандидат педагогических наук, доцент, sisoeva.eyu@ssau.ru

Ткачева Анна Вячеславовна, Самарский университет, магистрант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, ania.tkac@gmail.com

Толпыгина Ольга Анатольевна, Самарский университет, кандидат политических наук, доцент, olga.antol@gmail.com

Трафимова Галина Анатольевна, Самарский университет, кандидат социологических наук, galina.trafimowa@yandex.ru

Трифонова Виктория Валериевна, Самарский университет, кандидат исторических наук, доцент, vitolda08@yandex.ru

Тронина Ирина Николаевна, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, обучающийся, nikolt599@gmail.com

Трубицын Игорь Олегович, Тольяттинский государственный университет, старший преподаватель, trubitszyn@yandex.ru

Трусова Полина Алексеевна, Нижегородский государственный лингвистический университет Н.А. Добролюбова, магистрант, polina trusova00@mail.ru

Труфанова Елена Олеговна, Институт философии РАН (Москва), доктор философских наук, eltrufanova@gmail.com

Туркова Валентина Николаевна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, старший преподаватель, v_turkova87@mail.ru

Тыканова Елена Валерьевна, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, кандидат социологических наук, заведующий сектором социоурбанистики, старший научный сотрудник, elenatykanova@gmail.ru

Тютелова Лариса Геннадьевна, Самарский университет, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, largenn@mail.ru

Углова Анна Борисовна, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), кандидат психологических наук, anna.uglova@list.ru

Улендеева Евгения Сергеевна, Самарский университет, магистрант психологического факультета, ulendeeva.e@mail.ru

Ушаков Лев Владимирович, IT/digital-компания kt.team (Самара), психолог, ushakovm@gmail.com

Фазульянова Светлана Николаевна, Самарский университет, кандидат социологических наук, доцент, svetafaz@mail.ru

Фаизова Резеда Рафаэлевна, студент Казанского федерального университета, faizova.rezeda@inbox.ru

Фалеев Алексей Николаевич, РГУ нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, кандидат философских

наук, доцент, anfaleev@mail.ru

Фаритов Вячеслав Тависович, Самарский государственный технический университет, доктор философских наук, vfar@mail.ru

Федорова Марина Алексеевна, Самарский университет, кандидат медицинских наук, доцент, fedorovamar2008@yandex.ru

Федченко Анна Дмитриевна, Самарский университет, аспирант, ведущий инженер отдела реализации услуг и маркетинга дирекции социальной сферы Куйбышевской железной дороги – филиала ОАО «РЖД», fedchenko0911@gmail.com

Филатова Марина Николаевна, РГУ нефти и газа (Национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина доктор социологических наук, профессор, filatova.m@gubkin.ru

Филимонова Елена Николаевна, Самарский университет, кандидат исторических наук, доцент, hist@ssau.ru

Филиппова Маргарита Георгиевна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук, box4fox@yandex.ru

Фозилзода Елизавета Николаевна, Самарский университет, аспирант, vip.elizabeth@inbox.ru

Фурсова Валентина Владимировна, Казанский федеральный университет, кандидат социологических наук, vafursova@yandex.ru

Ходов Кирилл Андреевич, Самарский университет, аспирант, kirtux@mail.ru

Хохлова Анисья Михайловна, Санкт-Петербургский государственный университет, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, anisya_khokhlova@mail.ru

Цыганова Яна Михайловна, Самарская областная универсальная научная библиотека, кандидат исторических наук, tym90@mail.ru

Чеверноженко Елена Александровна, Самарский университет, магистрант, elena.chevernozhenko@hilti.com

Чекалов Леонид Леонидович, директор ООО «Транс-Мобил Спедишн» (Самара), кандидат технических наук, ltrans777@mail.ru

Чжао Юньхуэй, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аспирант, Zhaoyunhui2020@gmail.com

Шапатина Ольга Валерьевна, Самарский университет, кандидат психологических наук, chapol@yandex.ru

Шекунова Юлия Олеговна, Самарский университет, аспирант кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, shekunova.yuo@ssau.ru

Шешнёв Александр Сергеевич, Институт всеобщей истории РАН (Москва), Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, кандидат географических наук, доцент, sheshnev@inbox.ru

Шокова Екатерина Викторовна, Самарский университет, доцент, кандидат технических наук, доцент, shokova.ev@ssau.ru

Шпунтова Виктория Владимировна, Самарский университет, кандидат психологических наук, vetch31@list.ru

Штырова Валерия Эдуардовна, Самарский университет, аспирант кафедры немецкой филологии, shtirova2014@gmail.com

Юрьева Алла Васильевна, Санкт-Петербургский Государственный Университет промышленных технологий и дизайна, кандидат философских наук, 4alla@bk.ru

Юрьева Оксана Владимировна, Казанский (Приволжский) федеральный университет, кандидат социологических наук, доцент, oksanavladi@mail.ru

Юшкина Надежда Александровна, Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр» РГГУ (Москва), аналитик, 4454508@gmail.com

Янцен Ирина Дмитриевна, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, старший научный сотрудник, irina_yancen@mail.ru

Ярушкин Николай Николаевич, Самарский государственный социально-педагогический университет, доктор психологических наук, профессор, nyarushkin@mail.ru

Ярычев Насруди Увайсович, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова, доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе, nasrudiny@mail.ru